This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P S/aw 176.25

1051

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

24 Jul — 23 Aug, 1897.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ IV.

ГОДЪ LXI. — ТОМЪ CCCLX. — 1/13 ИЮЛЯ 1897.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ВОСЕМЬДЕСЯТЪ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ IV

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1897

782.13/2
PSlav 176.25
~~Slav 30.2~~
1897, 24 — 25
Sever fund.

2559

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 7-я.

ІЮЛЬ, 1897.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

КНИГА 7-я. — ІЮЛЬ, 1897.

Стр.

I.—ЯРЛЪ ГАКОНЪ.—Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Е. Адама Эленшлегера.—Перев. съ датскаго **Ан. Ганзенъ** 5

II.—МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.—Страница изъ исторіи русскихъ университетовъ за послѣднія 50 лѣтъ.—Окончаніе.—**А. Л—каго**. 58

III.—ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ГР. А. К. ТОЛСТОГО.—1851-1875 гг.—Окончаніе. . . 93

IV.—БАЛОВЕНЬ СЧАСТЬЯ.—Повѣсть.—**К. Головина**. 128

V.—НАШИ СОСѢДИ ЗА ПАМИРАМИ.—**Л. Б—ча**. 161

VI.—ГЛАСЪ НАРОДА.—„Vox populi". Roman von Konrad Telman.—Съ нѣмецкаго. **А. б-г** 194

VII.—ФИНЛЯНДСКІЙ СЕЙМЪ И ЕГО ТРУДЫ.—**П. Д.** 240

VIII.—ИЗЪ АДЫ НЕГРИ.—I-IV.—**А. Колтоновскаго** 263

IX.—НАЧАЛО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.—Жизнь и труды М. Н. Погодина. Н. Барсукова. Книга одиннадцатая.—**Т.** 267

X.—ИЗЪ ЖЮЛЯ ЭКАРА.—I-IV.—**О. Михайловой**. 314

XI.—ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.—Сельско-хозяйственный кризисъ и дворянское землевладѣніе.—**І. З. Слонимскаго** 318

XII.—БАБИДЫ.—Персидская секта.—Очеркъ.—**Георгія Батюшкова**. 334

XIII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Рожденіе Е. П. В. Великой Княжны Татьяны Николаевны.—Новыя льготы заемщикамъ Дворянскаго Банка. —Одна изъ „дворянскихъ программъ". — Еще о „Дворянскомъ Отдѣлѣ".—Дворянство и земство.—Б. Н. Чичеринъ и „охранительная" печать. — Вопросъ о виленскомъ генералъ-губернаторствѣ.—Законопроектъ о надзорѣ за промышленными заведеніями.—Законъ о рабочемъ времени 357

XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Юбилей королевы Викторіи и его политическое значеніе.—Постепенный ростъ демократіи и усиленіе монархическихъ чувствъ въ Англіи въ истекшее шестидесятилѣтіе.—Главные итоги царствованія.—Министерскія перемѣны въ Германіи.—Сѣверо-американская политика. 379

XV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Минскій, При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. Изданіе второе.—**Л. С.**—Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера.—Главныя теченія русской исторической мысли, П. Милюкова.—Очерки русской исторіи и русской литературы, кн. Сергѣя Волконскаго. Второе изданіе.—В. Ѳ. Миллеръ, Очерки русской народной словесности.—**А. П.**—Новыя книги и брошюры 390

XVI.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Charbonnel, Congrès universel des religions en 1900.—II. Les Mystiques dans la littérature présente.—III.—Rostand, La Samaritaine.—**З. В.** 411

XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Двадцатилѣтіе городскихъ училищъ въ Петербургѣ. — Общество взаимопомощи учащихъ и учившихъ. — Памятникъ Мицкевичу въ Варшавѣ. — Пушкинъ и Катковъ. — Письма К. Н. Леонтьева и И. С. Аксакова. — „Московскія Вѣдомости" о пріостановкѣ „Руси".—Еще нѣсколько словъ о передачѣ періодическихъ изданій.—Адвокатура въ не-судебныхъ учрежденіяхъ. — Письмо въ Редакцію (по поводу воспоминаній Н. А. Бѣлоголоваго о А. В. Поджіо). 426

XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—А. Ѳ. Кони. Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Спб., 1897.—Н. Водовозовъ. Экономическіе этюды. Съ портретомъ автора. Изданіе М. Н. Водовозовой. Москва, 1897.—К. Ѳ. Одарченко. Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. Москва, 1897.—Суевѣріе и уголовное право. А. Левенстима. (Юридическая библіотека, № 15). Изд. Я. Канторовича. Спб. 1897.—Правители и мыслители. Біографическіе очерки Ѳ. Литвиновой. Съ 16 портретами. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1897.

XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и третью четверть года въ 1897 г.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки).

ЯРЛЪ ГАКОНЪ

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Е. Адама Эленшлегера.

(1806 г.)

Датскій поэтъ Адамъ Эленшлегеръ, замѣчательнѣйшій изъ поэтовъ сѣвера, весьма мало извѣстенъ въ Россіи. Мы избрали для перевода трагедію этого датскаго классика „Ярлъ Гаконъ", какъ одно изъ самыхъ выдающихся и характерныхъ произведеній его, отличающееся, помимо художественныхъ достоинствъ, чисто сѣвернымъ колоритомъ.

Адамъ Эленшлегеръ родился 14-го ноября 1779 г. въ Копенгагенѣ; первоначальнымъ образованіемъ былъ обязанъ больше всего своей страстной любви къ чтенію, а курсъ учебныхъ заведеній, куда его помѣщали, проходилъ не особенно прилежно, и закончилъ его 16-ти лѣтъ, съ небольшимъ запасомъ научныхъ познаній. Поэтическое дарованіе Эленшлегеръ началъ обнаруживать еще девятилѣтнимъ мальчикомъ; писалъ стихи — по большей части сатирическіе — еще въ реальномъ училищѣ, а по окончаніи курса, вмѣсто того, чтобы серьезно готовиться къ поступленію въ университетъ, увлекся театромъ и писаніемъ драматическихъ произведеній. Онъ даже поступилъ на сцену, но скоро понялъ, что никогда не сдѣлается первокласснымъ актеромъ, и оставилъ сцену, чтобы снова отдаться научнымъ занятіямъ. Къ тому его склонили два новыхъ его пріятеля, извѣстные впослѣдствіи братья Эрстедъ. Въ 1800 г., Эленшлегеръ поступилъ въ университетъ на юридическій факультетъ, но научныя занятія не могли на[illegible]го захватить страстнаго, мечтательнаго и увлекающагося юношу; и [illegible]ъ постоянно отвлекался въ сторону, чему содѣйствовали различныя [illegible]шнія событія и обстоятельства его жизни. Помолвка съ свояченицей [illegible]ѣстнаго тогда литературнаго дѣятеля Рабека ввела Эленшлегера въ [illegible]гъ самыхъ выдающихся умственныхъ и литературныхъ силъ Даніи; [illegible]ценіе съ ними, конечно, имѣло сильное и благотворное вліяніе на [illegible] духовное развитіе. Увлеченіе университетскою конкурсною тэмою: [illegible]олезно ли было бы для изящной литературы сѣвера введеніе въ

нее сѣверной миѳологіи, вмѣсто греческой"?—опредѣлило давнишнее безсознательное влеченіе Эленшлегера къ древней народной поэзіи сѣвера, а разработка данной тэмы помогла ему разобраться въ самомъ себѣ, въ своихъ чувствахъ, творческихъ стремленіяхъ и взглядахъ на поэзію вообще.

Знакомство съ твореніями Гёте еще болѣе усилило влеченіе молодого человѣка къ поэзіи; но вспыхнувшая въ 1801 г. національная война Даніи съ Англіей окончательно выбила его изъ колеи юриста. Онъ бросилъ университетъ и поступилъ въ отрядъ волонтеровъ-студентовъ. Муза его также прониклась воинственнымъ духомъ, и плодами ея явились нѣсколько патріотическихъ и военныхъ пѣсенъ и драматическій этюдъ „Второе апрѣля 1801 г." (день битвы на копенгагенскомъ рейдѣ).

Война способствовала тогда общему подъему народнаго духа, какъ бы пробудила всю страну, напомнивъ ей ея былое историческое значеніе. Отсюда явилось всеобщее увлеченіе древней исторіей сѣвера, преданіями, сагами и миѳологіей. Эленшлегеръ прилежно занялся изученіемъ древне-исландскаго языка, и въ пѣсняхъ его зазвучали новые звуки, говорившіе о зародившемся въ его душѣ новомъ творчествѣ.

Эленшлегеръ началъ стихотвореніемъ „Золотые рога", которое сразу обратило на него вниманіе. Вышедшій затѣмъ въ концѣ 1802 г. небольшой сборникъ новыхъ стихотвореній Эленшлегера составилъ своего рода явленіе въ датской литературѣ, и до сихъ поръ остается образцомъ сѣверной поэзіи нынѣшняго вѣка. Сборникъ этотъ содержалъ 34 оригинальныхъ стихотворенія и 5 переводныхъ. Кромѣ того, въ сборникъ вошла еще „Шутка въ ночь на Ивана Купалу" — рядъ смѣло набросанныхъ пестрыхъ сценъ изъ народной жизни. Отличительными чертами всѣхъ этихъ произведеній были—жизнерадостность, свѣжесть и юношеская сила настроенія, истинно-поэтическое вдохновеніе и гибкій, образный, чарующе-музыкальный языкъ.

Продолжая свою творческую дѣятельность, Эленшлегеръ не заблудился, подобно современнымъ ему нѣмецкимъ романтикамъ, въ таинственномъ полумракѣ „волшебной лунной ночи" („mondbeglänzte Zaubernacht"), полномъ болѣзненныхъ видѣній и призраковъ, но нашелъ болѣе здоровые, свѣтлые пути, углубляясь въ древность сѣвернаго міра, населенную могучими образами.

Изъ-за границы, куда ему позволила поѣхать съ образовательною цѣлью государственная стипендія, молодой поэтъ прислалъ въ теченіе пяти лѣтъ на родину цѣлый рядъ классическихъ произведеній, а именно, трагедіи: „Ярлъ Гаконъ", „Бальдуръ Добрый" (1806 г.), „Пальнатокъ"; историческую драму „Аксель и Вальборга" (1808 г.). драму „Корреджіо" (1809 г.). Всѣ эти произведенія тогда же ставились на сценѣ королевскаго театра и доставили поэту такую извѣстность, что по возвращеніи на родину онъ былъ встрѣченъ какъ настоящій тріумфаторъ. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ назначенъ профессоромъ на каѳедру эстетики при копенгагенскомъ университетѣ.

Здѣсь заканчивается первый, наиболѣе блестящій періодъ творческой дѣятельности Эленшлегера. Далѣе, въ ряду отличныхъ произведеній стали попадаться и слабыя. Изъ первыхъ надо отмѣтить эпопею „Гельге"; трагедію „Гагбортъ и Сигне", „Сагу о Роарѣ", на-

писанную опять за границею; прелестную идиллію „Пастушокъ“ (1819 г.); грандіозную эпопею „Боги Сѣвера“; трагедіи: „Эрикъ и Авель“ (1820 г.), „Варяги въ Царьградѣ“ (1827 г.); поэму „Ральфъ Краке“, и трагедіи: „Карлъ Великій“ и „Лонгобарды“ (1829 г.).

Лѣтомъ 1829 г., Эленшлегеръ посѣтилъ Швецію, и 23-го іюня въ лундскомъ соборѣ совершилось рѣдкое торжество: первый поэтъ Швеціи, Тегнеръ, вѣнчалъ своего датскаго собрата лаврами, и провозгласилъ его „наслѣдникомъ (послѣ Гёте) трона въ царствѣ поэзіи“.

Изъ позднѣйшихъ произведеній Эленшлегера выдаются трагедіи: „Торденскьольдъ“, „Королева Маргарита“, „Сократъ“, „Олафъ Святой“ и „Канутъ Великій“; „Сага объ Эрварѣдѣ“, драма „Дина“, драматическій этюдъ „Найденная и утраченная страна“, трагедіи: „Амлетъ“ и „Кьяртонъ и Гудруна“, наконецъ, поэма „Рагнаръ Лодбракъ“—лебединая пѣснь поэта.

Эленшлегеръ умеръ 20-го января 1850 г.; вся страна оплакивала своего величайшаго національнаго поэта, который имѣлъ громадное значеніе для духовной жизни всего сѣвера, воскресивъ въ современной поэзіи поэтическія сокровища Эдды во всей ихъ мощи и красотѣ, и вызвавъ къ жизни цѣлую плеяду поэтовъ современнаго ему и послѣдующихъ поколѣній.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ОЛАФЪ ТРЮГВЕСЕНЪ—король Ирландіи.

ГАКОНЪ—ярлъ Ладэ, прозванный Богатымъ; властитель Норвегіи.

ЭРЛИНГЪ—сынъ его.

ТОРЕРЪ КЛАКЕ—купецъ.

КАРЛСХОВЕДЪ, ЮСТЕЙНЪ } родственники Олафа.

ЭЙНАРЪ ТАМБЕСКЬЕЛЬВЕРЪ—молодой стрѣлокъ.

БЕРГТОРЪ—кузнецъ.

ГУДРУНА, АСТРИДА } его дочери.

ОРМЪ, ТОРВАЛЬДЪ } ихъ женихи.

ТОРА—возлюбленная ярла Гакона.

ТАНГБРАНДЪ—духовникъ Олафа.

АУДЕНЪ—одноглазый старецъ.

ГРИБЪ—рабъ Торера Клаке.

КАРКЕРЪ, СТЕЙНЪ, ЛЕЙФЪ } рабы ярла Гакона.

ИНГЕ—служанка Торы.

ВѢСТНИКЪ.

Монахи, воины, крестьяне и рабы.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛАДЭ, владѣніе Гакона Норвежскаго.

Площадка передъ замкомъ ярла Гакона, обсаженная деревьями; часть строенія обращена на площадку окнами; окна раскрыты, и изъ главнаго покоя доносятся веселый шумъ и клики пирующихъ. Подъ однимъ изъ деревьевъ сидятъ Каркеръ и Гривъ, рабы ярла Гакона и Торера; передъ ними чашка съ яствами и кубокъ съ пивомъ.

Каркеръ (рабъ ярла Гакона).

Шумятъ-то какъ! Гульба во всю! Веселье!
Вонъ твой хозяинъ рѣчь опять ведетъ,
Все про свою заморскую поѣздку!

Грибъ (рабъ купца Торера Клаке).

Еще бы! Стоитъ рѣчь о ней вести:
Послушать любо, какъ хитро и ловко
Онъ тамъ и сямъ торговлю велъ и мѣну,
Какъ много золота и серебра
Съ собой привезъ! Да, умница хозяинъ!
Ему бы при Гаральдѣ жить покойномъ!

Каркеръ.

А почему жъ при немъ?

Грибъ.

Гаральдъ, по слухамъ,
Любилъ торговлю, жаловалъ купцовъ,
И все о благѣ родины старался;
А это благо требовало, знать,
Чтобъ сбросилъ онъ и золото и пурпуръ,
Набросивъ на себя овчину!

Каркеръ.

Значитъ,
Онъ потому и прозванъ „Сѣрошкурымъ“? [1])

Грибъ.

Да, къ славѣ нашей! Былъ онъ торгашомъ
И состоялъ при немъ весь флотъ изъ барокъ!
А правилъ онъ не скипетромъ—аршиномъ!
Такой герой, что чудо!

---

[1]) Гаральдъ Сѣрошкурый, король Норвежскій

КАРКЕРЪ.

Берегись!
Хвали да мѣру знай! Нашъ ярлъ не любитъ,
Когда при немъ другихъ ужъ очень хвалятъ!

ГРИБЪ.

Спасибо, умный другъ мой, за совѣтъ!

КАРКЕРЪ.

Не стòитъ, другъ! А вотъ что̀: разскажи-ка
Мнѣ что-нибудь! Скучненько здѣсь проводимъ
Мы наше время. Что̀ здѣсь слышимъ, видимъ?!

ГРИБЪ.

О, еслибъ смѣлъ я къ нимъ въ покой войти,
Среди людей свободныхъ сѣсть, какъ равный,
И рогъ златой, нескованной рукою,
Брать въ свой чередъ!

КАРКЕРЪ.

Неслыханная дерзость—
Желать подобнаго! Опомнись, что̀ ты!
Смирись! Вѣдь мы рабами родились!

ГРИБЪ.

Ты этой мыслью душу усыпляешь?

КАРКЕРЪ.

А что жъ? Судьба велѣла—такъ и будетъ!

ГРИБЪ.

Да, да!

КАРКЕРЪ.

А намъ-то развѣ не везетъ!
Меня Гаконъ вѣдь жалуетъ, тебя же—
Хозяинъ твой! Ну, мнѣ живется лучше:
Хозяинъ твой—купецъ, а мой-то—ярлъ,
И выше всѣхъ! Подъ нимъ шестнадцать ярловъ!
Почти король онъ здѣсь. Такъ мнѣ ли плохо?
Я прежде въ полѣ долженъ былъ работать,
Возить навозъ, пахать и спать въ хлѣву;
Теперь разряженъ я, пью, ѣмъ отлично,
Работы мало, уголъ данъ мнѣ теплый,
И бьютъ меня лишь изрѣдка.

ГРИБЪ.

И впрямь,
Для рабской доли ты рожденъ, какъ вижу.

КАРКЕРЪ.

И ярлъ недавно то же мнѣ сказалъ.
Раба, какъ я, искалъ онъ, видно, долго.
Крутенекъ нравъ-то у него! Рабъ долженъ—
Онъ говоритъ—послушенъ быть и вѣренъ,
Отнюдь не гордъ, зато силенъ и храбръ,
Чтобъ постоять за господина! Такъ-то!

ГРИБЪ.

Всѣ добродѣтели собаки, словомъ!

КАРКЕРЪ.

Меня Гаконъ вѣдь сразу оцѣнилъ,
Лишь увидалъ мой низкій лобъ и плоскій,
Широкій носъ, мозолистые пальцы,
И всю фигуру плотную мою.
Во мнѣ нашелъ онъ, что̀ искалъ, какъ видно,
И съ той поры со мной не разстается.
Скажу еще, что мало кто здѣсь знаетъ
Дѣла и мысли ярла такъ, какъ я!

ГРИБЪ.

Тсъ... Объ Олафѣ снова рѣчь! Послушай!

КАРКЕРЪ.

Да кто такой Олафъ—скажи!

ГРИБЪ.

Герой!
Онъ изъ рабовъ сталъ зятемъ королевскимъ
И королемъ!

КАРКЕРЪ.

Природный рабъ?

ГРИБЪ—*вздыхая.*

О, нѣтъ!
Онъ королевской крови!

КАРКЕРЪ.

Ну, вотъ, видишь!
Тогда попасть не штука въ короли!

ГРИБЪ.

Какъ *онъ* попалъ—нелегкая задача.
Его еще подъ сердцемъ мать носила,
А ужъ судьба ему была врагомъ.

КАРКЕРЪ.

Они встаютъ... Идутъ сюда... Вставай же!
Вонъ ярлъ съ дружиной!—*Ярлъ Гаконъ въ сопровожденіи воиновъ проходитъ черезъ сцену.*

ГРИБЪ.

Что̀ за мощный витязь!
Какъ дубъ столѣтній высится Гаконъ,
Средь этой мелкой поросли одинъ!

КАРКЕРЪ.

Теперь гулять пошелъ онъ по привычкѣ,
А мнѣ пора столы убрать, да надо
И за рабами будетъ присмотрѣть...
А ты? Со мной пойдешь?

ГРИБЪ.

Нѣтъ, здѣсь останусь,
Въ покоѣ дивномъ, что равно построенъ
И для раба, и для героя!—*Скрывается между деревьями.*

КАРКЕРЪ.

Что-жъ!
Иди себѣ, ступай, глотай тамъ воздухъ,
А я съ тарелокъ подберу остатки,
И кто изъ насъ умнѣй—пусть Торъ [1]) рѣшитъ!—*Уходитъ.*

СВЯЩЕННАЯ РОЩА.

Двѣнадцать огромныхъ изваяній боговъ; въ серединѣ статуя Одина [2]). Заходящее солнце бросаетъ на нихъ прощальные лучи. Входятъ ГУДРУНА и АСТРИДА, дочери кузнеца Бергтора; у первой въ рукахъ вѣнокъ.

АСТРИДА.

Куда ведешь меня, Гудруна? Страшно!
Никто сюда въ святилище боговъ
Вступать не долженъ, кромѣ посвященныхъ!

ГУДРУНА.

О, тотъ, кто любитъ вѣрно, горячо,
Тотъ посвященъ. А мы вѣдь обѣ любимъ!

---

[1]) Торъ—богъ грома и силы, сынъ Одина и Фригги, богини земли и плодородія.

[2]) Одинъ—отецъ и властелинъ боговъ; по преимуществу богъ войны; древніе сѣверяне представляли его себѣ въ образѣ одноглазаго старца.

АСТРИДА.

Какъ сердце бьется! Ахъ, взгляни, сестрица!
Боговъ могучихъ лики такъ сурово
Глядятъ на насъ! Не надо ихъ гнѣвить!
Уйдемъ!

ГУДРУНА.

Не всѣ они глядятъ сурово!
Вотъ Фригга-мать съ улыбкой доброй смотритъ,
А тамъ вонъ Фрейя свѣтлая стоитъ,
Любви богиня! Ласково, любовно
Она на юныхъ, робкихъ дѣвъ взираетъ!

АСТРИДА.

Она твоей дивится красотѣ!
И ей, какъ всей норвежской молодежи,
Извѣстно, кто ты,—„Солнце рощи“!

ГУДРУНА.

Полно,
Сестрица!.. Вотъ что̀! ты иди домой,
Чтобъ поскорѣе ужинъ приготовить.
Отецъ сегодня цѣлый день куетъ
Корону ярлу. Подъ-вечеръ устанетъ,
И подкрѣпиться трапезой захочетъ!
Такъ ты иди впередъ, а я вотъ только
Вѣнокъ докончу свой.

АСТРИДА.

Напрасный трудъ!
Ты знаешь, Ормъ твой не придетъ сегодня,
А за ночь твой вѣнокъ совсѣмъ завянетъ!

ГУДРУНА.

Ступай впередъ! Оставь меня одну!

АСТРИДА.

Уединенье—другъ влюбленныхъ, знаю!
Взгляни, какъ чудно солнышко садится
И къ намъ сюда своимъ пурпурнымъ ликомъ
Украдкой смотритъ! Есть на что̀ смотрѣть:
Оно другимъ любуется тутъ „солнцемъ“!—*Уходитъ.*

ГУДРУНА.

Теперь одна я. О, святые боги!
Простите дѣву, что стопою робкой
Вошла сюда, въ священный вашъ пріютъ!

Моя богиня—Фрейя! О, могу ли
Отважиться на то, зачѣмъ явилась?
Вотъ я сплела тебѣ вѣнокъ изъ желтыхъ
Твоихъ цвѣтовъ; въ лучахъ зари вечерней
Они, какъ эльфы свѣтлые, играли.
Позволь, богиня, дѣвѣ подойти
Къ твоей прекрасной статуѣ и кудри
Твоимъ вѣнкомъ украсить!—*поднимается на пьедесталъ и возлагаетъ вѣнокъ на голову Фрейи. Въ ту же минуту въ рощу входятъ ярлъ Гаконъ и Тореръ Клаке, купецъ. Гудруна въ страхѣ стоитъ, не шевелясь, за статуей.*

ГАКОНЪ.

Здѣсь одни мы.
Сюда никто входить не смѣетъ; только
Жрецы, да я.

ТОРЕРЪ.

Вѣрь, ярлъ,—я тѣмъ горжусь,
Что довѣряешь мнѣ!

ГАКОНЪ.

Мой храбрый Тореръ!
Итакъ, ты думалъ—новы для меня
Твои разсказы были,—что впервые
Я объ Олафѣ услыхалъ?

ТОРЕРЪ.

Судилъ я
По твоему лицу!

ГАКОНЪ.

Лицу не вѣрь!
Принадлежитъ оно вѣдь мнѣ, такъ мнѣ же
Послушнымъ быть должно. Мнѣ нужно было
Имъ удивленье выразить тогда,
Оно его и выразило; здѣсь же,
Наединѣ, скажу тебѣ, что слышалъ
Давно я объ Олафѣ.

ТОРЕРЪ.

Мудрено ли,
Что о героѣ вѣсть дошла къ тебѣ.
Но мнѣ сдается—ты всѣ эти вѣсти
Ужь слишкомъ близко къ сердцу принимаешь,
Владыка мой!

ГАКОНЪ.

Дай руку мнѣ, мой Тореръ!
Ты вѣренъ мнѣ, не правда-ль?

ТОРЕРЪ.

Знаешь самъ!
Тебѣ я всѣмъ обязанъ. Отъ тебя я
И корабли въ подарокъ получилъ.

ГАКОНЪ.

Ты изъ моихъ людей, мой добрый Тореръ!
И ты мнѣ нуженъ. Хитрости въ тебѣ
На выполненье дѣла хватитъ. Если-жъ
Гдѣ невзначай опасность встрѣтишь, знаю—
Пустить съумѣешь въ ходъ и острый мечъ!

ТОРЕРЪ.

Владыка мой! Не даромъ грозный Одинъ
Далъ людямъ силы разныя; не смѣемъ
Мы ни одной пренебрегать, должны мы
Въ себѣ цѣнить и развивать ихъ всѣ.

ГАКОНЪ.

Должны мы сами чувствовать и вѣдать,
На что мы созданы, что насъ влечетъ.
Влеченье-жъ то—природное, и силы
Природныя должно въ насъ развивать
И къ цѣли вѣрно направлять. Другихъ же
Причинъ поступкамъ намъ искать не нужно.

ТОРЕРЪ.

Ты мудро судишь, ярлъ!

ГАКОНЪ.

И я, мой другъ,
Я съ дѣтскихъ лѣтъ всегда стремился къ власти!
Страны родной владыкой мощнымъ стать
Всегда мечтой моей завѣтной было!

ТОРЕРЪ.

Твоя мечта была тебя достойна!
Осуществилъ ее ты!

ГАКОНЪ.

Да, почти,
Но несовсѣмъ; мнѣ имя—ярлъ Гаконъ,

И ярломъ я родился. Мнѣ бороться
За это званье не было нужды.

ТОРЕРЪ.

Тебѣ лишь стоитъ высказать желанье,
И ты—король!

ГАКОНЪ.

Народъ норвежскій гордъ,
И самъ, надѣюсь, чувствуетъ, что лучше,
Достойнѣй быть подвластнымъ королю,
Чѣмъ просто ярлу. Гордое желанье
На первомъ тингѣ [1]) высказать хочу я.
Давно куетъ искусный нашъ кузнецъ
И старый воинъ Бергторъ мнѣ корону.
Готова будетъ—тингъ я созову.

ТОРЕРЪ.

И что̀ ни выйди тамъ—король ты все же!

ГАКОНЪ.

Ты какъ купецъ о дѣлѣ судишь, Тореръ!
Въ высокомъ санѣ выгоды лишь цѣнишь,
А я борюсь и за наружный блескъ.
Короны тяжесть мнѣ сулитъ блаженство,
Какого дѣвъ объятья не сулятъ!
Почти достигъ я цѣли, но—„блѣднѣетъ
И догораетъ день, роса цвѣты
Къ землѣ ужъ клонитъ“—какъ поется въ пѣснѣ,
Мои сѣдѣть ужъ начинаютъ кудри!
Дай руку мнѣ!—*Тореръ подаетъ руку, и Гаконъ, сжимая ее, говоритъ.*
Да, прежде такъ сжималъ я,
Что кровь, какъ сокъ изъ спѣлаго плода,
Изъ-подъ ногтей, бывало, брызнетъ сразу!
Скажи мнѣ правду: крѣпко сжалъ теперь?

ТОРЕРЪ.

Некстати мужу охать отъ пожатья,
Хотя-бъ оно и крѣпко было!

---

[1]) *Тингъ*—народное собраніе, вѣче древнихъ сѣверянъ для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ, для постановленія или объявленія законовъ и для суда и расправы. Происходили эти собранія обыкновенно подъ открытымъ небомъ, возлѣ могильныхъ кургановъ, причемъ конунгъ или предводитель становился на могильный камень, выше всѣхъ, а народъ располагался по скатамъ и у подножія кургана.

ГАКОНЪ.

Нѣтъ!
Мое не крѣпко было, другъ. Напрасно
Меня увѣрить хочешь! Видишь ты
На лбу вотъ эти борозды?

ТОРЕРЪ.

Морщины
Лишь къ украшенью мужа служатъ, ярлъ!

ГАКОНЪ.

Но дѣвы наши ихъ не любятъ! Словомъ—
Старѣю я и самъ то вижу, другъ.
И вотъ хочу какъ должно насладиться
Своей зарей вечерней; я хочу
Зайти, какъ солнце, въ блескѣ лучезарномъ!
И горе, горе облаку, что̀ дерзко
Мой омрачить задумаетъ закатъ!

ТОРЕРЪ.

Да будетъ такъ! Но гдѣ жъ оно, властитель?

ГАКОНЪ.

Гдѣ быть не слѣдъ! На западѣ, мой Тореръ!

ТОРЕРЪ.

Ты говоришь о королѣ ирландскомъ?

ГАКОНЪ.

Кудряваго Гаральда [1]) онъ потомокъ,
А нашъ народъ, ты знаешь, храбръ и честенъ,
Но предразсудковъ старыхъ полонъ. Сто̀итъ
Ему узнать, что есть Олафъ на свѣтѣ,
И объ закладъ я бьюсь—забудетъ онъ
Мои дѣла, и мощь, и славу—ради
Происхожденія Олафа!

ТОРЕРЪ.

Полно!
Тебѣ такъ только кажется!

ГАКОНЪ.

Нѣтъ, Тореръ,
Народъ свой знаю я! Но допустить
Возможно ли, чтобъ сѣлъ на тронъ измѣнникъ,
Мечтатель дикій?

---

[1]) Гаральдъ Кудрявый—король норвежскій.

ТОРЕРЪ.

Какъ? Измѣнникъ?

ГАКОНЪ.

Слушай!
Стоялъ однажды я съ людьми своими
У вала Даневирке,—помогать
Пришли мы сыну Горма [1]). А Олафъ
На сторонѣ враговъ былъ, крѣпость сжегъ,
Оплотъ, твердыню сѣвера, желая
Христіанину Отто [2]) услужить!
И не измѣнникъ онъ? Вдвойнѣ измѣнникъ!
Богамъ роднымъ онъ также измѣнилъ!

ТОРЕРЪ.

Не измѣнилъ. Олафъ не чтилъ ихъ вовсе!

ГАКОНЪ.

Не чтилъ! Тѣмъ хуже,—значитъ, онъ безбожникъ!
И онъ на тронъ Норвегіи взойдетъ?!

ТОРЕРЪ.

Кто жъ это мыслитъ?

ГАКОНЪ.

Кто? Да я, мой Тореръ,
И онъ, быть можетъ. Еслибъ не Олафъ,
Владыкъ норвежскихъ родъ давно бъ пресѣкся.
Мой родъ не хуже, такъ же старъ и славенъ
И былъ къ коронѣ изстари ближайшимъ.
Теперь къ ней путь мнѣ преградилъ безумецъ,
Пренебрегающій отцовской вѣрой,
Мечтатель дерзкій, бывшій рабъ, рожденный
Въ лѣсу, въ изгнаньѣ гдѣ-то, безъ отца!
Не трудно такъ стать сыномъ королевскимъ!
Нѣтъ, мнѣ, клянуся, онъ не помѣшаетъ!
Не дамъ боговъ безсмертныхъ оскорблять!
Великій Одинъ, мощный Торъ и Фрейя!..

Идетъ въ глубину сцены къ статуѣ Фрейи и замѣчаетъ Гудруну.

Что это значитъ?

ГУДРУНА.

Ахъ! прости меня!
Я отъ стыда, отъ страха умираю...

---

[1]) Гормъ—древній объединитель и первый король Даніи.

[2]) Императоръ германскій Оттонъ II.

Никто сюда, въ святилище боговъ,
Входить не долженъ, знаю я! Прости же!

ГАКОНЪ—*удивленно.*

Да, какъ же ты сюда попала, дѣва?
Ужъ не пришла ль подслушивать меня?
Я угадалъ?

ГУДРУНА.

Клянуся Фрейей, нѣтъ!
Клянусь моей невинностью, ни слова
Я не слыхала! Я давно хотѣла
Отсюда спрыгнуть внизъ, но страшно было...

ГАКОНЪ.

Зачѣмъ пришла сюда?

ГУДРУНА.

Властитель мой!
Придется мнѣ во всемъ тебѣ признаться!
Отецъ мой—старый Бергторъ, твой кузнецъ;
И я—невѣста; мой женихъ—Ормъ Лургій;
Пришла же я сюда къ богинѣ Фрейѣ
Вѣнкомъ ее украсить!..

ГАКОНЪ.

Въ добрый часъ!
Клянусь, прекраснѣй встрѣчи быть не можетъ!
Такъ вотъ та дѣва, что слыветъ всѣхъ краше
И прозвана влюбленной молодежью
Здѣсь „Солнцемъ рощи“?

ГУДРУНА.

Смилуйся, молю!
Дай мнѣ уйти! Я свято обѣщаю:
Моя нога сюда не ступитъ больше.

ГАКОНЪ—*Тореру.*

Она прекрасна!—Дай же мнѣ помочь
Тебѣ, малютка!—*Подхватываетъ ее и несетъ на авансцену.*
Перышко! И все же
Лилеи пышной почка налитая!
Скажи, тебѣ по нраву ли, красотка,
Быть на рукахъ Гакона, какъ на тронѣ?

ГУДРУНА.

Пусти меня, молю! Боговъ святыни
Не оскорбляй, властитель мой!

ГАКОНЪ — *опускаетъ ее на землю, смущенно косясь въ сторону боговъ.*

Красотка!
Какъ могутъ сладкія уста твои
Такъ лепетать по-дѣтски неразумно?...
И что̀ за руки! Бѣлы, нѣжны, мягки!— *Цѣлуетъ ея руки.*

ГУДРУНА.

О, заклинаю всѣмъ святымъ, пусти!

ГАКОНЪ—*обвиваетъ ея станъ рукою.*

Хитёръ же старый Бергторъ! Мастеръ прятать!
Я посмотрѣть хотѣлъ не разъ тебя,
Да какъ зайду—одинъ отвѣтъ все слышу:
„Въ гостяхъ у тетки“!

ГУДРУНА.

Что̀ смотрѣть во мнѣ,
Крестьянина простого нареченной!
И онъ ревнивъ! Что̀, еслибъ онъ пришелъ?..
Пусти же!

ГАКОНЪ.

Еслибъ онъ пришелъ! Какъ страшно!
Я бъ пригласилъ себя на вашу свадьбу!..
И даръ невѣстѣ я бы не забылъ.

ГУДРУНА.

Молю, пусти!

ГАКОНЪ.

Нѣтъ, погоди, красотка!
Тебѣ изъ рощи Фрейи не уйти,
Не подаривъ мнѣ поцѣлуя!

ГУДРУНА.

Боги!

ГАКОНЪ.

Какіе боги! Или ты откажешь
Страны владыкѣ, чуть не королю?
Ну, долго ль будетъ мнѣ просить?

ГУДРУНА.

О, горе!

ГАКОНЪ — *силой цѣлуетъ ее; она вырывается и убѣгаетъ.*

Ты убѣгаешь, серна! И настигнуть

Тебя медвѣдю старому не въ мочь!
Но подожди!

ТОРЕРЪ.

Мой ярлъ!

ГАКОНЪ.

Да, вотъ красотка!
Ты видѣлъ косы золотыя въ лентахъ,
Любви и нѣги полные глаза?
И перси дѣвственныя, что грозили
Расторгнуть цѣпь литого серебра?

ТОРЕРЪ.

Властитель мой!

ГАКОНЪ.

Съ ея красой сравниться
Могла ль покойной Бе́ргліотъ краса?
Нѣтъ, нѣтъ! Предъ нею даже Тора меркнетъ!

ТОРЕРЪ.

Свидѣтель Одинъ мнѣ, она прекрасна!
Но не забудь, властитель мой, зачѣмъ
Меня призвалъ ты. Мнѣ довѣрить тайну
Ты обѣщалъ...

ГАКОНЪ.

Да что̀ ты,—ледяной?
Ужель огонь любви погасъ навѣки
Въ твоемъ холодномъ сердцѣ? Тронь мое!
Оно, какъ въ юности, горитъ и бьется!
Да и на что̀, скажи, мнѣ власть была бы,
Когда бъ желаньемъ не было моимъ,
А также правомъ—рвать цвѣты повсюду,
Гдѣ ихъ найду?

ТОРЕРЪ.

Все такъ, но, ярлъ мой,
Мы объ Олафѣ рѣчь вели.

ГАКОНЪ.

Да, правда!
Ее замѣтилъ во̀-время я, къ счастью;
Она клялась невинностью своей,
Что ничего не слышала, и вѣрю

Ея словамъ. Она чиста, невинна!..
А вотъ и Карлсхо̀ведъ съ Іо̀стейномъ идутъ!

Входятъ Карлсхо̀ведъ и Іо̀стейнъ.

ГАКОНЪ—*идя имъ на встрѣчу.*

Привѣтъ друзьямъ! Сюда! Теперь со мною
Три лучшихъ друга. Жаль, что не могу
Всѣмъ тремъ заразъ пожать руки.

КАРЛСХОВЕДЪ.

Гордимся
Твоею дружбой, ярлъ!

ГАКОНЪ.

Съ какою цѣлью
Я васъ просилъ сюда придти—извѣстно
Обоимъ вамъ. Я все повѣдалъ вамъ
И Торера лишь ждалъ. Теперь откро́юсь
Я и ему. (*Тореру*) Вниманье, другъ! Всю жизнь
Боролся я, велъ битвы неустанно,
И много сорныхъ травъ, камней, кустовъ
Пришлось разбить мнѣ, выполоть и вырвать,
Чтобъ дать взрости соснѣ вотъ этой гордой
Такою мощной. Вы—друзья мои,
Такъ съ вами рѣчь вести могу по сердцу.
Недаромъ ярлъ Гаконъ прославился
На цѣлый сѣверъ. Нѐдруги лишь могутъ
Не отдавать мнѣ должнаго. Гаральдъ
Ничтожный, слабый, съ братьями своими
Страну губилъ. И за права свои
Стоять никто изъ братьевъ не былъ въ силахъ.
Они, какъ псы, и грызлись межъ собой,
Пока не пали всѣ. Лишь Сѣрошкурый
Одинъ остался. Признаюсь, обязанъ
Я хитрости побѣдой надъ Гаральдомъ;
Но говорятъ, что дурно поступилъ
Я съ братомъ датскаго владыки. Чѣмъ же?
Пресытясь золотомъ, король-торгашъ
Задумалъ часть страны отнять у брата,
Свой планъ довѣрилъ мнѣ и поплатился
За жадность низкую. Съумѣлъ завлечь
Надеждою на выгоды большія
Я Сѣрошкураго хитро въ ловушку,—
И онъ, какъ Золотой Гаральдъ, короны

Былъ недостоинъ. Вотъ и сгибли оба!
Страною датской править нераздѣльно
Сталъ Синезубый. А когда задумалъ
Отъ насъ онъ дани требовать, то я, —
На что̀ норвежцы сѣтовать не станутъ —
Я далъ отпоръ датчанину! Короче:
Вся жизнь моя, особенно же подвигъ
Послѣдній мой, когда сломилъ въ конецъ
Я власть надменныхъ викинговъ [1]), и Бу̀э,
Понявъ, что нѣтъ спасенья, за̀-бортъ прыгнулъ,
Держа въ обрубкахъ рукъ сундукъ съ казною,—
Все объ умѣ и силѣ говоритъ.
Теперь къ закату дѣло. Наслаждаться
Зарей вечерней мнѣ уже не долго;
Такъ омрачить ее я не позволю!
И лишь одинъ соперникъ у меня —
Король ирландскій. Скажете, пожалуй,
Что онъ далеко, въ Дублинѣ сидитъ?
А что̀, мой хитрый, осторожный Тореръ,
Ты скажешь мнѣ, узнавъ, что *здѣсь* Олафъ?

ТОРЕРЪ.

Онъ здѣсь?

КАРЛСХОВЕДЪ.

Ужель?

ІОСТЕЙНЪ.

Въ Норвегіи?

ГАКОНЪ.

Хотѣлось,
Твои разсказы слушая, смѣяться—
Съ такой ты важной миной говорилъ
О королѣ, твоемъ высокомъ другѣ!
Ты думалъ—ново это для меня!
А я давно слѣжу за нимъ, все знаю!
Я промолчалъ тогда, теперь скажу:
Мнѣ донесли лазутчики недавно,
Что къ Мостеру на дняхъ присталъ Олафъ.
Онъ въ Гардарикъ [2]) плылъ, видишь, къ Вальдемару [3]),

[1]) Викинги—предводители морскихъ удальцовъ, плававшіе по морямъ со своими дружинами, ища добычи и славы.

[2]) Такъ называли норманны Русь.

[3]) Т.-е. къ Владиміру; Олафъ, сынъ Трюгье, согласно сагамъ, былъ воспитанъ при дворѣ великаго князя кіевскаго, Владиміра Святого.

Да по пути ему вдругъ захотѣлось
На родину взглянуть. По крайней мѣрѣ,
Такъ говоритъ онъ самъ.

ТОРЕРЪ.

Онъ здѣсь! Возможно ль?

ГАКОНЪ.

Не знаю—впрочемъ, онъ всегда способенъ
Свернуть съ пути, чтобъ разъ-другой вдохнуть
Мечтательно въ себя здѣсь горный воздухъ,—
Да не хочу и знать; но знать мнѣ надо,
Тутъ не таится ль хитрости какой
Въ его на видъ невинномъ столь желаньѣ!
Согласенъ ты помочь мнѣ, вѣрный Тореръ?
Бывалъ въ гостяхъ ты у него, такъ диво ль,
Что посѣтить Олафа здѣсь захочешь,
Узнавъ, что къ намъ въ Норвегію онъ прибылъ.
Попутный вѣтеръ, Тореръ, обѣщаетъ,
Что будешь тамъ ты завтра же. Такъ вотъ
И сослужи мнѣ службу: отправляйся
И королю напой, что̀ знаешь, въ уши,
Чтобъ онъ другихъ не сталъ и слушать пѣсенъ!

ТОРЕРЪ.

Свое желанье, ярлъ мой, объясни.

ГАКОНЪ.

Желаю знать, чего Олафъ желаетъ!
Его поймать хочу, и въ этомъ мнѣ
Твой гибкій умъ поможетъ и умѣнье
Съ людьми поладить. Знаю, что способенъ
Ты задержать его, пока свой флотъ
Я соберу и на него ударю.
Тогда держися! Сила противъ силы!
По старинѣ! Кто можетъ осудить?!

КАРЛСХОВЕДЪ.

Никто, конечно!

ТОРЕРЪ.

Такъ. Но чѣмъ, повѣдай,
Я задержать его могу, мой ярлъ?

ГАКОНЪ.

Затронь тѣ струны, что̀ ему пріятны.
Тебѣ охотно будетъ онъ внимать,

Когда начнешь ты пѣть о недовольствѣ
Народа властію моей; о томъ,
Что громко ропщутъ всѣ и ждутъ лишь знака,
Да храбреца-вождя. И постарайся
Его сманить на сушу: я старѣю
И въ море трудно стало мнѣ ходить.
А если онъ остаться не захочетъ
И, цѣли вѣрный прежней, отплыветъ,
Не соблазнясь Норвегіи короной,
То пусть себѣ! Не правъ я, значитъ, былъ.
Тогда оставлю я его въ покоѣ
И успокоюсь самъ.

ТОРЕРЪ.

Властитель мой!
Ты мудро судишь. Выполнить задачу
По мѣрѣ силъ своихъ я постараюсь.

ГАКОНЪ.

И вѣрь: твой трудъ за мной не пропадетъ!

ТОРЕРЪ.

Мой ярлъ, я знаю—всѣхъ по-королевски
Ты награждаешь! Твой слуга я вѣрный!

ГАКОНЪ — *жметъ ему руку.*

Мой храбрый Тореръ!

КАРЛСХОВЕДЪ.

Значитъ,—коль Олафъ
Опустошать здѣсь берега явился,
Отпоръ онъ встрѣтитъ; если жъ прибылъ онъ,
Какъ соглядатай—въ сѣти попадется.

ГАКОНЪ.

А вы, друзья мои, родня Олафу,—
Такъ захотите ль съ Тореромъ поѣхать,
Чтобъ подкрѣпить его слова?

ІОСТЕЙНЪ.

Мой ярлъ!
Конечно, близокъ намъ Олафъ по крови,
Но ты властитель нашъ и другъ! Къ тому же
Все наше дѣло будетъ—испытать
Его невинность!..

ТОРЕРЪ.

Правда!

ГАКОНЪ—*протягивая свой мечъ.*

Такъ клянитесь
Надъ этой острой сталью, въ этой рощѣ,
Передъ лицомъ боговъ, что вѣрой-правдой
Готовы мнѣ служить!

ВСѢ ТРОЕ.

Пусть Одинъ, Торъ
И Фрейръ [1]) въ Валгаллѣ [2]) клятвѣ нашей внемлютъ!

Изваяніе Одина рушится.

ІОСТЕЙНЪ.

Ахъ! Что̀ случилось?

КАРЛСХОВЕДЪ.

Одинъ палъ!

ТОРЕРЪ.

Разбился!

ГАКОНЪ—*овладѣваетъ собой и идетъ къ упавшему изваянію.*

Давно тутъ въ камнѣ трещину я видѣлъ.
Сюда, друзья! Глядите! Хоть темно,
Но разглядѣть возможно, что по старой
Онъ раскололся трещинѣ. Давно
Чуть не насквозь она прошла чрезъ камень,
Лишь на одномъ кускѣ держалось все;
А вѣтеръ дунулъ, вотъ онъ и свалился!..
Однако, время кончить намъ. Ступайте!
Поговоримъ за ужиномъ мы съ вами
Передъ отъѣздомъ вашимъ, а теперь
Хочу одинъ остаться!

Тореръ, Іостейнъ и Карлсховедъ уходятъ. Гаконъ долго молча глядитъ на поверженную статую.

Нѣтъ, не въ старомъ,
А въ новомъ мѣстѣ трещина идетъ!
Зачѣмъ упалъ ты, мощный Одинъ? Гнѣвъ ли
Тому причиной? Иль хотѣлъ ты этимъ
Предостеречь меня? Ты въ прахъ поверженъ,
А Фрейя, мать любви, въ цвѣтахъ стоитъ
Съ улыбкой ясной. Что̀ же значитъ это?

---

[1]) Фрейръ—богъ плодородія.

[2]) Валгалла—небесная обитель, куда, по вѣрованію древнихъ сѣверянъ, попадали воины, павшіе геройской смертью въ бою отъ руки врага, или павшіе на свой мечъ.

Иль то, что сила сѣвера падетъ
Передъ любовью нѣжной юга? Одинъ,
Не покидай насъ! Дай мнѣ сокрушить
Врага боговъ, что̀ надъ тобой глумится! — *Преклоняетъ колѣни.*
Внемли! Всѣхъ плѣнныхъ въ жертву обѣщаю
Я принести и девяносто-девять
Быковъ заклать, лишь даруй мнѣ побѣду,
Мое чело короной увѣнчай!
И будутъ въ честь твою дымиться чаши
Со свѣжей кровью, и алтарь твой кровью
Я окроплю!—Въ Олафа мечъ вонзить
Хочу, владыко, самъ!—И статую
Тебѣ я вновь изъ мрамора воздвигну!
И вѣчности оно не убоится!—*Встаетъ.*
Своимъ покровомъ ночь одѣла землю;
Стемнѣло.—*Стоитъ нѣсколько минутъ какъ бы въ раздумьѣ.*
Къ Бергтору пойду теперь,
Взглянуть хочу я на свою корону!—*Уходитъ.*

КУЗНИЦА.

Входятъ: Бергторъ съ короной и молоткомъ въ рукахъ и Грибъ со свѣтильникомъ.

Бергторъ.

Поставь свѣтильникъ тамъ, да наковальню
Мнѣ принеси. Темно по вечерамъ,
Хоть дни и долги. Надо мнѣ додѣлать
Тутъ кое-что.

Грибъ.

Вотъ руки золотыя!

Бергторъ.

Зачѣмъ же дѣло стало? Коль по нраву—
Хоть каждый день учиться заходи,
Пока здѣсь въ Ладэ твой живетъ хозяинъ.

Грибъ.

Я, кстати, празденъ. Время зачастую
Бываетъ въ тягость мнѣ. Какая радость
Мнѣ коротать его въ кругу рабовъ?
Другіе жъ насъ, бѣднягъ, и не подпустятъ!
Лишь ты такъ добръ. Да наградитъ за это
Тебя самъ Торъ! Раздуть тебѣ мѣхи?

БЕРГТОРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Пилу возьми!

ГРИБЪ.

Вотъ заходила!

БЕРГТОРЪ.

Что̀ заходила! Много смыслишь, парень!
Ты поглядѣлъ бы, какъ мечи ковалъ
При томъ, другомъ Гаконѣ [1]) твой Бергторъ;
Какъ мясо, камни рѣзали они!
Однако, долго я вожусь съ короной!..
И все-жъ готова будетъ слишкомъ рано!

ГРИБЪ.

Совсѣмъ готова, кажется, она?

БЕРГТОРЪ.

Ну, что̀ ты смыслишь! Камни надо вставить!
Входитъ Гудруна.
Кто тамъ? Гудруна! Что̀ такъ запыхалась?

ГУДРУНА.

Меня Гаконъ нашъ встрѣтилъ!

БЕРГТОРЪ.

Встрѣтилъ? Гдѣ же?

ГУДРУНА.

Ахъ, въ рощѣ!

БЕРГТОРЪ.

Развѣ я не говорилъ,
Чтобъ вы не смѣли бѣгать тамъ по рощамъ,
Цвѣты да травы рвать! Благодаренье
Богамъ, что замужъ скоро выйдешь, дочь!
Вздохну полегче—все-жъ стеречь не надо.
Постукиваетъ молоткомъ по коронѣ.
Повѣрь мнѣ, малый, десять предпочту
Коронъ сковать, чѣмъ двухъ беречь дѣвчонокъ!
Металлъ-то больно хрупкій,—вотъ бѣда!

ГУДРУНА.

Отецъ! Боюсь я, онъ идетъ за мною!
Что̀ скажетъ Ормъ!

---

[1]) Гаконъ „Драгоцѣнный Камень"—король норвежскій.

БЕРГТОРЪ.

Идетъ онъ за тобою?
Ну, нѣтъ! Шалишь, мой добрый ярлъ! Эй, дочка!
За мною, въ погребъ!

ГУДРУНА.

Снова попаду
Я подъ замо́къ? Ахъ, мой отецъ!

БЕРГТОРЪ.

Иль лучше
Попасть въ объятья ярла?

ГУДРУНА.

О, о́тецъ!

БЕРГТОРЪ.

Его я знаю! Мужа не осталось
Во всей странѣ, что быть бы могъ спокойнымъ
За дочь, жену, сестру, за мать, за бабку!
И я за васъ спокоенъ лишь тогда,
Какъ подъ замко́мъ вы! Ну, иди скорѣе!
А гдѣ сестра?

ГУДРУНА.

Она готовитъ ужинъ.

БЕРГТОРЪ.

Все это я съумѣю сдѣлать самъ,
А вотъ сберечь отъ ярла васъ, такъ развѣ
Замкамъ желѣзнымъ впору! Ну, ступай же!
А завтра васъ обѣихъ къ женихамъ!
Пусть стерегутъ васъ сами тамъ, какъ знаютъ,
Иль на себя пеняютъ. Живо, дочка!— *Уходитъ.*

ГРИБЪ — *подходитъ къ наковальнѣ и въ нѣмомъ удивленіи разсматриваетъ корону.*

Такъ вотъ корона! Такъ-то ихъ куютъ!
Готова будетъ—ярлъ ее надѣнетъ,
Съ народа клятву вѣрности возьметъ,
И онъ—король! Какъ просто и какъ дивно!—*Беретъ корону.*
Горитъ, какъ жаръ! Тутъ золото одно.
И тяжела. Вотъ свѣсить, сколько фунтовъ?
А что́, мнѣ впору будетъ?—*Надѣваетъ корону.*
Велика!

Немножко сдвинуть дальше на затылокъ.
Вотъ такъ. Однако, думалъ я, что легче
Носить корону. Просто давитъ!—*Расхаживаетъ по сценѣ.*
Вотъ
Теперь король я!—*Беретъ въ руки пилу.*
Это будетъ скипетръ.
Садится на наковальню.
А это тронъ. Теперь сижу на тингѣ...
Входитъ ярлъ Гаконъ и, не замѣченный Грибомъ, слѣдитъ за нимъ изъ глубины сцены.
Я буду добрымъ, милостивымъ къ вамъ,
Мои норвежцы, если вы согласны
Меня вѣнчать Норвегіи короной;
Но если въ томъ, что̀ требую по праву,
Отъ васъ, норвежцы, встрѣчу я отказъ—
То горе, горе вамъ!..—*Замѣчаетъ ярла и нѣмѣетъ отъ страха.*

Гаконъ—*спокойно.*
Такъ, такъ! Отлично!

Грибъ.
Владыка нашъ! Не гнѣвайся! Прости!

Гаконъ.
Дрожишь на тронѣ, мальчикъ? Нѣтъ, не долженъ
Король дрожать, хотя бы всѣ стихіи
Въ хаосъ смѣшались вкругъ него, и адъ
Предъ нимъ разверзся! Долженъ онъ спокойно
На бурю окомъ царственнымъ взирать.
Настанетъ мигъ—метнетъ онъ взоръ орлиный,
И—буря стихнетъ разомъ, заиграетъ
Въ лазурномъ небѣ солнце!

Грибъ.
Правда! Правда!
Теперь я вижу самъ, что не рожденъ
Для столь высокой доли!
Входитъ Бергторъ съ большой связкой ключей; увидѣвъ ярла, прячетъ ее въ карманъ.

Гаконъ.
Здравствуй, Бергторъ!

БЕРГТОРЪ.

Привѣтъ мой ярлу!—*Замѣчаетъ Гриба, который все еще не смѣетъ двинуться съ мѣста.*
Это что такое?

ГАКОНЪ.

Онъ въ короли играетъ!

БЕРГТОРЪ—*въ сторону.*
Въ ходъ пошла
У насъ игра-то эта! (*Грибу*) Ты рехнулся?
Снимай сейчасъ!

ГАКОНЪ.
Какъ жаль, что слышалъ я
Лишь половину рѣчи королевской.
Твой подмастерье?

БЕРГТОРЪ.
Нѣтъ, мой ученикъ
И рабъ купца...

ГАКОНЪ.
И ты рабу довѣрилъ
Мою корону?

БЕРГТОРЪ.
Что-жъ тутъ будешь дѣлать!
Пришлось работу бросить да бѣжать,
Чтобъ подъ замокъ скорѣй упрятать дочекъ.
А этотъ дурень...

ГАКОНЪ.
Дочекъ подъ замокъ?

БЕРГТОРЪ.
Да, да, мой ярлъ! Сейчасъ одну ты видѣлъ,
Теперь боимся—вдругъ захочешь ты
Ее почаще видѣть; значитъ, лучше
Ей подъ замкомъ сидѣть, а завтра утромъ
За женихомъ ея пошлю, да свадьбу
Скорѣй наладимъ! Самъ пускай тогда
Свое добро, какъ хочетъ, охраняетъ!

ГАКОНЪ.
Что за чудакъ ты, Бергторъ? Вправѣ я
За оскорбленье это счесть!

БЕРГТОРЪ.

Э, полно!
Ярлъ знаетъ самъ свое больное мѣсто!
Ну, да объ этомъ лучше помолчимъ.
Примѣритъ ярлъ корону? Отыскалъ я
Тотъ древній обручъ, найденный въ землѣ
Подъ капищемъ. Передавался обручъ
Изъ рода въ родъ. По этой самой мѣркѣ
Мой дѣдъ корону Гальфдану [1]) ковалъ.
Такъ драгоцѣненъ обручъ этотъ ржавый,
Онъ—мѣра древняя коронъ!

Гаконъ надѣваетъ корону, она спадаетъ ему на глаза.

Не ладно!
Въ глазахъ темнѣетъ отъ нея у ярла.

ГАКОНЪ—*гнѣвно.*

Старикъ! Вѣдь далъ я мѣрку! Гдѣ она?

БЕРГТОРЪ.

Торъ знаетъ, гдѣ! Я, признаюся, думалъ,
Что до короны Гальфдана доросъ ты!

ГАКОНЪ.

Да, Бергторъ! Старъ ты, честенъ, прямъ, искусенъ,
И я щажу тебя! Но берегись,
Терпѣнью есть предѣлы! Знай, не мертвымъ
Корона впору быть должна, а мнѣ!
Еще три дня тебѣ даю я сроку,
И берегись, коль и тогда не впору
Она мнѣ будетъ!—*Уходитъ.*

БЕРГТОРЪ—*вслѣдъ ему гордо и взволнованно.*

Вздумалъ мнѣ грозить!
А чѣмъ? Что можетъ грозный ярлъ мнѣ сдѣлать?
Я старъ, и смерть моя ужъ за плечами,
Такъ не ея бояться мнѣ! Скорѣй
Паду на мечъ, а ужъ корону портить
Не стану. Тотъ короной увѣнчаетъ
Свое чело, кто до нея доросъ!

---

[1]) Король норвежскій.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ОСТРОВЪ МОСТЕРЪ.

Скалистая мѣстность, поросшая лѣсомъ На заднемъ планѣ море. Олафъ, Тангбрандъ, его духовникъ, Тореръ Клаке, Карлсховедъ, Іостейнъ и свита Олафа идутъ съ берега.

Олафъ.

Вотъ это дружбой, Тореръ, я зову!
Одинъ землякъ способенъ это сдѣлать:
Плыть ночь, чтобъ друга во-время застать!
И правда, часомъ позже не засталъ бы.
Попутный вѣтеръ насъ умчалъ бы вновь!
Но какъ же свѣдалъ ты о томъ, что здѣсь я?

Тореръ.

Случайно! Кормчій мнѣ сказалъ одинъ.
Гостепріимствомъ, рѣдкой добротою
Ты всѣ сердца, король мой, привлекаешь!
И не забылъ я, какъ ты принялъ насъ,
Когда насъ бурей къ Дублину прибило.
Не поспѣши воспользоваться я
Попутнымъ вѣтромъ, свѣтлой лунной ночью,
Чтобъ здѣсь у насъ тебя привѣтомъ встрѣтить,
Я бъ недостоинъ былъ твоей пріязни.
Попутный вѣтеръ, впрочемъ, измѣнилъ,
И намъ пришлось-таки кружиться въ морѣ,
На что я такъ досадовать не сталъ бы,
Когда бъ не мысль, что тотъ же самый вѣтеръ
Тебя уноситъ, можетъ быть, отъ насъ!

Олафъ.

Но ярлъ Гаконъ, надѣюсь, не въ обидѣ,
Что посѣтилъ я родину свою?
Остался въ морѣ весь мой флотъ; въ заливъ же
Лишь королевскій свой корабль я ввелъ:
Я не хотѣлъ причины къ подозрѣнью
Подать малѣйшей.—Это кто съ тобой?

Тореръ.

Они—твои двоюродные братья!
Вотъ этотъ—Іостейнъ, этотъ же—Карлсховедъ.
Они тебѣ по матери родные
И вотъ съ тобой хотѣли повидаться.

ОЛАФЪ.

Мои родные! О, вдвойнѣ вамъ радъ я!

ІОСТЕЙНЪ.

Привѣтъ тебѣ, нашъ Ола!

ОЛАФЪ.

Ола? Да!
Норвежецъ истый въ выговорѣ слышенъ!
Какая звучность, сила, полнота!
О, сколько чувствъ и думъ во мнѣ проснулось!..
Пришлось мнѣ крошкой родину покинуть...
Такъ вы со мной по матери въ родствѣ?

КАРЛСХОВЕДЪ.

Астрида, мать твоя, намъ тетка, Ола!
Отецъ нашъ, Гальфданъ, братомъ былъ ея.

ІОСТЕЙНЪ.

Да, братомъ.

ОЛАФЪ.

Значитъ, братья мы! Я вижу,
Что вы на мать мою похожи оба.
Ее давно лишился я, но помню.
Кудрями схожъ ты съ нею, Карлсховедъ,
А ты, мой Іостейнъ, ямками ланитъ!

КАРЛСХОВЕДЪ.

Мы рады, если ты находишь сходство...

ОЛАФЪ.

Отъ васъ разсказовъ жду я съ нетерпѣньемъ
О дорогой Норвегіи, друзья!
Я плылъ, какъ можетъ статься, вамъ извѣстно,
На Русь, на помощь сыну Вальдемара.
Скончался нынѣ мой отецъ пріемный,
И въ Гардарикѣ смуты начались.
Такъ сынъ его насъ звалъ къ себѣ на помощь,—
Христіанинъ онъ и мнѣ другъ вдобавокъ.
Я плылъ туда съ дружиной, съ духовенствомъ,
И о странѣ родной не помышлялъ;
Но вотъ вдали завидѣлъ скалы, сосны—
Забилось сердце, самъ себя не вспомнилъ...
Затрепеталъ весь, слезы потекли,
Какъ будто звукамъ пѣсни богатырской,
Давно забытой, но родной, внималъ я!

И парусъ нашъ надулся вдругъ, и вымпелъ
Свое крыло по вѣтру распустилъ,
Какъ бы желая птицей унестися—
Туда, на берегъ! Могъ ли я сдержаться
И равнодушно путь свой продолжать?
Найдется ль сынъ, что̀ могъ бы отвернуться,
Когда предъ нимъ объятья мать раскроетъ?
Чтобъ къ подозрѣньямъ повода не дать,
На этотъ островъ высадку я сдѣлалъ.
Тутъ ни души нѣтъ, кромѣ пастуховъ,
И нѣтъ строеній, кромѣ хижинъ ветхихъ,
Что̀ тамъ и сямъ попрятались въ скалахъ.
Но вотъ, пока я здѣсь, узнать хочу я,
Друзья мои, о родинѣ побольше!
Какъ знать, увижу ль вновь страну родную?
Скажите мнѣ, тверда ль, крѣпка ль она?

ТОРЕРЪ.

Король! Стоитъ она ногою твердой
На берегахъ скалистыхъ; ей въ нихъ данъ
Устой надежный; онъ-то не поддастся!

ОЛАФЪ.

Еще бы! Вѣрно! Одинъ одноглазый,
И тотъ не смогъ заставить ихъ поддаться,
Хоть и пытался!

ТОРЕРЪ.

Правда, мой король!
Страна стоитъ попрежнему надежно;
Какъ прежде, зелень сосенъ и березъ,
Пригрѣтыхъ солнцемъ вешнимъ, взоръ ласкаетъ;
Все такъ же солнце скалы наши грѣетъ,
Хлѣба въ долинахъ нашихъ золотитъ;
Какъ прежде, волны тщетно берегъ роютъ;
Но, мой король! Хотя цвѣтетъ природа,
Хотя на видъ все миръ и благодать,—
Страна страдаетъ внутреннею язвой,
Точащей ядъ день ото дня сильнѣе!

ОЛАФЪ.

Что̀ этимъ хочешь ты сказать, мой другъ?
Бразды правленья держитъ ярлъ вѣдь крѣпко!

ТОРЕРЪ.

Да, было время; минуло оно:
Норвежцы стали думать, что постыдно
Повиноваться ярлу!

ОЛАФЪ.

Пусть вѣнчаютъ
Его короной—будетъ королемъ!

ТОРЕРЪ.

И Гàльфдана потомокъ судитъ такъ?

ОЛАФЪ.

Да что норвежцамъ Гàльфданъ!

ТОРЕРЪ.

Онъ имъ больше,
Чѣмъ полагаешь ты. Привязанъ крѣпко
Къ своимъ исконнымъ королямъ народъ.

ОЛАФЪ.

И восемнадцать лѣтъ онъ служитъ ярлу!

ТОРЕРЪ.

Король мой вѣрно знаетъ, какъ и всѣ мы,
Какимъ путемъ Гаконъ власть захватилъ.
Въ умѣ, въ отвагѣ ярлу кто откажетъ,—
Въ умѣньѣ рѣдкомъ пользоваться всѣмъ?
Когда сыны ничтожные Гунхильды
Стяжать успѣли общее презрѣнье,
То ярлъ съумѣлъ покончить съ ними живо.
Затѣмъ сдружился съ датскимъ королемъ
И незамѣтно, выгоды умѣя
Изо всего и изо всѣхъ извлечь,
Добился полной власти надъ страною.
Народъ, уставъ бороться, жаждалъ мира
И править съ миромъ ярлу предоставилъ.
Потомъ походъ на Іомсборгъ [1]) утвердилъ
И власть за нимъ, и славу межъ народа.

ОЛАФЪ.

И въ блескѣ славы будетъ онъ отверженъ?!

---

[1]) Замокъ-крѣпость въ Виндландіи близъ богатаго торговаго пункта Юлина, воздвигнутый датскими королями и сдѣлавшійся затѣмъ оплотомъ викинговъ, которые, основавъ „союзъ викинговъ“ (нѣчто въ родѣ рыцарскаго ордена), почти сбросили съ себя всякую вассальную зависимость отъ владыкъ Даніи и Норвегіи.

ТОРЕРЪ.

Само собою! Прежде осторожно,
Съ умомъ онъ правилъ, зная, что умомъ
Онъ власть стяжалъ, что въ немъ его вся сила.
Теперь прославленъ всюду ярлъ героемъ,
Гремитъ на цѣлый сѣверъ ярлъ Ладэ,—
Кому жъ тягаться съ нимъ, вступать въ борьбу?
Отъ славы, власти, голову вскружило,
И ярлъ Гаконъ утратилъ прежній умъ,
Забылъ, что трона первая опора—
Любовь народа,—ею пренебрегъ,
Давъ волю всѣмъ страстямъ и всѣмъ желаньямъ.
И справедливость, милость, доброта
Въ немъ уступили мѣсто произволу.
Распоряжаться сталъ онъ, какъ хотѣлъ,
Добромъ народа, жизнью и свободой.
Да мало,—женъ крестьянскихъ, дочерей
Къ себѣ во дворъ онъ бралъ, чтобъ тѣшить прихоть!
Что̀ мнѣ сказать еще? Шли дни за днями,
И волноваться глухо сталъ народъ.
Враговъ побилъ Гаконъ побѣдоносно
И не страшился больше никого,
Врага внутри страны не замѣчая
И язвы, что̀ до сердца добралась.
Теперь живетъ средь вѣчныхъ смутъ и козней.
То тамъ, то тутъ волнуются норвежцы
И короля законнаго лишь ждутъ,
Чтобъ свергнуть иго ярла!

ОЛАФЪ.

Правда ль, Тореръ?

ТОРЕРЪ.

Не вѣришь мнѣ, такъ вотъ родныхъ спроси.

ОЛАФЪ.

Мой Іостейнъ! Ямки съ щекъ твоихъ исчезли!
Улыбки нѣтъ! Не радъ, что цѣпи рабства
Страна родная сбросить замышляетъ?

ІОСТЕЙНЪ—*смущенно.*

Король! Я слишкомъ молодъ, чтобъ судить
О благѣ края истинномъ, какъ должно.
Но то, что̀ онъ сказалъ, пожалуй, правда.

ТОРЕРЪ.

Еще скажу—что вздумалося мнѣ,
Когда узналъ я о твоемъ пріѣздѣ!
Я чаялъ—все ты знаешь, мой король,
И прибылъ съ цѣлью дѣйствовать,—но слышу,
Ты говоришь, что къ намъ попалъ случайно.
Но этотъ случай—свыше указанье!

ОЛАФЪ.

Перевернулъ всю душу ты мнѣ, другъ!

ТОРЕРЪ.

Въ нее зерно посѣялъ я, чтобъ пышнымъ
Взошло цвѣткомъ! Ты чей потомокъ, вспомни!

ОЛАФЪ—*задумчиво.*

Кудряваго Гаральда?

ТОРЕРЪ.

Ты потомокъ
Его прямой, по линіи меча!

ОЛАФЪ.

Рагнгильдѣ какъ-то разъ приснилось древо...
Была въ саду большомъ она, какъ будто,
И вѣтку подняла съ земли. Вдругъ смотритъ:
Большою вѣтвью стала вѣтка та,
Однимъ концомъ ушла глубоко въ землю,
И тамъ пустила корни, а вершина
Все поднималась выше къ небесамъ,
И скоро вовсе изъ вида исчезла.
Могучимъ древомъ стала вѣтвь Рагнгильды;
Внизу былъ красенъ стволъ, какъ кровь, вверху же
Былъ рòвенъ, бѣлъ, съ зелеными вѣтвями.
Онѣ надъ всей Норвегіей простерлись!..
Не такъ ли, другъ?

ТОРЕРЪ.

Преданье такъ гласитъ.

ОЛАФЪ.

И не Кудрявый ли Гаральдъ разъ видѣлъ
Во снѣ, что будто часть его кудрей
Вплоть до земли спускалась, часть спадала
Лишь до колѣнъ, часть по плечамъ ложилась,
А остальныя вкругъ чела вились?

ТОРЕРЪ.

Да, мой король! Тотъ сонъ вѣщалъ Гаральду,
Что много будетъ у него потомковъ,
Которые весь сѣверъ покорятъ!

Олафъ молчитъ, погруженный въ глубокую думу.

ТОРЕРЪ.

Какимъ мечтамъ ты новымъ отдаешься?

ОЛАФЪ.

Не новымъ! Старымъ! Съ юности мнѣ милымъ!
И возмужалъ я съ ними!

ТОРЕРЪ.

И достойны
Онѣ тебя и рода твоего.
Прости за смѣлость,—но зачѣмъ же прежде
Отъ правъ своихъ на тронъ ты отступался?

ОЛАФЪ.

Его рукою было не достать!
Далекъ былъ тронъ и занятъ! И другія
Меня въ то время думы волновали.
Святой покой души дороже троновъ!
Меня на югъ влекло благословенный,
Гдѣ введено ученіе Христа.
Тамъ счастье, други, вѣрно мнѣ служило!
Второй ужъ разъ я скипетромъ владѣю.
Любовь разстаться съ нимъ велѣла мнѣ
Въ землѣ венедовъ [1]), послѣ-жъ мнѣ вручила
Его въ странѣ Зеленаго Эрина [2]).
Но никогда, нигдѣ, гдѣ ни скитался,
И что̀ ни дѣлалъ—родины своей
И правъ на тронъ не забывалъ я.
И часто мысль мнѣ въ душу западала:
„Возьмись за мечъ! Добейся правъ своихъ“!
Но какъ? Я слышалъ, былъ народъ доволенъ
Правленьемъ ярла. Что̀ же могъ я сдѣлать?
Въ страну чужую трудно вѣдь ворваться!
А если быть увѣреннымъ не могъ я,
Что овладѣть удастся мнѣ короной,
То что жъ и дѣло было начинать?
Раздоръ и смерть въ странѣ родной лишь сѣять!

[1]) Древняя Виндландія; нынѣшняя Померанія.
[2]) Въ Ирландіи.

ТОРЕРЪ.

Теперь совсѣмъ не тѣ у насъ дѣла.
Повѣрь мнѣ, стоитъ тронъемцамъ [1]) лишь свѣдать,
Что живъ прямой потомокъ ихъ Гаральда—
И перейдутъ къ тебѣ они толпами,
Когда войдешь ты въ Троньемскій заливъ.
Я увѣрять тебя не стану въ дружбѣ
Твоихъ родныхъ, а также и моей,
Но вотъ увѣрить въ чемъ тебя хотѣлъ бы:
У насъ мужей не мало знатныхъ, сильныхъ,
Тебѣ готовыхъ дружбу доказать.
Вотъ съ этой вѣстью мы къ тебѣ и плыли.
И если хочешь внять друзей совѣту,
То не пускайся въ дальніе края,
Но счастья здѣсь ищи. Судьба не даромъ
Тебя сюда влекла.

ОЛАФЪ—*послѣ минутнаго молчанія.*

Не ожидалъ я
Такихъ вѣстей. Застигнутъ я врасплохъ.
Друзья, прошу на часъ меня оставить!
Вонъ тамъ шатеръ раскинутъ! Отдохните!
Моя дружина вамъ укажетъ путь.

Тореръ, Карлсховедъ и Іостейнъ уходятъ въ сопровожденіи дружины. Остаются лишь Олафъ и Тангбрандъ.

ОЛАФЪ.

А ты, отецъ мой, ты молчалъ все время?

ТАНГБРАНДЪ (духовникъ Олафа).

Король! Въ молчаньѣ томъ таилась радость!
Ты овладѣешь этимъ чуднымъ краемъ!

ОЛАФЪ.

Но въ немъ одни язычники, отецъ!

ТАНГБРАНДЪ.

Тѣмъ больше чести ты себѣ стяжаешь,
Коль ихъ въ Христову вѣру обратишь!

ОЛАФЪ.

О, да! Я внемлю неба указанью,
Хоть и хотѣлъ спѣшить на помощь другу!

---

[1]) Троньемъ—древняя столица Норвегіи.

ТАНГБРАНДЪ.

Ты ничего не обѣщалъ И что̀
Влекло тебя туда? Пустые слухи.
Ты къ подвигамъ привыкъ, скучалъ покоемъ,
И подвига ты жаждалъ, что̀ достоинъ
Христіанина былъ бы. Чуялъ ты
Въ груди своей и силы, и влеченье
Господню вѣру всюду утверждать.

ОЛАФЪ.

И гдѣ, отецъ?! На родинѣ придется!

ТАНГБРАНДЪ.

Къ тому жъ, мой сынъ, норвежскимъ королемъ
Ты помощь другу бо̀льшую окажешь.

ОЛАФЪ.

Сначала должно родинѣ помочь
И просвѣтить ее Христовой вѣрой!
Какая цѣль! Прекрасная, святая!

ТАНГБРАНДЪ.

Да, Гардарикъ предъ родиной—ничто.

ОЛАФЪ.

Но, мой отецъ,—тебѣ готовъ открыть я,
Какъ и всегда, всю душу! Не одною
О дѣлѣ Божьемъ ревностью я движимъ.
Волнуетъ душу радостью мнѣ мысль—
Свои права вернуть! Вѣдь былъ рожденъ я
Носить корону родины своей.
Я не грѣшу, себѣ желая счастья,
Что̀ отъ рожденья быть моимъ должно?

ТАНГБРАНДЪ.

О, нѣтъ, мой сынъ! И это такъ же вѣрно,
Какъ то, что Богъ Отецъ нашъ любитъ насъ.
Цѣнить всѣ блага жизни, наслаждаться
Съ душой невинной ими здѣсь—не грѣхъ,
А созерцанье Божьей благодати!
Блаженъ стократъ, кто въ этихъ благахъ видитъ
Небесныхъ благъ высокихъ отраженье!
Блаженъ и ты, мой сынъ, коль обратить
Въ Христово стадо свой народъ съумѣешь!

Олафъ.

Святой отецъ, оставь меня теперь!
Дай одному побыть!

Тангбрандъ.

Господь съ тобою!
Да укрѣпитъ Христосъ твой слабый духъ!—*Уходитъ.*

Олафъ—*сложивъ руки, падаетъ на колѣни.*

Великой мыслью я совсѣмъ подавленъ!
Такъ ты меня орудіемъ избралъ,
Чтобъ мирно утвердить Твою здѣсь славу?
Отецъ небесный, зри! Я повинуюсь!
Твоя да будетъ воля надо мной!—*Встаетъ вдохновенно.*
Да, да, Отецъ! Я чувствую, что буду
Въ странѣ родной апостоломъ Твоимъ!
Горю желаньемъ, грудь отвагой дышетъ!
Рука сильна, мечомъ владѣть привыкла,
А мечъ мой крестъ на рукояти носитъ.
Я сокрушу имъ дерзостныхъ враговъ,
Враговъ Твоихъ, о, Боже Милосердый!
Затѣмъ, какъ пастырь добрый, буду печься
О стадѣ, мнѣ довѣренномъ Тобой.
На мѣстѣ капищъ, мерзостныхъ, угрюмыхъ,
Гдѣ льется кровь невинныхъ жертвъ рѣкою,
Тебѣ святые храмы я воздвигну,
И въ нихъ не жертвъ стенанье будетъ слышно,
И не жрецовъ свирѣпыхъ вой и крикъ,
Но къ небу гимны стройно понесутся,
И звуки арфъ, и ѳиміамъ кадилъ.
Съ благоговѣньемъ станутъ здѣсь молиться
Тебѣ лишь, Богу истины и свѣта!
Не осквернится трапезой жрецовъ
Твой храмъ, о, Боже! Лишь въ воспоминанье
Твоей послѣдней трапезы, здѣсь будутъ
Вкушать Твой хлѣбъ и пить Твое вино.
Такъ прочь же мракъ, жестокость, заблужденья!
Зову любовь я, истину и свѣтъ!—*Уходитъ.*

ЛАДЭ.

Лѣсная тропа. Ярлъ Гаконъ идетъ, вооруженный мечомъ, лукомъ и щитомъ и неожиданно встрѣчается съ Торой.

ГАКОНЪ — *останавливаясь, въ смущеньи.*

Кого я вижу? Лѣтній день прекрасный
Сманилъ и Тору въ лѣсъ зеленый?

ТОРА.

Да!
А кто сманилъ тебя? Не я, конечно!
Ты не ко мнѣ вооруженный шелъ?

ГАКОНЪ.

Нѣтъ, на войну! Сейчасъ отплыть готовлюсь.
Не все на юго-западѣ спокойно,—
На берегахъ разбойникъ появился.

ТОРА.

Какой же случай мнѣ благодарить
За то, что я здѣсь встрѣтилась съ тобою
Еще разъ, прежде чѣмъ уѣхалъ ты?

ГАКОНЪ.

Къ тебѣ я съ вѣстью Каркера отправилъ...

ТОРА.

Раба!

ГАКОНЪ.

Я самъ не могъ имѣть минуты.

ТОРА.

Гаконъ, Гаконъ!

ГАКОНЪ.

Но брось же подозрѣнья,
Не докучай!

ТОРА.

Ты разлюбилъ меня!

ГАКОНЪ.

А если такъ, то хочешь снова въ сердцѣ
Огонь любви упреками возжечь?

ТОРА.

И такъ со мной ты говоришь, со мною!
Вѣдь больше жизни ты любилъ меня!..
Измѣнникъ! Сколько сладкихъ словъ умѣлъ ты

Тогда найти! Лишь я одна могла
Внести отраду, счастье въ жизнь героя!
Лишь я въ броню закованное сердце
Могла смягчить, заставить полюбить!..
И простодушно я могла повѣрить,
Покинуть домъ, молвою пренебречь
И за тобой пойти, тебѣ отдаться!..
О, заслужила Тора свой позоръ!

Гаконъ.

Какой позоръ? Не красотой одною
Въ тебѣ плѣнился я, но и умомъ,
И смѣлостью, свободой мысли, Тора!
Гакона упрекая и коря,—
Себя ты такъ же, Тора, обвиняешь!
Гдѣ прежній твой свободный взглядъ на жизнь?
Ты говоришь, что отдалась мнѣ? Правда!
Ты отдалась, я счастливъ былъ съ тобою.
Такъ что-жъ? Кого во мнѣ ты полюбила?
Иль покорилъ тебя мечтатель юный,
Что̀ на луну глядитъ и таетъ? Нѣтъ!
Ты признавалась мнѣ, что любишь мужа,
Притомъ же мужа, перваго̀ въ странѣ!
А развѣ мужу только лишь и дѣла—
Вздыхать у ногъ возлюбленной своей?
Ты молода была, собой красива,
Скучала вдовьей жизнью одинокой,—
Такъ что же въ жертву ты мнѣ принесла?
Свободна ты была, знатна, богата,—
Пустой молвой могла пренебрегать!
Мы провели два мѣсяца съ тобой
Въ блаженствѣ полномъ. Нынѣ на другое
Свои я взоры долженъ обратить.
Крестьяне дерзки стали, громко ропщутъ,
И посѣщать разбойники насъ смѣютъ;
Такъ первый мужъ Норвегіи обязанъ,
Пока есть время, вырвать съ корнемъ зло.
Пройдутъ недѣли прежде, чѣмъ удастся
Урвать часокъ для шалостей любви.
Такъ ты пока въ свой домъ вернися, Тора!
Повѣрь, разлука оживитъ любовь.
Къ тебѣ явлюсь я новой страсти полонъ.

ТОРА.

И это все! И этой жалкой рѣчью
Мнѣ за любовь и вѣрность платятъ? Да!
Я заслужила это; заслужила
Твою измѣну низкую, клянусь!
Ты говоришь, что я умна? Конечно,
Умна настолько я, что понимаю,
Какъ тщетно было бъ мнѣ стараться вновь
Разжечь любовь въ твоемъ жестокомъ сердцѣ!
Но то, что можешь ты такъ безсердечно,
Съ такимъ безстыдствомъ, видимо, привычнымъ,
Взирать на горе тяжкое мое,—
Вотъ это, это—сердце мнѣ терзаетъ!—*Плачетъ.*

ГАКОНЪ.

Клянуся Фрейей, ты мнѣ дорога!
Когда бъ хитрилъ съ тобой я, какъ ты мыслишь,
Тебѣ спокойно такъ я не открылъ бы
Своихъ желаній! Ихъ не поняла ты!

ТОРА—*внѣ себя.*

Ты лжешь, развратникъ! Фрейей ты клянешься?
О! Не клянись! Вѣдь отвратитъ богиня
Свой чистый ликъ отъ твоего лица!
Прелюбодѣй! И я тебя любила?
Любила, да! И Тора лишь одна
Тебя любовью истинной любила!
Меня не санъ прельстилъ твой—такъ же древенъ
И такъ же славенъ родъ мой, какъ и твой—
Но въ ослѣпленіи любви я мнила
Твое очистить, вѣрнымъ сдѣлать сердце!
Но, Одинъ!.. Локи [1]) развѣ знаетъ вѣрность?
Не зналъ и ты цѣны моей красѣ!
Въ тебѣ одна лишь чувственность играла,
За новизной одною ты гонялся!
Теперь же, можетъ быть, увлекся ты
Здоровой, свѣжей молодицей! Да!
Моей служанкой, можетъ быть,—съумѣвшей
Тебя, глупца, опутать! Но ты помни,—
Не беззащитна я и буду мстить!
Мои два брата мужествомъ и силой

[1]) Локи—богъ зла, коварства, хитрости; олицетвореніе злыхъ началъ.

Съ тобой, Гаконъ, поспорятъ! Берегись же!
Я отомстить ихъ за меня заставлю!

ГАКОНЪ—*холодно.*

Встревожилась ты, Тора! Отдохни!

Видитъ Каркера и подзываетъ его къ себѣ.

А если что̀ еще сказать желаешь,
То вотъ мой рабъ готовъ къ твоимъ услугамъ.
А ярлу даромъ время тратить здѣсь,
Внимая брани женщины сварливой,
И недосугъ, и непристойно!—*Уходитъ.*

ТОРА—*Каркеру.*

Рабъ!
Чего ты ждешь?

КАРКЕРЪ.

Чтобъ выслушала ты,
Что̀ приказалъ мой господинъ!

ТОРА—*ударяетъ его по лицу.*

Негодный!

КАРКЕРЪ.

Ахъ, госпожа! Себя-то пожалѣй!
Вѣдь объ меня, пожалуй, зашибешься!

ТОРА—*приходя въ себя.*

О, Тора, ты унизила себя!
Такъ позабыться!—Рабъ, ступай отсюда!

КАРКЕРЪ.

Не получалъ такого я приказа.

ТОРА.

Такъ что̀ жъ тебѣ приказано?

КАРКЕРЪ.

Сказать,
Что все къ отъѣзду госпожи готово.

ТОРА.

Такъ вотъ съ какою вѣстью самъ явиться
Онъ не рискнулъ ко мнѣ! Пусть будетъ такъ!
Онъ—господинъ намъ всѣмъ. Я повинуюсь!—*Уходитъ.*

На зовъ Каркера приходятъ другіе рабы.

КАРКЕРЪ.

Она пошла готовиться къ отъѣзду!
Глядите въ оба! Гнѣваться изволитъ:

Коль что̀ не такъ, то угоститъ и васъ
Своею бѣлой ручкой. Будетъ важно!
Такъ ткнула въ носъ, что̀ шолковой подушкой,
А по спинѣ мурашки пробѣжали!

ЛЕЙФЪ (другой рабъ Гакона).
Эге!

КАРКЕРЪ.
Она-то, слышь, не прочь была бы
Еще побыть у насъ, да нѣтъ, шалишь!
За что жъ другимъ-то быть у насъ въ загонѣ?
Сейчасъ рабовъ послали за Гудруной.
Посадитъ дочку Бергтора онъ вѣрно
На мѣсто Торы!

ЛЕЙФЪ.
Новая уже?

КАРКЕРЪ.
Уже? И видно, самъ-то здѣсь ты вновѣ!
Не то сказалъ бы: „Какъ? теперь лишь только?“
Она жила два мѣсяца здѣсь, шутка ль?
А такъ нельзя, коль хочешь, чтобъ чередъ
Дошелъ до всѣхъ, чтобъ всѣмъ досталось! Такъ-то!

ЛЕЙФЪ.
Чередъ до всѣхъ дошелъ? Чтобъ всѣмъ досталось?

КАРКЕРЪ—*убѣдительно.*
Ну, да! У ярла столько вѣдь заботъ,—
За всѣхъ, про всѣхъ, одинъ онъ думать долженъ,
Бывать повсюду, гдѣ всего опаснѣй!
Такъ вотъ, коль столько есть заботъ у ярла,
Коли за всѣхъ, про всѣхъ онъ думать долженъ,
Такъ упрекать его нельзя, что онъ,
Заботъ имѣя столько—и тяжелыхъ,
Бывая всюду, гдѣ всего опаснѣй,
Что онъ...

ЛЕЙФЪ.
Да это я давно ужъ понялъ!

КАРКЕРЪ.
А коли такъ, по совѣсти скажи
Мнѣ, добрый Лейфъ: ну, будь ты ярломъ нашимъ
И смѣй все дѣлать, что̀ найдешь хорошимъ,—

Не станешь развѣ дѣлать ты всего,
Что̀ лишь найдешь хорошимъ?

ЛЕЙФЪ.

Да, хорошимъ,
А не дурнымъ!

КАРКЕРЪ.

Дурнымъ? Помилуй, другъ!
Вотъ новичокъ и виденъ, что̀ ни разу
Еще не слышалъ умныхъ словъ господскихъ.
Не то бъ ты зналъ, что мужъ такой, какъ ярлъ,
Заботъ имѣя столько—и тяжелыхъ,—
Бывая всюду, гдѣ всего опаснѣй,
За всѣхъ, про всѣхъ...

ЛЕЙФЪ.

Да понялъ, понялъ я!

КАРКЕРЪ—*обиженный тѣмъ, что его прервали.*

А что̀ ты понялъ? Ну?

ЛЕЙФЪ.

Сказать ты хочешь —
Герой, что̀ долженъ бодрствовать въ странѣ
За всѣхъ мужей,—и выспаться вѣдь долженъ
Вездѣ, гдѣ спятъ безъ нихъ...

КАРКЕРЪ.

Вотъ это такъ! — *Каркеръ и Лейфъ уходятъ.*

Эйнаръ Тамбескьельверъ, молодой стрѣлокъ, появившійся на сценѣ еще во время предыдущаго явленія и сидѣвшій на пнѣ, приводитъ теперь свой лукъ въ порядокъ, встаетъ и смотритъ въ сторону, противоположную той, куда ушли рабы.

ЭЙНАРЪ.

Остановился кто-то на дорогѣ...
Да это ярлъ! Опять идетъ обратно!..
Постой! Сыграю шутку съ нимъ сейчасъ!
Онъ, говорятъ, не знаетъ страха; такъ ли?
Прицѣливается и стрѣляетъ.
Ага! султанъ у шлема отлетѣлъ!

ГАКОНЪ—*вбѣгаетъ съ обнаженнымъ мечомъ и схватываетъ Эйнара за грудь.*

Разбойникъ! Кѣмъ подкупленъ? Признавайся!
И что за жизнь мою тебѣ сулили?

ЭЙНАРЪ—*спокойно.*

Да ничего! Ни въ чемъ я не нуждаюсь —
И не разбойникъ! Родъ мой благороденъ!
Тебѣ извѣстны родичи мои.

ГАКОНЪ.

Убійца! Кто же ты? Какого рода?

ЭЙНАРЪ.

Мой ярлъ! Отецъ мой — мужествомъ зовется.
Его ты знаешь: старый хрычъ, но бодрый;
Сѣдобородъ, по крѣпокъ и подвиженъ;
Въ странѣ норвежской онъ давно живетъ.

ГАКОНЪ.

А! негодяй, смѣешься ты? Умри же!

ЭЙНАРЪ—*удерживая его руку.*

Благодаренье азамъ [1]), давшимъ мнѣ
Такую силу! Тутъ мнѣ и конецъ бы,
Когда бъ руки твоей не удержалъ!

ГАКОНЪ.

Какая вѣдьма старая снабдила
Тебя такою силой?

ЭЙНАРЪ.

Мать моя!
Она колдунья, впрямь, но не старуха,
Бѣла, румяна; имя ей—здоровье!
Ведетъ свой родъ она, какъ ты, издревле.

ГАКОНЪ.

Все-жъ, ты погибъ!

ЭЙНАРЪ.

Не рано ль, господинъ!
Едва мнѣ двадцать минуло! Къ тому же
Ты проиграешь, ярлъ, коль станешь самъ
Губить такъ цвѣтъ норвежской молодежи!

[1]) Азами древніе норманны называли вообще боговъ. Въ концѣ IV вѣка на Скандинавскомъ полуостровѣ появились скиѳскіе пришельцы *азы* (имя, указывающее на ихъ первоначальную родину—Азію) изъ страны азовъ (Asaland) и ея столицы Азгоръ (Asgaard), находившейся при рѣкѣ Танаисъ (Донъ); предводителя ихъ звали Одиномъ. Впослѣдствіи Одинъ и азы превратились въ народномъ представленіи въ боговъ.

ГАКОНЪ.

А самъ меня ты не хотѣлъ сгубить?

ЭЙНАРЪ.

О, нѣтъ, клянуся Одиномъ и Фрейей!
Я только сбить хотѣлъ султанъ у шлема.

ГАКОНЪ.

И цѣлью выбралъ голову мою?

ЭЙНАРЪ.

Нѣтъ, господинъ! Султанъ у шлема только!
Всѣ говорятъ—тебя не испугаешь,
Такъ испытать тебя сейчасъ я вздумалъ;
И вотъ, султанъ у шлема отлетѣлъ!
Что-жъ, небольшой тебѣ нанесъ убытокъ:
Вѣдь въ пѣтушиный хвостъ, никакъ не больше!
Скажу еще: коль выбить не смогу
Своей стрѣлой изъ рукъ твоихъ монетки,
Да такъ, чтобъ пальцевъ краемъ не задѣть,
Меня назвать ты можешь старой бабой
И хоть на первомъ деревѣ повѣсить!

ГАКОНЪ.

Твои глаза не лгутъ! Хочу я вѣрить.
Вонъ на корѣ березы той, гляди,
Едва замѣтно пятнышко чернѣетъ.
Всади стрѣлу въ него, тогда повѣрю.

ЭЙНАРЪ—*прицѣливается и стрѣляетъ.*

Ну, вотъ и вѣрь!

ГАКОНЪ.

Ты — удалой стрѣлокъ!
Я при себѣ тебя оставлю! Кстати
Я повстрѣчалъ тебя. Давно молва
У насъ идетъ о молодцѣ какомъ-то,
Что будто лучшій онъ стрѣлокъ въ краю.
Его къ себѣ велѣлъ я вызвать нынче.
Придетъ—покажемъ: есть стрѣлки и тутъ!

ЭЙНАРЪ.

Пускай придетъ! Я потягаюсь съ каждымъ!
Онъ какъ зовется?

ГАКОНЪ.

Эйнаръ Тамбескьельверъ.

ЭЙНАРЪ.

Мы, значитъ, тёзки. Пусть придетъ. Я съ нимъ
Во всемъ—и даже въ имени поспорю.

ГАКОНЪ.

Такъ ты тотъ самый Эйнаръ Тамбескьельверъ?

ЭЙНАРЪ.

Онъ самый!

ГАКОНЪ.

Значитъ, ты ко мнѣ и шелъ,
Веселый, славный малый?—*Беретъ его за подбородокъ.*
Молодъ, ловокъ,
Красивъ и смѣлъ! Такихъ-то мнѣ и нужно!
Согласенъ ты Гакону послужить?

ЭЙНАРЪ.

Я послужить тебѣ, гдѣ можно, радъ бы,
Да на бѣду въ Норвегіи такъ тихо,
Какъ въ уголкѣ старушечьемъ за печкой!

ГАКОНЪ.

Не такъ-то тихо, другъ мой! Нужно мнѣ
Людей отважныхъ, сильныхъ и надежныхъ.
Какъ разъ сегодня мы отплыть готовы
На юго-западъ, берегъ защищать
Отъ чужеземца дерзкаго. Такъ хочешь
Ты тетиву у лука натянуть
Въ защиту мнѣ, себѣ на честь и славу?

ЭЙНАРЪ.

Клянусь, хочу!.. Но, мощный àза-Торъ!
Какой у ярла дивный лукъ! Украшенъ
И серебромъ, и золотомъ! А мой —
Простой сосновый съ жилами медвѣдя!

ГАКОНЪ—*снимаетъ съ себя лукъ и подаетъ Эйнару.*

Прими въ знакъ дружбы, Эйнаръ Тамбескьельверъ!

ЭЙНАРЪ—*пробуя тетиву.*

Ужъ больно слабъ! Возьми назадъ, мой ярлъ!
Тяжелъ и слабъ твой лукъ! Мой будетъ лучше!

ГАКОНЪ.

Мой даръ дерзаешь ты отвергнуть развѣ?

ЭЙНАРЪ.

Имѣетъ мощный ярлъ иное нѣчто...
Того бы дара Эйнаръ не отвергъ!

ГАКОНЪ.

Иное? Что же?

ЭЙНАРЪ.

Дочка есть у ярла.
Красою съ розой Бѣргліотъ поспоритъ.
Ну да объ этомъ рѣчь вести успѣемъ.

ГАКОНЪ.

Такъ полагаешь ты?..

ЭЙНАРЪ.

Что заслужить
Ее я долженъ!

ГАКОНЪ.

Мѣтишь высоконько.

ЭЙНАРЪ.

Какъ подобаетъ ловкому стрѣлку.
Моя стрѣла далеко бьетъ—ты видѣлъ,
Но очи дѣвы тоже мечутъ стрѣлы!

ГАКОНЪ.

И самъ стрѣлокъ подстрѣленъ?

ЭЙНАРЪ.

Я отвѣчу,
Когда враговъ твоихъ поистреблю!
Скорѣе въ путь-дорогу!

ГАКОНЪ.

Ты готовъ ужъ?

ЭЙНАРЪ—*ударяя по колчану.*

Весь скарбъ мой тутъ! Идемъ!

ГАКОНЪ.

Ты славный малый!
И, право, милъ, какъ женщина, мнѣ сталъ!

ЭЙНАРЪ.

Ну, ужъ отъ бабьей доли, Торъ, избави!—*Уходятъ.*

КРЕСТЬЯНСКАЯ ГОРНИЦА.

Свадебный пиръ. Ормъ и Гудруна, женихъ и невѣста, сидятъ за столомъ на первомъ мѣстѣ. Бергторъ рядомъ съ дочерью Гудруной. Напротивъ—Астрида, ея сестра, и Торвальдъ, женихъ Астриды. Много гостей-крестьянъ.

БЕРГТОРЪ.

Эй, веселѣе! Чашу въ круговую!
До капли пейте! Медъ-то старый, добрый!
Я какъ сыгралъ свою съ Гунлэдой свадьбу,
Такъ эту бочку въ погребъ и скатилъ,
Да клятву далъ до той поры не трогать,
Какъ свадьбу первой дочки станемъ ладить.
И клятву я, какъ видите, сдержалъ!
Зато теперь и веселюсь съ друзьями!
Что̀ скажешь, Ормъ? Невѣста хороша?
Моложе меда мѣсяцевъ на девять!
Да, да, какъ разъ, не больше и не меньше.
Я помню, страсть разгнѣвался тогда,
Жену бранить сталъ: „Это что̀ за штуки?
На что̀ дѣвчонокъ? Что̀ мнѣ съ ними дѣлать?
Мнѣ сыновей давай, которыхъ можно
Учить мечомъ владѣть!“ Затѣмъ въ постель
Швырнулъ дѣвчонку!

ОРМЪ.

Да, но послѣ все-же
Любить дѣвчонку сталъ!

БЕРГТОРЪ.

Да вотъ поди же!
Какъ подросла, такъ все, бывало, вьется
Вокругъ да возлѣ! Какъ тутъ не любить!
Чѣмъ дальше—больше! Право! А какъ минетъ
Дѣвчонкамъ лѣтъ пятнадцать—и подавно
Ихъ любишь, хочешь иль не хочешь!

ОРМЪ.

Веселъ
Старикъ сегодня! Торвальдъ, не зѣвай!
Передавай же рогъ! Не пьется, что-ли?

ТОРВАЛЬДЪ.

Не пьется? Друже, что̀ ты? Я почти
Какъ конунгъ Фьельнеръ, медомъ захлебнулся!

БЕРГТОРЪ.

Постойте, дѣтки! Шумъ какой-то?...

ТОРВАЛЬДЪ.

Вѣрно,
Еще друзья пришли на свадьбу нашу.

Идетъ къ дверямъ. Входитъ Стейнъ въ сопровожденіи толпы другихъ рабовъ.

Друзья! Что надо вамъ? Зачѣмъ пришли?

СТЕЙНЪ (рабъ Гакона).

Рабы Гакона мы, и вотъ явились
Вамъ возвѣстить о волѣ ярла.

ОРМЪ.

Значитъ,
Узналъ нашъ ярлъ, что всѣ мы здѣсь сегодня
И случаемъ воспользоваться хочетъ?
Такъ въ чемъ же дѣло? Слушаемъ.

СТЕЙНЪ.

Того,
Что здѣсь васъ столько, онъ не вѣдалъ вовсе,
Но зналъ, что свадьбу здѣсь играютъ въ домѣ.

ОРМЪ.

Такъ говори скорѣе, съ чѣмъ явились?

СТЕЙНЪ.

Чтобъ не тянуть, скажу я прямо! Ярлъ
Тебѣ, женихъ, привѣтъ свой посылаетъ,
Въ тебѣ онъ цѣнитъ вѣрнаго слугу.
Недавно видѣлъ онъ твою невѣсту,
Она зажгла въ немъ сердце. Безъ нея
Онъ жить не можетъ. Тщетно онъ старался
Преодолѣть любовь. Снести не въ силахъ
Нашъ ярлъ того, что подданный его
Владѣть той дѣвой будетъ, о которой
Онъ самъ тоскуетъ день и ночь. Такъ вотъ
И полагаетъ онъ, что ты невѣсту
Ему уступишь.

БЕРГТОРЪ—*встаетъ.*

Вотъ оно!

ОРМЪ.

Вы, значитъ,
Пришли отнять невѣсту у меня?

Стейнъ.

Зачѣмъ отнять? Надѣется Гаконъ,
Что ты ее уступишь добровольно.
Вѣдь не надолго. Скоро онъ вернетъ
Ее съ дарами.

Ормъ.

Дерзкій рабъ! И смѣешь
Мнѣ предлагать пойти на это! Смѣетъ
Нашъ ярлъ къ норвежцамъ, гордымъ и свободнымъ,
Васъ посылать съ такимъ приказомъ?

Стейнъ.

Мало ль
Людей свободныхъ, гордыхъ, какъ и ты,
Такой приказъ за счастье почитали!
Тебя мы, правда, думали застать
Лишь въ небольшомъ кружкѣ друзей. Пришлось же
Такъ невзначай къ тебѣ нагрянуть, Ормъ,
По двумъ причинамъ: первая, что долженъ
Сегодня былъ нашъ ярлъ отплыть; вторая—
Что ты со свадьбой очень торопился.
Такъ вотъ, какъ видишь, ярлу и пришлось
Спѣшить покончить это дѣло разомъ.
И по приказу ярла мы доставить
Должны Гудруну тотчасъ же въ нашъ домъ,
И тамъ стеречь до возвращенья ярла.
Судить же ярла намъ не подобаетъ,—
Онъ выше насъ и всякаго суда!

Необычайный шумъ.

Бергторъ.

Всему есть мѣра! Вонъ отсюда, дерзкій!

Торвальдъ—*схватывая рогъ съ медомъ.*

Снеси поклонъ нашъ ярлу, да ужъ кстати
Скажи, что мы по немъ поминки правимъ!

Голоса.

Долой рабовъ! Гоните ихъ отсюда!

Стейнъ—*другимъ рабамъ.*

За мной, впередъ, ребята!

ТОРВАЛЬДЪ.

Испытать
Свое безсилье хочешь, рабъ?

КРЕСТЬЯНЕ—*грозно.*

Убьемъ ихъ!

БЕРГТОРЪ.

Добро! Ковалъ я кстати добрый молотъ;
Заразъ троихъ на мѣстѣ уложу!

СТЕЙНЪ—*другимъ рабамъ.*

Смѣлѣй, ребята!

КРЕСТЬЯНЕ.

Други! Не щади ихъ!
Коли, руби змѣиное отродье!

Схватка; послѣ нѣкотораго сопротивленія, рабы Гакона бѣгутъ, крестьяне преслѣдуютъ ихъ. Женщины хлопочутъ около лишившейся чувствъ Гудруны.

АСТРИДА.

Приди въ себя, Гудруна! Ихъ прогнали!
Взгляни въ окно! Они далеко всѣ.

Крестьяне возвращаются. Ормъ, видя Гудруну безъ чувствъ, бросается къ ея ногамъ.

ОРМЪ.

Верните жизнь ей, женщины! Что плакать!
Куда дѣвалось все искусство ваше?
Верните жизнь моей невѣстѣ!

ТОРВАЛЬДЪ.

Одинъ!
Тебя зову въ свидѣтели и мечъ,
Въ крови рабовъ омытый, подымаю
Въ знакъ нарушенья клятвы, данной ярлу!
Клянусь я впредь покоя не знавать,
Пока съ презрѣнной этой рабской кровью
Я не смѣшаю крови ярла! Месть
За тотъ позоръ, что Орму онъ готовилъ!

БЕРГТОРЪ.

И я, хоть старъ годами, сѣдъ, въ морщинахъ,
Даю такую жъ клятву вотъ на этомъ
Окровавленномъ молотѣ. Вѣнецъ
Себѣ ковать велѣлъ онъ. Погоди же!...

Я здѣсь старѣйшій, я—отецъ Гудруны...
Ты, бѣдная, какъ скошенный цвѣтокъ,
Лежишь въ объятьяхъ милаго!.. О, братья!
Сплотимся! Станемъ другъ за друга! Дайте
На этомъ тяжкомъ молотѣ мнѣ клятву:
Гакону смерть! Смерть лютому Гакону!

Ормъ.

Гудруна милая жива!

Крестьяне—*поднимая руки надъ молотомъ.*

Клянемся:
Гакону смерть! Смерть лютому Гакону!

Съ датскаго Ан. Гансенъ.

МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ

Страница изъ исторіи русскихъ университетовъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.

Окончаніе.

III *).

Университетъ съ 1874 года по настоящее время.

За разсмотрѣнное нами въ предъидущихъ главахъ тридцатилѣтіе, ростъ университетовъ былъ задержанъ трижды, а именно: въ концѣ сороковыхъ, на рубежѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ— и въ началѣ семидесятыхъ годовъ. Несмотря на коренныя измѣненія условій жизни въ Россіи, несмотря на увеличившуюся въ громадной степени потребность въ знаніи, число учащихся въ университетахъ, въ общемъ, возросло весьма мало. Въ 1848 году оно равнялось 4.016; спустя же слишкомъ 25 лѣтъ, въ 1874 году, оно достигало лишь 5.300 (или около того) чел. Говоря иначе, число студентовъ увеличилось за это время едва на 32%, тогда какъ населеніе Россіи возросло болѣе, чѣмъ на 40%, и, стало быть, въ срединѣ семидесятыхъ годовъ число студентовъ по отношенію ко всему населенію было меньше, чѣмъ въ сороковыхъ годахъ. Но сравненіе роста университетовъ съ ростомъ всего населенія представляется не совсѣмъ правильнымъ: дѣло въ томъ, что крестьянской массѣ университетъ былъ и остается недоступнымъ, а городское населеніе, которое почти исключительно пользуется благами высшаго образованія,—у насъ, какъ и вездѣ, возрастаетъ

*) См выше: іюнь, 641 стр.

гораздо быстрѣе сельскаго. За указанный промежутокъ, когда университеты возросли на $^1/_3$,—городское населеніе увеличилось на 67%, а потому, конечно, должно было явиться несоотвѣтствіе между спросомъ на высшее образованіе и средствами, которыми этотъ спросъ удовлетворялся [1]). Если мы припомнимъ, что до шестидесятыхъ годовъ наши университеты были доступны только привилегированнымъ сословіямъ, а затѣмъ кругъ пользующихся ими классовъ расширился, то несоотвѣтствіе окажется еще больше. Оно не будетъ для насъ удивительнымъ, если обратить вниманіе на то, что, не говоря уже о концѣ 40-хъ гг., во всю послѣднюю половину разсмотрѣннаго тридцатилѣтія на каждый шагъ впередъ, въ смыслѣ увеличенія числа студентовъ, приходилось два шага назадъ, и въ результатѣ, въ 1859 году, ихъ было во всѣхъ университетахъ 5.555, а въ 1874 г., какъ уже указано—около 5.300.

Мы уже знаемъ, что это послѣднее число было результатомъ искусственныхъ задержекъ въ развитіи университетовъ, а вліяніе такихъ задержекъ не можетъ вѣчно продолжаться. Чѣмъ дольше не получаютъ удовлетворенія и стѣсняются естественныя потребности, тѣмъ ярче и стремительнѣе онѣ скажутся потомъ, и тѣ мѣры, которыми задерживалось раньше ихъ развитіе, окажутся уже безсильными. Такъ напр., къ 1875 году вліяніе устава 1871 года, въ смыслѣ уменьшенія числа оканчивающихъ курсъ гимназистовъ, было исчерпано, и—вмѣстѣ съ возрастаніемъ стремленія населенія къ образованію — это число начинаетъ быстро увеличиваться, равняясь въ 1875 г.—1.373, въ 1879—2.000, а въ 1892 году—уже 3.584 чел.

Послѣ всего сказаннаго, намъ станетъ понятнымъ почти непрерывное въ продолженіе 20 лѣтъ (начиная съ 1874 г.) возрастаніе числа учащихся въ университетахъ. На это возрастаніе уже не производило рѣшающаго вліянія ни смѣна лицъ, которымъ ввѣрялось высшее завѣдываніе университетами [2]), ни перемѣна условій развитія университетовъ. А между тѣмъ, многія

[1]) Населеніе имперіи въ 1848 году равнялось приблизительно 67 милліонамъ, а въ 1874 году—95 милліонамъ, т.-е. возросло на 42%. Городское населеніе въ эти эпохи равнялось приблизительно $5^1/_4$ и $8^3/_4$ милліона, т.-е. увеличилось на 66,7%. По Н. Н. Милюкову, населеніе городовъ Европ. Россіи съ 1851 по 1878 г., т.-е. почти за такой же промежутокъ времени, увеличилось съ 3.482 тыс. до 6.091 тыс. жителей,—на 75%.

[2]) Графа Д. А. Толстого смѣнилъ въ 1880 году статсъ-секретарь А. А. Сабуровъ. Затѣмъ послѣдовали въ 1881 году баронъ Николаи, а въ 1882 г.—И. Д. (нынѣ графъ) Деляновъ.

изъ этихъ перемѣнъ едва ли благопріятствовали росту послѣднихъ. Дѣйствительно, вновь принимавшіяся мѣры по университетскому образованію направлены были не столько къ привлеченію въ университеты новыхъ категорій учащихся, сколько къ ограниченію поступленія тѣхъ, присутствіе которыхъ признавалось почему-либо нежелательнымъ. Послѣ гимназическаго устава 1871 года, въ этомъ направленіи принято было нѣсколько мѣръ. Въ 1879 году, закрытъ былъ льготный доступъ въ университеты семинаристамъ. Университетскій уставъ 1884 года имѣлъ въ виду сокращеніе „наплыва молодыхъ людей, совсѣмъ не обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, вынужденныхъ изыскивать средства къ жизни различными способами, перебивающихся со дня на день, лишенныхъ возможности правильно заниматься науками и потому въ значительной долѣ случаевъ не доходящихъ до конца ученія, недовольныхъ и раздраженныхъ“ [1]). Правда, уставъ 1884 года не принялъ многихъ мѣръ, которыя въ этихъ цѣляхъ были предложены проектомъ устава, выработаннымъ особою „коммиссіею для пересмотра общаго устава Императ. россійскихъ университетовъ“ (учреждена въ 1873 г.): въ этомъ смыслѣ вошедшій въ силу уставъ значительно уступаетъ своему проекту [2]). Тотъ же уставъ 1884 года воспретилъ поступленіе въ университетъ женатымъ и установилъ увольненіе „студента, коему не зачтено три полугодія сряду или пять полугодій вообще [3]). Въ іюнѣ 1887 года, плата въ пользу университета, опредѣленная уставомъ 1884 года въ пять рублей и—въ суммѣ со вновь введеннымъ гонораромъ въ пользу профессоровъ—уже превышавшая прежде существующую плату, была повышена

---

[1]) Изъ „соображеній“, которыми министерство гр. Д. А. Толстого сопровождало приготовленный имъ въ 1880 году ко внесенію въ государственный совѣтъ проектъ новаго университетскаго устава. Цитировано по Н. А. Любимову: „Мой вкладъ. Т. I. Университетскій вопросъ“. М. 1881. Стр. 637. Статья: „Отложенный уставъ“.

[2]) Указанный проектъ предлагалъ ввести рѣзкое раздѣленіе студентовъ на своекоштныхъ и пользующихся вспоможеніями. §§ 131 и 132 его гласили: „Студенты раздѣляются на 1) своекоштныхъ и 2) пользующихся вспоможеніями. Отъ своекоштныхъ студентовъ требуется представленіе удостовѣренія, соединенное въ случаѣ надобности съ отвѣтственнымъ поручительствомъ или денежными залогами, въ томъ, что они могутъ вносить плату за ученье и содержаться собственными средствами, не прибѣгая къ вспомоществованіямъ“. По § 135, студенты, пользующіеся вспомоществованіями, находятся подъ особымъ контролемъ. С. Любимовъ, op. cit. стр. 630 и 631. Въ другихъ отношеніяхъ уставъ былъ, напротивъ, стѣснительнѣе проекта,—см. „Вѣстн. Европы“, 1885 г., разборъ устава.

[3]) Уставъ 1884 г. имѣетъ, кромѣ этого, много другихъ сторонъ. Здѣсь указаны лишь мѣры, могущія оказать прямое вліяніе на число учащихся.

до 25 рублей въ полугодіе, причемъ оставленъ и гонораръ [1]). Въ то же время возможность поступленія въ университеты была ограничена для евреевъ извѣстнымъ процентомъ [2]). Къ этимъ мѣрамъ присоединяются: временно существовавшее ограниченіе пріема въ петербургскій университетъ гимназистами петербургскаго округа (1887 и 1888 годъ), установленіе комплекта на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета (1881 годъ) и запрещеніе сибирякамъ поступать и переводиться на медицинскіе факультеты университетовъ Европейской Россіи (вскорѣ послѣ открытія томскаго университета).

Всѣ эти мѣры должны были скорѣе задержать развитіе университетовъ по отношенію къ числу слушателей, чѣмъ поощрять его. Между тѣмъ, какъ уже было указано выше, съ 1874 года, за исключеніемъ развѣ періода 1884—89 гг. (и то не для московскаго университета), происходило возрастаніе числа лицъ, пользовавшихся университетскимъ образованіемъ. Вотъ числа студентовъ въ разныхъ университетахъ, подтверждающія этотъ фактъ.

Года:	Числа студентовъ и приростъ ихъ въ процентахъ. Московскій унив. Число.	Приростъ.	Прочіе университеты. Число.	Приростъ.
1874	1.168	61,9	ок. 4.130	53,1
1879	1.890	52,1	6.317	50,2
1884	2.874	20,8	9.481	— 8,3
1889	3.471	12,5	8.690	16,2
1894	3.906		ок. 10.100 [3])	

Судя по тому, что московскій университетъ не составлялъ исключенія изъ общаго правила о возрастаніи числа студентовъ въ русскихъ университетахъ, можно думать, что и онъ нахо-

---

[1]) Высочайше утвержденное 26 іюня 1887 г. положеніе комитета министровъ о платѣ со студентовъ университетовъ за слушаніе лекцій и за участіе въ практическихъ занятіяхъ введено въ видѣ временной мѣры. См. „Полное собр. закон. Р. И., собраніе III“, т. VII, 4619 (Собраніе узаконеній 1887 г., августа 4, стр. 683). Съ начала слѣдующаго (1888-9) уч. года плата за слушаніе лекцій возвышена въ варш. ун. до 100, а въ дерптскомъ до 50 р. въ годъ (В. утв. 19 апр. 1888 г. мнѣніе гос. сов. См. П. С. Зак. III, т. VIII, 5156, или Собр. Уз. 1888 г., іюля 5).

[2]) Въ большинствѣ университетовъ 3—5%. Сначала, по положенію комитета министровъ, % отношеніе евреевъ было установлено для среднихъ учебныхъ заведеній (Св. цирк. мин. нар. просв. 10 іюля 1887 г., № 10313), а потомъ въ разное время и для высшихъ.

[3]) По даннымъ Л. С. Личкова (см. очеркъ: „Высшее и среднее образованіе“ въ книгѣ „Производительныя силы Россіи“, отд. XIX, стр. 14), 10.183, а съ томскимъ университетомъ 10.570 слушателей. Къ сожалѣнію, данныя, собранныя тамъ, не могутъ считаться вполнѣ точными.

дился въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ причинъ, общихъ для всѣхъ университетовъ нашей страны и отмѣченныхъ выше. Но надо замѣтить при этомъ, что за первыя пятнадцать лѣтъ возрастаніе его шло быстрѣе и лишь за девятидесятые годы отстало отъ возрастанія прочихъ университетовъ. Очевидно, для московскаго университета существовали и спеціальныя причины, усиливавшія приливъ учащихся къ нему. Такими причинами могли быть: его центральное положеніе, бо́льшія учебныя и благотворительныя средства, извѣстность нѣкоторыхъ профессоровъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постараемся прослѣдить нѣкоторыя изъ этихъ вліяній, а пока остановимся на общемъ законѣ, подмѣчаемомъ для роста какъ московскаго, такъ и прочихъ университетовъ.

Въ московскомъ университетѣ увеличеніе числа студентовъ съ теченіемъ времени вообще замедлялось. По четыремъ пятилѣтіямъ оно равнялось для московскаго университета: въ абсолютныхъ цифрахъ: 722, 984, 597 и 426, а въ относительныхъ: 61,9, 52,1, 20,8 и 12,5%. Число вольнослушателей и аптекарскихъ помощниковъ, слушающихъ предметы, необходимые для фармацевтовъ, колебалось не такъ правильно, что́ не мѣшало, однако, возрастанію общаго числа слушателей и не измѣняло отмѣченнаго закона этого возрастанія. Очевидно, существовали причины, задерживавшія этотъ ростъ и, вдобавокъ, накоплявшіяся съ теченіемъ времени. Такимъ именно характеромъ отличаются перечисленныя выше мѣры конца семидесятыхъ и большей части восьмидесятыхъ годовъ. Но еще большее значеніе имѣлъ для замедленія роста университетовъ, именно во второй половинѣ 80-хъ годовъ, одинъ фактъ, весьма замѣтный въ исторіи средняго образованія.

Въ 1887 году, передъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ виду разныхъ неустройствъ средней школы, возникъ вопросъ, говоря словами оффиціальнаго документа [1]), о „сокращеніи числа гимназій и прогимназій“, „о сокращеніи числа учениковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ и измѣненіи состава оныхъ“. Число указанныхъ учебныхъ заведеній послѣ 1887 года дѣйствительно сократилось. Къ концу 1888 года въ имперіи было 179 гимназій и 70 прогимназій, а въ 1892 году—175 первыхъ и 60—вторыхъ [2]). Но уменьшеніе числа заведеній явилось

[1]) См. „Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія“, т. 10, № 434 (5 іюня 1887 г.) стр. 882 и 880. Спб. 1894.

[2]) См. „Извлеченія изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ министра народнаго просвѣщенія“ за 1887 и 1891 гг.—Дальнѣйшія цифры о числѣ учащихся и заведеній взяты

скорѣе результатомъ другихъ мѣръ, а само по себѣ было отодвинуто на задній планъ. Министерство и особое совѣщаніе изъ пяти лицъ, черезъ которое проходили въ 80-хъ годахъ почти всѣ мѣры по народному образованію (министры: внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, финансовъ и народнаго просвѣщенія, и оберъ-прокуроръ св. синода) находили, „что дурное направленіе учащихся зависитъ не отъ количества гимназій и прогимназій, а отъ качества учениковъ и переполненія каждой изъ нихъ въ отдѣльности". Закрытіе заведеній было вдобавокъ слишкомъ неудобно въ практическомъ отношеніи, и вниманіе обращено было на уменьшеніе числа гимназистовъ, соединенное съ затрудненіемъ доступа въ гимназіи для нѣкоторыхъ классовъ общества. Совѣщаніе проектировало закрыть гимназіи для сословій ниже купцовъ 2-й гильдіи, но императоръ Александръ III призналъ эту мѣру несвоевременной и неудобной. Тогда совѣщаніе поставило цѣлью дальнѣйшихъ мѣръ „освобожденіе гимназій отъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, прачекъ, мелкихъ лавочниковъ и тому подобныхъ людей, дѣтямъ коихъ, за исключеніемъ развѣ одаренныхъ геніальными способностями, вовсе не слѣдуетъ стремиться къ среднему и высшему образованію" [1]). Министры: гр. Толстой, Островскій, Вышнеградскій, Деляновъ и оберъ-прокуроръ синода Побѣдоносцевъ, проектировали рядъ мѣръ, которыя отчасти прошли черезъ комитетъ министровъ, отчасти были выполнены самостоятельными распоряженіями министерства народнаго просвѣщенія. Закрытіе приготовительныхъ классовъ при гимназіяхъ, затрудненія въ доступѣ дѣтямъ мало обезпеченныхъ лицъ, система увольненій, ограниченіе пріема евреевъ и повышеніе платы за ученіе—имѣли, по словамъ оффиціальнаго

оттуда же. Надо замѣтить, что цифры не сходятся вполнѣ не только въ отчетахъ за разные годы, но и въ отчетахъ за одинъ и тотъ же годъ, отчасти по разнородности источниковъ, не сведенныхъ въ отчетахъ къ одному виду, отчасти благодаря неодинаковости группъ, обозначаемыхъ въ отчетахъ подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ: такъ, подъ названіемъ „число учениковъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ имперіи",—за которымъ ожидаешь полнаго числа ихъ,—кроется иногда число учениковъ лишь нравит. гимназій, и то не всѣхъ, иногда съ присоединеніемъ частныхъ гимназій и т. д. Пропуски въ цифрахъ не всегда указаны. Благодаря этому, несмотря на стремленіе разобраться въ недоразумѣніяхъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи возможны неточности.

[1]) Въ циркулярѣ мин. народнаго просв., 18-го іюня 1887 года, № 2255, постановленіе это объясняется желаніемъ не выводить указанныхъ дѣтей „изъ среды, къ коей они принадлежатъ, и черезъ то, какъ показалъ многолѣтній опытъ, приводить ихъ къ пренебреженію своихъ родителей, къ недовольству своимъ бытомъ, къ озлобленію противъ существующаго и неизбѣжнаго неравенства имущественныхъ положеній".

документа [1]), указанную уже цѣль. Не останавливаясь на подробностяхъ, мы возьмемъ для оцѣнки этихъ мѣръ лишь общій результатъ: число учащихся во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ. Число это уменьшается, какъ для общей суммы учащихся, такъ и отдѣльно для учениковъ приготовительнаго класса и остальныхъ классовъ, кромѣ приготовительнаго [2]), какъ показываетъ слѣдующая табличка. Числа даны къ концу указанныхъ годовъ.

Годъ.	Число гимназистовъ въ имперіи. Всего.	Пригот. классъ.	I—VIII классы.
1884	71.589	?	?
1886	70.921	8.860	62.060
1887	61.532	2.850	58.680
1890	59.508	5.710	53.800
Уменьшеніе въ проц. къ цифрѣ 1886 года.	—16%	—36%	—13%

Указанный фактъ уменьшенія числа учащихся въ гимназіяхъ не могъ не отразиться на задержкѣ роста университетовъ. Но значеніе его вовсе не исчерпано. Лишь постольку, поскольку указанныя мѣры вліяли на уменьшеніе числа учениковъ въ старшихъ классахъ гимназій, опѣ уже отразились на задержкѣ увеличенія числа оканчивающихъ курсъ въ гимназіяхъ, а стало быть и на ростѣ университетовъ. Но главнымъ образомъ, какъ отчасти указываетъ и приведенная табличка, мѣры эти отражались на числѣ учениковъ младшихъ классовъ и особенно приготовительнаго и перваго. Результаты уменьшенія числа этихъ послѣднихъ, начавшагося съ 1887 г., должны выясниться на абитуріентахъ гимназій 1895 и послѣдующихъ годовъ.

---

[1]) См. „Сборникъ постановленій“ т. 10, № 434, № 401 и др.—Отпускъ средствъ на приготовительные классы прекращенъ, начиная съ 1887-8 уч. года (потомъ разрѣшено содержаніе ихъ на спеціальныя средства заведеній). Относительно пріема въ гимназіи, циркуляромъ мин. нар. просв. 18 іюня 1887 г., № 2255, директорамъ по единоличному усмотрѣнію предоставлено „рѣшительно отклонять прошенія“, если они найдутъ, что тотъ или иной ребенокъ родился или воспитывался „въ несоотвѣтствующей обстановкѣ“. Что касается уже принятыхъ, то директорамъ же предоставлено увольнять, не стѣсняясь двухлѣтнимъ срокомъ, указаннымъ въ § 34 устава гимназій и прогимназій, или формальными правилами о взысканіяхъ“. Плату за ученіе предложено съ 1888 учебн. года взимать въ размѣрѣ 40 р. съ ученика, а число евреевъ свести до 10% въ чертѣ осѣдлости“, а внѣ этой черты до 3% (въ столицахъ) и 5% (въ прочихъ мѣстностяхъ).

[2]) Эти послѣднія цифры вычислены на основаніи процентныхъ отношеній, указанныхъ въ отчетахъ м-ра нар. просв., и потому въ единицахъ не могутъ быть точны. Прибавимъ, что, по упомянутому выше очерку Л. С. Личкова „Произв. силы“ XIX отд., стр. 27), въ 1885 году въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ училось 72.592 чел.; эта цифра должна еще болѣе оттѣнить сдѣланный въ текстѣ выводъ.

Кромѣ этихъ общихъ для цѣлаго періода причинъ, существовали и спеціальныя, вліявшія на пониженіе числа студентовъ въ отдѣльные годы. Ихъ мы можемъ прослѣдить, присматриваясь ближе къ ряду погодныхъ чиселъ студентовъ московскаго университета. При непрерывномъ и довольно значительномъ возрастаніи этихъ чиселъ, невольно бросаются въ глаза тѣ годы, когда число студентовъ или почти не увеличивалось, или даже подвергалось нѣкоторому уменьшенію. Очевидно, весь плюсъ, который могъ бы получиться въ данномъ числѣ при обычныхъ условіяхъ, благодаря приливу новыхъ студентовъ, погашался вліяніемъ другой причины, понижавшей это число. Такія задержки можно особенно отмѣтить для 1881 года, когда число студентовъ увеличилось всего на 17 челов., для 1888 года, съ уменьшеніемъ на 2, и для 1891 года, съ уменьшеніемъ на 77 челов. Причиною, съ которою связаны эти явленія, были студенческіе „безпорядки", происходившіе въ московскомъ университетѣ какъ разъ передъ указанными годами: съ 5 декабря 1880 г., съ 22 ноября 1887 г. и съ 7 марта 1890 года. Судя по сообщеніямъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", въ „Извлеченіяхъ изъ всеподданнѣйшаго отчета министра народн. просв." и имѣющимся въ литературѣ указаніямъ, это явленіе не оставалось единичнымъ. Такъ, по словамъ проф. Модестова, въ ноябрѣ и декабрѣ 1887 года поднялись волненія во всѣхъ русскихъ университетахъ, кромѣ кіевскаго, гдѣ было спокойно со времени крупныхъ сентябрьскихъ волненій 1884 года, приведшихъ къ увольненію всѣхъ студентовъ и къ временному закрытію университета. Бурныя волненія проявились сначала въ Москвѣ, потомъ въ Харьковѣ, Одессѣ, Казани и, наконецъ, въ Петербургѣ. Въ Москвѣ волненія приняли такіе размѣры, что, какъ сообщалось, отъ 3 декабря, въ „Правит. Вѣстникѣ", приходилось передъ Екатерининской больницей для разсѣянія сходки пустить въ ходъ жандармовъ и полицію, а въ Петербургѣ пришлось ввести полицію даже въ университетъ, чтобы укротить бушующихъ. Во всѣхъ этихъ университетахъ лекціи были пріостановлены и возобновились въ слѣдующемъ семестрѣ не ранѣе 15 января, а въ Москвѣ—21-го, въ Харьковѣ—25-го и въ Одессѣ—29-го января; въ Казани же, какъ сообщалось въ „Правит. Вѣстникѣ", отъ 24 января, лекціи должны были открыться между 1 и 8 февраля 1888 года" [1]). Далѣе, тотъ же авторъ пишетъ:

[1]) См. конецъ статьи проф. В. Модестова: „Семидесятилѣтіе Петербургскаго университета" въ „Сѣв. Вѣстникѣ", 1894 г., апрѣль, стр. 140.

„волненія и безпорядки среди студентовъ обнаружились и въ концѣ 1889 (въ Одессѣ), и въ началѣ 1890 года (въ разныхъ мѣстахъ). Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, отъ 30 марта сообщалось, что въ теченіе февраля и начала марта происходили безпорядки въ Петровской академіи (подъ Москвой), въ московскомъ и петербургскомъ университетахъ, въ петербургскомъ технологическомъ и лѣсномъ институтахъ, въ харьковскомъ ветеринарномъ, а также, хотя и незначительно, въ новоалександрійскомъ институтѣ сельск.-хозяйства и лѣсоводства“ [1]).

Нѣтъ еще матеріала, сколько-нибудь достаточнаго для полнаго объясненія этихъ явленій. Мы, по крайней мѣрѣ, принуждены совершенно отказаться отъ этой задачи и ограничиться лишь сопоставленіемъ двухъ мнѣній, относящихся къ событіямъ 1887 года, не касаясь событій 1880—81 г., имѣвшихъ меньшее значеніе для возрастанія числа студентовъ, и событій 1890 г., нигдѣ почти не описанныхъ. Намъ кажется, что, въ виду однородности явленій, происходившихъ въ разныхъ университетахъ, отзывы эти могутъ быть сопоставлены другъ съ другомъ, хотя второй изъ нихъ относится собственно къ петербургскому университету.

„Въ концѣ отчетнаго (1887) года,—говоритъ министръ народнаго просвѣщенія въ своемъ отчетѣ [2]),—въ московскомъ университетѣ среди студентовъ возникли безпорядки, вслѣдствіе которыхъ чтеніе лекцій было прекращено 30 ноября. Волненіе, возникшее въ одномъ университетѣ, къ сожалѣнію, повліяло и на другія высшія учебныя заведенія. Какъ ни прискорбны были такія явленія сами по себѣ, нельзя, однако, не придать въ данномъ случаѣ существенно важнаго значенія тому обстоятельству, что въ происходившихъ волненіяхъ принимали участіе далеко не всѣ студенты. Многіе вовлекались въ дѣло только потому, что не находили въ себѣ довольно нравственной силы и твердости воли, чтобы оказать сопротивленіе производившемуся на нихъ давленію со стороны зачинщиковъ. Что это дѣйствительно такъ, доказывается разслѣдованіемъ, а равно и характеромъ наложенныхъ на виновныхъ взысканій. Такъ, въ казанскомъ университетѣ изъ числа 38 студентовъ, уволенныхъ по прошеніямъ, принято обратно въ тотъ же университетъ — 21. Въ новороссійскомъ университетѣ 25 студентамъ, уволеннымъ по прошеніямъ,

---

[1]) См. ту же статью, „Сѣв. Вѣстникъ“, 1894 г., № 4, стр. 141.

[2]) „Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета министра народнаго просвѣщенія за 1887 г.“ Спб. 1892.

предоставлено было право обратиться къ начальству съ ходатайствомъ объ обратномъ принятіи ихъ въ тотъ же университетъ. Такимъ образомъ, какъ ни грустенъ былъ фактъ волненій самъ по себѣ,—въ немъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, нельзя не признать и нѣкоторой успокоительной стороны въ томъ отношеніи, что причины, вызвавшія грустныя явленія, которыми ознаменовался въ университетахъ отчетный годъ, лежали не во внутреннихъ условіяхъ жизни университетовъ или быта студенчества, а были чѣмъ-то случайнымъ, имѣли, такъ сказать, внѣшній характеръ. Набросить потому тѣнь на все студенчество эти волненія не могутъ, тѣмъ болѣе, что число зачинщиковъ безпорядковъ въ каждомъ университетѣ было относительно невелико".

Внѣшнимъ вліяніямъ приписываетъ волненія и г. Ѳ. Еленевъ [1]); онъ слѣдующимъ образомъ описываетъ настроеніе студентовъ петербургскаго университета въ 1887 году. „Въ производимой университетской инспекціей повѣркѣ посѣщенія лекцій студентами и въ зачетѣ имъ семестровъ [2]) они видѣли посягательство на ихъ личную свободу и оскорбленіе достоинства студенческаго званія. Въ назначеніи профессоровъ правительствомъ, а не по выбору профессорской коллегіи, равно какъ и въ недавнемъ удаленіи нѣкоторыхъ профессоровъ [3]) они находили нарушеніе принциповъ университетскаго самоуправленія. Вообще, весь новый университетскій уставъ они признавали никуда негоднымъ и заслуживающимъ упраздненія. Въ то же время они чувствовали себя глубоко униженными и оскорбленными уничтоженіемъ студенческой читальни и особенно обращеніемъ этой комнаты для другого, менѣе возвышеннаго предназначенія. Въ наблюденіи университетскою полиціею за подозрительными личностями между студентами и въ мѣрахъ, принимаемыхъ для предупрежденія безпорядковъ, подобныхъ нынѣшнимъ, студенты усматривали инквизицію и шпіонство. Но въ особенности возмущались они удаленіемъ изъ университета, въ теченіе нынѣшняго лѣта и осени, нѣсколькихъ студентовъ, вліяніе которыхъ было признано вреднымъ для порядка и спокойствія университета. Они считали долгомъ товарищества и мнили себя въ правѣ требовать возвращенія этихъ студентовъ (такъ-называемыхъ ими

[1]) Брошюра: „Студенческіе безпорядки". Спб. 1888, стр. 27 и другія.

[2]) Нововведеніе устава 1884 года; такимъ же, въ значительной степени, является и упоминаемая далѣе университетская полиція.

[3]) Останавливаясь на отчетахъ московскаго университета, мы видимъ, что въ 1884 году уволенъ профессоръ римскаго права С. А. Муромцевъ, а въ 1887 г.— проф. государственнаго права М. М. Ковалевскій.

„южанъ“, т.-е. уроженцевъ южныхъ губерній), безъ чего признавали возстановленіе порядка невозможнымъ. Здѣсь же примѣшивались дѣтски-неосмысленныя сужденія и требованія по поводу кары, постигшей въ Москвѣ наглый и позорный для всего университета поступокъ“ [1]).

Возможность постороннихъ вліяній въ дѣлѣ университетскихъ безпорядковъ была уже разобрана въ свое время на страницахъ „Вѣстника Европы“ [2]), и мы, не останавливаясь на этой сторонѣ дѣла, перейдемъ къ разсмотрѣнію другихъ его сторонъ. Прежде всего необходимо отмѣтить слова министра народнаго просвѣщенія. Въ нихъ ясно сказывается нежеланіе высшаго начальства, чтобы печальныя явленія, подобныя указаннымъ, повторялись; видно, далѣе, нежеланіе, чтобы во внутреннихъ условіяхъ жизни университетовъ и быта студентовъ были какія-нибудь причины, могущія придать этимъ движеніямъ массовый характеръ, и, наконецъ, признаніе, что эти явленія не могутъ набросить тѣни на студенчество. Нельзя достаточно отмѣтить этотъ мудрый и благожелательный взглядъ. При послѣдовательномъ проведеніи его въ жизнь врядъ ли, дѣйствительно, могла бы создаться почва для возникновенія и повторенія безпорядковъ въ университетѣ. Но переходя къ болѣе детальному разсмотрѣнію условій этихъ явленій,—условій, изложенныхъ отчасти у г. Еленева,—приходится указать на рядъ взаимныхъ недоразумѣній и непониманіе другъ другомъ ближайшаго университетскаго начальства и слушателей университета. То, на что̀ нѣкоторые университетскіе чиновники смотрѣли лишь какъ на ревностное исполненіе долга (напр., обращеніе комнаты изъ-подъ читальни „для другого, менѣе возвышеннаго, предназначенія“), студентамъ казалось оскорбительнымъ издѣвательствомъ. Мѣры для принудительнаго вселенія прилежанія къ наукамъ представлялись посягательствомъ на личную свободу и оскорбленіемъ достоинства учащагося, свободно выбравшаго свое призваніе. Разъяснить истинное значеніе этихъ мѣръ и гуманно ихъ приложить къ жизни, всего менѣе могли свирѣпые люди, стремившіеся внѣдрить дисциплину „въ отношенія родителей къ дѣтямъ, въ отношенія подчиненныхъ къ начальству, въ образъ поведенія простонародья относительно властей и высшаго класса, въ поведеніе прислуги относительно

[1]) Студентъ А. Синявскій нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ извѣстному инспектору студентовъ—Брызгалову. Онъ былъ отданъ въ дисциплинарный баталіонъ военнаго вѣд. на 3 года. Та же кара за подобный поступокъ постигла студента казанск. ун. К. Алексѣева. См. „Правительств. Вѣстникъ“, 1887 г. 3, 4 и 8 декабря.

[2]) 1888 годъ, № 1, Внутреннее Обозрѣніе.

господъ и мастеровыхъ въ отношеніи къ ихъ хозяевамъ“ [1]). И вотъ изъ-за мѣръ, которыя высшимъ начальствомъ признавались временными [2]), множество молодыхъ людей лишаются возможности продолжать начатое высшее образованіе. Благодаря нетактичности нѣкоторыхъ исполнителей, даже такія, повидимому гуманныя, предположенія, какъ удаленіе въ каждомъ университетѣ лишь незначительнаго числа зачинщиковъ, на дѣлѣ принимаютъ такія формы, что заставляютъ оставшихся по долгу товарищества требовать къ удаленнымъ болѣе справедливаго отношенія. Наконецъ, въ стремленіи устранить вліяніе агитаторовъ и предупредить безпорядки, принимались такія мѣры, какъ будто университетская молодежь состояла изъ однихъ агитаторовъ, а волненія были уже совершившимся фактомъ. Все это нельзя назвать иначе, какъ недоразумѣніями и взаимнымъ непониманіемъ, и практика показываетъ намъ, что матеріала для такихъ недоразумѣній всего меньше тогда, когда случаи непосредственнаго столкновенія администраціи съ студентами — рѣже, какъ это и было при дѣйствіи устава 1863 года, сообразно правиламъ его. Этотъ выводъ подтверждается данными статистики движенія студентовъ въ московскомъ университетѣ.

Что различіе уставовъ дѣйствительно не оставалось безъ нѣкотораго вліянія на колебанія числа студентовъ—показываетъ слѣдующая табличка, дающая число выбывающихъ до окончанія курса за разные періоды, съ указаніемъ средняго количества студентовъ въ университетѣ за тотъ же періодъ [3]).

---

[1]) Ѳ. Еленевъ. Вышеназванная брошюра, стр. 42.

*) Какъ извѣстно, въ настоящее время въ большинствѣ университетовъ нѣтъ усиленной повѣрки посѣщенія лекцій; зачеты полугодій отмѣнены; назначенія профессоровъ непосредственно министерствомъ являются фактами единичными въ университетахъ и т. д.

[2]) Въ 1881 году выбыло изъ московскаго университета до окончанія курса 329 челов.; въ 1887 и 88 гг.—601 чел., а въ 1890, 91 и 92 гг.—1.157 чел. Аналогичныя явленія происходили и въ другихъ университетахъ.—Интересны свѣдѣнія о причинахъ и послѣдствіяхъ этихъ явленій. Указаній на таковыя мы не находимъ въ отчетахъ московскаго университета, но мы можемъ воспользоваться данными петербургскаго университета, которыя нѣсколько освѣщаютъ этотъ вопросъ. Изъ 316 студентовъ, выбывшихъ въ 1887 г. изъ университета до окончанія курса, исключено, согласно предложеніямъ министра народн. просв. 93 студента (72—въ іюлѣ, 21—въ декабрѣ); уволено на основаніи такихъ же предложеній 79 (56—въ іюлѣ, 26—въ декабрѣ); уволено по постановленію правленія: за невзносъ платы—24, вслѣдствіе обвиненія въ государственныхъ преступленіяхъ — 17; выбыло изъ унив. по разнымъ причинамъ—103. Изъ числа исключенныхъ и уволенныхъ по предложенію министра вновь приняты въ петербургскій унив.—17, въ другіе унив. — 43; неотмѣненной карательная мѣра осталась, слѣдовательно, для 112 студентовъ. Изъ числа уволенныхъ за невзносъ платы принято обратно 15, т.-е. больше половины.

Періодъ.	Среднее число студентовъ въ данный періодъ.	Сумма выбывшихъ до окончанія курса.	Среднее ежегодное число выбывшихъ до окончанія курса.
1860—64 гг.	1.650	942	235,5
1865—84 „	1.696	2.758	137,8
1885—94 „	3.303	2.858	285,8

Такимъ образомъ, за 10 лѣтъ послѣ отмѣны устава 1863 года (за 1885—94 гг.) выбыло до окончанія курса больше студентовъ, чѣмъ за 20 лѣтъ примѣненія этого устава (1865—84 гг.). Въ среднемъ, за эти 20 лѣтъ ежегодно выбывало до окончанія курса по 8,1% общаго числа студентовъ, а за 14 лѣтъ дѣйствія другихъ уставовъ (до 1864 г. и послѣ 1885 г.)—по 9,6%, т.-е. на $^1/_3$ больше. Въ другихъ университетахъ отмѣна университетскаго устава сказалась, въ этомъ смыслѣ, еще сильнѣе, чѣмъ въ московскомъ, и тамъ для пятилѣтія, слѣдующаго за отмѣной устава 1863 года (1885—89 гг.) отмѣчено довольно сильное уменьшеніе числа студентовъ.

IV.—Исторія отдѣльныхъ факультетовъ за 1859—1894.

Изъ предъидущаго разсмотрѣнія исторіи московскаго университета въ связи съ исторіей другихъ университетовъ, мы могли получить понятіе о разнообразіи тѣхъ обстоятельствъ, которыя оказывали свое вліяніе на разсадники высшаго образованія. Здѣсь мы встрѣчали, съ одной стороны, мѣры правительства, касающіяся какъ университетовъ, такъ и подготовительной къ нимъ школы, а съ другой,—нужды и потребности общества, и также настроенія самой учащейся молодежи. Останавливаясь лишь на условіяхъ, замѣтно измѣнявшихъ число учащихся въ университетахъ, мы должны отмѣтить: мѣры конца сороковыхъ годовъ, неустойчивое положеніе дѣла высшаго образованія до введенія устава 1863 года, „классическую реформу“ гимназій, подъемъ потребности въ образованіи въ русскомъ обществѣ, правительственныя мѣры второй половины 80-хъ годовъ, наконецъ, находящіяся въ хронологической связи съ этими послѣдними „студенческія исторіи“. Университетъ, какъ цѣлое, является передъ нами разсадникомъ высшаго образованія, необходимымъ для самыхъ разнообразныхъ слоевъ русскаго народа, начиная съ правительства и кончая наименѣе достаточными и наиболѣе отсталыми въ культурномъ отношеніи классами. Его услугами хотятъ пользоваться все болѣе широкіе круги населенія, но со стороны лицъ и классовъ, успѣвшихъ уже занять лучшее поло-

женіе на жизненномъ пиру, иногда раздаются голоса противъ распространенія высшаго образованія, и, какъ результатъ этихъ требованій, ограничивается кругъ лицъ, пользующихся имъ, или размѣры пользованія.

Вотъ первое представленіе объ исторіи университета. Его нельзя не назвать слишкомъ общимъ. Только при разсмотрѣніи судьбы отдѣльныхъ факультетовъ, мы узнаемъ, какія нужды государства и общества привлекали вниманіе къ извѣстнымъ отраслямъ знанія и увеличивали число лицъ, изучающихъ ихъ. Судьба факультетовъ до конца 50-хъ годовъ была уже нами разсмотрѣна. Въ этотъ періодъ времени поступленіе на тотъ или другой факультетъ обыкновенно не было актомъ свободнаго выбора студента, и факультеты не имѣли самостоятельной исторіи. Теперь распредѣленіе учащихся, подготовляющихся къ той или иной отрасли труда, связаннаго съ высшимъ образованіемъ, совершается болѣе свободно, причемъ каждый изъ нихъ руководствуется, главнымъ образомъ, разсчетомъ матеріальныхъ выгодъ, соединенныхъ съ тѣмъ или инымъ занятіемъ. Такимъ образомъ, на это распредѣленіе вліяетъ преимущественно спросъ въ данной области интеллигентнаго труда. Развитіе тѣхъ или иныхъ факультетовъ поэтому должно слѣдовать за годами высшаго спроса на соотвѣтственную отрасль труда, а пониженіе числа учащихся на этихъ факультетахъ—наступать послѣ соотвѣтственнаго пониженія въ спросѣ.

Однако, вліяніе общихъ условій развитія университетовъ, столь замѣтное для времени до конца 50-хъ годовъ, теперь не потеряло своего значенія для судьбы отдѣльныхъ факультетовъ; вліяніе это часто не стоитъ въ близкой связи съ потребностью въ людяхъ той или иной подготовки, а зависитъ отъ другихъ причинъ, напримѣръ политическихъ. Отъ рамокъ, поставленныхъ университету правительственой властью, зависитъ и развитіе въ немъ тѣхъ или иныхъ научныхъ дисциплинъ, а это обстоятельство, въ свою очередь, можетъ вліять на привлеченіе учащихся на соотвѣтственные факультеты. Чтобы не запутаться въ частностяхъ, остановимся на общихъ чертахъ исторіи факультетовъ, на эпохахъ ихъ особеннаго процвѣтанія и упадка, а затѣмъ уже перейдемъ къ разсмотрѣнію того, какъ отражались на отдѣльныхъ факультетахъ всѣ многочисленныя вліянія, имѣвшія отношеніе къ университету въ цѣломъ.

Самымъ большимъ факультетомъ московскаго университета былъ почти всегда медицинскій: число медиковъ отставало отъ числа юристовъ лишь въ самомъ началѣ разсматриваемаго пяти-

десятилѣтія, а затѣмъ въ теченіе двухъ періодовъ: съ 1862 по 1872 годъ, и съ 1890 года по настоящее время. На развитіе этого факультета болѣе всего повліяли двѣ большія войны, которыя вела Россія во вторую половину XIX вѣка: крымская и турецкая. Возможность прилагать свои знанія тамъ, гдѣ ярче всего сказывается могущество науки въ дѣлѣ облегченія человѣческихъ страданій, большой спросъ на медицинскій трудъ, льготныя условія для выпуска врачей и увеличенное вознагражденіе, однимъ словомъ—и нравственные, и матеріальные интересы звали на медицинское поприще. Число студентовъ-медиковъ вскорѣ послѣ каждой изъ войнъ достигало своихъ максимальныхъ величинъ; оно равнялось въ 1857 году, 1.068 [1]) и въ 1880 г.—1.538; послѣ этихъ моментовъ оно довольно значительно падаетъ: до 311 въ 1866 году и до 1.096 въ 1891 году.

Наибольшее скопленіе студентовъ на юридическомъ факультетѣ наблюдалось также въ два момента: въ 1888 году, когда ихъ было 919, и въ 1893,—для котораго отмѣчено число 1.569 юристовъ [2]); въ срединѣ семидесятыхъ годовъ число ихъ падало ниже 300, спускаясь, такимъ образомъ, почти до числа 1856 года (290). Эпохи процвѣтанія юридическаго факультета приходятся каждый разъ къ концу четвертаго года послѣ проведенія довольно извѣстныхъ реформъ прошлаго и ему предшествовавшаго царствованій. Но если ростъ числа юристовъ въ шестидесятые годы дѣйствительно долженъ быть приписанъ исключительно вліянію реформы 20 ноября 1884 года, предъявившей на всѣхъ поприщахъ улучшеннаго тогда судопроизводства спросъ на образованныхъ юристовъ [3]), то нельзя придавать такого же значенія введенію института земскихъ начальниковъ, 12 іюня 1889 года. Ростъ юридическихъ факультетовъ, происходившій во все продолженіе послѣдняго двадцатилѣтія, зависѣлъ отъ собственныхъ, имъ исключительно присущихъ, причинъ, на которыхъ мы будемъ еще имѣть случай остановиться, а не отъ реформы 12 іюня. Мы увидимъ ниже, что главное возрастаніе числа юристовъ падаетъ на время, предшествующее реформѣ

---

[1]) Какъ уже было указано выше, правила о комплектѣ, заставлявшія студентовъ поступать въ усиленномъ количествѣ на медицинскій факультетъ, до котораго эти правила не касались, были отмѣнены еще въ ноябрѣ 1855 г. Но несмотря на это, нельзя точно указать, что̀ болѣе содѣйствовало росту числа студентовъ-медиковъ: эти правила, или война?

[2]) 1895 года мы въ своемъ изложеніи не касались.

[3]) Возрастаніе числа ихъ можно отмѣтить лишь съ 1882 года, когда утверждены были главныя начала преобразованія судебной части.

(съ 1880 по 1887 годъ оно увеличилось на 718); однако, возрастаніе не остановилось и въ послѣдующее время, хотя въ семилѣтіе 1887—94 гг. равнялось всего 431 чел. Очень возможно, впрочемъ, что на возрастаніе числа юристовъ въ послѣднее семилѣтіе повліяла отчасти и указанная реформа, присоединившая къ административнымъ должностямъ судебныя функціи и тѣмъ нѣсколько повысившая требованія юридическаго образованія отъ администраторовъ [1]).

Для прочихъ факультетовъ нельзя пока отмѣтить вліянія усиленнаго спроса на соотвѣтственный интеллигентный трудъ. На ростѣ физико-математическаго факультета отражаются всего сильнѣе общія эпохи упадка и возрастанія числа студентовъ, почему мы и не будемъ здѣсь долго останавливаться на немъ. Дѣйствительно, число студентовъ на этомъ факультетѣ упало съ 405—въ 1862 году до 127—въ 1874 г., а затѣмъ возросло до 826—въ 1894 году [2]).

Что касается историко-филологическаго факультета, то онъ никогда не отличался особеннымъ многолюдствомъ, и наибольшее число студентовъ-филологовъ—въ 1886 году—доходило лишь до 314. На измѣненіяхъ числа филологовъ особенно печально отразились эпохи усиленія „классицизма“: въ эпоху введенія устава гимназій 1871 года число это упало на 34% [3]) и на такой же почти процентъ (32% [4])),—въ эпоху введенія новаго университетскаго устава; эти факты наглядно показываютъ, что упомянутые уставы рѣзко противорѣчили требованіямъ русскаго общества отъ историко-филологическаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что потребности филологической науки получили въ нихъ неправильное истолкованіе.

Отъ общихъ замѣчаній о развитіи факультетовъ переходимъ къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какъ повліяли на это развитіе условія, имѣвшія значеніе для университета въ цѣломъ. Нами уже отмѣчено, что, благодаря этимъ причинамъ, исторія университета распадается на два періода: періодъ неустойчивости и паденія числа слушателей (до 1874 г.) и періодъ его возрастанія (съ 1874 года). Надо посмотрѣть, какъ отразились различныя неблагопріятныя условія перваго періода на величинѣ от-

[1]) Какъ извѣстно, весьма незначительно, на что̀ указываетъ и приведенная выше графа возрастанія (менѣе 62 чел. въ годъ).

[2]) До 1868 года естественники и математики въ отчетахъ показываются слитно, отчего мы и не можемъ привести здѣсь отдѣльно исторіи двухъ отдѣленій.

[3]) Со 114 въ 1870, до 75 въ 1874 г.

[4]) Съ 314 въ 1886 г., до 214 въ 1889 г.

дѣльныхъ факультетовъ за это время, а для второй эпохи—какъ слагался ростъ факультетовъ въ общую картину роста университета. Остановимся сначала на времени до 1874 года. Нижеслѣдующія таблички покажутъ намъ, чему равнялось въ это время число студентовъ на отдѣльныхъ факультетахъ московскаго университета, и какъ оно измѣнялось изъ года въ годъ. Число студентовъ равнялось:

Года:	Юристовъ.	Медиковъ.	Физ.-матем.	Филолог.
1858.	442	993	258	67
1862.	675	582	405	82
1866.	773	311	312	59
1868.	919	362	234	96
1871.	743	520	156	103
1874.	328	638	127	75
1875.	291			

Уменьшеніе (—) или увеличеніе (+) числа студентовъ въ средній годъ періода (въ $^0/_0{}^0/_0$ къ начальной цифрѣ періода) равнялись по отдѣльнымъ факультетамъ слѣдующимъ числамъ:

Года:	Юристовъ.	Медики.	Физ.-матем.	Филол.
1859—62	+13,2 [1])	—10,4	+14,3	+ 5,7
1863—66	+ 3,6	—11,7	— 5,7	— 7,1
1867—68	+ 9,5	+ 8,2	—12,5	+31,4
1869—71	— 6,4	+14,6	—11,5	+ 2,4
1872—74	—18,6 [2])	+ 7,2	— 6,2	— 9,0
1875—.	—11,3			

Мы видимъ, что болѣе замѣтными процессами являются наблюдаемые въ первую половину періода паденіе числа студентовъ медицинскаго факультета и возрастаніе числа юристовъ. Число медиковъ достигло своего апогея еще въ 1857 году, и съ тѣхъ поръ понижалось вплоть до 1866 года. Увеличеніе числа юристовъ начинается съ 1862 года, когда оно равно 248 чел., т.-е. 56$^0/_0$ числа юристовъ къ началу 1862 года (иначе говоря, къ концу предъидущаго 1861 года), и продолжается до 1868 года. Эпохи 1857, 62 и 68 годовъ, а также возможныя причины этихъ процессовъ—уже выше отмѣчены. Остальными своими цифрами приведенныя таблицы ясно изображаютъ неустойчивое положеніе университетовъ вообще. Было бы слишкомъ утомительно разбираться въ этихъ цифрахъ, разсматривать бы-

[1]) Какъ отмѣчено ниже, увеличеніе падаетъ исключительно на 1862 г.

[2]) Уменьшеніе равнялось по годамъ: въ 1872 г.—155 чел.; въ 1873 г.—140 чел.; въ 1874 г.—120 чел.

стро смѣняющія другъ друга возрастанія и паденія числа студентовъ разныхъ факультетовъ. За все разсматриваемое время лишь для эпохи 1867—68 гг. наблюдаются сравнительно благопріятные признаки: юридическій факультетъ достигаетъ апогея своего развитія; чрезвычайно быстро увеличивался филологическій; начинается увеличеніе медицинскаго, и только физико-математическій факультетъ продолжаетъ падать; но прочіе факультеты (особенно юридическій) пересиливаютъ это паденіе. Въ другомъ смыслѣ должно быть отмѣчено время, наступившее послѣ 1871 года,—года введенія гимназической реформы, которая сразу уменьшила контингентъ гимназистовъ, доходящихъ до университета. Въ эту эпоху увеличивался лишь медицинскій факультетъ, но и его ростъ сильно замедлился, спустившись съ 15 до 7% въ годъ. Для прочихъ факультетовъ отмѣчено паденіе числа студентовъ. Введеніе реформы отразилось болѣе всего на юридическомъ факультетѣ: оно увеличило паденіе числа юристовъ съ 6 до 19% ежегодно; въ то же время возрастаніе числа филологовъ, доходившее раньше до 31% въ годъ, не только прекращается, но и замѣняется крупнымъ уменьшеніемъ въ 9% ежегодно; наконецъ, наблюдается замѣтное паденіе числа студентовъ на физико-математическомъ факультетѣ, хотя, достигнувъ уже раньше слишкомъ крупной величины, это паденіе, по сравненію съ предъидущимъ, нѣсколько замедлилось. Въ итогѣ число университетскихъ студентовъ значительно уменьшилось за 1871—74 годы.

Какъ мы уже видѣли, 1874-мъ годомъ кончается періодъ пониженія общаго числа студентовъ московскаго университета. Начиная съ 1874 года и кончая настоящимъ временемъ, продолжается почти непрерывное возрастаніе этого числа, которое отъ 1.168 чел. подымается до 3.906 въ 1894 году, т.-е. на 2.738 чел. за 20 лѣтъ [1]). Такое возрастаніе зависѣло, какъ правило, отъ роста въ отдѣльные періоды то того, то другого изъ факультетовъ, и по этому признаку можно разбить двадцатилѣтіе на три періода. Въ первомъ періодѣ (1875—80 гг.)

---

[1]) Вотъ составъ студентовъ въ московскомъ университетѣ въ самомъ началѣ, въ серединѣ и въ концѣ истекшаго пятидесятилѣтія (1845—1895 гг.):

Года:	Выбыло до окончанія курса:	Окончило курсъ:	Вновь поступило:	Всего:				
					юрист.	мед.	физ.-мат.	фил.
1845	70	143	295	909	(333	320	186	70)
1870	105	266	344	1.543	822	435	170	114)
1895	292	456	1.179	4.147	(1.587	1.380	929	251)

наиболѣе замѣтенъ ростъ медицинскаго факультета; во второмъ (1881—87 гг.)—юридическаго (и отчасти историко-филологическаго), а въ третьемъ (1888—94 гг.)—юридическаго и естественнаго. Не настаивая особенно на этомъ дѣленіи, обратимся къ ближайшему разсмотрѣнію числа студентовъ по факультетамъ.

Разсматривая возрастаніе общаго числа студентовъ по годамъ [1]), мы должны особенно отмѣтить три года. Въ 1880 оно доходитъ до 27,6%; въ 1877—до 20,6%, и въ 1879—до 15,0%; въ суммѣ, за четырехлѣтній періодъ, включающій эти года (1877-80 гг.) число студентовъ возросло съ 1.301 до 2.413, т.-е. на 1.112 человѣкъ. Возрастаніе объясняется ростомъ числа медиковъ, поднявшагося за это время съ 695 до 1.538 чел., т.-е. на 843 человѣка [2]). Никогда, ни раньше, ни позже, не достигалъ этотъ факультетъ такого развитія, какъ въ 1880 году. Съ этого времени онъ начинаетъ падать, какъ подъ давленіемъ установленнаго вскорѣ комплекта числа студентовъ, допускаемыхъ на курсы московскаго медицинскаго факультета, такъ — и еще болѣе—подъ вліяніемъ уменьшенія спроса на врачебный трудъ, насыщеннаго предъидущими выпусками врачей. Это явленіе имѣло значеніе для всей Россіи и выразилось въ отсутствіи свободныхъ мѣстъ, пониженіи вознагражденія врачей и т. под. явленіяхъ, отмѣченныхъ въ одной изъ статей г. В. В. [3]). Въ московскомъ университетѣ паденіе числа медиковъ выражается слѣдующими средними цифрами за три послѣдовательныя пятилѣтія: 1880-84—1.370; 1885-89 — 1.232; 1890-94 — 1.169. Что же касается причинъ возрастанія медицинскаго факультета къ 1880 году, то онѣ—насколько возможно—отмѣчены были выше.

Юридическій факультетъ имѣлъ также цѣлый періодъ, когда онъ изъ году въ годъ возросталъ весьма быстро. Ростъ его, въ трехлѣтіе 1882, 1883 и 1884 гг., равнялся 25,8, 22,0 и 22,0%; въ два предъидущіе года (1880 и 81) онъ достигалъ 15,8 и 18,4%, а въ два послѣдующіе былъ равенъ 11,3% въ годъ. Такимъ образомъ, за все семилѣтіе 1880 — 86 гг. онъ увеличился съ 329 до 1.045 человѣкъ, т.-е. на 716. Если столь быстрое возрастаніе сказалось на общемъ ростѣ университета не

---

[1]) Годовое возрастаніе, какъ здѣсь, такъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи, будетъ выражаться въ °/₀ къ начальной цифрѣ года, т.-е., къ конечной цифрѣ предъидущаго года.

[2]) На 28,1°/₀ въ 1877 г.; на 21,9°/₀—въ 1879 г., и на 32,4°/₀ въ 1880 г.

[3]) „Капитализмъ и рабочая интеллигенція". „Отеч. Зап." 1884 г., кн. 2 (Современное Обозр., стр. 133—162). Выводы, къ которымъ пришелъ авторъ, разбиты дѣйствительностью, но факты, собранные имъ, остаются очень интересными.

такъ рѣзко, какъ отразился на немъ въ періодъ 1877—80 гг. ростъ медицинскаго факультета,—то это потому, что къ 1880 г. и другіе факультеты достигли уже значительнаго развитія. Это обстоятельство нисколько не можетъ подорвать нашего интереса къ изученію причинъ, породившихъ столь быстрое и сильное возрастаніе юридическаго факультета.

Восьмидесятые годы представляютъ изъ себя эпоху перелома въ міросозерцаніи русскаго общества. Интересъ къ общественнымъ наукамъ, нараставшій еще съ семидесятыхъ годовъ, необыкновенно усилился и сказался не столько въ развитіи соотвѣтствующей научной литературы [1]), сколько въ притокѣ жаждущей знанія молодежи къ юридическимъ факультетамъ. Это была наиболѣе плодотворная эпоха существованія этихъ факультетовъ, отмѣченная прекрасными преподавателями во многихъ университетахъ, наплывомъ слушателей въ ихъ аудиторіяхъ, живымъ обмѣномъ мыслей и обиліемъ научныхъ результатовъ. Но несмотря на быстрый ростъ юридическихъ факультетовъ всѣхъ университетовъ, ростъ московскаго юридическаго факультета представляется все-таки необычайнымъ, какъ показываютъ слѣдующія цифры. Число студентовъ-юристовъ равнялось:

	Московск. унив.	Остальн. унив.
Начало 1880 года.	329	1.461
Конецъ 1886 года.	1.045	3.344
Приростъ за 7 лѣтъ. . . .	+ 716	+1.883
Въ процентахъ.	+211,8	+128,8

Такимъ образомъ, московскій юридическій факультетъ сильно возросталъ въ зависимости отъ общаго подъема интереса къ общественнымъ наукамъ, но,—какъ показываетъ сравненіе соотвѣтствующихъ цифръ таблички,—были и спеціальныя причины, привлекавшія молодежь именно на московскій юридическій факультетъ болѣе, чѣмъ на юридическіе факультеты другихъ университетовъ. Такою причиною была широкая извѣстность нѣкоторыхъ изъ его

[1]) Для такого развитія еще и теперь не наступило время: достаточно указать на затрудненія, которыя встрѣтилъ проф. А. С. Трачевскій при изданіи своего послѣдняго тома русской исторіи (см. предисловіе къ этому изданію); но еще большія затрудненія для изслѣдованія экономическаго быта Россіи, которыя помѣшали московскому юрид. обществу осуществить свой проектъ изученія крестьянской реформы (см. протоколы 1886 г.), сдѣлали невозможнымъ появленіе въ продажѣ изданія канцеляріи комитета министровъ: „Сводъ данныхъ объ экономическомъ положеніи крестьянскаго населенія Россіи“, и затруднили возможность высказаться въ связномъ видѣ новому въ нашей литературѣ направленію сторонниковъ экономическаго матеріализма и т. д.

преподавателей. Еще съ 1876—77 гг. [1]) мало-по-малу сгруппировался въ Москвѣ кружокъ нѣсколькихъ молодыхъ профессоровъ, начинавшихъ тогда выдвигаться своими талантами. Тѣсно связанные между собою общими интересами научной работы, они постоянно сходились на вечерахъ у М. М. Ковалевскаго, которые соединяли представителей разнообразныхъ знаній, мѣстныхъ и пріѣзжихъ литераторовъ и ученыхъ. Кружокъ, органомъ котораго одно время было „Критическое Обозрѣніе“, включалъ въ себѣ нѣсколько профессоровъ историко-филологическаго факультета, но главныя его силы были на факультетѣ юридическомъ. Ихъ объединяла въ научной сферѣ близость выбранныхъ ими областей изученія: соціологіи, народнаго хозяйства, государственнаго права, исторіи учрежденій и общій имъ духъ трезваго научнаго изслѣдованія и позитивное направленіе. Имена М. Ковалевскаго, Муромцева, Чупрова, Янжула, скоро стали извѣстны не только спеціалистамъ, но и большой публикѣ. Главная масса обнародованныхъ ими результатовъ научной работы и практическая дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ падаетъ именно на время 1880—86 гг. [2]), а во время 1882—84 гг. они всѣ занимали каѳедры. Если мы къ этому прибавимъ, что въ то же время юридическимъ студентамъ рекомендовались къ слушанію и были вполнѣ доступны русская и всеобщая исторія, каѳедры которыхъ занимались проф. В. О. Ключевскимъ, В. И. Герье и др. [3]), то станутъ понятными тѣ стимулы, которые заставляли русскую молодежь идти именно на московскій юридическій факультетъ. Какъ извѣстно, уже въ 1884 году С. А. Муромцевъ долженъ былъ оставить занимаемую имъ каѳедру римскаго права, а въ 1887 году былъ удаленъ изъ

[1]) См. сборникъ „Въ память С. А. Юрьева“, М. 1891, статья А. Веселовскаго, стр. 148.

[2]) Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ просмотрѣть списки трудовъ профессоровъ С. А. Муромцева, М. М. Ковалевскаго (перечень русскихъ трудовъ его, составленный г. Іолшинымъ, приложенъ къ изданной Павленковымъ книгѣ: „Семья и собственность“), И. И. Янжула (списокъ, напр., при послѣднемъ изданіи его „Началъ финансовой науки“). Проф. А. И. Чупровъ напечаталъ отдѣльно не много крупныхъ трудовъ (главный изъ нихъ: „Желѣзнодорожное хозяйство“, вышелъ въ 1875 г.); но помимо его извѣстности, какъ экономиста „Русскихъ Вѣдомостей“, талантливаго лектора и общественнаго дѣятеля, въ научной области ему принадлежитъ заслуга руководительства дѣятельностью къ возможному объединенію пріемовъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій (А. И. состоитъ предсѣдателемъ статистическаго отдѣленія московскаго юридическаго общества со времени его основанія въ 1882 г. по настоящее время). Къ срединѣ 80-хъ годовъ относится и дѣятельность проф. Янжула въ качествѣ фабричнаго инспектора.

[3]) О предметахъ преподаванія и профессорахъ, занимающихъ каѳедры, см. соотвѣтственные отчеты московскаго университета.

университета и М. М. Ковалевскій (онъ занималъ каѳедру государственнаго и сравнительнаго права). Извѣстно также, что мѣры носили не только личный характеръ, такъ какъ, по уставу 23 августа 1884 года, научное значеніе юридическихъ факультетовъ низведено до возможнаго въ наши дни минимума вообще [1]). Очевидно, что ростъ числа слушателей на нихъ долженъ былъ замедлиться, если не могъ совершенно прекратиться.

Не представляется надобности доказывать, что отмѣченные выше факты, существенно вліявшіе на характеръ преподаванія на юридическомъ факультетѣ, вполнѣ совпадаютъ со свѣдѣніями о ростѣ числа слушателей на немъ, наиболѣе значительномъ въ періодъ 1882—84 гг., достигавшемъ значительной величины также въ 1880, 81, 85, 86 годахъ, а затѣмъ замедлившемся. Что извѣстность указанныхъ преподавательскихъ силъ не осталась безъ вліянія на ростъ юридическаго факультета—доказывается еще и наплывомъ на этотъ факультетъ слушателей изъ такихъ мѣстностей, которыя раньше не входили въ районъ притяженія московскаго университета. Изъ западной части Россіи въ московскій университетъ, и въ частности на его юридическій факультетъ, въ семидесятыхъ годахъ поступало очень мало студентовъ. Имъ незачѣмъ было туда ѣхать, такъ какъ въ петербургскомъ, дерптскомъ, виленскомъ, варшавскомъ, кіевскомъ и одесскомъ округахъ имѣется пять университетовъ. Студентовъ-юристовъ московскаго университета, окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ этихъ округовъ (а также за границей), было въ 1879 году всего 50. Въ 1885 году число ихъ равняется уже 296, но съ перемѣнами, происшедшими въ сферѣ преподаванія на московскомъ юридическомъ факультетѣ, возрастаніе это прекращается, а для нѣкоторыхъ округовъ число воспитанниковъ ихъ, поступающихъ на московскій юридическій факультетъ, пошло даже на убыль; такъ въ 1885 году, юристовъ изъ варшавскаго и одесскаго округовъ въ московскомъ университетѣ было 133 чел., а въ 1892 г.—116 чел. Въ то же время число юристовъ изъ заведеній московскаго округа продолжало неизмѣнно возвышаться отъ 185—въ 1879 году—до 379 въ 1885, и до 647 чел. —въ 1892 году; благодаря этому, процентное отношеніе числа юристовъ изъ московскаго округа, понизившееся-было въ первую

[1]) Между прочимъ, прекращено преподаваніе исторіи, а изъ юридическихъ наукъ—сравнительнаго права и государственнаго права иностранныхъ державъ. Преподаваніе государственнаго, финансоваго и полицейскаго права должно вращаться въ предѣлахъ изложенія соотвѣтственныхъ русскихъ законовъ; научная часть этихъ предметовъ вычеркнута изъ программъ.

половину 80-хъ годовъ, потомъ опять возвысилось [1]). Такимъ образомъ, къ московскому юридическому факультету мало-по-малу возвращается его прежнее значеніе—свѣточа лишь своего прихода.

Въ дальнѣйшей, менѣе интересной, исторіи московскаго юридическаго факультета, болѣе или менѣе значительное возрастаніе можно отмѣтить лишь для 1889 года, когда оно равнялось 135 человѣкамъ, или 12,5%; вопросъ о томъ, насколько въ данномъ случаѣ могло отразиться введеніе института земскихъ начальниковъ, уже разсмотрѣнъ выше. Позднѣе, даже въ отдѣльные годы не наблюдалось такого увеличенія, какое наблюдалось для эпохи 1881—86 гг.: въ 1891 г. возрастаніе равнялось лишь 108 чел. (т.-е. 8,4%), а въ 1893 г.—116 чел. (8%).

Изъ другихъ факультетовъ наибольшее возростаніе за періодъ 1875—94 гг. замѣчается на естественномъ [2]). Но изучая ростъ естественнаго факультета, мы убѣждаемся, что въ началѣ онъ сталъ такъ замѣтенъ лишь благодаря сильнѣйшему паденію числа слушателей на этомъ факультетѣ въ концѣ шестидесятыхъ и первой половинѣ семидесятыхъ годовъ; дѣло доходило до того, что къ началу 1875 года на четырехъ его курсахъ числилось всего 23 студента. Повидимому, такое паденіе этого числа было вызвано скорѣе искусственными, чѣмъ естественными причинами. Оно, во всякомъ случаѣ, не соотвѣтствовало важности этого факультета, ни тому интересу къ естествознанію, которое обнаруживало русское общество, ни, наконецъ, тому блестящему развитію, которое получили нѣкоторыя отрасли естествознанія, благодаря трудамъ русскихъ ученыхъ, пріобрѣвшихъ себѣ и европейскую извѣстность. Съ середины семидесятыхъ годовъ этотъ факультетъ началъ оживать и къ концу 1880 года имѣлъ 77 студентовъ. Далѣе, его возрастаніе идетъ еще быстрѣе, хотя и

---

[1]) Процентъ студентовъ юридическаго факультета изъ московскаго округа равнялся въ указанныя эпохи (1879, 85 и 92 гг.) слѣдующимъ цифрамъ: 56,2, 40,4 и 44,5. Но такъ какъ въ районъ постояннаго притяженія московскаго университета входитъ и значительная часть харьковскаго округа, то съ москвичами удобнѣе соединить харьковцевъ. Вмѣстѣ ихъ было за то же время 238, 486 и 809 челов., а въ % % 72,3, 51,8 и 55,7. На всѣ остальные округа падаетъ 27,7, 48,2 и 44,3%.

[2]) Мы назвали его факультетомъ, хотя оффиціальное его названіе, „отдѣленіе естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета“. Но дѣло въ томъ, что по преподаванію онъ совершенно почти отдѣленъ отъ математическаго факультета и гораздо болѣе общихъ чертъ имѣетъ съ медицинскимъ (на первыхъ 2 курсахъ множество предметовъ у нихъ тожественно, и разница замѣчается лишь въ объемѣ преподаванія).

скачками [1]). За 15 лѣтъ, съ 1880 по 1894 годъ, естественный факультетъ увеличился съ 77 до 480 чел., т.-е. на 403 чел., причемъ на вторую половину этого времени, начиная съ 1887 г., приходится бо̀льшая цифра возрастанія (229). Насколько ненормальнымъ должно было казаться намъ паденіе этого важнаго факультета до 23 чел., настолько, наоборотъ, нормаленъ послѣдующій ростъ для достиженія надлежащаго положенія среди прочихъ факультетовъ.

Математическій факультетъ не такъ сильно колебался; за первыя 15 лѣтъ, съ 1875 по 1889 годъ онъ поднялся со 104 до 458 слушателей [2]), а затѣмъ снова опустился до 346 въ 1894 году.

Гораздо болѣе интереса представляетъ судьба историко-филологическаго факультета, и именно постольку, поскольку отразилось на немъ стремленіе дать почти исключительное преобладаніе грамматическо-лексическому изученію классиковъ, осуществленное уставомъ 1884 года. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на исторіи обращенія этихъ факультетовъ въ „приготовительныя школы для учителей древнихъ языковъ“,—исторіи, уже пересказанной въ періодической печати [3]), а остановимся лишь на томъ, какъ отразилось это преобразованіе на ростѣ филологическаго факультета въ Москвѣ. Въ началѣ разсматриваемаго періода факультетъ довольно быстро развивался, и число его слушателей съ 75 человѣкъ въ началѣ 1875 года поднялось до 146 къ концу 1879. Далѣе, его развитіе пошло еще быстрѣе: возрастаніе числа слушателей равнялось 36 чел. (24,6%) въ 1880 году;—32 (16,8%) въ 1882;—45 (20,3%) въ 1883 году и т. д.), и къ концу 1886 года число студентовъ-филологовъ равнялось уже 314. Введеніе новаго устава сразу низвело это число къ концу 1890 года до 211. Какъ быстро отразилось введеніе устава на числѣ поступающихъ на филологическій факультетъ, видно изъ слѣдующихъ цифръ слушателей I-го курса:

[1]) Возрастаніе естественнаго факультета изображается слѣдующими цифрами (внѣ скобокъ—абсолютныя цифры прироста отъ начала до конца каждаго указаннаго года; въ скобкахъ приростъ въ % отношеніи къ начальной цифрѣ года): 1881 годъ—61 челов. (79,3%); 1882—29 (22,7); 1886—40 (20,3%); 1889—66 (26,1), и, наконецъ, въ 1894 году—107 челов. (28,7%). Въ прочіе года возрастаніе или не замѣчалось, или оно было менѣе значительно.

[2]) Годами болѣе замѣтнаго возрастанія были: 1875 годъ—на 41 чел. (39,5%), 1880—40 чел. (20,6%); 1882—42 чел. (16,5%); 1883—47 (15,9), и 1887 годъ—50 чел. (14,3%).

[3]) См. „Вѣстн. Европы“, №№ 2 и 11, 1888 г. и другіе (Внутр. Обозрѣніе и Обществ. Хроника).

число это, равнявшееся въ 1885 г.—112, начиная съ этого года, погодно спускалось до 85 и 60, въ 1886 и 1887 гг., и до 46 и 56, въ 1888 и 1889 годахъ. Филологическій факультетъ сводился на—нѣтъ, и только введеніе, начиная съ III-го курса, спеціализаціи занятій по отдѣленіямъ (относится къ 1890 г.), спасло его. Съ этого момента классическое отдѣленіе окончательно захирѣло, но словесное и историческое сравнительно процвѣтаютъ, хотя число филологовъ никогда уже съ тѣхъ поръ не поднималось до высоты 1886 года. Къ концу 1894 оно равнялось лишь 266.

Приведенные выше факты даютъ намъ возможность сдѣлать нѣкоторую классификацію примѣнявшихся къ университетамъ мѣръ и оцѣнить ихъ значеніе для развитія высшаго образованія. Но раньше мы должны отмѣтить двѣ существенныя перемѣны въ положеніи и значеніи университетовъ, происшедшія постепенно въ продолженіе разсмотрѣннаго нами времени.

Въ противоположность другимъ странамъ, церковь не играла въ Россіи роли насадительницы высшаго образованія. Наука возникла у насъ и не вслѣдствіе потребности самого общества. Тотъ типъ высшей школы, который теперь существуетъ, созданъ и поддерживался первоначально по иниціативѣ правительства. Правда, давая русскому просвѣщенію новыя образовательныя средства, Петръ Великій не создавалъ новой потребности, а удовлетворялъ давно существовавшую нужду русскаго общества. Но въ числѣ мотивовъ просвѣтительной дѣятельности его первую роль играли чисто практическія потребности. Тогда еще казалось возможнымъ выписывать изъ-за границы техниковъ и образованныхъ людей или, по крайней мѣрѣ, подготовлять тамъ выбранныхъ для этой цѣли русскихъ. Въ проектахъ о водвореніи и распространеніи просвѣщенія въ Россіи, во множествѣ представляемыхъ Петру, указывалось только, что такая подготовка обойдется дороже и меньше будетъ соотвѣтствовать мѣстнымъ потребностямъ [1]). При такомъ, чисто практическомъ, началѣ про-

[1]) Разсматривая эпоху возникновенія нашего современнаго образованія, академикъ Пекарскій замѣчаетъ, по поводу указанныхъ проектовъ объ учрежденіи тѣхъ или иныхъ училищъ, „что въ нихъ прежде всего высказывалась потребность въ образованныхъ людяхъ для замѣщенія различныхъ должностей въ государствѣ, и что въ этихъ людяхъ чувствовался тогда великій недостатокъ“. „Такимъ образомъ,— говоритъ онъ,—просвѣщенію придавалось значеніе лишь потому, что съ помощью его надѣялись достать болѣе знающихъ людей, чѣмъ тѣ, которые тогда имѣлись подъ руками. Нельзя не сознаться, что такое подчиненіе просвѣщенія постороннимъ, хотя бы и важнымъ для государства, цѣлямъ несомнѣнно заключало въ себѣ что-то слу-

свѣщенія въ Россіи, въ связи со всѣми особенными условіями его развитія, долго казалось, что высшее образованіе существуетъ лишь для подготовки достаточнаго количества чиновниковъ. Дѣло въ томъ, что спросъ государства на подготовленныхъ чиновниковъ, при ограниченности того круга сословій, который могъ, при старомъ строѣ, поставлять ихъ, долго превышалъ контингентъ лицъ, пріобрѣвшихъ самостоятельное и постоянное стремленіе къ знанію. Долго приходилось привлекать учащихся въ средняя и высшія школы сначала мѣрами принужденія, а затѣмъ тѣми или другими приманками, въ родѣ шпагъ и мундировъ [1]). Сначала большинство учащихся жило на казенный счетъ, затѣмъ наступилъ чередъ стипендій. Нѣкоторыхъ, изъ числа оканчивавшихъ курсъ на окраинахъ, привозилъ въ Москву и устраивалъ въ университетѣ особо командированный чиновникъ или дядька. Могло казаться, что всѣ учащіеся собрались въ ту или иную школу, благодаря такимъ средствамъ привлеченія, хотя, на самомъ дѣлѣ, они необходимы были лишь для нѣкоторыхъ. Въ то же время учащихъ, преподавателей, приходилось выписывать, изготовлять на государственный счетъ за границей. Наконецъ, спросъ на образованный трудъ, который предъявляли въ старой Россіи тѣ или иныя сферы жизни, былъ совершенно ничтоженъ сравнительно съ количествомъ этого труда, поглощаемымъ государственной службой. Благодаря всему этому, казалось, что высшая и средняя школа необходимы постольку, поскольку это опредѣлялось требованіями и милостью правительства. Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось.

Армія людей, состоящихъ на службѣ правительству, и контингентъ среди нея лицъ болѣе или менѣе научно-образованныхъ настолько увеличились, что теперь никто бы уже не предложилъ выписать все потребное число ихъ изъ-за границы или тамъ же подготовить ихъ.

Напротивъ, съ тѣхъ поръ какъ высшее образованіе становится у насъ на болѣе или менѣе твердую почву, съ конца

чайное и непрочное, и это необходимо долженствовало неблагопріятно повліять на дальнѣйшее распространеніе знаній въ Россіи, такъ какъ при такомъ направленіи капризный произволъ, а также поверхностность, отсюда легкомысленное и неуважительное отношеніе къ наукѣ, наконецъ равнодушіе къ ея успѣхамъ, если только не имѣли они тотчасъ же понятнаго для многихъ приложенія на дѣлѣ,—все это могло быть явленіями, прямо вытекающими изъ такого взгляда на просвѣщеніе". См. П. Пекарскій, „И. Акад. наукъ", т. I, стр. XXVII (въ главѣ: „Обзоръ предположеній по части распространенія просвѣщенія и знаній въ Россіи при Петрѣ В.").

[1]) Такую роль они играли еще въ нашемъ столѣтіи, по словамъ записки, приложенной къ „Университетскому уставу 1863 г.", Спб. 1863.

прошлаго вѣка, правительство проявляетъ время отъ времени стремленіе прекратить даже выписку ученыхъ профессоровъ изъ-за границы и научную подготовку тамъ же тѣхъ лицъ, которыя нынѣ часто называются „профессорскими стипендіями“ [1]). Попытки пріобрѣтенія контингента чиновниковъ путемъ выписки или заграничной подготовки производились лишь при особыхъ исключительныхъ условіяхъ, когда правительство не могло найти достаточнаго числа потребныхъ ему людей въ Россіи, по краткому сроку для исполненія тѣхъ или иныхъ предначертаній или по самому свойству своихъ требованій: такова выписка учителей-чеховъ для преподаванія классическихъ языковъ, созданіе классической семинаріи въ Лейпцигѣ, для подготовки русскихъ къ тому же дѣлу, и такой же семинаріи римской юриспруденціи въ Берлинѣ, при насажденіи въ русскихъ университетахъ преподаванія догмы римскаго права, въ усиленномъ, по уставу 1884 года, размѣрѣ. Даже эти неширокія попытки кончились такою неудачей, что будущаго повторенія въ сколько-нибудь замѣтныхъ размѣрахъ едва ли можно ожидать. Пріобрѣтеніе же подобнымъ способомъ болѣе или менѣе значительнаго контингента чиновниковъ показалось бы теперь и неудобнымъ, и дорого стоющимъ, и даже опаснымъ.

Даже въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ, въ цѣляхъ пополненія силъ одного государственнаго механизма наука въ странѣ не должна быть ввознымъ продуктомъ, а должна производиться и перерабатываться на туземной почвѣ. Въ частности та форма высшаго образованія, которая именуется университетомъ, оказывается, быть можетъ, необходимѣе всѣхъ другихъ формъ, и ни одна изъ составныхъ частей ея, ни одинъ изъ факультетовъ не можетъ быть урѣзанъ безъ существеннаго нарушенія интересовъ государства. Лишь близорукое отношеніе можетъ подсказать поощреніе только того изъ факультетовъ, который болѣе необходимъ въ данную минуту, и притѣсненіе всѣхъ прочихъ. Но даже и при временныхъ торжествахъ такихъ мнѣній, не было, кажется, момента, когда бы оказался ненужнымъ весь университетъ. Мы знаемъ, что даже въ концѣ 40-хъ годовъ медицинскій факультетъ не былъ стѣсненъ комплектомъ, въ виду „крайней потребности“ въ медикахъ, тогда какъ прочіе факультеты были по числу слушателей уменьшены слишкомъ вдвое. Что, еслибы такой же политики придерживаться въ 60-хъ годахъ, когда нужнѣе всего были юристы, въ началѣ 70-хъ, когда по-

[1]) Готовящіеся въ профессурѣ и получающіе стипендію.

высился спросъ на учителей, въ концѣ 70-хъ, когда опять понадобились медики (война 1878 г.), теперь, когда не менѣе сильна потребность въ математикахъ и естественникахъ (помощь земледѣлію и обрабатывающей промышленности)? Пожалуй, каждая послѣдующая эпоха испытывала бы жгучую нужду въ лицахъ, получившихъ подготовку именно въ той спеціальности, которая казалась ненужною въ предъидущую. Простая истина, что равномѣрнаго удовлетворенія нуждъ государства можно достигнуть лишь тогда, „когда наука признана будетъ самостоятельнымъ интересомъ и когда ей дозволено будетъ служить собственнымъ цѣлямъ“ [1]); эта истина должна получать все болѣе широкое признаніе въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ. Что это дѣйствительно отчасти такъ и было,—доказывается до нѣкоторой степени исторіей проектовъ полнаго преобразованія университетовъ, которые (проекты) создавались отъ времени до времени. Мы не беремся излагать ихъ исторіи, а только перечислимъ нѣкоторые изъ нихъ. Наиболѣе опасными для университетовъ были проекты Магницкаго, которые грозили университетамъ (прежде всего, по представленію его—казанскому) полнымъ закрытіемъ. Эти проекты имѣли болѣе всего практическихъ послѣдствій. Правда, казанскій университетъ не былъ закрытъ, но виновнику суроваго приговора была предоставлена реформа его (1819 и слѣдующіе года); послѣдствія ея извѣстны. Не менѣе, если не болѣе ужасно дѣло петербургскаго университета, совершонное Руничемъ въ подражаніе Магницкому (1821 и сл. гг.). Нѣчто подобное совершалось въ это время и въ харьковскомъ университетѣ [2]). Въ концѣ 40-хъ годовъ также существовала мысль объ уничтоженіи университетовъ или раздѣленіи ихъ на спеціальныя школы по городамъ, чтò было бы и не особенно удивительно при томъ положеніи университетовъ, которое они въ то время занимали, и почти полной невозможности для нихъ приносить соотвѣтственную пользу. Объ этихъ проектахъ мы можемъ знать и судить лишь по косвеннымъ указаніямъ [3]); но еще въ 60-хъ годахъ ихъ нужно было опровергать, какъ нѣчто имѣющее еще силу, при обсужденіи проекта новаго устава университетовъ въ ученомъ комитетѣ главнаго правленія училищъ, чтò выпало на долю покойнаго проф. И. Е. Андреевскаго, этого „благо-

[1]) В. И. Герье. „Наука и государство“. „Вѣстн. Европы“, 1876 г., кн. 10, стр. 769 (статья продолжалась и въ 11 кн.).

[2]) Иконниковъ, цитир. статья „Вѣстн. Европы“, 11 книга, стр. 76—83.

[3]) „Замѣчанія на проектъ общаго устава Императорскихъ россійскихъ университетовъ“. Спб. 1863, т. I, 355 стр.; т. II—156, 158.

роднаго адвоката" университетскаго дѣла [1]). Наконецъ, въ срединѣ 80-хъ годовъ, когда было упразднено „за ненадобностью" *шесть* высшихъ учебныхъ заведеній,—мы говоримъ о высшихъ женскихъ курсахъ [2]),—въ печати не встрѣчается никакихъ указаній на существованіе въ это время проектовъ объ уничтоженіи университетовъ, хотя къ тому же времени относится преобразованіе послѣднихъ по уставу 1884 года и позднѣйшимъ постановленіямъ. Такимъ образомъ, необходимость существованія университетовъ въ интересахъ государственныхъ становится общепризнанной истиной. Что истина эта признается—доказывается и тѣмъ, что университеты все время получаютъ главную массу своихъ средствъ изъ государственной казны, что при всѣхъ преобразованіяхъ университетовъ, въ 1804, 1835, 1863 и 1884 гг., средства эти, ассигнуемыя имъ, ростутъ, и что, по необходимости, ростъ этотъ продолжается и теперь [3]). Но вопросомъ о безусловномъ признаніи необходимости университетовъ не исчерпываются всѣ перемѣны въ положеніи высшей школы.

Преобразованіе судебныхъ учрежденій въ 1864 году потребовало большого числа лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе, не только для государственной службы, о чемъ говорилось выше: съ того времени создалось обширное адвокатское сословіе, быть можетъ, болѣе многочисленное, чѣмъ соотвѣтствующій контингентъ лицъ, служащихъ въ судебномъ вѣдомствѣ на государственной службѣ. Введеніе земскаго самоуправленія дало возможность провинціальному обществу приступить къ удовлетворенію самыхъ разнообразныхъ своихъ нуждъ, вслѣдствіе чего обнаружилась сильная потребность въ людяхъ съ высшимъ образованіемъ и прежде всего во врачахъ. Удовлетвореніе потребности въ медицинскомъ персоналѣ началось еще такъ недавно, что и теперь еще далеко не закончился процессъ организаціи медицинской помощи народу, а иногда потребность

---

[1]) См. „Журналы засѣданій ученаго комитета по проекту устава университетовъ", стр. 1—16.

[2]) При удовлетвореніи ходатайства общества для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ въ Петербургѣ объ открытіи вновь пріема на нихъ, министерство между прочимъ указывало, что курсы „и не составляли для правительства какой-либо важной потребности". См. „Сборникъ постановленій по мин-ву нар. просв.". Т. 11. Спб. 1895 г., стр. 734 (1889 годъ, іюня 25-го, № 170 и т. д.). Въ этомъ № собраны весьма интересныя свѣдѣнія и нѣкоторыя статистическія данныя о нихъ.

[3]) Важный вопросъ о распредѣленіи этихъ средствъ въ разныя эпохи еще очень мало подвергался разработкѣ. Гораздо чаще можно встрѣтить указанія, что этотъ ростъ совершался слишкомъ медленно, сравнительно съ ростомъ общегосударственныхъ средствъ и нуждами университетовъ.

во врачахъ обостряется до чрезвычайности, какъ то было въ 1892 году (холера). Городское самоуправленіе предъявило также немалый спросъ на интеллигентный трудъ. Кромѣ спеціалистовъ того или другого дѣла: врачей, акушеровъ, учителей, агрономовъ, оцѣнщиковъ, земству и городскимъ управленіямъ нужны образованные люди для текущей работы по самоуправленію. Но этого мало.

Въ новой Россіи, для образованныхъ людей, возникло не мало поприщъ, не связанныхъ со службой суду или самоуправленію. Одни врачи служатъ при фабрикахъ, другіе существуютъ мелкой вольной практикой, при чемъ послѣднее становится возможнымъ не только въ крупныхъ, но и болѣе мелкихъ городахъ, и не только въ городахъ, но даже иногда и въ деревняхъ. Требованіе научно-образованныхъ техниковъ все болѣе становится насущнымъ для нашей капиталистической промышленности. Нужны стали также для капитализма служащіе не только на техническомъ поприщѣ. Наконецъ, у насъ создался, хотя и необширный, классъ людей, живущихъ литературнымъ трудомъ, а въ послѣднее время становится возможнымъ существованіе и науки не только въ университетскихъ аудиторіяхъ. Правда, мы не знаемъ числа работниковъ этого рода, получившихъ научное образованіе. Если нѣтъ статистики и даже отдѣльнаго знатока образовательнаго дѣла въ Россіи, который бы хотя приблизительно указалъ число образованныхъ людей, состоящихъ на службѣ правительству, то еще болѣе это относится къ тѣмъ изъ нихъ, которые на указанную службу не попали. Однако, теперь едва ли кто усомнится въ томъ, что послѣднихъ болѣе, чѣмъ первыхъ. Необходимость образованія на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ яснѣе выдвинула вопросъ о значеніи науки и объ отношеніяхъ къ ней государства. Понятно, что самый взглядъ на высшую школу, и прежде всего на наиболѣе замѣтныхъ представителей ея, на университеты, значительно измѣнился. Ясное требованіе отдѣленія науки отъ всякихъ побочныхъ „служебныхъ цѣлей“ составляетъ отличительную черту нашего общественнаго сознанія еще въ эпоху пересмотра университетскаго устава въ 60-хъ годахъ. „Русская жизнь—читаемъ въ одномъ мнѣніи по поводу проекта университетскаго устава—заявляетъ уже притязаніе не на одно школьное образованіе въ университетахъ съ цѣлью только подготовленія молодыхъ людей къ гражданской службѣ“... „Что сдѣлало Европу первою страною въ мірѣ? Что доставило ей колоссальное могущество?—Наука. Гдѣ источникъ

и опора науки?—Въ университетахъ по преимуществу",—читаемъ въ другомъ мнѣніи. Въ оффиціальной запискѣ по поводу устава 1863 года, министерствомъ нар. просвѣщенія высказаны слѣдующія мысли. „Никакого нѣтъ сомнѣнія, что права на чины, которыя даются университетами, служатъ приманкою для поступленія въ университетъ, что много молодыхъ людей ищутъ въ немъ не столько образованія, сколь средства доставить себѣ служебную карьеру... Однако, очевидно, что не въ этомъ должна заключаться цѣль университетскаго образованія, что не въ сихъ видахъ существуетъ раздѣленіе на факультеты, и что наука должна излагаться въ нихъ вовсе не съ практическимъ направленіемъ, полезнымъ *для будущихъ дѣятелей департаментовъ и канцелярій*. Наука читается въ университетѣ для науки, и самое свойство разныхъ отраслей человѣческаго знанія служитъ основаніемъ раздѣленія университетовъ на факультеты" [1]). Что это не были фразы, и что спросъ на науку и научно-образованныхъ людей въ обществѣ дѣйствительно возросъ весьма значительно—доказывается слѣдующими обстоятельствами. Достаточно было, чтобы правительство отмѣнило условія, стѣснявшія развитіе университетовъ, или чтобы условія эти потеряли силу дѣйствія, какъ немедленно наши университеты возрастали въ громадныхъ размѣрахъ безъ всякихъ къ тому поощреній со стороны вѣдомства просвѣщенія. Это явленіе ярко сказывается какъ за время конца шестидесятыхъ годовъ, такъ и въ эпоху отъ средины семидесятыхъ до средины восьмидесятыхъ годовъ. Съ другой стороны, тѣ эпохи, когда правительство ставило себѣ цѣлью сократить число получающихъ высшее образованіе, имѣли все меньшее и меньшее значеніе по отношенію къ число студентовъ въ университетахъ. Конецъ сороковыхъ годовъ оказалъ въ этомъ отношеніи бо́льшее вліяніе, чѣмъ начало семидесятыхъ, а это послѣднее время въ свою очередь—бо́льшее и болѣе всеобщее вліяніе, чѣмъ конецъ восьмидесятыхъ годовъ. Наконецъ, самая наука перестала быть тѣмъ комнатнымъ растеніемъ, ко-

[1]) „Сборникъ постановленій по министерству нар. просв.", т. III, 584—86. Цитаты по статьѣ В. Иконникова", „Вѣсти. Европы", 1876, 11, стр. 117. Въ какомъ противорѣчіи съ этимъ взглядомъ стоитъ введеніе „государственныхъ", вѣрнѣе—служебныхъ экзаменовъ не только для лицъ, поступающихъ на правительственную службу, но вообще для всѣхъ обучающихся въ университетахъ! Очевидно,—разъ послѣдовало такое распространеніе ихъ,—при этомъ имѣлись въ виду не интересы службы, а давленіе, которое можно оказать такимъ образомъ на объемъ, пріемы и направленіе преподаванія въ университетахъ.

торое необходимо воспитывать подъ стекляннымъ колпакомъ. Она осталась растеніемъ очень нѣжнымъ, но вышла на вольный воздухъ. Прошло уже то время, когда, несмотря на выписку профессоровъ изъ-за границы, преподаваніе было обставлено весьма слабыми силами. Напротивъ, наступила, повидимому, такая эпоха, когда начальствующія надъ университетами сферы стали особенно требовательны по отношенію къ преподавателямъ. На всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности мы ежечасно встрѣчаемъ лицъ, которыя съ успѣхомъ могли бы занять профессорскую каѳедру, но не занимаютъ ее по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ. Не мало также людей, которые уже раньше были профессорами: нѣтъ надобности напоминать по этому поводу объ „исходахъ“ профессоровъ изъ университетовъ, въ родѣ „великаго исхода“ 1861 года въ Петербургѣ. Наконецъ, въ настоящее время наблюдается еще болѣе поразительное явленіе: за границей чуть не въ каждомъ университетѣ мы видимъ русскихъ профессоровъ, преподающихъ предметы, въ которыхъ чувствуется большой недостатокъ въ русскихъ университетахъ. Такимъ образомъ, вся совокупность фактовъ, рисующихъ положеніе науки въ Россіи, говоритъ за то, что наступило время для опредѣленія „нормальныхъ, наиболѣе полезныхъ“ отношеній государства къ наукѣ. Всесторонее обсужденіе этого вопроса можетъ содѣйствовать окончательной выработкѣ основныхъ началъ устройства высшей школы, при которыхъ ея развитіе могло бы получить надлежащую устойчивость.

Обращаемся къ классификаціи и сравнительному изученію тѣхъ формъ отношеній, которыя уже практиковались въ исторіи нашихъ университетовъ, такъ какъ нормальныя формы этихъ отношеній не могутъ быть предписаны для всѣхъ странъ и всѣхъ временъ, а должны быть соображаемы въ ихъ исторической, временной и мѣстной обстановкѣ. Среди наблюдавшихся уже формъ оказали неблагопріятное вліяніе на университеты—поскольку о томъ можно судить по числу учащихся въ нихъ—тѣ мѣры, которыя затрудняли доступъ въ высшую школу и которыя понижали качество и интересъ университетскихъ научныхъ занятій. Къ перваго рода мѣрамъ относится уменьшеніе круга лицъ, имѣющихъ поступить въ университеты, какъ это было въ концѣ сороковыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, когда уменьшалось число гимназистовъ, и въ началѣ семидесятыхъ, когда нѣкоторыя категоріи гимназистовъ (воспитанники реальныхъ гимназій) были лишены права поступленія въ университеты. Къ этой же категоріи мѣръ при-

надлежитъ установленіе комплектовъ для обучающихся въ университетахъ (конецъ 40-хъ годовъ), сословныхъ (тоже), мѣстныхъ и вѣроисповѣдныхъ ограниченій (конецъ 80-хъ годовъ) и, наконецъ, установленіе высокой платы за ученіе, что было и въ 40-хъ, и въ 80-хъ годахъ. Къ другому разряду должны быть отнесены цѣлыя группы мѣръ, которыя повліяли на пониженіе качествъ университетскихъ занятій, и которыя также неблагопріятно отражались на числѣ университетскихъ слушателей; таковъ былъ рядъ мѣръ, стѣснявшихъ въ 40-хъ годахъ научное развитіе профессоровъ, которымъ запрещены были отпуски за границу, затруднено пользованіе иностранной литературой и печатаніе собственныхъ трудовъ. Въ то же время стѣснено было преподаваніе, благодаря контролю и установленію неподвижныхъ программъ [1]). Сюда же должны быть отнесены мѣры, которыми сокращалось или прекращалось преподаваніе тѣхъ или иныхъ предметовъ, какъ это было въ 40-хъ годахъ относительно предметовъ философскаго и юридическаго факультетовъ, или въ 80-хъ годахъ относительно предметовъ филологическаго, а главнымъ образомъ, юридическаго факультета, гдѣ такія мѣры коснулись прежде всего государственнаго права и этой, такъ сказать, души юридическаго факультета —сравнительной исторіи права; то же значеніе имѣетъ и одностороннее развитіе факультетовъ, что наблюдается въ 80-хъ годахъ относительно юридическаго и особенно филологическаго факультетовъ. Изученіе историческихъ подробностей примѣненія обоихъ указанныхъ разрядовъ мѣръ можетъ дать не мало указаній полезныхъ и для будущаго.

Въ частности, даже въ тѣхъ сравнительно узкихъ рамкахъ изученія университетской жизни, которыя были поставлены себѣ авторомъ этой статьи, постоянно сказываются неудобства университетскаго устава 1884 года. Слишкомъ тѣсныя отношенія администраціи къ корпораціямъ учащихъ и учащихся, которыя какъ показываетъ исторія 40-хъ, 60-хъ и 80-хъ годовъ, могутъ вызывать только взаимное непониманіе и неудовольствіе; увольненіе, вызванное введеніемъ новаго устава, нѣкоторыхъ лучшихъ

[1]) Въ 80-хъ годахъ преподаваніе также должно было приноровляться къ установляемымъ министерствомъ программамъ государственныхъ экзаменовъ, и какъ раньше—въ 40-хъ годахъ—представлялись программы курсовъ, чтобы заранѣе можно было судить объ ихъ направленіи, и списки источниковъ, чтобы не допускать расширенія курсовъ, такъ и теперь, по уставу 1884 года—въ началѣ каждаго полугодія должны представляться списки сочиненій, рекомендуемыхъ профессорами („обозрѣнія преподаванія“).

профессоровъ, что̀ неблагопріятно отразилось на̀ ростѣ соотвѣтственныхъ факультетовъ; стѣсненіе и односторонняя постановка преподаванія; гонораръ профессорамъ и связанное съ этой мѣрой позднѣйшее возвышеніе платы за ученіе,—все это было отмѣчено въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Если пользоваться другими литературными указаніями, пришлось бы назвать перемѣны въ системѣ управленія университетовъ, измѣненія въ порядкѣ назначенія и въ положеніи профессоровъ, постановкѣ дѣла экзаменовъ и т. д.

Что касается до указаній на раціональныя условія развитія университетовъ, то прошлое даетъ и ихъ. Въ русскихъ университетахъ, происхожденія этихъ началъ восходятъ къ 1804 году; въ значительной мѣрѣ они были осуществлены и уставомъ 1863 года. Живучесть ихъ доказывается уже тѣмъ, что каждый разъ, когда университеты приходили въ упадокъ, возрожденіе ихъ считалось возможнымъ прежде всего путемъ возвращенія къ этимъ началамъ.

Вполнѣ практическія, цѣлесообразныя и прочныя формы для выраженія этихъ началъ возможно намѣтить только послѣ соотвѣтственной разработки относящихся сюда вопросовъ, для которой прошлое дастъ богатѣйшій матеріалъ. При этой разработкѣ не нужно забывать лишь болѣе общихъ и постоянныхъ интересовъ ради удовлетворенія частныхъ и временныхъ нуждъ. Только при такомъ забвеніи возможно смѣшеніе высшей школы съ узко-практическими, профессіональными училищами,—а въ такомъ смѣшеніи и лежитъ наибольшая опасность. Потому мы позволимъ заключить нашу статью словами мыслителя, прекрасно понимавшаго идеалъ науки и университета. „Университетъ, — говоритъ онъ, — не есть мѣсто профессіональнаго воспитанія. Университеты предназначаются не для того, чтобы получать знанія, нужныя людямъ для какого-нибудь спеціальнаго способа пріобрѣтать средства къ существованію. Цѣль ихъ состоитъ не въ томъ, чтобы приготовлять только искусныхъ юристовъ, медиковъ или инженеровъ, а чтобы приготовить способныхъ и образованныхъ людей... Люди, посвящающіе себя извѣстной профессіи, должны выносить изъ университета не профессіональное знаніе, но то знаніе, которое управляло бы употребленіемъ ихъ профессіональнаго знанія, и которое свѣтомъ общаго образованія освѣщало бы техническія частности предмета ихъ занятій... Университетъ долженъ быть мѣстомъ свободнаго мышленія. Старые англійскіе университеты въ настоящемъ поколѣніи дѣлаютъ лучшее дѣло, чѣмъ дѣлали прежде, преподавая обыкновенные

предметы своей программы. Прежде они существовали, повидимому, для подавленія независимой мысли и для стѣсненія индивидуальнаго ума и совѣсти; теперь они стали великими центрами свободнаго мужественнаго изслѣдованія для высшихъ и профессіональныхъ классовъ“ [1]).

А. Л—кій.

[1]) Дж. Ст. Милль. Рѣчь объ университетскомъ воспитаніи. Сборникъ „Новѣйшее образованіе“. Спб. 1867, пер. М. Антоновича, стр. 7 и 60.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ
Гр. А. К. ТОЛСТОГО
1851—1875 гг.

Окончаніе.

1869 г.

206 *).

Дрезденъ, Европейская гостинница, 10 августа.

....Я вчера ночью пріѣхалъ, а сегодня утромъ въ 11 часовъ уже былъ въ Пильницѣ, гдѣ m-me Павлова меня приняла на порогѣ дома съ переводомъ въ рукахъ и глубокимъ реверансомъ.

Переводъ [1]) великолѣпенъ, и хотя я долженъ былъ этого ожидать, но, какъ всегда, удивился. Она говоритъ, что Баудисены, которые знаютъ только 1-й, 4-й и 5-й акты, въ энтузіазмѣ, а старый Баудисенъ говоритъ, что онъ никого не знаетъ, ни въ одной современной литературѣ, кто могъ бы предпринять и довести до конца подобный трудъ. Они были растроганы—durch und durch. Корпорація *нѣмецкихъ студентовъ* изъ Праги прислала m-me Павловой оффиціальную бумагу, чтобъ просить ее мнѣ выслать все, что она перевела изъ моихъ произведеній, какъ драматическихъ, такъ и эпическихъ.

---

*) См. выше: іюнь, 606 стр.

[1]) Разумѣется, нѣмецкій переводъ драмы „Ѳедоръ Іоанновичъ".

207.

Веймаръ 4 (16) сентября.

Мейендорфъ меня встрѣтилъ на дебаркадерѣ, и я у нихъ обѣдалъ. Я былъ съ нимъ у Оттиліи Гёте, которой очень хотѣлось со мной познакомиться, и которая тотчасъ стала говорить мнѣ про „Ивана“, и сказала, что это „das einzige Stück, welchem Sie die Abwesenheit der Liebe verzeiht und wo Sie es gern vermisst“... Она живетъ въ домѣ Гёте, гдѣ ничего не перемѣнилось и такъ дышетъ временемъ за 50 лѣтъ тому назадъ: та же мебель и на томъ же мѣстѣ, и она сама принадлежитъ тому времени, и много говоритъ про Гёте. Какъ-то все пахнетъ пылью, молью, кофеемъ и старушкой—и грустно, и хорошо.

Этотъ домъ считался когда-то роскошнымъ, а онъ не въ примѣръ бѣднѣе нашего Краснорогскаго. И гипсовыя статуи подъ бронзу тамъ стоятъ, и ими вѣрно Гёте гордился.

208.

26 (14) сентября.

....Я только-что вернулся изъ „Тангейзера“. Я не могу тебѣ сказать, какое глубокое впечатлѣніе онъ на меня производитъ.

Я пріѣхалъ до увертюры, и уѣхалъ послѣ послѣдней ноты, не пропустивъ ни одной, и не почувствовалъ ни одной минуты усталости.

Я не знаю, извѣстно ли имя *Ниманъ*, но я его считаю великимъ пѣвцомъ и великимъ драматическимъ актеромъ,—именно *великимъ*.

Какая великолѣпная опера и какъ мелодична отъ начала до конца, и какой драматизмъ!

Какъ великолѣпенъ послѣдній актъ — глубоко-потрясающій!

Декораціи совсѣмъ вѣрны. Такъ какъ я только-что вернулся изъ Вартбурга, то и могу судить. Этотъ Ниманъ меня совсѣмъ очаровалъ и произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе.

Вообрази себѣ великолѣпнаго тенора, чрезвычайно умнаго и страстнаго. Когда онъ говоритъ о своемъ проклятіи, въ послѣднемъ актѣ, морозъ по кожѣ проходитъ, и онъ такъ хорошо умираетъ, безъ всякой аффектаціи. Онъ вызвалъ во мнѣ слезы, когда онъ хватаетъ посохъ папы, который ему приносятъ зазеленѣвшимъ. Возможно ли, что онъ неизвѣстенъ?

И возможно ли, что Вагнеръ—каналья?

Если Вагнеръ пріобрѣлъ репутацію за то, что не признаетъ мелодіи, то, конечно, не черезъ „Тангейзера“.

Хорошо ли ты помнишь увертюру? Можно ли сказать, что въ ней недостаетъ мелодіи? Она начинается великолѣпнымъ хораломъ. Змѣи, которыя выползаютъ изъ корзины, точно угри, совсѣмъ мнѣ не *мѣшали*, напротивъ. Не знаю, вѣрно ли я замѣтилъ, но мнѣ кажется, что въ другихъ операхъ, гдѣ происходитъ борьба зла и добра („Фрейшютцъ", „Робертъ" и даже „Донъ-Жуанъ"), эти обѣ силы являются поочередно, тогда какъ въ „Тангейзерѣ" онѣ появляются одновременно, составляя одно цѣлое, пополняя другъ друга.

1870 г.

209.

Дрезденъ, 10 іюля.

Вотъ я здѣсь опять, и мнѣ тяжело на сердцѣ, когда вижу опять эти улицы, эту гостинницу и эту комнату безъ тебя. Я только-что пріѣхалъ въ $3^1/_4$ ч. утра, и не могу лечь, не сказавъ тебѣ то, что говорю тебѣ уже 20 лѣтъ,—что я не могу жить безъ тебя, что ты мое единственное сокровище на землѣ, и я плачу надъ этимъ письмомъ, какъ плакалъ 20 лѣтъ тому назадъ. Кровь застываетъ въ сердцѣ при одной мысли, что я могу тебя потерять — и я себѣ говорю: какъ ужасно глупо разставаться! Думая о тебѣ, я въ твоемъ образѣ не вижу ни одной тѣни, *ни одной*, все—лишь свѣтъ и счастіе...

Я ей сказалъ (m-me Павловой), что я ищу сюжета для драмы, и что у меня была мысль — представить человѣка, который изъ-за какой-нибудь причины беретъ на себя кажущуюся подлость.

Она схватилась за эту мысль, яко ястребъ, и вертѣла ею во всѣ стороны, но мы не нашли ничего подходящаго...

210.

Дрезденъ, іюль.

...Дрезденъ хорошій городъ, но, конечно, я не хочу, чтобы мы прожили въ немъ зиму. Лица самыя анти-эстетическія, какія только можно себѣ вообразить, голоса отвратительные и воздухъ дурной—мы поѣдемъ въ Италію, или въ Англію, а если это не устроится, мы проведемъ зиму въ Петербургѣ, въ хорошей простой квартирѣ. Я жажду Бетховена, но на этотъ разъ его нигдѣ не играютъ, и даже нѣтъ оперы.

Вчера я былъ на Террасѣ, съ надеждой услышать хорошую

музыку, но играли лишь вальсы и глупости — Дрезденъ выродился!..

Я пріобрѣлъ провизію здоровья на цѣлый годъ, найдя сюжетъ для *драмы—человѣческой*. Человѣкъ, чтобы спасти городъ, беретъ на себя кажущуюся подлость. Но нужно вдвинуть это въ рамку, и Новгородъ—была бы самая лучшая.

Ты должна мнѣ собрать все, что было написано о Новгородѣ, обычаяхъ той эпохи, и вообще все, что извѣстно о *вѣчѣ* и объ отношеніяхъ его съ княземъ...

211.

Дрезденъ, 3 (15) августа.

...Я началъ писать новгородскую драму, и написалъ всю первую сцену, а планъ обдумалъ и написалъ съ помощью Павловой и Коцебу. Они были мнѣ полезны, durch ihre Einwendungen [1])...

...А драма дастъ мнѣ много здоровья. Новгородъ—лишь рамка. Вся драма *человѣческая*. Честный человѣкъ, который беретъ на себя кажущуюся подлость.

А ты узнай мнѣ все про Новгородъ. Мнѣ нужно и обычаи, и имена и улицъ, и должностей, и пр. и пр.

212.

Карлсбадъ. Zum blauen Schiff, 5 августа.

....Я нашелъ здѣсь письмо отъ Чаева, который благодаритъ за „Боривоя“, и очень тебѣ кланяется.

Отъ Павловой я, разумѣется, уѣхалъ потихоньку, и оставилъ ей посланіе, которое начинается такъ:

Ich, der ich die Insel Rügen—Neuerdings vor Ihnen sang,
—Hab'die Damen zu betrügen—Mir erlaubt mein Lebelang,—а то она хотѣла меня провожать.

...Я тебѣ купилъ въ Дрезденѣ портретъ Шопенгауэра,—какой онъ пакостный! Маленькій, мстительный и злой! И еще я тебѣ везу записки канцлера Мюллера о Гёте. Это журналъ отъ 1814 до 1832 года, чрезвычайно интересный. Самого Мюллера я зналъ и многихъ людей, о которыхъ онъ говоритъ. И Гёте представляется въ халатѣ, и несмотря на поклоненіе Мюллера, онъ не всегда представляется съ привлекательной стороны. Но онъ такой живой, что ты этотъ журналъ прочтешь съ алчностью.

---

[1]) Своими возраженіями.

Гёте, кажется, постоянно самъ себѣ удивляется и передъ собой благоговѣетъ, но мнѣ гораздо лучше нравится самоуваженіе Шопенгауэра; мнѣ кажется, что съ Шопенгауэромъ я бы ужился, а съ Гёте—нѣтъ. Вообрази, что у меня страшный аппетитъ еще прежде, чѣмъ я началъ пить воды; вчера я не зналъ, чего мнѣ больше хочется, спать или ѣсть?

213.

Карлсбадъ, 13 августа.

Я читаю съ большимъ удовольствіемъ Экермана. Гёте менѣе выказывается, чѣмъ у Мюллера, но идеи и мнѣнія Гёте тамъ собраны въ бо́льшемъ количествѣ...

Гёте не имѣлъ дурного мнѣнія о себѣ, и Экерманъ мнѣ надоѣдаетъ своимъ постояннымъ восторгомъ надъ всякимъ словомъ Гёте—точно Ауэрбахъ надъ словами Эриха.

Я продолжаю думать, что я долго не могъ бы вынести сожительства съ Гёте... Экерманъ ему: „Экселенцъ“, а онъ Экерману—„Наставленіе“; но все-таки онъ очень великій человѣкъ, и очень хорошо про него читать и знать, что̀ онъ о каждой вещи думалъ...

214.

Карлсбадъ.

....Я перелистываю переводы моихъ двухъ трагедій по-польски, и нахожу, что почти вездѣ—les pointes sont emoussées, и характеристика дѣйствующихъ лицъ стерта; несмотря на это, я читаю громко нѣсколько сценъ, съ большимъ эффектомъ, и когда пріѣду къ тебѣ, я тебѣ прочту *съ бо́льшимъ ши́комъ* сцену *Гарабурды*... Ты увидишь, какіе я сдѣлалъ успѣхи въ польскомъ языкѣ. И какъ хорошо звучитъ. При этомъ случаѣ я узналъ, что по-польски старикъ называется staruszek, а слѣдовательно во множественномъ числѣ: staruszki. Не правда ли, хорошо?

Я ничего не могу тебѣ сообщить изъ моей новой драмы, и главное—ни одного стиха, такъ какъ я написалъ первую сцену вступленія *прозой* наскоро и карандашомъ—и необходимо переработать. Я сдѣлалъ это лишь, чтобы войти въ охоту и набросить краски, что̀ мнѣ вполнѣ удалось.

Такъ какъ канва драмы написана актъ за актомъ, и вѣроятно, я въ этомъ не много измѣню, мнѣ будетъ легче работать, чѣмъ въ другихъ драмахъ.

Въ „Ѳедорѣ“ я написалъ много сценъ, прежде чѣмъ закрѣпилъ канву,—только чтобы установить характеръ Ѳедора; мнѣ кажется, я столько же зачеркнулъ, сколько оставилъ; я тоже

измѣнилъ и перемѣнилъ канву во время писанія — исторія меня смущала,—а тутъ нѣтъ исторіи, и все будетъ вымышлено, такъ что гораздо больше цѣльности, и канву легче было писать.

Я тоже не могу тебѣ сказать никакихъ именъ, такъ какъ у меня еще нѣтъ именъ; не имѣя новгородскихъ въ моемъ распоряженіи, я взялъ временныя. Если хочешь мнѣ сдѣлать услугу, то пришли мнѣ, что̀ нашла, въ Дрезденъ, Hotel d'Europe...

Богъ съ тобой—съ тобой и со всѣми вами...

Ты—мое условіе и жизни, и спокойствія, и счастія!..

215.

Карлсбадъ, 18 августа.

....Я вернулся сейчасъ отъ Зегеновъ; они мнѣ прочли „Geschwister"—*Iefte*. Очень мило и больше ничего, но, кажется, это—знаменитая вещь!

Оно могло бы быть написано Октавомъ Фёллье, но онъ не говорилъ бы о сдираніи перьевъ съ голубей, онъ бы удовлетворился ихъ зажариваніемъ—и я тоже. Найди мнѣ домашнее занятіе для патриціанскихъ женщинъ въ Новгородѣ. Я не дотрогивался до драмы съ тѣхъ поръ, какъ я въ Карлсбадѣ. И я тебѣ сказалъ, что написана только первая сцена—и та нàскоро, только чтобы набросить краску, что̀ для меня будетъ очень важно, когда примусь писать, и невозможно было упустить этотъ цвѣтъ, который я провидѣлъ, и оттого я написалъ сцену...

....Когда я говорю о патриціанскихъ женщинахъ, я не подразумѣваю только однѣхъ *боярынь*. Мнѣ надо семейство *посадника*, т.-е. его жену и дочь его; дочь—главное.

Надо, чтобы сцена открывалась домашними занятіями, насколько можно болѣе прозаичными, чтобы это произвело контрастъ съ ролью *немного героичною*, въ которую взойдетъ впослѣдствіи дочь...

....Христосъ съ тобой... Вчера вечеромъ я возвращался домой въ дождь и увидѣлъ котенка, который старался влѣзть. Я ему помогъ и подумалъ о тебѣ...

216.

Дрезденъ, 5 сент.

....Видѣлъ я сейчасъ „Ифигенію" Гёте и все тебѣ разскажу по правдѣ. Когда поднялся занавѣсъ, я былъ предубѣжденъ въ пользу пьесы раскрашеннымъ алтаремъ, который стоялъ въ лѣсу посреди сцены. Алтарь археологическій греческій и раскрашенъ хорошо. Правда, что это происходитъ въ Крыму, но Ифигенія

могла дать рисунокъ. А нехорошо то, что возлѣ алтаря стоятъ ворота Друза, и хотятъ, чтобъ я повѣрилъ, что это—скиескій храмъ Діаны. Я не повѣрилъ. Изъ воротъ Друза вышла Ифигенія, безукоризненной красоты и съ самыми похвальными намѣреніями относительно костюма: бѣлая *шерстяная* туника, безъ таліи, и бѣлая шерстяная хламида, но складки очень неудачныя, выказывающія одно намѣреніе. Это была m-lle Ziegler изъ Мюнхена: она стала говорить пріятнымъ mezzo soprano, что ей очень скучно въ Крыму, и говорила это такъ долго и убѣдительно, что мнѣ самому стало невыразимо скучно. Потомъ пришелъ царскій адъютантъ, въ хорошемъ шлемѣ и въ дрянной медвѣжьей шубѣ, и объявилъ, что царь велѣлъ ей сказать, что хочетъ на ней жениться. Она отвѣчала:—ни за что! Тогда пришелъ Вингеръ въ кольчугѣ Вильгельма Завоевателя и въ тигровой шкурѣ, которую завязалъ у себя на брюхѣ, а сзади набилъ ее сѣномъ: это не помогло, и Ифигенія стала ему говорить, что по многимъ причинамъ за него не выйдетъ, между прочимъ потому, что происходитъ отъ Тантала. Вингеръ замѣтилъ, что это не причина. Тогда она стала ему разсказывать всѣ гадости, которыя дѣлали Танталиды, такъ что Вингеръ, привыкшій рѣзать людей, пріѣзжающихъ въ Крымъ, пришелъ въ ужасъ. Во второмъ актѣ прибѣжали на сцену, поддерживая другъ друга, одинъ commis-voyageur и одинъ парикмахеръ, оба украшенные по рукамъ длинными часовыми цѣпочками, которыя не мѣшали имъ сильно размахивать руками. Парикмахеръ былъ мой пріятель Dettmer; онъ таращилъ глаза и все горбился, чтобы выразить угрызеніе совѣсти за то, что онъ убилъ свою мать. Но commis-voyageur, сильно нарумяненный и съ кривымъ ртомъ, увѣрялъ его, что это—ничего. Потомъ парикмахеръ куда-то ушелъ, и Ифигенія сняла цѣпочку съ рукъ commis-voyageur'а и говорила съ нимъ про троянскую войну. Я уже слыхалъ прежде объ этой войнѣ, и потому мнѣ нисколько не было интересно. Я думалъ, что и вся драма такъ пойдетъ, но рѣшился высидѣть до конца. Къ моему удивленію, вдругъ въ третьемъ актѣ стало интересно и хорошо, даже очень хорошо, а именно, когда Ифигенія узнаетъ Ореста, а Орестъ разсказываетъ разсказъ Пилада о Клитемнестрѣ и называетъ себя. Ифигенія была очень хороша, и Dettmer не совсѣмъ дуренъ. Четвертый актъ и пятый, гдѣ оба плѣнные, назначенные къ закланію, бѣгаютъ свободно по Крыму и даже затѣваютъ пакость противъ Тоаса, были опять скучны до конца, который—хорошъ.

M-lle Ziegler очень красива и пріятна, *и почти* хорошая

актриса, но драма, ей-ей, очень скучна, хотя задумана умно и художественно. Все это не мотивировано, и изъ Тоаса не сдѣлано ничего, тогда какъ по самой мысли Гёте можно было много изъ него сдѣлать. Скучно, но хорошо, и Ифигенія хороша.

....А вчера я былъ въ гипсовой галереѣ, и какъ сталъ передъ геркулесовымъ торсомъ, такъ слезы и выступили изъ глазъ, и я долженъ былъ часто сморкаться...

217.

Дрезденъ, 17 (29) сент.

....И вотъ сейчасъ я былъ вечеромъ у Коцебу и читалъ имъ и Павловой половину перваго акта и весь второй актъ, и ужасно они хвалили, чистосердечно хвалили, и Коцебу сдѣлалъ нѣкоторыя очень дѣльныя замѣчанія. И мнѣ такъ странно, что я тебѣ еще этого не читалъ. И тамъ былъ Фиркъ и братъ Гейне, довольно гадкій...

....Павлова сказала мнѣ сегодня, что когда я ушелъ отъ Коцебу, послѣ чтенія, то они говорили, что это chef-d'oeuvre. Положимъ, что и не chef-d'oeuvre, но можетъ выйти и должно выйти очень хорошо... И это очень странно, что я тебѣ его еще не читалъ. И можетъ быть ты разбранишь, и тогда я приду въ уныніе. И все это въ прозѣ, и, кажется, до конца будетъ въ прозѣ. И тамъ будетъ 4 рѣзкихъ характера, 2 мужскихъ и 2 женскихъ. А впрочемъ, если ты разбранишь, я не приду въ уныніе, а поправлю, потому что я тебѣ больше вѣрю...

1871 г.

218.

Карлсбадъ, 16 (28) апрѣля.

....Я провелъ вечеръ у Абазы съ тѣми же людьми, которые просили меня прочесть имъ тѣ же самыя вещи... Напослѣдокъ я имъ прочелъ „Edward, Edward“... и маленькая кн. Ч..., главное, этимъ восхищалась; она очень хорошо слушаетъ. А я все больше и больше въ восторгѣ отъ этой баллады... Вотъ въ ней-то сколько магнетизма!.. Эти вопросы о томъ, что̀ знаешь, и эти уклоняющіеся отвѣты, которые сознательны для отвѣчающаго, не обманываютъ вопрошающаго, и эта форма какая-то *сонная* для *ужаснаго діалога*—точно обрядъ приговора совершается надъ виновными самими ими—въ сомнамбулическомъ состояніи.

Вотъ отчего конецъ не совсѣмъ такой, какъ бы я желалъ, и мнѣ все кажется, что оно должно было кончиться на предпослѣдней строфѣ, *безъ эффекта*,—но тогда былъ бы только одинъ виноватый,—а чувствуется, что ихъ было два.

219.

Дрезденъ, Hôtel d'Europe.

....Только пять дней, что я съ тобой разстался, а мнѣ кажется, что Богъ знаетъ сколько времени.

Передъ моими окнами—великолѣпная статуя, колоссальная *Германія*, не совсѣмъ напоминающая Венеру Милосскую, но очень въ самомъ дѣлѣ красиво. Она раскрашена умѣренно и гармонично, съ позолотой на складкахъ платья, и отлично все это выдѣляется на сѣрыхъ домахъ. Она—*Ритшеля*, но она пока еще временно изъ гипса.

Такъ какъ мое чувство къ художественному произведенію никогда не бываетъ сомнительное или колеблющееся, но всегда электрически ясно, я никогда не вижу ее безъ восклицанія:—Прекрасно!.. Когда я сказалъ это m-me Павловой, она приняла это за иронію и сказала мнѣ:—Да, не правда ли, какая гадость!—Какъ гадость!—сказалъ я ей:—но это великолѣпно!—А она продолжала думать, что я иронизирую, до тѣхъ поръ, пока я ей далъ слово, что нахожу это великолѣпнымъ. Тогда она сказала:—Да я ее не видала съ тѣхъ поръ, какъ она расписана.

А когда я прохожу мимо какого-нибудь свинства, я не могу удержаться, чтобы не нагрубить. Только-что видѣлъ порядочное свинство въ театрѣ.

Послѣ плоской комедіи, пародіи „Taming of the shrew“ [1]), былъ нѣмецкій балетъ „Les bouquets ballabiles“. Названіе по-французски. Сотни неграціозныхъ женщинъ представляли грацій, держа каждая по два букета въ рукахъ. Ты можешь себѣ вообразить, что̀ это было; имѣло огромный успѣхъ. Отчего нѣмцамъ недостаточно того, что у нихъ полное отсутствіе вкуса, но они еще обладаютъ дурнымъ вкусомъ въ очень утвердительной формѣ?

220.

Дрезденъ, 11 іюля.

....Вчера я перечелъ m-me Павловой „*Илью*“ и „*Сватовство*“. Она еще болѣе была довольна, чѣмъ въ первый разъ, и увѣряетъ,

[1]) Укрощеніе строптивой.

что я сдѣлалъ большой шагъ впередъ, и что мой Wendepunkt [1])—„Владиміръ“.

Она сейчасъ же принялась переводить „Илью“; она хотѣла, чтобъ я ей перечелъ все остальное, но пріѣхалъ Goetz de Lobegardt... Мнѣ кажется, что онъ—превосходный человѣкъ.

M-me Павлова мнѣ сказала, что онъ про тебя говоритъ: „Такихъ женщинъ рождается въ столѣтіе—одна“. Потомъ я встрѣтилъ m-lle Машу Т. съ братомъ; m-lle Constance умерла, бѣдная, въ прошломъ году, ухаживая за тифозными; Walter тоже умеръ. Онъ никогда не сходилъ съ ума. Carus тоже умеръ два года тому назадъ. Жена Faller'a тоже умерла.

Швейцаръ въ отелѣ du Nord въ Берлинѣ тоже умеръ.

И мы тоже умремъ, и вотъ отчего мнѣ такъ тяжело сокращать время, которое намъ остается быть вмѣстѣ.

Пожалуйста, устрой наши дѣла такъ, чтобы намъ больше не разставаться.

....M-me Павлова, узнавъ, что мы провели въ Красномъ Рогу нѣсколько времени одни вдвоемъ, сказала: „Dass ist ein guter Probierstein“ [2]); какъ это глупо,—развѣ намъ нужно это?

221.

Дрезденъ, 25 іюля.

....Мнѣ очень грустно и очень скучно, и глупъ я былъ, что думалъ, что будетъ здѣсь пріятно.

Еслибъ у меня былъ Богъ-знаетъ какой успѣхъ литературный, еслибъ мнѣ гдѣ-нибудь на площади поставили статую, все это не стоило бы четверти часа—быть съ тобой, и держать твою руку, и видѣть твое милое, доброе лицо! Что бы со мной было, еслибъ ты умерла? А все-таки пусть лучше я послѣ тебя умру, потому что я не хочу, чтобъ тебѣ было тяжело послѣ меня...

И тяжело слушать музыку безъ тебя; я будто черезъ нее сближаюсь съ тобой!

....А въ Карлсбадѣ будетъ мнѣ скверно; тамъ, говорятъ, такое множество людей; и всѣ они захотятъ, чтобъ я дѣлалъ съ ними parties de plaisir, а мнѣ бы жить тихонько съ какими-нибудь профессорами. Ну ихъ! Я мало бываю дома; а когда приду, то читаю Шопенгауэра и рѣдко съ нимъ не соглашаюсь, т.-е. я нахожу въ немъ изрѣдка противорѣчія, даже съ его точки зрѣ-

[1]) Поворотный пунктъ.

[2]) Это хорошій пробный камень.

нія, и все говорю себѣ: „Дуракъ, что я могъ съ нимъ познакомиться—и не познакомился“!

222.

Дрезденъ 14 (26) іюля.

....Я былъ опять въ Пильницѣ и ѣхали на пароходѣ до Блазевица съ актеромъ Jaffe, который мнѣ говорилъ про „Wladimir's Brautfahrt“, что-де ее списалъ у Шлейдена.

А Шлейденъ переселился во Франкфуртъ, потому жена здѣсь ни съ кѣмъ не ужилась.

А отъ „Ильи“ осталось перевести только три строфы; а что переведено—хорошо...

....А вчера я былъ на „Meistersinger“ и ко мнѣ присосѣдился Firks, т.-е. пошелъ со мной,—и ужъ ругался, ругался, и хотѣлъ тотчасъ уйти, но я его стыдилъ, и мнѣ было очень интересно выслушать два акта, а послѣдняго, третьяго, я не высидѣлъ, и когда сказалъ Фирксу, что ухожу, онъ вскочилъ въ блаженствѣ и побѣжалъ.

Въ концѣ второго акта есть удивительная фуга, начинающаяся серенадой и кончающаяся дракой хора, все—та же фуга.

А речитативы между двумя или тремя лицами очень, очень скучны и длинны.—Что твои *глазушки*? Они—какъ болѣзненная фольга, подостланная подъ мой каждый день и каждый часъ.

Мнѣ очень, очень грустно, и даже скучно.

Поѣду сейчасъ опять въ Пильницъ кончать „Илью“, а потомъ уже не знаю!

Христосъ съ тобой! Пожалуйста не будемъ разставаться.

Поклонись всѣмъ и глупому Дону [1]), который не умѣетъ тебя цѣнить.

223.

Карлсбадъ, 20 іюля (1 августа), Goldener Schild.

....Я все читаю Шопенгауэра Hauptwerk, и очень странное онъ на меня производитъ дѣйствіе. У меня самое большое почтеніе къ его уму, и многое совершенно ясно и правдоподобно, а въ самомъ Ausgangspunkt [2]) для меня противорѣчіе, и вообще вся система основана на человѣкѣ и на явленіяхъ *нашей* планеты и тѣхъ, о которыхъ можно догадываться, судя съ *нашей* планеты. И эта empirische Wahrnehmung [3]) служитъ ему основа-

[1]) Охотничья собака.

[2]) Точка отправленія.

[3]) Эмпирическое воспріятіе.

ніемъ des transcendentischen Theils seiner Lehre [1]), выведенной съ необыкновенной послѣдовательностью не только въ отношеніи къ *нашей* жизни, но и къ *бытію вообще*, что мнѣ кажется нѣсколько—zuvorgreifend [2]). А общее впечатлѣніе отъ него—и хорошее, и дурное. Дурное, потому что если ему отдаться, чувствуешь необыкновенное презрѣніе и къ другимъ, и къ себѣ; хорошее, потому что вся дрянь въ жизни кажется такъ мелка, что и думать о ней не стоитъ.

Но это опять можетъ привести къ желанію жить спустя рукава, т.-е., жить безчестно, чего, впрочемъ, и самъ *Шопенгауэръ* не допускаетъ,—и выходитъ опять противорѣчіе. Утѣшаешься тѣмъ, что и Шопенгауэръ, вѣроятно, ошибается, и что намъ не дано знать das Transcendente; а если мы только Erscheinung [3]), то пока мы Erscheinung, мы должны строго держаться добра и правды, какъ они являются in der Erscheinung, und das andere wird sich schon finden [4]).

224.

Карлсбадъ, 25 іюля (6 августа).

Сейчасъ я гулялъ съ Лихновскимъ; мнѣ его жаль,—онъ въ безпрестанномъ противорѣчіи съ самимъ собой.

Grand Doyen du Chapitre d'Olmütz, prélat, crossé et mitré avec tous les droits d'évèque, а между тѣмъ онъ даже и не священникъ и не простой христіанинъ по призванію, а чортъ знаетъ что: добрый человѣкъ не на своемъ мѣстѣ, хуже, чѣмъ я во флигель-адъютантскомъ мундирѣ.

....Er ist auf dem Standpunkt einer starken Bejahung des Willens zum Leben, in principio individuationis befangen, in dem Satze vom Grunde bis an die Ohren stehend vom Schleier der Maja umhüllt. Du hast diesen Schleier längst durchschaut; ich fange an ihn zu durchschauen, darum bin ich besser geworden. Aber wenn du ihn durchschaut hast, warum bist du noch unglücklich?

Warte nur, balde ruhen wir auch!.. [5]).

---

[1]) Транссцендентной части его ученія.

[2]) Забѣгающимъ впередъ.

[3]) Явленіе.

[4]) Въ явленіи, а другое уже потомъ окажется.

[5]) Онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія сильнаго „утвержденія жизненной воли, охваченъ принципомъ индивидуаціи, по уши залѣзъ въ законъ причинности, закутанъ покро-

225.

Карлсбадъ, 25 іюля (6 августа).

Въ эту минуту толстый Суворовъ, за моею дверью, играетъ на фортепіано и поетъ, довольно хорошо, но вздоръ, а голосъ пріятный. Рѣчь идетъ про какую-то Матрену. А вотъ вмѣшался живущій съ нимъ кавалергардъ, и вышло скверно; поетъ онъ: „Я васъ любилъ“...

Плохъ кавалергардъ.

Вотъ затянулъ с.... с....: „И огнемъ горитъ, и ключомъ кипитъ“!.. Такъ и ждешь, что завоетъ, каналья: „Черный цвѣтъ“. Несетъ черезъ дверь Екатерингофскимъ проспектомъ, — чортъ ихъ дери!

А Суворовъ его учитъ, а когда поетъ одинъ, то выходитъ очень сносно. Сейчасъ даже было очень хорошо, но грянетъ кавалергардъ—и запахнетъ эскадрономъ, манежемъ и баломъ Этмарштейна; по крайней мѣрѣ, кажется, что у него должно такъ пахнуть.

Тутъ и ловкія офицерскія манеры, и шуточная любезность, отъ которой барышни опрокидываются на спинку креселъ и, махая руками, говорятъ: „Ахъ, comme vous êtes“!... И шампанское, и глупая дуэль въ подражаніе „герою нашего времени“.

И триллеръ пустилъ злодѣй!.. Сейчасъ замолчалъ. А чего тутъ не было? Одно за другимъ отхваталъ безъ промежутковъ: и „Тройку удалую“, и „Ты душа ль моя“, и всякихъ цыгановъ и черкесовъ—какъ слѣдуетъ. Der Kerl steht tief im Satze vom Grunde..

226.

Карлсбадъ, 1 (13) августа.

....А вчера я далъ m-me Seegen подстрочный переводъ въ прозѣ: „Не вѣрь мнѣ, другъ“...

Выходитъ ужасная гадость, и она хочетъ переложить на стихи; а я сегодня взялъ да и самъ переложилъ:

Oh, glaub' mir nicht, in trüber Stund', in schlimmer,
Wenn ich dir sag', ich liebte dich nicht mehr!
Zur Ebbezeit glaub' nicht, es sei auf immer
Vom Land gewichen das bewegte Meer!

вомъ Майи. Ты давно глядишь сквозь этотъ покровъ; я начинаю глядѣть, и потому становлюсь лучше. Но если ты проникла сквозь него,—почему же ты еще несчастна? —„Подожди немного, отдохнемъ и мы“.

Schon sehn' ich mich, mit dir aufs neu zu theilen
Freud' oder Schmerz die ich mit Dir empfand,
Und, brausend, schon auf's neu die Wellen eilen
Von fern zurück zu dem geliebten Strand.

227.

21 декабря.

Я сейчасъ былъ на „Fliegende Holländer".

Не скажу, чтобъ онъ мнѣ понравился, и весь первый актъ я сладко проспалъ. Потомъ стало лучше. А въ „Holländer" есть одна фраза изъ баллады Рогнѣды.

А Degele тѣмъ невыносимъ, что онъ всегда, когда въ какой-нибудь фразѣ есть одна длинная нота, а потомъ короткая, не иначе переходитъ къ короткой, какъ хроматически, и всегда такъ, что его хочется прибить.

Какъ это ему позволяютъ?

Я сначала, въ незнакомыхъ операхъ, думалъ, что онѣ такъ написаны, и сильно ругалъ композитора; а когда услышалъ то же въ знакомыхъ, то возненавидѣлъ Degele, хоть впрочемъ онъ хорошъ.

228.

Belle-Vue, 23 Décembre.

....Я былъ у M-lle Glümer, которая дала мнѣ свой нѣмецкій переводъ „Отцы и Дѣти".

Я не могу сказать тебѣ, съ какимъ неожиданнымъ удовольствіемъ я это читаю.

Какіе звѣри—тѣ, которые обидѣлись на Базарова!

Они должны были бы поставить свѣчку Тургеневу за то, что онъ выставилъ ихъ въ такомъ прекрасномъ видѣ. Если бы я встрѣтился съ Базаровымъ, я увѣренъ, что мы стали бы друзьями, несмотря на то, что мы продолжали бы спорить.

1872 г.

229.

Комо, Вилла д'Эсте. 28 марта (9 апрѣля).

....Я все болѣе и болѣе свыкаюсь съ моимъ здѣшнимъ пребываніемъ, и мнѣ кажется, что отъ добра добра не ищутъ.

Я могъ бы имѣть комнату немного больше, желтую, выходящую въ садъ, но мнѣ не хочется повернуться спиной къ озеру. Сегодня на озерѣ голубыя волны, золотистыя, съ маленькими

серебряными шипочками — и шумъ отъ нихъ идетъ прямо въ сердце.

Горы почти-что наотвѣсъ, что̀ придаетъ пейзажу видъ монастырской идиллической клаузуры и наполняетъ воздухъ спокойствіемъ, такъ что я почти уже не думаю о мучительныхъ вещахъ.

Вчера мое пальто пріѣхало изъ Милана; оно мнѣ кажется великолѣпнымъ, и я сейчасъ же его заперъ, чтобы надѣть его только въ Висбаденѣ.

Я пришлю тебѣ балладу „Садко“ совсѣмъ передѣланною. Она мнѣ кажется хорошей тѣмъ, что она очень наивна. Первая версія была эпическая и потому гораздо ниже народнаго сказанія.

Эта версія лирико-драматическая. У нея нѣтъ претензіи на разсказъ — она только Situazion's Bild — и передаетъ только Stimmung. Пусть тебѣ ее прочтутъ, и скажи мнѣ, нравится ли она тебѣ. Она принесетъ 160 руб.; а та принесла бы 208 р., но я не жаденъ...

....Я опять ходилъ пѣшкомъ въ Комо, и вернулся также, погулявъ немного и выслушавъ часть обѣдни въ соборѣ.

Съ обѣихъ сторонъ у дверей снаружи стоятъ двѣ статуи— Плинія Старшаго и Плинія Младшаго.

Они—конца четырнадцатаго вѣка, и оба Плинія одѣты докторами.

Надпись говоритъ, что сенатъ и народъ Комо рѣшили отдать эту честь двумъ великимъ людямъ, которые дѣлали честь человѣчеству. Что это за люди были, граждане итальянскихъ республикъ!

Какъ они мало были педанты! и какъ мало было педантизма въ католической церкви!

Она говорила: „Признавайте меня, платите мнѣ десятину, а потомъ ваяйте чертей въ моей оградѣ и ставьте идолопоклонниковъ на царскія мѣста—что̀ мнѣ за дѣло“! А у насъ тѣмъ временемъ занимались: разрѣшается ли грибъ маслёнокъ въ четвертокъ?

Зданіе XIII-го вѣка около собора называется *парламентъ*, и у него прелестный балконъ, съ котораго ораторствовали предъ народомъ.

Знаменитое военное „единство“ Италіи не вернетъ аристократическаго духа республикъ, и никакое единство, доведенное слишкомъ далеко, не сохранитъ никакому краю духъ гражданства. Исторія всѣхъ объединеній доказываетъ, что объединеніе и разложеніе—тождественны.

Знаешь ли ты, что Комо имѣетъ сокровища архитектурныя. Республика, должно быть, была могучая—разъ она вела войну съ Миланомъ и Барбароссой послѣ того, что онъ разрушилъ Миланъ, пришелъ и поселился въ Комо, въ замкѣ Бараделло, башни котораго существуютъ еще теперь. Башни Комо великолѣпны и почти той же прочности, какъ римскія, и на видъ напоминаютъ дворецъ Сфорца во Флоренціи.

230.

Вилла д'Эсте, 30 марта (12 апрѣля).

....Я гуляю или сижу въ своей комнатѣ, или хожу въ общую залу, гдѣ я часто нахожу m-r Cole (такъ пишется его имя). Чета австрійцевъ уѣхала, чтобы окончательно помѣститься въ Белладжіо, и вчера m-r Коле и я были вдвоемъ за обѣдомъ.

Онъ—большой философъ и говоритъ, что онъ у жизни проситъ теперь только немного спокойствія. У него доброе и грустное лицо, но онъ моложе меня—ему только 50 лѣтъ—но онъ весь въ морщинахъ.

Прошлаго года онъ себѣ вывихнулъ локоть, прыгнувъ черезъ корзину бѣлья, которую несли двѣ прачки. Онъ сказалъ мнѣ:—„Я не могъ удержаться, было слишкомъ соблазнительно".

Онъ мнѣ сказалъ, что ни одному слову не вѣритъ изъ того, что̀ разсказываютъ бретонцы про змѣй—что будто бы онѣ носятъ на головѣ маленькій драгоцѣнный орнаментъ, и что онѣ его снимаютъ, когда купаются, и кладутъ на берегъ, такъ что еслибы знать мѣсто и положить бѣлый платокъ—змѣи положатъ свои драгоцѣнности на него.

Онъ меня спросилъ—вѣрю ли я исторіи, которую разсказалъ австріецъ, а именно: мужикъ въ Венгріи, во время косьбы, нечаянно отрѣзалъ ногу у жабы и потомъ пошелъ, легъ спать послѣ обѣда; жаба въ это время подскочила на трехъ ногахъ къ нему и прыгнула на его нижнюю губу—и такъ сильно прицѣпилась къ губѣ, что много усилія стоило ее оторвать отъ губы. „Въ этомъ можно замѣтить большую мудрость,—сказалъ m-r Коле,—но извѣстно, что жабы не имѣютъ никакой мудрости. Этого не можетъ быть, *и я никогда не повѣрю*".

Здѣсь есть англиканская церковь, но m-r Коле не ходитъ туда, такъ какъ онъ католикъ. Я съ нимъ сыгралъ партію на билліардѣ и выигралъ. Я не игралъ на билліардѣ съ 1840 г.

Вчера я пошелъ въ Комо, посмотрѣть на обѣ церкви, сперва церковь св. Фиделія XII вѣка, абсидъ которой совершенно не

тронутъ, и дверь въ немъ, на которой изображены гриффоны, дерущіеся съ драконами.

Великолѣпно... Глядя на нихъ, моя кровь кипитъ; внутренность испорчена.

Потомъ я пошелъ за Комо, посмотрѣть на романскую базилику XI вѣка, внѣшніе орнаменты которой совершенно цѣлы, а внутренность совсѣмъ оголена; но все-таки въ „кораблѣ“ есть живопись à la Giotto, очень красивая, XIV вѣка.

Такъ какъ рѣшетка алтаря была заперта, я пошелъ искать кустодэ, который сказалъ, что онъ не можетъ отпереть безъ ректора семинаріи, профессора Балестра; тогда я ему послалъ мою карточку, и онъ прибѣжалъ, одѣтый въ іезуитское платье, съ докторскою шапочкой на головѣ.

Оказалось, что онъ—восторженный археологъ и завѣдуетъ реставраціей своей церкви, которая называется Церковь *Св. Абоидіо*. Онъ цѣлый часъ держалъ меня, разсказывая, черезъ какія перемѣны прошла его церковь—и толкалъ меня все время локтемъ.

Онъ былъ вице-президентомъ одного археологическаго комитета.

Онъ знаетъ всѣ романскія церкви въ Европѣ, и предпочитаетъ свою всѣмъ другимъ.

Онъ меня водилъ кругомъ нея и потомъ повелъ на гору, чтобы я ею полюбовался издали.

Потомъ мы встрѣтили другого іезуита, и оба увлекли меня смотрѣть на кладбище Комо, которое не имѣетъ ничего интереснаго и совсѣмъ современное.

231.

Вилла д'Эсте, 2 (14) апрѣля.

....Мой другъ, вотъ тѣ романтическія воспоминанія, о которыхъ я тебѣ говорилъ, но я предупреждаю тебя, что надо „газировать“.

Въ 1840 году, я былъ здѣсь въ одно время съ нашимъ Государемъ, тогда Великимъ Княземъ. Всякій день мы ходили въ виллу Реймонди стрѣлять въ цѣль и въ голубей. Но такъ какъ дочь кустодэ Пеппина была очень красива, я за ней ухаживалъ, черезъ окошко нижняго этажа, но мнѣ хотѣлось поговорить съ ней съ глазу на глазъ, и для этого я забылъ свою пороховницу въ одной изъ гостиной виллы, а потомъ я пришелъ въ теченіе дня ее искать и попросилъ Пеппину мнѣ помочь.

Пороховница находилась въ комнатѣ, въ которой ставни были закрыты. Прежде чѣмъ уйти, я сдѣлалъ Пеппинѣ объясненіе въ

любви—такое, что она не могла больше сомнѣваться въ моихъ чувствахъ.

Остальное я забылъ.

Вчера утромъ, когда я пошелъ въ Комо, я остановился въ виллѣ Реймонди. Передъ дворцомъ, около большой дороги, на лужайкѣ, стоитъ большой ясень, который я узналъ и подъ которымъ прежде всегда сидѣли аббаты...

Жуковскій... (Я прерываю себя, чтобы сказать тебѣ, что подо мной въ нижнемъ этажѣ поетъ женскій голосъ, вѣроятно, у окошка, и поетъ безъ аккомпанимента, что-то полу-итальянское, полу-швейцарское или нѣмецкое въ родѣ Баха. Это голосъ меццо-сопрано, звучащій въ ночномъ воздухѣ очень красивыми нотами полной грудью. Это должно быть вновь пріѣхавшая, такъ какъ сегодня утромъ квартира была пуста).

Я продолжаю: Жуковскій нарисовалъ ясень; но такъ какъ онъ не умѣлъ рисовать аббатовъ, онъ попросилъ меня нарисовать ему одного изъ нихъ, что̀ я и сдѣлалъ.

Придя теперь подъ ясень, я увидалъ подъ нимъ аббата, какъ тогда; я позвонилъ у рѣшетки, и молодая дѣвушка пришла открыть мнѣ, какъ въ былыя времена.

Она была похожа на Пеппину, но я хорошо зналъ, что это не была она, такъ какъ ей тогда было 16 лѣтъ, которыхъ она теперь болѣе имѣть не можетъ, по крайней мѣрѣ я такъ думаю.

Я попросилъ видѣть сторожа, и старый человѣкъ пришелъ, но я зналъ, что это не былъ тотъ же самый, такъ какъ тому было тогда лѣтъ шестьдесятъ, и ему не могло быть ихъ и теперь.

На мои вопросы новый сторожъ сообщилъ мнѣ, что прежній умеръ, а также и жена его, но онъ ничего не могъ мнѣ сказать о Пеппинѣ.

Онъ былъ тогда помощникомъ сторожа, и у него глуповатый видъ.

Я попросилъ его открыть мнѣ, и я отыскалъ комнату и стулъ, на который я сѣлъ, какъ во время оно. Онъ спросилъ меня, не родственникъ ли я прежнему сторожу? Я отвѣчалъ:—Да, немного.

—Потомъ я посѣтилъ садъ, и, къ его удивленію, я ему указалъ мѣсто, гдѣ прежде было стрѣльбище, и затѣмъ различныя перемѣны, которыя произошли съ 1840 года. Это мнѣ напомнило удивленіе швейцара дома Шиллера въ Веймарѣ, когда я вернулся въ него послѣ тридцатипятилѣтняго отсутствія, и разспрашивалъ его о различныхъ лицахъ 26-го года.

— Но вы у меня спрашиваете о лицахъ, которыя давно умерли. —сказалъ онъ мнѣ:—кто же вы?

Тѣмъ не менѣе я не отчаяваюсь найти Пеппину.

Я поручу это моему другу, старому лодочнику Франжи, и если она не умерла, я пойду навѣстить ее. Дуракъ же Александръ Дюма!

Я нашелъ здѣсь „Le Chevalier de Maison Rouge“ и перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ.

Дюма говоритъ, что палачу Сорону было пятьдесятъ лѣтъ, и онъ все-таки называетъ его старикомъ! Скотина!

Я игралъ въ билліардъ съ m-r Коле и выигралъ у него еще партію. Онъ очень скроменъ и деликатенъ. У него ревматизмъ, но онъ снялъ свое пальто и положилъ на него своего Фрикей [1]). Онъ наступилъ ему на лапу, не очень сильно, но очень извинялся.

Такъ какъ мы говорили о здѣшнихъ комнатахъ, онъ мнѣ разсказалъ, между прочимъ, что какая-то маркиза изъ Милана заняла мою, а онъ—сосѣднюю.

На слѣдующій день мужъ маркизы вѣжливо сказалъ ему, что жена его не спала всю ночь изъ-за табака, который курилъ m-r Коле.

Онъ отвѣтилъ ему: „Si j'avais su ça, j'aurais jeté mon pipe dans le lac“.

И съ тѣхъ поръ онъ болѣе не курилъ. Это не по-геройски, но это прилично.

232.

Вилла д'Эсте, 5 (17) апр.

Я былъ въ Bellagio и въ Cadenabbio. Это такъ хорошо, что я и сказать не могу, особенно Bellagio. Тамъ двѣ гостинницы, одна у самаго озера, а другая на горѣ, въ виллѣ Serbellona. Изъ этой послѣдней видны два рукава озера, т.-е. Como и Leco. Снѣговыя горы и туманная даль; только лѣзть на гору немножко тяжело, и для постояннаго жительства мнѣ пріятнѣе моя clausura, а тамъ глаза разбѣгаются, и къ тому же слишкомъ шумно въ Беладжіо въ обѣихъ гостинницахъ; онѣ полны англичанъ, между которыми, какъ два масляныхъ пятна, было два нѣмца, которые портили пейзажъ (а не *пейзажи*).

Я хотя бы и безъ того тамъ не поселился, но очень былъ радъ, что не было въ виллѣ Сербеллона ни одной порядочной комнаты.

Показали лишь одну, еще меньше моей, сырую, голую, которая вѣроятно прежде была н.....; она стоитъ 5 фр., а моя, которой я все совершенно простилъ, стоитъ 3 фр.

---

[1]) Собака.

Общія комнаты, читальня и пр. очень симпатичны, а коридоръ увѣшанъ старинными портретами cinque и seicento.

Я поѣхалъ туда на пароходѣ въ половинѣ девятаго утра, а возвратился въ пять, къ обѣду.

Со мной ѣхало русское семейство: помѣщикъ, похожій на моржа, съ общимъ дворянскимъ лицомъ и съ кокардой въ петлицѣ, все какъ слѣдуетъ, а съ нимъ двѣ молодыя особы, изъ которыхъ одна меня очень къ себѣ привлекла. На первый взглядъ она была нехороша и немножко даже ряба; впрочемъ, съ хорошими бѣлокурыми волосами и темными приподнятыми, какъ будто удивляющимися бровями, а главное—ротъ былъ у нея такой добрый и пріятный, что я рѣшилъ съ ней познакомиться, если представится случай. Онъ представился на возвратномъ пути. Я просто сѣлъ около нея и сталъ защищать ее отъ вѣтра, распустивъ мой зонтикъ. Она засмѣялась и со мной заговорила по-французски, а я ей по-русски—и пошло, и пошло.

Они ѣдутъ изъ Венеціи, гдѣ провели три дня въ твоихъ комнатахъ (Barbesi). И она говоритъ, что послѣ Венеціи Миланъ показался имъ такимъ гадкимъ, что онѣ попросили у моржа, котораго она называетъ *nana*, съѣздить въ Комо, а теперь ѣдутъ въ Миланъ обратно, а оттуда сейчасъ въ Лозанну, гдѣ двѣ сестры въ пансіонѣ. Моржъ тоже вмѣшался въ разговоръ слѣдующимъ образомъ:—Какъ подумаешь, вѣкъ умывался обѣими руками, а теперь приходится умываться одной; человѣка съ собой не взялъ!

— Зачѣмъ же вы умываетесь одной рукой?

— А кто же будетъ наливать?

— А вы налейте въ умывательную чашку, да и загребайте обѣими руками!

— Покорно благодарю, я къ этому не привыкъ!...

Потомъ, когда проѣзжали мимо какого-нибудь хорошаго мѣста, онъ обращался со вздохомъ къ молодымъ и говорилъ:—А что бы сказалъ Иванъ, когда бы это увидѣлъ?—А молодыя смѣялись, и у той, которую я защищалъ, были отличные зубы. Ей отъ 23 до 25 лѣтъ; замужемъ ли она, или нѣтъ, не знаю! Но скорѣе замужемъ, и она совсѣмъ была не хороша, но граціозна, а ротъ ея красивый и всегда смѣющійся и добрый.

Знаешь,—есть такіе рты, которые, какъ пейзажи, не будучи красивы, притягиваютъ сильнѣе, чѣмъ самые красивые; не извѣстно отчего, а чувствуешь себя съ ними совсѣмъ дома; и я себя чувствовалъ дома вокругъ ея рта. Моржъ, несмотря на свою кокарду, имѣлъ деликатность не спрашивать меня, кто я

такой и какіе я получаю доходы—такъ какъ я имѣлъ ту же деликатность. Мы разстались у виллы д'Эсте, не зная, кто мы такіе; я прыгнулъ въ лодку, а они продолжали свой путь.....

.....Я очень радъ былъ вернуться въ свою комнату, которую я не хочу оставить, и я ее люблю. Къ тому же, развѣ я могу разстаться съ m-r Коле? Я не понимаю половины того, что онъ разсказываетъ; но то, что понимаю — обожаю, особенно когда онъ говоритъ по-французски.

Вчера онъ мнѣ разсказалъ легенду про Христа,—что Онъ лѣпилъ птицъ изъ глины; но онъ увѣрялъ, что легенда находится въ талмудѣ, и имѣлъ осторожность мнѣ сказать:

— „Вы знаете, талмудъ—есть объясненіе Ветхаго Завѣта".

— „Да,—я ему сказалъ,—но именно это и есть причина, по которой это не можетъ быть въ талмудѣ. Эта легенда находится въ одномъ изъ апокрифическихъ евангелій"...

На это онъ сказалъ:

— „О, да! конечно, вы совершенно правы"!

233.

Вилла д'Эсте, 12 апр.

Сегодня m-r Коле сказалъ глупость за обѣдомъ. Когда на его вопросъ: какія одежды носятъ наши священники?—я ему отвѣчалъ:—тѣ же, которыя вы видите на мозаикахъ VII и VIII вѣка. —Онъ сказалъ:—„О, и они никогда ихъ не чинятъ"?

Онъ думалъ, что наши священники носятъ тѣ же самыя платья, которыя употребляли въ VII вѣкѣ, и что они ихъ никогда не штопаютъ, потому что они такъ прочно сшиты...

За обѣдомъ была дама, у которой былъ на шеѣ—барельефъ, представляющій битву центавровъ съ лапитами, а другой былъ —модель миланскаго собора.

Все это было сегодня, и столъ былъ полный.

Даже въ ихъ честь подавали новое блюдо: „куриныя сердца". Надѣюсь,—ты не думаешь, что я ихъ ѣлъ!.....

М-г Коле мнѣ все говоритъ про какого-то чорта, написаннаго бѣлой краской въ церкви *св. Абоudio*, котораго я не замѣтилъ.

Онъ все настаиваетъ, что очень смѣшно представлять чорта бѣлымъ... И я слышу, какъ онъ говоритъ всякому новому пріѣзжему про этого чорта...

....Нужно пойти посмотрѣть на него.

234.

Франкфуртъ, 25 апр. (7 мая)

...Я остановился въ Hôtel d'Angleterre, гдѣ прекрасно... Если когда-нибудь мы здѣсь будемъ, то мы остановимся здѣсь непремѣнно..

Пока я сидѣлъ въ залѣ, между англичанами, я увидалъ, поднявъ голову, хорошо написанный портретъ, который мнѣ напомнилъ что-то знакомое.

Мнѣ казалось, что я догадываюсь; но я позвалъ кельнера и спросилъ его: чей это портретъ, и онъ мнѣ отвѣчалъ: — „Это нѣкій писатель и философъ — Шопенгауэръ называется, — онъ долго жилъ во Франкфуртѣ"!..

Я не могъ близко подойти изъ-за многихъ англичанъ и англичанокъ, которые сидѣли подъ нимъ, но я ощутилъ очень большое уваженіе—и шишка уваженія на моей головѣ стала совсѣмъ теплою. На этомъ портретѣ его лицо—грустное и немножко внушительное, но не ироническое. Это нѣкій Зубочинскій написалъ портретъ, но ни фотографіи, ни гравюры съ него не существуетъ...

1873 г.

235.

Римъ. Hôtel de Russie, 12 апрѣля.

Мой добрый ангелъ-хранитель! Я благополучно доѣхалъ; было очень холодно ночью, но я былъ хорошо закутанъ и совсѣмъ не страдалъ отъ холода.

Я *совсѣмъ* здоровъ и дышу хорошо.

Прямо черезъ корридоръ, безъ лѣстницъ, я выхожу въ садъ, въ которомъ цвѣтутъ деревья іудейскія (arbres de Judée)—прелестно все это, но мое сердце надрывается, что я все это вижу безъ тебя. Римъ полонъ козъ, которыхъ доятъ у дверей домовъ. Campagna полна хорошими бѣлыми быками, съ большими рогами; ничего еще не испорчено, но поливаютъ улицы!

Пиши мнѣ всю правду про себя и про свои глаза...

Во мнѣ то же чувство, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда мы разставались—*совершенно то же*...

236.

Сорренто, 2 мая.

....Вчера мы поѣхали моремъ въ Палермо. Я сошелъ на землю только чтобъ посмотрѣть соборъ, выстроенный Робертомъ Гвискаромъ, и опять вернулся на пароходъ, опасаясь жары для моей головной боли; а Императрица поѣхала со всѣми на ослахъ и въ портатинахъ и въ коляскахъ до Амальфи, куда наше судно отправилось Ее дожидаться.

Такимъ образомъ, я вчера избѣгъ головной боли на сегодняшній день, да у меня и въ самомъ дѣлѣ ея нѣтъ.

Боткинъ оскультировалъ меня въ послѣдній разъ и продиктовалъ мнѣ инструкціи.

„So arg ist es nicht“ [1]).

Робертъ Гвискаръ—былъ свинья.

Онъ ограбилъ Пестумскій храмъ, чтобъ построить свою церковь.

Но іезуиты прошлаго столѣтія были еще бо̀льшія свиньи: они испортили церковь Роберта Гвискара и насовали въ нее каменныхъ облаковъ, etc...

Только нѣсколько угловъ осталось нетронутыми, и они великолѣпны.

Когда подумаешь, какъ трудно доѣхать до Салерно иначе какъ моремъ, то говоришь себѣ, что надо имѣть чорта въ пяткахъ, чтобъ отправиться портить церковь, окруженную недоступными скалами, невозможными дорогами и разбойниками, которые процвѣтаютъ вокругъ Салерно, такъ что Императрицу сопровождала сильная эскорта.

Но между Салерно и Амальфи они всѣ попадали съ лошадей и растеряли трубы и каски.

Я узналъ объ этомъ только въ Амальфи, а то я бы не вернулся на пароходъ, несмотря на головную боль.

Григорій-VII похороненъ въ Салерно...

Вчера вечеромъ, послѣ того, какъ я удалился, я услыхалъ голоса на террасѣ; я пошелъ туда и нашелъ: А. Т. и Великую Княжну у окна.

Мы начали разговаривать.

Съ другой террасы м-lle N. приняла участіе въ нашемъ разговорѣ.

Потомъ съ садовой стѣны присоединился голосъ Капниста.

Потомъ въ третьемъ этажѣ отворилось окно и въ немъ по-

[1]) Не такъ ужъ плохо!

казался принцъ Александръ [1]) въ красной курточкѣ, и всѣ стали говорить одновременно. Все это было очень красиво—и море, и луна, и свѣтъ изъ оконъ.

237.

Сорренто, 11 мая нов. ст.

....Боткинъ (С. П.) говоритъ, что я состою изъ однихъ нервовъ, которые разстроены, а поэтому моральное удовлетвореніе должно принести мнѣ много пользы. Какое бо̀льшее удовлетвореніе могу я имѣть, какъ быть дома съ тобой и со всѣми нашими.

Посылаю тебѣ цвѣтокъ резеды, который я сорвалъ на стѣнѣ, проходя мимо.

Да хранитъ тебя Богъ, мой другъ.

Боже мой, какъ длиненъ еще путь до тебя!

Какая бы ты ни была демократка, ты не можешь отрицать, что въ аристократіи есть что-то связывающее, только ей присущее...

Эту ночь я почти не сомкнулъ глазъ, оба окна были открыты, но въ нихъ входилъ раскаленный воздухъ.

Я провелъ все время на колѣняхъ, то опершись головою объ стѣну, то согнутый какъ père Anselme,—кажется, его звали Anselme,—носъ котораго тянулся въ могилу.

Къ семи часамъ утра астма стала проходить, и я отъ счастья началъ плясать по комнатѣ, и мнѣ пришло въ голову, что Господь Богъ долженъ ощущать удовольствіе, избавляя меня отъ астмы, разъ я Его такъ живописно благодарю. Въ сущности, я увѣренъ, что Онъ никогда бы ее не послалъ, если бы это отъ Него зависѣло; но это должно быть послѣдствіемъ необходимаго порядка вещей, въ которомъ первый „Urheber“—это я самъ, и можетъ быть, чтобъ избавить меня отъ астмы, пришлось бы заставить страдать пропасть людей менѣе грѣшныхъ, чѣмъ я. Итакъ, разъ вещь существуетъ, она *должна существовать*, и *никогда ничто не заставитъ меня роптать на Бога, въ Котораго я вѣрую всецѣло и безгранично.*

И не только про Господа Бога, но и про человѣка, въ котораго я вѣрю, если онъ сдѣлаетъ что-нибудь, что̀ мнѣ покажется дурнымъ, я скажу: я не понимаю его мотива, но онъ не можетъ хотѣть зла...

Я провелъ вчерашній и сегодняшній день, перечитывая вторую часть „Фауста“. Иногда это очень хорошо, иногда же очень глуповато.

---

[1]) Баттенбергъ.

Взгляни на то, что̀ говоритъ императоръ, послѣ того какъ онъ выигралъ сраженіе, и какое онъ заказываетъ меню и т. д.

1874 г.

238.

Берлинъ. Hotel du Nord, 7 (10) октября.

Мы пріѣхали сюда третьяго дня вечеромъ въ 9 ч., и я тебѣ послалъ немедленно телеграмму съ надеждою, что она застанетъ еще Соню. Мы нигдѣ не останавливались...

А въ Полоцкѣ дали такого удивительнаго рябчика, какихъ я никогда еще не видалъ,—въ сметанѣ былъ жаренъ, и я его съѣлъ разомъ всего, и на каждой станціи жралъ. И какія вкусныя кушанья на каждой станціи!

И неужели есть на свѣтѣ такіе болваны, свиньи, ослы и с.... дѣти, у которыхъ нѣтъ аппетита да еще и голова болитъ? Черти!..

Ну ихъ! А послѣднюю ночь у меня совсѣмъ не стало дыханія, и я стоялъ на колѣняхъ и пилъ чай, и Ц..... все приставалъ, чтобы мы остановились, а я кричалъ:—не хочу!—и поставилъ на своемъ, и къ утру все прошло, и я не могъ повѣрить, что есть такія свиньи, у которыхъ недостаетъ дыханія. Черти!..

А когда мы выѣхали изъ Краснаго-Рога, я съ горя, не доѣзжая Локны, началъ пѣть, а Ц..... сталъ кричать:—Не пойте! —и я пересталъ.

И только-что мы пріѣхали въ Берлинъ, я послалъ коммиссіонера къ m-me de Schleinitz; но ее въ Берлинѣ нѣтъ, и неизвѣстно, когда будетъ.

А на другое утро мы поѣхали искать философскихъ книгъ и попали случайно въ книжную лавку *Герстмана*; слыша, что мы говоримъ по-русски, этотъ Герстманъ вдругъ съ нами заговорилъ отлично по-русски, а потомъ сказалъ, что онъ большой пріятель Фрауэнштедта, и спросилъ насъ, не хотимъ ли мы съ нимъ познакомиться, и мы сказали: хотимъ; и онъ сказалъ:—хотите, я васъ поведу! А мы сказали:—ведите,—а когда?—а онъ сказалъ:—сейчасъ!—а мы сказали:—хорошо.

И поѣхали, и этотъ Фрауэнштедтъ живетъ, бѣдный, на черной лѣстницѣ въ 4-мъ этажѣ, и онъ вышелъ насъ встрѣчать въ халатикѣ и въ туфляхъ, которые носятъ зимою слоны, когда

идутъ изъ Персіи, и принялъ насъ необыкновенно радушно; оказалось несправедливо, что̀ сказалъ про̀ него Gerstmann:

„Я-де васъ предупреждаю, что изъ него трудно вытянуть три слова“...

Какъ я только заикнулся о Шопенгауэрѣ, онъ весь расцвѣлъ и пошелъ шагать въ своихъ туфляхъ вкось и вкривь по комнатѣ и таскать то портреты Шопенгауэра, то его рукописныя книги, и только я взялъ одно письмо въ руки, тотчасъ прочелъ: „Lumpen, Halunken!“ и вообрази себѣ—совершенно моимъ почеркомъ. Иныя слова, еслибы мнѣ ихъ показали, закрывъ остальныя, я не колеблясь призналъ бы писанными мной... Что̀ это значитъ?

А у Фрауэнштедта лицо—нѣчто между старой калошей и щелкуномъ изъ кокосоваго орѣха. И онъ не все хорошее разсказываетъ про Шопенгауэра; напр.: когда они ходили гулять и попадались нищіе, онъ никогда имъ ничего не давалъ, чтобы не поощрять нищенство! Это странная и очень пошлая черствость, недостойная того, кто написалъ „Das Fundament der Moral“, и Фрауэнштедтъ его не одобряетъ. А когда онъ узналъ, что какая-нибудь собака чѣмъ-нибудь отличилась, напр. спасла человѣка, онъ всѣми средствами доставалъ ея портретъ, и вся его комната была увѣшена собачьими портретами; когда мы вышли на улицу, этотъ Герстманъ намъ сказалъ:

— „Ну, я сегодня не узналъ Фрауэнштедта, такъ онъ былъ разговорчивъ“!

И этотъ самый Герстманъ сказалъ мнѣ, что въ Парижѣ нѣтъ русской типографіи, а есть такая у него, и онъ горячо предлагаетъ свои услуги и хочетъ посылать корректурные листы мнѣ въ Парижъ; но я еще не рѣшился—посмотрю.

Потомъ мы обѣдали у Пельнера и не могли съѣсть цѣлаго обѣда, а супъ былъ пюре изъ куропатокъ, совершенно удивительный—хоть бы у насъ въ Красномъ-Рогу. А вечеромъ были въ оперѣ и слушали „Aïda“, но вытерпѣли только два акта,—такая страшная скука и жара. И вовсе не было египтянокъ въ прозрачныхъ платьяхъ, а были нѣмки въ коленкоровыхъ бѣлыхъ юбкахъ, изображавшія нѣмецкихъ грацій съ гирляндами въ рукахъ.

А музыка—скука, настоящая Голландія, и страшно пошлые способы дѣлать мнимую „couleur locale“: какія-то глупыя танцующія staccato sotto voce, сквозь которыя слышны все тѣ же завыванія.

По крайней мѣрѣ, Россини, когда хотѣлъ сдѣлать ассирій-

скую „couleur locale“ въ „Семирамидѣ“, въ этомъ вовсе не успѣлъ, а написалъ самые великолѣпные итальянскіе „lieux communs“, которые я съ наслажденіемъ бы послушалъ. Сегодня мы были у Гартмана, подъ предлогомъ, что Ц. хочетъ что-то изъ него перевести. И онъ насъ принялъ также съ большимъ радушіемъ, которымъ онъ по репутаціи не отличается.

Я даже не хотѣлъ къ нему идти, но, увидѣвъ его портретъ, совершенно перемѣнилъ намѣреніе, и съ удовольствіемъ пошелъ.

Онъ—милый, симпатичный человѣкъ, со скромностью de bon aloi, и похожъ на очень добраго и умнаго морского моржа,—я тебѣ пришлю его карточку. Разговоръ подстрекалъ я, но говорилъ болѣе Ц., и они имѣли даже небольшое философское преніе, а Ц., такъ этимъ доволенъ, что возъимѣлъ желаніе идти завтра къ Гельмгольцу, вслѣдствіе чего я рѣшился остаться еще завтра и написать Гельмгольцу.

Ц. говорилъ съ Гартманомъ болѣе о Декартѣ и о томъ, что сила дѣйствуетъ не на матерію, а на другую силу, матерія же—это только такъ, для красы. Гартманъ предложилъ даже Ц. переписываться съ нимъ.

А мнѣ дорогой Ц. сказалъ, что онъ никогда никого не встрѣчалъ, кто бы сразу внушилъ ему такую симпатію, какъ я, потому что нѣтъ у меня никакого гримажа. И правда, что нѣтъ.

А Арнима Бисмаркъ посадилъ въ тюрьму, потому что Гоэнлоэ писалъ изъ Парижа: пропали какія-то письма изъ архива.

239.

Парижъ, 7 ноября 1874.

....Сегодня дождикъ идетъ, и я бы остался дома изъ педантства, еслибы Влангали не пригласилъ меня вчера (пойти съ нимъ) посмотрѣть на одного Веласкеца, который ему предлагаютъ за 250 фр. Я поѣхалъ сегодня туда въ закрытой каретѣ, и нашелъ, что картина—совсѣмъ не Веласкецъ, а произведеніе знаменитаго Diego дела-Круста, живописца XIII столѣтія, который много путешествовалъ и сдѣлался знаменитымъ въ Голландіи подъ именемъ Van der Croute, а въ Германіи подъ именемъ *Якобъ Шмиродъ*, а въ Италіи былъ названъ Гвидо Sporcanaicio ditto il Latrina. Я посовѣтовалъ Влангали не отнимать его отъ Франціи, которая уже вынесла столько несчастій....

240.

Парижъ, ноябрь.

Тургеневъ не выходитъ,—у него подагра. Онъ поручилъ тебѣ сказать много любезностей и радуется, что тебя увидитъ [1]).

Зегены, конечно, говорили ему о переводѣ, и онъ очень тронутъ.

Съ своей стороны, онъ мнѣ говорилъ съ большой хвалой о моемъ *Канутѣ* и о *Поповѣ*, котораго Фетъ (теперь Шеншинъ) ему *прочелъ наизустъ* съ большой maestria—такъ онъ говоритъ.

Я очень радъ былъ его видѣть и предвижу себѣ серьезное удовольствіе въ его обществѣ.

Онъ—настоящая находка для Д. Ц., такъ какъ онъ очень охотно принялъ наше приглашеніе присутствовать при *спиритическомъ сеансѣ*, который у насъ будетъ, какъ только мы устроимся окончательно. Надо тебѣ сказать, что здѣсь есть, чортъ его знаетъ, какой-то Фирманъ-американецъ, который вызываетъ духовъ *видимыхъ* и *говорящихъ* безъ всякихъ приготовленій и гдѣ хотятъ, за 25 франковъ.

Редакторъ спиритическаго журнала далъ намъ его адресъ.

Редакторъ, видимый шарлатанъ, безсовѣстный и нахальный, очень повредилъ въ нашемъ мнѣніи Фирману, но мы пошли къ нему на квартиру, чтобы познакомиться съ нимъ, какъ съ интереснымъ фокусникомъ.

Такъ какъ онъ живетъ въ 5-мъ этажѣ, я не взошелъ, а подождалъ Дмитрія въ каретѣ.

Онъ вернулся въ восторгѣ отъ наивности и простоты этого господина, который заявляетъ, что ему не нужно никакихъ приготовленій, и что онъ готовъ подвергнуться всѣмъ предосторожностямъ — въ какомъ угодномъ помѣщеніи; однимъ словомъ—увидимъ!

241.

Парижъ, 27 ноября.

....Вотъ исторія моего пріема у Императрицы. На другой день ея пріѣзда сюда, во вторникъ, Барятинскій пришелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ, что Она будетъ очень рада меня видѣть; но если можетъ мнѣ повредить выѣздъ, то Она проситъ меня этого не дѣлать. На что я отвѣчалъ, что, напротивъ того, мнѣ будетъ это полезно.

---

[1]) Гр. С. А. прочла по-нѣмецки съ русскаго подлинника à livre ouvert „Живыя Мощи“ у д-ра Зегена вечеромъ.

Тогда, на другой день, Барятинскій мнѣ написалъ, чтобы я пришелъ безъ четверти часъ и остался завтракать.

Такъ какъ сказано было быть въ сюртукѣ — мнѣ не пришлось надѣть фуфайку, но я надѣлъ „намордникъ“ и взялъ съ собой дурака датчанина Dians, который былъ очень красивъ, въ черномъ платьѣ, въ цилиндрѣ и лайковыхъ бѣлыхъ перчаткахъ.

Императрица сперва приняла меня въ своей гостинницѣ вдвоемъ—съ глазу на глазъ—пока другіе ждали Ея выхода. И только-что я взошелъ, я раскашлялся нервичнымъ кашлемъ, (а не простуднымъ), и Ей было жалко, и на лицѣ было видно, что въ самомъ дѣлѣ жалко.

Она *очень добрая*...

242.

Парижъ, 28 ноября.

...Я тебѣ пишу только нѣсколько словъ, чтобы сказать тебѣ, что у меня больше не болитъ ни голова, ни спина.

Боткинъ только-что вышелъ отъ меня—онъ меня долго изслѣдовалъ и въ общемъ остался доволенъ; только онъ очень положительно говоритъ, что въ Торки не надо ѣхать, а надо ѣхать *во Флоренцію*. Я даже не произнесъ имя этого города,—онъ самъ *отъ себя* назвалъ его очень положительно.

....Боже, какъ я буду счастливъ тебя видѣть...

1875 г. [1])

243.

San-Remo, 24 января.

...Все здѣсь происходитъ такъ же, какъ и всегда.

Императрица, кажется, здорова на видъ; Она нѣсколько разъ разспрашивала меня про тебя, всегда съ большимъ интересомъ; я завтракаю, обѣдаю и пью чай у Нея. Вечеромъ m-me М. читаетъ вслухъ, и я ее прерываю замѣчаніями, которыя имѣютъ самый большой успѣхъ и которыя портятъ чтеніе надолго, т.-е. я притворяюсь, что не понимаю, и прошу самыя невозможныя объясненія.

Третьяго дня я самъ пробовалъ читать вслухъ, но голоса не хватало, и я передалъ опять книгу m-me М. Вчера играли шараду въ костюмахъ, и я принялъ маленькое участіе въ обыкновенномъ платьѣ. У Озерова настоящій талантъ къ импрови-

[1]) Послѣдній годъ жизни гр. А. К. Толстого.

заціи; играли одинъ актъ греческой трагедіи, и учитель географіи В. Кн. Павла Александровича, маленькій, безбородый, толстый человѣкъ, представлялъ хоръ въ простынѣ и въ вѣнкѣ изъ настоящихъ лавровыхъ листьевъ.

Очень было хорошо!

Великій Князь Павелъ Александровичъ, переодѣтый дамой, исполнилъ танецъ. Тоже было хорошо. Сегодня буду читать (*Сонъ*) *Попова. Императрица* просила меня серьезно ей прочесть *Бунтъ въ Ватиканѣ*, а такъ какъ я отказалъ наотрѣзъ, а m-me М. такъ настаивала, чтобы я ей его прочелъ, то я обѣщалъ ей это сдѣлать въ темной комнатѣ...

244.

San-Remo, 25 января.

....Я останусь еще два дня здѣсь, вслѣдствіе приглашенія Императрицы, которой я сказалъ, что во Флоренціи холодно.

Въ то время, какъ я тебѣ пишу, около 5 ч., настоящій ураганъ. Крики раздаются, шляпы летаютъ по улицѣ,—до самыхъ моихъ окошекъ долетаютъ,—и домъ дрожитъ, но тепло и сирокко дуетъ. Вчера читалъ *Попова. Никогда* еще онъ не имѣлъ такого успѣха; лица, играющія въ карты, прервали игру и повернули стулья; m-me М. визжала, а Императрица смѣялась до слезъ. Она меня упрекала, что я Ее раньше не познакомилъ съ этимъ стихотвореніемъ, которое Она называетъ chef d'oeuvre'омъ. Она просила копію его, и всѣ прочіе также изъявили это желаніе, и двумъ писцамъ поручено умножить рукопись.

Она мнѣ въ концѣ дня еще говорила объ этомъ, и сегодня утромъ также. Вчера вечеромъ, послѣ того какъ Императрица удалилась, m-me М. такъ настойчиво просила, чтобы я ей сказалъ „Бунтъ въ Ватиканѣ", что я это сдѣлалъ въ углу гостиной, говоря все время ей на ухо.

Эффектъ былъ съ ногъ сшибательный. Она кричала до слезъ и топала ногами.

Она—благодарная слушательница. А ты все-таки не будешь знать, что̀ такое „Бунтъ въ Ватиканѣ".

Сегодня утромъ я былъ съ Мих. Пет. Боткинымъ и Барятинскимъ у какого-то маркиза, у котораго есть Рафаэль, очень прекрасный, повтореніе того, который въ Эрмитажѣ въ овальной рамкѣ,—только тотъ, который у маркиза, очень сильно ретушованъ. Его носили къ Императрицѣ, но Она не захотѣла его купить. Мы тоже побывали въ публичномъ саду, въ которомъ дамы и дѣвицы продавали разныя маленькія гадости въ пользу бѣдныхъ.

Барятинскій, по приказанію Императрицы, выпилъ и съѣлъ на 500 фр., впрочемъ безъ дурныхъ послѣдствій.

Я продолжаю себя чувствовать отлично.

М. П. Боткинъ былъ у меня сегодня утромъ и признался мнѣ, послѣ многихъ предисловій, что онъ ставитъ Giotto (Джіото) гораздо выше Рафаэля, и сказалъ мнѣ: „Вы будете надо мной смѣяться, я почти не смѣю сказать“ и пр. и пр. На что—я бросился ему на шею и сказалъ ему, что онъ—единственный настоящій художникъ, какого только я встрѣчалъ.

245.

Санъ-Ремо, 27 января.

....Императрица тебя благодаритъ за присланную бумагу съ шифромъ; Она очень была тронута твоимъ вниманіемъ и нашла, что бумага прекрасна.

Боткинъ приказалъ мнѣ убавлять прогрессивно дозу инъекціи на одинъ гранъ меньше всякій день, а я не понялъ, и думалъ, что нужно по 5 гр., и въ два дня, вмѣсто 40 гр., я впустилъ въ себя лишь 30 гр., и мое .благосостояніе уменьшилось, и я сталъ грустенъ, и Императрица, и всѣ замѣтили это и меня спросили: „Отчего вы грустны, графъ“?—а я отвѣчалъ:—Потому что Боткинъ уменьшилъ дозу моей инъекціи...

И такъ какъ я никогда не могу поймать Боткина,—онъ всегда выходитъ въ тѣ часы, когда я возвращаюсь,—то я все убавлялъ бы по 5 гранъ, и сдѣлался бы совсѣмъ грустный, еслибы вчера вечеромъ онъ не пришелъ къ Императрицѣ смотрѣть фокусника; и когда я ему сказалъ, что со мной дѣлается, онъ сказалъ: „Какъ же вамъ не стыдно! я вамъ сказалъ уменьшать по одному грану, а вы разомъ хватили десять. Увеличьте опять и уменьшайте понемногу; и если будетъ вамъ худо, то опять увеличьте на одинъ гранъ, а потомъ опять уменьшайте; отъ добра добра не ищутъ“.—И я былъ тотъ дуракъ, которому велѣли Богу молиться... И ты знаешь, я всегда такъ.

....Оба Великія Князья уѣзжаютъ сегодня утромъ въ Россію черезъ Парижъ, и Императрица ихъ провожаетъ до границы и пригласила меня съ ней ѣхать. Вообще Она ужасно добра ко мнѣ, и всѣ это замѣчаютъ. На дняхъ здѣшнія дамы показывали серебряные карандаши, которые онѣ привезли изъ Англіи, и которые можно носить или на поясѣ, или на часахъ. Карандаши очень толстые и симпатичные, и такъ какъ я подумалъ о тебѣ, то на моемъ лицѣ вѣроятно выразилась алчность, и Императрица мнѣ сказала: „Я черезъ два дня должна получить такой же карандашъ,

и такъ какъ онъ вамъ нравится, то я вамъ подарю тотъ, который получу, а себѣ выпишу другой". Третьяго дня получилъ карандашъ; Она сама прошла черезъ всю комнату ко мнѣ, чтобъ мнѣ его дать. Она почти всегда меня сажаетъ рядомъ съ собой, за обѣдомъ; и вчера вечеромъ, во время сеанса фокусника, я тоже сидѣлъ рядомъ съ Ней. Она иногда смѣется до слезъ, какъ во время чтенія „Сна Попова", и я Ей разсказываю все, что мнѣ приходитъ въ голову, и часто—анекдоты про монаховъ, священниковъ и разныхъ святыхъ. Я на дняхъ принесъ ей показать нумеръ „Kladderadatch", въ которомъ на одной картинкѣ представленъ рай, гдѣ встрѣчаются два святыхъ, которые другъ другу кланяются, что тоже ее заставило очень смѣяться. Я только-что вспомнилъ сейчасъ, что я Ей еще не разсказалъ анекдота про рыжаго херувима,—я сегодня это исполню...

Маркевичъ напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" фантастическую повѣсть „Двѣ маски"; это довольно ничтожная вещь, написанная въ стилѣ Кохановской, завалено самыми наглыми галлицизмами и прошпиговано, какъ всегда, цитатами, иногда очень неумѣстными. Меня это огорчило.

246.

29 января.

Я такъ нетерпѣливо хочу тебя видѣть опять, что я чуть было не уѣхалъ, хотя ты, кажется, еще не устроилась; но Барятинскій меня просилъ еще остаться два, три дня, говоря, что я такъ пріятенъ Императрицѣ, и пр., и пр. Скажи Е. А., что Louis, къ сожалѣнію, совсѣмъ не такъ глупъ, какъ думали, и что кромѣ сентиментальныхъ анекдотовъ у меня нѣтъ ей ничего сообщить... Онъ сегодня обвалялъ указательной палецъ въ порошкѣ, помочивъ его предварительно, и хотѣлъ мнѣ его сунуть въ ротъ, чтобы чистить зубы, но я отказался, на что онъ мнѣ сказалъ: „Je ne suis qu'un pavre diable, et monsieur a tort de refuser mes services".

247.

30 января.

Такъ грустно, что всегда что-нибудь отравляетъ жизнь, но, какъ говоритъ Louis, оказывается, что нѣтъ полнаго счастія на землѣ. Онъ все-таки глупъ, особенно когда дѣлаетъ размышленія внѣ своей должности, что онъ очень любитъ. Несмотря на это, я начинаю думать, что онъ—*перлъ*. Онъ ничего не забываетъ, предупреждаетъ всѣ мои желанія и безпрестанно что-нибудь скоблитъ, или чиститъ, или зашиваетъ. Ему ужасно хочется меня

выбрить, или причесать, или сдѣлать для моей .бороды какой-то брильянтинъ изъ орѣховаго масла, о которомъ онъ говоритъ съ большимъ чувствомъ. Или онъ добрый малый, или онъ насъ зарѣжетъ.

248.

С.-Ремо, 2 февраля.

Я выѣзжаю завтра и надѣюсь съ тобою быть въ четвергъ въ 10 ч. утра. Императрица посылаетъ со мной какую-то вещь Великой Княгинѣ. Я ей разсказывалъ, что видѣлъ крысу въ оврагѣ, у которой на лѣвомъ плечѣ былъ маленькій кусочекъ пластыря. Это—сущая правда, но я прибавилъ, что я видѣлъ другую крысу, у которой была вата въ ушахъ,—этому она не повѣрила. Я тоже ей разсказывалъ исторію про *рыжаго херувима*: Она смѣялась до слезъ, такъ что закрыла себѣ лицо обѣими руками. Я придалъ разсказу характеръ правдивости...

249.

Карлсбадъ, 14 іюня.

...Я обѣдалъ съ Тургеневымъ и не ѣлъ тѣхъ мерзостей, которыя подавали; это было слишкомъ нагло... Потомъ пошелъ, получилъ деньги по переводу, легъ спать и ничего не помнилъ, когда проснулся. Затѣмъ, отказался отъ вечера у Соллогубовъ и пошелъ съ Тургеневымъ къ Зегенамъ. Тургеневъ разсказывалъ намъ очень вяло и очень пространно сюжетъ своей новой повѣсти, въ половину написанной, которая называется „Часы“ (la Montre)...

250.

19 іюня.

Я необыкновенно молодъ, бодръ и силенъ, но все-таки бываютъ припадки удушья... А когда у бѣлки не стало зубовъ, царь приказалъ ей отпустить мѣшокъ орѣховъ.

Ко мнѣ безпрестанно приходятъ дамы—и всѣ перебывали.

И всѣ приходятъ по одиночкѣ.

251.

Карлсбадъ, 23 іюня.

....Мы съ В... пили кофей, а потомъ я взялъ колясочку и отвезъ ее домой, а самъ пошелъ къ Тургеневу, чтобы условиться съ нимъ о чтеніи, которое мы произведемъ въ пользу города Моршанска (онъ сгорѣлъ). Мысль принадлежитъ Тургеневу. Съ нимъ я пошелъ къ Татищеву въ König's Villa, и всѣ втроемъ пошли къ „Пупу“, чтобы нанять у него залу; но онъ даетъ ее да-

ромъ и даже освѣтитъ на свой счетъ. Потомъ пошли втроемъ въ полицію, гдѣ насъ принялъ Bezirckhauptmann, Herr von Veit, очень недовѣрчиво, и сперва разспрашивалъ, какая будетъ тенденція нашего чтенія, и не задумали ли мы обидѣть какую-нибудь національность. Убѣдившись въ нашей невинности, онъ далъ позволеніе. Татищевъ поѣдетъ въ Маріенбадъ пригласить вѣнскаго тенора Вальтера принять въ этомъ дѣлѣ участіе. Чтеніе будетъ въ будущую субботу, а сегодня воскресенье.

Отецъ Полисадовъ, если найдетъ случай, скажетъ объ этомъ проповѣдь.

252.

Карлсбадъ, 28 іюня.

...И безъ того жизнь такъ коротка, а еще столько времени уходитъ на ѣду, на сонъ, на хожденіе туда и сюда, и на всякія личныя дѣйствія въ разныя стороны,—что не надо бы было разлуками убавлять то короткое время, которое проводишь въ самомъ дѣлѣ вмѣстѣ.

А для меня жизнь состоитъ только въ томъ, чтобы быть съ тобой и любить тебя; остальное для меня—смерть, пустота, Нирвана, но безъ спокойствія и отдыха.

Къ чему же растягивать жизнь разными леченіями, когда эта жизнь—не жизнь. Для кого же я бы ее сохранялъ, еслибы тебя не было... Противъ меня стоятъ четыре розы разныхъ цвѣтовъ, которыя мнѣ прислала сегодня графиня Фюнфкирхенъ, съ которой я познакомился, и которая оказывается Stiftsdame; у нея сестра и племянница, обѣ сестры очень образованныя, говорятъ по-французски безъ акцента, и будто принадлежатъ обществу прошедшихъ годовъ, которое я зналъ въ Карлсбадѣ въ моей ранней молодости.

Онѣ между прочимъ мнѣ сказали, что есть новый переводъ „Серебрянаго“, графа Анатолія Сегюра.

Прочиталъ имъ 12 стихотвореній, переведенныхъ m-me Павловой; онѣ раньше, чѣмъ со мной познакомились, выписали экземпляръ изъ Одессы.—А я все-таки послалъ имъ еще экземпляръ съ надписью, и тоже послалъ „Донъ-Жуана“ и „Оеодора Іоанновича“, а „Смерть Іоанна“ у меня только въ одномъ экземплярѣ, и я его берегу для m-me Steffens. ...M-me Segen и потомъ m-me Bohm и m-me Hartmann приходили ко мнѣ, но меня не застали.

253.

9 іюля.

Я только-что тебѣ послалъ длинное письмо и забылъ вложить эту афишу (о чтеніи въ пользу г. Моршанска).

Всѣ билеты разошлись; печатаютъ новые.

Пріѣдутъ также изъ Маріенбада и Франценсбада, и можетъ быть изъ Тёплица; кажется, будетъ удачно. Иностранцы тоже взяли билеты. Я знаю, что я хорошо прочту. Тургеневъ увѣряетъ, что онъ волнуется. Онъ дѣлается болѣе снисходительнымъ по отношенію моихъ стихотвореній. Онъ мнѣ вчера сказалъ: „Грѣшница не можетъ не имѣть успѣха“.

254.

14 іюля 1875 г.

Вчера состоялось чтеніе въ 7½ ч.; оно удалось выше всѣхъ ожиданій. Пріѣзжали изъ Франценсбада, изъ Маріенсбада, прислали денегъ изъ Тёплица и пріѣзжали изъ Праги. Зала была полна, и, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, мы получили 1.600 флор. Я былъ очень хорошо принятъ, не хуже Тургенева; я читалъ хорошо, безъ всякаго волненія, и меня вызывали четыре раза. Тургеневъ былъ очень взволнованъ и въ началѣ его голосъ дрожалъ. Я ничего не понимаю въ его литературныхъ отношеніяхъ ко мнѣ. Я видѣлъ много доказательствъ его литературной вражды, и тѣмъ не менѣе вчера, послѣ чтенія, когда мы всходили по лѣстницѣ къ Зегенамъ, онъ сказалъ, невнятно, точно говорилъ самому себѣ: „Прекрасная... была послѣдняя вещь“.

— „Какая вещь“?—спросилъ я.

— „Послѣдняя“,—отвѣтилъ онъ.

— „Камаринская“?—спросилъ я нарочно.

— „Нѣтъ, та, что̀ вы читали“.

У Зегеновъ насъ принялъ маленькій Лудо, который намъ поднесъ два лавровыхъ вѣнка. Я везу съ собой свой вѣнокъ. Сегодня нѣсколько дамъ прислали намъ цвѣтовъ...

Вскорѣ затѣмъ, гр. А. К. Толстой возвратился изъ-за границы въ свое имѣніе Красный-Рогъ, черниговской губерніи, гдѣ и скончался 28-го сентября 1875 года.—*Ред.*

БАЛОВЕНЬ СЧАСТЬЯ

ПОВѢСТЬ.

I.

8-го февраля, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, мы по обыкновенію собрались въ одномъ изъ петербургскихъ ресторановъ вмѣстѣ отобѣдать, въ кружкѣ товарищей по выпуску. Обычай праздновать „именины“ нашей „alma mater“ свято нами соблюдался съ самаго выхода изъ университета, и хотя съ годами все скромнѣе дѣлались наши пирушки и все меньше насъ собиралось за пріятельскимъ столомъ,—мнѣ не случилось пропустить ни одного изъ этихъ все рѣдѣвшихъ собраній. По мѣрѣ того, какъ уходили въ глубь прошлаго университетскіе года, память о нихъ становилась мнѣ будто все дороже, хоть иной разъ, простившись съ бывшими товарищами, я уносилъ съ собой тяжелое чувство на сердцѣ.

Каждый проходившій годъ яснѣе подчеркивалъ, какъ состарѣлись мы всѣ, какъ насмѣшливо распорядилась черствая дѣйствительность съ нашими юношескими мечтами. Иной изъ насъ высоко поднялся въ гору, и служебные успѣхи точно заглушали понемногу въ немъ слабѣвшіе отголоски студенческой старины; другой, подъ горькимъ бременемъ жизненныхъ неудачъ, все безнадежнѣе склонялъ голову, и дряхлая иронія понемногу смѣняла былые порывы. Чувствовалось, что эти собранія, которыя мы другъ другу дали когда-то слово повторять каждый годъ, для многихъ изъ насъ дѣлались уже послѣднею связью между когда-то близкими людьми. И все-таки мы не рѣшались порвать эту связь, словно боясь потушить догоравшее въ насъ священное пламя.

И въ этотъ разъ насъ собралось всего только семеро. Съ прошлаго года не досчитывались четверыхъ. И какъ-то неловко становилось оттого, что насъ такъ мало было за большимъ столомъ. Разговоръ за обѣдомъ шелъ неоживленный; разъ только кто-то коснулся одного изъ вопросовъ дня, но оказалось, что никто изъ прочихъ этимъ вопросомъ не интересовался. Вялый споръ поднялся на мигъ и замолкъ, какъ стихаетъ иной разъ лѣтомъ слабый порывъ вдругъ поднявшагося вѣтра. Всѣ присутствующіе какъ-то разомъ почувствовали, что ужъ слишкомъ разошлись у нихъ интересы и взгляды, и разучились они мыслить за-одно. Едва выпили кофе,—четверо изъ присутствующихъ, подъ какимъ-то предлогомъ, поспѣшили уйти. Насъ осталось всего трое. Я, Миша Колтовской—впрочемъ, *Мишей* его уже никто теперь не зоветъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ произведенъ въ „тайные“ и занимаетъ очень видное мѣсто — необыкновенно моложавый для своихъ сорока-двухъ лѣтъ и высокаго поста, — и Алёша Сермягинъ — его, по крайней мѣрѣ, уменьшительнымъ именемъ называть можно по прежнему.

Бѣдный Алёша и на университетской скамьѣ былъ неудачникомъ—и такимъ остался понынѣ. Какая-то робкая насмѣшка то-и-дѣло вспыхиваетъ въ его сѣрыхъ близорукихъ глазахъ, и вторя ей, губы—его мягкія, добрыя губы — тоже складываются въ горькую улыбку. Даже сѣдина, кое-гдѣ пробивающаяся въ рѣдкихъ, но все еще непослушныхъ волосахъ, не придала ему увѣренности въ себѣ и сознанія права на уваженіе прочихъ.

Онъ вяло докуривалъ сигару; даже въ томъ, какъ дѣлалъ онъ это, чувствовалась какая-то покорная нерѣшительность.

Колтовской, напротивъ, перекинувъ одну ногу черезъ другую и прищуривъ слегка глаза, небрежнымъ движеніемъ подносилъ къ губамъ тонкую папироску, изящно выпуская изо рта маленькія колечки голубого дыма. Перстень съ крупнымъ рубиномъ блестѣлъ у него на безъименномъ пальцѣ, съ длиннымъ, выхоленнымъ ногтемъ.

— А вѣдь чего грѣха таить, — желчно проговорилъ Сермягинъ,—еще годъ, можетъ быть два, и никто изъ насъ больше сюда приходить не станетъ. Развѣ мы трое... послѣдніе могикане. Да и то едва-ли... Ты, Колтовской, я думаю,—разница въ общественномъ положеніи не успѣла насъ еще отучить отъ дружескаго „ты“, давно въ лѣсъ смотришь... Совѣстно только пока.

— Я?.. Напротивъ!.. Совсѣмъ даже напротивъ!—рѣшительно, обычнымъ ему тономъ предсѣдателя, отозвался на это Колтовской.—Мнѣ даже большое удовольствіе доставляетъ. Повѣрь мнѣ.

Какъ-то моложе себя чувствуешь, когда прежнихъ товарищей встрѣчаешь.

— То-то... прежнихъ...—сквозь зубы процѣдилъ будто обиженный чѣмъ-то Сермягинъ.—Что мы теперь за товарищи! Что общаго между его превосходительствомъ Михаиломъ Борисовичемъ Колтовскимъ и рабомъ Божіимъ Алексѣемъ, которому до сихъ поръ въ жизни ничего не удавалось?

— Въ томъ-то и дѣло, милѣйшій мой,—засмѣялся я,—что пока мы здѣсь, за однимъ столомъ, мы все-таки товарищи и никакихъ между нами различій не полагается. Въ этомъ—великая объединяющая сила университета. Да и что ты вѣчно на свои неудачи жалуешься?—Ты писатель, составилъ себѣ имя...

Сермягинъ только махнулъ сердито рукой. Онъ пописывалъ давно и кое-что даже зарабатывалъ, но имя его все-таки очень негромко звучало среди читающей публики.

Колтовской искоса взглянулъ на меня прищуреннымъ глазомъ, не то съ насмѣшкою, не то съ неодобреніемъ, и громко отодвинулъ свой стулъ. Онъ привыкъ это дѣлать въ коммиссіи, когда готовился произнести вѣскую рѣчь.

— Разумѣется, Сермягинъ говоритъ вздоръ. Какая между нами можетъ быть разница? Мы добрые старинные друзья, и, разумѣется, никогда я этого не забуду.

За мной была очередь взглянуть на него насмѣшливо.

„Юлишь ты, братецъ мой, — подумалъ я,—и очень хорошо эту разницу чувствуешь... Въ нашемъ присутствіи только не смѣешь это высказывать... Знаешь очень хорошо, что мы бы тебя просто на-смѣхъ подняли. Даромъ, что Алёша всего только литераторъ изъ неказистыхъ, а я—ни то, ни сё, коптитель неба. Иного для меня званія не пріищешь“...

— И вообще,—продолжалъ громогласно Колтовской,—что за пустяки эти вѣчныя жалобы на какую-то неудачу! Точно жизнью судьба управляетъ, а не мы сами! Кто себѣ разъ твердо сказалъ, что пойдетъ своей дорогой, тому неудачъ бояться нечего...

И онъ окинулъ насъ побѣдоноснымъ взглядомъ, сознавая, что на свою жизнь ему жаловаться не приходится.

— Это тебѣ легко говорить, — возразилъ Сермягинъ. — А хотѣлъ бы я видѣть, что бы ты сказалъ на моемъ мѣстѣ!

И онъ принялся горько пережевывать свою невеселую біографію.

Намъ съ Колтовскимъ доводилось про это слышать въ сотый разъ. Не глупый былъ человѣкъ Алёша, а не догадывался, что не совсѣмъ-то весело внимать его сумрачнымъ признаніямъ.

— Ну, да!—перебилъ я его:—знаю, что ты скажешь... Кого судьба балуетъ, а кому она мачиха. И все судьба, да судьба... Будто сами мы надъ собой не вольны. И кстати,—далекое воспоминаніе вдругъ блеснуло у меня въ головѣ,—вѣдь точь въ точь такой разговоръ происходилъ между тобой, Сермягинымъ и Димой Кочетовымъ,—помнишь, это было какъ разъ передъ нашимъ выпускомъ? Ты уже тогда любилъ себя выдавать за неудачника. А Кочетовъ говорилъ то же, что Миша теперь. Ему не вѣрилось, чтобы съ нимъ жизнь могла сыграть какую-нибудь злую штуку.

— И все-таки сыграла! —отвѣтилъ Сермягинъ.

— Да, гдѣ онъ теперь, Кочетовъ?—спросилъ не безъ оттѣнка покровительства Колтовской.—Я его совсѣмъ потерялъ изъ виду.

— Его нѣтъ уже на свѣтѣ... Прошлой осенью его схоронили...—невесело проронилъ Алёша.

— Неужели? Бѣдный...—И лицо его превосходительства вдругъ приняло озабоченный видъ, точно ему самому что-нибудь подобное могло грозить.—Дима Кочетовъ, подававшій такія надежды, „баловень счастья“, какъ его называли...

— Ты, Вельскій,—на мигъ пробудившись отъ невеселой думы, обратился ко мнѣ Колтовской,—ничего про него не знаешь? Отчего такъ странно сложилась его жизнь?..

— Напротивъ, знаю все... то-есть, почти все. Вѣдь кому изъ насъ даже собственная жизнь извѣстна вполнѣ? А чужая и подавно... Хотите, я вамъ про него разскажу?

Мы еще расходиться не собирались, и я принялся разсказывать, пока въ каминѣ догорали уголья.

II.

— Кочетовъ,—началъ я,—давно отсталъ отъ нашего кружка, и не ты одинъ, Колтовской, его потерялъ изъ виду. Но, конечно, ни ты, ни Алёша про него не забыли, хотя вотъ уже пять лѣтъ, какъ не бывалъ онъ въ Петербургѣ, и пріѣхалъ сюда только почти наканунѣ смерти...

— Я не переставалъ съ нимъ переписываться,—вставилъ Сермягинъ:—и любить тоже. Это былъ рѣдкій человѣкъ, съ яснымъ умомъ и отзывчивымъ на все, хоть и больнымъ сердцемъ.

— Конечно, конечно,—слегка нетерпѣливо перебилъ его Колтовской:—очень умный былъ человѣкъ... только... только... недостаточно серьезный... изъ тѣхъ, которые...

— Да, онъ въ сановники не попалъ и до генеральскаго чина не дослужился!—слегка ядовито перебилъ его въ свою очередь Сермягинъ.

— Я хотѣлъ только сказать,—мѣрно отчеканилъ Колтовской, замыкаясь въ свое достоинство:—что это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ у насъ въ Россіи очень много, и блестящія способности которыхъ остаются безплодными.

— Ахъ, не говори такъ!—живо возразилъ я.—Я не могу спокойно слышать, какъ холоднымъ, равнодушнымъ осужденіемъ тревожатъ память этого бѣднаго, убитаго тоской баловня счастья. Вѣдь въ томъ-то и вопросъ, былъ ли онъ виноватъ въ своей горькой судьбѣ. А что судьба эта была по истинѣ горькая... Да выслушайте лучше, а судите ужъ потомъ. Я стоялъ къ нему ближе васъ обоихъ и хорошо знаю его печальную исторію.

Мы были съ нимъ знакомы еще до университета. Но товарищами, друзьями мы тогда еще не были, хоть я стремился всей душой съ нимъ сблизиться. Меня влекло къ нему съ первой же нашей встрѣчи. Въ немъ тогда уже было что-то несказанно обаятельное и загадочное въ то же время,—какая-то смѣсь откровенной, сердечной доброты съ чѣмъ-то гордымъ, недоступнымъ, почти заносчивымъ. Стоило что-нибудь сказать при немъ, что̀ ему не понравится, и онъ замыкался въ себя, и точно холодомъ отъ него вѣяло. Меня онъ, должно быть, не полюбилъ за что-то. Такъ было и на первыхъ порахъ въ университетѣ. Онъ видимо уклонялся отъ моихъ попытокъ съ нимъ сойтись. Умѣлъ онъ, какъ никто, отстранять отъ себя непрошенныя знакомства. И какимъ вліяніемъ онъ пользовался среди товарищей, хоть и никогда не поступался своими мнѣніями и популярности не искалъ! Онъ одинъ могъ свободно высказаться на любой, самой бурливой сходкѣ, и почти всегда овладѣвалъ толпой, подчиняя ее своимъ взглядамъ. Помните, какъ случилось разъ, что мы всѣ и ты, Колтовской, тоже готовы были пойти къ попечителю и заявить о своей полной солидарности съ Аннибаловымъ, который наскандалилъ-было на лекціи?

— Я, кажется, въ этой глупой манифестаціи не участвовалъ,—остановилъ меня Колтовской.

— Какъ же! Какъ же, ты былъ даже одинъ изъ самыхъ рьяныхъ! И помнишь, какъ остановилъ насъ Кочетовъ? „Я не пойду съ вами,—сказалъ онъ,—потому, во-первыхъ, что ни меня, ни многихъ изъ васъ тоже на этой лекціи не было, а говорить неправду никогда не слѣдуетъ, изъ уваженія къ себѣ; во-вторыхъ, потому, что будь я и въ самомъ дѣлѣ тамъ, изъ-за

мальчишеской выходки поднимать исторію глупо. Надо приберечь себя на что-нибудь посерьезнѣе. Да и не вправѣ мы на лекціяхъ безобразничать,—это недостойно порядочныхъ и образованныхъ людей"!

И что-жъ,—выслушали покорно эту нотацію, и пока раздавался его ровный, звучный голосъ по аудиторіи, волненіе улеглось.

Да и было такъ не разъ. Самые неугомонные крикуны умолкали отъ его всегда спокойныхъ словъ. Бралъ онъ вѣдь не ораторскимъ блескомъ. Трескучія фразы ему претили, какъ всякое шарлатанство.

Я живо помню, какую радость испыталъ, когда въ первый разъ мы разговорились. Это было послѣ лекціи уголовнаго права. Шла рѣчь о вмѣняемости, и профессоръ съ силой доказывалъ, что внутренней отвѣтственности нѣтъ, а есть только общественный интересъ, оправдывающій наказаніе. Я сидѣлъ почти рядомъ съ Кочетовымъ и видѣлъ, какъ слушалъ онъ съ напряженнымъ, страстнымъ вниманіемъ, очевидно силясь побороть доводы краснорѣчиваго профессора. Кочетову матеріализмъ былъ ненавистенъ. И въ первый разъ, можетъ быть, онъ не находилъ въ себѣ достаточной силы, чтобы защитить въ собственныхъ глазахъ свободу воли.

Въ какомъ-то смущеніи онъ всталъ послѣ лекціи и, столкнувшись со мною въ дверяхъ, взялъ меня подъ-руку.

— А все-таки неправда, Вельскій, хоть и говоритъ онъ мастеръ. А вы какъ про это думаете?

Кочетовъ обращался ко мнѣ за помощью, за поддержкой—онъ, котораго я считалъ выше себя цѣлой головой!

И густая толпа, хлынувшая изъ аудиторіи въ корридоръ, видимо, была занята тѣмъ же вопросомъ. Лекція произвела впечатлѣніе. Только замѣтно было, что прочіе всѣ почти одного мнѣнія съ профессоромъ.

— Видите,—продолжалъ Кочетовъ:—коли въ самомъ дѣлѣ все, что мы говоримъ, дѣлаемъ, мыслимъ—неизбѣжный результатъ прошлыхъ вліяній, такъ гдѣ же, наконецъ, смыслъ всей нашей и личной, и общественной и народной жизни, гдѣ смыслъ исторіи? Мы только пьесу играемъ, сочиненную кѣмъ-то, и къ суфлеру прислушиваемся. И въ то же время ни сочинителя, ни суфлера нѣтъ даже вовсе! Все человѣчество мотокъ точно разматываетъ, котораго никто, по настоящему, и не смоталъ никогда. Это вздоръ! вздоръ! Это все та же чаша бытія, про которую говоритъ Лермонтовъ, и въ которой ничего, кромѣ мечты, нѣтъ, да и то чужой. И все-таки... все-таки... Какъ постараешься до корня

добраться, вникнуть въ мотивы своихъ поступковъ и отыскать, что̀ въ нихъ своего, независимаго,—такъ и выходитъ, пожалуй, что свободы выбора нѣтъ, и все за насъ предрѣшаетъ то привычка, то вліяніе чье-нибудь, то наслѣдственная наклонность... Голова кругомъ идетъ, право!

— Да вы чего ищете, Кочетовъ? — спросилъ я не совсѣмъ рѣшительно, мы съ нимъ еще не были на ты: — поступковъ безъ мотива, воли безъ разума? Вѣдь такъ съ одними сумасшедшими бываетъ. И они, стало быть, одни только свободны?

Кочетовъ остановился, словно пораженный. — А это вѣдь правда! Это вы хорошо сказали. Спасибо вамъ!

Сблизились мы по настоящему, однако, не въ этотъ разъ. Заговаривалъ онъ со мной, правда, чаще прежняго, но что-то сдержанное все-таки еще чувствовалось въ немъ, что-то отстранявшее его отъ меня. Связывала насъ пока только умственная, а не сердечная близость.

И только уже на второй годъ нашего студенчества послѣдняя преграда между нами исчезла. Случилось это какъ разъ благодаря тому самому Аннибалову, про котораго я только-что говорилъ. Вы его помните, конечно, оба? Тупое, упрямое лицо, цвѣтъ кожи оливково-желтый, волосы какъ смоль, жесткіе, вѣчно незачесанные,—словомъ, на видъ какой-то оперный разбойникъ. А между тѣмъ, это былъ просто ограниченный добрякъ, порой только готовый стать на дыбы изъ-за какого-нибудь нелѣпѣйшаго повода. Кочетовъ его терпѣть не могъ, Аннибаловъ дѣйствовалъ ему на нервы. Это было какое-то физическое отвращеніе. Долго онъ просто избѣгалъ его, и развѣ очень зоркій глазъ могъ бы разглядѣть брезгливую складку на губахъ Кочетова, когда въ его присутствіи Аннибаловъ отпускалъ одну изъ своихъ несуразныхъ выходокъ.

Но разъ онъ не вытерпѣлъ. Слишкомъ ужъ упорно Аннибаловъ приставалъ къ товарищамъ съ какимъ-то негодующимъ протестомъ—не помню ужъ, противъ чего,—и не замѣчалъ даже, какъ надъ нимъ подсмѣиваются. Онъ вообще лишенъ былъ способности замѣчать, что надъ нимъ смѣются. Да и были у него нѣкоторые поклонники, больше все изъ „восточныхъ человѣковъ“ — грузины тамъ какіе-то, армяне, киргизы... Ну, и въ тотъ разъ вся эта ватага съ нимъ орала за-одно. Кочетова разобрало не на шутку, и онъ въ упоръ, не стѣсняясь, такихъ вещей наговорилъ разсвирѣпѣвшему юнцу и такимъ шутомъ гороховымъ его представилъ, что громкій смѣхъ поднялся среди товарищей.

Бѣдный малый почувствовалъ себя совсѣмъ придавленнымъ.

Кочетовъ повелъ плечами,—это у него было привычное движеніе—и отвернулся. А мнѣ жалко стало Аннибалова. Его просто травить принялись, какъ дѣлаетъ это любая толпа, когда при ней кого-нибудь подняли на смѣхъ.

Я подошелъ къ нему и взялъ подъ-руку.

— Ну, поспорили—и будетъ!—крикнулъ я прочимъ, отводя его въ сторону.—Брось ихъ!—сказалъ я ему:—сколько разъ шли за тобой послушно, а теперь зубоскалятъ!

Этого было достаточно, чтобы пріободрить обиженное самолюбіе Аннибалова. Раза два мы съ нимъ прошлись по длинному корридору, оживленно толкуя. Кочетовъ намъ попался на встрѣчу и съ недоумѣніемъ на меня взглянулъ. Отдѣлавшись отъ Аннибалова, я принялся его отыскивать. — Кочетовъ! — окликнулъ я его. Онъ стоялъ ко мнѣ спиной, разговаривая съ двумя товарищами. Когда онъ обернулся, я прочелъ на его лицѣ все то же холодное недоумѣніе.—Кочетовъ!—повторилъ я:—какъ вамъ не стыдно пускать въ ходъ свое вліяніе на товарищей, чтобы этого бѣднаго малаго поднимали на смѣхъ такъ безжалостно?

— Коли вамъ это не нравится, — отвѣтилъ онъ рѣзко:— пойдите, утѣшайте его, а меня оставьте въ покоѣ!

Я покраснѣлъ до ушей и поспѣшно отошелъ. Но едва успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, Кочетовъ бросился ко мнѣ, схватилъ меня за руки и воскликнулъ:

— Простите, Вельскій, простите! Это нехорошо было, что я вамъ сейчасъ сказалъ, и вы совершенно правы. Я самъ недоволенъ собой. Такихъ, какъ Аннибаловъ, вышучивать стыдно. Это то же, что бить лежачаго. Коли хотите, я передъ нимъ извинюсь, или чего добраго...

— Нѣтъ, не извиняйтесь лучше,—онъ только вдвойнѣ почувствуетъ обиду!..

Съ этого дня мы сдѣлались настоящими друзьями. Кочетовъ зазвалъ меня къ себѣ, и я сталъ у него бывать часто.

III.

Домъ Кочетовыхъ въ то время былъ нечета другимъ петербургскимъ домамъ. До сихъ поръ всѣ, кому удавалось тамъ бывать, сохранили воспоминаніе о его своеобразномъ гостепріимствѣ. И мнѣ теперь, когда все это милое прошлое давно безвозвратно исчезло, сладко вспоминать о связанныхъ съ этимъ домомъ молодыхъ впечатлѣніяхъ. Всѣ наши крупные писатели,

всѣ музыкальные таланты были тамъ своими людьми, и всѣ пріѣзжавшія къ намъ заграничныя знаменитости тамъ впервые знакомились съ Петербургомъ, получали какъ бы необходимое артистическое благословеніе. Такихъ домовъ теперь не отыщешь. Онъ былъ, двадцать лѣтъ назадъ, какъ бы живымъ преданіемъ великой Пушкинской эпохи. Да, Аннѣ Борисовнѣ—матери Димы, когда она была еще ребенкомъ, самъ Пушкинъ стихи посвящалъ, а Лермонтовъ ею увлекался, когда ей всего минуло четырнадцать. Удивительная это была женщина, съ ранняго дѣтства озаренная какимъ-то дивнымъ лучомъ очарованія и носившая на себѣ этотъ лучъ до старости. А за-одно съ этимъ завиднымъ даромъ обольщать, у нея былъ и другой, злополучный даръ—портить чужую жизнь...

Я замолкъ на минуту. Мнѣ тяжело вдругъ стало отъ нахлынувшихъ воспоминаній.

— Да что я вамъ говорю про все это! — махнувъ рукой, продолжалъ я—да шевелю этотъ дорогой пепелъ,—вы, я думаю, помните сами...

— Я въ университетѣ не былъ друженъ съ Кочетовымъ,—вставилъ Сермягинъ;—мы сблизились позднѣе.

— А я, хотя бывалъ у Кочетовыхъ, — добавилъ въ свою очередь Колтовской,—признаюсь, не сохранилъ особенныхъ воспоминаній объ ихъ домѣ. Тамъ скучноваго было, кажется...

Я невольно улыбнулся, припомнивъ, что Миша Колтовской, теперь ставшій такимъ важнымъ сановникомъ, въ молодые годы былъ предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ въ кружкѣ Димы Кочетова.

— Намъ,—продолжалъ я,—молодежи, правда, не слишкомъ видную роль приходилось играть на пріемахъ Анны Борисовны. Вся наша юная прыть какъ-то улетучивалась, когда мы видѣли передъ собой великихъ стариковъ... Тургеневъ въ каждый свой пріѣздъ въ Россію бывалъ у Кочетовыхъ. Какъ теперь помню, съ какимъ благоговѣніемъ я услыхалъ впервые его мягкій, нѣсколько шепелявый голосъ... Да и не онъ одинъ, всѣ тамъ перебывали—Достоевскій, Гончаровъ, Вяземскій, Тютчевъ, Алексѣй Толстой... Словомъ, это была живая галерея русской литературы. А когда за рояль, потряхивая львиной гривой, садился Рубинштейнъ, или устраивался квартетъ, и лучшія классическія вещи исполнялись смычкомъ Венявскаго и Давыдова,—что-то похожее на религіозный трепетъ овладѣвало сердцемъ... Да, искусство въ этомъ домѣ чтилось какъ настоящая религія...

Я быстро зашагалъ по мягкому ковру, взволнованный образами прошлаго.

— Удивительная женщина была Анна Борисовна, свѣтская до мозга костей, и въ то же время вполнѣ свободная отъ условностей свѣта, и независимо-правдиво цѣнившая искусство. Съ ней всѣ эти великіе таланты обращались какъ съ равной. А между тѣмъ, на-ряду съ ними тутъ бывали люди совсѣмъ иного сорта, приносившіе съ собою, какъ бы въ складкахъ одежды, всю праздную суетность свѣта. И два эти чуждыхъ другъ другу элемента уживались какъ нельзя лучше въ гостиной Анны Борисовны,—словно изящный умъ хозяйки проникалъ собою даже самыхъ пустыхъ людей. Свѣтскія барыни, которымъ было не до серьезной музыки, здѣсь почтительно отдавались культу Бетховена и Моцарта. Всѣ будто становились умнѣе въ этомъ домѣ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, никогда не приходилось услыхать тамъ плоской шутки или пошлаго замѣчанія. Въ самомъ смѣхѣ какъ-то звучало остроуміе...

Одно мнѣ страннымъ, даже неестественнымъ казалось—отношенія между Димой и его матерью. Они другъ въ другѣ души не чаяли — таковъ былъ общій отзывъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, Кочетовъ былъ привязанъ къ матери горячей, хоть и съ виду сдержанной любовью. Выражать свои чувства громко, порывисто не было въ его натурѣ, но я хорошо знаю, что̀ за глубокіе корни пустила въ его душѣ эта привязанность. А она... она ухаживала за нимъ, безпокоилась о его здоровьѣ, точно онъ все еще былъ маленькимъ и нуждался въ присмотрѣ. Въ дѣтскіе годы, правда, Дима крѣпостью не отличался. И Анна Борисовна съ тѣхъ поръ такъ и не переставала няньчиться съ единственнымъ сыномъ. Гордилась она имъ чрезвычайно. Лицо ея озарялось счастливою улыбкой всякій разъ, что онъ входилъ, точно она не переставала любоваться его стройной осанкой, той печатью ума и увѣренности въ себѣ, какая читалась на его блѣдныхъ и тонкихъ чертахъ. И все-таки настоящей любви съ ея стороны какъ будто не было. Такъ мнѣ чудилось, по крайней мѣрѣ. Она словно выставляла сына на показъ передъ своими блестящими друзьями. Но дорогъ онъ былъ ей какъ предметъ ея гордости, не самъ по себѣ, а ради удовлетворенія, какое доставляло ея самолюбію имѣть такого даровитаго сына. Въ цѣломъ домѣ все-таки она была центромъ, все дѣлалось для нея, а тотъ внутренній, сокровенный міръ, куда любилъ уходить Дима съ двумя-тремя изъ лучшихъ товарищей,—Анна Борисовна туда не заглядывала. Ей до этого не было дѣла. И мы, ближайшіе друзья ея

сына, ей казались, должно быть, очень неотесанными и неинтересными малыми, которыхъ она неохотно пускала въ свой изысканный кругъ. Она была не то что нелюбезна съ нами,—нелюбезность какъ будто даже не укладывалась въ ея утонченно-привѣтливое обращеніе, —но все-таки какой-то чуть-чуть покровительственный оттѣнокъ мнѣ чудился въ привѣтливой улыбкѣ ея прекрасныхъ темно-синихъ глазъ, умѣвшихъ столько выражать, даже когда они оставались неподвижными.

Да и самъ Дима будто не любилъ показываться на пріемахъ матери. Съ молодыхъ ногтей привыкшій къ атмосферѣ салона, онъ въ совершенствѣ усвоилъ пріемы свѣта, и робости въ немъ не было никакой. Но блестящій и неистощимый, въ спорѣ съ товарищами, порой заразительно веселый и забавный, онъ часто становился будто ледянымъ въ гостиной матери. И мнѣ случалось, иной разъ, подмѣчать какую-то презрительную искру въ его глазахъ, когда онъ съ холодной любезностью поддерживалъ разговоръ съ какой-нибудь свѣтской дамой. Раза два его обычной сдержанности не хватило, и намъ, товарищамъ, въ порывѣ нетерпѣнія, онъ признался, какъ тяжела для него подчасъ обязанность присутствовать на вечерахъ Анны Борисовны. И тяжело было для него именно постоянное выставленіе на показъ его дарованій; льстивыя рѣчи приходилось ему выслушивать даже изъ очень высокихъ устъ. У него были хорошія музыкальныя способности. Я помню, какъ въ первый разъ его усадили за пюпитръ въ знаменитомъ квартетѣ, гдѣ ему приходилось играть вторую скрипку. Лицо его оставалось спокойнымъ, только напряженное вниманіе читалось на немъ, пока его близорукіе глаза слѣдили за нотами. А на чертахъ Анны Борисовны сперва была тревога, потомъ ее смѣнило торжество. И было отчего, конечно: играть съ первоклассными виртуозами и не испортить классической вещи—удалось бы не всякому. А когда, по окончаніи пьесы, бывшіе тутъ извѣстные цѣнители искренно поздравляли молодого человѣка, какой-то стыдъ, нетерпѣливый, почти злобный, сквозилъ въ его красивыхъ, слегка лишь утомленныхъ чертахъ. Похвала раздражала его, коробила, почти оскорбляла. Самолюбіе у него было, правда, огромное, болѣзненно-чуткое, но мучилось оно какъ разъ тѣмъ, что̀ инымъ заурядным натурамъ доставляетъ такое жгучее наслажденіе. Въ тайнѣ, можетъ быть, ему хотѣлось успѣха, власти надъ умами. Но какъ разъ потому, что все это ему давалось такъ легко, Кочетову претили внѣшнія выраженія этого успѣха. Онъ видѣлъ въ нихъ что-то похожее на обиду. Дорожилъ онъ по настоящему, кажется, только

собственнымъ мнѣніемъ. И несмотря на то, что такимъ еще молодымъ онъ былъ избалованъ ласкою женскихъ глазъ,—и незаурядною ласкою вдобавокъ,—ему дарили свое вниманіе женщины, не замѣчавшія вовсе его сверстниковъ,—несмотря на все это, онъ часто спѣшилъ укрыться изъ ярко освѣщенной гостиной матери въ большой кабинетъ отца, весь уставленный книжными шкафами, гдѣ, при свѣтѣ одинокой лампы, шла совсѣмъ иная, неторопливая бесѣда.

Отецъ Димы, Петръ Сергѣевичъ, всю жизнь провозился среди вороха старинныхъ книгъ и рукописей. Въ этомъ мірѣ неодушевленныхъ свидѣтелей прошлаго онъ чувствовалъ себя какъ среди близкихъ; точно старина оживала для него среди этой мертвой груды пожелтѣвшей бумаги. Страсть къ археологіи сдѣлала Петра Сергѣевича нѣсколько смѣшнымъ въ глазахъ его блестящей супруги, всѣми помыслами, всѣми фибрами души обращенной къ настоящему. Когда она заговаривала съ мужемъ, что-то похожее на жалость сквозило въ ея голосѣ, иной разъ даже сбивавшемся на чуть-чуть насмѣшливую ноту. Смѣяться надъ кѣмъ-либо она себѣ вообще не позволяла. Иронія у нея сказывалась въ однихъ глазахъ, да пожалуй еще въ тонкой линіи рта. Но съ мужемъ она, повидимому, не стѣснялась.

Петръ Сергѣевичъ не оскорблялся этимъ и даже просто этого не замѣчалъ. Интересъ, какой вызывало въ немъ одно прошлое, отрывалъ его отъ дѣйствительности, и вѣроятно онъ улыбнулся бы только своей мягкой, немного грустной улыбкой, еслибы ему намекнули, что онъ можетъ быть смѣшонъ въ своей страсти къ памятникамъ прошлаго.

По взглядамъ Петръ Сергѣевичъ былъ правовѣрный славянофилъ и твердо вѣрилъ, что когда-то, очень давно, у насъ было и свое искусство, и своя готовая сложиться политическая, самобытная организація. И все-таки я никогда не слышалъ отъ него слова по-русски.

Этотъ поклонникъ древней Москвы былъ европейцемъ до мозга костей. И когда мнѣ доводилось слышать его пламенную, хотя и нѣсколько сбивчивую рѣчь, я не всегда могъ уловить терявшейся въ отвлеченіяхъ мысли. Но глубина и оригинальность этой мысли вызывала во мнѣ невольное уваженіе.

Собирались у Петра Сергѣевича все такіе же ученые, какъ и онъ, люди уже немолодые и довольно-таки односторонніе въ своихъ занятіяхъ. Но Димѣ большое наслажденіе доставляло ихъ слушать. И меня онъ часто водилъ въ кабинетъ отца.

Странное дѣло,—тутъ, въ кругу этихъ высохшихъ въ сторонѣ

отъ жизни любителей историческаго хлама, никогда я не замѣчалъ въ его глазахъ той слегка презрительной искры, какая зажигалась въ нихъ иной разъ, когда онъ говорилъ съ одной изъ великосвѣтскихъ звѣздъ, посѣщавшихъ салонъ его матери. Онъ какъ-то смирялся и глядѣлъ послушнымъ, внимательнымъ ученикомъ, пока Анна Борисовна, замѣтивъ отсутствіе сына, отыщетъ его въ полу-темномъ углу, гдѣ онъ прятался, и позоветъ опять въ свои наполненныя блестящей толпой гостиныя.

Была впрочемъ въ числѣ обычныхъ посѣтительницъ ея дома одна женщина, съ которой Дима разговарилъ охотно. Это была княгиня Софья Викторовна Тургайская. Вы ее знаете оба, хотя бы по наслышкѣ, и описывать вамъ ее незачѣмъ. Въ то время княгиня была еще совсѣмъ молодая женщина — ей недавно минуло тридцать. Но она успѣла уже прослыть за первѣйшую изъ петербургскихъ умницъ, оттого, можетъ быть, что такая красивая, изящная и вдобавокъ, выданная замужъ почти ребенкомъ за человѣка совсѣмъ заурядnаго, княгиня уже въ ранніе годы сторонилась отъ шумной праздности, въ которой протекала жизнь ея сверстницъ. Дурная молва ея и коснуться не смѣла—до того стояла она выше пересудовъ свѣта, вся отданная страстному, почти религіозному культу искусства. Всѣ знали, конечно, что съ мужемъ она не можетъ быть счастлива. Обаяніе ея ума, какъ бы одухотворявшаго прелесть ея наружности, дѣйствовало неотразимо. Но своеобразность ея тонкой красоты, напоминавшей портреты XVIII вѣка, вызывала у мужчинъ то особое поклоненіе, котораго страсть коснуться будто не смѣетъ. И не приходилось ли ей порой сожалѣть объ иномъ, болѣе жгучемъ счастьѣ, котораго она себя добровольно лишала—я не берусь судить. Какъ бы то ни было, петербургская сплетня ее щадила. Не коснусь ея прошлаго и я.

Свита княгини состояла почти исключительно изъ людей уже нѣсколько зрѣлыхъ. Молодежь ея слегка даже побаивалась; единственнымъ исключеніемъ, я думаю, былъ Кочетовъ. Говоря съ нимъ, она, правда, любила напоминать про свою дружбу къ его матери. Но едва ли одна эта дружба — Анна Борисовна была на цѣлыхъ десять лѣтъ ея старше — побуждала княгиню находить удовольствіе въ разговорахъ съ Димой. Онъ былъ серьезенъ не по годамъ, и пониманіе искусства раскрылось для него очень рано. Женщина, когда она отвѣдала науки, правда, становится отъ этого много старше своихъ лѣтъ; и княгиня любила увѣрять Диму, что въ сравненіи съ нимъ она старуха—такой ужъ былъ у нея своеобразный видъ кокет-

ства. Но по складу ума и по вкусамъ они все-таки оказывались почти сверстниками. Анна Борисовна была очень довольна этой дружбой между ея сыномъ и княгиней. Кто знаетъ, не заходила ли она даже очень далеко въ своемъ покровительствѣ этой дружбѣ, —у матерей иногда бываютъ странныя причуды. Но у меня, знавшаго такъ хорошо Диму, не могло оставаться сомнѣнія насчетъ его истинныхъ чувствъ къ княгинѣ. Ихъ близость оставалась въ безмятежной, почти ледяной области чисто-умственной дружбы. Правда, и на снѣжныхъ высотахъ разражаются громы,—но пока ни о чемъ подобномъ не могло быть и рѣчи. И врядъ ли много отыщется молодыхъ людей, которые бы въ двадцать лѣтъ такъ мало грезили о любви, какъ Дима Кочетовъ.

— Онъ былъ просто избалованный эгоистъ — твой Дима! — перебилъ меня Колтовской:—да и рыба вдобавокъ какая-то...

— Ну, врядъ ли... Самъ увидишь, впрочемъ. Способность любить не у всѣхъ людей выражается одинаково. Да и была у Кочетова особаго рода застѣнчивость,—не та, разумѣется, какую вызываетъ болѣзненное самолюбіе, а та иная, болѣе рѣдкая, застѣнчивость передъ собой, которая заставляетъ бояться испортить, загрязнить свое чувство. Отдать свою любовь неосторожно первому попавшемуся смазливому личику — Димѣ казалось чѣмъ-то въ родѣ кощунства. Да и не думалъ онъ объ этомъ тогда. Настоящая любовь его еще не коснулась. Она стерегла его впереди. А въ то время, кажется, одно только существо вызывало въ немъ не привязанность только, а горячее, нѣжное до страстности чувство—его маленькая сестра Зина.

Голосъ у меня дрогнулъ слегка, когда я заговорилъ о сестрѣ Кочетова.

IV.

— Странное, по истинѣ, существо,—продолжалъ я, минуту спустя,—была шестнадцатилѣтняя Зина. Сказать о ней что-либо опредѣленное—я и теперь не могу, хотя минуло слишкомъ двадцать лѣтъ послѣ нашей первой встрѣчи. Я не знаю, была ли она даже хороша собой. Невысокаго роста, совсѣмъ худенькая, съ узкими плечиками и тонкой шейкой, съ подвижными, поразительно измѣнчивыми чертами, въ которыхъ и кротость почти младенческая, и своевольная вспыльчивость, и что-то гордое не по лѣтамъ, попеременно читались — она могла произвести и необыкновенно чарующее, и почти отталкивающее впечатлѣніе. Наружность какъ бы стушевывалась въ ней, послушно выражая

собой каждое быстро смѣнявшееся чувство. И смотря потому, что̀ это было за чувство,—злобный или свѣтлый огонь загорался въ ея карихъ глазахъ, въ мягкую улыбку складывался ея изящно очерченный ротикъ, или капризная заносчивость его искривляла—личико Зины то казалось плѣнительно милымъ, то становилось почти некрасивымъ. А внутренній ея міръ остался для меня загадкой до сихъ поръ. Да и загадкою онъ былъ, вѣроятно, для нея самой. Избалованная до крайности, она была, кажется, почти безсознательна въ капризныхъ проявленіяхъ своей непокорной природы. Можно было подчасъ ее назвать безсердечной эгоисткой—безсердечной до жестокости—до того она равнодушно относилась къ чужому горю, иногда причиняя съ полнымъ хладнокровіемъ страданія самымъ близкимъ людямъ. Видъ этихъ страданій порой ее даже прямо отталкивалъ, вызывалъ въ ней какую-то каменную ненависть. Я помню до сихъ поръ, какъ возмущало меня, совсѣмъ посторонняго человѣка, ея поведеніе съ отцомъ. Петръ Сергѣевичъ былъ къ ней привязанъ какою-то особой жалостливой любовью, точно сознавалъ, что есть въ ней что-то роковое, въ чемъ сама она безвинна, но что̀ неминуемо должно принести горе ея близкимъ. И вотъ самаго этого оттѣнка жалости, который Зина чувствовала смутно, она не могла простить отцу. Какъ это ни странно—на ея полудѣтскомъ личикѣ я не разъ читалъ что-то похожее на презрѣніе къ Петру Сергѣевичу. Да, она какъ будто презирала отца за добровольную замкнутость его жизни, за его вкусы, за то даже, что онъ казался такимъ старикомъ въ сравнительно ранніе годы. Петру Сергѣевичу было съ небольшимъ пятьдесятъ, а его пожелтѣвшее, сморщенное лицо глядѣло совсѣмъ уже хилымъ, изношеннымъ жизнью.

Когда дочь къ нему подходила, иной разъ у нея будто какая-то брезгливость сказывалась,—точно Зина боялась, какъ бы не запачкала ее пыль отъ старинныхъ рукописей, съ которыми возился отецъ. И все-таки я видѣлъ, какъ эта самая Зина бросалась къ нему на грудь въ страстномъ порывѣ, плакала, обнимая его, просила у него за что-то прощенія. И самая искренняя, самая горячая привязанность выражалась на ея пламенѣвшемъ личикѣ. Эта маленькая, черствая эгоистка на самомъ дѣлѣ вся дышала внутренней страстью.

Удивительныя отношенія у нея были съ братомъ: привязаны они были другъ къ другу сильно, но каждый совершенно по своему. Онъ не переставалъ смотрѣть на нее какъ на ребенка, баловалъ ее, нѣжилъ и прощалъ каждую, подчасъ дикую, сумасшедшую выходку. Она то поддавалась съ дѣтской покорностью

его любви, въ которой было и покровительство сильнаго слабому, и всепрощающая, терпѣливая доброта, то вдругъ ее, бывало, возмутитъ это превосходство брата, и она примется съ изобрѣтательной злобой терзать его, какъ одни эти хрупкія существа терзать умѣютъ,—прикидываться холодной, плакать безъ горя злыми, самолюбивыми слезами, говорить ему, даже въ присутствіи чужихъ, самыя обидныя колкости. И вотъ что̀ еще было въ ней своеобразнаго: въ присутствіи матери, при гостяхъ—Анна Борисовна ее постоянно держала при себѣ, и еще подросткомъ охотно показывала вопреки обычаю — Зина казалась до совершенства благовоспитанной барышней, и непринужденная граціозность не мѣшала ей держать себя безукоризненно. Случалось, конечно, что и въ гостиной матери бѣсенокъ въ ней прорывался наружу, но это было всего на мигъ, и одного взгляда Анны Борисовны хватало, чтобы сгладить опять принимавшееся въ ней бурлить затаенное непокорство. Зато, когда она сходила внизъ, въ комнаты брата,—свѣтской чопорности какъ не бывало. Она вспрыгивала на мебель, шалила, говорила невѣроятный вздоръ, не стѣсняясь даже присутствіемъ его товарищей, закуривала папироски, являясь то дурно воспитаннымъ ребенкомъ, то кокетливой волшебницей. При этомъ она высказывала даже—странно это сказать—полное равнодушіе къ своей наружности. Разъ я зашелъ къ Димѣ рано и, не заставъ его, остался ожидать его возвращенія,—какъ вдругъ дверь распахнулась и въ комнату влетѣла Зина, съ выбѣгавшими изъ-подъ гребня распущенными волосами, въ утренней сѣрой блузѣ, опоясанной кушакомъ, въ изношенныхъ башмачкахъ. Она не смутилась ничуть, увидя меня.

— Ахъ, это вы!—проронила она съ презрительной гримаской.—А брата нѣтъ? Какъ у него здѣсь нечисто, не прибрано! А еще увѣряетъ, что любитъ искусство! Искусство—а комнаты свои держитъ такъ... тетради, книги, пепельницы—все разбросано!..

Смущенъ былъ я. Я стоялъ передъ ней, не зная, что̀ сказать. А она принялась шарить по столамъ, дѣйствительно заваленнымъ всякимъ хламомъ.

— Надо привести все это въ порядокъ, Александръ Григорьевичъ. Помогите мнѣ.

И мы очень поусердствовали, прибирая комнаты Димы. То-есть, собственно усердствовалъ я, послушно исполняя ея приказанія и въ сущности вовсе не зная, какого рода порядокъ надо было водворить. Зина очень скоро отстала отъ работы, предоставляя трудиться мнѣ. А я, разумѣется, не сводилъ съ нея

глазъ и, чего грѣха таить... ну, да вѣдь вы знаете оба, что я былъ въ нее когда-то безъ памяти влюбленъ...

— Никогда, признаюсь, не могъ понять,—ворчливо перебилъ меня Колтовской:—что тебѣ въ ней нравилось. На меня она производила впечатлѣніе дурно воспитанной и, вдобавокъ, очень непривлекательной дѣвчонки... Худа какъ кошка, съ какими-то неестественно большими, прыгающими глазами, избалованная, капризная...

Я не отвѣтилъ ни слова и только всмотрѣлся пристально въ Мишу, и Колтовской такъ и осѣкся на полусловѣ. Должно быть, онъ вспомнилъ, какъ неблаговолила къ нему Зина.

— Дима насъ засталъ за неоконченной работой,—принялся я опять за прерванный разсказъ.—Въ первый мигъ онъ почти разсердился.

— Что вы тутъ хозяйничаете?—спросилъ онъ, сдвинувъ брови.—Ты знаешь, Зина, я этого терпѣть не могу!..

Но одного взгляда сестры, и смѣющагося, и мягкаго въ то же время,—удивительно мягкими становились ея глаза, когда ей хотѣлось, чтобъ ее не бранили,—одного ея взгляда было достаточно, чтобы улеглось раздраженіе Димы. Сестрѣ онъ спускалъ рѣшительно все. И довольно сухо пожавъ мнѣ руку, онъ нѣжно принялся гладить ей волосы.

— Какая ты растрепанная, Зина! И какъ одѣта! Ни на что непохоже!—Онъ говорилъ это ласково, скорѣе любуясь ею, чѣмъ браня.

Она только повела плечиками, сдѣлала нѣсколько замѣчаній, не особенно лестныхъ, на счетъ двухъ изъ товарищей брата, передразнивая ихъ притомъ самымъ уморительнымъ образомъ, и вдругъ, обратившись ко мнѣ, спросила въ упоръ:

— А что, вамъ очень страшно бываетъ наверху у мама на ея большихъ вечерахъ?

— Отчего страшно?—слегка конфузясь, спросилъ я.

— Да такъ!.. Вы глядите такимъ... Точно не знаете, куда приткнуться. Мнѣ иногда жалко, что людей нельзя взять и поставить на мѣсто, какъ вещь какую-нибудь, когда они сами не знаютъ, куда имъ дѣться.

— Зина!—перебилъ ее братъ.

— Ну, ничего... Я вѣдь знаю, что Александръ Григорьевичъ не разсердится. Не разсердится, да?..

Слова ея сопровождалъ быстрый взглядъ, брошенный на меня, и ласкающій, и насмѣшливый, потомъ короткій, звонкій смѣхъ; объявивъ, что идетъ переодѣваться, Зина выбѣжала изъ комнаты.

Случалось ей, впрочемъ, рѣшительно выводить брата изъ терпѣнія. Какъ ни любилъ онъ ее, а иныхъ выходокъ Дима все-таки простить сестрѣ не могъ.

Разъ я засталъ ихъ невзначай за громкимъ споромъ. Я чувствовалъ, что явился невпопадъ, но уйти было нельзя. И хотя Дима, съ обычною властью надъ собой, тотчасъ умѣрилъ гнѣвныя ноты своего голоса, нѣсколько бурныхъ словъ я все-таки невольно разслышалъ, входя въ комнату.

— Не смѣй ты такъ говорить про отца, не смѣй, дрянная дѣвчонка!

И разгоряченное лицо Димы досказывало за него, какъ сильно было его негодованіе. А сухой блескъ въ большихъ глазахъ дѣвушки говорилъ объ иномъ—объ упорномъ нежеланіи признать себя неправой и о самолюбивомъ раздраженіи за то, что чужой засталъ ихъ въ минуту объясненія. Тонкія черты Зины исказились почти до неузнаваемости. И долго она потомъ дулась на меня, словно я былъ передъ нею въ чемъ-нибудь виноватъ. Неугомонный бѣсъ гордости успѣлъ уже прочно завладѣть ея полудѣтскимъ сердцемъ. И вотъ почему—вся нѣжная чарующая ласка, когда ее тѣшили и баловали,—Зина становилась упрямозлою, какъ только ей не давали полной воли. Впрочемъ, и въ самомъ Димѣ сидѣлъ этотъ бѣсъ,—эта черта у нихъ была общая съ сестрой,—только въ немъ гордость проявлялась въ спокойномъ сознаніи внутренней силы, а не въ заносчивомъ своенравіи.

Насчетъ сестры, какъ ни былъ онъ къ ней привязанъ, Дима, кажется, себѣ не дѣлалъ иллюзій. Капризное своенравіе Зины, ея настойчивая рѣшимость всегда поставить на своемъ безпокоили Диму не на шутку, хоть онъ и баловалъ сестру болѣе всѣхъ въ домѣ.

— Ты себѣ горе только готовишь, дружокъ мой. Въ дѣтствѣ ты свои игрушки ломала, когда сердилась на что-нибудь. Но люди не игрушки, а жизнь и подавно. Берегись, какъ бы она тебя сама не сломила...—говорилъ онъ ей это не разъ и всегда мягко, участливо, нѣжно.

А я—я всегда готовъ былъ извинить это странное маленькое существо. Вѣдь и у нея бывали порывы широкаго, горячаго состраданія. Щедрость такая же неудержимая, какъ всѣ ея порывы, всегда готова была откликнуться на чужую нужду. Сердце не могло быть у нея испорченнымъ, недобрымъ... Заступаясь за нее мысленно, я не предвидѣлъ тогда будущаго...

— Ну, я, по крайней мѣрѣ,—вставилъ Колтовской,—ничего хорошаго отъ Зины не ждалъ. Такія натуры, не знающія нрав-

ственной дисциплины, — „нравственная дисциплина“ была любимымъ выраженіемъ Колтовского, даже въ его оффиціальныхъ запискахъ,—такія натуры годятся на то лишь, чтобы мучить всѣхъ окружающихъ...

Мы переглянулись съ Сермягинымъ.

— Однако, господа, — сказалъ я, вынимая часы,—что-то поздно становится. Не отложить ли конецъ разсказа до другого дня? Но меня упросили продолжать.

V.

По субботамъ всѣмъ домомъ Кочетовыхъ завладѣвала молодежь. Старшіе, то-есть обычные гости Анны Борисовны, укрывались съ нею въ ея маленькій кабинетъ, въ святилище, куда допускались только избранные, а по залѣ и гостинымъ свободно раздавались молодой хохотъ и веселая бѣготня. Иногда устраивались танцы, совсѣмъ, впрочемъ, запросто. Кто нибудь садился за рояль, и юныя пары оживленно принимались скользить по паркету. Это было совершенно непринужденное веселье. Глядя на эту беззаботную молодежь, не знавшую чопорности, многимъ, я думаю, жалко становилось при мысли, что черезъ годъ или два холодный этикетъ свѣта заморозитъ ее своими условными законами.

Центромъ этого юнаго мірка была, разумѣется, Зина. Ея неистощимое, бившее ключомъ оживленіе, заражало всѣхъ. Даже какого-нибудь увальня—а были между нами и такіе—ей удавалось растормошить. Немудрено, что всѣ были въ нее влюблены...

Впрочемъ, въ ту шальную зиму — было это передъ самымъ нашимъ выпускомъ — на вечеринкахъ у Кочетовыхъ дышалось такой атмосферой всеобщей влюбленности, что въ этомъ миломъ сумбурѣ и разобраться было трудно. Ко мнѣ Зина явно благоволила. Она избрала меня въ повѣренные и говорила со мной совсѣмъ иначе, чѣмъ съ другими—вдумчивѣе и откровеннѣе тоже. Я былъ, разумѣется, на седьмомъ небѣ, не замѣчая даже, что всѣ остальные тоже воображали себя ея избранниками, и добродушно вѣрилъ въ искренность ея задушевныхъ словъ, когда, бывало, маленькая волшебница примется со мной толковать о предметахъ важныхъ—о музыкѣ, литературѣ, своихъ планахъ на будущее, о тревожившихъ ее вопросахъ... И я чистосердечно думалъ, что ея маленькую головку въ самомъ дѣлѣ занимали какіе-то планы и какіе-то вопросы тревожили. Не догадывался

я, что все это были мимолетныя причуды, интересовавшія ее день, другой, и ничуть не болѣе, чѣмъ ухаживаніе ловкаго кавалергарда Пѣнскаго, или начинавшаго дипломата, барона Шмеллера. Глупо это было, и даже очень. Но безъ такихъ глупостей, повѣрьте мнѣ, молодость не красна...

Особенно часто говорили мы съ ней о ея братѣ.

— Вы вѣдь очень любите Диму, не правда ли, и очень ему преданы, да?—сказала она мнѣ разъ, усѣвшись со мной въ углу залы, во время перерыва между танцами. — Знаете, я за него очень безпокоюсь. Да... да... не дѣлайте удивленнаго лица. Кажется, счастливѣе его быть нельзя, а все-таки... Онъ не изъ тѣхъ, которые умѣютъ просто жить и просто быть счастливы. Посмотрите-ка на него теперь вотъ.

Дима въ эту минуту стоялъ въ дверяхъ, ни съ кѣмъ не разговаривая. Тѣнь будто набѣжала на его лицо.

— И часто съ нимъ такъ бываетъ...—продолжала Зина.

— Помилуйте,—воскликнулъ я: — онъ такой веселый, душа всего нашего товарищескаго кружка...

— Да! И все-таки, едва онъ на минуту уйдетъ въ себя, какъ теперь вотъ, точно облакомъ его прикроетъ. А въ облакахъ, вы знаете, и дождь, и гроза скрываются.

Я посмотрѣлъ на Диму пристальнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, хотя онъ всѣхъ насъ увлекалъ своей заразительной остроумной веселостью, что-то въ немъ было странное, что-то обособлявшее его отъ всей этой шальной, беззаботной гурьбы. И такой стихъ нападалъ на него и среди товарищей, и въ круговоротѣ бала.

— Дима!—вполголоса подозвала его сестра, онъ проходилъ мимо насъ: — пригласи на мазурку Мери! Я знаю, она не танцуетъ.

— Зачѣмъ непремѣнно Мери?—равнодушно повелъ онъ плечами.—А впрочемъ, какъ хочешь, не все ли равно?

— Вы слышите?—шепнула она мнѣ:—„не все ли равно“? Это вѣдь дурной признакъ... А мнѣ бы очень хотѣлось, да, очень, очень хотѣлось бы, чтобы Дима влюбился...

— Въ Мери?..—засмѣялся я.

— Да, хотя бы въ нее! Впрочемъ, это все равно.

— Вотъ какъ! Все равно!—продолжалъ я смѣяться.

Княжна Мери Стремнина, очень миловидная шестнадцатилѣтняя блондинка, съ необыкновенно тонкими чертами и нѣжнымъ, черезчуръ даже нѣжнымъ румянцемъ, была живымъ контрастомъ Зины. Благовоспитанная въ совершенствѣ, до того благовоспитанная, что каждое движеніе, каждый взглядъ ея спокой-

ныхъ и все-таки блестящихъ глазъ, точно просились на полотно.

Она совсѣмъ мнѣ не нравилась. Я подозрѣвалъ, что она слишкомъ увѣрена въ своихъ совершенствахъ и любуется ими сама.

А между тѣмъ, въ будущемъ всѣ ей предрекали блестящій успѣхъ, и головы она могла кружить не хуже Зины, не будь въ ней чего-то слегка пугавшаго молодыхъ людей, какой-то затаенной неприступности, чего-то гордаго, сквозившаго черезъ ея слегка оффиціальную любезность.

Среди товарищей Димы ходилъ слухъ, что ее прочатъ ему въ невѣсты. И Анна Борисовна, кажется, въ самомъ дѣлѣ про это думала,—княжна была очень блестящей партіей.

Но въ обращеніи Димы съ молодой дѣвушкой нельзя было примѣтить и тѣни чего-нибудь похожаго на ухаживаніе.

Они были съ дѣтства знакомы, а дѣтская дружба—извѣстное дѣло—не предрасполагаетъ къ болѣе тревожному чувству. Съ нимъ, впрочемъ, благовоспитанная княжна держалась гораздо вольнѣе и проще, чѣмъ съ другими. Разговаривая съ Димой, она становилась милымъ, довѣрчивымъ ребенкомъ, и въ глазахъ ея свѣтилось тогда что-то доброе, близкое, чего другимъ въ этихъ глазахъ вызывать не удавалось.

Но Дима какъ будто этого не замѣчалъ. И въ тотъ вечеръ, танцуя съ ней мазурку, онъ говорилъ, правда, оживленно и просто, но мнѣ не трудно было замѣтить, глядя на него, что за этимъ оживленіемъ кроется что-то иное, и настоящія его, болѣе глубокія и задушевныя мысли далеко отъ миловидной княжны.

„Онъ не умѣетъ просто жить и просто быть счастливымъ“,—мысленно повторялъ я слова Зины.

И часто потомъ мнѣ случалось замѣчать, что и въ нашихъ товарищескихъ бесѣдахъ, гдѣ мы были такъ откровенны другъ съ другомъ, онъ не высказывался вполнѣ, уходя какъ будто въ свой затаенный міръ, какъ мѣсяцъ по ночамъ скрываетъ отъ земли недоступную ей свою темную сторону.

Разъ, передъ самыми экзаменами, мы засидѣлись у Димы поздно ночью, и поднялся у насъ одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, не приводящихъ ни къ чему и все-таки своею неразрѣшимостью глубоко волнующихъ молодые умы.

— Помнишь, Сермягинъ,—это былъ тотъ самый знаменитый споръ, который мы чуть-было не подняли опять сегодня. Ты какъ разъ въ то время сблизился съ Кочетовымъ и сталъ у него часто бывать, хотя на вечерахъ у Анны Борисовны ты не показывался.

— Ты говорилъ тогда, какъ сегодня; у тебя вѣдь съ раннихъ лѣтъ была охота вызывать призракъ будущаго жизненнаго горя, словно тебѣ не вѣрилось въ самую возможность полнаго счастья.

— Не вѣрилось и не вѣрится теперь, — сквозь зубы процѣдилъ Сермягинъ. — Да и какое это счастье, когда оно дается людямъ случайно, по капризу, по какой-то нелѣпой протекціи, а сами они себѣ завоевать его не могутъ? Хорошо то только, что̀ можно взять съ бою. А когда однихъ жизнь только пинками награждаетъ, а на другихъ съ неба льется золотой дождь, котораго они и цѣнить не умѣютъ—куда годится это несправедливое, это неравномѣрное счастье? Богъ съ нимъ...

— А помнишь, что̀ отвѣтилъ тогда Кочетовъ: „Счастье, говорилъ онъ,—и съ какимъ жаромъ, съ какою страстью говорилъ,—въ томъ развѣ, чтобы сидѣть за какимъ-то пиромъ, гдѣ передъ тобой полная чаша, отъ которой тебѣ и отвѣдать не хочется, потому что она черезчуръ ужъ полна, а хочется намъ того лишь, чего добиваться надо и чѣмъ намъ вполнѣ утолить свою жажду не даютъ. Вѣдь ни въ чемъ иномъ, какъ въ борьбѣ, въ стремленіи, пожалуй даже въ страданіяхъ и есть оно, настоящее счастье, а не въ глупомъ пресыщеніи, отъ котораго одна оскомина остается“...

— Экій вздоръ!—сердито выпалилъ Колтовской.—Значитъ,—лѣзть постоянно въ гору и никогда не долѣзть до самаго верху, искать и не находить, работать и вѣчно оставаться неудовлетвореннымъ,—это хорошо? Я на свою жизнь пожаловаться не могу и не плакалъ отъ того, что мнѣ давалась удача. Я хорошо помню до сихъ поръ минуты полнаго удовлетворенія.

— Да! Вотъ, напримѣръ,—разсмѣялся я,—когда тебя назначили вице-директоромъ, и ты сталъ получать по семи тысячъ въ годъ, и потомъ, когда тебя въ генералы произвели и первую звѣзду ты свою получилъ, да и вторую тоже. У тебя, я думаю, сладкія мурашки тогда по тѣлу бѣгали, и ты чувствовалъ себя довольнымъ, какъ котенокъ, которому щекочутъ спину. Не таковъ былъ Кочетовъ.—„Благодарю судьбу,—говорилъ онъ въ ту памятную ночь,—что до сихъ поръ мнѣ никогда не приходилось чувствовать себя вполнѣ удовлетвореннымъ, что все дальше, пока я шелъ впередъ, отодвигалась отъ меня желанная цѣль, что есть во мнѣ какая-то жажда неизмѣримаго, недосягаемаго, безконечнаго... Да что̀ мы все про счастье толкуемъ,—точно оно одно для всѣхъ и можетъ кто-нибудь для него дать точный рецептъ! То и хорошо, что оно для каждаго различно и по настоящему

никому въ руки не дается, какъ жаръ-птица. Для меня, по крайней мѣрѣ, оно такъ. А поймай я его за хвостъ—голосъ у него вдругъ упалъ—оно перестанетъ быть для меня счастьемъ"!..

Что-то грустное, почти болѣзненное пробѣжало по лицу Кочетова, когда онъ замолкъ. И показалось мнѣ въ эту минуту, что я полюбилъ его больше прежняго. Слушая его всегда сдержанныя рѣчи, видя, какъ онъ владѣетъ собою, я иногда, признаюсь, былъ готовъ обвинить его въ холодности, въ эгоизмѣ. Многіе изъ товарищей его въ этомъ обвиняли. И мнѣ хорошо было сознавать, что въ немъ сидитъ этотъ безпокойный, ненасытный червь, который все гонитъ человѣка впередъ и ничѣмъ не удовлетворяется никогда.

Можетъ быть, Дима за звѣзды хватался,—но тогда только и хороша жизнь, когда надъ нею свѣтитъ что-то далекое, недосягаемое...

— Да что же это?—нетерпѣливо заспорилъ Колтовской:—работа безъ награды, жажда безъ удовлетворенія?..

— Успокойся, мой милый,—отвѣтилъ я ему:—въ жизни не проигрываютъ никогда тѣ только, кто, подобно мнѣ, совсѣмъ не участвуетъ въ игрѣ и со стороны развѣ глядитъ на чужую жизнь, или кто осторожно разсчитываетъ каждый ударъ и понемногу, навѣрняка, удваиваетъ ставки. Незавидная это доля, повѣрь мнѣ! Горе это, по большей части, печать незаурядности... Своихъ избранниковъ судьба отмѣчаетъ роковымъ знакомъ...

— Спасибо за такую привилегію!—кисловато замѣтилъ Колтовской.

Я пропустилъ эти слова безъ отвѣта и продолжалъ:

— Вотъ Кочетовъ, напримѣръ,—жизнь передъ нимъ разстилалась скатертью. Стоило захотѣть,—и съ его способностями, при его связяхъ, карьера ему далась бы какъ нельзя проще, а затѣмъ и блестящая женитьба и такъ называемое положеніе въ обществѣ... Чего же лучше, казалось бы? А Кочетовъ даже на службу поступить не захотѣлъ, какъ разъ потому, что все ему давалось такъ легко. — „Воспользоваться тѣмъ, говорилъ онъ, что разныя тетушки мнѣ ворожить будутъ, и мѣсто занять повиднѣе, то-есть, другими словами, обманывать родину, потому что я вѣдь ничего не могу принести ей своего, ни опыта, ни знанія жизни—слуга покорный!.. По-моему, это подло... А впрочемъ, можетъ быть и нѣтъ... Другіе вѣдь такъ дѣлаютъ... Не по вкусу оно мнѣ—и баста! Да и свобода мнѣ дорога и не промѣняю я ее ни на что. Вотъ какъ нагляжусь на Божій міръ, наберусь впечатлѣній и почувствую, что у меня есть что-то

свое на душѣ, тогда, пожалуй, стану лямку тянуть. А пока нѣтъ! Слишкомъ хороша жизнь, слишкомъ много въ ней неизвѣданнаго, чтобъ я добровольно отрекся отъ величайшаго наслажденія—будить въ себѣ творческую силу зрѣлищемъ жизни... Я вѣдь хорошенько еще и не знаю, что во мнѣ проснется когда-нибудь. А что-нибудь да проснется, въ этомъ я увѣренъ. И губить это за канцелярскимъ столомъ и писать никому ненужныя бумаги—ни за что"!..

Кое-кто изъ товарищей надъ нимъ посмѣивался исподтишка. И были это какъ разъ тѣ самые, которые обвиняли его въ эгоизмѣ. Имъ страннымъ казалось, что Кочетовъ не думалъ воспользоваться козырями, которыхъ у него рука была полна. Да поди вотъ! Такъ думали про себя какъ разъ тѣ изъ насъ, которые были всѣхъ болѣе падки на трескучія фразы, и Диму укоряли за то, что такихъ фразъ онъ не отпускалъ никогда. Вотъ одному изъ этихъ молодчиковъ и пришлось разъ упрекнуть Кочетова въ холодности: „ты, молъ, отстаешь отъ прочихъ, не сочувствуешь великимъ идеямъ"... и пошелъ, и пошелъ... А Кочетовъ слушалъ молча, и ни одинъ мускулъ на его лицѣ не дрогнулъ.

— Кончилъ?—спросилъ онъ только, когда тотъ охрипъ отъ своего ораторства.—Ну, теперь вотъ что я тебѣ скажу,—и теперь дослушай тоже! Ты думаешь, я не знаю, сколько на свѣтѣ горя и нищеты, и не желалъ бы этому помочь? Знаю, можетъ быть, лучше твоего. Только, видишь, мой милый,—изъ того, что существуетъ болѣзнь, еще не слѣдуетъ, будто пригодно для нея какое лекарство. Вамъ все какія-то медовыя рѣки мерещутся, по берегамъ которыхъ будетъ сытно пастись грядущее человѣчество. Да, именно пастись! Вы все сводите на желудокъ и не замѣчаете, что у откормленнаго стада нѣтъ ни воли, ни охоты работать, и ужъ, конечно, нѣтъ чувства собственнаго достоинства. Слишкомъ уже дорогой цѣной надо платить за такое благополучіе. Нѣтъ, наша судьба—и слава Богу, что она такова—вѣчно стремиться къ недостижимой цѣли. И остановись мы когда-нибудь, скажи себѣ, что цѣль достигнута—кончено! Убито въ насъ и стремленіе впередъ, и сила работать. И вотъ тебѣ примѣръ. Представь себѣ, что десятку школьниковъ посулили какой-нибудь подарокъ, который повѣсили на высокую мачту, и достанется этотъ подарокъ тому, кто вскарабкается раньше всѣхъ. Вотъ теперешнее общество! Ну, а какъ ты думаешь,—еслибы мачта была не одна, а цѣлыхъ десять и на каждой по подарку, и къ тому же подарки неважные, дешевенькіе,—стали бы школьники выбиваться изъ силъ, чтобы вскарабкаться до верху?

Никто не нашелся отвѣтить.

VI.

Экзамены были окончены. Жизнь широко раскрывалась передъ нами, черезчуръ даже широко; многіе хорошенько не знали, на какую дорогу имъ вступить. Что меня касается, я давно мечталъ о профессурѣ, хоть и хранилъ это про себя, боясь насмѣшекъ товарищей. Профессура и я—это, не правда ли, плохо вяжется? А все-таки я долго носился съ этой мыслью и привелъ бы ее, пожалуй, въ исполненіе,—не потеряй я тогда отца. Приходилось заняться такъ-называемыми дѣлами, къ которымъ я былъ, разумѣется, еще менѣе подготовленъ, чѣмъ къ каѳедрѣ. Вотъ вамъ и примѣръ, какъ по-своему распоряжается нами жизнь. Я долженъ былъ уѣхать изъ Петербурга и болѣе года не видался съ Кочетовымъ.

Признаюсь, была у меня и другая причина убраться подальше отъ береговъ Невы.

Мой крошечный романъ съ Зиной окончился нелестнымъ для меня образомъ. Въ одинъ прекрасный день, Зина просто такъ-таки перестала обращать на меня вниманіе. Наши задушевныя бесѣды прекратились. Я получалъ одни сухіе, короткіе отвѣты на мои неоднократныя попытки возобновить оборвавшуюся близость. Да, она оборвалась, эта близость, до того безпричинно и неожиданно, что не оставалось даже нити, за которую можно было бы ухватиться.

Я попробовалъ разъ спросить, что̀ вызвало случившуюся перемѣну, и удивленно-холодный взглядъ ея широко раскрывшихся глазъ и какое-то неподвижно-каменное выраженіе на стиснутыхъ губкахъ были единственнымъ отвѣтомъ. А когда прочтешь такое выраженіе на любимомъ лицѣ, надо сказать себѣ, что все кончено, и никому бы я не совѣтовалъ въ такомъ случаѣ настаивать.

Я думаю, каменное выраженіе смѣнилось насмѣшливымъ, когда я отвернулся... А впрочемъ, можетъ быть и нѣтъ. Ей было даже не до насмѣшекъ.

Какъ видите, очень глупая вышла развязка. А, признаюсь, выстрадалъ я тогда много, или, по крайней мѣрѣ, воображалъ, что страдаю.

Странно это, не правда ли,—когда пройдутъ годы, оглядываться назадъ на минувшее разочарованіе, казавшееся прежде такимъ безутѣшнымъ... И знаете, о чемъ всего болѣе сожалѣешь въ такія минуты—о самомъ этомъ прошломъ страданіи, отъ котораго одно

только осталось—какое-то чуть-чуть тоскливое и въ то же время какъ бы неловкое воспоминаніе... Сожалѣешь потому, что въ сущности такъ мало слѣдовъ оставило послѣ себя минувшее горе...

Ну, да не въ этомъ дѣло. Я вѣдь не о себѣ вамъ собирался разсказывать...

Слишкомъ годъ, стало быть, я не видался съ Димой. Слухи только до меня доходили, что онъ ѣздилъ за границу и въ нѣмецкомъ университетѣ побывалъ, а потомъ на Востокѣ гдѣ-то путешествовалъ, чтобы лицомъ къ лицу увидать настоящій, занесенный наполовину пескомъ древній міръ. Точныхъ свѣдѣній объ этой поѣздкѣ я не имѣю. Разъ только въ мое захолустье пришло отъ него письмо, все дышавшее священнымъ восторгомъ передъ красотой античнаго міра. Написано оно было изъ Аѳинъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Парѳенона. Какое-то строгое, почти религіозное восхищеніе говорило въ каждой строкѣ. Это былъ не скоро преходящій энтузіазмъ заѣзжаго дилетанта; въ словахъ Димы чувствовалось вѣяніе неувядаемой великой красоты древности, которую постичь можетъ тотъ лишь, кому истинно дорого искусство.

— Я живо помню,—перебилъ меня Сермягинъ,—какъ мы прощались съ Димой передъ его отъѣздомъ. Онъ былъ полонъ широкихъ плановъ, собирался древнее искусство изучать, сперва на профессорскихъ лекціяхъ, а потомъ, какъ онъ говорилъ, въ самое нутро древняго міра окунуться. Онъ наслѣдовалъ отъ отца страсть къ старинным памятникамъ. Только его тянуло не къ рукописямъ, какъ Петра Сергѣевича, а къ высѣченнымъ изъ камня свидѣтелямъ старины. Онъ часто говорилъ, что мы въ сущности древняго міра не знаемъ совсѣмъ, хоть и увѣряемъ себя, что мы его прямыя дѣти.

Про службу онъ и слышать не хотѣлъ, и для вида только, чтобы не огорчить матери, зачислился въ одно изъ министерствъ.

— „Я тоже хочу служить родинѣ,—говорилъ онъ иногда съ обычною своей спокойною улыбкой,—только не за канцелярскимъ столомъ“.

Кочетовъ твердо вѣрилъ, что изъ него выйдетъ художникъ. И когда онъ вернулся, я тотчасъ замѣтилъ, что онъ былъ не совсѣмъ доволенъ собой. Но разочарованіе высказывалось у него совсѣмъ не такъ, какъ у прочихъ. Онъ не хныкалъ, не нянчился съ своими иллюзіями, и не балювалъ себя тоже. А прямо, убѣдившись, что настоящаго, крупнаго, самостоятельнаго таланта въ немъ нѣтъ, мужественно отбросилъ несбывшуюся мечту.

—„Посредственность для художника,—сказалъ онъ мнѣ разъ,—это самая жалкая, самая презрѣнная доля. Сознавать, что нельзя дорости до своего идеала, и на этомъ успокоиться, это значитъ не уважать себя и жизнь свою обречь на пустое дѣло. Нѣтъ, самая скучная прозаическая работа въ тысячу разъ лучше такого дрянненькаго творчества".

Отецъ ему тогда поручилъ объѣздить имѣнія, признаваясь, что управлялъ ими всегда плохо, а теперь, подъ старость, и совсѣмъ запустилъ.

И Дима поѣхалъ, готовый всецѣло посвятить себя новому роду занятій и, если нужно, надолго зарыться въ провинцію. И дѣлалъ онъ это совсѣмъ просто, сознавая свою неподготовленность и твердо рѣшившись приняться за ученіе съ самыхъ азовъ...

— Тутъ-то,—заговорилъ я опять,—мы съ нимъ и встрѣтились. Случилось это вотъ какъ.

Я спускался по Волгѣ отъ Нижняго къ Самарѣ. Былъ конецъ августа, но дни стояли чудные, прозрачные и теплые, а ночи... такихъ глубокихъ, торжественно-прекрасныхъ ночей я съ тѣхъ поръ, кажется, на нашемъ сѣверѣ не видалъ. Точно подъ сводами храма чувствовалъ я себя, и какое-то благоговѣніе на меня навѣвало это усѣянное звѣздами безмолвное небо, такъ чудно отражавшееся въ безмолвной огромной рѣкѣ. И полный мѣсяцъ, широкимъ столбомъ пересѣкавшій водную гладь, точно серебромъ сыпалъ изъ-подъ колесъ парохода. А справа мрачныя и угрюмыя, даже при лунномъ блескѣ, безконечною стѣной тянулись Жигули. На какой-то пристани, ниже Симбирска—дѣло шло къ полуночи—одинокій пассажиръ вошелъ на пароходъ.

Я сперва его не узналъ. Онъ стоялъ повернувшись ко мнѣ спиной и долго смотрѣлъ въ сторону уходившей отъ насъ пристани. Наконецъ онъ оглянулся — и радостное восклицаніе разомъ вырвалось у насъ обоихъ. Я бросился впередъ къ Димѣ, но онъ уже предупредилъ меня и крѣпко обнялъ.

Онъ сильно измѣнился, возмужалъ, загорѣлъ, и черты его приняли совсѣмъ даже не по лѣтамъ твердое, законченное выраженіе. Онъ казался многимъ старше меня. Видно, не мало впечатлѣній успѣло наслоиться на его душѣ съ тѣхъ поръ, какъ почти еще мальчикомъ онъ оставилъ университетъ. Только въ глазахъ молодой огонь искрился по прежнему, когда что-нибудь захватывало за живое. И не потерялъ онъ способности увлекаться и негодовать тоже—въ этомъ я могъ убѣдиться, проговоривъ съ нимъ полчаса.

— Да, милый мой,—сказалъ онъ, между прочимъ,—что за

непочатый уголъ для насъ, петербуржцевъ, матушка-Россія, что̀ за ворохъ и безобразнаго, и добраго, въ ней кроется. И все это перепутано вмѣстѣ, а главное,—все это незнакомо намъ, страшно, страшно незнакомо...

Себѣ самому онъ, не обинуясь, безъ всякой рисовки и безъ ложнаго стыда, тоже выдалъ аттестатъ въ полномъ незнаніи Россіи.

— Теперь только я понялъ,—признавался онъ,—какъ далека наша школа отъ настоящей жизни. Тамъ, въ университетѣ, мы горы съ мѣста сдвигали, и все намъ бывало ни по чемъ — и прошлое нашей родины, и ея настоящее — а на самомъ дѣлѣ вся наша наука въ тупикъ становится передъ самой маленькой задачей деревенской жизни, и любой, самый лядащій мужиченко, нашего брата проведетъ. Нелестно это для самолюбія, да что̀ дѣлать,—надо сознаваться! Жизнь вѣдь не справляется, подготовлены ли мы къ ея запросамъ... И со вкусами нашими не справляется тоже... Вотъ я, напримѣръ,—съ дѣтскихъ лѣтъ я чувствовалъ призваніе къ искусству и хотѣлъ ему отдаться весь, хоть и не зналъ даже хорошенько, есть ли у меня настоящій, крупный талантъ. А теперь приходится это баловство бросить... На время, по крайней мѣрѣ... Больной отецъ требуетъ, чтобы я занялся дѣлами. И онъ имѣетъ право этого требовать. Да и крупный художникъ изъ меня все-таки не выйдетъ. А отворачиваться отъ заурядныхъ, сухихъ задачъ дѣйствительности можетъ тотъ только, въ комъ сидитъ настоящій, великій талантъ. И я сказалъ себѣ это прямо, не колеблясь. Но ломать себя я не хочу...

Мы просидѣли съ нимъ на палубѣ до утра, любуясь, какъ медленно протекала тихая ночь надъ тихой и медленной рѣкой. О многомъ мы переговорили, и кучу впечатлѣній онъ мнѣ передалъ. Онъ чувствовалъ приливъ искренняго желанія посвятить себя не семьѣ только, но и родинѣ, и пойти, какъ онъ говорилъ, на выучку въ деревню. Порой только вырывалось у него невольное восклицаніе, ясно говорившее, что къ деревнѣ этой сердце у него не лежитъ. Его глазъ требовалъ законченнаго изящества формы, и расплывчатая краса русской природы его удовлетворить не могла.

— А вѣдь хороша эта ночь, Дима. Не хуже, пожалуй, итальянской. И чудесна эта широкая рѣка, по которой звѣзды, точно искрами, сыплютъ. Мощь въ этомъ есть—и раздолье...

Улыбка чуть-чуть обрисовалась на губахъ Димы.

— Нѣтъ, ты ужъ лучше не сравнивай!—сказалъ онъ.—Все это хорошо, положимъ, а главное—наше родное, и оттого намъ

дорого. Вѣдь родину мы любимъ не изъ-за красоты ея... Только не требуй отъ нея того, чего она дать не въ силахъ. Мы сѣрый народъ, и въ сѣрой странѣ должны трудиться, такъ нечего баловать свое воображеніе чужими образами...

Дима замолкъ, опустивъ слегка голову. Онъ ушелъ словно въ иной, далекій міръ, и въ глазахъ его будто отражались дорогія картины. Что-то мягкое свѣтилось въ этихъ глазахъ, какой-то отблескъ счастливыхъ воспоминаній.

— Я совсѣмъ примирился съ мыслью здѣсь поселиться, можетъ быть надолго, — заговорилъ онъ опять, кладя мнѣ руку на плечо. — И сдѣлалъ я это безъ всякаго сожалѣнія... тѣмъ болѣе... — Кочетовъ не договорилъ. Онъ словно колебался, досказать ли просившееся на его губы признаніе.—Я буду здѣсь жить, вѣроятно, не одинъ, — началъ онъ снова, сперва долго всматриваясь въ меня своими мягко-блестѣвшими глазами.

— Ты думаешь жениться?—воскликнулъ я, живо протягивая ему обѣ руки.

— Можетъ быть,—отвѣтилъ онъ весело.—Не торопись поздравлять, ничего еще не рѣшено... Ты помнишь Мери Стремнину?

— Княжну Мери? Эту стройную маленькую блондинку, съ выраженіемъ изящной надменности на лицѣ?

Кочетовъ тихо наклонилъ голову.

— Эта изящная надменность, какъ ты говоришь, не мѣшаетъ ей чувствовать глубоко и многое понимать, что̀ недоступно большинству дѣвушекъ ея лѣтъ. Я ея не зналъ вовсе, хотя былъ съ нею знакомъ съ самаго дѣтства, и можетъ быть какъ разъ по этому. Въ ту зиму, когда я уѣхалъ за границу, ровно полтора года назадъ, ея не было въ Петербургѣ. Я, ты знаешь, сперва прослушалъ семестръ въ Берлинѣ, а потомъ лѣтомъ пустился странствовать. Іюль и августъ я провелъ въ Австріи и изъѣздилъ ее вдоль и поперекъ. Попалъ я случайно, этому будетъ ровно годъ, въ одно изъ тамошнихъ прелестныхъ горныхъ мѣстечекъ, которыхъ не успѣли еще опошлить туристы. Въ самый день моего пріѣзда давалъ тамъ концертъ подъ открытымъ небомъ пріѣзжій изъ Вѣны хоръ. Ты не можешь себѣ представить, что̀ это было за очарованіе. Ночь, какъ вотъ эта, но еще лучше, можетъ быть,—надъ головой звѣздная синева... и это восхитительное нѣмецкое хоровое пѣніе, гдѣ каждый участникъ—природный музыкантъ. И публика, толпившаяся въ открытомъ амфитеатрѣ, хотя это большей частью были добродушные нѣмецкіе бюргеры—что̀ у нея за пониманіе музыки!

Съ какимъ благоговѣйнымъ молчаніемъ она слушаетъ и какъ наэлектризована она пѣніемъ!

Кончили послѣдній нумеръ. Это была извѣстная пьеса: „O, Nacht, du, heilige, Nacht!..“—къ которой такъ шла прозрачная полутьма тихой ночи. Мнѣ казалось, что долго еще въ воздухѣ дрожалъ послѣдній аккордъ, и я оставался на мѣстѣ очарованный, пока всѣ спѣшили къ выходу. Меня подхватила и понесла съ собой людская волна. И вдругъ изъ этой толпы раздался знакомый голосъ:

— „Monsieur Кочетовъ! venez à notre secour!“

Это была княгиня Стремнина съ дочерью.

Услыхать французскую рѣчь, встрѣтиться съ княгиней Ольгой Всеволодовной въ захолустномъ австрійскомъ городкѣ, это было совсѣмъ неожиданно. Я подалъ ей руку и провелъ обѣихъ дамъ къ выходу безъ особаго затрудненія. Австрійская толпа вѣжлива даже при давкѣ.

— Вотъ ужъ, признаюсь, не ожидалъ васъ здѣсь встрѣтить, княгиня!—началъ я.

— Отчего не ожидали? Vous savez, je n'aime point les chemins battus! Я люблю открывать незнакомыя мѣста. Интересно только новое... И у Мери такой же вкусъ...

— А вы давно пріѣхали?—обратился я къ княжнѣ, теперь только, при слабомъ мерцаніи звѣздъ, разглядѣвъ ее хорошенько.

Княжна за полтора года, что мы не видались, измѣнилась такъ, какъ могутъ измѣняться только подростающія дѣвушки.

Когда мы видѣлись въ послѣдній разъ, она была еще ребенкомъ, у котораго не успѣли сложиться ни мысли, ни выраженіе лица. Теперь этотъ ребенокъ превратился въ стройную дѣвушку, у которой все—и наружность, и черты, и самая рѣчь—приняли что-то прелестно законченное въ своей гибкой и свободной простотѣ. Именно свобода, самостоятельность, чувствовались и въ каждомъ ея движеніи, и въ томъ, что она говорила. Ничего заученнаго, условнаго... Воспитаніе только отшлифовало ея природныя качества, не давя ее отпечаткомъ искусственности. Это я почувствовалъ сразу, съ первыхъ же сказанныхъ ею словъ. Въ самомъ звукѣ ея голоса была непринужденная прелесть. И странное дѣло, эта непринужденность передалась и ея матери. Чопорная княгиня Стремнина, которой въ свѣтѣ многіе боятся, становилась здѣсь просто милою женщиной, милою—какъ разъ благодаря своей оригинальности.

— Мы пріѣхали вчера,—отвѣтила княжна.—И намъ такъ нравится здѣсь, что мы останемся, вѣроятно, дня три.

Мы долго гуляли втроемъ по берегу озера, надъ которымъ по склону горы тянулось мѣстечко. Всѣ давно разошлись по домамъ, а мы не могли оторваться отъ дивной картины окаймляющихъ озеро горъ, очертанія которыхъ чуть-чуть лишь вырисовывались въ мягкой полутьмѣ. Было далеко за полночь, когда мы разстались, разстались какъ старинные, искренніе друзья. И слѣдующіе дни насъ сблизили еще болѣе.

Мы поднимались вверхъ по узкимъ, довольно первобытнымъ, тропинкамъ, и я диву давался, какъ это княгиня Стремнина, которая въ Петербургѣ, кажется, никогда по улицамъ пѣшкомъ не ходитъ, здѣсь обнаруживала такую охоту лазить по горамъ; иногда, впрочемъ, она утомлялась, и затѣмъ уже предоставляла намъ съ Мери вдвоемъ карабкаться выше. Мы пользовались этимъ охотно. И невыразимое удовольствіе мнѣ доставляло видѣть эту воспитанную для свѣта дѣвушку, такъ ловко и свободно поднимающуюся по крутымъ склонамъ и такъ очевидно счастливую въ этой обстановкѣ, полной свободы, съ такою радостью дышавшую свѣжимъ воздухомъ Альпъ. Конечно, за эти три дня я ее узналъ гораздо больше, чѣмъ за всѣ прежніе годы нашего знакомства. Смѣсь легкаго изящества въ станѣ и поступи съ чѣмъ-то рѣшительнымъ и откровеннымъ по-мужскому придавала особую, совсѣмъ не заурядную прелесть этой дѣвушкѣ, которая многимъ, быть можетъ, казалась тепличнымъ цвѣткомъ. Разъ княгиня упомянула вскользь, что въ сентябрѣ поѣдетъ въ Италію.

— Я хочу Венецію и Римъ показать Мери. Лучше этого ничего нѣтъ. Пусть она передъ началомъ этой нелѣпой свѣтской петербургской жизни наберется сильныхъ впечатлѣній. Съ искусствомъ надо знакомиться рано. Оно лучше всего иного заканчиваетъ воспитаніе. Какъ вы объ этомъ думаете?

Я, разумѣется, поспѣшилъ согласиться съ княгиней, рѣшивъ про себя, что непремѣнно встрѣчусь опять съ Стремнинами въ Италіи.

Такъ оно и случилось. Въ концѣ сентября я спустился туда черезъ Тироль, собираясь заглянуть сперва на Гардское озеро. И судьба устроила такъ, что на пароходѣ, съ которымъ я поѣхалъ, я опять неожиданно встрѣтилъ княгиню и Мери. И эта неожиданность придала нашей встрѣчѣ что-то незаурядно милое. Поѣздка эта оставила во мнѣ особенно живое воспоминаніе. Я не могъ налюбоваться, съ какою художественной тонкостью Мери наслаждалась видами озера, гдѣ дикія крутизны обнаженныхъ скалистыхъ горъ такъ близко подходятъ къ мягкимъ, улыбающимся очертаніямъ виноградниковъ и садовъ.

Остановившись на день въ Веронѣ, мы вмѣстѣ поѣхали въ Венецію и, пробывъ тамъ недѣли двѣ, продолжали путь далѣе. Княгиня часто отпускала насъ вдвоемъ странствовать по церквамъ и музеямъ. И чуткая къ красотамъ природы, Мери съ тою же изящною вѣрностью умѣла цѣнить произведенія искусства. Прирожденное чутье ей подсказываетъ, должно быть то, что̀ другимъ дается только путемъ долгаго изученія. И ты не можешь себѣ представить, что̀ за наслажденіе было для меня, знавшаго уже Римъ и Венецію, дѣлиться моей наукой съ непосредственно свѣжей впечатлительностью Мери.

Это были по истинѣ очарованные дни. Жаль только, что кончились они такъ скоро. Княгиня собиралась на зиму въ Петербургъ и дорогою туда хотѣла заѣхать въ Парижъ.

Я простился съ нею, въ ожиданіи увидѣться снова, черезъ какихъ-нибудь полтора мѣсяца, и поѣхалъ на Востокъ. И тамъ, среди величественныхъ громадъ египетскихъ памятниковъ, или въ безконечномъ просторѣ сирійской пустыни, въ моихъ ушахъ все еще звучалъ чарующій, молодой голосъ, и нѣжныя юныя черты будто глядѣли на меня съ своей тонкой улыбкой.

— Прошлую зиму ты, стало быть, провелъ въ Петербургѣ? —спросилъ я, перебивая Диму.

— Да, и представь себѣ, велъ самую безобразную свѣтскую жизнь. И все-таки не стыжусь этого, потому что вся эта шумная кутерьма была лишь рамкой, среди которой я видѣлъ одно только прелестное, дорогое существо...

Дима замолкъ.

— И стало быть,—перебилъ я снова,—свадьба твоя рѣшена?

— И да, и нѣтъ...

Счастливая улыбка заиграла на губахъ Кочетова.

— Рѣшающаго слова не было сказано—она слишкомъ молода еще. Но мы оба знаемъ, что принадлежимъ другъ другу. Развѣ этого не довольно?

И Дима вдругъ стремительно меня обнялъ.

— Да, ты и представить себѣ не можешь, какъ я безобразно, какъ я глупо счастливъ!

Бѣдный малый и не подозрѣвалъ, что̀ ожидало его черезъ нѣсколько часовъ. Едва мы въ полдень подъѣхали къ Самарѣ, на пристани къ нему подошелъ очевидно поджидавшій его человѣкъ и подалъ телеграмму.

Кочетовъ, продолжая весело болтать со мной, разорвалъ конвертъ и поблѣднѣлъ, прочитавъ содержаніе.

— Вельскій, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ, подавая мнѣ депешу: — прочти и ты... Это ужасно... такъ быстро, такъ неожиданно!.. Отецъ скончался... Мать телеграфируетъ изъ Москвы...

Слезы навернулись у него на глазахъ.

Я тотчасъ предложилъ ему поѣхать съ нимъ на похороны Петра Сергѣевича. И Дима поблагодарилъ меня нѣмымъ, горячимъ пожатіемъ руки.

К. Головинъ.

НАШИ СОСѢДИ

ЗА

ПАМИРАМИ

Не такъ давно на страницахъ „Вѣстника Европы“ г. З. Поляновскій основательно говорилъ о крайне слабой у насъ постановкѣ изученія азіатскаго востока [1]), — нужно ли повторить то же самое и относительно юго-востока? Тамъ шла рѣчь о Китаѣ, Кореѣ и Японіи, здѣсь — объ Индіи и странахъ, нынѣ, послѣ заключенія памирскаго договора, отдѣленныхъ отъ насъ лишь узкой лентой новаго „тампона“, или „буфера“ — Вахана, принадлежащаго частью Афганистану, частью Китаю, но находящагося, тѣмъ не менѣе, въ сферѣ британскаго вліянія.

Какъ мало знаемъ мы крайній Востокъ, такъ же мало знакомы и съ тѣмъ, что̀ дѣлается вокругъ Памировъ и за стѣною Гиндукуша, откуда прекрасно видятъ и знаютъ, что̀ происходитъ въ сферѣ нашего вліянія.

Намъ точно неизвѣстно даже то, какъ и чѣмъ живутъ, напримѣръ, обитатели Каратегина и Дарвоза, странъ, тяготѣющихъ къ Бухарѣ и, слѣдовательно, находящихся подъ нашимъ протекторатомъ (часть Дарвоза по лѣвый берегъ Пянджа, по послѣднему договору, отошла къ Афганистану).

Объ этихъ оригинальныхъ и достойныхъ глубокаго вниманія странахъ у насъ имѣется лишь записка г. Абрамова и очеркъ г. Арандаренки, составленные по разспроснымъ свѣдѣніямъ, а

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1895 г., сент., 143 стр.

иностранцы посѣщали Каратегинъ же и Дарвозъ (F. de Rocca, напримѣръ) и основательно знаютъ ихъ топографію, жизнь, нужды и богатства природныя... Между тѣмъ „глаза всей Россіи", какъ увѣряютъ, направлены на этотъ далекій юго-востокъ, гдѣ такъ недавно закончены разграничительныя работы,—всѣ говорятъ о лежащихъ тотчасъ же за Гиндукушемъ: Читралѣ, Кашмирѣ, Гунзѣ, Нагарѣ, Кафиристанѣ и т. д.,—но все это для gros public—пустые звуки, terra incognita. Памиры,—и Большой, и Малый—намъ должны быть хорошо извѣстны,—тамъ работали во славу русской науки Сѣверцевъ, Мушкетовъ, Ивановъ (Д. Л.), Ошанинъ и др.; труды ихъ если и непопулярны, то не составляютъ и секрета. Быть можетъ, у насъ имѣются свѣдѣнія и о странахъ сопредѣльныхъ съ нами, но они составляютъ достояніе спеціалистовъ дипломатіи и стратегіи. Въ минувшемъ декабрѣ, въ Лондонѣ, вернувшійся съ Памировъ, главный британскій коммиссаръ, генералъ Жирардъ, разсказывалъ, что въ первыхъ числахъ сентября, на высшей точкѣ разграничительной линіи, когда былъ водруженъ послѣдній, № 12, пограничный столбъ, генералъ-маіоръ Повало-Швейковскій, обращаясь къ генералу Жирарду, будто бы сказалъ: „Подъ камнемъ симъ—погребенъ памирскій вопросъ"!

Пусть такъ,—но кто поручится намъ, что на смѣну погребенному памирскому не родятся новые вопросы—гиндукушскій, читральскій, ваханскій и т. д., словомъ, вопросы по поводу областей намъ совершенно незнакомыхъ?

Не ожидая обнародованія всѣхъ интересныхъ для русскаго читающаго общества оффиціальныхъ свѣдѣній, мы постараемся, пользуясь авторитетными источниками (преимущественно англійскими), дать рядъ очерковъ странъ, облегающихъ Памиръ и лежащихъ за Гиндукушемъ, хотя бы во имя того девиза (въ широкомъ его значеніи), что—„la terre appartiendra à qui la connaitra le mieux"!

I.

Кафиристанъ.

Мы выразили сомнѣніе въ томъ, что на смѣну вопроса памирскаго не явится какой-либо другой, по поводу областей за-памирскихъ и при-памирскихъ.

Такой вопросъ нынѣ и народился, и хотя не получилъ значенія международнаго (а вѣроятно и не получитъ), тѣмъ не

менѣе на англійской почвѣ развивается такъ успѣшно, что правительство принуждено считаться съ новымъ движеніемъ.

Если не непосредственно, то косвенно, вопросъ этотъ естественно долженъ интересовать и Россію, и нѣкоторые органы нашей печати посвятили ему уже нѣсколько статей („С.-Петербургскія Вѣдомости", „Туркест. Вѣдомости" и др.).

Не раздѣляя восточныхъ увлеченій кн. Ухтомскаго, и полагая, что у насъ и на западѣ дѣла не мало, мы, тѣмъ не менѣе, не считаемъ возможнымъ умолчать о томъ движеніи въ пользу кафировъ, которымъ объята въ данную минуту извѣстная часть англійскаго общества,—движеніи, изъ котораго нарождается вопросъ объ участи страны, почти непосредственно сосѣдней съ нами, а къ этой участи, какъ будетъ видно дальше, Россія не можетъ быть индифферентна по мотивамъ довольно серьезнымъ.

Между Афганистаномъ и Читралемъ, а слѣдовательно, непосредственно за Гиндукушемъ, менѣе чѣмъ въ 150 верстахъ отъ новой границы, сферы нашего вліянія, сжатъ въ горахъ Кафиристанъ, населенный 300.000 кафировъ, *бѣлыхъ*, и не-мусульманъ, и не-буддистовъ. Судя по типамъ, формамъ домашней утвари и нѣкоторымъ существеннымъ слѣдамъ культуры греческой, кафиры безспорно принадлежатъ къ арійцамъ, и предположеніе, что кафиры — именно потомки греческой колоніи, оставленной на Гиндукушѣ Александромъ Великимъ, имѣетъ вѣроятіе, хотя и представляетъ вопросъ, не рѣшенный еще учеными, такъ какъ историкъ похода Александра Великаго говоритъ, что завоеватель нашелъ уже у подножія Гиндукуша греческую колонію.

Такъ или иначе, эти сосѣди наши въ Азіи, какъ и абиссинцы въ Африкѣ, долгія столѣтія отстаиваютъ свою хотя бы и несовершенную религію отъ мусульманъ, и свою независимость—отъ окружающихъ ихъ горную страну, чуждыхъ имъ и по вѣрѣ и по характеру, народовъ, среди которыхъ, въ послѣднее время, особеннымъ прозелитизмомъ отличаются афганцы.

Кафиристанъ — эта азіатская Черногорія—давно уже вызываетъ симпатіи ученыхъ и христіанскихъ обществъ Англіи и протесты ихъ противъ афганцевъ, грабящихъ страну и населяющихъ гаремы свои мальчиками и дѣвушками Кафиристана.

Въ 1874 году „Анти-невольническое общество" подало меморію лорду Сольсбери, прося принять участіе въ судьбѣ бѣлыхъ, и получило отъ нынѣшняго премьера надлежащія обѣщанія, и извѣстія объ афганскихъ насиліяхъ прекратились.

Въ ноябрѣ 1895 года, въ индійской печати стали упорно появляться слухи о рѣшеніи эмира афганскаго *покончить* съ Ка-

фиристаномъ, что̀ дало поводъ извѣстному оріенталисту Лейтнеру, на страницахъ „Quarterly Review“, напомнить Англіи о томъ, что кафиры имѣютъ право не только на симпатіи, но и на поддержку Британіи, которая въ этомъ ихъ постоянно убѣждала.

Статья ученаго въ серьезномъ и мало популярномъ журналѣ не произвела должнаго впечатлѣнія, но индійская печать настолько упорно заговорила о скоромъ порабощеніи кафировъ афганцами, что правительство сочло себя вынужденнымъ подать и свой голосъ, и во второй половинѣ декабря министерскій органъ „Standard“ (19-го дек.) заявилъ, что дѣйствительно „эмиръ, въ качествѣ благочестиваго мусульманина“, надѣется обратить въ исламъ страну „невѣрныхъ“ и что, рано или поздно, интересная страна эта несомнѣнно перестанетъ быть независимою. Судя по словамъ сэра Дж. Робертсона, кафиры храбры до отчаянія, но... сильно предупреждены противъ огнестрѣльнаго оружія, и неспособны будутъ оказать серьезнаго сопротивленія афганцамъ. До сихъ поръ эмиръ сдерживался, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе нежеланія охладить свои отношенія къ Англіи; но когда сэръ Мортимеръ Дьюрандъ въ 1893 году посѣтилъ Кабулъ, для взаимнаго съ эмиромъ обсужденія пограничныхъ дѣлъ, то было, между прочимъ, рѣшено, что Кафиристанъ не входитъ въ сферу британскаго вліянія, и что если афганцы пожелаютъ завладѣть этой страной, то индійское правительство этому не станетъ препятствовать [1]). Поэтому было бы ошибкой считать, что индійское правительство только теперь узнало о планахъ Абдурахманъ-хана. Старая теорія говоритъ, что кафиры представляютъ остатки греческой колоніи, основанной въ средней Азіи Александромъ Великимъ, извѣстнымъ въ восточныхъ легендахъ подъ именемъ Зулькарнайна, или Александра Двурогаго; но британскій агентъ, единственный европеецъ, посѣтившій Кафиристанъ, убѣжденъ, что предположеніе это не имѣетъ никакихъ основаній, и что если греческое вліяніе и можетъ быть наблюдаемо въ формахъ домашней утвари и въ религіозныхъ обычаяхъ, то причину этого слѣдуетъ видѣть въ сношеніяхъ кафировъ съ бактрійцами, — въ сношеніяхъ, происходившихъ ранѣе, чѣмъ кафиры заняли долину, въ которой они живутъ въ настоящее время.

Восточные писатели, какъ Баберъ (монголъ) и Мирза-Хай-

[1]) Сэръ Lepel Griffin въ „The Saturday Review“, 18-го января 1896 г., гораздо опредѣленнѣе говоритъ, что, по такъ-называемому договору Дьюранда, эмиръ обязался не вмѣшиваться въ читральскія дѣла, за что Англія обязалась уступить (?) ему Кафиристанъ (не входящій въ сферу вліянія даже?).

даръ, придаютъ очень широкое понятіе термину „Кафиристанъ“; ихъ примѣру слѣдовали позднѣйшіе авторы, и, такимъ образомъ, кафирамъ приданы были качества и черты, принадлежащія племенамъ, населяющимъ верховья Оксуса [1]). Къ завоеванію эмиромъ Кафиристана имѣются препятствія лишь природныя, и такъ какъ скалистыя горныя цѣпи, раздѣляющія долины, проходимы лишь весною, то немедленнаго движенія афганцевъ въ этомъ направленіи ожидать нельзя. Въ то же время вовсе не преждевременно выразить сожалѣніе о могущихъ возникнуть враждебныхъ дѣйствіяхъ между афганцами и кафирами: ихъ насильственное обращеніе въ исламъ не можетъ быть исполнено безъ причиненія неповинному народу страшныхъ страданій, и косвенно въ этихъ страданіяхъ отвѣтственна будетъ Англія, ибо деньги на эту экспедицію и оружіе будутъ исходить отъ насъ, составляя часть платимой нами субсидіи эмиру. Индійское правительство въ правѣ дать афганцамъ понять, что Англія не будетъ довольна, если относительно кафировъ они употребятъ тѣ же мѣры, какія были употребляемы ими для подчиненія хазарасовъ и гильзаевъ и для усмиренія узбековъ, присоединившихся къ возстанію Исхакъ-хана“.

Словомъ, министерскій органъ подтвердилъ распространенные въ Индіи слухи, и правительство умыло руки въ будущихъ жертвахъ афганцевъ, опираясь лишь на мнѣніе доктора-дипломата о томъ, что кафиры—не потомки грековъ...

Въ дополненіе къ этому полуоффиціальному сообщенію „Times“ присовокупилъ, что „многія обстоятельства и размышленія привели насъ къ перемѣнѣ политики, и мы не можемъ охранять независимость Кафиристана, не оскорбляя нашего союзника эмира. Кафиристанъ, безспорно, составляетъ часть Афганистана, и вмѣшательство въ его попытку завоевать часть его владѣній можетъ быть разсматриваемо какъ вмѣшательство въ его внутреннія дѣла“.

Далѣе „Times“ подробнѣйшимъ образомъ описываетъ сдѣланныя эмиромъ приготовленія военныя, дислокацію войскъ афганскихъ, и заканчиваетъ статью такъ: „Плохо вооруженные кафиры представляютъ слабую защиту. Борьба будетъ настолько неравна, что лучше всего, что̀ могутъ сдѣлать кафиры, это немедля подчиниться афганцамъ, какъ только войска ихъ вступятъ въ горы Кафиристана“. Черезъ три дня „Times“ сообщилъ о

[1]) Далѣе мы увидимъ, насколько основательны эти аргументы оффиціознаго органа.

послѣднемъ сраженіи въ долинѣ Вирон, въ которомъ убито было до 180 кафировъ, и о томъ, что большая часть Кафиристана уже находится въ рукахъ афганскихъ; эмиръ рѣшилъ не ждать весны, и избіеніе бѣлыхъ, съ соизволенія британскаго правительства, началось.

Тѣмъ не менѣе холода и снѣга остановили до весны военныя дѣйствія афганцевъ, а пользуясь этимъ временемъ, въ Лондонѣ открыли кампанію въ защиту кафировъ,—а слѣдовательно противъ афганцевъ и правительства,—члены „Exeter Hall'a“ [1]).

Но прежде чѣмъ говорить о томъ, въ какомъ положеніи находится въ настоящую минуту вопросъ о Кафиристанѣ, или точнѣе движеніе въ пользу кафировъ, искренности котораго не хотятъ, между прочимъ, вѣрить дипломаты „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, но которое само по себѣ интересно и для насъ далеко не безразлично, мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что̀ такое Кафиристанъ и кто такіе—кафиры.

До девятидесятыхъ годовъ Кафиристанъ оставался страною совершенно неизслѣдованною, а отчасти остается такою и теперь, хотя описаній Кафиристана имѣется не мало; большею частью это компиляціи, составленныя по даннымъ различныхъ восточныхъ путешественниковъ, посѣтившихъ Кафиристанъ, или, по крайней мѣрѣ, утверждающихъ это. Благодаря компиляціямъ этимъ, обществу извѣстны живописныя горы и долины Кафиристана и независимое племя, ихъ населяющее, а извѣстный писатель Ридіаръ Киплингъ избралъ Кафиристанъ даже мѣстомъ дѣйствія одного изъ своихъ талантливыхъ разсказовъ, гдѣ, конечно, главную роль играетъ воображеніе [2]).

Въ 1892 году, Кафиристанъ посѣтилъ одинъ изъ англійскихъ докторовъ-дипломатовъ, сэръ Джоржъ Робертсонъ (нынѣ британскій дипломатическій агентъ въ Читралѣ); онъ пробылъ въ Кафиристанѣ болѣе года и потому является *почти* единственнымъ европейцемъ, изслѣдовавшимъ этотъ таинственный край. Вслѣдствіе этого описаніе Кафиристана докторомъ Робертсономъ должно, казалось бы, заслуживать безусловное довѣріе, исключая тѣхъ его мнѣній и выводовъ, въ которыхъ слишкомъ прозрачна тен-

[1]) Exeter-Hall—зданіе, гдѣ происходятъ засѣданія нѣкоторыхъ ученыхъ и религіозныхъ обществъ, конгрессы и т. д., и имѣетъ значеніе нарицательное для религіозныхъ и гуманныхъ движеній въ Англіи.

[2]) Такія компиляціи имѣются и въ нашей спеціальной литературѣ: такъ назовемъ В. Григорьева „Кабулистанъ и Кафиристанъ“ (отд. изд.: „Кафиристанъ“, очеркъ г. Тарновскаго („Туркестанскія Вѣдомости“) и др.

денція, и которые нынѣ успѣшно оспариваются, какъ мы это увидимъ дальше, людьми науки.

„Кафиристанъ“ значитъ—„страна невѣрныхъ“, какъ Индустанъ и Афганистанъ обозначаютъ страны индусовъ и афганцевъ.

Въ началѣ названіе это прилагалось странѣ, какъ упрекъ, окружающими ее кольцомъ магометанскими народами, а затѣмъ у людей науки получило такія права гражданства, что оспаривать его было бы неблагоразумно, хотя и имѣются названія научно болѣе точныя. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ оставить названіе это, что народъ, населяющій страну эту, признаетъ себя кафирами и гордится званіемъ „невѣрныхъ“. По увѣренію доктора Робертсона, ни одинъ кафиръ не въ состояніи произнести слово „кафиръ“.

Такимъ образомъ, Кафиристанъ слѣдуетъ признать географическимъ названіемъ, употребляемымъ для обозначенія страны, изображаемой на нашихъ картахъ бѣлымъ пространствомъ, граничащимъ съ востока Читралемъ и долиною Кунаръ, съ юго-востока—той же долиною, съ запада—Афганистаномъ и съ сѣвера—Бадахшаномъ и Гиндукушемъ. Политически же Кафиристанъ граничитъ на востокѣ съ Читралемъ и спорной территоріей долины Кунаръ, а со всѣхъ остальныхъ сторонъ—владѣніями эмира афганскаго.

Вотъ въ эти-то предѣлы и проникъ въ 1892 году д-ръ Робертсонъ. Выше мы сказали, что онъ былъ *почти* единственнымъ европейцемъ, посѣтившимъ страну кафировъ; выраженіе это употребили мы не потому, что даемъ вѣру разсказамъ шовинистовъ о посѣщеніи, будто бы, Кафиристана, не такъ давно, русскимъ офицеромъ, довольно извѣстнымъ путешественникомъ-изслѣдователемъ, обвиняемымъ также и въ посѣщеніи Читраля,—а потому, что въ сентябрѣ 1885 года изъ Читраля въ верхнюю часть долины Башголь проникла миссія Локарта, хотя и пробыла въ Кафиристанѣ лишь нѣсколько дней; отважный же Макнеръ лишь принялъ за принадлежащія кафирамъ, на самомъ же дѣлѣ входящія въ предѣлы Читраля, селенія калашей.

Калаши—племя идолопоклонниковъ и они давно состоятъ рабами Метара [1]) читральскаго и ни въ какомъ случаѣ ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ независимыми горцами Кафиристана,

[1]) Метаръ, или Мотаръ—значитъ: князь. Одновременно съ этимъ имя это служитъ кличкою уличныхъ метельщиковъ. Объясняется это тѣмъ, что правители восточныхъ странъ считали за особую честь подметать въ чтимыхъ мусульманами храмахъ. Такъ, напр., Достъ-Магометъ Кабульскій подметалъ могилу Ламека въ Лукманѣ, а Омаръ—мечеть въ Кубѣ.

отличающимися отъ первыхъ—языкомъ, обычаями, костюмомъ, а въ особенности характерно своими физическими и умственными способностями. Результаты путешествія своего докторъ-дипломатъ напечаталъ, но... не опубликовалъ. „Report“ его, отпечатанный въ „Government printing“ въ Калькуттѣ, предназначается въ назиданіе правительству лишь, ибо, по замѣчанію „Standard'a“, „нельзя кричать съ крышъ всему міру, а русскимъ въ особенности, то, что̀ извѣстно о стратегическомъ положеніи на сѣверо-западной границѣ Индіи“. Тѣмъ не менѣе, „Report“ Робертсона широко цитируется (въ извѣстныхъ предѣлахъ, однако) прессою, и рядъ цитатъ этихъ вмѣстѣ съ сообщеніемъ его, сдѣланнымъ королевскому географическому обществу, 25-го іюня 1894 года, представляетъ достаточный матеріалъ для составленія болѣе или менѣе точнаго понятія о Кафиристанѣ, въ особенности при сопоставленіи матеріала этого съ имѣющимся отчетомъ миссіи Локарта, работами Хольдиджа, Янгъ-Хесбенда и Бидульфа. Относительно же англійскихъ взглядовъ на политическое значеніе Кафиристана достаточно говоритъ послѣднее изданіе „Blue-Book“ о Читралѣ („матеріалъ, который вызоветъ слишкомъ много комментаріевъ“, замѣчаетъ тотъ же „Standard“), да они понятны и изъ самаго образа дѣйствій нынѣшняго правительства. Доктору Робертсону не пришлось, однако, изслѣдовать весь Кафиристанъ, а ограничиться лишь частью его; онъ прошелъ долину Башголя и нѣсколько выходящихъ въ нее побочныхъ долинъ,—правда, отъ ихъ верховьевъ до устьевъ,—а изъ Башголя вступилъ въ верхнюю часть долины Минджанъ (Бадахшанъ).

Кромѣ того, имъ изслѣдованы были долина Кунаръ съ ея побочными—отъ Мирканы до Гейлана; затѣмъ Робертсонъ проникъ въ одну изъ значительнѣйшихъ внутреннихъ долинъ Кафиристана, называемую магометанами Вирон̀ъ, а кафирами—Презунъ. Эта долина имѣетъ священное для кафировъ значеніе и безспорно составляетъ интереснѣйшій уголокъ страны. Если д-ръ Робертсонъ посѣтилъ не весь Кафиристанъ, то зато, потративъ на изученіе его ограниченной части болѣе года,—изучилъ ее болѣе или менѣе основательно. Дальнѣйшее изслѣдованіе было немыслимо,—вражда мелкихъ племенъ въ особенности представляла затрудненія, и вопросъ заключался не въ томъ, чтобы продолжать изученіе края, а въ личной свободѣ; одно изъ племенъ задержало Робертсона и хотѣло имѣть его въ плѣну до тѣхъ поръ, пока индійское правительство не выкупитъ его цѣною многихъ тысячъ рупій и ружей.

Племя камовъ, съ своей стороны, вѣжливо, но рѣшительно,

предложило Робертсону оставить Кафиристанъ и не пропустило путешественника въ долину Башголь, къ племени лютдовъ, которые приглашали Робертсона къ себѣ вторично, съ цѣлью провести его въ долину Вирон, къ презунамъ.

Къ несчастью, въ это время лютды совершили набѣгъ въ долину Вирон и на другую территорію, которую Робертсонъ собирался посѣтить, что̀ весьма осложнило обстоятельства, и когда Робертсону удалось проникнуть въ Башголь окружными путями, къ его великому огорченію онъ нашелъ любезность къ нему лютдовъ весьма охладѣвшею... Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ читралійцевъ, лютды также предложили Робертсону оставить страну, и ему пришлось вернуться къ камамъ, съ частью которыхъ онъ нашелъ средство помириться и даже до такой степени, что когда прибылъ въ Камъ-Дашъ, то засталъ племя, готовое взяться за оружіе другъ противъ друга въ защиту его, Робертсона. Кровь не была пролита, и Робертсону съ помощью камовъ удалось все-таки проникнуть во внутреннюю долину,—предметъ его желаній,—но удалось съ большими затрудненіями.

Эскортъ, данный Робертсону, состоялъ именно изъ его противниковъ; это было sine qua non его путешествія, и тѣлохранители шантажировали доктора-дипломата и не разъ дѣлали видъ, что бросаютъ его въ самые критическіе моменты. Въ концѣ концовъ Робертсону пришлось бѣгствомъ спасаться отъ своего эскорта.

При такихъ обстоятельствахъ, изученіе страны и составленіе замѣтокъ если не невозможно, то весьма затруднительно; но д-ръ Робертсонъ въ „Report'ѣ“ своемъ говоритъ, что къ враждебнымъ дѣйствіямъ кафировъ и прочимъ затрудненіямъ въ путешествіи онъ настолько привыкъ, что смотрѣлъ на все это какъ на мелкія заботы цивилизованной жизни, и друзья кафиры, такимъ образомъ, разрушали лишь „монотонность“ путешествія и заставляли умъ доктора быть болѣе дѣятельнымъ.

„Если отъ наблюденія моего скрылось что-либо существенное, то это, слѣдовательно, моя вина, а не друзей-кафировъ“,—прибавляетъ почтенный дипломатъ и увѣряетъ, что въ Кафиристанѣ имъ оставлено много искреннихъ друзей, къ которымъ бы онъ охотно вернулся [1]).

Несмотря на неоднократныя волненія и столкновенія, Робертсонъ не сражался съ кафирами, — они сами дрались изъ-за него между собою; правда, раненыхъ было не мало, но убитыхъ не было;

---

[1]) Что̀ имъ и было исполнено въ 1895 году, но уже съ англійскимъ эскортомъ

самые безпокойные противники Робертсона заявляли, что ровно ничего противъ доктора не имѣютъ, ибо онъ никого изъ нихъ не убилъ и не ранилъ даже; причиной же междуусобицъ были подарки Робертсона нѣкоторымъ кафирамъ, такъ какъ, по исключительнымъ ихъ понятіямъ о независимости, всѣ милости Робертсона должны были дѣлиться поровну между всѣми.

Д-ръ Робертсонъ увѣряетъ, что нѣтъ ничего легче, какъ управлять этими горячими, бѣшеными подъ часъ, горцами,—и приводитъ примѣры, какъ онъ хладнокровіемъ своимъ укрощалъ блѣдныя отъ бѣшенства толпы кафировъ; бывали критическіе моменты, но кризисъ всегда миновалъ, благодаря лишь тому, что Робертсонъ умѣлъ владѣть собою.

„Нѣтъ ничего любопытнѣе факта, что дѣйствительный кризисъ совершенно успокоиваетъ гнѣвъ англо-саксонца и просвѣтляетъ разумъ его“,—съ истинной скромностью присовокупляетъ докторъ-дипломатъ.

За все пребываніе Робертсона въ Кафиристанѣ у него не было ничего украдено; у него не разъ конфисковано было оружіе, но каждый разъ возвращалось безъ изъяна.

„Принимая во вниманіе, что кафиры—наслѣдственные разбойники и убійцы, не надо удивляться, что я вполнѣ расположенъ къ нимъ за ихъ доброе со мною обращеніе“—нѣсколько противорѣчитъ себѣ самому д-ръ Робертсонъ, какъ и вездѣ, гдѣ даетъ характеристику кафировъ, желая представить ихъ недостойными британскаго вниманія...

Таковы были условія, при которыхъ Робертсономъ совершено было знакомство съ краемъ.

Кафиристанъ состоитъ изъ серіи главныхъ, неправильной формы, долинъ—глубокихъ, узкихъ и излучистыхъ, и массы побочныхъ, еще болѣе глубокихъ и узкихъ, по которымъ бѣшено стремятся горные потоки.

Вершины водораздѣловъ достигаютъ значительной высоты и очень скалисты, вслѣдствіе чего въ зимнее время Кафиристанъ представляетъ значительное количество мелкихъ областей, не имѣющихъ между собою никакого сообщенія. Такъ, напримѣръ, пока горы находятся подъ снѣгомъ, единственнымъ способомъ проникнуть въ верхнюю часть долины Башголь является путь изъ долины Кунаръ, черезъ территорію камовъ и затѣмъ по владѣніямъ племени мадугановъ. Предположимъ, что одно изъ этихъ племенъ находится въ войнѣ съ кафирами (кафиры, населяющіе долину Башголь)—послѣдніе остаются отрѣзанными отъ

всего міра и плѣнниками въ своей долинѣ до начала таянія снѣговъ.

Жители долины Вирон, или Презунъ, такимъ же образомъ остаются изолированными отъ окружающихъ племенъ, ибо единственный входъ въ долину, когда закрыты горные проходы, представляетъ рѣка, впадающая въ Кунаръ при Чегаръ-Сере, по которой нужно подниматься, что̀ немыслимо, ибо это — горный потокъ.

Всѣ проходы, ведущіе изъ Бадахшана въ Кафиристанъ, имѣютъ болѣе 15.000 футовъ высоты; Робертсономъ изслѣдованы только два такіе прохода, оказавшіеся значительно выше 15 тысячъ футовъ; а кафиры увѣряли его, что остальные еще выше. Со стороны Читраля горныя дороги, хотя и не пролегаютъ по такимъ высотамъ, тѣмъ не менѣе, зимою, благодаря обилію снѣга, совершенно непроходимы. Между селеніями Утзумъ (калашей) въ Читралѣ и селеніемъ кафировъ—Гурдешъ, расположенъ наиболѣе удобный горный проходъ въ 8.000 футовъ высоты лишь, но и онъ въ теченіе 2—3 зимнихъ мѣсяцевъ непроходимъ.

По словамъ д-ра Робертсона, горные пейзажи Кафиристана живописны и разнообразны, но на описаніи ихъ мы не будемъ останавливаться.

Нижнія части горъ и вообще горы невысокія изобилуютъ фруктовыми деревьями (гранатовыми, преимущественно) и виноградниками, каштановыми и др. тѣнистыми деревьями и рослымъ вѣчно-зеленымъ дубомъ. Склоны горъ, выше 5 и до 8 тысячъ футовъ высоты, покрыты почти сплошь густыми лѣсами сосенъ и кедровъ; выше 8 тысячъ футовъ сосна и кедръ исчезаютъ, горы скалисты, и на нихъ попадаются лишь одиночныя ивы и березы, можевельникъ и ревень. Выше 13.000 футовъ горы совершенно безплодны.

Спускаясь по извилистымъ долинамъ и питаясь овражными ручьями и рѣчками, горныя рѣки, по мѣрѣ спуска, быстро увеличиваются и наконецъ обращаются въ грозные, пѣнящіеся потоки, сворачивающіе на пути своемъ колоссальные камни съ оглушительнымъ шумомъ... Водопады очень часты... Всѣ рѣки Кафиристана впадаютъ въ Кабулъ, или непосредственно, или сначала въ Кунаръ, при селеніяхъ: Арундо, Палазгаръ и Чагаръ-Серай.

По предположенію д-ра Робертсона, не имѣвшаго возможности посѣтить западную часть Кафиристана, значительные потоки —Рамгулы и Куламъ — соединяются между собою въ Лугманъ (верхняя часть р. Какулъ). Воды восточной долины Кти, соеди-

нившись съ водами долины Презунъ (Вирон), впадаютъ въ рѣку Вей, текущую въ Кунаръ и впадающую въ нее при селеніи Чагаръ-Серай. Воды долины Ашеднъ, по всей вѣроятности, ранѣе впаденія въ Кунаръ, соединяются съ потоками Кти и Презуна. Рѣка Башголь съ ея богатыми и многочисленными притоками, изъ коихъ главные суть — Скориголь, Начинголь и Питиголь,—впадаетъ въ Кунаръ, нѣсколько выше селенія Арундо (Гобаръ), какъ разъ противъ культивированныхъ полей Читрала (южной его части).

За исключеніемъ верхней части долины Башголь (выше Шабу) и долины Презунъ, всѣ дороги Кафиристана, если онѣ могутъ быть такъ названы, вслѣдствіе крутизны и узкости долинъ, слѣдуютъ берегами рѣки и потоковъ, и хотя весьма разнообразны, но обладаютъ однимъ общимъ качествомъ—непроходимостью. Если онѣ нѣсколько лучше въ Презунѣ и въ верхней части Башголя, зато въ нижней части послѣдняго и въ долинѣ Донгаль въ особенности затруднительны.

Весь путь путешественнику приходится карабкаться со скалы на скалу; дѣлать рискованные прыжки и пробираться по деревяннымъ мосткамъ, переброшеннымъ черезъ глубокія пропасти, или по ихъ отвѣсамъ... Мосты черезъ потоки и рѣки выстроены замѣчательно искусно, но расположены очень высоко надъ водою и по срединѣ своей никогда не бываютъ шире полутора фута, съ парапетомъ въ 3—6 дюймовъ, такъ что такого рода постройка напоминаетъ скорѣе ирригаціонное сооруженіе, чѣмъ мостъ.

Часто роль моста играетъ переломившееся и упавшее черезъ потокъ дерево, или просто двѣ жерди, черезъ потокъ переброшенныя. Столь обычная въ Гильгитѣ и вообще въ Читралѣ, переправа по канату, въ Кафиристанѣ не практикуется вовсе. Броды очень часты и хотя неглубоки, но опасны, благодаря стремительности потоковъ, въ особенности въ періодъ таянія снѣговъ.

Легко проходимыхъ горныхъ перевaловъ нѣтъ совсѣмъ, и при совершеніи перехода приходится принимать во вниманіе не только высоту перевала, но количество выпавшаго снѣга, время года и *часъ дня*, въ который перевалъ производится.

Прежде чѣмъ говорить о мнѣніи д-ра Робертсона, относительно происхожденія кафировъ, мы позволимъ себѣ привести цитаты по этому вопросу изъ „The Origin of the Kafir of the Hindu-Kush“, T. H. Holdich. Т. Хольдиджъ говоритъ, что среди многочисленныхъ и разнообразныхъ гипотезъ о происхожденіи этого интереснаго народа, наиболѣе вѣроятная и послѣдняя состоитъ въ томъ, что кафиры—современные представители весьма

смѣшанной расы, главнымъ образомъ происхожденія таджикскаго, занимавшей нѣкоторое время плато Бадахшана, и которая постепенно была отодвинута въ занимаемую кафирами нынѣ горную область тѣми племенами, которыя и теперь ихъ окружаютъ, т.-е. Сафи, Нимша, Диганъ и др.

Весьма возможно, что эти племена сами того же происхожденія, что̀ и кафиры, но, вслѣдствіе постояннаго общенія съ народами, ихъ окружающими, они давно потеряли тѣ физическія качества, которыя отличаютъ кафировъ, и сдѣлались до такой степени фанатическими послѣдователями Магомета, что между ними и кафирами, населяющими закрытыя долины южнаго склона Гиндукуша, существуетъ вражда смертельная.

По мнѣнію Хольдиджа, начатый афганцами прозелитизмъ съ помощью штыковъ и орудій Максима—окончится полнымъ уничтоженіемъ невѣрныхъ.

Религіозныя формы кафировъ до того смѣшаны, что въ нихъ видны слѣды и вѣрованій Зороастра, и браманизмъ, и чистѣйшій паганизмъ, изъ чего можно предположить, что кафиры или располагаютъ оригинальной формой религіи старѣйшей, вдохновившей принципы формами болѣе современными,—или же религію Брамы кафиры пріобщили къ своимъ древнимъ миѳологическимъ вѣрованіямъ.

Кафиры не имѣютъ письменъ, ключъ которыхъ могъ бы дать намъ объясненіе ихъ происхожденія; изученіе же разговорнаго ихъ языка не можетъ намъ объяснить ничего, такъ какъ многочисленныя племена кафировъ говорятъ на разныхъ нарѣчіяхъ и зачастую не понимаютъ другъ друга.

Впрочемъ, не надо забывать, что Кафиристанъ далеко не весь изслѣдованъ, и если извѣстны его окраины, то внутреннія долины остаются terra incognita.

Лучше всего мы знакомы съ племенемъ камдешъ (по Робертсону, камы; Камдешъ же—селеніе ихъ), населяющимъ нижнюю часть долины р. Башголь, большого притока р. Кунаръ. Относительно камовъ, ихъ греческое или пелазгическое происхожденіе подтверждается весьма наглядно.

По этому поводу производятся нынѣ дѣятельныя научныя изысканія, и есть надежда, что этнографическая загадка эта будетъ скоро разрѣшена.

По внѣшности, камы безспорно имѣютъ рѣзко выраженный арійскій типъ,—низкій лобъ ихъ и орлиный носъ не имѣютъ въ себѣ ровно никакихъ монгольскихъ или татарскихъ чертъ, и вообще линіи лица у нихъ очень чисты; глаза кафировъ, изрѣдка тем-

ные, большею частью свѣтло-сѣраго цвѣта, цвѣтъ же лица ничѣмъ не отличается отъ такого же—южно-европейскихъ народовъ.

Въ общемъ, фигуры камдешей-кафировъ легки и указываютъ на ихъ замѣчательную силу и подвижность; оконечности же могутъ служить моделями для этюдовъ скульптора. Въ быстротѣ и ловкости ихъ движеній въ горахъ—кафиры не имѣютъ соперниковъ среди народовъ Гималая.

Въ настоящее время Кафиристанъ ограничивается на востокѣ долиною Кунаръ, но есть основанія полагать, что въ отдаленную эпоху кафиры занимали плодоносныя долины Бажура, Свата и Дира, входившія въ составъ буддистской имперіи, до появленія на сцену Юзафзея...

Знакомый съ исторіей похода Александра Македонскаго на Индію, вспомнитъ, что главный интересъ исторіи сосредоточивается именно на сѣверо-западной границѣ Индіи, и область эта, среди прочихъ областей Индіи, была древнимъ писателямъ лучше знакома, чѣмъ современнымъ... Всѣмъ извѣстная дорога изъ средней Азіи въ Индію шла черезъ равнину Кабула, по долинѣ р. Кабулъ въ Лагманъ, или Ламганъ, а оттуда черезъ Даштъ-и-Гомбазъ въ нижній Кунаръ. Изъ долины Кунара дорога эта, даже въ эпоху нашествія Бабера (начало XVI ст.), пересѣкала хребетъ при входѣ въ Бажуръ, оттуда шла въ долины Панджкора и Свата, затѣмъ въ Индію черезъ тѣ самые проходы, черезъ которые англичане, 400 лѣтъ почти спустя, вошли въ область Свата (Читральскій походъ 1895 года). Извѣстная намъ дорога, „великій путь въ Индію“, изслѣдована была въ древности до того основательно, что географическое описаніе долинъ Кофинеса (нынѣ Кабулъ) и Коаснеса (нынѣ Кунаръ) у древнихъ авторовъ точнѣе и детальнѣе современныхъ гидрографическихъ работъ Индіи.

Въ этой-то области Индіи, на правомъ берегу Панджкора (въ древности Гура), почти противъ слiянія его съ рѣкою Сватъ (Суастосъ), высится гора, контуры которой отчетливо видны изъ Пешавера. Гора эта нынѣ называется Ко-и-Мэръ, а селеніе, разбросанное на ея южномъ склонѣ—Нусаръ или Нузаръ. Склоны горы покрыты такими же лѣсами, какъ и горы Кафиристана, а внизу горы раскинулись джонгли и *ростетъ дикій виноградъ и плющъ*. Когда Александръ Македонскій, по словамъ историка похода, Аріана, приблизился къ г. *Низа*, построенному, какъ говоритъ Аріанъ, Діонизосомъ, или Бахусомъ, во время завоеванія имъ Индіи, и расположенному, судя по точному описанію, тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ селеніе *Нузаръ*, къ царю изъ города вышла

депутація, имѣвшая во главѣ Акульфиста, со слѣдующей петиціей: „Низанцы молятъ царя во имя того, что и онъ чтитъ бога Діонизоса,—оставить городъ ихъ въ покоѣ и мирѣ, ибо основанъ онъ Бахусомъ для воиновъ, вслѣдствіе старости или ранъ, сдѣлавшихся неспособными къ войнѣ. Бахусъ назвалъ городъ этотъ *Низа*, въ честь кормилицы своей. Гору же, у подножія которой нашъ городъ стоитъ, онъ назвалъ Меросъ (бедро), въ память рожденія своего отъ Юпитера. Какъ доказательство того, что нашъ городъ Бахусомъ основанъ, ты, царь, видишь цвѣтущимъ на землѣ нашей *плющъ*, котораго нигдѣ кругомъ въ странѣ не найдешь“ [1]).

Былъ ли этотъ Діонизосъ выходцемъ изъ Ѳивъ, или изъ Лидіи—Аріанъ не упоминаетъ.

Александръ Македонскій удовлетворилъ просьбу низанцевъ и, по словамъ историка, въ честь Бахуса устроилъ воинамъ рядъ празднествъ—оргій—у подножія горы.

Низанцы, по мнѣнію де-Сенъ-Мартэна, происхожденія мидянскаго, или персидскаго, но Аріанъ называетъ ихъ потомками тѣхъ, которые пришли въ Индію съ Діонизосомъ (т.-е. грековъ), и указываетъ на ясное различіе низанцевъ отъ окружающихъ племенъ.

Птоломей почти не упоминаетъ о низанцахъ, зато объ ихъ происхожденіи говоритъ Мегасъ-Теносъ, работы котораго, собранныя Шванбекомъ (д-ръ), перевелъ Макъ-Криндель.

У Мегасъ-Теноса мы видимъ, что Діонизосъ былъ завоеватель, принесшій много блага Индіи,—онъ научилъ индусовъ воздѣлывать поля и культивировать виноградъ; имъ, между прочимъ, на горѣ Меросъ (близъ г. Низа) учреждена была первая санитарная станція, на время лѣтнихъ жаровъ, для больныхъ и слабыхъ воиновъ.

Благодаря великимъ и добрымъ дѣламъ его,—потомки обоготворили Діонизоса. О горѣ Меросъ и г. Низа, объ ихъ виноградникахъ и плющѣ упоминаетъ и Страбонъ. Поліеносъ, описывая похода Діонизоса на Индію, говоритъ, что онъ приказывалъ воинамъ своимъ маскировать оружіе *плющомъ*, а побѣжденныхъ угощалъ *виномъ*... Всѣ эти легенды говорятъ объ одномъ,—о завоеваніи Индіи, въ незапамятныя времена, западною расою, скорѣе всего греческаго происхожденія, *до нашествія* на Индію *мидянъ и персовъ*, т.-е. значительно ранѣе VI столѣтія до Р. Х.

Низанцы, городъ которыхъ пощадилъ Александръ Македон-

[1]) Несмотря на столь точное указаніе мѣстонахожденія г. Низа, такой авторитетъ, какъ де-Сенъ-Мартэнъ, относитъ его въ открытую долину при сліяніи Кабула со Сватомъ, гдѣ нѣтъ ни горы вблизи, ни плющъ не ростетъ.

скій, были потомками этихъ завоевателей, которые остались здѣсь у горы Меросъ, не желая спускаться далѣе — въ болѣе жаркія страны,—вотъ почему они встрѣтили Великаго Александра, какъ человѣка и царя ихъ расы и вѣры.

Шли столѣтія, и долины Свата и Дира сдѣлались главнымъ очагомъ буддизма, а сохранившіяся, найденныя въ монастыряхъ буддистскихъ, реликвіи—статуи и др. изваянія—носятъ на себѣ несомнѣнные слѣды греческаго и римскаго вліянія. Признать реликвіи эти за буддистскія нельзя, однако,— ибо знаки надписей безспорно греческіе—архаическаго типа, а камни съ ними находятся въ долинѣ Кунаръ, куда буддизмъ не проникалъ.

Такой авторитетъ, какъ Сенаръ, находитъ, что надписи эти сдѣланы, во время нашествія на Индію, скиѳами, или монголами, но въ то же время передаетъ, что въ Луврѣ хранится изваяніе съ надписями тождественнаго характера, т.-е. архаическаго греческаго типа, причемъ изваяніе изображаетъ *процессію Бахуса*;— если это такъ, то мы находимся передъ забытыми низанцами ихъ письменами.

Ф. Хольдиджу пришлось познакомиться съ нѣсколькими кафирами въ долинѣ Кунаръ, видѣть ихъ религіозную пляску и слышать ихъ военный гимнъ Бэгу-Гишу... Этотъ гимнъ, въ переводѣ приводимый авторомъ—по истинѣ гимнъ Бахусу... Въ немъ упоминается г. Низа, гора Меросъ и другія собственныя имена, встрѣчающіяся въ исторіи Аріана, гдѣ онъ говоритъ о низанцахъ.

Кафиристанъ изобилуетъ виноградомъ и плющомъ; виномъ своимъ онъ славится издревле,—лѣтописецъ XVI столѣтія говоритъ, что основавшій въ Дэли могущественную династію авантюристъ Баберъ, проходя Кафиристаномъ, хорошо познакомился съ его виномъ и устраивалъ настоящія оргіи въ долинѣ Яндола, нынѣ ставшей извѣстной, благодаря другому авантюристу Умра-Хану (овладѣвшему въ началѣ 1895 года престоломъ читральскимъ).

Въ заключеніе, Ф. Хольдиджъ приходитъ къ убѣжденію, что кафиры несомнѣнно представляютъ потомковъ древнихъ низанцевъ,—древнихъ настолько, что уже историкъ Александра говоритъ объ ихъ происхожденіи, какъ о миѳѣ.

Д-ръ Робертсонъ мнѣнія совершенно противоположнаго: кафиры,—говоритъ онъ,—потомки древняго индійскаго народа, населявшаго восточный Афганистанъ, отказавшіеся въ XI столѣтіи принять исламъ и бѣжавшіе въ непроходимыя горы, гдѣ нашли туземцевъ, которыхъ отчасти уничтожили, отчасти же съ ними

ассимилировались. Остатки этихъ горныхъ аборигеновъ д-ръ Робертсонъ видитъ въ племенахъ презуновъ, джазисъ и арамсъ, которыхъ, однако, именуетъ кафирами же. Британскому агенту удалось познакомиться съ представителями всѣхъ племенъ кафировъ, кромѣ таинственнаго племени ашхуновъ, находящихся въ постоянной враждѣ съ прочими племенами; кафиры такъ же мало знаютъ ашхуновъ, какъ и д-ръ Робертсонъ. Ашхуны населяютъ область между Рамгулемъ и Кулумомъ, съ одной стороны, и областью веевъ—съ другой. Отъ кафировъ Рамгула и Кулума ашхуновъ отдѣляетъ горная цѣпь (судя по разспросамъ); рѣка же, орошающая область ихъ, впадаетъ въ рѣку, составляющуюся изъ Презуна и Кти. Большая часть ашхуновъ, какъ и веевъ (нижней части долины Вей) исповѣдываютъ магометанство, чѣмъ и слѣдуетъ объяснить вражду къ нимъ прочихъ племенъ. Помимо многихъ нарѣчій, въ Кафиристанѣ употребляются три различные языка, изъ коихъ самый употребительный языкъ сіа-пошей [1]) (Siah-Posh), называемыхъ такъ по ихъ темнымъ одеждамъ. *Сіа-Поши не составляютъ отдѣльнаго племени, но, входя въ составъ разныхъ племенъ, они понимаютъ всѣ другъ друга,* и языкъ ихъ можетъ считаться наиболѣе корректнымъ изъ употребляемыхъ въ Кафиристанѣ.

Оріенталисты Англіи и признаютъ сіа-пошей истинными кафирами-аборигенами. Слѣдующіе два языка—презуновъ и веевъ, отличны какъ другъ отъ друга, такъ и отъ языка сіа-пошей.—Кафиры Башголя говорили д-ру Робертсону, что научиться языку веевъ можно только съ дѣтства поселившись среди нихъ; языку же презуновъ совсѣмъ нельзя научиться.

Презуны отличаются рѣзко отъ прочихъ кафировъ не однимъ только языкомъ, почему д-ръ Робертсонъ и хочетъ видѣть въ нихъ только аборигеновъ страны. Онъ присутствовалъ при ихъ жертвоприношеніяхъ и религіозныхъ служеніяхъ, и называя пѣніе жрецовъ музыкальнымъ мяуканьемъ, говоритъ, что при всемъ желаніи онъ не былъ въ состояніи повторить ни одного слова, ни одного звука...

Распредѣляя племена по ихъ языку; д-ръ Робертсонъ, во-первыхъ, отмѣчаетъ сіа-пошей, затѣмъ—веевъ и родственныхъ имъ, вѣроятно, ашхуновъ, и наконецъ—презуновъ. Большая часть кафировъ принадлежитъ, въ этомъ отношеніи, къ сіа-пошамъ, племена которыхъ населяютъ сѣверныя долины Кафиристана, хотя и раздѣленныя между собою долиною Презунъ.

[1]) Г-нъ М. Соловьевъ („С.-Петерб. Вѣдомости“ № 3) называетъ ихъ сіагнушами, но въ названіи Siah-Posh сходятся всѣ англійскіе оріенталисты.

Среди тѣхъ, кого д-ръ Робертсонъ называетъ сіа-пошами, главное племя составляютъ катиры, населяющіе западную долину, граничащую съ Афганистаномъ. Въ этой долинѣ (по разспросамъ) имѣется отъ 20 до 30 селеній катировъ, которые здѣсь извѣстны болѣе подъ именемъ рамгуль-кафировъ, или габариковъ. Къ востоку отъ Рамгуля расположена долина Куламъ (съ четырьмя селеніями), главная рѣка которой соединяется съ такою же—долины Рамгуль и впадаетъ въ р. Кабулъ, черезъ Лугманъ. Къ востоку отъ долины Куламъ живетъ вѣтвь племени катировъ—кти (два небольшихъ селенія). Верхняя часть долины Башголя, вплоть до области кафировъ-мадугалей, также населена вѣтвью племени катировъ, которые въ общемъ болѣе многочисленны, чѣмъ всѣ жители долины прочихъ племенъ. Въ нижней части долины Башголь живетъ довольно значительное племя камовъ, имѣющее непосредственно на сѣверѣ сосѣдями племя мадугалей, а на западѣ—маленькое племя каштановъ. Вѣтви катировъ, о которыхъ говоритъ Робертсонъ, составляютъ на самомъ дѣлѣ совершенно отличныя и независимыя общины, но внутренняя ихъ организація та же, что и у всѣхъ племенъ и общинъ. Каждое племя Кафиристана раздѣляется на семейства. или кланы, и индивидуальное значеніе каждаго кафира зависитъ отъ численности того семейства, къ которому онъ принадлежитъ, и того положенія, которое онъ въ кланѣ занимаетъ. Дѣла племени номинально управляются совѣтами старшинъ, называемыхъ *джастами*, но фактически находятся обыкновенно въ рукахъ 3—5 изъ этихъ джастовъ, отличающихся отъ своихъ товарищей мудростью и, въ особенности, богатствомъ; вообще, въ Кафиристанѣ богатству придается громадное значеніе. Робертсонъ на обстоятельствѣ этомъ особенно останавливается; но, кратко резюмируя, можно сказать, что кафиръ, будь онъ хоть семи пядей во лбу, высокаго значенія въ народѣ не добьется, если онъ не богатъ, или если онъ *не ораторъ*: краснорѣчіе въ Кафиристанѣ—тотъ же капиталъ.

Чтобы сдѣлаться джастомъ, кафиръ долженъ пройти черезъ длинный рядъ обычаями установленныхъ церемоній, продолжающихся у племени камовъ, напримѣръ, около трехъ лѣтъ, у другихъ—нѣсколько меньше. Кандидатъ долженъ, между прочимъ, въ разныхъ случаяхъ дать одиннадцать банкетовъ всему племени и, кромѣ того, десять пировъ для джастовъ, причемъ пиры и банкеты эти устраиваются при участіи женщины, его жены. или посторонней, но играющей въ дѣлѣ этомъ важную роль. Чаще всего, хозяйкой пировъ, или ассосіаторшей кандидата

является именно женщина посторонняя,—жена другого *будущаго* кандидата въ джасты. Расходы по выборамъ, т.-е. на пиры, такъ велики, что рѣдкій кафиръ можетъ произвести ихъ одновременно и самостоятельно, и вотъ половину ихъ принимаетъ на себя другой кафиръ, впослѣдствіи намѣревающійся пройти черезъ эти же церемоніи, и, помимо слѣдуемой суммы денегъ, даетъ въ помощь первому свою жену; черезъ 2—3 года, когда настаетъ очередь второго кандидата, первый заплатитъ ему тѣмъ же.

Впрочемъ, вся честь достается устроителю пира; компаньонка же его пользуется лишь правомъ присутствовать на нѣкоторыхъ танцахъ, причемъ носитъ особенную, отороченную мѣхомъ, почетную обувь...

Остальныя церемоніи для полученія званія джаста чрезвычайно сложны и утомительны для передачи, но среди нихъ есть весьма оригинальныя: такъ напримѣръ, кандидатъ, въ глухую зиму, въ домѣ своемъ долженъ на земляномъ полу засѣять хлѣбомъ миніатюрное поле и выходить его; церемонія эта тѣмъ болѣе оригинальная, что представляетъ единственный случай, когда сынъ племени камовъ занимается земледѣліемъ. Сдѣлавшись джастомъ, кафиръ, однако, не освобождается отъ этихъ сложныхъ и дорогихъ церемоній: періодически онъ, или сыновья его, должны вновь проходить черезъ ихъ циклъ, дабы поддержать свое вліяніе въ народѣ.

Вообще законы роскоши въ Кафиристанѣ чрезвычайно требовательны: надѣть на праздникъ яркое платье, или блестящій тюрбанъ, можетъ только джастъ, или воинъ, *приглашенный* на праздникъ знати, причемъ ему даются украшенія, уравнивающія его съ прочими благородными и знатными джастами. Въ извѣстныхъ предѣлахъ, однако, франтовство разрѣшается каждому кафиру, но за это онъ долженъ платить селенію, или племени, налогъ, а каждое новаторство въ костюмѣ обходится очень дорого; такъ напримѣръ, при д-рѣ Робертсонѣ одинъ кафиръ, за право ношенія красныхъ панталонъ, уплатилъ общинѣ шесть коровъ...

„Мы всѣ равны,—говорятъ кафиры,—а кто хочетъ тѣмъ или другимъ выдѣлиться изъ толпы, видя въ этомъ преимущество, долженъ платить за это остальнымъ, которые преимуществомъ этимъ не пользуются“...

Среди джастовъ имѣется особый небольшой кружокъ высшей аристократіи, члены котораго, за особо-многочисленныя пиршества народу, получаютъ почти царскую привилегію—*внѣ дома*

сидѣть на четыреногихъ табуреткахъ. У камовъ этой привилегіей пользуются только пять мужчинъ и одна женщина.

Въ общемъ, правительство въ Кафиристанѣ демократическое, и всѣ вопросы политики внѣшней и внутренней обсуждаются публично депутатами-джастами въ мѣстныхъ парламентахъ каждаго племени, хотя въ обыкновенныхъ случаяхъ все исходить отъ нѣсколькихъ сѣдыхъ бородъ, составляющихъ нѣчто въ родѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. „Парламентъ кафировъ представляетъ оригинальный спектакль,—говоритъ д-ръ Робертсонъ;—почти всегда царствуетъ здѣсь неумолчный шумъ, сразу говорятъ нерѣдко до двѣнадцати человѣкъ, имѣющихъ каждый свою группу слушателей, которые обыкновенно со вниманіемъ слушаютъ избранника своего; но если вниманіе это исчезаетъ, ораторъ возвращаетъ къ нему слушателей громкими криками: „ай! ай!“—а нерѣдко и палкой“...

Если вопросъ особенно интересенъ, сразу говоритъ весь парламентъ и никто не слушаетъ, пока не выступитъ на трибуну популярный ораторъ... тогда смолкаютъ всѣ, и ассамблея съ истиннымъ вниманіемъ выслушиваетъ своего лидера, одобряя его криками и стукомъ и страстно выражая восторгъ свой...

Вообще кафиры очень любятъ диспуты, благодаря которымъ и приходятъ къ точному выясненію будущаго образа дѣйствій, но это только въ парламентѣ; когда же они собираются на площадкѣ, гдѣ происходятъ танцы, или гдѣ-нибудь у группы деревьевъ, и начинаютъ страстные споры объ общественныхъ дѣлахъ, никто не возьмется предсказать, къ какому рѣшенію придутъ они.

Для управленія второстепенными внутренними дѣлами въ каждомъ племени существуетъ совѣтъ изъ тринадцати человѣкъ, избираемыхъ ежегодно. Предсѣдателемъ совѣта этого является уръ-джастъ, личность всегда весьма значительная; остальные же не болѣе какъ сателлитами его, избираемыми нерѣдко даже изъ рабовъ. Къ числу обязанностей совѣта этого относится, между прочимъ, урегулированіе отпуска воды на поля и наблюденіе за тѣмъ, чтобы до времени не начинался населеніемъ сборъ винограда и орѣховъ; уръ-джастъ же обязанъ, въ спеціальномъ для этого помѣщеніи, устраивать все необходимое для общественныхъ танцевъ, имѣющихъ религіозно-увеселительный характеръ и совершающихся по средамъ вечеромъ, во время полевыхъ работъ, которыми заняты бываютъ только женщины.

Совѣтъ тринадцати играетъ роль и суда, карающаго провинившихся въ мелкихъ преступленіяхъ имущественными штра-

фами, поступающими въ пользу судей. Уръ-джастъ при избраніи своемъ, независимо отъ обычнаго, долженъ дать праздникъ всему селенію и отдѣльно его старшинамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ налагается и извѣстная контрибуція на населеніе въ видѣ муки и прочаго провіанта.

Въ общемъ, впрочемъ, должность уръ-джаста столько же почетна, сколько прибыльна; но почетъ въ Кафиристанѣ, какого бы рода онъ ни былъ, даромъ не дается никому: такъ напримѣръ, одержавшій побѣду въ метаніи желѣзнаго шара (диска?)—игра, имѣющая священное значеніе,—не призъ получаетъ, а праздникъ селенію устраиваетъ. Удивлявшемуся поэтому д-ру Робертсону, въ свою очередь, удивленные кафиры отвѣчали: „За что же давать ему вознагражденіе? Богъ Имра наградилъ его силою, которой у другихъ нѣтъ, а за это и въ честь бога онъ праздникъ долженъ дать намъ".

Изъ видѣнныхъ д-ромъ Робертсономъ племенъ кафировъ наименѣе смуглыми онъ считаетъ веевъ, наиболѣе же темнокожими—презуновъ и катировъ. Въ Пшоверѣ, селеніи катировъ, жители цвѣтомъ лица напоминаютъ негровъ, но они этимъ будто бы обязаны дыму отъ дровъ, употребляемыхъ ими въ топливо, и врожденному отвращенію къ омовенію. Вообще, по мнѣнію Робертсона. кафировъ бѣлыми назвать нельзя, хотя они не могутъ быть причислены и къ темнымъ расамъ. Кафиры, во всякомъ случаѣ, темнѣе жителей Бадахшана и Читраля [1]),—ихъ цвѣтъ лица такой же, какъ у обитателей Пенджаба.

Какъ цвѣтъ лица темнѣе, такъ и черты его значительно грубѣе у кафировъ низшихъ классовъ, но, въ общемъ, *несомнѣнно арійскій* типъ—красивъ, въ особенности правиленъ носъ. Рыжіе и альбиносы встрѣчаются у кафировъ, но не составляютъ болѣе $1^0/_0$. Типы смѣшанной расы значительно отличаются отъ чистой: носы, какъ нерѣдко встрѣчается это у невольниковъ, сплюснуты, лба нѣтъ почти, волосы начинаютъ расти у бровей, и все это производитъ отталкивающее впечатлѣніе, совершенно противоположное тому, которое получается при взглядѣ на мужчинъ высшихъ классовъ Кафиристана, головы которыхъ замѣчательно правильно сложены,—такъ и кажется, что эти полудикари могли бы безъ особаго напряженія стать и учеными, и государственными людьми.

Женщины по большей части некрасивы; дѣвушки же могли бы быть привлекательными и бываютъ иногда такими, но тяже-

---

[1]) Сэръ Раулинсонъ, Ф. Хольдичъ, Лейтнеръ, Локкартъ и др.—мнѣнія совершенно обратнаго.

лыя работы на воздухѣ дѣлаютъ ихъ лица слишкомъ смуглыми и грубыми, грязь же ихъ зачастую отвратительна. Видъ этихъ несчастныхъ, почти безъ исключеній, забитый,—онѣ представляютъ въ Кафиристанѣ единственную рабочую силу, работа же ихъ чрезвычайно тяжела, а потому неудивительна и ранняя старость женщинъ этой страны.

Сложены кафиры всегда прекрасно,—и видно, что они охотно предаются всевозможнымъ физическимъ упражненіямъ; людей толстыхъ здѣсь нельзя встрѣтить; кафирами даже трудно усвоивается понятіе о человѣческой полнотѣ...

Когда Робертсонъ заговорилъ однажды о полнотѣ человѣческой, его не могли понять, и лишь главный жрецъ замѣтилъ, что онъ понялъ, о чемъ путешественникъ рѣчь ведетъ, онъ—жрецъ, однажды, на Асмарской границѣ убилъ такого упитаннаго мусульманина...

Средній ростъ кафировъ—пять футовъ и шесть дюймовъ; кафиры же племени камовъ достигаютъ нерѣдко 6 футовъ и одного дюйма; но самые выносливые и сильные, лучшіе скороходы по горамъ и борцы—это люди средняго роста.

Женщины, за нѣкоторыми исключеніями, малы ростомъ, слабы на видъ, но на самомъ дѣлѣ чрезвычайно выносливы и дѣлаютъ громадные переходы съ большими тяжестями на головѣ и плечахъ. Обыкновенный костюмъ сіа-пошей состоитъ изъ невыдѣланной козлиной кожи, стянутой у пояса ремнемъ, на которомъ держится неизбѣжный кинжалъ. Этотъ костюмъ наиболѣе распространенъ въ странѣ, ибо носится бѣдняками, составляющими большинство населенія; но надо замѣтить, что женщины его не носятъ никогда. Любимый костюмъ достаточнаго кафира изъ восточныхъ долинъ состоитъ изъ рубахи и панталонъ грубой шерсти, коричневаго читралійскаго или чернаго минджанійскаго халата, мягкихъ кожаныхъ черныхъ сапогъ и шерстяныхъ чулокъ (безъ носковъ), но національный костюмъ, носимый всѣми, безъ исключенія, женщинами и почти всѣми мужчинами—это туника, изъ сукна темно-коричневаго цвѣта, падающая до колѣнъ, оставляющая открытою, на спинѣ и груди, часть тѣла въ формѣ клина (какъ обыкновенный халатъ на груди). Туника эта, не имѣющая рукавовъ, стягивается женщинами у пояса широкимъ, краснаго цвѣта, шарфомъ съ кистями на концахъ; красными же шнурами отдѣланы борты туники. Мужчины носятъ тунику эту въ накидку, какъ и презуны свои сѣрыя обширныя покрывала, замѣняющія имъ туники. Яркіе цвѣта въ большой чести только у веевъ.

Женщины сіа-пошей, замужнія, носятъ на затылкахъ родъ четыреугольныхъ беретовъ; дѣвушки же двойнымъ кольцомъ стягиваютъ волосы вокругъ головы, ничѣмъ не покрытой. Въ торжественныхъ случаяхъ женщины надѣваютъ высокій, рогатый, головной уборъ, среди украшеній котораго главную роль играютъ металлическіе наперстки; на одной изъ этихъ драгоцѣнностей д-ръ Робертсонъ прочелъ выбитыми слова: „for a good girl", единственные слѣды печатнаго искусства, видѣнные путешественникомъ въ Кафиристанѣ. Впрочемъ, красныя и бѣлыя бусы у женщинъ Кафиристана, какъ украшенія, въ большомъ ходу.

Дѣти въ Кафиристанѣ не появляются на Божій свѣтъ подъ кровлей родительскаго дома; для этого за оградой каждаго селенія имѣется спеціальный домъ, куда и отправляются заблаговременно роженицы. Оригиналенъ выборъ имени для новорожденнаго: какъ только ребенокъ появляется на свѣтъ, спеціально выбранная для этой церемоніи старуха древняя скороговоркой начинаетъ перечислять имена всѣхъ предковъ новорожденнаго, и чтеніе синодика этого продолжается до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не потянется къ груди матери: имя, произнесенное старухой въ тотъ моментъ, когда ребенокъ возьметъ грудь, дается ему; благодаря такой случайности, въ одной семьѣ нерѣдки дѣти, носящія одно и то же имя и отличающіяся прилагательнымъ: старшій, второй, младшій.

Кафиры, мужчины и женщины, носятъ кромѣ именъ—и отчество; такъ напримѣръ, Чанглу-Астанъ—значитъ Астанъ, сынъ Чанглу; если же и имя, и отчество, слишкомъ популярны, то для отличія прибавляется и имя дѣда: напримѣръ, Лѣткамъ-Чанглу-Мерикъ, значитъ—Мерикъ, сынъ Чанглу, внукъ Лѣткама. Иногда къ имени отца прибавляется и имя матери: такъ, напримѣръ, Башикъ-Сумри-Шіакъ, значитъ—Шіакъ, сынъ Башика и Сумри. Вообще на востокѣ сыновья никогда не носятъ именъ отцовъ своихъ, но въ Кафиристанѣ очень часто встрѣчается: Мерикъ-Мерика, Чанглу-Чанглу и т. д.

„Характернѣйшія черты кафировъ—это ихъ алчность, чрезвычайная другъ къ другу зависть и постоянство ненависти одного племени къ другому",—говоритъ докторъ Робертсонъ, выводя заключеніе объ алчности и зависти изъ ссоръ кафировъ по поводу его подарковъ, но не объясняя, какая цѣль была и какую цѣль видѣли въ этихъ дарахъ кафиры, у которыхъ, по выраженію Робертсона, „исключительныя понятія о независимости" (равенствѣ?) таковы, что дары должны дѣлиться поровну между всѣми, что уже если не исключаетъ, то ослабляетъ понятіе объ алчно-

сти и зависти. „Ненависть племенная у кафировъ такова,—продолжаетъ Робертсонъ, — что одно изъ враждующихъ племенъ всегда готово призвать на свою территорію сосѣдей мусульманъ, дабы уничтожить другое ненавистное“, но... фактовъ, подтверждающихъ это положеніе, британскій агентъ не приводитъ, и рѣшивъ, что „кафиры вообще страдаютъ излишней вѣротерпимостью“, далѣе говоритъ, что „вся исторія кафировъ состоитъ изъ борьбы съ исламомъ“; что „между племенами кафировъ не существуетъ той смертельной вражды, которая наблюдается у сосѣдей ихъ афганцевъ“. Наказаніе за убійство соотечественника у кафировъ чрезвычайно строго. Вслѣдствіе живого темперамента, кафиры очень часто ссорятся, причемъ жены ихъ и дѣти всегда готовы броситься разнимать дерущихся, считая такое вмѣшательство добродѣтелью. Чаще всего удары кинжаловъ и достаются не противникамъ, а желающимъ водворить миръ женамъ и дочерямъ.

Кафиръ-убійца изгоняется изъ родного селенія на всю жизнь, домъ его сжигается кланомъ или семьей убитаго, а имущество его конфискуется мстителями, передъ которыми убійца никогда не смѣетъ показаться. Изъ такихъ убійцъ-изгнанниковъ составляются цѣлыя селенія въ Кафиристанѣ, но кафиръ можетъ, однако, избѣжать изгнанія, заплативъ роднымъ убитаго вознагражденіе; послѣднее бываетъ обыкновенно такъ велико, что такіе случаи весьма рѣдки.

Убійство, совершенное при самооборонѣ, кафирами не оправдывается: „человѣкъ долженъ защищать свою жизнь, не убивая другого“, говорятъ кафиры.

Вступая въ страну кафировъ, д-ръ Робертсонъ думалъ, что будетъ имѣть дѣло съ „дьяволами“, но затѣмъ убѣдился, что „если чистосердечіе и откровенность не составляютъ характерныхъ чертъ кафировъ, то во всякомъ случаѣ они много справедливѣе и честнѣе, чѣмъ ихъ ненавистные сосѣди афганцы (упомянуто это д-ромъ Робертсономъ, конечно, не въ оффиціальномъ рапортѣ). Привязанность къ семьѣ у кафировъ очень развита, какъ развиты воинская доблесть и самопожертвованіе; высокіе акты преданности родинѣ, патріотизма, не удивляютъ кафировъ.

Д-ръ Робертсонъ утверждаетъ, однако, что всѣ кафиры—жестокіе хвастуны и любятъ пустить пыль въ глаза иностранцу, но всѣ эти недостатки блѣднѣютъ передъ ихъ достоинствами, передъ храбростью, любовью къ семьѣ и независимости, передъ доблестями великолѣпныхъ воиновъ, девизъ которыхъ — „лучше смерть, чѣмъ вражеское иго“.

Все это не мѣшаетъ кафирамъ, по словамъ д-ра Робертсона, быть „интриганами и заговорщиками замѣчательно тонкими и хитрыми“. Въ доказательство этого, авторъ приводитъ пространную исторію, изъ которой видна лишь смертельная вражда кафировъ къ магометанамъ. Хорошо еще, что докторъ-дипломатъ не отрицаетъ смышлености у кафировъ, весьма недюжинной, но о примѣрѣ, имъ приводимомъ, онъ могъ бы и умолчать.

Разсчитывая слугу своего, кафира, „особенной смышленостью не выдававшагося“, д-ръ Робертсонъ уплатилъ ему по курсу индійскими рупіями, вмѣсто рупій кабульскихъ (болѣе высокихъ). Произошелъ споръ,—Робертсонъ доказывалъ вѣрность своего разсчета вычисленіемъ на бумагѣ, „кафиръ считалъ по пальцамъ и рукъ и ногъ“, и доказалъ, что британскій дипломатъ ошибся. Другой примѣръ лучше,—дипломатъ „долго практиковался“ надъ производствомъ какого-то фокуса, которымъ хотѣлъ подѣйствовать на воображеніе полудикихъ кафировъ, и когда, набивъ руку, фокусъ свой показалъ, немедленно одинъ изъ присутствующихъ жрецовъ, съ „обычными имъ пріемами мистификаціи“, сдѣлалъ то же самое...

„Кафиры—идолопоклонники,—коротко рѣшаетъ д-ръ Робертсонъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ они и предковъ боготворятъ“. Главный богъ, создатель міра — Имра; за нимъ идутъ до двадцати боговъ второстепенныхъ, мужского и женскаго пола, изъ которыхъ Мони—самый древній, а Гишъ, богъ войны—самый популярный. Мелкіе боги покровительствуютъ женщинамъ и дѣтямъ. Извѣстнымъ богамъ приносятся въ жертву и животныя извѣстныя: такъ, для Имры закалываютъ коровъ, для Гиша — козловъ, для богини Дизани—овецъ.

Гиша, бога войны, Имра создалъ чудеснымъ образомъ. Гишъ былъ великій воинъ и убилъ много людей, онъ убилъ и Гуссейна и, отрѣзавъ ему голову, игралъ ею въ полѣ... Когда онъ умеръ или, точнѣе, оставилъ этотъ міръ, послѣдователи его раздѣлились на двѣ части, и если вы англичанинъ, напримѣръ, то кафиръ вамъ скажетъ, что лучшая часть послѣдователей Гиша ушла въ Англію, а худшая осталась въ Кафиристанѣ.

Въ каждомъ селеніи обязательно имѣется маленькій храмъ (скорѣе—мавзолей) въ честь Гиша, и по угламъ храма этого всегда размѣщены военные трофеи. Идоломъ Гиша является или простой, безформенный камень, или условной формы фигура съ головой, на которую жрецъ, во время жертвоприношенія, сыплетъ муку и проливаетъ жертвенную кровь.

Гишъ—популярнѣйшій богъ кафировъ, потому что война состав-

ляетъ жизнь ихъ. Одинъ изъ характернѣйшихъ обычаевъ войны у кафировъ состоитъ въ томъ, что они посылаютъ на непріятельскую территорію предварительно нѣсколько паръ молодыхъ воиновъ, съ цѣлью тайнаго убійства и грабежа. Эти пары ночью, ползкомъ, пробираются въ ближайшее селеніе враговъ, убиваютъ сонныхъ и спасаются бѣгствомъ, часто преслѣдуемыя по пятамъ.

О возвращеніи съ такой удачной экспедиціи своихъ молодыхъ воиновъ кафиры узнаютъ по гимну богу Гишу, который они начинаютъ громко пѣть, приближаясь къ своему селенію. Если герои эти возвратились вечеромъ, то не входятъ въ селеніе, а остаются на всю ночь лагеремъ при входѣ въ него, гдѣ всю ночь поютъ гимны и принимаютъ поздравленія односельчанъ; если же тріумфаторы прибыли утромъ, то направляются къ мѣсту общественныхъ танцевъ, гдѣ они и начинаются. Тѣ, кому удалось убитыхъ ими и ограбить, складываютъ передъ идолами бога войны одежды убитыхъ, а женщины, съ которыми герои танцуютъ, осыпаютъ ихъ зерномъ. Танцы въ этомъ случаѣ производятся только подъ музыку барабановъ, — флейты въ честь Гиша не играютъ.

Если экскурсія была результатомъ междуусобицы, или если кто-либо изъ участниковъ похода убитъ,—празднествъ въ честь бога войны не совершается.

Высшую любезность, которую можно оказать кафиру, это сказать, что „онъ на Гиша похожъ“, а женщинамъ—„Гишпетри“, т.-е. что она—„жена Гиша“.

Кромѣ боговъ, кафиры вѣруютъ въ многочисленныхъ добрыхъ и злыхъ духовъ, фей, геніевъ и чертей, которыхъ нужно умилостивлять, дабы не была уничтожена жатва. О злыхъ духахъ и объ Юшѣ, главномъ изъ нихъ, кафиры не любятъ говорить. Д-ру Робертсону очень хотѣлось добиться свѣдѣній о внѣшности этихъ злыхъ духовъ, но старанія его были безуспѣшны до тѣхъ поръ, пока онъ не спросилъ: „что же, внѣшностью этотъ чортъ на меня похожъ“?

— „О, нѣтъ!—отвѣчали ему:—онъ похожъ только на простого англо-индійскаго солдата“! Такимъ только образомъ Робертсонъ узналъ, что черти кафировъ краснаго цвѣта.

Въ миѳологіи кафировъ много мѣста отводится раю, для праведниковъ, и аду, гдѣ горятъ и мучаются грѣшники. Адъ этотъ помѣщается въ нѣдрахъ земли, и при входѣ въ него стоитъ сторожъ Арамаликъ.

Религіозныя исторіи, слышанныя Робертсономъ, напоминаютъ дѣтскія сказки, но нѣкоторыя изъ нихъ очень любопытны. Каш-

миръ для кафировъ представляется священнѣйшимъ мѣстомъ міра, ибо съ Кашмира началось мірозданіе. Первый человѣкъ Кашмира, Адамъ, имѣлъ съ женою своею много сыновей и дочерей, и обширная семья жила вмѣстѣ. Въ одну ночь въ семьѣ этой произошло смѣшеніе языковъ, но такъ, что каждый мужчина, не понимавшій другихъ, понималъ одну изъ женщинъ, которыя въ свою очередь другъ друга не понимали. Это заставило дѣтей Адама оставить Кашмиръ и попарно разойтись во всѣ четыре стороны населять землю.

Кафиры утверждаютъ, что они не боготворятъ предковъ своихъ, но д-ръ Робертсонъ увѣряетъ, что видѣлъ, какъ кафиры кропятъ жертвенной кровью памятники (деревянные рѣзные столбы, или монолиты) и ставятъ вокругъ дома различные припасы для тѣней своихъ отцовъ и дѣдовъ. Человѣческихъ жертвъ въ Кафиристанѣ никогда не приносятъ, но для успокоенія духа умершаго воина передъ гробомъ его убиваютъ иногда военнаго плѣнника.

Меланхоликовъ среди кафировъ д-ръ Робертсонъ не встрѣчалъ и утверждаетъ, что имъ совершенно неизвѣстно самоубійство.

Кафиры не молятся богамъ, — молитвы замѣняются священными танцами, пѣніемъ гимновъ и жертвоприношеніями, совершаемыми ютами — жрецами. Помощниками послѣднихъ при совершеніи церемоній являются делибалала, пѣвцы хвалебныхъ гимновъ, и пшуры—вдохновенные, впадающіе въ трансъ.

Животныя, для употребленія въ пищу, могутъ быть убиваемы каждымъ кафиромъ, но при соблюденіи строго установленныхъ священныхъ обрядовъ.

Седьмой (и далѣе) жрецъ по прямой линіи въ родѣ своемъ представляется лицомъ весьма значительнымъ у кафировъ. Устраиваетъ ли онъ, или нѣтъ, народу тѣ пиры и банкеты, о которыхъ шла рѣчь,—онъ все-таки пользуется громаднымъ вліяніемъ, почетомъ и привилегіями мировъ, т.-е. правомъ сидѣть внѣ дома на четыреногихъ табуретахъ...

Такой жрецъ является обыкновенно предводителемъ клана, человѣкомъ съ большимъ, для кафировъ, состояніемъ и большими доходами... Делибалала, также какъ и жрецы, хотя и въ меньшей степени, пользуются почетомъ, и потому они не должны осквернять себя прохожденіемъ по дорогамъ нечистымъ (около кладбищъ, вблизи домовъ, гдѣ есть мертвецъ; вообще жрецъ не смѣетъ приближаться къ покойникамъ).

Этого нельзя сказать о пшурахъ, экстазъ которыхъ во время

церемоній становится иногда такимъ неудобнымъ, что жрецы и старшины должны взывать къ Имрѣ объ укрощеніи вдохновеннаго; кафиры къ нимъ чувствуютъ нескрываемое презрѣніе и хотя вѣрятъ ихъ вдохновенію, тѣмъ не менѣе и лгунами ихъ называютъ.

Кафиры не жгутъ своихъ покойниковъ и не хоронятъ ихъ въ землѣ, а помѣщаютъ въ большихъ деревянныхъ ящикахъ, въ горахъ, за селеніемъ, причемъ иногда настолько близко отъ послѣдняго, что въ дни, когда вѣтеръ дуетъ съ кладбища, оттуда несется нестерпимый запахъ.. Ящики эти очень большіе и складывается туда столько труповъ, сколько ящикъ выдержитъ; впрочемъ, людей, при жизни пользовавшихся почетомъ, помѣщаютъ въ отдѣльныхъ ящикахъ. Украшенія надъ этими могилами, въ видѣ кусковъ яркихъ матерій, очень рѣдки; крышки же ящиковъ обыкновенно завалены простыми каменьями, ради тяжести.

Съ покойниками помѣщаются въ ящикахъ ихъ костюмы (только яркихъ цвѣтовъ), украшенія (серьги, кольца и т. д.) и деревянныя миски съ топленымъ масломъ и хлѣбомъ. Если ящикъ отъ времени развалится и кости покойниковъ окажутся на виду,—на это никто не обратитъ вниманія, но зато похоронныя церемоніи, по степени почета, которымъ пользовался покойникъ при жизни, соблюдаются тщательно и совершаются болѣе или менѣе торжественно, причемъ вереницы плакальщицъ, музыка, религіозные танцы и хвалебныя рѣчи умершему лучшихъ ораторовъ—неизбѣжны.

Похороны одновременно бываютъ и пиромъ,—продолжающимся цѣлый день, или даже дни,—на которомъ вино льется обильно. Особенно торжественны церемоніи при похоронахъ убитыхъ на войнѣ съ афганцами... При извѣстіи о смерти сына, отецъ его наноситъ себѣ раны, нерѣдко очень опасныя. Друзья, на мѣстѣ сраженія, отрѣзываютъ убитымъ головы и отправляютъ ихъ въ родное селеніе, гдѣ къ головамъ этимъ прикрѣпляются соломенныя чучела, одѣтыя въ лучшіе костюмы.

Фигуры эти располагаются въ тѣхъ помѣщеніяхъ, а лѣтомъ на площадкахъ, гдѣ происходятъ общественные танцы и гдѣ пиръ продолжается 2—3 дня, послѣ чего головы убитыхъ относятся, съ обычными ритуалами, въ кладбищенскіе ящики, а вокругъ чучелъ еще 2—3 дня продолжаются пиръ и церемоніи.

Пѣніе вопленницъ и рѣчи ораторовъ очень драматичны; послѣдніе, подойдя къ тѣлу и внимательно всмотрѣвшись въ лицо убитаго, закрываются плащомъ, горько рыдаютъ и сквозь слезы начинаютъ патетическую рѣчь, въ которой славятъ покойнаго, предковъ и семью его...

Описывая похоронные обряды, д-ръ Робертсонъ не мало говоритъ о непрерывной, при похоронахъ производящейся, стрѣльбѣ изъ многочисленныхъ ружей, что̀ не мѣшаетъ ему въ другомъ мѣстѣ сказать, что „кафиры питаютъ страхъ и отвращеніе къ огнестрѣльному оружію“ и „однажды разбѣжались въ паническомъ ужасѣ, когда я имъ вздумалъ показывать ружье. Какъ же рѣшались эти трусы „не разъ“ конфисковать оружіе“ у д-ра Робертсона? Всѣ эти противорѣчія почтеннаго автора не заключаются, впрочемъ, въ одномъ и томъ же документѣ, а замѣчаются изъ сопоставленія сообщенія, сдѣланнаго имъ „Королевскому географическому обществу“, въ іюнѣ 1894 года, и оффиціальнаго Report'a, предназначеннаго въ назиданіе правительству, но прессою широко цитируемаго и напечатаннаго въ декабрѣ 1895 года, когда политическія соображенія заставили автора въ возможно несимпатичномъ свѣтѣ представить кафировъ, какъ недостойныхъ британскаго вниманія. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что д-ръ Робертсонъ—единственный европеецъ, основательно ознакомившійся съ этимъ дѣйствительно интереснымъ народомъ,—а это даетъ право ожидать отъ Робертсона правды и только правды. Впрочемъ, намъ кажется, что благодаря этимъ противорѣчіямъ, въ которыхъ такъ прозрачна тенденція—правда выступаетъ еще ярче.

Но закончимъ рѣчь о Кафиристанѣ.

Постановка памятника покойному кафиру весьма недешево обходится роднымъ умершаго; они должны сдѣлать пиръ всему селенію, и тѣмъ болѣе продолжительный и богатый, чѣмъ величественнѣе ставится памятникъ. Принципы здѣсь опять тѣ же: „ты хочешь возвысить покойнаго надъ общимъ уровнемъ,—возвышай, чествуй его, но — плати за это тѣмъ, надъ кѣмъ ты его возвышаешь“! говоритъ народъ.

Съ пиромъ этимъ неразлучны и танцы; конечно, въ нихъ принимаетъ участіе и памятникъ покойному, привязанный къ спинѣ невольника (если только памятникъ деревянный, а не монолитъ), вокругъ котораго и происходятъ танцы...

Д-ръ Робертсонъ особенно оригинальнымъ при всѣхъ этихъ церемоніяхъ находитъ то, что рыдающіе, обливающіеся слезами родные въ то же время танцуютъ энергичнѣйшимъ образомъ.

Если смерть даетъ поводъ въ Кафиристанѣ многочисленнымъ церемоніямъ, то браки почти совсѣмъ обходятся безъ нихъ. Влюбленный, или просто желающій жениться, кафиръ отправляетъ друга своего къ отцу невѣсты съ предложеніемъ и вопросомъ *о цѣнѣ*... Бѣдный кафиръ обыкновенно платитъ за жену 8 коровъ,

побогаче—отъ 10 до 12; очень состоятельному кафиру жена новая обойдется въ 16—20 коровъ. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта отца и если цѣна оказывается для жениха подходящая, онъ немедля является въ домъ невѣсты, гдѣ и приносится въ жертву коза; въ этомъ заключается вся церемонія. На молодыхъ смотрятъ, послѣ этого, какъ на супруговъ законныхъ; но новая жена кафира остается въ домѣ отца и работаетъ только на него, до тѣхъ поръ, пока мужъ не уплатитъ всего, что̀ слѣдуетъ за жену. Мы повторили выраженіе *новая* жена, ибо въ Кафиристанѣ господствуетъ полигамія, и 4—5 женъ у кафира не рѣдкость.

Разводы весьма незатруднительны, и если есть охотники на жену его, кафиръ продаетъ ее, какъ купилъ—безъ всякихъ церемоній. Въ случаѣ смерти мужа, жены его переходятъ по наслѣдству къ братьямъ покойнаго, которые или оставляютъ ихъ въ качествѣ женъ, или продаютъ. Къ этимъ не совсѣмъ лестнымъ для кафировъ свѣдѣніямъ объ ихъ брачной жизни д-ръ Робертсонъ въ „Report'ѣ“ прибавляетъ, что адюльтеръ у кафировъ чрезвычайно развитъ и составляетъ для мужей доходную статью, такъ какъ супругъ согрѣшившей требуетъ и получаетъ матеріальное вознагражденіе со стороны любовника. Этотъ упрекъ въ безнравственности по адресу полудикаго народа, по меньшей мѣрѣ, страненъ въ устахъ представителя англо-саксонцевъ, у которыхъ судебные процессы въ divorce-court'ахъ, гдѣ мужъ ищетъ денежное вознагражденіе *за убытки* (damage) съ любовника и этимъ путемъ возстановляетъ честь свою—явленіе совершенно обычное и никого въ цивилизованной Англіи не поражаетъ.

„Цивилизація, нѣсколько столѣтій тому назадъ заснувшая въ Кафиристанѣ, спитъ и теперь“, — заканчиваетъ свой оффиціальный „Report“ д-ръ Робертсонъ; „воинственная раса могла бы прогрессировать въ искусствахъ и цивилизаціи, но не *изолированная раса* кафировъ, выродившаяся до того, что главныя ея селенія сдѣлались разбойничьими гнѣздами... Независимость свою имъ удалось сохранить лишь благодаря такимъ средствамъ, какъ ложь, обманъ, бѣгство... Въ ихъ способахъ веденія войны нѣтъ ничего рыцарскаго“...

Съ этими рыцарскими способами войны кафировъ вѣроятно ознакомятъ войска эмира Абдурахманъ-хана, снаряженныя и вооруженныя на средства Англіи и обученныя ея инструкторами.

Раса кафировъ перестанетъ быть изолированною и начнетъ должнымъ образомъ прогрессировать подъ эгидой афганской.

Вотъ противъ англійской санкціи этой-то эгиды и направлены протесты „Exeter Hall'а".

Въ первыхъ числахъ января послѣдовало воззваніе о покровительствѣ „арійцамъ Гиндукуша", адресованное различнымъ ученымъ и филантропическимъ обществамъ и подписанное именами, авторитетными въ наукѣ и обществѣ: Saycе'а (профессора въ Оксфордѣ), графа Гобле д'Алвіеля, Л. де-Росни, A. Allen'а, В. Уадерберна и т. д.: на страницахъ „Times'а", „Morning Post" и др. органовъ ежедневно стали появляться письма, протестующія, полныя негодованія, образовывались митинги, подана была новая меморія маркизу Сольсбери и т. д. Правительство долго молчало, и наконецъ, во второй половинѣ января, India Office заявила, что извѣстіе, будто эмиръ афганскій овладѣлъ Кафиристаномъ, лишено вѣроятности, такъ какъ экспедиція должна отправиться лишь весною, а горные проходы завалены теперь снѣгомъ и льдомъ. Съ первой оттепелью походъ станетъ возможнымъ. Этимъ путемъ правительство санкціонировало планы и намѣренія эмира и отвѣчало на полный негодованія вопросъ общественнаго мнѣнія: „неужели Англія допуститъ этотъ постыдный актъ"?

Заявленіе это не было такого характера, чтобы успокоить общество, и протесты съ новой силой возобновились на страницахъ серьезныхъ органовъ англійской печати, даже консервативнаго лагеря.

Типомъ протестовъ этихъ можетъ служить статья сэра Lepel Griffin'а въ „The Saturday Review", отъ 18-го января, гдѣ въ самой рѣзкой формѣ авторъ статьи, когда-то объявившій Абдурахманъ-хана эмиромъ афганскимъ, въ качествѣ представителя Англіи, обвиняетъ ее въ томъ, что она продала кафировъ за свою свободу дѣйствій въ Читралѣ, и оправдываетъ эмира. По договору Дьюранда, эмиръ отказался отъ претензій на Читраль, Диръ и Баджауръ, а Англія уступила (?) ему всю область кафировъ до Читраля. Правда, Англія не имѣла права отдавать эмиру область, которая ей никоимъ образомъ не принадлежала, и надъ которой никогда не имѣлось и тѣни власти или контроля ея, но эмиръ хорошо понялъ изъ этого, что Англія не окажетъ никакого противодѣйствія его вторженію въ Кафиристанъ.

Дѣйствія эмира были одобрены послѣднимъ визитомъ доктора Робертсона (вторичнымъ), котораго въ Кафиристанъ сопровождалъ солидный эскортъ.

Кафиры въ посѣщеніи этомъ увидѣли укрѣпленіе надежды

ихъ на покровительство Британіи, что̀ заставило эмира поторопиться съ военными приготовленіями. „Доктора, какъ бы они храбры и рѣшительны ни были, всегда плохіе дипломаты,—говоритъ серъ Гриффинъ,—будь они въ южной Африкѣ, или Читралѣ, и многіе милліоны фунтовъ стерлинговъ оставались бы въ казнѣ, еслибы доктора эти занимались медициною, вмѣсто впутыванія насъ въ безполезныя распри и осложняющія положенія, контролировать которыя они неспособны... Еще не поздно. Горные перевалы будутъ до мая мѣсяца покрыты снѣгомъ, и переговоры во̀-время могутъ остановить руку эмира... Мы взываемъ къ патріотической партіи, нынѣ у власти находящейся, да спасетъ она древній и рыцарскій народъ, да не допуститъ, чтобы британское оружіе обагрилось кровью невинныхъ“!

Правъ ли сэръ Л. Гриффинъ, говоря, что „еще не поздно“? Телеграммы собственнаго корреспондента „Times“ говорятъ, что *поздно*. Афганцы владѣютъ всей долиной Башголь и другими восточными долинами съ 20—25 января. Но въ чемъ состоятъ тѣ „осложняющія положенія“, создаваемыя докторами-дипломатами, на которыя намекаетъ сэръ Л. Гриффинъ?

На это отвѣчаетъ намъ любопытная статья анонимнаго автора, въ которомъ, однако, нельзя не видѣть глубокаго знатока востока, —въ „Morning Post“, отъ 14-го февраля.

„Походы въ Читраль и Гунза-Нагаръ, увѣнчавшіеся успѣхомъ, не должны насъ, однако, ослѣплять до такой степени, чтобы мы воображали, что Барогильскій и Малаго Памира проходы защищаютъ Индію отъ нашествія русскихъ; упомянутые проходы исполняютъ задачу эту такъ же удачно, какъ защитилъ бы насъ, въ Лондонѣ, отъ высадки французовъ въ Дуврѣ, фортъ, построенный въ Эдинбургѣ, или Инвернесѣ... Если договоръ Дьюранда заслуживаетъ обвиненія, то именно относительно того пути, о которомъ будетъ рѣчь,—относительно пути, по необъяснимымъ причинамъ, скрытаго отъ британскаго общества и лишь насмѣшливо названнаго—mervousness [1]). Тѣмъ не менѣе, именно въ томъ направленіи, которое этимъ названіемъ указывается, должны ожидать мы русскихъ, и черезъ нашу измѣну открытый нынѣ Кафиристанъ совершится нашествіе русскихъ; это было прежде возможностью, теперь мы въ этомъ должны быть увѣрены.

„По договору Гренвиль-Горчаковъ, 1872 года, Россія съ сожалѣніемъ уступила Афганистану Бадахшанъ; теперь она въ

[1]) Nervousness—нервный страхъ; отсюда игра словъ: mervousness—мервный страхъ, боязнь Мерва.

правѣ считать себя свободною, овладѣть вновь Бадахшаномъ, какъ quid pro quo за наше предполагаемое движеніе впередъ и неисполненіе нашего слова, выразившееся въ предоставленіи вассалу нашему, эмиру, независимаго и изолированнаго Кафиристана".

Мы не будемъ приводить in extenso обширной статьи востоковѣда; въ ней онъ, безспорно страдая nervousness'омъ, доказываетъ, какъ дважды-два четыре, что легко теперь русскимъ, чуть ли не на законномъ основаніи, вторгнуться въ Индію, и для большей ясности доводовъ приводитъ детальнѣйшій маршрутъ, которому будутъ слѣдовать русскія войска по Бадахшану, и за который, быть можетъ, автора поблагодаритъ со временемъ русскій генеральный штабъ... Насъ въ данномъ случаѣ это мало интересуетъ, и мы отмѣчаемъ лишь ту окраску, которую придали вопросу защитники кафировъ,—окраску, которая не поможетъ дѣлу и не облегчитъ участи народа, обреченнаго на мусульманское иго, именно вслѣдствіе страха передъ нашествіемъ Россіи,—страха, въ послѣднее десятилѣтіе ничѣмъ не оправдываемаго.

Кафиристанъ является лишь звеномъ въ длинной цѣпи дѣйствій британской политики и въ то же время звеномъ, соединяющимъ ту желѣзную цѣпь, которую протягиваетъ противъ насъ Англія на сѣверо-западной границѣ Индіи...

Тщетны протесты достопочтенныхъ людей науки, друзей мира и гуманности; съ одной стороны, правительство обходитъ молчаніемъ эти протесты, съ другой—русскіе по неволѣ остаются только зрителями разыгрывающейся въ Кафиристанѣ исторіи, составляющей одно изъ наиболѣе темныхъ пятенъ европейскаго владычества въ Азіи. Протестанты обѣщаютъ энергичную аттаку на правительство при предстоящемъ обсужденіи въ парламентѣ вопроса объ уничтоженіи невольничества въ нѣкоторыхъ колоніяхъ и надѣются—если не остановить мусульманскую руку совсѣмъ, то возможно облегчить участь кафировъ. Нельзя не пожелать имъ успѣха!

Л. Б—чъ.

Лондонъ.

„ГЛАСЪ НАРОДА“...

„Vox populi“... – Roman, von Konrad Telmann *). 1897.

I.

Это было у графа Альсфельда, въ одну изъ его знаменитыхъ субботъ, такъ-называемыхъ—*за-просто*.

Общество, которое на нихъ сходилось, было столь же замѣчательно, какъ и отношенія его членовъ между собою. Кто попадалъ сюда впервые, тотъ долго не могъ придти въ себя отъ удивленія при видѣ страннаго способа занимать гостей, который здѣсь практиковался. Попасть къ графу на его „субботы“ было вовсе нетрудно; но затѣмъ уже не полагалось предъявлять никакихъ требованій къ хозяевамъ дома: всякій долженъ былъ развлекаться самъ, какъ ему хотѣлось, или какъ онъ умѣлъ. Добрая половина гостей совсѣмъ не была между собой знакома, и даже не интересовалась другъ другомъ. Всѣ суетились, всѣ шумѣли, и каждый считалъ себя вправѣ здѣсь быть. Скорѣе всего можно было бы подумать, что это вечеръ у какого-нибудь художника или артиста, представителя современной богемы.

*) Скончавшійся мѣсяца три тому назадъ (всего 45-ти лѣтъ отъ роду) извѣстный сѣверо-германскій романистъ Конрадъ Тельманъ родился въ Штеттинѣ и жилъ попеременно то въ Германіи, то во Франціи, — на югѣ, —то въ Италіи, вездѣ являясь наблюдателемъ и истолкователемъ той среды, которая привлекала его вниманіе. Изъ общаго итога его многочисленныхъ романовъ, ограничимся лишь наиболѣе типичными, начиная съ первыхъ очерковъ „In Pommern“, 1874, а затѣмъ изъ наиболѣе крупныхъ: „Götter und Götzen“, 1884 (современ. обществен. бытъ); „Das Spiel ist aus!“ 1884 (нравы Монако); „Von Stamm der Ikariden“, 1891; „Unter den Dolomiten“, 1893 (монашеск. бытъ); „Unter römischen Himmel“, 1896 (бытъ художник.) и послѣдній — „Vox populi“, 1897.

Графъ Альсфельдъ былъ замѣчательный человѣкъ, изъ жизни котораго разсказывали цѣлые романы. Посвященные въ ея тайны утверждали, что онъ поочередно былъ юристомъ, офицеромъ, землевладѣльцемъ и, въ заключеніе, пострадалъ отъ кораблекрушенія. Его артистическія наклонности мѣшали ему предаться какому бы то ни было серьезному дѣлу, а слабость къ театру, и особенно къ его юнымъ представительницамъ, помогла ему растратить какъ свое, такъ и женино состояніе. Онъ былъ женатъ на своей дальней родственницѣ, особѣ незначительной, но богатой, которая, проживъ съ нимъ въ супружествѣ пять лѣтъ, умерла, и оставила сиротой свою единственную дочку. Какъ и на что жилъ потомъ вдовецъ—неизвѣстно; извѣстно только то, что, проскитавшись за границей нѣсколько лѣтъ, графъ Альсфельдъ опять вернулся въ столицу и сталъ вращаться въ высшихъ биржевыхъ сферахъ; даже лица герцогской крови удостоивали его своимъ посѣщеніемъ.

Такъ минуло еще нѣсколько лѣтъ, и Вѣрочкѣ Альсфельдъ уже шелъ тринадцатый годъ, когда прошелъ слухъ, поразившій всѣхъ, какъ громомъ: ея отецъ—человѣкъ еще видный, но уже не слишкомъ молодой—возъимѣлъ намѣреніе вторично сочетаться законнымъ бракомъ. Но что казалось еще болѣе необъяснимымъ, такъ это согласіе невѣсты, — всѣмъ извѣстной и всѣми уважаемой, Анни Леви. Это была женщина безспорно выдающаяся, въ смыслѣ доброй славы и похвальнѣйшихъ стремленій съ пользой употребить свое богатство. Тѣмъ болѣе всѣхъ поразила вѣсть, что она выходитъ за графа, который къ тому времени уже успѣлъ надѣлать порядочно долговъ. Покрыть ихъ было нечѣмъ, кромѣ выгодной женитьбы... Графъ такъ и сдѣлалъ.

Но каково же было всеобщее удивленіе, когда за такимъ неожиданнымъ-негаданнымъ сюрпризомъ послѣдовалъ еще другой, и еще болѣе нежданный! На другой же день послѣ свадьбы, *молодая* уѣхала отъ мужа... навсегда, съ твердымъ намѣреніемъ больше никогда къ нему не возвращаться. Тутъ уже всякія догадки рушились совершенно, какъ ни ломали себѣ голову самые проницательные люди. Кому же могло въ голову придти то, что произошло на дѣлѣ?

На дѣлѣ все было коротко и ясно.

Въ день свадьбы, вечеромъ, графъ обратился къ своей молодой женѣ съ требованіемъ сдать ему на руки всѣ ея деньги, или, по крайней мѣрѣ, дать ему довѣренность распоряжаться ими. И такъ жестоко, такъ грубо были выражены эти требованія, что новобрачная тотчасъ же рѣшила порвать дальнѣйшія сно-

шенія со своимъ супругомъ, оставивъ ему въ утѣшеніе какихъ-нибудь несчастныхъ двѣсти-тысячъ марокъ. Она не гнѣвалась на графа, даже не раздражалась на его дикое обращеніе: самое большое, — она сердилась и досадовала на себя, на свою недальновидность, и на все происшедшее смотрѣла какъ на временную, мимолетную непріятность, обратившуюся ей въ полезный урокъ. Она обдумала все обстоятельно, и получила возможность относиться ко всему совершенно равнодушно.

„Онъ такой же, какъ и всѣ, не лучше и не хуже другихъ“,— думала графиня Альсфельдъ, и дѣйствительно она не питала къ графу ни тѣни озлобленія, тѣмъ болѣе, что и встрѣчаться имъ не приходилось. Кругъ знакомства молодой женщины, которая была весьма разборчива въ отношеніи общества, рѣзко отличался отъ обычныхъ гостей графскаго дома: какъ извѣстно, графъ даже щеголялъ свободой доступа въ его салоны, и непринужденность въ обществѣ ставилъ себѣ и другимъ за правило.

Но безусловно самое интересное, самое замѣчательное въ его субботахъ „за-просто“ было присутствіе его дочери, которая впервые стала принимать у себя съ семнадцати лѣтъ. Пока она росла и подростала, мало кто зналъ о томъ, что она живетъ на свѣтѣ; а между тѣмъ, графиня Вѣра, еще ребенкомъ, уже успѣла побывать съ отцомъ вездѣ, всего понасмотрѣться за границей; успѣла совершить нѣсколько головоломныхъ путешествій. Немудрено, что большинство потому и шло охотно на „субботы“ къ графу, что молодая хозяйка обладала даромъ привлекать къ себѣ всѣхъ: кого своимъ остроуміемъ, умѣньемъ говорить со всѣми и обо всемъ, кого—своей бойкостью и оригинальностью. Никакого опредѣленнаго мнѣнія о ней никто не могъ бы высказать,—до того неожиданны и странны были переходы въ ея рѣчахъ и поступкахъ; но всего страннѣе было, что она высказывала воззрѣнія, которыхъ никакъ нельзя было ожидать отъ нея, судя по ея внѣшности и по ея поступкамъ. Зато она никогда и никому не надоѣдала, всегда казалась новой, интересной, привлекательной.

Ребенкомъ, Вѣра добрую дюжину гувернантокъ обратила въ бѣгство своимъ строптивымъ нравомъ, но это не помѣшало ей научиться мастерски владѣть языками, и въ этомъ отношеніи она была настоящимъ космополитомъ, а свободой обращенія скорѣе всего напоминала американку. Свободный и пестрый образъ жизни отца какъ нельзя болѣе былъ ей по характеру, хотя во всемъ остальномъ она была отъ природы настоящая аристократка, и никому въ голову бы не пришло иначе о ней подумать. Глядя

на ея смуглое лицо и чёрные, какъ смоль, волосы, можно было подумать, что она дочь цыганки или еврейки; а между тѣмъ, мать ея была свѣтлая блондинка, и ея блѣдныя, вялыя черты не перешли къ дочери въ наслѣдство. Личико Вѣры было такое выразительное, подвижное, что никакой фотографъ не могъ вѣрно его передать.

Отецъ ея былъ такого же подвижного нрава, и оба ежедневно спорили и ссорились между собою; но это не мѣшало имъ горячо любить и цѣнить другъ друга; оба гордились другъ другомъ, какъ это свойственно только влюбленнымъ. А главное— имъ было весело и пріятно вмѣстѣ. Графа забавляли продѣлки дочери, и наоборотъ: никого такъ не веселили выходки графа, какъ графиню Вѣру.

Но и она въ долгу никогда не оставалась. Такъ, напримѣръ, она не задумалась самостоятельно разсудить и привести въ исполненіе свое намѣреніе, поселить въ домѣ отца своего такъ-называемую „тетю Сару“, то-есть Сару Штернъ, родную сестру давно уже получившей разводъ графини Альсфельдъ. Впрочемъ тетя Сара пришлась какъ нельзя болѣе ко двору въ графскомъ домѣ, и вскорѣ никому ужъ больше не казалось страннымъ, что въ немъ откуда-то появилось такое некрасивое, маленькое созданіе, какъ этотъ новый членъ семьи, всегда интересовавшійся своей случайной „племянницей“. Вѣра любила частенько бывать у нея, и въ одинъ прекрасный день спросила:

— А почему бы вамъ не переѣхать и совсѣмъ ко мнѣ?

Тетя Сара исполнила ея желаніе, и зная, что многимъ ея присутствіе въ такомъ шумномъ и безпорядочномъ домѣ можетъ показаться смѣшнымъ, сама надъ этимъ шутила. На ея мѣстѣ, дѣйствительно, смѣшна показалась бы строго-сдержанная и серьезная графиня Анни Альсфельдъ; но юркая, оживленная, всегда шутливо-расположенная „тетя“ всюду поспѣвала, всѣхъ умѣла расшевелить, однако не въ ущербъ уваженію, которое обязаны были ей оказывать, какъ старшей, и оказывали на самомъ дѣлѣ не только слуги и домашніе, но даже всѣ гости.

II.

Итакъ, въ эту субботу у графа Альсфельда было особенно шумно.

Графъ былъ въ самомъ радужномъ настроеніи, и смѣялся беззаботнымъ, счастливымъ смѣхомъ, когда оказывалось, что онъ,

хозяинъ дома, не зналъ кого-нибудь изъ своихъ гостей по имени или въ лицо. Это было, по его мнѣнію, наглядным доказательствомъ, что къ нему идутъ охотно всѣ тѣ люди, которые хоть „что-нибудь“ изъ себя представляютъ; идутъ также и такіе, которыхъ всѣ считаютъ долгомъ знать, и которыхъ онъ не звалъ къ себѣ. Но была еще и другая причина для веселаго настроенія графа Альсфельда. Гости, по крайней мѣрѣ, именно этой причинѣ и приписывали его оживленіе: говорили подъ шумокъ, что графъ Эберхардтъ Альсфельдъ выигралъ значительную сумму на неожиданномъ пониженіи акцій, и что акціонеры „Эдемъ“-театра, къ числу которыхъ онъ принадлежалъ, за послѣднее время стали получать втрое больше прежняго, съ тѣхъ поръ какъ въ немъ гастролировала венгерская дива. Ни для кого не было тайной, что графъ Эберхардтъ игралъ на биржѣ; небольшой капиталецъ, который довѣрила ему тетя Сара, былъ ему въ этомъ отношеніи нѣкоторымъ подспорьемъ.

Веселѣе и непринужденнѣе всего чувствовала себя компанія мужчинъ, собравшихся, по обыкновенію, въ „кармашкѣ“. Такъ прозвали въ шутку узкую комнатку безъ оконъ, соединявшую зеленую гостиную съ концертнымъ заломъ. Въ „кармашкѣ“ происходила самая безшабашная болтовня, разсказывались самые пересоленые анекдоты, которые такъ тамъ и оставались, не переступая за порогъ гостиной. На этотъ разъ, однако, тэма для разговора была совсѣмъ иная.

— Смотрите, не зѣвать! — говорилъ юстицъ-совѣтникъ, Штальтингъ, про котораго ходила молва, что у него всѣ невѣсты на примѣтѣ, и что онъ даже иногда не прочь сосватать богатую невѣсту:—графинюшка получитъ ужъ никакъ не меньше полу-милліона; поэтому рекомендую вамъ держать ухо востро! Чортъ побери! То-то начнутъ за нею увиваться!

— Но только—не жениться!—рѣшилъ майоръ фонъ-Рибе, имѣвшій за собою славу вѣчнаго жениха.

Всѣ вокругъ засмѣялись.

— А почему же бы графинюшкѣ не выйти замужъ?—перебилъ ихъ смѣхъ одинъ изъ собесѣдниковъ, дипломатъ фонъ-Данъ. —Это не логично, и требуетъ разъясненія.

— Очень просто! Графинюшка не создана для семейной жизни: это всякій ребенокъ можетъ распознать. Что за воспитаніе! Что за образъ жизни! Ну, кто при такихъ условіяхъ захочетъ взять ее себѣ въ жены? Ухаживать за ней, передъ ней преклоняться — à la bonne heure! Всѣ мы такъ и дѣлаемъ, и она вполнѣ этого достойна. Но графинюшка въ роли супруги,

хозяйки дома, матери семейства!.. Да это, просто-на-просто, смѣху достойно! И, наконецъ, она сама ничуть не думаетъ объ этомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, Вѣра Альсфельдъ ни на минуту не задумывалась о замужествѣ, и когда на вопросъ, много ли разъ дѣлали ей предложенія, она отвѣтила однажды: „Да ни одного!“ — она сказала чистѣйшую правду.

Почему-то никому изъ ея усердныхъ почитателей на умъ не приходило, что за нее можно посвататься. Собственно говоря, во всей толпѣ, собравшейся вокругъ прелестной молодой хозяйки не было никого для нея подходящаго... Вотъ развѣ еще Юргенъ фонъ-Фаленъ!

Свѣтлорусый офицеръ-гигантъ въ уланской формѣ, онъ казался еще болѣе рослымъ и могучимъ рядомъ съ маленькой, хрупкой фигуркой юной графинюшки, въ сравненіи съ которой онъ больше, чѣмъ когда-нибудь, оправдывалъ свое прозвище „гунна“. Онъ весь былъ скроенъ дубовато; его длинныя руки какъ-то несоразмѣрно сильно двигались и сжимались, словно готовились каждый мигъ растерзать непокорныхъ медвѣжатъ. Зато на полковыхъ скачкахъ онъ былъ лихимъ и ловкимъ ѣздокомъ, далеко превосходящимъ своихъ товарищей-офицеровъ. Онъ же былъ устроителемъ праздниковъ въ „Казино“, главнымъ затѣйщикомъ спектаклей и живыхъ картинъ. Но когда дѣло касалось стихотворства, онъ становился рѣшительно неузнаваемъ. Откуда у него бралась такая бездна чувства и тонкости пониманія всего истинно-изящнаго! Ему пророчили въ будущемъ мѣсто директора королевскаго столичнаго театра.

У Альсфельдовъ онъ былъ всегда желанный гость еще съ тѣхъ поръ, какъ его отецъ подружился съ графомъ Эберхардтомъ, и когда у фонъ-Фалена была своя капелла, стоившая ему громадныхъ денегъ.

— Ужъ и вскружили же мнѣ голову эта капелла и мои сыночки! — говорилъ онъ впослѣдствіи, когда средства его поистощились.

Впрочемъ, старшій сынъ его, Ульрихъ, скоро положилъ конецъ безразсуднымъ тратамъ; а Юргенъ, говорятъ, только изрѣдка любилъ поиграть въ карты. Кстати, собесѣдники замѣтили, что онъ замѣтно ухаживаетъ за молодой графинюшкой...

— А, впрочемъ, за кѣмъ не ухаживалъ фонъ-Фаленъ?—возражали они сами себѣ. — Еще недавно онъ не отходилъ отъ Аликсы фонъ-Вельсбергъ. Да впрочемъ, нѣтъ, слишкомъ банально выйти за простого офицера-дворянина! Графинюшка сама такая

демократка, такой соціалистъ и вольнодумецъ, что ей подавай мужа соціаль-демократа, не иначе!

Въ эту минуту черезъ комнату прошелъ какой-то смуглый субъектъ, и ему въ догонку, шутки ради, кто-то послалъ еще замѣчаніе:

— Ну, чѣмъ же этотъ не женихъ?

— И совсѣмъ ей подъ пару,—черный, какъ цыганъ!

— Да кто онъ такой, и откуда?

— Докторъ Вольнеръ, родственникъ Оттерштедта съ материнской стороны.

— Докторъ? Докторъ—чего? Докторомъ можетъ теперь быть всякій, кто только пожелаетъ; скажите яснѣе.

— Ну, когда такъ:—онъ докторъ медицины, врачъ—если это названіе вамъ больше по вкусу. Будьте покойны, еще успѣете все узнать *яснѣе*!

— А, чортъ возьми! Да вываливайте, наконецъ, свои сокровенныя тайны!—воскликнулъ юстицъ-совѣтникъ:—у васъ, Рибе, все какіе-то секреты, какъ у какой-нибудь старухи. Ну, говорите, обокралъ онъ кого, что-ли?

— Или, быть можетъ, что-нибудь еще того хуже,—подсказалъ майоръ.

— Все равно, довольно съ васъ и того, что онъ „сидѣлъ“.

— Какъ будто бы нельзя „сидѣть“ въ заключеніи безвинно?

— Да нѣтъ же, говорятъ вамъ! Вслѣдствіе того скандала, ему пришлось выйти изъ состава профессоровъ университета, гдѣ онъ занималъ каѳедру приватъ-доцента по внутреннимъ болѣзнямъ, и въ полку отъ него отказались, изъявъ его изъ числа поручиковъ резервнаго батальона, къ которому онъ принадлежалъ. Поручикъ Унгернъ, который прекрасно его помнитъ и былъ свидѣтелемъ всего скандала, сейчасъ его узналъ, несмотря на то, что онъ отростилъ себѣ страшную бороду. Нѣтъ, какова дерзость—являться въ общество? Онъ вѣрно думаетъ, что за пять-шесть лѣтъ успѣли позабыть. Да! Нашъ Берлинъ вообще прибѣжище всякихъ темныхъ личностей и шарлатановъ; и чистокровныхъ, коренныхъ берлинцевъ въ немъ немного найдется! Его запрудили, его испортили, искалѣчили пришлые элементы изъ провинціи...

И еще долго ораторствовалъ бы майоръ на эту тэму, еслибы черезъ комнату не прошелъ опять докторъ Вольнеръ все съ тѣмъ же журналистомъ фонъ-Брегеномъ, непремѣннымъ членомъ всякой вечеринки, всякаго сборища, которое искало гласности.

— Не стоитъ вниманія! — послышалась, мимоходомъ, любимая фраза публициста.

Лео Вольнеръ ничего на нее не отвѣтилъ, но въ сторону умолкшихъ собесѣдниковъ „кармашка“ кинулъ такой холодный и высокомѣрный взглядъ, который долженъ былъ явно означать:

— „Ручаюсь, что у васъ рѣчь идетъ обо мнѣ и не въ похвальномъ смыслѣ. Но я къ этому совершенно равнодушенъ“.

— Какова смѣлость!—послышалось въ свою очередь у стола, въ „кармашкѣ“, а юстицъ-совѣтникъ прибавилъ:

— Что у него за лобъ! Замѣтили вы, какой лобъ? A la Bismarck. Хотите пари, что этотъ человѣкъ пробьетъ себѣ дорогу.

III.

Альфредъ Брегенъ и Лео Вольнеръ остановились у дверей въ концертную залу. Журналисту приходилось поминутно кланяться и улыбаться на всѣ стороны; всѣ его знали, всѣ издали ему кивали; между тѣмъ, Вольнеръ только на нѣкоторыхъ обращалъ особое вниманіе и тогда долго и упорно останавливался на нихъ его холодный, твердый взглядъ. Ни разу не раздвинулись улыбкой его губы; когда же между ними изрѣдка мелькали его крупные бѣлые зубы, никому и въ голову не приходило, чтобы это могло означать улыбку, а не кислую гримасу.

Брегенъ, однако, не переставалъ сообщать ему кой-какія свѣдѣнія о присутствующихъ, особенно офицерахъ.

— Вотъ тотъ, бѣлокурый, съ печальнымъ лицомъ—это Ниссенъ (въ сущности, у него фамилія совсѣмъ другая... только никто не знаетъ—какая). Главная примѣта: онъ — законный супругъ Лоны Ниссенъ, знаменитой оперной пѣвицы. Рядомъ съ нимъ, — толстякъ, драматическій актеръ Лаппе. А маленькій, такой плюгавенькій на взглядъ, что такъ и хочется протянуть ему мелкую монетку, — это нашъ извѣстный натуралистъ, знатокъ всей древней литературы естественныхъ наукъ... Ну, этого вы знаете, конечно? Безъ него не обходится ни одна драма или трагедія въ римскомъ вкусѣ; онъ—спеціалистъ по древнеримскимъ рѣчамъ. Ужъ этого-то „magnum os sonans“ я долженъ тотчасъ же съ вами познакомить. Берегитесь только, чтобъ не лопнуть отъ смѣха, какъ польется потокъ его рѣчи!..

— Нѣтъ, на сегодня я просилъ бы меня извинить,—сухимъ и рѣзкимъ тономъ перебилъ его Вольнеръ.—Благодарю васъ за

вниманіе; только ужъ лучше я воспользуюсь имъ въ другой разъ; сегодня предпочитаю только посмотрѣть; а пока позвольте мнѣ побродить немножко одному!—и докторъ разстался со своимъ собесѣдникомъ, которому ничего больше не оставалось, какъ небрежно протянуть ему два пальца правой руки на прощанье.

Не успѣлъ Лео сдѣлать двухъ шаговъ, какъ его кто-то окликнулъ:

— Лео!.. Лео Вольнеръ!

Онъ оглянулся и увидѣлъ молодого человѣка съ жиденькой, черной бородкой, обрамлявшей его блѣдныя, изящныя черты. На носу очки въ золотой оправѣ; одно плечо ниже другого,—что̀ еще болѣе усугубляло впечатлѣніе болѣзненности, которое производила вся его слабенькая фигурка.

— А, Зигмаръ! Вотъ ты гдѣ? Я слышалъ, что могу встрѣтиться съ тобой, какъ это ни странно слышать; но сюда, кажется, всѣ собрались со всѣхъ концовъ свѣта. Что жъ, tant mieux! Ты, кажется, поглядываешь на меня какъ на привидѣніе или на выходца съ того свѣта? Во-первыхъ, братецъ, здравствуй!

Проговоривъ это какъ-то небрежно, Лео протянулъ руку товарищу, но безъ особой горячности, безъ особаго привѣта, однако такъ, что Зигмару больше ничего не оставалось, какъ отвѣтить ему тѣмъ же. Рука его дрожала; на щекахъ показались красныя пятна.

— Ты здѣсь, въ Берлинѣ? И надолго? По какому случаю?

— Нѣсколько дней,—спокойно отвѣчалъ Лео:—но вѣроятно навсегда.

— То-есть, какъ? Совсѣмъ? Жить?

— Что жъ это тебя удивляетъ? Кому не хочется въ Берлинъ? Или, быть можетъ, это тебѣ непріятно?

— Мнѣ-то? О!.. — и Зигмаръ поблѣднѣлъ еще больше. — Мнѣ просто думалось, что тебѣ нравится Парижъ, и что ты тамъ, наконецъ, чувствуешь себя вполнѣ осѣдло. Такъ ты здѣсь будешь...

— Практическимъ врачомъ; нанялъ себѣ квартирку,—вотъ увидишь, мило и уютно! Я думаю, мнѣ лучше всего выбрать своей спеціальностью болѣзни печени. Люди теперь такъ нервны, такъ часто раздражаются, что поле дѣятельности для врача открыто широкое.

Докторъ принялъ равнодушный тонъ простой бесѣды, а самъ въ то же время вспоминалъ, что многимъ обязанъ въ своемъ

прошломъ Оттерштедту, и что лучше всего игнорировать это въ настоящую минуту.

Зигмаръ же, въ свою очередь, думалъ про себя въ успокоительномъ тонѣ:

— „Онъ хочетъ вести новый образъ жизни,—въ добрый часъ! Только зачѣмъ же непремѣнно въ Берлинѣ“?

Между тѣмъ, Лео продолжалъ болтать.

— У меня много дѣлъ, много знакомствъ въ Берлинѣ, — вотъ почему я до сихъ поръ не могъ собраться къ тебѣ. А pro-pos, что̀ Эсфирь?

— Да все то же,— нехотя отвѣчалъ Оттерштедтъ. Все по старому.

— Ну, а ты самъ? Что̀ дѣлаешь теперь, куда стремишься въ будущемъ? Я слышалъ, ты еще только ассессоръ, но мѣтишь, конечно, въ совѣтники?

— Нѣтъ, я не загадываю такъ далеко. И, вдобавокъ, конкурренція теперь большая; а какъ тебѣ извѣстно, мои интересы влекутъ меня, въ сущности, совсѣмъ въ другую сторону...

— Да, знаю... знаю! — разсѣянно подтвердилъ Лео. —Твои фантазіи и мечты о благѣ народа, твое стремленіе пересоздать весь міръ!.. Вѣдь такова, кажется, твоя настоящая профессія? Только о себѣ самомъ ты совсѣмъ не думаешь. Вотъ и здоровье у тебя, видно, не очень хорошо. Надо бы мнѣ приняться тебя полечить

Зигмаръ вспыхнулъ, словно застыдившись, но довольно спокойно возразилъ:

— Я не изъ коренастыхъ, широкоплечихъ людей, которымъ все нипочемъ. Я легко поддаюсь увлеченію и, вдобавокъ, легко волнуюсь. Теперь ты и представить себѣ не можешь, какъ парализуетъ всякую охоту трудиться это антисемитское движеніе...

Лео коротко засмѣялся.

— Да тебѣ что̀ за дѣло?

— Я вѣдь еврей по матери и не скрываю своего происхожденія, но при нынѣшнемъ направленіи невольно спрашиваешь себя иной разъ: не будетъ ли такой или другой поступокъ приписанъ именно моему еврейству? Просто теряешься и перестаешь ясно сознавать, гдѣ собственно настоящій путь, къ которому слѣдуетъ стремиться?..

— Вотъ вздоръ! Всему виною твоя чрезмѣрная чуткость и впечатлительность. Будь ты еврей или христіанинъ, людямъ это одинаково безразлично: сдѣлайся только для нихъ нетершимъ, коли имъ глаза своимъ успѣхомъ, будь имъ необходимъ—и они

тебя возненавидятъ, кто бы ты ни былъ, на это не посмотрятъ! Но этого добиться—вотъ въ чемъ сила, а тамъ ужъ тебѣ будетъ все равно, любятъ тебя или ненавидятъ... А скажи-ка, пожалуйста, кто эта живая, миніатюрная брюнетка, за которой такъ увивается ея кавалеръ... фонъ-Гольстъ, изъ русскаго посольства?

— Эта барышня дочь хозяина дома, Вѣра Альсфельдтъ.

— Вотъ какъ!—удивился Вольнеръ:—я еще не былъ ей представленъ. Впрочемъ, я вообще предпочитаю не имѣть никакого дѣла съ женщинами. Если онѣ не могутъ быть для насъ полезны, то лучше вовсе съ ними не знаться. Она мнѣ нравится: видно сейчасъ, что благороднаго происхожденія; сложенія, кажется, безупречнаго, а ручки... Если кого онѣ захватятъ, то ужъ не скоро выпустятъ изъ своихъ объятій...

Зигмаръ невольно сдѣлалъ движеніе, какъ бы отталкивая отъ себя нѣчто непріятное: его оскорбляли взгляды, которыми Лео производилъ оцѣнку наружности графини.

Насмѣшливая улыбка появилась у доктора на губахъ.

— Ты съ нею близокъ?—спросилъ онъ.

— Я чувствую къ ней большую симпатію, и мнѣ жаль ее.

— Вотъ еще!.. Чего ради? Кажется, нѣтъ причины...

— Все, что̀ въ ней есть хорошаго, глохнетъ въ этой атмосферѣ пустого водоворота свѣтской суеты, а между тѣмъ у нея есть задатки быть чѣмъ-нибудь и кѣмъ-нибудь болѣе значительнымъ, нежели она есть теперь.

Но Вольнеръ ужъ его не слушалъ; онъ слѣдилъ глазами за какой-то новой личностью.

— A propos: есть у тебя связи съ министрами или съ тому подобными особами?—вдругъ спросилъ онъ.

— У меня? Нѣтъ. А что?

— Я только такъ спросилъ. Это было бы даже непохоже на тебя... хоть вы и вмѣстѣ служите съ племянникомъ министра.

— Какимъ племянникомъ?

— Бомсдорфомъ. Онъ вѣдь племянникъ вашему министру.

— Къ сожалѣнію, у насъ съ нимъ только дальнее знакомство: мы кланяемся, мы знакомы, но не близки,—холодно замѣтилъ Зигмаръ.

— Ничего другого я и не долженъ бы, собственно, предполагать, а пока до свиданія! Кланяйся сестрѣ. На дняхъ увидимся!

Онъ привѣтливо махнулъ рукой и удалился.

Зигмаръ долго задумчиво смотрѣлъ ему въ слѣдъ. Ему казалось, что съ появленіемъ Вольнера въ Берлинѣ надъ его собственной жизнью какъ бы нависло что-то мрачное, непріязненное.

IV.

— А, герръ Зигмаръ! Наконецъ-то!

Фонъ-Гольстъ остался стоять, а графиня Вѣра сама пошла на встрѣчу гостю. „Русскій“, хоть не былъ особенно привлекательной наружности, но считалъ себя дамскимъ угодникомъ и сердцеѣдомъ—тѣмъ непріятнѣе была для него любезность „графинюшки“ къ другому.

— А я ужъ думала, что вы и сегодня хотите нами пренебречь,—продолжала она.

— Вы знаете, я вѣдь всегда охотно къ вамъ иду, но я столько работаю... долженъ работать!

— Какъ это глупо! А я-то, я чѣмъ занималась? Не мѣшала ухаживать за собою и сама, отъ скуки, забавлялась флиртомъ... Не очень-то почтенную роль приходится мнѣ играть, не правда ли? Я вѣдь служу людямъ не болѣе, какъ пріятнымъ „passetemps“. Но крохи юности скоро пройдутъ, и что тогда?

— Графиня, вы сегодня настроены меланхолично...

— И это мнѣ не пристало, да? Ну, чего только не вздумаютъ требовать отъ меня! Другимъ можетъ быть грустно, мнѣ же не полагается. Я должна быть иначе, чѣмъ другія, я должна сыграть свою роль и баста! Позвольте, для примѣра, ну хоть васъ спросить: женились бы вы на мнѣ?

— Графиня!..

— Ну, то-то же: „Графиня“! Понятно, это все не то; на это никто не пойдетъ. Да меня замужество и не привлекаетъ: это всему міру извѣстно. И съ моей стороны весьма неженственно поднимать подобный вопросъ, я это вполнѣ понимаю, но къ этому ужъ всѣ давно привыкли, и съ моей стороны никакая выходка никого не удивитъ... Не отвѣчайте мнѣ, не отвѣчайте! Я могу васъ избавить отъ этой необходимости. Знаю, что вы горячо любите Аликсу Вельсбергъ... А, что, покраснѣли? Ну, она по всему вамъ пара: такая кроткая, богобоязненная и серьезная! Хотя вамъ въ сущности надо бы жену совсѣмъ другую: чтобъ она васъ встряхнула, не дала бы вамъ даромъ тратить время, заставила бы васъ выдѣлиться изъ ряда посредственностей, которыя такъ подавляюще дѣйствуютъ на толпу и потому повсюду выходятъ побѣдителями... Ну, чего вы такъ смотрите на меня?

— Не могу понять хорошенько, къ чему вы мнѣ все это говорите?

— Вамъ страшно, какъ бы я не начала признаваться вамъ въ любви?—засмѣялась Вѣра, но невесело звучалъ ея смѣхъ.— Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь! Кого бы мнѣ ни случилось полюбить, за того именно я ни за что бы не рѣшилась выйти! Для этого онъ былъ бы слишкомъ дорогъ мнѣ; я слишкомъ бы его жалѣла для того, чтобъ навязать ему такое противоразумное, ужасное ярмо, какъ брачныя узы! Бракъ?! Да это цѣлая куча тревогъ и недоразумѣній, мукъ и лишеній, зависимости и притворства. До этого я никогда бы не рѣшилась довести любимаго человѣка!

— Вы опять пускаетесь въ парадоксы,—серьезно замѣтилъ Зигмаръ.

— Да нѣтъ же, я говорю совершенно искренно и серьезно. Для того человѣка, котораго я полюблю, я готова на все, только не заставлять бы его подвергаться брачной лжи и притворству. Ну, а вы? Вы, вѣроятно, женитесь на Аликсѣ Вельсбергъ, и такъ какъ она бѣдна,—бѣдна, какъ я не знаю что!—вы будете трудиться вдвое больше, чѣмъ теперь, когда вамъ приходится безъ устали работать и работать, чтобъ только поддержать свою больную сестру. И такой бракъ вы, впослѣдствіи, будете называть счастливымъ! А придетъ время умирать — вы ляжете въ могилу оба, не извѣдавъ на землѣ, что значитъ жить и пользоваться жизнью... О, Боже мой!..

— Но право же, графиня, вы сегодня въ очень странномъ настроеніи! Вы говорите вообще о такихъ вещахъ...

— Которыя заставляютъ васъ все больше и больше краснѣть? Да, съ моей стороны, конечно, это страшно неделикатно... Но вѣдь вы знаете меня, и это ужъ для васъ не новость. Наконецъ, еще неизвѣстно, отдастъ ли ее за васъ старикъ? Ему, конечно, этого бы не хотѣлось,—вы сами по себѣ и по службѣ не Богъ вѣсть что за крупное лицо. Вамъ предстоитъ еще борьба за свое стремленіе; колебаніе; сдѣлки съ совѣстью, благородные порывы; отцовское проклятіе... И все это только для того, чтобъ вы, въ концѣ концовъ, другъ другу надоѣли и разучились любить другъ друга... Боже, что за нелѣпая жизнь!

— Не знаю, право, чему приписать ваши слова,—смущенно возразилъ Зигмаръ:—только мнѣ больно слышать, что вы, повидимому, такъ и чувствуете въ глубинѣ души. Но еще того больнѣе видѣть, что вы съ презрѣніемъ относитесь къ труду, а между тѣмъ, будь у васъ необходимость трудиться и исполнять свой долгъ...

— Долгъ?! Боже мой, да передъ кѣмъ же? Передъ всѣми

этими комичными потомками мартышекъ-обезьянъ и гориллъ? (и Вѣра всплеснула руками). Вы шутите! Развѣ мой долгъ въ томъ состоитъ, чтобы раздавать бѣднымъ супъ, участвовать въ нелѣпѣйшихъ благотворительныхъ базарахъ или вязать чулки для босоногихъ папуасовъ? Будто сейчасъ не видно, что вся эта мнимая добродѣтель только для того и существуетъ, чтобы тѣшить добродушныхъ, сострадательныхъ людей, которые тогда съ болѣе спокойной совѣстью пользуются сами благами жизни, выпавшими имъ на долю? Ахъ, милый герръ Зигмаръ, не очень-то я вѣрю въ ваши грядущія реформы! Простите, но мнѣ кажется, какъ ни дуренъ весь міръ, а въ немъ ничего улучшать не приходится: не можетъ онъ переродиться, не можетъ сдѣлаться инымъ, чѣмъ былъ до сей минуты! Я допускаю, что анархисты желали бы его вверхъ дномъ перевернуть, но ради чувства самосохраненія я къ нимъ не примкну. Все остальное — фразы и утопія. Ну, не все ли равно, сегодня или завтра, прибавится или убавится на талеръ состояніе г. Х.? Завтра ли, или послѣ завтра начнетъ голодать г. У.? Не мы создали свѣтъ и не намъ его исправлять. Предоставимъ же ему идти своимъ привычнымъ нелѣпымъ, безразсуднымъ путемъ!

Зигмаръ пожалъ плечами, какъ бы говоря, безъ словъ, что ее переубѣдить невозможно.

— Ну, допустите, что вамъ пришлось бы (чего на свѣтѣ не бываетъ) самой нуждаться... Ну, что бы вы дѣлали тогда?

Вѣра посмотрѣла на него широко-раскрытыми глазами и, подумавъ немного, сухо засмѣялась:

— Но, милый мой герръ Зигмаръ!—невинно возразила она: —кто или что могло бы меня тогда заставить дольше жить на свѣтѣ? Видите ли, я не придаю деньгамъ никакой цѣны, я ихъ не уважаю, я ничего не понимаю въ денежныхъ дѣлахъ. А когда-нибудь очутиться въ необходимости думать, какъ и на что жить... Фи! это было бы такъ безцвѣтно, такъ для меня невыносимо!

Зигмару казалось даже странно, что онъ сегодня такъ серьезно относится къ словамъ графини и что ему даже больно слушать такія рѣчи въ ея полудѣтскихъ устахъ.

— Видите ли, графиня,—тихимъ голосомъ началъ онъ:— ваши взгляды на все совершенно перемѣнятся, какъ только вы дѣйствительно полюбите человѣка—горячо, искренно, всей душою. Я не хотѣлъ бы васъ обидѣть своимъ замѣчаніемъ, но мнѣ кажется, что вамъ это чувство до сихъ поръ еще незнакомо; вы еще не знаете, какъ оно перерождаетъ человѣка, какъ оно управляетъ имъ, помимо его воли, безъ его вѣдома.

Вѣра изумленно, какъ озадаченный, неопытный ребенокъ, глядѣла на него:

— Быть можетъ, вы и правы!—прямо и смѣло, какъ обыкновенно, сказала она.—Правда, я до сихъ поръ, собственно говоря, никого еще такъ не любила, какъ самое себя. Всѣ остальные мнѣ служатъ скорѣе для забавы: папà, и тетя Сара, и всѣ, всѣ! Но, вѣрно, все этимъ и кончится. Когда мнѣ не съ кѣмъ будетъ посмѣяться,—фи, какъ это будетъ тошно! Ну, вотъ вы опять сердитесь! Вы... вы такъ рѣдко смѣетесь...

Она бросила на него полу-сострадательный, полу-умоляющій взглядъ, который его тронулъ. Нѣтъ, нѣтъ! Сердиться на нее нельзя: можно только покачать головой на ея мудрствованія, какъ на нѣчто странное, не больше!

— Ну, что же вы дѣлаете цѣлый день?—спросилъ онъ.

— Ахъ, Боже мой! Я и сама не знаю. Большею частію, читаю: сегодня какой-нибудь романъ Жипа; завтра „Заратустру“, послѣ-завтра какого-нибудь юмориста и бытописателя въ изданіи Таухнитца или что-нибудь совсѣмъ яркое, новое,—съ иголочки, изъ новѣйшихъ молодыхъ писателей. Или еще Бебеля, Штирнера, Гекеля—какъ придется, или что̀ вообще въ модѣ, такъ сказать въ ходу. А между чтеніемъ катаюсь верхомъ, музицирую, сержу тетю Сару, дразню своего какаду, перепрыгиваю черезъ стулья со своимъ вѣрнымъ Тиромъ... Боже мой! да развѣ всего этого не довольно, чтобы наполнить весь день? Даже времени на все не хватаетъ!.. Ну, вотъ я и снова заболтала! Что̀? Вы что-то хотѣли сказать?

— Вы какъ разъ во̀-время напомнили мнѣ, что я хотѣлъ попросить васъ спѣть что-нибудь.

— А! Вы хотите сказать, что это все-таки одна изъ моихъ хорошихъ сторонъ? Нѣтъ, послѣ Лоны Ниссенъ я не могу пѣть: ужъ сколько разъ мнѣ приходилось отказывать сегодня!.. Она такъ чудесно поетъ!

— Какъ и всѣ драматическо-оперныя пѣвицы. Мнѣ бы хотѣлось болѣе искренняго, просто сердечнаго исполненія... Спойте, прошу васъ!

— Странно, что у меня духу не хватаетъ отвѣтить вамъ отказомъ! (Вѣра тихо покачала головой.) Ну, такъ и быть, пойдемте; только отыщите мнѣ Фалена: пусть аккомпанируетъ!

Графиня взяла его подъ-руку и пошла по направленію къ залѣ, но вдругъ остановилась:

— A propos: кто такой этотъ смуглый брюнетъ, который стоялъ тогда съ вами?

— Лео Вольнеръ, мой кузенъ. Онъ поселился здѣсь въ качествѣ врача.

— Послушайте, какіе у него глаза! Я, кажется, готова ихъ бояться; а я вѣдь не боялась никогда и ничего. Но онъ ими глядитъ, какъ будто бы готовъ одними только взглядами загипнотизировать человѣка. Такимъ глазамъ надо бы запретить смотрѣть... А, вотъ и Фаленъ!

Своей обычной, небрежной походкой къ нимъ подходилъ фонъ-Фаленъ и, поздоровавшись довольно сухо съ собесѣдникомъ графини, выразилъ—*съ удовольствіемъ!*—полное согласіе на желаніе Вѣры.

— Къ вашимъ услугамъ! Что-нибудь посерьезнѣе хотите?— и онъ уже велъ молодую дѣвушку къ роялю, когда графскій слуга на маленькомъ подносѣ подалъ ему записку, съ поясненіемъ, что она спѣшная и человѣкъ, принесшій ее, проситъ безотлагательно прочесть.

— Вы позволите? — обратился Юргенъ къ графинѣ; но не успѣлъ взглянуть на ея содержаніе, какъ поспѣшилъ заткнуть ее за бортъ мундира и, поблѣднѣвъ немного, извинился:

— Прошу прощенья; но мнѣ необходимо тотчасъ же уйти: дѣло не терпитъ отлагательства. Тысячу извиненій! Вотъ Гольстъ любезно замѣнитъ меня. Графу поклонъ!.. Имѣю честь...

Онъ на лету поцѣловалъ ей ручку и на мгновеніе еще мелькнула въ толпѣ его могучая фигура; фонъ-Гольстъ въ ту же минуту поспѣшилъ на встрѣчу графинѣ, съ которой Брегенъ ужъ успѣлъ перекинуться парой словъ по поводу внезапнаго исчезновенія фонъ-Фалена.

Несмотря на то, что онъ уже шелъ прямой дорогой въ сановники, журналистъ не могъ еще успокоиться, не могъ отрѣшиться отъ присущаго ему стремленія вездѣ и во всемъ видѣть матеріалъ для репортерства, и—надо отдать ему справедливость—имѣлъ на это особое чутье. Его романы и новеллы, его слогъ—все отзывало природнымъ журналистомъ. Графиня Вѣра недолюбливала его и отвѣчала коротко и сухо на его разспросы; но онъ уже пронюхалъ въ происшедшемъ нѣчто настолько подозрительное, что вышелъ изъ залы почти по пятамъ за Юргеномъ.

V.

— Къ вашимъ услугамъ, графиня! — проговорилъ Борисъ фонъ-Гольстъ съ низкимъ поклономъ.—Хотя мнѣ слѣдовало бы обидѣться на то, что вы другому оказали честь, которой я весь

вечеръ тщетно добивался...—Голосъ у него былъ негромкій, но гибкій и выразительный, чрезвычайно привлекательный.

— Ради Бога, только не такъ трагично!—смѣясь, перебила его Вѣра.—Главное, не смотрите на меня съ такой трагической точки зрѣнія... Ну, что жъ мы будемъ пѣть?—и она вполголоса запѣла русскій народный гимнъ. Губы фонъ-Гольста сложились въ грустную усмѣшку:

— Споемъ: „Ты нѣкогда явилась предо мною“... Или другое что-нибудь въ этомъ родѣ, погрустнѣе. Выходитъ такъ красиво, когда вы своимъ жизнерадостнымъ голоскомъ поете заунывное.

— Да у васъ извращенный вкусъ!.. Но это вполнѣ современно. Вы вѣрно декадентъ самой высшей пробы?

— Вы находите? — И онъ черезъ плечо оглянулся на нее, перебирая клавиши своими нѣжными пальцами въ дорогихъ кольцахъ.—Но теперь, въ наше время, всѣ мы болѣе или менѣе декаденты, какъ, впрочемъ, и подобаетъ нервнымъ людямъ. Въ общемъ же, я собственно вовсе не поклонникъ современнаго искусства и литературы декадентовъ. Вы на мой счетъ ошиблись: я люблю все самое естественное, самое простое... Ну, вотъ, сказки, напримѣръ.

— Нѣтъ, это все не то!—горячо возразила Вѣра.—Просто, у васъ такъ уже изощрился вкусъ, такъ вамъ уже пріѣлась острымъ перцемъ приправленная стряпня школы натуралистовъ, что ваши симпатіи невольно начинаютъ тяготѣть къ чему-нибудь попроще, ближе къ дѣтямъ. И это я вполнѣ понимаю. Et ça commence partout! Мы, такимъ образомъ, вернулись въ живописи къ прерафаэлитамъ, а въ литературѣ—къ мистикамъ и символистамъ. Наивности въ своихъ впечатлѣніяхъ и въ своемъ творчествѣ мы, все-таки, не можемъ достигнуть: для этого мы черезчуръ продукты старѣющей культуры... Наивность была бы для насъ верхъ утонченности... Однако, что же мы? Начнемъ!

Вѣра запѣла.

Прежде всего, по желанію фонъ-Гольста, „Ты нѣкогда явилась предо мною“... Потомъ,—что-то веселое и снова—грустное, въ перемежку; большею частію, безъ нотъ и съ такой простотою, съ такимъ чисто-дѣтскимъ увлеченіемъ, что, слушая ее, казалось, будто эти пѣсни возникли у нея въ душѣ, непосредственно создались ея воображеніемъ. Голосъ у нея былъ звонкій, чистый, а любовью къ музыкѣ искупались недостатки въ обработкѣ, на которую у нея не хватило терпѣнія.

Большинство гостей вернулось въ залъ и впереди всѣхъ, почти за спиною Вѣры, остановился Эбергардъ Альсфельдъ и

съ полузакрытыми глазами, со своей привѣтливой улыбкой на губахъ, тихонько покачивался въ тактъ музыкѣ. Тетя Сара тутъ же, не сходя съ мѣста, млѣла отъ восторга, то плача, то смѣясь безъ причины. Въ перерывахъ между романсами слушатели шумно хлопали.

Послѣ пѣнія, фонъ-Гольстъ игралъ Шопена, по желанію графини. Впрочемъ, онъ только и игралъ, что Шопена, но зато наизусть и по слуху. Про него ходила молва, что онъ человѣкъ жестокаго нрава; что онъ, не поморщась, способенъ совершить самыя ужасныя преступленія; что онъ не пожалѣлъ убить на дуэли своего лучшаго друга, который стоялъ ему на дорогѣ къ сердцу женщины... Но въ нѣжныхъ звукахъ, то грустныхъ, то удалыхъ, мелодій Шопена слышалось столько глубокой, искренней тоски и состраданія, что это невозможно было допустить, и оставалось только ждать, что на глазахъ піаниста заблестятъ слезы умиленія...

Вдругъ въ рядахъ слушателей произошло движеніе и вскорѣ дошло до стоявшихъ ближе къ роялю. Всѣ перешептывались, бросали другъ другу испуганно-вопросительные взгляды, на которые большинство только пожимало плечами.

Какъ ни артистически прекрасно было исполненіе фонъ-Гольста, никто больше не обращалъ на него вниманія. Онъ весь ушелъ въ міръ грезъ, въ міръ музыкальныхъ, дивно чарующихъ переливовъ, но и до него донеслась ужасная вѣсть, которую всѣ вокругъ шептали:

— Ульрихъ фонъ-Фаленъ застрѣлился!

Тонкіе, унизанные кольцами пальцы фонъ-Гольста замерли безъ движенія на клавишахъ, которыя издали рѣзкій диссонансъ. Борисъ вскочилъ на ноги и медленно повернулся лицомъ къ присутствующимъ, не снимая съ клавіатуры своей правой руки. Глазами онъ блуждалъ вокругъ, замѣтно стараясь вдуматься въ такую невѣроятную вѣсть. Лѣвой рукой онъ слегка проводилъ по лбу, еще влажному отъ усиленной игры.

— Что съ вами, фонъ-Гольстъ?—спросила его Вѣра.

— Я... Мнѣ сейчасъ послышалось что-то такое... (онъ по немногу приходилъ въ себя и даже улыбался своей привычною улыбкой). На меня это такъ повліяло, такъ разстроило...

Но это „разстройство“ никого не интересовало: и его самого, и его чудную игру, забыли совершенно въ горячихъ обсужденіяхъ печальнаго происшествія. Графъ Эбергардъ, наконецъ, подошелъ къ нему:

— Прелесть! Восхищеніе!.. Но, милый мой баронъ, развѣ

не ужасно то, что̀ намъ пришлось узнать „подъ звуки нѣжные прелестнаго Notturno“?

— Понятно! Но кто принесъ намъ эту новость?.. Это вѣдь старшій фонъ-Фаленъ, Ульрихъ. И такой молодецъ, такой во всемъ и всегда счастливецъ, что только бы ему жить да радоваться впору! Его отецъ—мой старый другъ... Вы знали Ульриха?

— Конечно. Кто его не зналъ!

— Такъ! Такъ! Ну, что̀ вы скажете?

— Я просто пораженъ, ошеломленъ...

— Не правда ли? Не правда ли? Такой человѣкъ, у котораго было все, чтобъ жить и наслаждаться! Какъ васъ теперь, вижу его передъ глазами: молодъ, здоровъ, веселъ... и вдругъ!.. И вдругъ!.. Ну, просто ума помраченье!..

— Но что̀ же могло его побудить?..

Графъ передернулъ плечами.

— Кто можетъ заглянуть въ тайники души человѣческой? Кто знаетъ, что̀ собственно такое эта самая душа?.. Вѣрно ему слишкомъ ужъ хорошо жилось на бѣломъ свѣтѣ... Боже мой, что̀ это за ужасъ!

— Пожалуй, лучше будетъ больше не играть?—полу-вопросительно, но уже совершенно спокойно проговорилъ фонъ-Гольстъ, задувая свѣчи на роялѣ.

— Право, мнѣ кажется, что совсѣмъ лишнее такъ волноваться,—замѣтила Вѣра:—кому какое дѣло, что Ульрихъ фонъ-Фаленъ счелъ за лучшее покончить разсчеты съ жизнью? Все это страшно глупо!

— Гм! Однако, вы сильно-современная дѣвица, смѣю вамъ замѣтить, — только и сказалъ Гольстъ, убирая нотныя тетради, но не могъ удержаться отъ усмѣшки.

Между тѣмъ, всѣ остальные гости занялись горячимъ споромъ и предположеніями, что̀ могло быть причиной такой трагической смерти молодого члена ученыхъ обществъ и счастливаго супруга.

Всего два года какъ онъ былъ женатъ—и женатъ по любви; въ близкомъ будущемъ онъ долженъ былъ получить званіе профессора—и работалъ надъ весьма серьезнымъ вопросомъ, такъ что всѣ съ большимъ любопытствомъ ожидали появленія его интереснаго труда. Первые листы корректуры такъ и остались недочитанными у него на письменномъ столѣ, а на полу, тутъ же, нашли распростертымъ и его самого, уже давно остывшаго.

Всѣ эти свѣдѣнія успѣлъ собрать пронырливый Брегенъ, и они послужили тэмой для дальнѣйшихъ подробностей и прикрасъ. Никто не могъ сказать ничего, кромѣ самаго хорошаго, про златокудрую Мелитту, сказочно-прекрасную мать и супругу; ея малютка-дочь тоже была утѣхой своего злополучнаго отца. Даже повода къ ревности Мелитта избѣгала, зная, какъ горячо и ревниво любитъ ее мужъ, и никому не давала возможности хотя немножко ухаживать за собою. Значитъ, и ревность не могла быть причиной, натолкнувшей Ульриха на самоубійство.

— Да полно, самоубійство ли это? — разсуждали иные.— Не былъ ли задѣтъ вопросъ чести, или что-либо, повлекшее за собой такое окончательное, тяжкое рѣшеніе? Что, если это... американская дуэль?

Другіе подхватили на лету это слово, и оно пошло перелетать изъ устъ въ уста, съ безчисленными комментаріями.

Нашлись среди гостей Альсфельда и такіе, которые стали припоминать, не выказывалъ ли Ульрихъ за послѣднее время признаковъ помѣшательства, или вообще нервнаго разстройства; но большинство сходилось на томъ, что ни о чемъ подобномъ не было и помину; что онъ — самое большее — казался за послѣдніе дни только серьезнѣе обыкновеннаго.

Нашлись еще и свидѣтели такой сцены, которая могла подать поводъ къ недоразумѣнію между Ульрихомъ и... другимъ. Иные даже подробно описывали эту сцену и называли этого „другого“, который былъ, будто бы, не кто иной, какъ Зигмаръ Оттерштедтъ!.. Онъ еще не ушелъ въ то время, какъ его имя повторялось усиленно вокругъ, и разговаривалъ, ничего не подозрѣвая, съ Вѣрой.

Между тѣмъ, остальные гости изъ кожи лѣзли, чтобы доказать самимъ себѣ, что противникомъ умершаго не могъ быть никто другой, какъ только онъ, Зигмаръ. Говорили, что столкновеніе между ними произошло въ ресторанѣ, куда нѣсколько человѣкъ знакомыхъ собралось послѣ вечера у тайнаго совѣтника фонъ-Ланкена. Были тамъ и Зигмаръ, и Ульрихъ, отправившій жену домой. Противъ своего обыкновенія, фонъ-Фаленъ, вмѣсто одного стакана, выпилъ ихъ нѣсколько, и сдѣлался раздражителенъ. На всѣхъ онъ произвелъ тогда же впечатлѣніе человѣка, заработавшагося до переутомленія. Слово-за-слово, разговоръ коснулся порядковъ въ рейхстагѣ, и кто-то въ доказательство незрѣлости германскаго народа привелъ существованіе въ самомъ рейхстагѣ антисемитской секціи. Вдругъ Ульрихъ сорвался съ мѣста и сказалъ что-то рѣзкое, или вообще обидное,

для евреевъ,—которыхъ, впрочемъ, не было ни одного въ числѣ присутствовавшихъ; но онъ и раньше имѣлъ такой видъ, какъ будто бы готовъ былъ сейчасъ вспылить.

Какъ бы въ отвѣтъ на его слова, Зигмаръ Оттерштедтъ,—блѣдный, съ дрожащимъ подбородкомъ,—тоже всталъ, подошелъ къ нему и что-то сказалъ ему довольно громко, но такъ, что словъ все-таки нельзя было разобрать; только видно было, что оба говорятъ не шутя, и объясненіе выйдетъ серьезное. Вдобавокъ, всѣмъ и каждому было извѣстно, что Зигмаръ былъ очень чувствительнаго нрава, когда дѣло касалось евреевъ, такъ какъ его мать была еврейскаго происхожденія. Въ этихъ случаяхъ, его обычная сдержанность совершенно исчезала, и онъ не помнилъ себя отъ волненія.

Обмѣнявшись съ Ульрихомъ фонъ-Фаленъ двумя-тремя отрывочными фразами, онъ коротко простился съ присутствующими и ушелъ.

Послѣ него сидѣли еще долго; долго и много болтали и пили, и въ общей бесѣдѣ забыли и думать о происшедшемъ краткомъ эпизодѣ: мало ли кому случается въ такой компаніи погорячиться? Только бо̀льшею частью вопросъ выходитъ тогда изъ-за женщины, или изъ-за какой-нибудь глупой сплетни, и вскорѣ улаживается совершенно благополучно.

По зрѣломъ обсужденіи происшедшаго, всѣ пришли къ заключенію, что безъ американской дуэли тутъ не обошлось,—не могло обойтись; тѣмъ болѣе, что Зигмаръ какъ будто нарочно самою природой былъ созданъ для такого рокового учрежденія, какъ эта американская дуэль; мрачный, молчаливый, онъ въ ярости вѣрно наговорилъ фонъ-Фалену много такого, что послѣднему оставалось только призвать на расправу „Божій судъ“. Жребій палъ на него; онъ и сошелъ со сцены, ни для кого неизвѣстно, ка̀къ и почему.

И всѣ симпатіи были на его сторонѣ. Всѣхъ трогала и восхищала сила воли, давшая ему мужество удалиться, исчезнуть съ лица земли, не проронивъ ни слова, не оставивъ ключа къ роковому происшествію: ни записки, ни взгляда, ни звука сожалѣнія,—ничего, что̀ могло бы навести на слѣдъ случайнаго убійцы.

Ульрихъ поступилъ, какъ честный человѣкъ; иного отъ него нельзя было и ожидать. Въ вопросахъ чести онъ былъ щекотливъ до крайности. Неизвѣстно, кто кого вызвалъ первый; во всякомъ случаѣ, противникомъ его являлся Зигмаръ, который, можетъ быть, даже отказался стрѣляться, и тѣмъ еще болѣе задѣлъ честь Ульриха. Тотъ не снесъ оскорбленія и застрѣлился!..

Вотъ какъ гласила вторая и, по мнѣнію многихъ, наиболѣе вѣроятная версія печальнаго происшествія. Еще бо́льшимъ ореоломъ мученика чести окружала она умершаго.

— Это великій подвигъ! Въ высшей степени достойное похвалы проявленіе мужества. Имѣть подъ рукой, въ полномъ своемъ распоряженіи, всѣ блага жизни—и отказаться отъ нихъ ради идеи, ради вопроса чести! — говорили одни.

— Тѣмъ болѣе позора и грѣха взялъ на душу убійца: иного наименованія и не найдется для такого человѣка, который ни передъ чѣмъ не краснѣетъ, никого обидѣть не боится! Безсовѣстный, негодный трусъ... преступникъ!..—повторяли другіе.

Вдобавокъ, отыскался еще и такой свидѣтель — молодой врачъ-ассистентъ при одномъ благотворительномъ учрежденіи, который прямо утверждалъ, что его даже предупреждали, что въ скоромъ времени его вѣроятно попросятъ быть секундантомъ на дуэли между Ульрихомъ фонъ-Фаленъ и Зигмаромъ Оттерштедтомъ. Однако, такого приглашенія онъ не получилъ, и это дѣло, казалось, совершенно заглохло, какъ вдругъ — этотъ несчастный случай!

Пожалуй, можно бы было упрекнуть д-ра Дитмара въ нескромности, но въ данномъ случаѣ это не было еще такъ важно: въ сущности, вопросъ о настоящей причинѣ самоубійства Фалена, –даже и послѣ его словъ,—оставался вѣдь еще открытымъ.

VI.

Уходя съ графской „субботы“ и прощаясь съ хозяиномъ дома, Зигмаръ не могъ не замѣтить, какой у него мрачный и какъ бы озабоченный видъ. Ему бросилось въ глаза, что всѣ, окружавшіе графа, замолчали, какъ только онъ подошелъ поближе. Можетъ быть, ихъ такъ смущала ужасная вѣсть; но тогда почему же иные смотрѣли на него, Зигмара, такими странными глазами? Почему и въ другихъ кучкахъ собесѣдниковъ, мимо которыхъ онъ проходилъ, всѣ умолкали вдругъ при его приближеніи? Почему они какъ будто чего-то стѣснялись, когда онъ мимоходомъ привѣтливо съ ними прощался? Вѣдь и они должны были скоро уйти отсюда и, по обыкновенію, сойтись въ извѣстномъ ресторанѣ, чтобы закончить вечеръ за кружкою пива. Сегодня его это не очень привлекало, и онъ былъ даже радъ, что его никто не окликнулъ, чтобъ напомнить.

Въ самыхъ дверяхъ онъ наткнулся на Штольтинга, который

всегда особенно къ нему благоволилъ. Странное дѣло! И этотъ тоже словно его избѣгаетъ: проскользнулъ мимо, будто не замѣчая, что Зигмаръ протягиваетъ ему руку на прощанье.

„Ужъ не обидѣлъ ли я, невзначай, старика? Нѣтъ, что-то не припомню!.. Еще вчера въ судѣ онъ самъ такъ мило подошелъ ко мнѣ“...—разсуждалъ самъ съ собою Оттерштедтъ.

Внизу, въ корридорѣ, который велъ на лѣстницу, еще горѣли газовые рожки, и при ихъ трепетномъ мерцаніи Зигмаръ могъ ясно различить въ глубинѣ спѣшившую нагнать его человѣческую фигуру.

— Милый ассессоръ! Подождите, выйдемъ вмѣстѣ!—кричалъ Альфредъ Брегенъ, къ великой досадѣ Оттерштедта, который недолюбливалъ его, и даже собирался предостеречь Лео отъ его злоязычія и пронырливости.

Подхвативъ Зигмара подъ руку, онъ пошелъ рядомъ съ нимъ, говоря на ходу:

— Вы разрѣшите пройтись съ вами нѣсколько шаговъ? Вы вѣдь идете къ Потсдамской улицѣ? Прекрасно!.. А я хотѣлъ бы кое-что у васъ спросить...

— Пожалуйста,—холодно проговорилъ Зигмаръ.

— Какъ вамъ извѣстно, у меня есть своего рода инквизиторскій талантъ. Изъ меня вышелъ бы слѣдователь перваго сорта!.. Вотъ что: скажите-ка вы мнѣ, правда ли, что у васъ съ Ульрихомъ была дуэль?

Зигмаръ отскочилъ въ удивленіи:

— Дуэль у меня? Съ докторомъ фонъ-Фаленомъ?

— Не знаю; только я такъ слышалъ...

— Это вздоръ!..—и вдругъ, спохватившись, прибавилъ:— Впрочемъ, не совсѣмъ. Теперь я припоминаю: къ этому, дѣйствительно, былъ поводъ... Между нами дѣло могло бы дойти до дуэли, но не дошло... Это ужъ давно было.

На губахъ Брегена появилась усмѣшка, выражавшая удовольствіе.

— Такъ, такъ!.. Что я хотѣлъ сказать? Да, такъ вы, значитъ, тогда отказались драться? Не правда ли? Чтожъ, вы были правы: такой это дурацкій средневѣковый обычай! Еще для спортсменовъ это туда-сюда: имъ и это дѣло отъ бездѣлья; а такимъ людямъ, какъ фонъ-Фаленъ, напримѣръ... Такъ отказались? А? Что?.. Браво!..

На Зигмара онъ производилъ впечатлѣніе какой-то странной неловкости. Ну, чего ему нужно?

Давнымъ-давно, когда фонъ-Фаленъ поразилъ его своимъ вызо-

вомъ, онъ самъ не могъ въ себя придти отъ удивленія. Но чего ради и кому понадобилось теперь раскапывать съизнова все это старье? И какъ разъ ему, этому газетному крючку, который ничего не дѣлалъ безъ извѣстной цѣли! И какъ нарочно, именно сегодня, когда Ульрихъ покончилъ съ собой.

— Да; я тогда дѣйствительно отказался драться, — холодно проговорилъ онъ вслухъ. — Не понимаю только, къ чему вамъ или кому бы то ни было другому могло вдругъ понадобиться ворошить всю эту давно прошедшую исторію?

— Таково, видно, наше ремесло, — возразилъ Брегенъ въ самомъ блестящемъ настроеніи. — Намъ ужъ такъ полагается— ловить на лету молву и тотчасъ же спѣшить по ея слѣдамъ... Значитъ, ваша дуэль такъ и не состоялась?.. А? Что?.. Вамъ, кажется, направо? Мнѣ налѣво. Прощайте!

И махнувъ на прощанье рукою, чтобы не подавать ее Зигмару, журналистъ удалился чуть-чуть что не въ припрыжку.

Зигмару было слышно, что онъ на ходу насвистывалъ какой-то веселенькій напѣвъ изъ оперетки.

Погода была сырая, туманная. Покрытые влагой камни мостовой чернѣли въ туманѣ. Зигмаръ зашагалъ скорѣе, чтобы выбраться изъ него, и радъ былъ, когда очутился на порогѣ невзрачнаго дома, въ которомъ онъ вмѣстѣ съ сестрою занималъ небольшую квартирку. Поднимаясь по лѣстницѣ и старательно освѣщая себѣ путь спичками, онъ раздумывалъ о томъ, что подобные вечера—совершенно безцѣльное дѣло. Послѣ нихъ остается лишь утомленіе, пустота въ головѣ и, какъ, напримѣръ, сегодня, чувство неудовлетворенности, или еще того хуже: сознаніе, что озлобляешься на людей ни за что, ни про что... Можетъ быть, единственно за то, что на другой день половина рабочаго времени для него пропала, благодаря усталости наканунѣ.

Тихо, безъ малѣйшаго шума, открылъ Зигмаръ дверь въ корридоръ и вздрогнулъ: до него донесся рѣзкій, сухой кашель. На лбу у него сложились глубокія морщины; онъ тихо прошелъ къ себѣ въ комнату и раздѣлся. На столѣ стояла зажженная лампа; тутъ же, рядомъ съ его бумагами и книгами, была приготовлена машинка для кипятка, такъ что ему оставалось только зажечь спиртовую горѣлку—и въ нѣсколько минутъ готовъ его любимый напитокъ, чай, которымъ онъ привыкъ подкрѣпляться по ночамъ, во время усиленной работы. Эсфирьзнала, что братъ, возвращаясь съ подобныхъ вечеровъ, предпочитаетъ иной разъ ложиться не тотчасъ, а работать до тѣхъ поръ, пока глаза его

не начнутъ, наконецъ, чувствовать приближеніе крѣпкаго сна, сна усталыхъ, рабочихъ людей.

„Опять закашляла! — подумалъ онъ: — значитъ, еще не спитъ... Что бы она сказала, если бы ей поразсказать, что Лео Вольнеръ здѣсь—и думаетъ поселиться въ Берлинѣ?.. Нѣтъ, лучше ее не тревожить такой вѣстью, когда надо спать. Разскажу завтра... завтра"!..

Зигмаръ сѣлъ къ рабочему столу и прибавилъ въ лампѣ огня.

Работать?!—Нѣтъ, сегодня ничего не выйдетъ... Когда же будетъ, наконецъ, готово его сочиненіе: „Обязанности государства и правительства передъ безземельными несостоятельными людьми"? Много мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ приступилъ къ нему, но до сихъ поръ не могъ еще сказать, когда доведетъ его до конца. Послужитъ ли дѣйствительно его трудъ къ тому, чтобы люди занялись великимъ дѣломъ улучшенія доли бѣдняковъ; чтобы состоятельные, наконецъ, сознали свой долгъ въ необходимости придти имъ на помощь; чтобы само государство обезпечивало тѣхъ, которые—на него работаютъ?..

Все это утопіи!.. утопіи!.. — говорилъ ему Лео Вольнеръ, съ презрительной улыбкой.

— Утопія!.. утопія!..—говорила и Вѣра Альсфельдтъ, полужалостливо, полушутливо. Ей видимо было искренне жаль, что его свѣтлыя мечты не болѣе, какъ утопія.

Вотъ въ томъ-то и бѣда, что всѣ они въ это не вѣрятъ! —думалъ Зигмаръ, вспоминая общее отношеніе къ этому вопросу.—А безъ вѣры, безъ твердой увѣренности въ достижимости своей цѣли немыслимо никакое великое дѣло. Вѣра — горы сдвинетъ! Гдѣ ужъ до этого нашему невѣрующему, слабому духомъ поколѣнію, которое вовсе лишено иллюзій, которому раньше времени все наскучило, пріѣлось"?..

Зигмаръ взялся-было за перо, готовясь приняться за работу, но опять отбросилъ его:—Сегодня рѣшительно ничего не начнешь... Еще бы! Въ такомъ-то настроеніи!..

Онъ всталъ и принялся ходить по комнатѣ.

Удивительно! Какъ это они могутъ жить безъ иллюзій, безъ фантазіи, безъ желаній, безъ сердечныхъ стремленій? Что можетъ представлять для нихъ жизнь, которую они сами считаютъ полной скуки и однообразія, въ которой они не видятъ для себя никакой великой цѣли? Какъ еще у нихъ хватаетъ духу жить такъ безцвѣтно, въ такихъ пустыхъ удовольствіяхъ, когда рядомъ съ ними столько горя и безпросвѣтной муки, нищеты?

Какъ они могутъ къ этому спокойно относиться?.. Нѣтъ, вѣрно всѣ они иначе созданы, чѣмъ я. Вотъ и Алиса Вельсбергъ,— она тоже не поняла бы, какъ это возможно“...

Лицо его вспыхнуло при одномъ только воспоминаніи о любимой дѣвушкѣ, и сердце больно сжалось, когда ему припомнились слова Вѣры Альсфельдъ: „Еще неизвѣстно, достанется ли она вамъ“.

Ахъ, Боже мой! да онъ и самъ ясно видѣлъ, какъ идутъ его дѣла; но безъ этой надежды онъ никогда бы жить не хотѣлъ и не могъ!

Онъ потушилъ лампу и, прислушавшись, что въ сосѣдней комнатѣ все затихло, ушелъ къ себѣ въ спальню, теперь только чувствуя во всемъ тѣлѣ какую-то странную усталость и вмѣстѣ съ тѣмъ полное равнодушіе къ возможности отдохнуть. Какъ по обязанности, Зигмаръ раздѣлся и легъ.

— Только бы скорѣй уснуть... уснуть!

Вдругъ ему живо припомнилось странное приставанье журналиста. Лучше бы ничего ему не говорить... Кому какое дѣло до того, что̀ у нихъ когда-то произошло съ Ульрихомъ? Просто глупая, мальчишеская вспышка... Бѣдный Ульрихъ! И къ чему онъ такъ... Жаль человѣка! И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ человѣкъ, въ полномъ смыслѣ слова человѣкъ, какихъ мало!..

VII.

Поутру Эсфири пришлось долго сидѣть за завтракомъ одной, въ ожиданіи брата. Онъ всталъ поздно, проспавъ тяжелымъ сномъ тѣ нѣсколько часовъ, которые ему оставались до утра. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, она не стала бы ему выговаривать за это,—она знала, что Зигмаръ не любитъ многословія, что по утрамъ, тѣмъ болѣе, онъ неразговорчивъ: все свое вниманіе, всѣ умственныя силы бережетъ онъ для своей утренней работы.

А все-таки она любила утро, любила сидѣть утромъ за чашкой кофе вмѣстѣ съ братомъ. Любила это время еще и потому, что чувствовала себя бодрѣе и радовалась мысли, что у нея еще цѣлый день впереди. И если этотъ день не приносилъ съ собой особеннаго свѣта и тепла, все же отрадно было чувствовать въ себѣ и жизнь, и способность видѣть все вокругъ, и чувствовать... существовать! Чрезвычайно нѣжное, хрупкое созданіе,— она любила жизнь страстно, горячо и боялась, не хотѣла съ

ней разстаться. Не потому, чтобы ее страшила смерть, о, нѣтъ! Ея неизбѣжность она сознавала, какъ сознавала и свое болѣзненное состояніе, которое было неизлечимо и могло готовить ей впереди лишь бо́льшее ухудшеніе. Эсфирь любила жизнь не для того, чтобъ жить, какъ это понимаютъ всѣ,—она въ ней находила больше наслажденій, чѣмъ кто-либо изъ здоровыхъ. Для нея была отрада въ такихъ мелочахъ, которыхъ никто не цѣнитъ и даже не замѣчаетъ. Съ особымъ восхищеніемъ она слѣдила за подвижными „зайчиками“ солнечныхъ лучей, когда они скользили то по стѣнѣ, то по полу или по потолку. Запахъ цвѣтовъ былъ для нея чѣмъ-то особенно привлекательнымъ и пріятнымъ. Легкій вѣтерокъ, нѣжно касавшійся ея щекъ, настраивалъ ее какъ-то мечтательно и нѣжно, навѣвалъ на нее тихія, свѣтлыя, счастливыя грезы. Она вся сливалась душою съ дыханіемъ природы, въ которой скоро должны были исчезнуть послѣдніе слѣды ея собственнаго, ничтожнаго существованія...

Но не всегда она была такою.

И она возмущалась, боролась съ дѣйствительностью и страдала. Тѣло ея ломило отъ долгой молитвы, которая такъ и не была услышана; душа болѣла, израненная разочарованіемъ! Не легко далось ея физическимъ страданіямъ сломить въ ней природный пылъ къ борьбѣ и дѣятельной жизни; не скоро они сдѣлали изъ нея тихую, безропотную страдалицу, которая довольна и тѣмъ, что ей хоть немного осталось жить...

Входя въ комнату, гдѣ его ждала сестра, Зигмаръ остановился на порогѣ, привлеченный неотразимой прелестью ея нѣжной, картинной красоты. Эсфирь и всегда была такъ хороша собою, что прохожіе, бывало, останавливались въ восхищеніи при видѣ ея дѣтски-ангельскаго тонкаго лица; но время и страданія еще болѣе идеализировали эту красоту, придали особое, вдумчивое, одухотворенное выраженіе ея большимъ голубымъ глазамъ, сіявшимъ какъ звѣзды изъ-подъ тонкихъ, словно нарисованныхъ черныхъ бровей. Волосы черные изсиня густыми волнами обрамляли нѣжныя черты ея словно точенаго лица. Такою она показалась брату и въ это утро, когда онъ съ обычнымъ удовольствіемъ вошелъ въ комнату, ея же заботами до самыхъ мелочей красиво обставленную, уютно и почти съ художественнымъ пониманіемъ. Быть возлѣ Эсфири и не чувствовать себя хорошо и спокойно въ этой атмосферѣ мира и душевной чистоты—было невозможно. Языкъ отказывался служить злословію и лжи въ присутствіи этой дѣвушки—чистой и кроткой, какъ дитя.

Зигмаръ подошелъ къ ней здороваться и, прежде чѣмъ занять свое мѣсто, нѣжно поцѣловалъ ей обѣ ручки.

О его дѣлахъ и впечатлѣніяхъ Эсфирь никогда сама не разспрашивала, но все, что̀ онъ говорилъ, слушала съ большимъ интересомъ. Въ общемъ же ея не интересовали никакія проявленія внѣшней жизни, какъ нѣчто чуждое и непонятное для нея, отдѣленной отъ міра своими страданіями и близкой кончиной. Въ ея глазахъ они имѣли значеніе повѣсти или даже сказки съ другого конца земли...

Позавтракавъ, Зигмаръ сѣлъ съ нею рядомъ на диванѣ.

Не выпуская ея худенькой ручки изъ своей, онъ, какъ только умѣлъ осторожно, сообщилъ ей о пріѣздѣ въ Берлинъ, на житье—Лео Вольнера. Это извѣстіе она, противъ ожиданія, приняла спокойно и повидимому не для вида, а дѣйствительно радуясь такому рѣшенію со стороны доктора.

— Чтожъ, и прекрасно!—говорила она своимъ тихимъ голосомъ. — Мнѣ кажется, для него же лучше, если онъ совершенно перемѣнитъ образъ жизни и будетъ съ пользою трудиться, достигнетъ чего-нибудь болѣе значительнаго. Чѣмъ же больше можетъ онъ загладить, искупить свое прошлое? Работать для другихъ—вотъ самое лучшее средство. Я радуюсь его рѣшенію, Зигъ. Да, радуюсь сердечно!

И глаза Эсфири засвѣтились, въ голосѣ слышалось такое чистосердечное сочувствіе, что Зигмаръ невольно подумалъ:

„Ни тѣни злобы она къ нему больше не питаетъ; все прошлое она забыла, и, оставивъ всякую заботу о себѣ, простивъ обиду, думаетъ теперь только о его личномъ благѣ“...

Какъ ни утѣшительна была для него эта мысль, онъ не могъ удержаться отъ чувства горечи, поднимавшагося въ немъ при мысли, что до такого совершенства всепрощенія и незлобивости ему никогда не дойти.

На столѣ, рядомъ съ его приборомъ, по обыкновенію, лежала газета. Онъ пробѣжалъ глазами ея длинные столбцы и хотѣлъ-было уже сложить, не найдя ничего интереснаго, какъ вдругъ въ „Мѣстной хроникѣ“ замѣтилъ „Сенсаціонное происшествіе“, передававшее, ни болѣе, ни менѣе, какъ самоубійство фонъ-Фалена.

„Однако, репортеры не теряютъ времени“, — подумалъ Оттерштедтъ.—„Не успѣлъ покойникъ остыть, а они ужъ пустили въ печать свое сенсаціонное извѣстіе“!

„Къ сожалѣнію, не подлежитъ никакому сомнѣнію (говорилось дальше), что покойный палъ жертвою американской дуэли.

Ходятъ слухи, что она состоялась вслѣдствіе спора, имѣвшаго послѣдствіемъ тяжкое оскорбленіе, которое можно было смыть только поединкомъ. Оскорбленный при постороннихъ Ульрихъ фонъ-Фаленъ совершенно справедливо считалъ такой оборотъ дѣла естественнымъ, но поединокъ съ обидчикомъ, который слабѣе его и совершенно не умѣетъ управляться со шпагой или съ пистолетомъ, также казался ему поступкомъ, недостойнымъ его, тѣмъ болѣе, что послѣдній не равенъ ему по происхожденію. Рыцарскія понятія д-ра фонъ-Фалена о чести не позволяли ему жить подъ бременемъ того, что онъ считалъ для себя позорнымъ; разъ что поединокъ оказывался невозможнымъ, ему оставалась только американская дуэль, на которой и остановился его выборъ. Отвѣтственность, которую ея печальный конецъ налагаетъ на противника умершаго, тѣмъ тяжелѣе должна лечь на него, что въ лицѣ д-ра фонъ-Фалена онъ причинилъ неизгладимую потерю не только семьѣ безвременно погибшаго, его молодой женѣ и ребенку, но и обществу, а главное людямъ науки, видѣвшимъ въ молодомъ ученомъ восходящее свѣтило, возлагавшимъ на его труды самыя блестящія надежды"...

Зигмаръ опустилъ газету на столъ и, невольно поддаваясь возрастающей тревогѣ, поблѣднѣлъ, прислушиваясь къ своему порывистому сердцебіенію.

„Ну, что за глупости! — укорилъ онъ тотчасъ же самъ себя.—Всѣ ребяческіе счеты, которые были когда-то между нами, давнымъ-давно забыты и погашены. Самъ Ульрихъ — будь онъ только живъ, бѣдняга!—могъ бы это подтвердить"!

Ему вспомнился почему-то Альфредъ Брагенъ и его приставанье съ видимымъ желаньемъ выпытать...

„Ахъ, да не все ли мнѣ равно? Такъ низки и мелки стремленія всяческихъ репортеровъ! Какое мнѣ дѣло до газетныхъ утокъ"!

Зигмаръ всталъ изъ-за стола, собираясь сѣсть за работу, и чуть не забылъ поцѣловать въ лобъ свою сестру.

— А у тебя сегодня видъ совсѣмъ неважный, — замѣтила Эсфирь, когда онъ наклонился къ ней.

— Это отъ безсонной ночи и такъ-называемыхъ ночныхъ увеселеній,—возразилъ онъ весело, кивнувъ ей головою на ходу.

Проработавъ каждое утро извѣстное число часовъ, Зигмаръ шелъ на частную службу, которую онъ долженъ былъ взять на время, чтобы не остаться безъ куска хлѣба до пріисканія „настоящаго" мѣста. Занимался онъ у одного присяжнаго повѣреннаго, который возложилъ на него обязанность вести его пе-

реписку и вѣдать вообще всю письменную часть своихъ дѣлъ; самъ же онъ выступалъ въ качествѣ защитника на судѣ, какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ. Поздно, лишь къ ужину приходилъ Зигмаръ домой; но и послѣ ужина садился еще работать дома. Выносливость его не имѣла границъ. И, наконецъ, во что бы то ни стало, надо же было выдвинуться впередъ, пробить себѣ дорогу!

Когда Зигмаръ пришелъ въ бюро Бирнбаума, его самого уже не было дома; онъ вернулся со своихъ дѣловыхъ визитовъ, когда у Зигмара всѣ очередныя письма и бумаги были уже почти готовы. Односложно отвѣтилъ онъ на привѣтствіе своего молодого секретаря и углубился въ чтеніе какихъ-то документовъ, отрываясь отъ нихъ только для того, чтобы окинуть Зигмара пытливымъ, особенно пристальнымъ взглядомъ, какъ будто увидалъ его лицо въ первый разъ въ жизни и хочетъ разгадать, что̀ онъ за человѣкъ.

Зигмаръ копчилъ и поднялся, чтобы проститься со своимъ принципаломъ; но тотъ перевернулся на своемъ кожаномъ винтовомъ табуретѣ, который при этомъ издалъ непріятнѣйшій скрипучій звукъ, и, очутившись лицомъ къ помощнику, неожиданно проговорилъ:

— А вы вѣдь замѣчательный человѣкъ, ассессоръ!

Зигмаръ, ничего не понимая въ этомъ возгласѣ, смотрѣлъ на Бирнбаума въ смущеніи, молча переводя взглядъ съ его лысой головы на умное лицо и съ черной густой бороды на стеклышко монокля, которое было зажато у него въ глазу.

— Что̀ вы хотите сказать?—проговорилъ онъ наконецъ. — Или у меня въ бумагахъ что-нибудь?..

Своими длинными, выхоленными пальцами повѣренный немножко постучалъ по бумагамъ:

— Напротивъ, превосходны! Составляй ихъ я самъ, и то онѣ не могли бы быть лучше! Право же, кромѣ шутокъ!.. Нѣтъ, если все свое время отдавать только этой треклятой политикѣ и всякимъ такимъ бумажонкамъ, или, напримѣръ, посѣщать наши рейхсраты и выборныя собранія; вступаться предъ судомъ за какого-нибудь Шульца или Шмидта,—да помилуйте! Это хоть кого сдѣлаетъ недальнозоркимъ; хоть въ комъ способно погубить талантъ къ судейской проницательности... да—нѣтъ! Даже совсѣмъ ее уничтожить. Ну, если бы еще давно, прежде когда-нибудь... à la bonne heure! Такъ-то!.. Ну, да; такъ я вовсе не то хотѣлъ сказать,—только эта дурацкая... Я вѣдь просто хотѣлъ сказать: замѣчательный человѣкъ, который въ чужихъ дѣлахъ

судитъ такъ ясно и проникновенно и предусматриваетъ всѣ возможныя и даже *не*возможныя случайности, а въ своихъ собственныхъ... Ну, чего вы уставились такъ на меня?

— Право, я никакъ не пойму, къ чему вы это говорите, герръ Бирнбаумъ?

Повѣренный наморщилъ лобъ, чтобы вытолкнуть изъ глаза монокль, и съ досадой возразилъ:

— А, въ такомъ случаѣ—прекрасно! Меня вѣдь это ничуть не касается, и можетъ быть вы даже правы... Итакъ, на сегодня—довольно; и безъ того вы согрѣшили противъ заповѣди о воскресномъ отдыхѣ... а еще законникъ! Ну, до свиданія, до завтра!

Зигмаръ удалился, въ недоумѣніи покачивая головой.

„Странныя рѣчи Бирнбаума, положимъ, не особенно трудно разъяснить,—думалось ему:—ужъ не впервые сегодня высказывалъ онъ мнѣ, что для него непонятно, почему я такъ упорно и такъ много для него работаю; а между тѣмъ, прибавить мнѣ содержанія хотя бы на грошъ—онъ, Бирнбаумъ, вправѣ себя не считаетъ“!

По дорогѣ домой, онъ встрѣтилъ Вельсберга, и ему бросилось въ глаза, что тотъ преднамѣренно его не замѣчаетъ: перешелъ, безъ всякой надобности, на ту сторону улицы и все время шелъ, упорно отворачиваясь отъ Зигмара. Онъ могъ, конечно, ревновать Оттерштедта къ своей кузинѣ Аликсѣ, потому что тоже былъ въ нее влюбленъ; но это вѣдь ужъ не сегодня... Отчего же сегодня именно?..

Зигмаръ пожалъ плечами и ускорилъ шаги, чтобы скорѣе поспѣть къ обѣду. Эсфирь, которая любила наряжаться для брата, одѣлась по праздничному во все бѣлое и даже на голову приколола одинъ изъ своихъ распустившихся цвѣтковъ. Ей всегда хотѣлось, чтобы вокругъ Зигмара все было весело и пріятно для взгляда. Да она и сама любила, чтобы ничто ей не напоминало о ея болѣзни, и чтобы даже братъ никогда не разспрашивалъ ее, какъ она себя чувствуетъ. Ея маленькая комнатка утопала въ цвѣтахъ, за которыми она сама ходила; въ клѣткахъ пѣли звонко птички, да и она сама рядилась, какъ птичка, въ самые свѣтлые цвѣта.

Какъ всегда по воскреснымъ днямъ, Зигмаръ не пошелъ работать послѣ обѣда, а сѣлъ читать вслухъ, что̀ для Эсфири было настоящимъ торжествомъ.

Зигмаръ читалъ прекрасно, выразительно, охотно и такимъ сильнымъ и гибкимъ голосомъ, какого нельзя было у него заподозрить, глядя на его тощее, изнуренное тѣло. На этотъ разъ, Эсфирь выбрала „Заратустру“, Нитше, и до полуночи засидѣлись

они оба надъ лирическими порывами этого философа, пока не пришло время, къ обоюдному ихъ сожалѣнію, пожелать другъ другу спокойной ночи...

VIII.

На слѣдующее утро, за завтракомъ, опять газета, и опять отчетъ о трагической кончинѣ безвременно погибшаго молодого ученаго и, конечно, съ еще бо́льшими подробностями.

Теперь уже сообщалось за достовѣрное, что объ американской дуэли не могло быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что „обидчикъ, оскорбитель злополучнаго фонъ-Фалена, отказался дать ему, обиженному, какое бы то ни было удовлетвореніе въ смыслѣ дуэли. Этого было достаточно для того, чтобы возмутить въ такомъ чуткомъ и высоко-порядочномъ человѣкѣ, какимъ былъ покойный, чувство чести его, поруганной, безповоротно оскорбленной чести, и онъ... и т. д., и т. д.

Въ Зигмарѣ, во мнимомъ обидчикѣ, возмущалось чувство справедливости, и онъ, убѣждая себя относиться къ газетнымъ сплетнямъ и злословію хладнокровно, не могъ въ то же время не горячиться.

Но кому какое дѣло до его горячности? Ея настоящей причинѣ никто ни на минуту не повѣритъ; люди скорѣе готовы вѣрить всему дурному (хотя бы и вымышленному), нежели хорошему. Можно, конечно, тотчасъ же тиснуть въ газетахъ краснорѣчивое опроверженіе ложныхъ слуховъ; можно доказать свою полную непричастность несчастному случаю... Да, какъ же! Много ли докажетъ на словахъ всякій, кто угодно, а тѣмъ болѣе самъ воображаемый *убійца*? Притомъ же, и еврейское происхожденіе его послужитъ ему въ ущербъ; тѣмъ болѣе въ такое время, когда антисемитское направленіе раздувается горячо... Въ сущности, что̀ онъ своимъ опроверженіемъ сдѣлаетъ? Кто ему повѣритъ? Да, конечно, никто!

„Нѣтъ, всѣ друзья повѣрятъ, всѣ сами порядочные люди“!— возразилъ самъ себѣ Оттерштедтъ, и эта увѣренность значительно успокоила, ободрила его. Онъ зашагалъ поспѣшно къ мѣсту своего служенія и пришелъ туда радостный, съ сіяющими глазами.

Присяжный повѣренный Бирнбаумъ уже стоялъ въ бюро съ своими бумагами подъ мышкой, совсѣмъ наготовѣ, чтобы уходить. У него была маленькая слабость, свойственная многимъ умнымъ, но нервнымъ и крайне занятымъ людямъ,—онъ забывалъ

нерѣдко нужныя бумаги, и еслибъ не слѣдилъ за этимъ его дѣятельный помощникъ, Оттерштедтъ, адвокату часто приходилось бы оказываться въ весьма неловкомъ положеніи. Теперь Зигмара не было у него подъ рукой, когда онъ пересматривалъ и собиралъ необходимые бумаги и документы, и Бирнбаумъ встрѣтилъ его на порогѣ по наружности только раздраженный, но въ глубинѣ души встревоженный вопросомъ: не перепуталъ ли онъ что-нибудь въ своихъ бумагахъ, и всѣ ли дѣйствительно захватилъ съ собой?

— Нечего сказать, прекрасныя дѣла!.. Теперь мнѣ нѣтъ ни одной минуты заняться съ вами, а завтра приходите пораньше, тогда поговоримъ настоящимъ образомъ! Нѣтъ, каково? А? Просто сумасшедшій! Ну, какъ есть сумасшедшій!.. Ни одна душа не захочетъ теперь вашего куска хлѣба!..

Адвокатъ поспѣшно вышелъ вонъ, а Зигмаръ подошелъ къ своему столу, стоявшему по срединѣ комнаты. На столѣ были положены двѣ антисемитскія газеты и на нихъ выдѣлялись мѣста, обведенныя синимъ карандашемъ, очевидно съ цѣлью привлечь его вниманіе именно на эти самыя строки.

Эти газеты Бирнбаумъ получалъ, какъ онъ выражался, исключительно „для возбужденія аппетита“. Отмѣченныя выдержки были, конечно, заняты самоубійствомъ Ульриха фонъ-Фалена, и въ нихъ уже прямо, безъ обиняковъ, выставлялось на позорище имя Зигмара Оттерштедта, съ прибавленіемъ прозвища „семита“ и съ твердымъ увѣреніемъ, что его отказъ драться—фактъ достовѣрный и „настолько неоспоримый, что на это есть даже свидѣтели“...

Ни единая газета не вымолвила ни слова въ защиту невольнаго виновника самоубійства; самое бо̀льшее, на что̀ еще снизошелъ одинъ изъ свободомыслящихъ органовъ печати, это—предположеніе, сдѣланное въ спокойномъ и умѣренномъ тонѣ, что онъ, можетъ быть, „не предвидѣлъ, да пожалуй и не могъ предвидѣть роковыхъ послѣдствій, которыхъ стоилъ товарищу и противнику его отказъ“.

Положимъ, всѣ видѣнныя и просмотрѣнныя имъ до сихъ поръ газеты еще далеко не вся пресса; но и того казалось злополучному ассессору довольно, чтобы убѣдиться, что и эта „вся пресса“ будетъ не на его сторонѣ и даже не подумаетъ поднять голосъ за обвиняемаго. Какъ бы то ни было, передъ нимъ была квинтъ-эссенція общественнаго мнѣнія, которое его не щадило и впредь щадить не будетъ.

„Что̀ же мнѣ остается дѣлать? — разсуждалъ онъ, стараясь

обсудить все спокойно и, по возможности, обстоятельно.—Противопоставить общественному мнѣнію единственныя мои средства къ защитѣ—чистую совѣсть! Мало того: мнѣ думается, мнѣ хотѣлось бы думать, что она и тогда была бы чиста, еслибъ дѣйствительно тогда же, давнымъ-давно, когда мой злополучный отказъ приключился, послѣдствіемъ его явилась смерть Ульриха... Да! И тогда я не чувствовалъ бы себя виновнымъ въ его самоубійствѣ!

На этомъ онъ пока остановился, хотя за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ готовъ былъ бѣжать къ репортеру, къ Брегену или къ кому угодно, и во всеуслышаніе, съ высоко-поднятой головой кричать, что онъ невиноватъ,—тому порукой его слово! Что онъ отказался единственно по добротѣ сердечной, изъ жалости къ человѣку, котораго уважалъ. Что дуэль между ними была просто невозможна...

— А есть у васъ на это доказательства?—спросили бы его: —Есть свидѣтели—очевидцы? Безъ нихъ такого рода дѣла не обходятся. И, наконецъ, вы сами хорошо поймете, что *ваше* слово въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ *вы* являетесь скомпрометтированнымъ лицомъ...

Зигмаръ, конечно, хорошо это понималъ, и потому рѣшился не предпринимать ничего самъ въ свою защиту.

„Какъ ни думай, а пережить это тяжелое время все равно придется; но пройдутъ недѣли, мѣсяцы, и все забудется, заглохнетъ, какъ забывается на свѣтѣ все—и доброе, и злое!.. И, наконецъ, нѣтъ худа безъ добра: теперь ужъ выяснится какъ нельзя болѣе опредѣленно, кто мой искренній другъ; кто ко мнѣ расположенъ не на однихъ словахъ“!..

Опять ему вздохнулось легче при мысли о друзьяхъ, и онъ углубился въ свою секретарскую работу. Окончивъ ее, онъ постарался поскорѣе забыть, что все время, пока онъ занимался, писаря не сводили съ него своихъ любопытныхъ, подозрительныхъ взглядовъ и перешептывались. Даже старикъ-хранитель бюро, который доставалъ Зигмару двѣ-три нужныхъ бумаги для справокъ, и тотъ сдѣлалъ такую суровую и внушительную физіономію, такъ вскинулъ на него своими свѣтлыми круглыми глазами поверхъ круглыхъ очковъ...

И по дорогѣ домой, ему все время попадались на встрѣчу лица знакомыя и даже вовсе незнакомыя, которыя пытливо или съ любопытствомъ устремляли на него глаза. Онъ рѣшительно не зналъ почти никого изъ тысячи прохожихъ, которые попа-

дались ему сегодня на улицѣ; но его повидимому всѣ вдругъ узнали, онъ сдѣлался извѣстенъ всему міру.

„Чудится мнѣ это, или дѣйствительно всякій только и думаетъ о томъ, какъ бы взглядами выразить мнѣ свое презрѣніе, оскорбить меня? Или ужъ я дошелъ до той степени нервнаго разстройства, когда человѣкъ перестаетъ отличать фантазію отъ дѣйствительности"?—спрашивалъ Зигмаръ самъ себя съ внутренней тревогой и невольно, на ходу, схватился за пульсъ, чтобы провѣрить, не воспаленное ли воображеніе рисуетъ ему нѣчто такое чудовищное и ни съ чѣмъ несообразное.

„Ну, развѣ касается меня смерть несчастнаго Ульриха? Развѣ я за него отвѣчаю? Мало ли въ этой самой толпѣ прохожихъ и такихъ людей, у которыхъ на совѣсти лежитъ что-нибудь дурное: обида, легкая погрѣшность противъ ближняго или, быть можетъ, даже преступленіе? Довольно съ нихъ, съ каждаго, и своихъ грѣховъ, чтобъ они стали думать о чужихъ! И чего ради имъ слѣдить за мною? Совѣсть у меня чиста"...

Но воображеніе работало и рисовало ему невѣроятныя, безумныя картины.

Да нѣтъ же! Это не воображеніе. Кучка кандидатовъ и ассессоръ — почти все хорошо ему знакомые молодые люди— шла ему на встрѣчу, и они обмѣнялись между собою взглядами... Онъ не разобралъ, что̀ именно такое они говорили, но, проходя мимо и не глядя на него, они сказали что-то про него (онъ ясно разслышалъ свое имя) и про то, что онъ—позоръ для всего ихъ сословія, что съ такимъ трусомъ кланяться унизительно... Ему хотѣлось броситься вслѣдъ за ними, крикнуть:

— Постойте! Вы ошиблись! Все это ложь, обманъ! Никогда и не думалъ бѣдный Ульрихъ изъ-за меня застрѣлиться!..

Но, Боже мой! Кто жъ ему повѣритъ?.. Повѣритъ только горсть преданныхъ людей, его немногіе товарищи, друзья!

Ну, да; конечно, они-то повѣрятъ... но гдѣ же и кто они? Гансъ фонъ Вельсбергъ, ну, и другіе. Другіе? Да кто же, кто они? Ахъ, Боже мой! честному слову не могутъ не повѣрить всѣ, всѣ безъ исключенія честные люди, хотя бы и никакого отношенія не имѣющіе къ нему лично!

Войдя къ себѣ, въ свою маленькую квартирку, онъ въ открытую дверь своего кабинета увидѣлъ Лео Вольнера, который такъ и сидѣлъ, не раздѣваясь, въ тепломъ пальто. Его стулъ приходился спиною ко входу; на полу, тутъ же стоялъ вылощенный цилиндръ Лео, а въ рукѣ онъ вертѣлъ костянымъ ножомъ, которымъ онъ нервно помахивалъ, хлопая себя по ладони.

Противъ него сидѣла Эсфирь, вся съёжившись и утопая всей своей хрупкой фигуркой въ глубокомъ, мягкомъ старинномъ креслѣ—главной красѣ этого строго простого рабочаго кабинетнаго убранства. Молодая дѣвушка склонила голову на свои плотно сжатыя руки, и Зигмару были видны только ея роскошные черные волосы, казавшіеся слишкомъ большою тяжестью для ея миніатюрной головки, да еще длинныя шелковистыя рѣсницы, оттѣнявшія матовую бѣлизну ея нѣжнаго лица...

IX.

Для Зигмара присутствіе Лео и вообще его появленіе у нихъ въ домѣ было не особенно пріятно. Съ Вольнеромъ ужъ отнюдь не пожелалъ бы онъ дѣлиться своими семейными радостями и горестями, а равно и обсуждать всяческіе перевороты въ своей судьбѣ.

Почти враждебно взглянулъ онъ на него и подошелъ къ сестрѣ, которая съ тихой улыбкой подняла къ нему свои большіе, печальные глаза. Какъ въ открытой книгѣ, читалъ въ нихъ Зигмаръ.

— Ты волновалась?!—озабоченно проговорилъ онъ и гнѣвно, съ упрекомъ, взглянулъ на непрошеннаго гостя.

Тотъ пожалъ плечами:

— Почему я могъ знать, что ты сестру свою предпочитаешь держать въ полной неизвѣстности относительно важнѣйшаго, что тебя касается? Принимая во вниманіе ваше неразлучное житье вмѣстѣ... И, наконецъ, рано или поздно, ей, все равно, пришлось бы объ этомъ узнать. Я такъ и говорилъ съ нею, какъ о дѣлѣ, конечно, ей давно извѣстномъ. Мнѣ очень жаль, что я, такимъ образомъ, невольно преступилъ твое желаніе; но все-таки я его не раздѣляю. И, наконецъ, могу тебя завѣрить, въ качествѣ врача, что волненіе, котораго ты такъ для нея боишься, ничуть не повліяло на ходъ ея обычнаго болѣзненнаго состоянія и пройдетъ безъ дурныхъ послѣдствій.

Его слова звучали твердо и холодно; голосъ его больно отзывался на сердцѣ у встревоженнаго брата, пытливо смотрѣвшаго на свою слабенькую, хрупкую сестру.

— Полно, Зигъ, полно, успокойся!—ласково проводя рукой по его выразительному лицу, говорила Эсфирь.—Онъ правъ: нечего такъ тревожиться! Самое бо́льшее, что я посердилась или погрустила бы немножко, что ты поступилъ со мною какъ съ

малымъ ребенкомъ... еслибъ не знала, почему ты поступилъ именно такъ, а не иначе... Ну, а затѣмъ, я пойду полежать немножко, а вы посидите одни. Жаль, что Лео не можетъ остаться къ обѣду; но онъ скоро обѣщалъ придти пообѣдать съ нами... когда-нибудь, à la fortune du pot. Такъ до свиданія, Лео!

Она подала руку Вольнеру и, опираясь на руку брата, вышла изъ комнаты. Когда Зигмаръ вернулся, онъ засталъ доктора у окна, въ которое тотъ, повидимому, смотрѣлъ на окружающее; но вотъ онъ повернулся лицомъ къ товарищу и поразилъ его своимъ холоднымъ, безсердечнымъ выраженіемъ. Какъ бы глядя во слѣдъ Эсфири, онъ продолжалъ думать вслухъ:

— Гм! Любопытный случай! Вполнѣ опредѣлившаяся атрофія мускуловъ... Еще ни разу, сколько мнѣ помнится, не встрѣчался я съ такимъ полнымъ, во всѣхъ частяхъ тѣла равномѣрно распредѣленнымъ болѣзненнымъ состояніемъ. Впрочемъ, это не исключаетъ присутствія въ ней нѣкоторой энергіи. Обыкновенно, наступаетъ при этомъ постепенно полное истощеніе; или же оно бросается прямо на сердце и—конецъ! Но сперва концу предшествуютъ непріятныя явленія: отнимаются и совершенно скрючиваются конечности: таковы наиболѣе тяжкіе симптомы рокового недуга. До сихъ поръ ихъ что-то незамѣтно; хотя...

Онъ вдругъ оборвалъ свою рѣчь—до того раздраженно двинулся къ нему Зигмаръ. Какъ его съ самаго начала уже коробило отъ каждаго слова, докторъ этого не замѣтилъ въ пылу своихъ привычныхъ медицинскихъ размышленій, съ которыми онъ отнесся вполнѣ безпристрастно къ данному субъекту, предполагая, что Зигмару хотѣлось бы знать его мнѣніе, какъ доктора, о данной болѣзни. Видя, наоборотъ, что это ему непріятно, онъ равнодушно пожалъ плечами и, раза два-три ударивъ себя по ладони костянымъ ножомъ, проговорилъ не глядя на Зигмара:

— Ну, и настряпалъ ты себѣ самъ на свою голову! Никогда не ожидалъ я отъ тебя такого безразсудства.

Зигмаръ хотѣлъ вспылить, но скоро совладалъ съ собой и съ холодною сдержанностью возразилъ:

— Мнѣ кажется, врядъ ли мы въ состояніи понять другъ друга, милый Лео! Не говоря уже о томъ, что въ этихъ дурацкихъ газетахъ больше, чѣмъ наполовину, лжи...

— Д-да?! Такъ почему жъ ты не напишешь имъ опроверженіе?—Въ голосѣ его слышались насмѣшка и сомнѣніе.

— Да потому, что не имѣю доказательствъ, и, наконецъ, смотрю совершенно спокойно на всю эту глупѣйшую исторію.

На чорта ли мнѣ пресловутое уваженіе такъ называемаго хорошаго общества?

— Вотъ какъ? Вотъ какъ?—съ иронической насмѣшкой удивлялся Лео.—Итакъ, ты человѣко-ненавистникъ со всей его обязательной философской приправой? Я за тобою этого еще не зналъ. Ха-ха-ха! Что-жъ, чудесно! Только, знаешь, что̀ я тебѣ скажу: ты поступилъ, мой милый, совершенно нелогично... да: по меньшей мѣрѣ нелогично. Логика требовала, чтобы ты отнюдь не отказывался драться, но дрался бы шутя, какъ настоящій философъ, если тебѣ ужъ такъ хотѣлось посмотрѣть на это дѣло сквозь призму „je m'en fiche“! Съ тѣмъ, что ты отказался драться, ты долженъ, однако, согласиться: самъ же ты сказалъ объ этомъ Брегену...

— А ты, кажется, близко знакомъ съ этимъ господиномъ,— насмѣшливо перебилъ его Зигмаръ.

— Мы познакомились еще въ Парижѣ, куда онъ ѣздитъ за новинками въ „Одеонѣ“ и въ театрѣ „Gymnase“. Весь секретъ его успѣховъ заключается въ томъ, что онъ намъ всегда вывозитъ оттуда все самое лучшее въ смыслѣ послѣднихъ новостей. Вдобавокъ, это—чуткій малый и такой знатокъ людей, что на диво! И беззавѣтный товарищъ!

— Ты, вѣрно, хотѣлъ сказать: безхарактерный?

— Если это тебѣ доставитъ удовольствіе—пусть такъ: вѣдь у такихъ, какъ вы, имѣть характеръ, значитъ все равно, что упорно настаивать на своихъ собственныхъ безумствахъ. Ну, а по-моему, кто самъ себя подводитъ, тотъ уже доказываетъ ясно свою безхарактерность... Однако, будетъ намъ препираться! Не хочу больше тратить словъ напрасно: ты самъ заварилъ кашу, самъ ее и расхлебывай! Я собственно вовсе не за тѣмъ приходилъ, чтобы читать тебѣ нравоученія... Мнѣ хотѣлось просить тебя... я полагалъ бы, что при данномъ положеніи твоего дѣла было бы лучше не говорить... не выставлять на видъ, что мы— родственники. Ты поймешь, конечно, что въ настоящее время это могло бы мнѣ только повредить...—Дойдя до заключительныхъ словъ своей рѣчи, Лео пересталъ играть своимъ неразлучнымъ ножомъ и сдѣлалъ видъ, что внимательно разглядываетъ заглавія на книгахъ, стоявшихъ ребромъ на столѣ. Договоривъ все, что̀ ему было нужно, онъ обернулся къ Зигмару и почти вызывающе посмотрѣлъ на него.

Тотъ на мигъ поблѣднѣлъ, нервно вздрогнулъ и закусилъ губы; но тотчасъ же пожалъ плечами и сказалъ презрительно:

— О, пожалуйста, не стѣсняйся! На этотъ счетъ можешь

быть спокоенъ; только и я предложилъ бы тебѣ больше не повторять своего посѣщенія; тѣмъ болѣе, что это могло бы излишне тебя компрометтировать.

Лео Вольнеръ нагнулся, взялъ въ руки шляпу и помахалъ ею передъ собой, какъ бы для того, чтобы вздохнуть свободнѣе.

— Ну, вотъ ты и обидѣлся!—проговорилъ онъ холодно:— вы вѣдь никакъ не можете усвоить себѣ точку отправленія кого-нибудь другого. Вы мѣряете все и всѣхъ на свой аршинъ, и потому-то вы такъ непрактичны въ жизни, потому такъ далеки отъ трезвыхъ взглядовъ на жизнь и на все житейское. А я... (онъ подошелъ къ небольшому зеркальцу, которое стояло на комодѣ, и принялся тщательно расчесывать себѣ бороду) я разсчитываю здѣсь пробить себѣ дорогу. У меня есть связи, протекція... Положимъ, это способъ не похвальный, зато чудесный для того, кто можетъ имъ располагать... И наконецъ, пойми ты! —онъ подошелъ совсѣмъ близко къ Зигмару и сверкнулъ на него въ упоръ своими мрачными глазами — я *долженъ*... я долженъ во что бы то ни стало выйти въ люди! Силъ больше нѣтъ терпѣть! Я задыхаюсь въ этой тинѣ!.. И ты поймешь, конечно, что человѣкъ, который, утопая, выбился на поверхность трясины, не разбираетъ, за что бы ухватиться, лишь бы его опять не засосало и на этотъ разъ уже безвозвратно. Тѣмъ болѣе, не станетъ онъ хвататься за того, кто самъ уже наполовину потонулъ. Ты понимаешь, я надѣюсь?...

— О, еще бы!—отвѣтилъ Зигмаръ своему посѣтителю, остановившемуся на порогѣ; но тотъ еще разъ оглянулся.

— Дѣла принимаютъ такой оборотъ, что, можетъ быть, настанетъ время, когда *я* смогу вытащить тебя изъ воды, и ты тогда увидишь, что я добра не забываю. Но можетъ быть, пока...

— Я тебѣ повторяю: будь спокоенъ! И въ помощи твоей, надѣюсь, мнѣ не придется никогда нуждаться!

Лео опять хотѣлъ-было уйти; но опять вернулся.

— Вотъ еще что, — началъ онъ: — я хотѣлъ тебѣ сказать, что я вообще не признаю своего еврейскаго происхожденія, въ которомъ я лично неповиненъ. Ты же—другое дѣло: ты даже рисуешься тѣмъ, что ты по матери еврей, хотя росъ и выросъ христіаниномъ. Я рѣшительно отрицаю самый фактъ своего происхожденія, и во время моего пребыванія въ Парижѣ принялъ христіанство: такъ оно удобнѣе. Да будетъ тебѣ извѣстно, что я не желаю, чтобы мнѣ кто или что-нибудь намекали на то, что и я семитскаго племени; я не хочу имѣть изъ-за этого непріятности!.. Такъ будь же здоровъ! До свиданія...

Онъ подалъ Зигмару свои два пальца, затянутые въ перчатку, но такъ какъ тотъ сдѣлалъ видъ, что этого не замѣтилъ, то лишь помахалъ ими въ воздухѣ въ знакъ прощанія. Еще мигъ—и дверь за нимъ закрылась.

Невольно Зигмаръ сжалъ кулаки.

„Только не раздражаться! Не терять присутствія духа“!—подумалъ онъ и распахнулъ окно, какъ бы затѣмъ, чтобы очистить воздухъ, которымъ дышалъ Лео.

X.

За обѣдомъ, какъ всегда, Эсфирь была съ братомъ мила и внимательна. Она пріодѣлась и даже не забыла приколоть живой цвѣтокъ въ волосахъ. Вмѣсто упрековъ, она только погрозила ему пальцемъ и съ тихой усмѣшкой дала ему поцѣловать, какъ всегда, свои хорошенькія ручки. Словами она ничего выражать и не хотѣла: они были бы даже не у мѣста. Зигмаръ и безъ словъ прекрасно понялъ, что она забыла, какъ онъ ее обидѣлъ и, главное, какъ она увѣрена въ его невинности въ дѣлѣ самоубійства Ульриха фонъ-Фалена.

— Ну, а затѣмъ что̀ остается дѣлать?—спросила Эсфирь.

— Пробивать себѣ дорогу,—спокойно отвѣчалъ Зигмаръ.

И она одобрительно кивнула ему головой.

Только по окончаніи обѣда рѣшился онъ спросить про Вольнера.

Ему казалось, что она вздрогнетъ и смутится, какъ если бы кто дотронулся до незажившей раны...

Но нѣтъ! Эсфирь совершенно спокойно отвѣтила:

— Знаешь, онъ такой именно, какимъ я себѣ его представляла. Ему вѣдь тоже приходится *по своему* пробивать себѣ дорогу... Можетъ быть, для него и нѣтъ иного способа, но что̀ же ему дѣлать? Ужъ ты пожалуйста, Зигъ, не очень на него сердись!.. Да?.. Хорошо?.. Видишь ты, мнѣ бы не хотѣлось, чтобъ ты совсѣмъ отъ него отступился. Жаль его вѣдь бросить, въ немъ еще столько есть хорошаго! Помнишь, какъ я восхищалась ясностью его ума и остроуміемъ? Нельзя же такому чувству дать совсѣмъ угаснуть; нельзя вдругъ свергнуть свой бывшій кумиръ! Онъ былъ вѣдь въ юности моимъ идеаломъ... помнишь, Зигъ? Будь къ нему снисходителенъ... Вѣдь будешь? Да?

Братъ молча взялъ ее за руку, и она продолжала:

— Знаешь, мнѣ всегда было его жаль: у него не было ни

матери, ни сестры; онъ никогда не зналъ женской, матерински-заботливой ласки; некому было подмѣчать въ немъ добрыя стороны и стараться ихъ развить. Потому-то все доброе въ немъ дремлетъ, а развилось лишь грубое и жестокое. Ему необходима добрая и умная жена, которая разбудила бы въ немъ заглохшія добрыя чувства. Мнѣ такъ хотѣлось бы его женить, только какъ слѣдуетъ, на хорошей дѣвушкѣ, на такой именно, какую ему надо!..

Слова сестры больно отозвались на душѣ Зигмара: свыше силъ его было такое отсутствіе себялюбія, такая доброта и довѣрчивость, которыя тратились понапрасну на человѣка, недостойнаго ихъ. Это его подавляло; онъ не находилъ даже словъ ей возразить, и ограничился только особенно нѣжнымъ, безмолвнымъ поцѣлуемъ.

Между тѣмъ, газеты, въ которыхъ онъ уже больше не читалъ отчетовъ о смерти Ульриха, принесли ему еще сюрпризъ. Въ отдѣлѣ „Мѣстной хроники“ стояла замѣтка о томъ, что въ Берлинѣ находится въ настоящее время извѣстный парижскій врачъ-спеціалистъ, д-ръ Лео Вольнеръ, по происхожденію и по воспитанію своему нѣмецъ. Онъ поселился здѣсь съ цѣлью практиковать на почвѣ своей спеціальности—болѣзней почекъ и печени, въ которыхъ онъ извѣстный знатокъ и признанный авторитетъ. Нельзя достаточно привѣтствовать рѣшеніе молодого терапевта посвятить свои силы и знанія служенію своей родинѣ!.. Притокъ посѣтителей на первые же его пріемы оказался замѣчательно большой“.

Зигмаръ усмѣхнулся.

„Альфредъ Брегенъ дѣлаетъ свое дѣло усердно! И въ самомъ дѣлѣ, Лео пробиваетъ себѣ дорогу; это видно, что у него есть и связи, и протекція“!

Съ тою же почтой, вмѣстѣ съ газетой, онъ получилъ нѣсколько писемъ. Первое изъ нихъ было извѣщеніе отъ предсѣдателя „Кружка молодыхъ юристовъ“, что завтра, въ среду вечеромъ, состоится экстренное собраніе для обсужденія вопроса, насколько дальнѣйшее участіе его, Зигмара Оттерштедта, въ „Кружкѣ“ совмѣстимо съ правилами устава. А посему онъ приглашается на это собраніе, дабы онъ могъ лично выслушать рѣшенія „Кружка“ и принести оправдательныя разъясненія.

„А, значитъ, травля идетъ своимъ чередомъ!—подумалъ Зигмаръ:—ну, что̀ еще, еще“?..

Слѣдующее письмо дѣйствительно еще больнѣе поразило его: оно было отъ Ганса фонъ-Вельсбергъ. Молодой архитекторъ пи-

салъ другу, что, къ сожалѣнію, по случаю неотложнаго дѣлового путешествія, онъ не можетъ самъ придти къ нему и отстаивать друга; что онъ въ ужасѣ отъ того, чѣмъ заняты теперь газеты, и отъ души жалѣетъ обо всемъ случившемся; тѣмъ болѣе, что онъ, Зигмаръ, и самъ еще не можетъ себѣ представить, какъ важны могутъ быть послѣдствія его необдуманнаго поступка. Какъ бы то ни было, онъ въ заключеніе говоритъ другу свою обычную поговорку: „Будь что будетъ, а будетъ не то, такъ другое,—какъ-нибудь и что-нибудь ужъ будетъ непремѣнно!—Ну, а затѣмъ, помоги тебѣ Богъ и—до скораго свиданія“!

Значитъ, и Гансъ не сомнѣвается въ существованіи этого поступка! Только въ томъ вся и разница, что онъ изъ-за этого не отказался отъ друга,—и при томъ онъ, можетъ быть, единственный изо всѣхъ! Но что же могутъ еще значить эти „важныя“ послѣдствія, на которыя Гансъ намекаетъ? И безъ того уже, кажется, довольно непріятностей и оскорбленій принесла ему эта сплетня: всѣ обѣгаютъ, всѣ унижаютъ его своимъ презрѣніемъ, никто его ни знать, ни видѣть не желаетъ; кажется, чего же больше?..

Третье письмо было отъ Мелитты фонъ-Фаленъ.

„Милостивый государь!

„При данномъ положеніи дѣлъ я бы настоятельно просила васъ воздержаться отъ присутствія на заупокойномъ служеніи въ память моего покойнаго мужа, на которое, какъ я слышала, явится „in corpore“ весь „Кружокъ молодыхъ юристовъ“, членомъ котораго вы состоите. Впрочемъ, я могла бы, вѣроятно, и безъ того ожидать этой деликатности отъ вашего такта. — Съ почтеніемъ—Мелитта фонъ-Фаленъ“.

Блѣдный какъ полотно, Зигмаръ все-таки не могъ удержаться, чтобы не подумать:

„Однако, какое самообладаніе у такой молодой и недавней вдовы! Сначала она сама, своей рукой, прислала мнѣ приглашеніе на погребеніе мужа, а вслѣдъ затѣмъ она же его разрушаетъ! Году не пройдетъ, какъ она будетъ замужемъ опять“...

Въ тотъ же день, въ адвокатскомъ бюро Бирнбаума, его секретарь и помощникъ узналъ, что Бирнбаумъ просилъ его не уходить, не повидавшись съ нимъ. Наконецъ, Зигмаръ дождался его. Бирнбаумъ явился, какъ всегда, разгоряченный, взволнованный, разсѣянный, съ потокомъ кипучихъ рѣчей.

— Ну, ужъ и засѣданіе было, нечего сказать! Вотъ трескотня! Вотъ нелѣпые восторги и порывы! Такое словоизвер-

женіе, какъ будто людямъ только и есть заботы, что безъ умолку, безъ удержу, болтать языкомъ! Въ этой чертовской политикѣ какъ-то все превращается въ куплю и продажу; всѣ самыя чистыя, святыя стремленія опошливаются или подавляются безвозвратно. Важнѣйшіе вопросы жизненнаго и общественнаго интереса обсуждаются слегка, безъ надлежащаго вниманія; тысячами человѣческихъ существованій играютъ какъ кедровыми орѣшками. Позорно, до крайности унизительно и позорно для человѣческаго достоинства такое легкомысленное отношеніе къ судьбѣ другихъ людей! Все у нихъ только фразы и партійность! дальше этого они не идутъ. Всѣ сплошь—интересаны до мозга костей! Стоитъ дѣлу коснуться интересовъ близкаго человѣка или своихъ собственныхъ, и каждый, не задумываясь, повторяетъ собой исторію троекратнаго отреченія ап. Петра отъ Христа. Ни единаго отраднаго движенія; ни живого, безпристрастнаго взгляда! Все, все сплошь—одинъ только эгоизмъ, пристрастіе и шахеръ-махерство!.. Нѣтъ, ужъ довольно! Все это мнѣ претитъ по горло! Будетъ съ меня, будетъ! отряхаю прахъ съ ногъ моихъ, и бросаю имъ въ лицо все, что во мнѣ за это время накопилось горечи и негодованія!...

Говоря такимъ образомъ, Бирнбаумъ разбиралъ и нервно швырялъ бумаги на столъ. Наконецъ, во время краткой передышки, адвокатъ оперся обѣими руками на край стола, вытянулся впередъ, почти къ самому лицу Зигмара, и, наскоро подпихнувъ очки, чтобы сидѣли прямѣе на носу, напустился на него:

— Ну-съ, теперь ваша очередь, молодой человѣкъ! Тоже мило, нечего сказать! Вотъ-съ, не угодно ли? Письмо, которое вы получили отъ г-жи фонъ-Фаленъ, такъ цѣликомъ и пропечатано вотъ тутъ, въ газетахъ (и онъ въ раздраженіи похлопывалъ рукой по злополучному столбцу)! Кажется, ужъ чего наглядиѣй доказательства вашей вины? Очевидно, и тамъ васъ считаютъ косвеннымъ убійцей: надо же полагать, что это письмо предано гласности не безъ согласія всей семьи фонъ-Фаленъ. Наконецъ, есть намеки и на то, что у покойнаго должно находиться такое письмо отъ васъ, которое прямо устанавливаетъ фактъ вашей вины передъ несчастной жертвой вашего легкомыслія.

— Это ложь!—вспылилъ Зигмаръ, сдерживавшійся до сихъ поръ. — Такого письма быть не можетъ, потому что его нѣтъ; оно не можетъ быть написано!

Бирнбаумъ пожалъ плечами, и просвистѣлъ сквозь зубы:

— По моему, такъ это все равно: пусть это ложь, пусть такого письма не бывало! Лжи тутъ окажется еще сколько угодно! Такъ ужъ искони водится, только это ничего ровно не измѣняетъ. Все-таки, вы отказались драться,—свидѣтели на лицо. И этого довольно! Нѣтъ, вы скажите: что за колоссальнѣйшая была это глупость!—и онъ усиленно замахалъ на Зигмара руками.—Молчите! Молчите! Знаю все, что вы могли бы сказать, все, чѣмъ вы думаете оправдаться. Вы сейчасъ скажете: принципъ! убѣжденія! варварскій средневѣковый обычай! Легкомысленность, вызванная обильными возліяніями въ товарищескомъ кругу!.. Скажете, что я долженъ бы стоять на той же точкѣ отправленія, если хочу судить по справедливости. Да я и стою, я такъ и сужу, но... Но, милый мой, не надо забывать, что теорія и практика—двѣ вещи разныя, а чего нельзя приложить на практикѣ, то надобно предоставлять своему естественному теченію: пусть будетъ, что будетъ! Въ политикѣ это называется „государственнымъ умомъ“. У насъ, свободомыслящихъ, этого ума нѣтъ, да и быть не можетъ; потому-то насъ часто за это угнетаютъ. Но компромиссы, молодой человѣкъ, компромиссы! Вотъ настоящій лозунгъ и въ политикѣ, и въ жизни! Безъ этого лозунга васъ сотрутъ въ порошокъ, затопчутъ, уничтожатъ, до послѣдняго атома сотрутъ съ лица земли!..

Бирнбаумъ отскочилъ отъ стола къ окну и вѣроятно для разнообразія забарабанилъ пальцами по стеклу.

— Всѣ ваши заявленія, — началъ-было Зигмаръ,—уже по одному тому неумѣстны, что мой отказъ отъ дуэли *не могъ* имѣть тѣхъ послѣдствій, которыя ошибочно ему приписываютъ, а не могъ онъ ихъ имѣть потому...

— Потому! Потому! Да, чортъ возьми, не все ли равно почему? Вся штука въ томъ, что—*имѣлъ* да и баста! А? Что? Не угодно ли на такого молодца полюбоваться? Идетъ прямо въ разрѣзъ съ существующими порядками и понятіями, да самъ же и удивляется, что его знать не хочетъ общество, которое само привыкло жить подъ постояннымъ гнетомъ! Чего ужъ, кажется, проще? Ясно, какъ Божій день, что ваше будущее рухнуло, и вы сами стоите на рубежѣ такого положенія, которое заставитъ васъ начать жизнь съ начала. А вы еще твердите: „никакихъ послѣдствій“, да! „никакихъ послѣдствій“!—Зигмаръ измѣнился въ лицѣ.

— Я не совсѣмъ понимаю...—попробовалъ онъ возразить; но Бирнбаумъ уже не просто волновался, а подскочилъ къ нему и кричалъ гнѣвнымъ, почти охрипшимъ голосомъ:

— Кажется, ужъ чего яснѣе? Не видать вамъ судейскаго сана, какъ своихъ ушей, тѣмъ болѣе, что теперь такое направленіе съ этими антисемитскими вѣяніями... Противъ семитовъ лично ничего не имѣютъ, но таково уже движеніе народа, а съ нимъ правительству у насъ таки приходится считаться... Да что я? Все равно, куда вы теперь ни подите,—нигдѣ не примутъ васъ съ распростертыми объятіями. Нельзя же вамъ этого дожидаться, сидя безвѣстно въ четырехъ стѣнахъ у какого-то тамъ Бирнбаума, который отъ васъ получаетъ работу настоящую, а платитъ за нее, стыдно сказать, гроши! Нѣтъ, нѣтъ, не отпирайтесь! Самъ знаю, что вы дѣлаете гораздо больше, чѣмъ вамъ полагается. Но дуракъ я, что-ли, чтобы платить дороже, когда за эту же цѣну мнѣ дѣлаютъ все, что нужно? И наконецъ, не вы, такъ другой, не другой, такъ третій, и это, опять-таки, мнѣ все равно. Итакъ... Ну, не можете же вы, съ вашими способностями, съ вашимъ умомъ, всю жизнь плеснѣть въ моей конурѣ?

Зигмара передернуло. Онъ вскочилъ на ноги.

— Иначе говоря, эти слова должны означать, что вы больше не нуждаетесь въ моихъ услугахъ, и чѣмъ я скорѣе освобожу васъ отъ моего присутствія, тѣмъ лучше?

— Чтожъ, пожалуй: въ вашихъ же собственныхъ интересахъ! Но само собою разумѣется, что вы можете сохранить за собою ваше настоящее положеніе у меня, за неимѣніемъ пока ничего лучшаго. Надѣюсь только, что это лучшее найдется въ скоромъ времени, и тогда... Послушайте,—вдругъ совсѣмъ другимъ тономъ проговорилъ онъ:—послушайте моего добраго совѣта, отстаивайте свое дѣло такъ же горячо, какъ вы умѣете отстаивать чужія, которыя, въ сущности, васъ вовсе не касаются... и вамъ повезетъ!.. Замѣчательный вы человѣкъ!—заключилъ онъ и потрясъ его за плечи обѣими руками.

Между тѣмъ, Зигмаръ понемногу успѣлъ собраться съ духомъ.

— Благодарю васъ за вашу прямоту, за вашу откровенность... за ваше участіе... за все! И вы, конечно, правы: я долженъ на что-нибудь рѣшиться. Ну, а затѣмъ... надѣюсь, я могу теперь уйти?

Очутившись внизу, на улицѣ, онъ минутъ пять простоялъ на мѣстѣ, не понимая, какъ онъ сюда попалъ?

Всему конецъ... конецъ! Корабли сожжены!..

На него вдругъ нахлынуло страстное желаніе броситься на своихъ мучителей и всѣхъ ихъ сжать въ одномъ мощномъ, грозномъ объятіи и прокричать имъ, съ презрительнымъ смѣхомъ,

прокричать прямо въ уши, что все это—ложь, наглая ложь, ложь, ложь, ложь!..

Но что же толку? За такую выходку онъ же у нихъ прослылъ бы трусомъ. Нѣтъ! Лучше ужъ молчать, но молчать смѣло, и не унывать, не дать *имъ* торжествовать побѣду!..

— А теперь—къ ней! Скорѣе къ ней! Скорѣй услышать слово утѣшенія, поддержки, и отдохнуть душой въ сознаніи, что есть душа на свѣтѣ, которая вѣритъ въ меня непреложно!..

А. Б—г—

ФИНЛЯНДСКІЙ СЕЙМЪ

и

ЕГО ТРУДЫ

Недавно послѣдовало торжественное закрытіе финляндскаго сейма 1897 года, засѣдавшаго начиная съ половины января стараго стиля.

Этотъ сеймъ, можетъ быть, не отличался тѣмъ интересомъ, какой придавали двумъ предъидущимъ (1891 и 1894 гг.) различныя обострившіяся въ то время обстоятельства.

Тѣмъ не менѣе, сеймъ 1897 года сдѣлалъ много безшумной, мелкой работы, имѣющей однако важное значеніе для этой быстро и видимо преуспѣвающей, во многихъ отношеніяхъ, страны. Рядъ правительственныхъ предложеній на сеймѣ, множество „петицій“ и „моцій“, были разсмотрѣны сословіями, сданы въ комитеты, гдѣ по нимъ составляются подробно мотивированныя „соображе́нія“ (betänkande), являющіяся иногда цѣльными серьезными монографіями; затѣмъ собраніе отдѣльныхъ сословій (такъ-называемое plenum) снова тщательно обсуждало каждый проектъ.

Затрата времени на церемоніи при началѣ засѣданій, тяжеловѣсный механизмъ здѣшнихъ „états généraux“, при которомъ всякій вопросъ разсматривается четырьмя сословіями, а главное, рѣдкость сессій сейма (каждые три года)—ведутъ къ тому, что въ послѣднія недѣли сессіи приходится засѣдать иной разъ отъ 6 ч. веч. до 3—4 и 5 часовъ утра слѣдующаго дня (утромъ и днемъ своимъ чередомъ идетъ работа въ комитетахъ); приходится по неволѣ торопиться, сокращать дебаты. Поэтому слышатся пожеланія, чтобы сеймъ созывался каждые два года (до

1886 г. онъ собирался лишь каждыя пять лѣтъ). Членъ дворянскаго сословія, баронъ Борнъ, внесъ предложеніе, чтобы сессіи сейма начинались, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ числахъ ноября, а не января, какъ теперь. Тогда депутаты, за время рождественскихъ каникулъ (1 мѣсяцъ), успѣютъ болѣе основательно познакомиться съ содержаніемъ предложеній, предстоящихъ ихъ обсужденію. Это предложеніе вызвано самой насущной потребностью, и нужно надѣяться, что оно будетъ удовлетворено.

Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ мы остановимся только на нѣкоторыхъ вопросахъ, разсмотрѣнныхъ сеймомъ,—вопросахъ, наиболѣе интересующихъ здѣшнее общество или интересныхъ съ болѣе общей точки зрѣнія. Но предварительно напомнимъ вкратцѣ организацію сейма.

I.

Въ составъ сейма входятъ четыре сословія: дворяне, духовенство, горожане и крестьяне; этотъ порядокъ, какъ извѣстно, установленъ еще Швеціей. Въ дворянскомъ сословіи по праву рожденія засѣдаютъ старшіе въ родѣ представители дворянскихъ семей (около 272 семей); духовенство избираетъ депутатовъ отъ каждой епархіи; незначительный процентъ въ этомъ сословіи приходится на свѣтскій элементъ; de jure здѣсь принимаютъ участіе два представителя отъ гельсингфорскаго университета и 6 учителей средне-учебныхъ заведеній; кромѣ того, духовенство можетъ избирать своихъ представителей и изъ числа свѣтскихъ лицъ. Безъ выбора засѣдаютъ архіепископъ абоскій и три епископа (всѣхъ представителей отъ этого сословія было 51).

Каждый городъ, населеніе котораго не превышаетъ 6.000 человѣкъ, посылаетъ на сеймъ по одному депутату; при населеніи въ 6.000, посылаются два депутата; бо́льшіе же города, имѣющіе болѣе 6.000 жителей, посылаютъ по одному представителю на каждыя 6.000 (было 64 депутата).

Крестьянское сословіе (62 депутата) избирается двустепенными выборами, по одному представителю отъ каждаго судебнаго округа.

Къ этимъ 177 депутатамъ слѣдуетъ прибавить членовъ дворянскаго сословія, съѣзжающихся въ количествѣ отъ 40 до 150.

Засѣданія каждаго сословія происходятъ отдѣльно. Общее собраніе ихъ (plenum plenorum) носитъ характеръ болѣе формальный и встрѣчается чрезвычайно рѣдко. Для принятія закона нужно согласіе трехъ сословій, а въ случаѣ измѣненія основ-

ныхъ законовъ и въ вопросахъ финансовыхъ—всѣхъ четырехъ. Такой порядокъ крайне неудобенъ; въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій было указано на неудобства разсмотрѣнія того же вопроса четыре раза въ четырехъ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ: депутаты, для которыхъ былъ бы очень полезенъ непосредственный публичный обмѣнъ мнѣній, отдѣлены другъ отъ друга и лишены этой возможности; кромѣ того, не всегда удается согласить три сословія принять то же рѣшеніе; два сословія оказываются противъ двухъ, и получается отрицательный результатъ.

Но не эта особенность организаціи сейма болѣе всего занимаетъ общественное мнѣніе: жгучимъ вопросомъ является система выборовъ въ сеймъ, особенно же въ городское сословіе.

Эта система, дѣйствительно, далека отъ совершенства: она основана на неясномъ законѣ, дающемъ возможность устранять отъ участія въ выборахъ цѣлыя группы населенія; мало того—число голосовъ не равно числу голосующихъ: точно также, какъ при выборахъ городскихъ уполномоченныхъ (гласныхъ)—лицо, платящее менѣе извѣстной единицы обложенія (skattöre), размѣръ которой колеблется между 200 и 400 марками, вовсе не пользуется правомъ голоса; платящее 2 единицы имѣетъ одинъ голосъ, платящее 3—два и т. д., до установленнаго теперь во многихъ городахъ максимума въ 25 голосовъ.

При выборахъ въ крестьянское сословіе, представительства лишены всѣ классы сельскаго населенія, кромѣ крестьянъ-собственниковъ или арендаторовъ казенныхъ земель. Къ этимъ классамъ принадлежатъ такъ-называемые „торпари“, родъ арендаторовъ частно-владѣльческихъ земель, бобыли, сельскіе рабочіе, поденщики и вообще лица, не имѣющія постоянныхъ занятій (lös befolkning),—всѣ они въ 1890 г. составляли 32,63% всего сельскаго населенія,—сельскіе ремесленники, сельскіе торговцы, народные учителя и даже фабриканты. Въ городѣ нужно, по крайней мѣрѣ, имѣть только извѣстный доходъ, платить съ него налогъ; здѣсь же нужно владѣть землей.

И все-таки до самаго послѣдняго времени говорили почти исключительно о недостаткахъ городскихъ выборовъ, потому что здѣсь кипитъ борьба между свеноманами и финноманами; внѣшней формой ея выраженія является „вопросъ объ языкахъ“. Большинство въ городскомъ сословіи—въ рукахъ свеномановъ; перейди оно къ финноманамъ, и они станутъ хозяевами на сеймѣ, такъ какъ въ сословіяхъ духовномъ и крестьянскомъ они уже располагаютъ подавляющимъ большинствомъ. Поэтому всѣ боевыя силы финномановъ направлены на одинъ пунктъ—на выборы въ горо-

дахъ. Нельзя при этомъ не замѣтить, что этотъ самый важный пунктъ свеноманской позиціи является въ то же время и самымъ слабымъ: безспорно, устранять отъ выборовъ цѣлые классы городского населенія и предоставлять одному зажиточному человѣку 15—25 голосовъ, есть величайшая и ничѣмъ не оправдываемая аномалія, которую и сами свеноманы, вѣроятно, защищаютъ только потому, что съ паденіемъ нынѣшней избирательной системы имъ придется очень плохо.

Попытаемся дать нѣкоторое общее представленіе о партіяхъ въ Финляндіи, безъ чего легко можно представить себѣ свеномановъ какими-то угнетателями народа, чѣмъ-то въ родѣ остзейскихъ бароновъ, а финномановъ—бойцами за народныя права, своего рода „чартистами“. Первое мнѣніе было бы совершенно невѣрно, а второе нуждается въ очень и очень многихъ оговоркахъ. Во-первыхъ, шведы, владѣвшіе этой страной, если и были суровы, то не знали крѣпостного права; шведское дворянство укрѣпилось почти только въ южной и юго-западной части страны; теперь оно не питаетъ ровно никакихъ сословныхъ интересовъ, почти не имѣетъ привилегій и потому роли не играетъ; на первомъ мѣстѣ въ Финляндіи стоятъ интересы торговца, фабриканта, крупнаго крестьянина, церкви. Силу свеноманства составляютъ, на ряду съ помѣстнымъ дворянствомъ, чиновники, крупные промышленники и негоціанты. Эти элементы, въ свое время, затирали, насколько могли, финновъ; они, въ послѣднее время, стали консервативнѣе, но среди нихъ мы не встрѣтимъ явныхъ реакціонеровъ, явныхъ противниковъ всякаго прогресса. Свеноманы горячо стоятъ, напр., за свободу совѣсти, за права женщинъ.

Заслуги финномановъ въ прошломъ велики: благодаря трудамъ ихъ выдающихся людей, появилась финская культура; благодаря имъ, финскій языкъ изъ нарѣчія пахарей сталъ языкомъ науки, искусства и даже правительственныхъ учрежденій. Но въ послѣднемъ отношеніи, по мнѣнію нынѣшнихъ финномановъ, сдѣлано еще недостаточно, и они хотѣли бы, чтобы по всѣмъ дѣламъ, касающимся коренного финскаго населенія, переписка во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ велась по-фински; (теперь такое правило дѣйствуетъ только относительно судовъ низшей инстанціи и низшихъ административныхъ властей; остальныя же мѣста и лица свободны отъ этой обязанности). Въ настоящее время эту партію, какъ всякую, достигшую значительныхъ успѣховъ, уже тронуло нѣкоторое разложеніе; она выдѣлила изъ себя партію младо-финноманскую, болѣе прогрессивную, чѣмъ старо-финноманы, къ которымъ принадле-

жатъ многіе высшіе чиновники, профессора, духовенство, крестьяне (особенно богатые). Но младо-финноманы малочисленны, матеріальной силы въ ихъ рукахъ нѣтъ. И вотъ, эти ревностные защитники народныхъ правъ въ области языка—старые финноманы—въ то же время выступаютъ зачастую далеко не прогрессистами въ другихъ вопросахъ: они горой стоятъ за духовенство, свою вѣрную опору на сеймѣ; имъ вовсе не по душѣ, чтобы при городскихъ выборахъ каждый избиратель имѣлъ одинъ голосъ; они хотятъ остановиться на максимумѣ въ десять голосовъ, что̀ ясно показываетъ, что не объ одной простой справедливости тутъ идетъ рѣчь, а и о выгодахъ партіи. Поднимая національность, финноманы, какъ и всегда, должны были прибѣгать къ культурнымъ, демократическимъ средствамъ; были достигнуты спеціальныя національныя цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ получился и извѣстный общекультурный результатъ, который не особенно симпатиченъ для многихъ изъ старо-финномановъ. Прогрессивныя же стремленія нашли своихъ выразителей именно въ лицѣ младо-финномановъ, отъ которыхъ на этомъ сеймѣ исходили почти всѣ петиціи въ пользу рабочихъ. Быть можетъ, въ будущемъ эта партія—mutato nomine—и станетъ могущественной народной, прогрессивной партіей.

Оставляя почву правовую, политическую и переходя на экономическую, можно съ извѣстной степенью вѣроятности сказать, что свеноманы въ общемъ являются представителями интересовъ крупной буржуазіи, а финноманы — мелкой городской и сельской буржуазіи; съ интересами первой связаны интересы многихъ чиновниковъ „въ приказахъ постарѣлыхъ“, которымъ полная побѣда финномановъ грозитъ необходимостью, либо на старости лѣтъ садиться за финскую грамматику, либо покинуть свои теплыя мѣста (положеніе чиновниковъ здѣсь очень хорошее); съ интересами мелкихъ бюргеровъ и крестьянъ стоятъ въ связи интересы духовенства (выбираемаго прихожанами), которое почти поголовно приняло сторону финномановъ. Дѣйствительно, въ вопросахъ экономическихъ свеноманы всегда на сторонѣ полнаго laissez faire, laissez passer; „свобода промысловъ“—ихъ девизъ; поэтому они выступали на этомъ сеймѣ противниками урегулированія рабочаго дня, сокращенія работы малолѣтнихъ, запрещенія женщинамъ служить въ мѣстахъ распивочной продажи вина, закона противъ ростовщиковъ, требовали вящшаго контроля за элементарными курсами для рабочихъ. Свеноманскія газеты рѣзко возстаютъ противъ требованій рабочихъ, отрицая наличность здѣсь какого бы то ни было антагонизма между ка-

питаломъ и трудомъ. Финноманы же, напротивъ, особенно старофинноманы,—сторонники государственнаго вмѣшательства во всякія отношенія, сторонники мѣръ противъ евреевъ, цыганъ, противъ пьянства, противъ коммиссіонеровъ по пріисканію мѣста и т. п. Рабочій элементъ пока слабо представленъ младо-финноманами, и вообще классы, стоящіе ниже крестьянина-собственника и ниже городского мастера, пока мало принимаютъ активнаго участія въ здѣшней общественной жизни и въ значительной степени являются безъ значенія.

Какъ бы то ни было, но все-таки можно сказать, что у финномановъ пока больше реальныхъ, эгоистическихъ интересовъ, связанныхъ съ общимъ прогрессомъ, чѣмъ у свеномановъ, которые могутъ высказывать весьма передовые взгляды въ вопросахъ религіозномъ, еврейскомъ, женскомъ (и то не всегда), но въ то же время открыто утверждаютъ (напр., профессоръ Рунебергъ въ духовномъ сословіи), что лишь экономическая обезпеченность даетъ возможность и способность интересоваться общественными вопросами, и что потому въ дѣйствующей системѣ городскихъ выборовъ нужны лишь нѣкоторыя частичныя улучшенія, но отнюдь не отмѣна права имѣть по нѣскольку голосовъ.

II.

Послѣ этихъ самыхъ бѣглыхъ общихъ замѣчаній, перейдемъ къ отдѣльнымъ вопросамъ, обсуждавшимся на послѣднемъ сеймѣ. Наибольшее вниманіе, особенно среди „правящихъ классовъ“, возбудилъ вопросъ объ языкахъ. Газеты посвящали ему длинные столбцы; публика на хорахъ сейма, переполненныхъ до невозможности, жадно ловила каждое слово ораторовъ, говорившихъ по этому вопросу, и даже апплодировала и шикала одной рѣчи—вещь здѣсь почти небывалая.

Пробужденіе національности, выразившееся въ Финляндіи, какъ и въ другихъ странахъ, въ поднятіи значенія народнаго языка, привело къ требованію сдѣлать его языкомъ правительственныхъ учрежденій. Люди, отстаивавшіе финскую національность, не могли мириться съ тогдашнимъ (въ 1840—50 гг.) положеніемъ дѣла, когда финскій крестьянинъ, получивъ оффиціальную бумагу, написанную по-шведски, разыскивалъ себѣ дарового или платнаго переводчика; крестьянъ же говорящихъ только по-фински—около 6 или 7% Судьи и начальство писали по-шведски, потому что этотъ языкъ былъ удобнѣе для оффиціальнаго изло-

женія, и потому, что они въ то время и не могли себѣ представить, чтобы народное нарѣчіе могло когда-либо стать „культурнымъ языкомъ“. Но Снельманъ, философъ, публицистъ и государственный дѣятель, неустанно и въ разныхъ областяхъ работавшій надъ поднятіемъ финской національности, съумѣлъ достигнуть того, что въ 1863 г. послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, признававшій за финскимъ языкомъ одинаковыя права со шведскими во всѣхъ дѣлахъ, непосредственно касавшихся населенія, говорившаго по-фински.

Но тогдашнее чиновничество, вовсе не желавшее уступать финскому движенію, которое уже начинало отражаться на разныхъ сторонахъ жизни, съумѣло смягчить ударъ. На полное ознакомленіе судей съ языками своей страны былъ данъ 20-лѣтній срокъ, а для веденія переписки по-фински держались особые письмоводители, на что судьямъ выдавалась дополнительная къ жалованію сумма, обыкновенно 1.600 марокъ въ годъ.

Прошли 60-ые и 70-ые года; развитіе финской національности, несмотря на многія препятствія, шло впередъ вѣрнымъ шагомъ; въ 70-хъ годахъ возникло, между прочимъ, большинство финскихъ повременныхъ изданій; эта пресса имѣла и имѣетъ очень большое значеніе для направленія общественнаго мнѣнія. Наступилъ 1883 годъ, когда, согласно контракту 1863 года, начался срокъ, съ котораго должна была быть признана полная сила за финскимъ оффиціальнымъ языкомъ. Со стороны чиновничьей партіи были сдѣланы попытки оттянуть рѣшеніе вопроса, причемъ указывалось, что не малая часть судей, несмотря на полную готовность, вѣроятно недостаточно знаютъ еще финскій языкъ, чтобы на немъ составлять резолюціи. Но финноманы съумѣли сдѣлать такъ, что 29 декабря 1883 г. появилось Высочайшее повелѣніе, согласно которому суды низшей инстанціи, магистраты и упрощенныя городскія управленія, должны были писать бумаги, предназначенныя для просителей, на томъ языкѣ, на которомъ ведется дѣлопроизводство въ мѣстныхъ общинныхъ (или городскихъ) учрежденіяхъ. Въ мартѣ 1886 г., послѣдовало Высочайшее повелѣніе о дозволеніи употреблять въ этой перепискѣ оба языка. Въ 1887 г. было санкціонировано мнѣніе меньшинства сената относительно приведенія въ исполненіе упомянутаго Высочайшаго повелѣнія.

Съ 1887 г., не выходило новыхъ узаконеній по этому вопросу. Такимъ образомъ, теперь дѣло стоитъ такъ: если кто въ общинѣ съ финскимъ языкомъ имѣетъ дѣло въ низшемъ судебномъ учрежденіи, то всякія бумаги по этому дѣлу пишутся по-

фински, если только не будетъ спеціально выражено желанія, чтобы всякія объявленія просителю выдавались ему на шведскомъ языкѣ. Въ общинахъ со шведскимъ языкомъ — обратный порядокъ. При обращеніи къ инымъ, не судебнымъ низшимъ учрежденіямъ (напр., къ полиціи), получаются бумаги на томъ языкѣ, на которомъ къ нему обратились. Служебная же переписка происходитъ здѣсь на языкѣ общинномъ. Если же кто обратится къ учрежденіямъ высшимъ, то они должны употреблять тотъ языкъ, на которомъ къ нимъ обратились; но если въ судебной палатѣ въ обсужденіи дѣла принималъ участіе членъ, не настолько знающій финскій языкъ, чтобы написать на немъ резолюцію, то резолюція выдается на шведскомъ языкѣ, но сопровождается финскимъ переводомъ. Въ сенатѣ же переводъ является общимъ правиломъ. Теперь финноманы хотятъ раздвинуть рамки финскаго языка въ смыслѣ и языка резолюцій, выдаваемыхъ просителю, и языка служебной переписки.

Несмотря на все однако, финноманы на этомъ сеймѣ, какъ и на ближайшихъ предшествующихъ, не заговаривали о петиціи, имѣющей цѣлью разсмотрѣніе этого вопроса сеймомъ и изданія соотвѣтствующаго закона. Отношеніе партій по этому вопросу измѣнилось очень характерно. Въ 60-хъ и 70-хъ гг. и вплоть до 1885 г., изданія закона объ языкахъ желали финноманы; ихъ противники печатно доказывали, что вопросъ можетъ быть разрѣшенъ въ административномъ порядкѣ, зная, что административная власть не была въ то время на сторонѣ расширенія правъ финскаго языка. Послѣ 1885 года, все измѣнилось, и теперь финноманы возложили все упованіе на административное рѣшеніе. Свеноманы, напротивъ, стали отнынѣ доказывать, что вопросъ о новомъ расширеніи правъ финскаго языка и вообще о регулированіи отношеній между обоими языками въ примѣненіи ихъ правительственными учрежденіями настолько важенъ, что можетъ быть разрѣшенъ только въ законодательномъ порядкѣ.

Проектъ свеномановъ потерпѣлъ на сеймѣ крушеніе. Предложеніе комитета, въ общемъ близкое къ этому проекту, было принято однимъ дворянскимъ сословіемъ. Горожане раскололись на три партіи, и финноманы вмѣстѣ съ тѣми свеноманами, которые отчасти признавали принципъ общиннаго языка, голосовали противъ проекта комитета. Духовенство и крестьянство также провалили проектъ; они находили, что время для коренной реформы въ желательномъ имъ направленіи еще не настало, что нужно выждать болѣе благопріятный моментъ; что же касается частичныхъ измѣненій, то они могутъ быть предприняты

и административнымъ путемъ. Была сдѣлана попытка согласить отдѣльныя мнѣнія, но она разбилась объ упорство финской партіи. Въ послѣдніе же дни сессіи, во время его лихорадочной дѣятельности, внезапно появилась особая петиція крестьянскаго сословія и заключеніе особаго комитета, учрежденнаго этимъ сословіемъ для ея обсужденія; но она осталась безъ результата.

III.

Въ тѣсной связи съ борьбой свеноманов и финноманов стоитъ вопросъ о выборахъ въ городское сословіе сейма. На первое мѣсто его выдвинула, какъ мы уже говорили, именно эта самая борьба; несомнѣнно, однако, что возбужденію вопроса именно объ этихъ выборахъ не мало содѣйствовала болѣе высокая степень развитія городскихъ жителей, сравнительно съ сельскими, а также оскорбительное для большинства горожанъ право одного зажиточнаго лица имѣть нѣсколько голосовъ.

Какъ бы то ни было, объ измѣненіи порядка выборовъ въ сословія городское, духовное и крестьянское, было въ эту сессію принесено 14 петицій, изъ которыхъ большинство касалось реформы выборовъ въ городское сословіе. Изъ петицій видно, какъ несправедлива система этихъ выборовъ. То же самое доказываетъ и литература, касающаяся этого предмета. Во-первыхъ, какъ упомянуто выше, отъ участія въ политическихъ выборахъ устранены не только женщины, духовные, дворяне, войска, матросы торговыхъ судовъ, недоимщики по уплатѣ городскихъ сборовъ и лица, зарабатывающія себѣ на пропитаніе, но и состоящіе на службѣ у другихъ лицъ или постоянно работающіе на нихъ. Это—терминъ слишкомъ неопредѣленный, и поэтому здѣсь встрѣчались самыя разнообразныя толкованія: въ одномъ городѣ устраняли отъ выборовъ приказчиковъ, въ другомъ ихъ допускали; бывали случаи устраненія домовладѣльцевъ, состоявшихъ управляющими чужими дѣлами. О безпристрастномъ отношеніи къ вопросу не могло быть и рѣчи, такъ какъ отъ исхода именно городскихъ выборовъ зависѣло отношеніе обѣихъ національныхъ партій на сеймѣ.

Но это устраненіе, не вездѣ одинаково суровое и поражающее иногда довольно равномѣрно и высшій, и низшій классъ городского населенія,—меньшее зло сравнительно съ „лѣствицей голосовъ“ (röstskalan), дающее одному лицу нѣсколько голосовъ. Нѣсколько примѣровъ дадутъ читателю представленіе объ этой

системѣ. Возьмемъ Гельсингфорсъ, одинъ изъ оплотовъ свеноманства. На послѣднихъ выборахъ въ сеймѣ, избиратели, располагающіе однимъ голосомъ, составили 20,9% всѣхъ избирателей; тѣмъ не менѣе, число поданныхъ ими голосовъ равнялось лишь 2,1% всего количества голосовъ. Зато 18,1% всѣхъ выборщиковъ, но обладавшіе каждый 25 голосами, подали 45,1% всѣхъ голосовъ. При этомъ вполнѣ естественно, что число воздерживающихся отъ участія въ выборахъ значительнѣе среди лицъ съ немногими голосами, чѣмъ съ многими: такъ, воздержавшіеся среди первыхъ составили 63,9% всѣхъ воздержавшихся; лицъ съ 1 или 2 голосами, принявшихъ участіе на выборахъ, было всего 30% всѣхъ избирателей; лицъ же съ 25 голосами—71%. Такія же приблизительно отношенія существуютъ и въ Або, и въ Выборгѣ. Отсюда ясно, что люди съ небольшимъ числомъ голосовъ, т.-е. люди бѣдные, должны быть очень многочисленны, чтобы побить на выборахъ своихъ малочисленныхъ, но богатыхъ противниковъ. Въ частности же, антагонизмъ на выборахъ именно между богатыми и бѣдными опредѣляется тѣмъ, что теперь такое имущественное раздѣленіе совпадаетъ съ раздѣленіемъ на партіи: свеноманы насчитываютъ въ своихъ рядахъ гораздо больше зажиточныхъ людей, чѣмъ финноманы, къ которымъ въ большинствѣ городовъ принадлежатъ низшіе классы городского населенія.

Еще ярче выступитъ вопіющая несправедливость существующей системы, если мы примемъ во вниманіе еще одно ея послѣдствіе: бываютъ случаи, когда избраннымъ въ члены сейма оказывается не тотъ, за кого голосовало большее число лицъ, а тотъ, за кого подало голоса меньшинство, если это меньшинство обладаетъ, въ силу своего богатства, большинствомъ голосовъ. Такъ, при выборахъ на послѣдній сеймъ въ Тавастгусѣ представитель его былъ избранъ меньшинствомъ 72 лицъ противъ большинства въ 134 лица; въ Выборгѣ 250 лицъ побѣдили на тѣхъ же выборахъ 433; въ Брахестадѣ 19 побѣдили 73 и т. д. По вычисленіямъ же Снельмана, населеніе г. Гельсингфорса рѣзко дѣлится, по числу голосовъ, на двѣ половины: у однихъ въ среднемъ отъ 8 до 14 голосовъ; у другихъ—отъ 1 до 4½. Переходная группа въ 5 — 7 голосовъ отсутствуетъ. Такимъ образомъ, система многихъ голосовъ только усиливаетъ существующее различіе между зажиточной и менѣе зажиточной частью городского населенія.

Мы уже упоминали выше о недостаткахъ крестьянскаго представительства; въ духовномъ же сословіи замѣтно слишкомъ значи-

тельное преобладаніе одного духовнаго элемента; народные учителя не представлены; вообще, многіе свѣтскіе члены чувствуютъ себя не у мѣста въ этой средѣ людей по большей части консервативныхъ и съ узкимъ взглядомъ на вопросы, окончательное разрѣшеніе которыхъ зачастую, однако, зависитъ отъ ихъ согласія. Тѣ петиціи, въ которыхъ говорилось о полной отмѣнѣ „лѣствицы голосовъ", были дворянами и горожанами оставлены безъ разсмотрѣнія. Между тѣмъ это безспорно единственный способъ противодѣйствовать злу. При сохраненіи „лѣствицы" допущеніе къ политическимъ выборамъ даже всѣхъ нынѣ отъ нихъ устраняемыхъ далеко не отразилось бы на выборахъ пропорціонально числу допущенныхъ лицъ. Въ Гельсингфорсѣ, напримѣръ, такая реформа повела бы къ тому, что число лицъ съ однимъ голосомъ, имѣющихъ право политическаго голоса, увеличилось бы на 5,7%, но число ихъ голосовъ, относительно числа другихъ, возросло бы всего на 1,9%. Число лицъ съ 25 голосами относительно уменьшилось, бы лишь на 2,8%, а число ихъ голосовъ—лишь на 3,8%.

Характернѣе всего при всемъ этомъ то, что свеноманы, говоря о нравственномъ правѣ культурнаго меньшинства имѣть въ странѣ преимущество, не зависящее отъ его численности, никогда не высказываются за образовательный цензъ (существующій, напр.. въ Бельгіи), а отстаиваютъ нравственное превосходство, держащееся твердо, однако, благодаря деньгамъ, дающимъ силу на выборахъ. Тѣмъ не менѣе, свеноманы въ общемъ признавали необходимость расширить кругъ избирателей, но желали установленія ценза, который допускалъ бы къ выборамъ только обезпеченные классы населенія,—и сохраненія извѣстнаго максимума голосовъ за однимъ лицомъ,—максимума, соотвѣтствующаго крупному доходу. Такое положеніе дѣла вполнѣ соотвѣтствовало бы принятой свеноманами теоріи, согласно которой „обезпеченный доходъ. вѣрное экономическое положеніе, опытность въ обсужденіи вліянія различныхъ экономическихъ условій,—причемъ послѣднее качество является обыкновенно послѣдствіемъ большей состоятельности и дѣловитости,—составляютъ преимущества, которыя не всегда могутъ быть замѣнены даже ученостью и начитанностью".

Въ результатѣ, петиціи сдѣлали, однако, свое дѣло, и сеймъ призналъ нужнымъ ходатайствовать о правительственномъ предложеніи, которое устранило бы неясность въ опредѣленіи лицъ, лишенныхъ права участвовать въ политическихъ выборахъ, и регулировало бы максимумъ голосовъ и ихъ лѣствицу. Но такъ какъ петиціи касались порядка выборовъ не въ одномъ только

городскомъ сословіи, но и въ крестьянскомъ и въ духовномъ, то комитетъ, разсматривавшій петиціи, предложилъ примѣнить сказанное выше и къ крестьянскому сословію, открывъ здѣсь болѣе широкій доступъ къ выборамъ. Относительно же духовенства въ комитетѣ рѣшено было ходатайствовать о болѣе точной редакціи закона, опредѣляющаго право участія на выборахъ въ это сословіе, и о допущеніи здѣсь пропорціональнаго представительства. Духовное сословіе отнеслось очень просто къ этому предложенію комитета: оно выразило свое согласіе на реформы избирательной системы въ другихъ сословіяхъ, но высказалось противъ какихъ бы то ни было измѣненій въ своемъ status quo. Въ крестьянскомъ сословіи также слышались недовольные голоса: говорили, что если будетъ принята выборная система, основанная на общинномъ обложеніи, то многіе крестьяне, владѣльцы небольшихъ участковъ земли, будутъ побѣждены на выборахъ новыми элементами,—народными учителями, общинными врачами, и т. д. тогда какъ, напротивъ, нужно было бы поддерживать значеніе крестьянства, этого „крѣпкаго ядра“ страны. На самомъ же дѣлѣ въ Финляндіи существуетъ настоящая крестьянская аристократія: это крестьяне-владѣльцы крупныхъ участковъ, часть которыхъ сдается „торпарямъ“ и бобылямъ, обязаннымъ платить работой. Давно пора открыть здѣсь дорогу къ избирательному ящику и другимъ элементамъ деревни.

Дворянское сословіе одно приняло особое мнѣніе пяти членовъ комитета, находившихъ нужнымъ предоставить женщинамъ, имѣющимъ по существующему закону право на участіе въ общественныхъ выборахъ, право участія и въ политическихъ. Женщина въ Финляндіи поставлена очень хорошо: университетъ свободно допускаетъ ее въ число своихъ слушателей; ей открыта и частная, и правительственная служба; она участвуетъ, какъ сказано, на выборахъ въ общинныя должности. На этомъ сеймѣ былъ поднятъ вопросъ о расширеніи права женщинъ быть избираемыми на большее число общественныхъ должностей (нашлись, однако, лица, подававшія особыя мнѣнія противъ этого предложенія). Упомянутое выше особое мнѣніе, сославшись на улучшающееся положеніе женщины въ Финляндіи и на соображенія справедливости, прибавляетъ, однако, что предоставленіе женщинѣ права политическаго голоса было бы не только актомъ справедливости, но и благоразумія, такъ какъ такимъ образомъ въ политическую жизнь былъ бы введенъ охранительный элементъ; гораздо опаснѣе давать политическія права классамъ мало образованнымъ и бѣднымъ.

Все сказанное могло бы дать поводъ у насъ подумать, что финляндское правительство является какой-то отжившей средневѣковой организаціей, непригодной для удовлетворенія современныхъ потребностей. Но это не такъ. Въ финляндскомъ представительствѣ могутъ быть недостатки, главную причину которыхъ нужно искать въ быстромъ ростѣ страны. Но и существующее представительство дорого каждому финляндцу; оно сыграло громадную роль въ быстромъ процвѣтаніи страны за послѣднія 35—40 лѣтъ; оно служитъ ему гарантіей тщательной и осторожной выработки новыхъ законовъ; въ немъ принимаютъ участіе люди, которые могутъ принадлежать къ разнымъ партіямъ, но которые всѣ проникнуты глубокой любовью къ родинѣ и которые уже привыкаютъ внимать голосу общественнаго мнѣнія.

IV.

Такое отношеніе къ государственному устройству родины является продуктомъ общей сознательности, которая, въ свою очередь, въ значительной степени вызвана къ жизни *школой*, этимъ могучимъ факторомъ роста Финляндіи за послѣднее время. Всѣ классы общества охотно даютъ свои средства на учрежденіе и поддержку школъ. Свеноманы и финноманы, борясь между собой, соперничаютъ въ созданіи шведскихъ или финскихъ школъ. При разъѣздахъ по Финляндіи мы, особенно въ первое время, поражались тѣмъ, какъ часто здѣсь попадаются по дорогѣ прекрасныя школьныя зданія.

Успѣхомъ своимъ народная школа обязана здѣсь тому общему духу, которымъ повѣяло въ концѣ 50-хъ годовъ. До того времени школа была всецѣло въ рукахъ духовенства и отличалась крайнею ограниченностью своей цѣли (научить читать и писать); методы обученія были прямо варварскіе. Творецъ нынѣшней системы народнаго образованія, Уно Сигнеусъ, положилъ въ ея основу подчиненіе народной школы контролю одной свѣтской власти и введеніе въ нее широкой программы и усовершенствованныхъ методовъ. Но ему не удалось провести въ жизнь начало обязательнаго обученія. Кромѣ того, по такому типу устроены лишь такъ-называемыя высшія начальныя школы, въ которыхъ обучается лишь 29,4% (56.956) всѣхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 9 до 13 лѣтъ. Остальныя же учатся либо дома, либо въ низшихъ постоянныхъ или подвижныхъ школахъ, а также у духовенства. Низшія школы являются подготовленіемъ къ высшимъ

и въ сельскихъ мѣстностяхъ состоятъ въ завѣдываніи духовенства. Курсъ высшихъ школъ четырехлѣтній; въ программу входятъ, кромѣ обычныхъ предметовъ, и естествознаніе, и исторія, и физіологія. Финляндцы не удовлетворяются, однако, существующимъ положеніемъ дѣла и желаютъ значительно увеличить число существующихъ высшихъ школъ введеніемъ начала обязательности ихъ учрежденія. О такой мѣрѣ рѣшено было ходатайствовать на сеймѣ 1894 г.; на этотъ же сеймъ поступило правительственное предложеніе, являющееся отвѣтомъ на это ходатайство. Сеймъ представляетъ всѣ свои рѣшенія на благоусмотрѣніе верховной власти; если рѣшеніе было принято въ формѣ моціи, т.-е. готоваго текста закона, то въ случаѣ утвержденія его верховной властью оно немедленно получаетъ силу закона; въ случаѣ утвержденія другихъ рѣшеній сейма, правительство вноситъ въ одинъ изъ слѣдующихъ сеймовъ предложеніе, соотвѣтствующее ходатайству сейма, который можетъ такое предложеніе принять или не принять, послѣ чего можетъ поступить новое предложеніе.

Комитетъ, разсматривавшій это предложеніе, оказался на высотѣ своей задачи: несмотря на столь свойственную всѣмъ націоналистамъ привычку видѣть въ розовомъ свѣтѣ родные порядки, члены комитета признали, что относительно количества высшихъ (т.-е. подчиненныхъ инспекціи) народныхъ училищъ Финляндія отстала отъ другихъ странъ. Даже въ Италіи отношеніе числа учащихся ко всему населенію равно 7,07%; въ Финляндіи же оно—3,4%; конечно, при этомъ для Финляндіи принята въ разсчетъ лишь высшая народная школа, или другое учебное заведеніе съ равнымъ или болѣе широкимъ курсомъ; учатся же здѣсь и дома, и въ школахъ грамотности, весьма различныхъ по достоинству. Невысокъ % дѣтей, посѣщающихъ высшія школы, какъ мы это видѣли выше; онъ здѣсь составляетъ 29,4% (1896 г.), тогда какъ въ Пруссіи онъ равенъ 99,98%. Если же взять возрастъ не отъ 9 до 13 л., а отъ 7 до 15, то то-же отношеніе выразится 18,4%.

Согласно предложенію, принятому сеймомъ съ нѣкоторыми поправками, каждая сельская община должна отнынѣ дѣлиться на участки; если въ участкѣ не существуетъ высшей школы, а о желаніи поступить въ школу заявятъ, по крайней мѣрѣ, тридцать дѣтей, живущихъ въ предѣлахъ участка, то община должна озаботиться устройствомъ школы въ участкѣ. Если же въ существующей школѣ число учениковъ, жителей участка, желающихъ поступить въ школу и въ ней уже обучающихся, превыситъ 50, то долженъ быть приглашенъ второй учитель, и устроено со-

отвѣтственное помѣщеніе, или же участокъ раздѣленъ на два или болѣе участка, съ отдѣльной школой въ каждомъ. Наблюденіе за исполненіемъ этого новаго закона поручено губернаторамъ, причемъ въ теченіе трехъ ближайшихъ лѣтъ общины обязаны представить губернаторамъ свои проекты раздѣленія на школьные участки.

Теперь высшихъ народныхъ училищъ въ Финляндіи 1.396: чтобы одна школа приходилась хотя бы на 50 дѣтей школьнаго возраста, число ихъ должно по крайней мѣрѣ утроиться. Но гдѣ взять средства на такое количество новыхъ школъ? Гдѣ достать учителей? Что касается средствъ, то относительно этого вопроса, какъ и многихъ другихъ, здѣсь не приходится слышать тѣхъ скептическихъ замѣчаній, къ которымъ мы такъ привыкли дома, и гдѣ они порой оказываются очень вѣрными: во многихъ отношеніяхъ, финляндцы привыкли смотрѣть на будущее съ большимъ оптимизмомъ, далеко не лишеннымъ основанія, такъ какъ нельзя не признать, что обстоятельства до сихъ поръ слагались для нихъ въ высшей степени выгодно. Особенно же нечего имъ бояться за будущее школы; еще Сигнеусъ говорилъ, что на этотъ предметъ деньги всегда *должны быть*. Но и теперь уже сеймъ рѣшилъ ходатайствовать о томъ, чтобы сельскія общины могли получать изъ государственныхъ средствъ займы, погашаемые въ 50 лѣтъ; процентовъ не должно взиматься болѣе 3. Деньги эти должны употребляться на постройку новыхъ школъ.

Одновременно возбужденъ вопросъ о необходимости принять мѣры противъ недостатка въ подготовленныхъ учителяхъ, который ощущается уже и теперь (въ среднемъ ежегодно недостаетъ 93 такихъ учителей), и будетъ ощущаться гораздо сильнѣе при учрежденіи значительнаго числа новыхъ школъ. Столь же необходимой оказывается и выработка новыхъ правилъ для школъ въ виду обилія въ разное время изданныхъ постановленій. Вообще школа, какъ всегда, привлекала и на этомъ сеймѣ не малую долю вниманія: были обсуждены вопросы объ увеличеніи пенсій для учащихъ (1.000 марокъ народному учителю и 750—учительницѣ; около 380 и 285 рублей); объ увеличеніи имъ жалованья, увеличеніи числа учительскихъ библіотекъ (ихъ теперь 168), учрежденіи дополнительныхъ курсовъ для окончившихъ народную школу и т. д. Въ увеличеніи учительскаго вознагражденія было отказано. При этомъ комитетъ, разсматривавшій этотъ вопросъ, стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что учитель долженъ по образу жизни стоять близко къ народу; одинъ же членъ дворянскаго сословія, наоборотъ, находилъ, что народный учитель долженъ чувствовать себя

обезпеченнымъ: иначе онъ можетъ перейти въ лагерь людей недовольныхъ и начать распространять вредныя ученія...

Что касается такъ-называемыхъ „крестьянскихъ университетовъ", то сеймъ, какъ и ранѣе, постановилъ ходатайствовать о дозволеніи ассигновать на нихъ общія государственныя средства. До сихъ поръ эти ходатайства оставались безъ удовлетворенія; зато дозволялось оказывать государственную помощь такого же рода училищамъ, но съ болѣе технически-практическимъ курсомъ. Изъ существующихъ 19 учрежденій этого рода, восемь являются крестьянскими университетами, содержимыми на частныя средства и не придавшими своимъ программамъ болѣе прикладного характера съ цѣлью воспользоваться правительственной помощью. Эти училища, несмотря на одногодній курсъ и въ то же время разнообразіе ихъ программы, оказываютъ громадное повышающее вліяніе на деревенскую молодежь; поэтому-то на ихъ поддержку несетъ свои трудовые гроши и сельское населеніе. Тѣмъ не менѣе, трудно разсчитывать, чтобы и впередъ эти учрежденія могли успѣшно продолжать дѣйствовать безъ правительственной поддержки.

Чтобы покончить со школой, намъ остается прибавить, что, помимо ряда вопросовъ изъ области средняго образованія, въ концѣ сессіи былъ затронутъ и вопросъ о томъ, чтобы начальная народная школа служила необходимой стадіей для всякаго, желающаго получить среднее образованіе,—словомъ, предлагалась система, уже существующая въ С. Америкѣ, при которой всякій гражданинъ проходитъ черезъ народную школу, не являющуюся такимъ образомъ училищемъ только для низшаго класса народа. Какъ и ранѣе, сеймъ не далъ своего согласія на такую реформу: она была признана слишкомъ радикальной. Тѣмъ не менѣе, были выражены пожеланія о необходимости облегчить переходъ между народной школой и средне-учебнымъ заведеніемъ.

V.

Здѣшнія газеты, особенно свеноманскія, очень любятъ увѣрять своихъ читателей, что въ Финляндіи рабочаго вопроса не существуетъ, такъ какъ все проникнуто патріархальностью, и положеніе рабочихъ очень удовлетворительно. Само собою разумѣется, что это утвержденіе не совсѣмъ вѣрно: въ Финляндіи около 58.000 фабричныхъ рабочихъ (при населеніи въ 2.540.000 чел.); бываютъ времена безработицы; почти всегда есть люди безъ ра-

боты; рабочіе въ большихъ городахъ начинаютъ говорить о своихъ особыхъ интересахъ и т. п. Тѣмъ не менѣе, рабочій вопросъ здѣсь существуетъ далеко не въ такой формѣ, какъ на Западѣ. Причинъ тому нѣсколько. Во-первыхъ, Финляндія—страна съ рѣдкимъ населеніемъ, страна съ немногими и малонаселенными городами; около 10% жителей живутъ внѣ городовъ. Затѣмъ, около половины фабричныхъ рабочихъ тоже живутъ въ мѣстностяхъ сельскихъ [1]). Понятно, какое вліяніе оказываетъ такое разселеніе, внѣ вліянія большихъ городовъ и подъ вліяніемъ сельской изолированности. Затѣмъ, капитализмъ, быстро здѣсь ростущій, развивается при наличности иныхъ условій, чѣмъ на Западѣ и у насъ: здѣсь царитъ правовой строй, царитъ равенство, честность; никому не придетъ въ голову ударить рабочаго, обсчитать его (неграмотныхъ рабочихъ нѣтъ), заставлять забирать въ фабричной лавкѣ (такія лавки есть, но тамъ товаръ въ нихъ не дороже, чѣмъ въ другихъ, и никто не обязанъ покупать только въ нихъ); фабриканты, имѣя передъ глазами достаточно поучительныхъ примѣровъ, заботятся объ устройствѣ школъ, больницъ, союзовъ, развлеченій. Сами рабочіе держатъ себя съ большимъ достоинствомъ и выдержкой; случавшіяся здѣсь стачки не сопровождались сценами насилія. И тѣмъ не менѣе, въ области рабочихъ отношеній возникаютъ теперь вопросъ за вопросомъ, требующіе вниманія законодателя. Такихъ вопросовъ было бы, несомнѣнно, гораздо больше, если бы ими болѣе интересовалась здѣшняя интеллигенція, значительная часть силъ которой уходитъ на національную борьбу. Однимъ изъ важнѣйшихъ ходатайствъ была петиція о введеніи 10-часового рабочаго дня; въ большинствѣ производствъ работа длится дольше. Петиція встрѣтила крайне суровый пріемъ и была оставлена безъ движенія; находили, что регулировать рабочій день значитъ вмѣшиваться въ область, гдѣ должно царить свободное соглашеніе. Менѣе суровое отношеніе вызвала петиція, въ которой финнонанъ Стенрутъ доказывалъ необходимость произвести изслѣдованія о томъ, насколько необходимо урегулированіе рабочаго времени въ булочныхъ. Петиція составлена съ знаніемъ дѣла и ярко изображаетъ положеніе пекарей; они работаютъ въ среднемъ отъ 12 до 15 часовъ въ сутки, причемъ работа начинается съ 2, 3, 5 ч. дня и длится до 5—6 ч. утра. Помѣщенія плохи, рабочіе бѣгутъ отъ этой работы. Комитетъ, изложивъ исторію без-

[1]) По даннымъ 1892—93 г. въ городахъ было расположено 2.941 промышлен. заведеніе съ 25.050 рабочими; внѣ городовъ—2.884 заведенія съ 22.733 рабочими.

плодной борьбы пекарей за уменьшеніе хотя бы часовъ именно ночной работы, находилъ съ своей стороны возможнымъ, чтобы работа не начиналась ранѣе 5 часовъ утра; великой бѣды отъ этого не произошло бы—только позже поспѣвалъ бы свѣжій хлѣбъ, который требуютъ съ утра только зажиточные классы. Въ результатѣ комитетъ высказался за предложеніе петиціи, которое, послѣ нѣкоторыхъ обычныхъ манчестерскихъ caeterum censeo—было принято и сеймомъ. Точно также прошло и предложеніе назначить изслѣдованіе для выясненія могущихъ встрѣтиться въ законѣ недостатковъ относительно работы дѣтей и несовершеннолѣтнихъ; предложеніе учредить статистику положенія рабочихъ и элементарные курсы для тѣхъ изъ нихъ, которые не окончили школы; наконецъ, предложеніе объ отпускѣ общихъ государственныхъ средствъ на содѣйствіе постройкѣ домовъ для рабочихъ. Въ Финляндіи отсутствуютъ тѣ въ высшей степени тягостныя квартирныя условія, отъ которыхъ такъ терпятъ рабочіе въ большихъ городахъ западной Европы; но и здѣсь уже замѣчается чрезмѣрное скопленіе жильцовъ въ одной комнатѣ, за которую приходится платить относительно очень дорого. Рабочіе пытаются собственными силами бороться съ этимъ зломъ: они образуютъ изъ себя акціонерныя компаніи, дѣлаютъ заемъ на постройку будущаго дома (здѣсь допускается такой видъ заклада зданія) и выстраиваютъ очень удобныя жилища, въ которыхъ обыкновенно нанимаютъ помѣщенія сами акціонеры. Съ 1875 г., было выдано изъ государственныхъ средствъ болѣе $^1/_2$ милліона марокъ въ видѣ ссудъ на такого рода постройки; но эта форма помощи не могла имѣть особаго значенія, такъ какъ ссуда выдавалась только въ размѣрѣ 50% стоимости зданій; остальную же часть рабочимъ, нерѣдко съ трудомъ, приходилось добывать самимъ въ частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Сеймъ принялъ, однако, заключеніе комитета, согласно которому правительственная помощь должна только дополнять самодѣятельность рабочихъ, выдавая акціонернымъ компаніямъ или союзамъ, предпринимающимъ такія постройки, ссуды, составляющія около $^1/_3$ стоимости постройки; вся ссуда можетъ составить 75% этой стоимости; но предварительно должна быть добыта ссуда изъ частнаго источника.

VI.

Въ близкой связи съ рабочимъ вопросомъ стоитъ здѣсь вопросъ о безземельныхъ. Путешествуя по Финляндіи, вы постоянно видите жилища двухъ родовъ: просторные крашенные дома въ

4—5 комнатъ, окруженные крѣпкими службами, и узенькіе, низенькіе домики, напоминающіе наши мѣщанскія избенки въ уѣздныхъ городахъ; кругомъ огороженный клочокъ земли подъ картофелемъ, а иногда кое-какъ сколоченные хлѣва. Въ первыхъ живутъ крестьяне-собственники или арендаторы; во вторыхъ ютится „населеніе безъ опредѣленныхъ занятій", т.-е. не имѣющее земли и не состоящее на какой-либо постоянной службѣ. Сюда же причисляютъ иногда и торпарей, особый видъ арендаторовъ, что до извѣстной степени справедливо, такъ какъ они арендуютъ землю очень часто безъ письменнаго контракта и легко могутъ быть согнаны съ занимаемаго ими участка. Вообще земля разбита на довольно большіе участки, принадлежащіе сравнительно немногимъ лицамъ; остальное же населеніе является какъ бы живымъ инвентаремъ при этой землѣ, пользоваться которою оно можетъ подъ условіемъ работы на ея обладателей. Число этихъ безземельныхъ составляло, по даннымъ 1890 года (новѣйшихъ нѣтъ), до 32,63% сельскаго населенія; къ нимъ нужно прибавить еще 11,29% сельскихъ рабочихъ. Количество необезпеченнаго населенія особенно велико въ губерніяхъ улеаборгской и куопіоской, достигая тамъ 39,4 и 35,6%. За періодъ 1886—1890 г., численность этого населенія увеличилась на 3,5%, тогда какъ количество лицъ, владѣющихъ землей или имѣющихъ профессію, уменьшилось на 2,5%. Такое положеніе дѣла не могло не тревожить всѣхъ, кому близки интересы родины. Вопросъ объ улучшеніи положенія безземельныхъ былъ поднятъ еще въ 1885 г., но привелъ лишь къ учрежденію въ 1873 г. особаго представительства, ничѣмъ до настоящаго времени о себѣ не заявившаго. Независимо отъ того, были, впрочемъ, сдѣланы попытки облегчить покупку и арендованіе земли для безземельныхъ путемъ выдачи ссудъ съ этой цѣлью и дозволеніе дробить участки земли. Наконецъ, по случаю коронаціи было дозволено употребить 1.600.000 марокъ на улучшеніе положенія безземельныхъ. Но все это были лишь первые шаги.

Эти свѣдѣнія мы заимствуемъ изъ четырехъ петицій, представленныхъ сейму и предлагавшихъ различные способы помощи безземельнымъ. Сеймъ принялъ рѣшеніе изучить результаты опытовъ помощи безземельнымъ, сдѣланные въ Финляндіи и за границей, и облегчить имъ покупку земли собственными силами. Проектъ пастора Блумберга не былъ принятъ; онъ предлагалъ предпринять надѣленіе землей въ широкихъ размѣрахъ, съ выдачей ссудъ со стороны казны общинамъ на пріобрѣтеніе участковъ (не менѣе 10 гектаровъ каждый) изъ общинной же земли,

для надѣленія ею по крайней мѣрѣ 60% безземельныхъ, проживающихъ въ общинѣ. Нашли, что мѣра эта невыполнима (въ первыя пять лѣтъ потребовался бы расходъ болѣе 8.000.000 марокъ въ годъ), и что она, кромѣ того, стѣснила бы свободу общинъ принимать тѣ мѣры, которыя онѣ сами признаютъ наиболѣе удобными.

VII.

Гораздо бо̀льшій интересъ вызвала постройка новыхъ желѣзныхъ дорогъ. Быстро и безъ затрудненій прошли на сеймѣ ряды небольшихъ вѣтвей и дороги изъ Або до Кариса и отъ Улеаборга до Торнео. Кстати объ этой дорогѣ. Одна изъ петербургскихъ газетъ помѣстила по поводу ея постройки статью на тему: „caveant consules“; эта дорога пойдетъ-молъ по пустынѣ и нужна только для Швеціи на случай войны съ Россіей, а здѣшніе „шведоманы“ вѣдь стоятъ на сторонѣ Швеціи! Не говоримъ уже о томъ, что о постройкѣ этой дороги послѣдовало предложеніе съ нашей стороны отъ Верховной власти,—никому здѣсь и въ голову не приходитъ враждовать, въ союзѣ со Швеціей, съ Россіей; финляндцы стоятъ за свою установленную въ законѣ внутреннюю самостоятельность, но далеки отъ мысли образовать самостоятельное государство. Если же бояться желѣзной дороги, ведущей въ Швецію, то почему же не относиться такъ же и къ другимъ нашимъ дорогамъ, соединеннымъ съ заграничными путями государствъ болѣе опасныхъ въ военномъ отношеніи, чѣмъ Швеція? Скажутъ, что тѣ пути нужны для торговыхъ сношеній, этотъ же путь якобы есть чисто стратегическій, пролегающій черезъ пустыни сѣвера; но такое утвержденіе есть, въ лучшемъ случаѣ, плодъ незнакомства съ вопросомъ: не только на пути изъ Улеаборга въ Торнео лежитъ рядъ густо-населенныхъ мѣстъ,—эта дорога имѣетъ важное значеніе, соединяя Петербургъ съ незамерзающей норвежской гаванью Офутенъ: создается такимъ образомъ новый зимній путь, не зависящій отъ состоянія льда въ Финскомъ заливѣ.

Возгорѣлся бой на сеймѣ только изъ-за дорогъ изъ Куопіо въ Иденсальми (на сѣверѣ) и изъ Гельсингфорса на соединеніе съ Або. Первая дорога должна пройти среди мѣстности суровой и пустынной, и должна вызвать тамъ жизнь. Вторая должна служить прямымъ путемъ изъ Гельсингфорса въ Або, должна удешевить провозъ продуктовъ въ этой густо-населенной, культурной мѣстности, по которой она должна пройти. За сѣверную

дорогу стояли финноманы: она должна была оживить мѣстность съ финскимъ населеніемъ; за южную—свеноманы: она должна была облегчить сношенія для шведскаго населенія. Послѣ ряда осложненій, вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу проведенія южной дороги. Весь расходъ на постройку новыхъ правительственныхъ дорогъ составитъ въ ближайшее трехлѣтіе 19.775.000 марокъ (около 7½ милліоновъ рублей). Ассигнованы затѣмъ 2 милліона марокъ на субсидіи строящимся частнымъ желѣзнымъ дорогамъ, и 12.100.000 марокъ—на подвижной составъ существующихъ дорогъ и т. д.

VIII.

Существующее съ 1869 г. право покидать лютеранское вѣроисповѣданіе и признаніе съ 1889 г. за всѣми протестантскими сектами права исповѣдывать свое ученіе—естественно повели къ тому, что въ Финляндіи появилось извѣстное число лицъ, еще числящихся въ спискѣ лютеранскихъ прихожанъ, но не пожелавшихъ крестить своихъ дѣтей по обряду этой церкви. Сперва лютеранское духовенство вносило такихъ дѣтей въ свои метрическія книги, но въ послѣднее время оно начало въ этомъ отказывать. Между тѣмъ въ Финляндіи метрическія книги, ведущіяся духовенствомъ, замѣняютъ собой такъ-называемый гражданскій регистръ, введенный на Западѣ. Вслѣдствіе такого отказа со стороны духовенства, многія лица оказываются теперь въ крайне неудобномъ положеніи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требуются свѣдѣнія объ ихъ возрастѣ. Въ виду этихъ соображеній сеймъ рѣшилъ ходатайствовать объ обязательномъ внесеніи въ метрическія книги некрещенныхъ дѣтей лютеранскихъ родителей.

Такая мѣра имѣетъ здѣсь большое значеніе, такъ какъ число сектъ было велико и теперь все еще продолжаетъ расти; члены ихъ вербуются, главнымъ образомъ, среди низшихъ и среднихъ классовъ населенія. Секта піэтистовъ сыграла важную роль въ дѣлѣ развитія финской національности, пробуждая не одну душу къ болѣе сознательному отношенію къ окружающему.

Въ области судопроизводства сеймъ принялъ рядъ частичныхъ измѣненій существующаго процесса, который нуждается, однако, въ значительныхъ реформахъ, въ смыслѣ введенія суда присяжныхъ, устности производства въ высшихъ инстанціяхъ, отмѣны системы ревизіи приговоровъ низшихъ судовъ. Предложеніе же ввести адвокатскую корпорацію, съ требованіемъ отъ

ея членовъ спеціальнаго образованія, съ дисциплинарной властью и пр., встрѣтило со стороны сейма отказъ, какъ несоотвѣтствующее мѣстнымъ условіямъ.

Такая же судьба постигла и петицію о введеніи уѣзднаго самоуправленія—представительства уѣзда, вопросъ, поднимавшійся еще въ 70-хъ годахъ. Нынѣшній сеймъ нашелъ нужнымъ выждать результатовъ послѣдней реформы сельскаго общиннаго управленія. Эта важная реформа, только-что принятая, имѣетъ цѣлью рядомъ частичныхъ измѣненій оживить развитіе общинной жизни и упорядочить ее, регулируя общинное обложеніе, до сего времени отличавшееся полнымъ разнообразіемъ; она вводитъ одинъ предметъ обложенія—доходъ; раздаются, однако, голоса, утверждающіе, что доходы въ деревнѣ—величина, довольно трудно поддающаяся опредѣленію, и что было бы цѣлесообразнѣе ввести комбинацію обложенія и дохода, и имущества.

Еврейскій вопросъ существуетъ и здѣсь. Евреи получили право жить въ Финляндіи лишь съ 1859 г., т.-е. они воспользовались льготой, данной въ этомъ году отставнымъ русскимъ солдатамъ, служившимъ въ Финляндіи, въ числѣ которыхъ были евреи. Теперь ихъ потомство совсѣмъ здѣсь обжилось, говоритъ на мѣстныхъ языкахъ и ведетъ трезвую, трудолюбивую жизнь. Существованіе нѣкоторыхъ стѣснительныхъ правилъ для евреевъ повело къ поднятію вопроса о реформѣ ихъ. Попытки, въ этомъ направленіи сдѣланныя въ 1872 г. въ законодательномъ, а въ 1887 г. въ административномъ порядкѣ, не имѣли успѣха. Тогда, подъ вліяніемъ агитаціи финноманскихъ газетъ, сенатъ въ 1889 г. издалъ постановленіе, согласно которому здѣшніе евреи должны мѣнять паспорта каждые 6 мѣсяцевъ, а еврейскія дѣти, родившіяся здѣсь, могутъ оставаться въ странѣ лишь до вступленія ихъ въ бракъ или до того времени, когда они поступятъ на военную службу. Это постановленіе имѣло цѣлью воспрепятствовать размноженію евреевъ. Впрочемъ евреевъ, по даннымъ 1895 г., во всей странѣ всего 742 человѣка. Но крестьяне и опирающіеся на нихъ старофинноманы убѣждены, что если облегчить положеніе евреевъ въ Финляндіи, то туда хлынетъ цѣлый потокъ массы евреевъ изъ Россіи.

Свеноманы зато подняли усиленную агитацію въ пользу евреевъ; за нихъ стоятъ и младо-финноманы. Но ходатайство сената въ 1895 г. не имѣло успѣха. Въ настоящую сессію свеноманъ Лилле, редакторъ „Nya Pressen“, подалъ петицію о предоставленіи родившимся въ Финляндіи евреямъ правъ финскаго гражданства; онъ, какъ и всѣ свеноманы, стоитъ на той точкѣ

зрѣнія, что евреи больше всего вреда оказываютъ тамъ, гдѣ имъ искусственно препятствуютъ сливаться съ населеніемъ. Послѣ продолжительныхъ дебатовъ, сеймъ рѣшилъ ходатайствовать объ отмѣнѣ постановленій о запрещеніи евреямъ жить въ странѣ послѣ вступленія въ бракъ и о дозволеніи учреждать синагоги.

Что касается финансовъ, то сеймъ констатировалъ блестящее ихъ положеніе; особенно усилилось поступленіе таможенныхъ сборовъ, этой главной приходной статьи финляндскаго бюджета. Въ противоположность нашей финансовой системѣ, доходъ отъ обложенія спиртныхъ напитковъ составляетъ здѣсь лишь около 9% всѣхъ остальныхъ доходовъ; при такихъ условіяхъ, у правительства и у общественныхъ учрежденій руки развязаны для дѣйствительной борьбы съ пьянствомъ, и въ этомъ отношеніи здѣсь сдѣлано очень много. Въ виду ожидаемой реформы таможеннаго тарифа, въ смыслѣ уравненія его съ имперскимъ, сеймъ призналъ нужнымъ представить на благоусмотрѣніе Верховной власти свои пожеланія, чтобы таможенный тарифъ не подвергался инымъ измѣненіямъ, какъ только вызываемымъ особенностями страны. Измѣненіе этого тарифа стоитъ грознымъ вопросомъ предъ Финляндіей, развивавшейся до сихъ поръ при гораздо болѣе низкихъ ввозныхъ пошлинахъ, чѣмъ наши.

Въ заключеніе нашего очерка пожелаемъ Финляндіи продолжать идти впередъ по пути всесторонняго развитія; ея порядки служатъ, впрочемъ, гарантіей того, что и въ будущемъ за нею обезпечено спокойное и разумное развитіе умственныхъ, нравственныхъ и экономическихъ силъ страны.

П. Д.

ИЗЪ АДЫ НЕГРИ

I.

ВЕЛИКІЕ.

Дивлюсь я сильнымъ, чье чело отмѣтилъ
Небесный поцѣлуй,
Чей духъ надъ тьмой парилъ, могучъ и свѣтелъ,
И пилъ изъ райскихъ струй;
Чей былъ удѣлъ—и блескъ, и пѣснопѣнья,
И чувствъ безумный жаръ,
И горечь мукъ, и сладость вдохновенья,
И всѣхъ гармоній даръ;
Что въ міръ несли святыню откровеній
Въ пророческихъ рѣчахъ,
И умерли—средь гимновъ и видѣній,
Въ немеркнущихъ лучахъ...

Люблю мятежныхъ съ пламенной душою...
Ихъ сердце скорби жгли,
Ихъ рокъ связалъ любовью неземною
Съ страдальцами земли,
Съ проклятыми, что братья предавали
И разрѣшалъ Христосъ...
Они законы новые вѣщали
Толпамъ, средь бурь и грозъ,
И смѣлый гимнъ грядущей правдѣ пѣли,
Сіявшей имъ вдали,
И, скованы, предъ пыткой не блѣднѣли,
На казнь—съ улыбкой шли...

Но кровью сердца плачу надъ судьбою
Тѣхъ, кто во тьмѣ великъ,
Тѣхъ алчущихъ, гонимыхъ, что покою
Не знали ни на мигъ,
Терпѣли гнетъ—и сохранить умѣли
Незлобье душъ своихъ,
И въ нищетѣ—похитить не хотѣли
Плодовъ отъ нивъ чужихъ;
Что, упиваясь желчью и слезами
Отъ оскорбленій злыхъ,
Враговъ своихъ не звали палачами
И не убили ихъ;
Что въ дождь, въ морозъ, забыты, всѣмъ чужіе,
Униженно брели,
Холодные, голодные, нагіе,—
И вѣру сберегли;
Что на гнилой соломѣ отдыхали,
Остатокъ силъ губя,
И, безпріютные, въ больницахъ вѣкъ кончали,
И умерли—любя...

II.

ВОДОПАДЪ.

Изъ какихъ ключей заоблачныхъ родишься
Ты, могучій водопадъ?..

Межъ утесистыхъ громадъ,
Низвергаясь, ты сверкаешь и клубишься;

Море внемлетъ грохотъ твой
И объятія готовитъ;—

И никто не остановитъ
Грозный бѣгъ твой вѣковой!..

Изъ какихъ глубинъ таинственныхъ струится
Твой, о мысль, родникъ живой?..

Изъ тебя пьетъ родъ людской,
Что отъ жажды изнываетъ и томится;

Солнце, лучъ въ тебѣ дробя,
Для тебя вѣнецъ готовитъ;—

И никто не остановитъ
Въ безднахъ вѣчности тебя!..

III.

SPES.

Когда безжалостно, въ дни горя рокового,
Страданье жжетъ намъ грудь,
Душа стремится въ высь, чтобъ цѣпи зла земного
Съ себя стряхнуть...

Въ морозной вышинѣ, гдѣ вихрь заворожённый
Въ безмолвномъ небѣ спитъ,
Смиряется орелъ, когда окровавлённый
Туда взлетитъ...

Такъ, истощивъ весь ядъ проклятій, въ насъ смолкаетъ
Мятежный духъ, и вновь,
Смирясь, изъ глубины душа съ мольбой взываетъ:
Любовь, любовь!..

IV.

НЕ ДОЛГО.

Она казалась мечтой поэта:
Всегда въ нарядъ бѣлоснѣжный одѣта,
Какъ сфинксъ, во взорѣ загадки полна,

Съ косой, спадавшей на станъ ея тонкій,
Съ короткимъ смѣхомъ и пѣснею звонкой,
Какъ мраморъ статуй античныхъ стройна...

Она любила—увы, безъ отвѣта—
И жгучій пламень таила отъ свѣта,
И въ сердцѣ горе безмолвно несла;

Она сгорѣла отъ злого недуга—
И, какъ вербена подъ первою вьюгой,
Въ осенній вечеръ она умерла...

А. Колтоновскій.

НАЧАЛО
ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ

— Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга одиннадцатая. Спб. 1897.

Пятидесятые года въ нашей общественной и внутренней политической исторіи чрезвычайно любопытны тѣмъ поворотомъ, какой совершился на небольшомъ пространствѣ времени во взглядахъ правительства и въ умахъ общества. Начало ихъ ознаменовано было тѣмъ строгимъ и упорнымъ консерватизмомъ, какой начался или, точнѣе, обострился въ концѣ сороковыхъ годовъ, о которыхъ мы недавно говорили [1]); конецъ ихъ отличался такимъ сильнымъ стремленіемъ къ преобразованію, какого русская жизнь давно уже не видала. Объясненіемъ поворота было то, что въ серединѣ этихъ годовъ началась и окончилась Крымская война.

Въ первыхъ пятидесятыхъ годахъ едва ли у кого-нибудь въ средѣ общества, а еще менѣе въ средѣ правительства была мысль о возможности такого поворота. Правда, то наслѣдіе, какое оставили сороковые года, сохранялось въ умахъ образованнѣйшихъ людей, какъ глубокая потребность науки, какъ желаніе, чтобы общество пробудилось наконецъ изъ умственнаго сна, и это исканіе лучшихъ условій для общественной мысли было одинаково живо въ обоихъ лагеряхъ, на которые дѣлились люди сороковыхъ годовъ, и которые были теперь едва замѣтны,—но въ данную минуту положеніе вещей, установившееся въ концѣ сороковыхъ годовъ, не давало никакой

[1]) См. „Вѣстникъ Европы“ 1897, апрѣль: „Конецъ сороковыхъ годовъ“.

надежды на лучшія условія общественной жизни, науки и литературы. Первые пятидесятые года, о которыхъ мы хотимъ говорить, были непосредственнымъ продолженіемъ предъидущаго: литература и наука едва существовали подъ усиленнымъ цензурнымъ надзоромъ, а внѣ ихъ русское общество не имѣло никакого иного выраженія своихъ умственныхъ, художественныхъ и общественныхъ стремленій. Но тѣмъ не менѣе и въ этихъ невозможныхъ условіяхъ, которыми тяготились даже люди издавна консервативнаго направленія, враждебно относившіеся ко всякому „западному“ либерализму, каковы были, напримѣръ, Погодинъ и его другъ Шевыревъ,—и въ этихъ условіяхъ продолжала теплиться самобытная жизнь мысли и художественнаго творчества, и проблескамъ ея, какъ увидимъ, радовались сами консерваторы, восклицая: „живъ, курилка!“

Погодинъ былъ по прежнему восторженнымъ историкомъ патріотическихъ событій, чередуясь иногда съ Шевыревымъ. Въ началѣ января 1850, въ Москвѣ данъ былъ обѣдъ кн. Б. Д. Голицыну, сыну знаменитаго князя Димитрія Владиміровича, очень популярнаго нѣкогда генералъ-губернатора Москвы, прибывшему изъ Петербурга государевымъ вѣстникомъ о рожденіи 2-го января того года, великаго князя Алексѣя Александровича. Этотъ обѣдъ съ тостами и рѣчами былъ краснорѣчиво описанъ въ „Москвитянинѣ“ Шевыревымъ. Погодинъ явился историкомъ другого событія: акта въ университетѣ въ Татьянинъ день, 12 января, и послѣдовавшаго за нимъ завтрака. Для Погодина университетъ былъ святыней просвѣщенія, и понятно, что въ своемъ разсказѣ объ университетскомъ торжествѣ онъ примѣнилъ все свое краснорѣчіе. Въ своемъ дневникѣ онъ записалъ подъ 13 января: „Написалъ статью я прекрасно. Послалъ къ попечителю“. Попечитель былъ главою университета, а также и главою московской цензуры.

Описаніе университетскаго праздника въ разныхъ отношеніяхъ очень характерно. Съ одной стороны превознесеніе науки и ея органа въ университетѣ, съ другой всѣ оговорки объ ея безвредности для государственнаго порядка, и осужденія превратныхъ направленій мысли; и въ особенности превознесеніе того, что̀ сдѣлано было на пользу университетовъ русскими государями, и наконецъ даже заклятіе противъ тѣхъ „профессоровъ“, которые не признали бы этихъ истинъ,—все это въ самомъ возвышенномъ, патетическомъ тонѣ.

„12-е января есть день незабвенный въ исторіи Москвы, въ исторіи Русскаго просвѣщенія, въ исторіи Отечества. 12 января, 1755 года, по мысли Ломоносова, поднесенной къ престолу Шуваловымъ, основано было въ Москвѣ, средоточіи Россіи, первое Русское Всеучилище (университетъ); поставленъ былъ самодержавною рукою Императрицы Елизаветы на семи холмахъ первопрестольнаго града высокій свѣщникъ, да разливаютъ возженные на немъ свѣтильники благодатный свѣтъ знанія по всѣмъ странамъ неизмѣримаго Царства до крайнихъ предѣловъ обитанія.

„Ломоносовъ, крестьянинъ, сынъ бѣднаго Архангельскаго рыболова, отецъ Русской словесности и науки, академикъ, и одинъ изъ первыхъ ученыхъ во всей Европѣ.

„Шуваловъ, дворянинъ, знаменитый вельможа, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, ревностный ходатай науки и благоразумный представитель ученаго сословія предъ Престоломъ.

„Императрица Елизавета, благосердная дочь и исполнительница мыслей Великаго Петра, у котораго главною темою всѣхъ дѣйствій, на морѣ и сушѣ, во дворцѣ и сенатѣ, на Полтавскомъ полѣ и Сардамской хижинѣ, была славная Русская пословица: ученье свѣтъ, а неученье тьма.

„И этого гласа вдохновенной мудрости слушались всѣ его приснопамятные преемники:

„Императрица Елизавета основала университетъ.

„Императрица Екатерина присоединила къ нему народныя училища и гимназіи.

„Императоръ Александръ дарованными университетамъ преимуществами привлекъ новыхъ учащихся.

„Императоръ Николай утвердилъ существованіе ученаго сословія, успокоивъ профессоровъ и учителей на время ихъ старости, болѣзни и смерти, обезпечивъ судьбу ихъ дѣтей и семействъ.

„Кто смѣетъ сказать, кто можетъ подумать что-либо противъ сихъ истинъ, осязательныхъ, историческихъ!

„И прильпни языкъ къ гортани того профессора, того учителя, который забылъ бы эти жизненныя благодѣянія Правительства для просвѣщенія“!

Дальше онъ припомнилъ слова Бакона, что половинное знаніе ведетъ къ невѣрію, полное знаніе производитъ вѣру, и къ этому изреченію его мудрости онъ „осмѣлился“ присоединить, „въ отвѣтъ слѣпымъ поклонникамъ тьмы и близорукимъ противникамъ свѣта, что половинное образованіе, злоупотребленное знаніе ведетъ къ буйству, мятежу, безпорядку; полное истинное

образованіе, благоупотребленное знаніе утверждаетъ спокойствіе и миръ". Онъ продолжалъ: „Слово есть мечъ обоюдоострый; познаніе добра и зла произрастало и въ первомъ раю на одномъ деревѣ; нужна бдительность, осторожность, мудрость, чтобъ пользоваться добромъ и избѣгать зла".

Литургію совершалъ въ университетской церкви митрополитъ Филаретъ, который по окончаніи ея произнесъ поученіе. „Онъ говорилъ не больше четверти часа; но мнѣ показалось, что я прослушалъ, употреблю учебное выраженіе, цѣлый семестръ божественной науки въ какомъ-то высшемъ университетѣ, на горѣ Хоривѣ или Сіонѣ. Отходя отъ каѳедры златоустовой, тяжело было головѣ отъ возбужденныхъ мыслей, и легко было сердцу отъ сладкихъ чувствованій".

И затѣмъ Погодинъ размышляетъ: „Благочестіе—вотъ условіе мудрости. Избѣгайте зла, и вы достигнете просвѣщенія! Видите, какъ это просто, сказалъ нашъ великій учитель". Изобразивъ великую ученость самого проповѣдника, Погодинъ замѣчаетъ, что онъ прибавилъ это „для ученыхъ своихъ слушателей, у которыхъ по необходимости, вслѣдствіе ихъ занятій, напряженнаго вниманія, умъ заходитъ иногда за разумъ, и для которыхъ тогда ничто не бываетъ такъ мудрено, какъ простое. Не въ укоръ будь это сказано ученому сословію, къ которому имѣю счастіе принадлежать, а въ искреннее сознаніе недостатковъ науки, на извѣстныхъ ея степеняхъ и въ извѣстныхъ обстоятельствахъ".

Все это говорилось безъ сомнѣнія искренно, но удивительно одно, что у Погодина, который „имѣлъ счастіе" принадлежать къ ученому сословію, не являлось при этомъ никакой мысли о томъ, насколько возможно было „полное знаніе", о которомъ онъ говорилъ, могли ли способствовать такому знанію тѣ степени и обстоятельства, въ какихъ обрѣталась русская наука? Если бы онъ дѣйствительно понималъ высокія и неустранимыя требованія научнаго изслѣдованія, онъ прежде всего долженъ былъ бы видѣть, до какой степени были ограничены, въ особенности тогда, предѣлы русской науки, какъ скудны были ея силы, какъ скромны тѣ вопросы, которыхъ тогда ей дозволено было касаться, и какое огромное поле вопросовъ, наиболѣе существенныхъ и самыхъ основныхъ въ наукѣ, оставалось для русской науки совершенно недоступно. Какъ сейчасъ увидимъ, онъ, по его обычаю, самъ тутъ же объ этомъ проговорился.

Описаніе завтрака сдѣлано въ слѣдующихъ выраженіяхъ, гдѣ Погодинъ опять не могъ обойтись безъ шпилекъ противъ Запада и его поклонниковъ. „Опять Русское явленіе! *Хлѣбъ-соль*. О, вы,

западные мудрецы, и вы, восточные ихъ поклонники, переведите мнѣ это выраженіе на какой угодно изъ вашихъ вавилонскихъ діалектовъ! Объясните мнѣ то чувство, которое наполняетъ сердце у всякаго чисто-русскаго человѣка при этомъ благословенномъ наслѣдствѣ его древняго патріархальнаго быта. *Хлѣбъ-соль*! Нѣтъ, вы не переведете и не объясните его. Повѣрьте же мнѣ, изучающему тридцать лѣтъ Русскую Исторію, что это дѣдовское выраженіе принадлежитъ къ числу драгоцѣннѣйшихъ регалій и клейнодовъ Отечества, повѣрьте мнѣ, что въ немъ больше нравственной силы, чѣмъ въ иномъ заморскомъ курсѣ"... Можно подумать, что Западъ не додумался до общественныхъ обѣдовъ и завтраковъ: тридцатилѣтнее изученіе русской исторіи не сообщало Погодину свѣдѣнія объ этомъ предметѣ.

Далѣе, когда недавно передъ тѣмъ назначенный попечитель поздравилъ профессоровъ съ праздникомъ, произнесъ желаніе процвѣтанія и благоденствія университету, и затѣмъ повторилъ это желаніе студентамъ, обѣдавшимъ въ другихъ залахъ, то, по словамъ историка, „всѣ лица просіяли, на многихъ глазахъ блеснули слезы, какъ будто *гора недоумѣнія* или сомнѣнія свалилась съ сердца. Всѣ присутствовавшіе съ *искреннею благодарностью* обратились къ попечителю, начавшему свое знакомство съ университетомъ такъ просто, искренно, такъ радушно и любовно". Такимъ образомъ оказывается, что на той наукѣ, которой Погодинъ только-что читалъ урокъ смиренія и благоразумія, лежала гора сомнѣній—очевидно, сомнѣній въ самомъ своемъ существованіи: лица просіяли, на многихъ глазахъ блеснули слезы, всѣ присутствовавшіе обратились къ попечителю съ искренней благодарностью—по тому простому случаю, что онъ произнесъ самый обыкновенный, можно сказать, шаблонный тостъ за процвѣтаніе университета и поздравилъ профессоровъ съ праздникомъ.

Эту оборотную сторону медали мы видимъ и въ отвѣтѣ Погодина попечителю, который остался его статьею доволенъ. „Радъ, что, выразивъ свои мысли, я угадалъ вмѣстѣ и образъ мыслей Правительства. А признаюсь, *со страхомъ* я ожидалъ вашего отвѣта: не за свою статью, ибо она для меня собственно ничего не значитъ, а за ея смыслъ. Изъ отвѣта вашего превосходительства я увидѣлъ, въ подтвержденіе вашего тоста, что просвѣщеніе у Правительства *не въ опалѣ*, о чемъ было *общее сомнѣніе* не только въ университетѣ, но и въ городѣ. Вы не можете вообразить, что̀ произвелъ вашъ тостъ о процвѣтаніи университета! Что̀ я сказалъ въ статьѣ, то не фигура риторике-

ская: всѣ оживились и за столомъ мнѣ наливали бокалъ люди даже противной мнѣ партіи"!..

Изъ этихъ объясненій можно заключить, что статья Погодина, кромѣ выраженія его простыхъ благожеланій университету, имѣла еще и такъ сказать политичное назначеніе: тѣмъ не менѣе остаются очень странны эти нравоученія бѣдной русской наукѣ, когда самъ Погодинъ зналъ ея положеніе и „со страхомъ" думалъ объ ея будущемъ. Въ предъидущей статьѣ [1]) мы говорили о томъ, какія мѣры принимались тогда противъ университетовъ и какъ въ обществѣ опасались даже замѣны университетовъ высшимъ военно-учебнымъ заведеніемъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ, въ университетѣ данъ былъ любительскій концертъ студентовъ въ пользу бѣдныхъ товарищей. Объ исполненіи концерта написалъ статью Шевыревъ; но затѣмъ прибавилъ свою статью и Погодинъ, обративъ вниманіе на благотворительную сторону концерта. Статья опять имѣла политичный смыслъ. Концертъ былъ новинкой и Погодинъ, очевидно, желалъ, по тогдашнимъ временамъ, впередъ объяснить, что въ этомъ не было ничего дурного, что, напротивъ, будетъ сдѣлано хорошее дѣло, будетъ дана помощь многимъ бѣднымъ юношамъ, которые ищутъ науки, почти или совсѣмъ не имѣя средствъ къ существованію; онъ изобразилъ тяжелое положеніе такого бѣднаго студента, которое не могло, наконецъ, не вызвать участія общества. Но къ этому онъ присоединилъ по обыкновенію свою шумливую реторику. Подъ 25 февраля въ его дневникѣ сдѣлана запись: „въ университетскій концертъ съ удовольствіемъ. Назимовъ (попечитель) осыпаетъ ласками", во время концерта у него „шевелилась статья"; а написавши статью, отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ подъ 28 февраля 1850: „Будутъ смѣяться". И онъ не ошибался. При всемъ прекрасномъ заступничествѣ за бѣдныхъ студентовъ, при всемъ его добромъ намѣреніи растолковать хорошее дѣло, онъ, какъ почти всегда, пересолилъ.

Описавъ краснорѣчиво университетскую залу, онъ описываетъ и самый концертъ: „Но вотъ собирается публика многочисленная, почетная. Идетъ заслуга, слава, красота, умъ, поэзія, ученость—всѣ, всѣ собираются на университетскій праздникъ. Не стану называть никого по именамъ. Мнѣ пріятно думать, что, угадывая, никто не ошибется, кому принадлежитъ то и другое.

„Молодые распорядители летаютъ по рядамъ, показываютъ мѣста, усаживаютъ дамъ, раскланиваются, получаютъ пріятныя

[1]) „Конецъ сороковыхъ годовъ".

улыбки, окидываютъ взорами всю залу, замѣчаютъ, гдѣ еще остаются свободныя кресла, сообщаются знаками между собою, и, въ полномъ удовольствіи, становятся на свои мѣста, хозяева и герои.

„Поданъ знакъ. Начинается увертюра. Капельмейстеръ стоитъ въ срединѣ, въ рукахъ у него нѣтъ никакого инструмента, но онъ управляетъ всѣмъ оркестромъ. Оборотится направо—ударитъ скрипка; сдѣлаетъ движеніе налѣво—раздадутся фаготы, подастъ знакъ рукою—зазвучитъ флейта, взглянетъ — и самъ огромный контръ-басъ, проснувшись, издаетъ свои глухіе звуки. Взоры музыкантовъ обращены къ нему, всѣ ловятъ малѣйшее его движеніе, повинуются немедленно, съ точностью, — потому и выходитъ все стройно, правильно, благозвучно. Великое дѣло въ большомъ оркестрѣ одинъ человѣкъ, знающій капельмейстеръ; никакой отличный музыкантъ замѣнить его не можетъ. Весь оркестръ кажется однимъ инструментомъ, и гармонія торжествуетъ“, и такъ далѣе.

Первымъ изъ студентовъ явился князь Радзивиллъ, вторымъ былъ г. Воскресенскій: „при этомъ имени послышался шопотъ въ рядахъ: одни слушатели изъявляли свое удовольствіе, что искусство распространяется у насъ и становится *общимъ удѣломъ* (?), а другіе какъ будто опасались, выдержитъ ли г. Воскресенскій состязаніе съ громкими именами, которыя, разумѣется, имѣютъ больше средствъ воздѣлывать свои таланты“. Являлись и другіе студенты; наконецъ, студенты были и въ оркестрѣ: „имена ихъ остались неизвѣстными, но собственное чувство, собственное сознаніе вознаградило ихъ, можетъ быть, даже больше всѣхъ удовольствій самолюбія. Въ неизвѣстномъ подвигѣ на общую пользу есть что-то особенно благородное, есть что-то поэтическое“, и т. д. Въ заключеніе Погодинъ пожелалъ, чтобы этотъ концертъ былъ первымъ въ числѣ прекрасныхъ, благородныхъ праздниковъ искусства въ университетѣ. „Можетъ быть, къ нему присоединятся чтенія, сцены, спектакли. Искусство должно оживлять науку, и умъ безъ сердца ничего не значитъ. Конечно, въ университетѣ первое мѣсто наукѣ, но наука всегда предоставляла у себя почетное мѣсто искусству. Благодарность начальству, которое благожелательствуетъ наукѣ и воздаетъ должную честь искусству“.

Погодинъ справедливо предполагалъ, что статьѣ „будутъ смѣяться“: описаніе концерта напоминало тонъ провинціальной литературы, какую Гоголь изображалъ въ „Мертвыхъ Душахъ“;

а наконецъ, всѣмъ было извѣстно, что благосклонность начальства была не такъ велика.

Дѣйствительное положеніе университетовъ не улучшилось съ конца сороковыхъ годовъ. Въ январѣ 1850 г., министромъ просвѣщенія назначенъ былъ кн. Ширинскій-Шихматовъ, его товарищемъ—Норовъ. По замѣчанію г. Барсукова, вступленіе этихъ сановниковъ на поприще народнаго просвѣщенія привѣтствовалъ самъ митрополитъ Филаретъ: „Сіи, — писалъ онъ тогда А. Н. Муравьеву, — конечно пожелаютъ просвѣщать восточнымъ свѣтомъ: да поможетъ имъ Востокъ свыше". Погодинъ и Шевыревъ были довольны назначеніемъ новаго министра; Шевыревъ вскорѣ послалъ ему свою книгу: „Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь" и просилъ вспомогательную сумму для изданія своихъ лекцій, и повидимому, успѣшно. Погодинъ писалъ Шевыреву: „Министру спасибо. А отъ умнаго нашего и просвѣщеннаго графа С. С. Уварова государь вѣрно не услыхалъ въ двадцать лѣтъ ни одного собственнаго имени". Но вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ замѣчалъ: „Шихматовъ формалистъ—и я предвижу разныя недоумѣнія и непріятности".

Дѣйствительно, вскорѣ по назначеніи Шихматова министромъ, Погодинъ записываетъ въ дневникѣ: „Непріятныя извѣстія о просвѣщеніи". Эти извѣстія разъясняются въ дневникѣ А. В. Никитенка: „Опять гоненіе на философію,—писалъ онъ;—предположено преподаваніе ея въ университетахъ ограничить логикою и психологіею, поручивъ и то и другое духовнымъ лицамъ. Говорятъ, Блудовъ настаиваетъ, чтобы въ программу была включена и исторія философіи. Министръ не соглашается. Профессору философіи Фишеру онъ сказалъ, что *польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ*. И дѣйствительно, при назначеніи князя Ширинскаго министромъ, императору Николаю I благоугодно было повелѣть ему представить свои соображенія о томъ, полезно ли преподаваніе философіи при предосудительномъ развитіи этой науки германскими учеными, и не слѣдуетъ ли принять мѣры къ огражденію нашего юношества „отъ обольстительныхъ мудрованій новѣйшихъ философскихъ системъ".

Кн. Шихматовъ представилъ на высочайшее усмотрѣніе соображенія свои по этому предмету. Указавъ на преподаваніе разныхъ отдѣловъ философіи „однимъ изъ самыхъ благонадежнѣйшихъ профессоровъ, который очевидно старается примирить эту науку съ христіанствомъ" (это былъ Фишеръ, профессоръ философіи въ петербургскомъ университетѣ и въ духовной академіи), кн. Шихматовъ продолжалъ: „Не знаю, всегда ли это

похвальное стремленіе его (т.-е. стремленіе Фишера примирить философію съ христіанствомъ) сопровождается полнымъ успѣхомъ. Но не такъ дѣйствовали Кантъ, Фихте, Шеллингъ и Гегель; не такъ дѣйствуютъ и нынѣ ихъ послѣдователи. Они въ философскихъ изслѣдованіяхъ своихъ не замѣчаютъ даже, существуетъ ли вѣра христіанская, а сами, съ помощью одного только ума, дерзновенно мечтаютъ познать *начало*. Конечно, ожиданіе ихъ не исполнится, потому что ограниченному и конечному уму человѣческому не дано познаніе безконечнаго и безпредѣльнаго, и новое философское ученіе, такъ же, какъ и древнее, въ разнорѣчивомъ своемъ направленіи, не представитъ намъ ничего опредѣленнаго и твердаго; не менѣе того самыя вредныя системы нѣмецкихъ философовъ пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе приверженцевъ и почитателей. Снимая съ человѣка обязанность, налагаемую на него вѣрою, нравственностью, законами, и предоставляя все ослѣпленному страстями разуму, онѣ подрываютъ основанія всякаго благоустроеннаго общества. Нельзя также не сознаться, что въ настоящее время и къ намъ насильственно вторгается философія германская, и что дальнѣйшее распространеніе обольстительныхъ ея мудрствованій должно неизбѣжно усилить въ возростающемъ поколѣніи уже и теперь замѣтное охлажденіе къ вѣрѣ, съ которою неразлучно соединена у насъ, основанная на религіозномъ убѣжденіи, преданность престолу. Хотя въ послѣднее время приняты дѣятельныя мѣры къ наблюденію за духомъ и направленіемъ преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ, при всемъ томъ, если сама наука по шаткости своихъ началъ и по неудовлетворительности своихъ результатовъ, не имѣя притомъ опредѣлительнаго объема и положительныхъ границъ, всегда представляетъ случаи къ поползновенію и всегда болѣе или менѣе зависитъ отъ произвола преподавателя, въ такомъ случаѣ и самый строгій надзоръ за лекціями едва ли можетъ достаточно обезпечить правительство".

Кн. Шихматовъ считалъ необходимымъ изъять изъ преподаванія философіи слѣдующія ея части: теорію познанія, метафизику и нравственную философію, послѣднюю по ея практической безполезности для молодыхъ людей, ознакомленныхъ съ нравоученіемъ христіанскимъ, и признавая вообще преподаваніе философіи „несоотвѣтствующимъ видамъ правительства и не обѣщающимъ благопріятныхъ послѣдствій", полагалъ ограничить это преподаваніе логикой и психологіей. Его предположенія были утверждены, и найдено было нужнымъ возложить преподаваніе психологіи на профессора богословія, для чего снестись съ свя-

тѣйшимъ синодомъ. Синодъ, принимая въ соображеніе, что „преподаваніе психологіи, особенно въ нынѣшнее время, требуетъ весьма многихъ занятій и постояннаго упражненія, полагалъ бы не совмѣщать въ одномъ лицѣ преподаванія богословія и психологіи, но для послѣдней науки имѣть особаго профессора духовнаго сана". Тѣмъ не менѣе по высочайшей волѣ преподаваніе богословія и философіи было соединено въ одномъ лицѣ духовнаго сана. Синодъ поручилъ составленіе программъ логики и психологіи правленіямъ духовныхъ академій, а разсмотрѣніе программы поручено было особому комитету изъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ и упомянутаго профессора Фишера; въ числѣ духовныхъ лицъ былъ памятный старожиламъ петербургскаго университета протоіерей Райковскій.

Дѣятельность новаго министерства распространялась и на другія науки, кромѣ философіи. Въ запискахъ С. М. Соловьева разсказывается о первомъ посѣщеніи московскаго университета кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ. Министръ „началъ осматривать университетъ, ходить по лекціямъ. Пришелъ ко мнѣ; лекція была первая въ курсѣ; я говорилъ объ источникахъ русской исторіи, о лѣтописи; утверждалъ ея достовѣрность, опровергалъ скептиковъ, но заключилъ тѣмъ, что она дошла до насъ въ формѣ сборника, при чемъ первоначальный текстъ, приписываемый Нестору, возстановить трудно.

„Что же? На другой день Ширинскій призываетъ меня къ себѣ и дѣлаетъ начальническій выговоръ за мое скептическое направленіе, за то, что я слѣдую Каченовскому.

— „Правительство не этого хочетъ! Правительство этого не хочетъ"!—кричалъ онъ, не слушая никакихъ объясненій съ моей стороны. Погодинъ,—продолжаетъ Соловьевъ,—могъ радоваться выговору, полученному мною отъ министра; но радовался не долго: тотъ же Ширинскій выхлопоталъ высочайшее повелѣніе —не подвергать критикѣ лѣтописнаго извѣстія о смерти Димитрія Царевича; слѣдовательно, волею неволею, нужно было утверждать, что Димитрій убитъ Годуновымъ".

Въ негласномъ цензурномъ комитетѣ, по смерти Д. П. Бутурлина, былъ предсѣдателемъ генералъ-адъютантъ Н. Н. Анненковъ, и дѣла шли въ томъ же самомъ порядкѣ. По запискамъ Никитенка, новый предсѣдатель „въ какихъ-то книжкахъ и журнальныхъ статьяхъ, набралъ шестнадцать обвинительныхъ пунктовъ противъ ихъ, и приготовилъ докладъ. Баронъ М. А. Корфъ успѣлъ доказать нелѣпость этихъ придирокъ, но принужденъ былъ уступить въ двухъ пунктахъ. Корфъ говорилъ сво-

ему брату, что все, что̀ дѣлается въ негласномъ комитетѣ, приводитъ его въ омерзѣніе, и что онъ давно бѣжалъ бы оттуда, еслибъ не надежда иногда что-нибудь устраивать въ пользу преслѣдуемыхъ".

Въ это же время устроено было новое цензурное вѣдомство для учебныхъ книгъ, подъ предсѣдательствомъ Давыдова. „Вотъ сколько у насъ нынѣ цензуръ, — писалъ Никитенко въ своемъ дневникѣ: — общая при министерствѣ народнаго просвѣщенія, главное управленіе цензуры, верховный негласный комитетъ, духовная цензура, военная, цензура при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, театральная при министерствѣ императорскаго двора, газетная при почтовомъ департаментѣ, цензура при третьемъ отдѣленіи, и новая педагогическая. Итого, десять цензурныхъ вѣдомствъ. Если сосчитать всѣхъ лицъ, завѣдывающихъ цензурою, ихъ окажется больше, чѣмъ книгъ, печатаемыхъ въ теченіе года. Я ошибся: больше. Еще цензура по части сочиненій юридическихъ, при второмъ отдѣленіи, и цензура иностранныхъ книгъ; всего двѣнадцать". Даже правитель канцеляріи министра просвѣщенія, Комовскій, огорчался такимъ положеніемъ вещей, и выражалъ свое негодованіе Никитенку, говоря: „въ Европѣ напроказятъ, а русскихъ бьютъ по спинѣ". Біографъ Погодина приводитъ и стихи П. А. Вяземскаго:

„Огонь ли дальній домъ затронетъ,
У нихъ ужъ дѣйствуетъ труба,
И, какъ во дни потопа, тонетъ
Ихъ неповинная изба!"

До Погодина дошло, что у Давыдова, въ его цензурно-учебномъ комитетѣ, были какія-то непріятности. Давыдовъ въ письмѣ къ нему нѣсколько неясно говорилъ объ этомъ: непріятностей не было; „если вы разумѣете подъ этимъ человѣческую злобу, зависть, коварство, то этого не избѣгнешь, пока дѣло дѣлаешь... Самое недоразумѣніе относилось не къ предсѣдателю комитета разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, а къ предсѣдателю с.-петербургскаго цензурнаго комитета, здѣшнему попечителю. Вѣдь часто стрѣляютъ въ одного, а попадаютъ въ другого". Предсѣдателемъ петербургскаго цензурнаго комитета былъ извѣстный Мусинъ-Пушкинъ.

Отмѣтимъ здѣсь анекдотическій разсказъ о томъ, какимъ образомъ Катковъ впервые сдѣлался редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей".

„Провести Каткова на его настоящую дорогу, — разсказы-

ваетъ г. Барсуковъ,—выпало на долю, посѣтившей въ 1850 году Москву, знаменитой танцовщицѣ Фанни Эльслеръ [1]), появленіе которой въ православной столицѣ съ восторгомъ привѣтствовалъ даже самъ степенный „Москвитянинъ“!

„Даже самъ Погодинъ разстался съ своими древними князьями и отправился вечеромъ въ театръ, смотрѣть Фанни Эльслеръ.

„Жертвою этой артистки сдѣлался чиновникъ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора, Владиміръ Хлоповъ, почти одновременно съ пріѣздомъ ея въ Москву вступившій въ должность редактора „Московскихъ Вѣдомостей“. Дѣло въ томъ, что поклонники Фанни Эльслеръ, не довольствуясь расточеніемъ ей цвѣтовъ, брилліантовъ, однажды послѣ даннаго съ ея участіемъ балета Эсмеральда, запряглись въ ея карету, и еслибы не помѣшалъ графъ Закревскій, то и довезли бы балетчицу до гостинницы. На козлахъ же помѣстился редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“ Владиміръ Хлоповъ“. Назимовъ уволилъ его въ отставку, и назначилъ редакторомъ Каткова“.

Цензурное положеніе было таково, что тягость его чувствовали даже Погодинъ и его сотрудники. Въ числѣ послѣднихъ былъ извѣстный П. М. Леонтьевъ. Онъ написалъ въ „Москвитянинѣ“ статью, подъ заглавіемъ: „Эстетическое кое-что по поводу картинъ и эскизовъ г. Ѳедотова“. Эта статья обратила на себя вниманіе цензуры, и цензоръ „Москвитянина“, профессоръ Лешковъ, писалъ Погодину: „Статья эстетическая кое-что о картинахъ Ѳедотова не навлекла бы непріятности, по толкованіямъ, которыя дѣлаетъ этимъ картинамъ и эскизамъ. Языкъ красокъ и цвѣтовъ можетъ подать поводъ къ такимъ соображеніямъ... и моральнымъ, и политическимъ, что можно допечь и самого живописца. Какъ думаете?“—До чего доходило подавленное состояніе литературы, можно судить по тому, что самъ Погодинъ приходилъ въ уныніе. Біографъ приводитъ одно письмо его къ Шевыреву въ августѣ 1850; письмо кончается такъ: „....я прерываю письмо, и самъ иду къ обѣднѣ помолиться, *о еже книги читати въ любезномъ отечествѣ было можно*“.

Въ сентябрѣ гр. Уваровъ прожилъ нѣкоторое время въ Москвѣ, и Погодинъ очень часто навѣщалъ его; затѣмъ Уваровъ переселился въ Петербургъ, и 6-го декабря былъ имъ полученъ орденъ Андрея Первозваннаго. Погодинъ опять воспрянулъ духомъ за русское просвѣщеніе и написалъ Уварову восторженное письмо, опять очень характерное для того времени ....„Честь

[1]) У г. Барсукова имя ея пишется неправильно: Эльснеръ.

и слава государю! Я всегда былъ увѣренъ, что онъ знаетъ, любитъ Россію больше всѣхъ его окружающихъ. Предъ славнымъ своимъ юбилеемъ, послѣ слышанныхъ *клеветъ* и *напраслинъ*, онъ увидѣлъ, что отказываться ему отъ многихъ блистательныхъ страницъ царствованія никакъ нельзя. Сводъ законовъ, Унія, Варшава, Араратъ, дороги, мосты, дворцы, храмы—*безъ университетовъ*, безъ образованія, безъ словесности *не могутъ блистать вполнѣ*. Словами рескрипта: „отличное состояніе, въ какомъ вы оставили учебныя заведенія“, русское ученое сословіе *ободрится* и *вздохнетъ въ первый разъ свободно* послѣ прошедшихъ невзгодъ, увидѣвъ, что оно не въ опалѣ у государя, которому всегда было предано. А оно можетъ принести отечеству и престолу много пользы, *не меньше крѣпостей и армій*. Всякій вѣкъ имѣетъ свое оружіе. Повторю: честь и слава государю! Я обрадовался за него еще больше, чѣмъ за васъ“...

Главнымъ сотрудникомъ Погодина по „Москвитянину“ былъ тогда извѣстный Вельтманъ. Но какъ самъ Погодинъ былъ плохой администраторъ и редакторъ, такъ, повидимому, и Вельтманъ въ этихъ отношеніяхъ не отставалъ отъ него; по крайней мѣрѣ долго между ними происходили по журналу всякіе несогласія и споры. Біографъ даетъ понятіе объ этомъ выписками изъ дневника Погодина, отъ февраля до марта 1850:

2-го февр.: „Къ Горчакову, чтобъ посовѣтоваться о Вельтманѣ“.

5-го февр.: „Получилъ письмо отъ Вельтмана: лучше разойтиться, вмѣсто споровъ. Отвѣчалъ“.

7-го февр.: „Вечеръ у Вельтмана. Несетъ свое, а сердиться на него нельзя“.

9-го февр.: „Ультиматумъ Вельтману, все еще это заноза мнѣ“.

10-го февр.: „Досадное письмо отъ Вельтмана, котораго долго не читалъ. Попадись-ка къ этимъ добрымъ людямъ“.

4-го марта: „Новая досада отъ Горчакова, который несетъ другое, чѣмъ Вельтманъ, чортъ ихъ разберетъ. А мнѣ просто мочи нѣтъ“.

Наконецъ, они вступили въ полемику по поводу вышедшаго тогда сочиненія гр. Строгонова о Дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ, и эта полемика началась даже въ самомъ „Москвитянинѣ“. Погодинъ не былъ въ ладахъ и со старымъ другомъ Шевыревымъ, и въ тогдашнемъ дневникѣ его есть, напримѣръ, такая запись: „Въ типографіи сквернѣйшее письмо отъ Шевырева, котораго хорошія внутреннія качества покрываются такой

мелкой гадостью, что мочи нѣтъ. И отъ того провелъ день очень непріятно".

Но съ этого года въ изданіи „Москвитянина" произошла большая перемѣна. Въ журналъ вступила такъ-называемая молодая редакція. Въ послѣднее время ей были уже посвящены любопытныя историческія статьи; но въ изложеніи г. Барсукова является еще тотъ новый интересъ, что, по словамъ его, главы біографіи, относящіяся къ этой молодой редакціи „Москвитянина", написаны главнымъ образомъ на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ біографу Погодина Т. И. Филипповымъ.

„Въ 1850 году,—разсказываетъ г. Барсуковъ,—„Москвитянинъ" вступилъ въ новую эру своего существованія. Въ его изданіи принялъ энергичное участіе кружокъ литературный, кружокъ, получившій впослѣдствіи названіе „Молодого Москвитянина", и который, подъ предводительствомъ Погодина, состоялъ изъ слѣдующихъ лицъ: А. Н. Островскаго, Т. И. Филиппова, Е. Н. Эдельсона, Б. Н. Алмазова, А. А. Григорьева и другихъ. Своимъ былъ въ этомъ кружкѣ и А. Ѳ. Писемскій. Съ дѣятельностью этого кружка близко связана дѣятельность графини Е. П. Ростопчиной, у которой поименованныя лица собирались еженедѣльно, по субботамъ. Съ ними неразлученъ былъ знаменитый актеръ московской сцены П. М. Садовскій. Позднѣе къ нимъ примкнулъ и И. Ѳ. Горбуновъ".

Прежде другихъ познакомился съ Погодинымъ Островскій и передалъ приглашеніе къ сотрудничеству своимъ сотоварищамъ. Приглашеніе встрѣчено было не особенно благопріятно, потому что Погодинъ больше былъ извѣстенъ по своимъ отрицательнымъ сторонамъ, о которыхъ ходила преувеличенная молва, такъ что Островскому стоило нѣкотораго труда разубѣдить своихъ друзей. При первомъ свиданіи Погодинъ „очаровалъ ихъ своими бесѣдами, увлекъ ихъ своими разсказами, носившими яркій характеръ живой лѣтописи". Дѣятельное сотрудничество молодого кружка началось.

Островскій, Т. И. Филипповъ, Эдельсонъ и Алмазовъ составляли дружескій кружокъ еще до вступленія въ сотрудники „Москвитянина". „Необходимо принять во вниманіе,—говоритъ Т. И. Филипповъ въ книгѣ г. Барсукова, — что въ тѣ времена не только Петербургъ, но и Москва—сердце Россіи, отличались преклоненіемъ предъ началомъ западной цивилизаціи. Западничество являлось господствующимъ, преобладающимъ направленіемъ. Кромѣ славныхъ именъ Хомякова, Кирѣевскихъ, Шевырева, По-

година и другихъ представителей старшаго славянофильства, все остальное московское образованное общество тяготѣло къ Западу и къ идеаламъ, провозглашаемымъ западниками того времени. Молодежь и старые люди были одинаково заражены господствующимъ, властно заявляющимъ о себѣ направленіемъ. „Отечественныя Записки", Бѣлинскій, Герценъ были на верху могущественности своего вліянія. Съ одной стороны, самоувѣренная наглость самихъ западниковъ и разрѣшеніе на вся, какъ провозглашеніе освобожденія плоти отъ сдерживающихъ ее нравственныхъ и религіозныхъ оковъ, легко привлекало къ такого рода проповѣди сердца молодежи. Бывали случаи, когда молодые люди грубили родителямъ или ударялись въ разврать, только изъ желанія слѣдовать принципу (?). Съ другой стороны, суровая правительственная и полицейская система того времени, подвергавшая преслѣдованію доброе вмѣстѣ съ злымъ, придавала особую прелесть всѣмъ противуправительственнымъ движеніямъ мысли. Съ неистовою ненавистью относились западники того времени ко всему, что носило печать русскаго направленія и русской народности".

Въ примѣръ господствовавшаго легкомыслія во взглядѣ на русскую исторію, приводится анекдотъ о томъ, какъ студентъ Коршъ (В. Ѳ.) передъ лекціей Соловьева, читавшаго древній періодъ, восклицалъ: „Чортъ знаетъ, что такое? Куда это мы идемъ? Слушать древнюю русскую исторію! Какъ будто у русскаго народа существуетъ какая-либо древняя, до-петровская исторія". Но если такъ легкомысленны были западники по объясненію Т. И. Филиппова, то въ томъ же разсказѣ мы находимъ и другой примѣръ, какъ молодой человѣкъ изъ кружка Островскаго, Т. И. Филиппова и др., Зедергольмъ, протестантъ, впослѣдствіи принявшій православіе и подвизавшійся въ Оптиной пустыни,—„такъ увлекся въ одномъ разговорѣ негодованіемъ на Петра, что объявилъ, что убьетъ его, и притомъ разорвалъ свою студенческую фуражку". Очевидно, что студентъ Коршъ и молодой Зедергольмъ, собиравшійся убивать Петра Великаго, не уступали другъ другу, и послѣдній былъ даже превосходнѣе (стр. 60 и 63). Правда,—разсказчикъ замѣчаетъ,—что Зедергольмъ находился тогда подъ вліяніемъ случайной рюмки вина, но это обстоятельство могло усилить только форму выраженія, а не его сущность, и вообще анекдотъ указываетъ только, что юность бываетъ неумѣренна въ словахъ во всѣхъ партіяхъ одинаково.

Сюда можно причислить и другое воспоминаніе, приводимое г. Барсуковымъ: „Однажды,—повѣствуетъ Филипповъ,—Островскій за пріятельской пирушкой, почувствовавъ, вѣроятно, въ себѣ

притокъ силъ богатыря-художника, и увѣренность въ этихъ силахъ, проговорилъ даже, обращаясь къ друзьямъ: *Съ Тертіемъ да съ Провомъ мы все Петрово дѣло назадъ повернемъ*". Какъ это могло случиться, невѣдомо; и если самъ Островскій могъ чувствовать въ себѣ притокъ богатырскихъ силъ и предположить такія же силы у Т. И. Филиппова, то все-таки непонятно, причемъ здѣсь могъ быть Провъ, т.-е. актеръ П. М. Садовскій?

Мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ юношескими воспоминаніями, которыя вѣрно передаютъ тогдашнее настроеніе молодого кружка, его увлеченія своими идеалами, носившими славянофильскій оттѣнокъ, его юношескую нетерпимость къ противникамъ, которыхъ въ этомъ возрастѣ обыкновенно всего меньше желаютъ выслушать, его самонадѣянные планы будущаго подвига. Эти воспоминанія дѣйствительно даютъ прекрасное объясненіе того настроенія, съ которымъ молодая редакція „Москвитянина" выступила тогда на журнальное поприще. Здѣсь она была тотчасъ замѣчена, потому что рядомъ съ угловатой реторикой Погодина и Шевырева, не возбуждавшей тогда особаго сочувствія, послышались молодые и искренніе голоса: съ ними можно было не соглашаться, но за ними признавали эту искренность, нерѣдко остроуміе (у Бориса Алмазова), эстетическій вкусъ (у Эдельсона), наконецъ, несомнѣнный высокій талантъ (у Островскаго). Но мы сказали бы, что съ правильной исторической точки зрѣнія это юношеское изображеніе начала пятидесятыхъ годовъ, приведенное въ книгѣ г. Барсукова, слѣдовало бы дополнить нѣкоторыми оговорками. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ событій, когда всѣ главные дѣятели обѣихъ сторонъ давно кончили свое поприще, исторія можетъ потребовать больше спокойствія и безпристрастія въ приговорахъ. Въ самомъ дѣлѣ, каковы бы ни были взгляды автора, можно ли говорить о „господствующемъ, властно заявляющемъ о себѣ направленіи" и еще менѣе о „самоувѣренной наглости", о „неистовой ненависти" къ русской народности, наконецъ, о „могущественности вліянія" тогдашнихъ такъ называемыхъ западниковъ? Что касается „властныхъ заявленій", ими отличались одинаково обѣ стороны, и славянофилы, какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, выказывали даже гораздо больше самодовольства и крайней нетерпимости къ противнымъ мнѣніямъ: это—обыкновенная, всегдашняя, черта всякаго спора. Что̀ можно придумать болѣе властнаго и самодовольнаго, чѣмъ приведенное сейчасъ заявленіе Островскаго, который собирался „повернуть назадъ все дѣло Петрово" съ Т. И. Филипповымъ и съ актеромъ Садовскимъ? Говорить о неистовой

ненависти чрезвычайно странно, напримѣръ, относительно Бѣлинскаго, для котораго самымъ высокимъ идеаломъ было именно самостоятельно народное достоинство русской литературы; для котораго величайшимъ представителемъ ея и настоящимъ предметомъ поклоненія былъ Пушкинъ, впервые создавшій истинно русскую самобытную поэзію. То, что Бѣлинскій ставилъ поэзію искусственную несравненно выше народной, было дѣломъ тогдашняго теоретическаго пониманія искусства; это предпочтеніе объяснялось тѣмъ, что поэзія искусственная казалась ему выше, какъ продуктъ сознательной жизни общества, тогда какъ поэзія народная являлась продуктомъ жизни патріархально-инстинктивной. Представлять тогдашній споръ литературныхъ школъ, какъ „неистовую ненависть“ съ одной стороны, и какъ что-то въ родѣ спасенія русской народности съ другой стороны, значитъ совсѣмъ забыть самое происхожденіе этихъ школъ. Теперь достаточно извѣстно, что обѣ школы вышли изъ своеобразныхъ развитій нѣмецкой философіи. Кружокъ Станкевича былъ одинаково первымъ руководствомъ и для Бѣлинскаго, и для Константина Аксакова; и прежде чѣмъ двѣ теоріи сформировались, и даже послѣ, когда онѣ были почти готовы, между послѣдователями той или другой теоріи происходили извѣстныя взаимодѣйствія и переходы мнѣній. Самъ Иванъ Кирѣевскій началъ съ того, что былъ несомнѣннымъ западникомъ; Герценъ, какъ приверженецъ общины, иногда совпадалъ съ славянофильствомъ; Бѣлинскій въ послѣдніе годы отдавалъ справедливость нѣкоторымъ взглядамъ славянофиловъ. Мы увидимъ дальше, что кружку „Молодого Москвитянина“ приписывается возстановленіе историческаго и нравственнаго значенія народной пѣсни. Здѣсь опять недоразумѣніе. О народной пѣснѣ заботились уже съ конца XVIII вѣка; пѣснями восхищался и даже собиралъ ихъ Пушкинъ; собираніе пѣсенъ еще съ начала тридцатыхъ годовъ ставилъ задачей своей жизни П. В. Кирѣевскій; съ тридцатыхъ годовъ былъ усерднымъ собирателемъ народной рѣчи и народной мудрости В. И. Даль, и еще раньше Сахаровъ, Снегиревъ и пр. Слѣдовательно, открытія не было; что же касается научнаго объясненія русской поэтической старины, то здѣсь главная заслуга принадлежитъ не людямъ той или другой литературной школы, и, напримѣръ, не К. Аксакову или г. Безсонову, а тѣмъ изслѣдователямъ, которые примѣнили къ этому вопросу пріемы тогдашней науки, въ особенности Ѳ. И. Буслаеву и развившейся отъ него и послѣ него школѣ. Наконецъ, авторъ воспоминаній позабылъ сказать о томъ, въ какомъ положеніи нахо-

дилась „могущественность вліянія“ западнаго направленія съ начала 1848 года, и въ какомъ положеніи была съ этого времени вся русская литература.

Послѣ этой оговорки возвращаемся къ разсказу г. Барсукова.

„Съ пѣсеннымъ богатствомъ русскаго народа, членовъ кружка „Молодого Москвитянина“ познакомилъ Т. И. Филипповъ. Собственно говоря, она, эта пѣсня, и была главною силою, постепенно слагавшею, выработывавшею и выяснявшею основное міровоззрѣніе кружка. Открывая и бытовыя особенности, и историческій складъ, и вѣковѣчные идеалы русскаго народа, та же пѣсня побудила членовъ кружка основательнѣе вглядѣться въ значеніе Петровской реформы, какъ бы разрѣзавшей всю историческую Русь пополамъ. Отвлеченному мышленію или отвлеченному небреженію западниковъ такое разсѣченіе историческаго тѣла представлялось въ высшей степени простымъ и естественнымъ; для нихъ до Петра и не существовало исторической Руси, а было только наводящее тоску и скуку на образованное общество хаотическое броженіе, которое и надо было отсѣчь, создавая по отвлеченнымъ или наскоро прихваченнымъ чуждымъ началамъ, и которое надо было скорѣе забыть, посвятивъ ему и въ исторической наукѣ развѣ только нѣсколько страничекъ. То была только колыбельная жизнь младенца, все содержаніе которой исчерпывалось, по словамъ Бѣлинскаго, только выраженіями: спалъ, пилъ, ѣлъ и т. д. Но не о томъ свидѣтельствовала и свидѣтельствуетъ народная пѣсня, бывшая, какъ уже сказано, живою силою противящагося западникамъ молодого кружка. До-петровская Русь, еще живущая въ этой пѣснѣ, какъ бы сама вызывала на сравненіе, какъ бы требовала критическаго отношенія къ противоположному ей строю, созданному всѣмъ петербургскимъ періодомъ русской исторіи, оторвавшимъ отъ народа правящіе и вообще образованные классы и между прочимъ наградившимъ насъ тою *мыслящею частью публики*, для которой, по словамъ Бѣлинскаго, и русское государство, и русская исторія начинаются съ Петра и на которую „имена Рюриковъ, Олеговъ, Игорей и подобныхъ имъ героевъ наводятъ скуку и грусть“. Подъ вліяніемъ народной пѣсни возникло и выработалось среди кружка и критическое отношеніе къ самому Петру, къ которому западники относились безъ всякой критики, не только оправдывая проявленія его жестокости и любуясь деспотизмомъ его, но чуть ли не обоготворяя прежде всего именно отрицательныя стороны его характера и его дѣла. А что это было такъ—свидѣтель тому тотъ же Бѣлинскій“...

Но критическое отношеніе къ Петру и самое отрицаніе реформы явилось въ кружкѣ старшихъ славянофиловъ гораздо раньше „Молодого Москвитянина“.

„Религіозныя убѣжденія старшихъ славянофиловъ членамъ кружка (кромѣ Садовскаго) были тогда чужды, а потому имъ нельзя еще было сознательно говорить о церкви, униженной и попранной Петромъ, но ими уже отчасти чувствовалось, что, именно путемъ этого униженія, какъ бы вынуть изъ машины главный рычагъ, какъ бы расшатанъ и обезсиленъ одинъ изъ вѣковыхъ устоевъ народной жизни. Присоединенный къ кружку Б. Н. Алмазовымъ, товарищъ его по пансіону Зедергольмъ, впослѣдствіи о. Климентъ Оптинскій, а тогда еще протестантъ, сынъ протестантскаго пастора, подъ вліяніемъ одной изъ бесѣдъ, вдругъ объявилъ, что для того, чтобы стать вполнѣ русскимъ, онъ непремѣнно приметъ православіе, если только Филипповъ согласится быть его воспріемникомъ. Въ этомъ нельзя еще усматривать религіознаго переворота въ душѣ самого говорившаго, ибо сказано это было полушутливо; но это указываетъ на то, что въ средѣ кружка исподволь выяснялось уже сознаніе тѣсной связи русской народности съ православіемъ. Во всякомъ случаѣ отношенія къ Петру и къ Петровскому перевороту были уже вполнѣ установившимися“.

Литературная дѣятельность Островскаго начинается съ 1846 г. Въ 1847 явились его очерки изъ жизни Замоскворѣчья въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ“ и къ этому времени относится его знакомство съ Т. И. Филипповымъ. „Филипповъ сразу позналъ размѣры огромнаго дарованія начинающаго писателя, а Островскій, съ своей стороны, пріобрѣлъ въ Филипповѣ тонкаго цѣнителя, отъ котораго не могъ укрыться ни одинъ едва замѣтный, а для иныхъ, можетъ быть, вовсе незамѣтный оттѣнокъ живого, своеобразнаго языка... Въ пору первой встрѣчи съ Филипповымъ, Островскій всецѣло принадлежалъ къ такъ-называемому западническому направленію, подъ обаяніемъ котораго находился. Онъ весьма часто ссылался въ разговорахъ на мнѣнія „Отечественныхъ Записокъ“, являвшихся для него авторитетомъ... Увлекаясь вышеуказаннымъ направленіемъ, Островскій доходилъ иногда до странныхъ, почти невѣроятныхъ крайностей.

„Этою подчиненностью Островскаго господствующему направленію объясняется между прочимъ и то, что первая его крупная піеса „Свои люди сочтемся“ состоитъ изъ цѣлаго ряда темныхъ, отталкивающихъ, чисто отрицательныхъ типовъ русскаго народа, такъ что смягчающими впечатлѣніе являются Агра-

фена Кондратьевна и плутъ Ризположенскій. Любопытно, что впослѣдствіи западники, доказывая отрицательныя качества русскаго народа, ссылались на ту же, *подъ ихъ вліяніемъ* созданную піесу Островскаго и на избранные *подъ гнетомъ* ихъ же направленія типы...

„Со времени знакомства съ Филипповымъ, это острое отношеніе къ народной жизни мало-по-малу смягчилось, чему способствовали и особенный взглядъ Филиппова на народную жизнь, и прежде всего, разумѣется, жившая въ устахъ Филиппова народная пѣсня, въ которой и русскій народный характеръ, и особенности души русской раскрывались въ привлекательномъ чарующемъ видѣ.

„Въ томъ же направленіи подѣйствовало на Островскаго и на весь кружокъ и знакомство съ П. М. Садовскимъ, который тогда былъ уже по своимъ убѣжденіямъ всесовершеннымъ славянофиломъ, раздѣлявшимъ и религіозныя убѣжденія, и вѣрованія старшихъ славянофиловъ, еще чуждыя членамъ кружка Молодого Москвитянина. Съ этимъ великимъ художникомъ Островскій сблизился въ 1850 году, и въ то же время П. М. Садовскій вошелъ въ особую близость съ Филипповымъ, Эдельсономъ и Алмазовымъ. Какую цѣну имѣло это сближеніе, можетъ понять всякій. Такого исполнителя типовъ, созданныхъ Островскимъ, можно видѣть только во снѣ. Этотъ писатель и этотъ актеръ были буквально созданы другъ для друга и представляли идеальное сочетаніе“.

Насъ поражаетъ однако сильное разнорѣчіе въ отзывахъ о первомъ крупномъ произведеніи Островскаго: „Свои люди сочтемся“ или, какъ оно первоначально называлось, „Банкрутъ“. Мы только-что привели слова г. Барсукова, что обиліе отрицательныхъ типовъ въ этой комедіи объясняется „подчиненностью Островскаго господствующему направленію“, т.-е. западному, что пьеса написана „подъ гнетомъ“ этого направленія (стр. 66). Но вслѣдъ затѣмъ мы читаемъ: „По мнѣнію Т. И. Филиппова, комедія Банкрутъ (или Свои люди сочтемся) „по совершенству своихъ формъ превосходитъ все, что Островскій писалъ послѣ. Это объясняется тѣмъ, что Островскій трудился надъ нею болѣе четырехъ лѣтъ“. Въ 1846 г., когда началось знакомство Островскаго съ Филипповымъ, „у него было готово только нѣсколько явленій изъ разныхъ дѣйствій, хотя планъ уже былъ вполнѣ начертанъ и нить дѣйствія проведена уже отъ начала до конца. На исполненіе же піесы, на окончаніе ея отдѣльныхъ подробностей употреблено было, какъ сказано, болѣе четы-

рехъ лѣтъ". А передъ тѣмъ мы читали, что „со времени знакомства съ г. Филипповымъ у Островскаго смягчилось его острое отношеніе къ народной жизни". Подъ чьимъ же вліяніемъ написана комедія? Или неужели произведеніе, которое по совершенству формъ „превосходитъ все, что Островскій писалъ послѣ", создалось подъ гнетомъ западнаго направленія?

Любопытны свѣдѣнія о первомъ успѣхѣ комедіи Островскаго въ московскомъ обществѣ. Послѣ перваго чтенія въ небольшомъ литературномъ кругу, гдѣ пьеса произвела необыкновенное впечатлѣніе, слава ея быстро разнеслась по Москвѣ. „Островскаго стали просить читать ее въ знакомыхъ и незнакомыхъ домахъ. Онъ направлялся съ своими товарищами, всегда имѣя съ собою, какъ непремѣннаго члена, П. М. Садовскаго, который и читалъ съ нимъ попеременно". Онъ читалъ у графини Ростопчиной, у Н. Ф. Павлова, у Мещерскихъ и Шереметевыхъ; наконецъ, зазвалъ его къ себѣ и Погодинъ, пригласивъ Гоголя и Щепкина. О чтеніи у Погодина разсказывается въ воспоминаніяхъ Н. В. Берга: „На вечерѣ Погодина, Островскій читалъ свою комедію *Свои люди сочтемся* (Банкротъ). Слушающихъ собралось довольно: актеры, молодые и старые литераторы, между прочимъ графиня Ростопчина. Гоголь былъ званъ также, но пріѣхалъ среди чтенія; тихо подошелъ къ двери и сталъ у притолки. Такъ и простоялъ до конца, слушая повидимому внимательно. Послѣ чтенія онъ не проронилъ ни слова. Графиня Ростопчина подошла къ Гоголю и спросила: „Что вы скажете, Николай Васильевичъ"?— „Хорошо, но видна нѣкоторая неопытность въ пріемахъ. Вотъ этотъ актъ нужно бы подлиннѣе, а этотъ покороче. Эти законы узнаются послѣ и въ непреложность ихъ не сейчасъ начинаешь вѣрить". Больше ничего онъ не говорилъ, кажется, ни съ кѣмъ, во весь тотъ вечеръ. Къ Островскому, сколько могу припомнить, не подходилъ ни разу". Самъ Погодинъ одобрялъ: „комедія „Банкротъ" удивительная,—записалъ онъ въ своемъ дневникѣ,— ее прочелъ Садовскій и авторъ".

„На вечерахъ, гдѣ читалась пьеса Островскаго,—разсказываетъ г. Барсуковъ, — ярко высказывалось русское направленіе, какъ его самого, такъ и другихъ членовъ кружка. Народная пѣсня, художественно исполняемая Филипповымъ, неоднократно раздавалась въ такихъ залахъ, въ которыхъ и пѣніе ея вообще, да еще въ особенности человѣкомъ образованнаго общества, представлялось явленіемъ необычайнымъ. И хозяева, и гости всякій разъ восхищались, и словами пѣсни, и напѣвомъ; на всѣхъ производили они сильно потрясающее впечатлѣніе. При-

слуга, прислушивавшаяся изъ-за дверей, приходила въ неописуемый восторгъ и зачастую плакала, какъ плакали всегда и половые, когда Филипповъ пѣвалъ въ студенческихъ и дружескихъ кружкахъ, въ знаменитомъ тогда студенческомъ трактирѣ „Британія“, помѣщавшемся бокъ-о-бокъ съ университетомъ. „Пораженная строгою простотой пѣнія Филиппова, Е. С. Шереметева разъ спросила у своего двоюроднаго брата, Алмазова: „Скажи, пожалуйста, Борисъ, что, Филипповъ благородный?“ — „Даже *великодушный*“, — отвѣчалъ и тогда уже отличавшійся остроумiемъ Алмазовъ“.

„Русское направленіе, — замѣчаетъ Т. И. Филипповъ, — воспринятое Островскимъ, доходило у него иногда даже до крайностей, что̀, разумѣется, только увеличивало нерасположеніе къ кружку со стороны западниковъ, не понимавшихъ, что можно уважать и чужое мнѣніе. Отзывы и толки, доходящіе изъ этого лагеря, неоднократно оскорбляли самолюбіе Островскаго, въ особенности же, если онъ оказывался гдѣ-либо одинокимъ. Недружелюбное отношеніе западниковъ подготовляло ему въ будущемъ еще бо̀льшую непріятность“.

Эта непріятность, которую, по словамъ Т. И. Филиппова, „взлелѣяло и вскормило враждебное настроеніе представителей западнаго направленія“, состояла въ томъ, что распространился слухъ, будто комедія Островскаго написана не имъ однимъ, а въ сотрудничествѣ съ какимъ-то Горевымъ. Неясно, однако, почему этотъ слухъ могъ быть именно взлелѣянъ представителями западнаго направленія. По словамъ самого Т. И. Филиппова, дѣло было такъ: „Островскій *еще смолоду* любилъ *дѣлить* съ кѣмъ-либо художественную *работу*, творить въ товариществѣ съ кѣмъ-либо. Если въ зрѣлыхъ годахъ уже работалъ онъ съ Соловьевымъ и другими, то и въ молодости онъ неоднократно приглашалъ Филиппова къ совмѣстному художественному труду, отъ котораго Филипповъ, однако, отказывался, не чувствуя въ себѣ къ тому призванія. На бѣду такого же рода разговоры, еще до знакомства съ Филипповымъ, велъ Островскій и съ нѣкiимъ прогорѣвшимъ купцомъ Тарасенковымъ, впослѣдствіи провинціальнымъ актеромъ Горевымъ, и велъ именно тогда, когда пьеса „Свои люди сочтемся“ только еще замышлялась имъ. Этотъ-то Тарасенковъ и *пустилъ* впослѣдствіи *слухъ*, что производящая столько шуму комедія писана вовсе не однимъ Островскимъ, что въ сущности она принадлежитъ ему, Тарасенкову, и что Островскій напрасно приписываетъ себѣ всю честь ея созданія. Нерасположенные къ Островскому и его кружку западники радостно

ухватились за этотъ слухъ и распространяли его вездѣ, гдѣ только было возможно. Москва заговорила. Слухъ пронесся въ Петербургѣ, и тамъ встрѣтилъ готовность вѣрить и распространять". Итакъ, слухъ былъ собственно дѣломъ московскимъ, и въ Петербургѣ онъ распространялся вѣроятно такъ же, какъ распространяется всякій слухъ, и основаніемъ ему могъ быть признаваемый фактъ, что Островскій смолоду любилъ дѣлить съ кѣмъ-нибудь художественную работу. Непонятно далѣе, почему представители западнаго направленія (особливо: Краевскій!) могли „радостно ухватиться" за этотъ слухъ, когда за нѣсколько страницъ передъ тѣмъ объяснено, что пьеса Островскаго была написана подъ ихъ же вліяніемъ и даже „гнетомъ". Не совсѣмъ понятно и то, почему было невозможно разъясненіе. „Положеніе Островскаго стало чрезвычайно тягостнымъ, въ виду полнѣйшей невозможности опровергнуть клевету, положить предѣлъ оскорбительнымъ толкамъ. Свидѣтельство самого автора, разумѣется, ничего не значило" (не знаемъ, почему Островскій не могъ бы указать факта и сказать прямо о невѣрности слуха, если этотъ слухъ былъ для него тягостенъ; молчаніе было бы понятно, еслибы онъ относился къ этому слуху съ полнымъ пренебреженіемъ). „Филипповъ засталъ наброски комедіи въ началѣ своего знакомства съ Островскимъ, и вся комедія по частямъ разработывалась на его глазахъ; ложь была для него вполнѣ очевидною. Но онъ былъ слишкомъ близокъ и слишкомъ объединенъ въ общемъ мнѣніи съ Островскимъ, чтобы свидѣтельство его могло положить конецъ клеветѣ. По неволѣ приходилось молчать, и ложь гуляла свободно" (опять непонятно, почему лицо близкое не могло сказать правды; и неужели всѣ „представители западнаго направленія", даже съ Краевскимъ во главѣ, были такіе изверги человѣческаго рода, что не приняли бы этой правды?). „По счастію, на улаженіе и исправленіе всего дѣла выступилъ самъ Горевъ-Тарасенковъ, написавъ и напечатавъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" новую, вполнѣ бездарную комедію, которая сдѣлала очевиднымъ для всѣхъ, чего можно ожидать отъ его таланта, чего немыслимо ожидать отъ него. Клевета по неволѣ должна была навсегда замолкнуть".

Въ литературныхъ кругахъ, безъ различія восточныхъ и западныхъ направленій, комедія Островскаго съ самаго начала получила высокое признаніе. Біографъ Погодина приводитъ нѣсколько отзывовъ, которые показываютъ, что у людей старшаго поколѣнія это признаніе бывало нѣсколько условно. Давній другъ Погодина, Давыдовъ, писалъ ему слѣдующее: „Въ Островскомъ

признаю помазаніе; но нынѣшній трудъ его, грѣшный я человѣкъ, мнѣ не нравится. Въ немъ нѣтъ дѣйствія, а одинъ разсказъ и разсказъ хорошій. Будь это повѣсть, а не драматическое представленіе, я назвалъ бы повѣсть прекрасною. Для драматическаго представленія нужна жизнь, которой тутъ недостаетъ". Хомяковъ писалъ къ графинѣ Блудовой: „Грустное явленіе эта комедія Островскаго, но она имѣетъ свою утѣшительную сторону. Сильная сатира, рѣзкая комедія свидѣтельствуетъ еще о внутренней жизни, которая когда-нибудь еще можетъ устроиться и развиться въ формахъ болѣе изящныхъ и благородныхъ. А покуда что". Кн. В. Ѳ. Одоевскій ставилъ пьесу очень высоко; онъ находилъ, что „пора было вывести на свѣжую воду самый развращенный духомъ классъ людей"; пьесу онъ называлъ комедіей или трагедіей: „Я считаю на Руси три трагедіи: Недоросль, Горе отъ ума, Ревизоръ. На Банкротѣ я поставилъ нумеръ четвертый".

Но до сихъ поръ друзья Островскаго и почитатели его пьесы считали безъ цензуры. У нея были также свои взгляды; на этотъ разъ, впрочемъ, дѣло обошлось довольно благополучно. Когда пьеса поступила въ цензуру, то Назимовъ, „зная, что сочиненіе подобнаго рода требуетъ бдительнаго и строгаго разбора цензуры, не ограничился тѣмъ, что поручилъ его разсматривать одному изъ цензоровъ, но предварительно самъ прочелъ его сполна, и притомъ, желая узнать мнѣніе другихъ, читалъ графу А. А. Закревскому (!), которому, какъ *начальнику столицы*, должно быть извѣстнѣе, какъ сословіе, представленное въ этой комедіи, такъ и впечатлѣніе, которое она производила въ обществѣ, при чтеніи ея въ рукописи. Такимъ образомъ, „по тщательномъ наблюденіи, Назимовъ не могъ не усмотрѣть, что въ комедіи хотя и представлены были люди порочные, впрочемъ не всѣ; однако, порокъ не только не *торжествуетъ*, но наказывается самою жестокою *на землѣ карою*". На таковыхъ основаніяхъ Назимовъ „не усомнился разрѣшить напечатать эту комедію".

Этимъ однако не кончилось. „Когда пьеса Островскаго явилась въ печати, Негласный Комитетъ 2-го апрѣля 1848 года, „въ тѣхъ высшихъ видахъ, въ которыхъ ввѣренъ Комитету надзоръ за нашимъ книгопечатаніемъ, въ той нравственной, такъ сказать, цензурѣ, которая на него возложена", не могъ не обратить вниманія на эту пьесу и заключеніе свое сообщилъ министру народнаго просвѣщенія. Въ свою очередь, министръ предписалъ попечителю Московскаго Учебнаго Округа пригласить къ себѣ автора комедіи и вразумить (!) его, что благородная и полезная цѣль таланта должна состоять не только въ живомъ изо-

браженіи смѣшнаго и дурнаго, но и въ справедливомъ его порицаніи, не только въ каррикатурѣ, но и въ распространеніи высшаго нравственнаго чувства: слѣдовательно, въ противопоставленіи пороку добродѣтели, а картинамъ смѣшнаго и преступнаго, такихъ помысловъ и дѣяній, которые возвышаютъ душу; наконецъ въ утвержденіи того; столь важнаго для жизни общественной и частной вѣрованія, что злодѣяніе находитъ достойную кару *еще на землѣ*".

Далѣе, читатель найдетъ въ разсказѣ г. Барсукова любопытныя свѣдѣнія о лицахъ, составившихъ молодую редакцію Москвитянина. „Цѣнность и значеніе Филиппова для всего кружка вообще не исчерпывались, по свидѣтельству лицъ, знавшихъ его за это время, тѣмъ, что онъ былъ для нихъ, какъ и для многихъ, представителемъ пѣсеннаго богатства и пѣсенныхъ даровъ русскаго народа; что пѣснопѣніями онъ увлекалъ слушателей въ полузабытый или совершенно даже невѣдомый міръ, пробуждалъ новыя или по крайней мѣрѣ долго дремавшія чувства... Островскій, при первомъ уже знакомствѣ, пріобрѣлъ въ Филипповѣ слушателя, отъ котораго не могъ ускользнуть ни одинъ едва замѣтный, а для иныхъ, можетъ быть, и вовсе незамѣтный оттѣнокъ своеобразнаго, живого русскаго языка... Филипповъ обладалъ еще знаніемъ бытовыхъ особенностей русскаго народа, въ чемъ былъ достойнымъ товарищемъ А. Н. Островскому, зналъ громадное количество пословицъ, присловій, разсказовъ изъ народнаго и вообще русскаго быта, а притомъ обладалъ еще и изящнымъ вкусомъ и даромъ художественной критики, которые проявилъ скоро въ статьяхъ своихъ...

„Господствовавшіе тогда въ значительнѣйшей части молодой интеллигенціи отсутствіе религіозныхъ началъ, разрывъ съ религіознымъ прошлымъ, составлявшіе своего рода гордость западническаго мірка и выражавшіеся у него съ циническою эффектностью, распространяли власть свою и на членовъ описываемаго кружка. Но въ Филипповѣ прежде другихъ сверстниковъ и сотоварищей совершился переворотъ, сдѣлавшій его вполнѣ вѣрующимъ, глубоконравственнымъ человѣкомъ и по вѣрѣ стоящимъ въ общеніи съ незатронутыми переломомъ слоями русскаго народа и со всѣмъ историческимъ его прошлымъ. Вліянію этого переворота исподволь послѣдовали и нѣкоторые члены молодого кружка, какъ, напримѣръ, Зедергольмъ и Алмазовъ, для которыхъ обращеніе и религіозность Филиппова являлись только своего рода первымъ толчкомъ; другіе оставались невѣрующими до самаго конца жизни. Но отъ прежней кичливости невѣріемъ въ

кружкѣ не оставалось больше и слѣдовъ; его смѣнило мягкое отношеніе къ народной святынѣ и народнымъ вѣрованіямъ. Къ религіи, къ православію, къ церкви стали относиться безъ вражды и не безъ уваженія даже и тѣ изъ членовъ кружка, которые сами не чувствовали благодатнаго ихъ вліянія".

Объ Эдельсонѣ, который былъ въ особенности художественнымъ критикомъ, сообщена слѣдующая оцѣнка г. Филиппова. „Самостоятельная литературная дѣятельность Эдельсона была посвящена почти исключительно критикѣ, и въ этой области онъ являлся неизмѣннымъ поборникомъ чистаго искусства и защитникомъ его отъ тѣхъ неистовыхъ поруганій (?), которымъ оно подвергалось въ послѣдніе годы во многихъ изъ петербургскихъ изданій. И хотя его имя не будетъ числиться между именами замѣчательныхъ дѣятелей отечественной литературы, тѣмъ не менѣе всякій безпристрастный читатель не откажется признать въ его трудахъ полную самостоятельность мысли, весьма тонкое художественное чувство и замѣчательно изящное изложеніе. Тонъ его критическихъ статей былъ всегда спокоенъ и въ высшей степени деликатенъ, даже тогда, когда ему приходилось опровергать ученія и мнѣнія самаго непривлекательнаго свойства. Инымъ въ этой чертѣ его дѣятельности представлялась нѣкоторая робость пріемовъ и не совсѣмъ похвальная терпимость къ такимъ явленіямъ, которыя требовали бы, вмѣсто спокойнаго и безстрастнаго обличенія, рѣзкихъ и безусловныхъ порицаній. Но знавшіе ближе Эдельсона видѣли, что опровергаемыя имъ доктрины были ему въ такой же мѣрѣ противны, какъ и всякому здравомыслящему человѣку, и что спокойствіе и невозмутимое приличіе его тона, при публичной встрѣчѣ съ этими ученіями, проистекали вовсе не отъ робости передъ самодѣльными авторитетами, но изъ глубокаго уваженія къ достоинству литературы, на аренѣ которой онъ съ ними встрѣчался. Онъ чувствовалъ себя и былъ на самомъ дѣлѣ въ такой степени самостоятельно мыслящимъ человѣкомъ, что не имѣлъ никакой нужды заявлять о своей самостоятельности какими-либо рѣзкими выходками и постыдной перебранкой, въ коихъ состоитъ вся слава многихъ изъ его литературныхъ противниковъ". Но къ этому г. Барсуковъ нашелъ въ бумагахъ Погодина лоскутокъ, на которомъ Погодинъ начерталъ: „Господинъ Эдельсонъ есть критикъ идей, какого у насъ еще не бывало, послѣ опытовъ Шевырева; но языкъ у него—такая туча, что мочи нѣтъ. Кажется, везется возъ въ гору, въ полуденную пору, крехтя и пр.".

Дѣятельность Бориса Алмазова въ Москвитянинѣ началась

съ 1851 года. Его роль г. Барсуковъ опредѣляетъ словами одного современнаго историка литературы. „Не будь молодежи въ составѣ редакціи Москвитянина, развѣ осмѣлился бы Алмазовъ явиться къ надутому Шевыреву и чопорному, строгому Погодину со своими веселыми остроумными пародіями на Некрасова и Панаева, которыми онъ, подъ псевдонимомъ Эраста Благонравова, съ такимъ успѣхомъ дебютировалъ въ Москвитянинѣ? Съ основанія Москвитянина въ немъ было изгнано все, что отзывалось фельетономъ—легкомысліемъ, и недаромъ вся журналистика ахнула отъ удивленія, когда мрачные своды Погодинскаго sui generis древлехранилища вдругъ огласились взрывами молодого смѣха и юношеской задорной веселости".

Въ это же время присоединился къ молодому Москвитянину Аполлонъ Григорьевъ—„золотой сотрудникъ", по словамъ Погодина; впрочемъ, онъ присоединилъ къ этому отзыву небольшую оговорку, которой мы не рѣшимся повторить по ея малому удобству въ обыкновенной журнальной печати.

Тогда же сталъ сотрудникомъ Москвитянина А. Ѳ. Писемскій, который еще со временъ студенчества былъ друженъ съ Т. И. Филипповымъ. Въ концѣ 1850 года была напечатана въ Москвитянинѣ повѣсть Писемскаго „Тюфякъ"; предположено было и дальнѣйшее постоянное сотрудничество, но „осторожный", по выраженію г. Барсукова, Писемскій уже въ февралѣ слѣдующаго года заключилъ съ Погодинымъ формальный контрактъ, гдѣ съ точностью прописаны были условія сотрудничества, и суммы, которыя обязывался Погодинъ платить за его повѣсти, обозначены были весьма аккуратно и серебромъ, и ассигнаціями.

Участіе молодыхъ сотрудниковъ уже вскорѣ доставило журналу значительный успѣхъ; къ концу перваго же года число подписчиковъ увеличилось болѣе чѣмъ вдвое. Между тѣмъ, сообщаетъ г. Барсуковъ по свидѣтельствамъ современниковъ, „матеріальное положеніе членовъ кружка Молодого Москвитянина было вполнѣ бѣдственнымъ. Плата за литературный трудъ у Погодина была ничтожная. Семейные люди, какъ Эдельсонъ и Григорьевъ, получали по 15 р. за печатный листъ. Филипповъ не бралъ ничего. Одинъ только Алмазовъ, вообще крайне небрежный и безпорядочный въ денежномъ отношеніи, съумѣлъ получить въ этомъ случаѣ какую-то особенную власть надъ Погодинымъ, а потому и оказывался счастливѣе своихъ товарищей... Погодинъ, впрочемъ, имѣлъ тогда въ виду продажу своего Древлехранилища, малые платежи объяснялъ отсутствіемъ средствъ, но за то обнадеживалъ въ будущемъ, говоря, что какъ только получены будутъ

деньги, онъ будетъ платить и по 50 и по 100 рублей за листъ и вообще вознаградитъ труженниковъ, теперь въ бѣдности поддерживающихъ его дѣло". Но „члены кружка нерѣдко сходились у М. П. Погодина, съ которымъ соединяло ихъ и журнальное дѣло. Здѣсь встрѣчали они многихъ молодыхъ и немолодыхъ уже литераторовъ. Встрѣчали они, между прочимъ, и Гоголя, доживавшаго свои послѣдніе годы. Но великій писатель до того уже былъ сосредоточенъ въ самомъ себѣ и до того погруженъ во внутреннюю свою работу, что никакое сближеніе съ нимъ новыхъ людей не могло уже въ то время воспослѣдовать".

Кромѣ того молодыхъ писателей радушно принимала графиня Ростопчина; и она особенно привлекала ихъ разсказами о Пушкинѣ и Лермонтовѣ, которыхъ близко знала. Свѣдѣнія, приводимыя здѣсь г. Барсуковымъ по сообщеніямъ Т. И. Филиппова, изображаютъ настроеніе кружка, между прочимъ подъ вліяніемъ этихъ свѣжихъ воспоминаній о величайшихъ поэтахъ нашей литературы. Въ своихъ разсказахъ о Пушкинѣ и Гоголѣ, гр. Ростопчина „представлялась для нихъ какъ бы явившеюся изъ другой сферы, чѣмъ окружающая реальная жизнь,—изъ художественнаго рая, въ который переносила она и воображеніе слушателей. Этому способствовало и совершенно особенное, почти исключительное положеніе Пушкина и Лермонтова среди всякихъ другихъ литературныхъ явленій, тогда еще ощущаемое со всею живостью непосредственнаго впечатлѣнія. Какъ занесшіе нѣсколько пѣсень райскихъ, по выраженію Пушкинскаго Гомера, а занесшіе именно какъ бы для того, чтобы послѣ улетѣть, по его же предсказанію, они казались какъ бы сошедшими съ неба, подаренными небомъ, а не выработавшимися и сложившимися на землѣ, подобно всему строю явившихся имъ на смѣну писателей, высокой даровитости которыхъ нельзя отрицать. На ряду, на уровнѣ съ этими „улетѣвшими" и Жуковскимъ стоялъ и стоитъ только Гоголь, доживавшій тогда, какъ было сказано, свое послѣднее время. За ними пролегала тотчасъ же межа или своего рода пограничная черта, отдѣлявшая ихъ отъ новаго художественнаго міра. Реализмъ, отмѣчавшій и удручавшій (?) художественное творчество не только Писемскаго, но и безмѣрно превосходящаго его талантомъ Толстого и даже Достоевскаго, заставлялъ и заставляетъ предполагать невольно и въ нихъ такихъ же реальныхъ, обыкновенныхъ людей, какъ и ихъ герои, какъ и все остальное человѣчество, какъ и вся окружающая жизнь... Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь, для истинно ихъ понимающихъ, невольно представлялись дышащими воздухомъ ка-

кой-то иной атмосферы, стоящими надъ міромъ и надъ вѣкомъ, а не на уровнѣ съ ними. Савельичъ, Василиса Егоровна и Пугачевъ Пушкина, Максимъ Максимовичъ и Бэла Лермонтова, Гоголевскіе Коробочка, Собакевичъ и Плюшкинъ ничуть не менѣе реальны героевъ, созданныхъ позднѣйшимъ періодомъ русской литературы, но они, такъ сказать, прозрачнѣе, ибо въ нихъ менѣе заслоненъ и подавленъ внѣшнею реальностью внутренній человѣкъ. Подобно Пушкину и Лермонтову, Гоголь творилъ только изъ глубины души своей, пользуясь вещественною реальностью только какъ покорнымъ и послушнымъ ему матеріаломъ, и пользуясь въ мѣру, насколько находилъ нужнымъ, не допуская заслоненія внѣшнею реальностью внутренняго міра людей, имъ изображаемыхъ".

Въ ближайшемъ кругѣ Москвитянина, сообщаетъ далѣе г. Филипповъ, „особенно близкимъ по духу" былъ для молодыхъ людей домъ Шевырева. „Въ стѣнахъ московскаго университета Шевыревъ былъ явленіемъ единственнымъ, исключительнымъ. Онъ одинъ среди профессоровъ держалъ то знамя Православія и Народности, отъ котораго чурались или которое дико ненавидѣли (?) всѣ остальные. Торжествующіе западники всячески старались тормозить успѣхъ его лекцій, его проповѣдей, его оживленныхъ бесѣдъ. Особенно опасенъ (?) могъ онъ быть для нихъ и громадною своею начитанностью, и живостью своего отношенія къ міру науки и искусства, и обширными связями (?) на томъ самомъ Западѣ, изъ котораго дѣлали они боевое знамя свое и который понимали только вполнѣ односторонне. Для противодѣйствія Шевыреву и для борьбы съ нимъ, сочинялись всяческія насмѣшки и сплетни. Особенною лютостью по отношенію къ Шевыреву отличался тогда П. М. Леонтьевъ. И Катковъ, и Леонтьевъ были тогда еще западниками, съ нетерпимостью относившимися ко всему несогласному съ ихъ образомъ мыслей".

Однажды, пришедши къ Шевыреву раньше обыкновеннаго, когда хозяинъ еще не выходилъ къ гостямъ, молодые люди встрѣтили въ его гостиной незнакомаго пожилого человѣка, котораго приняли за пріѣзжаго провинціала. „Завязался разговоръ, въ которомъ незнакомецъ поразилъ ихъ сперва необыкновеннымъ изяществомъ рѣчи, а потомъ и удивительною глубиною мыслей и обширностью многостороннихъ познаній. Загадка разъяснилась приходомъ Шевырева. Мнимый провинціалъ былъ не кто иной, какъ И. В. Кирѣевскій. Впечатлѣніе, произведенное имъ на членовъ кружка, было въ высшей степени сильно. Онъ какъ бы совершенно не входилъ въ обыкновенныя рамы. Всѣмъ суще-

ствомъ своимъ и всѣми рѣчами онъ какъ бы вносилъ тепло и прелесть духовной атмосферы".

Мы остановились на этихъ подробностяхъ, потому что онѣ рисуютъ настроеніе кружка въ самую первую пору его дѣятельности. Это любопытныя черты для исторіи, но не сама исторія, потому что прежде всего бросается въ глаза крайняя исключительность, которая, во-первыхъ, не объясняетъ самой сущности предметовъ спора между двумя направленіями, и которая, во-вторыхъ, не была выдержана впослѣдствіи, и даже вскорѣ, самими членами дружескаго кружка. Въ дѣйствительности кружокъ съ самаго начала не былъ однороденъ. Въ то время, какъ одни ставили и рѣшали широкіе вопросы національнаго существа, другіе, при всей молодой самонадѣянности, даже запальчивости, вовсе не ставили себѣ этихъ общихъ вопросовъ. Таковъ былъ, напримѣръ, самъ Островскій, какъ мы видѣли, одно изъ центральныхъ лицъ кружка, а по литературному значенію, конечно, самое крупное. Въ началѣ 1850-хъ годовъ друзья пророчили о немъ, что онъ скажетъ русской литературѣ и обществу „новое слово". Очевидно, его ставили какъ будто въ противоположность той литературѣ, гдѣ господствовали ненавистные „западники", и въ приведенныхъ выше разсказахъ мы видѣли, что хотя съ одной стороны указывалось, что первое его произведеніе написано было „подъ гнетомъ" западнаго направленія, но съ другой стороны говорилось, что западники питали къ нему вражду. На дѣлѣ, какъ мы замѣчали, первое произведеніе Островскаго было встрѣчено съ одинаковымъ сочувствіемъ въ обоихъ лагеряхъ тогдашней литературы. Нѣсколько позднѣе отзывы раздѣлились, когда въ изображеніяхъ купеческаго быта стала проглядывать у Островскаго нѣкоторая слащавость; но затѣмъ наиболѣе внимательную и сочувственную оцѣнку произведенія Островскаго встрѣтили опять именно у критика того „западнаго" направленія, у Добролюбова. Біографія Островскаго должна разсказать, что онъ не остался равнодушенъ къ этой оцѣнкѣ, и что, напротивъ, она, быть можетъ, разъяснила для него самого значеніе его художественной дѣятельности. Въ концѣ концовъ Островскій не сказалъ „новаго слова" въ томъ смыслѣ, какъ ожидали въ первое время его ближайшіе друзья и поклонники; но онъ сказалъ это слово въ другомъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ, расширивъ на новую область русскаго быта тотъ жизненный реализмъ, который созданъ былъ въ нашей литературѣ Пушкинымъ и особенно Гоголемъ. Впослѣдствіи Островскій, хотя нѣкогда намѣревался повернуть назадъ дѣло Петрово, естественно сблизился съ тѣми литератур-

ными кругами, въ которыхъ предъидущій разсказъ хотѣлъ видѣть его злѣйшихъ враговъ. Произведенія Островскаго съ неменьшимъ сочувствіемъ встрѣчаемы были въ „Современникѣ“ и позднѣе въ „Вѣстникѣ Европы“, чѣмъ нѣкогда въ „Москвитянинѣ“.

Нѣчто подобное происходило въ литературномъ поприщѣ Писемскаго. Онъ выступилъ какъ будто въ рядахъ молодой редакціи Москвитянина, и точно также его первыя произведенія, отмѣченныя яркимъ дарованіемъ, были встрѣчены въ мнимо-враждебномъ западномъ лагерѣ съ полнымъ признаніемъ ихъ оригинальности и силы. Для него не было никакой борьбы, когда онъ перенесъ свою дѣятельность изъ Москвитянина въ петербургскіе журналы. И съ самаго начала онъ вовсе не бывалъ согласенъ во взглядахъ съ „Молодымъ Москвитянинымъ“: когда послѣдній только съ ненавистью говорилъ о различныхъ явленіяхъ новѣйшей западной литературы, Писемскій былъ великимъ поклонникомъ Жоржъ-Занда; его художественный пріемъ былъ тотъ самый реализмъ, который „удручалъ“ послѣ-Гоголевскую литературу и противъ котораго вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами „Молодого Москвитянина“ возставала и графиня Ростопчина... Когда впослѣдствіи въ своемъ „Взбаламученномъ морѣ“ Писемскій хотѣлъ обличать тогдашній либерализмъ, онъ опять дѣйствовалъ едва ли въ духѣ тѣхъ идей, которыхъ представителями являлись, по приведенному выше разсказу, члены молодой редакціи Москвитянина; онъ высказывалъ свои собственныя мысли человѣка умнаго, но такъ сказать старосвѣтскаго, сохранившаго тѣсный горизонтъ мысли и самаго образованія: обличеніе ограничилось каррикатурой, при чемъ ему такъ и осталось непонятно, что въ цѣлой жизни наступилъ, однако, громадный переворотъ.

Далѣе, Аполлонъ Григорьевъ, эстетикъ и мечтатель, хотя увлекался одно время порывами Молодого Москвитянина, но не остановился на нихъ: онъ вовсе не раздѣлялъ, напримѣръ, той ненависти къ „Западу“, образчики которой мы видѣли, и если не сошелся съ такъ-называемымъ западнымъ направленіемъ, то умѣлъ понимать его гораздо спокойнѣе и справедливѣе.

Едва ли мы ошибемся, если примемъ, что существенное, что̀ сказалъ Молодой Москвитянинъ, не представляло новаго сравнительно съ тѣмъ, что̀ уже заключалось въ старомъ славянофильствѣ или что̀ было говорено Погодинымъ и Шевыревымъ. Когда со второй половины 1850 годовъ началась снова дѣятельность старшаго поколѣнія славянофиловъ (это и были послѣдніе годы ихъ дѣятельности), „Молодой Москвитянинъ“ былъ

совершенно забытъ; его идеи повторились отчасти развѣ только въ запутанныхъ теоріяхъ журналовъ „Время“ и „Эпоха“.

Когда Москвитянинъ при содѣйствіи молодой редакціи начиналъ имѣть успѣхъ, друзья Погодина и Шевырева ожидали для него господствующаго положенія въ литературѣ (напримѣръ, Плетневъ писалъ Шевыреву: „если Погодинъ хоть три года выдержитъ такъ свое изданіе, то оно обратитъ къ нему всю Россію“). Но этого не случилось—какъ по внѣшнимъ причинамъ, такъ и по внутреннимъ... Журналъ велся вообще довольно странно. Въ Альманахѣ на новый (1850) годъ „въ подарокъ читателямъ Москвитянина“ г. Барсуковъ нашелъ весьма своеобразныя показанія самого Погодина. Между прочимъ, онъ говоритъ здѣсь: „Я принимаю въ изданіи мало дѣятельнаго участія, что доказывается быстрымъ его успѣхомъ“, но въ прежнее время онъ принималъ въ журналѣ гораздо большее участіе и онъ имѣлъ гораздо меньше успѣха. Направленіе журнала представляло что-то неопредѣленное; необузданная реторика внушала недовѣріе и мы видѣли, какъ самъ Погодинъ чувствовалъ это, записывая про себя въ дневникѣ: „будутъ смѣяться“, или высказывая въ томъ же дневникѣ размышленія очень непохожія на то, что онъ говорилъ для общества и для властей въ своемъ журналѣ. Съ новой редакціей положеніе вещей въ этомъ отношеніи мало измѣнилось. Внѣшнее состояніе литературы было таково, что можно было бы ожидать какой-либо заботливой мысли о самыхъ первоначальныхъ интересахъ русскаго просвѣщенія; мы видѣли, что напротивъ, и молодая редакція наполнена была только ненавистью; немудрено, что за этой ненавистью могли тогда предполагать обскурантизмъ.

Біографъ подробно разсказываетъ далѣе объ отношеніяхъ Погодина къ его старымъ друзьямъ Аксаковымъ, Максимовичу, Гоголю, приводитъ выписки изъ переписки; между прочимъ, обильно черпаетъ изъ напечатанной теперь переписки Аксаковыхъ, чтобы дать понятіе о тогдашнемъ настроеніи С. Т. Аксакова и двухъ сыновей,—послѣдніе далеко не сходились тогда въ своихъ взглядахъ на прошедшее русской жизни и на современную дѣйствительность. Мы говорили сейчасъ о томъ, какъ Погодинъ, а затѣмъ и его молодая редакція, проповѣдуя русскія начала и поборая своихъ противниковъ, какъ-то забывали о первоначальныхъ условіяхъ общественной и умственной жизни, въ которыхъ пребывали съ своими противниками одинаково. Раньше мы указывали уже, какъ, напротивъ, чутко относился къ этимъ условіямъ ста-

рикъ Аксаковъ и молодой Иванъ Сергѣевичъ, который въ то время, между прочимъ, сильно охлаждалъ теоретическія фантазіи старшаго брата Константина. Въ январѣ 1850 года Иванъ Аксаковъ писалъ отцу: „Взглянулъ я бѣгло на разные обзоры литературы, помѣщенные въ первыхъ нумерахъ журналовъ. Нападокъ на славянофильское и московское направленіе уже *нѣтъ*, но нѣтъ даже *никакого упоминанія* о немъ, не говорится ни объ одномъ изъ литераторовъ нашего круга... Своего журнала нѣтъ, въ чужихъ писать не хотимъ“ (замѣчательно, что совсѣмъ не вспоминается Москвитянинъ; видимо, это также былъ чужой журналъ) „и ничего не пишемъ и отвыкаемъ отъ писанья, теряемъ вліяніе, предаемъ себя забвенію“... Дѣло въ томъ, что литературная жизнь почти прекратилась въ томъ смыслѣ, что прежніе споры объ общихъ вопросахъ, философскихъ и историческихъ, становились невозможны. Въ другомъ письмѣ отъ марта того же года Иванъ Аксаковъ говоритъ о теоретическихъ увлеченіяхъ своего брата: „Я не могу, подобно Константину, утѣшаться такими фразами: *главное—принципъ, остальное—случайность*, или: *что Русскій народъ ищетъ царствія Божія!*.. и т. п. Равнодушіе къ пользамъ общимъ, лѣнь, апатія и предпочитаніе собственныхъ выгодъ—признаются за исканіе царства Божія! Что касается до *принципа*, то, признаюсь, это выраженіе Константина заставило меня улыбнуться. Это все равно, что говорить голодному: другъ мой, ты будешь сытъ на томъ свѣтѣ, а теперь голодай, это случайность; намажь хлѣбъ принципомъ, вмѣсто масла, посыпай принципомъ—и вкусно; нужды нѣтъ, что сотни тысячъ умрутъ, другія сотни уйдутъ,—это случайность. Легкое утѣшеніе. Еслибы я такъ вѣрилъ въ принципъ и въ жизненность этого принципа въ русскомъ народѣ, то, право, и горевать бы не сталъ. Возмущаютъ меня факты,—ничего, вынулъ изъ кармана табакерку, понюхалъ принципа и счастливъ! Гдѣ онъ—этотъ принципъ? Куда затесался? Поди, Константинъ, достань пыльную лѣтопись, поищи его въ XII и XIII вѣкѣ, когда князья терзали русскую землю, воюя другъ у друга удѣлы... Поздравляю съ этой находкой“. Эти размышленія не теряютъ своей силы отъ того, что впослѣдствіи самъ Иванъ Аксаковъ говорилъ нѣчто подобное. Эти слова къ Константину Аксакову могли бы быть также обращены и къ молодой редакціи Москвитянина.

Въ какомъ практическомъ положеніи находилась литературная дѣятельность старшихъ славянофиловъ, видно изъ того, что мы читаемъ о „Кіевлянинѣ“ Максимовича. Задумавъ издать третью

книгу этого сборника, Максимовичъ обратился, между прочимъ, къ Ѳ. В. Чижову. Послѣдній былъ очень радъ принять участіе въ изданіи: „Но есть препятствіе, вотъ оно: я обязанъ, во-первыхъ, устнымъ приказаніемъ, во-вторыхъ, подпискою: все, что̀ ни напишу, представлять на цензуру въ Собственную Его Величества Канцелярію; это можетъ весьма много задержать мою статью... Если я успѣю скоро написать, тогда я пришлю къ вамъ для переписки и отсылки при моемъ письмѣ къ генералу Дубельту". А Чижовъ намѣревался, между прочимъ, писать о Софійскомъ соборѣ (въ Кіевѣ) и объ „иконостасѣ церкви села Романовки, черниговской губерніи, мглинскаго уѣзда, написанномъ Боровиковскимъ".

Собирая всѣ черты для біографіи своего героя, г. Барсуковъ приводитъ вообще много любопытныхъ эпизодическихъ подробностей, между прочимъ, относительно кн. П. А. Вяземскаго, которому московскій литературный кружокъ задумалъ устроить юбилейный обѣдъ по его возвращеніи изъ Іерусалима,—къ чему былъ прикосновенъ и Погодинъ. Но сначала г. Барсуковъ разсказываетъ о томъ, какъ передъ тѣмъ мирное пребываніе князя П. А. Вяземскаго въ Константинополѣ было нарушено извѣстіемъ, что книгопродавецъ Смирдинъ объявилъ объ изданіи сочиненій Екатерины Великой. Плетневъ писалъ Жуковскому: „Это возмутило Вяземскаго. Онъ негодуетъ на Академію Наукъ, какъ она могла допустить подобное посрамленіе великаго имени Екатерины, упоминая, во сколько насъ выше берлинцы, со всею роскошью издавшіе творенія Фридриха Великаго, несмотря, что онъ плюнулъ на нѣмецкій языкъ и писалъ по-французски. Мысль Вяземскаго объ изданіи Екатерины II съ такимъ предисловіемъ, или жизнеописаніемъ, которое бы представило во всемъ блескѣ *тѣлесъ* и *ума* ея, меня очень занимаетъ. Еслибы мы трое, сосредоточившись въ Петербургѣ и раздѣливъ межъ собой работу по этому изданію, бодро и усердно просидѣли годокъ за дѣломъ, каждый за своимъ по указанію сообща, я увѣренъ, что изъ этого вышло бы что-нибудь очень путное. Екатерина, конечно, не важна, какъ авторъ, но она чудныя рождаетъ въ душѣ идеи, какъ человѣкъ своей эпохи и своей націи. Всякая пьеса ея послужила бы темою для такой главы, въ которой разгулялось бы перо вдохновеннаго историка. А кто не вдохновится, принявшись говорить о ней?"

Почти непонятно, почему изданіе книгопродавца Смирдина могло стать „посрамленіемъ великаго имени Екатерины". Смир-

динъ былъ однимъ изъ самыхъ заслуженныхъ дѣятелей русской книжной торговли. Независимо отъ многихъ полезныхъ изданій, какія онъ предпринималъ, одно основаніе библіотеки для чтенія, долгіе годы носившей его имя и къ сожалѣнію разрушенной въ наше время, и изданіе каталога къ ней, были настоящей заслугой для изучающихъ русскую литературу. Кн. Вяземскому и его друзьямъ не нравилось вѣроятно то, что въ предпріятіяхъ Смирдина принимали участіе писатели того лагеря, на который они смотрѣли съ высоты своего величія; но Смирдинъ, хотя человѣкъ мало образованный, искренно желалъ быть полезнымъ литературѣ и естественно долженъ былъ встрѣтиться съ тѣми, кто обнаруживалъ тогда литературную предпріимчивость. Такъ основался, напримѣръ, журналъ „Библіотека для чтенія“. Когда, въ сороковыхъ годахъ, дѣла его пришли въ упадокъ, онъ предпринялъ извѣстное собраніе сочиненій русскихъ писателей, гдѣ въ компактныхъ, хорошо напечатанныхъ и очень дешевыхъ томикахъ, онъ снова ввелъ въ обращеніе цѣлый рядъ русскихъ писателей XVIII и XIX вѣка, сочиненія которыхъ по рѣдкости книгъ становились совсѣмъ недоступны для большинства. Такъ явились здѣсь сочиненія Ломоносова, Тредьяковскаго, Фонъ-Визина, Хемницера, Кострова, Муравьева, Карамзина и т. д. и т. д. Эти изданія были опять новой, несомнѣнной заслугой Смирдина: правда, редакція ихъ оказалась несовсѣмъ удовлетворительной, сочиненія собраны были неполно и несовсѣмъ правильно; но извѣстно, что появленіе ихъ послужило однимъ изъ сильныхъ побужденій къ тому пересмотру старой литературы, отъ котораго ведутъ свое начало такъ развившіяся теперь наши историко-литературныя изслѣдованія по XVIII и XIX вѣку. Не было ничего удивительнаго, и напротивъ, было совершенно естественно, что въ ряду этихъ изданій появились и сочиненія Екатерины Второй. Еслибы ревнители ея славы не запамятовали о ней, то начало изданій Смирдина еще въ 1846 году могло бы внушить имъ мысль самимъ предпринять изданіе сочиненій императрицы, какъ подумали теперь объ этомъ изданіи въ другомъ литературномъ кругу.

Плетневъ писалъ къ кн. Вяземскому: „Все, что ни говорите вы касательно изданія сочиненій Екатерины II, совершенно справедливо. Но я увѣренъ, что гораздо скорѣе и гораздо лучше воздвигнетъ ей литературный памятникъ кто-нибудь изъ частныхъ людей (разумѣется, не Смирдинъ). Съ княземъ Шихматовымъ я не буду и говорить о вашемъ предположеніи, потому что онъ, хотя и полный теперь министръ народнаго просвѣщенія, вообще

не предпріимчивъ, робокъ и на *нештатныя издержки* вообще нерѣшителенъ. Графу Уварову, сохранившему за собою президентскія кресла въ академіи и такимъ образомъ подчинившемуся приговорамъ прежняго подчиненнаго своего, я прочиталъ ваше письмо. Какъ человѣкъ, утратившій вмѣстѣ съ здоровьемъ своимъ и всякую энергію, онъ нисколько не одушевился и отдѣлался замѣчаніемъ, что Великая Екатерина литературными своими произведеніями гораздо у насъ ниже своей славы, а Фридрихъ Великій знаменитъ и по сочиненіямъ своимъ. Можно было бы сказать, что для дополненія славы, пріобрѣтенной Екатериною, совсѣмъ нѣтъ въ чемъ-либо надобности, а тѣмъ менѣе въ образцовыхъ сочиненіяхъ, но потомство заслужитъ честь и общую признательность, украсивъ литературу свою изданіемъ сочиненій государыни, достойнымъ славнаго ея имени... Но чтобы ваша прекрасная мысль не погибла, не попробуете ли вы, если знакомы, написать объ этомъ А. С. Норову: на дняхъ онъ сдѣланъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Онъ не безъ энтузіазма и патріотъ. *Подстрекните самолюбіе* его тѣмъ, что, можетъ быть, на новомъ его поприщѣ никогда не представится болѣе благопріятнаго случая заставить почувствовать въ себѣ не по имени только товарища министра народнаго просвѣщенія, но и по незабвенному дѣлу. Вызовитесь, буде это будетъ поручено вамъ, приготовить къ великолѣпному изданію сочиненій Екатерины II предисловіе, или жизнеописаніе автора, достойное знаменитаго имени. Полагаю, что Норовъ способенъ сильно дѣйствовать на Шихматова: они такъ сильно слиты чувствомъ набожности. Затрудненіе все въ деньгахъ. Но въ нашемъ министерствѣ есть *большіе запасные капиталы*. Стоитъ только министру сослаться на этотъ источникъ издержекъ, и государь охотно разрѣшитъ. А какая бы прекрасная представилась работа перу нашему?“

Г. Барсуковъ прибавляетъ: „Къ стыду нашему, творенія Екатерины Великой и доселѣ имѣются въ русской литературѣ только въ изданіи Смирдина!“ Это неточно. Сочиненія императрицы Екатерины были изданы и въ другой разъ въ небольшихъ сжатыхъ томикахъ въ видѣ даровой преміи къ одному иллюстрированному изданію.

Это высокомѣрное отношеніе къ Смирдину могло бы быть оправдано только въ томъ случаѣ, еслибы эти писатели старшаго поколѣнія дѣйствительно издали, напримѣръ, сочиненія императрицы Екатерины или вообще сдѣлали что-нибудь для литературы XVIII вѣка или для Пушкинской эпохи, преданіями кото-

рой они гордились, считая ихъ какъ бы своею собственностью и даже заслугой. Книга кн. Вяземскаго о Фонъ-Визинѣ осталась единственнымъ исключеніемъ. Внимательныя изученія старой литературы стали, напротивъ, заслугой другого поколѣнія.

Какъ будто въ параллель къ этому мы находимъ образчикъ отношенія стараго поколѣнія къ новому въ слѣдующемъ простодушно-циническомъ письмѣ Погодина къ Шевыреву. Рѣчь идетъ о приготовленіяхъ къ упомянутому обѣду въ честь кн. П. А. Вяземскаго: „Мнѣ все хочется, чтобъ литераторовъ было побольше, а то характеръ обѣда другой. И забавляется грѣшная мысль пригласить даромъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей [1]): пакостите-де, сколько хотите, а покормить-то все-таки мы васъ покормимъ (!!). Въ такомъ случаѣ, радъ бы и прибавить. Ты этого не говори никому. А послѣ по сбору увидимъ, что можно будетъ сдѣлать. Во всякомъ случаѣ надо бы пригласить: Островскаго, Мея, Берга, Миллера, Колошина, какъ надежду русской литературы, съ уступкою. А что Ѳ. Н. Глинка? Напустите кого-нибудь на Загоскина. Ему надо быть! Скажи ему серьезно, что безъ него нельзя: онъ старшій. Богатый человѣкъ! Тридцать лѣтъ въ Москвѣ, по тридцати разъ обѣдалъ у всякаго почти изъ насъ и не хочетъ разу дать такую бездѣлицу. Удивительный человѣкъ! Мещерскій адъютантъ долженъ быть въ Москвѣ. Къ Бецкому все-таки пошлите: онъ даже чѣмъ-то обязанъ князю Вяземскому, ласковымъ пріемомъ и проч.“.

Не знаемъ, рѣшился ли Погодинъ предложить Островскому, Мею, Бергу „покормить ихъ“, но особое отношеніе къ молодому поколѣнію, безъ сомнѣнія, чувствовалось, и не удивительно, что литература проходила мимо этого стараго поколѣнія довольно равнодушно, если не враждебно [2])...

Приводимъ еще нѣсколько подробностей, которыя рисуютъ эти отношенія двухъ поколѣній въ отзывахъ самого Погодина или его друзей. Припомнимъ, что факты относятся въ 1850—1851 г., когда положеніе литературы нимало не способствовало тому, чтобы литературные и общественные взгляды могли быть высказаны съ какою-нибудь опредѣленностью.

Біографъ разсказываетъ, что Погодинъ, „будучи представи-

[1]) Припомнимъ свѣдѣнія, сообщенныя г. Барсуковымъ по свидѣтельствамъ очевидцевъ, о томъ, какъ Погодинъ платилъ своимъ сотрудникамъ.

[2]) Въ Погодинскомъ архивѣ сохранился печатный списокъ лицъ, принимавшихъ участіе въ обѣдѣ кн. Вяземскому. Изъ лицъ, перечисленныхъ выше въ записи Погодина, на обѣдѣ были Ѳедоръ Глинка, Мей, но нѣтъ именъ Островскаго, Берга, Миллера и Колошина.

телемъ старой редакціи Москвитянина", весьма дорожилъ участіемъ въ немъ старыхъ писателей и особенно кн. П. А. Вяземскаго. „Пришлите мнѣ ради Бога,—писалъ Погодинъ къ нему,—ваши стихотворенія и статью Батюшкова... Грустно, тяжко, больно! Одни Ярославы да Святополки разсѣеваютъ меня изрѣдка". Кн. Вяземскій послалъ ему статью Батюшкова и писалъ: „Можете напечатать мое приношеніе въ видѣ введенія или отрывка изъ письма къ вамъ, какъ будетъ вамъ угодно... Я сердечно былъ радъ сказать нѣсколько словъ о Батюшковѣ, нынѣ забытомъ. Постараюсь отыскать въ моемъ архивѣ нѣсколько писемъ его и доставлю вамъ. Въ наше время надобно мертвыхъ ставить на ноги, чтобы напугать и усовѣстить живую сволочь и отучить отъ нея ротозѣевъ, которые ей дивятся съ колѣнопреклоненіемъ". Самая замѣтка о статьѣ Батюшкова (это была статья: „Воспоминаніе мѣстъ, сраженій и путешествій") была укоромъ для новаго времени: „Читая ее, переносишься въ другую эпоху, свѣтлую и свѣжую: съ любовью сочувствуешь какому-то другому порядку мыслей, чувствованій, изложенія, вслушиваешься въ другую, когда-то знакомую, но нынѣ забытую, рѣчь звучную, мягкую, согрѣтую сердечною теплотою и проникающую глубокимъ нравственнымъ убѣжденіемъ. Радостно встрѣчаешь эту неожиданную находку, но съ грустью сознаешься, что это уже старина... Какъ отрывокъ, эта статья, конечно, въ глазахъ многихъ, не будетъ имѣть большой литературной важности. Но въ глазахъ нѣкоторыхъ будетъ она, безъ сомнѣнія, имѣть прелесть какой-нибудь древней художественной бездѣлки, открытой въ глубинѣ помпейской почвы, затопленной бурнымъ и огненнымъ потокомъ всепоглотившей лавы. Это бездѣлка, но она живая вывѣска минувшей эпохи. Въ свое время была она необыкновеннымъ выраженіемъ современнаго быта, домашняго, общественнаго и художественнаго: нынѣ она археологическая рѣдкость. Такъ и эта статья имѣетъ всю прелесть и важность преданія и памятника. Желательно, чтобы она была молодымъ художникамъ и предметомъ безпристрастной оцѣнки, обратнаго воззрѣнія на искусство слова, и руководительнымъ образцомъ". И опять должны были пройти десятки лѣтъ, чтобы могли явиться и обстоятельное изданіе сочиненій Батюшкова, и біографія, реставрированная по случайно сохранившимся отрывкамъ, почти какъ предметъ археологіи, когда она не была разсказана тѣми современниками, которые именно могли бы быть живыми истолкователями художественнаго преданія и которые находили для новыхъ поколѣній только ругательныя слова.

Однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ Москвитянина былъ въ эти годы еще другой старый писатель, М. А. Дмитріевъ. Онъ писалъ въ Москвитянинѣ критическія статьи и поэтическія произведенія. Къ послѣднимъ Погодинъ относился, повидимому, нѣсколько недовѣрчиво; въ мартѣ 1851 есть въ дневникѣ такая запись: „Много хлопотъ. 17-го на лекціи у Грановскаго. 20-го у Шевырева, а ввечеру, жертвой дружбы, — слышать элегіи Дмитріева у Ростопчиной". Это были „Деревенскія элегіи", которыми Дмитріевъ очень гордился. По критической части онъ написалъ въ Москвитянинѣ, между прочимъ, статью въ защиту Богдановича и знаменитой „Душеньки", о которой явились тогда неуважительные отзывы, кажется, по поводу ея новаго изданія въ собраніи Смирдина. По тому же поводу Дмитріевъ писалъ Погодину: „Нынче въ нашей литературѣ никто ничего не знаетъ и не признаетъ; молодое поколѣніе литературныхъ незнаекъ, чтобы не сказать невѣжъ, гордо, дерзко, невѣжественно и презираетъ все, кромѣ себя, своихъ и своего. Затѣмъ-то и надобно бы намъ, старикамъ, писать; да тянуть надобно дружно. А у насъ этого и нѣтъ: одинъ потянетъ, другой станетъ. Утерли бы мы имъ носъ, если бы писали порядкомъ. Мнѣ просто горько отъ всего, что происходитъ въ нынѣшней русской литературѣ". Любопытно, что именно это желаніе „утереть носъ" есть главная мечта этихъ старыхъ писателей: какъ будто не было мысли о томъ, что въ литературѣ нарождались однако новые интересы, вовсе не зависящіе отъ отдѣльныхъ лицъ, возбуждавшихъ ненависть стараго поколѣнія.

Самъ Погодинъ, какъ бывало нерѣдко, видѣлъ слабыя стороны своего лагеря; про себя онъ умѣлъ отнестись критически и къ М. А. Дмитріеву, и къ графинѣ Ростопчиной (запись въ дневникѣ по поводу романа гр. Ростопчиной: „Читалъ корректуру Ростопчиной,—ужасъ несетъ"), осуждалъ лѣнь тѣхъ единомышленниковъ, кто могъ бы дѣйствовать въ литературѣ, чувствовалъ неудобства цензурнаго положенія,—но при всемъ томъ въ печати вторилъ своимъ друзьямъ, а конфиденціально, желая искоренить своихъ литературныхъ противниковъ, старался натравить на нихъ ту же цензуру... Онъ писалъ, напримѣръ, къ Назимову, который начальствовалъ надъ московской цензурой: „Кромѣ издателя Раута, который есть человѣкъ добрый, неопасный и безвредный исключая его метроманіи [1]), на Москвитянина шипитъ цѣлый легіонъ, и эти московскіе господа, скрывая свои имена, ругаютъ

[1]) Это былъ Н. В. Сушковъ, дядя гр. Ростопчиной.

его всячески въ „Отечественныхъ Запискахъ“, „Современникѣ“, „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ и проч., стараются вредить ему и мѣшать всѣми, безъ разбору, средствами, потому что онъ составляетъ ихъ оппозицію, потому что его глазъ и ушей (!) они опасаются. Если эти господа достигнутъ своей цѣли и принудятъ меня оставить журналъ, который мнѣ и безъ ихъ происковъ становится въ тягость, тогда увидите“... Въ томъ же духѣ Погодинъ, „утомленный борьбою съ супротивною силою“, по выраженію г. Барсукова, писалъ къ кн. Вяземскому: *„Дніе зли суть*, но тѣ дни, на которыхъ (на дняхъ) вы хотѣли прислать вашу богатую милость „Москвитянину“, милостивый государь князь Петръ Андреевичъ... да умилосердятся они! По пяти статей выкидывается изъ книги, и я просто не знаю иногда, что̀ дѣлать! и принужденъ выпускать книгу не полную и безобразную. То критики нѣтъ, то наукъ, то русской словесности! Слѣдовательно, про запасъ надо имѣть всегда помногу. И въ заключеніе всѣ эти хлопоты, вмѣстѣ съ литературными, надѣлаютъ мнѣ столько, что я рѣшаюсь бросить все и засѣсть за одну исторію. Насъ единомыслящихъ, консерваторовъ съ прогрессами, очень мало, да и тѣ большею частью лѣнивы: Хомяковъ, Кирѣевскіе, Павловы и т. д. Шевыревъ занятъ,—а молодые, очертя голову, и вовсе безъ головы напираютъ. Вы не знаете всѣхъ отношеній учено-литературныхъ, да и никто ихъ не знаетъ; найдется теперь множество людей, которые рады подошвы вырѣзать изъ своихъ сапоговъ, лишь бы я пересталъ быть редакторомъ „Москвитянина“ и чтобъ петербургскимъ журналамъ не было оппозиціи (!), чтобъ всѣ составляли одно. Тогда и увидятъ, что начнетъ сочиться, a gutta cavat lapidem non vi, sed saepe cadendo. Правительство наше съ этой стороны совершенно слѣпо (?), а эта сторона становится важнѣе и важнѣе со всякимъ днемъ. Пособія никакого я не прошу—оборони Боже; это убьетъ журналъ,—но я прошу довѣренности. Пусть разсмотрятъ двадцать пять лѣтъ моей публичной дѣятельности (что я писалъ и издавалъ), да и дадутъ мнѣ carte blanche. Тогда можно принести пользу и литературѣ, и общему дѣлу, и содѣйствовать прогрессу разумному—иначе невозможно. Все это вырвалось у меня невзначай въ письмѣ къ вамъ, потому что я знаю вашу искреннюю любовь къ просвѣщенію, а считаю все это гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и т. п.“.

Не легко себѣ представить, чего хотѣлъ, наконецъ, Погодинъ. У „петербургскихъ журналовъ“ давно была уже достаточная оппозиція въ видѣ цензуры, и для противодѣйствія имъ Погодинъ, безъ сомнѣнія, могъ имѣть сколько угодно простора; дѣя-

тельность его „глазъ“ и „ушей“ была бы встрѣчена вполнѣ благосклонно, напримѣръ, въ Негласномъ Комитетѣ; но онъ все еще требовалъ себѣ carte blanche.

Все это будетъ еще болѣе удивительно, если вспомнить, что одною изъ зловредныхъ вещей въ глазахъ Погодина была „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ Соловьева. „Колоссальный трудъ С. М. Соловьева,— говоритъ г. Барсуковъ,—коего начало было такъ доброжелательно встрѣчено „Московскими Вѣдомостями“, какъ извѣстно, прерванъ былъ лишь кончиною автора на двадцать девятомъ томѣ, и давно оцѣненъ всѣми по своему достоинству; а потому смѣемъ думать, что великая заслуга Соловьева нисколько не умалится, если, мы ради исторической правды, приводя благопріятныя о немъ сужденія нашихъ ученыхъ, не скроемъ и тѣ отзывы, которые въ свое время высказывались не въ пользу этого труда“.

Самъ Соловьевъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ: „Давно, еще до полученія каѳедры, у меня возникла мысль написать исторію Россіи. Послѣ полученія каѳедры дѣло представлялось возможнымъ и необходимымъ. Пособій не было. Карамзинъ устарѣлъ въ глазахъ всѣхъ; надобно было для составленія курса заниматься по источникамъ; но почему же этотъ самый курсъ, обработанный по источникамъ, не можетъ быть переданъ публикѣ, жаждущей имѣть русскую исторію полную и написанную, какъ писались исторіи государствъ въ западной Европѣ... Я рѣшился на такой трудъ и началъ съ начала, ибо предшествовавшіе труды не удовлетворяли. Успѣхъ двухъ моихъ диссертацій смутилъ, покоробилъ; сильно обрадовались, когда Погодинъ началъ полемизировать противъ нихъ, но все не было дружнаго ожесточеннаго нападенія... И вдругъ, дерзкій издаетъ Исторію Россіи — первый томъ, значитъ, будутъ и другіе тома! Дерзкій, которому исполнилось только тридцать лѣтъ, въ Карамзины лѣзетъ, хочетъ быть господствующимъ авторитетомъ! Этого нельзя было перенести равнодушно. Но, разумѣется, прежде всѣхъ не могъ перенести этого равнодушно Погодинъ. Просидѣлъ двадцать слишкомъ лѣтъ на каѳедрѣ, пріобрѣлъ авторитетъ перваго знатока русской исторіи, а на повѣрку что сдѣлалъ? Написалъ двѣ диссертаціи о варягахъ и Несторѣ. А этотъ молокососъ не только въ два года своего профессорства написалъ двѣ диссертаціи, но теперь приступилъ къ изданію обширной исторіи, хочетъ быть Карамзинымъ. Что же ему, Погодину, въ гробъ, что-ль, ложиться? Лучше въ гробъ, чѣмъ стушеваться предъ какимъ-нибудь Соловьевымъ. Одна надежда, что дерзкое предпріятіе рухнетъ, какъ

рухнула Исторія русскаго народа, Полевого; но надобно ускорить это паденіе, ополчиться и разнести по камешкамъ зданіе при самомъ его началѣ, разнести фундаментъ. Сотрудниковъ много. Съ шипѣніемъ, съ пѣною у рта собирается около почтеннѣйшаго Михаила Петровича, ставшаго чрезвычайно популярнымъ, дружина—походъ объявленъ. Москвитянинъ открылъ свои страницы ругательнымъ статьямъ противъ меня".

Не будемъ пересказывать этого похода, не сполна впрочемъ переданнаго и г. Барсуковымъ. Но кромѣ печатныхъ фактовъ, онъ приводитъ нѣкоторыя черты изъ переписки, которыя довольно характерны, какъ примѣры шипѣнія. Біографъ Погодина разсказываетъ, что извѣстный оріенталистъ, П. С. Савельевъ, отнесся къ труду Соловьева съ меркантильной точки зрѣнія: его поразила цѣна перваго тома. „Два рубля пятьдесятъ копѣекъ за пятнадцать печатныхъ листовъ"!—писалъ онъ Погодину. Въ другомъ письмѣ своемъ, Савельевъ, „не покидая своей прежней низменной точки зрѣнія", развиваетъ свою мысль подробнѣе: „Исторіи С. Соловьева досталось отъ всѣхъ журналовъ всѣхъ партій. Вотъ что значитъ желать угодить и нашимъ и вашимъ! Это, кажется, чистая спекуляція: пускай, молъ, бранятъ, а тысячи двѣ экземпляровъ, по два съ полтиною серебромъ, можетъ расходиться, да притомъ можно выпускать по тому или по два въ годъ. Я, съ своей стороны, не вижу иной цѣли новой „Исторіи Россіи": она ни ученая, ни учебная, ни художественная, ни популярная. Что же она такое? По поводу ея хотѣлъ-было написать нѣсколько замѣчаній: о восточныхъ источникахъ, о Массудѣ, о Хореѣ, о происхожденіи венгровъ, о черкесскихъ преданіяхъ и проч. Объ этомъ могу сказать кое-что новое и небезполезное. Жалѣю, что не могу заняться этимъ теперь, потому что заваленъ другою работой. Но обѣщаю это Москвитянину".

Біографъ Погодина извлекъ изъ его бумагъ другой, еще болѣе несправедливый и желчный отзывъ—графа Д. А. Толстого, будущаго министра просвѣщенія и оберъ-прокурора св. синода. „Что вы подѣлываете?—писалъ онъ Погодину,—читаете Исторію Соловьева? Я по крайней мѣрѣ сижу теперь за ней, и убѣждаюсь, что еще не пришло время писать нашу исторію такъ, какъ онъ было замахнулся; отъ васъ всѣ ожидаютъ критики обширной, основательной и безпристрастной, а есть надъ чѣмъ позаняться! Родовой бытъ плохо выдерживаетъ на себѣ зданіе нашей исторіи, да и языкъ-то не совсѣмъ историческій. Помнится, что учитель латинскаго языка въ лицеѣ, когда пересматривалъ наши нескладныя на немъ писанія, говаривалъ: „Ежели

бы Цицеронъ воскресъ и услышалъ эту латынь, побилъ бы васъ палкою"! Думаю, что Карамзинъ исполнилъ бы это надъ Соловьевымъ. А между тѣмъ, выходъ Исторіи Соловьева совпалъ со смертію всѣми сожалѣемой жены Карамзина, одного изъ обломковъ Александровскаго царствованія! Да не узритъ въ этомъ нашъ многоученый профессоръ какого-либо гласа съ неба, нарекающаго его преемникомъ Карамзина! Никогда не читалъ чего-либо нелѣпѣе, пошлѣе и натянутѣе, какъ объясненіе вліянія нашей почвы на нашу исторію! Это просто уморительно. Извините, за выраженіе этихъ живыхъ впечатлѣній, которыя совсѣмъ некстати вырвались здѣсь сами собою".

Когда трудъ Соловьева въ концѣ концовъ оказался монументальнымъ произведеніемъ, всѣмъ понятна будетъ цѣна этихъ „живыхъ впечатлѣній". „Любопытно,—говоритъ г. Барсуковъ,—встрѣтить такое сужденіе со стороны ученаго, который въ то время самъ занимался географическими и статистическими изысканіями. Объясненіе этой странности заключается, какъ намъ кажется, въ вышеприведенныхъ словахъ самого С. М. Соловьева: „Дерзкій, въ Карамзины лѣзетъ".

Надо удивляться этой степени злорадства, съ какимъ хотѣли съ самаго начала унизить и подкопать дѣло Соловьева. Писатель, задумавшій „Исторію Россіи", начиналъ предпріятіе, въ которомъ, дѣйствительно, давно нуждалась литература. Что трудъ Карамзина устарѣлъ, въ этомъ не могло быть сомнѣнія ни для кого изъ серьезныхъ ученыхъ; необходимъ былъ новый трудъ, который, во-первыхъ, менѣе односторонно поставилъ бы самую задачу историческаго изслѣдованія, во-вторыхъ, воспользовался бы многочисленными новыми матеріалами, появившимися съ тѣхъ поръ въ литературѣ. Писатель, предпринимавшій эту задачу, не былъ какой-нибудь новичокъ: онъ уже заявилъ себя серьезными работами, онъ былъ профессоромъ московскаго университета, и это одно могло бы потребовать болѣе серьезнаго отношенія къ его предпріятію. Ошибки и недосмотры возможны всегда, но здѣсь они прямо ставились въ преступленіе, иногда и совсѣмъ не впопадъ, — напримѣръ, объясненіе вліянія почвы на нашу исторію не только не было нелѣпостью, но было необходимою частью историческаго объясненія. Какъ мы видѣли, Савельевъ увидалъ въ книгѣ „чистую спекуляцію" и негодовалъ на цѣну книги: онъ забылъ только одно, что Соловьевъ, человѣкъ небогатый, жившій однимъ своимъ трудомъ, издавалъ книгу самъ и не искалъ для изданія никакихъ пособій отъ министерства, какъ искалъ ихъ, напримѣръ, Шевыревъ, искалъ потомъ въ грандіоз-

ныхъ размѣрахъ самъ Погодинъ, какъ думали искать такого пособія для изданія сочиненій Екатерины II... Савельевъ укорялъ еще Соловьева за желаніе „угодить и нашимъ и вашимъ“— обвиненіе еще болѣе нелѣпое. Соловьевъ именно никому не угождалъ и, напримѣръ, какъ мало угождалъ онъ Погодину, это видно изъ самаго озлобленія Погодина и его друзей. Напримѣръ, въ теоріи родового быта могли быть преувеличенія; Погодинъ называлъ эту теорію прямо язвой, но Соловьевъ ничего не уступилъ изъ нея въ своей книгѣ. Друзьями Соловьева были только ученые, раздѣлявшіе съ нимъ стремленіе разыскать внутреннія начала развитія русскаго народа и русскаго государства: это были тогда въ особенности Кавелинъ и Калачовъ,—на первое время почти только они одни.

„Самъ Погодинъ, — разсказываетъ его біографъ, — на первыхъ порахъ отнесся къ труду своего противника весьма сдержанно“; но сдержанность была не очень велика, когда онъ печатно заявлялъ, что не читалъ перваго тома Исторіи Россіи „и читать ее не будетъ“. Біографъ замѣчаетъ, что и это заявленіе было несправедливо.

Мы остановимся еще только на одномъ эпизодѣ біографіи Погодина за это время—на первомъ приступѣ его къ продажѣ своего древлехранилища въ казну. Это древлехранилище было тогда очень богато разнаго рода стариной и въ особенности собраніемъ рукописей; наконецъ, оно стало одною изъ достопримѣчательностей Москвы и его осматривали не однажды различные высокіе посѣтители, о чемъ и самъ онъ заботился. Въ слѣдующемъ томѣ біографіи будутъ, вѣроятно, сообщены подробности окончательнаго устройства этого дѣла; здѣсь г. Барсуковъ сообщаетъ о первыхъ просьбахъ Погодина къ высокопоставленнымъ людямъ и проектъ его обращенія къ самому императору Николаю. Погодинъ долго занятъ былъ планомъ объ устройствѣ своего древлехранилища и наконецъ остановился на планѣ предоставить его устройство въ руки правительства. Біографъ разсказываетъ, что, ободренный посѣщеніемъ древлехранилища „великими княжнами, князьями, графами, грандами“, Погодинъ дерзнулъ писать къ самому государю; но предварительно онъ записалъ въ своемъ дневникѣ въ апрѣлѣ 1851: „Мысль просить у Государя помощи. Это приходило въ голову и прежде. Подожду лучше—авось вывезетъ своя спина“. Проектъ своего письма къ государю онъ послалъ къ гр. Блудову, прося его дать совѣтъ, не нужно ли что-нибудь измѣнить въ этомъ письмѣ или исключить.

Въ самомъ письмѣ къ Блудову, а тѣмъ болѣе въ письмѣ къ императору Николаю, онъ съумѣлъ указать, что могъ бы обогатиться, еслибы захотѣлъ продать все свое собраніе, а съ другой стороны, что онъ владѣетъ такими документами, которымъ не слѣдовало бы оставаться въ частныхъ рукахъ. „Прошу покорнѣйше, ваше сіятельство,—писалъ онъ Блудову, послѣ предварительныхъ комплиментовъ „другу и преемнику Карамзина“,—подать мнѣ совѣтъ: не слѣдуетъ ли что̀ измѣнить въ письмѣ или исключить. Лишь только написалъ я это письмо, ко мнѣ принесли живописныя Минеи, двѣнадцать мѣсяцевъ, точь въ точь Tabulae Capponianae, и я долженъ былъ купить ихъ. Просто у меня не достаетъ силъ, и я начинаю разоряться. Еслибы государь увидѣлъ мои собранія, онъ рѣшилъ бы дѣло въ одну минуту, какъ любитель и знатокъ, не только какъ Царь. Къ графу Адлербергу, котораго я хочу просить о доставленіи письма, намѣренъ я написать особо, и попросить его, чтобы онъ объяснилъ его императорскому величеству мои права на его довѣренность: за тѣ шестьсотъ собственноручныхъ писемъ всей царской фамиліи (Александровы съ тѣхъ поръ, какъ началъ онъ учиться грамотѣ), за письмо послѣднее я могъ получить огромнѣйшія суммы отъ англійскихъ собирателей (не говорю о политической важности). Жизнь Потемкина, въ переводѣ на англійскій, французскій и нѣмецкій языки, я могъ бы распродать въ Европѣ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ экземпляровъ. Но прочь отъ меня такія низкія мысли. Я не хочу чужихъ милліоновъ, и за свои жертвы прошу только довѣренности. Пусть государь скажетъ мнѣ: возьми, что̀ надо, и сдѣлай, устрой, какъ знаешь. Тогда я головой отвѣчаю за свое дѣло“.

Въ проектѣ письма къ императору Николаю онъ говорилъ: „Сокровища историческія льются ко мнѣ рѣкою, какъ будто по опредѣленію свыше. Изъ приношеній моихъ, въ 1844 году, чрезъ графа Уварова, и въ 1849 году, чрезъ графа Адлерберга, вы изволили видѣть разительные примѣры удивительнаго стеченія обстоятельствъ, по которому попадаются въ руки мнѣ, частному человѣку, живущему почти въ пустынѣ, наисекретнѣйшіе документы изъ самыхъ внутреннихъ аппартаментовъ дворца. Нынѣ, точно также, я получилъ во владѣніе подробнѣйшее описаніе всѣхъ дѣйствій Потемкина, всѣхъ самыхъ тайныхъ отношеній его къ императрицѣ Екатеринѣ, великому князю Павлу Петровичу, — ко всѣмъ фаворитамъ, правительству, политикѣ, — сочиненное какимъ-то приближеннымъ лицомъ, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Обмеръ я, читая страшную повѣсть во всѣхъ подробностяхъ, видя предъ собою всю сѣть закулисныхъ интригъ. Тем-

нѣетъ все царствованіе; одно только лицо великаго князя получаетъ лучшій свѣтъ.

„Оставаться въ рукахъ частныхъ такимъ государственнымъ тайнамъ, *особенно въ наше время*, никакъ не должно, непозволительно. Я могу умереть—что станется съ ними, несмотря на всѣ мои мѣры предосторожности, тѣмъ болѣе, что въ нихъ все мое состояніе и состояніе всего многочисленнаго семейства, которое найдется въ необходимости продавать?

„Съ другой стороны, ученыхъ сокровищъ, матеріаловъ для исторіи церкви, государства, права, языка, искусства, накопилось у меня столько, и всѣ они имѣютъ такое всероссійское значеніе, что должны быть, во-первыхъ, предохранены отъ гибели, возможной, коей легко подвергнуться въ деревянномъ домѣ, подъ надзоромъ одного служителя; во-вторыхъ — открыты, подъ моимъ руководствомъ, для общаго употребленія, при такомъ стремленіи къ изученію отечества, которое обнаружилось въ послѣднія времена въ ваше царствованіе.

„Поддержать же свои собранія, при распространившихся по всей Россіи моихъ связяхъ, никакъ не могу болѣе, употребивъ уже все свое состояніе, всѣ свои трудовые доходы, и обременивъ себя долгами, безпрестанно наростающими. Въ самую сію минуту одинъ раскольникъ, которому я имѣлъ случай сдѣлать добро и воспринять потомъ въ единовѣрческую церковь, предлагаетъ мнѣ купить свою молельню, древнѣйшую въ Москвѣ, съ богатѣйшимъ собраніемъ образовъ, книгъ и рукописей! Отказаться я не могу, а купить нѣтъ уже силы...

„Повелите, всемилостивѣйшій государь, учредить въ Москвѣ, въ память о вашемъ двадцатипятилѣтіи, всероссійскій народный музей, повелите принять въ основаніе мои тридцатилѣтнія собранія, поручить ихъ моему завѣдыванію, и я въ скоромъ времени берусь привести его въ такое положеніе, что ему подобнаго въ Россіи не бывало, по разнообразію предметовъ, обнимающихъ всю русскую жизнь, — музей, который, смѣю впередъ сказать, займетъ страницу въ Исторіи вашего царствованія“.

Блудовъ не отвѣчалъ самъ на письмо и поручилъ отвѣтъ дочери. Онъ находилъ, что такое прямое предложеніе неудобно; онъ совѣтовалъ написать обо всемъ этомъ въ партикулярномъ письмѣ къ Адлербергу, а не говорить прямо государю о бумагахъ, въ которыхъ Погодинъ находилъ такъ много „непріятнаго фамильнаго“. „О такихъ сплетняхъ правдивыхъ или вымышленныхъ трудно упоминать внуку той великой государыни, которой слава государственная выкупаетъ ея частныя слабости, какія бъ ни были“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Блудовъ сообщалъ, что ему извѣстно,

что самому государю хочется пріобрѣсти собраніе Погодина. Въ декабрѣ того же года Погодинъ получилъ, повидимому, извѣщеніе отъ барона Корфа (который былъ тогда директоромъ Публичной библіотеки), что императоръ Николай уполномочилъ его вступить въ переговоры съ Погодинымъ относительно пріобрѣтенія въ казну его древлехранилища.

Въ бумагахъ Погодина нашлась записка извѣстнаго любителя нашей книжной старины С. А. Соболевскаго о той рукописи о Потемкинѣ, которой Погодинъ придавалъ такое конфиденціально-государственное значеніе. Прежде всего Соболевскій совѣтовалъ: „не худо бы списать манускриптъ въ предосторожность могущему быть истребленію"; но особеннаго историческаго значенія онъ этому сочиненію не придавалъ. „Оно написано довольно дѣльно, человѣкомъ знакомымъ съ тогдашними обстоятельствами, а особенно съ внѣшними сношеніями Россіи. Между тѣмъ, новаго я тутъ ничего не нашелъ, чего бы я не читалъ прежде въ Кастера и другихъ, такъ что это книга хорошая, но не *интересная*. О самой личности Потемкина, столь чрезвычайно замѣчательной, весьма мало. Это не исторія Потемкина, а исторія временъ Потемкина. Таковое отсутствіе личныхъ замѣчаній мнѣ доказываетъ, что сочинителя не нужно искать между приближенными Таврическаго, а *во дѣльцахъ второстепенныхъ* того времени, жившихъ еще около 1807 года".

Въ концѣ концовъ, какъ извѣстно, Погодинское древлехранилище было пріобрѣтено въ казну за весьма значительную сумму (150.000 р. сер.), и рукописи его поступили въ императорскую Публичную библіотеку.

Изъ приведенныхъ писемъ видно, что Погодинъ съумѣлъ показать товаръ лицомъ. Въ его рукописяхъ, когда онѣ стали достояніемъ Публичной библіотеки, открылось потомъ не мало достопримѣчательныхъ памятниковъ, имъ самимъ не замѣченныхъ; но рекомендаціи, какія онъ давалъ своему собранію, были все-таки довольно странны. Онъ отвергалъ низкія мысли о продажѣ своихъ коллекцій за границу, но все-таки указывалъ на „огромнѣйшія суммы", „милліоны" отъ англійскихъ собирателей, „нѣсколько сотъ тысячъ экземпляровъ" жизнеописанія Потемкина въ иностранныхъ изданіяхъ,—которыя, однако, были очень сомнительны или просто невозможны. Упомянутая записка Соболевскаго указываетъ, что Погодинъ, самъ не вникнувши въ дѣло, черезъ мѣру преувеличилъ историческую важность сочиненія о Потемкинѣ, не говоря о томъ, что онъ дѣлалъ странное удареніе на его фамильной важности для императора Николая.

Т.

ИЗЪ Ж. ЭКАРА

1.—ВПЕРЕДЪ.

Впередъ, мой вѣрный конь! Во весь опоръ лети!
И вихремъ день и ночь мы мчались по равнинѣ.
—Къ любви стремится онъ!—шептали на пути
Кустарникъ и трава и ручейки въ долинѣ.

Все откликалося на звонкій гулъ копытъ,
И вѣтеръ обогнать пытался насъ, но тщетно.
Блесиетъ ли небосводъ звѣздою предразсвѣтной,
Вечерней ли звѣздой—мой вѣрный конь летитъ.

Подъ сводами деревъ его пустилъ я шагомъ,
И такъ я ѣхалъ дни и ночи напролетъ,
И тихо ручейки шептали за оврагомъ:
—Онъ счастія любви, въ пути замедливъ, ждетъ.

Имъ вторили: песокъ, копытами взметенный,
И поднимавшійся во слѣдъ намъ вѣтерокъ,
Который вновь стихалъ, дремотой упоенный,
Иль свѣжестью зари, румянившей востокъ.

—Теперь—къ вершинамъ горъ, увѣнчанныхъ снѣгами!—
И поднимались мы къ вершинамъ день и ночь,
И бездны голоса шептали вслѣдъ за нами:
—Отъ мукъ любви своей бѣжитъ несчастный прочь!—

Но лгали: темный лѣсъ и горы и долина;
Тоскуя, убѣжать возможно ль отъ себя?
Быстрѣе всѣхъ коней обгонитъ насъ кручина
И трудно разлюбить, однажды полюбя.

Но жизнь такъ коротка! Поднимемся—гдѣ шире,
Вольнѣе кругозоръ,—къ сіяющимъ снѣгамъ!
Все—отъ реальнаго до призрачнаго въ мірѣ—
Поймемъ, извѣдаемъ, подобные богамъ.

Пускай паденіе и гибель—неизбѣжны,
Пускай погибну я, но лишь въ концѣ пути,
Когда ложится мракъ на океанъ безбрежный
И видѣть нечего, и некуда идти!

2.—ВОЛНА ЖИЗНИ.

Бѣжали струи съ заглушеннымъ журчаньемъ своимъ,—
И вновь предо мною, въ причудливой смѣнѣ,
Сливались, подобно игрѣ свѣтотѣни—
Фантазія съ міромъ живымъ.

Журчали струи,—имъ отвѣтное вторило эхо,
И капля за каплей, какъ слезы, струилась вода,
Смѣнялись рыданья журчаніемъ звонкаго смѣха,
И думалъ я:—Въ жизни не такъ ли бываетъ всегда?

Ласкались струи,—и отъ ласки ихъ трепетно чудной
Тепло разливалось, весны возвѣщая приходъ;
Весна молодая, дочь свѣтлаго солнца и водъ—
Рождалась, въ уборѣ листвы изумрудной.

Синѣли струи,—и, на темное дно опустясь,
Въ волнахъ отражался оттѣнокъ лазури небесной,
Скрывая собою, подъ дымкою грезы чудесной
Подводную тину и грязь.

Минувшаго призракъ, мгновеній волшебный полетъ,
Любовь и веселье, и пѣсни и звуки рыданій,
Не все ль, уносимое свѣтлой волною мечтаній—
Безслѣдно, подобно волнѣ, утечетъ?

3.—ЛАСТОЧКИ.

Остановись! Крыломъ ея задѣтъ,
Стремишься ты за ласточкой летящей?
Не мчись, мой конь, напрасно ей во слѣдъ,
Ей, въ небесахъ безъ устали парящей!

Не намъ съ тобой подняться въ эту высь,
Гдѣ ласточекъ свободныхъ караваны,
Черезъ моря и долы и туманы—
Въ далекій край несутся и неслись.

Онѣ летятъ, какъ спущенныя стрѣлы,
Въ лазури имъ открытъ широкій путь;
Темны, какъ ночь, какъ снѣгъ нагорный бѣлы,
Ихъ крылья сильныя и грудь.

Знакомы имъ: палящія пустыни
И сѣверъ нашъ съ суровою зимой,—
Но знаешь ли, что сводъ небесно-синій
Является для ласточекъ тюрьмой?

Просторъ небесъ собою ихъ не манитъ,
Онѣ летятъ за пищей для птенцовъ,
И долу ихъ всегда незримо тянетъ,
Къ родной землѣ, подъ неприглядный кровъ.

Лишь о гнѣздѣ, въ углу сарая свитомъ
Трудами ихъ,—мечтаютъ всѣ онѣ,
И курицамъ раскормленнымъ и сытымъ
Завидуютъ въ сердечной глубинѣ.

Онѣ хотятъ лишь доли безмятежной,
Забота ихъ—о кровѣ и теплѣ,
И тѣ, кому открытъ просторъ безбрежный,
Завидуютъ прикованнымъ къ землѣ.

4.—СЕРДЦЕ.

Я сердце мое далъ красавицѣ розѣ,
Я счастія ждалъ для него,
И горько скорблю объ утраченной грезѣ:
Я сердце мое далъ красавицѣ розѣ—
И птицы клевали его.

И сердце я отдалъ фіалкѣ смиренной,
Я снова о счастьѣ молилъ,
Но ливень, промчавшійся бурей мгновенной,
Его въ сердцевинѣ фіалки смиренной
Слезами въ ночи затопилъ.

Я сердце вложилъ въ василекъ темносиній,
Но, вмѣстѣ со сжатымъ снопомъ,
Жнецами, пришедшими утромъ къ долинѣ,
И сердце мое, и цвѣтокъ темносиній—
Подкошены острымъ серпомъ.

Вложилъ мое сердце я въ цвѣтъ виноградный,
Но время для сбора пришло,—
Явилися люди толпой безпощадной,
Ногами растоптанъ былъ плодъ виноградный,
И кровью оно изошло.

Я сердце вложу въ твою нѣжную руку;
Тоскою великой полно,
Терпѣло оно непосильную муку,
Я сердце вложилъ въ твою нѣжную руку,—
Но поздно: не бьется оно.

О. Михайлова.

1897 г.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

Сельско-хозяйственный кризисъ и дворянское землевладѣніе.

Старый вопросъ, возникшій одновременно съ крестьянскою реформою,—о судьбѣ дворянскаго землевладѣнія, лишеннаго даровыхъ рабочихъ силъ,—періодически оживляется въ нашей печати новыми спорами, проектами и мечтаніями, чтобы затѣмъ опять заглохнуть на время среди прозаическихъ дѣлъ и заботъ текущей общественной жизни. Вопросъ имѣетъ уже свою исторію, свою обширную литературу, а между тѣмъ до сихъ поръ онъ остается для многихъ неяснымъ, полнымъ недоразумѣній и противорѣчій.

Въ первое двадцатилѣтіе послѣ освобожденія крестьянъ господствовалъ взглядъ на дворянство, какъ на передовой общественный классъ, призванный фактически стоять во главѣ всесословной Россіи и выработать новыя культурныя формы быта, въ соотвѣтствіи съ измѣнившимися обстоятельствами и съ потребностями большинства населенія. О сословныхъ привилегіяхъ и перегородкахъ никто тогда не думалъ серьезно. Значительная часть дворянства сразу вошла въ новую колею, съ увлеченіемъ отдалась различнымъ свободнымъ профессіямъ и промышленнымъ предпріятіямъ, наполнила собою вновь созданныя учрежденія и канцеляріи, и старалась такъ или иначе приспособиться къ новымъ экономическимъ условіямъ, безъ ущерба для своихъ интересовъ; другая часть прониклась пессимизмомъ, мрачно смотрѣла на происходившія перемѣны и преобразованія, изрѣдка давая волю своему неудовольствію и раздраженію, и въ то же время съ безучастнымъ равнодушіемъ запускала свои имѣнія, какъ бы со-

знательно ускоряя ихъ полный упадокъ въ ожиданіи пришествія „чумазаго“, подъ руками котораго должны были погибнуть послѣдніе остатки бывшихъ помѣщичьихъ хозяйствъ. Одни бодро глядѣли впередъ, въ будущее; другіе упорно обращали свои взоры назадъ, въ прошедшее, и продолжали жить воспоминаніями исчезнувшаго благополучія. Всѣ однако раздѣляли вѣру въ безповоротность совершившихся фактовъ и въ неминуемость торжества новыхъ общественныхъ элементовъ надъ прежними, осужденными —по общему мнѣнію—исторіей. Дворянство фактически сохраняетъ свою руководящую роль въ общественной жизни, въ мѣстномъ управленіи, въ чиновничествѣ, въ земствѣ и даже въ литературѣ, несмотря на утвердившіяся въ ней симпатіи къ мужику; но объ искусственномъ поддержаніи спеціально-дворянскихъ интересовъ и традицій нѣтъ еще и рѣчи. Солидарность высшаго сословія съ цѣлымъ народомъ и особенно съ крестьянствомъ молчаливо предполагается, какъ принципъ, отъ котораго неудобно отречься.

Съ половины восьмидесятыхъ годовъ наступаетъ, повидимому, переломъ въ господствующихъ понятіяхъ и направленіяхъ: среди помѣстнаго дворянства все сильнѣе ростутъ и все съ большею откровенностью проявляются стремленія и тенденціи, выдвигающія на первый планъ привилегированный характеръ высшаго землевладѣльческаго класса въ противоположность остальному населенію. Антагонизмъ сословныхъ интересовъ принимаетъ иногда рѣзкія, непріятныя черты не только въ разсужденіяхъ отдѣльныхъ публицистовъ, но и въ дѣйствительности, въ крупныхъ практическихъ случаяхъ и конфликтахъ. Прямое недоброжелательство къ большинству простого народа обнаруживалось отъ времени до времени въ проповѣди усиленныхъ тѣлесныхъ наказаній для крестьянъ, въ настойчивомъ отрицаніи народной потребности въ образовательныхъ и культурныхъ средствахъ, въ нападкахъ на всякую попытку помочь бѣдствующей части сельскаго населенія, какъ это ярко выразилось въ нѣкоторыхъ памятныхъ эпизодахъ народнаго голода 1892 года. Это странное враждебное отношеніе къ крестьянству прикрывается лицемѣрною заботою объ исправленіи его пороковъ и слабостей, точно такъ же какъ домогательства новыхъ льготъ и преимуществъ для привилегированныхъ обывателей (хотя и не чуждыхъ слабостямъ и порокамъ) прикрываются заботою о благѣ всего государства и объ общихъ нуждахъ сельскаго хозяйства страны. Односторонніе сословные тенденціи всегда проводятся подъ прикрытіемъ высшихъ и общихъ интересовъ, пока реальная сущность дѣла

не разоблачается какими-нибудь краснорѣчивыми фактами и доводами.

Нельзя сказать, чтобы сословныя чувства и идеи направлялись сознательно въ ту или другую сторону и чтобы ими руководили опредѣленныя, серьезно обдуманныя цѣли. По здравому смыслу, защитники и представители нашего дворянскаго землевладѣнія должны были бы бороться главнымъ образомъ противъ подавляющаго напора промышленныхъ дѣльцовъ, которые грозятъ постепенно наложить свою тяжелую руку на сельское хозяйство и низвести землю на степень обыкновеннаго товара, превративъ владѣльцевъ въ неоплатныхъ должниковъ или въ приказчиковъ поземельныхъ банковъ. Промышленность и торговля въ томъ видѣ, какъ онѣ развиваются у насъ, дѣйствительно подрываютъ основы земледѣлія и землевладѣнія; противоположность интересовъ выступаетъ здѣсь на каждомъ шагу, и было бы естественно ожидать, что помѣстное дворянство употребитъ все свое вліяніе на противодѣйствіе неумѣреннымъ притязаніямъ и посягательствамъ всероссійскаго купечества, которое тоже выдаетъ свои частныя выгоды за государственныя. Отъ денежнаго владычества промышленныхъ и торговыхъ дѣятелей одинаково страдаютъ и крупные землевладѣльцы и мелкіе, помѣщики и крестьяне,—а между тѣмъ защитники дворянскихъ правъ не рѣшались высказываться противъ новыхъ промышленныхъ теченій и даже поддерживали ихъ въ самую горячую пору протекціонизма; только немногіе голоса робко поднимались по поводу нѣкоторыхъ частностей покровительственной системы, особенно обременительныхъ для сельскаго хозяйства. Можно думать, что неясные разсчеты на участіе въ ростѣ промышленнаго богатства играли при этомъ значительную роль. Перспектива господства надъ крестьянствомъ соблазняла многихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ борьба противъ возростающихъ силъ денежнаго капитала, успѣхи котораго могли принести свою долю пользы не однимъ промышленникамъ. Въ этомъ отношеніи наши дворянскіе публицисты рѣшительно отличаются отъ нѣмецкихъ аграріевъ; они пренебрегаютъ практическимъ пониманіемъ поземельныхъ задачъ и вопросовъ и дѣйствуютъ безъ всякаго плана и безъ руководящихъ идей, подчиняясь случайнымъ соображеніямъ или безотчетнымъ инстинктамъ и порывамъ. Вмѣсто того, чтобы стараться объединить интересы различныхъ группъ землевладѣнія для совмѣстной охраны, они поощряютъ сословную рознь, маскируя ее наивнѣйшимъ образомъ, и часто стоятъ за-одно съ промышленными капиталистами въ ихъ наиболѣе вредныхъ для сельскаго хозяйства начинаніяхъ

и предпріятіяхъ. Они ухитряются быть одновременно ходатаями по дѣламъ землевладѣнія и земледѣлія и ярыми противниками земледѣльческаго населенія, охранителями помѣстнаго дворянства и органами торгово-промышленнаго міра, приверженцами разныхъ льготъ для землевладѣльцевъ и сторонниками высокихъ таможенныхъ пошлинъ, разорительныхъ для сельскаго хозяйства. Такого своеобразнаго сочетанія противоположныхъ, несовмѣстимыхъ между собою точекъ зрѣнія мы не находимъ нигдѣ въ Европѣ. Наши аграріи, очевидно, убѣждены, что эта путаница понятій можетъ быть легко прикрыта общими фразами и что публика будетъ слѣпо принимать на вѣру противорѣчивыя заявленія, смѣшивающія въ одну кучу разнороднѣйшіе предметы. Казалось бы, что̀ нѣтъ ничего проще, какъ отличить формальное владѣніе землею отъ активнаго сельскаго хозяйства, и извѣстную категорію землевладѣнія—отъ землевладѣнія и земледѣлія вообще; однако, эти различныя вещи сплошь и рядомъ отождествляются, что̀ приводитъ, конечно, къ невѣроятнымъ выводамъ. Для каждаго ясно, что интересы крупныхъ землевладѣльцевъ далеко не совпадаютъ съ интересами крестьянства, и однако это обстоятельство постоянно стушевывается и забывается въ обычныхъ разсужденіяхъ о сельскомъ хозяйствѣ вообще.

Крайне характерною и поучительною въ этомъ смыслѣ представляется намъ недавняя оживленная полемика по поводу изданнаго министерствомъ финансовъ сборника изслѣдованій, подъ редакціею проф. А. И. Чупрова и А. С. Посникова, о „вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства“. Чѣмъ провинились авторы этихъ изслѣдованій предъ нашими аграріями и ихъ случайными союзниками въ печати? Исключительно тѣмъ, что они раскрыли внутренній антагонизмъ различныхъ элементовъ нашего землевладѣнія и наглядно показали несостоятельность обобщеній, которыя долго выдавались у насъ за аксіомы. Въ нашей публицистикѣ было ходячей истиною, что низкія цѣны на хлѣбъ, соотвѣтствующія высокому урожаю, разоряютъ сельское хозяйство и дѣлаютъ правильное веденіе его невозможнымъ. Предполагалось само собою, что невыгоды крупныхъ землевладѣльцевъ, производящихъ хлѣбъ для продажи и вывоза, суть въ то же время невыгоды всего вообще сельскаго хозяйства и населенія страны. Подробный анализъ обширнаго статистическаго матеріала выяснилъ съ полною убѣдительностью, что на рынокъ поступаетъ лишь отъ одной четверти до одной трети урожая и что наибольшая часть хлѣбныхъ продуктовъ потребляется на мѣстѣ, не подвергаясь, слѣдова-

тельно, вліянію рыночныхъ цѣнъ. Изъ 46 губерній европейской Россіи, снабженныхъ желѣзными дорогами, отправляютъ хлѣбъ для вывоза только 24, а 22 губерніи нуждаются еще въ привозномъ хлѣбѣ; въ средѣ самого земледѣльческаго населенія, какъ указываютъ редакторы изданія въ своемъ „введеніи“, существуютъ значительные разряды лицъ, вынужденныхъ прикупать хлѣбъ и притомъ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда хлѣбъ вывозится за границу. „Крестьянское земледѣльческое производство (вся крестьянская запашка) въ огромномъ большинствѣ случаевъ не только не даетъ излишковъ, а напротивъ, является недостаточнымъ для удовлетворенія потребностей населенія. Изъ общей массы крестьянъ выдѣляется только очень небольшая группа, производящая зерно на продажу; въ большей же части случаевъ крестьянское хозяйство есть хозяйство чисто-натуральное, преслѣдующее цѣли непосредственнаго потребленія“. По словамъ А. И. Чупрова и А. С. Посникова, „такъ какъ при обычныхъ среднихъ условіяхъ крестьянскіе бюджеты характеризуются самымъ незначительнымъ остаткомъ, и такъ какъ сѣверная часть Россіи, преимущественно сѣверныя, сѣверо-западныя и западныя губерніи, потребляетъ немалую долю покупного хлѣба, то наиболѣе выгодною комбинаціею для крестьянскихъ бюджетовъ вообще оказываются высокіе урожаи и низкія цѣны на хлѣбъ. Годы съ такимъ сочетаніемъ урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ извѣстны подъ именемъ „крестьянскихъ“ годовъ и характеризуются широкимъ удовлетвореніемъ семейныхъ потребностей и хозяйственныхъ нуждъ сельскаго населенія“. Высокимъ хлѣбнымъ цѣнамъ соотвѣтствуютъ низкія заработныя платы, и наоборотъ. Упадокъ цѣнъ на хлѣбъ весьма чувствительно отражается лишь на доходности имѣній свыше 200 десятинъ, а владѣльцевъ такихъ имѣній числится въ европейской Россіи всего 53.192, хотя принадлежащая имъ земля занимаетъ около 89% всего пространства частныхъ поземельныхъ владѣній. Многія изъ частно-владѣльческихъ земель обременены долгами; однихъ ипотечныхъ долговъ состояло къ 1895 году болѣе милліарда рублей. Бывшіе помѣщики получили сверхъ того 896 милліоновъ рублей въ видѣ выкупа за земли, отошедшія къ крестьянамъ, причемъ менѣе половины этой суммы ушло на погашеніе старыхъ долговъ по ссудамъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій. Такимъ образомъ, если считать только выкупныя деньги и ипотечные займы, то выйдетъ, что „за послѣднія тридцать лѣтъ въ распоряженіе собственниковъ земли поступило около 1½ милліарда рублей, или, говоря иначе, за весь этотъ тридцатилѣтній періодъ въ ихъ руки притекало еже-

годно около 50 милліоновъ рублей". Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ ежегодный обязательный платежъ поземельнымъ банкамъ поглощаетъ болѣе 40% всѣхъ доходовъ заложенныхъ имѣній. Понятно, что для владѣльцевъ, обремененныхъ подобными долгами, хозяйство можетъ оказаться убыточнымъ при такихъ условіяхъ, которыя считаются вполнѣ благопріятными для большинства земледѣльческаго населенія, и хлѣбныя цѣны, слишкомъ низкія для однихъ, будутъ достаточны или безразличны для другихъ. Возвышеніе цѣнъ побуждаетъ многихъ пользоваться обстоятельствами для выгодной продажи земель, такъ что оно не только не усиливаетъ, но, напротивъ, подрываетъ прочность дворянской поземельной собственности. „Убыль дворянскаго землевладѣнія и приростъ крестьянскаго, вообще замѣчаемые въ послѣднее тридцатилѣтіе,—говорится въ упомянутомъ „введеніи", — происходятъ несравненно сильнѣе въ годы высокихъ цѣнъ хлѣба, чѣмъ въ годы низкихъ цѣнъ. Есть мѣстности, гдѣ въ годы высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ дворяне продавали, а крестьяне покупали вдвое больше земли, чѣмъ въ годы низкихъ цѣнъ".

Излагая существенные результаты, добытые произведенными статистико-экономическими изслѣдованіями, гг. Чупровъ и Посниковъ невольно разоблачаютъ ту противоположность интересовъ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, которую очень хотѣлось бы скрыть людямъ, привыкшимъ возводить потребности и нужды извѣстной категоріи землевладѣнія на степень потребностей и нуждъ всего земледѣльческаго хозяйства Россіи. Каковы бы ни были частныя ошибки и недосмотры въ этихъ сложныхъ изслѣдованіяхъ, но основные выводы авторовъ не могутъ подлежать спору. Быть можетъ, полезно было бы выяснить также роль хлѣбной торговли въ установленіи хлѣбныхъ цѣнъ, особенно мѣстныхъ:—тогда получился бы матеріалъ для болѣе правильной оцѣнки того вліянія, которое оказываетъ собственно внѣшній международный рынокъ на внутреннія продажныя цѣны хлѣба для различныхъ группъ продавцовъ. По всей вѣроятности, тогда оказалось бы, что крестьяне, вынужденные продавать осенью хлѣбъ, необходимый имъ самимъ для зимняго продовольствія, получаютъ низкія цѣны и въ періоды высокихъ внѣшнихъ цѣнъ, и что высокія цѣны международнаго рынка существуютъ только для крупныхъ производителей хлѣба и для скупщиковъ крестьянскихъ продуктовъ, равно какъ для хлѣбныхъ торговцевъ вообще, а вовсе не для массы крестьянства. Еслибы эта сторона вопроса была включена въ программу изслѣдованія, то исчезла бы почва для возраженій, основанныхъ на предполагаемомъ оптимизмѣ

авторовъ относительно крестьянскаго благосостоянія. Крестьяне бѣдствуютъ по разнымъ причинамъ, и при высокомъ, и при низкомъ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ на міровомъ рынкѣ; но низкія цѣны, соотвѣтствующія обильнымъ урожаямъ, несомнѣнно выгоднѣе для крестьянской массы, чѣмъ высокія цѣны, которыя доходятъ до нея только при покупкахъ, а не при продажахъ хлѣба. Заключеніе о разнородности и антагонизмѣ сельско-хозяйственныхъ интересовъ въ сущности до того естественно, что приходится только удивляться возражателямъ.

Оригинальнѣе всего, что нѣкоторые ученые экономисты, по недоразумѣнію, приняли мысль гг. Чупрова и Посникова о дешевомъ хлѣбѣ за какую-то новую теорію, которую поддерживаетъ министерство финансовъ для оправданія своей экономической политики,—точно колебанія международнаго хлѣбнаго рынка тоже зависятъ отъ нашего министерства финансовъ. А эта новая теорія, вызвавшая столь ожесточенныя нападки, излагалась въ нашей печати еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ и не возбуждала тогда никакихъ протестовъ; напротивъ, она принималась за голосъ здраваго смысла и вѣрнаго житейскаго пониманія, внѣ всякой связи съ какими-нибудь предвзятыми отвлеченными идеями. Помѣщику нужно, — писалъ, между прочимъ, покойный А. Н. Энгельгардтъ въ 1880 году,—„чтобы хлѣбъ былъ дорогъ, и не потому только, что онъ производитъ хлѣбъ на продажу, а и потому, что хлѣбъ дорогъ—мужикъ дешевъ, можно мужика ввести въ оглобли. Напротивъ, мужику нужно, чтобы хлѣбъ былъ дешевъ, потому что мужикъ хлѣба не продаетъ, а большею частью прикупаетъ. Если даже у мужика и есть избытокъ хлѣба, то онъ все-таки не продаетъ, а хочетъ, чтобы у него хлѣба хватило за „новь“, чтобы можно было прожить своимъ хлѣбомъ и еще годъ, въ случаѣ если Богъ обидитъ градомъ. Если мужикъ по осени продаетъ хлѣбъ по мелочамъ,—то это или пьяница, который продаетъ на вышивку, или бѣднякъ, которому не на что купить соли, дегтю, нечѣмъ заплатить попу за молебны въ праздникъ. Настоящій земельный мужикъ-хозяинъ хлѣба не продаетъ, хотя бы у него былъ избытокъ, а тѣмъ паче не продастъ по осени. Зачѣмъ продавать хлѣбъ,—хлѣбъ тѣ же деньги, —говоритъ мужикъ, — и если, продавъ пеньку, ленъ, сѣмя, коноплю, онъ можетъ уплатить подати, то хлѣба продавать не будетъ, хотя бы у него была двухгодовая пропорція. Онъ будетъ кормить свиней, скотъ. Потому-то мужикъ искренно молится Богу объ урожаѣ, о томъ, чтобы хлѣбъ былъ дешевъ. При существующей нынѣ системѣ хозяйства, при существующихъ отно-

шеніяхъ, каждому производителю хлѣба на продажу выгодно, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ. Никто, конечно, не говоритъ: „нынче, слава Богу, неурожай"; но развѣ не радуются, когда за границей неурожай, когда требованіе на хлѣбъ большое, когда цѣны на хлѣбъ большія? „У нѣмца нынче недородъ, нѣмцу хлѣбъ нуженъ, требованіе большое, цѣны подымаются", ликуютъ всѣ... Баринъ желаетъ, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ; мужикъ желаетъ, чтобы хлѣбъ былъ дешевъ. Мужикъ, даже богатый, никогда не радуется дороговизнѣ хлѣба. Эта потребность массы крестьянъ въ хлѣбѣ, эта необходимость, чтобы хлѣбъ былъ дешевъ, характеризуется тѣмъ, что никогда ни одинъ крестьянинъ не скажетъ: „слава Богу, хлѣбъ дорогъ". Это болѣе чѣмъ неприлично, это болѣе чѣмъ зазорно, это надругательство, это грѣхъ, большой грѣхъ, за который Богъ покараетъ... Тому, кто знаетъ деревню, кто знаетъ положеніе и бытъ крестьянъ, тому не нужны статистическія данныя и вычисленія, чтобы знать, что мы продаемъ хлѣбъ за границу не отъ избытка. Всякій деревенскій житель очень хорошо понимаетъ, что чѣмъ дешевле хлѣбъ, тѣмъ лучше для народа, и только ненормальность хозяйственныхъ отношеній причиною, что есть такіе, которымъ выгодно, что хлѣбъ дорогъ, которые желаютъ, чтобы былъ неурожай, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ". — А. Н. Энгельгардтъ жестоко высмѣивалъ наши заботы объ усиленіи хлѣбнаго вывоза и о конкурренціи съ Америкою въ то время какъ народу не хватаетъ хлѣба для собственнаго своего прокормленія. „Американецъ продаетъ избытокъ, а мы продаемъ необходимый насущный хлѣбъ. Американецъ-земледѣлецъ самъ ѣстъ отличный пшеничный хлѣбъ, жирную ветчину и баранину, пьетъ чай, заѣдаетъ обѣдъ сладкимъ яблочнымъ пирогомъ или папушникомъ съ патокою. Нашъ же мужикъ-земледѣлецъ ѣстъ самый плохой ржаной хлѣбъ съ костеремъ, сивцомъ, пушниной, хлебаетъ пустыя сѣрыя щи, считаетъ роскошью гречневую кашу съ конопляным масломъ, объ яблочныхъ пирогахъ понятія не имѣетъ, да еще смѣяться будетъ, что есть такія страны, гдѣ нѣженки-мужики яблочные пироги ѣдятъ, да и батраковъ тѣмъ же кормятъ. У нашего мужика-земледѣльца не хватаетъ пшеничнаго хлѣба на соску ребенку; пожуетъ баба ржаную корку, что̀ сама ѣстъ, положитъ въ тряпку, — соси... Дѣти питаются хуже, чѣмъ телята у хозяина, имѣющаго хорошій скотъ. Смертность дѣтей куда больше, чѣмъ смертность телятъ, и если бы у хозяина, имѣющаго хорошій скотъ, смертность телятъ была такъ же велика, какъ смертность дѣтей у мужика, то хозяйничать было бы невозможно. А мы хотимъ конкуррировать съ аме-

риканцами, когда нашимъ дѣтямъ нѣтъ бѣлаго хлѣба даже въ соску? Еслибы матери питались лучше, еслибы наша пшеница, которую ѣстъ нѣмецъ, оставалась дома, то и дѣти росли бы лучше, и не было бы такой смертности, не свирѣпствовали бы всѣ эти тифы, скарлатины, дифтериты. Продавая нѣмцу нашу пшеницу, мы продаемъ кровь нашу, т.-е. мужицкихъ дѣтей... А мы для того, чтобы конкуррировать съ американцами, хотимъ, чтобы народъ ѣлъ картофель... „Конь везетъ не кнутомъ, а овсомъ"; „молоко у коровы на языкѣ". Первое хозяйственное правило: выгоднѣе хорошо кормить скотъ, чѣмъ худо, — выгоднѣе удобрять землю, чѣмъ сѣять на пустой. А относительно людей развѣ не то же? Государству развѣ не выгоднѣе поступать, какъ хорошему хозяину? Развѣ голодные, дурно питающіеся люди могутъ конкуррировать съ сытыми"? Американцы процвѣтаютъ, а у насъ неурожай, голодъ, бѣдность, — и чѣмъ выше хлѣбныя цѣны, чѣмъ больше мы вывозимъ хлѣба за границу, тѣмъ хуже живется народу. У насъ радуются высокимъ цѣнамъ на хлѣбъ, радуются, что хлѣбъ по высокимъ цѣнамъ шибко идетъ за границу, — продолжаетъ А. Н. Энгельгардтъ, — мужикъ только не радуется, „но развѣ онъ, сиволапый, что-нибудь понимаетъ въ важныхъ экономическихъ вопросахъ ввоза и вывоза, возстановленія цѣнности кредитнаго рубля и т. п.? Ему бы только все жрать, да чтобы хлѣбушка дешевъ былъ. Для хозяевъ, ведущихъ свои хозяйства нанятыми руками, въ особенности тамъ, гдѣ обработка производится даже не батраками, а сосѣдними крестьянами-хозяевами, съ ихъ орудіями и лошадьми, важно не только то, чтобы хлѣбъ былъ дорогъ, но еще болѣе важно то, чтобы былъ неурожай, чтобы мужикъ вынужденъ былъ наниматься на лѣтнія страдныя работы еще съ зимы за дешевую цѣну, чтобы онъ вынужденъ былъ запродаваться для того, чтобы упасти свою душу, какъ говорятъ мужики, словомъ, чтобы мужикъ былъ дешевъ. Вы представьте себѣ только, что всюду, нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, превосходный урожай, что мужику нѣтъ надобности покупать хлѣбъ, — что тогда будутъ дѣлать помѣщики съ своими хозяйствами? Не нуждаясь въ деньгахъ для покупки хлѣба, мужикъ-хозяинъ, имѣющій свою землю, свое хозяйство, не продаетъ себя на лѣто, не хочетъ работать на другого, — напротивъ, онъ самъ принайметъ покосу, земли. Еслибы не недостатокъ хлѣба, не нужда, кто сталъ бы, имѣя свое хозяйство, свою землю, работать на чужой землѣ, въ чужомъ хозяйствѣ"? „Неурожай хлѣба, неурожай травъ, хлѣбъ дорогъ, — мужикъ ведетъ на продажу скотину, продаетъ ее за безцѣнокъ, для того

только, чтобы купить хлѣба. Но скотъ проданъ, — нѣтъ и навоза. Дороговизна хлѣба побуждаетъ не только продать скотъ, но и продать самого себя". А. Н. Энгельгардтъ опредѣляетъ значеніе хлѣбныхъ цѣнъ слѣдующею краткою формулою: „дешевъ хлѣбъ—дорого мясо, дорогъ трудъ, мужикъ благоденствуетъ; напротивъ, дорогъ хлѣбъ,—дешево мясо, дешевъ хлѣбъ, мужикъ бѣдствуетъ" [1]).

Эти положенія, извлеченныя изъ массы повседневныхъ фактовъ опытнымъ сельскимъ хозяиномъ и вдумчивымъ наблюдателемъ деревенской жизни, семнадцать лѣтъ тому назадъ,—подтверждены теперь анализомъ обширнаго статистическаго матеріала и высказаны въ научной формѣ А. И. Чупровымъ, А. С. Посниковымъ и ихъ сотрудниками. Правда, семнадцать лѣтъ тому назадъ, никому еще не приходило въ голову, что хлѣбныя цѣны создаются министерствомъ финансовъ, или что послѣднее заинтересовано въ распространеніи идей А. Н. Энгельгардта, — какъ заключили нѣкоторые экономисты въ настоящее время, когда тѣ же идеи повторены гг. Чупровымъ и Посниковымъ. Но мы идемъ впередъ, и многое изъ того, что̀ еще сравнительно недавно казалось яснымъ и простымъ, затемнено теперь въ общественномъ сознаніи.

Самый антагонизмъ между крестьянствомъ и дворянскимъ землевладѣніемъ, который такъ мѣтко формулировалъ А. Н. Энгельгардтъ и который пришлось вновь раскрывать гг. Чупрову и Посникову, поддерживается только при отсутствіи правильнаго самостоятельнаго хозяйства на бывшихъ помѣщичьихъ земляхъ; онъ существуетъ только для плохихъ хозяевъ, для владѣльцевъ, относящихся къ землѣ исключительно какъ къ источнику банковскихъ ссудъ и хищнической эксплуатаціи. Настоящіе хозяева, работающіе въ своихъ имѣніяхъ и разумно пользующіеся естественными богатствами почвы, не знаютъ ни этого антагонизма, ни вообще сельско-хозяйственнаго кризиса; они не жалуются на судьбу, не добиваются новыхъ сословныхъ льготъ и преимуществъ, и умѣютъ отлично устраивать свои дѣла и при низкихъ и при высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, къ большой выгодѣ всего окружающаго сельскаго населенія. Это тоже старая истина, которую приходится постоянно доказывать вновь и которая упорно забывается или игнорируется въ значительной части нашей печати. Люди, разсуждающіе о бѣдствіяхъ и кризисахъ привилегированнаго землевладѣнія, какъ о бѣдствіяхъ и кризисахъ всего

[1]) А. Н. Энгельгардтъ. Изъ деревни, 12 писемъ. Изд. 3-е. Спб. 1897, стр. 479—503.

русскаго сельскаго хозяйства, должны были бы прочесть книгу А. П. Мещерскаго: „Письма деревенскаго хозяина“. Въ этой книгѣ авторъ разсказываетъ исторію хозяйства въ своемъ имѣніи, безъ всякихъ претензій и безъ заднихъ мыслей; онъ подробно объясняетъ, какъ въ пятнадцать лѣтъ работы онъ поднялъ доходность и стоимость имѣнія болѣе чѣмъ въ десять разъ. и какъ онъ съумѣлъ достигнуть этого результата, не обладая „ни спеціальными знаніями, ни оборотнымъ капиталомъ, ни опытностью, однимъ своимъ трудомъ“ и правильнымъ веденіемъ хозяйства. Авторъ напоминаетъ печальныя черты помѣщичьяго хозяйничанья послѣ крестьянской реформы. „Безъ ремонта опускались и разрушались цѣнныя постройки, за вырученный мѣдный грошъ безпощадно вырубались и куда-то въ невѣдомое далеко уплывали ранѣе береженые лѣса, на мѣсто которыхъ оставались одни гніющіе пустыри, запускались и заростали кустами старыя пашни, прежніе луга, неразумно выпахивались всѣ цѣлинныя земли. Сохранять, улучшать, беречь никто ничего не хотѣлъ. Сорвать что̀ можно, выжать что̀ можно, а и сорвать-то можно было сущую бездѣлицу, сотую долю стоимости, такъ какъ единственными покупателями и раздѣлывателями являлись тогда одни Деруновы, Колупаевы, Гарфункели, которые цѣнили дорого свои деньги, еще дороже цѣнили свое искусство — все уничтожать и превращать въ деньги, и ни въ грошъ не ставили чужое добро, пока оно не попадало въ ихъ цѣпкія руки. Хозяйство, если этимъ именемъ можно назвать позорное расхищеніе богатствъ кормилицы-земли, хозяйство по-новому, съ рабочими, машинами, новыми волостями, судьями, ни у кого не шло на ладъ, давало одинъ убытокъ, всѣхъ убѣждало во-очію, что оно тяжело и невозможно. Оставалось его бросить, продать разоренное родовое гнѣздо и бѣжать въ городъ, искать новыхъ мѣстъ, новой жизни, слиться хотя съ этой новой жизнью и хотя въ ней не чувствовать себя отщепенцемъ. Такъ почти всѣ и дѣлали. продавали, хотя продажа равнялась бросанію,—и бѣжали. Чтобы объяснить чѣмъ-нибудь свое бѣгство, помѣщики говорили, что рабочіе плохи, неумѣлы, недобросовѣстны, дороги, земля перестала родить, хозяйство вести не съ кѣмъ“ и т. д. Въ дѣйствительности, рабочія руки были тогда крайне дешевы, а цѣны на хлѣбъ въ средней полосѣ Россіи „стояли всегда такія, о которыхъ теперь самый завистливый хозяинъ даже и мечтать не можетъ“. Помѣщики чуть ли не даромъ отдавали свои лѣса на срубъ, а землю подъ лѣсомъ считали только бременемъ, отъ котораго торопились избавиться въ пользу лѣсопромышленниковъ, даже съ

приплатою за это особыхъ премій. Эти факты недавняго прошлаго всѣмъ памятны, и они конечно не принадлежатъ къ числу заслугъ помѣстнаго дворянства. Г. Мещерскій засталъ свое имѣніе въ запущенномъ видѣ, безъ надлежащихъ хозяйственныхъ построекъ, съ крайне плохимъ инвентаремъ; лѣсъ былъ запроданъ на двѣнадцать лѣтъ лѣсопромышленнику, съ полученіемъ отъ него всѣхъ денегъ впередъ. Рабочихъ рукъ было всегда недостаточно, и добывать ихъ надо было съ большимъ трудомъ, въ чужихъ уѣздахъ; работали мужики плохо; доходы были ничтожны, и все имѣніе цѣнилось въ пятнадцать тысячъ рублей. Но явился хозяинъ, рѣшившійся отдать свои силы землѣ; онъ съ любовью занялся своимъ дѣломъ, устроилъ разумное хозяйство, слѣдуя указаніямъ и совѣтамъ такого практика-писателя, какъ Энгельгардтъ, отнесся по-человѣчески къ мужику, и теперь онъ всегда обезпеченъ рабочими силами; имѣніе приноситъ около десяти тысячъ рублей чистаго дохода въ годъ, и доходъ съ каждымъ годомъ ростетъ и увеличивается, вопреки всякимъ кризисамъ и несмотря на упадокъ хлѣбныхъ цѣнъ на міровомъ рынкѣ. „Ко мнѣ—пишетъ г. Мещерскій,—пріѣзжаютъ теперь крестьяне изъ-за 25—30 верстъ просить дать имъ покосы изъ части; не только всѣ расчищенные луга розданы всегда впередъ на нѣсколько лѣтъ, но и на вновь расчищаемые участки изъ-подъ лѣса есть всегда длинный списокъ охотниковъ, изъ которыхъ я могу дѣлать строгій выборъ. Всѣ крестьяне, которые держали у меня покосы и ляда изъ части, заправились, стали держать помногу скота. Мнѣ ничего не стоитъ поднять чуть ли не вдвое цѣны на свои земли и покосы. Крестьяне, которые живутъ съ этихъ земель, не захотятъ разоряться, переводить налаженное хозяйство, станутъ платить за землю и вдвое дороже,—только это будетъ не „по-божески“. „Нашъ панъ всю округу кормитъ“,—говорятъ сосѣдніе мужики, и вотъ это-то сознаніе, что между мужикомъ и мною держится крѣпкая связь и доброжелательство, сознаніе, что въ благосостояніе окрестныхъ крестьянъ вложена не одна капля и моего меда, даетъ мнѣ гораздо болѣе нравственнаго удовлетворенія, чѣмъ сотни рублей лишняго дохода, которыя я легко бы могъ получить“ [1]). Вся тайна достигнутыхъ авторомъ успѣховъ—именно въ томъ, что онъ не только землевладѣлецъ, но и хозяинъ, и толковый, разумный хозяинъ, одинъ изъ тѣхъ представителей дворянскаго землевладѣнія, которые служатъ землѣ и крестьянству и добываютъ себѣ благосостояніе полезнымъ хозяйственнымъ тру-

[1]) Письма деревенскаго хозяина, А. П. Мещерскаго, Спб., 1896, стр. 2—42.

домъ, безъ разсчетовъ на эфемерныя банковскія операціи, на обманчивыя временныя пособія и облегченія. Хозяинъ-землевладѣлецъ имѣетъ уже то огромное преимущество предъ другими, что онъ владѣетъ землею; „богатство,—справедливо замѣчаетъ г. Мещерскій,—у насъ подъ руками; богатство это—въ нашей землѣ; нужно только небольшое умѣніе—доставать его. Въ особенности много такихъ богатствъ накоплено временемъ и прежнею бездѣятельностью хозяевъ въ земляхъ нашей сѣверной полосы, накоплено потому, что богатства эти были скрыты глубже, доставать ихъ было труднѣе, чѣмъ на всемъ доступномъ черноземѣ южныхъ и восточныхъ степей Россіи. Въ этихъ степяхъ вѣками скопленныя богатства били въ глаза каждому; не удивительно, что на нихъ набросились съ жадностью голодные рыцари наживы,—не удивительно и то, что богатства эти они скоро истощили и превратили тучныя степи чуть ли не въ безплодныя пустыни. Нельзя рѣзать курицу, которая можетъ нести золотыя яйца; нельзя забывать, что земля, прокармливая человѣка, и сама нуждается въ пищѣ, въ удобреніи, въ умѣлой эксплуатаціи“ (стр. 45). Разработка полей и доведеніе ихъ съ каждымъ годомъ до высшихъ урожаевъ, улучшеніе скота и его продуктивности,—говоритъ авторъ далѣе,—конца не видно работѣ, которую хозяину нужно посвятить всему этому тѣсно связанному хозяйственному колесу; а что работать можно и стоитъ, что работа эта щедро оплачивается землею,—вотъ все, что̀ хотѣлось мнѣ доказать читателю на примѣрѣ моего зауряднаго хозяйства. Побольше энергіи, знаній, практичности, труда, а остальное есть у насъ: богатыя земли, капиталы, которые всегда добудетъ себѣ настоящее дѣло, доступныя рабочія руки,—и ни сельско-хозяйственныхъ кризисовъ, ни низкихъ цѣнъ на хлѣбъ,—низки онѣ. мы съ выгодою скормимъ свой хлѣбъ своему скоту, съ выгодою накормимъ лучше своего работника,—ни голодовокъ мы не можемъ знать, не смѣемъ, не должны“!

Этотъ бодрый призывъ настоящаго сельскаго хозяина остается. къ сожалѣнію, гласомъ вопіющаго въ пустынѣ и не находитъ отклика въ мнимо-дворянской публицистикѣ обычнаго типа. Другого рода заявленія и требованія торжествуютъ въ этой части нашей печати, и они-то придаютъ особую пессимистическую окраску нашему сельско-хозяйственному кризису. Кризисъ можно бы даже считать безнадежнымъ, еслибы судьбы нашего сельскаго хозяйства зависѣли отъ лицъ, мечтающихъ о займахъ безъ отдачи. объ извлеченіи изъ земли доходовъ безъ труда и усилій, о дешевыхъ мужикахъ и дорогомъ хлѣбѣ. Хищническое хозяйничанье

подъ флагомъ привилегированнаго землевладѣнія продолжалось довольно долго, и представители этой разорительной системы не имѣютъ, конечно, права на сочувствіе или поощреніе, какъ бы громко и настойчиво ни раздавались ихъ жалобы. Грѣхи прошлаго не могутъ быть такъ скоро забыты. Что сдѣлали владѣльцы, жалующіеся на кризисъ, съ своими землями и лѣсами? Тамъ, гдѣ шумѣлъ могучій лѣсъ, мы видимъ теперь „засоренное, гніющее лѣсное кладбище". Выручались гроши, а гибли милліоны,—говоритъ г. А. Мещерскій. „На всемъ пространствѣ, гдѣ происходила рубка, остаются гнить десятки тысячъ макушъ, сотни тысячъ поломанныхъ мелкихъ деревьевъ и бурею сломанныхъ гнилыхъ осинъ-великановъ. Такъ безъ пользы и выгоды для себя сводили и уничтожали и до сихъ поръ по тѣмъ же способамъ продолжаютъ уничтожать помѣщики свои лѣсныя богатства. Если помѣщики даже и при описанныхъ способахъ продажи выручили за свои лѣса милліоны рублей, то оставили въ лѣсныхъ дачахъ гнить и погубили молодыхъ деревьевъ-подростковъ навѣрное на милліарды". Земля изъ-подъ лѣса „поростаетъ кустарникомъ и мелкимъ дровянымъ лѣсомъ, въ теченіе полустолѣтія никакого дохода не приноситъ, „задарма пустуетъ". Тучная, вѣками удобренная земля, могущая безъ удобренія давать прекрасные урожаи хлѣба и сѣна, лежитъ праздно; чернѣющіе пни отъ срубленныхъ деревьевъ и выросшій между ними мелкій кустарникъ только наводятъ уныніе на каждаго проѣзжаго и прохожаго человѣка".

Добросовѣстное, бережное отношеніе къ землѣ составляетъ рѣдкость между владѣльцами; „сколько есть въ деревняхъ живущихъ и хозяйничающихъ помѣщиковъ, не знающихъ не только всей своей земли, но даже никогда и въ глаза не видавшихъ доброй половины своихъ различныхъ угодій. Не удивительно, что эти помѣщики не знаютъ, что имъ дѣлать съ своими землями, и довѣрчиво отдаютъ ихъ на правежъ первому проходимцу, предложившему имъ мѣдный грошъ за право вырывать изъ этихъ земель цѣлые капиталы". Всѣ—и мужикъ, и латышъ, и нѣмецъ,—стремятся пріобрѣсть побольше земли, дорожатъ ею и умѣютъ пользоваться ея богатствами; „одинъ только помѣщикъ не знаетъ цѣны и стоимости своей земли, только ему одному она служитъ какою-то тяготою, источникомъ безконечныхъ жалобъ на бездоходность хозяйства, на дешевизну хлѣба, лѣса; онъ одинъ продаетъ свои земли, бѣжитъ съ нихъ, идетъ на службу, на всякую должность, только бы денегъ поболѣе платили", поступаетъ даже въ приказчики къ лѣсопромышленнику, съѣвшему его имѣніе, а между тѣмъ, „спросъ на землю съ каждымъ годомъ увеличивается,

цѣны на нее ростутъ; на бездоходныхъ у помѣщика и „задарма“ пустующихъ земляхъ появляются цвѣтущіе хутора; земля, попавшая въ руки разумному работнику, надо думать, даетъ хорошіе доходы“. Владѣя землею, помѣщикъ держитъ въ рукахъ нуждающагося въ ней мужика и, слѣдовательно, располагаетъ готовою рабочею силою; есть у него достаточное количество покосовъ и пашни, и „ему не нужно искать купцовъ на продукты его полей, ни заморскихъ рабочихъ по уборкѣ ихъ: сосѣдній мужикъ—лучшій купецъ и самый дешевый работникъ,—купецъ, не диктующій рынку своихъ условій, а напротивъ, самъ всецѣло находящійся въ рукахъ продавца“. Бѣдность крестьянъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выгодна помѣщику. „Если бѣденъ мужикъ, всегда бѣденъ и помѣщикъ. Бѣднаго мужика и своя надѣльная земля одолѣваетъ, онъ и съ нею справиться не можетъ: то лошаденка плоха, то долги надо отработывать, то въ волость за недоимки гонятъ. Богатъ мужикъ—ему мало своей земли, онъ ищетъ ее на сторонѣ купить, взять въ аренду, взять пахать со снопа, взять какъ даютъ, лишь бы достать только къ себѣ поближе, поудобнѣе. Въ землѣ же—вся сила помѣщика. Есть на нее спросъ, будетъ на нее и цѣна, будетъ съ нея и доходъ“ [1]). Сознательное, добросовѣстное отношеніе къ рабочимъ силамъ крестьянства встрѣчается столь же рѣдко, какъ и внимательное отношеніе къ землѣ. Работникамъ даютъ плохую пищу, содержатъ ихъ иногда хуже рабочаго скота, обременяютъ штрафами и вычетами, а потомъ негодуютъ на ихъ неаккуратность и самовольные уходы. Въ херсонской губерніи есть экономіи, гдѣ рабочіе получаютъ горячую пищу только по праздникамъ, когда они собираются къ обѣду въ усадьбу; въ степи рабочіе располагаются таборами, прямо подъ открытымъ небомъ; при таборѣ устраивается временная кухня. Какихъ-либо приспособленій для защиты рабочихъ отъ жара, дождя и холода въ степи владѣльцами не устраивается; въ сентябрѣ попадаются кое-гдѣ устроенные нáскоро для ночлега шалаши изъ соломы; но и такія помѣщенія не всѣми владѣльцами допускаются, въ видахъ сбереженія отъ порчи соломы. При многихъ экономіяхъ существуютъ особыя рабочія казармы, въ которыхъ „на грязныхъ нарахъ, на грязной соломенной подстилкѣ, прикрываясь также грязнымъ, а иногда и сырымъ кожухомъ, вплотную располагаются на ночлегъ рабочіе, измученные дневною работою, нерѣдко мужчины и жен-

[1]) Письма деревенскаго хозяина, А. П. Мещерскаго, стр. 13—4, 137—151 и 310.

щины рядомъ", въ удушливой, пропитанной всевозможными міазмами атмосферѣ. Есть хозяева, которые при упадкѣ цѣнъ на рабочія руки увольняютъ нанятыхъ издалека рабочихъ до срока, заставляя ихъ терять горячее рабочее время въ поискахъ за работою; есть и такіе, которые нанимаютъ людей въ различныхъ пунктахъ и затѣмъ безъ церемоній прогоняютъ нанявшихся за болѣе дорогую цѣну. А сельскіе рабочіе и теперь, какъ и четверть вѣка тому назадъ, „бредутъ пѣшкомъ за сотни верстъ, съ котомками на плечахъ, вдоль полотна желѣзныхъ дорогъ и береговъ судоходныхъ рѣкъ". И какъ мало нужно для того, чтобы удовлетворить этихъ рабочихъ и привязать ихъ къ себѣ! Нѣмцы привлекаютъ ихъ „ячменнымъ кофе, супами изъ овощей и фруктовъ". Мнѣ кажется,—заявляетъ одинъ изъ херсонскихъ землевладѣльцевъ, графъ Стенбокъ-Ферморъ,—что если смотрѣть на рабочаго, какъ на человѣка, а не какъ на машину, хорошо его кормить, не слишкомъ довѣрять приказчикамъ, не штрафовать рабочаго за всякую мелочь, а главное—добросовѣстно разсчитывать его по окончаніи срока, то рабочій никогда изъ экономіи не уйдетъ, а каждый годъ будетъ съ охотою наниматься, и всякія „мѣры" или строгости окажутся лишними". „Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ,—говоритъ другой хозяинъ,—ни одинъ рабочій не бросилъ меня до окончанія срока найма, потому что я ихъ не штрафую, кормлю хорошо и разсчитываю какъ слѣдуетъ" [1]).

Изъ этого видно, что сельско-хозяйственный кризисъ создается прежде всего традиціонными особенностями помѣщичьяго землевладѣнія и что онъ не можетъ разрѣшиться благополучно, безъ коренной перемѣны въ отношеніяхъ самихъ хозяевъ къ землѣ и къ работнику.

Л. Слонимскій.

[1]) Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы, князя Н. Шаховского, М., 1896, стр. 132—143. Ср. изслѣдованіе земскаго санитарнаго врача Н. И. Тезябгова: Сельско-хозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора въ херсонской губерніи, Херсонъ, 1896.

БАБИДЫ

Персидская секта.

ОЧЕРКЪ.

Образованіе сектъ въ Персіи—явленіе довольно обычное: не проходитъ столѣтія, чтобъ въ этой странѣ не появилось двухъ-трехъ вѣроученій, которыя столь же быстро исчезаютъ, какъ легко зарождаются. Устойчивѣе многихъ другихъ оказалась секта бабидовъ, возникшая въ концѣ первой половины нынѣшняго столѣтія. Ученіе ея привлекло массу послѣдователей, такъ какъ проповѣдь о любви къ ближнему, равенствѣ всѣхъ людей, порицаніе того презрѣнія и отвращенія къ иновѣрцамъ, которое составляетъ отличительную черту правовѣрнаго ислама, запрещеніе всякаго насилія,—болѣе соотвѣтствовали характеру миролюбивыхъ персовъ, чѣмъ воинственное направленіе ислама.

Число послѣдователей секты настолько увеличилось, что обезпокоило представителей господствующей религіи; муллы и сеиды убѣдили свое правительство, что преслѣдованіями, гоненіями и казнями можно остановить дальнѣйшее развитіе новой религіи и даже окончательно искоренить ее въ Персіи. Подъ вліяніемъ муллъ правительство принялось энергически за преслѣдованіе сектантовъ, но въ результатѣ—страданія и стойкость бабидовъ лишь вызвали сочувствіе къ нимъ народа: количество адептовъ новой вѣры все болѣе и болѣе увеличивалось, ученіе распространилось и внѣ предѣловъ Персіи—въ Турціи, Индіи и Средней Азіи. Многіе ученые въ Европѣ также заинтересовались вопросомъ о бабидахъ и посвятили ему болѣе или менѣе обширные труды.

Такъ писалъ о бабизмѣ нашъ маститый академикъ Дорнъ [1]), извѣстный французскій дипломатъ и путешественникъ графъ Гобино [2]), оріенталистъ и профессоръ спб. университета Казембекъ [3]), баронъ Кремеръ [4]) и др. Въ настоящее время спеціально бабидами занимается англійскій ученый, лекторъ персидскаго языка въ кембриджскомъ университетѣ, Эдвинъ Броунъ [5]), помѣстившій въ „Journal of Royal Asiatic Society" за 1887—88 гг. и въ томъ же журналѣ за 1892 г. историческій очеркъ этой секты и перечень имѣющихся у него бабидскихъ рукописей. Кромѣ того онъ издалъ текстъ и переводъ „Мекалэ-и-шахсъ-сеймъ" — разсказъ одного путешественника, — излагающаго исторію Баба и бабизма первыхъ временъ и написанную нынѣшнимъ главою секты — Аббасъ-Эфендіемъ „Гусни-Азамомъ"; еще въ 1886 г. Броунъ снабдилъ это изданіе подробными комментаріями и приложеніями, въ которыхъ, между прочимъ, указана библіографія вопроса. Онъ же издалъ текстъ и переводъ „Тарих-и-Джедидъ" [6]), „новая исторія", также съ приложеніями. Извѣстный русскій оріенталистъ, академикъ и профессоръ баронъ В. Р. Розенъ далъ научное описаніе многихъ бабидскихъ рукописей, принадлежащихъ къ богатѣйшей коллекціи библіотеки института восточныхъ языковъ министерства иностранныхъ дѣлъ [7]), и помѣщалъ неоднократно въ издаваемыхъ подъ его редакціею Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества свои отзывы по разнымъ вопросамъ, касающимся этой секты. Въ томъ же журналѣ помѣщенъ цѣлый рядъ чрезвычайно интересныхъ статей одного изъ лучшихъ знатоковъ бабизма, А. Г. Туманскаго.

Ограничимся упоминаніемъ лишь важнѣйшихъ статей по интересующему насъ вопросу, отсылая желающихъ познакомиться подробно съ библіографіей о бабизмѣ къ упомянутому уже нами изданію Броуна, „Мекалэ-и-Шахсъ-и-Сейахъ". Заинтересовавшись

[1]) Bulletins de l'Académie des Sciences à St.-Pétersbourg, 1864 г. Описаніе нѣкоторыхъ бабидскихъ рукописей.

[2]) C-te de Gobineau, Les Réligions et Philosophie dans l'Asie Centrale, 1865.

[3]) Бабъ и бабиды, 1865.

[4]) Въ „Die herrschenden Ideen des Islams", 1868, онъ посвящаетъ цѣлую главу этому вопросу.

[5]) E. Browne. A traveller's narrative written to illustrate the episode of the Bab. 1891; Fatikh-i-jadid, the new history of the Bab, translated by E. Browne. 1893.

[6]) Подробности см. въ Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества, т. VIII, 1893—94, стр. 33—47.

[7]) Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales, vv. I, III и VI.

этой сектой во время нашего пребыванія въ Персіи, мы постарались, при любезномъ содѣйствіи перваго драгомана русской миссіи въ Тегеранѣ, И. Г. Григоровича, познакомиться съ важнѣйшими представителями секты и пользовались при изученіи ея указаніями главнаго изъ нихъ. Результатъ нашихъ занятій мы предлагаемъ въ видѣ настоящаго краткаго очерка исторіи секты бабидовъ, ея зарожденія и развитія, и главнѣйшихъ отличительныхъ особенностей этого вѣроученія, понынѣ насчитывающаго сотни тысячъ послѣдователей.

Персія, какъ мы сказали, всегда представляла благодарную почву для зарожденія всякаго рода сектъ, преимущественно мистическаго характера, столь симпатичнаго темнымъ, необразованнымъ и суевѣрнымъ массамъ. Происходитъ это отъ того, что навязанный фанатическими толпами вторгшихся въ Персію арабовъ суровый монотеистическій исламъ совершенно не подходилъ къ образу мыслей персовъ зороастрійцевъ. Они были покорены бѣдными кочевниками, изъ которыхъ составились войска первыхъ преемниковъ Мохаммеда, халифовъ-завоевателей. Въ случаѣ пораженія арабы немедленно укрылись бы отъ погони за свои родныя песчаныя пустыни и тамъ были бы въ полной безопасности; побѣда же обѣщала имъ богатыя культурныя страны. Населеніе Персіи, испорченное и изнѣженное многовѣковою роскошью, деспотизмомъ и развращенностью нравовъ, не имѣло энергіи и силы противостать двинувшимся на него кочевникамъ. Борьба не могла быть продолжительной; когда палъ послѣдній шахъ сассанидской династіи, исламъ восторжествовалъ и покоренные народы принуждены были согласиться признать, что „нѣтъ бога кромѣ единаго бога и Мохаммедъ его пророкъ“. Подчинившись этому принципу, признавъ внѣшнимъ образомъ главенство арабовъ, иранцы, какъ народъ болѣе культурный, не могли допустить, чтобъ руководительство ихъ національной цивилизаціи также перешло къ арабамъ. Въ началѣ, правда, арабы дали изъ своей среды нѣсколько ученыхъ, но вскорѣ національныя силы вновь заняли подобающее имъ мѣсто въ умственной жизни персидскаго народа. Арабы наложили лишь нѣкоторый отпечатокъ на дальнѣйшее развитіе персидской культуры, передавъ персамъ коранъ, который, какъ они заявляютъ, служитъ краеугольнымъ камнемъ всѣхъ знаній, всѣхъ наукъ, и передавъ множество арабскихъ словъ и выраженій, не измѣнивъ, однако, языка по существу. Еще менѣе удалось овладѣть Персіей религіи арабовъ: монотеизмъ,

признаніе Мохаммеда только пророкомъ, почти полное отсутствіе обрядовъ, если не считать пяти-кратной молитвы съ предварительнымъ, большею частью фиктивнымъ, омовеніемъ и „хаджъ“—путешествіе въ Мекку на поклоненіе черному камню—все это мало удовлетворяло перса, проникнутаго пантеистическими воззрѣніями. Онъ привыкъ во всемъ искать проявленія божества и обоготворять всякаго человѣка, импонирующаго ему властью или мудростью, и обставлять всякій шагъ различными обрядностями. Въ первомъ же вѣкѣ гиджры (мусульманское лѣтосчисленіе отъ 622 г. нашей эры) въ Персіи образовался расколъ: персы примкнули къ партіи, стоявшей за зятя пророка, Али, воспользовавшись политическими раздорами арабовъ, и возвели его въ санъ мученика, признали его воплощеніемъ божества. Такимъ образомъ онъ въ ихъ глазахъ сталъ выше самого Мохаммеда. Этотъ Али, сынъ Абу-Талиба, дяди Мохаммеда, по преданію намѣченъ былъ Мохаммедомъ еще при жизни на постъ его преемника, въ день „Гадира“ (день этотъ и нынѣ празднуется персами шіитами). Но арабы выбрали халифомъ Абубекра, по смерти его Омара, а затѣмъ Османа; этихъ трехъ халифовъ персы считаютъ узурпаторами. Только послѣ нихъ арабы выбрали Алія халифомъ, но затѣмъ измѣннически убили его. Впослѣдствіи сыновья Алія пользовались такимъ же почетомъ, какъ ихъ отецъ; особенно пользовались симпатіей народа Хусейнъ, который женился на дочери послѣдняго шаха сассанидской династіи, Іездуджирда III, и такимъ образомъ пріобрѣлъ нѣкоторое право на персидскій престолъ. Персы считаютъ, что и дѣти Алія суть воплощенія Бога, имамы, которымъ поручено руководить человѣчествомъ и не давать ему уклоняться съ пути истиннаго. Такихъ имамовъ было 12, и послѣдній изъ нихъ, имамъ Мехди (или Махди), исчезъ съ лица земли, чтобъ вновь появиться передъ концомъ міра...

Притѣсненія властей, алчность и явная несправедливость магометанскаго духовенства привели темныя массы Персіи къ тому, что онѣ готовы были считать непосредственнымъ преемникомъ Махди всякаго человѣка, ведущаго строгій образъ жизни, отличающагося честностью и неподкупностью. Вокругъ такого мудреца образовывался кругъ преданныхъ ему послѣдователей, готовыхъ стоять за него и пожертвовать всѣмъ имуществомъ и даже жизнью своею и близкихъ. Такимъ образомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія собралась толпа почитателей вокругъ нѣкоего юноши, Шейха-Ахмеда-Ахсана, родомъ изъ Бахрейна. Слава о новомъ проповѣдникѣ, ведущемъ строгій образъ жизни,

дошла до Фатхъ-Али-шаха, который пригласилъ его переѣхать въ Персію. Шейхъ принялъ это приглашеніе и поселился въ г. Ездѣ, гдѣ прожилъ двѣнадцать лѣтъ, до самой смерти, проповѣдуя вѣру въ единаго Бога, во всѣхъ пророковъ и имамовъ, заключающихъ въ себѣ частицу божества. По его мнѣнію, въ людяхъ и во всѣхъ тваряхъ также отражается создатель ихъ, почему всѣ и вся „чисты"; слѣдовательно, нельзя питать той ненависти къ иновѣрцамъ, которой отличались фанатическіе мусульмане. Далѣе онъ проповѣдывалъ, что коранъ Мохаммеда заключаетъ въ себѣ мудрость всего міра, но для того, чтобы постичь ее, необходимо превзойти всѣ науки. Поэтому Шейхъ всю жизнь предавался чтенію и занятію науками, входящими въ кругъ мусульманскихъ знаній [1]). Количество послѣдователей этого ученія росло; они распространялись по Персіи и Месопотаміи. Шейхъ-Ахмедъ сталъ тогда назначать изъ числа ближайшихъ учениковъ наибовъ-помощниковъ, поручая имъ наставлять свою паству въ вѣрѣ, въ любви къ ближнему, въ почитаніи единаго Бога. Шейхъ стремился исключительно къ нравственному обновленію, отнюдь не желая производить какого-либо политическаго переворота. Въ томъ же духѣ продолжалъ проповѣдывать преемникъ его Хаджи-Сеидъ-Каземъ-Решти. По смерти Хаджи-Сеида-Казема въ 1843 г. послѣ нѣкоторыхъ колебаній [2]) былъ избранъ въ главы секты 24-хъ-лѣтній Сеидъ-Мирза-Али-Мохаммедъ, впослѣдствіи принявшій титулъ „бабъ" (дверь), который и былъ основателемъ секты бабидовъ. Немногіе сектанты, которые не признали Мирзу-Али-Мохаммеда своимъ главой, получили прозвище „шейхидовъ", по имени основателя Шейха-Ахмеда, и нынѣ почти окончательно исчезли. Бабъ родился въ Ширазѣ 1-го мохаррема 1235 г. (18 октября, 1819) отъ бѣдныхъ родителей изъ мелкихъ купцовъ и едва былъ обученъ чтенію, письму и счету лишь настолько, чтобъ могъ продолжать дѣло своего отца. Лишившись въ раннемъ дѣтствѣ отца, онъ попалъ подъ опеку своего дяди, который послалъ его, когда ему было лѣтъ 14—15, въ Буширъ (собственно Абу-Шахръ) по торговымъ дѣламъ. Тамъ онъ привлекъ на себя вниманіе многихъ своею скромностью, уклоненіемъ отъ всякихъ увеселеній и излишествъ, бесѣдами съ путешественниками, учеными, и особенно съ представителями разныхъ сектъ и вѣроученій. Оттуда онъ отправился на поклоненіе въ Кербелу (недалеко отъ Багдада)

[1]) Подробнѣе о шейхидахъ см. Казем-бека: „Бабъ и бабиды"; его же, „о мюридизмѣ", Русское Слово, 1859; XII.C-te de Gobineau, „Trois ans en Asie"; Эдвинъ-Броунъ

[2]) О которыхъ подробнѣе см. Казем-бека: „Бабъ и бабиды".

на могилу имама Хусейна. Туда стекаются ежегодно десятки тысячъ шіитовъ изъ Персіи и нашихъ средне-азіатскихъ владѣній. Въ это время въ Кербелѣ преемникъ Шейха-Ахмеда, Хаджи-Сеидъ-Каземъ велъ религіозныя бесѣды, которыя и Мирзѣ-Али-Мохаммеду нѣсколько разъ удалось посѣтить. Хаджи-Каземъ сразу обратилъ вниманіе на этого ученика, часто изъ скромности садившагося у самой двери (по-арабски: бабъ) или въ самые задніе ряды, и если юноша приходилъ уже во время лекціи, то учитель часто восклицалъ: „вотъ онъ", а когда его спрашивали о преемникѣ, Хаджи-Каземъ отвѣчалъ: онъ среди васъ, вы сами найдете его.

Въ 1840 г. Бабъ вернулся на родину въ Ширазъ, гдѣ, продолжая торговыя занятія, находилъ время посѣщать чтенія нѣкоего Шейха-Абида. Къ этому времени паломники распространили уже по всему шіитскому міру молву о его необычайной мудрости и строгомъ образѣ жизни. Ему даже приписывали совершеніе чудесъ и считали его „меджзу-бомъ" (юродивымъ, блаженнымъ).

При такихъ условіяхъ неудивительно, что послѣ смерти Хаджи-Сеидъ-Казема скромный Мирза-Али-Мохаммедъ [1]) былъ избранъ главою секты. На него намекалъ Хаджи-Сеидъ-Каземъ, предсказывая о близкомъ появленіи Каима, т.-е. невидимо находящагося на землѣ имама, который долженъ былъ быть потомкомъ Мохаммеда, Сеидомъ, молодымъ и необразованнымъ. Мирза-Али-Мохаммедъ отвѣчалъ вполнѣ этимъ условіямъ.

Однако онъ не сразу призналъ себя пророкомъ и только 5-го джемадіульула 1260 г. (12 мая 1844 г.) около 9 часовъ вечера, передъ отъѣздомъ своимъ въ Мекку, куда отправлялся совершать „хаджъ", объявилъ, что онъ—*дверь* (по-арабски „бабъ") для постиженія единаго Бога.

Бабъ, продолжая проповѣдь Шейха-Ахмеда, признавалъ преемственность совокупнаго проявленія всѣхъ свойствъ божества въ наставникахъ рода человѣческаго; по его теоріи, всѣ эти лица были воплощеніемъ одного и того же духа. Бабъ училъ, что Богъ неустанно направляетъ родъ человѣческій къ постиженію истины, которая и есть *Онъ* самъ, и чтобъ не дать людямъ уклониться отъ намѣченнаго имъ пути, воплощается черезъ извѣстный промежутокъ времени въ какомъ-либо человѣкѣ, который выдѣлялся бы передъ всѣми современниками своими качествами, высотой своихъ проповѣдей, чудесными стихами, которые

[1]) О выборѣ главы см. подробности у Эдв. Броуна.

внушаются ему Богомъ. Всякое новое воплощеніе шире раскрываетъ человѣчеству „тайну“ безконечнаго совершенства (Бога) въ зависимости отъ просвѣщенія народовъ, такъ какъ въ первыя эпохи своего существованія люди не могли бы понять многаго изъ того, что̀ стало доступно слѣдующимъ поколѣніямъ. Возьмемъ, напримѣръ, тѣ способы, которыми дѣйствовали Адамъ, Моисей, Христосъ и Мохаммедъ, чтобъ водворить миръ, любовь и доброжелательство между людьми. Сперва доступно было представленіе, что добро сладко, зло горько; Моисей уже взывалъ къ чувству страха, угрожая не исполняющимъ его завѣта послѣ смерти адомъ, въ которомъ сосредоточивались всѣ ужасы богатой восточной фантазіи. Христосъ и Мохаммедъ, хотя и угрожали грѣшникамъ мученіями ада, съ другой стороны обѣщали добрымъ вѣчное блаженство—рай. Бабъ думалъ, что онъ проповѣдуетъ среди людей достаточно просвѣщенныхъ, которые уже могутъ понять несостоятельность обѣщанія загробнаго рая или ада; онъ разсуждалъ, что всѣ люди послѣ смерти сольются съ божествомъ, какъ капли воды сливаются въ морѣ, и не будетъ уже возможности отличить, во что была воплощена каждая частица этого моря. Слѣдовательно, люди должны поступать хорошо, вслѣдствіе ихъ собственнаго и нравственнаго убѣжденія, сознанія обязательности такого образа дѣйствій, а отнюдь не изъ страха передъ будущими мученіями, или ради надежды на награду.

Бабъ сохранилъ установленный у мусульманъ „хаджъ“, измѣнивъ, впрочемъ, мѣсто паломничества. Вмѣсто Мекки онъ назначилъ свою родину—Ширазъ, обставилъ также это паломничество извѣстными обрядами, изложенными въ книгѣ „Зіяретъ-намэ“, написанной имъ еще до объявленія себя „бабомъ“. Впрочемъ онъ преднисалъ совершать эту поѣздку лишь тѣмъ, у кого есть на то средства и возможность [1]).

---

[1]) Въ данномъ случаѣ Бабъ дѣлаетъ уступку потребности персовъ имѣть пункты, куда они могли бы ходить на поклоненіе. Насколько эта потребность сильна, можно судить по тому, что вся Персія покрыта цѣлой массой такъ-называемыхъ „имамъ задэ“, которыя суть молельни, часовни, или даже цѣлыя мечети, поставленныя надъ могилой святого (имамъ задэ значитъ: рожденный отъ имама).

Эти „имамъ задэ“ постоянно посѣщаются главнымъ образомъ женщинами, больными, но въ достаточной мѣрѣ и другими благочестивыми шіитами. Обрѣтаются такія мѣста большею частью по явленію во снѣ какой-нибудь благочестивой женщинѣ, либо святошѣ муллѣ или ханжѣ сенду даннаго лица, которое жалуется, что мѣсто, гдѣ оно похоронено или пострадало (точно указывается мѣсто), до сихъ поръ остается въ пренебреженіи. Слухъ объ этомъ быстро расходится по странѣ, собираются пожертвованія, стекаются паломники, возводятся строенія, и на многіе годы обезпеченъ приливъ богомольцевъ.

Бабъ предписываетъ своимъ послѣдователямъ воспитывать дѣтей мягко, не нанося имъ тяжкихъ побоевъ,—по системѣ, господствующей въ Персіи, при чемъ болѣе всего страдаютъ пятки дѣтей [1]), и предоставляетъ обучать различнымъ предметамъ, не дозволяя, чтобы учили логикѣ или философіи, а главное иностраннымъ языкамъ, особенно же мертвымъ. Онъ входилъ далѣе въ жизнь своихъ адептовъ, рекомендуя имъ посѣщать баню по крайней мѣрѣ черезъ каждые 4 дня, быть скромными въ пищѣ, позволяя себѣ лишь въ праздничные дни роскошь имѣть болѣе одного блюда за столомъ [2]). Несмотря на гуманность своего ученія, бабъ все-таки отличался нѣкоторой долей нетерпимости къ послѣдователямъ другихъ религій; онъ предполагалъ въ будущемъ царствѣ бабизма воспретить пребываніе какихъ-либо иновѣрцевъ [3]).

Наиболѣе шокировало мусульманскій міръ изданное Бабомъ распоряженіе „кефе-и-худудатъ", пресѣченіе предписаній, по которому многія запрещенія Мохаммеда отмѣнялись. Разрѣшалось пить вино, употреблять въ пищу рыбу, не покрытую чешуею,

---

[1]) Въ Персіи родъ наказанія наиболѣе распространенный—это „чуби фелекэ"; чубъ значитъ палка, „фелекэ"—орудіе, состоящее изъ двухъ досокъ съ продѣтой по серединѣ палочкой, между которыми вставляются ноги лица, подвергаемаго этой казни. Два человѣка поднимаютъ это „фекелэ" такъ, что пятки оказываются наверху, а жертва лежитъ на спинѣ. Затѣмъ начинается хлестаніе по пяткамъ палкой или розгой—отъ этого рода наказанія не гарантированъ никто, ни даже первый министръ; сеиды, потомки пророка, и тѣ не избѣгаютъ этой кары, но предварительно съ нихъ снимаютъ съ должнымъ почетомъ знаки ихъ званія, зеленую чалму и зеленый кушакъ, которые, по окончаніи экзекуціи, возвращаются имъ обратно. При этой казни болѣе всего пользуются палачи, ибо когда имъ приходится бить „благословенныя" (мурабекъ, персы всегда вѣжливы) пятки вельможи, то предварительно происходитъ торгъ за менѣе добросовѣстное исполненіе приговора. Обыкновенно вельможа начинаетъ кричать еще до 1 удара, но послѣ наказанія только притворяется, что не можетъ идти. Не то съ обыкновенными смертными, не съумѣвшими чѣмъ-либо смягчить палачей: намъ приходилось видѣть людей, получившихъ до 2-хъ тысячъ ударовъ по пятамъ,—они уже никогда не могли ступать на ноги и всю жизнь ползали на колѣнахъ.

Вообще въ Персіи изобрѣтательны на наказанія: при насъ былъ случай, что нѣсколькихъ воровъ пригвоздили за уши къ дверямъ лавокъ. Одно изъ первыхъ средствъ „выпытывать" истину—срываніе ногтей на пальцахъ.

[2]) Употребительное выраженіе „за столомъ" не вполнѣ правильно для персовъ, такъ какъ столомъ, какъ извѣстно, у нихъ служитъ коверъ, всѣ блюда приносятся сразу, ставятся передъ гостями и всѣ сидящіе или полулежащіе кругомъ ѣдятъ прямо изъ блюда, конечно, просто рукой, при чемъ лѣвой никогда не дотрогиваются до пищи.

[3]) Бабъ считалъ, что бабизмъ будетъ признанъ по всей землѣ, но первоначально слѣдуетъ позаботиться объ укорененіи этой религіи въ пяти священныхъ провинціяхъ: Фарсѣ, Иранѣ, Азербайджанѣ, Хорасанѣ, Мазендеранѣ, которыя бабъ называлъ по первымъ буквамъ: земля Ф. И. А. Х. и М.

зайцевъ, проповѣдывалась равноправность женщинъ, дозволялось имъ ходить съ непокрытыми лицами и проч.

Дочь казвинскаго муджтехида (важное духовное лицо), Курретъ-уль-Айнъ (свѣтъ очей), знаменитая героиня бабидовъ, первая рѣшилась [1]) примѣнить на практикѣ это разрѣшеніе, позволяя себѣ, въ минуты увлеченья проповѣдью, отбрасывать съ лица свое покрывало. Она получила отъ Баба титулъ „тахирэ", чистая, а потомъ была прозвана „зеритъ таджъ"—златовѣнчанная. Она всецѣло прониклась вѣрою въ основы ученія Баба, съ жаромъ проповѣдывала ихъ на улицѣ и своимъ образованіемъ, въ персидскомъ смыслѣ, знакомствомъ съ литературой, краснорѣчіемъ и красотой привлекла къ новой вѣрѣ цѣлыя толпы шіитовъ. Это, конечно, вызывало негодованіе среди безсильнаго духовенства; особенно же возставалъ противъ нея ея родной дядя Хаджи-Мохаммедъ-Таги, который даже публично проклялъ юную проповѣдницу. Это, впрочемъ, ему даромъ не прошло, такъ какъ бабиды убили его въ мечети, за что шіиты произвели его въ мученики; но Курретъ-уль-Айнъ принуждена была удалиться изъ Казвина.

Въ своей проповѣди любви къ ближнему Бабъ доходилъ до такой нетерпимости къ насилію, что признавалъ необходимымъ въ будущей странѣ бабизма уничтожить все созданное при посредствѣ принужденія. Такимъ образомъ, если бы Персія стала страной бабидовъ, то всѣ мечети, всѣ дворцы подлежали бы разрушенію на томъ основаніи, что они возведены людьми, которыхъ при разсчетѣ обманывали или же силою заставляли выходить на работу. Бабъ значительно стѣсняетъ многоженство: онъ разрѣшаетъ имѣть не болѣе восьми законныхъ и незаконныхъ женъ,—между тѣмъ какъ въ Персіи многіе богачи имѣютъ по нѣскольку десятковъ „рабынь", т.-е. наложницъ,—а также разрѣшаетъ разводъ, который можетъ состояться не ранѣе, какъ черезъ годъ по выраженіи рѣшенія разойтись и можетъ быть отмѣненъ до тѣхъ поръ, пока одна изъ сторонъ не вступитъ во вторичный бракъ; послѣ чего сойтись разведеннымъ уже не разрѣшается, между тѣмъ какъ это въ мусульманствѣ допускается.

У бабидовъ подробно выяснены принципы распредѣленія наслѣдственнаго имущества; въ основу взято число 2520. Дѣти

---

[1]) Насколько трудно рѣшиться персіянкѣ отказаться отъ своего „рубенда" (покрывала), можно видѣть изъ того, что, какъ разсказываетъ намъ А. Г. Туманскій, долго жившій въ Асхабадѣ, живущія тамъ многочисленныя бабидки не носятъ покрылала лишь дома, хотя бы были у нихъ гости; выходя же на улицу, всегда покрываются, говоря, что чувствуютъ себя неловко, если не скрыты за этой уродливой и антигигіенической завѣсой.

получаютъ 540 долей, затѣмъ жена, отецъ, мать, братья, сестры и, наконецъ, учитель на 60 долей менѣе предъидущаго (480, 420, 360, 300, 240 и 180). Всѣми гражданскими дѣлами завѣдуетъ бейт-уль-адъ („домъ справедливости"), который, состоя изъ 8—19 членовъ, долженъ вѣдать нравственную и общественную сторону жизни бабидовъ, заниматься благотворительностью, а также воспитаніемъ дѣтей недостаточныхъ родителей, такъ какъ никто не долженъ оставаться безъ призрѣнія и воспитанія.

Нѣтъ недостатка и въ мистическомъ элементѣ въ ученіи Баба, и особенно ярко сказывается онъ въ той роли, какую играетъ число 19 рѣшительно во всемъ. Извѣстно, что каждая арабская буква означаетъ опредѣленное число, какъ это было въ греческомъ, славянскомъ и др. языкахъ, и это обстоятельство служитъ для мусульманъ безконечнымъ источникомъ различныхъ гаданій, предсказаній судьбы и проч. На томъ же построена и теорія бабидовъ о 19. Богъ единъ: по-арабски этому числу соотвѣтствуетъ первая буква элифъ, сумма же цифръ самого слова единъ, „уахидъ", составляетъ 19. Богъ есть „абсолютное бытіе", вуджудъ, что также составляетъ 19. Эпитетъ Бога: живой, „хей", составляетъ 18; но вспоминая, что Онъ *единъ* живой, получимъ опять 19. Наконецъ, произведеніе двухъ свойствъ Бога, что Онъ „единъ" и есть „бытіе", т.-е. уахидъ и „вуджудъ", иначе говоря 19×19, дастъ въ результатѣ *все*, по-арабски: „куллу-шейшлъ" или сумму цифръ 361.

Соотвѣтственно этому и одна изъ главнѣйшихъ книгъ Баба: „беянъ" (откровенія) раздѣлена на 19 главъ. Годъ у бабидовъ раздѣленъ на 19 мѣсяцевъ, по 19 дней каждый, и начинается съ „ноуруза" (новый годъ—9 марта), который считается въ Персіи оффиціальнымъ новымъ годомъ. Послѣдній 19-й мѣсяцъ есть мѣсяцъ поста; ему предшествуютъ 5 дней, во время которыхъ вѣрные подготовляютъ себя къ посту милостыней и добрыми дѣлами. Дни эти, называемые „айаму-ата", напоминаютъ нѣсколько нашу мясопустную недѣлю. Постъ у бабидовъ столь же строгъ, какъ и у мусульманъ, т.-е. отъ восхода до заката солнца нельзя ни ѣсть, ни пить, ни курить; но въ отличіе отъ мохаммеданъ бабиды и по ночамъ считаютъ позволеннымъ лишь удовлетвореніе чувства голода и отнюдь не предаются пиршествамъ и другимъ излишествамъ.

Возвратимся, однако, къ исторіи Баба. Мы уже упомянули, что Мирза-Али-Мохаммедъ призналъ себя пророкомъ лишь 5-го джемади-уль-ула 1260 г., незадолго до отъѣзда своего въ Мекку.

По возвращеніи его въ Буширъ, а потомъ въ Ширазъ, толпы народа обступили молодого сеида и съ жадностью ловили его рѣдкія изреченія. Слава о немъ скоро достигла до ушей Мохаммедъ-Шаха, который послалъ въ 1845 г. для провѣрки слуховъ о новомъ проповѣдникѣ извѣстнаго своею ученостью и мудростью сеида Яхья-Дароби. Однако, тотъ такъ былъ пораженъ тѣмъ, что̀ увидѣлъ и услышалъ отъ Баба, что послѣ третьяго же свиданія сдѣлался ярымъ бабидомъ, не вернулся болѣе ко двору, но, по порученію Баба, отправлялся для проповѣди въ разные города и выказалъ столько преданности и усердія, что Бабъ включилъ его въ число „18 буквъ“ и далъ ему почетный титулъ „вахидъ“.

Шіитское духовенство въ Ширазѣ, конечно, протестовало противъ новаго пророчества, и главные муллы и „муджтехиды“ этого города, собравшись, приговорили Баба, какъ ересіарха, къ смертной казни. На этотъ разъ Бабъ былъ спасенъ, какъ гласитъ легенда, благодаря чумной эпидеміи, свирѣпствовавшей въ это время въ Ширазѣ и изгнавшей изъ города всѣхъ, отъ правителя до послѣдняго поденщика, такъ что Бабъ безпрепятственно могъ направиться къ Исфагану. Здѣсь онъ остановился, по приказанію мѣстнаго правителя, Минучехрхана-Мудамидъ-уд-доулэ, въ домѣ имама досумъэ (главное духовное лицо города). Опять были диспуты при большомъ количествѣ муллъ; Бабъ блестяще разбилъ доводы всѣхъ ихъ и окончательно убѣдилъ правителя въ превосходствѣ своего ученія, вслѣдствіе чего тотъ рѣшилъ спасти великаго пророка.

Объявивъ, что онъ высылаетъ Баба въ Тегеранъ, Минучехръханъ тайно велѣлъ вернуть его съ дороги и помѣстилъ въ своемъ дворцѣ [1]), гдѣ тотъ жилъ до самой смерти Мудамидъ-уд-доулэ, скончавшагося, впрочемъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ всѣхъ этихъ событій.

Тогда только стало извѣстно мѣстопребываніе Баба, и его вновь приказано было везти въ Тегеранъ. Но ему не суждено было видѣть столицу Персіи—верстахъ въ 25 отъ города кортежъ былъ остановленъ первымъ министромъ Мохаммедъ-Шаха, Хаджи-Мирза-Агаи, опасавшимся, чтобы прибытіе ересіарха не вызвало въ городѣ волненій, могущихъ задержать отъѣздъ шаха.

Черезъ сорокъ дней, которые Бабъ провелъ въ Кенаршрдѣ и Калинъ (двѣ деревни неподалеку отъ Тегерана и нѣсколько въ

[1]) Для всякаго очевидно, что это разсказъ убѣжденнаго бабида; приводимъ его, какъ образецъ, тѣмъ болѣе, что окраска легко замѣчается, сами же факты въ общемъ приведены вѣрно.

сторонѣ отъ дороги), Мирза-Али-Мохаммеда повели въ Тавризъ, потомъ въ крѣпость Маку (близъ русской границы), а оттуда его вызывали въ Тавризъ для допроса. Такія странствія, гоненія, а подъ конецъ и постоянное заключеніе не помѣшали Бабу написать довольно много книгъ: комментаріи на главы Корана, поученій, откровеній, „беянъ“.

Писалъ онъ—вѣрнѣе, диктовалъ своему секретарю,—по-персидски и по-арабски. Произведенія на персидскомъ, какъ на родномъ ему языкѣ, отличались лишь нѣкоторыми грамматическими особенностями, принятыми затѣмъ послѣдователями Баба, какъ въ духовной, такъ и въ частной литературѣ секты; его же арабскій языкъ просто хромаетъ, и вѣроучитель, очевидно, пользовался имъ съ исключительной цѣлью импонировать темнымъ массамъ, а отчасти, подчиняясь вкоренившемуся у мусульманъ убѣжденію, что тотъ языкъ, на которомъ написанъ Коранъ, священный. Между тѣмъ количество бабидовъ увеличивалось; они пытались постепенно сосредоточиваться въ отдѣльныхъ пунктахъ, чтобъ имѣть возможность постояннаго обмѣна мыслей и чтобы находить другъ въ другѣ поддержку для проповѣди среди необращенныхъ.

Если это обстоятельство мало смущало мѣстное населеніе, которое иногда даже охотно внимало поученіямъ бабидовъ, то духовенство возставало противъ новой ереси; когда сила слова не убѣждала населеніе изгнать отъ себя или избить еретиковъ, муллы обращались къ содѣйствію властей, указывая на угрожающую опасность для цѣлости государства и грозя, въ случаѣ отказа, всѣми мученіями ада. Важную роль въ этомъ гоненіи играло то обстоятельство, что, съ признаніемъ бабидовъ богопротивными сектантами, ихъ имущество конфисковалось; а кто не знаетъ, какую силу въ Персіи имѣетъ перспектива получить деньги? Незадолго до смерти Мохаммедъ-шаха (ум. въ 1847), главнѣйшіе проповѣдники новаго ученія, особенно Хаджи-Молла-Мохаммедъ-Али въ Харасанѣ и Молла-Хусейнъ-Бушравейхи на югѣ Персіи, переходили изъ города въ городъ, обращая жителей толпами въ новую вѣру и возбуждая этимъ противъ себя шіитское духовенство, которое вынуждало ихъ съ наиболѣе ревностными послѣдователями покидать города. Постепенно бабиды стянулись къ Бедешту въ Хорасанѣ; туда же прибыла изъ Казвина черезъ Тегеранъ извѣстная уже намъ Курреттъ-уль-Айнъ со своими приверженцами, принужденная уѣхать изъ родного города послѣ убійства ея дяди бабидами, хотя она по всей вѣроятности даже не знала о предполагавшемся убійствѣ; къ тому же одинъ

бабидъ Салихъ-Тахиръ (или, по нѣкоторымъ источникамъ, Мирза-Али-Салихъ) объявилъ, что онъ убійца и дѣйствовалъ, въ данномъ случаѣ, совершенно самостоятельно, по своему собственному побужденію, исключительно изъ мести за преслѣдованіе муджтехидомъ его единовѣрцевъ.

Курретъ-уль-айнъ изъ Бедешта направилась съ остальными собравшимися бабидами въ Мазендеранъ, но не дошла до этой провинціи и свернула, какъ говоритъ преданіе, въ Нурскій округъ (расположенный по р. Нуру, образующей долину въ Эльборузскомъ хребтѣ и впадающей въ Хераснъ, сѣвернѣе горы Демавенда). Тутъ ее задержали, но не притѣсняли, а въ половинѣ 1849 года, послѣ паденія защитниковъ Шейха-Теберси, она была выслана въ Тегеранъ. Сначала „Тахирэ“ не была въ очень тяжкомъ заключеніи,—ей дозволялось видѣться съ знакомыми; но послѣ покушенія на шаха трехъ бабидовъ въ 1852 году, когда началось поголовное преслѣдованіе секты, она была казнена, а тѣло ея брошено въ колодезь.

Бабиды изъ Хорасана направились къ Мазендерану, гдѣ въ мѣстечкѣ Шейхъ-Теберси присоединились къ небольшой группѣ единовѣрцевъ (около 200 человѣкъ), осажденныхъ персидскимъ войскомъ. Эти бабиды были выгнаны изъ Бурфуруша и отступили съ урономъ, преслѣдуемые по пятамъ войсками черезъ незнакомые лѣса и болота. Во главѣ ихъ въ то время былъ ученый Мулла-Мохаммедъ-Али, въ Барфуруши; бабиды въ Шейхъ-Теберси заперлись и оказывали упорное сопротивленіе всему осаждавшему ихъ войску правителя Мазендерана. Это событіе совпало со смертью Мохаммедъ-Шаха; въ Персіи начались смуты, достаточно объясняющія отсутствіе энергіи у персидскихъ войскъ, осаждавшихъ бабидовъ въ Шейхъ-Теберси. Бабиды же, ободряемые вялостью враговъ, переходили въ наступленіе; ихъ вылазки почти всегда увѣнчивались успѣхомъ, такъ какъ они дрались ради самозащиты, съ храбростью отчаянія, зная, что помощи имъ неоткуда ждать, и спасеніе невозможно. Персидскіе же солдаты не имѣли никакой побудительной причины подвергать себя опасности, которую всегда готовы были преувеличивать въ воображеніи и въ своихъ бесѣдахъ, ради служенія правительству, никогда не платящему полностью и во-время жалованья, и подъ начальствомъ командировъ, не заботящихся объ обезпеченіи успѣха, но лишь самонадѣянно ожидающихъ его.

Такъ тянулась эта осада до половины 1849 года, когда принцъ военачальникъ рѣшился прибѣгнуть къ столь обычному для персовъ пріему, вѣроломству и коварству: онъ вступилъ съ

бабидами въ переговоры и обѣщалъ имъ полную амнистію, съ условіемъ, чтобы они очистили крѣпость и выдали оружіе. Бабиды рады были прекратить враждебныя дѣйствія, такъ какъ у нихъ запасы истощались, и они сами были утомлены продолжительной и безполезной борьбой, и потому охотно повѣрили клятвеннымъ обѣщаніямъ принца и согласились принять предложенное имъ угощеніе, по случаю окончанія войны; но едва они приступили къ обѣду, какъ данъ былъ сигналъ къ нападенію, и храбрые персидскіе воины, въ полномъ вооруженіи, кинулись на беззащитныхъ бабидовъ. Большую часть ихъ избили, трехъ схватили и отвезли въ Барфурушъ на казнь, и лишь немногимъ удалось скрыться въ лѣсахъ. Такой образъ дѣйствій вызвалъ взрывъ негодованія со стороны бабидовъ всей Персіи; они стали волноваться. Въ Зенджанѣ (на полъ-пути отъ Тегерана до Тавриза) повторилась та же исторія: бабиды заперлись въ одномъ кварталѣ, были осаждены многочисленными непріятелями и, повѣривъ обѣщанію безопаснаго выхода изъ города, были измѣнически убиты. Правительство, обезпокоенное движеніемъ бабидовъ, надѣялось, что казнью основателя секты оно пресѣчетъ зло въ самомъ корнѣ. 27-го іюня 1850 года Баба съ однимъ изъ мѣстныхъ (тавризскихъ) его приверженцевъ Мирза-Мохаммедъ Аліемъ-Тебризи повели на казнь, отпустивъ въ то же время на свободу бывшаго съ Бабомъ въ заключеніи секретаря его Ага-Сеидъ-Хусейна. Преданіе секты говоритъ, что самъ Бабъ приказалъ своему секретарю притвориться отказавшимся отъ своихъ убѣжденій, для того, чтобы имѣть возможность доставить въ надежныя руки черновики писемъ и книги, которые хранились у него, какъ довѣреннаго лица Баба [1]). Отчасти подтверждаетъ эту версію то обстоятельство, что Ага-Сеидъ-Хусейнъ черезъ два года, во время гоненія на бабидовъ, послѣ покушенія на жизнь Насръ-Эддинъ-шаха, былъ казненъ вмѣстѣ съ другими бабидами.

Около помѣщенія тюрьмы въ Тавризѣ, гдѣ находился въ заключеніи послѣднее время Бабъ, поставили столбъ, къ которому привязали обоихъ приговоренныхъ къ казни, и разставили войска въ три ряда. Каждый рядъ далъ по залпу, и когда дымъ разсѣялся, то увидѣли, что веревки узниковъ перерѣзаны пулями, сами же они невредимы, Мохаммедъ-Али стоитъ, а Бабъ сидитъ около своего секретаря. Это такъ подѣйствовало на окружаю-

[1]) Возбуждаются даже сомнѣнія, нельзя ли считать образованнаго и ученаго Сеидъ-Хусейна авторомъ нѣкоторыхъ, если не многихъ, изъ приписываемыхъ Бабу произведеній.

щихъ, что солдаты отказались повторить опытъ, и пришлось вызвать часть отъ другого полка. Вторично раздалась команда, но уже промаха не было: у столба висѣли два трупа съ пробитой десятками пуль грудью.

Тѣла были брошены въ городской ровъ [1]), откуда черезъ два дня бабиды унесли трупъ своего учителя и похоронили сперва недалеко отъ Тегерана, а впослѣдствіи, по распоряженію новаго главы секты Бехауллы, перенесли въ другое мѣсто.

По кончинѣ основателя секты, бабиды не отказались отъ своей вѣры и съ прежнимъ жаромъ продолжали возставать противъ притѣсненій. Едва пали защитники Зенджана, какъ вспыхнули возстанія въ Наризѣ, потомъ въ Ездѣ, повидимому вызванныя проявленіемъ вражды со стороны шіитскаго духовенства. Такое положеніе продолжалось до 1852 года. Въ этотъ злополучный для Персіи годъ три фанатика бабида задумали прекратить преслѣдованіе своихъ единовѣрцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отмстить за казнь главы и всѣхъ бабидовъ, безвинно пострадавшихъ, во время гоненій—и рѣшили убить шаха.

3-го августа 1852 года они выждали время, когда шахъ выѣзжалъ изъ одного изъ своихъ загородныхъ дворцовъ, Неяверана, на охоту. Одинъ изъ нихъ былъ вооруженъ пистолетомъ [2]), заряженнымъ дробью. Очевидно, большого вреда нанесено не было, но шахъ сильно испугался, особенно когда другой заговорщикъ бросился на него, чтобъ ножомъ довершить то, что̀ не удалось первому. Тутъ подоспѣла свита, въ свалкѣ одинъ изъ убійцъ погибъ на мѣстѣ, оба другіе были схвачены и хотя сознались немедленно, что они бабиды и посягали на жизнь шаха, съ цѣлью отмстить за смерть Баба, но были жестоко пытаемы, съ цѣлью узнать имена сообщниковъ.

Начались гоненія на бабидовъ по всей Персіи; въ одномъ Тегеранѣ было казнено 28 человѣкъ. Для того же, чтобы отвѣтственность за смерть этихъ сектантовъ не падала исключительно на правительство, оно заставляло всѣ сословія принять участіе въ казняхъ: принцы, муллы, сеиды, купцы, министры состязались въ ревности къ исполненію обязанностей палача.

Въ это время былъ между прочими арестованъ Мирза-Хусейнъ-Али-Нури-Бехаулла (блескъ божій), впослѣдствіи глава ба-

---

[1]) Авторъ „Мекалэ и Шахс-и-Сейахъ“, исторіи Баба и его секты, утверждаетъ, что русскій консулъ въ Тавризѣ снялъ фотографію съ трупа; къ крайнему сожалѣнію, намъ не удалось найти подтвержденія этого факта.

[2]) По другому разсказу всѣ трое имѣли при себѣ оружіе.

бидовъ, но вскорѣ былъ освобожденъ, благодаря вмѣшательству русской миссіи, и отвезенъ на турецкую границу.

Мы уже говорили, что Бабъ въ книгахъ своихъ и поученіяхъ неоднократно утверждалъ, что онъ сообщаетъ далеко не послѣднее или окончательное откровеніе Божіе, что, напротивъ того, должны быть новыя откровенія, новые пророки, которые разъяснятъ людямъ многое, чего онъ, Бабъ, не въ состояніи раскрыть.

Не устанавливая точно времени появленія новаго пророка или того, кого проявитъ Богъ (менъ-юзхируху-ллахъ), Бабъ предполагаетъ, что это будетъ вѣроятно черезъ 2001 годъ отъ его собственнаго „зухура", проявленія, т.-е. отъ 5 джемадіуль-ула 1260 г., или черезъ 1511 лѣтъ (числа эти соотвѣтствуютъ словамъ „мустегагъ" или „геясъ"), а можетъ быть и ранѣе. Во всякомъ случаѣ, отнюдь не слѣдуетъ противиться тому, кто будетъ выдавать себя за пророка, такъ какъ если то, что онъ говоритъ, ложь, дѣло его погибнетъ само собой; за то какой грѣхъ оказать сопротивленіе лицу, на самомъ дѣлѣ посланному Богомъ!

Благодаря такой доктринѣ, послѣ казни Баба, послѣдователи его, не колеблясь, признали главенство любимаго ученика его, Ага-Сеида-Яхью, третьяго по порядку изъ 18 буквъ „хея", при чемъ первые двое пали ранѣе, такъ что онъ остался старшимъ. Бабъ еще далъ ему почетное прозвище: Хезретъ-и-Эзель или Субхъ-и-Эзель (его святѣйшество; вѣчный, или утро вѣчности) и указывалъ на него, какъ на своего преемника (временнаго, какъ утверждаютъ бехаиды). Эзель продолжалъ неуклонно идти по стопамъ Баба и развивалъ намѣченные имъ принципы какъ въ своихъ многочисленныхъ книгахъ, такъ и въ поученіяхъ.

Въ виду гоненій на секту, онъ вскорѣ удалился, переодѣвшись дервишемъ, сначала въ Мазендеранъ и, наконецъ, перейдя черезъ турецкую границу, остановился въ Багдадѣ, откуда распоряжался дѣлами общины. Повидимому, однако у юнаго Субхъ-и-Эзеля (онъ родился въ 1830 г.) не было достаточно твердости и административныхъ способностей, такъ какъ вскорѣ начались смуты и раздоры; въ средѣ сектантовъ появились претенденты на то, что они суть тѣ, „кого проявилъ Богъ". Кромѣ того, нѣкоторые изъ наиболѣе уважаемыхъ бабидовъ стали замѣчать, что Бехаулла—старшій братъ Эзеля, но отъ другой матери,—въ поученіяхъ своихъ смягчаетъ суровыя предписанія Баба, и ставили ему это въ вину, при чемъ столь дружно напали на него, что тотъ принужденъ былъ скрыться въ сосѣднія Курдистанскія горы, гдѣ оставался около двухъ лѣтъ, т.-е. до 1856—57 года.

Вызванный настояніями Эзеля опять въ Багдадъ, Мирза-Хусейнъ-Али-Бехаулла принялъ энергичныя мѣры къ усмиренію претендовавшихъ на божественное посланничество важнѣйшихъ бабидовъ, не всегда особенно стѣсняясь въ выборѣ средствъ.

Дѣйствуя, такимъ образомъ, совершенно самостоятельно, хотя и прикрываясь именемъ младшаго брата, Беха рѣшилъ, что легко можетъ самъ стать главою секты, къ чему и сталъ постепенно готовить общину, сообщая втихомолку то тому, то другому изъ бабидовъ, что онъ—„тотъ, кого проявилъ Богъ“. Между тѣмъ въ Персіи шли жестокія преслѣдованія бабидовъ, казни и гоненія; Багдадъ и его окрестности наводнялись представителями этой секты, на что шіитское духовенство, столь многочисленное въ Кербелѣ [1]), при гробницѣ имама Хусейна, смотрѣло весьма недружелюбно.

Турецкія власти, замѣтивъ, что у сектантовъ происходятъ раздоры, весьма охотно согласились на просьбу персидскаго посланника въ Константинополѣ, чтобы, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ изъ нихъ удалить отъ персидской границы. Рѣшено было перевести ихъ въ столицу, и, по преданію бехаидовъ, когда они выступили изъ Багдада и остановились на 1-й станціи, въ саду Ризванъ, Беха объявилъ свое призваніе. Это знаменательное событіе произошло 11 апрѣля 1864 года и было празднуемо всѣ 12 дней, которые Беха со своими послѣдователями пробыли въ саду Ризванъ [2]), и съ тѣхъ поръ эти 12 дней празднуются бабидами бехаидами.

[1]) Въ Кербелѣ и окрестностяхъ живутъ обыкновенно тѣ изъ наиболѣе почитаемыхъ персами духовныхъ лицъ, которыя предпочитаютъ удалиться изъ своей родины, отказаться отъ почестей, выпадающихъ на долю придворнаго духовенства, лишь бы имѣть свободу своего сужденія, имѣть возможность говорить правду, хотя бы она шла въ разрѣзъ со взглядами персидскаго правительства. Обыкновенно шахъ очень ухаживаетъ за главнымъ изъ этихъ муджтехидовъ, который если не всегда de jure, то ужъ конечно de facto является шіитскимъ „шейх-уль-исламомъ“ (главою ислама).

Примѣромъ вліянія такого лица можетъ служить недавняя исторія съ табачной монополіей. Шахъ далъ англичанамъ право ввести въ Персіи монополію на продажу табаку; англичане уже заготовили магазины, но народъ и духовенство были недовольны и обратились въ Кербелу съ вопросомъ, какъ быть. Тамошній шейх-уль-исламъ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, правовѣрные шіиты не могутъ курить табаку, оскверненнаго прикосновеніемъ европейцевъ. Это возъимѣло такое дѣйствіе, что въ теченіе нѣсколькихъ дней никто въ Персіи не курилъ, и народъ сталъ волноваться, такъ что шахъ долженъ былъ уступить и въ 1892 году уничтожить монополію, за что вынужденъ былъ заплатить англичанамъ весьма крупную неустойку.

[2]) У персовъ обычай, когда они предпринимаютъ далекое путешествіе, остановиться въ первый день очень близко отъ дома—верстахъ въ 5—12, если ѣдутъ караваномъ, и на первой станціи, если на почтовыхъ,—для того, чтобы путешествіе не было тяжелымъ.

Несогласіе между обоими братьями было уже настолько сильно, что Субх-и-Эзель не захотѣлъ идти вмѣстѣ съ Бехауллой и прибылъ въ Константинополь черезъ четыре мѣсяца, пройдя туда не тѣмъ путемъ, какимъ были приведены турецкими властями остальные бабиды.

Однако и въ Константинополѣ бабидовъ не долго продержали; черезъ четыре мѣсяца, т.-е. въ декабрѣ того же года, перевели ихъ въ Адріанополь. И здѣсь, впрочемъ, ссоры, дрязги и интриги не прекращались, причемъ уже ясно опредѣлились двѣ партіи—эзелидовъ и бехаидовъ; первые—строгіе бабиды, глава которыхъ Субх-и-Эзель не уклонялся ни на іоту отъ наставленій первоучителя и въ своихъ книгахъ лишь развивалъ и дополнялъ то, что говорилъ и писалъ Бабъ; бехаидами же названы послѣдователи Бехауллы. Нужно ли говорить, что при разъигравшихся страстяхъ обѣ партіи стали бросать другъ въ друга обвиненія въ попыткахъ къ отравленію, убійствамъ, въ доносахъ турецкому правительству, интригахъ и казняхъ. Трудно, конечно, рѣшить, кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ, но намъ лично кажется, что скорѣе можно предполагать, что изъ бехаидовъ нашлись ненавистники противоположной партіи, не всегда щепетильные въ выборѣ средствъ для нанесенія ущерба эзелидамъ, отличавшимся покорностью судьбѣ.

Какъ бы то ни было, но въ 1868 году Эзель со своими приверженцами былъ отправленъ въ Фамагусту на островѣ Кипрѣ, а Беха съ его сторонниками въ Акку, въ Сиріи. Турецкое правительство задумало воспользоваться рознью между сектантами для постояннаго контроля надъ этимъ безпокойнымъ элементомъ и приставило къ эзелидамъ нѣсколько бехаидовъ, а въ Акку отправило нѣсколько эзелидовъ. Однако послѣдователи Бехауллы не хотѣли разстаться со своимъ наставникомъ, и часть ихъ бросилась съ корабля въ море, а оставшіеся нѣсколько бехаидовъ дѣйствительно сослужили туркамъ ту службу, которой они отъ нихъ ожидали.

Не такъ было съ эзелидами; отправленные въ Акку, они покорились своей судьбѣ и поѣхали съ бехаидами; вскорѣ, по прибытіи на мѣсто назначенія, въ одну ночь всѣ они оказались зарѣзанными. Началось слѣдствіе; 16 бехаидовъ было казнено; самъ Беха выражалъ порицаніе такому поступку, но фактъ остается.

Дальнѣйшая внѣшняя исторія бабидовъ уже не представляетъ особаго интереса; число адептовъ все росло и до сихъ поръ не перестаетъ увеличиваться; въ Персіи отъ времени до времени

происходили частичныя мѣстныя гоненія, казни, вызываемыя большею частью алчностью или завистью духовенства.

Представители иностранныхъ державъ, преимущественно Россіи и Англіи, старались по возможности останавливать напрасныя жестокости. Исключительно благодаря вліянію русскаго или англійскаго посланника, многіе были освобождаемы изъ тюремъ, а инымъ даровано право жить подъ условіемъ выѣзда изъ предѣловъ Персіи.

16-го мая 1892 года умеръ Беха, оставивъ завѣщаніе, по которому руководительство бабидами переходитъ къ старшему сыну его Аббасъ-Эфендію-Гусни-Азаму („величайшая отрасль"), который и нынѣ управляетъ общиной съ достаточной твердостью и мудростью, что̀ доказывается между прочимъ тѣмъ, что никто уже не рѣшается заявлять какихъ-либо претензій на главенство. Циркуляры Гусни-Азама, особенно „рисалэ-и-сіясіе" (посланіе о политикѣ) доказываютъ также, что въ вопросахъ объ отношеніяхъ своихъ единовѣрцевъ къ властямъ и вообще къ тѣмъ, среди кого они живутъ, онъ придерживается мудрыхъ правилъ своего отца.

Число эзелидовъ сравнительно ничтожно; въ Персіи и нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ встрѣчаются почти исключительно бехаиды. Самъ глава и основатель этой отрасли бабидовъ, Мирза-Яхва-Субх-и-Эзель, которому нынѣ около 66 лѣтъ, скромно живетъ на островѣ Кипрѣ, жалуясь на то, что современные бабиды уклонились съ первоначальнаго пути, указаннаго имъ основателемъ секты, и перестали признавать его, Субх-и-Эзеля, назначеннаго преемникомъ самимъ же Бабомъ, давъ себя увлечь теоріями Бехауллы.

Замѣтимъ кстати, что эзелиды, кромѣ книгъ Баба и Субх-и-Эзеля, признаютъ также полезными писанія и Бехауллы, отвергая лишь божественное происхожденіе послѣднихъ, тогда какъ бехаиды совершенно не причисляютъ книгъ Эзеля къ бабидской литературѣ, обвиняя автора ихъ въ искаженіи фактовъ и въ неправильности воззрѣній [1]).

На самомъ же дѣлѣ Бехаулла многое въ ученіи Баба перемѣнилъ, смягчилъ, даже просто отмѣнилъ. Это всего нагляднѣе видно при сличеніи книгъ первоучителя, особенно его „беяна" (откровеніе) на персидскомъ и арабскомъ языкѣ, съ „святѣйшей книгой", Китоб-и-Экдесъ, Бехауллы, представляющей нѣчто въ родѣ катехизиса вѣроученія бехаидовъ. Важнѣйшія различія ука-

[1]) Этотъ взглядъ на произведенія Субх-и-Эзеля сообщилъ мнѣ мой наставникъ ярый бехаидъ.

заны были впослѣдствіи самимъ Беха въ „благихъ вѣстяхъ“ лоух-и-бешаратъ, переведенныхъ и напечатанныхъ въ „Запискахъ“ Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Археологическаго Общества, т. VII, 1892 года.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ разногласій Беха со своимъ наставникомъ, какъ въ области духовной, такъ и въ практической жизни. Кыбла, т.-е. мѣсто, къ которому во время троекратной молитвы [1]) должны обращаться бабиды послѣ второго „проявленія“ (зухура) [2]), должна быть уже не городъ Ширазъ, а Акка, тюрьма Бехауллы, какъ онъ самъ называлъ свою послѣднюю резиденцію, хотя пользовался въ ней полной свободой, не имѣя лишь права выѣзда.

Соотвѣтственно измѣненію „кыблы“, мѣнялось и мѣсто хаджа, паломничества, — хотя въ общемъ хаджъ не признается обязательнымъ. Мало того, 14-ая „благая вѣсть“ (бешаретъ) говоритъ, что если кто, предназначенный на путешествіе въ Акку, или иной пунктъ паломничества, деньги передастъ въ „Домъ справедливости“ (бейтуль-адлъ), то это будетъ дѣломъ весьма похвальнымъ.

Беха считаетъ обязательнымъ давать извѣстное воспитаніе и даже образованіе дѣтямъ, рекомендуетъ обученіе ихъ наукамъ и искусствамъ, могущимъ быть для нихъ полезными, а также языкамъ—не только родному, но и иностраннымъ, и даже мертвымъ, что̀ такъ строго возбранялось Бабомъ; лучше было бы,— прибавляетъ Беха, — еслибы всѣ государства, все человѣчество, согласились пользоваться однимъ общимъ языкомъ, выбравъ для того одинъ изъ существующихъ уже, или изобрѣтя съ этой цѣлью новый языкъ; также рекомендуетъ онъ ввести и одинъ общій шрифтъ (бабиды имѣютъ свой очень сложный шрифтъ, состоящій изъ длинныхъ палочекъ съ крючками и кружечками на концѣ

[1]) Молитва у бабидовъ рекомендуется не пяти-кратная, какъ у мусульманъ, а лишь три раза въ день—утромъ, въ полдень и вечеромъ, если возможно, т.-е. не обязывая для молитвы бросать все, чтобы не пропустить момента; самая длинная — полуденная, другія же чрезвычайно кратки. Онѣ обставлены еще нѣкоторымъ ритуаломъ— три земныхъ поклона, сказано какъ стоять, куда обращаться лицомъ; у бабидовъ, какъ и у мусульманъ, нѣтъ изображеній въ храмахъ, и вѣрные обращаются къ „Кыблѣ“ по показаніямъ компаса, но молитва ихъ гораздо сердечнѣе и носитъ болѣе просительный характеръ, чѣмъ мусульманская. О молитвенныхъ домахъ бабидовъ см. указанную выше ст. Туманскаго, по поводу кончины Бехауллы, т. VII, изд. 1892 г. З. В. О. И. А. О.

[2]) Первымъ зухуромъ бабиды считаютъ зухуръ „Первой Точки“—Баба, вторымъ— „проявленіе Бехауллы“.

или въ серединѣ ихъ; этимъ шрифтомъ они пользуются для секретной переписки).

Насколько бабидами цѣнится образованіе дѣтей, видно, напримѣръ, изъ того, что, какъ мы уже упоминали, учитель имѣетъ право на извѣстную долю (180 изъ 2.520) наслѣдства; Беха также предназначаетъ учителю долю наслѣдства, хотя уменьшаетъ ее на половину, такъ какъ удвоилъ за счетъ остальныхъ наслѣдниковъ долю дѣтей (1.080 вмѣсто 540).

Беха настоятельно преслѣдуетъ въ своей „святѣйшей книгѣ“ ложь, какова бы ни была цѣль ея, и не допускаетъ низкопоклонства, напримѣръ цѣлованія рукъ для испрашиванія прощенія, и т. д. Говоря объ уваженіи, которое слѣдуетъ питать ко всѣмъ представителямъ религіи, особенно къ ихъ духовнымъ лицамъ, Беха, тѣмъ не менѣе, воздерживаетъ своихъ адептовъ отъ подражанія имъ, напримѣръ, въ самобичеваніи, аскетизмѣ и подобныхъ дѣяніяхъ, совершенно безполезныхъ, какъ считаетъ ихъ Беха. Беха еще болѣе, чѣмъ его учитель, ограничилъ многоженство; онъ дозволяетъ имѣть лишь двухъ женъ, убѣждая, что тотъ, кто любитъ лишь одну женщину, угоденъ Богу.

Бабиды, не признавая разницы въ людяхъ въ зависимости отъ ихъ религіи, не думаютъ, чтобы и цвѣтъ кожи имѣлъ значеніе для дѣленія людей на „привилегированныя“ и „обиженныя племена“; соотвѣтственно этому они не признаютъ и невольничества, считая всѣхъ одинаково свободными. Беха объявилъ также, что распоряженіе „Первой точки“ о томъ, чтобы всѣ памятники насилія были разрушены, отмѣняется, такъ же какъ отмѣнено распоряженіе Баба о недозволеніи иновѣрцамъ жить въ будущемъ царствѣ бабидовъ и объ уничтоженіи „вредныхъ книгъ“; Беха разрѣшаетъ даже чтеніе ихъ, такъ какъ считаетъ, что надо знать, противъ чего бороться.

Точно также Беха освободилъ свой народъ отъ обязательства войны за вѣру (по-арабски, „джихадъ“), которую Мохаммедъ такъ настоятельно проповѣдывалъ, называя ее священной. Мало того, Бехаулла вообще считаетъ войну дѣломъ преступнымъ, рекомендуетъ всѣмъ народамъ тщательно избѣгать ея, стараясь улаживать споры и недоразумѣнія международнымъ или третейскимъ судомъ, такъ какъ въ войнѣ столько гибнетъ людей, и еще бо̀льшее число ихъ дѣлается несчастными на всю жизнь.

Относительно одежды и вообще внѣшняго отличительнаго признака для единовѣрцевъ, Беха предоставляетъ всякому полную

свободу, рекомендуя лишь не служить посмѣшищемъ для глупцовъ [1]).

Горячо рекомендуется, даже приказывается, всѣмъ бабидамъ признавать, почитать власти предержащія, къ какой бы религіи, къ какой бы народности онѣ ни принадлежали, и повиноваться имъ, такъ какъ управленіе народами довѣрено имъ Богомъ, и слѣдовательно, не людямъ разсуждать о томъ, хорошо ли и по праву ли они управляютъ. Еще далѣе пошелъ въ этомъ направленіи нынѣшній руководитель секты Гусенъ-уллахъ-уль-Азамъ, который въ упомянутомъ уже нами посланіи о политикѣ ссылается на слова Евангелія: „воздавайте кесарево кесареви, а божія Богови", и на посланіе апостола Павла къ Тимоѳею о молитвѣ за царя и за власти предержащія.

Изъ только-что приведеннаго видно, что руководители бабидовъ самымъ твердымъ и рѣшительнымъ образомъ стараются искоренить всякіе политическіе или анти-династическіе помыслы у своихъ адептовъ, усиленно напоминая имъ, что они должны заботиться о своей собственной душѣ, что „домъ справедливости" обязанъ разбирать, улаживать и рѣшать дѣла, споры, неудовольствія, недоразумѣнія своихъ единовѣрцевъ, но что до власти, администраціи и политики имъ никакого дѣла нѣтъ; это принадлежитъ царямъ и тѣмъ, кому послѣдніе ввѣряютъ управленіе и завѣдываніе дѣлами. Въ виду послѣдней особенности ученія бабидовъ представляется совершенно голословнымъ обвиненіе, высказанное въ заграничныхъ газетныхъ извѣстіяхъ, будто убійство Насръ-Эддинъ-Шаха было дѣло рукъ бабидовъ. На самомъ же дѣлѣ убійца шаха, Мирза-Риза-Кербани—одинъ изъ сторонниковъ извѣстнаго Шейха-Джемаль-Эддина, вынужденнаго покинуть свое отечество и проживающаго нынѣ въ Константинополѣ. Этотъ ученый и образованный персіянинъ много путешествовалъ по Европѣ и Азіи и пришелъ къ убѣжденію, что республиканскій образъ правленія былъ бы наиболѣе подходящимъ для Персіи.

Что касается будущности бабизма, то предсказывать ее, очевидно, весьма трудно; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что распространеніе его могло бы принести громадную пользу Персіи, такъ какъ идеалы бабидовъ значительно выше мусульманскихъ, особенно же шіитскихъ. Однако, нельзя поручиться, что столь

[1]) Этимъ Беха отмѣняетъ, напримѣръ, обязательство носить всюду шапки и фески, даже въ домахъ—обычай, отъ котораго персидскіе сановники не могутъ отрѣшиться, позволяя себѣ лишь въ тѣсномъ кругу хорошо знакомыхъ европейцевъ вольность давать отъ времени до времени отдохнуть головѣ.

благія нынѣ наставленія не будутъ искажены послѣдующими руководителями бабидовъ, и тогда бабизмъ исчезнетъ, какъ уже исчезло множество сектъ. А можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ какой-либо изъ шаховъ убѣдится въ достоинствахъ этого ученія, объявитъ его господствующимъ, и способный персидскій народъ съ обновленнымъ духомъ и обновленными силами воскреситъ славное прошлое своей поэзіи и литературы, которое представляется безвозвратно утраченнымъ.

Георгій Батюшковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1897.

Рожденіе Е. И. В. Великой Княжны Татьяны Николаевны. — Новыя льготы заемщикамъ дворянскаго банка.—Одна изъ „дворянскихъ программъ“.—Еще о „Дворянскомъ Отдѣлѣ“.—Дворянство и земство.—Б. Н. Чичеринъ и „охранительная“ печать.—Вопросъ о виленскомъ генералъ-губернаторствѣ.—Законопроектъ о надзорѣ за промышленными заведеніями. — Законъ о рабочемъ времени.

30-го мая обнародованъ Высочайшій манифестъ, отъ 29-го того же мѣсяца, слѣдующаго содержанія:

„Въ 29-й день сего мая Любезнѣйшая Супруга Наша, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ Дочери, нареченной Татьяною.

Таковое Императорскаго Дома Нашего приращеніе пріемля новымъ знаменованіемъ благодати Божіей, на Насъ и Имперію Нашу изливаемой, возвѣщаемъ о семъ радостномъ событіи вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ и вмѣстѣ съ ними возносимъ ко Всевышнему горячія молитвы о благополучномъ возрастаніи и преуспѣяніи Новорожденной.

Повелѣваемъ писать и именовать, во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, Любезнѣйшую Нашу Дочь, Великую Княжну Татьяну Николаевну Ея Императорскимъ Высочествомъ“.

Выздоровленіе Государыни Императрицы закончилось, къ общей радости, вполнѣ благополучно; здоровье Высоконоворожденной точно также не оставляло желать ничего лучшаго. 8-го іюня торжественно совершено въ Петергофѣ св. крещеніе Ея.

29-го мая состоялся Именной Высочайшій указъ министру финансовъ, дарующій новыя льготы дворянамъ-заемщикамъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка и Особаго его отдѣла. Процентъ роста по всѣмъ выданнымъ до 1-го мая 1897 г. ссудамъ, числящимся на

имѣніяхъ потомственныхъ дворянъ, уменьшается, съ майскаго того же года срока, съ четырехъ до трехъ съ половиною въ годъ. Для заемщиковъ, на которыхъ числятся недоимки въ срочныхъ платежахъ, вышеупомянутое уменьшеніе наступаетъ не ранѣе, какъ по уплатѣ недоимокъ или пополненіи ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: состоящія на заемщикахъ къ 30 апрѣля 1897 г. недоимки, а также остающіяся неуплаченными части отсроченныхъ и разсроченныхъ платежей, съ начисленными на нихъ пенями, зачисляются—въ суммѣ, опредѣляемой соотвѣтственно остающемуся сроку займа и, во всякомъ случаѣ, не свыше 12 проц. съ номинальной суммы ссуды,—особымъ долгомъ, на пополненіе котораго заемщики, сверхъ обычныхъ срочныхъ платежей, уплачиваютъ ежеполугодно по $^1/_4$ проц. съ номинальной суммы ссуды, въ теченіе времени, необходимаго для погашенія упомянутаго особаго долга по разсчету изъ $3^1/_2{}^0/_0$ въ годъ. Если сумма недоимокъ превышаетъ вышеуказанный предѣльный размѣръ, то недоимки, по ходатайству заемщиковъ и по представленіи ими, въ случаѣ надобности, согласія на то послѣдующихъ залогодержателей, могутъ быть записаны особымъ долгомъ, съ установленіемъ для его погашенія, не далѣе конечнаго срока займа, соотвѣтственнаго аннуитета изъ $3^1/_2$ проц. въ годъ, уплачиваемаго ежеполугодно сверхъ срочныхъ платежей, при условіи, чтобы общая задолженность имѣнія банку не превышала $90^0/_0$ оцѣнки имѣнія. Къ особому долгу могутъ, при соблюденіи тѣхъ же условій, быть присоединяемы также недоимки въ платежахъ на срокъ 1-го мая 1897 г., если ходатайство о томъ заемщика, представленное не далѣе 15-го августа 1897 г., въ мѣстное собраніе предводителей и депутатовъ дворянства, будетъ имъ признано уважительнымъ и препровождено въ банкъ не позднѣе 1-го октября 1897 г. Платежи по записываемой на означенномъ основаніи части особаго долга исчисляются изъ 4 проц. въ годъ. При переходѣ имѣнія отъ одного лица къ другому, особый долгъ переводится на новаго владѣльца наравнѣ съ капитальнымъ долгомъ по ссудѣ. При выдачѣ ссудъ по перезалогамъ имѣній, принятыхъ банкомъ въ залогъ ранѣе 1-го мая 1897 г., ежегодный ростъ взимается въ размѣрѣ трехъ съ половиною процентовъ съ суммы пересрочиваемой части первоначальной ссуды и четырехъ процентовъ съ той части новой ссуды, которая превышаетъ указанную часть первоначальной ссуды подъ имѣніе. Плата за публикаціи о назначеніи заложенныхъ имѣній въ продажу значительно понижена. Срокъ для выкупа имѣній изъ залога Дворянскому Банку владѣльцами, не принадлежащими къ потомственному дворянству, продолженъ съ пяти до десяти лѣтъ. Соотвѣтствующія льготы предоставлены и заемщикамъ Особаго отдѣла, при переводѣ ихъ имѣній въ Дворянскій Банкъ. Въ заключеніе постановлено принять къ непремѣнному руко-

водству, что по изданіи настоящаго указа никакія дальнѣйшія измѣненія въ постановленіяхъ, относящихся къ платежамъ и всякаго рода льготамъ по ссудамъ изъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка и Особаго его отдѣла, не должны быть допущены впредь до завершенія конверсіи остающихся въ обращеніи 4½% и 4% закладныхълистовъ названнаго банка. Дополненіемъ къ Высочайшему указу 29-го мая служитъ состоявшееся, въ силу особаго Высочайшаго повелѣнія, распоряженіе министра финансовъ относительно тѣхъ заемщиковъ Дворянскаго Банка, на которыхъ лежитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, долгъ Государственному Банку по соло-векселямъ. На основаніи устава Госуд. Банка, ссуды и кредиты подъ соло-векселя съ обезпеченіемъ сельско-хозяйственными имѣніями не должны превышать, въ совокупности съ предшествующими ипотечными долгами, 75% оцѣнки имѣній. Съ причисленіемъ недоимокъ къ капитальному долгу задолженность многихъ имѣній значительно превзойдетъ эту норму. По общему правилу, это должно было бы повлечь за собою мѣры взысканія по соло-вексельной ссудѣ; но распоряженіемъ министра финансовъ предоставлено Государственному Банку воздерживаться отъ принятія такихъ мѣръ и допускать разсрочку соло-вексельнаго долга.

Въ сравненіи съ пожеланіями, неоднократно находившими выраженіе въ печати, льготы, дарованныя указомъ 29-го мая, могутъ показаться умѣренными. Пониженіемъ роста на ½% едва-ли останутся довольны тѣ, которые разсчитывали на уменьшеніе его до половины прежняго размѣра; причисленіе недоимокъ къ капитальному долгу едва ли удовлетворитъ мечтавшихъ о полномъ освобожденіи, на одинъ годъ отъ срочныхъ платежей по ссудамъ [1]). Къ совершенно иному выводу приводитъ *безотносительное* разсмотрѣніе новыхъ льготъ, т.-е. оцѣнка ихъ независимо отъ преувеличенныхъ надеждъ и ожиданій. Въ основаніи льготъ лежитъ предположеніе, что ими не нарушается „прочность финансоваго положенія“ Дворянскаго Банка. Это безспорно въ томъ смыслѣ, что Дворянскому Банку не угрожаетъ какой-нибудь кризисъ; но потерь, вслѣдствіе пониженія процента, можно ожидать не только для Банка, но и для казны [2]). Къ еще болѣе значительнымъ убыткамъ приведетъ, быть можетъ, ненормальное отношеніе, установляющееся, для многихъ имѣній, между оцѣнкой и общей суммой капитальнаго долга. Долгъ, доходящій до 90% оцѣнки, нельзя считать

[1]) См. перечень мѣръ, предлагаемыхъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 136), однимъ изъ сотрудниковъ этой газеты.

[2]) „Несомнѣнно,—говорятъ даже „Московскія Вѣдомости“ (№ 156),—что въ первое время платежи заемщиковъ не покроютъ расходовъ Банка по его обязательствамъ и по управленію. Банку придется обратиться къ позаимствованіямъ изъ запаснаго капитала, а быть можетъ и къ пособію отъ казны“.

достаточно обезпеченнымъ, тѣмъ болѣе, что цѣна заложенныхъ имѣній теперь, говоря вообще, гораздо ниже, чѣмъ въ моментъ ихъ залога. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, поэтому, что во многихъ случаяхъ покрытіе всего банковаго долга путемъ продажи имѣнія окажется недостаточнымъ, въ особенности если на имѣніи лежитъ, кромѣ долга Дворянскому Банку, еще долгъ соло-вексельный. Между тѣмъ, неисправность заемщиковъ и послѣ указа 29-го мая остается почти столь же возможной, какъ и раньше. Коренныхъ ея причинъ — непроизводительнаго употребленія ссудъ, неумѣлаго хозяйничанья и упадка цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты,—пониженіе роста на $^1/_2$% не устраняетъ; свободныя средства владѣльцевъ не увеличиваются настолько, чтобы предупредить всякія затрудненія въ исполненіи обязательствъ ихъ передъ банкомъ. Весьма часто, притомъ, уменьшеніе срочныхъ платежей, вслѣдствіе пониженія роста, будетъ уравновѣшиваться увеличеніемъ ихъ вслѣдствіе присоединенія недоимокъ къ капитальному долгу... Одна изъ петербургскихъ газетъ [1]) выражаетъ недоумѣніе, распространяется ли пониженіе процента съ 4 до $3^1/_2$ на ссуды, вновь выдаваемыя Дворянскимъ Банкомъ. Мы склоняемся къ отрицательному разрѣшенію этого вопроса, какъ въ виду буквальнаго смысла указа, относящагося только къ ссудамъ, выданнымъ до 1-го мая, такъ и въ виду того, что при позднѣйшихъ перезалогахъ сумма, превышающая пересрочиваемую часть ссуды (т.-е. вновь выдаваемая въ дополненіе къ прежней), оплачивается не $3^1/_2$, а 4%. Сбереженіе, достигаемое выпускомъ новыхъ $3^1/_2$% закладныхъ листовъ Дворянскаго Банка, будетъ, по всей вѣроятности, обращено на увеличеніе запаснаго капитала Дворянскаго Банка,—и это вполнѣ цѣлесообразно, въ виду предстоящихъ ему усиленныхъ расходовъ... Въ удлиненіи срока, предоставляемаго не-дворянамъ для выкупа имѣній изъ залога Дворянскаго Банка, та же газета видитъ „до нѣкоторой степени начало распространенія государственнаго кредита на землевладѣльцевъ остальныхъ сословій, кромѣ потомственнаго дворянства и крестьянства“. Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Самое включеніе разбираемой мѣры въ составъ указа 29 мая, направленнаго исключительно къ „облегченію дворянъ-заемщиковъ Дворянскаго Банка“, свидѣтельствуетъ о томъ, что источникъ ея слѣдуетъ искать отнюдь не въ заботѣ объ интересахъ другихъ сословій. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что она имѣетъ цѣлью увеличить спросъ на дворянскія имѣнія, продаваемыя, за долгъ Дворянскому Банку, съ публичнаго торга, и этимъ самымъ повысить покупныя цѣны, всегда прямо пропорціональныя количеству конкур-

[1]) См. „Новое Время“, № 7638.

рентовъ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ продолжительнѣе срокъ выкупа, тѣмъ меньше его обременительность для покупщика не-дворянина—тѣмъ вѣроятнѣе, слѣдовательно, что на торги явится достаточное число лицъ, и имѣніе не будетъ продано за безцѣнокъ, къ невыгодѣ какъ должника, такъ и заимодавца. Увеличивая капитальный долгъ, нужно было увеличить и шансы продажи имѣнія безъ слишкомъ большихъ потерь для Дворянскаго Банка — и вотъ, въ этихъ видахъ смягчено одно изъ препятствій, затрудняющихъ покупку заложенныхъ имѣній и способствующихъ ихъ обезцѣненію. О „началѣ распространенія государственнаго кредита“ на землевладѣльцевъ не-дворянъ и не-крестьянъ можно будетъ говорить только тогда, когда имъ будетъ дана возможность пользоваться такимъ кредитомъ въ теченіе нормальнаго періода времени и отъ собственнаго своего имени, а не на короткій срокъ, въ качествѣ случайныхъ преемниковъ владѣльца-дворянина.

Еслибы въ настоящую минуту, какъ годъ или два тому назадъ, „дворянскій вопросъ“ сводился къ улучшенію матеріальнаго быта помѣстнаго дворянства, онъ могъ бы, послѣ указа 29-го мая, считаться окончательно рѣшеннымъ. Мы знаемъ, однако, что онъ ставится, по крайней мѣрѣ въ печати, гораздо шире и что на первый планъ выдвигается „возстановленіе государственнаго значенія“ дворянскаго сословія. Съ этой точки зрѣнія льготы заемщикамъ Дворянскаго Банка являются только однимъ изъ средствъ къ достиженію цѣли, и притомъ далеко не самымъ важнымъ. Въ чемъ должны заключаться остальныя средства — это до сихъ поръ не вполнѣ ясно: руководители газетной агитаціи намѣренно ограничиваются намеками и полу-словами, выпуская впередъ только застрѣльщиковъ, съ „примѣрными“ программами дворянскихъ, будто бы, пожеланій. Объ одномъ изъ такихъ „пробныхъ шаровъ“ мы упомянули выше, по поводу льготъ заемщикамъ Дворянскаго Банка. Кромѣ сложенія платежей, въ той же программѣ намѣчены, между прочимъ, слѣдующія мѣропріятія: 1) возобновленіе дарованнаго дворянству въ 1785 г. права избирать кандидатовъ на мѣстныя административныя и судебныя должности (земскихъ начальниковъ, городскихъ судей, уѣздныхъ членовъ окружного суда, исправниковъ, инспекторовъ народныхъ училищъ); 2) упроченіе дворянскаго землевладѣнія наравнѣ съ крестьянскими надѣлами; 3)

[1]) Точно такъ же смотрятъ на спорный вопросъ и „Московскія Вѣдомости“ (№ 156); это — одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда между нами нѣтъ разногласія. Впрочемъ, и здѣсь оно есть: московская газета радуется тому, что „государственный поземельный кредитъ строго держится сословнаго принципа“, а мы, конечно, не раздѣляемъ ея радости.

надѣленіе потомственныхъ дворянъ, прослужившихъ безпорочно не меньше извѣстнаго числа лѣтъ, землею изъ казенныхъ дачъ; 4) образованіе дворянскихъ обществъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ, въ видахъ „распространенія нравственнаго вліянія потомственнаго дворянства на мѣстную государственную и выборную службу“, и 5) предоставленіе губернскимъ дворянскимъ обществамъ права учреждать за свой счетъ и на половинныхъ расходахъ съ казною общеобразовательныя среднія учебныя заведенія, военныя и гражданскія, а также и спеціальныя для воспитанія дѣтей потомственныхъ дворянъ. Итакъ, мы не ошибались, предполагая, что въ составъ „дворянскихъ мечтаній“ входитъ сосредоточеніе въ рукахъ помѣстнаго дворянства всѣхъ мѣстныхъ должностей, не исключая и требующихъ спеціальной подготовки или спеціальнаго образованія. Авторами „программъ“ забыты уроки прошедшаго, забыта поучительная исторія до-реформенныхъ дворянскихъ выборовъ, забытъ упадокъ, до котораго они довели и судъ, и полицію, и хозяйственное управленіе. Если таковы были результаты дворянскаго управленія полвѣка тому назадъ, когда задачи администраціи были гораздо менѣе сложны, численный составъ ея гораздо менѣе значителенъ, потребности населенія гораздо болѣе ограничены, то чѣмъ же оно оказалось бы теперь, при существенно измѣнившихся условіяхъ и требованіяхъ? Во что̀ обратились бы уѣздные съѣзды, еслибы мѣсто юристовъ, назначаемыхъ на должности городскихъ судей и уѣздныхъ членовъ окружного суда, заняли дворянскіе засѣдатели или уѣздные судьи redivivi? Можно было бы, конечно, установить для выборныхъ судей образовательный цензъ—но на практикѣ, за недостаткомъ удовлетворяющихъ ему кандидатовъ, онъ сплошь и рядомъ отступалъ бы на задній планъ передъ цензомъ сословнымъ, какъ болѣе важнымъ. Напрасно было бы думать, что меньшая компетентность уравновѣшивалась бы, у дворянъ-администраторовъ и судей, бо̀льшею независимостью; вѣдь дворянству предоставлено было бы только избраніе *кандидатовъ* на разныя должности, а утвержденіе ихъ оставалось бы за администраціей. Новое устройство соединяло бы въ себѣ, такимъ образомъ, всѣ недостатки бюрократіи со всѣми недостатками сословныхъ выборовъ, не имѣя ни одного изъ достоинствъ той или другой системы... „Упроченіе дворянскаго землевладѣнія“, на языкѣ газетныхъ „дворянскихъ программъ“, означаетъ свободу дворянскихъ имѣній отъ взысканій, казенныхъ и частныхъ. „Неисправные плательщики,—говоритъ авторъ разбираемаго нами проекта,—должны подвергать свои имущества опекунскому управленію, впредь до уплаты ихъ денежныхъ обязательствъ изъ доходовъ съ опекаемаго недвижимаго ихъ имущества“. А если такой способъ уплаты окажется неосуществимымъ или потребуетъ неопре-

дѣленно-продолжительнаго времени? Во что̀ обратятся тогда права кредиторовъ? Одно изъ двухъ: или привилегія, которой домогаются прожектеры, распространялась бы и на долги, существующіе въ моментъ ея установленія—и это было бы вопіющимъ нарушеніемъ принципа, по которому законъ не имѣетъ обратной силы; или она дѣйствовала бы только на будущее время—и это, до крайности затруднивъ для дворянъ-землевладѣльцевъ пользованіе частнымъ кредитомъ, повлекло бы за собою либо разореніе многихъ изъ нихъ, либо ненормальное, убыточное для казны (т.-е. для плательщиковъ налоговъ) расширеніе государственно-дворянскаго кредита. Ссылка на неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ нимало не убѣдительна. Крестьянскій надѣлъ—это, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, минимальное обезпеченіе семьи и непосредственный объектъ ея труда; продажа его за долги—все равно что продажа инструментовъ, съ помощью которыхъ рабочій добываетъ себѣ и своимъ средства къ жизни. Кредитоспособность крестьянина зависитъ гораздо меньше отъ его надѣла, чѣмъ отъ его рабочей силы. Совсѣмъ иное дѣло—помѣщичье имѣніе, въ особенности крупное или хотя бы среднее. Для сохраненія его, во что бы то ни стало, за владѣльцемъ нѣтъ ни одной изъ тѣхъ причинъ, которыми обусловливается неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ. Отдалять „ad calendas graecas“ удовлетвореніе предъявляемыхъ къ нему претензій было бы тѣмъ болѣе несправедливо, что кредиторы, въ большинствѣ случаевъ, вѣрили именно ему, а не его владѣльцу... Какимъ вредомъ для государства и народа угрожала бы раздача дворянамъ казенныхъ земель—это не требуетъ поясненій, особенно теперь, когда такъ часто слышатся указанія на быстрое оскудѣніе запаснаго земельнаго фонда, на невозможность удовлетворять изъ него переселенцевъ, гонимыхъ нуждою съ своихъ родныхъ пепелищъ. Недавній опытъ съ башкирскими землями составляетъ, повидимому, достаточную гарантію противъ повторенія той же ошибки, въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ. Напрасно гг. прожектеры напоминаютъ о „царяхъ и государяхъ, жаловавшихъ помѣстья своимъ вѣрнымъ слугамъ“; тогда было одно время, теперь другое—тогда были одни способы вознагражденія за службу, теперь существуютъ другіе. Денежное жалованье, денежныя награды, денежныя пенсіи—все это давно замѣнило помѣстную систему, и возвращеніе къ ней столь же немыслимо, какъ немыслимо возстановленіе тогдашняго отношенія между численностью служилаго класса и количествомъ свободныхъ земель... Искусственная организація дворянскихъ обществъ, тамъ, гдѣ для нихъ нѣтъ достаточнаго матеріала—т.-е. достаточнаго числа дворянъ и дворянскихъ имѣній,—оказалась бы, безъ сомнѣнія, мертворожденной; о „нравственномъ вліяніи“ ея на государственную

и мѣстную службу не могло бы быть и рѣчи уже потому, что въ ея составъ вошли бы исключительно служилые элементы. Вѣдь нельзя же предполагать, что дворяне-чиновники (а другихъ дворянъ въ Сибири и на сѣверо-восточныхъ окраинахъ Европейской Россіи нѣтъ почти вовсе), сплоченные, по распоряженію свыше, въ „дворянское общество", внезапно стали бы иными, чѣмъ были до тѣхъ поръ... Совершенно несерьезно, наконецъ, предложеніе, относящееся къ устройству дворянствомъ учебныхъ заведеній. Еслибы дворянство какой-либо губерніи предложило взять на себя половину расходовъ по открытію и содержанію училища, потребность въ которомъ несомнѣнно чувствуется въ данной мѣстности, то правительство и теперь, безъ сомнѣнія, не отказалось бы отъ покрытія другой половины; но развѣ можно ставить правительству *въ обязанность* употреблять народныя средства на устройство школъ не тамъ, гдѣ онѣ нужны, и не такихъ, какія нужны, а гдѣ и какъ удобно одному мѣстному дворянству, въ особенности если вновь открываемыя школы предназначались бы „спеціально для воспитанія дѣтей потомственныхъ дворянъ"?

Таковъ образчикъ газетныхъ „дворянскихъ прожектовъ", составляемыхъ какъ бы подъ диктовку Щедринскаго „Дневника провинціала въ Петербургѣ". Нетрудно представить себѣ, въ какой степени расплодилось бы сочинительство этого рода, еслибы существовало особое присутственное мѣсто, обязанное выслушивать сочинителей. Въ воображеніи „охранительной" прессы такое присутственное мѣсто уже готово; придумано для него и названіе—„Дворянскій Отдѣлъ" министерства внутреннихъ дѣлъ [1]). Этой „счастливой мысли" (счастливой въ смыслѣ „happy thoughts" англійскаго юмориста) посвящена недавно обширная передовая статья „Московскихъ Вѣдомостей", весьма серьезно трактующая на тему, годную только для каррикатуры или политической сатиры. Дворянскіе вопросы, если вѣрить московской газетѣ, „раскиданы повсюду", между тѣмъ какъ земскія и городскія дѣла сосредоточены въ хозяйственномъ департаментѣ, крестьянскія—въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Ходатайства, возбуждаемыя земствомъ, восходятъ на разрѣшеніе высшаго правительства, „дворянскія же остаются гдѣ-то въ пространствѣ". По поводу земскихъ ходатайствъ „возникало довольно много сложныхъ законодательныхъ работъ, дворянскія же ходатайства рѣдко даютъ какой-либо результатъ и обыкновенно вызываютъ лишь болѣе или менѣе одностороннюю и тенденціозную критику въ періодической печати". Въ многочисленныхъ всеподданнѣйшихъ адресахъ дворянства высказываются „весьма цѣнныя предположенія", имѣющія иногда государствен-

[1]) См. Post-scriptum къ нашей іюньской Общественной Хроникѣ.

ное значеніе, но они „всѣ остаются на словахъ и на бумагѣ", главнымъ образомъ потому, что „въ ряду существующихъ высшихъ правительственныхъ учрежденій нѣтъ ни одного, въ прямыя обязанности котораго входило бы занятіе дворянскими дѣлами". Все это совершенно невѣрно. Та самая роль, которую хозяйственный департаментъ играетъ въ дѣлахъ городскихъ и земскихъ, земскій отдѣлъ—въ дѣлахъ крестьянскихъ, принадлежитъ, по отношенію къ дѣламъ дворянскимъ, департаменту общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ. На практикѣ, быть можетъ, сюда поступаютъ не всѣ вопросы, возбуждаемые дворянскими собраніями,—но для сосредоточенія ихъ тамъ достаточно простого административнаго распоряженія, такъ какъ ни одно „дворянское дѣло" не можетъ миновать министерства внутреннихъ дѣлъ. „Оставаться въ пространствѣ"—если понимать подъ этимъ непріуроченіе къ опредѣленному вѣдомству,—дворянскія ходатайства не могутъ уже потому, что въ колеса нашего бюрократическаго механизма непремѣнно попадаетъ всякое „производство", гдѣ бы оно ни возникло. Если считать „остающимся въ пространствѣ" дѣло, не получающее движенія и разрѣшенія, то подъ эту формулу подойдутъ скорѣе земскія ходатайства (конечно—не всѣ), чѣмъ дворянскія; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только просмотрѣть печатаемые нѣкоторыми земствами (напр. с.-петербургскимъ) списки земскихъ ходатайствъ, по цѣлымъ годамъ или десяткамъ лѣтъ оставляемыхъ безъ отвѣта... Безспорно, земскія ходатайства чаще дворянскихъ служатъ поводомъ къ „сложнымъ законодательнымъ работамъ" но почему? Потому что земскія ходатайства не только гораздо многочисленнѣе, но — говоря вообще — гораздо шире, гораздо серьезнѣе дворянскихъ, гораздо чаще имѣютъ „государственное значеніе". Это не значитъ, однако, чтобы дворянскія ходатайства или всеподданнѣйшіе адресы оставались, обыкновенно, „на словахъ и на бумагѣ"; нѣтъ, они нерѣдко давали первый толчокъ къ крупнымъ законодательнымъ или административнымъ мѣропріятіямъ, о достоинствѣ которыхъ можно судить различно, но важность которыхъ отрицать нельзя. Изъ ходатайства симбирскаго дворянства вышла, какъ изъ зерна, вся судебно-административная реформа 1889 года; къ дворянскимъ ходатайствамъ можно свести и законъ 1886 г. о наймѣ на сельскія работы, и организацію спеціально-дворянскаго кредита, и постоянно увеличивающуюся его льготность, и, наконецъ, образованіе совѣщанія, обсуждающаго, въ настоящую минуту, „средства облегчить положеніе дворянства". Нашлись, слѣдовательно, пути, ведущіе къ цѣли, нашлись учрежденія, берущія на себя заботу о дворянскихъ интересахъ; не больше, по всей вѣроятности, сдѣлалъ бы въ этомъ направленіи и спеціальный „Дворянскій Отдѣлъ". Мотивировать его необходимость ссылкою на существованіе хозяйственнаго департамента

и земскаго отдѣла—просто смѣшно. Крестьянство, исчисляемое десятками милліоновъ, управляемое цѣлою арміей должностныхъ лицъ, имѣющее свой особый судъ, свои особые юридическіе обычаи—и дворянство, малочисленное, подчиненное общему законодательству, общему суду, общему управленію; сотни земскихъ собраній и земскихъ управъ, тысячи городовъ, мѣстечекъ, посадовъ, съ своими распорядительными и исполнительными органами — и три-четыре десятка дворянскихъ собраній [1]); безконечно сложное земское и городское хозяйство, съ многомилліонными бюджетами—и небольшая горсть дворянскихъ хозяйственныхъ учрежденій, содержимыхъ на счетъ небольшого дворянскаго сбора: все это—величины явно несоизмѣримыя. Создавать „Дворянскій Отдѣлъ“ только потому, что существуетъ отдѣлъ крестьянскій (т.-е., земскій)—все равно, что переносить цѣликомъ въ городъ съ 1—2 тысячами жителей весь громадный механизмъ столичнаго самоуправленія.

Посмотримъ, однако, какъ и чѣмъ изобрѣтатели „Дворянскаго Отдѣла“ предполагаютъ наполнить его досуги. „Вѣдать утвержденіе лицъ выборнаго дворянскаго управленія, вести правильную статистику сословія, служить органомъ для сношеній высшаго правительства съ дворянскими обществами, сосредоточить въ себѣ все, съ чѣмъ они обращаются къ высшему правительству; наконецъ, охрана сословія отъ элементовъ ему постороннихъ, забота о надлежащей организаціи воспитанія молодого поколѣнія дворянства, разработка всякаго рода мѣропріятій, необходимость которыхъ вытекаетъ изъ современной жизни сословія, и исконная попечительность о немъ государственной власти“—вотъ задачи учрежденія, проектируемаго „Московскими Вѣдомостями“. Съ нѣкоторыми изъ нихъ легко справляется департаментъ общихъ дѣлъ, другія входятъ въ кругъ дѣйствій центральнаго статистическаго комитета, третьи—въ кругъ дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія; между ними нѣтъ ни одной, которая хоть сколько-нибудь оправдывала бы новую пристройку къ зданію, безъ того уже разросшемуся свыше всякой мѣры. Организованный по вышеприведенной схемѣ, „Дворянскій Отдѣлъ“ неизбѣжно сдѣлался бы не чѣмъ инымъ, какъ складочнымъ мѣстомъ для измышленій, теперь, въ большинствѣ случаевъ, рождающихся и умирающихъ на страницахъ періодическихъ изданій. Подъ фирмою „мѣропріятій, необходимость которыхъ вытекаетъ изъ современной жизни сословія“, въ „Дворянскій Отдѣлъ“ посыпались бы, какъ изъ рога изобилія, всевозможные продукты праздныхъ фантазій, ненасытныхъ аппетитовъ, безпричинныхъ

[1]) Уѣздныя дворянскія собранія не имѣютъ, какъ извѣстно, рѣшительно никакого значенія.

тревогъ, неудовлетворенныхъ честолюбій, сословныхъ антипатій и предразсудковъ. Комизмъ разбираемаго нами проекта увеличивается тѣмъ, что, въ глазахъ его составителей, „Дворянскій Отдѣлъ“ является только первымъ, „скромнымъ“ (!) шагомъ къ болѣе крупной цѣли. „Московскія Вѣдомости“ не сомнѣваются въ томъ, что излюбленное ими учрежденіе „должно будетъ постепенно расширяться, пока, наконецъ, не приметъ формы, соотвѣтствующей своему важному назначенію“. Другими словами, „Дворянскому Отдѣлу“ предстоитъ обратиться, съ теченіемъ времени... въ „министерство дворянскихъ дѣлъ“! Лучшей reductio ad absurdum не могли бы придумать злѣйшіе противники проекта... Помимо его нелѣпости, есть еще другая причина, по которой къ нему нельзя относиться серьезно. Болѣе чѣмъ наивно думать, что шансы успѣха разныхъ дворянскихъ ходатайствъ и домогательствъ находятся въ зависимости отъ существованія или несуществованія „высшаго правительственнаго учрежденія, въ прямыя обязанности котораго входитъ занятіе дворянскими дѣлами“. Важно, съ этой точки зрѣнія, не мѣсто, куда поступаютъ ходатайства, а настроеніе, съ которымъ имъ приходится считаться. Въ до-реформенное время, въ эпоху великихъ реформъ, въ періодъ застоя, въ періодъ реакціи, устройство учрежденій, вѣдающихъ дворянскія дѣла, оставалось неизмѣннымъ, какъ остается неизмѣннымъ и теперь—а въ самомъ ходѣ „дворянскихъ дѣлъ“ совершались весьма существенныя перемѣны. Отсутствіе „Дворянскаго Отдѣла“ не уменьшало выгодъ, которыми пользовалось дворянство при крѣпостномъ строѣ, не помѣшало ему возвратить, въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, часть потерянныхъ позицій; не помѣшаетъ оно, при извѣстной совокупности условій, и дальнѣйшему росту дворянскихъ привилегій. При другихъ условіяхъ, наоборотъ, дворянство не выиграетъ ровно ничего и отъ учрежденія „Дворянскаго Отдѣла“. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что для „охранительной“ печати „Дворянскій Отдѣлъ“ важенъ не столько самъ по себѣ, сколько какъ громоотводъ, какъ боевое орудіе противъ „общероссійской дворянской организаціи“. Продолжая возставать противъ „вмѣшательства“ дворянства въ общегосударственныя дѣла и вопросы (какъ будто бы *вмѣшательство* — синонимъ легальнаго *участія*), московская газета восклицаетъ: „конечно, такое вмѣшательство въ концѣ концовъ не имѣло бы ни малѣйшаго успѣха, и самое бо́льшее, что̀ бы оно сдѣлало — оно повредило бы лишь сословію въ его государственномъ значеніи; но такой вредъ уже самъ по себѣ столь значителенъ, что одна возможность его могла бы уже послужить достаточнымъ основаніемъ воздержанія отъ учрежденія общероссійской организаціи“. Въ такой организаціи, по мнѣнію „Московскихъ Вѣдомостей“, нѣтъ, притомъ, ни малѣйшей надобности. „Само

о себѣ дворянство можетъ заботиться посредствомъ достаточно обширныхъ и обладающихъ достаточными правами и преимуществами организацій губернскихъ и уѣздныхъ; при возстановленіи же правильныхъ, основанныхъ на историческихъ традиціяхъ и на началахъ нашего государственнаго строя, отношеній правительственной власти къ дворянству и дворянскому дѣлу вообще, всѣ дѣла, касающіяся всѣхъ губерній, т.-е. общедворянскія дѣла, найдутъ себѣ достаточно энергичнаго вершителя и исполнителя въ лицѣ высшаго правительства". Изъ-за высокопарныхъ рѣчей о „государственномъ значеніи" дворянства проглядываетъ, такимъ образомъ, глубокое недовѣріе къ его политическому смыслу. Полновластіе въ одномъ направленіи предоставляется дворянству лишь подъ условіемъ полной безгласности въ другомъ. Для дворянства, какъ и для всѣхъ другихъ сословій, поклонники подобострастія не признаютъ иного девиза, кромѣ словъ поэта: „не разсуждать — повиноваться"! Вся разница въ томъ, что для „низшаго рода людей" повиновеніе проектируется двойное—передъ администраціей и передъ дворянами. И какъ наглядно выразился, въ приведенныхъ нами словахъ, *настоящій* взглядъ „охранительной" печати на корпоративную дѣятельность дворянства! Вопреки обычнымъ фразамъ о солидарности дворянства и народа, роль дворянства, какъ сословія, сводится здѣсь исключительно къ *заботѣ о самомъ себѣ*. Дворянскія собранія, ничѣмъ не связанныя между собою, устраивающія, промежъ себя, свои домашнія дѣла и воздерживающія отъ „вмѣшательства" во все остальное—т.-е. отъ обсужденія вопросовъ, важныхъ не для одного только сословія и не для одной только губерніи; мѣстное управленіе, дворянское по своему составу, бюрократическое по своей организаціи, охраняющее дворянскіе интересы и вмѣстѣ съ тѣмъ держащее остальное населеніе въ ежовыхъ рукавицахъ—вотъ картина русскаго „благоустройства", какимъ оно рисуется въ воображеніи газетныхъ „охранителей"... Замѣтимъ, во избѣжаніе недоразумѣній, что мы вовсе не стоимъ за „общероссійскую дворянскую организацію", которой такъ, повидимому, боятся „Московскія Вѣдомости"; мы думаемъ только, что даже и она была бы лучше той всеобщей приниженности, которую проповѣдуетъ московская газета.

Если, по мнѣнію газеты, приниженность — нормальное состояніе для „управляемыхъ", безъ различія сословій, то ненормальнымъ слѣдуетъ признать всякое учрежденіе, которое, не будучи составною частью администраціи, обладаетъ хоть какою-либо свободой дѣйствій или слова. Такимъ учрежденіемъ, несмотря на всѣ ограниченія и урѣзки, является земство. Господствующая роль въ земскихъ собраніяхъ, со времени изданія Положенія 1890 года, принадлежитъ дворянству—но это ничуть не примиряетъ съ ними за-

клятыхъ враговъ самостоятельности, въ чемъ бы и гдѣ бы она ни проявлялась. Въ то самое время, когда сравнительно благоразумные сторонники сословнаго строя указываютъ на расширеніе земской дѣятельности, какъ на лучшее средство поднять и укрѣпить значеніе дворянства, фанатики безправія выбиваются изъ силъ, подкапываясь подъ уцѣлѣвшіе еще устои земскихъ учрежденій. Они увѣряютъ, что „земскіе дѣятели являются совершенно независимыми отъ государственной власти и проводятъ, даже въ тѣхъ незначительныхъ дѣлахъ, которыя подлежатъ ихъ вѣденію, свою собственную политику, нерѣдко противоположную политикѣ правительствъ". Они стараются доказать, что періоды „оживленія" земской дѣятельности всегда были періодами „непростительныхъ заблужденій" со стороны правительства или, по меньшей мѣрѣ, ожиданія такихъ заблужденій. Они не хотятъ видѣть никакой разницы между „старымъ" и „новымъ" земствомъ—а такъ какъ старое земство, съ ихъ точки зрѣнія, было вредно и опасно, то отсюда само собою вытекаетъ заключеніе, неблагопріятное для новаго земства. Чтобы ознакомиться съ пріемами, употребляемыми въ этой борьбѣ, остановимся на замѣткѣ, недавно появившейся въ „Русскомъ Вѣстникѣ" (№ 6, „Современная Лѣтопись"): „Земельный кризисъ и земство". Основная мысль ея состоитъ въ томъ, что земство упорно продолжаетъ игнорировать сельско-хозяйственный кризисъ, ничѣмъ не проявляя своего участія къ людямъ земли, ничѣмъ имъ не помогая, не говоря ни слова о „тяжеломъ положеніи землевладѣльца и земледѣльца". Противопоставляя молчанію земства „громкія заявленія" дворянства, московскій журналъ приходитъ къ заключенію, что дворянство „исполняетъ свое историческое назначеніе", а земство оказывается „не на высотѣ своей задачи"; „истинные представители земли—не безсословное (?) земство, а все то же, къ счастію не упраздненное дворянство". Кто знакомъ хоть сколько-нибудь съ исторіей земской дѣятельности, тотъ не затруднится признать, вмѣстѣ съ нами, что для возстановленія истины всѣ тезисы „Русскаго Вѣстника" нужно перевернуть на изнанку. Помощь „людямъ земли" земство оказываетъ уже давно, все чаще и чаще, и притомъ не только путемъ „заявленій", т.-е. ходатайствъ, но и путемъ непосредственнаго содѣйствія, принимающаго самыя разнообразныя формы. Съ результатами, имъ въ этомъ отношеніи достигнутыми, нельзя даже и сравнивать результаты дворянскихъ домогательствъ—конечно, если разсматривать послѣднія съ точки зрѣнія „земли", т.-е. землевладѣнія и земледѣлія вообще, а не съ точки зрѣнія „спеціально-дворянскихъ" интересовъ. На сторонѣ земства—проложеніе новыхъ путей, созданіе новыхъ средствъ развитія народнаго хозяйства, пріобщеніе народной массы къ успѣхамъ сельскохозяйственныхъ знаній; на сторонѣ дворянства — настойчивость въ

испрошеніи государственной поддержки для дворянскаго землевладѣнія. Правда, земство говоритъ не такъ „громко", какъ дворянство— но только потому, что жалоба на собственную бѣду всегда звучитъ пронзительнѣе, чѣмъ указаніе на общественныя нужды. Совершенно невѣрно, наконецъ, что земство „игнорировало" и игнорируетъ переживаемый теперь Россіей сельско-хозяйственный кризисъ. Между земскими ходатайствами послѣднихъ лѣтъ, весьма многія относились именно къ этому предмету. Изъ одного только № „Недѣли" (5-го, за 1897 г.), случайно попавшагося намъ подъ руку, мы узнаемъ, напримѣръ, что симбирское губернское земское собраніе, въ послѣдней очередной сессіи, высказалось за дальнѣйшее уменьшеніе государственнаго поземельнаго налога, за пониженіе процентовъ по кредиту подъ соло-векселя, за сложеніе пошлинъ съ земледѣльческихъ машинъ и орудій; о послѣднемъ возбудили также ходатайство губернскія собранія самарское и саратовское. Въ томъ же № „Недѣли" напечатано слѣдующее: „Лѣтомъ 1896 г. саратовское губ. земское собраніе постановило просить губ. предводителя дворянства ходатайствовать передъ Его Величествомъ объ облегченіяхъ по выдачѣ ссудъ землевладѣльцамъ подъ хлѣбное зерно. Губернское по земскимъ дѣламъ присутствіе признало это постановленіе незаконнымъ, такъ какъ подобный порядокъ ходатайства разрѣшается только дворянскимъ, а не земскимъ собраніямъ. Собраніе, находя, что земствамъ не воспрещено ходатайствовать чрезъ посредство частныхъ лицъ, постановило обжаловать постановленіе присутствія Прав. Сенату". Рекомендуемъ это небольшое сообщеніе вниманію „Русскаго Вѣстника": оно покажетъ ему, что земство не забываетъ о сельско-хозяйственномъ кризисѣ, но въ своемъ стремленіи облегчить его тягость встрѣчаетъ иногда неожиданныя препятствія...

Во всей полемикѣ, возбужденной новымъ фазисомъ „дворянскаго вопроса", для самозванныхъ защитниковъ дворянства нѣтъ, безъ сомнѣнія, ничего болѣе непріятнаго, чѣмъ статьи Б. Н. Чичерина, появляющіяся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" и составляющія большую заслугу какъ автора, такъ и газеты. Почтенный ученый неуязвимъ для обычныхъ оружій реакціонной печати; попытка заподозрить его въ какомъ-нибудь „*измѣ*" заранѣе обречена на неудачу; столь же немыслимо и обвиненіе его въ легкомысліи, въ невѣжествѣ. Правда, въ словахъ г. Чичерина: „сословный строй, характеризующій извѣстную эпоху общественнаго развитія, уступаетъ мѣсто иному гражданскому порядку, основанному на общей свободѣ и равенствѣ всѣхъ передъ закономъ"—„Московскія Вѣдомости" (№ 151) усматриваютъ „робкую перифразу тѣхъ же *великихъ началъ первой французской революціи*, которыя лежатъ въ основаніи всѣхъ политическихъ,

соціалистическихъ и анархическихъ агитацій въ Западной Европѣ"; но это говорится больше въ силу рутины, безъ обычнаго задора, съ смутнымъ сознаніемъ, что „революціонными принципами" г. Чичерина нельзя запугать даже самую трусливую и легковѣрную часть публики. Газетѣ хотѣлось бы, можетъ быть, подсказать читателямъ слѣдующее заключеніе: „велика, однако, опасность и власть революціонныхъ принциповъ, если они подчинили себѣ *даже* г. Чичерина",—но гораздо больше шансовъ, какъ намъ кажется, на сторонѣ другого вывода: „если извѣстные принципы усвоены г. Чичеринымъ, то это значитъ, что въ нихъ нѣтъ ничего революціоннаго". И въ самомъ дѣлѣ, та „общая свобода", которую г. Чичеринъ противополагаетъ крѣпостнымъ порядкамъ, далеко не то же самое, что liberté въ трехчленной формулѣ 1789 г., а равенство всѣхъ *передъ закономъ* еще менѣе похоже на революціонную égalité. Статьи г. Чичерина цѣнны именно какъ доказательство тому, что отрицаніе сословнаго строя—или, лучше сказать, отрицаніе его неизбѣжности и неизмѣнности—не имѣетъ ничего общаго съ „потрясеніемъ основъ", съ разрушительными, противогосударственными стремленіями. Въ устахъ писателя, консервативнаго по преимуществу—но консервативнаго въ лучшемъ смыслѣ слова, давно забытомъ нашею мнимо-консервативною печатью,—упрекъ въ отсталости, обращенный къ защитникамъ дворянства (по словамъ г. Чичерина, они „пробавляются миражами отжившихъ порядковъ и стоятъ спиной къ современности"), пріобрѣтаетъ совершенно особое значеніе. То же самое можно сказать и объ уничтожающемъ отпорѣ, противопоставляемомъ г. Чичеринымъ банальной ссылкѣ на національную самобытность. Эта ссылка, говоритъ г. Чичеринъ, дѣлалась „всякій разъ, какъ затрогивалось какое-нибудь устарѣлое учрежденіе, которое нужно было замѣнить инымъ, болѣе согласованнымъ съ требованіями образованнаго быта. Постоянно эти отжившія свой вѣкъ учрежденія выдавались за чисто-русскія, которыя непремѣнно слѣдуетъ сохранить; но всякій разъ оказывалось, что то, что̀, при незнаніи, выставлялось своеобразнымъ произведеніемъ русской жизни, въ дѣйствительности давно было извѣстно другимъ и представляетъ только низшую ступень общественнаго развитія". Нетрудно вообразить себѣ, какое раздраженіе вызываютъ эти слова въ противникахъ г. Чичерина. Отчаяваясь набросить тѣнь на его „благонадежность" (хотя и роняя, мимоходомъ, такія фразы: „Б. Н. Чичеринъ можетъ, очевидно, сколько ему угодно исповѣдывать *великіе революціонные принципы*), они пытаются уличить его въ противорѣчіи съ самимъ собою. „Б. Н. Чичеринъ,—читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ",—почему-то не хочетъ *мыслить до конца*. Онъ откровенно признаетъ идеалы всеобщаго равенства конечною цѣлью человѣческаго прогресса, но въ

то же время не желаетъ *мирной кончины* дворянства. Нѣтъ, онъ желаетъ, чтобы русское дворянство выдѣлило изъ себя какое-то *воспитанное имъ здоровое ядро*, которое должно служить центральнымъ элементомъ для новыхъ формацій". Никакой непослѣдовательности въ желаніяхъ г. Чичерина, очевидно, нѣтъ. *Конечная* цѣль сплошь и рядомъ не совпадаетъ съ *ближайшей*. Если г. Чичеринъ находитъ, что въ средѣ дворянства есть еще не мало здоровыхъ, свѣжихъ силъ, онъ можетъ, оставаясь вѣрнымъ самому себѣ, разсчитывать на ихъ коллективную работу, какъ на одно изъ средствъ желаннаго прогресса. Для дворянъ, раздѣляющихъ взгляды г. Чичерина, нѣтъ ни малѣйшей надобности отказываться отъ дворянскаго званія (какъ на томъ настаиваетъ московская газета, забывая или не желая знать, что законныхъ путей къ такому отказу у насъ не существуетъ). Продолжая принимать участіе въ дворянскихъ собраніяхъ, они могутъ и тамъ открыто высказывать свои мнѣнія, не переходя „въ разрядъ политическихъ лицемѣровъ". Мы видѣли еще недавно [1]), что въ средѣ дворянъ и даже предводителей дворянства далеко не всѣ идутъ на буксирѣ „Гражданина" и „Московскихъ Вѣдомостей"—и именно въ этихъ „отщепенцахъ" и „ренегатахъ" заключается, быть можетъ, главная сила дворянскаго сословія.

Реакціонная печать очень озабочена незамѣщеніемъ вакансіи, открывшейся за смертью П. В. Оржевскаго; она опасается, повидимому, совершеннаго упраздненія должности виленскаго генералъ-губернатора. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№№ 147 и 149) появилась обширная статья г. Волынца, направленная къ предупрежденію такого бѣдствія. Указывая на то, что генералъ-губернаторства существуютъ на всѣхъ окраинахъ Россіи и что объ уничтоженіи ихъ *вообще* никто не говоритъ, авторъ утверждаетъ, что въ сѣверо-западномъ краѣ должность генералъ-губернатора особенно необходима, такъ какъ здѣсь „не только нравственное, какъ въ бѣлорусскихъ и юго-западныхъ губерніяхъ, но и численное даже преобладаніе на сторонѣ враждебныхъ Россіи и русской культурѣ элементовъ", нѣсколько ослабѣвшихъ, сравнительно съ шестидесятыми годами, только благодаря дѣятельности генералъ-губернаторовъ. Систематичность и цѣлесообразность дѣйствій губернаторовъ и всей вообще губернской администраціи возможны лишь тогда, когда „исходнымъ для нихъ пунктомъ является одно лицо, облеченное высшею властью, пользующееся высокимъ авторитетомъ и притомъ посвященное въ

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ №№ 3 и 4 „В. Европы" 1897.

такія детали и тонкости мѣстныхъ отношеній, которыя для центральныхъ правительственныхъ органовъ совершенно недоступны". Напрасно говорятъ, что широкія полномочія генералъ-губернатора, съ вытекающими изъ нихъ экстренными мѣрами, искусственно держатъ край въ исключительномъ боевомъ положеніи; наоборотъ, они способствуютъ его умиротворенію, и безъ нихъ наступила бы „полная вакханалія, среди которой русскимъ людямъ совсѣмъ нельзя было бы жить". Невѣрно и то, что власть генералъ-губернатора обезличиваетъ губернаторовъ, стѣсняетъ ихъ иниціативу; это бывало только при неудачномъ выборѣ генералъ-губернатора. Если въ Прибалтійскомъ краѣ упраздненіе генералъ-губернаторства „не затруднило успѣшнаго выполненія объединительныхъ реформъ", то это объясняется близостью его къ Петербургу, „дающею возможность непосредственнаго отношенія центральной власти къ мѣстнымъ дѣламъ и вопросамъ". Если губерніи могилевская, минская и витебская могли быть, безъ вреда для дѣла, изъяты изъ вѣденія генералъ-губернатора, то только потому, что „эти губерніи, по составу населенія, чисто-русскія и православныя"... По характеру защиты можно судить, до извѣстной степени, о свойствѣ защищаемаго дѣла. Генералъ-губернаторства существуютъ, во-первыхъ, не на *всѣхъ* окраинахъ Россіи; ихъ нѣтъ не только въ прибалтійскомъ, но и въ новороссійскомъ краѣ, еще недавно находившемся въ вѣденіи генералъ-губернатора и гораздо болѣе отдаленномъ отъ Петербурга, чѣмъ сѣверо-западный. Если необходимость въ генералъ-губернаторствѣ устраняется близостью къ столицѣ, то въ этомъ отношеніи сѣверо-западный край ничѣмъ почти не отличается отъ прибалтійскаго; до Вильны столько же часовъ ѣзды, какъ и до Риги — да и что̀ значитъ разница въ 100—200 верстъ при теперешнихъ телеграфныхъ и желѣзнодорожныхъ сообщеніяхъ? „Деталей и тонкостей" „мѣстныя отношенія" въ остзейскихъ губерніяхъ представляютъ, безъ сомнѣнія, отнюдь не меньше, чѣмъ въ сѣверо-западныхъ, и однако это не вызываетъ потребности въ возстановленіи остзейскаго генералъ-губернаторства. Въ сравненіи съ губерніями виленской и ковенской, губерніи витебская, могилевская и минская, гдѣ нѣтъ генералъ-губернатора, дѣйствительно могутъ быть названы русскими и православными; но въ гродненской губерніи отношеніе между православными (причисляя сюда и раскольниковъ) и католиками (827 тыс. и 384 тыс.) почти такое же, какъ въ витебской (769 тыс. и 320 тыс.). Неужели, притомъ, религія и національность могутъ служить, сами по себѣ, достаточнымъ оправданіемъ чрезвычайныхъ полномочій? Все *чрезвычайное*, подъ опасеніемъ внутренняго противорѣчія, должно быть *временнымъ*, т.-е. зависѣть отъ временныхъ, скоропреходящихъ обстоятельствъ — а религія и

національность даннаго населенія не измѣняются вовсе или измѣняются крайне медленно. Остается, затѣмъ, только одинъ аргументъ, почерпнутый изъ враждебнаго настроенія сѣверо-западныхъ губерній. Допустимъ, что такое настроеніе существуетъ (хотя съ этимъ не вяжется ни отмѣна особаго процентнаго сбора, ни многое другое); какъ опредѣлить, на сколько оно обусловливается именно тѣми „чрезвычайными полномочіями", которыя признаются необходимыми для его подавленія? Нѣтъ ли здѣсь заколдованнаго круга, изъ котораго только одинъ выходъ—забвеніе прошлаго, не какъ историческаго урока, а какъ источника „мѣропріятій"? Намъ скажутъ, быть можетъ, что „чрезвычайными полномочіями" облечены не одни генералъ-губернаторы и что лучшей гарантіей противъ „экстренныхъ мѣръ" является перемѣна не въ административномъ устройствѣ, а въ руководящихъ началахъ административной дѣятельности. Этого отрицать нельзя—но столь же несомнѣнно и то, что *организація* власти отражается, въ бо́льшей или меньшей степени, и на *способѣ пользованія* ею. Въ общемъ ходѣ управленія генералъ-губернаторство давно уже признано инстанціей ненужной; обычное теченіе дѣлъ не требуетъ вмѣшательства генералъ-губернатора—и еслибы онъ пересталъ пускать въ ходъ свои „чрезвычайныя полномочія", то скоро почувствовалъ бы себя совершенно излишнимъ. Иное дѣло—губернаторъ; у него есть *нормальный* кругъ дѣйствій, весьма обширный, и для проявленія энергіи ему нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ „экстреннымъ мѣрамъ". Достаточнымъ соединительнымъ звеномъ между губернаторами служитъ центральная власть, нимало, при обыкновенныхъ условіяхъ, не нуждающаяся въ посредничествѣ генералъ-губернатора... Само собою разумѣется, что все сказанное нами примѣнимо не къ одному виленскому генералъ-губернаторству; мы заговорили о немъ только въ виду случайной причины, поставившей на очередь вопросъ о его упраздненіи. Сомнѣніе можетъ возникнуть только относительно генералъ-губернаторствъ на нашей азіатской границѣ или, по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ изъ нихъ, гдѣ трудно обойтись безъ соединенія въ однѣхъ рукахъ гражданской и военной власти. На западѣ имперіи такое соединеніе давно уже не считается безусловно необходимымъ,— и это значительно облегчаетъ здѣсь переходъ къ общему порядку [1]).

---

[1]) Эти строки были уже отданы въ печать, когда до насъ дошла третья статья г. Волынца на ту же тему („Моск. Вѣдом.", № 157). Она раскрываетъ важнѣйшій мотивъ настойчивости, съ которою рекомендуется сохраненіе и скорѣйшее замѣщеніе должности виленскаго генералъ-губернатора: онъ „нуженъ", главнымъ образомъ, для того, чтобы помѣшать введенію въ сѣверо-западномъ краѣ земскихъ учрежденій

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ „Вѣстникѣ Финансовъ, промышленности и торговли“ напечатанъ составленный особою коммиссіею проектъ положенія объ устройствѣ и содержаніи промышленныхъ заведеній и о надзорѣ за производствомъ въ нихъ работъ —напечатанъ съ цѣлью вызвать замѣчанія, особенно со стороны земскихъ и городскихъ учрежденій. На этотъ вызовъ отозвалось, между прочимъ, с.-петербургское земство. С.-петербургская губернская земская управа, вмѣстѣ съ губ. санитарной коммиссіей, представила губернскому земскому собранію докладъ, въ которомъ, отдавая справедливость хорошимъ сторонамъ проекта, рельефно выставила на видъ его существенныя неудобства и главныя средства къ ихъ устраненію. Губернское собраніе, соглашаясь съ мнѣніемъ управы, высказалось за всѣ предложенныя ею поправки. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что однородныя возраженія сдѣланы или будутъ сдѣланы противъ проекта и многими другими органами самоуправленія: слишкомъ уже рѣзко онъ идетъ въ разрѣзъ съ указаніями жизни и съ потребностями населенія. Еще раньше обнародованія проекта опасность, которою онъ грозитъ, была замѣчена спеціальной прессой. „Общественно-Санитарное Обозрѣніе“ (очень дѣльный журналъ общественной медицины и гигіены, выходящій въ Петербургѣ съ 1896 г.) посвятило этому вопросу рядъ статей, заслуживающихъ самаго серьезнаго вниманія [1]). Отсылая къ нимъ тѣхъ читателей, которые желали бы ознакомиться подробно съ постановленіями проекта, укажемъ только главные пункты спора. Ближайшій надзоръ за устройствомъ и содержаніемъ промышленныхъ заведеній и за производствомъ въ нихъ работъ возлагается проектомъ на губернское по дѣламъ промышленности присутствіе (для столицъ и другихъ большихъ городовъ замѣняемое столичнымъ или городскимъ), состоящее, подъ предсѣдательствомъ губернатора (градоначальника, оберъ-полиціймейстера), изъ вице-губернатора, двухъ фабричныхъ инспекторовъ, губернскихъ врачебнаго инспектора и инженера (или архитектора), представителя прокуратуры, начальника жандармскаго управленія, двухъ членовъ отъ земства (въ томъ числѣ предсѣдатель губ. зем. управы), двухъ членовъ отъ города (въ томъ числѣ городской голова), и представителей отъ фабрикантовъ и ремесленниковъ, въ числѣ не болѣе пяти. Всѣ выборные члены присутствія утверждаются въ должности губернскимъ начальствомъ. Надъ губернскими присутствіями стоитъ совѣтъ по дѣламъ промышленности, съ особымъ при немъ присутствіемъ. Совѣтъ образуется,

(противъ котораго возставалъ покойный П. В. Оржевскій) или, по меньшей мѣрѣ, настоять на измѣненіи ихъ „сообразно особенностямъ мѣстнаго быта и преслѣдуемымъ здѣсь государственнымъ задачамъ“.

[1]) №№ 13, 14, 16, 22, 23 за 1896 г.; см. также № 15 „Врача“ за 1897 г.

подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ или его товарища, изъ предсѣдателя особаго присутствія, еще четырехъ членовъ отъ министерства финансовъ, пяти членовъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ (въ томъ числѣ одинъ членъ медицинскаго совѣта), членовъ (по одному) отъ министерствъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, юстиціи, путей сообщенія, военнаго и морского, трехъ представителей технологическаго института, начальника института экспериментальной медицины, профессора гигіены въ военно-медицинской академіи, членовъ отъ фабрикантовъ и заводчиковъ, избираемыхъ мѣстными совѣщательными по части торговой и мануфактурной промышленности учрежденіями, въ числѣ двухъ отъ каждаго изъ столичныхъ учрежденій и по одному отъ остальныхъ—и, наконецъ, почетныхъ членовъ изъ числа лицъ, знакомыхъ, по служебной, ученой или практической ихъ дѣятельности, съ нуждами и условіями промышленности или техники. Въ составъ особаго присутствія входятъ члены совѣта отъ министерствъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, земледѣлія и юстиціи, четыре члена по выбору совѣта (въ томъ числѣ по крайней мѣрѣ двое изъ фабрикантовъ и заводчиковъ) и лица, особо назначенныя изъ среды совѣта по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ. Совѣту по дѣламъ промышленности предоставляется, между прочимъ, опредѣлять категоріи промышленныхъ заведеній, для устройства которыхъ безусловно необходимо предварительное разрѣшеніе (по отношенію къ остальнымъ предполагается допустить порядокъ явочный, т.-е. открытіе безъ испрошенія разрѣшенія); составлять разнаго рода обязательныя правила (о наймѣ рабочихъ, объ охраненіи ихъ жизни, здоровья и нравственности, о поданіи имъ врачебной помощи и т. д.); разрѣшать протесты и жалобы на постановленія губернскихъ присутствій (правомъ протеста проектъ облекаетъ предсѣдателя присутствія, старшаго фабричнаго инспектора, какъ непремѣннаго его члена, и представителя прокуратуры). Губернскія присутствія уполномочены издавать обязательныя постановленія о примѣненіи къ данной мѣстности законовъ и общихъ правилъ, установленныхъ совѣтомъ по дѣламъ промышленности; выдавать разрѣшенія на открытіе тѣхъ заведеній, которыя не могутъ быть открыты въ явочномъ порядкѣ; опредѣлять условія, которыя должны быть соблюдены предпринимателемъ для предупрежденія вреда, опасности или значительнаго безпокойства окрестному населенію и опасности для жизни или здоровья рабочихъ; возбуждать преслѣдованія противъ виновныхъ въ несоблюденіи законовъ, правилъ или обязательныхъ постановленій, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—и налагать на нихъ взысканія.

Соотвѣтствуетъ ли задачамъ новыхъ учрежденій ихъ личный составъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ намѣченъ проектомъ? „Общественно-

Санитарное Обозрѣніе“ и с.-петербургское губернское земство разрѣшаютъ этотъ вопросъ отрицательно—и, какъ намъ кажется, совершенно правильно. Въ самомъ дѣлѣ, врачи, участвующіе въ совѣтѣ по дѣламъ промышленности, имѣютъ другія сложныя обязанности, и разсчитывать на энергичную дѣятельность ихъ въ совѣтѣ довольно трудно. Въ составѣ особаго присутствія при совѣтѣ врачей будетъ еще меньше, а можетъ и не быть вовсе (если понимать проектъ въ томъ смыслѣ, что министерство внутреннихъ дѣлъ будетъ представлено въ особомъ присутствіи только *однимъ* членомъ); между тѣмъ, представителей фабрикантовъ въ особомъ присутствіи будетъ не менѣе двухъ, а въ самомъ совѣтѣ ихъ будетъ гораздо больше, чѣмъ представителей медицины и гигіены. Вовсе не представлены въ совѣтѣ земскія и городскія учрежденія, такъ много сдѣлавшія и продолжающія дѣлать для санитарнаго надзора за промышленными заведеніями. По справедливому замѣчанію с.-петербургской губ. земской управы, ничто не мѣшало бы включить въ составъ совѣта нѣсколькихъ членовъ отъ земскихъ собраній и городскихъ думъ, тѣмъ болѣе, что очередная сессія совѣта будетъ происходить только одинъ разъ въ годъ. Столь же необходимо было бы призвать въ составъ губернскихъ присутствій земскихъ и городскихъ санитарныхъ врачей, какъ въ видѣ противовѣса вліянію фабрикантовъ, такъ и потому, что проектъ вводитъ въ присутствіе только *одного* врача (врачебнаго инспектора), могущаго, притомъ, и не быть спеціалистомъ по санитарной части [1]). Врачебному инспектору спб. губ. земство предлагаетъ предоставить право протеста на постановленія присутствія. Съ этимъ мы согласиться не можемъ. Врачебный инспекторъ—лицо, непосредственно подчиненное губернатору; если онъ съумѣетъ убѣдить губернатора въ правильности своего мнѣнія, то протестъ будетъ предъявленъ губернаторомъ—а въ противномъ случаѣ врачебный инспекторъ едва-ли рѣшится пойти въ разрѣзъ съ своимъ начальникомъ. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы допустить протестъ со стороны предсѣдателя губ. земской управы или городского головы, смотря по тому, касается ли спорный вопросъ мѣстностей сельскихъ или городскихъ.—Еще во время составленія проекта такіе авторитеты въ вопросахъ гигіены и фабричнаго надзора, какъ Ѳ. Ѳ. Эрисманъ и И. И. Янжулъ, высказались за учрежденіе *уѣздныхъ* присутствій по дѣламъ промышленности. Отвергнутая коммиссіей, эта мысль была поддержана спб. губ. земствомъ. И дѣйствительно, губернскія присутствія, при значительности нашихъ разстояній, очевидно не могутъ замѣнить собою уѣздныхъ во всемъ томъ,

[1]) Фабричные инспектора въ послѣднее время весьма рѣдко назначаются изъ среды врачей; значительное ихъ большинство—техники по образованію.

что касается условій открытія промышленныхъ заведеній и наблюденія за ихъ дѣйствіями. Большихъ практическихъ неудобствъ слѣдуетъ ожидать, наконецъ, отъ осуществленія предположеній проекта, относящихся къ изданію мѣстныхъ обязательныхъ постановленій. Намъ кажется, что изданіе такихъ постановленій, по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ кругъ вѣдомства городскихъ и земскихъ учрежденій, слѣдовало бы предоставить городскимъ думамъ и земскимъ собраніямъ, и только въ случаѣ ихъ доказаннаго бездѣйствія—органамъ администраціи или присутствіямъ смѣшаннаго состава; иначе всегда возможно противорѣчіе между различными постановленіями или нарушеніе мѣстныхъ интересовъ.

PS. Наше обозрѣніе было уже отдано въ печать, когда въ газетахъ появилось Высочайше утвержденное 2-го іюня мнѣніе Государственнаго Совѣта о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности. На основаніи этого закона, для рабочихъ, занятыхъ исключительно въ дневное время, рабочее время не должно превышать $11^1/_2$ часовъ въ сутки, а по субботамъ и въ кануны большихъ праздниковъ—десяти часовъ. Для рабочихъ, занятыхъ хотя бы отчасти, въ ночное время (ночнымъ временемъ считается, при работѣ одною смѣною, время между девятью часами вечера и пятью часами утра, при работѣ двумя и болѣе смѣнами — время между десятью часами вечера и четырьмя часами утра), рабочее время не должно превышать десяти часовъ въ сутки. По взаимному соглашенію завѣдывающаго промышленнымъ заведеніемъ и рабочихъ, послѣдніе могутъ быть занимаемы работою въ воскресный день взамѣнъ будничнаго. Сверхъурочною работою считается работа, производимая рабочимъ въ промышленномъ заведеніи въ такое время, когда, по правиламъ внутренняго распорядка, ему не полагается работать. Сверхъурочныя работы допускаются не иначе, какъ по особому соглашенію завѣдывающаго промышленнымъ заведеніемъ съ рабочимъ. Въ договоръ найма могутъ быть включаемы условія только о такихъ сверхъурочныхъ работахъ, которыя оказываются необходимыми по техническимъ условіямъ производства. Подлежащимъ министрамъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставлено издавать правила и инструкціи о распредѣленіи рабочаго времени, порядкѣ смѣнъ, производствѣ сверхъурочныхъ работъ и допускать, въ важныхъ случаяхъ, отступленія отъ закона какъ въ смыслѣ усиленія, такъ и въ смыслѣ уменьшенія его требованій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1897 г.

Юбилей королевы Викторіи и его политическое значеніе.— Постепенный ростъ демократіи и усиленіе монархическихъ чувствъ въ Англіи въ истекшее шестидесятилѣтіе. — Главные итоги царствованія. — Министерскія перемѣны въ Германіи.— Сѣверо-американская политика.

Англичане праздновали юбилей своей королевы, и это мирное торжество само собою приняло размѣры крупнаго политическаго событія. Англія представила міру глубоко поучительное зрѣлище, которое для многихъ должно было показаться откровеніемъ. Это не было простое оффиціальное празднество, обставленное болѣе или менѣе блестящимъ образомъ, при обычномъ пассивномъ участіи восторженной народной толпы, въ родѣ тѣхъ эффектныхъ спектаклей, которые умѣла съ такимъ искусствомъ устраивать французская полиція временъ Наполеона III; это было сознательное торжество великой націи, съ гордостью привѣтствующей, въ лицѣ королевы, свое собственное величіе и могущество, свои культурные и политическіе успѣхи въ различныхъ частяхъ свѣта. Можно даже сказать, что это былъ праздникъ англосаксонской расы, разсѣянной по земному шару и объединенной общими чувствами и традиціями. Многочисленныя британскія колоніи, фактически независимыя отъ метрополіи и ея правительства, съ свободнымъ воодушевленіемъ выразили по этому поводу свою солидарность съ Англіею и придали „брильянтовому юбилею“ своеобразный блескъ и внушительное значеніе личнымъ участіемъ своихъ руководящихъ министровъ и уполномоченныхъ, равно какъ и присылкою въ Лондонъ особыхъ колоніальныхъ военныхъ отрядовъ. Все сильнѣе выступаетъ на первый планъ идея великаго британскаго союза, политическаго и военнаго, обнимающаго сотни милліоновъ населенія на почвѣ общихъ культурныхъ интересовъ подъ единою властью англичанъ. Новая федеративная имперія показывается на горизонтѣ, и если она осуществится, если изъ давнишней мечты британскихъ патріотовъ она превратится въ дѣйствительность, то это будетъ всецѣло результатъ шестидесяти-лѣтняго царствованія королевы Викторіи.

Въ континентальной Европѣ привыкли думать, что королевская власть не играетъ большой роли въ Англіи, такъ какъ она ограничена парламентомъ и общественнымъ мнѣніемъ, и что страною управляютъ вожди партій, прикрывающіеся лишь номинальнымъ автори-

тетомъ короны. Консервативные публицисты обыкновенно ссылаются на упадокъ монархическаго принципа въ современной Великобританіи, какъ на неизбѣжное, будто бы, послѣдствіе народныхъ вольностей и представительныхъ учрежденій. Недавніе юбилейные дни краснорѣчиво и наглядно разоблачили предъ иностранцами всю ошибочность этихъ ходячихъ, рутинныхъ понятій. Никакой западно-европейскій монархъ не пользовался такимъ всеобщимъ, единодушнымъ поклоненіемъ, какъ королева Викторія, и никогда еще великій культурный народъ не высказывалъ своихъ монархическихъ чувствъ съ такою сознательною силою и искренностью, съ такою сердечностью и прямотою, какъ свободолюбивые англичане. Народныя манифестаціи, выпавшія на долю престарѣлой королевы, далеко оставили за собою тѣ театральныя сцены внѣшняго обожанія, которыя удовлетворяли Людовика XIV. Здѣсь не было мѣста побужденіямъ страха или лести, мотивамъ корыстолюбія и тщеславія; королеву чествовали грандіознѣйшія собранія людей и гражданъ, проникнутыхъ твердымъ сознаніемъ своего человѣческаго достоинства и своихъ національныхъ правъ. Популярность въ лучшемъ и высшемъ смыслѣ этого слова, преданность и любовь подданныхъ, всеобщее безусловное уваженіе, безъ малѣйшихъ заднихъ мыслей,— все это окружаетъ послѣдніе годы царствованія королевы Викторіи спокойною, чистой атмосферою, какой не было и не могло быть около трона въ минувшія эпохи. Чего еще желать монарху, поставленному во главѣ міровой державы? Неужели при этихъ условіяхъ можно говорить объ упадкѣ авторитета и обаянія королевской власти? Королева чувствуетъ и видитъ, что тронъ ея стоитъ крѣпче, чѣмъ когда-либо, и что онъ не нуждается ни въ какихъ искусственныхъ подпоркахъ; она вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ, за что ей поклоняется великая англійская нація, почему ее превозноситъ свободное общественное мнѣніе, и конечно, она не промѣняла бы своего мнимаго политическаго безсилія на обманчивое могущество Людовика XIV или Наполеона III, поддерживаемое угнетеніемъ, скрытымъ неудовольствіемъ и безгласностью народа.

Когда королева вступила на престолъ, 20-го іюня 1837 года, восемнадцати лѣтъ отъ роду,—основы монархіи были дѣйствительно подорваны въ Англіи. Ганноверскій домъ, воцарившійся съ 1714 года въ лицѣ курфюрста Георга, правнука Якова I по женской линіи, не пользовался народными симпатіями и какъ бы намѣренно подготовлялъ почву для республики. Первые два Георга были просто ничтожествами и оставались иностранцами на англійскомъ престолѣ; Георгъ III, сохранявшій власть болѣе полустолѣтія, упорно слѣдовалъ примѣру Стюартовъ, боролся съ народомъ и его лучшими представителями во имя привилегій короны, чѣмъ причинилъ странѣ неисчислимыя бѣд-

ствія, и окончилъ свою жизнь въ формальномъ сумасшествіи. Георгъ III не только царствовалъ, но и управлялъ, стараясь по возможности противодѣйствовать парламенту и обходиться безъ помощи популярныхъ министровъ. „Въ теченіе первыхъ лѣтъ своего царствованія,— говоритъ историкъ Гринъ, — ему удалось сдѣлать правительство совершенно безсильнымъ и превратить преданность своихъ подданныхъ въ недовольство. Прежде чѣмъ прошло двадцать лѣтъ, онъ принудилъ американскія колоніи къ возстанію и провозглашенію независимости и привелъ Англію чуть не на край гибели. Подобныя вещи дѣлались иногда великими государственными людьми, и еще чаще очень дурными и безпутными людьми; но Георгъ не былъ ни великимъ, ни безпутнымъ человѣкомъ. Онъ былъ глупѣе всѣхъ раньше его царствовавшихъ королей Англіи, кромѣ развѣ одного Якова II; онъ получилъ плохое воспитаніе; его природныя способности были не изъ особенно выдающихся. Онъ не обладалъ къ тому же и способностью пользоваться для своихъ цѣлей болѣе умными людьми,— чѣмъ нѣкоторые правители умѣли часто маскировать свое собственное ничтожество. Наоборотъ, къ умнымъ людямъ онъ чувствовалъ только зависть и ненависть. Но какъ ни тупъ и мелоченъ былъ Георгъ III, онъ ясно сознавалъ свои цѣли и упорно преслѣдовалъ ихъ. А цѣлью его было желаніе управлять". Стремленіе къ этой цѣли погрузило Англію въ хаосъ политическихъ и общественныхъ безпорядковъ, благодаря которымъ первые годы его царствованія представляются самымъ грустнымъ и унизительнымъ періодомъ англійской исторіи" (Исторія англійскаго народа, р. перев., т. IV, стр. 161—2). Съ 1811 года король перестаетъ управлять не только государствомъ, но и своею собственною личностью, хотя и продолжаетъ жить; онъ умеръ въ 1820 году, оставивъ старыхъ уже и бездѣтныхъ сыновей и одну внучку въ колыбели, отъ умершаго незадолго предъ тѣмъ четвертаго сына, герцога Кентскаго. Принцъ Уэльскій, бывшій регентомъ во время помѣшательства отца, сдѣлался королемъ въ возрастѣ 58 лѣтъ; онъ началъ свое царствованіе публичнымъ процессомъ противъ своей жены, королевы Каролины, которую обвинялъ въ нарушеніи супружеской вѣрности,—хотя ей было уже 52 года. Скандальное дѣло разбиралось предъ палатою лордовъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ; обвиняемую защищалъ между прочимъ знаменитый лордъ Бругамъ, и королева была оправдана. Тѣмъ не менѣе Георгъ IV не допустилъ ее къ коронованію, и она умерла отъ незаслуженныхъ и постыдныхъ гоненій. Послѣ его смерти въ 1830 году вступилъ на престолъ братъ его герцогъ Кларенскій, Вильгельмъ IV, 65 лѣтъ отъ роду; оба послѣдніе короля не претендовали уже на общественное уваженіе, такъ какъ большую часть своей жизни провели въ личныхъ

удовольствіяхъ и мало интересовались чувствами и взглядами публики. Ихъ не занимали хлопотливыя государственныя дѣла; они охотно предоставляли рѣшеніе ихъ парламентскимъ партіямъ, ихъ вождямъ и министрамъ, и этимъ косвенно оказали большую услугу Англіи. Прекратилась по крайней мѣрѣ безплодная внутренняя борьба, наполнявшая долгое царствованіе Георга III, и если этотъ король игралъ еще значительную—хотя и крайне печальную—роль въ политикѣ страны, то преемники его, Георгъ IV и Вильгельмъ IV, можно сказать, вовсе не существуютъ для англійской исторіи: имена ихъ даже не упоминаются при изложеніи событій, волновавшихъ Англію въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Монархическій принципъ, олицетворявшійся въ четырехъ Георгахъ и одномъ Вильгельмѣ, сдѣлался чѣмъ-то отрицательнымъ, потерялъ почву въ англійскомъ обществѣ, превратился въ форму безъ содержанія и легко могъ бы исчезнуть безъ ущерба для интересовъ государства; онъ держался еще только тѣмъ и потому, что пересталъ мѣшать обычному ходу политической жизни. Въ дѣйствительности, благодаря ничтожеству королей, въ Англіи фактически утвердилась республиканско-парламентская олигархія, которая однако постепенно принимаетъ болѣе демократическія черты по мѣрѣ возвышенія и развитія средняго промышленнаго класса. Одностороннее владычество аристократіи было сломлено биллемъ о реформѣ 1832 года, преобразовавшимъ палату общинъ въ настоящее собраніе народныхъ представителей; лорды лишились права распоряжаться назначеніемъ членовъ парламента въ предѣлахъ своихъ владѣній и должны были примириться съ болѣе широкимъ участіемъ городскихъ и сельскихъ обывателей въ парламентскихъ выборахъ. Билль о реформѣ нѣсколько разъ терпѣлъ неудачу въ обѣихъ палатахъ и прошелъ лишь послѣ продолжительныхъ усилій при либеральномъ министерствѣ Грея и Джона Росселя. Королемъ былъ тогда Вильгельмъ IV, но онъ не имѣлъ никакого отношенія,—кромѣ чисто-формальнаго,—къ совершавшимся преобразованіямъ. Онъ пытался иногда назначать министровъ по своему усмотрѣнію, но мотивы его были чисто личные, а не государственно-политическіе, и потому встрѣчали энергическій и успѣшный отпоръ. Король не замѣчалъ, какъ вырабатываются основы новаго политическаго строя Англіи; онъ вообще стоялъ въ сторонѣ отъ политики, и политика обходилась безъ него. Въ моментъ смерти Вильгельма IV монархическая власть,—могущественная еще въ законахъ и въ теоріи, но почти безжизненная на практикѣ, — имѣла весьма слабые шансы дальнѣйшаго благополучнаго существованія и развитія: все ея будущее олицетворялось юною племянницею короля, внучкою короля Георга III, принцессою Викторіею. Послѣдній сынъ Георга III, 66-ти-лѣтній герцогъ Кумберлендскій, сталъ королемъ Ганноверскимъ,

и искусственная связь этого нѣмецкаго государства съ Англіею, возбуждавшая недовѣріе и подозрительность англичанъ противъ династіи, была порвана съ кончиною Вильгельма IV. Мужское потомство ганноверскихъ Георговъ почти изсякло, оставивъ крайне тяжелыя воспоминанія въ Англіи, и единственною надеждою и опорою монархіи была восемнадцатилѣтняя королева, имѣвшая предъ своими предшественниками одно великое преимущество—юности. Нечего и говорить, что опора была слабая и что оставалось обширное поле для всевозможныхъ сомнѣній и догадокъ относительно будущаго.

Таково было положеніе англійской монархіи въ іюнѣ 1837 года, когда вступила на престолъ королева Викторія. Что же мы видимъ въ настоящее время? Королева вновь создала династію, обезпечивъ надолго монархическое преемство въ Англіи и устранивъ такимъ образомъ одинъ изъ первыхъ вопросовъ, возникавшихъ при послѣднихъ королякъ ганноверскаго дома. Какъ вычислилъ недавно „Times“, королева имѣетъ теперь 70 потомковъ и является родоначальницей монарховъ въ нѣкоторыхъ великихъ странахъ Европы; ея исключительное положеніе среди государей, связанныхъ съ нею тѣсными родственными узами, придаетъ ей особый авторитетъ, подкрѣпляемый многолѣтнею политическою опытностью и природнымъ тактомъ. Королева Викторія играетъ выдающуюся роль не только въ Англіи, но и въ общихъ европейскихъ дѣлахъ; ея участіе остается скрытымъ, закулиснымъ, но оно несомнѣнно подтверждается многими фактами и свидѣтельствами, сообщаемыми въ изобиліи въ англійской литературѣ и журналистикѣ. По своимъ личнымъ качествамъ и наклонностямъ она оказалась прямою противоположностью своимъ предшественникамъ Георгамъ, и потому она достигла также противоположныхъ результатовъ,—она спасла и подняла монархію, которую они едва не погубили въ конецъ. Прежде всего она была глубоко честною и правдивою натурою; она была неизмѣнно проникнута живымъ сознаніемъ долга и съ рѣдкою добросовѣстностью и выдержкою исполняла сложныя и часто щекотливыя обязанности конституціонной правительницы. Она строго руководствовалась началами парламентскаго управленія и никогда не пыталась противиться ясно выраженному желанію палатъ и голосу общественнаго мнѣнія; она не навязывала народу своихъ придворныхъ сановниковъ, въ качествѣ государственныхъ людей, а всегда выбирала въ министры тѣхъ, которыхъ выдвигало парламентское большинство, какъ наиболѣе выдающихся и достойныхъ довѣрія политическихъ дѣятелей. Но и въ этихъ предѣлахъ она имѣла возможность выбора и неоднократно вліяла своимъ рѣшеніемъ на ходъ политической жизни; между прочимъ, она много способствовала блестящей карьерѣ Дизраэли-Биконсфильда, таланты котораго цѣнила очень высоко, и особенно

облегчила его первую кандидатуру въ министры, когда публика относилась къ нему еще недовѣрчиво. Нѣкоторые видятъ обидное и стѣснительное ограниченіе власти именно въ этомъ выборѣ министровъ изъ тѣснаго круга парламентскихъ вождей; но королева Викторія едва ли испытывала стѣсненіе отъ того, что вынуждена была назначать министрами сэра Роберта Пиля, Гладстона, лорда Сольсбери, а не кого-либо изъ своихъ приближенныхъ. Безспорно, она не питала симпатіи къ суровому Роберту Пилю и предпочитала бы видѣть во главѣ кабинета своего многолѣтняго секретаря, генерала Понсонби, вмѣсто Гладстона; но она была королевою не для себя и для своихъ личныхъ удобствъ, а для государства и для народнаго блага,—и потому оставляла въ сторонѣ свои личные вкусы, когда дѣло шло объ оцѣнкѣ политическихъ дарованій, способныхъ принести наибольшую пользу странѣ по господствующему въ данное время мнѣнію. Дѣйствуя неизмѣнно въ духѣ желаній большинства народа въ лицѣ его выборныхъ представителей, королева проявляла разумную власть и этимъ укрѣпляла свою неразрывную солидарность съ цѣлою націею; но, охраняя разъ установленный конституціонный порядокъ отъ всякихъ посягательствъ и отступленій, она вмѣстѣ съ тѣмъ старательно оберегала свои королевскія права контроля и участія. Извѣстенъ фактъ, относящійся къ началу пятидесятыхъ годовъ, когда знаменитый лордъ Пальмерстонъ долженъ былъ выйти въ отставку изъ-за того, что отправилъ дипломатическую депешу, не показавъ ея предварительно королевѣ; съ тѣхъ поръ никакія сношенія съ иностранными дворами не могутъ быть ведены помимо королевы и безъ ея вѣдома. Точнымъ исполненіемъ долга она подавала примѣръ другимъ—и оказывала мало замѣтное, но весьма положительное благотворное вліяніе на политическіе нравы, на пріемы и способы дѣйствія парламентскихъ дѣятелей и министровъ. Ко всему этому присоединялись двѣ черты, особенно драгоцѣнныя въ женщинѣ-правительницѣ,—ровное, спокойное, разсудительное отношеніе къ людямъ и необыкновенная чистота личной и семейной жизни. Въ 1840 году королева вышла замужъ за принца Альберта Саксенъ-Кобургъ-Готскаго; это былъ бракъ по любви, и преждевременная смерть принца, въ 1861 году, наложила неизгладимую печать на всю остальную жизнь королевы, осудивъ ее на грустное одиночество. Изданіе ея дневника, полнаго трогательныхъ размышленій и воспоминаній объ утраченномъ счастьѣ, возбудило общее сочувствіе и какъ бы усилило душевную близость между королевою и англійскимъ обществомъ. Принцъ Альбертъ былъ самъ по себѣ человѣкъ выдающійся по уму и образованію, и его совѣты несомнѣнно отражались на образѣ мыслей и дѣйствій королевы, хотя противъ прямого участія его въ государственныхъ дѣлахъ поднимались горячіе

протесты при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ; онъ долженъ былъ быть только супругомъ, но никакъ не совѣтникомъ своей жены въ политическихъ вопросахъ и тѣмъ менѣе участникомъ въ ея рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ; только позднѣе онъ получилъ, наконецъ, титулъ „принца-супруга“ (Prince-Consort). Политическая осторожность и благоразуміе принца сказались въ первые же годы, когда подъ его вліяніемъ королева старалась отречься отъ личныхъ пристрастій въ сношеніяхъ съ парламентскими партіями и усвоила ту безукоризненную конституціонную практику, которая такъ возвысила авторитетъ ея въ Англіи.

Если вспомнить, чѣмъ была королевская власть при самомъ могущественномъ изъ Георговъ, и обратить вниманіе на нынѣшнее всеобщее національное поклоненіе королевѣ Викторіи, то не можетъ быть никакой параллели между политическими обстоятельствами дѣда и внучки. Идея монархіи, крайне ослабленная въ началѣ столѣтія, выросла и укрѣпилась на степень популярнѣйшей и общепризнанной нравственной силы, одновременно съ непрерывнымъ послѣдовательнымъ ростомъ демократіи и демократическихъ учрежденій въ Англіи. Современная Великобританія мало похожа на Англію тридцатыхъ годовъ не только по промышленнымъ и техническимъ успѣхамъ, но и особенно по характеру политической жизни, по ея простору, разнообразію и полнотѣ, по степени развитія и значенія трудящихся классовъ, по значенію публичности въ разныхъ ея видахъ и, наконецъ, по тому спокойному, увѣренному движенію впередъ, которое исключаетъ возможность крутыхъ мѣръ и скачковъ во внутренней политической жизни. Въ царствованіе королевы Викторіи свободное развитіе національныхъ силъ зависѣло всецѣло отъ самого народа и его различныхъ классовъ, отъ общественнаго мнѣнія и парламента; всякій общественный интересъ имѣлъ предъ собою открытую дорогу, всякій серьезный вопросъ обсуждался безпрепятственно, и одна реформа влекла за собою другую. Въ первые годы по вступленіи на престолъ, королева была свидѣтельницею тревожныхъ внутреннихъ замѣшательствъ и волненій: чартисты громко требовали улучшенія быта низшихъ классовъ, грозили безпорядками и возстаніемъ; О'Коннель волновалъ ирландцевъ горячими призывами къ расторженію союза съ Англіею; фабричные рабочіе бѣдствуютъ подъ безпощаднымъ гнетомъ промышленныхъ хозяевъ и періодически возмущаются; въ колоніяхъ, особенно въ Индіи, хроническое неустройство, а въ Канадѣ—прямое возстаніе при руководящемъ участіи французскаго элемента. Теперь англійскіе трудящіеся классы пользуются правомъ заключать союзы, собираться на публичные митинги, устраивать стачки, совмѣстно обсуждать и охранять свои интересы для успѣшной мирной борьбы съ капиталистами. Все

современное рабочее законодательство, направленное къ защитѣ рабочихъ отъ эксплуатаціи хозяевъ, выработано впервые въ Англіи, при королевѣ Викторіи. Ирландцы и нынѣ волнуются и протестуютъ; но они не имѣютъ уже надобности въ насильственномъ переворотѣ для достиженія своихъ цѣлей; имъ дана возможность добиваться желательныхъ перемѣнъ законными средствами; они многаго уже достигли въ области поземельной реформы, благодаря двумъ биллямъ Гладстона, и были уже очень близки къ мирному осуществленію завѣтной мечты О'Коннеля объ особомъ ирландскомъ парламентѣ; они образовали сильную парламентскую партію, при помощи которой дѣйствуютъ непосредственно на англійскія внутреннія дѣла и такимъ образомъ заставляютъ даже враговъ Ирландіи принимать во вниманіе ея требованія и нужды. Парламентская реформа 1867 года значительно расширила кругъ обывателей, пользующихся избирательными правами, и съ теченіемъ времени право участія въ выборахъ членовъ палаты общинъ все болѣе приближается къ праву всеобщей подачи голосовъ; даже въ пользу предоставленія такого же права женщинамъ высказалось большинство въ парламентѣ,—о чемъ не мечтаютъ еще самые передовые реформаторы во французской республикѣ. Это расширеніе общенароднаго вліянія на составъ палаты общинъ облегчаетъ общественную иниціативу въ законодательныхъ вопросахъ и обезпечиваетъ послѣдовательное разрѣшеніе стоящихъ на очереди внутреннихъ задачъ въ демократическомъ духѣ. Въ Индіи, послѣ кровопролитнаго возстанія сипаевъ въ 1857 году, произведено коренное преобразованіе управленія; власть надъ индусами и ихъ землями отнята у привилегированной частной компаніи, и само государство взяло на себя заботу о спокойствіи въ остъ-индскихъ владѣніяхъ. Великія культурныя цѣли вытѣсняютъ прежнія корыстныя стремленія администраторовъ Индіи; новая умственная жизнь мало-по-малу зарождается въ заглохшихъ областяхъ страны, появляется туземная независимая печать, устраиваются общественныя собранія, созываются національные конгрессы, и отъ времени до времени удается какому-нибудь индусскому общественному дѣятелю попасть въ британскую палату общинъ, чтобы защищать интересы Индіи предъ лицомъ ея распорядителей. Индія включена въ составъ британской имперіи, и королева Викторія сдѣлалась императрицею Индіи. Бѣдствія голода, вызываемыя періодическими засухами, поражаютъ индусовъ и теперь; нынѣшній голодъ, продолжающійся съ осени прошлаго года, значительно превосходитъ прежнія бѣдствія этого рода какъ по пространству захваченныхъ имъ территорій, такъ и по численности пострадавшаго населенія; на почвѣ голода разразилась чума, унесшая массу жертвъ,—но для смягченія этихъ бѣдствій была заранѣе установлена извѣстная система мѣръ, которая предупреждаетъ и ограничиваетъ

сильнѣйшія формы народной нужды, и нынѣшній голодъ нигдѣ не доходитъ уже до тѣхъ колоссальныхъ ужасовъ, какіе были обычны въ прежнее время и какіе повторились въ прошломъ году только въ самомъ началѣ бѣды, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Объ организаціи помощи голодающимъ сообщаются подробныя свѣдѣнія въ англійскихъ газетахъ, а о размѣрахъ оказываемой помощи можно судить по публикуемымъ еженедѣльно отчетамъ остъ-индскаго вице-короля, изъ которыхъ видно, напр., что въ теченіе іюня $4^1/_4$ милліона человѣкъ получали пособіе. Однако, Индія вообще составляетъ больное мѣсто британской имперіи; она слишкомъ велика, самобытна и богата историческимъ прошлымъ, чтобы считаться простою составною частью чужого, хотя бы и великаго, государства, а особою самоуправляющеюся колоніею или имперіею подъ властью англичанъ она не признана и не можетъ быть признана, въ виду слабости въ ней англійскаго элемента. Тамъ, гдѣ развились настоящія британскія колоніи, восторжествовала повсюду полная автономія, на мѣсто тягостныхъ принудительныхъ отношеній, господствовавшихъ прежде; оттого первый министръ Канады, французъ по происхожденію, Лорье, не замышляетъ заговоровъ и возстаній противъ коварнаго Альбіона, а ищетъ сближенія и федераціи съ Англіею, говоритъ почти въ тонѣ британскаго патріота, ибо Канада перестала чувствовать надъ собою англійское владычество и начинаетъ сознательно цѣнить пользу взаимныхъ культурно-политическихъ и промышленныхъ связей.

Достаточно этихъ немногихъ указаній и сопоставленій, чтобы подвести общій итогъ всему шестидесятилѣтнему періоду англійской исторіи, совпадающему съ царствованіемъ нынѣшней англійской королевы. Политическое значеніе этого періода для Англіи можно, какъ намъ кажется, охарактеризовать тремя главными чертами: во-первыхъ, исчезновеніемъ стараго антагонизма, скрытаго или явнаго, между королевскою властью и обществомъ или народомъ, между прерогативами короны и интересами или желаніями націи,—антагонизма, который упорно поддерживали Стюарты и первые представители ганноверскаго дома; во-вторыхъ, неуклоннымъ, прогрессивнымъ и реформаторскимъ движеніемъ во всѣхъ областяхъ жизни, дѣятельности и культуры,—движеніемъ безъ обратныхъ скачковъ, столь часто повторяющихся въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ, подъ общимъ именемъ реакціи; и въ-третьихъ, повсемѣстнымъ развитіемъ демократическихъ началъ и учрежденій, какъ въ самой Англіи, такъ и въ колоніяхъ, и необычайнымъ усиленіемъ и оживленіемъ монархическихъ чувствъ во всѣхъ слояхъ британскаго народа.

Что касается самого юбилея, то подробности его извѣстны уже изъ газетъ. Отмѣтимъ только одинъ маленькій инцидентъ во время

знаменитой процессіи по улицамъ Лондона: отрядъ прусскихъ кавалеристовъ, фигурировавшій въ числѣ иностранныхъ военныхъ отрядовъ, возбудилъ противъ себя почему-то неудовольствіе толпы, которая встрѣчала его свистками и непріятными возгласами, по свидѣтельству одного изъ нѣмецкихъ очевидцевъ - корреспондентовъ. Быть можетъ, прусскіе драгунскіе офицеры были приняты, не безъ основанія, какъ представители особаго военнаго духа, процвѣтающаго въ Пруссіи, и присутствіе ихъ на юбилеѣ королевы Викторіи внесло какъ будто диссонансъ въ общее торжество. Но по части военной силы англичане не отстаютъ отъ остальной Европы, съ тою только разницею, что свое могущество они выражаютъ въ непомѣрномъ количествѣ броненосцевъ, а не въ сухопутныхъ войскахъ, какъ пруссаки. Демонстрація противъ прусскихъ офицеровъ вызвана вѣроятно не столь общими и отвлеченными соображеніями, а причинами болѣе частными и временными: Германія и ея правительство не пользуются нынѣ расположеніемъ Англіи и англичанъ, какъ и наоборотъ, Англія весьма непопулярна теперь въ нѣмецкой патріотической печати.

Впрочемъ, германское правительство непопулярно теперь въ самой Германіи; нѣмецкія газеты, не исключая и самыхъ умѣренныхъ, горько жалуются на постоянные министерскіе кризисы, мотивы которыхъ никому неизвѣстны. Въ противоположность англійской королевѣ, Вильгельмъ II не только не отказался отъ права назначать министровъ по своему усмотрѣнію, но повидимому старается какъ можно чаще и полнѣе осуществлять это право, чтобы крѣпче утвердить его въ общественномъ сознаніи. Перемѣна министра по тому или другому вѣдомству производится внезапно, неожиданно, послѣ неоднократныхъ оффиціозныхъ возраженій противъ слуховъ о кризисѣ; самый выборъ производится съ такимъ разсчетомъ, чтобы какъ можно сильнѣе удивить публику. Никто, напр., не знаетъ, откуда и почему попалъ въ министры г. фонъ-деръ-Реке, нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ; достовѣрнѣйшія газетныя свѣдѣнія ничего не поясняютъ относительно причинъ отставки имперскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, Маршалля фонъ-Биберштейна, министровъ фонъ-Беттихера и Гольмана, а тѣ объясненія, какія даются газетами, слишкомъ мелочны, чтобы быть правдоподобными. На мѣсто Маршалля избранъ фонъ-Бюловъ, посланникъ въ Римѣ, хорошій дипломатическій чиновникъ, но едва ли пригодный для самостоятельнаго участія въ направленіи имперской политики. Въ морскомъ министерствѣ адмиралъ Гольманъ замѣненъ прибывшимъ только-что съ дальняго востока Тирпицемъ, предполагаемымъ авторомъ проекта затраты нѣсколькихъ сотенъ милліоновъ марокъ на сооруженіе новыхъ броненосцевъ,—проекта, не имѣющаго никакихъ шансовъ успѣха въ имперскомъ сеймѣ. Беттихера долженъ замѣнить прусскій министръ

финансовъ фонъ-Микель, котораго давно уже называютъ „человѣкомъ будущаго“, излюбленнымъ кандидатомъ на первые министерскіе посты въ имперіи и даже на постъ канцлера, въ виду престарѣлаго возраста князя Гогенлоэ; но интересная будущность Микеля, человѣка весьма пожилого, мало занимаетъ уже нѣмецкое общество, и самъ Микель, бывшій когда-то передовымъ либераломъ, утратилъ значительную долю своего интереса въ глазахъ публики съ тѣхъ поръ, какъ оказался человѣкомъ на всѣ руки и вѣчнымъ кандидатомъ на всѣ руководящіе правительственные посты. Какъ министръ финансовъ, онъ достаточно хорошъ, и превращать его въ дипломата или въ тонкаго парламентскаго политика нѣтъ, очевидно, повода. Можно въ самомъ дѣлѣ подумать, что дѣло вовсе не въ Микелѣ, фонъ-деръ-Реке, Тирпицѣ, Гольманѣ и другихъ, а въ фактѣ возможно болѣе частаго и широкаго примѣненія политическаго принципа, рѣшительно отвергаемаго въ Англіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюля 1897.

— Н. Минскій. При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. Изданіе второе. Спб. 1897.

Въ предисловіи къ новому изданію своей книги авторъ объясняетъ, почему она встрѣчена была неблагопріятно критикою и не вызвала сочувствія въ читающей публикѣ. Причина заключается, по его мнѣнію, въ существующей у насъ общей враждѣ къ философіи. „Всякій, кто мало-мальски знакомъ съ нашими литературными нравами,—говоритъ г. Минскій,—знаетъ, съ какимъ враждебнымъ равнодушіемъ, съ какимъ глухимъ недовѣріемъ встрѣчаются у насъ книги, посвященныя идеямъ философскимъ и религіознымъ". Дѣло въ томъ, что у насъ господствуетъ народолюбіе, которое своею принципіальною исключительностью создаетъ пропасть между русскою интеллигенціею и философскимъ идеализмомъ, и „мѣшаетъ проникновенію въ русское сознаніе философскихъ и религіозныхъ идей". Только то ученіе „можетъ разсчитывать у насъ на успѣхъ, которое, помимо всего прочаго, даетъ фактическія указанія, какъ лучше слиться съ народомъ и служить деревнѣ". При такихъ условіяхъ „положеніе отвлеченнаго мыслителя въ нашей литературѣ становится по истинѣ тяжелымъ". Авторъ возстаетъ противъ этой „боязни философіи", ссылаясь на примѣръ самого народа, который охотно разсуждаетъ о цѣли жизни, о Богѣ и безсмертіи. Онъ надѣется раскрыть недоразумѣніе, по крайней мѣрѣ для людей, стоящихъ въ сторонѣ отъ газетнаго или журнальнаго шума, и „ищущихъ правды вообще".

Эта защита философіи поражаетъ своею странностью. Г. Минскій съ самаго начала ставитъ молчаливое предположеніе, что судьба его книги есть въ то же время судьба философскихъ идей въ русскомъ обществѣ; онъ заранѣе устраняетъ всякую мысль о томъ, что неблагопріятные отзывы критики могли зависѣть отъ недостатковъ и спеціальныхъ особенностей его личныхъ философскихъ теорій, независимо

отъ вопроса о значеніи философіи вообще. Онъ отыскиваетъ какія-то важныя общія причины тамъ, гдѣ вовсе не было надобности искать ихъ. Разсужденія г. Минскаго о философскихъ вопросахъ, о цѣли и смыслѣ жизни приняты были недружелюбно; но изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, что всякія разсужденія на подобныя темы встрѣчаютъ у насъ вражду и недовѣріе. Философія г. Минскаго отвергалась или не признавалась за философію; но это не исключаетъ „проникновенія въ русское сознаніе философскихъ и религіозныхъ идей", и значительнаго развитія у насъ философской литературы за послѣднее десятилѣтіе. Очевидно, авторъ только по недоразумѣнію связываетъ неуспѣхъ своихъ взглядовъ съ общими фактами и условіями, опредѣляющими роль „отвлеченнаго мыслителя" въ нашей литературѣ.

Философскія идеи г. Минскаго были въ свое время отчасти разобраны въ „Вѣстникѣ Европы" (въ мартовской книгѣ за 1890 г.), и, къ сожалѣнію, выводъ тоже получился отрицательный, хотя авторъ рецензіи, Вл. С. Соловьевъ, всего менѣе могъ быть заподозрѣнъ въ отрицаніи философіи. Второе изданіе книги показываетъ прежде всего, что жалобы г. Минскаго на враждебное равнодушіе русской публики не совсѣмъ справедливы. Конечно, теорія несуществующихъ святынь или „мэоновъ" едва ли можетъ привлечь кого-либо изъ читателей; но сочиненіе все-таки читается, и, слѣдовательно, положеніе философіи и отвлеченныхъ мыслителей уже не столь безнадежно.

Авторъ, повидимому, ничего не измѣнилъ въ своей книгѣ. Онъ серьезно убѣжденъ, что нашелъ разгадку бытія и выяснилъ цѣль нашего существованія. Матеріаломъ для его открытія послужили нѣкоторыя разсужденія Канта, понятыя имъ по-своему. Люди не довольствуются міромъ явленій и ищутъ единаго въ противоположность существующему разнообразію, абсолютнаго и безконечнаго — въ противоположность доступному намъ ограниченному и условному; это противорѣчіе между реальными явленіями и нашими отвлеченными идеями понимается г. Минскимъ въ грубомъ матеріальномъ смыслѣ, вопреки Канту и всякой философіи: единое и абсолютное исключаетъ будто бы міръ явленій, дѣлаетъ его невозможнымъ, такъ какъ единое, безграничное тѣло несовмѣстимо съ разнообразіемъ предметовъ. Никто еще не представлялъ себѣ идеи единства и безконечности въ видѣ чего-то тѣлеснаго, несовмѣстимаго съ міромъ явленій, и это открытіе всецѣло принадлежитъ г. Минскому, который серьезно считаетъ его важной поправкой къ ученію Канта.

Отсюда дѣлаются выводы просто поразительные. Для автора очевидно, что „еслибы одна частица матеріи въ теченіе одного мгновенія стала вещью „самою въ себѣ", то она повлекла бы за собою гибель всего окружающаго насъ міра явленій" (стр. 175); при этомъ

нельзя даже понять, что̀ можетъ означать выраженіе: „стать вещью въ себѣ“,—если, согласно общепринятой философской терминологіи, „вещь въ себѣ“ есть, такъ сказать, закулисная сторона всѣхъ вообще явленій, недоступная нашему познанію. Прямая противоположность явленіямъ, то единое и абсолютное, что̀ исключаетъ ихъ, олицетворяется авторомъ въ видѣ „мэона“, не существующаго, не могущаго существовать, и тѣмъ не менѣе возбуждающаго экстазъ въ людяхъ. Единое должно было исчезнуть для того, чтобы могло возникнуть многое, т.-е. міръ явленій. Авторъ даетъ классификацію и характеристику мэоновъ, опредѣляетъ даже ихъ признаки и качества. Мэоны,—говоритъ онъ далѣе,—„не существуютъ ни въ прошломъ, ни въ будущемъ; стремиться къ реальному достиженію мэоновъ безумно, ибо природа ихъ чисто отрицательная. Стремиться можно лишь къ достиженію чувства экстаза, которое сопровождаетъ мэоны, и въ этомъ, какъ увидимъ далѣе, и заключается цѣль нашей жизни“ (стр. 193—4). Но далѣе мы ничего не видимъ, кромѣ безнадежнаго, поэтически-подкрашеннаго сумбура. „Цѣль міра, т.-е. всѣхъ существъ, жившихъ и живущихъ, состоитъ въ томъ, чтобы развиваться, искать мэона разумомъ, чувствомъ и волей, и на высшей ступени развитія постигать безцѣльность исканій и свою абсолютную противоположность мэону. Цѣль эта внѣшняя, принудительная (!) для міра“ (стр. 213). Другими словами, завѣдомо безцѣльное исканіе того, чего нѣтъ и быть не можетъ, и процессъ убѣжденія въ этой безцѣльности составляютъ цѣль міра и человѣчества. Эта безцѣльная цѣль должна имѣть характеръ постояннаго упражненія, сопровождаемаго иногда экстазомъ.

„Нѣтъ сомнѣнія,—заявляетъ авторъ,—что въ будущемъ столѣтіи возникнутъ философскія общежитія, въ которыхъ люди, безъ всякихъ предразсудковъ, будутъ упражняться въ самоотреченіи и подвижничествѣ, съ цѣлью постиженія мэона небытія и блаженства нежеланія. Такія общежитія спасли бы общество отъ безсильнаго и обезсиливающаго односторонняго пессимизма“ (стр. 216, прим.). Почему эти убѣжища упражняющихся аскетовъ спасали бы общество отъ пессимизма—непонятно. Авторъ считаетъ долгомъ настойчиво совѣтовать этимъ людямъ будущаго вѣка осторожно обращаться съ мэонами и не стремиться къ воплощенію ихъ въ реальномъ мірѣ. „Что̀ бы мы сказали о безумцѣ, который хотѣлъ бы уничтожить однимъ взмахомъ не только человѣчество, но и весь органическій и неорганическій міръ, всѣ существа, всѣ явленія? А между тѣмъ такой безумецъ—всякій, мечтающій достигнуть мэона, какъ явленія, ибо стоило бы одному мэону возникнуть къ относительному бытію, чтобы существованіе міра сдѣлалось невозможнымъ“ (стр. 222). Впрочемъ, подобныя предостереженія совершенно излишни, такъ какъ авторомъ уже разъяснено раньше,

что мэоны противоположны міру и абсолютно несовмѣстимы съ явленіями, а слѣдовательно, никакъ не могли бы перейти въ явленія и „возникнуть къ относительному бытію“, сколько бы ни старались объ этомъ безумцы всего міра; если же случилось бы такое чудо, и неосуществимое сдѣлалось бы осуществимымъ, то это не былъ бы „мэонъ“, и возникновеніе его къ бытію только опровергло бы его репутацію.

Г. Минскій причисляетъ къ „мэонамъ“ и нѣкоторыя нравственныя идеи, которымъ приписываетъ одинаковыя свойства противоположности міру, уже безъ всякой внѣшней связи съ антиноміями Канта, и благодаря этому легкому способу смѣшенія разнородныхъ понятій подъ прикрытіемъ одного и того же слова, онъ высказываетъ вещи прямо невѣроятныя. За одно съ единымъ и абсолютнымъ, исключающимъ будто бы разнообразіе и ограниченность явленій, онъ объявляетъ противоположными міру, въ качествѣ мэоновъ, и безкорыстную любовь, и свободу. Поэтому,—говоритъ онъ,—„всякій, кто ставитъ передъ людьми вмѣсто идеала непостижимую святыню мэоновъ, всякій, кто проповѣдуетъ безкорыстную любовь къ ближнему или созерцаніе чистой идеи, тотъ, самъ того не зная,—злѣйшій врагъ человѣчества. Онъ раздуваетъ искру, которая превратится въ опустошительный огонь; онъ даетъ пищу сомнѣнію, которое не только отвратитъ душу отъ непостижимой святыни, но по закону контраста увлечетъ ее къ противоположному, къ безвыходному отчаянію“. Люди должны признать разъ навсегда, что „не существуетъ и не можетъ существовать ничего единаго, ни атома, ни любви, ни свободы, ни нирваны“. Что касается атома, то очевидно онъ нечаянно попалъ въ число этихъ неосуществимыхъ завѣтныхъ „святынь“. Но „безкорыстная любовь къ ближнему“ сознательно поставлена въ одинъ рядъ съ абсолютомъ, проявленіе котораго уничтожило бы міръ; здѣсь, подъ ложнымъ флагомъ непостижимыхъ мэоновъ, провозится уже явная контрабанда, и въ результатѣ получается нелѣпость, отъ которой откажется, вѣроятно, самъ авторъ,—отнесеніе проповѣдниковъ безкорыстной любви къ „злѣйшимъ врагамъ человѣчества“, къ тѣмъ безумцамъ, которые желали бы разрушить міръ явленій ради осуществленія мэоновъ.

Авторъ нѣсколько разъ повторяетъ, что мэоны „непостижимы“; человѣчество, по его словамъ, „должно выкинуть изъ души тысячелѣтнюю надежду постигнуть единое, какъ явленіе, чтобы спасти совѣсть и желаніе жить“. Возникаетъ поэтому вопросъ, откуда могъ авторъ почерпнуть свои подробныя и точныя свѣдѣнія о предметахъ, которые, по его собственной теоріи, „непостижимы“, и зачѣмъ онъ рекомендуетъ людямъ въ одно и то же время отказаться отъ надежды постигнуть эти предметы и стремиться всю жизнь къ постиженію ихъ? Отвѣта на это нѣтъ въ книгѣ г. Минскаго. Въ ней есть лирика, есть

краснорѣчіе, но слишкомъ мало логики, а философія ставится, такъ сказать, вверхъ ногами. Однако авторъ доволенъ; ему кажется, что онъ создалъ новое ученіе, которому суждено имѣть свои храмы и монастыри, и онъ говоритъ уже теперь о „мэонизмѣ", какъ о чемъ-то опредѣленномъ; „мэонизмъ учитъ" и т. д. Это ученіе объясняетъ всѣ загадки души и бытія; оно „господствуетъ надъ оптимизмомъ и пессимизмомъ, какъ вершина горы надъ ея скатами". Завидна роль творца такого ученія! „Мы достигли,—пишетъ онъ,—вершины мэонической міросозерцанія. Обозрѣвая жизнь природы и людей, мы съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія видимъ, что вопросы, прежде казавшіеся неразрѣшимыми тайнами, теперь, передъ талисманомъ добытой истины, раскрываются легко и просто". Никто другой этого не видитъ, и самое ученіе остается лишь безплодной игрою ума и фантазіи; но авторъ знаетъ, что одиночество есть удѣлъ великихъ новаторовъ, и онъ утѣшаетъ себя отраднымъ сознаніемъ, что „только тотъ не безслѣдно промелькнулъ на землѣ или на другой звѣздѣ (!), кто выстрадалъ истину о небытіи мэоновъ, чья душа пріобщалась священнаго экстаза" (стр. 227). Только одному г. Минскому пришлось выстрадать теорію мэоновъ, и въ этой области онъ едва ли найдетъ соперниковъ или единомышленниковъ, ибо для усвоенія его идей нужно извѣстнымъ образомъ понять философію Канта и сдѣлать изъ нея тѣ самые выводы, какіе сдѣлалъ онъ; а эти условія не позволяютъ разсчитывать на распространеніе „мэонизма" даже въ томъ случаѣ, еслибы безпредметные фантастическіе мэоны имѣли дѣйствительную, хотя бы отдаленную связь съ волнующимъ многихъ вопросомъ о смыслѣ и цѣли жизни.—Л. С.

— Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Съ 450 иллюстраціями. Томъ первый. Спб. 1897. Изданіе А. С. Суворина.

Настоящая книга, большой томъ со множествомъ рисунковъ, есть начало обширнаго труда, предпринятаго Н. К. Шильдеромъ. Цѣлое изданіе предполагается въ четырехъ томахъ, печатаніе которыхъ, по извѣщенію издателя, будетъ закончено въ теченіе нынѣшняго года. По окончаніи изданія, мы надѣемся въ подробности говорить о трудѣ г. Шильдера, а теперь мы хотимъ только въ нѣсколькихъ словахъ привѣтствовать этотъ замѣчательный трудъ, которому безъ сомнѣнія предстоитъ занять почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ. Г. Шильдеръ давно извѣстенъ своими изслѣдованіями о временахъ императора Александра I, изслѣдованіями, въ которыхъ всегда раскрывалась какая-либо мало извѣстная сторона той эпохи; затѣмъ имъ сдѣлано было и цѣльное сжатое обозрѣніе этого царствованія въ „Біо-

графическомъ Словарѣ", который предпринятъ недавно имп. русск. Историческимъ Обществомъ. Теперь авторъ предпринялъ дать болѣе обширное изложеніе біографіи императора Александра и исторіи его царствованія, пользуясь тѣмъ громаднымъ матеріаломъ, который собранъ имъ въ теченіе многихъ годовъ и въ нерѣдкихъ случаяхъ былъ имъ именно *открытъ*, потому что былъ разысканъ имъ независимо отъ обыкновенныхъ литературныхъ или архивныхъ источниковъ.

Какъ видно изъ предисловія издателя, первая часть обнимаетъ дѣтство и молодые годы Александра до восшествія его на престолъ; вторая—эпоху преобразованій съ 1801 по 1810 годъ; третья—борьбу съ Франціей съ 1810 по 1816 годъ, и четвертая—послѣднее десятилѣтіе, такъ называемую эпоху реакціи, съ 1816 по 1825 годъ.

Выборъ иллюстрацій для настоящаго изданія сдѣланъ редакторомъ „Историческаго Вѣстника" С. Н. Шубинскимъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ котораго находился весь художественный отдѣлъ.

Сообразно съ содержаніемъ текста, выбирались исключительно портреты и рисунки, имѣющіе историческое значеніе и достовѣрность, исполненные преимущественно въ Александровское время тогдашними художниками и граверами. При воспроизведеніи соблюдалась, главнымъ образомъ, возможно точная передача подлинниковъ, безъ всякихъ украшеній или измѣненій (за исключеніемъ формата), причемъ „не допускалось и исправленіе недостатковъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ художественномъ отношеніи",—исправленіе было бы, впрочемъ, и по простому здравому смыслу нелѣпо при историческомъ изданіи.

Почти всѣ иллюстраціи сдѣланы съ рѣдкихъ оригиналовъ, находящихся въ богатомъ собраніи гравюръ П. Я. Дашкова, предоставившаго ихъ для этого изданія. Только благодаря его содѣйствію,—говоритъ издатель, — и можно было столь обильно и роскошно иллюстрировать настоящее изданіе. Кромѣ портретовъ и рисунковъ, помѣщаются также снимки съ писемъ или автографовъ замѣчательныхъ людей того времени.

Разсказъ г. Шильдера начинается прямо съ рожденія будущаго императора. Эти первые дни, а затѣмъ первые годы его жизни, сама императрица Екатерина, которая какъ извѣстно, тотчасъ взяла ребенка на свое попеченіе, подробно разсказывала въ письмахъ къ извѣстному корреспонденту Мельхіору Гримму: она чрезвычайно любила мальчика, съ восхищеніемъ говорила объ его привлекательности, быстрой понятливости, потомъ прямо объ его замѣчательныхъ дарованіяхъ и т. д. Она сама составляла планъ его воспитанія, постоянно слѣдила за ходомъ этого воспитанія, выбирала лицъ для ухода за нимъ, потомъ и для его обученія. Авторъ біографіи старательно собралъ всѣ свѣдѣнія, какія сохранились обо всемъ этомъ въ свидѣтельствахъ совре-

менниковъ, и разсказываетъ затѣмъ о дальнѣйшихъ условіяхъ жизни будущаго императора. Эти условія, какъ извѣстно, стали уже очень скоро чрезвычайно трудны и сложны. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ, еще мальчикомъ, Александръ увидѣлъ себя между двумя враждебными сторонами: на одной была всемогущая бабушка, на другой—родители; это положеніе было бы чрезвычайно трудно и для человѣка съ нравственною силой уже сложившейся; для мальчика, трудность положенія должна была стать нравственной пыткой. Авторъ справедливо указываетъ здѣсь первую основу той двойственности, которая отличала его потомъ во всю его жизнь. Наблюдательные люди уже въ это время замѣчали, что Александръ, еще мальчикъ, былъ dissimulé, и дѣйствительно ему нельзя было высказаться вполнѣ ни на той, ни на другой сторонѣ. Въ отношеніяхъ съ отцомъ бывали моменты искренности, но самъ Павелъ, вслѣдствіе его личной біографіи, былъ такъ недовѣрчивъ и подозрителенъ, что и по смерти Екатерины онъ не сблизился вполнѣ съ Александромъ и какъ будто подозрѣвалъ въ немъ врага. Вражда Екатерины къ Павлу, опасенія за судьбу Россіи, еслибы онъ сталъ ея властителемъ, были таковы, что Екатерина въ послѣдніе годы жизни и, повидимому, даже съ самаго рожденія „господина Александра“, думала о томъ, чтобы сдѣлать своимъ преемникомъ именно этого внука, къ которому она чѣмъ дальше, тѣмъ больше привязывалась. Авторъ весьма подробно разобралъ эти отношенія, обстоятельно собралъ всѣ извѣстія и намеки, указывавшіе на эту мысль Екатерины, и дѣлаетъ отсюда психологическіе выводы, важные для разъясненія личности императора. Неизвѣстно, имѣлъ ли великій князь Павелъ Петровичъ опредѣленныя свѣдѣнія объ этихъ планахъ своей матери, но несомнѣнно, что онъ ихъ подозрѣвалъ и не могъ не подозрѣвать по многолѣтнимъ отношеніямъ съ императрицей. Екатерина такъ нетерпѣливо желала, наконецъ, обезпечить еще при жизни наслѣдованіе Александра, что посвятила въ свой планъ даже вел. княг. Марью Ѳедоровну, которая, однако, съ негодованіемъ отвергла ея предложеніе; наконецъ, она довѣрила свои мысли самому Александру, и въ бумагахъ князя Зубова сохранилось чрезвычайно любопытное письмо Александра отъ 24-го сентября 1796 (за полтора мѣсяца до кончины Екатерины), относящееся къ этому вопросу: Александръ благодарилъ Екатерину за ея милости и неоцѣненное благоволеніе, но въ сущности письмо было уклончиво.

Авторъ считаетъ возможнымъ, что еслибы жизнь Екатерины продлилась, то ея намѣреніе устранить цесаревича отъ престола могло бы осуществиться: „и въ 1796 году обстоятельства могли поставить Александра именно въ трагическое положеніе быть вынужденнымъ дѣйствовать въ смыслѣ заявленія, сдѣланнаго императрицѣ въ письмѣ

отъ 24-го сентября". Екатерина не знала, что именно около этого времени произошло сближеніе Александра съ отцомъ. Объ этомъ еще раньше старался даже Лагарпъ передъ отъѣздомъ изъ Россіи; и самое устраненіе Лагарпа послѣ многихъ лѣтъ его воспитательной дѣятельности, несмотря на привязанность къ нему Александра, было слѣдствіемъ того, что Лагарпъ не хотѣлъ понимать намековъ Екатерины, желавшей посвятить его въ свои планы и сдѣлать его однимъ изъ орудій для ихъ осуществленія. Теперь, повидимому, сближенію Александра съ отцомъ содѣйствовалъ его другой воспитатель, Протасовъ... По этому поводу авторъ дѣлаетъ слѣдующія любопытныя соображенія:

„Принимая во вниманіе это обстоятельство,—говоритъ г. Шильдеръ,—можно даже предположить на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, что Александръ простеръ несочувствіе къ предположеніямъ Екатерины до того, что сообщилъ цесаревичу разговоръ съ императрицею и, можетъ быть, съ вѣдома отца написалъ ей письмо отъ 24-го сентября. Но этого еще мало; для успокоенія подозрительности цесаревича Александръ призналъ его императоромъ еще при жизни Екатерины. Существуетъ письмо великаго князя Александра Павловича къ Алексѣю Андреевичу Аракчееву отъ 23-го сентября 1796 года, касающееся служебныхъ дѣлъ гатчинскихъ войскъ, но замѣчательное тѣмъ, что Александръ именуетъ въ немъ цесаревича „Его Императорскимъ Величествомъ". Это письмо представляетъ еще въ томъ отношеніи замѣчательное явленіе, что оно помѣчено 23 сентября и, слѣдовательно, написано наканунѣ вышеприведеннаго письма великаго князя къ императрицѣ Екатеринѣ, врученнаго ей послѣ рѣшительной бесѣды 16-го сентября. Справедливо замѣчено, что историку приходится отгадывать и возстановлять—въ особенности отгадывать. Въ данномъ случаѣ нельзя иначе доискаться истины. Поэтому, зная характеръ цесаревича и свойственный ему образъ дѣйствій, можно предположить, что Павелъ Петровичъ, не довольствуясь признаніемъ своихъ правъ со стороны сына, привелъ его къ присягѣ себѣ, какъ законному императору; свидѣтелемъ же этой присяги былъ Аракчеевъ. Вотъ исходная точка необходимой дружбы, связавшей на всю жизнь Александра съ гатчинскимъ капраломъ. Невозможнаго въ этомъ предположеніи ничего нѣтъ; въ 1801 году случилось же нѣчто подобное, когда утромъ 11-го марта генералъ-прокуроръ Обольяниновъ водилъ великихъ князей Александра и Константина въ церковь Михайловскаго замка для присяги въ вѣрности—явленіе, вполнѣ подходящее къ сдѣланному выше предположенію. Тогда свидѣтелемъ присяги былъ Обольяниновъ, а въ 1796 году любимецъ и довѣренный исполнитель велѣній цесаревича Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ" (стр. 131—132).

Остается неизвѣстно, какъ все это могло происходить. Быть мо-

жетъ, были какія-нибудь особенныя обстоятельства, которыя сблизили тогда Александра съ Аракчеевымъ; но эта тѣсная близость остается все-таки загадочной и самъ біографъ это повидимому чувствовалъ, когда вслѣдъ затѣмъ говоритъ: „остается сказать, что Александръ былъ загадкой для современниковъ и едва-ли будетъ разгаданъ потомствомъ; поэтъ же справедливо назвалъ его сфинксомъ, неразгаданнымъ до гроба“ (стр. 132). Быть можетъ, для объясненія дружбы съ Аракчеевымъ надо присоединить то, что говоритъ біографъ о „растлѣвающемъ вліяніи, которое во всѣхъ отношеніяхъ гатчинская атмосфера оказывала на Александра“. Уже теперь случилось то, чего опасалась Екатерина для своихъ внуковъ. Когда Александръ бывалъ у своихъ родителей,... „гатчинская кордегардія привила Александру еще другое зло: увлеченіе фронтомъ, солдатской выправкой, однимъ словомъ, экзерцирмейстерство, парадоманію. Усмотрѣвъ въ выправкѣ существенную сторону военнаго дѣла и свыкнувшись съ подобнымъ взглядомъ, онъ перещеголялъ впослѣдствіи въ этомъ искусствѣ даже своего брата Константина и довелъ выправку до небывалаго совершенства“ (стр. 93); но съ гатчинской выправкой соединялись извѣстные нравы и біографъ замѣчаетъ, что они не оставались безъ нѣкотораго дѣйствія на Александра. Аракчеевъ былъ полнымъ представителемъ того и другого. Но кромѣ того (стр. 98—99) „Александру приходилось еще слышать при маломъ дворѣ рѣзкое осужденіе правленія Екатерины, признававшагося цесаревичемъ узурпаціею. Въ бесѣдахъ съ сыновьями Павелъ Петровичъ давалъ просторъ своему раздраженію и вмѣстѣ съ тѣмъ неудовольствію по поводу свободомыслія, отличавшаго Александра. При полученіи извѣстія о какихъ-либо новыхъ ужасахъ, сопровождавшихъ французскую революцію, цесаревичъ говорилъ: „вы видите, мои дѣти, что съ людьми слѣдуетъ обращаться, какъ съ собаками (vous voyez, mes enfants, qu'il faut traiter les hommes comme des chiens“).

Такимъ образомъ юноша Александръ подпадалъ въ одно и то же время двумъ совершенно разнороднымъ вліяніямъ, и если въ то время онъ не съумѣлъ въ нихъ разобраться, то во всякомъ случаѣ остается удивительно, что онѣ въ равной мѣрѣ сохранились и впослѣдствіи. Наставленія Лагарпа и внушенія Аракчеева шли рядомъ, а наконецъ къ нимъ присоединились еще сильныя воздѣйствія мистицизма. Все это вмѣстѣ, въ соединеніи съ тонкимъ умомъ, дипломатическимъ искусствомъ, съ порывами политическаго великодушія, личнымъ обаяніемъ, создавали ту личность, которая является загадкой для историковъ.

Времена императора Павла затронуты въ книгѣ настолько, насколько онѣ касаются біографіи Александра; но въ нашей литературѣ

эти времена не были еще изображаемы такъ опредѣленно, какъ это сдѣлано въ настоящей книгѣ.

Первый томъ, какъ мы сказали, доведенъ до послѣдняго дня жизни императора Павла.

За разсказомъ слѣдуетъ обширный отдѣлъ примѣчаній, гдѣ авторъ указываетъ свои источники, даетъ детальныя объясненія и цитаты. Въ еще болѣе обширныхъ приложеніяхъ помѣщены, во-первыхъ, различныя оффиціальныя извѣстія и письма, относящіяся къ этому первому періоду жизни императора Александра; и во-вторыхъ, матеріалы для исторіи царствованія императора Павла—оффиціальные документы, рескрипты и письма императора Павла, донесенія иностранныхъ дипломатовъ, наконецъ цѣлый длинный журналъ (камеръ-фурьерскій) о пребываніи императора Павла въ Михайловскомъ замкѣ съ 1-го февраля (день переѣзда въ этотъ замокъ царской фамиліи) по 12 марта 1801 года. Помѣщеніе этихъ послѣднихъ приложеній авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Императоръ Павелъ—одна изъ загадочныхъ личностей нашей исторіи. Свѣдѣнія, которыя до сихъ поръ имѣются о немъ въ печати, отрывочны, неполны и невѣрны. Правда, довольно часто приходится слышать и читать разсказы о его царствованіи, но большею частью они оказываются или преувеличенными, или даже лишенными всякаго историческаго основанія. Къ сожалѣнію, чѣмъ менѣе они вѣроподобны, тѣмъ бо̀льшую находятъ вѣру, и такимъ образомъ составляется, можно даже сказать, составилась какая-то легенда, сквозь которую историку нелегко различить истину". Надо только желать, чтобы эта эпоха, какъ и вообще наша новѣйшая исторія, стала доступна для широкаго и всесторонняго изслѣдованія: легенда только и основывается на отсутствіи возможности точнаго знанія.

Наконецъ, изложеніе книги отличается большою простотою. Богатство собранныхъ фактовъ, доходящихъ, гдѣ возможно, до самыхъ подробностей обыденной жизни, постоянное привлеченіе современныхъ свидѣтельствъ и самыхъ словъ дѣйствующихъ лицъ, точныя, нерѣдко яркія, опредѣленія характеровъ и исторической обстановки живо переносятъ читателя въ изображаемое время; и наконецъ самая рѣдкость подобныхъ изложеній нашей новѣйшей исторіи придаетъ книгѣ особенный интересъ: она читается какъ романъ.

Не мало прибавляютъ къ этому интересу многочисленныя и разнообразныя иллюстраціи. За послѣднее время мы имѣли уже подобныя иллюстрированныя исторіи Петра I и Екатерины II; настоящая книга далеко превосходитъ ихъ и количествомъ иллюстрированныхъ приложеній и качествомъ ихъ исполненія. Понятно, сколько придаютъ наглядности разсказу эти иллюстраціи, знакомя съ дѣйствующими лицами,

исторической сценой и наконецъ, напримѣръ, въ аллегорическихъ картинахъ, съ самымъ художественнымъ вкусомъ того времени.

— П. Милюковъ. Главныя теченія русской исторической мысли. Томъ первый. М. 1897.

Мы не однажды имѣли случай указывать на этотъ замѣчательный трудъ г. Милюкова, когда онъ печатался еще отдѣльными статьями въ журналѣ „Русская Мысль". Собранный въ книгу, этотъ трудъ получитъ, безъ сомнѣнія, болѣе обширное распространеніе и этому можно только порадоваться, особливо при малочисленности въ нашей литературѣ сочиненій, посвященныхъ общимъ вопросамъ историческаго знанія. Въ предисловіи, которымъ авторъ сопроводилъ свою книгу, мы читаемъ, что въ основѣ ея лежатъ лекціи, читанныя авторомъ въ московскомъ университетѣ въ качествѣ приватъ-доцента съ 1886—1887 учебнаго года. Съ тѣхъ поръ авторъ еще разъ или два возвращался къ этому курсу; многое въ немъ было измѣнено и дополнено, но взглядъ на основныя явленія русской исторіографіи остался неизмѣннымъ, какъ остались неизмѣнными и общія теоретическія идеи, на которыхъ основались представленія автора о ходѣ развитія русской исторической науки. „Съ этими представленіями, десять лѣтъ тому назадъ, я приступалъ къ спеціальной работѣ надъ русской исторіей, и изученіе „главныхъ теченій русской исторической мысли" прежнихъ временъ должно было служить для меня лично средствомъ—отдать себѣ сознательный отчетъ въ выбранномъ мною направленіи историческаго изученія. Время шло, однако, и личный отчетъ передъ собой превращался, мало-по-малу, въ средство оправданія передъ публикой и передъ товарищами по спеціальности". Личныя обстоятельства помѣшали автору довести въ свое время до конца это обозрѣніе русской исторіографіи. „Я долженъ былъ,—говоритъ г. Милюковъ,—остановиться какъ разъ на томъ моментѣ русской исторіографіи, отъ котораго ведутъ начало теперь существующія и борющіяся между собою направленія нашей науки. Я нисколько не теряю, однакоже, надежды вернуться къ продолженію этого труда, связаннаго для меня со столькими пріятными и грустными воспоминаніями, встрѣтившаго меня въ самомъ началѣ моихъ добровольныхъ занятій съ московской университетскою молодежью—и проводившаго до конца".

Цѣль своего труда авторъ объясняетъ такъ: „Предлагаемые очерки имѣютъ цѣлью дать общую картину развитія и взаимной смѣны тѣхъ теорій и общихъ взглядовъ, которые осмысливали для предшество-

вавшихъ поколѣній спеціальную работу надъ русскою исторіей... Разумѣется, такое общее представленіе о ходѣ развитія русской исторической науки ничего не предрѣшаетъ относительно частностей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ слишкомъ часто ученые представители нашей науки не преодолѣвали того естественнаго антагонизма, который существуетъ между работой спеціальнаго изслѣдователя и разработкой общей теоріи, хотя бы того же самаго предмета: очень многіе видные представители русской исторической науки были весьма плохими теоретиками, и очень многіе теоретики совсѣмъ не были спеціальными учеными. Это наблюденіе показываетъ только, что исторія учености не совпадаетъ съ исторіей науки, но оно не можетъ опровергнуть факта существованія внутренней связи между наукой и ученостью". Такимъ образомъ „не столько ученая работа сама по себѣ, не столько ея положительные результаты, сколько направлявшія ее теоретическія побужденія составятъ предметъ нашихъ послѣдующихъ наблюденій. Но и изъ числа этихъ побужденій мы будемъ останавливаться только на тѣхъ, которыя характеризуютъ „главныя теченія" русской исторической мысли, т.-е. на тѣхъ только, которыя толкали эту мысль впередъ, расширяя и углубляя ея главное русло. Не претендуя, такимъ образомъ, ни на какую библіографическую полноту и не имѣя въ виду исчерпать всего содержанія исторіи науки, мы должны будемъ, съ другой стороны, не разъ выходить за предѣлы исторіи науки въ чуждыя ей области: это необходимо потому, что большею частью далеко отъ собственной сферы нашей науки зарождались тѣ идеи и настроенія, которымъ суждено было играть въ этой сферѣ руководящую роль".

Пересмотръ этихъ главныхъ теченій русской исторіографіи авторъ считаетъ особенно важнымъ въ наше время. „Теоретическія воззрѣнія на задачи историческаго изученія такъ быстро развивались во второй половинѣ нашего вѣка, что даже въ болѣе обильныхъ историческихъ литературахъ, чѣмъ наша, теорія далеко обогнала спеціальную разработку историческаго матеріала. Поставить вопросъ несравненно легче, конечно, чѣмъ обработать нужныя для отвѣта на него историческія данныя. Такимъ образомъ, съ новыми вопросами намъ приходится чаще всего обращаться къ старой наличной литературѣ". Но въ свое время эта литература собирала свой матеріалъ, ставя совсѣмъ иначе общіе теоретическіе вопросы: „Тѣ, старые вопросы теперь давно забыты, а отвѣты, на нихъ данные, продолжаютъ циркулировать въ ученомъ обращеніи. Тамъ, гдѣ ученая циркуляція совершается быстро, часто подвергается пересмотру и старый ученый матеріалъ, и сдѣланные изъ него выводы. У насъ эти выводы держатся иногда десятки лѣтъ, пока дождутся своей провѣрки. Такимъ образомъ, нашъ ученый,

а тѣмъ болѣе популярно-историческій обиходъ составляется изъ цѣлаго ряда разновременныхъ наслоеній, исторію и происхожденіе которыхъ мы не всегда помнимъ, но которыя одинаково употребляемъ въ дѣло при собственныхъ построеніяхъ".

Вслѣдствіе этого историкъ, разсматривающій развитіе нашей исторіографіи, долженъ различать въ ней наслоенія прежнихъ ступеней теоретической мысли и опредѣлять точку зрѣнія, подъ которой создавались въ свое время историческія понятія. „Возстановляя, такимъ образомъ, эти явленія старой исторической литературы въ ихъ *временномъ* и мѣстномъ значеніи, онъ тѣмъ самымъ лишаетъ ихъ значенія абсолютнаго и, слѣдовательно, освобождаетъ обиходъ современной мысли отъ множества историческихъ аксіомъ, принятыхъ на вѣру изъ старыхъ историческихъ произведеній". Авторъ замѣчаетъ, что, конечно, при этомъ всегда возможенъ споръ: одинъ наблюдатель будетъ считать отжившимъ то, что̀ другой будетъ находить живымъ и живучимъ; но это будетъ „вопросъ личной точки зрѣнія каждаго".

Остановившись въ своей книгѣ на русской исторіографіи только двухъ послѣднихъ столѣтій, авторъ находитъ въ ней два главные періода, которые онъ различаетъ—одинъ, какъ періодъ *практическаго* или *этическаго* пониманія исторіи, и другой, какъ періодъ пониманія *научнаго*; и переходъ отъ одного періода къ другому онъ относитъ къ вліянію успѣховъ историческаго знанія на Западѣ. Оба періода не отдѣлены рѣзко одинъ отъ другого: какъ въ первомъ бывали приверженцы чисто научнаго изслѣдованія, такъ во второмъ продолжается стремленіе придать исторической наукѣ прикладное значеніе. Но эти частности не измѣняютъ общаго характера движенія. Первый періодъ, по мнѣнію автора, завершается дѣятельностью Карамзина; второй обнимаетъ дальнѣйшее развитіе нашей исторической науки.

Въ нашей литературѣ не было до сихъ поръ подробнаго обзора развитія нашей исторіографіи. За послѣднее время авторъ указываетъ двѣ книги, ставившія подобную задачу, хотя съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія: одна изъ нихъ была „Исторія русскаго самосознанія" Кояловича; другая—„Опытъ русской исторіографіи" проф. Иконникова. Послѣдній ставитъ чисто спеціальную задачу, представляя въ двухъ первыхъ огромныхъ томахъ только описаніе хранилищъ историческаго матеріала—рукописныхъ собраній и архивовъ; исторія самой разработки этого матеріала, т.-е. исторія научныхъ пріемовъ. теорій и системъ, еще впереди. Книга Кояловича въ самомъ заглавіи „обличаетъ въ авторѣ одного изъ героевъ той исторіи, которую онъ собрался писать. Только очень давно можно было говорить, что „историкъ по преимуществу есть вѣнецъ народа, ибо въ немъ народъ узнаетъ себя", достигаетъ до своего самопознанія (афоризмъ Пого-

дина, 1827 года). Наше время не вѣритъ въ такое самонахожденіе и откровеніе духа, отъ вѣка вложеннаго въ народы, слѣдовательно не повѣритъ и въ то, что исторіографія можетъ быть „исторіей самосознанія". Можно себѣ представить, что Кояловичъ не съумѣлъ сдѣлаться судьей въ собственномъ дѣлѣ, и вся исторія науки вышла у него обвинительною рѣчью pro domo sua. Дѣятели науки раздѣлились при этомъ на два лагеря—своихъ и чужихъ, и чужіе (нѣмцы-западники) были уличены въ непрерывномъ полуторавѣковомъ заговорѣ противъ русской народности и противъ національнаго самосознанія". Можетъ показаться довольно смѣшно, а пожалуй и грустно, что защитникомъ и представителемъ нашего національнаго самосознанія могъ считать себя, совершенно добросовѣстно, Кояловичъ, изображавшій эту судьбу русскаго самосознанія такъ грубо и лубочно; но, быть можетъ, самъ авторъ, съ другой стороны, оставитъ въ читателяхъ нѣкоторое недоумѣніе, категорически отрицая понятіе самосознанія въ стремленіяхъ исторической науки. Всякая наука, хотя бы строго соблюдающая только свои теоретическія цѣли и средства, заключаетъ въ себѣ для своихъ адептовъ не одно чисто отвлеченное познаніе: если для отдѣльнаго лица наука можетъ расширить взгляды на природу, затѣмъ на природу человѣческую и ея прошедшее, и вслѣдствіе того повліять на личное сознаніе и практическую дѣятельность, то подобнымъ образомъ наука можетъ дѣйствовать и на цѣлое общество, такимъ же образомъ расширить его теоретическое пониманіе и повліять на его практическую дѣятельность; но это и будетъ сознаніе— не мистическое, но основанное на данныхъ, полученныхъ научнымъ изслѣдованіемъ. Понятно, что при этомъ долженъ предполагаться полный просторъ для такого научнаго изслѣдованія. Русская историческая наука начинала съ элементарныхъ вопросовъ, но, частью по указаніямъ гораздо ранѣе и сильнѣе развившейся западной науки, частью по пробуждавшимся инстинктамъ самостоятельной любознательности, мало-по-малу расширяла объемъ вопросовъ, требовавшихъ объясненія, и, напримѣръ, въ современныхъ интересахъ къ народной жизни, она, безъ сомнѣнія, имѣла свою немалую долю участія... Абсолютная наука существуетъ только въ математикѣ, физикѣ, химіи, словомъ, въ точномъ знаніи; такъ-называемыя нравственныя науки неизбѣжно связаны съ этими вмѣшательствами личнаго и особливо общественнаго интереса, и, скажемъ, связаны совершенно естественно и справедливо, потому что жизнь естественно ищетъ опыта пріобрѣтенныхъ знаній; самъ представитель „чистой науки" можетъ, самъ того не сознавая, подчиняться этимъ инстинктамъ жизни.

Въ настоящемъ первомъ томѣ авторъ разсматриваетъ первый періодъ русской новой исторіографіи, до Карамзина включительно, на-

чиная отъ опытовъ конца XVII-го вѣка, оцѣниваетъ труды историковъ XVIII-го столѣтія, съ большой подробностью останавливается на Карамзинѣ и его современникахъ; затѣмъ, во второмъ, послѣ-карамзинскомъ періодѣ излагаетъ общее значеніе перелома въ русской исторіографіи послѣ Карамзина, даетъ оцѣнку скептической школы, какъ выраженія перехода отъ критическихъ идей къ философскимъ, исчисляетъ проповѣдниковъ философскихъ идей въ двадцатыхъ годахъ (Велланскій, Давыдовъ, Павловъ, Одоевскій, Погодинъ, Надеждинъ, Полевой, Хомяковъ), излагаетъ приложеніе новыхъ философскихъ идей къ пониманію исторіи, наконецъ, первые опыты философской конструкціи русской исторіи (Полевой, Погодинъ, Иванъ Кирѣевскій, Чаадаевъ).

Замѣчательныя достоинства этого труда г. Милюкова, которыя намъ случалось отчасти указывать, труда, гдѣ въ первый разъ представлено развитіе русской исторіографіи въ ея общихъ теоретическихъ основаніяхъ и дана очень вѣрная оцѣнка многихъ частностей, заставляютъ желать продолженія, гдѣ автору предстояло бы опредѣлять новѣйшія и современныя теченія русской исторической мысли. Эти теченія до сихъ поръ очень разнообразны, часто противоположны, несмотря на весь прежній опытъ повторяютъ иногда устарѣлыя теоріи, и цѣльное историческое освѣщеніе ихъ могло бы стать весьма полезнымъ объясненіемъ истинныхъ потребностей историческаго изслѣдованія, т.-е. стать большой заслугой для самой разработки науки.

Кн. Сергѣй Волконскій. Очерки русской исторіи и русской литературы. Публичныя лекціи, читанныя въ Америкѣ. Второе изданіе. Спб. 1897.

Второе изданіе, такъ быстро послѣдовавшее за первымъ, свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ книги, какіе у насъ довольно рѣдки, и безъ сомнѣнія свидѣтельствуетъ также о многихъ достоинствахъ лекцій кн. Волконскаго. Настоящее изданіе еще не отразило на себѣ вліянія тѣхъ отзывовъ, какіе она вызвала со стороны критики. „Текстъ второго изданія,—говоритъ авторъ въ предисловіи ко второму изданію,—не заключаетъ никакихъ существенныхъ дополненій. По независящимъ отъ него причинамъ, авторъ долженъ былъ ограничиться лишь необходимыми поправками, но въ будущемъ онъ намѣренъ воспользоваться совѣтомъ нѣкоторыхъ изъ своихъ критиковъ и снабдить книгу одной или двумя дополнительными главами; пока же, по желанію нѣкоторыхъ читателей, внесены подъ строкой англійскіе переводы приводимыхъ въ текстѣ отрывковъ изъ русскихъ поэтовъ“.

Мы надѣемся тогда еще разъ возвратиться къ этой интересной книгѣ.

— Всеволодъ Миллеръ. Очерки русской народной словесности. Былины. I—XVI. М. 1897. (Историко-культурная библіотека).

Мы говорили недавно о книгѣ г. Лободы, которая излагала исторію изслѣдованій, посвященныхъ у насъ одному отдѣлу народной словесности, именно былинѣ; теперь передъ нами новая обширная книга, гдѣ собраны, частью исправлены и дополнены, изслѣдованія въ этой области народной словесности В. Ѳ. Миллера. Обыкновеннаго читателя можетъ удивлять это обиліе трудовъ, направленныхъ на одинъ отдѣлъ нашей народной поэзіи и гдѣ, однако, при всѣхъ усиліяхъ ученыхъ изыскателей, окончательное рѣшеніе все еще отъ нихъ ускользаетъ. Но ближайшее знакомство съ этими изысканіями могло бы представить чрезвычайный интересъ и для обыкновеннаго читателя. Дѣло въ томъ, что сама былина (и связанная съ ней историческая пѣсня) дѣйствительно заключаетъ въ себѣ именно тѣ произведенія нашей народной поэзіи, гдѣ сохранилось наиболѣе слѣдовъ ея историческаго прошлаго, такихъ слѣдовъ, которые иногда довольно опредѣленно указываютъ извѣстную историческую эпоху,—чего очень трудно было бы искать во всѣхъ другихъ памятникахъ народной поэзіи; съ другой стороны, изслѣдованіе былины представляетъ образчикъ того, какъ трудно дается объясненіе народно-поэтическаго факта, собравшаго на себѣ наслоенія различныхъ вѣковъ и различныхъ состояній народной жизни. Притомъ самый фактъ чрезвычайно замѣчателенъ. Наша былина есть устный національный эпосъ, который уже давно исчезъ въ западной Европѣ и имѣетъ нынѣ свою параллель только въ подобномъ, но болѣе тѣсномъ народномъ эпосѣ южнаго славянства.

Обиліе все новыхъ толкованій, предлагаемыхъ нашими учеными для былины, объясняется прежде всего этою едва разрѣшимою сложностью разнородныхъ элементовъ содержанія, которая накопилась въ ней въ теченіе многихъ вѣковъ, а во-вторыхъ, усовершенствованіемъ тѣхъ критическихъ пріемовъ, которые примѣняются теперь къ этому толкованію, и размноженіемъ матеріала, какой привлекается къ сравненію.

В. Ѳ. Миллеръ уже многіе годы посвящаетъ свои труды изслѣдованію вопросовъ нашей поэтической старины, а въ послѣдніе годы въ частности изслѣдованію былины, и въ настоящей книгѣ собраны его статьи объ этомъ предметѣ, появлявшіяся за послѣднія пять лѣтъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Въ толкованіи былины онъ сталъ на особую точку зрѣнія. Онъ пользуется указаніями сравнительнаго метода, который находитъ для нашей былины многочисленныя и иногда поразительныя параллели въ письменной и устной поэзіи другихъ народовъ; но онъ не полагается на этотъ методъ вполнѣ,

находя въ немъ слишкомъ много гадательнаго и случайнаго, и рядомъ съ этимъ методомъ старается отыскивать исторически бытовыя объясненія для сюжетовъ былины и для ея формы.

Свою точку зрѣнія и основу своихъ изысканій онъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

„Современная научная разработка нашего былевого эпоса все еще не даетъ, на мой взглядъ, возможности отвѣтить на нѣкоторые вопросы по его исторіи и построить ученіе, удовлетворяющее всѣмъ научнымъ требованіямъ. Отдаленныя основы эпоса сокрыты отъ насъ густою завѣсою длиннаго ряда вѣковъ, которая, по отсутствію или крайней скудости письменныхъ документовъ, до сихъ поръ была приподнимаема только посредствомъ смѣлыхъ догадокъ и гипотезъ, не находившихъ всеобщаго признанія. Ни предполагавшіяся миѳологическія основы эпоса, ни теорія до-историческаго, индо-европейскаго и обще-славянскаго наслѣдія, ни гипотеза восточнаго происхожденія сюжетовъ нашихъ былинъ не разъяснили удовлетворительнаго зарожденія и древнѣйшаго періода развитія былевого эпоса. Бо̀льшіе успѣхи для правильной оцѣнки былинъ достигнуты указаніями историческихъ пластовъ и слѣдовъ, которые въ нихъ оказываются, и сказочныхъ странствующихъ сюжетовъ или литературныхъ отголосковъ, вошедшихъ въ составъ былевыхъ пѣсенъ въ силу процессовъ циклизаціи и историзаціи. Особенное вниманіе въ послѣднія десятилѣтія было обращено на изученіе обширной литературы европейскаго и азіатскаго фольклора, собираніе такъ-называемыхъ „параллелей“ и приложеніе сравнительнаго метода къ изученію состава нашихъ былинъ. Но нельзя возлагать чрезмѣрныхъ надеждъ на эти „параллели“; нельзя думать, что детальный разборъ разныхъ странствующихъ сказочныхъ сюжетовъ, устанавливая ихъ генетическую классификацію, можетъ уяснить во всѣхъ случаяхъ и пути ихъ перехода отъ народа къ другому. Конечно, я и теперь считаю сравнительный методъ въ высшей степени плодотворнымъ для уясненія той общей сказочной пищи, которою питалось въ теченіе многихъ столѣтій воображеніе и западнаго европейца, и русскаго, и нашихъ инородцевъ, и жителей азіатскаго востока. Уже эта общность множества сюжетовъ даетъ намъ возможность смотрѣть болѣе правильно на творчество каждаго отдѣльнаго народа, насколько оно проявилось въ усвоеніи и переработкѣ общаго бродячаго духовнаго добра. Но, къ сожалѣнію, какая-нибудь устная странствующая сказка непохожа на пересылаемое изъ страны въ страну письмо, сохраняющее въ своихъ штемпеляхъ слѣды всѣхъ пройденныхъ государствъ. Уловить пути распространенія устной сказки за многіе вѣка ея блужданія—все равно, что ловить вѣтеръ въ полѣ. Какъ бы близки между собою ни были какіе-нибудь два варіанта

одного и того же сюжета, сравнительно съ прочими, мы все же въ большинствѣ случаевъ не можемъ заключать, что это сходство опредѣляется ихъ ближайшимъ родствомъ, объясняющимся географическимъ сосѣдствомъ. Нерѣдко два варіанта, наиболѣе удаленные другъ отъ друга географически, совпадаютъ въ бо̀льшемъ числѣ деталей, чѣмъ два сосѣдніе. Да при неисчислимыхъ и непредвидимыхъ случайностяхъ устной передачи это представляется вполнѣ естественнымъ. Поэтому, если, изслѣдуя источникъ какой-нибудь былины, содержащей либо *былинную* обработку странствующей фабулы, либо переработку старой исторической пѣсни подъ воздѣйствіемъ такой фабулы, мы ставимъ вопросъ, откуда странствующій сюжетъ явился на русскую почву, то этотъ вопросъ равносиленъ тому, гдѣ и отъ кого услыхалъ эту сказку слагатель былины, какой-нибудь Никита-Волокита. Другими словами, вопросъ сводится къ біографіи неизвѣстнаго слагателя, которая, какъ и онъ самъ, представляетъ самое широкое поле для гаданій. Сомнѣваясь въ успѣшности такихъ гаданій, которыя неизбѣжны, если мы не имѣемъ письменныхъ литературныхъ источниковъ для былины, я въ „Очеркахъ“ рѣдко пользуюсь сравнительнымъ методомъ для заключеній о пути проникновенія въ нашъ былевой эпосъ того или другого былиннаго сюжета. Я больше занимаюсь *исторіей* былинъ и отраженіемъ *исторіи* въ былинахъ, начиная первую не отъ временъ до-историческихъ, не снизу, а сверху. Эти верхніе слои былины, не представляя той загадочности, которою такъ привлекательна изслѣдователю глубокая древность, интересны уже потому, что дѣйствительно могутъ быть уяснены и дать не гадательное, а болѣе или менѣе точное представленіе о ближайшемъ къ намъ періодѣ жизни былины. Такъ, иногда мы найдемъ въ былинѣ слѣды воздѣйствія на нее лубочной сказки или письменной старинной книжной повѣсти, иногда яркіе слѣды скоморошьей передѣлки, иногда присутствіе того или другого собственнаго имени, дающаго возможность для хронологическихъ заключеній. Для уясненія исторіи былины я старался изъ сопоставленія варіантовъ вывести наиболѣе архаическій ея изводъ и, изслѣдуя историко-бытовыя данныя этого извода, опредѣлить по возможности періодъ его сложенія и районъ его происхожденія. Иногда на основаніи письменныхъ историческихъ свидѣтельствъ или, такъ сказать, внутренняго вѣроятія, не только можно, но и должно предполагать, что за этимъ древнѣйшимъ, реставрируемымъ изъ варіантовъ типомъ лежитъ еще болѣе древній, но здѣсь мы опять уже входимъ въ область гаданій, вообще наполняющихъ древній періодъ нашего эпоса“.

Изслѣдованія В. Ѳ. Миллера частію касаются общихъ вопросовъ о формаціи и судьбѣ былины въ народномъ обращеніи, частію ея

отдѣльныхъ сюжетовъ. Къ первому отдѣлу принадлежатъ вводныя статьи о былинѣ въ олонецкой губерніи, о слагателяхъ и исполнителяхъ былины, наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ, и также послѣдняя статья въ сборникѣ о новыхъ записяхъ былинъ въ Якутской области. Авторъ приходитъ вообще къ заключенію, что современные пѣвцы былинъ, столь многочисленные особенно въ олонецкомъ краѣ, унаслѣдовали былинный репертуаръ отъ старыхъ профессіональныхъ пѣвцовъ: это были столь извѣстные въ древней Руси скоморохи или вообще профессіональные пѣвцы, которые были и слагателями пѣсенъ; слѣды старой пѣсенной техники скомороховъ авторъ открываетъ и во внѣшней формѣ былины. Наблюдая географическое распространеніе былинъ, авторъ указываетъ особенно значеніе сѣверной Руси въ переработкѣ былинныхъ сюжетовъ, указываетъ различіе былинъ и богатырей сѣверно-великорусскихъ и южно-великорусскихъ и отмѣчаетъ движеніе былины на востокъ до Сибири.

Не менѣе любопытны изслѣдованія автора по поводу отдѣльныхъ сюжетовъ. Такъ проходятъ передъ читателемъ галицко-волынскія сказанія въ современныхъ былинахъ, далѣе былины о Добрынѣ Никитичѣ, о Вольгѣ и Микулѣ, Чурилѣ Пленковичѣ, Соловьѣ Будимировичѣ, Хотѣнѣ Блудовичѣ, Иванѣ Гостиномъ сынѣ, Ставрѣ Годиновичѣ, Садкѣ, Батыѣ, Саурѣ, объ Ильѣ Муромцѣ. Съ упомянутой историческо-бытовой точки зрѣнія, авторъ нерѣдко приходитъ къ совершенно новымъ заключеніямъ о томъ, въ какой мѣстности можно предполагать происхожденіе той или другой былины и къ какой бытовой средѣ она относится. Такъ напримѣръ, нѣкоторыхъ героевъ древней былины, которыхъ А. Н. Веселовскій относилъ къ эпохѣ древнихъ культурныхъ связей Кіева съ византійскимъ югомъ, г. Миллеръ переноситъ, напротивъ, въ Новгородскую область, къ торговымъ связямъ Новгорода съ нѣмцами и т. п. Изъ этой противоположности заключеній можно видѣть, какъ обширна еще здѣсь область гаданій и сколько еще остается задачъ для будущихъ изслѣдователей. Многое темное теперь, быть можетъ, будетъ разъяснено; другое и останется гаданіемъ,—но во всякомъ случаѣ новѣйшія изысканія разъяснили очень многое въ нашей древней народной поэзіи и В. Ѳ. Миллеру принадлежитъ здѣсь также большая доля заслуги.—А. П.

Въ теченіе іюня мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Баницкій, Д.—Политическая исповѣдь современнаго поляка. Спб. 1897. Стр II и 40.

Бобрищева-Пушкина, М.—Пособіе къ практическому изученію французскаго языка для старшаго возраста. Спб. 97. Стр. 420. Ц. 2 р.

Бобровъ, Евгеній, профессоръ философіи.—Этическія воззрѣнія графа Л. Н. Толстого и философская ихъ критика. Юрьевъ, 1897. Стр. 100. Ц. 80 коп.

Верникъ, Н., преподаватель Рыбинской гимназіи.—Іоганнъ Генрихъ Песталоцци. Изд. ж. „Гимназія". Ревель, 1897. Стр. 140.

Гольдаммеръ, Д. А. проф.—Объ аналитическомъ выраженіи періодической системы элементовъ. Казань. 97. (О природѣ Х-лучей Рёнтгена). Стр. 8.

——— Памяти профессора А. Г. Столѣтова. Каз. 97. Стр. 16.

Гregуаръ, Л.—Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Съ приложеніемъ введенія и дополненій. Томъ четвертый. Послѣднее десятилѣтіе имперіи. Война 1870—71 г. Переводъ М. В. Лучицкой, подъ редакціей И. В. Лучицкаго. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1897. Стр. XXIII и 695. Ц. 4 р.

Гуляевъ, А. М. профессоръ.—Право общее и мѣстное. Рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи университета 16-го января 1897 г. Кіевъ. 1897. Стр. 16.

Дюрингъ, Е.—Великіе люди въ литературѣ. Критика современной литературы съ новой точки зрѣнія. Переводъ съ нѣмецкаго Ю. М. Антоновскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1897. Стр. VIII и 551. Ц 3. р. 50 к.

Залѣскій, С. І.—Опрѣсненіе Славянскихъ минеральныхъ озеръ въ зависимости отъ дѣйствія артезіанскихъ буровыхъ скважинъ, питающихъ мѣстные солеваренные заводы. Спб. 1897. Стр. 112 и планъ. Изданіе Горнаго Департамента.

Киплингъ, Р.—Индусскіе разсказы. Перев. съ англійскаго В. Н. Офросимова. Спб. 1897. Стр. 107. Ц. 50 к.

Кольбъ, Г. Фр.—Исторія человѣческой культуры. Переводъ съ 3-го, переработаннаго и значительно дополненнаго нѣмецкаго изданія, подъ редакціей А. А. Рейнгольдта. Вып. IV. Все изданіе выйдетъ въ 8-ми выпускахъ. Подписная цѣна 2 р. 50 коп. По выходѣ всего изданія цѣна будетъ значительно повышена. Кіевъ, 1897. Изданіе Ф. А. Іогансона. Стр. XI и 417—472.

Лурбэ, Жакъ.—Женщина предъ судомъ современной науки. Переводъ съ французскаго. („Всеобщая Библіотека", № 4 и 5. Изданіе Ф. А. Іогансона). Кіевъ, 1897. Стр. 142. Ц. 30 коп.

Майльсъ, Альфредъ.—Естественная исторія въ разсказахъ. Перев. съ англ. Марка Басанина. Спб. 1897. („Полезная Библіотека", изд. П. П. Сойкина). Стр. 173. Ц. 50 к.

Миллеръ, Всеволодъ.—Очерки русской народной словесности. Былины. I—XVI. М. 1897. Стр. XIV и 464. Ц. 2 р.

Поздѣевъ, Димитрій.—Описаніе Маньчжуріи (съ картой). Составлено въ канцеляріи министра финансовъ, подъ редакціей... Томъ I. Томъ II. Приложенія. Спб. 1897. Стр. V, 620 и VI. Приложенія съ нѣсколькими пагинаціями

Поповъ, Иванъ.—Естественный нравственный законъ. (Психологическія основы нравственности). Сергіевъ-Посадъ, 1897. Стр. VIII, XIX и 597. Ц. 3 р.

Пуцыковичъ, Ѳ. Ѳ.—Изъ народовѣдѣнія. Чтеніе для народа. Изданіе П. В. Луковникова: Абиссинцы.—Англичане.—Арабы.—Болгары.—Венгерцы.—Египтяне.—Индусы.—Испанцы.—Итальянцы.—Китайцы.—Корейцы.—Негры.—Нѣмцы.—Персы.—Русины.—Сербы.—Скандинавы.—Сѣверо-Американцы.—Турки.—Французы.—Хорваты.—Черногорцы.—Чехи.—Японцы. Спб. 1897. Каждая книжка по 5 коп.

Пятуховъ, Е. В.—В. А. Жуковскій въ Дерптѣ. Спб. 1897. Стр. 39.

——— Объ отношеніяхъ императора Николая I и А. С. Пушкина. Рѣчь, произнесенная на торж. актѣ Имп. Юрьевскаго университета 12-го декабря 1896 года. Юрьевъ, 1897. Стр. 14.

Рибо, Т. д-ръ.—Психологія вниманія. Переводъ съ 3-го французскаго изданія. („Всеобщая Библіотека", № 6 и 7. Изданіе Ф. А. Іогансона). Кіевъ, 1897. Стр. 179 и III. Ц. 30 к.

Сеньобосъ, Ш., лекторъ парижскаго университета.—Политическая исторія современной Европы.—Эволюція партій и политическихъ учрежденій 1814—1896. Часть первая. Переводъ съ французскаго. Спб. 1897. Стр. XII и 362. Ц. 2 р.

Смирнова, С.—Повѣсти и разсказы. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1897. Стр. 472. Ц. 2 р.

Тейлоръ, И.—Происхожденіе арійцевъ и до-историческій человѣкъ. Изслѣдованіе по до-исторической этнологіи и цивилизаціи въ Европѣ. Съ 30 рисунками въ текстѣ. М. 1897. Изданіе кн. магазина „Книжное дѣло". Стр. IV и 329

Токвиль, де, Алексѣй.—Демократія въ Америкѣ. Перевелъ съ 14-го французскаго изданія В. Н. Линдъ. М. 1897. Изд. магазина „Книжное дѣло". Стр. XV и 620. Ц. 2 р. 50 к.

Трубецкой, кн. Евгеній.—Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI-мъ вѣкѣ. Идея Божескаго царства въ твореніяхъ Григорія VII и публицистовъ—его современниковъ. Вып. II. Кіевъ, 97. Стр. 367—511. Ц. за оба вып. 2 р. 50 к.

Фудель, І. свящ.—Народное образованіе и школа. М. 1897. Стр. 138. Ц. 40 коп.

Хэдсонъ, У.—Натуралистъ на Ла-Платѣ. Переводъ съ третьяго англійскаго изданія (1895). Двѣ части (съ 15 и 11 рисунками). Спб. 1897. („Полезная Библіотека", изд. П. П. Сойкина). Стр. 180 и 198. Цѣна каждой книги 50 к.

Отчетъ о дѣятельности с.-петербургскаго комитета общества Краснаго Креста для оказанія помощи увѣчнымъ воинскимъ чинамъ и ихъ семействамъ за 1896 годъ. Спб. 1897. Стр. 72.

Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Сборникъ редакціи газеты „Кіевское Слово". Кіевъ, 1897. Изданіе Ф. А. Іогансона. Изданіе 4-е. Стр. 437. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.

— *Энциклопедическій Словарь*, изд. Ф. Брокгауза и Ефрона. Т. XX, А: кн. 40. Наказный атаманъ—Неясыти. Спб. 97. Стр. 481—960.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Victor Charbonnel. Congrès universel des religions en 1900. Paris 1897. Стр. 300. Les Mystiques dans la littérature présente. Paris 1897. Стр. 200.

Всякое идейное движеніе прививается въ Европѣ лишь тогда, когда оно исходитъ изъ Франціи,—объяснить этотъ фактъ не всегда легко, но отрицать его невозможно. Новыя идеи рѣдко зарождаются во Франціп. Идея гражданской свободы, выдвинутая великою „французской“ революціею, пришла изъ Англіи. Романтизмъ, обошедшій Европу подъ знаменемъ Гюго, зажегся блестящимъ фейерверкомъ послѣ того, какъ въ литературныхъ кружкахъ Парижа стали внимательно читать лекціи Шлегеля и узнали о существованіи Гёте. Наконецъ, такъ-называемый французскій нео-романтизмъ или символизмъ нашихъ дней со всѣми его спутниками — нео-католицизмомъ, мистицизмомъ, сатанизмомъ и т. д.—явился нѣсколько неожиданнымъ результатомъ столь разнообразныхъ вліяній, какъ французскій романъ, скандинавская драма, нѣмецкое ученіе о сверхъ-человѣкѣ и англійское прерафаэлитство. Но въ наши дни, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, нужно, чтобы каждая новая идея, философская или литературная, загорѣлась огнемъ французскаго паѳоса, чтобы, доведенная французскими нервами до крайнихъ предѣловъ утонченности, она облеклась красотой французскаго краснорѣчія. Тогда только она пріобрѣтаетъ міровое гражданство и становится установившимся фактомъ общеевропейской культуры. Франція является такимъ образомъ законодательницей для интеллектуальныхъ модъ, какъ и для внѣшнихъ рамокъ жизни, для нарядовъ и свѣтскихъ обычаевъ, причемъ въ той и другой области она проявляетъ больше таланта, чѣмъ творчества. Франція усвоиваетъ заимствованное у другихъ націй, но, возсоздавая заимствованное, даетъ ему новую широкую жизнь.

Это особенность французскаго генія, даръ воспріятія, соединенный съ блестящимъ даромъ отраженія, опредѣляетъ роль Франціи въ культурной жизни Европы. Отсюда исходитъ также двойственность всякаго идейнаго движенія вообще и литературнаго въ частности въ самой Франціи. Имъ тотчасъ же завладѣваетъ мода и начинается увлеченіе, не отдающее себѣ отчета во внутреннемъ содержаніи почему-то при-

вившейся формы. Нерѣдко элементъ моды исчерпываетъ все движеніе; но даже и тогда несомнѣнно существуетъ серьезное настроеніе,—оно скрывается въ неудержимомъ потокѣ массоваго увлеченія. Вотъ почему такъ трудно отдѣлить во Франціи интеллектуальныя моды, столь часто смѣняющіяся, отъ серьезныхъ идейныхъ движеній. Во всякомъ отдѣльномъ проявленіи французской жизни сказывается столько же искренняго увлеченія, сколько и любви къ парадным зрѣлищамъ, къ сильнымъ, захватывающимъ нервы, ощущеніямъ, къ театральности во всѣхъ видахъ. Эту національную особенность необходимо всегда имѣть въ виду. Нельзя пренебрегать тѣмъ или другимъ явленіемъ во французскомъ искусствѣ изъ-за того, что оно сопровождается внѣшнимъ оригинальничаньемъ. Но съ другой стороны нельзя придавать серьезнаго значенія возникающимъ новымъ настроеніямъ на томъ только основаніи, что онѣ разлились широко въ отзывчивомъ обществѣ.

Въ области литературы взаимодѣйствіе моды и серьезнаго идейнаго содержанія болѣе ясно уже потому, что большей частью они соединены причинной связью. Когда литературное движеніе уже отлилось въ опредѣленныя формы и пріобрѣло популярность, тогда вопросъ объ оригинальныхъ талантахъ становится второстепеннымъ,—лишь бы все, что̀ пишется, выливалось въ установившіяся формы, обязательныя для „современной жизни“, какъ она понимается въ авторитетныхъ интеллектуальныхъ мастерскихъ и лабораторіяхъ Парижа. Но эстетическая формула лишь тогда оказывается плодотворной, когда она создана истинными художниками, и первоисточникомъ литературной моды является всегда оригинальное по существу творчество.

Совершенно инымъ представляется вопросъ о смѣняющихся настроеніяхъ въ жизни общества. Тутъ дѣло уже касается не отдѣльныхъ личностей, объ искренности и талантѣ которыхъ можно судить, а о массѣ, которая не можетъ не быть искренней, насколько она повинуется инстинкту. Можно судить только о глубинѣ возникающаго настроенія—и то судить лишь приблизительно. Толпа и въ особенности культурная толпа такъ неустойчива и непонятна въ своихъ вкусахъ, что можно слишкомъ легко ошибиться, принявъ за убѣжденіе и вѣру то, что̀ на самомъ дѣлѣ лишь результатъ нервной впечатлительности и эстетическаго увлеченія. Такъ, напр., во Франціи теперь много говорится о такъ называемомъ религіозномъ возрожденіи. Внѣшнія проявленія его замѣтны повсюду: религіозные сюжеты преобладаютъ въ искусствѣ, мистеріи разыгрываются на большихъ сценахъ и на миніатюрныхъ подмосткахъ въ артистическихъ cabarets Монмартра. Университетская молодежь говоритъ о религіи устами своихъ талантливыхъ представителей, Анри Беранже и др. Всѣ „petites revues“ въ бѣлыхъ, блѣдно-голубыхъ, синихъ и лиловыхъ

обложкахъ распространяются о „возвращеніи къ Богу"; Брюнетьеръ, отождествляя религіозныя настроенія съ вѣрой въ папскій университетъ, ѣдетъ въ Римъ и повѣствуетъ міру о своемъ католичествѣ. Каково значеніе всѣхъ этихъ отдѣльныхъ фактовъ, оттѣняющихъ вмѣстѣ со многими другими поворотъ къ вопросамъ духа и къ мистическимъ настроеніямъ? Можно ли видѣть въ этомъ только внѣшніе отголоски литературныхъ вліяній, или мы присутствуемъ при какомъ-то серьезномъ духовномъ движеніи?

Двѣ книги молодого аббата Виктора Шарбоннеля, „Le Congrès des religions en 1900" и „Les Mystiques dans la littérature présente", не даютъ, конечно, полнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но въ нихъ собрано много матеріала, дающаго возможность судить о различныхъ сторонахъ религіознаго и мистическаго движенія. Одна изъ книгъ посвящена мистицизму въ литературѣ и критикуетъ всѣ шарлатанскія и чисто показныя явленія въ этой области. Другая разсматриваетъ практическіе результаты начатаго въ литературѣ движенія и показываетъ, насколько французское общество нашихъ дней проникнуто интересомъ къ религіи и отвлеченнымъ философскимъ вопросамъ.

Личность самого автора представляетъ несомнѣнный интересъ. Онъ принадлежитъ къ любопытной расѣ французскихъ „Kulturträger"'овъ, которые умѣютъ угадать, какое чужеземное вліяніе можетъ въ данное время дать сильный толчокъ духовной жизни Франціи. Въ моменты идейныхъ колебаній, когда національный духъ утрачиваетъ стойкость, переводъ какой-нибудь иностранной книги, ознакомленіе съ какимъ-нибудь крупнымъ явленіемъ чужой литературы принимаетъ размѣры идейнаго переворота и даетъ національному духу ориентировку, въ которой онъ нуждался. Переводчикъ и проповѣдникъ заимствованныхъ идей становится новаторомъ, начинаетъ собою идейное движеніе—и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ значеніе и славу, выпадающія обыкновенно лишь на долю оригинальныхъ мыслителей и дѣятелей. Въ идейной жизни Франціи есть нѣсколько такихъ примѣровъ. Главной заслугой г-жи Сталь считаются не ея самостоятельные романы, а книга о Германіи, которая познакомила французовъ съ германской жизнью и философіей. Французы такъ воспріимчивы къ новизнѣ и такъ невѣжественны относительно всего, происходящаго за предѣлами ихъ страны, что „открытіе Америки" въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ становится эпохой въ ихъ умственной жизни, и они полны благодарности къ новымъ Колумбамъ. Такъ, въ наше время Мельхіоръ де-Вогюэ сдѣлался академикомъ и пріобрѣлъ прочную литературную славу—только тѣмъ, что, знакомый съ русскимъ языкомъ, онъ разсказалъ французамъ о великихъ русскихъ романистахъ.

Вогюэ, открывшаго русскій романъ, часто сравниваютъ съ г-жею

Сталь, открывшей Германію. Теперь къ нимъ нужно присоединить аббата Шарбоннеля. Онъ открылъ нѣчто, казалось бы, хорошо извѣстное. Въ 1893 г. на выставкѣ въ Чикаго состоялся конгрессъ религій, который своей необычайностью взволновалъ общественное мнѣніе въ Европѣ. Были французы—особенно среди протестантовъ—которые и принимали участіе въ конгрессѣ, и писали о немъ. Но все-таки во Франціи въ обществѣ не знали о конгрессѣ и не интересовались имъ, пока аббатъ Шарбоннель не началъ свою кампанію. Онъ далъ широкое распространеніе свѣдѣніямъ о конгрессѣ въ Чикаго и сталъ проповѣдывать идею такого же—только еще болѣе грандіознаго по своей свободѣ—конгресса въ Парижѣ, на выставкѣ 1900 года. Газетныя и журнальныя статьи, написанныя съ паѳосомъ и утонченнымъ краснорѣчіемъ французскихъ идейныхъ глашатаевъ, обращенія ко всѣмъ представителямъ общественнаго мнѣнія во Франціи, письма изъ всѣхъ церковныхъ лагерей, широкая publicité каждаго шага въ предпринятомъ походѣ,—всѣмъ этимъ Шарбоннель съумѣлъ воспользоваться съ большимъ искусствомъ и поставить на очереди вопросъ, который, казалось бы, чуждъ всему строю французской жизни. Шарбоннель сознавалъ и трудность своей задачи, и все значеніе ея для умственной жизни Франціи; онъ зналъ, что возбуждаетъ противъ себя оффиціальныхъ представителей религіи во Франціи, католическую церковь, которая неминуемо должна воспротивиться свободному обсужденію религіозныхъ вопросовъ на конгрессѣ. Кромѣ того, еще бо́льшаго отпора можно было ожидать со стороны насмѣшливой печати, которая откажется понять серьезную сторону въ объективномъ обсужденіи религіозныхъ доктринъ, въ проповѣди вѣротерпимости, какъ главной цѣли конгресса религій, и увидитъ только театральный элементъ предполагаемаго собранія, маскарадъ церковныхъ обрядовъ и сборище жрецовъ, въ невиданныхъ въ Европѣ одеждахъ.

Но эти опасенія не могли остановить аббата Шарбоннеля, у котораго были ясно намѣченныя цѣли. Конгресъ религій сталъ для него знаменемъ единенія всѣхъ людей, занятыхъ мыслями о смыслѣ и цѣли бытія; онъ видитъ возможность единенія внѣ ученій различныхъ церквей и полагаетъ, что, сойдясь на конгрессѣ религій и излагая каждый свое ученіе, люди найдутъ общую основу всѣхъ вѣрованій и научатся относиться безъ предубѣжденій къ самымъ противоположнымъ догматическимъ ученіямъ исходящимъ изъ общихъ идеалистическихъ исканій. Странно встрѣтить въ католическомъ священникѣ такую широту и независимость въ вопросахъ религіи, какая проявляется въ личности и писаніяхъ молодого аббата. Въ немъ отразилось вліяніе литературнаго нео-католицизма на клерикальную среду. Шарбоннель вышелъ изъ католической семинаріи—онъ воспитанникъ

Institut Catholique, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прошелъ черезъ философскую школу Сорбонны, былъ ученикомъ Лависса и воспринялъ мистицизмъ цѣлаго поколѣнія французскихъ писателей, отрицающихъ церковь, но проникнутыхъ религіозными настроеніями. Выступивъ сначала въ литературѣ, Шарбоннель занялъ видное мѣсто среди молодыхъ защитниковъ религіознаго возрожденія въ „Revue Blanche“, въ „L'Art et la Vie“, „Revue des Revues“ и т. д., на ряду съ Анри Беранже, Морисомъ Пюжо и т. д. Но на ряду съ чисто литературнымъ мистицизмомъ, который сосредоточивается въ литературѣ и не хочетъ вліять на жизнь, Шарбоннель исповѣдуетъ другую вѣру, чисто практическую, связанную съ его католическимъ воспитаніемъ. Онъ стремится къ практическимъ выводамъ своихъ вѣрованій и къ тому, чтобы проводить ихъ въ жизни. Прежде всего они отразились на его отношеніи къ католической церкви. Онъ не вѣритъ въ неподвижность церковныхъ догматовъ и доказываетъ, что, развиваясь параллельно съ исторіей, церковь должна внутренно видоизмѣняться. Въ настоящее время, по его словамъ, въ католической церкви совершается сильное движеніе—образовалась значительная партія „либеральнаго духовенства“, къ которой Шарбоннель причисляетъ себя вмѣстѣ съ аббатомъ Феликсомъ Клейномъ, авторомъ „Nouvelles Tendances en religion et en littérature“ и др. Къ великому ужасу ортодоксальныхъ католиковъ, они допускаютъ полную свободу обсужденія религіозныхъ вопросовъ и, оставаясь служителями церкви, признаютъ существеннымъ только вѣрность нравственному и идеалистическому ученію христіанства помимо подчиненія церкви. Они проповѣдуютъ—и очень громко—возвратъ къ первымъ вѣкамъ христіанства, когда церковь служила сама ученію Христа, а не выставляла свой авторитетъ главнымъ принципомъ вѣры.

Такова догматическая сторона проповѣди „либеральнаго духовенства“. Она побуждаетъ Шарбоннеля и его единомышленниковъ искать единенія съ представителями другихъ вѣроученій — между прочимъ связь ихъ съ протестантами очень близкая. Точно также имъ близки по духу представители религіозныхъ настроеній въ литературѣ,—и Шарбоннель самъ прежде всего литераторъ, которому дороги вопросы искусства. Этимъ двумъ сторонамъ его дѣятельности соотвѣтствуютъ книги Шарбоннеля. Въ „Mystiques dans la littérature présente“ онъ разсматриваетъ проявленія религіознаго возрожденія въ литературѣ и искусствѣ, и затѣмъ, собравъ документы своей пропаганды конгресса религій, издаетъ ихъ какъ историческій матеріалъ, какъ „исторію идеи“. Въ самомъ дѣлѣ, собранные въ его книгѣ документы, т.-е. мнѣнія представителей самыхъ различныхъ членовъ французскаго общества о конгрессѣ религій, являются очень цѣннымъ мѣриломъ на-

строенія общества и даютъ возможность судить о томъ, сколько правды въ толкахъ о религіозномъ возрожденіи.

Въ своей исторіи современнаго мистицизма въ литературѣ Шарбоннель объединяетъ два въ сущности очень различныхъ теченія. Первое имѣетъ чисто художественный характеръ. Оно коренится въ творчествѣ нѣсколькихъ поэтовъ послѣдняго поколѣнія, Бодлэра, Верлэна, Виллье де-Лилль-Адама и созданной ими школы. Кромѣ того, созидателемъ религіозныхъ настроеній былъ Ренанъ, отрицатель съ вѣрующей душой, Барбэ д'Оревильи, католикъ съ оттѣнкомъ сатанизма, а въ новѣйшее время Гюисмансъ и цѣлое поколѣніе оккультистовъ, маговъ и основателей сектантскихъ часовенъ—начиная съ многошумнаго Сара-Пеладана и до Жюля Буа, новѣйшаго учителя таинственной мудрости. Какъ ни разнообразны по содержанію и по степени таланта произведенія этихъ писателей, они своей совокупностью создали въ современной Франціи общее настроеніе. Его нельзя назвать религіознымъ, потому что оно чуждо всякаго догматизма, всякой положительной вѣры и близко къ своему источнику—пессимизму. Отрицаніе жизненныхъ идеаловъ привело къ жаждѣ сверхжизненнаго, разбивающаго границы міра явленій. Богъ и сатана одинаково привлекаютъ этихъ мистиковъ, и молитвенные экстазы чередуются у нихъ съ богохульствомъ. Мистицизмъ ихъ не имѣетъ идейнаго содержанія, не отражаетъ философскаго міросозерцанія. Онъ весь въ области эмоцій и значеніе его исключительно эстетическое. Онъ создалъ окраску современнаго искусства, направилъ исканія художниковъ въ область метафизическую, не опредѣляя однако характера этихъ исканій. Мистицизмъ этого рода создалъ искусство, богатое средствами болѣе, чѣмъ содержаніемъ, дѣйствующее на нервы болѣе, чѣмъ на душу.

Представители этого мистицизма вызываютъ въ Шарбоннелѣ критическое отношеніе своими крайностями. Гораздо ближе ему проповѣдники активной любви и христіанскихъ добродѣтелей въ жизни. Это нео-христіанство вызвано во Франціи главнымъ образомъ вліяніемъ Толстого и носитъ этическій характеръ. Есть какое-то явное недоразумѣніе въ отождествленіи его съ мистицизмомъ въ искусствѣ, но это дѣлаетъ вся французская критика и Шарбоннель вмѣстѣ со всѣми. Онъ отрицаетъ, что Вогюэ былъ пророкомъ русскаго евангелія, а доказываетъ, что знаменитая книга „Le Roman russe"—произведеніе дилетанта, а не философа, создающаго новое міросозерцаніе; онъ говоритъ о другихъ пропагандистахъ русской литературы и между прочимъ очень высоко ставитъ Т. Визеву. Но, во всякомъ случаѣ, связь новаго мистицизма съ русскими романистами ему кажется несомнѣнной и онъ не видитъ глубокой розни между строгимъ альтруизмомъ Толстого и хотя бы эготизмомъ Барреса, презирающаго толпу во имя

своего культа красоты. Шарбоннель, знакомый лишь изъ вторыхъ рукъ съ русской литературой, и подобно всѣмъ своимъ соотечественникамъ не умѣетъ судить о ней съ пониманіемъ. Тургеневъ, Толстой и Достоевскій представляются ему совершенно одинаковыми по душевному складу писателями и, говоря о славянскомъ мистицизмѣ, онъ одинаково видитъ его и въ „Запискахъ охотника", и въ „Аннѣ Карениной", и въ „Братьяхъ Карамазовыхъ". Мало того,—чтобы показать, что не только эти романисты, но еще другіе проповѣдывали „мистическія идеи", онъ прибавляетъ къ установленному Вогюэ списку другія имена, почерпнутыя изъ очерковъ Визевы. „Къ именамъ Достоевскаго и Толстого, — говоритъ онъ, превознося заслуги Визевы, — онъ прибавилъ еще имена Гончарова, Муравлина, Щедрина".

Шарбоннель настолько сочувствуетъ проповѣди любви въ литературѣ, что отступаетъ отъ критическаго безпристрастія въ оцѣнкѣ романистовъ нео-христіанскаго направленія. Очень посредственные романы Поля Маргерита „Force de Choses" и „Tourmente" онъ считаетъ шедѣврами, потому что въ нихъ авторъ проявляетъ „la religion de l'humble et douce souffrance humaine". „Roches Blanches" Рода напоминаетъ ему лучшія страницы „Анны Карениной", Аннунціо онъ называетъ геніальнымъ и т. д. Всѣхъ, проповѣдующихъ „религію долга", Шарбоннель возводитъ на пьедесталъ, говоря о нихъ съ юношескимъ жаромъ и не соблюдая осторожности въ эпитетахъ.

Книгу о конгрессѣ религій въ 1900 г. Шарбоннель называетъ „исторіей одной идеи". Мы уже видѣли, что эта идея по существу своему заимствованная и заключается въ повтореніи того, что уже было говорено въ Чикаго. Но съ конгрессомъ религій въ Парижѣ Шарбоннель соединяетъ рядъ идей и стремленій, связанныхъ съ настроеніемъ теперешней Франціи. Конгрессъ, по его мнѣнію, долженъ стать „подтвержденіемъ религіозной идеи" и идеи долга, проповѣдью милосердія и справедливости". Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ долженъ провозгласить вѣротерпимость, „нравственный и соціальный союзъ религій". „Во всемъ остальномъ — полная свобода,—говоритъ Шарбоннель, излагая свои надежды и ожиданія". Конгрессъ религій по идеѣ Шарбоннеля не долженъ превратиться въ диспутъ различныхъ вѣроученій. Напротивъ того, онъ долженъ быть чуждъ догматизма и обращаться только къ чувству вѣры. Въ глубинѣ души Шарбоннель больше всего заботится о сочувствіи общества, стоящаго внѣ церкви, тѣмъ болѣе, что съ католической церковью онъ скорѣе во враждебныхъ отношеніяхъ. Онъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что католическое духовенство подавлено дисциплиной и лишено иниціативы, что оно не умѣетъ идти съ духомъ времени.

Онъ и обращаетъ свое воззваніе главнымъ образомъ къ интеллиген-

ціи: „Многіе изъ нашихъ образованныхъ людей,—говоритъ онъ,—любятъ думать, не безъ гордости, что католическая религія есть порожденіе смутной потребности церковныхъ обрядовъ, набожныхъ жестовъ, тревожныхъ колѣнопреклоненій—словомъ, разнообразнаго фетишизма. Это даетъ имъ поводъ допускать религію для „простыхъ душъ“ и обходиться безъ нея самимъ. Нужно сознаться, что односторонній церковный формализмъ часто искажаетъ религіозное чувство и приводитъ къ преувеличеніямъ, которыя замѣняютъ внутреннюю вѣру внѣшними, матеріальными обрядами. Обрядъ часто беретъ верхъ надъ духовнымъ содержаніемъ. Но конгрессъ религій долженъ именно путемъ взаимнаго соглашенія повести къ тому, что отдѣльные толки забудутъ на время свои формальныя различія, чтобы остановиться только на существенномъ и важномъ въ дѣлѣ религіи. Тогда исчезнетъ вся матеріальная сторона церковныхъ ученій передъ высшимъ спиритуализмомъ вѣры. Уменьшеніе обрядностей должно усилить вѣру, идеализируя ее. Тогда не только „простыя души“ признаютъ въ себѣ религіозныя чувства“.

Изложивъ свои собственные взгляды на конгрессъ, Шарбоннель собираетъ мнѣнія всѣхъ представителей общественнаго мнѣнія. Отвѣты получились отовсюду и въ значительной степени благопріятные, такъ что онъ съ полнымъ правомъ закончилъ одну изъ своихъ статей (въ Revue de Paris) слѣдующими словами: „Таковъ мой проектъ. Самая возможность публично изложить его—есть знаменіе времени. Десять лѣтъ тому назадъ, нельзя было излагать его, такъ какъ въ сущности всенародный конгрессъ религій будетъ въ нашей старой Европѣ первымъ церковнымъ съѣздомъ, на которомъ не будетъ произнесено проклятій и отлученій“.

Шарбоннель излагалъ свои взгляды въ журналахъ и газетахъ, затѣмъ въ „Revue Bleue“ открыта была enquête по вопросу о конгрессѣ и напечатана была серія писемъ за и противъ идеи конгресса. Теперь Шарбоннель объединилъ весь этотъ матеріалъ, присоединивъ къ нему еще много неопубликованныхъ прежде писемъ. Благодаря обилію писемъ и полемическихъ статей, получилось нѣчто внушительное. Общественное мнѣніе, очевидно, сильно взволновано идеей Шарбоннеля, и самый тонъ отвѣтовъ интересенъ для характеристики настроенія нынѣшней Франціи. Католики сильно протестуютъ противъ конгресса, несмотря на сравнительно благопріятный отзывъ папы; литераторы, художники, профессора сочувственно относятся къ проекту, сомнѣваясь, однако, въ его осуществленіи. Интересны письма представителей не-католическихъ вѣроисповѣданій, протестантовъ Сабатье, Боннэ-Мори, раввина Задокъ-Кана, затѣмъ Вогюэ, Жюля Симона, Карла Вагнера, Рода, Леруа Больё, Теодора Рейнака и др. Всѣ они высказы-

ваются за конгрессъ, на которомъ „идея должна восторжествовать надъ обрядомъ“ и объединить всѣхъ идеалистовъ въ общемъ тяготѣніи къ духовному началу міра.

Но скептицизмъ сторонниковъ конгресса по отношенію къ осуществленію его оправдался. Насколько инициатива конгресса должна была исходить изъ среды католическаго духовенства, онъ былъ неосуществимъ. Католическая церковь признаетъ себя единственно истинной и не допускаетъ отношенія къ другимъ ученіямъ какъ къ равнымъ себѣ; она не можетъ допустить изложенія иныхъ вѣрованій, не опровергая ихъ. Вотъ отвѣтъ, который давали Шарбоннелю представители оффиціальнаго католичества въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ. Тогда, отказавшись отъ перваго проекта, Шарбоннель видоизмѣнилъ его, и въ своемъ новомъ видѣ конгрессъ находится на пути къ осуществленію. Не церковный конгрессъ, а конгрессъ религіозныхъ изысканій—congrès religieux или даже des études religieuses, какъ его предполагаютъ назвать, долженъ состояться въ 1900 году, на парижской выставкѣ. Членами его будутъ не представители церквей, а люди, приходящіе каждый со своими вѣрованіями, всѣ интересующіеся вопросами духа и дающіе имъ свое объясненіе. Атеисты и католики, философы-идеалисты и матеріалисты, мистики и скептики, всѣ придутъ излагать свои ученія о цѣляхъ бытія. Предсѣдательство не будетъ принадлежать католической церкви; если будутъ въ числѣ членовъ католическіе прелаты, то только какъ представители своихъ собственныхъ убѣжденій. Свободное обсужденіе основныхъ вопросовъ вѣры—таковъ общій принципъ конгресса, который въ этомъ новомъ видѣ долженъ несомнѣнно привлечь всѣхъ представителей европейской мысли. Въ настоящее время составляется комитетъ будущаго конгресса и въ числѣ его вѣроятныхъ членовъ называютъ Гладстона, Л. Н. Толстого, монсиньора Айрланда и др.

II.

Edmond Rostand. La Samaritaine. Evangile en trois tableaux. Paris, 1897.

Новыя направленія въ литературѣ и искусствѣ имѣютъ своихъ популяризаторовъ, которые не содѣйствуютъ углубленію идей, но расширяютъ ихъ вліяніе, примѣняя ихъ къ пониманію и ко вкусамъ толпы. Далеко не всегда такая популяризація приноситъ пользу. Въ искусствѣ не можетъ быть носителей чужихъ идей. Если художникъ пользуется готовыми эстетическими формулами, или установившимися въ извѣстной сферѣ искусства настроеніями, онъ неминуемо низводитъ эти формы искусства на степень безсодержательныхъ клишѣ

чисто условнаго характера. Нельзя излагать въ художественномъ произведеніи идеалы прекраснаго, какъ излагается научная теорія— въ результатѣ непремѣнно получится механическое повтореніе формъ, за которыми уже ничего не скрывается. Это наблюдается у эпигоновъ всякой значительной эпохи въ искусствѣ. Чѣмъ, напр., превосходнѣе, безукоризненнѣе техника итальянскихъ живописцевъ XVI вѣка, тѣмъ замѣтнѣе въ ихъ виртуозныхъ произведеніяхъ отсутствіе вдохновенія, т.-е. того, что̀ составляетъ душу искусства.

Нельзя говорить объ эпигонахъ въ новѣйшей французской поэзіи,— она еще не достигла той вершины развитія, на которую способна, и нуждается въ приливѣ свѣжихъ творческихъ силъ. Появляются поэты съ бо̀льшимъ или меньшимъ дарованіемъ, и сообразно съ этимъ характеръ поэзіи опредѣляется съ бо̀льшей или меньшей силой. Во всякомъ случаѣ въ этой области не выработалось еще вполнѣ установившихся формулъ. Но опредѣлившіеся уже основные мотивы современной поэзіи имѣютъ во Франціи популяризаторовъ. Однимъ изъ нихъ является Эдмонъ Ростанъ, откликающійся на всякій новый мотивъ въ области поэзіи и превращающій его въ литературную моду. Онъ переводитъ на языкъ толпы настроенія, наименѣе подходящія духу толпы, и чтобы достигнуть этого извращаетъ идеи, изъ которыхъ исходитъ. Вкусъ французской толпы требуетъ эффектовъ, а нервное идеалистическое искусство послѣдняго поколѣнія художниковъ полно тишины и углубленныхъ настроеній. Эдмонъ Ростанъ не останавливается передъ внутренней неразрѣшимостью своей задачи и въ нѣсколькихъ своихъ драмахъ даетъ образчики своего популяризаторскаго таланта. По природѣ своего творчества онъ ближе къ толпѣ, но онъ не чуждъ литературныхъ вліяній современности и, если въ искусствѣ господствуетъ мистицизмъ, онъ съумѣетъ быть мистикомъ; если возродился интересъ къ евангельскимъ идеямъ, онъ способенъ черпать въ евангеліи уроки любви и милосердія; если поэзія проникласъ идеализмомъ, онъ тоже обнаруживаетъ склонность къ темамъ, поднимающимся надъ уровнемъ житейскихъ реальностей. Но во всѣхъ этихъ заимствованныхъ мотивахъ Ростанъ остается совершенно поверхностнымъ, повторяя приглядѣвшіяся формы и не вкладывая въ нихъ индивидуальныхъ настроеній и оригинальныхъ идей. Тѣмъ понятнѣе его псевдо-идеалистическія драмы публикѣ, которая сурово относится къ искреннимъ и оригинальнымъ произведеніямъ французскихъ и бельгійскихъ поэтовъ послѣдняго времени. Ростанъ пользуется большимъ успѣхомъ, потому что поверхностныя сужденія публики относятъ его къ „новымъ“ или, какъ ихъ называютъ, къ „молодымъ“ поэтамъ (les jeunes), и потому что въ его творчествѣ нѣтъ ничего утомительнаго, нѣтъ глубокихъ замысловъ, напрягающихъ

мысль, но зато есть великолѣпныя риемы, эффектныя сцены. Это примиряетъ съ мнимымъ символизмомъ его пьесъ и дѣлаетъ его, такъ сказать, Сарду символизма, или скажемъ—Метерлинкомъ бульварныхъ театровъ.

Такимъ Ростанъ сказался въ „La Princesse Lointaine", гдѣ подъ видомъ символизма много говорится о лиліяхъ и о мистицизмѣ, между тѣмъ какъ самый сюжетъ состоитъ въ изложеніи сентиментальной романтической легенды съ приправой уже чисто парижскаго элемента—флирта между очень мистической, но еще болѣе опытной въ „наукѣ страсти нѣжной", принцессы съ соблазненнымъ ею юношей.

Новая пьеса Ростана,—„La Samaritaine",—написана въ виду такъ называемаго религіознаго возрожденія во Франціи, и является нѣкоторымъ образомъ pièce d'occasion: въ теченіе страстной недѣли „весь Парижъ" ходилъ въ театръ Сары Бернаръ умиляться мистеріей Ростана,—évangile en trois tableaux,—въ исполненіи великой артистки. Очень любопытно посмотрѣть, какими средствами пользовался драматургъ, чтобы превратить евангельскую тему въ сюжетъ, который увлекъ бы парижскихъ зрителей. Несомнѣнно, что онъ достигъ этой цѣли: пьеса имѣла шумный успѣхъ; парижане плакали надъ притчами и поученіями, звучавшими со сцены, и проникались евангельской проповѣдью любви, въ аранжировкѣ Ростана. Теперь, когда драма вышла въ печати отдѣльнымъ изданіемъ, литературный успѣхъ пьесы слѣдуетъ за сценическимъ.

Самый выборъ сюжета обусловленъ обстоятельствами: нужно было изобразить эпизодъ изъ земной жизни Христа—пьеса должна была даваться въ страстную недѣлю—и въ центрѣ дѣйствія должна была быть женщина, такъ какъ пьеса написана была для Сары Бернаръ. Исторія самаритянки соотвѣтствовала всѣмъ этимъ условіямъ, и Ростанъ воспользовался ею какъ для фабулы своей пьесы, такъ и для отдѣльныхъ сценъ. Но евангельскій разсказъ страннымъ образомъ измѣнилъ свой смыслъ и характеръ въ мистеріи, представленной въ театрѣ Renaissance. Въ евангеліи событія едва намѣчены. Они крайне несложны: Христосъ видитъ у колодца пришедшую за водой женщину, сразу видитъ, кто она и какова она, научаетъ ее утолять жажду не тѣлесную, а духовную. Женщина идетъ въ городъ, повторяетъ передъ всѣмъ народомъ слова Учителя, и, слѣдуя за ней, весь городъ приходитъ къ Христу, сидящему у колодца, и принимаетъ его ученіе. Больше никакихъ фактовъ въ евангеліи нѣтъ, и они не нужны; растягивая дѣйствіе въ интересахъ пьесы, Ростанъ не прибавляетъ никакихъ характерныхъ подробностей — сущность эпизода остается той же, хотя въ пьесѣ долго и подробно передается и сцена у колодца, и все, что самаритянка говорила жителямъ Сихема, и что происходило, когда

она вернулась, ведя за собой толпу. Въ евангеліи намѣчены три момента дѣйствія и ихъ же Ростанъ перенесъ въ свою пьесу; самое развитіе каждой сцены передаетъ въ болѣе растянутыхъ рѣчахъ только то, что̀ содержатъ сжатыя слова евангелія. Но краткость евангелиста въ фактическомъ отношеніи оттѣняетъ внутреннее значеніе событій. Всѣ дѣйствія самаритянки рисуютъ будничную жизнь, и важно лишь то, какъ каждое слово Христа переноситъ простыя подробности жизни въ міръ идеальный и открываетъ ихъ значеніе. Идущая за водой куртизанка становится символомъ человѣчества, слѣпо идущаго къ источнику истины, не замѣчая того. Духовная жажда поднимаетъ ее отъ слѣпоты порока къ экстазу вдохновенія и превращаетъ „послѣднюю изъ женщинъ“ въ апостола истины и любви. Чудо совершается у колодца, когда прозрѣваетъ слѣпая душа, и въ сравненіи съ этимъ всѣ внѣшніе поступки самаритянки имѣютъ второстепенный интересъ. Не то, что она привела своихъ согражданъ къ Христу, а что въ ней самой совершилось таинство просвѣтленія—составляетъ значеніе евангелическаго сказанія. Центральной фигурой его является Христосъ, указывающій на духовную жажду, какъ на источникъ свѣта. Поэтому такъ важно каждое слово Христа, какъ бы обращающее вниманіе женщины на то, что̀ происходитъ въ душѣ ея, и поэтому самыхъ сжатыхъ линій достаточно для характеристики событій.

Въ пьесѣ Ростана внутренній смыслъ евангельскаго эпизода исчезаетъ за эффектами внѣшняго характера. Онъ заимствуетъ изъ евангелія всю поражающую сторону проповѣди Христа, то, что̀ наиболѣе бросается въ глаза неожиданностью и контрастами. Христосъ является у него опытнымъ руководителемъ толпы; онъ издалека подготовляетъ свои эффекты и завершаетъ ихъ чудесами, ослѣпляющими глаза апостоловъ. Поученія его въ пьесѣ лишены простоты и естественности, потому что для бо̀льшаго контраста они противопоставлены толпѣ невѣрующихъ и ропщущихъ апостоловъ, которыхъ Христосъ убѣждаетъ только очевидностью. Каждая истина, которая осуществляется передъ глазами зрителей вопреки ожиданіямъ учениковъ, становится театральной и самое чудо обращенія самаритянъ принимаетъ видъ грандіознаго апоѳеоза, а не интимнаго событія въ душахъ людей, каковымъ оно представлено въ Евангеліи. Ростанъ видитъ чудесное не въ скрытомъ дѣйствіи словъ Христа, а въ блескѣ внѣшнихъ событій. Все дѣло въ видимой побѣдѣ Христа, и чтобы оттѣнить ее, Ростанъ подчеркиваетъ невѣроятность чуда, ропотъ учениковъ, сопротивленіе самаритянъ увѣщеваніямъ Фотины. Драматизмъ пьесы построенъ исключительно на препятствіяхъ, которыя должна одолѣть проповѣдь любви среди порочнаго населенія, а таинственность, безъ которой не можетъ быть мистеріи, перенесена въ прологъ, гдѣ являются тѣни патріар-

ховъ къ колодцу Іакова и покоряются непонятной силѣ, цѣлуютъ землю и край колодца, у котораго должно произойти нѣчто великое. Почему патріархи явились именно въ Самарію привѣтствовать грядущаго въ міръ Христа? Еслибы фантазія поэта заставила ихъ перенестись въ Назаретъ или на Голгоѳу, это было бы еще понятно: величіе мѣстъ, гдѣ протекли величайшіе моменты божественной трагедіи, объяснило бы ихъ притягательную силу для отжившаго человѣчества. Но встрѣча съ самаритянкой—всего лишь одинъ эпизодъ земного странствованія Христа. Оставляя его искусственной таинственностью, приводя его въ связь съ отдаленнѣйшими вѣками, Ростанъ ищетъ только театральныхъ эффектовъ, будучи безсильнымъ извлечь изъ самаго сюжета заключенную въ немъ идею, болѣе глубокую и таинственную, чѣмъ чудеса, предсказываемыя патріархами Ростана. Въ эпизодъ о самаритянкѣ Ростанъ хочетъ включить все ученіе Христа, и для бо̀льшаго эффекта излагаетъ его уже отраженнымъ въ экстазѣ новообращенной самаритянки. Нужно признать, что въ сценическомъ отношеніи этотъ пріемъ крайне удаченъ. Проповѣдь евангельскихъ истинъ самимъ Учителемъ была бы повтореніемъ того, что̀ уже сказано однажды и навсегда, но та же проповѣдь, отраженная въ восторженной душѣ неофитки, пріобрѣтаетъ жизнь и драматизмъ, становится живой исторіей души, идущей къ свѣту.

Но Евангеліе въ изложеніи Фотины, въ истерическихъ крикахъ ея, обращенныхъ къ толпѣ самаритянъ, становится какимъ-то парадным̀ъ, остроумным̀ъ, блестящим̀ъ, полным̀ъ антитезъ,—но и только. Она поняла двѣ вещи въ Христѣ: онъ прекрасенъ невѣдомой ей красотой—и онъ говоритъ о любви, когда другіе презираютъ. Вся ея проповѣдь сводится къ этому: „Un jeune homme est assis au puits de Jacob“,—повторяетъ она среди криковъ торгашей и насмѣшекъ толпы: „Son geste est celui d'ouvrir une volière“... „On le reconnaitrait entre mille à con calme“... „On croit voir l'arc-en-ciel, qui rassure le monde—dans chacun de ses beaux sourcils“, и т. д. И вмѣстѣ съ красотой она покорена проповѣдью любви и провозглашаетъ униженным̀ъ и презираемым̀ъ о томъ, что пришла въ міръ любовь, не знающая презрѣнія: „Des mots nouveaux! Des mots, parmi lesquels un mot revient, toujours le même:—Amour, Amour, Aimer“... и т. д. Но вся эта проповѣдь Фотины заключаетъ лишь практическое христіанство, обращенное на другихъ людей, требующее поступковъ, а не идеалистическую сторону ученія, поднимающаго созерцаніе собственной души до единенія съ божественным̀ъ началом̀ъ міра. Несомнѣнно, что Ростанъ стремился именно показать мистическое воздѣйствіе христіанства на „легкую душу“ (âme legère, какъ ее называетъ Христосъ въ пьесѣ) Фотины. Но эта сторона исчезла среди декоративныхъ словъ

и поступковъ самаритянки. Особенно замѣтно поверхностное трактованіе сюжета въ третьемъ дѣйствіи, когда Фотина приводитъ къ Христу покоренную ея проповѣдью толпу. Все доступное ей она уже высказала въ обращеніи къ народу и послѣдняя сцена состоитъ въ передачѣ подробностей пути и просьбъ самарянъ, умоляющихъ Христа остаться среди нихъ. Внутренно ничего больше не происходитъ, толпа покорена, и чудо уже свершилось; но Ростанъ останавливаетъ уже законченное дѣйствіе на цѣлый актъ ради апоѳеоза Христа въ глазахъ учениковъ, которые такъ долго протестовали противъ дѣйствій учителя, его остановки въ Сихемѣ и его бесѣды съ Фотиной, чтобы тѣмъ ярче выступила его побѣда. Когда ученики съ изумленіемъ смотрятъ на приближеніе толпы съ Фотиной во главѣ, Христосъ повторяетъ то, что̀ до свершенія чуда онъ говорилъ, не вызывая въ нихъ отклика:

Il faudra que pourtant vous vous accoutumiez
A ce que les derniers, pour moi, soient les premiers.

(Нужно, чтобы вы наконецъ привыкли къ тому, что послѣдніе для меня всегда первые).

И въ концѣ, среди привѣтствій толпы, Христосъ спрашиваетъ у апостола Петра: „Развѣ не правъ я былъ, Петръ, придя къ этимъ язычникамъ“?

Такова пьеса Ростана, составляющая одну изъ самыхъ шумныхъ новинокъ парижскаго сезона. Серьезнаго идейнаго содержанія она, какъ мы видимъ, не обнаруживаетъ. Но при отсутствіи глубины замысла, при поверхностномъ, театральномъ трактованіи глубоко-символическаго сюжета, пьеса Ростана имѣетъ несомнѣнныя внѣшнія качества, объясняющія ея успѣхъ. Ростанъ—мастеръ сцены, и виртуозность его особенно сказывается въ умѣніи подготовлять эффекты. Передъ появленіемъ Христа толпа толкуетъ о возможномъ пришествіи Мессіи и каждый по своему рисуетъ будущаго Спасителя міра. Пастухъ нападаетъ на корыстныя толкованія жрецовъ и торговцевъ, и говоритъ о своемъ пониманіи Христа, о томъ, что всякій узнаетъ его при первомъ приближеніи. „Какъ узнать его“? — спрашиваетъ жрецъ.—„Не знаю,—по взгляду его, быть можетъ, по звуку голоса, по движенію руки“.—Въ это время Христосъ сверху горы спрашиваетъ, указывая рукой на городъ:—„Человѣкъ, это Сихемъ вдали“?— „Ступай своей дорогой“,—отвѣчаетъ пастухъ, занятый размышленіемъ о Христѣ.

Сцены между Христомъ и учениками полны искусныхъ оборотовъ, нарушающихъ монотонность поученій, и яркость эффектовъ сопровождается смѣлостью и чрезвычайнымъ, иногда чрезмѣрнымъ, богатствомъ риѳмъ.

Сцена на площади между Фотиной и народомъ особенно блестяща по совершенству стиховъ и богатству эффектовъ. Крики толпы и поученія Фотины переплетаются, производя фейерверкъ неожиданныхъ риѳмъ и звучныхъ стиховъ. Беремъ нѣсколько на удачу. Апостолы тщетно пытаются купить пищу у торговцевъ, осыпающихъ проклятіями ненавистныхъ евреевъ. Петръ говоритъ тихо Іоанну:

Jean,
Je crois bien qu'il n'y a...
La foule.
Ladres! Rogneurs d'oboles!
Pierre.
De bons Samaritains que dans les paraboles.

Толпа занята своими дѣлами; кто-то торгуетъ мѣшокъ пряностей и бранитъ продавца:

Tu veux donc me ruiner comme Job?

а Фотина прерываетъ его своимъ настойчивымъ крикомъ:

Un jeune homme est assis près du puits de Jacob.

Когда жрецы спрашиваютъ, какимъ образомъ бѣлая душа Христа можетъ говорить съ такимъ низменнымъ существомъ, какъ она, Фотина отвѣчаетъ:—„Elle se penche"!

Въ этихъ красивыхъ репликахъ, звучныхъ стихахъ, въ эффектности, съ которой преподаются тихія истины Христа,—вся заслуга Ростана. Въ пьесѣ есть одна истинно-поэтичная сцена, когда Христосъ говоритъ о приближающейся Фотинѣ, сравниваетъ ее съ амфорой, которую она носитъ, и говоритъ о ея душѣ: „C'est une âme legère autant qu'une corbeille".

Все остальное не столько поэтично, сколько виртуозно. Успѣхъ „Самаритянки" на сценѣ объясняется еще, конечно, геніальной игрой Сары Бернаръ, которая умѣетъ вдохнуть поэзію въ каждый стихъ и быть то изступленной пророчицей, то кроткимъ ребенкомъ, когда она заканчиваетъ пьесу простыми словами: „Отче нашъ".—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюля 1897.

Двадцатилѣтіе городскихъ училищъ въ Петербургѣ.—Общество взаимопомощи учащихъ и учившихъ.—Памятникъ Мицкевичу въ Варшавѣ.—Пушкинъ и Катковъ.—Письма К. Н. Леонтьева и И. С. Аксакова.—„Московскія Вѣдомости“ о пріостановкѣ „Руси“.—Еще нѣсколько словъ о передачѣ періодическихъ изданій.—Адвокатура въ не-судебныхъ учрежденіяхъ.—Письмо въ Редакцію (по поводу воспоминаній Н. А. Бѣлоголоваго о А. В. Поджіо).

Въ нынѣшнемъ году исполнилось двадцать лѣтъ со времени передачи петербургскихъ начальныхъ училищъ въ вѣденіе столичнаго общественнаго управленія. Отъ учебнаго вѣдомства Петербургъ получилъ въ наслѣдство *шестнадцать* училищъ, во всѣхъ отношеніяхъ крайне неудовлетворительныхъ; теперь у города *триста сорокъ два* совершенно благоустроенныхъ училища, а съ начала слѣдующаго года будетъ 362. Число учащихся возросло съ 750 до 18 тысячъ, расходы на училища—съ 14 до 815 тысячъ рублей. Послѣдній отчетъ городской исполнительной коммиссіи по народному образованію, прочитанный, 30-го минувшаго мая, на актѣ начальныхъ училищъ, напоминаетъ городу и всѣмъ тѣмъ, кому дорого образованіе народа, о заслугахъ перваго предсѣдателя коммиссіи, покойнаго Ѳедора Ѳедоровича Эвальда. Болѣе удачнаго выбора нельзя было и сдѣлать: это былъ именно der rechte Mann am rechten Platz. Отличный педагогъ, соединявшій беззавѣтную доброту съ большою твердостью характера, обширныя знанія съ организаціоннымъ талантомъ [1]), Ѳ. Ѳ. Эвальдъ сразу поставилъ городское училищное дѣло на правильную дорогу. Предложеніе ограничиться выдачей субсидій для поддержки частныхъ школъ было отклонено: дума рѣшила взять устройство городскихъ училищъ непосредственно въ свои руки и поставить ихъ такъ, чтобы народная школа была самостоятельною, цѣльною, законченною. Это было прямымъ контрастомъ съ прежней системой, при которой немногочисленные ученики городскихъ училищъ поступали туда, бо́льшею частью, уже грамотными и только для того, чтобы подготовиться къ

[1]) Пишущій эти строки хорошо зналъ Ѳ. Ѳ. Эвальда, когда онъ былъ еще учителемъ физики и математики, и можетъ засвидѣтельствовать по собственному опыту, что немного найдется людей, столь богато одаренныхъ именно для вліянія на подростающія поколѣнія. Такимъ же педагогомъ по призванію былъ братъ Ѳ. Ѳ., Владиміръ, учитель исторіи, впослѣдствіи директоръ перваго реальнаго училища въ Петербургѣ.

переходу въ другую школу. Ѳ. Ѳ. Эвальдъ заботился, наоборотъ, преимущественно о пріемѣ безграмотныхъ, какъ наиболѣе нуждающихся въ школѣ—и сообразно съ этимъ и создалась настоящая организація городскихъ училищъ. Тогда же была намѣчена и цѣль, къ которой, въ области училищнаго дѣла, должно стремиться городское общественное управленіе: „обязательное обученіе", по прекрасному выраженію Ѳ. Ѳ. Эвальда, „есть обѣтованная земля для народнаго образованія".

Благодаря широкимъ затратамъ города на школьное дѣло и процвѣтанію устроенныхъ имъ училищъ, образовательный цензъ учащихъ въ Петербургѣ стоитъ весьма высоко. Вновь открывающіяся вакансіи давно уже замѣщаются учительницами, обладающими какъ общимъ (среднимъ, а иногда и высшимъ) образованіемъ, такъ и спеціальною педагогическою подготовкой. Далеко не такъ быстро, но все же замѣтно и постоянно поднимается умственный уровень учащихъ и въ другихъ начальныхъ училищахъ, земскихъ и городскихъ. Задерживается это движеніе, между прочимъ, скуднымъ обезпеченіемъ, которое могутъ предложить учащимъ небогатые, большею частью, органы земскаго и городского самоуправленія. Чрезвычайно симпатичны, поэтому, всѣ попытки улучшить матеріальный бытъ учащихъ и учившихъ въ начальныхъ школахъ. Сюда относится, между прочимъ, учрежденіе обществъ взаимопомощи учащимъ и учившимъ той или другой губерніи, для которыхъ утвержденъ, въ послѣднее время, нормальный уставъ. Само собою разумѣется, что всѣхъ видовъ и формъ помощи нельзя предусмотрѣть заранѣе; она можетъ быть намѣчена лишь въ общихъ чертахъ, развитіе которыхъ должно быть предоставлено дѣятельности каждаго отдѣльнаго общества. Это, по всей вѣроятности, и имѣлось въ виду при составленіи нормальнаго устава, въ которомъ есть параграфъ (24) слѣдующаго содержанія: „въ видахъ оказанія всесторонней помощи своимъ дѣйствительнымъ членамъ, общество принимаетъ всевозможныя мѣры, клонящіяся къ улучшенію ихъ матеріальнаго благосостоянія, какъ напримѣръ: принимаетъ на себя заботы о пріисканіи мѣстъ, о предоставленіи удешевленной медицинской помощи въ случаѣ болѣзни члена общества, пріискиваетъ лицъ, желающихъ помочь ему личными услугами, и т. п. Принятіе всѣхъ этихъ и подобныхъ имъ мѣръ зависитъ отъ общаго собранія, которое даетъ правленію точныя указанія о порядкѣ и способахъ примѣненія ихъ на практикѣ". Къ сожалѣнію, оффиціальное толкованіе этого параграфа не всегда соотвѣтствуетъ его духу и смыслу. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, тульское общество взаимопомощи постановило организовать выдачу учащимъ безпроцентныхъ ссудъ, съ обязательнымъ возвратомъ посредствомъ ежемѣсячнаго удержанія изъ жало-

ванья. Это постановленіе, опротестованное членомъ общества отъ министерства народнаго просвѣщенія, было передано на разсмотрѣніе ученаго комитета министерства, который нашелъ его неправильнымъ. По ст. 1 устава общество помогаетъ денежными пособіями и *другими видами помощи;* въ разъясненіе этихъ послѣднихъ словъ сдѣлана ссылка на ст. 24 устава. Отсюда комитетъ выводитъ заключеніе, что подъ „другими видами помощи" слѣдуетъ разумѣть исключительно помощь *не-денежную*, а помощь денежная можетъ быть оказываема лишь въ формѣ *пособій*, т.-е. выдачъ безвозвратныхъ или возвращаемыхъ лишь по свободному усмотрѣнію получателя. Постановленіе ученаго комитета утверждено министромъ народнаго просвѣщенія. Намъ кажется, что изъ сопоставленія ст. 1 и 24 устава вытекаетъ совершенно противоположный выводъ. Одно изъ двухъ: или *денежное пособіе* означаетъ *только* безвозвратную выдачу—и въ такомъ случаѣ нѣтъ причины не подводить ссуды подъ понятіе о *другихъ видахъ помощи*; или подъ именемъ денежнаго пособія можно понимать всякую помощь деньгами—и въ такомъ случаѣ выдача денежныхъ ссудъ не противорѣчитъ ст. 1 устава. Правда, въ уставѣ не опредѣленъ порядокъ выдачи ссудъ и ихъ возврата; но это и не нужно, въ виду послѣднихъ словъ ст. 24-й, дающихъ общему собранію право составленія инструкцій для правленія. Еще важнѣе, чѣмъ эти формальныя соображенія, общій смыслъ устава. Онъ имѣетъ цѣлью облегчить матеріальное положеніе учащихъ—а однимъ изъ лучшихъ средствъ къ достиженію этой цѣли представляется, очевидно, выдача ссудъ, одинаково удобная и для общества, и для отдѣльныхъ его членовъ: для общества—потому что одною и тою же суммой оно можетъ оказать помощь многимъ лицамъ, не истощая своего оборотнаго капитала, для членовъ общества—потому что гораздо легче просить о ссудѣ, чѣмъ о пособіи, слишкомъ часто—и въ глазахъ дающаго, и въ глазахъ получающаго—имѣющимъ характеръ унизительной милостыни. Опасность невозвращенія ссудъ была бы сведена къ минимуму, еслибы выданныя деньги—какъ и предполагало тульское общество—удерживались изъ жалованья заемщиковъ... Находя, что выдача ссудъ несогласна съ дѣйствующимъ уставомъ, ученый комитетъ высказался заранѣе и противъ измѣненія устава, въ смыслѣ дозволенія безпроцентныхъ ссудъ, еслибы тульскимъ обществомъ или другимъ, ему подобнымъ, было заявлено ходатайство о такомъ измѣненіи. Съ этимъ предрѣшеніемъ не возбужденнаго еще вопроса согласиться трудно, даже если оно направлено только противъ *безпроцентныхъ* ссудъ. Безпроцентность — гарантія возможно меньшаго обремененія заемщика, а слѣдовательно и возможно бо̀льшей его исправности въ возвращеніи ссуды. Для благотворительнаго общества важно не обогащеніе процентами, а преду-

прежденіе убытковъ отъ непогашенія ссудъ: этой послѣдней цѣли всего больше соотвѣтствуютъ именно безпроцентныя ссуды. Если допускаются безвозвратныя пособія, то трудно понять, почему не могутъ быть допущены безпроцентныя ссуды... Еще труднѣе объяснить себѣ препятствіе, встрѣченное тверскимъ обществомъ взаимопомощи учащимъ и учившимъ, когда оно задумало открыть лѣтній пріютъ для учительскихъ дѣтей. По словамъ „Биржевыхъ Вѣдомостей", учрежденіе такого пріюта воспрещено, какъ непредусмотрѣнное уставомъ. Между тѣмъ, оно безъ всякаго сомнѣнія подходитъ подъ дѣйствіе ст. 24-й устава, приведенной нами выше и одинаковой, повидимому, для обоихъ обществъ—тульскаго и тверского: *денежной* помощи пріютъ не оказываетъ, а матеріальное благосостояніе безспорно улучшаетъ... Весьма любопытны комментаріи, которыми изложеніе тверского инцидента сопровождается въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ", откуда московская газета заимствуетъ фактическую часть дѣла, тверское общество названо, по ошибкѣ, „Обществомъ взаимопомощи *учащимся* и учившимъ въ тверской губерніи". Не замѣчая явной опечатки и не трудясь навести справку, московская газета насмѣшливо провозглашаетъ „характернымъ" и самое общество, и его названіе. Пріютъ для учительскихъ дѣтей столь же насмѣшливо именуется „интеллигентнымъ предпріятіемъ" (!), а учрежденіе его—неудачной попыткой общества „расширить свои права путемъ обхода закона". Замѣтка заканчивается вопросомъ: „почему же общество взаимопомощи, ходатайствуя объ утвержденіи устава, не ввело въ него прямо устройство пріюта"? Если тверское общество дѣйствуетъ на основаніи нормальнаго устава, то вопросъ московской газеты разрѣшается самъ собою: всѣмъ извѣстно, какъ трудно достигнуть измѣненія нормальнаго устава. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, въ такомъ измѣненіи (или въ болѣе точномъ изложеніи устава, если онъ составленъ спеціально для тверского общества) не было и надобности: учредители общества имѣли полное основаніе думать, что устройство пріюта для дѣтей учащихъ входитъ въ число тѣхъ „всевозможныхъ мѣръ", которыя уставъ разрѣшаетъ принимать для „улучшенія матеріальнаго благосостоянія" членовъ общества. „Характернымъ", такимъ образомъ, оказывается не тверской инцидентъ, а отношеніе къ нему московской газеты. Уже не объясняется ли оно тѣмъ, что рѣчь идетъ именно о *тверской* губерніи?..

Поляки съ разрѣшенія правительства ставятъ памятникъ Мицкевичу въ Варшавѣ; образованъ комитетъ для сбора пожертвованій на это дѣло. Казалось бы, что̀ можетъ быть естественнѣе и проще? Мицъ

хотя бы ослабить такими мѣрами, какъ отнятіе субсидіи у польскихъ театровъ или размѣщеніе польскихъ памятниковъ по закоулкамъ города. Разрѣшеніе воздвигнуть въ Варшавѣ статую Мицкевичу—актъ не только справедливый, но и мудрый; было бы весьма прискорбно, еслибы значеніе его было уменьшено тенденціознымъ выборомъ мѣста, не соотвѣтствующаго важности памятника.

Когда возникъ вопросъ о памятникѣ Мицкевичу, одинъ изъ нашихъ журналовъ предложилъ поставить его въ Москвѣ на Страстномъ бульварѣ, противъ памятника Пушкину. Не усматривая въ этой мысли ничего чудовищнаго, даже ничего „курьезнаго", признавая, что она имѣетъ для себя нѣкоторое основаніе и въ отношеніяхъ Пушкина къ Мицкевичу, и въ родствѣ двухъ великихъ славянскихъ литературъ, мы думаемъ, однако, что для осуществленія ея не настало и не скоро еще настанетъ время. Поставить Мицкевичу памятникъ въ Москвѣ можно будетъ только тогда, когда совершится сближеніе между національностями русской и польской, когда въ русскомъ обществѣ широко распространится знакомство съ польской поэзіей и когда мы заплатимъ свой долгъ нашимъ собственнымъ великимъ людямъ, для увѣковѣченія которыхъ въ мраморѣ и бронзѣ сдѣлано еще такъ мало. Само собою разумѣется, однако, что къ числу такихъ людей меньше всего можетъ быть отнесенъ Катковъ, статую котораго, его журнальные и газетные эпигоны признаютъ достойнымъ pendant къ памятнику Пушкина. „Мѣсто на Страстномъ бульварѣ,—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости", статью которыхъ перепечатываетъ вслѣдъ затѣмъ „Русскій Вѣстникъ" (№ 6),—давно уже намѣчено и предназначено истинно-русскими людьми для памятика знаменитому русскому публицисту и патріоту, *по силѣ и вліянію своего слова равному Пушкину:* это мѣсто—для памятника незабвенному Михаилу Никифоровичу Каткову". „Если поляки,—читаемъ мы дальше,—такъ цѣнятъ заслуги Мицкевича, то что же сказать о заслугахъ Каткова, который пробудилъ Россію въ 1863 г. къ самосознанію и къ своему спасенію? Живой выразитель русскаго патріотизма, поборникъ самодержавія, православія и русской народности, защитникъ русской чести отъ польскаго безчестья—менѣе ли онъ достоинъ памятника, чѣмъ Мицкевичъ, врагъ Россіи, измѣнникъ и ренегатъ?.. Мысль о памятникѣ Каткову давно уже, *какъ извѣстно,* назрѣла въ благодарномъ сердцѣ русскаго народа". Первымъ выразителемъ ея явился К. Н. Леонтьевъ, предлагавшій еще въ 1880 г. „заживо политически канонизировать Каткова" и этимъ показать, что у русскихъ есть „хоть искра нравственной смѣлости и того, что зовутъ умственнымъ творчествомъ". „Кого,—вопрошалъ при этомъ Леонтьевъ,—кого можно счесть по силѣ, по дару и вліянію на поприщѣ *поли-*

тической словесности чѣмъ-то равносильнымъ Пушкину на поприщѣ *словесности изящной?* Конечно, Каткова!" Въ настоящее время, должно быть, имѣется на лицо и „умственное творчество", и „нравственная смѣлость", по которымъ, семнадцать лѣтъ тому назадъ, напрасно вздыхалъ Леонтьевъ; памятникъ Каткову, по словамъ его поклонниковъ, „горячо ожидается всею мыслящею Россіей", постановка его будетъ „осуществленіемъ завѣтнаго стремленія и патріотической потребности" милліоновъ русскихъ людей. Стоитъ только открыть подписку на памятникъ Каткову, связавъ ее съ наступающимъ десятилѣтіемъ его смерти—и „пожертвованія потекутъ со всѣхъ сторонъ еще обильнѣе, чѣмъ на памятникъ М. Н. Муравьеву". Что жертвователи на памятникъ Каткову найдутся и даже, при извѣстныхъ условіяхъ, найдутся не въ маломъ числѣ—въ этомъ мы не сомнѣваемся; но столь же несомнѣнно и то, что это будетъ дѣломъ не „милліоновъ русскихъ людей", не „всей мыслящей Россіи", а небольшой группы, которой, притомъ, суждено не расти, а уменьшаться. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только нѣсколько продолжить параллель между Пушкинымъ и Катковымъ, пущенную въ ходъ записнымъ любителемъ парадоксовъ и неосторожно подхваченную его неловкими подражателями. „Слухъ" о Пушкинѣ прошелъ и не перестаетъ проходить „по всей Руси великой"; его имя называетъ уже теперь почти всякій грамотный русскій человѣкъ—не только русскій по происхожденію, но и русскій по образованію. Знакомство съ нимъ—неизбѣжное послѣдствіе и характерный признакъ пріобщенія къ русской культурѣ, все равно, освѣщаетъ ли она финна, или тунгуза, или „друга степей", калмыка. Наоборотъ, многимъ ли изъ грамотныхъ русскихъ извѣстно имя Каткова? Многимъ ли образованнымъ людямъ изъ среды молодыхъ поколѣній, вступившихъ въ жизнь въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, извѣстно въ точности содержаніе и значеніе его дѣятельности? Не рисуется ли передъ ними его фигура въ туманныхъ, неопредѣленныхъ чертахъ, съ чужихъ словъ, враждебныхъ или похвальныхъ, и не блѣднѣютъ ли эти черты съ каждымъ годомъ, даже для тѣхъ, кто слѣдилъ за „Московскими Вѣдомостями" при жизни Каткова? Что такое Катковъ для инородцевъ теперь и чѣмъ онъ для нихъ будетъ, когда они узнаютъ, какъ онъ относился ко всему не-русскому?.. Забвеніе, болѣе или менѣе быстрое, болѣе или менѣе полное — общая судьба публицистовъ. Живя злобами дня, публицистъ вмѣстѣ съ ними и умираетъ; вліяніе его на современниковъ, сплошь и рядомъ, обратно пропорціонально значенію его для потомства. Исключенія, конечно, есть, но они возможны только при наличности двухъ условій—внѣшняго и внутренняго. Внѣшнее условіе заключается въ томъ, чтобы сочиненія публициста—если не всѣ, то хотя бы наиболѣе важныя,—были извлечены изъ повременныхъ изданій, громозд-

кихъ или слишкомъ мелкихъ, рѣдко сохраняемыхъ покупщиками или подписчиками (въ особенности это можно сказать о газетахъ) и быстро исчезающихъ съ книжнаго рынка. Многіе ли знали бы теперь памфлеты П. Л. Курье, публицистическія статьи Бёрне, Прево-Парадоля или нашего Добролюбова, еслибы ихъ приходилось отыскивать въ брошюрахъ или журналахъ, гдѣ они появлялись первоначально?.. По отношенію къ Каткову это первое условіе исполнено лишь въ весьма незначительной степени: отдѣльно изданы, если мы не ошибаемся, только статьи его по польскому вопросу, и то далеко не всѣ. А между тѣмъ, времени для собранія и напечатанія его избранныхъ сочиненій было болѣе, чѣмъ достаточно: припомнимъ, что сочиненія Ив. Аксакова, въ семи большихъ томахъ, вышли въ свѣтъ въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ его смерти [1]), а за ними послѣдовали четыре тома его переписки съ разными лицами. Собраніе сочиненій—это первый, самый естественный, самый законный памятникъ умершему писателю, даже когда они выходили при его жизни въ наиболѣе доступной и удобной формѣ, т.-е. отдѣльными книгами. Пока не воздвигнутъ *этотъ* памятникъ, странно говорить о другомъ, мраморномъ или бронзовомъ — странно уже потому, что до тѣхъ поръ невозможна окончательная, систематическая оцѣнка писателя. Статьи Каткова разсѣяны въ журналахъ и газетахъ на протяженіи слишкомъ тридцати лѣтъ; весьма часто нельзя даже отдѣлить ихъ съ достовѣрностью отъ статей его со-редакторовъ и сотрудниковъ. Пускай почитатели Каткова исполнятъ первую обязанность, на нихъ лежащую: пускай они дадутъ публикѣ, въ связномъ и стройномъ видѣ, все, что они считаютъ наиболѣе цѣннымъ въ литературномъ наслѣдствѣ Каткова. Тогда и только тогда они будутъ въ правѣ поставить вопросъ о статуѣ — если постановка ея, въ виду впечатлѣнія, произведеннаго ближайшимъ знакомствомъ съ дѣятельностью Каткова, окажется возможной... Второе изъ двухъ условій, упомянутыхъ нами выше, коренится въ самомъ характерѣ и значеніи публицистическаго творчества. Чтобы пережить свое время, публицистъ долженъ быть и мыслителемъ, и художникомъ слова; онъ долженъ внести въ оборотъ новыя идеи, новыя точки зрѣнія или, по меньшей мѣрѣ, облечь взгляды, не имъ созданные, но носящіе въ себѣ залогъ лучшаго будущаго, въ такія формы, которыя бы служили для нихъ прочнымъ источникомъ вліянія и силы. Что Катковъ не подходитъ подъ это условіе—это для насъ и теперь столь же несомнѣнно, какъ въ моментъ его смерти. Не повторяя нашихъ прежнихъ доводовъ и предоставляя себѣ дополнить ихъ тогда, когда передъ нами будетъ

---

[1]) Аксаковъ умеръ въ январѣ 1886 г., т.-е. только полутора годами раньше, чѣмъ Катковъ.

лежать законченное изданіе сочиненій Каткова, мы ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями, прямо вытекающими изъ сопоставленія Каткова съ Пушкинымъ. На чемъ основана увѣренность Пушкина, что онъ „долго будетъ любезенъ народу"? На томъ, что онъ „пробуждалъ лирой добрыя чувства, въ жестокій вѣкъ прославилъ свободу и призывалъ милость къ падшимъ". Дѣятельность Каткова характеризуется чертами прямо противоположными: онъ возбуждалъ вражду и злобу, преслѣдовалъ падшихъ и ненавидѣлъ свободу — ненавидѣлъ ее тѣмъ сильнѣе, что было время, когда онъ ей поклонялся. Пушкинъ—это живая связь между всѣми составными частями русскаго народа, между всѣми классами и группами русскаго общества; Катковъ—это олицетвореніе внѣшняго, мертваго единства, прикрывающаго глубокій внутренній раздоръ. Пушкинъ—это провозвѣстникъ „грядущихъ временъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся"; Катковъ—представитель національной розни, въ самой непривлекательной ея формѣ. Пушкинъ провозглашалъ „невредимость" падшаго въ борьбѣ; на его лирѣ не раздавалась „пѣснь обиды" для побѣжденныхъ, онъ не искалъ въ старыхъ скрижаляхъ" горючихъ матеріаловъ для „народной Немезиды"; онъ осуждалъ „льстеца", изъ „державныхъ правъ" ограничивающаго „одну лишь милость". Въ какой степени Катковъ слѣдовалъ завѣтамъ поэта—это слишкомъ хорошо извѣстно... Гдѣ бы ни былъ поставленъ памятникъ Каткову, онъ былъ бы фальшивой нотой въ русской жизни; но въ сосѣдствѣ съ статуей Пушкина, сосѣдствѣ не случайномъ, а демонстративномъ, эта нота звучала бы съ особенною рѣзкостью, какъ насмѣшка надъ памятью великаго поэта.

Мы видѣли, что мысль о памятникѣ Каткову была выражена въ первый разъ, еще при его жизни, К. Н. Леонтьевымъ, на авторитетъ котораго и ссылаются теперь поклонники „великаго" публициста. Что К. Н. Леонтьевъ, фанатикъ авторитета, злѣйшій врагъ свободы, самый прямолинейный изъ проповѣдниковъ регресса, не могъ не чтить писателя, столь много поработавшаго въ томъ же направленіи—это совершенно понятно; замѣтимъ, однако, что памятникъ Каткову рекомендовался имъ въ особенности какъ „суровый отпоръ" либеральному „натиску", т.-е. не столько въ честь Каткова, сколько „на страхъ врагамъ". Изъ любопытныхъ писемъ Леонтьева, печатаемыхъ въ „Русскомъ Обозрѣніи", мы узнаемъ, что въ концѣ своей жизни онъ не былъ уже столь высокаго мнѣнія о Катковѣ, какъ въ 1880 г., когда написана статья о памятникѣ. „Ни Аксаковъ, ни Хомяковъ, *тѣмъ болѣе ни Катковъ*, ни даже Данилевскій вполнѣ не удовлетворяли меня; я чувствовалъ, что переросъ ихъ моею мыслью",—такъ пишетъ Леонтьевъ въ іюнѣ 1889 г.... Въ томъ же письмѣ мы встрѣчаемъ слѣдующее любопытное мѣсто: „сознаюсь, что Соловьевъ (Влад. Серг.)—

единственный и первый человѣкъ (или писатель, что ли), который, съ тѣхъ поръ, какъ я созрѣлъ, поколебалъ меня и насильно заставилъ думать въ новомъ направленіи... Если я не съумѣлъ выразить мою мысль въ моихъ сочиненіяхъ ни достаточно популярно, ни достаточно научно, ни достаточно завлекательно, ни достаточно убѣдительно, то этотъ сравнительный неуспѣхъ ни разу не колебалъ во мнѣ внутренней вѣры моей въ особое культурное призваніе Россіи. Въ первый разъ Соловьевъ заставилъ меня задуматься и поколебалъ меня... поколебалъ мою культурную вѣру въ Россію, и я сталъ за нимъ съ досадой, но невольно думать, что, пожалуй, призваніе-то Россіи чисто религіозное... и только!" Признавая, что ученіе Соловьева имѣетъ будущность въ Россіи, Леонтьевъ продолжаетъ: „оттого-то и основательно, съ точки зрѣнія строгаго православія, начальство запрещаетъ у насъ его книги. Православное начальство обязано такъ дѣлать, точно такъ же какъ и я лично, по богобоязненности, обязанъ не принимать вполнѣ его ученія; но въ силу его я вѣрю". Два мѣсяца спустя, Леонтьевъ пишетъ о книгѣ В. С. Соловьева: La Russie et l'église universelle, что „въ ней, особенно для религіознаго человѣка, есть прекрасныя и потрясающія страницы", и критика нѣкоторыхъ нашихъ порядковъ „очень похожа на истину"... Что̀ именно въ ученіи В. С. Соловьева привлекало Леонтьева и заставляло его „колебаться",—это не поддается объясненію безъ обширныхъ справокъ съ сочиненіями обоихъ писателей. Такой задачей мы не задаемся; выписки изъ писемъ Леонтьева любопытны сами по себѣ, какъ свидѣтельство о кризисѣ въ міросозерцаніи, не допускавшемъ, повидимому, никакихъ колебаній и сомнѣній — и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ образчикъ противорѣчій, къ которымъ оно неизбѣжно приводитъ. Ученіе В. С. Соловьева Леонтьевъ признаетъ *силой*, и силой скорѣе полезной, чѣмъ вредной—и тѣмъ не менѣе одобряетъ мѣры, противодѣйствующія его распространенію. Прямымъ контрастомъ Леонтьеву является въ этомъ отношеніи (какъ и во многихъ другихъ) И. С. Аксаковъ, интересная корреспонденція котораго съ Н. С. Соханскою (Кохановскою) также печатается въ „Русскомъ Обозрѣніи". Въ лучшее время своей жизни (въ началѣ изданія „Дня", 1861—62 гг.) Аксаковъ не допускаетъ никакихъ отступленій отъ излюбленнаго имъ принципа свободы печати. Онъ тѣмъ болѣзненнѣе чувствуетъ ея стѣсненія, что прирожденная порядочность и честное пониманіе обязанностей журналиста мѣшаютъ ему нападать на противниковъ, для которыхъ невозможенъ откровенный отвѣтъ. „Лежачихъ не бьютъ"—вотъ формула, которой онъ никогда не упускаетъ изъ виду. Письмо, въ которомъ она приведена (отъ 20-го октября 1861 г.), составляетъ, вмѣстѣ со многими другими (20-го ноября 1861, 6-го мая 1862 г.), любопытную страницу

въ исторіи нашей цензуры. Нѣкоторыя мѣста этихъ писемъ написаны точно вчера — но теперь между газетными „охранителями“ едва ли найдется хоть одинъ, способный говорить, хотя бы въ частной перепискѣ, языкомъ Аксакова.

Какъ низко палъ, сравнительно съ шестидесятыми годами, нравственный уровень „охранительной“ печати, объ этомъ можно судить по отношенію ея къ судьбѣ органовъ другого направленія (хотя бы и самаго безобиднаго), сходящихъ, навсегда или на время, со сцены журнальнаго міра. Мы видѣли недавно, какое надгробное слово произнесъ „Гражданинъ“—„Лучу“; еще хуже отзывъ „Московскихъ Вѣдомостей“ о „Руси“, затрогивающій и остальныя прекратившіяся изданія. Ничего, очевидно, не зная о причинахъ ихъ прекращенія, московская газета съ величайшею безцеремонностью объясняетъ его отчасти слишкомъ большимъ числомъ вновь появившихся газетъ, не соотвѣтствующимъ спросу, отчасти внутреннимъ ничтожествомъ новыхъ изданій, отчасти недобросовѣстностью издателей. Основатели и руководители новыхъ газетъ „слишкомъ скоро дали публикѣ понятіе, что они рѣшительно не имѣютъ сказать ничего своего и осуждены пробавляться жалкимъ повтореніемъ сказаннаго раньше ихъ и лучше ихъ... Рѣшительно всѣ упраздняющіяся новыя газеты, по объясненію ихъ издателей, упраздняются вслѣдствіе *независящихъ обстоятельствъ*. Такъ какъ при этомъ большинство прогорѣвшихъ издателей ограничиваются, подобно г. Гайдебурову (издателю „Руси“), обѣщаніемъ позаботиться, чтобы подписчики „пострадали въ наименьшей степени“, а подписныхъ денегъ не возвращаютъ, то *фокусъ* пріобрѣтаетъ особенно вразумительное значеніе. Наивные подписчики непремѣнно должны на него попасться и, если не подарить остроумному издателю своихъ денегъ теперь же, то... подарить ихъ впослѣдствіи. Помилуйте, возможно ли тревожить бѣднаго газетнаго антрепренера требованіями разсчитаться, когда онъ всецѣло поглощенъ *независящими затрудненіями*... Случай съ *Русью*, газетой во всѣхъ отношеніяхъ ничтожною, не заслуживалъ бы вниманія, еслибы не служилъ наглядньшъ подтвержденіемъ вздорности обычныхъ нынѣ намековъ на *независящія обстоятельства*. Являются люди въ журналистикѣ безо всякаго призванія, безо всякихъ убѣжденій, безо всякихъ задушевныхъ стремленій, единственно съ цѣлью создать *выгодное дѣло*. Разсчеты ихъ на первыхъ же порахъ оказываются ложными. Двери конторы редакціи и не думаютъ ломиться отъ подписчиковъ, а путешествующій на почту артельщикъ въ кои-то вѣки возвращается съ денежнымъ пакетомъ. Приходится думать какъ бы скорѣе развязаться съ *выгоднымъ дѣломъ*. Грубо надуть подписчиковъ не хочется. Вотъ отсюда и проистекаютъ *временныя пріостановки*, съ меланхолическою ссылкой на *независящія*

затрудненія". Это—по истинѣ геркулесовы столбы „развязности", свойственной нѣкоторымъ газетамъ, когда онѣ говорятъ о лицахъ и предметахъ, не обрѣтающихся въ авантажѣ. Откуда, во-первыхъ, московская газета узнала о числѣ подписчиковъ на прекратившіяся изданія, хотя бы, напр., на „Русь", — объ артельщикахъ, напрасно путешествующихъ на почту, и т. п.? Кн. Мещерскій, говоря объ убыткахъ „Луча", сослался по крайней мѣрѣ на „приказчика магазина Вольфа"; московская газета совершенно умалчиваетъ объ источникѣ своихъ свѣденій. Мы не посвящены въ тайны издательскихъ книгъ, но мы хорошо помнимъ, что первые полтора или два десятка нумеровъ „Руси" (въ дешевомъ изданіи) разошлись всѣ безъ остатка и что, по общему отзыву, матеріальный успѣхъ „Луча", несмотря на постигавшія его съ самаго начала невзгоды, былъ совершенно обезпеченъ. На чемъ, во-вторыхъ, основано утвержденіе, что *всѣ* издатели новыхъ газетъ — люди безъ убѣжденій, помышляющіе единственно о *выгодномъ дѣлѣ*? Если *нѣкоторые* изъ нихъ и интересовались преимущественно коммерческою стороною предпріятія, то слѣдуетъ ли отсюда, что точно такъ же относились къ нему и другіе его участники—редакторы, сотрудники? Что не всѣ прекратившіяся изданія были „жалкимъ повтореніемъ сказаннаго раньше и лучше ихъ" — это мы уже видѣли, говоря о „Лучѣ" [1]); еще меньше можетъ быть рѣчь о ничтожествѣ „Руси", между постоянными сотрудниками которой было нѣсколько очень даровитыхъ людей и одинъ (даже по признанію враговъ его) выдающійся изъ ряду. Къ *нашему* лагерю „Русь" вовсе не принадлежала; она даже открыто порвала съ нимъ, въ статьѣ: „Либеральная печать"; мы защищаемъ ее вовсе не изъ товарищескаго чувства—но еслибы она и заслуживала безусловнаго порицанія, своевременно ли было произносить его въ моментъ ея исчезновенія?.. Что̀ сказать, наконецъ, объ обвиненіи въ предумышленномъ обманѣ подписчиковъ, взводимомъ „Московскими Вѣдомостями" на „большинство" издателей прекратившихся газетъ и, въ частности, на г. Гайдебурова? Самыя элементарныя правила нравственности требуютъ воздержанія отъ оскорбительныхъ предположеній, для которыхъ,— ни въ прошедшемъ даннаго лица, ни въ обстоятельствахъ даннаго случая — нѣтъ даже и тѣни основанія. „Московскія Вѣдомости" не вѣрятъ или не хотятъ вѣрить въ существованіе „независящихъ затрудненій", вызывающихъ прекращеніе изданій, а между тѣмъ оно доказывается каждымъ нумеромъ газеты, на которомъ стоитъ подпись: „за редактора" или: „временный редакторъ". О газетѣ, выходящей при такихъ условіяхъ, можно сказать, что она „танцуетъ на волканѣ". Конечно, не особенно легко

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 5 „Вѣстн. Европы" за 1897 г.

и прочно положеніе всѣхъ вообще русскихъ періодическихъ изданій, плывущихъ не по теченію — но газета, не имѣющая постояннаго, *утвержденнаго* редактора, испытываетъ общія для многихъ неудобства въ страшно увеличенномъ размѣрѣ. Мало того, что „временный редакторъ" можетъ быть устраненъ во всякій данный моментъ, безъ объясненія причинъ, безъ назначенія срока на пріисканіе другого (а газета безъ редактора выходить не можетъ): въ большинствѣ случаевъ онъ—не настоящій избранникъ издателя, не настоящій руководитель и вдохновитель сотрудниковъ, а его вынужденный замѣститель, не имѣющій ни его авторитета, ни его интереса къ дѣлу, и самымъ поверхностнымъ образомъ связанный съ изданіемъ. Мы говоримъ, конечно, не о временномъ редакторѣ въ обыкновенномъ значеніи этого слова, т.-е. не о лицѣ, заступающемъ мѣсто дѣйствительнаго редактора, заболѣвшаго или уѣхавшаго, впредь до его выздоровленія или возвращенія, а о временномъ редакторѣ въ новѣйшемъ смыслѣ, т.-е. временномъ вслѣдствіе многократныхъ отказовъ въ утвержденіи постояннаго редактора. *Такой* временный редакторъ весьма легко можетъ оказаться не солидарнымъ съ издателемъ—и нужно быть очень наивнымъ или намѣренно слѣпымъ, чтобы выводить изъ разногласія между ними заключеніе о неискренности издателя, какъ это дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости" по отношенію къ г. Гайдебурову [1]). Ненормальное положеніе всегда ведетъ къ ненормальнымъ результатамъ...

Продолжая отстаивать цѣлесообразность и справедливость постановленія, обусловливающаго переходъ періодическихъ изданій изъ однѣхъ рукъ въ другія предварительнымъ разрѣшеніемъ администраціи, „Московскія Вѣдомости" (№ 163) пускаютъ въ ходъ, между прочимъ, два „полемическихъ пріема": игнорированіе того, что̀ нами было сказано, и приписываньe намъ намѣреній, совершенно намъ чуждыхъ. „Матеріальные интересы издателей, — говоритъ московская газета,—поставлены закономъ въ строгую зависимость отъ цѣлаго ряда условій, направленныхъ къ огражденію *государственнаго интереса* (курсивъ въ подлинникѣ). Очевидно, передъ интересомъ государственнымъ должны смолкать интересы частныхъ лицъ". Тоже самое, въ другихъ словахъ, можно прочесть и въ нашей предъидущей хроникѣ: мы признали и признаемъ, что „передъ соображеніями общественной пользы и общественной безопасности отступаютъ на второй планъ, въ случаѣ конфликта, соображенія гражданскаго права и лич-

[1]) Вслѣдъ за объявленіемъ г. Гайдебурова о пріостановкѣ „Руси", въ виду „независящихъ затрудненій", временный редакторъ ея, г. Драгомірецкій, напечаталъ въ газетахъ письмо, въ которомъ назвалъ причины пріостановки совершенно для него непонятными.

наго, хотя бы и законнаго интереса". Разногласіе наше съ „Московскими Вѣдомостями" коренится, такимъ образомъ, не въ томъ, что мы ставимъ частный интересъ выше государственнаго, а въ томъ, что между этими интересами, съ нашей точки зрѣнія, при дѣйствіи прежнихъ правилъ о переходѣ періодическихъ изданій никакого конфликта не было,—не было, слѣдовательно, и повода жертвовать однимъ изъ нихъ ради другого: государственный интересъ и раньше былъ огражденъ достаточно, болѣе чѣмъ достаточно... „Вѣстникъ Европы"—продолжаютъ „Московскія Вѣдомости"—„игнорируетъ нравственную сторону издательства". Если подъ нравственной стороной издательства понимать, вмѣстѣ съ „Московскими Вѣдомостями", необходимость надзора за направленіемъ газетъ и журналовъ, то мы не игнорировали ее уже потому, что неоднократно указывали на существованіе въ рукахъ администраціи такихъ средствъ надзора и воздѣйствія, которыя дѣлаютъ совершенно ненужнымъ ограниченіе свободы передачи періодическихъ изданій. Еще меньше упускали мы изъ виду нравственную сторону издательства въ иномъ, настоящемъ смыслѣ этого слова—въ смыслѣ нормальныхъ отношеній издателя къ редактору и сотрудникамъ, въ смыслѣ вліянія издателя на содержаніе изданія: мы старались доказать, что усиленіе зависимости издателя отъ администраціи можетъ привести съ одной стороны къ обостренію издательской цензуры, съ другой—къ появленію фиктивныхъ издателей, т.-е. къ результатамъ нежелательнымъ именно съ нравственной точки зрѣнія... „Вѣстникъ Европы"—читаемъ мы дальше—желаетъ, чтобы матеріальная сторона издательства всегда обрѣталась въ состояніи совершеннаго благополучія, какъ бы ни была неблагополучна нравственная сторона; но въ такомъ случаѣ гораздо правильнѣе требовать абсолютной свободы печати, *а не дѣлать вида*, будто вопросъ разбирается въ связи съ существующими законоположеніями и существующимъ для печати режимомъ". Что мы не „дѣлали вида", а просто и прямо выражали свое мнѣніе, это явствуетъ, между прочимъ, изъ нашей оговорки: „мы, конечно, не стоимъ за предварительное разрѣшеніе изданій". Само собою разумѣется, что свобода печати—не „абсолютная", но широкая и регулируемая, кромѣ закона, только судомъ—нашъ идеалъ, конечный предметъ нашихъ желаній; но, оставаясь на почвѣ дѣйствительности, мы разбирали постановленіе 28-го марта именно съ точки зрѣнія „существующаго режима и существующихъ законоположеній" и пришли къ заключенію, что ни тѣмъ, ни другими оно не вызывалось. Достаточнымъ подтвержденіемъ этого заключенія служитъ тотъ фактъ, что въ теченіе тридцати лѣтъ, при условіяхъ, бо́льшею частью крайне неблагопріятныхъ для печати, въ ограниченіи свободы перехода періодическихъ изданій не встрѣча-

лось надобности. Не возникла ли она, однако, именно теперь, вслѣдствіе какихъ-либо новыхъ обстоятельствъ? „Московскія Вѣдомости“ отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно. За послѣднее время, по ихъ словамъ, „особенно часто происходили передачи періодическихъ изданій изъ однѣхъ рукъ въ другія, при чемъ характеръ изданій кореннымъ образомъ измѣнялся. Лицо, не имѣвшее надежды получить разрѣшеніе на выпускъ газеты или журнала, еслибы обратилось за этимъ разрѣшеніемъ непосредственно, получало доступъ къ издательской дѣятельности путемъ пріобрѣтенія уже существующаго изданія. Правда, такому издателю предстояло обойти довольно существенное затрудненіе, именно добиться утвержденія угоднаго или удобнаго для него редактора. Но неужели *Вѣстникъ Европы* не знаетъ, что это затрудненіе благополучно обходилось, и издатель въ концѣ концовъ добивался своего“?—„Вѣстникъ Европы“ не только этого не знаетъ, но знаетъ нѣчто прямо противоположное: чѣмъ же вызвана, напримѣръ, пріостановка „Луча“ и „Руси“, какъ не *невозможностью* достигнуть *утвержденія* редактора?.. Допустимъ однако, что *въ концѣ концовъ* издателямъ, пріобрѣвшимъ изданіе съ цѣлью „кореннымъ образомъ измѣнить его характеръ“, всегда удавалось бы получить желаннаго имъ редактора. Что же тутъ было бы опаснаго для администраціи, вооруженной правомъ жизни и смерти надъ періодическими изданіями? Вѣдь возможна же перемѣна въ настроеніи издателя или редактора, однажды утвержденнаго администраціею — однако послѣдней не предоставлено еще, покамѣстъ, права удалять, sans autre forme de procès, издателя или редактора, не оправдавшаго ея довѣрія. А впрочемъ, не входитъ ли дарованіе ей такого права въ число нововведеній, ожидаемыхъ „Московскими Вѣдомостями“ отъ *обѣщаннаго* пересмотра законовъ о печати?..

Со времени окончанія дѣла Меранвиля де-Сентъ-Клера и Зеленко прошло болѣе мѣсяца, и оно уже на половину забыто. Не останавливаясь ни на фактической его сторонѣ, ни на рѣшеніи присяжныхъ, мы хотимъ коснуться только одного общаго вопроса, на который оно невольно наводитъ. Этотъ вопросъ отчасти затронутъ, но не исчерпанъ присяжнымъ повѣреннымъ В. Н. Герардомъ (однимъ изъ защитниковъ г. Зеленко), въ письмѣ, въ которомъ онъ, съ большимъ достоинствомъ и весьма убѣдительно, возражаетъ на газетныя нападки противъ его защиты [1]). Имѣетъ ли адвокатъ вообще—и присяжный повѣренный въ особенности—нравственное право ходатайствовать по дѣламъ судебнаго характера, производящимся въ административныхъ

[1]) См. „Новое Время“, № 7653.

учрежденіяхъ? „Ёслибы у насъ, — говоритъ В. Н. Герардъ, — судъ былъ бы высшимъ и единственнымъ вершителемъ всѣхъ столкновеній и споровъ о правѣ не только гражданъ между собою, но и между гражданами и администраціей, адвокатура, конечно, обязана была бы уклоняться отъ внѣсудебныхъ ходатайствъ, какъ она уклоняется теперь отъ всякихъ попытокъ внѣ-судебнаго вліянія на самый судъ"; но пока этого нѣтъ, пока „административныя учрежденія вѣдаютъ, въ качествѣ судебной власти, не менѣе значительную группу интересовъ, чѣмъ та, которая предоставлена суду", для адвокатуры открывается и здѣсь „полезное и плодотворное поприще". Намъ кажется, что этотъ отвѣтъ, въ существѣ правильный, требуетъ поясненія и дополненія. Необходимо различать, прежде всего, тѣ случаи, въ которыхъ судебная компетенція административныхъ учрежденій прямо установлена закономъ и исключаетъ всякую другую, отъ тѣхъ случаевъ, для которыхъ, по закону, компетентенъ судъ, одинъ только судъ, а внѣ-судебное производство является внѣ-законнымъ. Не подлежитъ, напримѣръ, никакому сомнѣнію, что участіе присяжной адвокатуры въ дѣлахъ о казенныхъ подрядахъ, когда они подвѣдомственны министерствамъ и первому департаменту сената, или въ дѣлахъ крестьянскихъ, доходящихъ до второго департамента, совершенно корректно и даже желательно, какъ залогъ правильнаго ихъ веденія. То же самое слѣдуетъ сказать и о ходатайствѣ присяжныхъ повѣренныхъ передъ земскими начальниками, уѣздными съѣздами, губернскими присутствіями и разными учрежденіями, облеченными административно-карательною властью (акцизное вѣдомство, таможенное вѣдомство, губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія и т. п.). Ничего нельзя возразить и противъ участія присяжной адвокатуры въ дѣлахъ административныхъ по своему свойству, въ которыхъ нерѣдко возникаютъ сложные и трудные юридическіе вопросы. Въ иномъ видѣ представляются дѣла, вовсе не подвѣдомственныя административнымъ учрежденіямъ—напр., всѣ споры о правѣ гражданскомъ, не изъятые закономъ изъ вѣденія суда. Здѣсь самое направленіе дѣла въ не-судебномъ порядкѣ является уже отступленіемъ отъ закона—а къ отступленію отъ закона присяжная адвокатура не должна быть прикосновенна никогда, ни въ чемъ. Для возстановленія нарушеннаго права существуетъ судъ, и если обращеніе къ нему почему-нибудь невозможно (напр., за истеченіемъ давности, или за вступленіемъ рѣшенія въ законную силу, или за отсутствіемъ доказательствъ), то не остается ничего другого, какъ подчиниться своей судьбѣ. Присяжный повѣренный—да и всякій уважающій себя адвокатъ—не долженъ ни рекомендовать путей, не предусмотрѣнныхъ закономъ, ни помогать вступающему на такой путь. Если для частнаго лица, bona fide считающаго себя обиженнымъ и готоваго схватиться

за всякое средство, чтобы найти управу на обидчика, существуетъ нѣкоторое оправданіе или, по меньшей мѣрѣ, извиненіе, то ни того, ни другого нѣтъ для юриста, являющагося его совѣтникомъ или уполномоченнымъ. Кто знакомъ съ исторіей и теоріей права, тому не могутъ не быть извѣстны недостатки такъ называемой кабинетной юстиціи—недостатки, во много разъ превышающіе ея случайно-возможную пользу. Роль присяжнаго повѣреннаго, когда дѣло пошло по этой дорогѣ, можетъ быть только одна: стараться остановить его, возвратить на надлежащій путь или смягчить, по возможности, послѣдствія правонарушенія. Другими словами, при не-судебномъ направленіи судебнаго дѣла намъ понятенъ присяжный повѣренный только какъ защитникъ отвѣтчика или обвиняемаго, а отнюдь не какъ руководитель или уполномоченный истца или обвинителя. Поясникъ нашу мысль примѣромъ: мы не можемъ представить себѣ такого случая, когда присяжному повѣренному позволительно было бы домогаться учрежденія, внѣ законнаго порядка, опеки надъ лицомъ полноправнымъ—но мы вполнѣ допускаемъ участіе присяжнаго повѣреннаго въ ходатайствѣ о снятіи опеки, такимъ образомъ учрежденной. Мы убѣждены, что такъ смотритъ на дѣло и В. Н. Герардъ; вѣдь если онъ утверждаетъ, что „мѣсто адвокатуры—вездѣ, гдѣ рѣшается вопросъ о правѣ", то подъ именемъ *вопроса о правѣ* онъ понимаетъ, очевидно, вопросъ, рѣшаемый на основаніи правовыхъ нормъ и въ правомѣрномъ порядкѣ. Какъ опасно было бы всякое другое толкованіе—это доказывается какъ нельзя лучше дѣломъ Зеленко и Меранвиля. Оно было бы немыслимо, еслибы не возникло предположеніе о разрѣшеніи спора между братьями Поповыми въ внѣ-судебномъ порядкѣ—а это предположеніе, въ свою очередь, явилось только потому, что у насъ, если не de jure, то de facto возможно не-судебное разбирательство чисто судебнаго спора. Не будь этого обстоятельства, угрозы Меранвиля, столь сильно подѣйствовавшія на Юрія Попова, были бы не чѣмъ инымъ, какъ „покушеніемъ негодными средствами", уголовно ненаказуемымъ и не подлежащимъ уголовному преслѣдованію. Въ самомъ дѣлѣ, вся сила этихъ угрозъ заключалась въ томъ, что Юрій Поповъ вѣрилъ въ ихъ осуществимость—а основанія для такой вѣры ему дала русская жизнь. Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что въ западной Европѣ процессъ, въ родѣ того, къ которому подало поводъ открытіе наслѣдства послѣ генерала Попова, былъ бы совершенно невозможенъ.

Въ майской книжкѣ журнала за текущій годъ (стр. 430—432) была помѣщена поправка г-на А. А. Поджіо къ сообщенному въ воспоминаніяхъ Н. А. Бѣлоголоваго [1]) объ отношеніяхъ А. О. Поджіо,

[1]) Были помѣщены въ „Вѣстн. Европы", 1896 г., ноябрь, подъ заглавіемъ: „А. В. Поджіо".

отца г-на А. А., къ А. В. Поджіо, по возвращеніи послѣдняго изъ Сибири, вмѣстѣ съ другими декабристами.

По поводу того, редакція получила отъ В. А. Высоцкой, урожденной Поджіо, нижеслѣдующее письмо:

„М. Г.—Прочитавъ въ майской книжкѣ „Вѣстника Европы“ опроверженіе г. (А. А.) Поджіо статьи Н. А. Бѣлоголового относительно выданныхъ его отцомъ (А. О. Поджіо) денегъ моему отцу, я должна сказать, что всегда слышала отъ моей матери, что именно вслѣдствіе статьи въ „Колоколѣ“ А. О. Поджіо и выдалъ моему отцу, принужденный третейскимъ судомъ, тотъ маленькій капиталъ, на который мои родители и поѣхали за границу. По возвращеніи изъ Сибири, мой отецъ намѣревался жить вмѣстѣ съ племянникомъ, но жизнь въ Знаменскомъ (имѣніи А. О. Поджіо) была слишкомъ тяжела, и онъ уѣхалъ въ московскую губернію. Н. А. Бѣлоголовый многое писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ о моемъ отцѣ со словъ моей матери. Отецъ мой не любилъ ни вспоминать, ни говорить о тяжелыхъ отношеніяхъ съ родственниками.

„Что касается редакціи приговора третейскаго суда, то умолчаніе въ немъ о присужденной моему отцу суммѣ я могу себѣ объяснить только чрезвычайною деликатностью, которая, какъ всѣмъ извѣстно, была ему присуща. Надѣюсь, г. Редакторъ, что Вы не откажете помѣстить это письмо въ ближайшемъ № Вашего журнала“ (слѣдуетъ подпись: „Флоренція, 7-го іюня 1897 г. — Варвара Высоцкая, урожденная Поджіо“).

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

А. Ѳ. Кони. Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Спб., 1897. Стр. 170.

Имя доктора Гааза сдѣлалось извѣстнымъ читающей публикѣ и, можно сказать, пріобрѣло большую популярность, благодаря рѣчамъ и статьямъ нашего талантливаго юриста-писателя, А. Ѳ. Кони. Появляясь цикѣ въ отдѣльной книгѣ, эти очерки производятъ болѣе цѣльное и сильное впечатлѣніе; свѣтлый образъ Гааза выступаетъ теперь предъ нами во всей своей привлекательности и простотѣ. Мысль сохранить отъ забвенія имя и дѣятельность этого необыкновеннаго человѣка впервые возникла у автора при собираніи свѣдѣній о русскихъ послѣдователяхъ знаменитаго англійскаго филантропа Говарда, умершаго нѣкогда въ Россіи; автору пришлось тогда встрѣтиться съ чрезвычайно интересными данными, относящимися къ дѣятельности Гааза, какъ главнаго врача тюремныхъ больницъ въ Москвѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Книга А. Ѳ. Кони даетъ нѣчто большее, чѣмъ поучительную біографію дѣятеля, съумѣвшаго въ скромной роли врача и чиновника осуществить высокій нравственный идеалъ самоотверженной любви къ ближнему;—она вмѣстѣ съ тѣмъ развертываетъ предъ нами картину общественнаго быта, служебныхъ и въ частности тюремныхъ порядковъ въ до-реформенную эпоху. Эта послѣдняя, бытовая сторона очерковъ А. Ѳ. Кони заслуживаетъ не меньшаго вниманія, чѣмъ другія достоинства его книги, придающія ей прочную литературную цѣнность.

Н. Водовозовъ. Экономическіе этюды. Съ портретомъ автора. Изданіе М. И. Водовозовой. Москва, 1897. Стр. 218. Ц. 2 р.

Покойный Ник. Вас. Водовозовъ, умершій еще очень молодымъ въ маѣ истекшаго года, успѣлъ обратить на себя вниманіе весьма дѣльными экономическими этюдами, свидѣтельствовавшими не только о большой начитанности, но и объ искреннемъ стремленіи къ истинѣ и серьезномъ литературномъ талантѣ. Въ настоящую книгу вошли четыре статьи—объ ученіи Мальтуса, о рабочемъ движеніи въ Бельгіи, объ исторіи идей и партій въ Соед. Штатахъ и о христіанскомъ соціализмѣ во Франціи. Мы не видимъ здѣсь одной изъ болѣе раннихъ статей автора — этюда о Фурье, напечатаннаго въ „Русской Мысли“. Сверхъ того, два года тому назадъ появился составленный имъ очеркъ жизни и дѣятельности Мальтуса, въ изданіи г. Павленкова. Всѣ статьи Водовозова отличаются особою правдивостью тона, способностью относиться критически даже къ самымъ авторитетнымъ и популярнымъ ученіямъ, обстоятельностью положительныхъ научныхъ свѣдѣній и наконецъ живостью и легкостью изложенія.

К. Ѳ. Одарченко. Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. Москва, 1897. Стр. 374. Ц. 1 р. 50 к.

Книга г. Одарченко составлена изъ статей, напечатанныхъ авторомъ съ 1881 года въ двухъ журналахъ —„Русской Мысли“ и „Русской Бесѣдѣ“; только три послѣднія главы отдѣла о деньгахъ и золотой валютѣ прибавлены вновь. Въ четырехъ частяхъ, на которыя распадается книга, говорится подробно о русской крестьянской общинѣ въ связи съ народнымъ характеромъ, о капиталистическомъ хозяйствѣ, объ отношеніяхъ производителей къ потребителямъ и о денежномъ вопросѣ. Статья объ общинѣ снабжена примѣчаніями покойнаго С. А. Юрьева, бывшаго редакторомъ „Русской Мысли“ во время появленія этой статьи въ журналѣ.

Сыскъ и уголовное право. А. Левенстимъ (Юридическая библіотека, № 15). Изд. Я. Канторовича. Спб., 1897. Стр. 176. Ц. 80 к.

Вопросъ о вліяніи сыска на совершеніе преступленій, почти совершенно забытый юридическою литературою и не затронутый уголовными кодексами, напоминаетъ о себѣ отъ времени до времени въ судебныхъ процессахъ, болѣе или менѣе громкихъ и шумныхъ, которые однако до сихъ поръ интересовали преимущественно публицистовъ, а не юристовъ; поэтому нельзя не отнестись съ сочувствіемъ и признательностью къ попыткѣ г. Левенстима поставить на очередь обсужденіе у насъ этого важнаго вопроса съ точки зрѣнія законодательства и судебной практики. Книжка г. Левенстима пріобрѣтаетъ въ настоящее время большой практическій интересъ въ виду печальнаго дѣла о сектантахъ, заживо погребенныхъ подъ вліяніемъ идеи о пришествіи антихриста.

Правители и мыслители. Біографическіе очерки Ѳ. Литвиновой. Съ 16 портретами. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1897. Стр. 302. Ц. 1 р.

Отношенія выдающихся дѣятелей мысли къ монархамъ и правителямъ представлены г-жею Литвиновою въ рядѣ біографическихъ этюдовъ, не лишенныхъ интереса. Въ книжкѣ не видно системы: такъ, за Платономъ и тираномъ Сиракузскимъ слѣдуетъ непосредственно Фридрихъ II, послѣ Александра I и Лагарпа—Петръ Великій и Лейбницъ, затѣмъ—Декартъ и королева Христина, а въ заключеніе, за Екатериною II, опять Лейбницъ. Неясна и основная идея автора, какъ это показываютъ и нѣкоторые изъ выбранныхъ примѣровъ; напр., этюдъ о Наполеонѣ и Карно вовсе не можетъ характеризовать отношеній правителей къ мыслителямъ, потому что оба они были практическими дѣятелями, и Карно, по свидѣтельству автора, былъ даже „правителемъ (?) Директоріи“ (стр. 46). Г-жа Литвинова не воспользовалась фактами, несравненно болѣе важными для ея темы; она пропустила Марка Аврелія, совмѣщавшаго въ себѣ роль правителя съ призваніемъ философа; она не упоминаетъ также объ отношеніяхъ Сенеки къ Нерону и т. п. Выводовъ опредѣленныхъ авторъ не дѣлаетъ, а ограничивается лишь указаніемъ на то, что „люди власти часто нуждаются въ практической философіи и почти всегда прибѣгаютъ въ этомъ отношеніи къ людямъ мысли; послѣдніе же всегда видятъ въ правителяхъ вѣрныхъ проводниковъ и могучихъ защитниковъ своихъ идей“.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
въ 1897 г.

(Тридцать-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листокъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою. . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — **1 р. 50 к.**

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Принимается подписка на годъ, первое полугодіе и третью четверть 1897 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ*: 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42; — въ *Москвѣ*: 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично — въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

AUG 23 1897

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ВТОРОЙ ГОДЪ.—КНИГА 8-Я.

АВГУСТЪ, 1897.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

КНИГА 8-я. — АВГУСТЪ, 1897.

Стр.

I.—ЯРЛЪ ГАКОНЪ. — Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Адама Эленшлегера.— Окончаніе.—Перев. съ датскаго.—**Анны Ганзенъ** 445

II.—АНГЛІЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ.—Впечатлѣнія и замѣтки.—**С. Р—р—а** 509

III.—БАЛОВЕНЬ СЧАСТЬЯ.—Повѣсть.—Окончаніе.—**К. Головина** 537

IV.—ЖЕНСКІЕ МЕДИЦИНСКІЕ КОЛЛЕДЖИ въ Англіи и С. Америкѣ. — Изъ поѣздки зимою 1895—1896 г.—**О. Л.** 574

V.—МИЛЫЙ ДѢДУШКА.—Разсказъ.—**А. А. Вицицкой** 599

VI.—СТРАНСТВІЯ МАЛЬДУНА. — Ирландская легенда Альфреда Теннисона.— **К. Бальмонта** 634

VII.—ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ НАРОДНОМЪ ПРЕДАНІИ. — Петръ какъ антихристъ, у раскольниковъ.—Поэтическая молитва о немъ.—Пѣсни и сказки.— **А. И. Пыпина** 640

VIII.—РАЗБИТАЯ ЛЮБОВЬ.—Изъ Верлена.—**И. Г.** 691

IX.—ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЯ АССОЦІАЦІИ ВЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ.— **П. А. Тверского** 692

X.—ГЛАСЪ НАРОДА.—„Vox populi". Roman von Konrad Telman.—XI—XX.— **А. Б—г—** 712

XI.—КАРЛЪ МАРКСЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.—I.—**Л. З. Слонимскаго** 765

XII.—ХРОНИКА. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Народная школа въ деревнѣ.—**Кн. Д. Друцкого-Сокольницкаго.** 780

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Мирные переговоры въ Константинополѣ.— Восточная политика державъ и турецкія дѣла. — Политическій кризисъ въ Австріи и роль графа Бадени. — Парламентскія рѣшенія въ Пруссіи и дипломатія фонъ-Микеля.—Пріѣздъ президента Фора въ Россію и современное положеніе Франціи. 802

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—А. С. Хомяковъ, его жизнь и сочиненія, Валерія Ласковскаго. — „Признакъ", сборникъ, изд. Гарина-Виндинга.—Русскія народныя сказки А. Н. Аѳанасьева, съ біографическимъ очеркомъ и пр., А. Грузинскаго. — Н. Никифоровскій, Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи; Простонародныя примѣты и повѣрья и пр. въ Витебской Бѣлоруссіи.—**А. Н.**—Новыя книги и брошюры 815

XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. Des Granges, Geoffroy et la critique dramatique sous le Consulat et l'Empire.—II. Fleury, Introduction à la médecine de l'esprit.—III. Jules Bois, L'Eve Nouvelle.—**З. В.**— IV. Brockhaus, Conversations-Lexicon. 14-te Auflage.—**S. W.** 881

XVI.—ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.—Письмо въ редакцію. — **Владиміра Соловьева** 850

XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Еще о новомъ законѣ 2-го іюня относительно продолжительности и распредѣленія рабочаго времени, и о дальнѣйшемъ развитіи этого закона.—Рѣчь г. товарища оберъ-прокурора св. синода 26-го іюня.—Лѣтніе курсы для учащихъ въ н.-приходскихъ школахъ.—Двухклассныя училища духовнаго вѣдомства и приготовленіе въ нихъ учителей для школъ того же вѣдомства.—Школьные огороды, поля и т. под. при этихъ школахъ и ихъ дѣйствительное значеніе.—Вопросъ о распредѣленіи школьныхъ вакацій у насъ и за границей 853

XVIII.—ИЗВѢЩЕНІЕ. — Отъ С.-Петерб. Общества „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ" 865

XIX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Ник. Карышевъ. Трудъ, его роль и условія приложенія къ производствѣ (Образовательная библіотека, изданіе О. Н. Поповой, № 4 и 5).—В. Короленко. Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. Изданіе третье.—Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ учрежденій. 1814—1896. Написалъ Ш. Сеньобосъ, лекторъ парижскаго университета. Ч. I. Перевелъ съ французскаго.

XX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-XVI стр.

☛ **Подписка на годъ, полугодіе и третью четверть года въ 1897 г.** ☚
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки).

ЯРЛЪ ГАКОНЪ

Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Адама Эленшлегера.

(1806 г.)

Окончаніе *).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ОСТРОВЪ МОСТЕРЪ.

Карлсховедъ и Іостейнъ, родственники Олафа, короля ирландскаго; Грибъ, рабъ Торера, приверженца ярла Гакона.

Грибъ.

Могу вамъ объявить—Гаконъ ужъ здѣсь;
Присталъ сегодня къ острову онъ съ флотомъ,
И въ томъ концѣ залива якорь отдалъ.

Карлсховедъ.

И не столкнулся онъ съ Олафомъ?! Дивно!
Тотъ въ море вышелъ флотъ собрать свой въ гавань;
Теперь его мы съ нетерпѣньемъ ждемъ.

Грибъ.

Ну, помогли, знать, ярлу ночь да хитрость.

Іостейнъ.

Итакъ, герой норвежскій наготовѣ
Съ врагомъ схватиться, если тотъ замыслитъ

---

*) См. выше: іюль, 5 стр.

На сушу выйти. Мѣста вдоволь здѣсь
Для жаркой битвы. Есть гдѣ разгуляться!

ГРИБЪ.

Съ врагомъ сразиться ярлъ давно рѣшился;
Но мѣсто намъ открытое для битвы
Совсѣмъ негодно; лѣсъ дремучій, темный,
Сослужитъ лучше службу намъ.

КАРЛСХОВЕДЪ.

Не знаю,
Что говоришь ты, рабъ? Скажи яснѣе!

ГРИБЪ.

Богамъ угодно было превратить
Въ святую правду ложь, что господинъ мой
Хитро придумалъ; и теперь всѣ планы
Его и ярла разомъ измѣнились!

ІОСТЕЙНЪ.

Ты дерзокъ, рабъ! Тебѣ ль такъ говорить!

ГРИБЪ.

И вы бы такъ заговорили, если бъ
Узнали все, какъ я.

КАРЛСХОВЕДЪ.

Такъ объяснись!

ГРИБЪ.

Едва Гаконъ отплылъ на островъ Мостеръ,
Его гонцы догнали съ извѣщеньемъ,
Что вспыхнулъ бунтъ въ народѣ—за Гудруну,
Которой ярлъ задумалъ овладѣть.
Давно, какъ видно, искра возмущенья
Въ народѣ тлѣла; часъ насталъ, и пламя
Объяло всѣхъ! Что было дѣлать ярлу?
Извѣстно вамъ, онъ на рѣшенья скоръ,
И, поразмысливъ, счелъ, что будетъ лучше
Идти сначала противъ чужеземца:
Надъ нимъ побѣда снова укрѣпитъ
За ярломъ славу мощнаго героя
И устрашитъ народъ. Но вотъ теперь
Отъ соглядатаевъ узналъ нашъ ярлъ,
Что флотъ врага сильнѣй, чѣмъ былъ по слухамъ.
На счастье ярла, встрѣтилъ здѣсь его
Наперсникъ вѣрный, хитрый Тореръ Клаке,

И ярлъ совѣтъ его принять рѣшился.
Гаконъ не любитъ, знаемъ, падать духомъ:
Не удалось одно—онъ за другое
Тотчасъ берется. „Ради, молъ, боговъ
Иду на это я, нужда неволитъ!“
Онъ говоритъ, но не совсѣмъ-то такъ,
И о своей тутъ пользѣ ярлъ хлопочетъ.
Сбыть гостя съ рукъ ему необходимо,
Не то—бѣда! Узнай народъ, что прибылъ
Сюда потомокъ древнихъ королей,
Любовь къ нему въ народѣ возгорится,
Тогда возненавидятъ ярла всѣ.
На что рѣшился ярлъ, о томъ молчитъ.
Разбить палатки велѣно дружинѣ;
Что будетъ дальше—мы того не знаемъ.
Одно лишь ярлъ успѣлъ внушить всѣмъ: будто
Разбойника выслѣживаетъ онъ!

Іостейнъ.

На что, однако, ярлъ рѣшиться можетъ?

Грибъ.

Лежалъ я какъ-то ночью на соломѣ,
Въ слезахъ, и вопрошалъ боговъ великихъ:
За что влачу я молодую жизнь
Въ оковахъ рабства? Нынѣ жъ восхваляю,
Благодарю за то боговъ премудрыхъ!
Не будь рабомъ я—планъ коварный Клаке
Раскрылся бъ слишкомъ поздно, и Олафъ
Погибъ бы смертью злой отъ рукъ убійцы!

Іостейнъ.

Не мучь же насъ! Скажи скорѣе все!

Грибъ.

Я самъ былъ тутъ же, слышалъ все до слова.
Вѣдь я ничтожный, жалкій рабъ, не болѣ,
Что незамѣтно, словно край плаща,
Влачится всюду вслѣдъ за господиномъ!
Такъ отъ раба ль таиться? Въ этотъ лѣсъ
Олафа сманитъ низкій Тореръ Клаке
И тамъ убьетъ! Гаконъ же ждать засядетъ
Въ лѣсу, въ пастушьей хижинѣ; ему
Онъ голову Олафа принесетъ.
Покончивъ дѣло, ярлъ назадъ вернется

И въ Рогаландѣ вѣрномъ кликнетъ кличъ,
Собравъ же войско, дастъ отпоръ ирландцамъ,
Коль тѣ отмстить за смерть вождя замыслятъ.

Іостейнъ.

Ты самъ все слышалъ?

Грибъ.

Бальдуръ [1]) мнѣ свидѣтель!

Іостейнъ.

И за одно *мы* съ ярломъ быть должны?!

Карлсховедъ.

И помогать ему *мы* въ этомъ станемъ?!

Іостейнъ.

О, Грибъ! Мнѣ стыдно—стыдно за тебя!

Грибъ.

Властитель мой! Подумай, кто же могъ
Отъ ярла ждать такихъ поступковъ низкихъ?
Гаконъ вѣдь мечетъ молніи очами,
Повелѣваетъ взглядомъ! Передъ нимъ
И преклонились вы. Кого желанье
Не увлечетъ доставить тронъ герою?
И васъ оно могло увлечь; не правда ль?

Іостейнъ.

Но не бывать ему на тронѣ!

Карлсховедъ.

Вѣрно!
На тронъ взойдетъ Олафъ, король норвежскій,
Онъ сынъ Астриды, намъ родной герой,
Достойный трона!

Грибъ.

Да, вотъ это вѣрно!
Какъ кстати!—и корабль уже въ заливѣ;
Сейчасъ причалитъ къ берегу ладья.
Олафъ съ дружиной въ ней плыветъ. Такъ надо,
Пока не поздно, дѣйствовать живѣй!
Оставшись съ нимъ наединѣ, откройте
Ему всю правду. Тореръ Клаке съ ярломъ

---

[1]) Бальдуръ—богъ свѣта и добра, сынъ Одина и Фритги; олицетвореніе добрыхъ началъ.

Въ лѣсу теперь. Такъ пусть король съ дружиной
Туда спѣшитъ накрыть обоихъ разомъ.
Удастся, впрочемъ, это имъ, иль нѣтъ,
За королемъ вѣдь сила будетъ все же.
А можетъ статься, кое-что еще
До той поры свершится... Вотъ ужъ слышно,
Съ ладьи несется пѣніе монаховъ.
Какъ дивно звуки льются надъ водою!..
Но мнѣ пора, меня давно тамъ ждутъ!
И такъ, сдержите ваше обѣщанье! — *Уходитъ.*

ІОСТЕЙНЪ.

О, будь спокоенъ!

КАРЛСХОВЕДЪ.

Вотъ ладья пристала,
Король, монахи, стража—всѣ сошли.
Олафу знамя подаютъ монахи.
На красномъ полѣ бѣлый крестъ, гляди!

ІОСТЕЙНЪ.

Да, красный цвѣтъ—цвѣтъ мужества и силы,
А бѣлый—цвѣтъ невинности и мира.
Идутъ сюда! Мы отойдемъ пока.

Олафъ несетъ въ рукахъ большое знамя; за нимъ идутъ монахи и нѣсколько человѣкъ стражи.

ХОРЪ МОНАХОВЪ.

Разсѣйся, злобный мракъ ночной!
Небесный лучъ! своей стрѣлой
Его пронзи и освѣти
Любви и правды всѣ пути!

Холодный сѣверъ Ты согрѣй,
Господь, тепломъ любви Своей!
Съ мечомъ въ рукѣ герой грядетъ
И свѣточъ вѣры здѣсь возжетъ!

ОЛАФЪ—*поднимаетъ знамя къ небу и затѣмъ водружаетъ его передъ собою въ землю.*

Сажаю съ этимъ знаменемъ священнымъ
Въ родную почву древо христіанства!
Да пуститъ корни, пышно зеленѣетъ
И принесетъ обильные плоды!
Смиренной вѣры полные, мы станемъ

Слезами корни древа орошать,
А вздохи съ устъ, лепечущихъ молитвы,
Какъ дуновенье вѣтра будутъ нѣжить
Цвѣты и почки сочные плодовъ!
Какъ пѣнье птицъ несется къ сводамъ неба,
Такъ понесутся здѣсь къ церковнымъ сводамъ
Смиренной паствы гимны и молитвы!
Надъ всей страною сѣнь своихъ вѣтвей,
Какъ дубъ столѣтній, дерево раскинетъ
И дастъ пріютъ любви, надеждѣ, вѣрѣ!
Онѣ, корней его питаясь сокомъ,
На небо взоры будутъ устремлять.
А на корѣ священной, чистой древа,
Какъ на скрижаляхъ новыхъ, имена
Свои начертятъ сѣвера владыки.
Сама невинность здѣсь цвѣты насадитъ,
Что̀ будутъ, словно сонмы райскихъ ду́ховъ,
Отъ древа черныхъ духовъ отгонять.
Въ безсильной злобѣ Одинъ одноглазый
Направитъ дикій свой полетъ въ пустыни,
Въ ущелья горъ, и тамъ въ попыткахъ тщетныхъ
Вернуть себѣ былую мощь и власть,
Какъ волкъ голодный, раненый, завоетъ!
Но вой его не устрашитъ сыновъ
Благочестивой церкви; съ дѣтской вѣрой
Они подъ древомъ головы укроютъ;
Его листва, какъ крылья духовъ райскихъ,
Отъ слуха ихъ отвѣетъ страшный вой.

Хоръ монаховъ.

Аминь!

Олафъ.

Аминь! Благодарю васъ, братья!
Вы поддержать меня готовы, знаю!
Вамъ показалъ сейчасъ я въ морѣ островъ;
Гаконъ тамъ Драгоцѣнный, предокъ мой,
Былъ на пиру, какъ вдругъ на пиръ кровавый,
На битву вызванъ былъ, гдѣ смерть нашелъ.
Гаконъ, о, кроткій, набожный мой предокъ!
Ты, какъ цвѣтокъ, расцвѣтшій слишкомъ рано,
Побитъ морозомъ былъ ночнымъ! Твой корень
Не смогъ пробиться въ глубь могучихъ скалъ,
Но все жъ ростокъ твой свѣжій былъ здѣсь первымъ,

И ты блаженъ во вѣки въ небесахъ!
Ты вѣрно тамъ, хотя не смогъ бороться
И одолѣть слѣпое заблужденье.
Тебя вкусить отъ жертвы принудили,
Твоимъ устамъ, что̀ жаждали испить
Вина изъ чаши Новаго Завѣта,
Пришлось коснуться чаши съ кровью жертвы!
Тогда, Гаконъ, еще не время было!
Теперь съ улыбкой смотришь ты съ небесъ
На своего потомка, что̀ вступаетъ
На правый путь, проложенный тобой!

ХОРЪ МОНАХОВЪ.

Аминь!

ОЛАФЪ.

Аминь! Вы берегъ освятили,
И возвратитесь съ миромъ на корабль!
Для васъ шатры на палубѣ разбиты;
Вы утомились, отдыхъ нуженъ вамъ.

Монахи направляются къ ладьѣ. Къ Олафу подходятъ Карлсховедъ и Іостейнъ.

А вотъ и вы, мои друзья и братья!
Хотите ль быть со мной въ союзѣ тѣсномъ?

ІОСТЕЙНЪ.

Король!

КАРЛСХОВЕДЪ—*смущенно.*

Король!

ОЛАФЪ.

Что̀ сталось съ вами, братья?

ІОСТЕЙНЪ—*преклоняя колѣни.*

Мы головы свои тебѣ приносимъ!

КАРЛСХОВЕДЪ—*тоже.*

Да, да! Виновны мы!

ОЛАФЪ.

Какъ мнѣ понять
Такія рѣчи?

ІОСТЕЙНЪ.

Мы тебѣ солгали!

КАРЛСХОВЕДЪ.

Мы обманули, мой король, тебя!

ОЛАФЪ.

Не можетъ быть! Иль выдумкой все было?
Меня вы въ сѣти ярла заманили?

КАРЛСХОВЕДЪ.

О, нѣтъ, не бойся!

ОЛАФЪ.

Ада не боюсь,
Не то что ярла! Встаньте! Передъ Богомъ
Падите ницъ, Ему, Отцу, молитесь,
Коль согрѣшили! Онъ васъ покараетъ!

КАРЛСХОВЕДЪ.

Коварный Тореръ Клаке лгалъ тебѣ,
Но нынѣ въ правду ложь та превратилась.

ІОСТЕЙНЪ.

Народъ усталъ терпѣть несправедливость!

ОЛАФЪ.

И возмутился?

КАРЛСХОВЕДЪ.

Да!

ОЛАФЪ.

Гаконъ же?...

ІОСТЕЙНЪ.

Здѣсь!

ОЛАФЪ.

Онъ здѣсь?

КАРЛСХОВЕДЪ.

Съ ничтожнымъ флотомъ, что̀ сравниться
Съ твоимъ не можетъ!

ОЛАФЪ.

Что жъ онъ хочетъ сдѣлать?

ІОСТЕЙНЪ.

Коварствомъ взять, гдѣ сила не береть!
Въ открытый бой съ тобою онъ не вступитъ,
Но Тореръ долженъ въ лѣсъ тебя сманить
И тамъ убить!

ОЛАФЪ.

И ярлъ въ лѣсу? Иль Тореръ
Одинъ придетъ? Большое ль съ ярломъ войско?

Іостейнъ.

Нѣтъ, мой король, оно гораздо меньше.
Да не при чемъ тутъ войско. Хочетъ онъ
Коварствомъ все покончить. Ярлъ боится
Своихъ людей-то больше, чѣмъ твоихъ!
Коль о твоемъ прибытіи узнаютъ
Норвежцы наши—ярлу будетъ плохо.
Теперь сидитъ онъ въ хижинѣ, въ лѣсу,
Гдѣ ждетъ тебя убійца гнусный Тореръ.
Возьми съ собою всю свою дружину
И смѣло въ лѣсъ ступай!

Олафъ.

Но какъ теперь
Мнѣ вамъ повѣрить? Снова, можетъ статься,
Меня въ обманъ ввести хотите вы?
Что мнѣ порукой?...

Іостейнъ.

Наша откровенность!
Гаконъ съ тобою биться думалъ прежде
И вотъ, просилъ насъ съ Тореромъ поѣхать,
Чтобъ задержать тебя, пока онъ самъ
Сюда прибыть успѣетъ съ сильнымъ войскомъ.
Открытый, честный бой норвежцамъ любъ,
И поддались мы хитрымъ уговорамъ!
Къ тому же ярлъ былъ нашимъ властелиномъ,
Въ тебѣ же зрѣли мы врага отчизны!
Теперь иного хочетъ хитрый ярлъ,
И мы, узнавъ о томъ, тебѣ открылись.
А промолчи мы—былъ бы ты убитъ!
Но наказанья все жъ мы стоимъ оба
За то, что лгали, были легковѣрны!
Возьми же наши головы, король!

Олафъ.

На что мнѣ ихъ? Себѣ оставьте лучше!
Онѣ куда нужнѣе вамъ, чѣмъ мнѣ.

Карлсховедъ.

Великодушный нашъ король!

Іостейнъ.

Спѣши же
Съ дружиной въ лѣсъ! Не то скорѣй укройся

На свой корабль! Не Тореръ ли тамъ съ Грибомъ
Крадутся межъ деревьевъ?

Олафъ.

А вонъ тамъ
Моя дружина на берегъ выходитъ!
Сейчасъ велю имъ островъ оцѣпить,
Гаконъ вашъ будетъ взятъ!—*Къ своимъ воинамъ.*
Друзья! Скорѣе!
Идите въ лѣсъ съ мечами наготовѣ!
Облаву время сдѣлать намъ на звѣря!

Уходитъ, сопровождаемый воинами, Карлсховедомъ и Іостейномъ. Съ другой стороны быстро входятъ Тореръ и Грибъ; у перваго въ рукахъ корзинка и кинжалъ.

Тореръ.

Гляди, гляди! Олафъ уходитъ въ лѣсъ!
Знать, отдохнуть въ тѣни тамъ захотѣлось,
Постой, Олафъ! Къ чему такъ торопиться!
Не ожидаешь самъ, какъ скоро вкусишь
Покой глубокій, долгій! Грибъ! Ты понялъ,
Что я сказалъ тебѣ?

Грибъ.

Я понялъ все!

Тореръ.

Ты подбѣжишь къ нему, когда со мною
Заговорится онъ, и въ грудь ему
Кинжалъ вонзишь!

Грибъ.

Да, да!

Тореръ.

Затѣмъ немедля
У трупа голову ты отсѣчешь,
Ее въ корзину спрячешь и пойдешь
Со мною къ ярлу. Онъ тебѣ свободу
Даруетъ, Грибъ, и тотчасъ припояшетъ
Тебя мечомъ!

Грибъ.

Исполню, мой владыка!

Тореръ.

Пойми всю честь, что выпала на долю
Тебѣ, рабу! Олафа ты убьешь,

Врага боговъ, что дерзко замышляетъ
Здѣсь Одина ученье съ корнемъ вырвать.
Пройдутъ вѣка, и въ хроникахъ отыщутъ
Разсказъ о славномъ подвигѣ твоемъ,
И вѣчно будутъ имя Гриба славить!

ГРИБЪ.

Давно о подвигѣ такомъ мечтаю,
Что разорветъ на мнѣ оковы рабства!

ТОРЕРЪ.

И вотъ теперь онъ предстоитъ тебѣ!
Показываетъ ему кинжалъ.
Взгляни, какой блестящій, гибкій, острый,
Какъ лучъ луны по глади водъ скользящій!

ГРИБЪ.

Кинжалъ чудесный!

ТОРЕРЪ.

Ты лишь половину
Его достоинствъ видишь! Погляди
На желобокъ, что къ острію сбѣгаетъ.

ГРИБЪ.

Да, вижу, вижу.

ТОРЕРЪ—*съ ядовитой усмѣшкой.*

Мадъ кинжалъ, но можетъ
Кого угодно въ адъ отправить, Грибъ!—*Озирается.*
Мы здѣсь одни?

ГРИБЪ.

Голодный воронъ только
Взвился и каркнулъ.

ТОРЕРЪ.

Чуетъ, знать, добычу!
Теперь взгляни на рукоять. Пуста
Она внутри, съ пружиной,—понимаешь?

ГРИБЪ.

Нѣтъ, не пойму.

ТОРЕРЪ.

Да, правда! Развѣ знаетъ
Нашъ грубый сѣверъ тонкости такія!
Купилъ кинжалъ я за-моремъ. Я думалъ:
Какъ знать? быть можетъ, онъ и пригодится!

ГРИБЪ.

Мой властелинъ былъ правъ.

ТОРЕРЪ.

Теперь скажи:
Ты видѣлъ ли, что не всегда отъ раны,
Хотя бъ и тяжкой, люди умираютъ?

ГРИБЪ.

И часто видѣлъ.

ТОРЕРЪ.

Значитъ, если долженъ
Ударъ смертельнымъ быть, то намъ нельзя
На нашу силу только полагаться!

ГРИБЪ.

Но отчего же, если сила есть?...

ТОРЕРЪ.

Э, что тамъ сила? Много ли въ ней толку?
Вѣрнѣе дѣло будетъ, если жидкость,
Что̀ рукоять содержитъ, отъ нажима
Пружины этой въ рану попадетъ.
То странный, рѣдкій сокъ, онъ кровь сгущаетъ.

ГРИБЪ.

А, вотъ теперь я понялъ! Ядъ!

ТОРЕРЪ.

Потише!
Бери жъ кинжалъ, да будь съ нимъ осторожнѣй,
Ты не привыкъ къ оружію.

ГРИБЪ.

Да, да!—*играя кинжаломъ.*
А знаешь ли, мой властелинъ, какое
Во мнѣ проснулось странное желанье?

ТОРЕРЪ.

Твой взоръ горитъ! Желанье? Ну, какое?

ГРИБЪ.

Вонзить кинжалъ въ тебя!

ТОРЕРЪ.

Въ умѣ ли ты?

ГРИБЪ.

Ну, тише, тише! Это шутка только.

ТОРЕРЪ.

Такія шутки!..

ГРИБЪ.

Слишкомъ грубы, что ли?

ТОРЕРЪ.

Ну да, ну да! И не до шутокъ намъ!

ГРИБЪ.

Такъ бросимъ шутки! Снова каркнулъ воронъ!
Добычу чуешь? На, бери!—*вонзаетъ кинжалъ въ грудь Торера.*

ТОРЕРЪ—*падая.*

Измѣнникъ!
Пронзилъ мнѣ сердце!

ГРИБЪ.

Ложь! Иль называешь
Ты сердцемъ комъ холодный мяса съ кровью,
Что у тебя въ боку былъ лѣвомъ? Такъ?
Но онъ не стоитъ имени такого!
И какъ онъ могъ—безчувственный всю жизнь—
Теперь ударъ почувствовать?

ТОРЕРЪ.

Измѣнникъ!

ГРИБЪ.

Себя ты назвалъ!

ТОРЕРЪ.

Правда!—*умираетъ.*

ГРИБЪ.

То-то вотъ!
Пораньше надо было спохватиться!—*Смотритъ на него.*
А то теперь въ своей крови и плавай!
И гдѣ теперь твой тонкій умъ и хитрость?
Иль, видно, ими крови не унять?
Забылъ ты всѣ уловки, извороты,
Лежишь разинувъ ротъ, и не избавитъ
Тебя былая хитрость отъ прогулки
Въ далекій Нàстрондъ [1]).

Приближается Олафъ въ сопровожденіи Карлсховеда, Гостейна и дружины.

---

[1]) Нàстрондъ, одна изъ палатъ преисподней, гдѣ полъ былъ выстланъ змѣями и протекали ядовитыя рѣки; туда попадали по смерти клятвопреступники, убійцы и т. п.

ОЛАФЪ—*съ поднятымъ мечомъ, Грибу:*

Рабъ, гдѣ твой хозяинъ?

ГРИБЪ—*указывая на Торера, спокойно.*

Вотъ тутъ лежитъ!

ОЛАФЪ.

Онъ плаваетъ въ крови!

ГРИБЪ.

Плыветъ теперь онъ въ Нифльгеймъ [1]) по волнамъ
Холоднымъ Эливоговъ! [2])

ОЛАФЪ.

Кто жъ убійца?

ГРИБЪ.

Онъ самъ себя убилъ своей измѣной.

ОЛАФЪ.

Что это значитъ?

ГРИБЪ.

Онъ меня пытался
Уговорить въ тебя вонзить кинжалъ;
Не могъ онъ, видно, самъ на то рѣшиться.
Боялся, что ли, Торъ вѣсть!

ОЛАФЪ.

Ну? И что же?

ГРИБЪ.

Я взялъ кинжалъ—онъ ядомъ былъ отравленъ—
Да по ошибкѣ въ Клаке и вонзилъ,
А не въ тебя! И вотъ теперь недвиженъ,
Безгласенъ онъ. А прежде-то какъ бѣгалъ
Его языкъ и хитрые глаза!
По сторонамъ шныряютъ все, бывало,
Туда, сюда, лишь прямо не глядятъ!
Теперь ихъ взглядъ спокоенъ, но и мутенъ,
Недвиженъ, тусклъ. Да, да, на диво скоро
Перемѣнился бывшій мой хозяинъ!

---

[1]) Нифльгеймъ—собственно міръ тумана; этимъ же именемъ обозначается адъ, преисподняя.

[2]) Эливоги—ледяныя, ядовитыя рѣки, вытекающія изъ Нифльгейма.

ОЛАФЪ.

Ты молодецъ!

ГРИБЪ.

Не будь безгласенъ онъ,
Мои слова онъ, вѣрно, подтвердилъ бы.
Онъ мнѣ сулилъ свободу, обѣщалъ,
Что ярлъ меня въ свою дружину приметъ,
Мнѣ мечъ и щитъ носить даруетъ право,
И распивать съ дружиной крѣпкій медъ!
И это все за смерть твою въ награду!
Но показалось мнѣ дороговато
Твоею кровью ярловъ медъ купить!

ОЛАФЪ.

Да, молодецъ ты! Я готовъ тебя
Тотчасъ принять въ свою дружину. Хочешь
Служить мнѣ вѣрой-правдою и мѣсто
Занять средь первыхъ витязей моихъ?

ГРИБЪ—*со слезами на глазахъ.*

О, мой король! Своею добротою
Меня растрогалъ ты до слезъ!.. Прости же,
Я, какъ дитя, готовъ рыдать. Итакъ,
Свободы часъ насталъ!

ОЛАФЪ.

И ярлъ свободу
Вѣдь обѣщалъ тебѣ!

ГРИБЪ.

Но рабствомъ духа
Я ту свободу долженъ былъ купить.
Рабомъ я только зваться пересталъ бы,
И впалъ бы въ рабство вѣчное душой!

ОЛАФЪ.

По христіански ты, язычникъ, судишь!
Дай руку мнѣ! Ты какъ зовешься?

ГРИБЪ.

Въ рабствѣ
Я звался Грѝбомъ, мой король.

ОЛАФЪ.

Отнынѣ
Не Грѝбомъ будешь зваться ты, а Грифомъ,

И на щитѣ изобразимъ мы грифа,
Что̀ пригвоздилъ къ землѣ змѣю!

ГРИФЪ.

Я понялъ!
Змѣя та—Клаке! О, великій Одинъ!
Я награ́жденъ по-королевски!

ОЛАФЪ.

Грифъ!
Не призывай боговъ! Они безсильны,
Какъ ихъ поборники! Гдѣ ярлъ?

ГРИФЪ.

Въ лѣсу!
Сидитъ и ждетъ онъ въ хижинѣ убійцу,
Что съ головой твоей придти хотѣлъ.
Вотъ отрублю я голову у Клаке
И положу въ корзину; ты жъ, король,
Ее взамѣнъ своей доставишь ярлу!

ОЛАФЪ.

Не надо, другъ мой! Мертвыхъ не тревожать!—*Дружинѣ.*
Заройте трупъ!

ГРИФЪ.

Въ канавѣ, средь крапивы!

ОЛАФЪ.

Подъ бузиной вонъ тою закопайте!
Пусть на могилу сыплются съ нея
Цвѣты, какъ слезы. Помни, Грифъ! Не долженъ
Ты быть жестокимъ, мертвыхъ ненавидѣть!

ГРИФЪ.

О, лишь учи меня, учи, король!
Увидишь, стану лучше и добрѣе!

ОЛАФЪ.

Теперь за мной, на поиски за ярломъ!

ГРИФЪ.

Такъ мы должны сюда свернуть, король!

Уходятъ въ лѣсъ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ГОРНИЦА.

Ярлъ Гаконъ и Каркеръ.

ГАКОНЪ.

Исполнилъ ты, что̀ я велѣлъ тебѣ?

КАРКЕРЪ, *рабъ ярла.*

Исполнилъ все. Сказалъ имъ, что ты вышелъ
Въ тѣни деревъ немного прохладиться.
Отъ зноя на морѣ терпѣнья нѣтъ,
Тамъ два заразъ насъ допимаютъ солнца:
Одно съ небесъ, другое-жъ съ глади водъ.
То солнце въ небѣ смотритъ сверху въ море,
И вновь глядитъ оттуда,—значитъ, два;
А на землѣ-то все-жъ полегче будетъ:
Отъ одного приходится страдать!
Такъ вотъ, нашъ ярлъ, молъ, на берегъ и вышелъ.

ГАКОНЪ.

Ты не забылъ сказать, что приготовить
Себѣ я здѣсь и трапезу велѣлъ?

КАРКЕРЪ.

О, мой властитель! Мнѣ ль забыть объ этомъ?
Ужъ объ ѣдѣ-то памятую крѣпко!
На свѣтѣ есть ли лучше что̀ ѣды?
Оно, положимъ, если поразмыслить,
То возразить мнѣ можно, что питье
Необходимо тоже человѣку.
Такъ вотъ, понятно, я и не забылъ
Сказать, что ѣсть мы съ ярломъ будемъ здѣсь же,—
Отъ качки въ морѣ кусъ не лѣзетъ въ горло!

ГАКОНЪ.

Отлично, Каркеръ! Ты уменъ, какъ вижу!
Такъ помоги же Кистингу въ стряпнѣ;
А я одинъ хочу побыть. Когда же
Прибудетъ Тореръ, или рабъ его,
Тотчасъ впустить ко мнѣ! Ты слышалъ?

КАРКЕРЪ.

Слышалъ,
Мой властелинъ! Иду!— *Уходитъ.*

ГАКОНЪ—*одинъ.*

Побольше бъ мнѣ
Такихъ рабовъ, и былъ бы я спокоенъ.
Съ собакой—силой, вѣрностью поспоритъ,
Да говорить еще вдобавокъ можетъ.
Не обойтись безъ молодцовъ такихъ;
На лучшій мечъ его не промѣняю!—*Садится.*
Другіе съ бойкимъ взглядомъ, умной рѣчью,
Да мало вѣрны. Впрочемъ, Тореръ Клаке...
Ну, какъ-то ты уладилъ дѣло, другъ,
Олафа ты къ его богамъ послалъ ли
Туда, на небо?—*Подпираетъ голову рукой и задумывается.*
Что жъ? Не я придумалъ,
Не я, а Тореръ! Онъ и отвѣчай!
Къ тому же Одинъ гнѣваться не станетъ.
Иль допустить безумца можно было
Боговъ низвергнуть? Тронъ и власть отнять
Не у меня лишь дерзко онъ задумалъ,
Но у самихъ боговъ! Такъ пусть погибнетъ!
Коль ураганъ остановить—такъ разомъ!
И часъ пришелъ!—Посеребрились вы,
Мои густыя кудри! Подождите—
Позолотитесь скоро! Было время,
Что надъ кудрями черными моими
Красотки-дѣвы юныя смѣялись,—
Имъ подавай все золотыхъ кудрей!
Постойте-жъ, скоро будутъ золотыми!
Позолотитъ ихъ обручъ золотой!...
Кто тамъ идетъ? Должно быть, Тореръ Клаке,
Хотѣлъ придти онъ съ головой врага.
Смотрѣть не стану.

Остается сидѣть въ той же позѣ. Входитъ Олафъ, закутанный въ сѣрый плащъ и съ надвинутой на глаза широкополой шляпой.

ГАКОНЪ—*не оборачиваясь.*

Тореръ! Удалось ли?
Что обѣщалъ—принесъ? Ну, отвѣчай же!

ОЛАФЪ.

Все шло, какъ должно, ярлъ! Но Тореръ самъ
Не могъ къ тебѣ съ обѣщаннымъ явиться.
Не по себѣ ему. Претило, видно,

Стать предъ тобою съ мертвой головой,—
Онъ и послалъ меня.

ГАКОНЪ.

Такъ, такъ! Ступай же,
И закопай ее поглубже въ землю.
Я не хочу смотрѣть: мнѣ сниться станетъ.
Ступай, зарой и Торера пришли.

ОЛАФЪ.

Онъ спитъ.

ГАКОНЪ.

Онъ спитъ?

ОЛАФЪ.

Заснулъ тамъ въ чащѣ лѣса
Глубокимъ, мертвымъ сномъ.

ГАКОНЪ.

Иди скорѣе
И разбуди его! *Въ сторону.* Онъ можетъ спать!
Дивлюсь я, Тореръ, мужеству такому!—*Вслухъ.*
Ступай же, рабъ, буди его!

ОЛАФЪ.

А развѣ
Не хочетъ ярлъ на голову взглянуть?

ГАКОНЪ.

Сказалъ я—нѣтъ!

ОЛАФЪ.

Да вѣдь ничуть не страшно!
И не противно вовсе поглядѣть;
Совсѣмъ живая!

ГАКОНЪ.

Нѣтъ! Ступай, сказалъ я!

ОЛАФЪ.

Ну, вотъ, а слышалъ я, что ярлъ герой,
Какихъ немного! Какъ же онъ боится
Снесенной съ плечъ, безсильной головы?
О, какъ бы онъ отъ страха весь затрясся,
Коль на плечахъ ее живой узрѣлъ бы!

ГАКОНЪ—*гнѣвно оборачиваясь.*

Ты смѣешь, рабъ!.. Ну, гдѣ-жъ она?

Олафъ—*сбрасывая шляпу и плащъ.*
Да, вотъ!
Я на плечахъ ее принесъ живою!
Прости, что такъ,—мнѣ такъ удобнѣй было!

Гаконъ.
Что̀ это значитъ? Га! Олафъ?! Измѣна!

Олафъ.
Умѣрь свой пылъ, Гаконъ, и не дерзай
Меня коснуться! Живъ Олафъ, какъ видишь,
А ты съ своею старческою силой
Тягаться могъ бы съ нимъ лишь съ мертвымъ развѣ!

Гаконъ.
Га! Нифльгеймъ, Гела [1])—*бросается на Олафа.*

Олафъ—*выбиваетъ у него изъ рукъ мечъ и говоритъ громовымъ голосомъ.*
Смирно! я сказалъ.
Вложи свой мечъ! И помни: лѣсъ оцѣпленъ,
И корабли мои готовы къ битвѣ!
Хочу я взять страну по чести, съ боя!
Ты заманилъ меня! И вотъ теперь
Стоишь, какъ рабъ презрѣнный, самъ попавшись
Въ свои же сѣти! Только не хочу я,
Чтобъ мнѣ побѣду случай даровалъ!
Я знаю—въ силахъ встрѣтиться съ тобою
Лицомъ къ лицу въ бою! Твой планъ, какъ видишь,
Не удался; твой Тореръ самъ убитъ.
Тебя схватить мнѣ ничего не стоитъ,
Убить тѣмъ болѣ,—случай за меня.
Но я держусь ученія Христа
И отвергаю этотъ низкій способъ,
Тебя щажу и предлагаю выборъ.
Одно изъ двухъ: останься ярломъ въ Ладэ
И покорись мнѣ; если-жъ нѣтъ—бѣги
И знай, коль вновь сойдемся—кровь прольется!

Гаконъ—*гордо и спокойно.*
Второе выберу, Олафъ! Второе!

[1]) Гела — богиня подземнаго міра, олицетвореніе смерти; женщина-чудовище, полу-бѣлая, полусиняя, дочь Локи, низвергнутая Одиномъ въ преисподнюю. Къ ней попадали всѣ умершіе не на полѣ битвы.

Меня рабомъ презрѣннымъ назвалъ ты?
Одной улыбкой я могу отвѣтить
На эти рѣчи! Юноша въ нихъ слышенъ!
Задоренъ ты, кичливъ, въ сужденьяхъ скоръ,
Какъ подобаетъ юношамъ незрѣлымъ!
А я скажу: взгляни, Олафъ, въ глаза мнѣ!
Гляди на лобъ мой! Это ль взглядъ раба?
Иль низкихъ думъ слѣды—морщины эти?
Я заманилъ тебя. Я зналъ, что ты
Возьмешь приманку, стоитъ лишь закинуть!
Я зналъ, что цѣнишь больше ты, Олафъ,
Свое родство съ угасшимъ, древнимъ родомъ
Владыкъ норвежскихъ, чѣмъ дѣянья всѣ
И славу ярла Ладэ! И увѣренъ
Я былъ, что только случая ты ждешь
Напасть на старца, власть его похитить!
И ты еще дивишься, что хотѣлъ
Я все покончить разомъ и рѣшился
Пойти на хитрость, чтобъ тебя, безумца,
Врага боговъ, сюда завлечь на гибель?
Что, наконецъ, совѣту Клаке внялъ,
Когда судьба враждебная грозила
Не только мнѣ—самимъ богамъ Валгаллы?

Олафъ.

И ты, Гаконъ, не вспомнилъ, что ты самъ
Христіаниномъ былъ! Епископъ Поппо
Тебя крестилъ, но ты обѣтъ нарушилъ!
Скажи мнѣ, сколько ты нарушилъ клятвъ?

Гаконъ.

Будь проклятъ мигъ, когда монахъ лукавый
Своимъ искусствомъ мнѣ глаза отвелъ!
Онъ въ руки бралъ каленое желѣзо—
Сначала саломъ вѣдьмы ихъ намазавъ!

Олафъ.

Слѣпецъ несчастный, старый! Ты мнѣ жалокъ!

Гаконъ.

Га! про себя ты жалость береги!
Во мнѣ ты зришь послѣдній отблескъ, искру
Сіянья славы сѣвера сѣдого!
И этой искры, мальчикъ, не задуть
Тебѣ съ твоими хилыми мечтами!

Вѣдь христіанамъ только лишь и дѣла,
Что обращать, да исправлять, да хныкать,
А наше дѣло—всѣхъ васъ презирать,
И замышлять вамъ гибель, какъ безумцамъ,
Врагамъ боговъ и славы сѣверянъ!
И *это* же Гаконъ себѣ поставилъ цѣлью,
И только въ *этомъ* низость вся его!
Огонь священный сѣвера родного
Не дастъ, клянусь, онъ загасить тебѣ
Твоей туманной вѣрой!

ОЛАФЪ.

Мы увидимъ!
Разстаться намъ пора! Но берегись же
При новой встрѣчѣ!

ГАКОНЪ.

Самъ поберегись!
Я раздавлю тебя, клянусь богами!

ОЛАФЪ.

Тебя огонь небесный поразитъ!

ГАКОНЪ.

Нѣтъ, молотъ Тора крестъ твой сокрушитъ!

Расходятся въ разныя стороны.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛАДЭ.

Ярлъ Гаконъ и Вѣстникъ.

ГАКОНЪ.

Ну, говори скорѣе, безъ утайки,
И не боясь! Сплотились ли крестьяне?

ВѢСТНИКЪ.

Мой властелинъ! Ихъ ненависть сплотила!
Женихъ Гудруны кликнулъ кличъ въ странѣ,
Всѣхъ призывая взяться за оружье.
Изъ края въ край призывъ передается—
Тебя убить! И во главѣ возстанья,
Помимо Орма, мужъ Бруньольфы, Сигурдъ,

И братья Торы, Альфъ и Скьяльмъ. Теперь
Они стоятъ въ долинѣ Орке съ войскомъ.

ГАКОНЪ.

Я на своихъ надѣюсь храбрецовъ,
И съ небольшимъ, но пріученнымъ къ дѣлу
И хорошо вооруженнымъ войскомъ
Побью толпы нестройныя крестьянъ.

ВѢСТНИКЪ.

Но, властелинъ! Толпы крестьянъ громадны.
И съ каждымъ днемъ становятся все больше.
Имъ озлобленье силы придаетъ.

ГАКОНЪ.

Лишь на мгновенье! Стоитъ мнѣ ударить
На нихъ съ моей дружиной—разбѣгутся!
Ну, что-жъ еще? Олафъ гдѣ? Близко ль онъ?

ВѢСТНИКЪ.

Онъ съ кораблями къ Троньему подходитъ.

ГАКОНЪ.

Въ заливъ вошелъ? Не встрѣтилъ тамъ отпора?
Не преградилъ ему дорогу Эрландъ?
Гдѣ-жъ былъ мой сынъ?

ВѢСТНИКЪ.

Увы, мой ярлъ!

ГАКОНЪ.

Вздыхаешь?

Да говори смѣлѣе, что̀ случилось?

ВѢСТНИКЪ.

Олафъ привелъ съ собой пять боевыхъ
Обвѣшанныхъ щитами кораблей.
А Эрландъ тамъ стоялъ съ тремя ладьями;
Суда другія въ гавани остались,
Густой туманъ мѣшалъ подать имъ знакъ.
Къ тому-жъ сначала принялъ-было Эрландъ
Суда врага за наши, допустилъ
Ихъ подойти поближе и ошибку
Тогда лишь понялъ; быстро повернулъ
Онъ къ берегу съ ладьями, но ужъ поздно!
Король велѣлъ гребцамъ напрячь всѣ силы
И погнался за Эрландомъ, мой ярлъ.

Недалеко отъ берега, гдѣ мелко
И кораблямъ ужъ хода нѣтъ, твой сынъ
Съ дружиной за-бортъ прыгнулъ, чтобъ добраться
До суши вплавь. Что-жъ могъ онъ сдѣлать противъ
Наполненныхъ закованною въ сталь
Дружиною пяти большихъ судовъ—
Съ тремя ладьями, съ малою дружиной?
Быть можетъ, имъ спастись и удалось бы,
Но блескъ доспѣховъ Эрланда богатыхъ
Привлекъ вниманіе Олафа. Онъ
Счелъ за тебя его и съ крикомъ громкимъ:
„Гаконъ, Гаконъ! Теперь ты не уйдешь!
Я говорилъ—когда мы вновь сойдемся,
Прольется кровь“! И палкой отъ руля
Въ него метнулъ... О, пощади меня
И пощади себя! Позволь, властитель,
Не продолжать!..

ГАКОНЪ.

Ты долженъ! Говори!

ВѢСТНИКЪ.

И раскроилъ високъ... И брызнулъ въ море,
Мѣшаясь съ кровью, мозгъ...

ГАКОНЪ—*подавляя скорбь.*

Еще что̀ скажешь?

ВѢСТНИКЪ.

Узнавъ о томъ, что не тебя убилъ,
Король былъ внѣ себя. Его дружина
Поистребила много нашихъ; часть же
Король велѣлъ помиловать. Отъ нихъ
Узналъ онъ, гдѣ стоятъ теперь крестьяне,
И настроенье ихъ, и чувства.

ГАКОНЪ.

Нѣтъ ли
Еще чего?

ВѢСТНИКЪ.

Я кончилъ.

ГАКОНЪ.

Такъ ступай!

Вѣстникъ уходитъ.

Такъ ты, Олафъ, разгнѣванъ, что ошибся,
Что не меня ты поразилъ? Олафъ!

Ты поразить меня не могъ вѣрнѣе!
Ты поразилъ не сына!.. Рана [1]) нѣжно
Его въ свои объятья приняла
И отнесла, баюкая, въ Валгаллу!
Ты поразилъ его отца, отцу
Пронзилъ ты сердце! О, мой Эрландъ, Эрландъ!
О, сынъ мой, сынъ мой!.. Что съ тобой, Гаконъ?
Слеза катится по твоей щекѣ!
Когда-жъ бывало это? Ты хилѣешь
И плакать сталъ, какъ женщина, какъ старецъ!..
Онъ былъ мнѣ дорогъ, былъ моей надеждой;
Я видѣлъ въ немъ преемника себѣ.
Куда исчезли вы, мечты мои?
Задумывается; затѣмъ, съ внезапнымъ порывомъ.
Все измѣняетъ, рушится! Ужели
Заволоклась Валгалла облаками?
Ужель заржавѣлъ тронъ отца боговъ
И потерялъ свой блескъ? Ужели Фригга,
Увяла ты, цвѣтущая богиня,
Поблекла, словно осенью береза?
Похитилъ снова яблоки Идуны [1])
Коварный Локи? Гдѣ твой молотъ, Торъ?
Иль Тиръ [2]) своею лѣвою рукою
Ужъ не владѣетъ больше? Неужели
Окуталъ мракъ васъ, боги, и толпою
Вы снизошли въ обитель Гелы, вслѣдъ
За кроткимъ, свѣтлымъ Бальдуромъ?.. Воспрянь же,
Норвежскій витязь! Ярлъ Гаконъ, воспрянь!
Тебя язычникомъ зовутъ недаромъ;
Гордись же славнымъ именемъ такимъ!
За сѣверъ нашъ языческій стоишь ты!
Впередъ, къ побѣдѣ! О, простите, боги,
Простите мнѣ! Я о себѣ лишь думалъ
И позабылъ Валгаллу для себя.
Внимайте жъ мнѣ: всю жизнь свою отнынѣ
Я посвящаю вамъ. Не суждено,
Увы, моей мечтѣ прекрасной сбыться—
Что озарится на закатѣ дней

---

[1]) Рана—супруга бога моря; олицетвореніе морской бездны.

[2]) Идуна—супруга бога поэзіи Браге, богиня юности, у которой водились золотыя яблоки, охранявшія юность боговъ.

[3]) Тиръ—сынъ Одина, богъ войны; волкъ Фенрисъ откусилъ ему правую руку.

Мое чело сіяньемъ лучезарнымъ!
Вокругъ меня бушуетъ буря, солнце
Окуталъ мракъ, и прежде чѣмъ опять
Лазурью ясной небо просіяетъ—
Заблещутъ звѣзды надъ моей могилой.
Мой Эрландъ умеръ, Эрлингъ мнѣ остался,
Но гдѣ ему, гдѣ слабому ростку
Съ напоромъ бури яростнымъ поспорить?
И такъ, клянусь камнями дорогими
Въ коронѣ свѣтлой Одина—звѣздами,
И колесницей Тора, что отнынѣ
Я буду жить лишь для боговъ Валгаллы!
Увлекся я надменною мечтой,
Простите мнѣ! То чаровница—Сага
Меня волшебной пѣснью увлекла!
Но если гнѣвъ твой, Одинъ, пробудили
Мои дѣянья—требуй отъ меня
Какой угодно жертвы! Все исполню!

Входитъ Стейнъ, рабъ Гакона, съ большимъ золотымъ рогомъ.

Ты что̀ принесъ?

Стейнъ.

Мы у врага отбили,
Вотъ этотъ рогъ. Олафъ, ты знаешь, выслалъ
Своихъ людей, чтобъ тамъ на берегу
Они воздвигли храмъ богамъ ихъ новымъ.
Ты отдалъ намъ приказъ имъ помѣшать.
Мы и пошли, а люди тѣ успѣли
Найти въ землѣ вотъ этотъ рогъ старинный,
Такъ мы его тебѣ и принесли!

Гаконъ.

Вы молодцы! Васъ много было?

Стейнъ.

Много.

Гаконъ.

Во дворъ ступайте. Пусть тамъ поднесутъ
Вамъ по такому жъ рогу съ медомъ всѣмъ!

Стейнъ.

Мы за твое здоровье медъ осушимъ!—*Уходитъ.*

Гаконъ.

Старинный рогъ изъ золота литого!

Должно быть, храмъ тамъ нѣкогда стоялъ.
Ты свой, Олафъ, хотѣлъ тамъ храмъ построить,
Монахамъ кельи мрачныя? Добро,
Мои рабы, что вы имъ помѣшали
И отняли сокровище у нихъ.
Старинный рогъ, священный и прекрасный!
На немъ есть руны! Что онѣ вѣщаютъ?

Читаетъ.

„Если согрѣшилъ ты,
Счастье отвернулось,
Лучшее пожертвуй
Азамъ всемогущимъ“!

Гаконъ долго смотритъ молча, пораженный, затѣмъ медленно перечитываетъ надписъ.

„Пожертвуй азамъ лучшее“?.. О, боги,
Такъ вотъ что можетъ васъ смягчить? Я понялъ
Намекъ твой, Скульда! Вижу я, какъ ты,
Главу окутавъ бѣлымъ покрываломъ,
Сидишь подъ сѣнью древа Игдразиля [1]),
Въ источникъ Урды взоры устремивъ.
Скажи: вода красна ли? Проситъ крови?..
„Пожертвуй азамъ лучшее“! Но что же?
Мой Эрландъ палъ, вы лучшее ужъ взяли!
Но не былъ онъ вамъ въ жертву принесенъ,
Не я его вамъ отдалъ. Долженъ самъ я
Вамъ, боги, въ жертву лучшее отдать,
Чтобъ вы вернули мнѣ былое счастье.
Я согрѣшилъ и былъ наказанъ вами...
„Пожертвуй азамъ лучшее“!... Еще
Одинъ есть у Гакона сынъ, ребенокъ,
Съ очами, словно небо, и съ кудрями,
Какъ свѣтлый ленъ; какъ звѣздочка прекрасный
И ловкій, смѣлый, что козленокъ горный;
Послѣдній отпрыскъ рода моего.
Вѣдь не его-жъ вы требуете, боги?
Богиня Фрейя, свѣтлая, не можетъ

[1]) Игдразиль—міровое дерево—ясень, олицетворяющее вселенную. Подъ первымъ изъ его корней течетъ источникъ Урды, у котораго живутъ богини судьбы—норны: Урда, Верданде и Скульда (прошедшее, настоящее, будущее). Подъ вторымъ—источникъ Вергельмеръ, изъ котораго вытекаютъ рѣки земныя; подъ третьимъ—источникъ мудрости, который стережетъ великанъ Мимиръ, столь мудрый, что сами боги обращаются къ нему за совѣтами.

Желать отнять, что̀ мнѣ дала сама же!—*Задумывается.*
Два рода жертвъ приносятся богамъ.
Когда почтить боговъ желаютъ люди,
То имъ во славу льется кровь ручьями
Быковъ отборныхъ, плѣнниковъ, рабовъ;
Горятъ костры и къ небу дымъ несется
При кликахъ громкихъ, пѣньи, ликованьи,
И съ высоты небесъ съ улыбкой ясной
На жертвы тѣ взираетъ мощный Одинъ.
А если жертвой надо тяжкій грѣхъ
Намъ искупить, съ богами примириться—
Ее въ молчаньи скорбномъ сожигаемъ,
И наше сердце кровью истекаетъ
При видѣ крови жертвы, приносимой
Во искупленье нашего грѣха.—*Смотритъ на рогъ.*
Да, да, и здѣсь такъ ясно говорится:
„Пожертвуй азамъ лучшее“... Зачѣмъ же
Какъ разъ теперь мнѣ принесли его,
Когда я клятву далъ богамъ Валгаллы
Имъ все отдать и жить для ихъ лишь славы?
Гаконъ! Стыдись же! Прочь всѣ колебанья!..
Торгердуръ-Горгабрудъ [1])! На бѣлоснѣжномъ
Конѣ ты мчишься воинамъ во слѣдъ,
Въ одеждѣ, кровью алой окропленной,
Съ мечомъ въ рукѣ! Свирѣпымъ взоромъ алчешь
Ты свѣжей крови, острый мечъ заносишь—
Я повинуюсь, я не трепещу!—*Уходитъ.*

ЛѢСЪ.

Тангбрандъ, духовникъ Олафа, и Грифъ.

ТАНГБРАНДЪ.

Ну, наконецъ-то, хоть тебя нашелъ я!
А гдѣ-жъ король? И что̀ все это значитъ?
Куда дѣвался онъ со старикомъ?

ГРИФЪ.

Они все ходятъ тамъ въ лѣсу. Увлекся
Король бесѣдой. Старецъ говоритъ

---

[1]) Одна изъ валькирій.

Такъ мудрено, загадочно о дѣлѣ,
Что̀ нашъ король предпринялъ.

ТАНГБРАНДЪ.

Но откуда
Взялся старикъ? И какъ сюда попалъ!
Я не былъ вѣдь за трапезой вечерней.

ГРИФЪ.

Мы радостно встрѣчали Духовъ день
За трапезою праздничной, веселой;
Съ челомъ сіяющимъ сидѣлъ король;
И вдругъ вошелъ къ намъ старецъ одноглазый,
Сѣлъ у дверей сначала, но Олафъ,
Гостепріимный какъ всегда, сейчасъ же
Его къ себѣ поближе подозвалъ,
И началась у нихъ бесѣда. Старецъ,
Какъ видно, зналъ о всемъ, что здѣсь творится,
Шутилъ, но какъ-то странно; королю
Не по душѣ тѣ шутки приходились.
„Я вижу,—старецъ говорилъ:—что вы
Здѣсь собрались отпраздновать день смуты,
Когда святые ваши стали вдругъ
На языкахъ различныхъ объясняться,
Кто какъ хотѣлъ. Иль полагаешь, лучше
Они другъ друга стали понимать“?
Затѣмъ, старикъ нашелъ, что слишкомъ душно
Сидѣть въ покоѣ; ночь такъ хороша,
Ясна была, Олафъ и согласился
Пройтись со старцемъ по̀-лѣсу. Слѣдилъ я
Издалека за ними. И ужъ гдѣ-то
Король со старцемъ ни бродилъ! Старикъ
Водилъ его и по скаламъ отвѣснымъ,
И, говоря о чемъ-то, все рукой
Окрестъ указывалъ. При лунномъ свѣтѣ
Смотрѣло какъ-то странно все, и старецъ
Въ своемъ плащѣ мнѣ издали казался
Могучимъ троллемъ [1]).—Правда, королю
Давно бъ пора домой вернуться; поздно,
Роса ужъ пала.

---

[1]) Тролль—миѳическое существо, олицетворяющее темныя силы природы; различаются тролли лѣсные и горные.

ТАНГБРАНДЪ.

Гдѣ же онъ, скажи?
Сведи меня къ нему! Ужъ солнце сѣло
Давнымъ давно; съ его восходомъ завтра
Настанетъ праздникъ свѣтлый, Духовъ день,
А мы еще вечерни не служили!
Какъ мнѣ понять, что сталось съ королемъ?
Онъ къ Божьей службѣ такъ всегда усерденъ!
Пойдемъ, поищемъ тамъ въ лѣсу его!— *Уходятъ.*

Съ противоположной стороны входятъ, бесѣдуя, Олафъ и Ауденъ, одноглазый старецъ, закутанный въ черный плащъ; на головѣ у него широкая шляпа.

АУДЕНЪ.

Я понимаю, юноша, что звуки
Прекрасныхъ гимновъ въ сводчатыхъ церквахъ
Вполнѣ могли твое разнѣжить сердце,
А взоръ твой могъ картинами увлечься;
Поддавшись этимъ чувствамъ, ты подумалъ,
Что истину постигъ. И вотъ, тѣ чувства
Съ тобой весь сѣверъ долженъ раздѣлить,
Не то ему твой мечъ себя покажетъ!
Не такъ ли?

ОЛАФЪ.

Старъ годами ты и въ вѣрѣ
Своей застылъ, такъ диво-ль, что считаешь
Мое стремленье только заблужденьемъ.

АУДЕНЪ.

Застылъ въ своей я вѣрѣ—говоришь?
Прекрасно, мѣтко сказано; но слушай,
Что я тебѣ скажу: нельзя-ль того же
Сказать о всякой вѣрѣ, обо всѣхъ?
Вѣдь, что иное вѣра какъ ни склонность,
Влеченье душъ познать источникъ жизни?
И измѣняется влеченье это
По людямъ, мѣсту, времени и нравамъ.
Взгляни на эти сосны, эти скалы!
Стремленье ввысь вершинъ ихъ горделивыхъ,
Вотъ, такъ сказать, ихъ вѣра. И, какъ видишь,
Одна у всѣхъ. И знай, король, не даромъ
Весь сѣверъ нашъ, куда ни кинь свой взоръ,
Одинъ особый носитъ отпечатокъ...

Въ долинахъ южныхъ духъ иной царитъ,
Тамъ зелень вьется нѣжно, льнетъ любовно
Къ домамъ; стволы не рвутся дерзко ввысь,
А какъ-то все смиренно гнутся долу, —
Точь-въ-точь твои монахи, мой король!

Олафъ.

Мудреный старецъ!

Ауденъ.

Тамъ, гдѣ сводъ небесный
Всегда лазуренъ, солнечный закатъ
Всегда такъ ясенъ, гдѣ густыя рощи
Къ любовнымъ пѣснямъ манятъ, къ наслажденьямъ,
Тамъ все стремится къ музыкѣ и пѣнью,
Рука за кисть берется и за краски,
Чтобъ подражать природы яркимъ краскамъ,
И отпечатокъ тамъ всему даютъ
Любовь и нѣга, ими все тамъ дышетъ!
А гдѣ природа, какъ у насъ, сурова,
Гдѣ чаще встрѣтишь камни, чѣмъ цвѣты,
Гдѣ спятъ подъ снѣжнымъ саваномъ полгода
Земля и воды, гдѣ борьба съ природой
Всѣ силы держитъ въ вѣчномъ напряженьи,
Гдѣ добродѣтель состоитъ въ умѣньѣ
Отказывать себѣ во всемъ, а также
Въ защитѣ силой скудныхъ, рѣдкихъ благъ
Природы бѣдной—тамъ ужъ не до пѣсенъ,
Не до картинъ прекрасныхъ. Но душа
Въ молчаньи зимней ночи почерпаетъ
Покой и отдыхъ, мужество и силу.
Въ тиши ночной въ душѣ растетъ цвѣтокъ,
Что расцвѣтетъ на сердцѣ женскомъ розой
И чистой, гордой лиліей украситъ
Чело мужское. Краскою непрочной
Здѣсь не малюютъ на доскахъ боговъ,
Тутъ высѣкаютъ ихъ изъ скалъ могучихъ,
И съ высоты они глядятъ на землю
Задумчиво, спокойно. Развиваетъ
Здѣсь силы страсть къ борьбѣ; печать на все
Здѣсь наложили мужество и храбрость,
Какъ тамъ—любовь.

Олафъ.

Какія рѣчи!

Ауденъ.

Если
Теперь незрѣлый юноша, что̀ былъ
Судьбой на югъ заброшенъ, къ намъ вернется
Съ цвѣтами юга и затѣетъ здѣсь
Ихъ посадить въ скалахъ, въ ущельяхъ горныхъ,
И вырубать начнетъ тутъ безпощадно
Лѣса могучихъ сосенъ и березъ,
Чтобъ мѣсто дать прекраснымъ южнымъ розамъ,—
Какъ назовешь ты юношу такого?

Олафъ.

Оставь меня!

Ауденъ.

Героемъ и борцомъ
За благо? Старца же, что крикнетъ: — „Мальчикъ,
Не тронь моихъ лѣсовъ! Твоимъ цвѣтамъ
Здѣсь не расти!“—его ты какъ бы назвалъ?

Олафъ.

Тобою-бъ назвалъ я!

Ауденъ—*пристально глядя на него.*

А имя мнѣ?

Олафъ.

Себя ты назвалъ Ауденомъ. Но кто ты?

Ауденъ.

Да, кто я, мудрый юноша? Ты знаешь
Вѣдь все, такъ знать ты долженъ и меня!

Олафъ.

Ты одноглазъ!

Ауденъ.

А сколько глазъ у свѣта?
Для ночи одного довольно ока,
А завтра будетъ день—другимъ свѣтить.
Такъ не забудь же, что̀ сейчасъ ты слышалъ;
Взгляни на этотъ мѣсяцъ, онъ тебѣ
Забросилъ въ сердце лучъ!..

Олафъ—*въ сторону.*

О, Боже правый!
Ты подкрѣпи меня! Впервые сердце
Стѣснили страхъ, сомнѣнье!..

Отворачивается отъ Аудена, и тотъ быстро скрывается за деревьями. Съ другой стороны входятъ Тангбрандъ и Гриффъ.

ТАНГБРАНДЪ.

Наконецъ-то
Нашли тебя, мой сынъ! Какъ могъ забыть ты
Священный долгъ свой—выслушать вечерню?
Его доселѣ ты не забывалъ,
А ужъ тѣмъ болѣ въ столь великій вечеръ!

ОЛАФЪ.

Ахъ, Тангбрандъ!—*Оборачиваясь.*—Гдѣ же старецъ?

ТАНГБРАНДЪ.

Я не знаю.
Язычникъ старый голову вскружилъ
Тебѣ, мой сынъ! Забудь его!

ОЛАФЪ.

О, Тангбрандъ!..
Ужъ отошла вечерня?

ТАНГБРАНДЪ.

Отойти
Давно бы ей пора, но ты не слышалъ,
Какъ призывалъ тебя я. Этотъ старецъ
Заворожилъ тебя своею рѣчью!

ОЛАФЪ.

Но кто онъ былъ?

ГРИФЪ.

Его никто не знаетъ.
Мнѣ показался страненъ видъ его.
Ну, точно Одинъ въ рощѣ ярла!

ОЛАФЪ.

Старецъ
Себя мнѣ назвалъ Ауденомъ.

ГРИФЪ.

Ну, да;
Одно и то же — Ауденъ или Одинъ.

ТАНГБРАНДЪ.

То просто былъ жрецъ Одина! Его
Къ тебѣ, конечно, подослалъ Гаконъ!
Пытался онъ лукавыми рѣчами
Тебя склонить на сторону свою.

ОЛАФЪ.

Но кто-бъ онъ ни былъ тамъ, одно я знаю,

Что онъ явился мнѣ, какъ привидѣнье,
Какъ ангелъ мрака, чтобы доказать,
Насколько я несправедливъ, пытаясь
Отъ вѣры предковъ мой народъ отторгнуть.

ТАНГБРАНДЪ.

И съ этой цѣлью онъ нарисовалъ
Тебѣ картину яркую, какъ чудно
Сжился съ той вѣрой сѣверъ вашъ суровый?
О томъ же, что и эту вѣру ввелъ
Пришлецъ съ востока, старецъ, безъ сомнѣнья,
Не проронилъ ни слова?

ОЛАФЪ.

Правда, Тангбрандъ!
Ты правъ, ты правъ! И старое ученье
Сюда извнѣ занесено! Тогда
Всѣ рѣчи старца о старинной вѣрѣ,
Рожденной вмѣстѣ съ сѣверомъ, ей давшимъ
Свой отпечатокъ...

ТАНГБРАНДЪ.

Рѣчи тѣ пустыя!
Нигдѣ, и здѣсь на сѣверѣ нельзя
На алтари боговъ лить кровь людскую,
И тѣмъ законы Божьи и людскіе
Всѣ попирать.

ОЛАФЪ.

Отецъ, ты правъ, ты правъ!

ТАНГБРАНДЪ.

Но осуждать старинное ученье
Въ его сокрытомъ корнѣ я не стану.
Господь недаромъ далъ ему окрѣпнуть
И утвердиться. Нынѣ же оно
Уже руина. Было время, люди
Еще не знали лучшаго ученья,
Христовой вѣры; но теперь держаться
Полузабытой, полуискаженной
Старинной вѣры — тяжкій грѣхъ, мой сынъ!

ОЛАФЪ.

Ты правъ, отецъ!

ТАНГБРАНДЪ.

Предайся волѣ Божьей
И не смущайся хитрыми рѣчами!

Ты задался великою задачей,
И, какъ герой, и выполни ее!
Благословитъ тебя тогда весь сѣверъ!
Ты слышишь хрипъ предсмертный старой вѣры, —
Ей жить недолго! Ярлъ Гаконъ безсиленъ!

ОЛАФЪ.

И завтра, въ день великій и святой,
Надѣюсь я отпраздновать побѣду.
Я сокрушу язычниковъ и ярла!..
Свѣтаетъ ужъ, и все готово къ битвѣ...
Идемъ, молитву Богу вознесемъ,
И въ бой!

ТАНГБРАНДЪ.

Какъ жаль, у насъ отбили рогъ,
Что я нашелъ въ землѣ. Его хотѣлось
Перековать мнѣ въ чашу для даровъ.
Мнѣ по душѣ пришлось то изреченье,
Что я прочелъ на немъ: „Коль согрѣшилъ ты
И отвернулось счастье отъ тебя,
Богамъ пожертвуй лучшее!“ И чаша
Должна была ту надпись сохранить:
Какая жертва Богу такъ угодна,
Какъ чистое, признательное сердце?..
Отбили рогъ у насъ! И Богъ накажетъ
Ихъ и за этотъ грѣхъ, какъ за другіе!

ОЛАФЪ.

Смотри! Ужъ солнца брызнули лучи
И скоро всю Норвегію освѣтятъ,
И вмѣстѣ съ нею встрѣтятъ здѣсь впервые
Великій Духовъ день! У насъ нѣтъ храма,
Но тамъ въ скалѣ есть гротъ, такъ намъ часовню
Даетъ сама природа. И сейчасъ
Оттуда гимны стройно понесутся
На встрѣчу солнцу ясному, и—тьма,
Ночные страхи, всѣ сомнѣнья сердца,
Отъ звуковъ тѣхъ исчезнутъ, какъ туманъ!

ТАНГБРАНДЪ.

Такая рѣчь тебя, Олафъ, достойна!

Уходитъ вслѣдъ за Олафомъ.

Грифъ—*все время задумчиво стоявшій поодаль.*

Онъ жрецъ?... Подосланъ ярломъ?... Можетъ статься,
Но я-то все же думаю свое!— *Уходитъ.*

СВЯЩЕННАЯ РОЩА.

Входитъ Гаконъ, ведя за руку своего маленькаго сына Эрлинга.

Эрлингъ.

О, какъ сегодня холодно, отецъ!

Гаконъ.

А оттого, что очень рано, Эрлингъ;
Еще нѣтъ солнца. Ты озябъ, мой мальчикъ?

Эрлингъ.

О, ничего! Я очень радъ, что ты
Покажешь мнѣ, какъ солнышко восходитъ!
Я никогда вѣдь не видалъ!

Гаконъ.

Ты видишь
Тамъ на востокѣ красныя полоски?

Эрлингъ—*всплеснувъ руками.*

Какія розы! Ахъ, какія розы!
Отецъ! скажи, откуда этотъ жемчугъ?
Гляди! Онъ всю долину сплошь усѣялъ!
Какъ онъ блеститъ при этихъ чудныхъ розахъ!

Гаконъ.

Не жемчугъ это, Эрлингъ, а роса.
А тамъ не розы—солнышко восходитъ.

Эрлингъ.

Ахъ, шаръ какой! Сверкаетъ какъ! Отецъ,
А намъ нельзя туда подняться къ солнцу?

Гаконъ.

Стремится къ солнцу все земное, Эрлингъ!
Ты знаешь: этотъ лучезарный кругъ —
Дневное око Одина. Другое—
Въ залогъ онъ отдалъ Мимеру; [1]) оно
Со дна его источника намъ свѣтитъ

---

[1]) Великанъ, стражъ источника мудрости.

Порой ночной, но тускло, слабо. Отдалъ
Отецъ боговъ одинъ свой глазъ, чтобъ Мимеръ
Ему открылъ источникъ: Одинъ пьетъ,
И — глазъ другой становится свѣтлѣе
И видитъ зорче!

Эрлингъ.

Гдѣ же тотъ источникъ?

Гаконъ.

Тотъ океанъ, что тамъ вдали синѣетъ,
И есть источникъ Мимера глубокій,
Что укрѣпляетъ глазъ отца боговъ.
Еще прекраснѣй и свѣтлѣй выходитъ
Изъ волнъ прохладныхъ солнце раннимъ утромъ.

Эрлингъ.

Какъ высоко оно теперь! Мнѣ больно
Туда глядѣть! Глаза слѣпитъ!

Гаконъ.

Да. Одинъ
На золотой свой тронъ теперь восходитъ
И скоро взглядомъ весь окинетъ міръ!
Слѣпитъ глаза земные тронъ блестящій;
И кто дерзнетъ поднять ихъ на владыку
Всей жизни, дня, когда онъ въ полномъ блескѣ!

Эрлингъ—*боязливо озираясь.*

Отецъ, какіе странные уроды
Изъ-за деревьевъ тамъ глядятъ?

Гаконъ.

Мой сынъ,
Не говори такъ. То изображенья
Боговъ великихъ. Всѣ они изъ камня
Рукою смертныхъ вытесаны. Блеска
И красокъ яркихъ нѣтъ въ нихъ, но должны
Мы преклонять колѣна передъ ними,
Взирать на нихъ съ благоговѣньемъ, Эрлингъ!
Пойдемъ взглянуть на нихъ поближе!

Эрлингъ.

Нѣтъ!
Я ихъ боюсь, отецъ! Вонъ бородатый
Старикъ такъ страшно смотритъ на меня!

ГАКОНЪ.

То Одинъ самъ, мой сынъ! Его боишься?

ЭРЛИНГЪ.

Я не боюся Одина, что̀ въ небѣ;
Тотъ добрый, тотъ меня не тронетъ. Онъ
Изъ-подъ земли цвѣточки вызываетъ,
И самъ сейчасъ похожъ былъ на цвѣтокъ.
А этотъ бѣлый тролль такъ страшно смотритъ,
Какъ будто взять меня онъ хочетъ!

ГАКОНЪ.

О...

ЭРЛИНГЪ.

Позволь сходить мнѣ за вѣнкомъ красивымъ,
Что̀ я повѣсилъ тамъ на кустъ, когда
Меня позвалъ ты поглядѣть на солнце,
Да и пойдемъ, отецъ, домой скорѣе
Отъ этихъ страшныхъ каменныхъ людей.
И на тебя старикъ-то этотъ смотритъ,
Какъ будто зла желаетъ!

ГАКОНЪ.

За вѣнкомъ,
Дитя, иди и возвратись скорѣе!—*Эрлингъ уходитъ.*
Пусть на закланье жертва, какъ на праздникъ,
Идетъ въ цвѣтахъ! Воззрите же на вѣру
И на дѣянія мои, о, боги!

ЭРЛИНГЪ—*возвращается съ вѣнкомъ изъ бѣлыхъ розъ на головѣ.*

Ну, вотъ и я!

ГАКОНЪ.

Колѣна преклони
Предъ мощнымъ, свѣтлымъ Одиномъ, мой Эрлингъ,
И обѣ руки къ небу подыми
Съ мольбой къ отцу боговъ: внемли, Альфадеръ [1])
Малюткѣ Эрлингу, призри его!

---

[1]) *Альфадеръ*—Всеотецъ, т.-е. отецъ всего; верховное, невѣдомое, вѣчное безтѣлесное существо, существовавшее до начала міра и рожденія боговъ. Этимъ же именемъ называется иногда Одинъ, какъ представитель Альфадера.

Эрлингъ — *становится на колѣни, протягиваетъ руки къ солнцу и говоритъ.*

Внемли малюткѣ Эрлингу, Альфадеръ,
Призри его!

Гаконъ хочетъ нанести ему сзади ударъ кинжаломъ, но роняетъ оружіе. Эрлингъ оборачивается, подымаетъ кинжалъ, подаетъ отцу и говоритъ довѣрчиво и спокойно.

Ты уронилъ кинжалъ!
Возьми, отецъ! Какой блестящій, острый!
Когда большимъ я выросту, и мнѣ
Кинжалъ дадутъ! Я тоже стану въ битву
Ходить съ тобой! Враговъ твоихъ разить!

Гаконъ.

Какой злой духъ тебѣ такія рѣчи
Внушаетъ, мальчикъ?

Эрлингъ.

Что̀ съ тобой, отецъ?
Разгнѣванъ ты? Но что̀-жъ я сдѣлалъ?

Гаконъ.

Слѣдуй
За мной скорѣе!

Эрлингъ.

Какъ? Туда, отецъ,
Гдѣ этотъ злой старикъ?

Гаконъ.

Да, да, скорѣе!
Тамъ позади него увидишь розы,
Но не такія бѣлыя, какъ эти;
Тѣ розы, словно кровь! И ты увидишь —
Онѣ въ одну минуту расцвѣтутъ!
Скорѣй же, сынъ мой!

Эрлингъ—*плачетъ.*

Ахъ, отецъ! Боюсь я
Кровавыхъ розъ!

Гаконъ.

Немедли! Чу! Запѣлъ
Пѣтухъ Геймдаля [1])! Намъ пора! Идемъ же!

Схватываетъ сына за руку и уходитъ съ нимъ за сцену.

[1]) *Геймдаль*—стражъ неба, возвѣщающій богамъ звукомъ своего рога о приближеніи опасности.

ЭЙНАРЪ—молодой стрѣлокъ.

Вбѣгаетъ въ полномъ вооруженіи.

Ну, гдѣ же онъ? Сказали — въ рощѣ ярлъ!
Но нѣтъ его! И что ему здѣсь дѣлать?
Не до молитвъ теперь! Насъ битва ждетъ!

Прислушивается. За сценой слышенъ дѣтскій крикъ.

О, боги, что случилось тамъ? Гаконъ!

ГАКОНЪ—*входитъ съ окровавленными руками.*

Меня зовутъ?

ЭЙНАРЪ—*пораженный.*

Что это значитъ, ярлъ?

ГАКОНЪ.

Зачѣмъ пришелъ ты?

ЭЙНАРЪ.

Звать тебя на битву!
Олафъ успѣлъ примкнуть съ своей дружиной
Къ толпамъ крестьянъ и двинулъ ихъ на Ладэ.
Твою дружину выстроилъ я къ бою,
Недоставало лишь тебя, мой ярлъ!
Вездѣ тебя искали! Вѣрно, жертву
Ты приносилъ опять богамъ?

ГАКОНЪ.

Да... жертву.

ЭЙНАРЪ.

Какую?

ГАКОНЪ.

Самъ ступай взгляни,—лежитъ
За изваяньемъ Одина.

ЭЙНАРЪ.

Да, много
Она поможетъ намъ!—*Уходитъ за изваянье Одина.*

ГАКОНЪ.

Свершилось!.. Боги!..
Теперь лишь силы, мужество мнѣ дайте!

ЭЙНАРЪ—*внѣ себя отъ ужаса и негодованія.*

О, что ты сдѣлалъ, старый чародѣй!

ГАКОНЪ.

Я примирилъ съ собой боговъ! Я отдалъ
Свою надежду, радость за спасенье
Родной страны!

ЭЙНАРЪ.

О, въ Нифльгеймъ мнѣ дорога,
Коль я отнынѣ лукъ свой натяну
Въ твою защиту, какъ ни дорожу я
Любовью Бергліотъ!—*Срываетъ съ шеи золотую цѣпь.*
Вотъ цѣпь твоя!
Съ тобой отнынѣ все я порываю!
Ты кровопійца! Ухожу къ Олафу,
Твой часъ насталъ! Внушилъ ты мнѣ лишь ужасъ
Къ своимъ богамъ! Пускай предъ новымъ богомъ,
Олафа богомъ, всѣ падутъ! Не знаю,
Что мнѣ мѣшаетъ мечъ свой обнажить
И въ адъ тебя послать?.. Но нѣтъ! Не надо!
Тебя ждетъ казнь позорнѣе, при всѣхъ!
Я помогу тебя поймать, Олафъ же
Тебя прикажетъ вздернуть на сосну!—*Уходитъ.*

ГАКОНЪ.

И долженъ я такія рѣчи слушать!
Слышны призывные звуки боевыхъ роговъ и крики:
„Гаконъ! Гаконъ!“ Гаконъ обнажаетъ мечъ.
Такъ часъ насталъ!.. Часъ выбора насталъ
Между Христомъ и Одиномъ! Призывно
Звучатъ рога, сливаясь съ свистомъ крыльевъ
И съ браннымъ кликомъ хищныхъ дѣвъ-валькирій [1]).
Въ свой рогъ трубитъ самъ Геймдаль такъ, что жилы
На лбу его вздуваются, чернѣютъ!..
Торгердуръ-Горгабрудъ! Иду! Иду!
Уже принесъ тебѣ я въ жертву сына
И принесу еще толпы враговъ!—*Уходитъ.*

---

[1]) Валькиріи—дѣвы-щитоносицы, которыхъ Одинъ посылаетъ на поле битвы, гдѣ онѣ избираютъ достойныхъ славной смерти и возносятъ ихъ въ Валгаллу.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Внутренній покой въ Римолѣ, гдѣ домъ Торы, возлюбленной Гакона. Ночь. Тора и Инге, ея служанка, сидятъ у стола, занятыя рукодѣльемъ. Свѣточи почти догорѣли.

Тора.

Тебя ко сну, я вижу, клонитъ, Инге.

Инге.

Давно минула полночь, госпожа!
Но... тсъ! Какъ будто въ ворота стучатся?
Они, они!

Тора.

О, нѣтъ, то вѣтеръ, Инге.
Разбушевался, крышу съ дома рветъ.
Такая темень, холодъ, непогода!
И дождь, и градъ бьютъ въ окна!

Инге.

Госпожа!
Ну кто поѣдетъ ночью въ непогоду!
Они дождутся дня! Такъ что-жъ напрасно
Себя томить?

Тора.

Иди—усни, коль хочешь,
Коль ты устала; мнѣ же не до сна.
Сегодня утромъ битва началася,
А братья слово дали мнѣ явиться
Не медля съ вѣстью, если можно будетъ.
Иди, прилягъ же!

Инге.

Если позволяешь,
Такъ я пойду, немного отдохну.
Но, чу! Стучатъ, какъ будто? Да, и громко!
Не можетъ быть, чтобъ вѣтеръ...

Тора.

Ворота
Скрипятъ... Ихъ отперъ Геддингъ... Да, я слышу
Шаги мужскіе!

Инге.

Радуйся—они!
Я посвѣчу имъ! То они навѣрно!— *Уходитъ.*

ТОРА.

Клещами сжали сердце боль и страхъ!
О, кто-бъ ни палъ изъ нихъ—Гаконъ, они ли,
Для Торы бѣдной горе, а не радость!

ЭЙНАРЪ, стрѣлокъ—*входитъ*.

Привѣтъ тебѣ и съ добрымъ утромъ, Тора!
Уже вѣдь утро брезжитъ. Слышно было,
Какъ пѣтухи пропѣли.—Я къ тебѣ
Явился, Тора, съ вѣстью съ поля битвы.
Мое же имя—Эйнаръ Тамбескьельверъ.
Не испугайся, что къ тебѣ пришелъ
Гакона воинъ и слуга. Я болѣ
Ужъ не слуга ему. Онъ въ изступленьи
Зарѣзалъ сына Эрлинга, чтобъ въ жертву
Его принесть богамъ и заслужить
Ихъ милость снова, счастье и побѣду!

ТОРА.

И могъ онъ, боги!..

ЭЙНАРЪ.

Ты права, Гаконъ
Внушаетъ только ужасъ, отвращенье!
И ты имѣешь право ненавидѣть
Его, со мною вмѣстѣ, — оскорбилъ онъ
Тебя смертельно. Я примкнулъ къ Олафу
Вчера лишь только; съ братьями твоими
Не долго былъ знакомъ, но подружиться
И оцѣнить другъ друга мы успѣли.
Въ бою довольно часа вѣдь на то,
На что нужны намъ годы мирной жизни.
Они дрались геройски; впрочемъ, всѣ
Дрались такъ же; мы и побѣдили.
Олафъ, король нашъ, молніей ударилъ
На войско ярла. Грянулъ бой кровавый,
И скоро жарко стало за щитами,
Горячей кровью залитыми сплошь.
Мечи горѣли въ ранахъ; дѣвы брани,
Носясь надъ полемъ, требовали крови,
И кровь лилась ручьями. Одинъ самъ
Не льетъ щедрѣе въ чаши медъ въ Валгаллѣ!
И много пало воиновъ. А ярлъ
Съ своимъ рабомъ бѣжалъ.

ТОРА.

Но гдѣ же братья?
Ты, благородный витязь, мнѣ чужой
И поспѣшилъ ко мнѣ съ извѣстьемъ ночью...
А съ ними что же сталось?.. Я дрожу!..

ЭЙНАРЪ.

Не трепетать, а радоваться надо
Тебѣ за нихъ! Передъ восходомъ солнца
Они умчались въ свѣтлую Валгаллу!
Теперь сидятъ они съ богами рядомъ
И въ честь ихъ медомъ пѣнятся рога!

ТОРА.

Богиня Фрейя!

ЭЙНАРЪ.

Радуйся же, Тора!
Не всѣмъ на долю счастье выпадаетъ
Такою смертью пасть геройской въ битвѣ.
Они все время были впереди.
Не отставалъ и я; Гаконъ же бился,
Какъ разъяренный сѣверный медвѣдь.
И горяча недаромъ вышла битва!
Вѣдь полстраны шло за Гакона въ бой,
И за Олафа полстраны! Еще бы!
Молва о немъ по всей странѣ промчалась,
Какъ по сухой степной травѣ огонь!
И Альфъ, и Скьяльмъ, пылая жаждой мести,
Рвались убить обидчика сестры
И пали сами! Ярлъ убилъ обоихъ!
Мечомъ разитъ онъ въ ярости, какъ громомъ!
И павшихъ былъ достоинъ ихъ убійца!
Про ярла, что тамъ кто ни говори—
Такихъ бойцовъ, какъ онъ, у насъ немного!
И показалъ себя онъ въ этой битвѣ!

ТОРА.

О, Альфъ! О, Скьяльмъ! О, братья дорогіе!

ЭЙНАРЪ.

Я ихъ судьбѣ завидую! Теперь
Они эйнгеріями [1]) стали оба!

---

[1]) *Эйнгеріи*—„избранные“, воины, павшіе славной смертью и вознесенные въ Валгаллу, гдѣ они ведутъ блаженную жизнь, пируютъ съ богами и занимаются воин-

На нихъ доспѣхи свѣтлые сіяютъ,
И Вàулундуръ [1]) имъ сковалъ мечи!
Надъ прахомъ ихъ насыплютъ холмъ высокій,
Его обложатъ глыбами гранита,
И простоитъ вѣка онъ. — Передъ смертью
Снести поклонъ тебѣ просили братья;
Я слово далъ и вотъ сдержалъ его,
Хоть и пришлось свернуть съ пути; веду я
Одинъ отрядъ на поиски за ярломъ,
Олафъ ведетъ другой. И сговорились
Сойтись мы оба въ Гауло. Король
Созвать задумалъ тингъ, но гдѣ — не знаю.
Должно быть, дождь идетъ... Со шлема каплетъ!
Надѣюсь, скоро мы настигнемъ ярла,
И отмщена ты будешь! Да хранитъ
Тебя богиня Фригга! — *Уходитъ.*

ТОРА — *одна.*

О, за что̀ же
Святые боги Тору обрекли
Судьбѣ ужасной? Чѣмъ я заслужила
Всѣ эти муки, что̀ терзаютъ сердце?
Входитъ незнакомецъ, закутанный въ плащъ.
Что̀ это значитъ? Кто ты?

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Мы одни?
И въ безопасности?

ТОРА.

Тебѣ-ль объ этомъ
Справляться здѣсь? Вѣдь ты чужой, пробрался
Сюда тайкомъ и испугалъ меня!
Что̀ надо здѣсь тебѣ?

НЕЗНАКОМЕЦЪ — *сбрасывая плащъ.*

Узнала, Тора?

ТОРА.

О, боги! Ты-ль, Гаконъ?

ГАКОНЪ.

Да, я!

скими потѣхами, причемъ раны, наносимыя ими другъ другу, заживаютъ тотчасъ же по окончаніи битвы.

[1]) Ваулундуръ — хромоногій богъ кузнецъ.

ТОРА.

И ты
Спасенья ищешь здѣсь?

ГАКОНЪ.

Клянусь богами,
Ты можешь мнѣ дивиться. Но куда
Не забѣжитъ олень, ища спасенья
Отъ своры хищныхъ псовъ!

ТОРА.

Гаконъ, ты блѣденъ,
Твой взоръ погасъ!

ГАКОНЪ.

Свидѣтель Одинъ мнѣ,
Я защищалъ страну, какъ защищаетъ
Своихъ дѣтей разсвирѣпѣлый волкъ!
Своимъ мечомъ отправилъ я въ Валгаллу
Толпы враговъ. Теперь усталъ я, Тора.
Мнѣ измѣнило счастье, насъ разбили...
Олафъ проклятый чарами своими
Мечи моихъ норвежцевъ притупилъ!
Съ измѣной горсти воиновъ послѣдней
Одинъ остался я, покинутъ всѣми.
Рукой холодной дѣва брани Рота
Сдавила мнѣ чело... Съ однимъ рабомъ
Бѣжалъ я темной ночью съ поля битвы!
Давно палитъ мнѣ горло жажда!.. Пить!
Вода здѣсь въ кубкѣ?

ТОРА.

О, Гаконъ, постой же,
Я принесу сейчасъ...

ГАКОНЪ—*пьетъ*.

Не нужно, Тора!..
Ужъ утолилъ я жажду! — Конь мой палъ
Недалеко отъ Гаулò. Вонзилъ я
Въ него свой мечъ, съ себя снялъ плащъ и, кровью
Его обрызгавъ, бросилъ возлѣ, — все,
Чтобъ обмануть погоню...

ТОРА.

О, Гаконъ!

ГАКОНЪ.

И вотъ, твой домъ завидѣлъ я и вспомнилъ

Всѣ клятвы Торы. Мнѣ клялась она,
Что лишь одна меня всѣмъ сердцемъ любитъ.
Любовь смѣниться ненавистью можетъ —
Я знаю самъ — и все-жъ рѣшился я
Придти къ тебѣ. И если отъ погони
Меня укроешь ты, я не забуду
Твоей любви! Увы, ее доселѣ
Я не умѣлъ цѣнить. А если ты
Откажешь мнѣ въ пріютѣ, — тяжко, Тора,
Тебя просить мнѣ! — если ты откажешь,
Пойду блуждать во мракѣ ночи снова...
И, набредя на первую скалу,
Взойду туда, и на страну родную,
Гдѣ былъ владыкой, взоръ прощальный кину,
Затѣмъ — паду на мечъ. И буря мигомъ
На крыльяхъ мощныхъ духъ мой унесетъ
Къ отцу побѣды, Одину, въ Валгаллу,
И солнце, утромъ трупъ увидѣвъ мой,
Пусть скажетъ:—въ смерти онъ великъ, какъ въ жизни!

ТОРА.

Не говори такъ, мой Гаконъ! Забыла,
Простила все я! Ненависть угасла,
Спасу тебя, укрою отъ враговъ!

Схватываетъ его за руку.

ГАКОНЪ.

А знаешь ты, что этою рукою
Убилъ я сына... Эрлинга?.. Его
Любила ты!..

ТОРА.

Я знаю все. Ты въ жертву
Его принесъ богамъ. И эта жертва
Лишь говоритъ мнѣ, до чего дошелъ ты,
И до чего была доведена
Твоя великая душа судьбою!

ГАКОНЪ.

А знаешь ты, кого еще убилъ я
Рукою этой? О, не жми ея!
Мнѣ тяжело, мнѣ жаль...

ТОРА.

О, все я знаю!
Лишилъ меня ты братьевъ!

ГАКОНЪ.

Знаешь, Тора?

И все же?

ТОРА.

Тору это не измѣнитъ!
Ты, правда, былъ жестокъ со мной, Гаконъ,
Мнѣ за любовь презрѣньемъ заплатилъ,
И, наконецъ, убилъ обоихъ братьевъ...
Но ихъ убилъ въ бою ты, гдѣ борьба
На жизнь и смерть идетъ!.. Сказалъ мнѣ Эйнаръ,
Что души ихъ въ Валгаллу вознеслись!..
Закрываетъ лицо руками и плачетъ; затѣмъ снова поднимаетъ голову и пристально смотритъ на ярла.
Но я глазамъ не вѣрю! Ты ли это
У Торы въ домѣ, здѣсь въ глуши лѣсной,
Вдали отъ пышно-убранныхъ чертоговъ?..
Сюда укрылся—ты ли ночью, въ бурю,
Что̀ тамъ бушуетъ вкругъ жилища Торы,
Какъ и въ груди ея? Да, ты ли это
Стоишь усталый, блѣдный и безмолвный,
Безъ шлема, безъ пурпурнаго плаща,
На мечъ рукой дрожащей опираясь?

ГАКОНЪ.

Передъ собой ты видишь тѣнь героя
И властелина бывшаго страны.
Ловили каждый взглядъ его норвежцы.
Онъ палъ въ бою, подъ Ладэ, ужъ давно,
И позабытъ уже! Теперь лишь бродитъ
Порой ночной героя призракъ блѣдный.
Его Гаконом̀ ярлом̀ звали прежде.

ТОРА.

Я отмщена! И отмщена ужасно!
Такъ прочь же злая ненависть! Вернись
Опять любовь! Не женщиной была бы,
Лѣсной волчицей, я, когда бъ теперь
Малѣйшій слѣдъ вражды хранила въ сердцѣ!
О, отдохни же на груди моей!
Дай отереть твое чело и снова
Зажечь огонь въ твоемъ потухшемъ взорѣ!

ГАКОНЪ—*какъ въ бреду.*

Скажи мнѣ, дѣва, какъ зовутъ тебя?

ТОРА.

Меня когда-то звали—незабудкой.
Я тотъ цвѣточекъ скромный, голубой,
Что росъ подъ дубомъ ярла, и, впивая
Въ себя и жизнь, и краски отъ него,
Завянуть долженъ былъ, едва лишили
Его могучей сѣни дуба!

ГАКОНЪ — *въ бреду.*

Значитъ,
Ты незабудка! Какъ звучитъ красиво!

ТОРА.

О, небо! Что̀ съ нимъ?.. Ты въ моихъ объятьяхъ,
Какъ въ лихорадкѣ, весь дрожишь, Гаконъ?
И плачешь ты? Мнѣ страшно! Что̀ съ тобою?
Когда же ты въ былое время плакалъ?

ГАКОНЪ.

Ты—незабудка, тотъ цвѣточекъ милый,
Что на курганахъ витязей цвѣтетъ!..
Моимъ слезамъ дивишься? Не видала,
Какъ выступаютъ слезы на камняхъ,
Когда ихъ вдругъ въ тепло съ мороза вносятъ?
То смертный потъ, цвѣтокъ холодной смерти!
Не удивляйся!

ТОРА.

О, богиня Фрейя!

ГАКОНЪ.

Коль таетъ горный снѣгъ—исчезнетъ скоро;
Зима слезами скоро изойдетъ,
И мѣсто дастъ веснѣ благоуханной,
Цвѣтамъ Олафа нѣжнымъ. А Гаконъ—
Его ужъ нѣтъ. Лишь тѣнь его здѣсь бродитъ.
Но подойдите къ праху безъ боязни,
Забейте колъ, и трупъ найдетъ покой,
Бродить не станетъ.

ТОРА.

Мой Гаконъ! Опомнись!
Не говори такъ странно! Дань природѣ
И величайшій духъ отдать вѣдь долженъ.
Въ тискахъ упорства, ненависти, злобы
Твое томилось сердце ужъ давно,
Теперь его освободили слезы.

Иди за мной. Подъ домомъ есть тайникъ
Въ скалѣ кремнистой высѣченъ. Не знаетъ
О немъ никто; лишь я. Тебя тамъ спрячу
Пока гроза не минетъ. Скоро снова
Къ тебѣ вернется счастье!

ГАКОНЪ.

Правда, вѣришь,
Что вновь займется солнце для меня
За тайникомъ?

ТОРА.

Увѣрена, Гаконъ мой!

ГАКОНЪ.

И въ тайникѣ укрыть меня ты хочешь,
Въ пустомъ, глубокомъ, темномъ подземельѣ,
Куда никто пути не знаетъ, гдѣ
Враги меня не сыщутъ?

ТОРА.

Да, мой милый!

ГАКОНЪ—*протягивая ей руку, торжественно.*

Идемъ, моя валькирія, идемъ!
Тебя узналъ я, Гела!

ТОРА.

Боги, боги!

ГАКОНЪ.

Иль полагаешь ты—затрепещу
Передъ твоимъ суровымъ ликомъ? Правда,
Смертельно блѣденъ ликъ, а губы сини.
Не убиваешь разомъ ты, какъ сестры,
Какъ Гильдуръ, Гейерскѐгуль; предаешь
Ты смерти тяжкой, медленной. Сначала,
Ты убиваешь мужество въ героѣ,
Потомъ его. Но все равно, иду я!
Не погасила ты еще во мнѣ
Послѣдней искры гордости, и смѣло
Я за тобой иду во мракъ могилы!

ТОРА.

О, боги, боги! Смилуйтесь надъ нимъ! — *Уходятъ.*

ЛѢСЪ БЛИЗЪ ГАУЛО.

Олафъ, Карлсховедъ, Іостейнъ, Грифъ, дружина.

Грифъ.

Ужъ брезжитъ утро, небо просвѣтлѣло,
И день хорошъ, какъ видно, будетъ такъ же,
Какъ ночь была ужасна. Утомленъ
Ты, нашъ король? Такъ отдохни немного
Въ тѣни деревъ; а мы коней покормимъ.

Олафъ.

Нельзя намъ медлить! Я не успокоюсь,
Пока Гаконъ не пойманъ! Клятву далъ я!
Наказанъ смертью долженъ быть злодѣй
За то, что сдѣлалъ онъ съ малюткой-сыномъ!
Бывало ль что̀ подобное когда?!
До насъ дошло преданіе святое,
Какъ съ сокрушеннымъ сердцемъ Авраамъ
Готовъ былъ волю Божію исполнить;
Но воля та была лишь испытаньемъ,
А еслибъ руку старца не отвелъ
Посланникъ неба, старецъ самъ, быть можетъ,
Изъ рукъ бы ножъ свой выронилъ. Гаконъ же...

Іостейнъ.

Ты правъ, король! Ужасное злодѣйство!

Олафъ

Войска его разсѣяны, но онъ
Не побѣжденъ еще! И торжествуетъ
Нашъ Эйнаръ юный рано; молодъ онъ
И храбрость въ немъ сильнѣй ума. А если
Гаконъ спасется? Вновь въ потокъ могучій
Онъ соберетъ ручьи, что̀ удалось
Разсѣять намъ! Междоусобной распрей
Я не хочу терзать страну родную,
Въ ней прочный миръ я утвердить хочу.
И грѣхъ свой смертью пусть Гаконъ искупитъ!
Пока-жъ онъ живъ, надежды нѣтъ на миръ;
Пока язычникъ этотъ не погибнетъ,
Не зацвѣтутъ здѣсь розы христіанства!

Эйнаръ—*входитъ съ окровавленнымъ плащомъ Гакона.*

Король! теперь ты можешь быть спокоенъ!

Сейчасъ коня убитаго нашли мы
И плащъ Гакона весь въ крови. Навѣрно,
Его одинъ изъ воиновъ настигъ,
И смерть Гаконъ нашелъ.

ОЛАФЪ.

Но правда ль это!
Друзья, скажите: это плащъ Гакона?

ГРИФЪ.

Да, плащъ его, но гдѣ самъ ярлъ? Нашелъ ты
И тѣло ярла тамъ же?

ЭЙНАРЪ.

Нѣтъ, лишь плащъ
И трупъ коня, обрызганные кровью.

ГРИФЪ.

Найди намъ трупъ Гакона и тогда
Спокоенъ буду я. Не знаешь, развѣ,
Каковъ Гаконъ? Онъ живъ и цѣлъ навѣрно,
Лишь подъ другимъ плащомъ его ищи!
Не вѣрь, король, уловкѣ этой хитрой!
Гакона знаю я; уменъ и ловокъ!

ОЛАФЪ.

Такъ на коней въ погоню! Недалеко
Отсюда Римолъ! Тамъ я созвалъ тингъ,
И тамъ узнаемъ,—можетъ быть, другіе
На слѣдъ его напали.

ГРИФЪ.

Тамъ же, кстати,
Живетъ его возлюбленная—Тора!

ЭЙНАРЪ.

Она *была* возлюбленной его,
Но оскорбилъ Гаконъ ее смертельно
И братья Торы злѣйшею враждою
Пылали къ ярлу!

ГРИФЪ.

Ну, увидимъ тамъ.
А розыскъ нашъ не лишнимъ будетъ все же.
Любовь, друзья, „не ржавѣетъ съ годами“,—
Недаромъ слово молвиться у насъ!

ОЛАФЪ.

Ужъ день насталъ! Впередъ, друзья, въ погоню!

Уходятъ.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ.

Входятъ Гаконъ и Каркеръ, его рабъ; у послѣдняго въ одной рукѣ свѣтильникъ, въ другой миса съ яствами.

КАРКЕРЪ—*освѣщая подземелье.*

Такъ вотъ тайникъ, гдѣ намъ сидѣть придется?
Не очень тутъ удобно. И куда же
Дѣвать свѣтильникъ?

ГАКОНЪ.

Тамъ въ углу повѣсь.

КАРКЕРЪ.

Пожалуй, такъ. Да тутъ я вижу кстати
Въ скалѣ сидѣнья высѣчены. Значитъ,
И отдохнуть здѣсь можно будетъ намъ.
А подкрѣпиться пищей ярлъ не хочетъ?
Вѣдь господинъ не ѣлъ, не пилъ ужъ сутки!

ГАКОНЪ.

Я не хочу! Ѣшь самъ.

КАРКЕРЪ.

Коль ярлъ позволитъ.

Усаживается и ѣстъ. Гаконъ медленно ходитъ взадъ и впередъ.

А гадко въ этой мрачной ямѣ жить!
Замѣтилъ ярлъ—тамъ черный гробъ у входа?

ГАКОНЪ.

Молчи и ѣшь! *Про себя.* И въ этомъ подземельѣ
Бродила Тора цѣлыми ночами
Одна, въ слезахъ... Могильнымъ склепомъ Торѣ
Должны бы были эти своды стать.
Себѣ и гробъ она велѣла сдѣлать;
Въ немъ дожидаться стало бъ тлѣнья тѣло
Ея прекрасное...—*Взглянувъ на Каркера.*
Не ѣшь ты, рабъ?
А на ѣду ты падокъ былъ. Такъ что же
Не ѣшь теперь?

КАРКЕРЪ.

Не хочется мнѣ что-то!

ГАКОНЪ.

Еще что̀! Ѣшь! Будь веселъ и надѣйся
На властелина, рабъ!

КАРКЕРЪ.

Да властелину
И самому-то плохо. Вижу я,
На сердцѣ тяжко.

ГАКОНЪ.

Тяжко? Какъ ты смѣешь?
Будь веселъ, рабъ! Не хочешь ѣсть, такъ пой!

КАРКЕРЪ.

А что мнѣ пѣть?

ГАКОНЪ.

Что хочешь! Спой мнѣ пѣсню,
Чтобъ звуки, словно буря, бушевали,
Хлестали, словно ливень, били градомъ!..
Мнѣ колыбельную ты пѣсню спой!

КАРКЕРЪ.

Какую жъ это?

ГАКОНЪ.

Чтобъ ребенокъ старый
Вздремнулъ спокойно въ эту ночь.

КАРКЕРЪ.

Я знаю,
Мой ярлъ, одну чудеснѣйшую пѣсню!

ГАКОНЪ.

Конецъ каковъ? Ужасенъ? А начало?
Какъ будто радость всѣмъ сулитъ да счастье,
Чтобъ поразить въ концѣ убійствомъ, смертью?

КАРКЕРЪ.

О, нѣтъ, мой ярлъ! Печально и начало.

ГАКОНЪ.

Вотъ это такъ! А то мнѣ надоѣли
Уловки скальдовъ [1]), все однѣ и тѣ же:
Повеселѣй начать и оттѣнить
Конецъ печальный этимъ посильнѣе.
Нѣтъ, если небо хмурится съ утра,
То видно сразу, что намъ день готовитъ.
Ну, пой же пѣсню, Каркеръ! Пой скорѣе!

---

[1]) Скальдъ—древне-сѣверный поэтъ-импровизаторъ.

КАРКЕРЪ—*поетъ*.

„Конунгъ Эрлингъ съ Гаральдомъ отправились въ путь;
„Всю ночь при лунѣ они плыли;
„Вотъ явился къ Сигурду ярлу во дворъ,
„И ярла живого спалили".

ГАКОНЪ.

Съ ума сошелъ ты, рабъ! Ты мнѣ поешь,
Какъ мой отецъ погибъ!

КАРКЕРЪ.

Такъ, значитъ, Сигурдъ
Отцомъ былъ ярлу? Я не зналъ. А правда,
Ему конецъ плохой достался.

ГАКОНЪ.

Рабъ!
Ты замолчишь?

КАРКЕРЪ.

Тутъ нѣтъ соломы даже;
Куда жъ прилечь?

ГАКОНЪ.

Да на землю ложись,
Коль ты усталъ. И я не разъ такъ дѣлалъ.

КАРКЕРЪ.

Ну, что жъ, коль можно, лягу!

ГАКОНЪ.

Лягъ и спи!

Каркеръ ложится на землю и засыпаетъ. Гаконъ смотритъ на него.

Уже заснулъ! Едва, едва лишь тлѣетъ
Подъ толстымъ слоемъ пепла искра жизни,
И отъ бревна его не отличишь.
Ему и горя мало; спитъ спокойно!
А тутъ кипятъ, бушуютъ страсти, силы!..
Ты спѣлъ мнѣ рабъ о гибели отца,
Такъ повелѣли Норны! Я погибну,
Какъ Сигурдъ ярлъ! Отецъ мой былъ такимъ же
Неукротимымъ, яростнымъ борцомъ
За сѣверъ древній, за боговъ Валгаллы!
Онъ вѣроломно властью завладѣлъ
И Драгоцѣннаго Гакона погубилъ.—*Возбужденно.*
Но какъ? Ужель теперь пришелъ конецъ,

Ужель падетъ передъ Христомъ нашъ Одинъ,
И съ нимъ падутъ поборники его?..
Какъ сыро здѣсь и холодно, я дрогну...
Ходитъ взадъ и впередъ, затѣмъ останавливается подлѣ Каркера.
Ему приснилось что-то... Исказилось
Лицо его... И гадокъ онъ и страшенъ!..
Оскалилъ зубы, словно тролль! *Толкаетъ его.* Эй, Каркеръ!
Проснись, проснись же, рабъ! Что̀ видѣлъ ты
Сейчасъ во снѣ?

КАРКЕРЪ—*пробуждаясь.*

Я видѣлъ... Мнѣ приснилось...
Приснилось мнѣ...

ГАКОНЪ.

Надъ нами шумъ... Ты слышишь?

КАРКЕРЪ.

Я слышу, ярлъ, бряцаніе доспѣховъ,
Дружины клики... Подоспѣлъ Олафъ
Сюда съ людьми. Они тебя здѣсь ищутъ!

ГАКОНЪ.

О тайникѣ никто не знаетъ. Тора
Дала мнѣ ключъ. Окована желѣзомъ
Входная дверь; замокъ виситъ надежный,
Никто сюда не проберется къ намъ!

КАРКЕРЪ—*прислушиваясь.*

А властелинъ мой слышитъ, что̀ глашатай
Надъ головой моей кричитъ?

ГАКОНЪ.

Не слышу!

КАРКЕРЪ.

Что обѣщаетъ почести, дары
Король тому, кто съ головою ярла
Къ нему придетъ.

ГАКОНЪ—*смотритъ на него въ упоръ.*

Но заслужить награду
Ты не захочешь? Что же ты дрожишь?
Ты поблѣднѣлъ, а губы посинѣли?

КАРКЕРЪ.

Я не могу опомниться... Мой сонъ...

Ахъ, еслибъ ярлъ сказалъ мнѣ, что онъ значитъ!
Мой властелинъ разгадываетъ сны!

ГАКОНЪ.

Что видѣлъ ты во снѣ?

КАРКЕРЪ.

Сперва мнѣ снилось,
Что по волнамъ въ ладьѣ плывемъ мы оба,
И правлю я рулемъ...

ГАКОНЪ.

То значитъ, Каркеръ,
Что ты теперь моею жизнью правишь.
Будь вѣренъ мнѣ въ нуждѣ и награжу
Тебя щедрѣй, чѣмъ твой Олафъ!

КАРКЕРЪ.

Затѣмъ
Приснилось мнѣ...

ГАКОНЪ.

Ну, говори!

КАРКЕРЪ.

Приснилось,
Что изъ скалы вдругъ выросъ черный мужъ
И мнѣ сказалъ: закрыты всѣ заливы!

ГАКОНЪ.

Зловѣщій сонъ! Онъ говоритъ, что намъ
Обоимъ жить недолго!.. Будь же вѣренъ!
Ты мнѣ сказалъ, что родились мы оба
Въ одну и ту же ночь, такъ не раздѣлитъ
Надолго насъ и смерть.

КАРКЕРЪ.

Еще мнѣ снилось:
Я въ Ладэ былъ, и обручъ золотой
Надѣлъ на шею мнѣ король.

ГАКОНЪ.

Надѣнетъ
Тебѣ Олафъ на шею петлю, если
Ты мнѣ измѣнишь, рабъ! Ступай въ тотъ уголъ!
А здѣсь я лягу самъ,—и будемъ спать.

КАРКЕРЪ.

Коль такъ угодно ярлу...

ГАКОНЪ.

Стой! Куда ты?

КАРКЕРЪ.

Хотѣлъ нагаръ я снять...

ГАКОНЪ.

Ступай, ложись,
Какъ сказано тебѣ! Оставь свѣтильникъ!
Ты потушить бы могъ его. Тогда бы
Остались мы впотьмахъ. Не понимаю,
Какъ могутъ люди свѣтъ гасить спокойно,
Когда ложатся спать? Зловѣщій мракъ—
Изображенье смерти, и какое!
Куда чернѣй, страшнѣй, чѣмъ самый сонъ!
Что̀ свѣтитъ ярче и сильнѣе свѣта?
Но погаси его и что̀ съ нимъ сталось?
Оставь свѣтильникъ, рабъ; горитъ онъ тускло,
Но все жъ горитъ еще. Пока есть жизнь,
До тѣхъ поръ есть надежда! Ну, на мѣсто!
Оба сидятъ нѣкоторое время молча.
Заснулъ ты?

КАРКЕРЪ.

Да, мой ярлъ!

ГАКОНЪ.

О, глупый рабъ!
Встаетъ и ходитъ взадъ и впередъ.
И эта тварь—вотъ все, что̀ мнѣ осталось
Отъ прежней власти? Я ему не вѣрю.
Ему понятны развѣ долгъ и вѣрность?
Онъ песъ цѣпной, что ластится къ тому,
Кто дастъ ему кусокъ послаще! Каркеръ,
Подай кинжалъ! Оружія не смѣютъ
Носить рабы!

КАРКЕРЪ.

Отъ ярла самого
Я получилъ кинжалъ въ подарокъ. Вотъ онъ!

ГАКОНЪ.

И спи теперь!

КАРКЕРЪ.

Иду!—*Ложится.*

ГАКОНЪ.

Вся голова
Въ туманѣ словно... Жаръ, ознобъ! Усталъ я.
Весь день въ бою и въ бѣгствѣ ночь. Заснуть бы!..
Но нѣтъ, нельзя! Онъ, этотъ низкій рабъ...
Лишь отдохну немного, спать не буду.

Садится, прислонившись къ стѣнѣ и засыпаетъ.

КАРКЕРЪ—*тихо поднимается.*

Онъ спитъ теперь. Не вѣритъ мнѣ, какъ видно.
Боится ярлъ, что я его предамъ.
За смертъ его сулитъ Олафъ награду...
А отъ него чего мнѣ больше ждать?
Онъ шевельнулся... Торъ! Во снѣ онъ ходитъ!

ГАКОНЪ—*встаетъ въ бреду.*

И „Сѣрошкурый“ здѣсь и „Золотой“!..
Зачѣмъ пришли, что̀ надо вамъ? Оставьте!
Вы заслужили вашу смерть! А я
Не измѣнялъ вамъ!... Ну, а вы, красотки?
И вы ко мнѣ? Уйдите! Недосугъ
Мнѣ забавляться съ вами! Это кто же?
И женихи?.. Ахъ, Одинъ палъ! Разбился!..
Олафъ приманку взялъ; теперь же хочетъ,
Чтобы приманку смерти взялъ Гаконъ!
Кто плачетъ тамъ въ кустахъ? О, это хуже
Всего, всего! Мой Эрлингъ... Весь въ крови?
Иль глубоко ужъ очень ножъ вонзился?..
И изъ груди твоей кровавый жемчугъ
На розы каплетъ!.. *Громко.* Каркеръ! Каркеръ!

КАРКЕРЪ—*подходитъ.*

Здѣсь я!
Онъ бредитъ все!

ГАКОНЪ.

Свершилось! Вотъ кинжалъ,
Вонзи мнѣ въ сердце!

КАРКЕРЪ.

Ярлу не пришлось бы
Жалѣть объ этомъ послѣ, какъ проснется!

ГАКОНЪ.

Мнѣ по заслугамъ казнь! Скорѣе, Каркеръ!

КАРКЕРЪ—*беретъ кинжалъ.*

Онъ—властелинъ мой, слушаться я долженъ!

ГАКОНЪ.

Не медли, рабъ! Скорѣе! Ты—иль я!
Одинъ изъ насъ погибнуть долженъ!

КАРКЕРЪ—*закалывая его.*

Пусть же
Погибнешь ты!

ГАКОНЪ—*падаетъ.*

Съ небесъ огонь сверкнулъ
И поразилъ меня!—*Умираетъ.*

КАРКЕРЪ.

Вотъ и конецъ!
Теперь что толку хныкать? Сколько хочешь
Кричи и вой, въ него не вдунешь жизни!
Достану ключъ и трупъ въ проходъ снесу
Къ дверямъ поближе!.. А потомъ къ Олафу.
Открою все ему, и онъ осыплетъ
И серебромъ, и золотомъ меня!
Ну, и конецъ всему! Онъ напросился
На смерть вѣдь самъ! Онъ властелинъ, я рабъ,
Онъ приказалъ, и я приказъ исполнилъ!

Взваливаетъ трупъ Гакона на плечи и уходитъ.

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ ДОМОМЪ ТОРЫ.

Олафъ стоитъ со щитомъ и копьемъ въ рукахъ на высокомъ камнѣ; вокругъ него народъ и воины.

ГРИФЪ.

А вотъ, король, и троньемцы явились!
Итакъ, всѣ собрались. Пришелъ и Бергторъ.
Старѣйшій онъ изъ троньемцевъ. Вчера
Онъ за тебя сражался, но увидѣть
Тебя въ лицо ему не удалось,—
Стемнѣло прежде, чѣмъ утихла битва.
Вотъ это мужъ! А посмотрѣлъ бы ты
На дочерей! Ихъ прижилъ Бергторъ
Съ женою третьей; было же тогда
За шестьдесятъ ему!

БЕРГТОРЪ — *подходитъ, окруженный толпой крестьянъ.*

Друзья! Взгляните!
Вотъ онъ стоитъ на тингѣ передъ вами!

Ни дать, ни взять, какъ древній нашъ Гаконъ
Или Гаральдъ Кудрявый!—*Снимая шляпу.*
Ты ль, скажи,
Олафъ, сынъ Трюгве?

ОЛАФЪ.

Я Олафъ, сынъ Трюгве!

БЕРГТОРЪ.

Итакъ, ты созвалъ насъ, король, на тингъ.
Меня прислали троньемцы,—я старшій.
Добро пожаловать въ страну, король!
Вчера дрались мы за тебя, сегодня
Тебя впервые видимъ. Да, вчера
Не до того намъ было. Съ нетерпѣньемъ
Тебя давно ждала страна; готовы
Тебя избрать мы королемъ норвежскимъ,—
Рожденъ ты быть имъ и вполнѣ достоинъ.
Прими корону! Мнѣ сковать велѣлъ
Ее Гаконъ, но я ее по мѣркѣ
Короны древней Гальфдана сковалъ,
И не годилася ему корона,—
Въ глазахъ стемнѣло отъ нея у ярла!
Тебѣ, посмотримъ, впору ль будетъ?
Олафъ надѣваетъ корону.
Впору.
Какъ по твоей я дѣлалъ головѣ!
Друзья! Въ щиты ударьте и клянитесь!
Всѣ бьютъ въ щиты.

НАРОДЪ.

Олафъ, король нашъ, здравствуй! Ты король!
Тебѣ служить клянемся вѣрой-правдой!
Клянемся всѣми мощными богами!

ОЛАФЪ.

И одного, норвежцы, намъ довольно.
Итакъ, клянитесь Истиннымъ, Единымъ
И Всемогущимъ Богомъ въ небесахъ!

НАРОДЪ.

Услышь насъ Богъ Олафа! Мы клянемся!
Громъ оружія и восторженные клики; за сценой слышенъ шумъ.

ОЛАФЪ.

Но что за шумъ? Друзья! Что тамъ случилось?

Эйнаръ—*входитъ.*

Король! Какъ солнце ты разсѣялъ тучи,
И намъ бояться нечего грозы!
Тамъ на щитахъ лежитъ Гаконъ безъ жизни.
Да, Грифъ былъ правъ. Не измѣнила Тора
Своей любви и ярла въ тайникѣ
Укрыла здѣсь. И вотъ, убитъ Гаконъ
Своимъ рабомъ, прельстившимся наградой!

Олафъ.

Ты видѣлъ самъ трупъ ярла? Ты увѣренъ,
Что это онъ?

Грифъ—*возвращаясь изъ-за сцены.*

На этотъ разъ онъ самъ,
Не плащъ его. Лежитъ онъ тамъ недвижный,
Похолодѣвшій... Кровь бѣжитъ изъ раны,
Что̀ на груди.

Олафъ.

Такъ миръ его душѣ!
Пусть трупъ снесутъ туда, откуда взяли!
Смиряетъ смерть его мою вражду.
Мнѣ жаль лишь Тору! Бѣдная любила
Его любовью истинной и вѣрной.
Вы ей отдайте дорогой ей прахъ.
Раба жъ того, что̀ смерти предалъ ярла,
Сейчасъ повѣсить!

Грифъ.

Все, король, исполню.

Олафъ—*сходя съ камня.*

Теперь же въ Ладэ! Кто идетъ за мною?

Бергторъ.

Всѣ, всѣ норвежцы!

Олафъ.

Ну, такъ всѣхъ зову
Къ себѣ на пиръ! Хорошій вечеръ, видно,
Сулитъ намъ день. Скамьи разставятъ въ рощѣ,
И за мое здоровье въ круговую
Рога заходятъ съ медомъ золотистымъ!

Народъ.

Да здравствуетъ Олафъ, король норвежскій!

Всѣ бьютъ въ щиты и слѣдуютъ за Олафомъ.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ.

Свѣтильникъ все еще горитъ на прежнемъ мѣстѣ. Двое слугъ вносятъ черный гробъ, молча ставятъ его посерединѣ подземелья и удаляются.

ТОРА—*входитъ медленными шагами; въ рукахъ у нея обнаженный мечъ и вѣнокъ изъ сосновыхъ вѣтвей. Она долго стоитъ у гроба молча.*

И вотъ, лежишь въ гробу, Гаконъ,—въ гробу,
Который что былъ для Торы предназначенъ;
Въ моемъ гробу! О этого ль ждала я?
Покойся съ миромъ! Если ты грѣшилъ,
То искупилъ свои грѣхи. Отнынѣ
Да не дерзнетъ никто героя память
Тревожить словомъ, иль упрекомъ злымъ!
Моя жъ любовь къ тебѣ съ твоею смертью
Не умерла! Увы, давно ли ты
Блисталъ на небѣ сѣвера, какъ солнце,
Что̀ разливало блескъ на всѣхъ, и вотъ
Уже забытъ норвежцами своими
Ты для свѣтила новаго. И только
Одно лишь сердце женское болитъ,
Гакона вспоминая; ну, такъ пусть же
Она тебѣ отдастъ и долгъ послѣдній
Людьми твоими въ радости забытый.

Возлагаетъ на гробъ вѣнокъ и мечъ.

Прими изъ рукъ возлюбленной вѣнокъ!
Пусть обовьются вѣтви гордыхъ сосенъ
Вокругъ меча героя. Да, нашелъ
Въ тебѣ героя истиннаго сѣверъ!
Но, какъ цвѣтокъ, охваченный морозомъ,
Въ одну ты ночь увялъ. И вотъ, когда
Рукой своей сотретъ всѣ краски время,
Оставивъ только рѣзкія черты,
Ты уцѣлѣешь въ памяти народной
Лишь какъ язычникъ, лютый, кровожадный,
Чье имя будетъ въ трепетъ повергать.
Но я, Гаконъ мой, трепетать не стану:
Тебя я знала! Мощная душа
Въ стремленьяхъ къ благу стала жертвой рока

И заблужденій времени. О! съ миромъ
Усни теперь, Гаконъ мой, отдохни!
И пусть въ Валгаллѣ свѣтлой вкуситъ радость
Твоя геройская душа!... Прости!
Я ухожу теперь. Когда же снова
Откроютъ эту дверь—сюда внесутъ
Въ гробу и Торы прахъ. И гробъ ея
Поставятъ здѣсь съ ея Гакономъ рядомъ!

Медленно удаляется; свѣтильникъ горитъ еще съ минуту; затѣмъ вдругъ вспыхиваетъ и погасаетъ. Гробъ и все подземелье погружаются во мракъ.

Съ датскаго Анна Ганзенъ.

АНГЛІЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

Впечатлѣнія и замѣтки.

I.

Тишина кругомъ, та тишина, въ которой явственно слышны пѣніе жаворонка, шелестъ листьевъ, дальній крикъ пѣтуха, разгуливающаго гдѣ-то въ сосѣдней деревнѣ, стрекотанье кузнечиковъ и разные другіе звуки, столь чуждые шумной или даже тихой улицѣ большого города. Это—тишина деревни, успокоивающая, мягкая и, такъ сказать, „натуральная", и такой-то деревенской тишью я и наслаждаюсь теперь въ одномъ изъ живописныхъ угловъ Кента, верстахъ въ шестидесяти отъ Лондона. Мой домъ, или, лучше, мой коттеджъ стоитъ на склонѣ высокой горы, съ которой открываются типичные виды англійскаго ландшафта. Внизу развернулись зеленые луга, огороды и поля, покрытые густой сѣтью живыхъ изгородей и испещренные то тутъ, то тамъ красными черепичными крышами коттеджей; по холмамъ расползлись хмельники, а на вершинѣ нашей горы прекрасный хвойный лѣсъ какъ бы вѣнчаетъ это „зданіе природы".

Мой коттеджъ—каменный и тоже съ красной черепичной крышей. Мои сосѣди, простые рабочіе, съ правой и съ лѣвой стороны, живутъ въ точно такихъ же коттеджахъ и платятъ столько же, сколько и я, и деньги ихъ, какъ и мои, идутъ въ тотъ же карманъ,—въ карманъ нашего общаго лендлорда. Нашъ лендлордъ, однако, не изъ большихъ. Ему не принадлежитъ вся деревня. Онъ владѣетъ здѣсь только небольшимъ кускомъ земли, который онъ разбилъ на мелкіе участки и, построивъ на нихъ коттеджи, сдаетъ ихъ въ наемъ. Кромѣ нашего лендлорда, тутъ

имѣются и другіе, сдающіе также землю маленькими участками или же сами и обработывающіе ее.

Населеніе въ нашей деревнѣ, носящей названіе Нетерской Горы, очень небольшое, но оно все-таки довольно разнообразное. У насъ имѣется и своя аристократія, и своя чернь. Здѣсь ходятъ въ двѣ церкви, носятъ цилиндры и шапки съ козырьками, гуляютъ въ каретахъ и шарабанахъ и ходятъ пѣшкомъ, обжигаютъ кирпичъ и пишутъ трактаты о клинообразныхъ надписяхъ, открываемыхъ въ ассирійскихъ раскопкахъ. Впрочемъ, я лучше разскажу все по порядку, въ полной надеждѣ, что русскому читателю будетъ не безъинтересно прочесть о деревенской жизни въ Англіи.

II.

Раньше всего позвольте васъ познакомить съ нашимъ приходскимъ священникомъ, съ такъ называемымъ здѣсь викаріемъ. Онъ живетъ въ огромномъ каменномъ домѣ, окруженномъ садомъ и паркомъ и скрытомъ отъ нескромныхъ взоровъ прохожихъ и проѣзжихъ высокой каменной оградой. Лишь изрѣдка, сквозь рѣшетчатыя ворота, намъ удается увидать мальчиковъ катающимися на велосипедѣ по посыпаннымъ желтымъ пескомъ дорожкамъ усадьбы. Это дѣти пастора обучаются модному спорту. Можно ожидать, что черезъ день, черезъ два они помчатся по широкой дорогѣ, словно выпорхнувшіе изъ гнѣзда птенцы.

Я нарочно начинаю описаніе съ пастора, потому что съ нимъ легче всего познакомиться. Въ то время, какъ другіе обитатели деревни смотрятъ на вновь поселившагося между ними горожанина со страхомъ и сомнѣніемъ, пасторъ идетъ къ нему на встрѣчу и самъ завязываетъ знакомство. Такъ, не успѣли мы поселиться въ Нетерской Горѣ, какъ уже пасторъ почелъ своимъ долгомъ посѣтить насъ.

Высокій, худощавый, лѣтъ подъ 50, съ бритой продолговатой физіономіей и съ тускло-сѣрыми глазами, онъ скромно постучался въ нашу дверь.

— Я здѣшній викарій, — сказалъ онъ: — и почелъ долгомъ посѣтить своего новаго прихожанина.

Мы его попросили сѣсть, и между нами начался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, въ которыхъ собесѣдники говорятъ о томъ, о чемъ они менѣе всего хотятъ говорить.

Викарій, конечно, хотѣлъ узнать о степени моей приверженности къ церкви, а я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія излить

передъ нимъ тутъ же свою душу. Но вмѣсто прямого вопроса и еще болѣе прямого отвѣта на него, начался приблизительно слѣдующій „обмѣнъ словъ“:

— Какъ вамъ нравится деревня?

— Ничего себѣ.

— А сосѣди?

— Ни съ кѣмъ еще незнакомъ.

— Надѣюсь, что вамъ тутъ все понравится. Воздухъ у насъ хорошій. Если здоровье ваше слабо, то вы скоро поправитесь.

— Надѣюсь.

— Конечно, все отъ Бога.

— Гм...

— Вотъ, смѣются надъ нашептываніями, знахарями, заговорами, а я только-что посѣтилъ больного, которому и доктора не могли помочь, а между тѣмъ простая знахарка, старая женщина, на ноги поставила... Все отъ Бога, не такъ ли?

Вопросъ былъ, наконецъ, поставленъ ребромъ.

— А какъ вамъ нравится сегодняшняя погода, будетъ дождь, неправда ли? — спросилъ я въ свою очередь, взглянувъ на открытое окно.

Тускло-сѣрые глаза пастора блеснули какой-то хитрой улыбкой. Мы другъ друга поняли.

— Ну, до свиданія. Радъ познакомиться. Зайдите какъ-нибудь ко мнѣ, — произнесъ гость, поднявшись и собираясь уйти.

— До свиданія, викарій. Очень, очень радъ познакомиться. Спасибо за визитъ.

Викарій ушелъ и хотя визитъ ему еще не уплаченъ, но мы все-таки знакомы. Онъ продолжаетъ меня встрѣчать любезной улыбкой, словно одного изъ своихъ самыхъ усердныхъ прихожанъ, и я, съ своей стороны, продолжаю на него смотрѣть, какъ на оффиціальнаго представителя церкви, какъ на отца и пастыря нетеро-горской паствы, хотя и знаю, что не всѣ здѣшніе жители посѣщаютъ его церковь и что въ нашей деревнѣ имѣется еще особая молельня (chapel) для диссидентовъ.

Church и chapel, это — двѣ необходимыя принадлежности всякой англійской деревни. Church, это—оффиціальная церковь. Она служитъ не только мѣстомъ молитвы для принадлежащихъ къ ней по религіи, но и чѣмъ-то въ родѣ государственнаго символа для всѣхъ и всякаго, какимъ-то олицетвореніемъ общественности и гражданственности. Въ нашей деревнѣ она стоитъ высоко на горѣ. Красивая башня съ часами возвышается надъ ея кирпичной кровлей и служитъ путеводной звѣздой для окрест-

наго населенія и для шмыгающихъ по проселочнымъ дорогамъ велосипедистовъ—все равно, принадлежатъ ли они къ англиканству или нѣтъ. Удары часовъ на башнѣ гулко раздаются далеко кругомъ, и рабочіе на полѣ, и жены ихъ въ деревняхъ и усадьбахъ соразмѣряютъ съ ними свои работы и занятія. Вокругъ церкви стоятъ каменныя плиты, изъ мрамора и известняка, надъ могилами умершихъ поселянъ. Здѣсь похоронены и послѣдователи англиканской церкви, и диссиденты, и невѣрующіе. Высокія тисовыя деревья, поднявъ пирамидально свои вѣчно зеленыя вѣтви, съ одинаковымъ грустнымъ безмолвіемъ прячутъ въ своей тѣни всѣхъ, нашедшихъ тутъ покой.

И не только церковное зданіе съ кладбищемъ призваны служить всѣмъ одинаково, но и самъ викарій, какъ представитель оффиціальной церкви, обязанъ имѣть въ виду потребности, какъ духовныя, такъ и матеріальныя, всѣхъ жителей прихода безъ исключенія. Онъ долженъ заботиться о религіозномъ воспитаніи юношества, стараться собирать ихъ по извѣстнымъ днямъ, во время внѣ-классныхъ занятій, и читать имъ библію, разсказывать о Богѣ и сатанѣ, о небѣ и адѣ, предостерегать отъ грѣховъ и наставлять въ правилахъ благочестія и цѣломудрія. Онъ долженъ отыскивать бѣдныхъ и больныхъ въ своемъ приходѣ и раздавать имъ на Рождество тѣ мѣшки угля и байковыя одѣяла, которые жертвуются богатымъ помѣщикомъ; онъ долженъ утѣшать больныхъ и посѣщать умирающихъ, женить и хоронить, мирить спорящихъ супруговъ и устраивать лѣтнія экскурсіи для деревенскихъ дѣтей и даже взрослыхъ. И все это онъ долженъ дѣлать, и иногда дѣйствительно дѣлаетъ, безъ различія сектъ и религій. Къ нему же часто обращаются за медицинской помощью, за юридическимъ совѣтомъ, за научной справкой. Иногда довѣряютъ ему сбереженія и поручаютъ ему операціи по пріобрѣтенію коттеджа и земли. Словомъ, обязанности пастора въ англійской деревнѣ очень разнообразны и многосложны, хотя имѣютъ исключительно добровольный характеръ, и исполненіе ихъ далеко не составляетъ повсемѣстнаго явленія.

Въ послѣдніе годы, впрочемъ, роль пастора англиканской церкви значительно измѣнилась. Новый законъ о мѣстномъ самоуправленіи ограничилъ права пастора и многія изъ его свѣтскихъ обязанностей возложилъ на новые органы мѣстнаго самоуправленія. Болѣе „трудныя времена“ для помѣщиковъ дѣлаютъ ихъ менѣе щедрыми на одѣяла и топливо, и пасторъ, являвшійся до сихъ поръ главной передаточной инстанціей и полновластнымъ распредѣлителемъ доброхотныхъ даяній помѣщика, потерялъ глав-

ный источникъ своего вліянія и авторитета: если ему нечѣмъ дарить, то нечего и заискивать у него. Такимъ образомъ, англиканская церковь все больше и больше теряетъ свои общественно-мірскія функціи и постепенно превращается въ исключительно-религіозную конгрегацію, и викарій или ректоръ изъ хозяина прихода и его печальника дѣлается простымъ исполнителемъ нѣкоторыхъ обрядовъ, очень, впрочемъ, немногосложныхъ, церковнослужителемъ въ тѣсномъ значеніи этого слова. Church (церковь) начинаетъ приближаться къ роли chapel (молельни), но въ то время какъ послѣдняя все еще питается жизненными соками самозарождающейся вѣры, первая какъ бы переживаетъ уже свою осень; она все больше и больше дѣлается церковью аристократіи, денежной и родовой, въ то время какъ chapel продолжаетъ быть церковью простого народа.

Чтобы получить наглядное представленіе о томъ, какую роль играютъ church и chapel въ народной жизни, стоитъ только побывать въ той и другой, и именно въ деревняхъ, гдѣ разница между ними наиболѣе замѣтна. Въ церкви, church, все носитъ болѣе или менѣе торжественный характеръ, все обставлено болѣе или менѣе „благолѣпно“; пасторъ—ректоръ или викарій—носитъ особое облаченіе; чинъ богослуженія, особенно у тѣхъ, которые принадлежатъ къ high church (къ болѣе ортодоксальной части англикановъ) и которые имѣютъ нѣкоторую склонность къ папизму, происходитъ не безъ символической обрядности, правда, не слишкомъ сложной и замѣтной, но все-таки не принятой въ болѣе свободныхъ церквахъ. Проповѣдь, хотя и произносится обязательно каждое воскресенье, не составляетъ центра тяжести богослуженія. Обыкновенно она произносится въ концѣ службы, продолжается минутъ 10—15 и является какъ бы побочнымъ и мірскимъ дѣломъ. Сама проповѣдь въ church носитъ болѣе или менѣе аристократическій характеръ. Она хотя и говоритъ о грѣхахъ и благочестіи, общихъ всѣмъ смертнымъ, но очевидно, имѣя въ виду особую публику, составлена въ отмѣнно-изящныхъ выраженіяхъ; языкъ ея — литературно-философскій, тонъ ея — сдержанный, академическій, научно-богословскій. Она не произносится, а читается, но незамѣтно для прихожанъ. Проповѣдникъ опускаетъ глаза на раскрытую передъ нимъ книгу и потомъ, какъ бы вдохновленный новой мыслью, поднимаетъ голову, направляетъ свои взоры въ потолокъ или на публику и произноситъ фразу. Затѣмъ онъ опять опускаетъ голову и, запасаясь вдохновеніемъ, опять произноситъ изреченіе и опять ищетъ вдохновенія въ раскрытой на налоѣ книгѣ. И такъ до конца проповѣди. Публика въ church

главнымъ образомъ состоитъ изъ „господъ“: тутъ помѣщикъ, богатый фермеръ, докторъ, дорожный техникъ, другіе „образованные люди“. Лишь въ заднихъ рядахъ можно примѣтить „народъ“ въ видѣ кучеровъ и выѣздныхъ лакеевъ въ ливреяхъ, очевидно пріѣхавшихъ сюда съ господами.

Аристократическій стиль англиканской церкви выдержанъ даже и на улицѣ, по окончаніи богослуженія. Тутъ на полянѣ, въ тѣни высокихъ липъ и кленовъ, ждутъ своихъ богомольныхъ хозяевъ прекрасно-выхоленныя лошади, запряженныя въ разнаго вида и фасона кокетливые шарабаны и коляски. И въ то время, какъ ректоръ, согласно церковному чину, закрывъ лицо обѣими ладонями и углубившись въ духовное созерцаніе и молитву, стоитъ у амвона, его прихожане, подъ мягкій звонъ церковнаго колокола, быстро разъѣзжаются по своимъ усадьбамъ и коттеджамъ, веселя глаза прохожихъ своими шолковыми платьями и модными шляпками, своими блестяще-черными цилиндрами и безукоризненно сшитыми рединготами.

Совершенно другое вы видите въ chapel. Въ нашей деревнѣ chapel стоитъ особнякомъ, на огородѣ одного изъ поселянъ. Съ улицы никто бы не принялъ эту маленькую постройку, сдѣланную изъ досокъ и волнистаго желѣза, за молитвенное зданіе. Крохотныя два оконца, выходящія на огородъ и видныя съ улицы, лишены занавѣсокъ и цвѣточныхъ горшковъ, безъ которыхъ въ Англіи не обходится ни одно деревенское, не говоря уже о городскомъ, жилье. Надъ крышей не видно трубъ. Очевидно, что здѣсь не живутъ, но что же здѣсь такое? Вы рѣшаете, что это маленькій сарай или хлѣвъ, но доносящіеся оттуда громкій голосъ человѣка и пѣніе гимновъ сразу открываютъ значеніе этой небольшой постройки. Когда вы входите, вы оказываетесь въ небольшой низенькой комнатѣ, переполненной взрослыми и дѣтьми. Ради вентиляціи окна раскрыты. Вся комната, съ проходомъ посрединѣ, уставлена короткими и узкими деревянными скамейками. Потѣснившись немного, молящіеся уступаютъ вамъ мѣстечко на одной изъ скамеекъ. Вы садитесь и начинаете осматриваться. Маленькое возвышеніе, служащее эстрадой, имѣетъ пюпитръ, у котораго стоитъ господинъ и проповѣдуетъ. Его проповѣдь по своей формѣ составляетъ полную противоположность проповѣди викарія, обладая всѣми достоинствами и недостатками, свойственными проповѣдямъ маленькихъ и простыхъ людей. Она носитъ на себѣ печать искренности, вытекаетъ изъ вѣрующаго сердца, лишена догматичности, но произносится безъ всякихъ правилъ реторики и композиціи. Она перемѣшана текстами изъ ветхаго

и новаго завѣта, перерывается гимнами и чтеніемъ отрывковъ изъ св. писанія и даже разговорами и бесѣдами. Въ chapel проповѣдь, принимающая скорѣе характеръ толкованія писанія, составляетъ въ сущности все богослуженіе.

Проповѣдникъ, который по ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ, оказывается каменщикомъ, безбоязненно касается самыхъ глубокихъ тайнъ жизни и смерти и то-и-дѣло наивно ставитъ себѣ и слушателямъ вопросы, отвѣтовъ на которые человѣчество продолжаетъ искать тысячелѣтіями. Вы невольно заинтересовываетесь, думаете, что вотъ-вотъ, благодаря простой мудрости и невѣдомаго рабочаго, завѣса спадетъ съ глазъ вашихъ, и бремя, тяжелое бремя сомнѣній и неизвѣстности, снимется съ вашего измученнаго сердца. Но ожиданія ваши обмануты. Проповѣдникъ хотя и отвѣчаетъ тономъ, не допускающимъ возраженія, на поставленные имъ вопросы, но какъ-то туманно, непонятно мистически. Напрасно вы съ замирающимъ сердцемъ ловите каждый звукъ его рѣчи,—нѣтъ, никакой свѣтъ не озаряетъ васъ. Все сводится у оратора къ мистическому „спасенію“, къ непонятному, таинственному „духу“, и вы рѣшительно теряетесь, что предпочесть: плавную и академически-аккуратную проповѣдь ректора или бурную, но безпорядочную рѣчь каменщика?

Однако, если проповѣдь въ chapel и не разсѣяла вашихъ сомнѣній, то она во всякомъ случаѣ глубже тронула васъ своей непосредственностью. Маленькое піанино, стоящее въ углу и на которомъ какая-то молодая женщина аккомпанируетъ пѣнію гимновъ; само собраніе, состоящее исключительно изъ рабочихъ и дѣтей ихъ; проповѣдникъ-каменщикъ, уступившій въ срединѣ службы свое мѣсто плотнику; усердныя обращенія этихъ проповѣдниковъ къ собранію съ совѣтами спастись и обратиться къ Богу,—все это не можетъ не трогать васъ своей наивной простотой, своей теплой вѣрой, своимъ возвышеннымъ и благороднымъ тономъ. И вы выходите изъ chapel, если не „спасеннымъ“, то хоть немного согрѣтымъ братскимъ, человѣчнымъ чувствомъ. Вотъ это-то чувство, вѣроятно, и составляетъ главную силу диссидентства въ Англіи, особенно въ Уэльсѣ и Корнваллисѣ, гдѣ англиканская церковь потеряла уже совершенно свое вліяніе и гдѣ духъ Весли и Витфильда, нашедшій такую благопріятную почву въ впечатлительности кельтскаго темперамента, живъ еще по настоящее время.

Существованіе рядомъ въ деревнѣ church и chapel не вноситъ рѣшительно никакого разлада въ отношеніяхъ деревенскихъ обывателей ни по отношенію ихъ другъ къ другу, ни по отно-

шенію къ пастору. Мой сосѣдъ справа посѣщаетъ „church“, мой сосѣдъ слѣва ходитъ въ „chapel“, а жены ихъ утромъ въ воскресенье ходятъ въ church, а вечеромъ, почему-то, въ chapel. Мои же сосѣди черезъ дорогу не посѣщаютъ ни church, ни chapel, занимаются въ воскресенье у себя на огородѣ.

Конечно, въ городахъ диссиденты имѣютъ своихъ спеціальныхъ проповѣдниковъ и церковно-служащихъ и свои большія и прекрасныя зданія не хуже англиканскихъ, но въ деревняхъ они обходятся своими собственными силами и сами совершаютъ свою службу, которая, какъ мы видѣли, состоитъ главнымъ образомъ въ проповѣди и пѣніи гимновъ. Когда же приходится совершить какой-нибудь обрядъ, какъ вѣнчаніе, крещеніе или отпѣваніе, то они обращаются къ мѣстному викарію, тѣмъ болѣе, что никакой платы за совершеніе требъ здѣсь не взимается. Не мало, впрочемъ, диссидентовъ обходится и безъ всякой помощи пастора.

Однако, пора намъ оставить church и chapel. Выйдемъ на улицу и взглянемъ на обыденную жизнь нашей Нетерской Горы.

III.

Обыденная жизнь нашей деревни отражается, какъ въ зеркалѣ, въ трехъ вывѣскахъ на главной улицѣ. Первая вывѣска гласитъ: „Grocer and baker“ (колоніальная и булочная лавка), вторая—„Butcher“ (мясная) и третья—„Royal Oak“ (королевскій дубъ или по-просту кабакъ). Эти три учрежденія составляютъ обязательную принадлежность всякой англійской деревни, большой или малой. Еще, пожалуй, можно встрѣчать деревню безъ мясной и даже безъ кабака, но безъ колоніальной лавки—нельзя. Въ этой лавкѣ вы найдете все, что требуется: сардинки и растопки, деревянныя сандаліи, которыя здѣсь надѣваютъ на сапоги въ ненастную погоду, желе въ картонныхъ коробкахъ, кастрюли и подтяжки, керосинъ и ситцы, фланель и писчую бумагу и пр., и пр. Ознакомившись съ спискомъ товаровъ въ нашей колоніальной лавкѣ, вы получите довольно вѣрное представленіе о потребностяхъ, вкусахъ и средствахъ здѣшняго деревенскаго населенія. Вы увидите сразу, что оно ничуть не уступаетъ городскому жителю въ комфортѣ и утонченности вкусовъ. Та же посуда, тѣ же съѣстные припасы, тѣ же консервы и деликатесы, тѣ же соусы и настойки, экстракты и навары, но все это лишь немного дороже.

Рядомъ съ grocer'омъ торгуетъ мясникъ, стоящій въ обще-

ственномъ значеніи ниже своего сосѣда. Мясникъ вообще не пользуется уваженіемъ въ Англіи. „Butcher“ — это даже ругательное слово, и въ этомъ отношеніи англійская деревня не уступаетъ городу. Но все-таки, какъ человѣкъ со средствами и притомъ какъ человѣкъ нужный, и мясникъ есть лицо довольно важное. Правда, онъ не состоитъ церковнымъ старостой, какъ, напр., бываетъ grocer, въ воскресной школѣ гимновъ не поетъ, но и съ простыми поденщиками онъ не якшается и есть человѣкъ трезвый и благообразный. Конечно, изъ того, что въ нашей небольшой деревнѣ имѣется мясная, не трудно заключить, что населеніе потребляетъ мясо, и при томъ покупное. И дѣйствительно, мясо, какъ и хлѣбъ, здѣсь покупаетъ всякій потребитель ихъ, и никто — ни земледѣлецъ-поденщикъ, ни крупный помѣщикъ—не рѣжетъ самъ скота и не печетъ себѣ хлѣба.

Кромѣ этихъ мѣстныхъ лавочниковъ, по деревнямъ и фермамъ торгуютъ еще городскіе лавочники, имѣющіе даже своихъ постоянныхъ деревенскихъ заказчиковъ и поставляющіе товаръ на домъ. Но все-таки мѣстные мясникъ и бакалейщикъ остаются главными торговцами деревни, особенно для мало обезпеченнаго рабочаго населенія, нуждающагося въ продолжительномъ кредитѣ.

Обыкновенно деревенскій рабочій, какъ и городской, получаетъ свое жалованье или заработную плату разъ въ недѣлю, по субботамъ. И день полученія жалованья бываетъ и днемъ разсчета съ лавочникомъ. Но не во всякую недѣлю заработокъ одинаковъ. Бываютъ, особенно въ зимнее время и у тѣхъ, которые не имѣютъ постояннаго мѣста, и совершенно безработныя недѣли. Тогда, конечно, долгъ въ лавкахъ ростетъ, и часто окончательный разсчетъ наступаетъ лишь разъ въ году, во время уборки хлѣба, когда заработокъ поденщика увеличивается въ 2—3 раза противъ обыкновеннаго, а постоянный рабочій получаетъ такъ называемыя harvest-money, т.-е. послѣ-жатвенныя деньги. Harvest-money составляетъ особенное и старинное учрежденіе сельско-хозяйственной Англіи. Рабочій на фермѣ при наймѣ весною знаетъ, что къ осени онъ получитъ отъ хозяина денежный „подарокъ“, размѣръ котораго не опредѣленъ и зависитъ какъ отъ щедрости хозяина, такъ и отъ величины урожая и поведенія рабочаго. Обыкновенно выдается на человѣка отъ 3 до 6 фунтовъ стерлинговъ. Получаютъ harvest-money исключительно простые рабочіе, обыкновенная плата которыхъ отъ 8 до 16 шиллинговъ въ недѣлю. Наиболѣе же искусные и спеціалисты, какъ садовникъ, огородникъ, пастухъ, конюхъ, телѣжный мастеръ и др., harvest-money не получаютъ, доволь-

ствуясь болѣе высокимъ жалованьемъ. Ихъ вознагражденіе бываетъ отъ одного до полутора фунта въ недѣлю.

Выдача harvest-money почти вездѣ сопровождается церковными и гражданскими праздниками. Въ церквахъ совершаются спеціальныя службы, во время которыхъ церкви убираются полевыми цвѣтами и колосьями; на фермахъ задаются праздничные обѣды и пьютъ за здоровье хозяина и рабочихъ; въ кабачкахъ и трактирахъ устраиваются въ складчину пирушки, въ которыхъ участвуютъ и семьи рабочихъ.

И вотъ, мы такимъ образомъ подошли къ кабаку, къ этому центру деревенскаго оживленія.

Кабакъ стоитъ въ самой серединѣ нашей деревушки. Это низенькое каменное зданіе, нижній этажъ котораго занятъ „заведеніемъ“. Самъ кабатчикъ — человѣкъ ловкій и расторопный, съ лицомъ немного серьезнымъ. Въ жилетѣ и съ рукавами рубашки, засученными по-локоть, онъ быстро исполняетъ заказы, то-и-дѣло наливая стаканы и кружки и откупоривая бутылки, въ то же время продолжая сохранять на своемъ лицѣ сознаніе своей высокой миссіи. Время отъ времени его замѣняетъ жена, особа среднихъ лѣтъ, съ браслетами на рукахъ, съ французской прической на темени и съ завитками на лбу. Она не такъ расторопна, какъ мужъ; въ движеніяхъ ея замѣчается нѣкоторая томная медлительность и на лицѣ играетъ гордая улыбка. Сейчасъ видно, что она снисходитъ къ посѣтителямъ лишь по добротѣ своей, отпуская имъ пиво, виски и бренди. И посѣтители, по всѣмъ видимостямъ, цѣнятъ это и сознаютъ все свое ничтожество въ присутствіи кабатчицы. Они подобострастно смотрятъ ей въ глаза, чувствуютъ себя крайне польщенными, если она удостоитъ ихъ словомъ или улыбкой и вообще стараются держать себя почтительно. Кабакъ, очевидно, для нихъ далеко не вульгарное и вредное учрежденіе. И дѣйствительно, собирающіеся сюда посѣтители вовсе и не думаютъ о пьянствѣ. Это— все простые земледѣльческіе рабочіе, смотрящіе на кабакъ, какъ на клубъ. Они приходятъ сюда побесѣдовать, повидаться съ пріятелями, скоротать время. Они посѣщаютъ кабаки ежедневно, вечеркомъ; регулярно заказываютъ одну или двѣ кружки пива и, выкуривъ при этомъ нѣсколько трубокъ, возвращаются домой совершенно трезвыми. Въ теченіе недѣли рабочій пропиваетъ такимъ образомъ шиллинга два—не больше, пожалуй, но зато и не меньше. Семья его можетъ голодать, дѣти и жена могутъ ходить безъ башмаковъ, но даже изъ своего маленькаго жалованья въ 8 или 10 шиллинговъ, не говоря уже изъ бо̀льшей

суммы, онъ обязательно отложитъ себѣ раньше всего шиллинга два карманныхъ денегъ на пиво и табакъ. Расходъ на пиво и табакъ обязательнѣе всякихъ другихъ расходовъ.

Но если постоянный житель деревни рѣдко встрѣчается вамъ пьянымъ и всегда ведетъ себя чинно и вѣжливо въ кабакѣ и внѣ его, то случайные посѣтители деревни значительно портятъ картину. Этотъ городской и наносный временной элементъ часто скопляется у кабаковъ и, спуская здѣсь все собранное, устраиваетъ шумныя попойки и даетъ наибольшее число пьяницъ. Къ счастью, сами кабатчики, боясь потерять право торговли, стараются по возможности устранять отъ себя слишкомъ безпокойныя скопища, чтобы не подавать сосѣдямъ повода жаловаться на нихъ.

Какъ извѣстно, разрѣшеніе на торговлю крѣпкими напитками въ Англіи зависитъ отъ совѣтовъ графствъ, какъ въ Лондонѣ и нѣсколькихъ другихъ городахъ, или отъ судей, собирающихся въ осенней сессіи. Къ этой сессіи каждый обыватель вправѣ выступить противникомъ выдачи разрѣшенія или возобновленія его тому или другому кабаку, и если онъ можетъ доказать основательность своего протеста, то разрѣшеніе не выдается. Если, напр., кабакъ привлекаетъ нежелательныя скопища пьяницъ, безпокоящихъ своимъ шумомъ и безобразіями мѣстныхъ жителей, если при кабакѣ устраиваются недозволенныя игры и состязанія, какія-нибудь грубыя оргіи и забавы, или если полиція констатируетъ мѣстное увеличеніе числа преступленій и дѣлъ противъ нарушенія порядка, въ зависимости отъ дѣятельности кабака,—то такой кабакъ осужденъ на закрытіе, временное или постоянное.

Для болѣе правильнаго представленія о характерѣ питейнаго вопроса въ англійской деревнѣ, считаю не лишнимъ привести отрывокъ изъ отчета начальника полиціи кентскаго графства, касающійся нашего участка. Отчетъ этотъ былъ представленъ въ прошломъ августѣ къ осенней сессіи господъ Justices ot the Peace.

„Я получилъ жалобы,—пишетъ начальникъ полиціи,—противъ содержателя трактира „Бѣлый Олень“, на допущеніе въ теченіе зимы воробьиной стрѣльбы и бѣговыхъ состязаній на лугу, прилегающемъ къ его дому, такъ какъ эти игры служатъ причиной скопленія нежелательныхъ личностей. Мнѣ также жаловались на содержательницу питейнаго заведенія „Bat and Ball“, что въ сезонъ сбора фруктовъ передъ ея заведеніемъ происходятъ безобразія. Остальныя заведенія были содержимы очень по-

рядочно, особенно, если принять во вниманіе громадное число иногородныхъ, посѣщающихъ наши мѣста въ теченіе года. Число лицъ, привлеченныхъ къ судебной отвѣтственности за пьянство, достигло въ году 89, на 39 больше прошлогодней цифры. Изъ нихъ 78 были осуждены, а 11 оправданы, при чемъ мѣстныхъ жителей среди привлеченныхъ было всего 34. Всего въ участкѣ заведеній, имѣющихъ право торговли крѣпкими напитками—51, считая въ томъ числѣ и всѣ колоніальныя лавки, которымъ разрѣшена продажа на выносъ".

Къ этому отчету слѣдуетъ лишь добавить, что въ нашъ полицейскій участокъ входитъ и городъ и мѣстечко. Такимъ образомъ отчетъ этотъ въ нѣкоторомъ родѣ показываетъ, кто главные безобразники въ деревняхъ. Это — не мѣстные жители, не рабочіе, а случайный элементъ, время отъ времени посѣщающій деревню.

IV.

Миновавъ кабакъ и отступя немного вверхъ, мы видимъ другую тихую часть нашей деревни. Раньше всего намъ встрѣчаются коттеджи земледѣльческихъ рабочихъ. Это небольшіе двухъэтажные каменные домики, изъ которыхъ каждый раздѣленъ на двѣ половины, составляющія совершенно отдѣленныя друга отъ друга квартиры. Каждая половина дома или, лучше, каждая квартира отдѣльно состоитъ изъ 4 или 5 комнатъ: двухъ или трехъ нижнихъ и двухъ или трехъ верхнихъ. Дома эти могутъ быть очень разнообразны по величинѣ, могутъ быть болѣе или менѣе просторны и свѣтлы, но почти всегда бываютъ одного и того же типа по числу и расположенію комнатъ.

Вопросъ о жилищахъ земледѣльческихъ рабочихъ въ Англіи, занимавшій за послѣдніе полъ-вѣка парламентъ и общество, служившій не разъ предметомъ изслѣдованія какъ разныхъ коммиссій, такъ и частныхъ лицъ, мало-по-малу исчезаетъ. Было время, когда земледѣльческій трудъ былъ очень дешевъ, когда потребности деревенскаго жителя были крайне низки, и богатый ленд-лордъ и его фермеры менѣе всего дорожили тѣмъ, чтобы на ихъ землѣ проживало много „рабочихъ рукъ". Наоборотъ, будучи почти единственными плательщиками налога въ пользу содержанія бѣдныхъ, они считали даже своей прямой выгодой рѣдкость рабочаго и необезпеченнаго населенія въ своей волости (union). Чѣмъ меньше было рабочихъ среди мѣстныхъ жителей, тѣмъ меньше было кандидатовъ на общественную помощь и тѣмъ,

значитъ, меньше приходилось платить на ихъ содержаніе во время старости и болѣзней. И поэтому землевладѣльцы и ихъ фермеры менѣе всего безпокоились о сооруженіи хорошихъ жилищъ для рабочихъ. Тѣмъ болѣе, что они знали, что рабочій больше, чѣмъ отъ $1^1/_2$ до $2^1/_2$ шиллинговъ въ недѣлю, платить имъ не будетъ, да и эти деньги онъ будетъ платить лишь тогда, когда у него будетъ работа; выселять же рабочаго за неплатежъ квартирной платы въ деревняхъ не принято, и соотвѣтственно этому разсчету лендлордъ и строитъ дома, тратя какъ можно меньше на нихъ. Съ теченіемъ времени кое-какъ выстроенный коттеджъ дѣлался хуже и хуже. Рабочій не ремонтировалъ его за неимѣніемъ достаточныхъ средствъ и потому, что коттеджъ не составлялъ его полной собственности, а землевладѣлецъ находилъ убыточнымъ тратить деньги на ремонтъ жилища, весь доходъ съ котораго, и то невѣрный, составляетъ какихъ-нибудь 4—5 фунтовъ стерлинговъ въ годъ; и вообще помѣщикъ считалъ невыгоднымъ баловать земледѣльческаго рабочаго. Онъ скорѣе готовъ былъ расходовать на него десятки и сотни фунтовъ, какъ милостыню, какъ пожертвованіе, чѣмъ одинъ фунтъ, какъ обязанность.

Такимъ образомъ, деревенская Англія оказалась въ концѣ концовъ усѣянной человѣческими жилищами, которыя скорѣе напоминали собою свиные хлѣва, чѣмъ дома для людей. Текло и продувало сверху и съ боковъ; въ одной комнатѣ тѣснилась семья изъ 7 — 12 душъ; санитарныя приспособленія отсутствовали; вода добывалась изъ какихъ-нибудь заплѣсневѣлыкъ прудовъ, и т. под.

Однако, это жалкое состояніе деревенскихъ жилищъ носило какъ бы въ самомъ себѣ свое наказаніе. Рабочіе стали постепенно покидать деревню. Всякій здоровый парень, всякій предпріимчивый человѣкъ, всякая крѣпкая и дорожившая собой дѣвушка уходили въ городъ, гдѣ и пристроивались въ болѣе достойной человѣка обстановкѣ. Отливъ молодежи изъ деревни принялъ особенно большіе размѣры въ послѣднія 15—20 лѣтъ, когда, подъ вліяніемъ закона объ обязательномъ элементарномъ образованіи, изданнаго въ 1871 году, народилось новое поколѣніе съ болѣе широкими потребностями и съ бо́льшимъ сознаніемъ своихъ правъ и обязанностей. Въ деревнѣ оставались только старики и дѣти: и фермеры, и лендлорды, къ величайшему своему изумленію, оказались лицомъ къ лицу съ требованіемъ, какъ разъ противоположнымъ прежнему, а именно: какъ бы удержать рабочихъ въ деревнѣ.

Въ то же время совершенно невозможное состояніе деревенскихъ жилищъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще незавидное положеніе земледѣльческаго рабочаго, обратило на себя вниманіе и политическихъ партій, ухватившихся за этотъ вопросъ, какъ за козырь въ своей партійной борьбѣ, и либералы въ перегонку съ консерваторами стали ухаживать за „agricultural labourer", за земледѣльческимъ рабочимъ, и обѣщать ему золотыя горы. Первыми на практикѣ выступили либералы, бывшій вождь которыхъ, Гладстонъ, съ зоркостью истинно-геніальнаго человѣка, открылъ въ земледѣльческомъ рабочемъ настоящую политическую силу. „Agricultural labourer", этотъ бѣдный и приниженный hodge, котораго третировали раньше хуже всякихъ другихъ классовъ населенія, сдѣлался вдругъ первымъ любимцемъ Гладстона и его сторонниковъ и предметомъ ихъ усиленныхъ заботъ. Произошло это въ началѣ 80-хъ годовъ.

Съ этого времени начинаются заботы о „hodge'ѣ" предпочтительно передъ всѣми другими. Сначала (1884 г.) расширяютъ его парламентскія права, затѣмъ начинаютъ облегчать ему пріобрѣтеніе небольшихъ участковъ земли въ полную собственность, обращаютъ вниманіе на санитарное состояніе его жилища и, наконецъ, въ 1894, дѣлаютъ его равноправнымъ съ пасторомъ, лендлордомъ и фермеромъ въ веденіи своихъ деревенскихъ дѣлъ.

Въ то же время и лендлорды, и фермеры начинаютъ строить новые коттеджи, ремонтировать старые и вообще дѣлать жизнь въ деревнѣ болѣе привлекательной. Это, конечно, стоитъ денегъ, вызываетъ лишніе расходы, и естественно является жалоба фермеровъ и лендлордовъ на плохія времена. Но процесса наступленія „плохихъ временъ" никакимъ образомъ не остановишь. Съ того момента, какъ въ земледѣльческомъ рабочемъ пробудилось сознаніе о лучшей долѣ, о болѣе достойной жизни, о болѣе справедливомъ вознагражденіи за трудъ, лендлордъ и фермеръ безповоротно обречены на „плохія времена", такъ какъ земля не въ силахъ удовлетворить всѣ потребности высокаго комфорта, предъявляемыя къ ней какъ лендлордомъ и фермеромъ, такъ и ихъ рабочимъ. Сначала, конечно, долженъ пострадать фермеръ. Оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ, и наиболѣе удрученное теперь „плохими временами" сословіе въ Англіи, это—крупные фермеры, привыкшіе жить на широкую ногу и сами землю не обработывающіе. Но за фермерами роковымъ образомъ должны послѣдовать и лендлорды, потому-что потребности рабочихъ продолжаютъ расти, и раньше или позже должно наступить время, когда чистаго дохода лендлорда, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ

на удовлетвореніе рабочихъ, окажется слишкомъ мало, чтобы поддерживать ту богатую жизнь, которую теперь ведутъ англійскіе лендлорды. Уже и теперь крайне трудно найти въ Англіи лорда и вообще крупнаго помѣщика, который бы жилъ одной поземельной рентой или другимъ доходомъ съ земли. Почти всѣ богатые землевладѣльцы получаютъ свое колоссальное богатство не отъ земли (за исключеніемъ, конечно, тѣхъ, которымъ принадлежитъ земля въ Лондонѣ), а отъ разныхъ промышленныхъ предпріятій, въ которыхъ они состоятъ участниками. Самые богатые лендлорды въ Англіи,—это теперь банкиры и купцы, пріобрѣвшіе свои помѣстья не съ цѣлью наживы, а ради положенія въ свѣтѣ. Земля же одна, при ростѣ потребностей рабочихъ, повторяемъ, не въ состояніи давать богатствъ. И поэтому, мы теперь наблюдаемъ здѣсь то замѣчательное и съ виду необъяснимое явленіе, что въ то время, какъ богатые лендлорды и ихъ крупные фермеры кричатъ о „плохихъ временахъ“, объ „упадкѣ“ земледѣлія, о невозможности жить съ одной земли, и умоляютъ правительство о покровительственномъ тарифѣ, о субсидіяхъ и милостяхъ, рабочіе почти всюду съ величайшей радостью набрасываются на каждый клочокъ земли и готовы даже лѣзть въ долги, лишь бы пріобрѣсть въ полную собственность участокъ земли.

Но процессъ перехода земли изъ рукъ крупныхъ собственниковъ въ руки тѣхъ, которые сами же и работаютъ на ней, идетъ очень медленно, и „плохія времена“ лендлордовъ, очевидно, все еще не настолько плохи, чтобы бросать хозяйство. Во всякомъ случаѣ, одно несомнѣнно, что земледѣльческій рабочій живетъ теперь здѣсь гораздо лучше прежняго: онъ получаетъ больше жалованья, работаетъ меньше, имѣетъ лучшія жилища, пользуется болѣе значительнымъ комфортомъ, свободой и самостоятельностью, хотя онъ все еще экономически-зависимый человѣкъ, старость его далеко еще не обезпечена, да и повседневныя нужды не всегда достаточно удовлетворены. Вопросъ о судьбѣ и положеніи англійскаго земледѣльца все еще, поэтому, продолжаетъ быть вопросомъ открытымъ, и слѣдуетъ лишь ожидать, что естественный ходъ развитія поземельной собственности, направляемый благожелательнымъ и дальнозоркимъ законодательствомъ, довершитъ улучшеніе матеріальной обстановки здѣшняго земледѣльца. Пока же мы видимъ лишь первый поворотъ къ лучшему, первыя проявленія наступающаго новаго порядка вещей, и вотъ, вмѣсто старыхъ, полуразвалившихся, антисанитарныхъ лачугъ, находимъ теперь въ Нетерсэй Горѣ и кругомъ нея, на-

сколько глазъ хватаетъ, хорошіе домики, свѣтлые, просторные, радующіе глазъ своими черепичными крышами, живописно краснѣющимися на зеленомъ фонѣ полей и рощъ,—домики, снабженные всѣми принадлежностями хорошихъ городскихъ жилищъ, имѣющіе при себѣ огороды и палисадники, сарайчики для угля, насосы или водопроводные краны, прачешную комнату и разныя другія удобства, такъ что въ ихъ стѣнахъ спѣшитъ селиться не только простой рабочій, но и человѣкъ съ независимымъ положеніемъ, городской житель, отставной чиновникъ или клеркъ, писатель, художникъ, адвокатъ и т. д. Начинается даже какъ бы обратное теченіе: переселеніе изъ городовъ въ деревни. Много коттеджей снимается въ аренду, но еще чаще горожанинъ строитъ себѣ собственный на пріобрѣтенной имъ съ этой цѣлью землѣ. И деревенская Англія начинаетъ покрываться множествомъ домовъ мелкихъ собственниковъ, предпочитающихъ жизнь въ деревнѣ городской, и типъ рабочаго-земледѣльца начинаетъ теряться въ ростущемъ кругомъ него разношерстномъ населеніи, которое, хотя и живетъ въ деревнѣ, въ сущности очень мало общаго имѣетъ съ землей.

V.

Типъ рабочаго земледѣльца въ англійской деревнѣ рѣдѣетъ, впрочемъ, не только вслѣдствіе роста прочаго, не-земледѣльческаго населенія, но и потому, что земледѣльческія машины все больше и больше вытѣсняютъ прежняго хлѣбороба, снимавшаго хлѣбъ и сѣно размахами косы, сгребавшаго ихъ вилами и поднимавшаго землю напоромъ собственнаго тѣла на ручки плуга. Правда, и еще теперь можно встрѣтить на англійскихъ поляхъ людей, обработывающихъ землю лопатами, но это лишь на горахъ и на нѣкоторыхъ хмелевыхъ плантаціяхъ. Вообще же даже на маленькихъ фермахъ всѣ ручныя орудія замѣнены машинами, которыя берутъ напрокатъ отъ болѣе крупныхъ хозяевъ или изъ склада фабриканта. И количество людей, которыхъ вы встрѣчаете работающими на здѣшнихъ поляхъ, хотя бы и въ самое страдное время, поразительно мало. Осматриваясь кругомъ на разстояніи нѣсколькихъ миль, какъ это и можно сдѣлать съ нашего холма, вы лишь кое-гдѣ замѣтите какую-нибудь пару или тройку лошадей, запряженныхъ гуськомъ въ огромный возъ или въ какую-нибудь мудреную сельско-хозяйственную машину, а при нихъ всего одного человѣка, и то чаще всего мальчика. Это убирается сѣно, или жнутъ хлѣбъ, или пашутъ и боронуютъ

землю. Женщинъ-работницъ вы никогда и не увидите на полѣ. Ихъ мѣсто дома, гдѣ онѣ часто зарабатываютъ не меньше своихъ мужей какими-нибудь домашними работами: стиркой бѣлья на сосѣдей, шитьемъ бѣлья или дамскимъ портняжествомъ, поденной работой по чисткѣ комнатъ, мытью половъ и пр. у какой-нибудь сосѣдки (у помѣщицы, жены викарія, доктора, на фермѣ) и др. Лишь во время сбора хмеля и фруктовъ женщины идутъ въ поле на работу.

Дѣти земледѣльческихъ рабочихъ, въ силу школьнаго закона, также раньше 11 лѣтъ не нанимаются на работы, да и послѣ 11 лѣтъ остаются дома еще года два-три, и тогда большинство помѣщается у мастеровъ, ремесленниковъ, лавочниковъ, торговцевъ, и лишь очень немногіе изъ нихъ поступаютъ въ рабочіе на фермы. Дѣвочки обыкновенно остаются въ родительскомъ домѣ до болѣе поздняго возраста, помогая своимъ матерямъ въ няньченьѣ младшихъ дѣтей и вообще по хозяйству.

Однимъ изъ самыхъ пріятныхъ и для русскаго человѣка однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ зрѣлищъ на улицѣ англійской деревни, это—видъ чистенько одѣтыхъ, въ бѣлыхъ передничкахъ и шляпкахъ дѣвочекъ-подростковъ, водящихъ на прогулку своихъ младшихъ сестеръ и братишекъ въ щегольскихъ дѣтскихъ колясочкахъ. Съ перваго раза вамъ кажется, что вы попали въ какую-нибудь дачную мѣстность и что встрѣчающіяся вамъ дѣти принадлежатъ зажиточнымъ родителямъ-горожанамъ, временно поселившимся на дачѣ. Но при ближайшемъ знакомствѣ вы узнаете, что отецъ ребенка, катающагося въ барскомъ perambulator'ѣ, работаетъ на сосѣднемъ полѣ или пасетъ овецъ на ближайшемъ холмѣ; колясочку же онъ пріобрѣлъ на выплату по шести пенсовъ въ недѣлю.

Особенно хорошее впечатлѣніе производитъ видъ деревенскихъ дѣтей послѣ того, какъ вы насмотрѣлись на дѣтей въ городскихъ рабочихъ кварталахъ. Дѣти въ деревнѣ поражаютъ васъ не только своими приличными костюмами, своими снѣжно-бѣлыми воротниками и цѣлой обувью, но и своимъ умнымъ взглядомъ, какой-то высокой интеллигентностью, лежащей на ихъ здоровыхъ, отличающихся красотою и тонкостью чертъ, лицахъ.

Лучшимъ мѣстомъ для наблюденія за дѣтьми, это, конечно, школа, составляющая въ англійской деревнѣ такую же принадлежность, какъ вода и жилища. Занятія въ деревенской, какъ и въ городскихъ элементарныхъ школахъ, происходятъ почти круглый годъ. Лѣтнія вакаціи продолжаются всего отъ 4 до 6 недѣль, обыкновенно отъ средины или конца августа до средины или

конца сентября. Школьный колоколъ утромъ въ девять часовъ и днемъ въ три служитъ всегда сигналомъ для всѣхъ мѣстныхъ дѣтей школьнаго возраста, что занятія начинаются, и въ то время, какъ колоколъ продолжаетъ еще гудѣть подъ навѣсомъ школы, по улицамъ деревни и по аллеямъ, ведущимъ къ школѣ, со всѣхъ сторонъ весело спѣшатъ мальчики и дѣвочки, обгоняя другъ друга со смѣхомъ, крикомъ и визгомъ. Добравшись до площадки передъ школьнымъ зданіемъ, они выстраиваются тутъ въ стройные ряды и, подъ командой своихъ учителей и учительницъ, чинно вступаютъ въ классы. Черезъ нѣсколько минутъ изъ открытыхъ высокихъ оконъ школы уже раздается стройное пѣніе дѣтскихъ голосовъ или громкій голосъ учителя и не менѣе громкіе отвѣты дѣтей.

Въ воскресенье, въ три часа, многія изъ дѣтей собираются въ школѣ для воскресныхъ библейскихъ классовъ. Эти классы необязательны, завѣдуются собственно не школой, а посторонними лицами, и ничего общаго не имѣютъ съ школьной программой. Въ нашей деревнѣ, въ воскресной школѣ главнымъ образомъ занимаются съ дѣтьми нашъ бакалейный лавочникъ и его сынъ, большіе приверженцы церкви, а помощницей ихъ состоитъ дочь викарія, имѣющая большія способности къ разсказыванію нравоучительныхъ и назидательныхъ исторій.

Рядомъ со школой стоитъ небольшое, но очень хорошенькое зданіе такъ-называемаго нашего „института“. Village institute (деревенскій институтъ) является въ англійской деревнѣ, особенно въ послѣдніе годы, прямымъ и необходимымъ дополненіемъ школы. Опредѣлить однимъ какимъ-нибудь словомъ значеніе „института“ трудно, потому что функціи его не только очень разнообразны, но и не вездѣ одинаковыя. Иногда, какъ, напр., въ сѣверныхъ графствахъ Англіи, это маленькій сельскій университетъ, гдѣ читаются публичныя лекціи или проходятся разные курсы наукъ подъ руководствомъ лекторовъ общества University Extension; иногда это—клубъ для взрослыхъ, гдѣ устраиваются танцовальные вечера, вокально-музыкальные концерты и драматическіе спектакли. Еще чаще это все вмѣстѣ. Въ Нетерской Горѣ „институтъ“ предназначается главнымъ образомъ для молодыхъ людей, какъ противовѣсъ кабаку. Въ немъ имѣются библіотека, биллiардъ, домино и шахматы, естественно-историческіе атласы и картины и нѣсколько спальныхъ комнатъ. Пользоваться институтомъ можетъ всякій, платящій два пенса въ недѣлю. Полугодичные и трехмѣсячные взносы значительно меньше стоятъ и выходятъ даже дешевле, чѣмъ по пенсу въ недѣлю.

Въ лѣтніе мѣсяцы институтъ почти закрытъ; зато зимою онъ въ полномъ дѣйствіи. Мальчики и юноши, служащіе на сосѣднихъ фермахъ или въ мастерскихъ, собираются сюда по вечерамъ и проводятъ время до 10 часовъ, когда институтъ закрывается. Всего членовъ институтъ считаетъ около 20—25, и они составляютъ между собою разные кружки, такъ-называемые здѣсь клубы. Есть „клубъ" крикетистовъ, клубъ шахматистовъ, клубъ читателей и т. д. Спальныя комнаты отдаются и постороннимъ лицамъ, встрѣтившимъ надобность заночевать въ деревнѣ и не желающимъ остановиться въ кабакѣ. Смотритъ за институтомъ, за чистотой и порядкомъ, почтенная женщина, пользующаяся за свой трудъ даровой квартирой. Высшее же руководство этимъ заведеніемъ принадлежитъ мѣстному викарію, который и является его основателемъ.

VI.

Сынъ смотрительницы института, 18—20-лѣтній юноша, состоитъ нашимъ почтальономъ. Два раза въ день онъ одѣваетъ свое форменное платье: кепи, сюртукъ съ мѣдными пуговицами и штаны съ красными кантами, и дѣлаетъ кругъ по деревнѣ и окрестнымъ поселкамъ, около полудня пѣшкомъ, а вечеромъ на велосипедѣ. Въ полуденный свой обходъ онъ разноситъ почту, а въ вечерній собираетъ ее. Вы стоите у какой-нибудь одинокой фермы, мирно бесѣдуете съ знакомымъ хозяиномъ ея и любуетесь мягкимъ закатомъ солнца—и вдругъ гдѣ-то за угломъ раздается рѣзкій звонъ колокольчика, и къ вашему удивленію фермеръ быстро обрываетъ разговоръ и бѣжитъ въ комнату. Вы съ недоумѣніемъ смотрите кругомъ, не понимая въ чемъ дѣло, но вотъ изъ-за угла показался велосипедистъ, одѣтый въ форму почтальона и съ сумкой за плечомъ, и въ то же время изъ комнаты выбѣгаетъ обратно фермеръ и съ письмомъ въ рукахъ спѣшитъ на встрѣчу велосипедисту. Послѣдній ловко, на лету, хватаетъ письмо и исчезаетъ на своемъ стальномъ конѣ въ сумракѣ вечера, и наша мирная бесѣда опять возобновляется.

Нашъ молодой почтальонъ, однако, не составляетъ собою всего почтоваго учрежденія въ Нетерской Горѣ. Онъ только одно изъ его колесъ. Главнымъ же почтмейстеромъ состоитъ у насъ деревенскій сапожникъ, почтенный старикъ, съ бритыми усами и съ благообразной бородой-лопатой. Его старуха-жена и его дочь, тоже не первой молодости, состоятъ его помощницами. На основаніи договора съ главнымъ почтамтомъ, сапожникъ разно-

ситъ утреннюю почту, продаетъ марки и денежные переводы, принимаетъ заказныя письма, отправляетъ и доставляетъ телеграммы и принимаетъ, и выдаетъ деньги по операціямъ почтовой сберегательной кассы. Телеграфныя обязанности исполняетъ дочь, которая, впрочемъ, передаетъ десять словъ ровно полчаса. Благодаря своимъ разнообразнымъ функціямъ, старикъ-сапожникъ мѣняетъ свой видъ нѣсколько разъ въ день. Утромъ до 8 часовъ вы его видите въ блузѣ съ сумкой черезъ плечо, въ форменной шапкѣ и въ ботфортахъ. Днемъ онъ работаетъ у своей сапожной колодки, въ какой-то ермолкѣ на головѣ, въ фартукѣ и съ засученными рукавами рубашки. Вечеромъ же онъ сидитъ въ „конторѣ", т.-е. въ передней комнатѣ, въ приличной жакеткѣ, и съ спокойнымъ видомъ ученаго или философа подводитъ какіе-то итоги въ большой книгѣ и пересчитываетъ марки и деньги. За свои почтовыя обязанности старикъ получаетъ немного, всего какихъ-то 5 или 6 фунтовъ въ годъ, т.-е. около 50—60 рублей, но зато онѣ доставляютъ ему много заказчиковъ и привлекаютъ въ его лавку, лежащую совершенно въ сторонѣ отъ дороги, множество покупателей на товары, которыми онъ торгуетъ, кромѣ сапожнаго, какъ: писчебумажныя принадлежности, дѣтскія игрушки и книжки и пр. Этотъ-то побочный доходъ, приносимый почтой, и составляетъ главную приманку сапожника.

Такимъ образомъ въ нашей деревнѣ мы получаемъ въ день два раза почту: утромъ въ 8 ч. и въ полдень. Этими же почтовыми удобствами пользуются не только деревни, но и всѣ одиноколежащіе фермы и поселки, разбросанные по всему Кенту и сосѣднимъ ему графствамъ. Въ какой степени главный почтамтъ внимателенъ къ нуждамъ деревенскихъ жителей, я успѣлъ недавно убѣдиться на примѣрѣ съ моимъ пріятелемъ, выстроившимъ себѣ домъ въ верстѣ отъ насъ, на склонѣ горы, въ лѣсу. И вотъ, первымъ дѣломъ моего знакомаго, по переѣздѣ въ свой новый домъ, было написать письмо директору почтъ въ Лондонѣ съ извѣщеніемъ о томъ, какъ названъ домъ и гдѣ расположенъ, и съ просьбой направлять корреспонденцію, адресованную, согласно извѣщенію, въ этотъ именно новый домъ. Черезъ нѣсколько дней изъ Лондона пріѣхалъ чиновникъ и, въ сопровожденіи сапожника-почтмейстера, отправился осмотрѣть мѣстность. А спустя еще нѣсколько дней мой знакомый сталъ два раза въ день аккуратно получать свою почтовую корреспонденцію, при чемъ онъ узналъ, что почтовое вѣдомство за это прибавило восемь пенсовъ въ недѣлю къ жалованью мѣстнаго почтальона, которому приходится теперь дѣлать лишній крюкъ.

Эти мелкія заботы о комфортѣ, объ удобствахъ и пріятности жизни деревенскихъ жителей сквозятъ всюду и вездѣ, не только со стороны почтово-телеграфнаго вѣдомства, но и въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ мѣстныхъ учрежденій, такъ называемыхъ the parish council, the district council и the county council.

VII.

Было бы излишнимъ останавливаться подробно на правахъ и обязанностяхъ каждаго изъ этихъ вѣдомствъ отдѣльно, но говоря о деревнѣ въ Англіи, нельзя не упомянуть, хотя бы въ общихъ чертахъ, о томъ, кто и какъ управляетъ деревней, кто заботится объ удобствахъ ея жителей и передъ кѣмъ она отвѣчаетъ. Отвѣтъ на эти вопросы тѣмъ болѣе умѣстенъ теперь, когда, въ силу законовъ 1888 и 1894 г. о мѣстномъ управленіи (извѣстныхъ подъ названіемъ: The Local Government Act), старые деревенскіе порядки отошли въ вѣчность, и въ англійское мѣстное самоуправленіе, на мѣсто устарѣлыхъ полу-феодальныхъ основъ, введены новые элементы, новая жизнь, новыя цѣли и задачи.

Хозяиномъ деревни, и притомъ полнымъ и безусловнымъ, является сама деревня, все равно—изъ кого бы она ни состояла: изъ богатыхъ ли помѣщиковъ или бѣдныхъ рабочихъ, изъ образованныхъ лицъ либеральныхъ профессій или простыхъ поденщиковъ и мастеровыхъ. Единственное условіе для участія въ ея дѣлахъ, это—жительство въ ней и наемъ помѣщенія или обладаніе недвижимой собственностью.

Первымъ и ближайшимъ къ населенію учрежденіемъ сталъ Parish meeting или Parish council. Первый, это—сходъ, созываемый не менѣе одного раза въ году, а второй это—совѣтъ лицъ, избранныхъ въ болѣе значительныхъ приходахъ этимъ же сходомъ. Насколько эти совѣты, по своему составу, являются полными представителями разнообразныхъ мѣстныхъ интересовъ, видно хотя бы изъ списка лицъ, избранныхъ въ нашемъ union'ѣ (нѣчто въ родѣ волости). Всего въ нашей волости 13 приходовъ (parishes) съ 76 приходскими совѣтниками (ихъ полагается отъ 5 до 15 на совѣтъ), и въ числѣ избранныхъ лицъ мы находимъ 20 фермеровъ, 12 чернорабочихъ (земледѣльческихъ и др.), 5 кабатчиковъ, 3 столяровъ, стрѣлочника, кондукторовъ, мелкихъ собственниковъ (yeoman), кузнецовъ, поѣздныхъ машинистовъ, диссидентскихъ проповѣдниковъ, садовника, лавочника, приказ-

образныхъ интересовъ. Иногда они хлопочутъ о сбавленіи слишкомъ высокой ренты, взимаемой землевладѣльцами съ мѣстныхъ жителей за аренду небольшихъ участковъ земли; иногда они обращаютъ вниманіе помѣщиковъ на безобразное состояніе коттеджей; дѣлаютъ представленія почтовому вѣдомству о нуждахъ почтово-телеграфной службы и т. д.

Эти же мѣстныя власти безпокоятся и о безопасности вашей личности, содержа полицію. Правда, вы этой полиціи никогда не видите, и если сами не ищете ея, то, пожалуй, никогда и не встрѣтите, но она все-таки существуетъ и неусыпно печется о вашей безопасности и неприкосновенности.

Обыкновенно въ каждомъ приходѣ содержатся два-три констебля, которые утромъ и вечеромъ обходятъ порученные имъ участки. Со свойственнымъ всѣмъ англійскимъ констеблямъ спокойствіемъ и важной, нѣкоторой торжественной медлительностью въ движеніяхъ, нашъ деревенскій стражъ тихо шагаетъ въ утреннія и вечернія сумерки по тропинкамъ и дорогамъ, пролегающимъ въ его участкѣ. Никакого оружія онъ съ собой не носитъ, полагаясь исключительно на силу своихъ превосходныхъ мускуловъ и на добропорядочность мѣстныхъ нарушителей законовъ.

VIII.

Нашъ очеркъ деревенской жизни въ Англіи былъ бы далеко не законченнымъ, если бы мы не сказали о тѣхъ посѣтителяхъ, которыхъ въ немаломъ числѣ присылаетъ къ намъ городъ и которые значительно мѣняютъ физіономію деревни.

Наиболѣе распространенными и наименѣе желательными гостями деревни, это—профессіональные нищіе, сдѣлавшіе бродяжничество по деревнямъ своимъ постояннымъ занятіемъ. Такихъ людей вы встрѣтите на каждомъ шагу. Это настоящіе кочевники, живущіе круглый годъ почти подъ открытымъ небомъ или въ палаткахъ. Иные изъ нихъ имѣютъ лошадь или осла, другіе ручную телѣжку, а иные ходятъ просто съ узелками. Они переѣзжаютъ, вмѣстѣ съ семействами, изъ деревни въ деревню, останавливаются на общественной землѣ (common land), которой въ Англіи не мало, и, подъ видомъ исканія работы, занимаются попрошайничествомъ, а подчасъ и воровствомъ. Они обыкновенно извѣстны подъ именемъ цыганъ, хотя въ большинствѣ случаевъ эти цыгане чистѣйшей англо-саксонской крови.

Болѣе шумнаго характера и притомъ исключительно лѣт-

нимъ временемъ бываютъ другіе наши гости, лондонскіе, кентерберійскіе, брайтонскіе и другіе экскурсисты, устроивающіе веселыя поѣздки на „лоно природы“. Въ теченіе всего лѣта, особенно по субботамъ, можно встрѣчать цѣлыя компаніи горожанъ, пріѣзжающихъ въ наши захолустья, любоваться „красотами природы“. Большинство ихъ пріѣзжаетъ по желѣзнымъ дорогамъ, но не мало предпочитаютъ и поѣздку на лошадяхъ, въ большихъ фургонахъ, запряженныхъ четверкой крѣпкихъ лошадей, съ оркестромъ или съ трубачемъ на пастушьемъ рожкѣ. Компанія почти всегда состоитъ изъ рабочихъ, приказчиковъ, конторщиковъ, ремесленниковъ. Ведетъ себя она до-нельзя весело и размашисто, и пріѣхавъ въ какую-нибудь маленькую и тихую деревню, въ родѣ Нетерской Горы, производитъ настоящую ярмарку. Кабакъ оглашается пѣснями, музыкой и криками; величественные парки, тѣнистыя рощи, окружающіе деревню и служащіе главной приманкой туристовъ, засоряются бумагой, бутылками, объѣдками, и нужны все усердіе фермеровъ и ленд-лордовъ, вся бдительность и неусыпность мѣстныхъ властей, чтобы содержать всѣ эти столь часто посѣщаемые парки и рощи, всѣ эти поляны и лужайки, въ той дивной чистотѣ, въ томъ порядкѣ, которыми они такъ отличаются въ Англіи.

Городъ, впрочемъ, высылаетъ въ деревню не однихъ только бродягъ и туристовъ. Бываетъ нерѣдко, что онъ отправляетъ туда и людей, задавшихся извѣстными политическими и соціально-экономическими задачами. Вотъ, напримѣръ, гуляя по дорогѣ, вы замѣчаете, какъ къ деревнѣ поднимается красная крытая повозка, имѣющая видъ чистенькой избушки на колесахъ. Небольшія оконца избушки снабжены шторами. На передкѣ повозки, похожемъ на крылечко небольшой избы, сидитъ кучеръ, а въ открытой двери избушки видны столъ, кровать, скамейки, полки съ книжками, и господинъ, лѣтъ тридцати, въ драповой сѣрой парѣ, въ фланелевой рубашкѣ и съ мягкой шапкой, лежащей блиномъ, на головѣ. Снаружи повозка имѣетъ на себѣ съ обѣихъ сторонъ надпись: „English Land Restoration League“ (лига возстановленія народныхъ правъ на землю, основанная въ срединѣ 40-хъ годовъ). Надпись эта вамъ сразу объясняетъ цѣль и значеніе красной повозки. Очевидно, это разъѣзжаетъ лекторъ, посланный лигой съ цѣлью пропаганды.

Поднявшись въ деревню, повозка останавливается на площади передъ кабакомъ. Кучеръ слѣзаетъ, за нимъ вылѣзаетъ изнутри и лекторъ, который сейчасъ же и начинаетъ обвѣшивать повозку разными печатными плакатами. Тутъ и каррикатуры за

подписью извѣстнаго Cynicus'a, который въ простыхъ и немного грубоватыхъ линіяхъ иллюстрируетъ современное распредѣленіе продуктовъ труда и земли; тутъ можете также прочесть цитаты изъ Генри Джорджа, Дж. Ст. Милля, Рескина и другихъ экономистовъ и мыслителей; можете познакомиться съ послѣдними статистическими данными о поземельной собственности въ Англіи и т. д. Большой листъ, повѣшенный на самомъ видномъ мѣстѣ, между прочимъ, оповѣщаетъ о предстоящей вечеромъ лекціи.

Вскорѣ повозку окружаютъ появившіяся изъ школы дѣти. Они съ любопытствомъ осматриваютъ странную избушку на колесахъ, самого лектора, кучера и даже лошадь.

— Ну, дѣти, хотите подарковъ?—обращается къ нимъ лекторъ.

— Yes, we do!—раздаются хоромъ дѣтскіе голоса.

— Отлично, — произноситъ лекторъ, и, полѣзши въ свою избушку, выноситъ оттуда дѣтямъ цѣлую охапку разныхъ листковъ и картинокъ.

— Смотрите же,—говоритъ онъ, раздавая литературу:—не забудьте сказать родителямъ, что ихъ здѣсь ждутъ къ половинѣ восьмого вечера, да пусть хорошенько почитаютъ эти листки.

Дѣти съ удовольствіемъ берутъ „подарки“ и бѣгутъ домой, а лекторъ, съ видомъ опытнаго человѣка, говоритъ кучеру, въ это время привязывающему лошадь къ корыту позади повозки: „это самые безкорыстные пропагаторы“.

Послѣ этого лекторъ заходитъ въ кабакъ и знакомится съ содержателемъ его. Въ началѣ кабатчикъ смотритъ косо на гостя, но потомъ, узнавъ, что тотъ хочетъ устроить митингъ у кабака, на площади, быстро соображаетъ, что это можетъ привлечь лишнихъ потребителей, и сейчасъ же дѣлается любезнымъ и услужливымъ. Онъ даже идетъ, по приглашенію лектора, осматривать его повозку, восторгается ея устройствомъ, хвалитъ отдѣлку ея. Лекторъ принимаетъ любезность кабатчика за признакъ сочувствія къ цѣлямъ лиги, и начинаетъ излагать передъ нимъ теорію Генри Джорджа, адептомъ котораго состоитъ лига. Кабатчикъ слушаетъ внимательно; но потомъ, когда его гость кончаетъ, онъ внезапно вскидываетъ головой и говоритъ:

— Такъ вы хотите у меня отнять мой кусокъ земли?

— Никто не хочетъ отнять у васъ вашу землю!—восклицаетъ немного озадаченный лекторъ, и опять начинаетъ объяснять кабатчику всю выгодность и необходимость національзаціи земли посредствомъ „single tax“. Но, очевидно, старанія лек-

тора тщетны: собесѣдникъ его качаетъ головой, морщится, иронически улыбается и, наконецъ, произноситъ сквозь зубы: „well well!“ и удаляется быстро къ себѣ въ кабакъ.

Затѣмъ лекторъ начинаетъ осматриваться кругомъ. Онъ узнаетъ, гдѣ кто живетъ, посѣщаетъ то тотъ, то другой коттеджъ, заглядываетъ къ кузнецу, къ лавочнику, на почту. Въ теченіе дня онъ успѣваетъ перезнакомиться почти со всей деревней; собираетъ данныя о рабочей платѣ, объ образѣ жизни рабочихъ, о величинѣ ренты, объ имѣющихся въ деревнѣ общественныхъ учрежденіяхъ, о состояніи жилищъ и пр. и пр. Все это онъ записываетъ и отмѣчаетъ, такъ какъ, по инструкціи лиги, лекторы ея обязаны посылать ежедневные отчеты въ правленіе ея со всевозможными подробностями о посѣщаемыхъ мѣстахъ.

Обѣдаетъ и пьетъ чай лекторъ въ своей подвижной избушкѣ, въ которой поставлена у двери керосиновая кухня.

Вечеромъ, передъ кабакомъ, начинаетъ собираться народъ, мужчины и женщины. Въ половинѣ восьмого лекторъ зажигаетъ лампу съ рефлекторомъ и вѣшаетъ ее у крыши повозки. Самъ онъ становится на „крыльцо“ своей избушки и, начавъ со словами: „Men and women of Nether Hill!“ открываетъ митингъ. Говоритъ онъ около часа. Его немного охрипшій голосъ все это время громко раздается въ вечерней тиши и звонкимъ эхомъ прилетаетъ обратно отъ сосѣднихъ холмовъ. Свѣтъ отъ лампы падаетъ круглымъ блиномъ на передокъ повозки, освѣщая фигуру лектора и нѣсколько дѣтскихъ головокъ, протолкавшихся впередъ всѣхъ и съ любопытствомъ смотрящихъ въ ротъ оратору. Зато остальная часть слушателей кажется укутанной густымъ мракомъ, и съ повозки можно съ трудомъ лишь различить какіе-то темные силуэты, стоящіе поодаль группами. Кое-гдѣ мигнетъ огонекъ велосипедиста, и въ тѣ рѣдкія минуты, когда лекторъ переводитъ духъ, откуда-то доносится фырканье лошади, тихій, но ясный шопотъ слушателей, веселый смѣхъ молодой дѣвушки, чирканье спички. Ораторъ, стараясь, повидимому, говорить просто и понятно, излагаетъ исторію поземельной собственности въ Англіи, доказываетъ юридически и экономически права государства на землю и рекомендуетъ трэдъ-юніонизмъ среди земледѣльческихъ рабочихъ. Рѣчь его встрѣчается безмолвнымъ вниманіемъ, изрѣдка лишь вызывая тихія замѣчанія въ родѣ: „такъ, такъ!“ или „вздоръ!“ Къ девяти часамъ лекція кончается, и лекторъ начинаетъ продавать и раздавать даромъ разные листки и брошюры. Слушатели, очевидно, заинтересовавшись предметомъ, охотно покупаютъ предлагаемую имъ литературу, задаютъ лек-

тору вопросы; затѣваютъ споръ; вступаютъ въ дружескую бесѣду, и лишь къ исходу десятаго часа площадь передъ кабакомъ пустѣетъ окончательно; лампа у повозки тушится, и лекторъ съ сознаніемъ человѣка, бросившаго сѣмя для будущей жатвы, ложится спать съ тѣмъ, чтобы утромъ двинуться въ другой пунктъ, согласно маршруту, предначертанному правленіемъ лиги.

Въ десять часовъ ложатся спать и слушатели нашего оратора. Тушитъ огни и готовится къ отдыху и кабатчикъ, который и съ своей стороны доволенъ митингомъ: пришлось открыть свѣжій боченокъ пива.

Не спитъ одинъ только пасторъ, крайне недовольный пріѣздомъ лектора. Но вотъ церковные часы пробили одиннадцать; удары ихъ гулко раздались по всей окрестности, и пасторъ, какъ бы вспомнивъ о вѣчномъ теченіи временъ и суетѣ мірской, быстро шепчетъ молитву, тушитъ свѣчу и прячетъ свое бренное тѣло подъ мягкое шолковое одѣяло.

С. Р—р—ъ.

БАЛОВЕНЬ СЧАСТЬЯ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

VII *).

Петръ Сергѣевичъ лѣто провелъ въ своей подмосковной. Врачи посылали его за границу, но онъ ихъ не послушался, махнувъ рукой на свое здоровье и предвидя близкій конецъ. Почувствовавъ себя хуже, онъ поѣхалъ въ Москву посовѣтоваться съ медицинской знаменитостью. Но приглашенный къ нему профессоръ успѣлъ только признать безнадежность положенія и получилъ за то радужную. Передъ самымъ концомъ Петръ Сергѣевичъ подозвалъ жену и сказалъ ей слабѣвшимъ голосомъ:

— Анна... я все собирался написать духовную и оставить все тебѣ въ пожизненное... да вотъ не успѣлъ... извини... Впрочемъ, Дима, я думаю, самъ...—Помолчавъ немного, онъ нѣсколько разъ произнесъ, вздыхая:—Бѣдный, бѣдный Дима!..

Что онъ хотѣлъ этимъ выразить — такъ и осталось тайной. Можетъ быть, кто знаетъ, предчувствіе будущаго пронеслось передъ его потухавшею мыслью.

Анна Борисовна, хоть и не любила мужа, была сильно поражена. Что-то неопредѣленно-мучительное, что-то похожее на укоръ совѣсти сжало ей сердце. Всѣ нужныя распоряженія она

---

*) См. выше, іюль, стр. 128.

сдѣлала, однако, съ удивительнымъ присутствіемъ духа. Телеграммы были посланы въ нѣсколько пунктовъ, чтобы захватить Диму въ пути.

Въ деревню она послала нарочнаго за дочерью, и Зину успѣли привезти вò-время.

Вся дрожа отъ волненія, заливаясь истерическими слезами, она стояла на колѣняхъ передъ кроватью умирающаго и блѣдными губами цѣловала его руку, тщетно силившуюся ее перекрестить. И въ ней тоже совѣсть заговорила, и, какъ всегда, она страстно, неудержимо отдалась своему горю. Это было, правда, очень кратковременное горе. Но въ первыя минуты дѣвушка искренно чувствовала, что ее постигла непоправимая утрата. И цѣлые часы потомъ Зина не отходила отъ покойника, читая вслухъ молитвы. Нервы ея были возбуждены до крайности, воспаленные глаза широко раскрыты. Усталости она не чувствовала. Но потомъ вдругъ съ ней опять сдѣлался истерическій припадокъ, и громкія рыданія долго не стихали.

Несмотря на время года и на то, что смерть постигла Петра Сергѣевича въ чужомъ городѣ, на похороны съѣхалось много знакомыхъ. Хоть и велъ онъ затворническую жизнь и занятія его были не громкія, отецъ Димы пользовался большой извѣстностью. Въ числѣ прибывшихъ была и княгиня Тургайская, получившая извѣстіе о смерти въ своей тульской деревнѣ. Никто лучше ея не умѣлъ выразить сочувствіе и успокоить незаурядными словами утѣшенія. Каковы были настоящія вѣрованія княгини, не зналъ хорошенько никто, въ томъ числѣ и она сама.

Но выбрать изъ священнаго писанія подходящее изреченіе и своимъ удивительно красивымъ голосомъ напомнить о необходимости съ покорностью и довѣріемъ преклониться передъ всевышней волей княгиня могла не хуже самой ревностной христіанки. Она догадалась сразу, что всего искреннѣе и глубже чувствуетъ Дима, что хотя его горе не выражается громко, оно глубоко потрясло его сердце. Дима пріѣхалъ наканунѣ похоронъ. Дрожь прошла по всему его тѣлу, когда онъ взбѣгалъ по ступенямъ лѣстницы въ домѣ Варгина, гдѣ остановился Петръ Сергѣевичъ. Было какъ-то особенно тяжело въ послѣдній разъ увидать дорогого покойника среди этой чужой, холодной обстановки меблированныхъ комнатъ, столько разъ видавшихъ зрѣлище людскихъ радостей и людского горя.

Анна Борисовна долго обнимала сына, склонивъ къ нему на грудь заплаканное лицо. Она была необыкновенно красива въ эту минуту. Потомъ бросилась къ нему и Зина, стремительно и

бурно, какъ всегда. А у него только вздрагивало немного лицо. Глаза оставались сухими. И, быть можетъ, кое-кто изъ присутствующихъ осудилъ его мысленно за кажущееся безучастіе, совсѣмъ и не подозрѣвая, какъ тяжело отозвалась на немъ кончина отца, съ которымъ не привелось ему и проститься. Весь остальной міръ словно пересталъ для него существовать въ эту минуту. Даже когда Анна Борисовна передала ему только-что полученную телеграмму княгини Стремниной, онъ пробѣжалъ ее разсѣяннымъ взглядомъ. А княгиня намѣренно упомянула, что за участіе въ семейномъ горѣ Кочетовыхъ принимаетъ ея Мери. Но и это дорогое имя не вывело его теперь изъ оцѣпенѣнія. И когда, въ самый день похоронъ, Анна Борисовна напомнила сыну, что теперь за нимъ очередь распоряжаться, что онъ глава семьи, лицо Димы перекосилось отъ боли, и онъ могъ только отвѣтить, какъ бы отстраняя самый вопросъ объ этомъ.

— Послѣ... послѣ... успѣемъ... Теперь намъ всѣмъ не до этого... Пусть все остается по старому. Не я... ты—глава семьи... все твое, разумѣется...

Мнѣ померещилось, что, услыхавъ эти слова, Анна Борисовна всмотрѣлась въ сына съ особымъ пристальнымъ вниманіемъ.

— Ну, хорошо, пусть будетъ по твоему,—сказала она, отирая слезы:—поговоримъ объ этомъ послѣ.

Это „послѣ“, однако, наступило очень скоро. Неумолимая дѣйствительность, равнодушная къ людскому горю, сторожила Диму съ цѣлой кучей безотлагательныхъ хлопотъ, мелкихъ и крупныхъ вопросовъ, ожидавшихъ немедленнаго разрѣшенія.

Надо было совершить рядъ докучливыхъ законныхъ формальностей, просмотрѣть бумаги, распорядиться на счетъ ближайшаго будущаго.

Петра Сергѣевича послѣ отпѣванія отвезли въ деревню. И едва гробъ опустили въ землю, семья покойнаго была вынуждена оторваться отъ дорогой могилы и подумать о будущемъ. Рѣшено было, что на другой же день Анна Борисовна съ сыномъ и дочерью переѣдутъ въ Петербургъ, чтобы тамъ разобраться съ дѣлами, о положеніи которыхъ никто въ семьѣ не имѣлъ точнаго понятія.

И дѣла эти, какъ я узналъ послѣ, оказались очень запутанными. Несмотря на скромные вкусы Петра Сергѣевича, много лѣтъ сряду Кочетовы жили не по средствамъ, и Анна Борисовна, распоряжавшаяся всѣмъ, не давала себѣ труда подумать, откуда берутся деньги. А Петръ Сергѣевичъ, весь ушедшій въ свои ученыя занятія, съ какою-то равнодушною покорностью, закла-

дывалъ одно имѣніе за другимъ, чтобы удовлетворить вкусамъ жены. И теперь, едва окунулся Дима въ ворохъ обступившихъ его затрудненій, неожиданные долги выростали одинъ за другимъ, грозя подавить своей тяжестью крупное состояніе Кочетовыхъ. До самой смерти отца, Дима совсѣмъ былъ въ сторонѣ отъ денежныхъ вопросовъ. И почти извиняясь передъ матерью за сдѣланное неожиданное открытіе, точно на немъ лежала какая-то вина, онъ бережно сказалъ ей, что имъ придется совершенно измѣнить привычный родъ жизни.

Про все это я узналъ послѣ отъ самого Димы.

— Я, разумѣется, постараюсь,—повторялъ онъ нѣсколько разъ Аннѣ Борисовнѣ: — чтобы ты почувствовала это какъ можно меньше. Но все-таки, я думаю, придется ограничить себя во многомъ...

Анна Борисовна приняла это извѣстіе съ поразительнымъ спокойствіемъ. Ей казалось невозможнымъ, чтобы въ ея привычномъ образѣ жизни можно было что-нибудь измѣнить. Эта умная женщина и не подозрѣвала, какой роскошью она была окружена. И говоря сыну, что вполнѣ довѣряетъ ему, что готова на какія угодно лишенія, она въ то же время, почти съ упрямствомъ ребенка, не хотѣла понять, въ чемъ эти лишенія должны заключаться. Въ общемъ она была согласна на все, а въ частности давала понять Димѣ, что для нея совсѣмъ немыслимо жить при иной обстановкѣ.

— Ты знаешь, кстати,—всматриваясь въ него, сказала Анна Борисовна: — каковы были послѣднія слова твоего отца? Я съ тобой про это еще не говорила... умирая, онъ просилъ у меня прощенія за то...

И Анна Борисовна передала сыну предсмертныя слова мужа.

— Конечно, это не имѣетъ никакой законной силы,—добавила она, какъ бы равнодушно.

— Какъ можешь ты говорить о какой-то законной силѣ?— горячо перебилъ ее Дима. — Да еслибы отецъ этого и не сказалъ, я бы самъ не допустилъ, чтобы между нами могли возникнуть какіе-нибудь вопросы о наслѣдствѣ. Прежде всего надо, чтобы ты, и Зина тоже, никогда не ощущали нужды. Я буду твоимъ управляющимъ — вотъ и все. И постараюсь, насколько могу, поправить дѣла.

Дима, говоря это, бодро глядѣлъ на будущее. Мысль о деньгахъ была такъ далека отъ него, что онъ безъ малѣйшаго колебанія, не задумываясь, отдалъ матери все отцовское наслѣдство. Это было не простое безкорыстіе, а полное равнодушіе къ

денежнымъ вопросамъ. Быть можетъ, въ этомъ сказывалось рѣдкое въ его года, почти ребяческое, непониманіе жизни. Но упрекнуть его за это я не рѣшаюсь.

Молодость его прошла среди такой исключительной обстановки и такъ привыкъ онъ вращаться въ чистой сферѣ умственныхъ интересовъ, что матеріальныя заботы были для него чѣмъ-то совершенно чужимъ и незнакомымъ. Онъ еще не предвидѣлъ, что̀ за тяжелую обузу на себя принимаетъ. Довѣрчивый къ людямъ, онъ ни въ комъ не подозрѣвалъ корыстныхъ побужденій, и, не сомнѣваясь въ успѣхѣ, взялся за непривычное дѣло управленія.

Какъ ни тяжело ему было разставаться съ родными, какъ разъ теперь, онъ рѣшился провести зиму въ деревнѣ и на дѣлѣ выполнить свое обѣщаніе—быть управляющимъ матери.

Задача оказалась не легкою. Долголѣтнее безучастіе Петра Сергѣевича къ дѣламъ слишкомъ ужъ избаловало всѣхъ служащихъ въ имѣніяхъ, и разомъ натянуть вожжи Димѣ оказалось не подъ силу. Очень скоро онъ увидѣлъ, что полумѣрами ничего не подѣлаешь и надо рѣшиться на крупныя жертвы, чтобы спасти хоть часть расшатаннаго состоянія.

А отъ матери онъ получалъ одну за другой настоятельныя просьбы о присылкѣ денегъ. И когда онъ съ болью на сердцѣ писалъ ей, что изъ четырехъ имѣній придется два продать, онъ получилъ въ отвѣтъ, что все она предоставляетъ на его усмотрѣніе и не понимаетъ одного только, какъ можетъ быть трудно, при крупномъ ихъ состояніи, выслать въ Петербургъ какихъ-нибудь десять тысячъ.

Анна Борисовна была, очевидно, совершенно равнодушна къ судьбѣ старинныхъ родовыхъ помѣстій, въ которыхъ видѣла только необходимое средство къ поддержанію обычной широкой жизни. Дима силился заглушить въ себѣ невольно поднимавшійся ропотъ противъ матери. Но мало-по-малу горькая истина все-таки проникала въ его сознаніе.

Всю эту зиму Анна Борисовна не переставала усердно переписываться съ двумя членами французской академіи, которые изумлялись ея глубокимъ и мѣткимъ сужденіямъ объ истинномъ смыслѣ жизни и о жалкой тщетѣ всего земного. А на самомъ дѣлѣ она не умѣла отказать себѣ въ прихотяхъ, безъ которыхъ эта жизнь утратила бы для нея всякую цѣну. Дима выбивался изъ силъ, чтобы распутать затянувшійся узелъ; чѣмъ-то постыднымъ ему казалась распродажа отцовскаго наслѣдства.

Съ цѣлой кучей плановъ на будущее онъ къ Рождеству по-

ѣхалъ въ Петербургъ. Ему предлагали на выгодныхъ условіяхъ продать петербургскій домъ—и этой жертвой онъ надѣялся, быть можетъ, спасти остальное. Но какъ разъ на продажу дома Анна Борисовна согласиться не хотѣла,—это значило вѣдь разстаться со всѣми блестящими воспоминаніями прошлаго. Да и какъ выставить такимъ образомъ на показъ свое разореніе именно теперь, когда Зинѣ предстояло выйти замужъ? Ея женихъ, состоявшій при германскомъ посольствѣ, принадлежалъ къ самой отборной нѣмецкой *знати*. Въ виду такой громкой партіи, нечего было, конечно, и думать о продажѣ дома.—И, кстати,—добавила Анна Борисовна, сообщая обо всемъ этомъ сыну, — къ веснѣ придется собрать крупную сумму на приданое.

Долго Анна Борисовна говорила съ нимъ на эту тему, вся отдаваясь тщеславной радости. Дима упорно молчалъ, оскорбленный до глубины души въ своемъ чувствѣ сыновняго уваженія. Онъ помнилъ съ прошлой зимы жениха сестры, этого вылощеннаго до-нельзя и пустоголоваго потомка одного изъ самыхъ гордыхъ княжескихъ родовъ Германіи. И такого человѣка могла полюбить его дорогая, независимая, умная Зина... И въ минуту полнаго разстройства дѣлъ, когда онъ силится придумать средство избѣгнуть позорной распродажи отцовскихъ имѣній, мать занята однимъ только—боязнью не уронить своего тщеславія передъ знатною родней будущаго зятя...

Но онъ все еще надѣялся на Зину. Онъ не могъ допустить, чтобы сестра въ самомъ дѣлѣ рѣшилась связать себя навѣки съ этимъ накрахмаленнымъ, самодовольнымъ прусскимъ гвардейцемъ, одинъ видъ котораго возбуждалъ въ немъ живѣйшую ненависть.

Объясненіе съ Зиной было для него новымъ ударомъ. Въ ея уклончивыхъ отвѣтахъ, какъ-то избѣгавшихъ рѣшительнаго признанія, любитъ ли она въ самомъ дѣлѣ будущаго мужа, онъ не могъ не увидать боязни сказать ему правду, тайной готовности пожертвовать собой, чтобы стать княгиней Ирренлое.

— Зина,—настаивалъ онъ,—да неужели ты не видишь, что онъ глупъ и мало образованъ, что въ немъ одна только военная и свѣтская дрессировка?.. И ты пойдешь за этого человѣка, пойдешь для того только, чтобы твое имя было напечатано въ готскомъ альманахѣ?..

Онъ не могъ догадаться, по своей мужской правдивости, что только портитъ дѣло этими словами, что напрасно лишь возстановляетъ противъ себя сестру, принуждая ее краснѣть за свой выборъ. Прямыми упреками онъ могъ только укрѣпить Зину

въ тайномъ желаніи, котораго она стыдилась. А рѣзкія выходки противъ жениха тѣмъ болѣе оскорбляли ее, чѣмъ менѣе на самомъ дѣлѣ она этого жениха любила.

Мѣсяцъ, проведенный Димой въ Петербургѣ, былъ для него тяжелой порой. И онъ поспѣшилъ бы раньше уѣхать на свой боевой постъ въ деревнѣ, еслибы его не удерживала возможность часто видѣться съ княгиней Стремниной и ея дочерью. Княгиня ему очень обрадовалась, Мери тоже. Въ ихъ обществѣ онъ находилъ болѣе искренней сердечности, чѣмъ дома. И милая дѣвушка становилась для него еще милѣе, какъ разъ оттого, что въ родной семьѣ онъ испытывалъ столько разочарованія. Они сблизились еще тѣснѣе. И судьба ихъ могла бы рѣшиться теперь же. Княгиня этого, повидимому, ожидала, не разъ ея вопрошающій взглядъ останавливался на молодомъ человѣкѣ. Но могъ онъ развѣ стать объявленнымъ женихомъ Мери Стремниной, не признавшись ея матери въ своихъ измѣнившихся обстоятельствахъ? Княгиня считала его богатымъ, и не сказать ей правды было бы съ его стороны обманомъ. А могъ ли онъ это сдѣлать теперь, когда Анна Борисовна такъ тщательно скрываетъ истинное положеніе ихъ дѣлъ? Да и тайная, полубезсознательная робость его останавливала. Къ чему было, въ самомъ дѣлѣ, спѣшить, когда все еще могло устроиться къ лучшему? И Дима рѣшился отложить объясненіе до лѣта.

VIII.

Къ Пасхѣ, на свадьбу Зины, Дима вернулся въ Петербургъ. Сперва онъ думалъ не присутствовать на вѣнчаніи сестры. Но старинная привязанность взяла верхъ надъ чувствомъ оскорбленнаго раздраженія. Образъ маленькой своевольной шалуньи, которую онъ такъ любилъ съ дѣтства, упорно носился передъ его воображеніемъ, и несказанно больно ему было бы дать ей уйти изъ родного дома, не простившись съ ней. Да и надѣялся онъ тоже снова увидѣть Мери и, кто знаетъ, можетъ быть, сказать ей то рѣшающее слово, которое такъ долго берегъ про себя. Положеніе теперь выяснилось. Самое цѣнное изъ четырехъ имѣній—тамбовское—было продано, и съ частными долгами отца онъ могъ расплатиться. Другое—пензенское—должно было идти въ приданое Зинѣ. Два остальныхъ, симбирское и московское—съ послѣднимъ, гдѣ былъ похороненъ отецъ, онъ ни за что не хотѣлъ разстаться — могли приносить тысячъ до тридцати. Это

было, конечно, далеко отъ того, что̀ недавно еще тратила Анна Борисовна, но при нѣкоторомъ благоразуміи съ ея стороны можно было прекрасно устроиться и съ такими средствами, конечно, подъ условіемъ перемѣны образа жизни и продажи разорительнаго петербургскаго дома. Что̀ останется лично ему и чѣмъ онъ будетъ жить—надъ этимъ онъ не задумывался.

Димѣ казалось очень легкимъ ограничить себя во всемъ и удовольствоваться тѣмъ, что̀ оставитъ на его долю мать.

— Ну, скажи пожалуйста,—засмѣялся Колтовской:—развѣ настоящіе серьезные и, скажу болѣе, умные люди такъ поступаютъ? Во всемъ, что̀ ты разсказываешь, я вижу одно — легкомысліе и сантиментальность. Вотъ, хотя бы подмосковная—ее можно было выгодно продать какому-нибудь фабриканту. А дохода она, разумѣется, не давала.

— Ты забываешь, — отвѣтилъ я: — что это родовое гнѣздо Кочетовыхъ.

— Ну да, ну да, — кажется, оно имъ принадлежало чуть не со временъ Алексѣя Михайловича... и могила отца тоже...— Колтовской пожалъ плечами. — Съ такими соображеніями, разумѣется, далеко не уѣдешь. Одно изъ двухъ—разсчетъ, или нѣжничанье. Первый тѣмъ хорошъ, что его можно точно выяснить, а второе—ну, скажи пожалуйста, какой оно подлежитъ оцѣнкѣ?.. И не глупо развѣ съ пустыми руками, все отдавъ матушкѣ, еще мечтать о женитьбѣ на княжнѣ Мери? Точно не зналъ Кочетовъ, что̀ за люди эти Стремнины?..

— Что̀ прикажешь дѣлать, Колтовской, Дима былъ идеалистъ... Это, конечно, грѣхъ большой... И все-таки, когда, многолѣтъ спустя, мы съ нимъ про все это говорили, онъ не разъ повторялъ, что случись ему вторично пережить свою жизнь, онъ поступилъ бы также... Видишь, братецъ мой, какіе бываютъ чудаки—готовые вновь идти на добровольное горе.

— Надежда увидать Мери Стремнину,—продолжалъ я минуту спустя, — обманула Кочетова. Княгини уже не было въ Петербургѣ. Она уѣхала за границу... И не одно это разочарованіе ожидало его. Мать и сестра были до того охвачены вихремъ тщеславія, что для бѣднаго Димы у нихъ какъ будто даже не оставалось свободнаго времени. Онъ живо чувствовалъ, какъ далеко ихъ настроеніе отъ его собственнаго, и это чувство не давало ему даже сердечно и свободно объясниться съ ними, какъ бывало прежде. Какая-то холодная струя будто отдѣляла его отъ близкихъ. И Димѣ пришлось до конца разъиграть свою оффиціальную роль на вѣнчаніи Зины, выслушивать поздравленія и съ при-

творною дружбой пожимать руку ея мужу, самодовольно улыбавшемуся въ своемъ деревянномъ величіи.

Прощаясь съ сестрой, когда молодые уѣзжали за границу, онъ чувствовалъ, что она вдвойнѣ потеряна для него, что между ними ляжетъ не одно только разстояніе, а глубокій, быть можетъ, непоправимый, разрывъ. — „И хотя бы можно было надѣяться,—думалъ онъ про себя,—что она станетъ счастлива... Но развѣ для такой прямой воспріимчивой натуры счастье мыслимо въ этой искусственной средѣ этикета и спеси“?..

Съ матерью онъ переговорилъ какъ слѣдуетъ уже послѣ отъѣзда Зины. Возбужденіе, охватившее было Анну Борисовну, теперь улеглось, и смѣнило его какое-то странное, небывалое равнодушіе ко всему. Даже петербургскій домъ теперь пересталъ быть для нея дорогимъ, и, убѣжденная доводами сына, она согласилась его продать.

Анна Борисовна тайно признавалась себѣ, что петербургская роль ея окончена, что блестящая свадьба дочери какъ бы послѣдній актъ ея свѣтской жизни. Должно быть, серебряныя нити, которыя она, къ неописанному ужасу, разъ увидала въ своихъ чудныхъ темно-каштановыхъ волосахъ, дотолѣ нетронутыхъ сѣдиной, подсказали ей добровольное отреченіе отъ этой доли. Всѣ ея помыслы увлекали ее теперь за границу, гдѣ были ея настоящія умственныя симпатіи. Ея мѣсто, — говорила она себѣ, — въ той блестящей космополитической толпѣ, которая вѣчно снуетъ по западнымъ столицамъ и лѣтнимъ курортамъ, переходя отъ береговъ Женевскаго озера къ унылому величію Рима, отъ баденскихъ скачекъ къ морскимъ купаньямъ въ Біаррицѣ или Динарѣ. Ей словно казалось, что съ тѣхъ поръ, какъ имя дочери ея попало въ готскій альманахъ, сама она уже сдѣлалась членомъ той международной знати, у которой отечества нѣтъ, и единственныя вѣрованія которой сводятся къ болѣзненно-утонченнымъ вкусамъ.

— И знаешь что, — закончила она длинный разговоръ съ сыномъ:—тебѣ бы перейти въ министерство иностранныхъ дѣлъ... Это было бы самое лучшее. Подумай объ этомъ. Тебя бы назначили куда-нибудь секретаремъ, и я бы стала жить въ томъ же городѣ... По крайней мѣрѣ, большую часть года, — добавила она. — А то здѣсь, въ этомъ скучномъ, вѣчно сыромъ Петербургѣ... — и горькая складка, въ которой сказывалось что-то утомленное и презрительное, обрисовалась въ углахъ ея губъ.

— Какъ! бросить Россію? — воскликнулъ Дима: — бросить имѣнія?..

— Да вѣдь тебя самого всѣми твоими вкусами тянуло на Западъ. Ты любишь искусство, а здѣсь о немъ только говорятъ, да и то вкривь и вкось... А что касается имѣній, — развѣ это по твоей части? Ты, я думаю, бѣдный мой Дима, жестоко проскучалъ всю зиму въ деревнѣ... Найди хорошаго управляющаго. Да и потомъ, когда ты женишься на Мери, она тоже, я думаю, будетъ рада не жить въ Россіи.

Но Дима упорно качалъ головой. Почему-то именно теперь родина ему стала вдвойнѣ дорога. Разстаться съ ней, бросить на произволъ судьбы отцовское наслѣдство, ему казалось почти измѣной. И онъ былъ увѣренъ, что Мери, когда онъ откроется ей, пойметъ это, какъ нельзя лучше и охотно раздѣлитъ съ нимъ обязанности и заботы, какія на него возложила судьба. Съ этою мыслью онъ въ половинѣ апрѣля уѣхалъ опять въ симбирское имѣніе, намѣреваясь въ началѣ осени отправиться въ Баденъ, гдѣ будетъ тогда княгиня Стремнина.

IX.

— То, что̀ имѣю еще разсказать вамъ, я узналъ уже гораздо позднѣе, и узналъ не отъ самого Димы. Не моя вина, коли разсказъ выйдетъ сбивчивымъ и неполнымъ.

Въ концѣ августа Кочетовъ пріѣхалъ въ Баденъ. Первымъ его дѣломъ было отправиться къ княгинѣ Стремниной. У нея была собственная вилла на ѣосогорѣ, недалеко отъ Лихтентальской аллеи. Дима засталъ ее одну. Княгиня его приняла какъ родного, назвавъ даже разъ „mon cher enfant“. Нечего было, конечно, объяснять ей, зачѣмъ пріѣхалъ Дима. Для нея было совершенно ясно, что онъ сдѣлаетъ предложеніе Мери, и она дала ему недвусмысленно понять, что въ согласіи не можетъ быть сомнѣнія.

— Прежде всего, Дима, вы должны мнѣ обѣщать у насъ завтра отобѣдать. Мы будемъ совершенно одни, и вы можете наговориться съ Мери сколько угодно. Какъ жаль, что ея нѣтъ дома сегодня. Она отправилась въ горы съ однимъ англійскимъ семействомъ... Ну, что ваша мать, ваша сестра?.. Имѣете вы отъ нея извѣстія? Она счастлива, конечно? Милая Зина, она такъ заслуживаетъ быть счастливой...

Дима пробормоталъ что-то въ отвѣтъ, что̀ княгинѣ угодно было принять за благопріятное извѣстіе о судьбѣ Зины. На самомъ дѣлѣ, братъ ничего положительнаго о ней сказать не

могъ. Ея нечастыя письма говорили очень много о людяхъ, которыхъ она встрѣчала, о живописныхъ мѣстахъ, ею видѣнныхъ; искрами мелькали въ нихъ иной разъ остроумныя, а то и шальныя мысли, но о себѣ самой, о своемъ внутреннемъ мірѣ она не говорила почти ничего. Впрочемъ, княгиня спрашивала про Зину больше изъ любезности. Въ эту минуту она интересовалась только ея братомъ и обратилась къ нему съ новымъ рядомъ вопросовъ. — Ну, а вы какъ провели эту зиму, бѣдный мой? Мнѣ очень васъ было жаль. Знать, что вы тамъ, въ глуши, и возитесь съ этими скучными дѣлами... Это было, право, ужасно! Воображаю, какъ вамъ было тяжело... И какъ это хорошо съ вашей стороны, какъ благородно!.. Вы получили мое письмо, не правда ли? И Мери тоже хотѣла вамъ писать, но я не позволила.

Самая милая, ободряющая улыбка сопровождала эти слова, очевидно говорившія молодому человѣку: вы можете высказаться... препятствій съ моей стороны нѣтъ никакихъ.

И Дима какъ нельзя лучше понялъ этотъ недоговоренный смыслъ любезныхъ разспросовъ княгини. Онъ слегка пододвинулъ свой стулъ къ ея кушеткѣ и сказалъ ей то самое, чего она ожидала отъ него давно. Съ первыхъ же словъ она его остановила.

— Ну да, ну да,—разумѣется... Голосъ ея слегка дрожалъ отъ волненія—отъ того благовоспитаннаго волненія, которое въ рѣшительныя минуты охватываетъ умныхъ и разсчетливыхъ матерей. Она притянула къ себѣ обѣими руками слегка наклоненную голову Димы и поцѣловала его въ лобъ.

— Милый мой... добрый,—шептали ея красивыя губы. — Она будетъ съ вами счастлива... Я увѣрена въ этомъ... Она у меня такая хорошая, честная, прямая... Поговорите съ ней завтра сами... Вы знаете,—добавила она чуть-чуть вздохнувъ,— молодыя дѣвушки не любятъ узнавать про это отъ матерей...

Лицо княгини сіяло. Она даже не считала нужнымъ скрывать своей радости. И тотчасъ она заговорила о будущемъ, какъ бы невольно рисуя себѣ это будущее въ воображеніи.

— Вы гдѣ думаете жить?—спросила она:—въ Петербургѣ? за границей?

— Это будетъ зависѣть отъ Мери,—отвѣтилъ молодой человѣкъ, съ радостью въ эту минуту отдававшій свою волю въ полное распоряженіе невѣсты. Волна счастья, вливавшаяся къ нему въ сердце, не давала думать о завтрашнемъ днѣ.—Я увѣренъ, что наши вкусы сойдутся...

Такъ они проговорили еще съ полчаса, совершенно отдавшись своему радужному настроенію. Но Димѣ предстояло иное, болѣе прозаическое, объясненіе съ княгиней. Онъ не могъ оставить ее въ невѣдѣніи о настоящемъ положеніи своихъ дѣлъ. Съ полной откровенностью онъ признался княгинѣ во всемъ.

Она выслушала его молча, и боязливая тревога, съ которой молодой человѣкъ слѣдилъ за выраженіемъ ея лица, не разгадала, что̀ скрывали отъ него безмятежныя черты матери Мери.

— Я долженъ былъ васъ предупредить объ этомъ. Вы, можетъ быть, думали, какъ думаютъ всѣ, что я очень богатъ, и оставить васъ въ этомъ заблужденіи было бы...

— Конечно, конечно...—перебила она его:—вы поступаете очень благородно, Дима... Иначе вы поступить бы и не могли...

Она оглянулась и посмотрѣла на часы. Было пять.

— Какъ жаль, что Мери не возвращается. Она, должно быть, не будетъ къ обѣду, и останется весь вечеръ съ этими англичанами... Итакъ, до завтра, милый, милый Дима!!.. — Она еще разъ поцѣловала его въ лобъ, но уже чуть-чуть похолоднѣе, чѣмъ въ первый разъ.

Когда, на слѣдующій день, въ седьмомъ часу, Дима опять входилъ въ гостиную княгини, онъ увидѣлъ тамъ, къ своему удивленію, нѣсколькихъ гостей. И припомнивъ, что̀ она говорила ему наканунѣ, онъ сразу понялъ, что это былъ дурной знакъ. На самомъ дѣлѣ ему не нужно было и этого знака, чтобы догадаться о вѣроятномъ крушеніи своихъ надеждъ. Онѣ разлетѣлись въ дымъ, едва онъ оставилъ домъ княгини послѣ вчерашней бесѣды. Онъ понялъ вдругъ, что̀ означало неподвижное выраженіе ея лица, и этотъ не столь уже радушный поцѣлуй, и выраженное опасеніе, что дочь ея не вернется до вечера... Приняли его, впрочемъ, какъ нельзя лучше... Блестящіе глаза Мери и улыбка на ея губахъ были исполнены такого же очарованія, какъ всегда, и пожала она ему руку совсѣмъ по-дружески.

— Я ужасно сожалѣла, что вчера меня не было дома,— сказала она при этомъ совсѣмъ просто.

Княгиня представила его гостямъ—одной англійской дамѣ и двумъ австрійскимъ дипломатамъ, отрекомендовавъ какъ давнишняго, хорошаго друга ихъ семьи.

— А княгиню, Софью Викторовну, я думаю, вы знаете,— добавила она улыбаясь.

Княгиня Тургайская, когда вошелъ Дима, сидѣла поодаль, вся погруженная въ какой-то альбомъ. Теперь она поднялась, живо протягивая руку молодому человѣку, и Дима тотчасъ ска-

залъ себѣ, что въ ласкѣ ея красивыхъ глазъ было что-то совсѣмъ иное, былъ привѣтъ болѣе искренній и сердечный, чѣмъ въ любезныхъ словахъ княгини и ея дочери. Они не видались съ самыхъ похоронъ отца Димы. Софья Викторовна провела зиму въ Италіи.

— Представьте себѣ, — говорила она ему, — мы живемъ въ одной гостинницѣ, и я этого даже не знала... Иначе я не пропустила бы цѣлый день, не повидавшись съ вами...

За обѣдомъ Диму усадили между нею и Мери. И княгиня Тургайская до того завладѣла имъ, что съ своей, болѣе юной, сосѣдкой онъ не успѣлъ и переговорить. Два-три раза онъ только обмѣнялся съ нею нѣсколькими словами. И всего страннѣе было Димѣ чувствовать, что его даже не тянетъ переговорить съ Мери, какъ слѣдовало. Между ними, а можетъ быть только въ немъ самомъ, въ его воображеніи, какая-то преграда выростала, дѣлавшая ихъ чужими другъ для друга. Дима не могъ уловить, откуда взялось это впечатлѣніе, но все сильнѣе въ немъ сказывалась боязнь, почти даже увѣренность, что не услыхать ему отъ молодой дѣвушки того, что онъ такъ жаждалъ услышать.

Разговоръ за столомъ, между тѣмъ, все оживлялся и подъ конецъ сталъ общимъ. И благодаря Софіи Викторовнѣ это былъ совсѣмъ незаурядный разговоръ. Суетныхъ вопросовъ дня и мелочныхъ сплетенъ онъ не касался вовсе. Говорили о послѣдней оперѣ Вагнера, о новомъ направленіи въ живописи, о возвращеніи изящной литературы отъ натурализма къ эстетикѣ. Всѣ эти люди, изъѣздившіе Европу вдоль и поперекъ, будто имѣли одно общее имъ всѣмъ отечество—культъ искусства. Одинъ Кочетовъ не принималъ въ бесѣдѣ почти никакого участія. Оживленіе прочихъ съ какой-то все возроставшей тяжестью ложилось къ нему на душу. Софья Викторовна замѣтила его странную молчаливость, и удивленно спросила:

— Что съ вами? Развѣ васъ перестало интересовать все это?

Онъ попробовалъ улыбнуться, и пробормоталъ въ отвѣтъ что-то неопредѣленное. Княгиня посмотрѣла на него внимательно, и не повторила вопроса. А Дима, слушая, какъ непринужденно говорила Мери о своемъ недавнемъ путешествіи въ Италію, куда Стремнины ѣздили весной, переживалъ тяжелыя минуты. И когда Мери, обратившись къ нему, сказала вдругъ:

— Мы побывали съ мама въ такихъ мѣстахъ, куда, я увѣрена, вы и не заглядывали. Въ этихъ маленькихъ итальянскихъ городахъ, куда большинство путешественниковъ и не заѣзжаетъ никогда, столько неожиданнаго и интереснаго...

— Да... — отвѣтилъ онъ разсѣянно: — я непремѣнно туда когда-нибудь поѣду...

— Вотъ и прекрасно! — сказала княгиня Тургайская: — я васъ ловлю на словѣ. Осенью я собираюсь опять въ Италію. И не я одна... насъ ѣдетъ цѣлое общество. И вы непремѣнно должны поѣхать съ нами. Это будетъ цѣлый рядъ открытій...

Дима только слегка кивнулъ головой, думая совсѣмъ о другомъ. Онъ вспоминалъ свой послѣдній разговоръ съ Мери, прошлой зимой, когда они были, казалось, такъ искренно близки другъ съ другомъ. Рука его чувствовала еще пожатіе ея мягкой ручки, и онъ спрашивалъ себя съ болѣзненнымъ изумленіемъ, какъ могутъ такъ научиться лгать эти молодыя, невинныя губы, эти глаза, исполненные чистаго блеска юности. Неужели никакого сердца не было у этой, дышавшей сердечностью, дѣвушки? И то, что онъ принималъ за искреннее участіе, за тонкое изящество натуры, было только дрессировкой старательнаго воспитанія.

Вскорѣ послѣ обѣда англійская лэди увела съ собою Мери, попросивъ молодую дѣвушку показать ей садъ. Диму удержала княгиня-мать, впутавъ его въ какой-то политическій разговоръ съ дипломатами. И должно быть невысокаго мнѣнія о немъ остались эти господа, до того не впопадъ выходили его разсѣянныя слова. Теперь, когда Мери не было съ нимъ, его неудержимо потянуло къ ней. И хотя онъ уже не сомнѣвался въ томъ, что ему придется отъ нея услышать, ему болѣзненно хотѣлось этого послѣдняго, непоправимаго удара. Княгиня Тургайская будто угадала его желаніе, и предложила ему сойти вмѣстѣ въ садъ.

Софья Викторовна уже не сомнѣвалась въ томъ, что происходило въ душѣ молодого человѣка. Романъ Димы не былъ для нея тайной, и она догадывалась, что присутствуетъ при развязкѣ. Имъ не долго пришлось отыскивать обѣихъ дамъ.

Едва они вчетверомъ пошли вмѣстѣ по аллеѣ, княгиня намѣренно увела впередъ англичанку, оставивъ молодого человѣка вдвоемъ съ Мери. Онъ поднялъ на дѣвушку заблестѣвшій отъ сдержаннаго негодованія взглядъ, и спросилъ:

— Княжна, вы знаете, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ, или если не знаете,—горькая усмѣшка показалась на его губахъ,—то догадываетесь по крайней мѣрѣ?..

— Да развѣ нужна особая причина, чтобы пріѣхать въ Баденъ?—спросила Мери.—Здѣсь, въ эту пору года, вся Европа бываетъ...

Онъ молча посмотрѣлъ на нее, и глаза дѣвушки опустились передъ его упорнымъ взглядомъ.

— Я не имѣю возможности, подобно вамъ,—заговорилъ онъ опять, спустя минуту, — путешествовать только для своего удовольствія. Я оторвался отъ своихъ занятій не для того, чтобы бывать тамъ, гдѣ вся Европа. Я хотѣлъ узнать... узнать положительно,—съ рѣшимостью отчаянія добавилъ онъ,—думаете ли вы все еще, какъ думали прошлою зимою, когда увѣряли меня, что васъ не страшитъ деревенская жизнь.

У молодой дѣвушки въ эту минуту, должно быть, заговорило раздраженіе. Дима хотѣлъ поставить ее въ противорѣчіе съ ней самой, и за это надо было его наказать.

— Можетъ быть, я вамъ и говорила что-нибудь въ этомъ родѣ... — сказала она. — Теперь я убѣдилась, что деревенская жизнь не по мнѣ...

Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

— Дмитрій Петровичъ!—сказала она:—вы заставляете меня быть невѣжливой... Пойдемте скорѣе... надо догнать княгиню, Софью Викторовну.

— Я думаю, княжна,—отвѣтилъ онъ, весь вспыхнувъ:—что мое общество для этого будетъ совершенно излишнимъ. Вы догоните княгиню и безъ меня...

И поклонившись ей, онъ удалился быстрыми шагами, не заходя болѣе въ домъ. Онъ чувствовалъ то, что̀ испытываетъ каждый, кому въ первый разъ пришлось извѣдать суровую изнанку жизни. Къ собственному личному горю примѣшивалось иное, болѣе высокое и чистое,—горе по разбитому кумиру, по утраченному довѣрію къ людямъ.

Пока онъ шелъ по Лихтентальской аллеѣ, его нагнала коляска княгини Тургайской.

— Кочетовъ! это вы?—остановивъ кучера, подозвала его княгиня. — Хотите я васъ довезу?

Въ первую минуту онъ думалъ отказаться. Но тутъ же припомнилъ, какъ сердечно всегда относилась къ нему Софья Викторовна, какъ радушно она встрѣтила его и сегодня. А какъ разъ теперь, когда его постигло неожиданное горе, онъ такимъ одинокимъ себя чувствовалъ среди людей, и такъ сильно въ немъ заговорила потребность въ чьемъ-либо искреннемъ участіи. Мать его была далеко, сестра тоже, а мягкій, серебристый голосъ княгини звучалъ такъ дружески, ласково...

— Могу я у васъ спросить, княгиня,—сказалъ онъ, садясь рядомъ съ нею,—и пожалуйста не удивляйтесь моему нескром-

ному вопросу, — когда вы получили приглашеніе на сегодняшій обѣдъ?

— Да всего только вчера вечеромъ. Это устроилось, кажется, совсѣмъ невзначай.

„Сомнѣнія нѣтъ! — подумалъ Дима: — чужіе были приглашены для того только, чтобы избѣгнуть неловкаго объясненія“...

И новая волна горькаго чувства захолонула ему сердце. А ясные глаза Софьи Викторовны не переставали смотрѣть на него съ тѣмъ неподдѣльнымъ участіемъ, какое встрѣчается только у избранныхъ натуръ, недоступныхъ мелкимъ ощущеніямъ равнодушнаго любопытства. Княгиня догадывалась, что̀ произошло у Стремниныхъ. И Дима это понялъ сразу. Но ему не тяжело было знать, что его тайна извѣстна этой умной, проницательной женщинѣ. Она была вѣдь не изъ тѣхъ, которые могутъ холодною рукой небрежно коснуться чужого наболѣвшаго горя. Княгиня хорошо понимала, что утѣшать Диму еще не наступило время. Въ такую минуту, когда въ жизни оказывается вдругъ пустое мѣсто, какъ разъ тамъ, гдѣ было дорогое святилище сердца, надо прежде всего постараться замѣнить прошлое, навѣки погибшее, чѣмъ-нибудь новымъ.

Дима былъ глубоко оскорбленъ разочарованіемъ въ любимой дѣвушкѣ, и надо было его оскорбленному сердцу дать единственное пригодное лекарство—сознаніе, что онъ не всѣми покинутъ, что есть у кого искать довѣрія и сочувствія.

— Знаете что̀, Дима,—извините, что я васъ называю такъ, —заговорила княгиня,—вы были ребенкомъ, когда мы познакомились, и я, кажется, почти на десять лѣтъ васъ старше...

Княгиня немножко убавляла разницу въ лѣтахъ.—Знаете что̀, вы, должно быть, не щадили себя это время и переутомились. Вамъ отдохнуть надо, право!.. А то почти цѣлый годъ провести въ деревнѣ одному и возиться съ такимъ чужимъ для васъ дѣломъ, какъ хозяйство... Я много журила вашу мать за то, что она позволила вамъ такъ пожертвовать собой для нея и для Зины... Не возражайте мнѣ, пожалуйста!—остановила она его протестующій отвѣтъ.—Я вѣдь знаю, какъ вы поступили, и я очень, очень была сердита за это на вашу мать. Сыновняя любовь—прекрасное дѣло, но злоупотреблять ничѣмъ не слѣдуетъ, и каждый имѣетъ право на свою долю жизненнаго счастья... Я бы вамъ очень совѣтовала не спѣшить возвращеніемъ въ Россію. Вамъ бы хоть осень провести на югѣ и набраться болѣе свѣтлыхъ впечатлѣній, чѣмъ этотъ вѣчный скучный вопросъ о деньгахъ и это несносное хозяйство...

Говоря это, она улыбалась, какъ улыбаются больному ребенку. И Дима былъ тронутъ ея внимательной заботливостью. Онъ самъ говорилъ себѣ часто, что за послѣднее время докучливый вопросъ о деньгахъ, котораго онъ прежде не зналъ вовсе, занялъ въ его жизни слишкомъ ужъ большое мѣсто.

Цѣлыхъ два часа провелъ онъ въ этотъ вечеръ у княгини, сидя вдвоемъ съ нею на балконѣ. Ихъ тихой задушевной бесѣдѣ будто вторилъ едва внятный, хоть и неумолкавшій, голосъ ручья, не перестававшаго журчать у ихъ ногъ. Софья Викторовна много разспрашивала молодого человѣка о его деревенскихъ впечатлѣніяхъ и много тоже говорила о видѣнномъ ею въ Италіи.

— Искусство, повѣрьте мнѣ,—сказала она, между прочимъ, —это единственный неистощимый источникъ наслажденій. Оно обмануть не можетъ. И въ немъ каждый находитъ, что̀ ему нужно, и сочувствіе къ собственному горю и ободреніе для будущаго. Вы, кажется, на него махнули рукой, Дима, это нехорошо. Нужды нѣтъ, что вы сами не будете художникомъ. Это книга, открытая для всѣхъ, хотя не каждый ее одинаково понимаетъ. А вы изъ тѣхъ, кто способенъ понимать многое, пожалуй даже и все...

Дима чувствовалъ, что откуда-то миромъ на него повѣяло. Его ожесточенное сердце смягчалось понемногу, уступая потребности высказаться вполнѣ. И Дима все высказалъ Софьѣ Викторовнѣ, какъ зародилась его любовь, какъ она росла и какъ ее немилосердно смяли.

Княгиня слушала молча, вся,—ласковое, нѣжное вниманіе, и сказала только, когда онъ кончилъ:

— Я утѣшать васъ не стану. Знайте одно только, Дима— говорю вамъ это по опыту—горе нужно человѣку. И тотъ, кто не прошелъ черезъ эту школу, никогда не узнаетъ настоящаго счастья. Вѣрьте мнѣ пока на слово... Когда-нибудь вы со мною согласитесь... А теперь до свиданія... Мы увидимся завтра...

X.

Дима не долго оставался въ Баденѣ. Уже три дня спустя княгиня Софья Викторовна увезла его съ собою въ Байрейтъ, гдѣ должно было происходить торжественное представленіе Нибелунговъ подъ руководствомъ самого Вагнера.

— Вамъ надо набраться новыхъ впечатлѣній!—убѣждала

его княгиня:—А ничто такъ много ихъ не даетъ, какъ вагнеровская музыка, особенно въ этой обстановкѣ. Вагнеръ—это вѣдь цѣлый океанъ звуковъ... и океанъ мыслей тоже... По моему, это даже своего рода леченіе!

И леченіе какъ будто подѣйствовало. Послѣ ряда вечеровъ, проведенныхъ въ байрейтскомъ театрѣ среди могучихъ волнъ шумнаго вагнеровскаго оркестра, Дима былъ точно перенесенъ въ иную, умиротворяющую сферу, гдѣ въ громѣ аккордовъ какъ-то стихаютъ душевныя грозы. И княгиня была, можетъ быть, права, говоря ему, когда они только-что выслушали послѣднюю часть Нибелунговъ, что настоящая жизнь только въ искусствѣ, потому что оно одно даетъ полноту безусловно чистыхъ ощущеній, доступныхъ человѣку тамъ только, гдѣ онъ отрѣшается отъ дѣйствительности.

— Вы напрасно усомнились въ своемъ призваніи,—твердила ему Софья Викторовна, сидя съ нимъ на террасѣ маленькаго отеля подъ навѣсомъ яркаго звѣзднаго неба:—вы не для будничной жизни созданы, съ ея напрасными и дрянными тревогами. Я видѣла это, когда вы тамъ, въ театрѣ, слушали эту дивную музыку. Ваше лицо совсѣмъ преобразилось. Съ него исчезло напряженное, болѣзненное выраженіе, такъ пугавшее меня въ Баденѣ.

Онъ внималъ ея словамъ, не совсѣмъ вѣря имъ, но давая княгинѣ понемногу убаюкивать свое горе. Она долго и краснорѣчиво говорила ему о той неувядаемой красотѣ, о тѣхъ высшихъ радостяхъ, которыя знаетъ одно искусство.

— Я сама счастлива оттого только,—повторяла она не разъ,—что я въ жизни отъ людей не просила счастья. Искусство не измѣнитъ никогда. Оно безконечно, какъ вѣчность, и неистощимо, какъ божество. И вотъ, что я вамъ предложу, Кочетовъ: отсюда я завтра поѣду на Женевское озеро, гдѣ все наше общество соберется, чтобы вмѣстѣ отправиться въ Италію. Мы посѣтимъ такія мѣста, гдѣ путешественники рѣдко бываютъ. Мѣста, гдѣ есть одно только прошлое, и нелѣпая современная жизнь не тревожитъ его величія... Мы начнемъ съ Феррары, потомъ заѣдемъ въ Равенну, въ Фаэнцу, въ Римини... Вы увидите, сколько васъ тамъ ждетъ незнакомаго и замѣчательнаго...

Онъ далъ себя уговорить. Общество, съ которымъ должна была отправиться княгиня, оказалось въ самомъ дѣлѣ очень замѣчательнымъ. Двѣ русскихъ дамы—одна немного восторженная, другая склонная къ насмѣшливости, но обѣ очень умныя; нѣмецъ-профессоръ, большой знатокъ древностей, католическій аббатъ,

удивительно хорошо разсказывавшій анекдоты, подчасъ довольно скабрезные; старый французъ легитимистъ, до такой степени вѣжливый, что всѣмъ становилось какъ будто совѣстно, и одна англійская лэди, вѣчно путешествовавшая безъ мужа и дѣтей, хотя почему-то считалась образцовой супругой и матерью,—вотъ изъ кого состояло это общество.

За недѣлю, проведенную этими господами въ одномъ швейцарскомъ отелѣ, всѣ его члены невольно подружились, оттого, должно быть, что шероховатостей у нихъ не оказывалось никакихъ, и вѣчная толкотня среди представителей самыхъ различныхъ національностей, должно быть, отшлифовала ихъ въ совершенствѣ. И Димѣ пришлось ощутить на себѣ мягкую, но все же непреодолимую власть этого, вполнѣ спѣвшагося, кружка. Иногда онъ тяготился этой совмѣстной жизнью съ утра до вечера, и ему хотѣлось остаться наединѣ съ своимъ горемъ, но маленькая неволя, въ которой онъ очутился, оказала на него полезное дѣйствіе, не давая углубиться въ себя. А когда къ этой изящной сутолокѣ прибавился болѣе могучій интересъ памятниковъ старины, которые всѣ эти люди поѣхали изучать, онъ въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ, что ему легче стало, что зодчіе и художники эпохи Возрожденія какъ будто ему сродни, и горе его словно таетъ въ мирныхъ лучахъ безсмертной красоты ихъ произведеній.

И понемногу иное чувство въ немъ тоже сказывалось. Дима входилъ во вкусъ той изысканной умственной жизни, которой дышало общество княгини и ея спутниковъ. Въ молодомъ человѣкѣ пробуждались снова заглохшія-было на время стремленія юности. Простоять нѣсколько минутъ въ сладкомъ забытьѣ передъ картиной Боттичелли или Мазаччіо, впивая въ себя ощущеніе дивной чистоты этихъ линій, безгрѣшнаго очарованія этихъ ликовъ до-рафаэлевскихъ мадоннъ, и потомъ услышать незаурядную, мѣткую оцѣнку изъ красивыхъ женскихъ устъ, способныхъ мигъ спустя поразить неожиданной смѣлостью какого-нибудь парадокса, остроуміемъ бойкой, иногда сумасбродной мысли,—это было въ самомъ дѣлѣ рѣдкое, драгоцѣнное наслажденіе. Дима какъ бы пьянѣлъ отъ того особаго раздраженія нервовъ, похожаго на запахъ тончайшихъ духовъ, въ которомъ есть и освобожденіе отъ грубой будничной жизни, и какая-то своеобразная, далеко не всѣмъ доступная отрава. И постоянно видѣть ту, которая всегда готова была расточать ему это наслажденіе, слышать ея мелодичный, умный голосъ,—становилось для него потребностью. Онъ бы не могъ изъ-за какой-нибудь другой дѣ-

вушки позабыть Мери Стремнину, хотя бы судьба и натолкнула его на молодое существо, несравненно болѣе обольстительное. Разсѣять его горе могли только впечатлѣнія совершенно иного порядка, и онъ находилъ ихъ теперь въ затѣянномъ княгиней Тургайской артистическомъ путешествіи.

— Я удивляюсь, право, вашему эклектизму, княгиня,—замѣтила ей разъ, въ присутствіи Димы, насмѣшливая русская дама, когда они только-что выходили изъ собора въ Перуджіи.—Вы готовы цѣлыми часами любоваться этими костлявыми мадоннами, которыя будто сорокадневный постъ только-что выдержали. И, рядомъ съ этимъ, вамъ нравятся венеціанцы, съ ихъ чувственной живописью. Какъ вамъ это удается примирять?

— Да очень просто!—улыбнулась княгиня.—Абсолютнаго въ искусствѣ нѣтъ. Его интересъ какъ разъ въ томъ, что оно такъ разнообразно и, стало быть, такъ несовершенно. Отдѣльныя произведенія—тоже, что отдѣльныя ноты въ музыкѣ, а гармонія создается изъ разныхъ звуковъ. Каждый художникъ убѣжденъ, что онъ достигаетъ идеала — и конечно ошибается... А намъ дано заразъ наслаждаться ихъ разнообразными попытками.

Французъ-легитимистъ чуть-чуть было закипятился. Vous poussez l'impartialité presque jusqu'au cynisme et si l'on appliquait cela à la politique...

— На политику мы не любуемся, мы отъ нея только страдаемъ,—отвѣтила Софья Викторовна,—а въ искусствѣ всѣ принципы законны, именно потому, что оно внѣ жизни. Доказать оно вѣдь ничего не можетъ и не берется...

— Не слушайте, молодой человѣкъ, не слушайте!—сказала Димѣ восторженная дама:—вы совершенно развратитесь отъ такихъ рѣчей...

— Но позвольте, однако, — сказала Софья Викторовна,— огромное большинство этихъ картинъ, что̀ представляютъ?—религіозныя темы. А какъ разнообразно онѣ ихъ представляютъ, хотя всѣ онѣ навѣяны духомъ той же единой, нераздѣльной церкви.—Развѣ я не права?—обратилась она къ аббату.

— Церковь прощаетъ ереси въ искусствѣ, — отвѣтилъ тотъ улыбаясь.

— Нѣмецъ-профессоръ сказалъ очень глубокомысленную фразу, которой никто, въ томъ числѣ и онъ самъ, хорошенько не понялъ. Англійская лэди замѣтила съ сильнымъ британскимъ акцентомъ:

— Il ne faut pas trop approfontir ni l'art, ni même la vie... L'essentiel—c'est d'avoir le plus d'impression possible...

— Хорошихъ или дурныхъ впечатлѣній?—переспросила насмѣшливая дама:—или вамъ это все равно...

— Развѣ мы знаемъ—что̀ хорошо, что̀ дурно?—въ свою очередь сказала княгиня Тургайская.—Мы едва въ состояніи сказать, что̀ уродливо, что̀ красиво, да и то мы не всегда понимаемъ, отчего.

Этимъ и закончился споръ, не приведя ни къ чему, какъ всѣ споры объ искусствѣ. Имъ всѣмъ ничего и не хотѣлось доказать. Имъ нравилась та неопредѣленность убѣжденій, среди которой такъ свободно обращался ихъ избалованный умъ.

Путешествіе приходило къ концу. Въ Римѣ, куда они поѣхали изъ Перуджіи, общество предполагало разстаться. Минута разставанія съ княгиней наступала и для Димы. И сидя съ ней вечеромъ въ обширной гостиной стариннаго палаццо, превращеннаго въ отель, онъ грустно любовался уходившими въ блѣдное небо колокольнями церкви Trinità dei Monti и строгими линіями старинныхъ домовъ, столько видѣвшихъ на своемъ вѣку грознаго и величественнаго, что, казалось, никакія перемѣны въ судьбѣ народовъ ихъ удивить не могли, и само итальянское солнце не могло развеселить ихъ равнодушной угрюмости...

Въ то же утро почта привезла Димѣ давно ожидаемое письмо отъ матери. Анна Борисовна писала изъ Парижа, гдѣ проводила осень, и страннымъ ея сыну показалось содержаніе письма послѣ только-что оконченной поѣздки, во время которой онъ жилъ среди безмятежнаго міра неувядаемой красоты искусства. Анна Борисовна писала исключительно о денежныхъ вопросахъ, и писала въ довольно раздраженномъ тонѣ. Она сильно поистратилась, какъ-то все еще не привыкнувъ напередъ разсчитывать издержки. —„Je reste ici sans le sou pendant que vous courez l'Europe“, писала она между прочимъ.—Я два раза телеграфировала управляющему въ Симбирскъ въ надеждѣ, что онъ мнѣ пришлетъ что-нибудь,—и онъ не прислалъ даже отвѣта.

Диму этотъ упрекъ поразилъ своей несправедливостью. Онъ почти всѣ доходы съ имѣній посылалъ матери, оставляя себѣ лишь крайне необходимое.

Аннѣ Борисовнѣ не на что было жаловаться. Тѣмъ не менѣе онъ тотчасъ написалъ управляющему сколько можно было денегъ отправить въ Парижъ. И въ то же время онъ сказалъ себѣ, что надо покончить съ неопредѣленнымъ положеніемъ, въ какое добровольно поставилъ себя къ матери послѣ смерти отца. Все симбирское имѣніе онъ рѣшился ей отдать, оставивъ себѣ одну подмосковную. Конечно, ему придется стѣснять себя еще болѣе

прежняго, но это было все-таки лучше теперешнихъ до-нельзя претившихъ ему денежныхъ дрязгъ, которыя грозили, вдобавокъ, разстроить со временемъ его добрыя отношенія къ матери. А съ роднымъ гнѣздомъ Кочетовыхъ онъ, конечно, уже не разстанется ни за что.

Эти мысли занимали его, когда случайно, на Корсо, онъ почти столкнулся съ однимъ изъ обычныхъ посѣтителей гостиной Анны Борисовны, недавно получившимъ очень высокое назначеніе. Какъ всѣ новоиспеченые сановники, государственный человѣкъ былъ очень доволенъ и собой и всѣмъ окружающимъ міромъ. Но, въ отличіе отъ нихъ, онъ не считалъ нужнымъ не узнавать своихъ бывшихъ знакомыхъ. Онъ любезно остановилъ Кочетова, разспрашивая, съ какихъ поръ онъ въ Римѣ.

— Вы совсѣмъ погружены въ глубокомысленныя думы, молодой человѣкъ, — сказалъ онъ шутя, — надѣюсь, это Римъ такъ завладѣлъ вашимъ вниманіемъ. У воротъ Рима надо вѣдь оставлять всѣ свои заботы, чтобы отдаться восхищенію. Я здѣсь въ десятый разъ, и насмотрѣться не могу. Ну, что вы дѣлаете? Что ваша мать?..

Онъ взялъ молодого человѣка подъ руку и повернулъ въ ту сторону, въ которую самъ шелъ.

— Я долженъ сейчасъ зайти къ кардиналу Ламбрускини. Онъ мнѣ обѣщалъ показать свои коллекціи. Хотите побывать тамъ со мной? Я васъ представлю. Это премилый человѣкъ... Кто, вы говорите, здѣсь?.. Княгиня Софья Викторовна?.. Я непремѣнно, непремѣнно заверну... А!.. и вы съ ней объѣздили всю восточную Италію? Очень, очень интересно!.. Я вамъ положительно завидую.

И государственный человѣкъ, прищуривъ лѣвый глазъ, слегка насмѣшливо уставился въ Кочетова. И вдругъ рѣзко перемѣнивъ тонъ, онъ заговорилъ опять.

— Однако, искусство искусствомъ, а пора бы вамъ позаняться чѣмъ-нибудь настоящимъ. Вѣдь что тамъ ни говори— l'art, c'est l'ornement de la vie, ce n'est pas la vie elle-même...

Петербургъ сказывался въ сановникѣ.

— Да я занимаюсь пресерьезнымъ дѣломъ,—отвѣтилъ Дима.

— Ну да... управляете имѣніями, знаю! Но хозяйство, mon cher, par le temps qui court,—выѣденнаго яйца не стоитъ. И знаете что? Поступайте ко мнѣ... Я старинный другъ вашей матери и займу васъ какъ слѣдуетъ. Мѣсто для васъ у меня всегда найдется. Совѣтую вамъ объ этомъ подумать.

Случись Димѣ получить такое предложеніе хотя бы днемъ

ранѣе, онъ бы надъ нимъ и не задумался. Для самой быстрой карьеры онъ не пожертвовалъ бы свободой, но теперь, когда почти уже нужда къ нему стучалась, рѣшительно отвергнуть это предложеніе было невозможно. И Дима въ первый разъ почувствовалъ слабое, но уже тяжелое прикосновеніе жизненной неволи.

И теперь, когда онъ былъ вдвоемъ съ княгиней въ ея полутемной гостиной, гдѣ высокія стѣны кутались въ сумракъ, онъ раздумывалъ, не посовѣтоваться ли съ нею. Княгиня его предупредила, спросивъ, какъ сдѣлалъ это утромъ сановникъ, куда онъ собирается и что намѣренъ дѣлать.

— Пока вы здѣсь, я останусь въ Римѣ, — было его отвѣтомъ. И онъ почувствовалъ вдругъ, какъ дорога ему стала эта женщина и какъ тяжело ему было бы съ нею разстаться.

— Да! но я думаю здѣсь пробыть всего недѣлю. Мнѣ пора въ Россію. Да и вамъ тоже не мѣшаетъ дѣломъ заняться. Жизнь—не праздникъ, а суровая школа...

Совсѣмъ не суровымъ, однако, глядѣло лицо княгини, пока она говорила это. И все съ тою же улыбкой на красивыхъ губахъ она принялась читать Димѣ наставленія самаго практическаго свойства,—наставленія, которыхъ онъ вовсе отъ нея услышать не ожидалъ. Она убѣждала его поступить на службу и воспользоваться предложеніемъ Семена Васильевича Темноокова,—такъ звали сановника, съ которымъ Кочетовъ встрѣтился утромъ на Корсо. Онъ заѣзжалъ къ ней въ тотъ же день передъ обѣдомъ, и они разговорились о молодомъ человѣкѣ.

— Да, да...—повторяла она:—не удивляйтесь, что я вамъ такъ говорю—свои способности вы не имѣете права зарывать въ землю. Это вашъ долгъ, и тѣмъ лучше для васъ, когда онъ сходится съ вашей выгодой. Умные люди всегда находятъ точку, гдѣ то и другое совпадаетъ.

Дима слушалъ разсѣянно. Совсѣмъ иныя мысли бродили у него въ головѣ.

— Вы, можетъ быть, правы,—отвѣтилъ онъ,—только зачѣмъ торопиться? Время не ушло, а пока... пока...

Щеки его пылали. Онъ пододвинулся ближе къ Софьѣ Викторовнѣ и, наклонясь къ ней, умоляющимъ, едва слышнымъ голосомъ добавилъ:

— Неужели вы уѣдете въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько дней? И мнѣ... мнѣ... съ вами разстаться надо...

Загадочная улыбка не сходила съ лица княгини.

Онъ наклонился къ ней еще ближе.

— Я мечталъ объ иномъ... Я не смѣлъ васъ просить объ этомъ... Я думалъ, вы уѣдете отсюда не въ Россію, а куда-нибудь, гдѣ мы были бы одни... совершенно одни... куда-нибудь на югъ...

Голосъ его осѣкся. Княгиня помолчала съ минуту, продолжая улыбаться, а въ глазахъ у нея словно искры зажглись. Только это были такія мягкія, ласковыя искры.

— Какой вы ребенокъ, — проговорила она наконецъ, отдавая ему свои руки, которыя онъ принялся горячо цѣловать.— Ну, да... ну, да... спѣшить не зачѣмъ... Я уѣду на югъ, какъ вы говорите... въ какое-нибудь совсѣмъ тихое мѣсто... въ Амальфи, напримѣръ, или на островъ Капри, и тамъ...—Она не договорила. Его затрепетавшія руки обвивали ея станъ.

XI.

Когда Димѣ Кочетову сразу дали мѣсто въ двѣ съ половиной тысячи, его новые товарищи по министерству съ нескрываемою завистью увидѣли въ этомъ вопіющее нарушеніе своихъ правъ въ пользу „баловня счастья“. А этотъ баловень стыдился своего назначенія, и необходимость получать жалованье глубоко оскорбляла его нетронутое до сихъ поръ чувство независимости.

Не разъ онъ говорилъ мнѣ, какъ горько ему разставаться съ прежней свободой.

— Вотъ чудакъ! — пожимая плечами воскликнулъ Колтовской.—У него все было навыворотъ....

— Да, именно навыворотъ... То самое, чего добиваются другіе, его тяготило.

„Еслибы я въ самомъ дѣлѣ чувствовалъ, что приношу пользу, —говорилъ онъ мнѣ часто, — мнѣ было бы не стыдно получать деньги. А это нелѣпое, безплодное маранье бумаги, это сознаніе, что никому не нужна моя работа“...

Дима пришелся министерству не ко двору. Его хвалили за прекрасное изложеніе, за превосходный языкъ, но записки, которыя ему давали составлять, почти всегда шли только для умноженія архива. И заодно съ лестными отзывами о его способностяхъ, ему приходилось выслушивать и наставленія, правда, очень мягкія, насчетъ того, что онъ не совсѣмъ усвоилъ себѣ извороты оффиціальнаго слога.

— Это, какъ бы вамъ сказать... слишкомъ литературно... написано будто для публики... — замѣчалъ ему прямой его на-

чальникъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Подхалимскій, мысленно добавлявшій:—Странное дѣло, эти молодые люди изъ университета воображаютъ, что изъ всего ихъ писанія что-нибудь на самомъ дѣлѣ выйдетъ, и нужно это не только для дѣлопроизводства, а для какого-то настоящаго дѣла...

А настоящаго дѣла, котораго такъ жаждалъ Дима, какъ разъ и не было вовсе. Писались отношенія ко всевозможнымъ мѣстамъ и лицамъ, составлялись отвѣты, большей частью уклончивые, ссылавшіеся на такую-то статью, въ силу которой нельзя было отвѣтить ничего положительнаго. И очень важные проекты сочинялись, чтобы потомъ цѣлые годы лежать въ оффиціальныхъ картонахъ.

Димѣ поручили составить записку объ устройствѣ земледѣльческой колоніи близь устьевъ Енисея, потомъ его назначили дѣлопроизводителемъ по двумъ коммиссіямъ о заселеніи Камчатки и объ устройствѣ быта самоѣдовъ на Новой Землѣ. Онъ принимался за работу съ жаромъ, но очень скоро его проникало убѣжденіе, что есть какое-то основное недоразумѣніе въ поднятомъ вопросѣ, какой-то нелѣпый контрастъ между усиліями совершить невозможное, вопреки условіямъ природы, и полнымъ безучастіемъ къ судьбѣ коренныхъ русскихъ губерній. А къ этому сознанію прибавлялось другое, еще болѣе тягостное убѣжденіе, что поручавшіе ему эти работы относятся къ ихъ результату совершенно равнодушно. Раза два онъ высказался съ полной откровенностью передъ начальникомъ, объясняя, что разрѣшеніе вопроса совершенно немыслимо и трата на него времени и денегъ безполезна.

— Да намъ-то какое дѣло, — нетерпѣливо отвѣтилъ Подхалимскій:—мы получили изъ другого министерства бумагу, и надо отвѣтить. Вотъ и все! Вамъ слѣдуетъ принять въ соображеніе всѣ обстоятельства, изложенныя въ запискѣ, и пріискать подходящую статью закона. Больше ничего отъ васъ не требуется.

— Послушай! — остановилъ меня Колтовской:—все это сто разъ писали въ передовыхъ журналахъ.—И въ наши годы смѣшно повторять эти заѣзженныя обвиненія. Прежде, можетъ быть, въ министерствахъ сидѣли сложа руки. Но теперь, могу тебя увѣрить, работа кипитъ. Я вотъ, напримѣръ, участвую въ семнадцати коммиссіяхъ..

— Хорошо, любезный другъ,—возразилъ я,—а позволь тебя спросить, изъ этихъ коммиссій что-нибудь выходитъ?

Ну, да не въ томъ дѣло. Вернусь лучше къ Димѣ.

Водотолченіемъ этимъ онъ сперва занимался добросовѣстно.

Потомъ рѣшился обратиться къ самому Темноокову, прося дать ему работу посерьезнѣе, и получилъ въ отвѣтъ: Mon cher, le sérieux n'est pas dans les affaires mêmes, il est dans la manière de les traiter! Помните это и вы навѣрно сдѣлаете карьеру.

Но Дима никакъ не могъ примириться съ мыслью о простомъ дѣланьѣ карьеры безъ принесенія пользы.

И первоначальное усердіе въ немъ очень скоро остыло. Онъ сталъ уже помышлять о переходѣ въ другое вѣдомство. Но объ этомъ нельзя было теперь и думать. Анна Борисовна, несмотря на то, что ей принадлежали теперь всѣ доходы съ симбирскаго имѣнія, не переставала обращаться къ сыну съ просьбами о присылкѣ денегъ, суля ему въ то же время скорое повышеніе.

„Я видѣла здѣсь,—писала она изъ Парижа,—твоего начальника, Семена Васильевича. Онъ отъ тебя въ восторгѣ. И могу тебѣ только посовѣтовать упрочить за собой его доброе мнѣніе. Тебѣ черезъ годъ дадутъ новое мѣсто, гдѣ ты получишь уже прямое вліяніе на ходъ дѣлъ. Я думаю поѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ во Флоренцію, гдѣ теперь Зина"...

Зина во Флоренціи! Это извѣстіе изумило Диму. Ея мужа только-что назначили военнымъ агентомъ въ Вѣну... И она, стало быть, проводитъ зиму не въ одномъ городѣ съ нимъ. Что это значило? Неужели такъ быстро оправдывались его предчувствія?.. Да уже прошлою зимою, когда она была въ Петербургѣ, его поразилъ какой-то странный оттѣнокъ презрительной независимости въ ея обращеніи съ мужемъ и въ ея отзывахъ о немъ... И это было всего годъ послѣ свадьбы. Дима предостерегалъ сестру, останавливалъ ее,—теперь, когда безповоротный шагъ былъ сдѣланъ, онъ становился на сторону князя. А она въ отвѣтъ только пожимала плечами, да смѣялась надъ тѣмъ, что онъ сталъ такъ горячо принимать къ сердцу интересы ея мужа. Въ отвѣтъ на письмо матери, Дима осторожно выразилъ удивленіе, что сестра проводитъ зиму въ Италіи. И Анна Борисовна очень пространно написала ему изъ Флоренціи, что молодой женщинѣ нуженъ югъ, что послѣ родовъ ея здоровье стало слабымъ. И въ заключеніе мать повторяла снова, что вся ея надежда на него, что съ дѣлами ей справиться невозможно и управляющій ее безсовѣстно обкрадываетъ.

„Не можешь ли ты,—говорила она, между прочимъ,—съѣздить на праздникахъ въ Симбирскъ. Ты, конечно, все приведешь въ порядокъ и хорошенько пугнешь этого зазнавшагося негодяя. Я чувствую, что съ моей стороны очень неделикатно тебѣ навязывать такую обузу послѣ того, какъ ты поступилъ такъ щедро и

со мной и съ Зиной. Но что же дѣлать, когда мы обѣ вынуждены жить за границей, и мои письма на господъ управляющихъ не дѣйствуютъ"?..

Диму удивляло, какъ это двухъ такихъ имѣній, какъ пензенское и симбирское, прежде дававшихъ большіе доходы, не хватаетъ на Анну Борисовну и Зину. Подъискалъ онъ вѣдь для обоихъ имѣній людей, вполнѣ внушавшихъ довѣріе. Просьбу матери онъ, однако, исполнилъ и убѣдился, что на управляющихъ жаловаться нечего, и Анна Борисовна, да и Зина тоже уже успѣли получить съ осени изрядныя суммы. Тщетно онъ подъискивалъ извиненія для матери. Ему было совершенно непонятно, какъ можно съ ея умомъ такъ упорно отворачиваться отъ дѣйствительности.

И онъ рѣшился весной отправиться въ отпускъ, чтобы сдѣлать новую попытку повліять на Анну Борисовну. Но мать его предупредила, сама пріѣхавъ неожиданно въ Петербургъ еще до конца зимы. По ея наружности, ея туалетамъ и въ особенности по той удивительной быстротѣ, съ которой она окружила себя, едва проживъ въ Петербургѣ нѣсколько дней, цѣлымъ сонмомъ знакомыхъ и друзей, нельзя было подумать, что ее удручали заботы.

Съ прежней свободою духа, съ обычнымъ блескомъ ума, Анна Борисовна, принимая гостей съ утра до вечера, вела съ ними оживленную бесѣду о всевозможныхъ вопросахъ, удивляя всѣхъ многосторонностью свѣдѣній и оригинальностью замѣчаній. Зато, когда она оставалась вдвоемъ съ сыномъ, совсѣмъ иныя рѣчи приходилось ему выслушивать. Тревога за дочь, семейная жизнь которой, повидимому, разстраивалась, тревога за дѣла, которыя становились все запутаннѣе, одинаково не давали покоя Аннѣ Борисовнѣ, хотя при чужихъ она и казалась беззаботной. И она пріѣхала посовѣтоваться съ сыномъ.

— Можетъ быть, въ концѣ концовъ даже придется симбирское имѣніе продать...

Анна Борисовна неохотно призналась сыну, что въ Парижѣ осенью пустилась въ биржевую игру и много потеряла. У нея были долги, и въ магазинахъ уже переставали вѣрить. Вотъ какова была изнанка жизни этой блестящей женщины, такъ хорошо умѣвшей оживить цѣлое общество и всегда одѣтой съ такимъ изысканнымъ вкусомъ... Жертвы, принесенныя сыномъ, не привели, стало быть, ни къ чему.

— Не понимаю,—говорила она ему разъ, перебирая кольца на правой рукѣ, — отчего ты совсѣмъ не думаешь о женитьбѣ.

Тебѣ пошелъ двадцать шестой годъ—самая пора!.. Надо умѣть пользоваться молодостью, когда, заодно съ нею, есть и положеніе. За тебя бы многія пошли, и ты могъ бы сдѣлать партію, гораздо лучшую, чѣмъ даже Мери. Или ты все еще про нее не забылъ? Или пустила такіе глубокіе корни у тебя cette passion intellectuelle toute de cerveau?..

И Анна Борисовна вскользь сдѣлала два-три довольно-таки презрительныхъ намека на княгиню Софью Викторовну. Неужели сынъ ея такъ ужъ безповоротно въ плѣну у этой тридцатисемилѣтней красавицы?..

Диму покоробило отъ словъ матери, но онъ сдержался, и готовый запальчивый отвѣтъ такъ и застылъ на его губахъ. Этой новой жертвы онъ не принесетъ Аннѣ Борисовнѣ. Его „интеллектуальная страсть“, какъ называла ее мать, владѣла всѣмъ его существомъ, мысль о женитьбѣ не приходила ему въ голову. Отношенія его къ княгинѣ оставались тайною почти для всѣхъ. А тѣ немногіе, которые про нее знали, хранили это про себя. Дима чувствовалъ, что для него одного Софья Викторовна раскрываетъ недоступныя другимъ сокровища своего ума, что свѣтская женщина, которую всѣ считаютъ холодной, хоть и блестящей, сберегаетъ для него не одно свое будто отточенное остроуміе, но и глубокое пониманіе человѣческаго сердца, отзывчивость на всѣ его запросы. И эта любовь точно застраховывала Кочетова отъ всякаго иного увлеченія. Привлекательность другихъ женщинъ для него не существовала. Княгиня теперь каждый годъ пріѣзжала въ Петербургъ, но пріѣзжала всего на нѣсколько мѣсяцевъ. Она хорошо знала, какъ нужно пользоваться разлукой и какое это могучее средство для поддержанія чувства. И Софья Викторовна даже не зазывала молодого человѣка въ тѣ мѣста, гдѣ проводила остальное время года. Туда Диму тянуло и безъ того. Онъ бралъ отпускъ и поселялся вблизи отъ дома княгини, въ одномъ изъ маленькихъ уединенныхъ городковъ на предгорьяхъ Альпъ. Софья Викторовна избѣгала людныхъ мѣстъ. Ей нравилось только исключительное, то, чѣмъ пользуются немногіе, и эти поѣздки за границу, гдѣ гораздо лучше, чѣмъ въ Петербургѣ, можно было укрыться отъ непрошенныхъ глазъ, были настоящимъ праздникомъ для Кочетова. Тутъ онъ наслаждался вполнѣ, какъ бы отпивая глотками тотъ рѣдкій напитокъ, который подносила ему Софья Викторовна.

А года шли. Дима все замѣтнѣе удалялся отъ широкой жизненной струи, уносившей съ собою его сверстниковъ. Въ обществѣ онъ показывался рѣдко, хоть и не переставали его при-

глашать, какъ всегда цѣнимаго гостя. Онъ приносилъ съ собою умъ, открытый для любого современнаго вопроса. Но Дима все-таки чувствовалъ себя будто чужимъ среди толпы; его душой владѣли не ея интересы. Министерство, въ которомъ онъ тянулъ лямку—настоящую лямку теперь,—съ грустною улыбкой говоря товарищамъ, что отбываетъ повинность,—и все сильнѣе покорявшая его любовь—были двумя полюсами жизни Кочетова.

Въ первомъ олицетворялось исполненіе долга, во второмъ—все, что было для него радостнаго на свѣтѣ. Многіе изъ сослуживцевъ на него косились за частыя отлучки. Но перо Димы слишкомъ цѣнили, чтобы не смотрѣть на это сквозь пальцы.

А онъ теперь покорно несъ служебную обузу, сознавая, что при его теперешнемъ положеніи эту обузу стряхнуть уже нельзя. По мѣрѣ того, какъ онъ поднимался по служебной лѣстницѣ, ему не разъ удавалось внести живую мысль въ оффиціальную работу. Но все-таки счастливъ онъ былъ въ тѣ только минуты, которыя проводилъ съ княгиней.

Въ эти минуты онъ могъ забыться, заглушить въ себѣ все сильнѣе поднимавшійся ропотъ, все чаще повторявшіяся напоминанія, какъ разошлась его настоящая жизнь съ юношескими мечтами. А въ забвеніи Дима ощущалъ уже потребность. Знакомые диву давались, отчего этотъ милый, умный молодой человѣкъ, которому теперь уже перевалило за-тридцать, такъ долго не женится. Доискивались причины, но о настоящей не догадывались. Разумѣется, не было недостатка въ пересудахъ, намекавшихъ на какую-то тайну въ его жизни,—тайну, быть можетъ, позорную.

И Анна Борисовна, теперь опять поселившаяся въ Петербургѣ, не щадила сына наставленіями и упреками. Отъ прежней роскоши не было теперь и слѣда. Она занимала небольшую квартиру въ третьемъ этажѣ, скромно отдѣланную. Но въ друзьяхъ у нея недостатка не было. Вокругъ нея собирались по прежнему послушать ея остроумныхъ, всегда мѣткихъ, рѣчей. И передъ гостями Анна Борисовна тщательно скрывала внутреннюю горечь, разъѣдавшую ея жизнь. Зато съ Димой она давала волю накипавшему у нея озлобленію, точно не она сама довела себя до того, что у нея однѣ крохи оставались отъ крупнаго нѣкогда состоянія.

Я заходилъ къ ней часто, и не разъ мнѣ доводилось слышать—въ моемъ присутствіи Анна Борисовна не стѣснялась—какъ настойчиво она повторяла сыну, что онъ губитъ свою жизнь, не выполняя перваго назначенія человѣка—создать себѣ

прочный домашній очагъ. Главнаго она не договаривала, конечно, что въ ея постоянныхъ совѣтахъ Димѣ жениться скрывалось горячее желаніе подыскать ему богатую партію. Но эта задняя мысль просвѣчивала въ ея словахъ.

И, признаюсь, мнѣ самому непонятнымъ казалось, отчего это Дима, съ его мягкимъ сердцемъ, съ его наклонностью къ домашней жизни, оставался глухимъ къ увѣщаніямъ матери. Про его отношенія къ Софьѣ Викторовнѣ я тогда еще не зналъ. Разъ я тоже заговорилъ съ нимъ о женитьбѣ, удивляясь, что самъ онъ объ этомъ не думаетъ. Я не ожидалъ, что̀ за бурю вызову своими неосторожными словами.

— Оставь меня, оставь!.. Не напоминай про это!—воскликнулъ онъ, схватывая себя за голову обѣими руками:—довольно я и безъ того наслушался такихъ совѣтовъ!

— Да вѣдь ты, — сталъ я оправдываться,—такъ дорожишь воспоминаніями старины, родовымъ помѣстьемъ... отчего же ты не хочешь свое гнѣздо завести?...

Кочетовъ бурно заходилъ по комнатѣ.

— Самъ знаю, что изъ жизни моей ничего не вышло. Тысячу разъ повторялъ себѣ это. Такъ не мучь меня, по крайней мѣрѣ, ты. Видитъ Богъ, я отъ исполненія долга не уклонялся никогда. По крайней мѣрѣ, всегда поступалъ такъ, какъ мнѣ лучшимъ казалось. Можетъ, и ошибался... какъ знать?.. И ты, пожалуй, правъ... И все-таки... все-таки... не могу!.. Не могу!..—повторилъ онъ.

Позже я понялъ, что̀ значили эти слова, понялъ, что въ немъ говорила уже не счастливая любовь, а сознаніе неволи, отъ которой онъ, какъ честный человѣкъ,—такъ думалъ онъ, по крайней мѣрѣ,—не хотѣлъ, или не могъ освободиться.

Его тайну выдала мнѣ Анна Борисовна, выдала, быть можетъ, невольно. Разъ я засталъ ее среди бурнаго объясненія съ сыномъ, и она проговорилась.—Не стыдно ли тебѣ всю жизнь свою, все будущее отдавать этой женщинѣ? Вѣдь ей слишкомъ сорокъ лѣтъ!..

Она ужъ не стѣснялась теперь, и все свое негодованіе излила въ моемъ присутствіи. И долго послѣ того Дима избѣгалъ со мной встрѣчаться: ему совѣстно было за мать. А настойчивость Анны Борисовны теперь высказывалась все сильнѣе. Ею была отыскана подходящая, какъ она думала, невѣста для сына, совсѣмъ молоденькая еще племянница его начальника, Вѣрочка Темнооокова, у матери которой было огромное состояніе, нѣсколько сомнительнаго, быть можетъ, даже еврейскаго происхожденія. Вѣрочка была довольна миловидное существо, невинно глядѣвшее

своими блестящими карими глазками, одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя до замужества остаются полною загадкою. Димѣ она скорѣе нравилась, хотя ему должна была претить та очевидная, нескрываемая готовность выдать за него дочь, какую выказывали родители дѣвушки. Но все-таки это была женитьба изъ-за денегъ, то-есть какъ разъ то, что̀ вызывало въ немъ самое рѣшительное отвращеніе.

И тѣмъ не менѣе, онъ не ушелъ отъ своей участи. Судьба принесла ему одновременно и освобожденіе, и новую неволю—увы, болѣе тяжкую, чѣмъ первая. Причиною была его сестра.

Долго носились смутные слухи о ея дурныхъ отношеніяхъ съ мужемъ, и наконецъ грянулъ громъ, скандальная исторія съ шумомъ пронеслась по гостинымъ Петербурга, волной занесенная изъ-за границы. Поговаривали даже о процессѣ. Зина не только не разъѣхалась съ княземъ,—она должна была вернуться въ Петербургъ безъ всякихъ средствъ къ жизни, и съ крупными долгами вдобавокъ. У Димы повисли теперь на шеѣ двѣ женщины, одинаково безпомощныя. Содержать ихъ онъ не могъ, и послѣ мучительной борьбы съ собой рѣшился на послѣднюю отчаянную жертву—на жертву своимъ достоинствомъ. Онъ сдѣлалъ предложеніе Вѣрочкѣ Темноковой и отправилъ въ Венецію, гдѣ жила тогда Софья Викторовна, длинное горячее письмо въ объясненіе своего поступка.

Отвѣта долго не было. Наконецъ онъ пришелъ. Но когда Дима въ лихорадочномъ волненіи разорвалъ конвертъ, въ немъ оказалось одно только его собственное письмо.

VII.

Совсѣмъ не женихомъ смотрѣлъ Дима Кочетовъ. Онъ шелъ подъ вѣнецъ, точно это былъ вѣнецъ терновый. Чувствовалось, глядя на него, что тяжкій вопросъ засѣлъ у него въ головѣ, неотступно требуя разрѣшенія.

Разумѣется, я его не разспрашивалъ. И безъ того я зналъ, какъ мучительно для независимаго, гордаго Димы сознавать, что онъ женится на деньгахъ. Какъ проигравшаго партію шахматнаго игрока, судьба поставила его въ необходимость принять окончательный шахъ и матъ. Онъ понималъ, что это былъ лишь послѣдній выводъ изъ цѣлаго ряда вынужденныхъ уступокъ сложившимся помимо его воли обстоятельствамъ. Разъ въ моемъ

присутствіи онъ не выдержалъ и съ болѣзненнымъ отчаяніемъ воскликнулъ:

— Вѣдь я иду наперекоръ цѣлой своей жизни,—тому, по крайней мѣрѣ, какъ я себѣ эту жизнь представлялъ. Вотъ чего я себѣ простить не могу, и ломаю себѣ голову, чтобы найти— гдѣ, въ какую минуту я себѣ измѣнилъ, когда именно я сталъ трусомъ и подлецомъ. Не могу, не могу опредѣлить, когда это случилось...

— Да вѣдь невѣста твоя премилая, Кочетовъ, — пробовалъ я его утѣшить.—Чего жъ тебѣ мучить себя упреками?

— Да, милая, знаю это и могъ бы ее полюбить отъ всего сердца. И мѣшаетъ какъ разъ это гадкое чувство, что въ сущности я обманываю невѣсту, потому что женюсь на ней по принужденію.

На самомъ дѣлѣ, однако, Вѣрочка, всегда кроткая и тихая, всегда сердечно улыбавшаяся въ своемъ негромкомъ счастьѣ, была единственнымъ утѣшеніемъ Димы. И когда онъ уставалъ отъ внутренней борьбы, онъ говорилъ себѣ, заглушая упреки совѣсти, что съумѣетъ полюбить ее по настоящему и загладить тѣмъ свою вину.

Это была уже послѣдняя иллюзія въ его жизни.

На первыхъ порахъ послѣ женитьбы, ему въ самомъ дѣлѣ казалось, что поднимавшаяся надъ нимъ блѣдная заря мнимаго счастья можетъ еще развернуться въ яркій, полный сіянія, день. Но понемногу онъ разочаровывался. Вѣрочка, податливая, какъ ласковый ребенокъ, могла бы, пожалуй, отдаться ему всей душей и подчиниться его вліянію. На бѣду вліяніе матери оказалось сильнѣе. Аглая Рафаиловна Темноокова стояла твердо на одномъ, что ея деньги купили дочери виднаго, хоть и небогатаго, мужа и что этотъ мужъ обязанъ быть ея рабомъ. А она, какъ послушная дочь, не менѣе обязана настойчиво требовать отъ него, чтобы онъ служилъ ей оправой, давая ей случай блистать въ обществѣ всѣмъ блескомъ своего крупнаго приданаго. Димѣ хотѣлось одного только, чтобы въ его жизни какъ можно менѣе чувствовались деньги жены, чтобъ эта жизнь была какъ можно проще и замкнутѣе. Вдвоемъ съ нею, у домашняго очага, горящаго только для нихъ обоихъ, онъ надѣялся отвоевать Вѣрочку у ея семьи и привить къ ней пониманіе того, что не въ деньгахъ и не въ роскоши счастье.

Но ему дали только передохнуть во время краткой послѣсвадебной поѣздки за границу. И тутъ же онъ понялъ, какъ неготова была жена послушно развернуться въ теплѣ его ласко-

вой нѣжности. Вѣрочка была неспособна подняться въ ту область умственныхъ наслажденій, которую онъ цѣнилъ выше всего, и гдѣ столько лѣтъ не переставала удерживать его княгиня Софья Викторовна. Воспоминаніе о княгинѣ преслѣдовало его какъ насмѣшливый призракъ, и сравненія, нелестныя для Вѣрочки, напрашивались постоянно и докучливо. Дима силился ввести жену въ то святилище искусства, въ которомъ провелъ онъ лучшія минуты жизни; а она, когда мужъ пытался объяснить ей исторію живописи передъ картиной Андреа дель-Сарто или Корреджію—она подавляла тайный зѣвокъ и думала, какъ хорошо было бы передъ сверстницами блеснуть своей вновь отдѣланной квартирой.

И вотъ, они вернулись въ Петербургъ въ свое новое старательно изукрашенное жилище. Диму каждая комната, каждая подробность меблировки возмущала своимъ тяжелымъ безвкусіемъ, —плодомъ артистическихъ измышленій Аглаи Рафаиловны. И каждую мелочь—выборъ ковра, отдѣлку стѣнъ, разстановку какихъ-нибудь дорого стоющихъ бездѣлушекъ, надо было съ боя брать у тещи.

Едва все было устроено, она стала проектировать цѣлый рядъ вечеровъ и обѣдовъ, на которые прежде всего, конечно, надо было зазвать какъ можно больше знатныхъ и чиновныхъ особъ, приглашая непремѣнно, въ то же время, и ея собственную родню, обнимавшую добрую половину петербургскаго финансоваго міра. Неизвѣстно, чего сильнѣе хотѣлось Аглаѣ Рафаиловнѣ—поразить эту родню блескомъ знакомыхъ Анны Борисовны, или наоборотъ, открыть ей доступъ въ тотъ замкнутый кругъ, куда и сама госпожа Темноокова допускалась не совсѣмъ на равныхъ правахъ.

Дима боролся упорно, но уступить въ концѣ концовъ онъ все-таки былъ вынужденъ. Въ главномъ вѣдь, чего добивалась его мать, отказа не было. Ея долги и долги Зины тоже были уплачены сполна, и Аглая Рафаиловна давала это чувствовать на каждомъ шагу прозрачными и ѣдкими намеками.

Словомъ, это былъ настоящій адъ, и вырваться изъ него стало горячей мечтой Кочетова. Я забылъ вамъ сказать, что еще въ первый годъ послѣ женитьбы Дима покинулъ министерство Семена Васильевича. Ему нестерпимо было чувствовать завистливые взгляды сослуживцевъ, въ которыхъ ему мерещился худо скрытый насмѣшливый упрекъ. Быть на особомъ положеніи министерскаго племянника, сознавать, что всякая награда, какую онъ получитъ, будетъ приписываться не его работѣ, а близкому родству съ начальникомъ—этого онъ вынести не могъ. И къ не-

малому удивленію Темноокова, Дима объявилъ ему разъ, что переходитъ въ другое вѣдомство.

Колтовской такъ и вскочилъ со стула, услыхавъ это.

— Удивительный, право, человѣкъ былъ этотъ Кочетовъ. Онъ просто бѣгалъ отъ собственнаго счастья. И послѣ этого ты удивляешься, что ему счастье не далось!

— Другой на его мѣстѣ, конечно, — медленно отчеканилъ Сермягинъ: — поспѣшилъ бы, напротивъ, реализовать поскорѣе протекцію дядюшки.

— Ахъ, господа, господа! — вмѣшался я въ начинавшійся споръ.—Оба вы не хотите понять, что у каждаго изъ насъ есть свой кумиръ, и упрекать за это никого не приходится. Что одному дорого, можетъ другому казаться постыднымъ, и наоборотъ. Каждому хочется быть счастливымъ по своему, вотъ и все! Дима хотѣлъ и на службѣ, и у себя дома быть независимымъ. Открывавшуюся передъ нимъ вѣрную карьеру онъ добровольно промѣнялъ на скромную должность въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ богатыхъ щедротъ онъ ожидать не могъ. А въ своемъ домѣ онъ выгораживалъ себя отъ роскоши жены, и кабинетъ его, куда онъ уходилъ какъ можно чаще, своимъ простымъ, спартанскимъ убранствомъ рѣзко выдѣлялся отъ прочихъ комнатъ. На себя лично онъ никогда не тратилъ ни копѣйки изъ жениныхъ денегъ. Онъ и безъ того сгоралъ отъ стыда, припоминая, что деньгами этими воспользовались его мать и сестра. Дима зналъ, конечно, что своей щепетильностью только портитъ домашнія отношенія. Аглая Рафаиловна готова была бы съ зятемъ щедро подѣлиться своимъ богатствомъ, выкажи онъ ей, хотя бы для виду, ту искательную покорность, которой она требовала. Одного ей было надо, выставить на показъ передъ своими дружескія отношенія съ тѣмъ избраннымъ міромъ, къ которому всегда принадлежали Кочетовы. Для удовлетворенія тщеславія она не поскупилась бы ни на что. Но какъ разъ этого удовлетворенія ей Дима дать не хотѣлъ. Онъ страдалъ отъ того воображаемаго презрѣнія, какое ему чудилось у людей его круга, словно его женитьба была въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-то позорнымъ. И передъ собой, по крайней мѣрѣ, онъ хотѣлъ сохранить право на полное уваженіе. Это была гордость, быть можетъ, нелѣпая, ребяческая гордость, но такимъ ужъ онъ былъ отъ рожденія. Щедро его одарила судьба, но прибавила, на горе ему, одинъ лишній, тяжелый даръ—неспособность мириться съ заурядностью, пошлымъ счастьемъ толпы.

И всего хуже для Кочетова было то, что и въ родныхъ, для которыхъ онъ собою пожертвовалъ, онъ не могъ уже на-

ходить прежней искренней близости. Анна Борисовна, какъ бы зачерствѣвъ отъ ряда униженій, вынесенныхъ ея самолюбіемъ, не щадила сына язвительными намеками, которымъ ея природное остроуміе придавало особую жгучесть.

Она перестала его понимать. А Зина все болѣе отрывалась отъ семьи, съ какою-то своенравной злобой кичась своимъ двусмысленнымъ положеніемъ. Въ обществѣ ее принимали не то чтобы дурно, но какъ-то давая чуть замѣтно чувствовать не полную ея равноправность съ прочими. И Зина не только не старалась вернуть себѣ утраченныя права, а будто на зло мнѣнію людей своего круга, совершала одинъ рискованный поступокъ за другимъ. Долго она добивалась развода отъ мужа и, наконецъ, добилась. Онъ ставилъ ей тяжкое условіе—не носить болѣе его фамиліи. И ей пришлось согласиться. Кстати, нашелся человѣкъ, готовый жениться на ней и взять въ приданое ея прошлое. Бывшая княгиня Ирренлое сдѣлалась по просту г-жей Петрищевой. Но Зинѣ быть разборчивой уже не приходилось.

Все это было очень тяжело для Кочетова. А всего тяжелѣе было сознавать, что самъ онъ похолодѣлъ къ близкимъ, что и въ немъ уже нѣтъ прежней любви къ нимъ, прежней сердечности. Жизнь все строже осуждала его на одиночество. Онъ становился даже неспособнымъ находить себѣ новыхъ друзей. Зато къ старымъ—къ Сермягину, напримѣръ, и ко мнѣ—онъ привязывался все болѣе. И мы съ горестью замѣчали, какъ съ каждымъ годомъ черты его лица удлинялись и становились какъ-то строже. Ранняя сѣдина показывалась въ его рѣдѣвшихъ волосахъ. Отъ прежней веселости онъ отвыкъ совсѣмъ. И молодая жена, которую онъ почти было полюбилъ, все замѣтнѣе отъ него отчуждалась. Послушная ядовитымъ наставленіямъ матери, она все сильнѣе ощущала какую-то обиду себѣ въ обращеніи мужа и мстила за это намѣренной холодностью, въ которой то-и-дѣло звучала оскорбленная, а порой и язвительная нотка. Большимъ остроуміемъ ее судьба не одарила, и Димѣ приходилось только улыбаться, когда жена говорила ему колкости. А въ этой улыбкѣ она читала презрѣніе къ себѣ и ожесточалась еще болѣе. Неудивительно, что совмѣстная жизнь становилась для нихъ все тяжелѣе, все невыносимѣе.

Пять лѣтъ прошло со времени женитьбы Димы, когда вдругъ Анны Борисовны не стало. Она покинула этотъ міръ сравнительно еще молодою и оставила его безъ страданій, но не безъ горечи. Предчувствуя наступившій конецъ, она, въ присутствіи сына и уцѣлѣвшихъ у нея немногихъ друзей, перебирала воспоминанія прошлаго, все сравнивая его съ настоящимъ. И хотя

передъ смертью она пригласила священника, чтобы причаститься, едва ли она отошла примиренною съ Богомъ и съ людьми.

Дима горевалъ искренно, хотя горевалъ скорѣе о прошломъ, о томъ, чѣмъ была для него мать въ юные годы. Онъ говорилъ себѣ, что оборвалась теперь послѣдняя связь съ ненавистной для него обстановкой Петербурга.

Ничто его болѣе не удерживало. Дѣтей у него не было, и онъ рѣшился оставить родину, оставить навсегда.

Ему дали мѣсто консула на Востокѣ, и онъ простился съ Петербургомъ, простился съ немногими оставшимися у него друзьями. Сермягинъ помнитъ, конечно, какъ горестно намъ было съ нимъ разставаться, съ какой безпросвѣтной грустью на сердцѣ онъ порывалъ съ своимъ прошлымъ, когда-то сулившимъ ему столько блеска и радости...

Это было пять лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ мы уже не видались. Всего два раза онъ мнѣ писалъ изъ своего добровольнаго изгнанія, и въ его письмахъ былъ только блѣдный отголосокъ прежняго Димы. Даже солнце юга, нѣкогда ему такъ дорогое, не могло вновь пробудить въ немъ охоту къ жизни, стремленіе впередъ, безъ котораго для такой натуры, какъ Дима, ни красоты природы, ни общество людей не имѣютъ уже цѣны.

Сперва его назначили въ Корфу, затѣмъ перевели въ Палермо. Къ жизни онъ становился все болѣе равнодушнымъ. Одно только чувство еще теплилось въ немъ—любовь къ античному искусству. И вотъ, во время поѣздки къ развалинамъ Пестума, онъ схватилъ тамъ злокачественную лихорадку, съ которой не могъ уже раздѣлаться. Она медленно подтачивала его организмъ, какъ сознаніе испорченной жизни подтачивало его духовныя силы.

Прошлой осенью онъ получилъ новое, болѣе высокое, назначеніе и пріѣхалъ въ Петербургъ уладить какія-то дѣла и повидаться съ начальствомъ.

Встрѣтиться мнѣ съ нимъ не удалось: меня тогда не было въ Петербургѣ. И уже позднѣе — увы, слишкомъ поздно—я узналъ, что онъ схватилъ здѣсь воспаленіе легкихъ, и расшатанный его организмъ не выдержалъ.

Увольте меня отъ подробностей—мнѣ слишкомъ больно про это вспоминать.

Похоронили его пышно. Аглая Рафаиловна и тутъ не забыла о своемъ тщеславіи. Мнѣ говорили, что на похоронахъ, въ числѣ немногихъ присутствующихъ, была и княгиня Софья Викторовна и что по ея, все еще красивому, лицу долго катилась алмазная слезинка, когда она прощалась съ покойнымъ...

Я умолкъ, и съ минуту помолчали и мои слушатели. Алеша Сермягинъ склонилъ голову на грудь, должно быть, вызывая воспоминанія прошлаго. Первымъ заговорилъ Колтовской.

— А все-таки я тебѣ скажу,—обратился онъ ко мнѣ:—что твой Кочетовъ былъ настоящимъ баловнемъ счастья, хоть ты и называлъ его такъ съ какой-то скрытой иронією. Все ему въ сущности удавалось! Баловали его въ дѣтствѣ, баловали и потомъ. Стоило ему руку протянуть, и все у него было бы—и состояніе, и карьера, и женщины... Маленькое разочарованіе съ Мери Стремниной не такое ужъ великое горе... Бѣда въ томъ, что ему не хотѣлось даже руку протянуть, и самое счастье ему становилось постылымъ, когда оно было въ его власти. Даже его женитьба, которую тебѣ угодно представлять великимъ бѣдствіемъ—многіе бы ей позавидовали.

— Ты вѣрно сказалъ,—возразилъ Сермягинъ:—что ему не хотѣлось даже руки протягивать, не хотѣлось ее протягивать, чтобы просить чего-нибудь! А еще менѣе готовъ онъ былъ нагнуться, чтобы счастье свое поднять изъ грязи.

— Ну вотъ—и пошелъ!.. Сейчасъ видно, что писатель!—сухо разсмѣялся Колтовской.—Скажи просто, что человѣкъ за призраками цѣлый вѣкъ гонялся, потому что настоящая жизнь ему претила.

— Я могу помирить васъ, господа,—медленно добавилъ я съ своей стороны. — Все дѣло въ томъ, что напрасно люди счастья ищутъ вокругъ себя. Искать его не зачѣмъ. Оно не гдѣ-нибудь на сторонѣ, оно не вверху на облакахъ и не внизу тоже въ жизненной грязи,—оно въ насъ самихъ...

Въ эту минуту часы на каминѣ пробили разъ.

— Что это? Часъ ночи? Батюшки! А у меня завтра докладъ!.. Прощайте, господа, прощайте!..

И торопливо пожавъ намъ обоимъ руки, Колтовской уже въ дверяхъ нахлобучилъ себѣ на голову шляпу.

— Вотъ это настоящая жизнь!—разсмѣялся ему вслѣдъ Сермягинъ.

— А пожалуй, что онъ и правъ! — отозвался я:—все то настоящее, къ чему лежитъ наше сердце, въ томъ числѣ и призраки...

Съ этихъ поръ нашъ кружокъ болѣе не собирался праздновать годовщину университета.

К. Головинъ.

4 мая 1897 г.

ЖЕНСКІЕ
МЕДИЦИНСКІЕ КОЛЛЕДЖИ
ВЪ АНГЛІИ и С. АМЕРИКѢ

Изъ поѣздки зимою 1895—96 гг.

Въ концѣ 1895 года мнѣ пришлось посѣтить Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Я воспользовалась одновременно своей поѣздкой, чтобы осмотрѣть и американскія женскія медицинскія учрежденія, ихъ устройство, вообще ближе ознакомиться съ ихъ исторіей и развитіемъ. Я имѣла рекомендательное письмо къ американскому представителю одной московской заводской фирмы въ Филадельфіи; онъ познакомилъ меня съ нѣкоторыми лицами изъ медицинскаго міра; а эти, въ свою очередь, снабдили меня рекомендаціею къ другимъ,—въ другихъ городахъ, и такъ далѣе. Такимъ образомъ, мнѣ удалось объѣхать и ознакомиться съ главнѣйшими американскими женскими медицинскими колледжами. Меня снабжали вездѣ каталогами, объявленіями и отчетами, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ мнѣ пришлось видѣть и слышать лично, и послужили основаніемъ настоящихъ замѣтокъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ моего знакомства съ вышеназванными учрежденіями явилось не мало общихъ наблюденій и замѣчаній, какъ относительно причинъ возникновенія женскихъ медицинскихъ школъ, такъ и относительно условій, при которыхъ учреждаются, устраиваются и существуютъ подобныя школы въ Америкѣ, и женскій медицинскій институтъ въ Россіи. Амери-

канское правительство не даетъ субсидій на устройство и на содержаніе не однѣхъ только женскихъ медицинскихъ школъ, но не даетъ также и мужскимъ. Грандіозное, роскошное зданіе университета въ Чикаго, которое обошлось въ нѣсколько милліоновъ долларовъ, открыто на частныя средства, и американцы, съ одной стороны, стараются привлечь возможно больше частныхъ пожертвованій, съ другой—затрачивая возможно менѣе матеріальныхъ средствъ, достигнуть наивозможно бо̀льшихъ результатовъ. Вотъ почему, я полагаю, что небезполезно познакомиться ближе съ способомъ устройства медицинскихъ школъ въ Америкѣ. Мнѣ кажется, что не слѣдуетъ совсѣмъ терять надежду на то, что въ будущемъ, когда явится потребность увеличить число женскихъ медицинскихъ школъ въ Россіи и соберется для этого необходимая сумма, могутъ явиться и у насъ люди достаточно благоразумные и практичные, которые воспользуются драгоцѣнными указаніями, добытыми путемъ многолѣтняго опыта этимъ своеобразнымъ и удивительнымъ народомъ по ту сторону океана.

I.

Я выѣхала изъ Москвы въ октябрѣ 1895 г. Мой путь лежалъ черезъ Берлинъ и Парижъ на Гавръ. Мнѣ пришлось пробыть въ Гаврѣ нѣсколько дней, такъ какъ пароходы французской трансатлантической компаніи отправляются въ Нью-Іоркъ только въ субботу, рано утромъ. Этотъ заблаговременный пріѣздъ какъ разъ совпалъ съ даннымъ мнѣ совѣтомъ, не переходить на пароходъ тотчасъ изъ вагона, а сперва отдохнуть въ продолженіе нѣсколькихъ дней въ предупрежденіе морской болѣзни. Впрочемъ, этотъ совѣтъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, оказался безполезнымъ. Вслѣдствіе поздняго времени года пассажировъ первыхъ двухъ классовъ на пароходѣ—на этотъ разъ отправлялась „La Bourgogne“ — было немного: двое парижанъ съ женами, ѣхавшіе искать счастья въ Новомъ Свѣтѣ; двѣ пожилыя бельгійки, возвращавшіяся обратно въ Санъ-Франциско; датчанинъ, живущій по своимъ дѣламъ полгода въ Парижѣ и полгода въ Нью-Іоркѣ; молодой человѣкъ изъ французской Швейцаріи; молоденькая эльзаска, ѣхавшая къ брату въ Нью-Іоркъ; одинъ испанецъ; французская семья, состоящая изъ мужа, жены и двухъ маленькихъ дѣтей, и еще нѣсколько лицъ, — нѣкоторыя изъ нихъ появились на палубѣ только наканунѣ прибытія въ Нью-Іоркъ, такъ какъ тотчасъ же по вступленіи на паро-

ходъ почувствовали себя дурно. Было еще нѣсколько лицъ, натурализованныхъ американцевъ, возвращавшихся домой; зато третій классъ былъ переполненъ и преимущественно итальянскими переселенцами. Когда мы покинули Гаврскую гавань, было прекрасное, теплое осеннее утро, море было довольно спокойно, но люди опытные, пассажиры, сдѣлавшіе нѣсколько рейсовъ изъ Европы въ Америку и обратно, предусматривали въ этомъ, хотя и спокойномъ переливаніи волнъ, нѣчто зловѣщее. Когда двѣ волны, соединившись, поднимаются вверхъ и широко разливаются въ сторону, въ этомъ нѣтъ ничего опаснаго; но когда двѣ волны, соединившись, поднимаются вверхъ въ видѣ узкой полосы, изображая собою какъ бы сжатыя, надутыя губы сердитаго человѣка — это не предвѣщаетъ ничего хорошаго, точно такъ же и зеленоватый колоритъ воды, который при этомъ наблюдается. Именно это послѣднее явленіе и можно было наблюдать. И дѣйствительно, буря, сильная буря разразилась, но только не въ этотъ день, а въ послѣдующую, то-есть во вторую, ночь. Нѣкоторыхъ пассажировъ, въ томъ числѣ и меня, укачало весьма быстро уже въ первый день нашего плаванія, несмотря на сравнительное спокойствіе моря, чему виною былъ отчасти превосходный завтракъ, отъ котораго, какъ оказалось впослѣдствіи, но, къ сожалѣнію, немного поздно, благоразумнѣе было бы воздержаться. Вообще столъ, какъ и слѣдовало ожидать, былъ очень хорошъ, а яства отличались обиліемъ и хорошимъ качествомъ, за исключеніемъ чая, бурды — цвѣта чернаго пива, при сильномъ чернильномъ вкусѣ. Я лежала одна въ своей каютѣ. Головокруженіе было столь сильно, что не только стоять, но даже нѣсколько привстать съ софы, на которой я лежала, не было никакой возможности; каждая такая попытка кончалась быстрымъ паденіемъ навзничь. Французская прислуга вообще была очень внимательна. Морель,—такъ звали служителя (женская прислуга на французскихъ пароходахъ отсутствуетъ)—надоѣдалъ мнѣ съ своимъ бульономъ, который онъ настойчиво предлагалъ, какъ средство для прекращенія морской болѣзни и pour ne pas mourir de faim. Къ вечеру волненіе уже замѣтно усиливалось, но то, что произошло ночью, пойметъ, вѣроятно, только тотъ, который переплывалъ океанъ въ бурную погоду. Такъ какъ боковая качка была уже настолько сильна, что удержаться на софѣ удавалось съ большимъ трудомъ, то я хотѣла попробовать перейти на койку, но моя попытка оказалась тщетной и окончилась новымъ паденіемъ. Боковая качка не была бы такъ непріятна, если бы не чередовалась съ килевой, которая представляла нѣчто по-истинѣ

ужасное. Не имѣя возможности перебраться на койку, я продолжала лежать на софѣ, стараясь по возможности сохранять равновѣсіе и упираясь при этомъ обѣими руками въ находившійся рядомъ умывальникъ, какъ вдругъ сильный ударъ такъ накренилъ судно, что я сразу мѣняю положеніе и стремглавъ лечу на полъ, причемъ отлетаю аршина на полтора и присоединяюсь, вопреки желанію, къ катающимся по полу предметамъ. Но оставаться на полу было далеко не безопасно; я собираю всѣ свои силы и карабкаюсь на софу, но не остаюсь на ней и пяти минутъ, какъ новый ударъ повергаетъ меня снова на полъ, мимоходомъ я стараюсь ухватиться за умывальникъ, но тщетно. Пуговка электрическаго звонка помѣщалась около моей койки, и потому я не могла позвонить; звать же было напрасно, такъ какъ мой голосъ былъ бы безъ труда покрытъ ревомъ бушующихъ волнъ — и я снова карабкаюсь на софу. Не знаю, какъ долго мнѣ пришлось бы мѣнять свое положеніе, я уже съ ужасомъ думала, когда же наконецъ окончится эта ночь испытанія, когда же начнетъ наконецъ разсвѣтать, какъ въ дверяхъ раздвинулась портьера и выглянула чья-то голова. Голова оказалась, къ моему удовольствію, головой Мореля, который съ удивленіемъ на меня смотрѣлъ и промолвилъ: Ah, vous n'êtes pas encore au lit. Я стараюсь ему объяснить, что я пыталась перейти на койку, но что вслѣдствіе головокруженія у меня не хватило на это силъ, что я уже совершила двѣ culbutes.

Ткнувшись раза два носомъ, Морель старается отыскать точку опоры, при чемъ широко разставляетъ ноги и, прислонившись спиною къ поперечной койкѣ, предлагаетъ мнѣ свои услуги; я старательно собираю остатки присутствія духа, и, наконецъ, благополучно достигаю своего pium desiderium, въ которое падаю на подобіе снопа. Вѣроятно, уже было утро, хотя электричество еще горѣло, когда пришелъ мастеръ и наглухо завинтилъ иллюминаторы толстыми желѣзными ставнями; вѣроятно, это былъ признакъ опасности, но я даже забыла объ этомъ освѣдомиться: послѣ столь разнообразныхъ и сильныхъ ощущеній, испытать которыя выпало въ эту ночь на мою долю, мои чувства настолько притупились, что мнѣ было довольно безразлично, куда именно мы направляемся: въ Америку или ко дну.

Наконецъ, явился одинъ изъ служащихъ на пароходѣ и помогъ мнѣ устроиться. Такъ какъ всѣ остальныя койки въ моей каютѣ были свободны, то онъ собралъ всѣ подушки и одѣяла, которыми очень старательно меня обложилъ со всѣхъ сторонъ, такъ что не только скатываться не представляло возможности, но

никакіе толчки и удары не могли бы заставить меня болѣе перемѣнить свою позицію.

Такимъ образомъ, мнѣ пришлось пролежать еще дня два, и лишь на третій день я отправилась на палубу. Погода сильно перемѣнилась въ сравненіи съ гаврской: густыя сѣрыя облака кругомъ обволакивали небо, моросилъ дождь, мелкія капли котораго, соединяясь съ брызгами волнъ, окатывали палубу и находящихся на ней пассажировъ. Иногда, впрочемъ, небо прояснивало, и всѣ пассажиры, чувствовавшіе себя хотя немного сносно, спѣшили воспользоваться этими часами и отправлялись на палубу, чтобы подышать морскимъ воздухомъ. Молодой человѣкъ изъ французской Швейцаріи, юноша лѣтъ 19—20, былъ, кажется, единственный изъ пассажировъ, который все время чувствовалъ себя превосходно, и, благодаря своему подвижному, веселому характеру, потѣшалъ все общество. Онъ объяснялъ, впрочемъ, отсутствіе морской болѣзни у себя тѣмъ, что онъ страшно много ѣлъ, и такъ же совѣтовалъ поступать остальнымъ. Для препровожденія времени онъ привязывалъ къ флагштоку длинную веревочку съ какимъ-нибудь предметомъ, прикрѣпленнымъ къ ея концу, что̀ привлекало массу морскихъ птицъ (англичане называютъ ихъ, кажется, stormy petrels), слѣдовавшихъ за нашимъ пароходомъ; онъ бросалъ имъ кусочки хлѣба, которыми набивалъ себѣ карманы за завтракомъ.

Наканунѣ пріѣзда въ Нью-Іоркъ, поздно вечеромъ пароходъ вдругъ остановился,—оказалось, что пріѣхалъ лоцманъ, чтобы вести судно далѣе. Его встрѣтили торжественно, при чемъ жгли бенгальскій огонь. Мы находились отъ Нью-Іорка болѣе чѣмъ въ 12 часахъ пути. Чѣмъ ближе мы подходили къ Нью-Іорку, тѣмъ болѣе пассажиры волновались: еще задолго до остановки парохода они начали приносить на палубу свой ручной багажъ, несмотря на увѣренія прислуги, что выпускать будутъ только черезъ столовую I-го класса, гдѣ таможенный чиновникъ, по отобраніи свѣдѣній, дастъ билетъ для осмотра багажа въ таможнѣ, помѣщающейся тутъ же на пристани.

По исполненіи обычныхъ таможенныхъ формальностей и послѣ того, какъ коммиссіонеръ, достаточно облегчивъ мой карманъ, доставилъ меня на вокзалъ желѣзной дороги, я отправилась въ Филадельфію. Въ мой маршрутъ не входила остановка въ Нью-Іоркѣ: я разсчитывала это сдѣлать на обратномъ пути. Нѣкоторые желѣзнодорожные вокзалы, въ томъ числѣ и вокзалъ Pennsylvania Railroad, расположены по ту сторону могучаго Гудзона въ Jersey City, куда пассажиры переправляются съ помощью

парома—роскошной плавучей гостиной съ зеркальными стеклами и служителями-неграми, поражающими бѣлизной своихъ накрахмаленныхъ сорочекъ, снующими взадъ и впередъ съ метелками въ рукахъ и обмахивающими пыль съ роскошной бархатной обивки. Я пріѣхала въ Филадельфію вечеромъ, и въ воскресенье, когда всѣ магазины и конторы закрыты. Остановившись въ ближайшей къ вокзалу гостинницѣ, я отправилась на другое утро отыскивать лицо, къ которому у меня была рекомендація. Это была Dr. B., по происхожденію русская, поселившаяся въ Америкѣ, по окончаніи наукъ въ женскомъ медицинскомъ колледжѣ въ Филадельфіи. Dr. B. встрѣтила меня крайне привѣтливо, обѣщая устроить меня въ Филадельфіи, и въ тотъ же день познакомила меня съ Dr. F., широкимъ гостепріимствомъ которыхъ (семья состояла изъ трехъ членовъ) я пользовалась въ продолженіе всего моего пребыванія въ Филадельфіи.

II.

Благодаря любезности Dr. B., я устроилась весьма быстро. Дѣло въ томъ, что въ большихъ городахъ Сѣверной Америки существуютъ учрежденія, носящія названіе Women's Christian Association. Въ такихъ большихъ центрахъ, какъ Чикаго, Нью-Іоркъ, Бостонъ, Филадельфія и такъ далѣе, можно встрѣтить подобныя общества. Ихъ главная цѣль—дать пріютъ тѣмъ женщинамъ, заработокъ которыхъ недостаточенъ для того, чтобы жить отдѣльно и нанимать себѣ, я не говорю квартиру, а только комнату. Женщина, зарабатывающая въ недѣлю не болѣе 4, 5 долл., можетъ сдѣлаться членомъ подобнаго общества, и за три съ половиною долл. въ недѣлю она можетъ получить, напр., въ Филадельфіи, комнату, утренній завтракъ или кофе, обѣдъ и ужинъ, въ эту же плату включена и стирка бѣлья. Но для того, чтобы быть членомъ этого общества, необходимо быть self supporting woman, т.-е. необходимо зарабатывать себѣ средства собственнымъ трудомъ. Иностранки и вообще пріѣзжія изъ другихъ городовъ, т.-е. не-члены, могутъ также получить комнату, но за болѣе высокую плату, и могутъ оставить за собою комнату не болѣе, какъ на нѣсколько недѣль. Каждое такое общество существуетъ независимо отъ другихъ такихъ же обществъ и руководствуется каждое своими собственными правилами, печатные бланки которыхъ приколачиваются къ дверямъ комнатъ. Впрочемъ, въ этихъ правилахъ есть много общаго. Въ такомъ именно обществѣ я посе-

лилась, гдѣ и оставалась во все время моего пребыванія въ Филадельфіи.

Women's Christian Association въ Филадельфіи основано, какъ и въ другихъ городахъ, на средства состоятельныхъ американокъ, которыя жертвовали большія суммы денегъ для этой цѣли. Обыкновенно онѣ и состоятъ президентами и вице-президентами этихъ обществъ; однимъ словомъ, имъ принадлежитъ роль хозяекъ въ этихъ учрежденіяхъ.

Восьмиэтажное зданіе Women's Christian Association занимаетъ большое пространство земли и фасадомъ выходитъ на три улицы. Оно выстроено по всѣмъ правиламъ гигіены и со всѣми приспособленіями и комфортомъ новѣйшаго времени. Въ подвальномъ этажѣ помѣщается прачешная съ машинами для стирки бѣлья, комната для склада сундуковъ, машинное отдѣленіе. Въ первомъ этажѣ помѣщаются: прекрасная библіотека со всевозможными американскими газетами и журналами, которыми можно пользоваться безплатно; большое зало съ хорами и эстрадой; здѣсь, по понедѣльникамъ, для self supporting women даются безплатно литературно-музыкальные вечера, которые иногда разнообразятся живыми картинами и чтеніями. Въ этомъ же этажѣ помѣщаются: бюро, посредническая контора общества, старающаяся доставлять работу нуждающимся и рекомендовать имъ порядочныхъ, извѣстныхъ ему лицъ, отдающихъ въ наймы отдѣльныя комнаты; далѣе двѣ маленькія и одна большая гостиныя, parlours, для пріема посѣтителей. Посѣтители мужчины дальше перваго этажа ходить не могутъ. Посрединѣ, прямо противъ входа помѣщаются рядомъ двѣ подъемныя машины, посредствомъ которыхъ съ утра и до вечера поднимаютъ и опускаютъ живущихъ въ этой обители. Во 2—7 этажахъ расположены комнаты, гдѣ живутъ члены этого общества, иногда по двѣ, по три или по четыре въ комнатѣ. Въ 8-мъ этажѣ находятся кухня и двѣ столовыя, для членовъ и не-членовъ общества. Кромѣ того, члены общества за недорогую плату обучаются стенографіи, счетоводству, печатному дѣлу, портняжному, шляпному и поварскому искусству. Желающія могутъ посѣщать также „классы Библіи". Все зданіе освѣщается электричествомъ, въ каждомъ этажѣ проведена горячая и холодная вода и находятся по нѣсколько мраморныхъ ваннъ.

Устроившись очень быстро, комфортабельно и сравнительно недорого, я съ нетерпѣніемъ ждала дня, когда могла бы заняться осмотромъ колледжа, какъ одинъ непредвидѣнный случай заставилъ отложить мое намѣреніе, хотя и не на долго. Наступили трехъ- или четырех-дневныя каникулы, вслѣдствіе праздника

28-го ноября, Thanksgivingsday, который ознаменовался въ Women's Christian Association домашнимъ маскарадомъ. Этотъ праздникъ установился слѣдующимъ образомъ. Въ Америкѣ вскорѣ по ея открытіи жизнь первыхъ бѣлыхъ подвергалась всевозможнымъ невзгодамъ и лишеніямъ, ихъ съѣстные припасы истощились, и въ то время, какъ въ перспективѣ имъ представлялась голодная смерть, въ одинъ достопамятный день, именно 28-го ноября, къ берегамъ Сѣверной Америки подплылъ корабль, богато нагруженный съѣстными припасами и хлѣбомъ.

Я уже сказала, что этотъ день праздновался домашнимъ маскарадомъ въ Women's Christian Association. Меня пригласили пойти посмотрѣть на это торжество, сказавъ, что будетъ очень, очень весело. Приглашеннымъ, большей частью живущимъ въ этомъ домѣ, пришлось довольно долго ждать появленія маскарадной процессіи, такъ какъ костюмы были своего издѣлія, а ихъ обладательницы—лица, днемъ занятыя своей службой. Костюмы отличались тѣмъ не менѣе оригинальностью, вызывали смѣхъ и массу апплодисментовъ. Тутъ были: шотландка, индіянка съ перьями, служитель при католическомъ богослуженіи, съ толстой свѣчей въ рукахъ, негритянка въ стоптанномъ башмакѣ и прихрамывающая на одну ногу и т. д. Всѣ онѣ шли согласно тому, кого онѣ изображали, напр., индіянка держала себя какъ дикая женщина, попавшая случайно въ общество цивилизованныхъ людей и т. д. Національный танецъ, исполненный послѣдней, вызвалъ массу удовольствія и апплодисментовъ, также и рѣчь, произнесенная негритянкой на какомъ-то американско-негритянскомъ діалектѣ. Вечеръ закончился танцами и скромнымъ угощеніемъ.

Я не могу не упомянуть здѣсь о тѣхъ крайне сердечныхъ отношеніяхъ, которыя установились между членами и президентами этого общества и которыя обращали на себя особенное вниманіе постороннихъ. У насъ подобное учрежденіе, вѣроятно, было бы причислено къ разряду благотворительныхъ; во главѣ стали бы дамы благотворительницы, а члены очутились бы въ положеніи благотворимыхъ, которымъ подчасъ давали бы чувствовать, какъ онѣ должны быть обязаны своимъ благодѣтелямъ. Не то въ Америкѣ. Мнѣ приходилось часто бывать на вечеринкахъ; почтенныя президентши руководили увеселеніями; онѣ относились къ членамъ какъ равныя къ равнымъ, безъ всякаго высокомѣрія; въ ихъ обхожденіи сказывалась скорѣе заботливость матери, но безъ тѣни опеки.

Наконецъ наступилъ день, въ который мы должны были

отправиться для обзора колледжа, при чемъ Dr. B. очень любезно предложила мнѣ меня сопровождать.

Начало женскихъ медицинскихъ школъ въ Штатахъ относится къ тому времени, когда возникло здѣсь движеніе въ пользу высшаго женскаго образованія, когда явилась потребность самостоятельнаго труда; но такъ какъ въ Америкѣ смотрѣли въ то время на совмѣстное образованіе мужчинъ и женщинъ приблизительно такъ же, какъ и въ другихъ странахъ и по настоящее время, т.-е., что такія совмѣстныя занятія наукой неудобны и неприличны, то и отдѣльное устройство женскихъ медицинскихъ колледжей вынуждалось общественными воззрѣніями.

Одна изъ первыхъ медицинскихъ школъ была основана въ штатѣ Пенсильваніи, въ Филадельфіи, религіознымъ обществомъ квакеровъ въ 1850 г. Она первоначально помѣщалась въ женскомъ госпиталѣ, на улицѣ, носящей названіе College Avenue; для лабораторій и аудиторій въ немъ было отведено помѣщеніе. Госпиталь былъ бѣденъ, а средства школы крайне ограничены, такъ какъ въ началѣ общество относилось несочувственно къ дѣлу женскаго медицинскаго образованія, и если школа существовала, то благодаря небольшому кружку сочувствующихъ дѣлу врачей, преподавателей школы. Клиническій матеріалъ ограничивался преимущественно больными женскаго госпиталя, такъ какъ доступъ въ другіе госпитали города и въ университетскія клиники былъ отчасти запрещенъ, отчасти сопряженъ съ различными затрудненіями: приходилось преодолѣвать искусственно создаваемыя преграды, въ видѣ насмѣшекъ и оскорбленій—этихъ вѣчныхъ спутниковъ нововведеній. Къ этимъ первымъ піонерамъ, окончившимъ въ 1852 году, принадлежали восемь человѣкъ; девять—въ 1853; четыре—въ 1854; пять—въ 1855. Начиная съ 1870 годовъ, число учащихся постепенно возростаетъ и въ 1895 году оно равнялось 173. Съ 1852 по 1895 годъ всего окончило 791 человѣкъ. Иниціатива основанія женскаго медицинскаго колледжа въ 1850 г., всецѣло принадлежащая женщинамъ, въ 1874 году увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: въ этомъ году было выстроено зданіе настоящаго колледжа, по планамъ архитектора-женщины.

Въ виду отсутствія занятій въ колледжѣ, можно было его подробно осмотрѣть. Woman's Medical College of Pennsylvania—одинъ изъ лучшихъ по своему устройству женскихъ медицинскихъ колледжей въ Сѣверной Америкѣ. Это—трехъэтажное зданіе, въ длину 110, въ ширину 60 англ. футовъ. Въ первомъ этажѣ помѣщаются по правую сторону входа: комнаты декана

и профессоровъ, библіотека, читальня, большое зало, служащее залой засѣданій факультета, а также и для чтенія лекцій; по лѣвую сторону: бюро, музей, комната для верхняго платья и рядомъ небольшая кухня. Устройство кухни въ медицинской школѣ объясняется практическимъ соображеніемъ и простотой обычаевъ: чтобы не терять времени, каждая воспитанница можетъ приготовить себѣ завтракъ изъ какихъ-либо несложныхъ блюдъ, сварить яйца, кофе и пр. Тѣми же мотивами объясняется и особенное устройство прихожей или швейцарской. Эта комната состоитъ изъ цѣлаго ряда шкафчиковъ. Каждая воспитанница имѣетъ свой отдѣльный шкафчикъ, куда она можетъ убирать, кромѣ своего верхняго платья и галошъ, также и свои учебныя принадлежности: книги, тетради, инструменты. Каждый шкафчикъ имѣетъ свой нумеръ и ключъ. Впрочемъ, такое устройство швейцарской мнѣ приходилось встрѣчать и въ европейскихъ университетахъ: въ Цюрихѣ, Лейпцигѣ, въ физіологическомъ институтѣ Людвига. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, это устраивается въ видахъ экономіи, для того, чтобы не держать отдѣльнаго и лишняго человѣка для охраны платья и для разбора возникавшихъ неудовольствій по поводу обмѣненныхъ галошъ, тѣмъ болѣе въ Америкѣ, гдѣ самый обыкновенный трудъ оплачивается очень дорого: самая посредственная женская прислуга получаетъ въ недѣлю не менѣе $3^1/_2$ долл. или 7 руб. На весь колледжъ имѣется только одинъ служитель, или janitor, на обязанности котораго лежитъ блюсти чистоту и порядокъ, приготовлять и убирать трупы. По американскимъ понятіямъ, каждый трудъ благороденъ, и физическій трудъ не считается унизительнымъ; мнѣ передавали, какъ вещь обыкновенную, что американки, желающія получить высшее образованіе, но неимѣющія на то достаточно средствъ, такъ какъ ученіе и сама жизнь въ Америкѣ очень дороги, поступаютъ въ услуженіе въ семьи, исполняютъ обязанности горничной, кухарки и т. п. и накопивъ, наконецъ, достаточно денегъ, заканчиваютъ свое образованіе, поступая въ высшія учебныя заведенія.

Противъ главнаго входа находится обширная площадка, съ которой широкая лѣстница ведетъ во второй этажъ, гдѣ помѣщаются двѣ большія аудиторіи, расположенныя амфитеатромъ; здѣсь же расположены лабораторіи: химическая, физіологическая, гистологическая, фармацевтическая и фармакологическая, а между ними маленькія приготовительныя комнаты профессоровъ. Послѣ подробнаго осмотра мы поднялись въ третій этажъ, гдѣ мнѣ пришлось удивиться американской практичности: большое ана-

томическое помѣщеніе устроено въ верхнемъ этажѣ! Мы всѣ до такой степени привыкли видѣть анатомическое помѣщеніе въ отдѣльномъ зданіи и внизу, что мнѣ никакъ не могло придти въ голову, стоя на площадкѣ третьяго этажа, что я нахожусь въ столь близкомъ сосѣдствѣ съ анатомическимъ заломъ, да къ тому же окружающій воздухъ былъ настолько чистъ, что нельзя было даже заподозрить столь близкое его сосѣдство.

Это была большая комната, съ массой свѣта, занимающая весь передній фасадъ колледжа, т.-е имѣющая въ длину 110 ф. и въ ширину около 20 ф. Она была наполнена трупами, уже сильно разложившимися,—явленіе очень обыкновенное для Америки, насколько мнѣ пришлось замѣтить, такъ какъ пріобрѣтеніе труповъ сопряжено съ большими затратами и затрудненіями: законъ предписываетъ хоронить умершихъ и строго воспрещаетъ всякое поруганіе труповъ, считая препарированіе въ числѣ послѣдняго. Обращу особенное вниманіе на устройство анатомическихъ помѣщеній въ Америкѣ, такъ какъ идея его заслуживаетъ полнаго подражанія въ виду ея важности, какъ по отношенію къ гигіенѣ, такъ и въ отношеніи денежныхъ затратъ. Мнѣ говорили, что отсутствіе зловонія въ анатомическомъ залѣ, гдѣ работаютъ студенты (конечно, относительное), достигается употребленіемъ спиртового раствора хлоралъ-гидрата для инъекціи труповъ. Кромѣ того, дурной воздухъ посредствомъ вентиляторовъ удаляется въ верхніе слои воздуха, не проникая въ окружающую среду, между тѣмъ, какъ при европейскомъ устройствѣ анатомическихъ институтовъ,—при чемъ обыкновенно препаровочная помѣщается внизу, а музей въ верхнемъ этажѣ, — распространяемое трупами зловоніе, не имѣя болѣе легкаго выхода наружу, какъ здѣсь, даже при устройствѣ искусственной вентиляціи, заражаетъ обыкновенно *все зданіе*. Не знаю, что собственно заставило американцевъ ввести такую систему устройства анатомическихъ помѣщеній: больше ли она отвѣчаетъ требованіямъ гигіены или здѣсь играла роль экономія?—быть можетъ, то и другое вмѣстѣ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что такого рода условія болѣе удовлетворяютъ новѣйшимъ требованіямъ гигіены. Другой важный результатъ такого устройства—значительная экономія, которая при этомъ получается и которую всегда слѣдовало бы принимать во вниманіе, въ особенности же при недостаткѣ денежныхъ средствъ: экономія на землѣ, на фундаментѣ, на крышѣ. Понятно, что экономія будетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ дороже будетъ земля, требуемая подъ отдѣльное анатомическое зданіе и все остальное, необходимое для постройки. Доказательствомъ того, что такое устрой-

ство довольно обще для Америки, можетъ служить то, что я посѣтила не малое количество разныхъ медицинскихъ школъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и анатомическія помѣщенія были всегда наверху, при чемъ высота не принималась въ разсчетъ: если заведеніе было трехъэтажное, анатомическій залъ помѣщался въ четвертомъ этажѣ, если четырехъэтажное—въ пятомъ, пятиэтажное—въ шестомъ. Трупы доставляются всюду по подъемной машинѣ. Все зданіе колледжа освѣщается электричествомъ. Такъ какъ настоящій колледжъ въ Филадельфіи становится тѣсенъ и съ трудомъ вмѣщаетъ всѣхъ желающихъ туда попасть, въ виду того, что число поступающихъ ежегодно возростаетъ, а лабораторіи недостаточно велики, то администрація колледжа стремится расширить его, скупая смежные съ нимъ дома. Такъ недавно въ одномъ такомъ домѣ устроили, хотя небольшую, но хорошую, свѣтлую бактеріологическую лабораторію съ новѣйшими приспособленіями.

Рядомъ со школой находится женскій госпиталь: новый и старый; въ послѣднемъ ранѣе помѣщался колледжъ. Въ этомъ же зданіи помѣщается въ настоящее время обширная, разсчитанная человѣкъ на 200, прекрасная, свѣтлая аудиторія, Clinic Hall, для клиническихъ лекцій и демонстрацій. Въ томъ же зданіи стараго госпиталя помѣщается амбулаторія, dispensary, гдѣ по утрамъ воспитанницы старшихъ курсовъ занимаются практически надъ больными. Относительно всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній слѣдуетъ замѣтить, что въ Америкѣ не принято вообще отводить лучшія части зданія подъ тѣ безполезныя залы, извѣстныя у насъ подъ именемъ актовыхъ, никому ненужныхъ въ продолженіе всего учебнаго года, за исключеніемъ одного дня. Акты выпускныхъ воспитанниковъ и воспитанницъ происходятъ въ частныхъ помѣщеніяхъ. Въ Филадельфіи съ этой цѣлью нанимается фойе опернаго театра, гдѣ и происходятъ всѣ соотвѣтствующія этому дню торжества.

III.

По предложенію моихъ знакомыхъ, я посѣтила еще нѣсколько колледжей въ различныхъ штатахъ. Прежде всего я отправилась въ Балтимору, въ штатъ Мериландъ, вблизи Вашингтона, гдѣ находится также и John Hopkins University или Hospital (такъ какъ медицинскій факультетъ въ соединеніи съ госпиталемъ). Hopkins University—одинъ изъ новѣйшихъ и богатѣйшихъ и, какъ мнѣ передавали, самый роскошный во всей Сѣверной Америкѣ.

Я пріѣхала въ Балтимору утромъ и отправилась отыскивать Young Women's Christian Association, адресъ котораго мнѣ дали въ Филадельфіи и гдѣ я намѣревалась остановиться. Оказалось, что попасть туда было труднѣе. Служанка ввела меня въ большую залу, гдѣ за столомъ сидѣла уже немолодая дама, оказавшаяся впослѣдствіи miss Wilson, matron (нѣчто въ родѣ надзирательницы). Я объяснила ей причину моего прихода и въ отвѣтъ получила категорическій отказъ, такъ какъ свободной комнаты не оказалось; потомъ начались подробные разспросы, откуда я и зачѣмъ пріѣхала. Посовѣтовавшись съ другими, она заявила, что можетъ мнѣ дать адресъ, по которому я могла бы отыскать себѣ комнату. Мнѣ это не было пріятно, такъ какъ мнѣ хотѣлось ознакомиться еще съ однимъ Young Women's Christian Association Но въ это время вмѣшалась въ разговоръ дама, сидѣвшая рядомъ съ matron (впослѣдствіи я узнала, что это была одна изъ вице-президентшъ), и спросила нѣтъ ли у меня какого-нибудь письма къ кому-либо изъ врачей Hopkins Hospital. У меня дѣйствительно оказалось рекомендательное письмо къ доктору К. Такъ какъ рекомендательныя письма запечатывать не принято, то обѣ достопочтенныя лэди поспѣшили ознакомиться съ его содержаніемъ, результатомъ чего оказалась свободная комната и, надо сказать, очень хорошая. Но любезность вице-президентши этимъ не исчерпалась: она вручила мнѣ записочку, которую я должна была передать одному изъ служащихъ въ госпиталѣ, въ случаѣ если бы доктора К. не было дома. Мнѣ предложили даже провожатую, но я отказалась отъ провожатой, и послѣ водворенія моего въ „ассоціаціи" отправилась въ John Hopkins University. Онъ расположенъ на окраинѣ города, и высокій куполъ его главнаго зданія виденъ уже издалека, когда подъѣзжаешь къ городу. Мѣстоположеніе Балтиморы очень красиво: раскинутая въ гористой мѣстности, она имѣетъ много хорошихъ видовъ, но грандіозное, красивое зданіе университета безспорно принадлежитъ къ лучшимъ ея украшеніямъ. Я пріѣхала туда въ до-обѣденное время и до прекращенія утреннихъ занятій. Служитель провелъ меня на отдѣленіе доктора К., ассистента довольно извѣстнаго въ Балтиморѣ профессора Kelly, и просилъ подождать, такъ какъ докторъ былъ занятъ въ операціонномъ залѣ. Окончанія операціи мнѣ пришлось ждать довольно долго. Наконецъ появился докторъ и любезно заявилъ, что всѣ желанія, изложенныя въ письмѣ, будутъ исполнены съ готовностью, и тутъ же предложилъ мнѣ пройти въ операціонный залъ, гдѣ представилъ меня профессору Келли, который пригласилъ меня присутствовать при слѣдующей и послѣдней опе-

раціи. Замѣчу здѣсь одно—ту особенную деликатность, скромность въ обращеніи съ паціентами, которая, къ сожалѣнію, въ такомъ пренебреженіи у европейцевъ. Кромѣ врачей на операціи присутствовали: одна студентка и nurse. Что такое nurse и что онѣ обязаны исполнять въ американскихъ госпиталяхъ,—скажу подробнѣе впослѣдствіи.

Послѣ обѣда одинъ изъ молодыхъ помощниковъ профессора К. предложилъ мнѣ показать все зданіе университета Гопкинса. Оно состоитъ изъ главнаго зданія, передній фасадъ котораго выходитъ на красиво разбитый скверъ, и изъ многочисленныхъ отдѣльныхъ строеній, соединяющихся съ главнымъ корпусомъ открытыми корридорами. Мы посѣтили многія палаты, въ которыхъ были большей частью хирургическіе и гинекологическіе больные; вообще эти двѣ спеціальности процвѣтаютъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и рѣдкій американскій врачъ въ то же время не хирургъ. Меня поразило, что негры помѣщались врозь отъ бѣлыхъ, чего я не видѣла въ Филадельфіи, и сопровождавшій меня врачъ объяснилъ мнѣ, что въ южныхъ штатахъ они, въ силу расовой вражды, должны по неволѣ устраивать ихъ отдѣльно, такъ какъ ни одинъ бѣлый паціентъ не захочетъ помѣщаться въ одной палатѣ съ „цвѣтнымъ“ (colored). Это относится, конечно, къ менѣе образованному классу населенія. Послѣ осмотра госпитальнаго отдѣла, мы посѣтили всѣ лабораторіи или институты; въ одномъ изъ нихъ я встрѣтилась съ Dr. Cone: это единственная профессоръ-женщина въ женскомъ медицинскомъ колледжѣ, по каѳедрѣ гистологіи и патологической анатоміи, и занимающаяся научно въ институтѣ патологической анатоміи университета, что̀ для Америки большая рѣдкость. Я позабыла упомянуть, что университетъ Гопкинса принадлежитъ къ смѣшаннымъ медицинскимъ школамъ, т.-е. къ тѣмъ, которыя допускаютъ въ свои стѣны и женщинъ. Но въ виду того, что въ южныхъ штатахъ ощущается недостатокъ въ послѣднихъ, то и къ ихъ высшему образованію относятся несочувственно, и въ университетѣ Гопкинса очень небольшое число женщинъ, изучающихъ медицину. Dr. Cone, узнавъ причину моего пріѣзда въ Балтимору, пригласила меня навѣстить ее на другое же утро въ женскомъ медицинскомъ колледжѣ, чѣмъ я, конечно, и воспользовалась. Я пріѣхала въ колледжъ немного ранѣе назначеннаго времени и присутствовала при лекціи Dr. Cone и при ея практическихъ занятіяхъ со студентками. Занималась она хорошо и произвела на меня прекрасное впечатлѣніе, какъ особа весьма дѣльная, умная и энергичная. Дѣйствительно, желанія и

энергіи должно было быть у нихъ у всѣхъ достаточно, чтобы заниматься при столь неудовлетворительной обстановкѣ, о которой я сейчасъ скажу нѣсколько словъ. По окончаніи занятій Dr. Cone показала мнѣ колледжъ. Оказалось, что зданіе колледжа совершенно не приспособлено для медицинской школы. Это старый домъ, пріобрѣтенный школой въ виду его близости съ двумя госпиталями; онъ имѣетъ одну большую залу, служащую аудиторіей; помѣщенія для лабораторій тѣсны, темны и неудобны. „Несмотря на это, наши воспитанницы очень способны, — замѣтила мнѣ Dr. Cone,—и стойко переносятъ всѣ неудобства; причиной тому недостатокъ средствъ, но со временемъ мы разбогатѣемъ и выстроимъ себѣ колледжъ".

Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась также амбулаторія. Рядомъ, въ смежномъ домѣ, госпиталь и другой также по близости; оба маленькіе и бѣдные.

Зданіе „ассоціаціи", гдѣ я остановилась, было не такъ грандіозно устроено, какъ въ Филадельфіи; тѣмъ не менѣе было хорошо и удобно, а главное было уютно вслѣдствіе малаго количества живущихъ. Основная цѣль, конечно, одинакова. Члены общества могутъ по желанію обучаться счетоводству, гимнастикѣ, стенографіи, печатному дѣлу, портняжному, поварскому за недорогую плату, также посѣщать уроки библіи. Нѣсколько разъ въ продолженіе года бываютъ увеселительные вечера. Точно также при обществѣ имѣется посредническая контора, приходящая на помощь ищущимъ работы. По четвергамъ, вечеромъ, бываетъ такъ-называемый prayer meeting, на который собираются, кромѣ членовъ, и знакомыя. Не будучи собственно особенно религіозными, американцы каждое воскресенье посѣщаютъ церкви, утромъ и вечеромъ, что̀ принадлежитъ къ хорошему тону. Церквей обиліе и въ сектахъ также нѣтъ недостатка. На такой prayer meeting я получила приглашеніе. Когда я вошла въ залу, уже всѣ были въ сборѣ, и президентъ общества м-ссъ Эллiотъ предсѣдательствовала: пѣли псалмы подъ аккомпаниментъ рояля, и miss Wilson, не перестававшая за мной ухаживать, передала мнѣ книгу псалмовъ; потомъ предсѣдательница поучала изъ Ветхаго Завѣта: она говорила на тему о сотвореніи міра. „Митингъ" закончился чтеніемъ молитвы, которую всѣ повторяли вслухъ, а затѣмъ, какъ бы по сигналу, не вставая съ мѣстъ, всѣ разомъ повернулись и стали на колѣни. Затѣмъ общество опять приняло свой обыкновенный видъ. Предсѣдательница, замѣтивъ мое присутствіе, обратилась къ miss Wilson съ вопросомъ, кто это новое лицо. Та отвѣтила, что я русская, пріѣхавшая на

нѣсколько дней въ Балтимору. Общество долго еще не расходилось, и каждая наперерывъ желала что-нибудь узнать отъ меня о Россіи. Между прочимъ онѣ освѣдомились, изучаютъ ли русскія медицину и существуютъ ли медицинскіе колледжи въ Россіи, какъ у нихъ въ Америкѣ. Я отвѣтила, что прежде это было возможно, и что существовало заведеніе для изученія медицины, но что оно закрыто и что въ настоящее время учреждается новое, и изученіе медицины будетъ снова доступно русскимъ женщинамъ. Далѣе, я объяснила имъ, что мое посѣщеніе Америки находится отчасти въ связи съ этимъ новымъ движеніемъ, изъ желанія воспользоваться и поучиться у нихъ чему-нибудь практичному и хорошему при устройствѣ медицинскихъ колледжей.

Такъ какъ меня болѣе ничего не удерживало въ Балтиморѣ, то я назначила свой отъѣздъ на слѣдующее утро. Но тутъ произошло нѣчто, оставившее по себѣ сильное впечатлѣніе. За часъ до отъѣзда раздался стукъ въ дверь, и взошла одна изъ живущихъ; оказалось, что она нарочно пришла проститься со мной и пожелать мнѣ всего хорошаго и исполненія моихъ желаній въ будущемъ. Не успѣла она уйти, какъ новый стукъ въ дверь, и опять лучшія пожеланія; такъ повторилось нѣсколько разъ. Наконецъ, сама миссъ Уильсонъ, которая просила непремѣнно зайти еще къ ней въ комнату „только на минуту“: она проситъ, чтобы я написала ей на память свое имя, фамилію и родину. Я исполняю ея желаніе, и она сіяетъ, затѣмъ новое прощаніе, и я благополучно покидаю пріютившій меня кровъ и возвращаюсь въ Филадельфію съ тѣмъ, чтобы черезъ день отправиться далѣе въ Чикаго.

Дорога отъ Филадельфіи до Чикаго проходитъ чрезъ Питсбургъ, окрестности котораго гористы и живописны; къ сожалѣнію, я проѣзжала вечеромъ, и мнѣ ничего не удалось видѣть.

Я пріѣхала въ Чикаго на другой день вечеромъ и остановилась опять въ „женской христіанской ассоціаціи“, въ домѣ незатѣйливомъ и неопрятномъ. Впрочемъ новое зданіе общества уже почти готово; оно помѣщается на лучшей улицѣ, Michigan Avenue, и очень напоминаетъ зданіе того же общества въ Филадельфіи: грандіозно и роскошно, и, вѣроятно, устроено съ не меньшимъ комфортомъ.

Со мной было рекомендательное письмо къ Dr. E., инструктору мужской медицинской школы, котораго мнѣ съ трудомъ удалось отыскать, въ особенности въ такомъ большомъ городѣ, какъ Чикаго, такъ какъ на конвертѣ не стояло адреса, что

привело почтеннаго доктора въ большое изумленіе. Чрезъ него или, вѣрнѣе, чрезъ его знакомыхъ я могла обратиться куда слѣдуетъ, чтобы осмотрѣть женскій медицинскій колледжъ. Такъ какъ я была по близости мужского, то Dr. E. предложилъ мнѣ осмотрѣть сперва его, а осмотръ женскаго отложить до слѣдующаго дня. Я изъявила согласіе и, получивъ письмо къ клерку школы, отправилась туда. Мужской медицинскій колледжъ состоитъ изъ двухъ зданій, стараго и новаго. Въ новомъ обращаютъ на себя вниманіе большія свѣтлыя лабораторіи: физіологическая, химическая, богато обставленная, и большое прекрасное анатомическое помѣщеніе въ верхнемъ этажѣ. Посѣтили также и подвальный этажъ, гдѣ находятся кладовыя для склада труповъ и приспособленія для ихъ замораживанія, такъ какъ они сохраняются довольно долго. Затѣмъ въ сопровожденіи того же студента, откомандированнаго клеркомъ школы, я посѣтила также „госпиталь сестеръ милосердія", больницу, служащую клиникой для студентовъ.

Въ женскій медицинскій колледжъ я попала лишь на слѣдующій день утромъ. Меня встрѣтилъ деканъ колледжа, симпатичный старичокъ, небольшого роста, крайне привѣтливый, спросившій меня, что̀ именно я желала бы видѣть. Я объяснила, что мнѣ хотѣлось бы видѣть все, что̀ есть и можно видѣть. Это ему какъ будто польстило. Позвавъ одну изъ студентокъ, онъ сказалъ ей, чтобы она показала мнѣ весь колледжъ.

Снаружи трехъэтажное зданіе колледжа имѣло видъ довольно солидный, но внутреннее расположеніе, къ сожалѣнію, не соотвѣтствовало наружному. Напримѣръ, швейцарская помѣщается въ самомъ верхнемъ этажѣ, и тѣ, которымъ слѣдовало бы заниматься въ одномъ изъ нижнихъ этажей, должны подняться въ третій, чтобы раздѣться и опять спуститься внизъ, и мнѣ приходилось слышать жалобы отъ студентовъ на подобное странное неудобство. Въ общемъ этотъ колледжъ не представляетъ изъ себя ничего особеннаго, несмотря на то, что зданіе новое (оно выстроено въ 1870 году) и повидимому предназначалось спеціально для медицинской школы. Аудиторія хотя большая, но одна; лабораторій очень немного; небольшое анатомическое зало помѣщается наверху, амбулаторія въ нижнемъ этажѣ. Клиническій курсъ воспитанницы колледжа слушаютъ въ большомъ городскомъ госпиталѣ вблизи школы, вмѣстѣ со студентами. Мнѣ одновременно показали и госпиталь, устроенный по типу, довольно общему въ Америкѣ, насколько мнѣ приходилось видѣть, а именно: съ каждой площадки выходили кор-

ридоры, упираясь въ палаты, какъ радіусы изъ центра круга. Побывавъ во всѣхъ этажахъ, на которые насъ поднимали подъемныя машины, и на двухъ операціяхъ, при чемъ мнѣ снова пришлось дивиться американской скромности и деликатности, мы прошли въ аудиторію на клиническую лекцію профессора Х., но пришли уже къ концу. Профессоръ демонстрировалъ одного больного, имъ оперированнаго, и за удачный исходъ трудной операціи былъ награжденъ шумными аплодисментами. Меня поразила между прочимъ непринужденность, съ которой сидѣли студенты на лекціи: ихъ ноги помѣщались выше головы.

Американцы вообще, насколько я замѣтила, очень любятъ, въ свободное отъ занятій время, а въ особенности послѣ-обѣденное, класть ноги выше головы. Проходя въ Чикаго мимо одного отеля, я увидѣла въ окнѣ нѣсколько паръ ногъ, которыя покоились на металлическомъ перилѣ снаружи окна. Не безъ изумленія, я погрузилась въ созерцаніе этого оригинальнаго для европейцевъ зрѣлища, и предположивъ, что у этихъ ногъ должны быть туловище и голова, я увидѣла, что своимъ созерцаніемъ привела сидящихъ въ креслахъ джентельменовъ, уставившихся на меня, въ неудержимому хохоту.

Я пробыла въ Чикаго нѣсколько дней и воспользовалась случаемъ видѣть нѣкоторыя изъ его достопримѣчательностей, какъ, напримѣръ, Masonic Temple, двадцати-четырехъэтажный домъ. Къ сожалѣнію, я не знала, что можно было подняться въ верхній этажъ по подъемной машинѣ: говорятъ, что видъ, который открывается на Чикаго и озеро Мичиганъ съ высоты птичьяго полета, восхитителенъ. Кромѣ этого, имѣется еще Art Institut, академія художествъ и остатки всемірной Колумбовой выставки. Къ сожалѣнію, погода была отвратительная: лилъ дождь при сильнѣйшемъ вѣтрѣ, грязь была невообразимая, и единственная улица, по которой нельзя утонуть въ грязи—Michigan Avenue. Какъ извѣстно, Чикаго городъ очень молодой и пока неблагоустроенный; грязь бываетъ непроходима. Если же лужа настолько широка и глубока, что можетъ захлебнуться маленькій ребенокъ, то перебрасывается дощечка, чрезъ которую пѣшеходы проходятъ не безъ опасности для себя. Дурная погода помѣшала мнѣ видѣть паркъ выставки, раскинутый на протяженіи нѣсколькихъ миль, съ искусственными озерами. Отъ выставки осталось только одно зданіе въ началѣ парка, съ мало интересными предметами; модель зданія новаго германскаго рейхстага—едва ли не единственная вещь, обращавшая на себя вниманіе

Я такъ много слышала объ Ann Arbor'ѣ, какъ о смѣшан-

ной медицинской школѣ, о занятіяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ студентовъ обоего пола, что рѣшила на возвратномъ пути непремѣнно остановиться тамъ на нѣсколько дней.

„Мичиганскій университетъ", находящійся въ Ann Arbor'ѣ, въ штатѣ Мичиганѣ, недалеко отъ Чикаго, былъ организованъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ въ 1837 году, на самыхъ широкихъ началахъ, и былъ первый университетъ, открывшій двери женщинамъ для полученія высшаго образованія. На медицинскомъ факультетѣ насчитываютъ 60 женщинъ, на приблизительно 300 мужчинъ-студентовъ.

Ann Arbor—маленькій университетскій городъ съ тридцатитысячнымъ населеніемъ, расположенный въ прелестной гористой, живописной мѣстности, весь утопающій въ зелени. По пріѣздѣ мнѣ слѣдовало отыскать Dr. W., инструктора при патологическомъ институтѣ, къ которому у меня было рекомендательное письмо. Не заставъ его дома, я отправилась въ госпиталь, такъ какъ мнѣ сказали, что я его могу тамъ найти. Госпиталь расположенъ за городомъ, на холмѣ; ихъ собственно два: аллопатическій и гомеопатическій, и стоятъ они рядомъ, несмотря на взаимныя отношенія Монтекки и Капулетти. Гомеопатія въ большомъ ходу и процвѣтаетъ въ Америкѣ. Поднявшись во второй этажъ, я вошла въ комнату, гдѣ сидѣла какая-то молоденькая миссъ: повидимому, это было нѣчто въ родѣ конторы. Я передала ей письмо и спросила о Dr. W. Она вышла изъ комнаты и черезъ минуту вернулась въ сопровожденіи господина очень симпатичной наружности, молодого и бѣлокураго, съ типомъ чистокровнаго янки.

— Dr. W. здѣсь нѣтъ, — произнесъ онъ на хорошемъ нѣмецкомъ языкѣ, какъ американцы обыкновенно не говорятъ.— Прежде онъ дѣйствительно занимался здѣсь, когда былъ моимъ ассистентомъ, но теперь онъ работаетъ при патологическомъ институтѣ. Я — профессоръ Докъ, и если вамъ безразлично, кто будетъ вамъ показывать все наше устройство, то я готовъ сопровождать васъ. Я васъ попрошу только немного подождать: я еще не кончилъ своихъ занятій; а Dr. W. мы еще встрѣтимъ, когда будемъ въ патологическомъ институтѣ, — произнесъ онъ уже на порогѣ комнаты. Онъ вернулся съ быстротой американца, и мы отправились.

Мы прежде обошли зданіе госпиталя, зашли въ маленькую лабораторію; здѣсь занимались нѣсколько человѣкъ студентовъ обоего пола. При этомъ профессоръ Докъ обратилъ мое вниманіе, что въ ихъ университетъ допускаютъ женщинъ. Но боль-

шинство изъ нихъ,—прибавилъ онъ съ неудовольствіемъ,—выходятъ замужъ и не примѣняютъ на дѣлѣ пріобрѣтенныхъ знаній. Посѣтили также нѣсколько отдѣленій, гдѣ все отличалось чистотой и аккуратностью, аудиторію просторную и свѣтлую и, наконецъ, отправились въ городъ. Всѣ университетскія учрежденія вмѣстѣ занимаютъ довольно порядочный участокъ земли; все это отдѣльныя зданія, окруженныя прекрасной растительностью. Въ продолженіе нашего обхода профессоръ Докъ сообщалъ мнѣ о занятіяхъ и о житьѣ-бытьѣ студентокъ; послѣдними онъ особенно интересовался, и то горячее участіе, съ которымъ онъ говорилъ о женскомъ медицинскомъ образованіи, обличало въ немъ его горячаго сторонника, въ чемъ мнѣ пришлось убѣдиться на дѣлѣ. Мы побывали въ различныхъ лабораторіяхъ, осмотрѣли прекрасную библіотеку; обращало на себя вниманіе и зданіе юридическаго факультета. Зашли также и въ „гимназіумъ", то-есть въ гимнастическое зало, гдѣ въ это время нѣсколько студентокъ занимались гимнастическими упражненіями. Всѣ занятія совмѣстны,—сказалъ профессоръ,—за исключеніемъ практической анатоміи и гимнастики; гимнастическое зданіе—одно, но занятія происходятъ въ разные часы. А отъ совмѣстныхъ занятій мы не видимъ ничего дурного,—заключилъ онъ. Наконецъ мы добрались и до патологической лабораторіи, гдѣ застали Dr. W., съ которымъ меня и познакомили.

— А знаете, Dr. W. придумалъ очень хорошо,—обратился ко мнѣ профессоръ Докъ послѣ непродолжительнаго съ нимъ разговора:—онъ предлагаетъ по окончаніи осмотра отправиться къ нему завтракать; я бы пригласилъ васъ пожаловать къ себѣ, но я думаю, что вамъ будетъ гораздо пріятнѣе и полезнѣе отправиться къ нему, такъ какъ въ его квартирѣ вы встрѣтитесь за завтракомъ со многими студентами обоего пола. Послѣ завтрака онъ предлагаетъ вамъ отправиться съ одной изъ нихъ на лекцію въ госпиталь, а въ четыре часа онъ хочетъ устроить у себя чай, пригласивъ всѣхъ студентокъ, которыя еще не разъѣхались на Рождественскія вакаціи, и вы будете имѣть новый случай ихъ видѣть поближе.

Мнѣ оставалось только удивиться американской любезности. Мы побывали затѣмъ еще въ мѣстахъ двухъ, между прочимъ въ лабораторіи бактеріологическаго института профессора Novy, послѣдователя Пастёра, человѣка, преданнаго наукѣ и оставившаго практику ради научныхъ занятій; ему помогалъ его ассистентъ, молодой врачъ, по происхожденію чехъ. Къ часу мы условились съ Dr. W. сойтись въ патологической лабораторіи;

но мы пришли первые, и профессоръ Докъ показалъ мнѣ микротомъ американскаго изобрѣтенія: онъ былъ такъ устроенъ, что съ помощью его можно получать препараты изъ свѣжей ткани, весьма быстро приготовленные, что̀ очень важно въ томъ случаѣ, если желаютъ изслѣдовать совершенно свѣжую ткань, не приходившую въ соприкосновеніе ни съ какой уплотняющей жидкостью.

— Недавно къ намъ пріѣзжалъ профессоръ Baudin изъ Парижа, осматривать наши медицинскія школы,—сказалъ профессоръ Докъ; — мы встрѣтили его съ распростертыми объятіями, его повсюду водили, все показывали съ готовностью, а вернувшись къ себѣ, онъ помѣстилъ въ Semaine Medicale статью, осуждавшую наши учрежденія и очень нелестную для насъ самихъ; а про нашихъ студентокъ онъ выразился, что онѣ походятъ на русскихъ нигилистовъ. Послѣднее заключеніе для меня было большою неожиданностью. Для меня и до сихъ поръ не вполнѣ ясно, что̀ общаго между американками, изучающими медицину, и русскими нигилистами? Впрочемъ, ясно ли это и для самого автора? Я сомнѣваюсь.

Квартира, въ которой жилъ Dr. W., принадлежала къ такъ-называемымъ boarding and lodging; такъ называются меблированныя помѣщенія, которыя сдаются по комнатамъ и со столомъ, въ отличіе отъ просто lodging, гдѣ сдаются только комнаты, и boarding, когда предлагается только столъ. Какъ человѣкъ холостой, W. жилъ въ такомъ домѣ и занималъ двѣ большія комнаты; остальныя были заняты студентами обоего пола. Завтракъ уже начался, когда мы вошли въ столовую, гдѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ студентовъ. Со мной рядомъ сидѣла одна изъ нихъ, уже не первой молодости; мы разговорились. Оказалось, что она съ юридическаго факультета и единственная женщина изъ 400 студентовъ юристовъ. Остальныя имѣли столь миролюбивый видъ, что мнѣ невольно пришло на память французское сужденіе о нигилистахъ. Послѣ завтрака мнѣ предложили отправиться въ госпиталь: была какъ разъ клиническая лекція профессора Дока по внутреннимъ болѣзнямъ. Затѣмъ мы вмѣстѣ отправились на гинекологическую половину, и мнѣ пришлось вновь отдать дань удивленія американской деликатности и скромности.

— Мы обходимся съ нашими больными не такъ чудовищно,— сказалъ докторъ,—какъ, напримѣръ, въ Вѣнѣ,—и онъ описалъ мнѣ нѣкоторыя подробности.

Dr. W. сказалъ, что пригласитъ только студентокъ, т.-е., что four o'clock tea будетъ самыхъ скромныхъ размѣровъ. Въ виду

этого и моей усталости я не нашла нужнымъ зайти въ отель, гдѣ я остановилась, переодѣться; каково же было мое удивленіе, когда оказалось, что онъ не ограничился приглашеніемъ однѣхъ студентокъ, но пригласилъ еще многихъ изъ женъ профессоровъ. Не менѣе удивило меня также, когда онъ успѣлъ все это сдѣлать: студенткамъ онъ могъ передавать приглашеніе другъ черезъ друга, но что касается женъ профессоровъ, то, конечно, онъ отправлялся къ каждой изъ нихъ лично, и хотя Ann Arbor не великъ, но и на это нужно было время. Между прочимъ были нѣкоторые изъ профессоровъ: Докъ, бактеріологъ, съ своимъ ассистентомъ профессоръ математическаго факультета, нѣмецъ изъ остзейскихъ провинцій, жившій долго въ Петербургѣ и говорившій по-русски, G., химикъ, инструкторъ при химическомъ институтѣ, русскій эмигрантъ. Между студентками обращали на себя вниманіе двѣ китаянки, какъ оригинальностью типа, такъ и интеллигентностью своихъ физіономій. Однимъ словомъ, народу набралось къ четыремъ часамъ много, и двѣ комнаты оказались биткомъ набиты. Горящій каминъ и многочисленные приглашенные значительно повысили температуру: не знаю, доставилъ ли хозяину удовольствіе four o'clock tea, но, безъ сомнѣнія, усталъ онъ при этомъ сильно. Подали чай съ лимономъ, почему-то окрещенный именемъ русскаго, до того имъ обезцвѣченный, что онъ принялъ свѣтложелтый цвѣтъ, и если бы не тонкій ароматъ, его можно было бы принять за воду съ лимономъ.

„Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, — сказалъ G., котораго, какъ оказалось, пригласили въ виду его знанія русскаго языка,—американцы, вѣроятно, полагали доставить мнѣ большое удовольствіе слышать въ ихъ странѣ русскую рѣчь,—я первый разъ пью чай съ лимономъ, извѣстный здѣсь подъ именемъ русскаго и устроенный въ честь васъ. Я къ сожалѣнію очень недавно узналъ о вашемъ пріѣздѣ въ Ann Arbor и не успѣлъ даже предупредить объ этомъ свою сестру, съ которою я живу вмѣстѣ; она была бы очень рада васъ видѣть: мы давно уже никого не видали изъ Россіи; завтра мы будемъ васъ ждать къ завтраку, и утромъ, если позволите, я за вами зайду".

Four o'clock tea прошелъ въ оживленной бесѣдѣ и продолжался часа полтора; объ отдыхѣ нечего было и помышлять, такъ какъ профессоръ Докъ и его жена, красивая молодая женщина, лѣтъ 20 съ небольшимъ, тоже типа янки, пригласили меня къ обѣду, къ шести часамъ, къ себѣ. Я должна еще прибавить, что студентки медицинскаго факультета въ Ann Arbor'ѣ имѣютъ свой, такъ называемый, клубъ, т.-е. онѣ нанимаютъ

домъ, но въ которомъ только живутъ, а завтракъ, обѣдъ и все прочее получаютъ въ boarding houses, ресторанахъ. Совершенно неожиданно для себя, я получила отъ нихъ приглашеніе остановиться въ ихъ клубѣ на время моего пребыванія въ Ann Arbor'ѣ.

Докъ занималъ прелестный домикъ-особнякъ, весь утопавшій въ зелени, одинъ изъ тѣхъ, которые такъ часто можно встрѣтить въ Ann Arbor'ѣ. Небольшія сравнительно комнаты были съ большимъ вкусомъ меблированы — по-американски: между миніатюрной мягкой мебелью были разбросаны изящные столики и rocking chairs (качалки);—безъ качалки не обходится, кажется, ни одинъ американецъ: въ ней онъ работаетъ и въ ней же отдыхаетъ. Къ обѣду былъ приглашенъ М., уже названный мною профессоръ математическаго факультета: очевидно, мнѣ хотѣли доставить удовольствіе русскою рѣчью въ Америкѣ. Разговоръ коснулся и американскихъ студентокъ, и Докъ повторилъ случай съ Бодэномъ, вѣроятно для М., такъ какъ я уже знала объ этомъ.

— Ну, а вы, какъ вы находите нашихъ студентокъ?—обратился ко мнѣ профессоръ Докъ:—походятъ ли онѣ на русскихъ нигилистовъ?

— Онѣ повсюду производили на меня прекрасное впечатлѣніе, и на основаніи того, что мнѣ приходилось лично видѣть, слышать и читать, я о нихъ самаго высокаго мнѣнія. Что касается меня лично, то я отъ всей души желаю, чтобы все ваше хорошее, все, что вамъ такъ дорого, все, чѣмъ вы такъ въ правѣ гордиться, переплыло бы постепенно океанъ, но не останавливалось бы на родинѣ профессора Бодэна; оно, вѣроятно, не найдетъ тамъ благопріятной почвы, а доплыло бы до насъ, быть можетъ, наша почва не будетъ камениста для вашихъ благородныхъ сѣмянъ и было бы хорошо, еслибы вашъ примѣръ уничтожилъ поѣдающую насъ апатію и ничего недѣланіе.

Такъ какъ въ клубѣ меня ожидали, я не долго осталась у Дока. Клубъ студентокъ медицины занималъ также домикъ-особнякъ и состоялъ изъ трехъ этажей. Въ первомъ этажѣ помѣщался общій parlour (гостиная), остальные были заняты студентками, при чемъ нѣкоторыя имѣли въ своемъ распоряженіи, кромѣ маленькой спальни, еще довольно просторную гостиную. Мнѣ какъ разъ предложили подобное помѣщеніе, при чемъ его хозяйка, особа очень юная, вѣроятно, лѣтъ 18, не болѣе, перешла къ своей сосѣдкѣ. Когда мы вошли съ Докомъ, который проводилъ меня сюда, то нашли въ гостиной большое общество: въ этотъ день наступали каникулы, и на другой день очень многія разъѣхались на Рождественскіе праздники. Впрочемъ про-

фессоръ скоро ушелъ, посовѣтовавъ мнѣ пойти спать безъ всякихъ церемоній, если я чувствую себя очень утомленной. Это было какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ мои ноги съ трудомъ меня держали, а въ головѣ царствовалъ невообразимый хаосъ послѣ всей этой массы разнообразныхъ впечатлѣній истекшаго дня. Мое появленіе въ клубѣ не обошлось безъ нѣкоторой сенсаціи, при чемъ одна студентка бельгійскаго происхожденія энергично требовала отвѣта на свои вопросы и чуть ли не желала знать мою біографію. Я не менѣе энергично просила отложить вопросы и отвѣты до слѣдующаго дня.

— Но я завтра утромъ уѣзжаю!—воскликнула она.—Но получивъ нѣчто отъ меня на память, успокоилась. Но чье вниманіе меня до нельзя трогало—это вниманіе моего юнаго друга, добровольно уступившаго мнѣ свои комнаты. Когда я на другое утро, проснувшись съ тупой болью въ членахъ и съ тяжелой головой, прошла въ гостиную, то нашла тамъ уже свѣжіе фрукты: виноградъ и яблоки. И каждый разъ, какъ я возвращалась къ себѣ въ продолженіе дня, я находила что-нибудь новое на столѣ, положенное невидимой рукой. Утренній кофе я, конечно, проспала, но такъ какъ меня безъ кофе оставить не хотѣли, то начали варить его общими усиліями. Только незначительная часть членовъ клуба осталась въ городѣ: большинство разъѣхалось на Рождественскія каникулы, а потому всѣ оставшіеся отправились со мной осматривать институты, которые я не успѣла видѣть вчера, въ томъ числѣ и анатомическое зданіе. Ничѣмъ особеннымъ оно не отличалось и устроено по типу, весьма общему въ Америкѣ. Что меня поразило, такъ это до крайности доведенная спеціализація въ этой наукѣ. Оказалось, что анатомія нервной системы стоитъ совершенно отдѣльно отъ прочей, какъ мнѣ это пояснили сопровождавшія меня студентки, и имѣетъ своего спеціальнаго преподавателя въ лицѣ встрѣтившаго насъ профессора Н. Несмотря на это, почтенный профессоръ оказался, повидимому, недостаточно освѣдомленнымъ о господствующихъ школахъ и направленіяхъ въ наукѣ, которой онъ состоитъ преподавателемъ.

На другое утро я покинула Ann Arbor, унося съ собою впечатлѣніе маленькаго уголка земного рая; въ особенности прекрасное впечатлѣніе оставили это равенство правъ въ изученіи науки и хорошія товарищескія отношенія между студентами обоего пола, которыя обращали на себя вниманіе, какъ въ аудиторіи, такъ и въ лабораторіяхъ. Оставшіяся въ клубѣ студентки проводили меня до вокзала; такъ какъ до него было очень близко, то мы

отправились пѣшкомъ. Моя юная пріятельница несла маленькую корзинку съ такимъ благоговѣніемъ, какъ будто на ея долю выпала особенная честь.

Мой обратный путь въ Филадельфію лежалъ черезъ Канаду и Ніагару. Я не берусь описывать всю величественность картины Ніагарскаго водопада и передать всю ту массу ощущеній, которыя путешественникъ переживаетъ при видѣ этой изумительной, по своей величественности, природы, предъ которой Шафгаузенскій водопадъ въ Швейцаріи есть не болѣе, какъ игрушка. Американцевъ часто упрекаютъ въ излишнемъ матеріализмѣ, и въ то же время, что̀ же мы видимъ: швейцарцы берутъ плату за зрѣлище Рейнскаго водопада, тогда какъ такое чудо природы, какъ Ніагара, врядъ ли имѣющая что-либо подобное себѣ въ мірѣ, показывается даромъ. Вы можете любоваться Ніагарой отовсюду: какъ съ американской стороны, такъ и со стороны Канады, гдѣ устроена прекрасная бесѣдка и откуда открывается чуть ли не самый величественный видъ на оба водопада одновременно; можете видѣть также и со стороны острова, окруженнаго обоими водопадами, и за все это вы не платите ни одного цента. Между тѣмъ городъ содержитъ паркъ, поддерживаетъ дороги и дорожки для пѣшеходовъ на островѣ, бесѣдки и т. д., и это при американской дороговизнѣ труда!

О. Л.

МИЛЫЙ ДѢДУШКА

РАЗСКАЗЪ.

У Аполлона Кондратьевича Крифина ёлка. Вся сверкаетъ она какъ осыпанная настоящимъ снѣгомъ,—не изъ серебра и не изъ брилліантовой пудры, какъ думаютъ гости,—этотъ эффектъ достигнутъ посредствомъ толченаго стекла съ его собственнаго завода и жестяныхъ опилокъ, наклеенныхъ на стволъ ея и вѣтви. Густая, высокая, она уходитъ въ потолокъ вершиной, сіяющей между огней яркими звѣздами, только не золочеными, какъ полагаютъ гости, склонные преувеличивать щедрость и расточительность богачей. И на вѣтвяхъ, и подъ вѣтвями ёлки, на столахъ и на полу такое множество игрушекъ, что разбѣгаются глаза. Домики, саночки, куклы, лошадки, арлекины, картинки и книжки,—чего только нѣтъ. Блеститъ на всемъ фольга и мишура, смолистый запахъ наполняетъ воздухъ, и подъ веселую музыку раздается веселый лепетъ малютокъ.

— Абака, тпруся, бомбомъ! Дѣдушка милый, хорошій!—ласкаютъ дѣти старика.

Вотъ онъ сидитъ тутъ съ ними, не фантастическій рождественскій дѣдъ, въ существованіе котораго вѣрятъ только самые маленькіе, а родной дѣдушка Вани и Мани, ихъ папаши папаша, источникъ праздничныхъ радостей, несбыточныхъ надеждъ, не исполнимыхъ обѣщаній. Ему всѣ благодарны за ёлку.

Онъ окруженъ живой волной свѣтлыхъ шелковъ, кружевъ и лентъ на родныхъ и чужихъ ему внукахъ, которые тѣснятся, жмутся къ нему со всѣхъ сторонъ. Тянутся круглыя щечки къ нему и наивные глазки, пухлыя ручки ловятъ руку его для по-

цѣлуя. Толкотня, хныканье, визгъ: „Мой дѣдя! Мой Апо! Мой“! Каждому надо пробраться поближе, сѣсть къ нему на колѣни, коснуться розовымъ пальчикомъ его сѣдины, сжать въ кулачкѣ пуговицу его сюртука, или завладѣть хоть фалдой его сзади, кому не удалось попасть ему на глаза.

Съ тѣмъ же рвеніемъ и взрослые добиваются его взгляда. Модницы-дамы съ пучками волосъ, какъ съ пейсами, надъ ушами и кавалеры-франты искательно заглядываютъ милліонеру въ глаза.

Онъ привѣтливо жмурится и смѣется.

Когда онъ смѣется, поджавъ подъ бѣлыми усами губы, брови его, поднявшись, образуютъ двѣ дуги, изъ-подъ которыхъ свѣтятся въ щелочки между вѣками темные зрачки, такъ добродушно, такъ ласково свѣтятся, что каждый, на комъ остановитъ онъ взглядъ, тотчасъ проникнется надеждой на его готовность подѣлиться своими благами, или помочь кому угодно создать себѣ точно такія же, какими онъ пользуется. Славный старикъ.

Высокопросвѣщенный, неутомимо-дѣятельный и предпріимчивый коммерсантъ, много онъ пользы приноситъ трудовой своей жизнью, много сдѣлалъ добра. Школу, больницу завелъ для рабочихъ, выдаетъ пенсіи престарѣлымъ, опекаетъ и пристраиваетъ малолѣтнихъ сиротъ, и по одной изъ сотни просьбъ исполняетъ для всякаго. А это очень много по сравненію съ тароватостью другихъ богачей, не исполняющихъ изъ тысячи просьбъ ни одной. Добрый старикъ, и Богъ награждаетъ его за доброту.

Не прошло и года съ тѣхъ поръ, какъ онъ вторично овдовѣлъ, а посмотрите вы, какъ онъ здоровъ, и бодръ, и подвиженъ. Печаль не согнула его спину, не сокрушила его силъ, не смутила души. Крѣпкія плечи, крутой затылокъ говорятъ объ энергіи, непреклонная воля видна въ его повелительныхъ жестахъ, виденъ выдающійся умъ подъ обнаженнымъ широкимъ лбомъ. Проницательность и живучесть въ глазахъ, живучесть во всей его представительной внѣшности, въ неутратившемъ свѣжести голосѣ, которому внемлютъ съ благоговѣніемъ всѣ, кто удостоится слышать его.

— По-истинѣ прекрасна убѣленная опытами, благожелательная старость! — восклицаютъ гости не громко, а про себя, но такъ, чтобъ онъ могъ ихъ разслышать, съ умиленіемъ созерцая мудраго, ангельски-кроткаго старца.

Другіе гости говорятъ между собой совсѣмъ тихо, чтобъ онъ не слыхалъ, подальше отъ него, въ столовой и въ большой залѣ, говорятъ съ недоумѣніемъ о томъ, что роковое несчастіе тяготѣетъ надъ его семьей. Три близкихъ ему женщины съ такимъ

завиднымъ положеніемъ, подумайте, сами лишили себя жизни, вотъ по-истинѣ странное и во всѣхъ отношеніяхъ знаменательное явленіе. Его первая жена застрѣлилась, взрослая дочь отъ перваго брака вдругъ ни съ того, ни съ сего отравилась, а вторая жена утопилась, — просто непостижимые, невѣроятные удары судьбы. Но ничто не сломило этого сильнаго, замѣчательнаго человѣка.

По прежнему трудится онъ и богатѣетъ, все расширяя и расширяя кругъ своей вліятельной дѣятельности. И голосъ его имѣетъ рѣшающее значеніе, проникая подобострастнымъ вниманіемъ всѣхъ, кто слышитъ его.

Онъ говоритъ своимъ и чужимъ внукамъ по поводу созерцаемой ёлки.

— Веселитесь, дѣти, пока вы вѣрите, что радости даются вамъ за послушаніе, за любовь и хорошія чувства, и пусть какъ можно долѣе никто изъ васъ не знаетъ, что каждая радость дается не даромъ, что минуты счастья влекутъ за собой тяжелые часы раздумья, что каждый успѣхъ выкупается сотнею неудачъ.

— Зачѣмъ онъ это говоритъ,—прошептала въ отдаленіи отъ ёлки молодая женщина, сжавъ руки у сердца: — онъ это мнѣ говоритъ... Онъ на меня глядитъ.

Она вышла изъ круга котильона, чтобъ посмотрѣть на дѣтей. Она припомнила, какъ въ этой же залѣ и она, будучи ребенкомъ, пользовалась наравнѣ съ дѣтьми хозяина всѣми радостями праздника, и тяжко вздохнула. Хочется ей и теперь веселиться общимъ весельемъ, но у ней горе на сердцѣ.

Она наряжена по святочному. На ней короткая красная юбка зубцами, которые, словно пламенными языками, облегаютъ ея ноги въ черномъ трико; черныя крылышки надъ плечами загнуты вверхъ, и по смуглымъ, оголеннымъ плечамъ ея, по смуглой шеѣ спадаютъ скрученныя пряди черныхъ волосъ, перевитыхъ красными лентами; изъ пучка кудрей на макушкѣ выходятъ стоячіе красные рожки сатаненка. Она невелика ростомъ, тонка и дѣтски курносымъ смуглымъ лицомъ, съ темными выкругленными глазами похожа на дѣвочку, а ей уже за двадцать лѣтъ. И она страдаетъ, эта женщина.

Недавно пользовалась она успѣхомъ на сценѣ губернскаго города, играла также въ одномъ изъ столичныхъ театровъ, жизнь улыбалась ей, но она потеряла талантъ.

Рѣчь дѣдушки напомнила ей о несчастіи, среди праздничнаго веселья оно глубже чувствуется, и это легко было бы замѣтить по ея лицу, еслибъ кто-нибудь изъ гостей могъ обращать вни-

маніе на нее, дальнюю родственницу первой супруги хозяина, ничего не получившую въ приданое и уже разведенную съ мужемъ, съ какимъ-то провинціальнымъ актеромъ. Конечно, никто не станетъ смотрѣть на нее.

Но Аполлонъ Кондратьевичъ сейчасъ же, какъ она вошла, ее замѣтилъ, бросивъ ей неуловимо быстрый, но выразительный взглядъ, и повелъ свою рѣчь для нея.

Прислонясь къ косяку двери между большой и малой залами, она слушаетъ хозяина, котораго называетъ отцомъ, не сводя съ него глазъ.

Онъ приковалъ къ себѣ ея глаза, остановивъ на ней свои лишь на мгновеніе. Его взглядъ, котораго такъ добиваются дѣти и взрослые, принялъ выраженіе затаенной иронiи, вызова. Скользнувъ имъ по ея лицу и костюму, онъ продолжалъ благодушно совѣтовать дѣтямъ.

— Играйте, прыгайте, танцуйте, пока не знаете, что значитъ горе и отчаяніе, милыя дѣточки! Беззаботная пора вашихъ лѣтъ скоро минуетъ, и горе тому, кто остается легкомысленнымъ ребенкомъ выростая. Пусть ростетъ и крѣпнетъ вмѣстѣ съ вами ваше благоразуміе, осмотрительность, осторожность, съ ними изъ скромныхъ курточекъ иные выростутъ въ шитые золотомъ кафтаны и чины; изъ простого ситца въ бархатъ и бриллiанты, подносимые талантамъ...

Старикъ искоса поглядѣлъ на сатанёнка-женщину.

Она все стояла, прислонясь къ косяку. Въ ея устремленныхъ на него глазахъ безпомощное опасеніе, тоска. Дрогнули губы ея, издавъ неуловимый для посторонняго слуха шопотъ.

— У меня пропалъ талантъ.

Старикъ видитъ ее и понимаетъ. Онъ провѣрилъ дѣйствіе своихъ словъ на ея душу, и взглядъ его просвѣтлѣлъ отъ внутренняго удовлетворенія.

— Талантамъ и счастью, — продолжаетъ онъ.—Другіе изъ васъ, нынѣ такихъ нарядныхъ и гордыхъ своими нарядами, будутъ слѣпить глаза и день и ночь надъ трудной, неблагодарной работой. А кто не научится работать, тому лучше было бы совсѣмъ не родиться. Дѣти, учитесь работать, чтобы не быть паразитами!

— Будемъ учиться, дѣдушка Апо! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

Самъ онъ, богатый дѣдушка, родился въ бѣдности. Кое-кто изъ присутствующихъ помнитъ его въ дырявыхъ сапогахъ, въ неустанныхъ поискахъ за слѣпящей глаза работой. Но онъ былъ

слишкомъ ловокъ, чтобъ счастье могло ускользнуть отъ него. Онъ служитъ примѣромъ для подражанія, и принимаетъ какъ должное лестный полушопотъ гостей.

Въ большой залѣ раздается между тѣмъ команда дирижера танцевъ, его младшаго сына, Владиміра Крифина.

— Les cavaliers dos-à-dos, les dames en avant! Tournez!

Отецъ обернулся въ сторону его голоса и пронзилъ колючимъ взглядомъ сатаненка-женщину.

Она совершенно выпрямилась, опустивъ вѣки, блѣдная. Ея худощавая фигурка слегка пошатнулась въ черномъ корсажѣ, отягощенномъ огненнаго цвѣта бусами, нашитыми на грудь; руки ея въ черныхъ перчаткахъ трепетно ихъ захватывали, и бусы посыпались на полъ.

Дѣти бросились ихъ подбирать.

— Balancez et à vos places! — кричитъ дирижеръ танцевъ, бѣлокурый юноша въ голубомъ костюмѣ Зибеля. Онъ съ озабоченнымъ лицомъ заглянулъ въ дѣтскую залу и увидалъ сатаненка.

— Ты здѣсь, Лидія! Безъ тебя путаютъ фигуры, пойдемъ,— сказалъ онъ, взявъ ее за талію.

Она чуть слышно протестуетъ:—Оставь меня, Володя! —Но рука ея ложится на плечо юноши, котораго она зоветъ своимъ братомъ, отяжелѣвшія холодныя ноги приходятъ въ движеніе, и, мгновенно оживъ, теплой волной всколыхнулась въ ней кровь, она унеслась въ вихрь котильона, въ ликующую красотой и молодостью толпу волшебницъ, королей, маркизъ и пастуховъ.

Сатаненокъ-женщина не страдаетъ, когда танцуетъ, быстрая, легкая, живая какъ огонь, прихотливая въ каждомъ своемъ движеніи до сумасбродства. По красиво изогнутымъ линіямъ ея тѣла пробѣгаетъ дрожь удовольствія, глаза загораются страстью.

— Полюби меня, Володя,—прошептала она.

На томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла у двери, стоитъ теперь добродушный дѣдъ, окруженный внучатами. Передъ его глазами голубой беретъ Зибеля и красные рожки сатаненка соединились, смѣшались въ одно и задорно мелькаютъ въ быстромъ, черезъчуръ продолжительномъ, круженіи. И пробуетъ старикъ отвѣтить привѣтливой миной на чье-то привѣтствіе, но мускулы лица ему не повинуются, они сложились сурово, а взглядъ его сталъ металлически жосткимъ, брови сдвигаются въ одну линію:

„Не научилась работать, а танцуетъ хорошо, съ увлеченіемъ, тоже умѣетъ увлечь своимъ носишкой разводка“, говоритъ онъ себѣ, плотно сжавъ губы.

Она вздрогнула, поймавъ на себѣ его взглядъ, и повлекла

за собой кавалера изъ залы въ пустую гостиную за спущенный занавѣсъ, въ углубленіе окна.

Тамъ она съ замирающимъ сердцемъ припала, обнявъ юношу, лицомъ къ его плечу, шопотъ ея звучитъ жалобнымъ воплемъ:

— Володя, спаси меня! Я боюсь его, страшно боюсь...

— Кого?

— Твоего отца... Онъ ужасенъ.

Юноша, отстранивъ ее, поправляетъ на себѣ складки атласа, выпрямляетъ грудь, увѣшанную сусальными орденами, заслуженными въ должности котильоннаго командира, но сердце его неспокойно; оно бьется, сильнѣе бьется, слышенъ испугъ въ его голосѣ.

— Что на тебя нашло, Лидія?—спрашиваетъ онъ.

— Я больше не въ силахъ молчать... Онъ терзаетъ меня, какъ терзалъ твою покойную мать... Ты прислушайся къ его словамъ, вглядись въ его глаза, когда онъ ихъ остановитъ на мнѣ; онъ ужасенъ...

Раздались чьи-то шаги въ гостиной, потомъ удалились и смолкли, заглушенные звуками вальса; слышенъ веселый гулъ, шарканье ногъ, дребезжанье стакановъ въ столовой.

Отдѣленные колыханіемъ тяжелаго занавѣса отъ шумнаго общества, они притихли, оба мертвенно-блѣдные въ лунномъ таинственно дремотномъ полусвѣтѣ, объятые неизъяснимымъ страхомъ. Съ внутренней дрожью они медленно переводятъ дыханіе. Онъ наклонилъ голову, хочетъ вглядѣться въ ея лицо. Она повторяетъ:

— Ужасенъ!

— Ты съ ума сошла!

— Можетъ быть... какъ твоя мать. И мнѣ предстоитъ ея участь. Ты ничего не понималъ, а я жалѣла ее... Пожалѣй меня, Володя! Я тебя маленькаго няньчила.

Еще крѣпче она прижалась къ его плечу, и оба, заслышавъ шаги, притаились.

Вошелъ въ гостиную ученый инженеръ въ сопровожденіи даровитаго самоучки-механика, главнаго мастера на заводѣ Крифина, и, сѣвъ къ столу, нетерпѣливымъ тономъ сказалъ:

— Чай да закуска, а ужинать не даютъ до сихъ поръ... Такъ вамъ не хочется, чтобъ я поступилъ на вашъ заводъ?

— Кому, мнѣ? — уклончиво произнесъ главный мастеръ Ватрушкинъ.

— Ну, не вамъ, такъ Курнакову, все одно.

— А почему Курнакову?

— А потому, что вы съ нимъ заодно и всегда прячетесь за его спину.

— Кто, я?

— И вы, и Крифинъ, на то онъ его личный секретарь. По способностямъ Курнаковъ былъ бы уважаемымъ человѣкомъ, попади онъ въ другую компанію, а съ вами... Впрочемъ, чортъ его знаетъ... Рожа презлая у него.

— Коли зло вышло наружу, значитъ, внутри его не осталось,—возразилъ Ватрушкинъ.

— Вамъ нельзя не быть на его сторонѣ.

— Ни на чьей я сторонѣ, а говорю по справедливости. Такъ, развѣ по части взысканій да распеканій Курнаковъ, конечно, не промахъ, да вѣдь надо же кому-нибудь.

— Быть Аракчеевымъ при благословенномъ царѣ. Ну, а три самоубійства въ одномъ и томъ же семействѣ?

— На все воля Божія.

— И главы семейства.

— Какъ это можно говорить...

— Говорятъ, что онъ перевелъ капиталъ на имя первой жены и получилъ назадъ въ наслѣдство отъ нея, потомъ черезъ двѣнадцать лѣтъ перевелъ капиталъ на имя второй жены и получилъ въ наслѣдство... А для какой надобности вашъ благожелательный старецъ избавился отъ дочери,—дѣло темное.

— Помилуйте! Полноте вы чудить! Никто ни отъ кого не избавлялся, а что дѣйствительно барышня она была съ своими мыслями, а это для Аполлона Кондратьевича хуже всего. Наговоритъ отцу о благородствѣ, того и гляди, подгадитъ въ дѣлахъ. Онъ бывало съ ней и согласится, уступочку современности сдѣлаетъ, но чтобъ за это его одного хвалили и благодарили. А народъ глупъ: къ барышнѣ лѣзетъ. И главная суть: многое угадала, чего ей не слѣдовало... А ужъ умъ, да ученость, да книжность, ахъ, не любитъ онъ въ женщинахъ! И всѣ три покойницы книжки читали,—дѣлать-то нечего было, и свои мысли обо всемъ, что ни спроси. Ему чтобъ женщина влилась въ мужчину, а сама по себѣ совсѣмъ не существуй. И какъ только ненужна ему стала или помѣхой сдѣлалась,—тутъ ужъ ни слезы, ни мольбы, никакія хорошія чувства не помогутъ...

— Ага, договорились!..

— Ни до чего я не договаривался,—спохватился Ватрушкинъ:—мнѣ нельзя, на мнѣ весь заводъ лежитъ... Добрѣйшей души человѣкъ Аполлонъ Кондратьевичъ, нашъ хозяинъ-отецъ: многимъ хлѣбушка далъ заработать, многихъ сдѣлалъ людьми,

вотъ что я говорю. Дай Богъ ему многіе годы здравствовать! Безъ него что бы я былъ теперь,—убѣжденно и съ благодарностью восклицаетъ механикъ-крестьянинъ:—я съ нимъ съ маленькимъ былъ неразлученъ—какъ же мнѣ его не хвалить?

— Да вы не опасайтесь, я васъ не выдамъ, Ватрушкинъ, я понимаю васъ, — тономъ презрительнаго снисхожденія отвѣчаетъ ему инженеръ: — и, по правдѣ сказать, я осуждать васъ не могу. Рабу свойственно, даже любя своего господина, злословить его,—въ этомъ заключается услада рабства...

— Рабъ-то я пожалуй что рабъ ему, но я его не злословлю. А что скупъ онъ сталъ подъ конецъ, и говоритъ, вздыхаючи, всѣмъ намъ: „сами знаете, господа, говоритъ, какія были невзгоды въ семейной жизни моей, боюсь я за Володю теперь. Ни въ чемъ отказывать ему не смѣю, а онъ хочетъ дѣлами управлять, такъ не посѣтуйте, коли по молодости лѣтъ не угодитъ вамъ". Тотъ сейчасъ,—мальчикъ понятливый, да и съ характеромъ,—убавилъ заработную плату и скаредные порядки завелъ. Всѣхъ подтянулъ, изобидѣлъ, ему бы только власть показать. А отецъ какъ-будто насъ жалѣетъ всѣхъ, да вотъ нельзя ему ни въ чемъ сыну перечить.

— Когда это было?

— А вотъ недавно. Однакоже, какъ до кассы дошло, да недостача прокученныхъ сыномъ денегъ въ ней обнаружилась, сейчасъ и отставилъ его.

— Безъ опасенія за его жизнь?

— Безо всякаго, — добавилъ Ватрушкинъ опрометчиво. — Господи, чтожъ это я въ самъ-дѣлѣ вдругъ разболтался! Ужъ вы, ради Создателя,—взмолился онъ:—я съ вами душу отвелъ, а вы, пожалуй...

— Не безпокойтесь, договаривайте. Почему вы не совѣтуете мнѣ поступать на вашъ заводъ?

— По мнѣ, пожалуй, хоть сейчасъ поступайте. Кхе-хи-хи!

— Не смѣйтесь, не рискуйте меня разсердить, Ватрушкинъ, договаривайте.

Механикъ колебался болѣе секунды, потомъ, полусмѣясь и не совсѣмъ рѣшительно, произнесъ:

— Не возьметъ онъ васъ.

— Ну, вотъ еще! Самъ предлагаетъ, проситъ, у меня письма его.

— А и возьметъ, такъ только чтобъ насъ пугнуть да подтянуть, чуть начнешь отбиваться отъ рукъ: „вотъ молъ вамъ,— это намъ-то:—и безъ васъ обойдусь".—Да только не легко онъ со своими разстается до самой до нашей до смерти. И какъ

старый служака при новомъ возьмется за дѣло со всѣмъ усердіемъ, вы не нужны будете.

— Тутъ ужъ ни слезы, ни мольбы?.. Неужели сгонитъ?

— Онъ-то? —Кхи-хи, сказали! Нѣтъ, онъ васъ не сгонитъ, а такъ подстроитъ, такъ подведетъ, что вы сами уйдете. Зависть къ вамъ своей особенной милостью возбудитъ, или тамъ ужъ онъ знаетъ, какъ на васъ натравить всѣхъ отъ мала до велика: руки опустите. Всѣ будутъ вамъ наперекоръ идти, одна порча вашему дѣлу и непріятности ото всѣхъ. Онъ-то васъ пожалѣетъ и побранитъ всѣхъ вашихъ супротивниковъ, и такъ васъ улеститъ и обнадежитъ, что вы разстанетесь съ нимъ какъ съ наилучшимъ другомъ при своемъ при пиковомъ интересѣ. И когда опять ему понадобитесь, опять сослужите такую же службу ему съ полнымъ вашимъ удовольствіемъ.

— А вѣдь это искусство, чортъ возьми!—воскликнулъ инженеръ съ восторгомъ:—надо бы у него поучиться!

— Нѣтъ, этому не научитесь, это врожденное...

— Вы хотите сказать: врожденный талантъ.

— Талантъ наживать милліоны, вотъ что̀ я хочу сказать. А сыновья ихъ проживутъ. Имъ бы по глупости все напрямки... Господи помилуй!

Откуда-то явился Зибель съ поднятымъ надъ головой кулакомъ, и съ необузданнымъ пыломъ молодости устремился на мирныхъ собесѣдниковъ. И за нимъ, удерживая его руку, повисла на ней сатаненокъ-женщина, заслонивъ собой лицо Ватрушкина.

— По глупости! Ты сказалъ: по глупости, ты, старое животное! — укоряетъ Зибель.

— Послѣ, послѣ, Володя, ты объяснишься,—говоритъ сатаненокъ, зажимая его губы ладонью.

И два святочныхъ костюма въ борьбѣ между собой обрушились на диванъ, рядомъ съ сюртукомъ механика. Ему пришлось ихъ разнять.

— Да полноте чудить! Я такъ, къ примѣру говорилъ, не про васъ совсѣмъ.

— Вонъ! Сейчасъ вонъ!—командуетъ Зибель.—Послушайте, я васъ беру сейчасъ на его мѣсто... Гдѣ инженеръ?

Мгновенно успокоясь, всѣ трое оглядываются, ищутъ глазами инженера, но онъ успѣлъ скрыться.

— Ушелъ!

— То-то вотъ и есть, Владиміръ Аполлоновичъ, полагайтесь на чужихъ послѣ этого. Свой-то хоть и ругнетъ, любя, да вѣренъ останется. Эхъ, молоды вы...

— Ну, ты... пожалуйста, не смѣй,—въ смущеніи бормочетъ Зибель, поспѣшно удаляясь, и черезъ минуты двѣ слышна его команда въ большой залѣ:

— Choisissez vos dames et à vos places!

Все еще среди дѣтей благодушный хозяинъ говоритъ имъ, что всегда говорится по поводу рождественской ёлки во всѣхъ назидательныхъ дѣтскихъ книжечкахъ.

— У васъ есть, милыя дѣточки, братья и сестры по Христу, такія же, какъ вы, невинныя созданія, но голодныя, озябшія, въ лохмотьяхъ. Имъ слѣдуетъ помогать. Не будемъ, однако, лицемѣрить,—говоритъ онъ, — и сейчасъ же сознаемся...

— Не будемъ, однако, лицемѣрить,—повторилъ кто-то съ подавленнымъ смѣхомъ, и вслѣдъ затѣмъ пущенный въ воздухъ воланъ ударилъ дѣдушку по носу, а подъ стуломъ его раздался выстрѣлъ пистона.

Дѣти, какъ многіе взрослые, не ставятъ ни во что того, кого перестаютъ бояться, а дѣдушка слишкомъ доступенъ для нихъ въ этотъ вечеръ. Но ему начинаетъ казаться, что въ нѣдра дома его проникла и носится надъ его головой непріязнь, мнитъ онъ врага въ своихъ стѣнахъ, и съ выраженіемъ лукавой подозрительности скосились его темные зрачки на группу мужчинъ, въ сторонѣ о чемъ-то разсуждавшихъ съ улыбками.

— И сознаемся, что помогая бѣднымъ сегодня, мы ничего не измѣнимъ на завтра,—все-таки льется безмятежно и плавно рѣчь его.—Притомъ, давая безъ разбора, можетъ быть, голодному, а, можетъ быть, и наглому...

— Такъ лицемѣрить не будемъ,—громко и весело говоритъ инженеръ, подходя къ нему съ протянутой рукой. — Покойной ночи, добрѣйшій Аполлонъ Кондратьевичъ, пора мнѣ домой.

Хозяинъ такъ и воззрился въ него съ какой-то хищнической ласковостью улыбаясь, при чемъ крупная нижняя губа его, подтянутая вверхъ углами, сдѣлалась влажной. Такъ улыбаясь, всегда смотритъ онъ на людей, нужныхъ ему, всѣхъ положеній и репутацій, видя въ нихъ одну сторону, изъ которой можно пользу извлечь, и закрывая глаза на все остальное.

— А, это вы,—отвѣчаетъ онъ инженеру: — что же вы не посидите со мной? Милости просимъ запросто во всякое время, очень, очень обрадуете,—съ чарующей интонаціей проситъ онъ всѣмъ своимъ смѣющимся лицомъ, и, привставъ немного со стула, крѣпко жметъ ему руку, кланяется.

— Милый старикъ!—зашептали кругомъ. И безотчетно под-

даваясь очарованію привѣтливой манеры, самъ инженеръ готовъ его обнять и расцѣловать отъ души.

— Не будемъ лицемѣлить, — безсмысленно пролепеталъ малютка, цѣпляясь за его локоть.

— Однако, дѣти, пора вамъ бай-бай! Прощайте, прощайте!

Старикъ всталъ, осаждаемый ребятишками, и съ непредвидѣннымъ отъ него проворствомъ спѣшитъ выбраться изъ залы, пріостанавливается на ходу съ гостями поважнѣе, перемолвитъ словечко, и сказавъ на ухо своему старшему женатому сыну и гостю:—Увози Ваню и Маню,—онъ скрылся за боковой дверью во внутреннія комнаты.

Мигомъ замолкла музыка, разбрелись наряженныя пары, запахло дымомъ и воскомъ отъ погашенныхъ свѣчекъ на ёлкѣ, уже солдатъ безъ головы и лошадь безъ хвоста валяются на полу пустѣющей залы.

Въ передней столпились гувернантки, бонны и матери, одѣвая дѣтей, только и говорятъ онѣ: — Люби дѣдушку Апо, это онъ тебѣ далъ. — Ахъ, что это за человѣкъ, какой умъ, какое сердце!—Не сломай дѣдушкинъ подарокъ!

На площадкѣ лѣстницы инженеръ предлагаетъ самоучкѣ-механику:

— Хотите со мной ужинать? Въ самомъ дѣлѣ, завелись тутъ скаредные порядки: безъ ужина гостей отпускаютъ... Поѣдемъ въ ресторанъ, вы послѣ вышивки будете еще откровеннѣе.

— Кхе-хи, хи,—отвѣчаетъ ему Ватрушкинъ. — Съ удовольствіемъ.

II.

Послѣ столкновенія Ватрушкина съ Володей, Лидія Ивановна ушла къ себѣ, замѣнила святочный костюмъ домашнимъ капотомъ, и съ накипѣвшими въ груди слезами она задумалась, сѣвъ на кровать.

Она несчастна.

Въ увѣренности, что вмѣстѣ съ ея рукой будутъ и деньги отъ щедротъ богача Крифина, мужъ ея денегъ не дождался, и сталъ обвинять ее въ своемъ къ ней охлажденіи и въ первый же годъ добиваться развода, на который она равнодушно согласилась, взявъ добровольно на себя всю вину неудачнаго брака.

Она привыкла съ дѣтства быть виноватой за шалости другихъ дѣтей, не помнитъ, чтобъ ей когда-нибудь удалось оправдаться, и мало-по-малу исчезло изъ ея сознанія всякое понятіе о

справедливости. Привычка быть на дурномъ счету у окружающихъ, несмотря ни на какія усилія достигнуть похвалъ, породила въ ней совершенно равнодушное отношеніе къ своей личности. И въ силу этого, она не задумалась раздѣлить артистическую карьеру съ первымъ, почти неизвѣстнымъ ей человѣкомъ, актеромъ изъ провинціи, удостоившимъ ее предложенія.

Поступивъ на сцену, она вдругъ сдѣлалась предметомъ публичныхъ похвалъ и восторговъ. Она увлеклась, и увлекала другихъ драматическимъ искусствомъ, почувствовавъ къ нему призваніе, а это большое счастье, только оно продолжалось не долго.

Послѣ трудной горловой болѣзни она лишилась голоса, лишилась своего „органа", какъ выражаются актеры, вслѣдствіе чего лишилась и самообладанія даже въ нѣмыхъ роляхъ на сценѣ, словомъ сказать, она потеряла талантъ, и ужъ не можетъ быть равнодушной попрежнему, когда ей нечего было терять, и нечего ждать.

Тѣмъ мучительнѣе сознается ею несчастье, что счастье было испытано, стало знакомо ей.

Вернулась она къ Аполлону Кондратьевичу Крифину, въ домѣ котораго выросла и получила поверхностное образованіе урывками и кстати съ его дѣтьми, потому что ей больше некуда дѣться, безъ средствъ, безъ надеждъ, безъ всякой возможности пристроиться иначе, вернулась къ нему въ отчаяніи. А онъ не пропускаетъ случая дать ей понять почувствительнѣе всю силу ея несчастья.

Сейчасъ бы она позвала извозчика, взяла бы невыложенное изъ чемодана свое имущество и уѣхала бы отъ него подальше, еслибъ было куда уѣхать.

Сидитъ она, закрывъ лицо руками и чувствуя себя до такой степени чужой и лишней здѣсь, что готова исчезнуть въ ночной темнотѣ, разсѣяться въ воздухѣ. Неужели и завтра ее здѣсь увидятъ за чаемъ, за обѣдомъ, и будутъ ей напоминать о томъ, чего она и сама не можетъ забыть,—о безвыходномъ ея положеніи. Такъ тяжело и больно у ней на душѣ, что умолкли потребности тѣла. Безъ аппетита и ѣды прошелъ ея день, и проходитъ остатокъ ночи безъ сна.

Наружная стѣна ея комнаты выходитъ на черную лѣстницу, по которой уже начали разносить дрова, а она все сидѣла погруженная въ свои безотрадныя думы.

За другой стѣной находится помѣщеніе для старыхъ счетныхъ книгъ и бумагъ, родъ архива, куда никто не ходитъ, кромѣ кошки для ловли мышей. И чего еще ни разу не слу-

чалось, вдругъ въ эту ночь, когда сидѣла Лидія, закрывъ ладонями лицо, съ локтемъ, погруженнымъ въ подушку и задомъ къ двери, старикъ Крифинъ вошелъ въ архивъ, постоялъ тамъ, къ чему-то прислушиваясь, потомъ тихонько отворилъ дверь въ ея комнату. На одну лишь секунду онъ просунулъ въ нее голову, и удалился, незамѣченный ею, окинувъ бѣглымъ и подозрительнымъ взглядомъ всѣ ея углы и ея поникшую надъ подушкой фигуру.

Въ прошломъ мѣсяцѣ она здѣсь поселилась, а до сихъ поръ какъ слѣдуетъ не устроилась. Неразобранный открытый чемоданъ ея задвинутъ бокомъ подъ столъ, на которомъ сложены пестрые лоскутья распоротаго платья, котораго внѣ сцены нельзя надѣвать. Клочки бумаги кругомъ, вѣеръ, кусокъ просфоры, красные банты, какой-то хламъ.

Передъ зеркаломъ въ серебряной рамкѣ изящной работы простой пузырекъ съ одеколономъ на двадцать копѣекъ изъ аптеки, грошевое мѣдное украшеніе въ видѣ головной діадемы, вышитый тюль на полинявшемъ розовомъ коленкорѣ вокругъ зеркала и на скомканномъ въ кучу бѣльѣ. Подъ дорогимъ атласнымъ одѣяломъ свѣшивается простыня изъ грубаго холста, грубый полосатый тикъ подушки просвѣчиваетъ сквозь широкую кружевную прошивку батистовой наволоки; на персидскомъ коврѣ стоптанная туфля... На эту безпорядочную смѣсь убожества и роскоши отбрасываетъ рѣжущій ярко желтый свѣтъ лампа на высокомъ стержнѣ подъ тафтянымъ оранжевымъ, опаленнымъ сверху, абажуромъ. На всемъ печать закулисной, странствующей непригодности къ правильному образу жизни, потребностей не по карману, отсутствія заботы о завтрашнемъ днѣ. И все—въ особенности брошенное на стулъ нечищенное будничное платье, рядомъ съ сатанинскимъ костюмомъ—произвело отталкивающее впечатлѣніе на старика.

Вмѣсто участія, уныніе въ позѣ словно придавленной женской фигуры возбудило въ немъ прежде всего чувство брезгливости и старческой неискоренимой злобы ко всему, что̀ несродно ему. Его разсчетливая дѣловитость возмущена противоположными свойствами ея натуры, и оживаетъ, и поднимается въ немъ презрѣніе практической силы къ уступчивости, неумѣлости и ротозѣйству.

— Неудачная, жалкая разводка, а танцуетъ,—беззвучно ворчалъ онъ, ускользая отъ ея двери. Ему коробило плечи подъ теплымъ бархатнымъ халатомъ, внутренній злобный смѣхъ заставлялъ дрожать его щеки.

— Тоже наслаждалась успѣхомъ, аплодисменты стяжала, пробралась-было и на казенную сцену лавры пожинать, ха-ха!.. Безмозглая!—Чувство острой вражды къ этой женщинѣ просто душило его. Все ненавидитъ онъ въ ней, начиная съ волосъ до стоптанной туфли на босой, соблазнительно стройной ногѣ ея, до послѣдней соринки на ея коврѣ, до мозга ея костей. И онъ ревнуетъ къ ней сына той старческой безсильной ревностью, которая леденитъ кровь въ его жилахъ при мысли, что онъ умретъ, а она будетъ жить, и будетъ вліять на Володю.

Гдѣ онъ теперь? Гдѣ его сынъ? Заперся ли изнутри въ своей комнатѣ и такъ спокойно спитъ, что неслышно его дыханія, или уѣхалъ съ гостями, заперевъ снаружи свою дверь? Чего и кого ждетъ эта разводка, зачѣмъ она не ложится въ постель и не гаситъ огня? Старикъ не можетъ успокоиться. Онъ пошелъ по темнымъ комнатамъ ощупью, не отдѣляя отъ пола подошвъ своихъ мягкихъ сапогъ изъ енотоваго войлока; то у двери сына онъ остановится и приложитъ къ ней ухо, то вернется въ темный и пыльный архивъ и, вытянувъ шею, стоитъ тамъ, прислушиваясь.

Скользя какъ на льду по паркету неубранныхъ залъ и осторожно обходя раскинутыя вѣтви покачнувшейся ёлки, онъ берется руками за спинки сдвинутыхъ стульевъ, задѣлъ и уронилъ забытую игрушку на одномъ изъ нихъ.

Игрушка стукнула и загремѣла, катясь къ неплотно спущеннымъ портьерамъ, между которыми началъ пробиваться утренній свѣтъ изъ передней.

Тогда проснулся въ своемъ кабинетѣ Володя и громко зѣвнулъ.

Старикъ съ глубокимъ вздохомъ облегченія заторопился, придержавъ полы халата, въ свою спальню, откуда звонкомъ поднялъ всѣхъ слугъ.

Володя проснулся съ мыслью о своей покойной матери.

Признанія Лидіи при таинственномъ свѣтѣ луны въ амбразурѣ окна, въ связи съ подслушаннымъ разоблаченіемъ отца, сильно подѣйствовали на его душу и возстановили въ его памяти страдальческій образъ дорогого невозвратимаго существа. Онъ представляетъ себѣ мать, какою она была передъ своей трагической кончиной, печальную, съ подавленными вздохами, съ выраженіемъ опасенія и тоски въ глазахъ, устремленныхъ на отца, или робко опущенныхъ въ его присутствіи. То же выраженіе не разъ видѣлъ онъ въ глазахъ Лидіи. И мать его съ нѣмымъ упрекомъ и мольбой припадала къ его плечу, какъ вчера Лидія, которая за нее и за себя высказалась передъ нимъ.

Все яснѣй видится ему страдалица мать, ему слышатся ея молчаливые вздохи, какъ будто слитые съ отчаяннымъ шопотомъ Лидіи: — „спаси меня! пожалѣй меня“! Ему чуялась близость матери, въ немъ волновалась частица вѣянія ея души. Безпредѣльная жалость ко всему слабому, беззащитному, безропотно загубленному заговорила въ немъ безпредѣльной любовью къ матери, къ женщинѣ... Съ потрясающей силой почувствовавъ свою потерю, съ такой же силой хочетъ онъ ея возврата, хочетъ ея прикосновенія, живыхъ объятій, поцѣлуевъ, ласкъ. Онъ хочетъ пасть къ ея ногамъ и цѣловать, цѣловать ея руки...

И онъ вскочилъ съ постели.

Два лакея волокли изъ залы ёлку; горничная съ половой щеткой въ рукѣ приглаживала другой рукой спутанную прическу передъ простѣночнымъ зеркаломъ; кошка прыгала, катая по полу изломанную игрушку. Володя быстро пронесся мимо, застегивая наскоро накинутую на себя жакету. Онъ несся съ воздушной легкостью, какая ощущается въ сновидѣніяхъ, черезъ залы въ корридоръ, и онъ вошелъ въ комнату Лидіи.

Въ сидячемъ положеніи поперекъ кровати, опершись локтемъ въ подушку, она прислонила голову къ стѣнѣ. Лицо ея было поднято. Отъ дыханія у полураскрытыхъ губъ ея трепеталъ бантикъ, упавшій съ прядью волосъ на щеку; другой откинутой рукой она захватывала складку одѣяла.

Володя взялъ ея руку и началъ цѣловать, цѣловать. Рука ея инстинктивно спряталась за ея спину. Тогда юноша сталъ на колѣни и приложилъ лицо къ ея босой ногѣ. Поглядѣвъ на него сонными глазами изъ несовсѣмъ раскрытыхъ вѣкъ, она подобрала ноги, не просыпаясь.

Онъ ее обнялъ.

Она прошептала, уронивъ голову на его грудь:

— Что ты, Володя?

— Я хочу взять тебя, унести...

Она совсѣмъ проснулась, развела его руки, и оба въ страстномъ волненіи посмотрѣли другъ другу въ глаза. Сіяя восторженной улыбкой, съ румянцемъ на свѣжемъ наивномъ лицѣ, онъ близко разсматривалъ ее большими близорукими глазами, и тяжело дышалъ.

— Ты мнѣ напоминаешь мать,—сказалъ онъ, и сѣлъ съ ней рядомъ на кровать, и наклонилъ свое лицо къ ея лицу. Въ тихой задумчивости, какъ бы самому себѣ объясняетъ онъ:

— Выраженіемъ твоихъ глазъ ты мнѣ напоминаешь ее иногда, твоей печалью и вздохами, и покровительственной нѣжностью,

такой притягательной, сильной... Обними меня, Лидія! Сладкую боль я чувствую въ сердцѣ, и жалость и негодованіе... Зачѣмъ я не умѣлъ понять ее тогда... Въ тебѣ я начинаю узнавать ее, Лидія!.. Какъ я люблю тебя!..

— Скажи это еще разъ,—подхватила она съ бѣшеной радостью, и лицо ея вспыхнуло.—Повторяй, повторяй! До тѣхъ поръ повторяй, пока не раскроется для взаимности измученное, стиснутое сердце мое...

— Какъ я люблю тебя,—повторилъ онъ изнывающимъ отъ страсти голосомъ.—Поцѣлуй меня, Лидія!

Ея выкругленные глаза зажглись, заблистали, и она впилась губами въ его губы. Въ пріотворенную дверь заглянуло искривленное злобой лицо старика и мигомъ исчезло.

Въ теченіе своей многолѣтней дѣятельности Аполлонъ Кондратьевичъ Крифинъ нѣсколько разъ мѣнялъ родъ производства и фирму своей торговли, каждый разъ безошибочно угадывая, какъ и что̀ будетъ выгоднѣе по требованію времени. Съ большимъ умѣніемъ пользуясь нужными людьми и благопріятными для его обогащенія обстоятельствами, онъ пріобрѣлъ въ своей средѣ довѣріе и почти раболѣпный почетъ. Правда, онъ не всегда платилъ свои долги, но съ кѣмъ же этого не можетъ случиться, и мало ли кто оказывался несостоятельнымъ относительно своихъ поставщиковъ. Безъ этого легко прощаемаго свѣтскаго грѣха трудно прожить, не только нажить большое состояніе, открывающее ему всѣ двери. И въ судьи его выбирали, и въ городскіе головы, и въ предсѣдатели различныхъ обществъ, разъ даже сдѣлали членомъ какого-то совѣта. Но это въ прошломъ. Въ настоящемъ онъ исключительно занятъ коммерціей какъ по инстинкту наживы, такъ и ради будущности своего младшаго сына, для котораго онъ упрочиваетъ счастье въ видѣ шитыхъ золотомъ кафтановъ, чиновъ и орденовъ. Онъ хотѣлъ бы сдѣлать его министромъ, а не торговцемъ. Старшаго сына онъ отдѣлилъ и больше о немъ не заботится: не въ него уродился. Но Володя унаслѣдовалъ отъ отца способности, подвижной и дѣятельный темпераментъ и рѣдкую сообразительность. Онъ слѣдитъ за полетомъ чужихъ мыслей, угадываетъ недосказанное, обдумывая въ то же время свой отвѣтъ, онъ далеко пойдетъ. Не совсѣмъ сложившійся характеръ его даетъ отцу возможность предусматривать, что его пылкость, особенно оскорбительная съ людьми зависимыми, не помѣшаетъ ему раздѣлять мнѣніе болѣе сильнаго, и съ лѣтами перейдетъ въ искусство властвовать надъ одними и заискивать въ другихъ. Что же касается до его жадности къ деньгамъ, со-

единенной съ расточительностью, то это, въ глазахъ отца, несомнѣнный признакъ будущаго стремленія къ пріобрѣтенію ради роскоши и почета. Отецъ спокоенъ за своего любимца сына, который всегда будетъ на сторонѣ того, кто доставляетъ ему выгоды,—въ этомъ отецъ увѣренъ. Не журналистомъ быть ему, чтобъ щеголять безкорыстнымъ служеніемъ истинѣ, и стойкость убѣжденій не нужна ему.

Нужны только деньги, откуда бы онѣ ни приплывали въ кассу; деньги только ведутъ къ могуществу на всякомъ поприщѣ, и въ такомъ духѣ онъ направляетъ Володю, ревнуя за нераздѣльность своего вліянія и нравственной власти надъ нимъ. Такъ и кольнуло старика въ затрепетавшее сердце, когда онъ убѣдился въ своихъ подозрѣніяхъ относительно склонности Володи къ этой разводкѣ. И спрашиваетъ онъ себя, упавъ въ изнеможеніи въ свое кресло: для чего проходитъ его жизнь въ какомъ-то неустранимомъ, ненасытномъ побужденіи труда, захвата и скопленій, не для того ли, чтобъ его богатство, вмѣстѣ съ сыномъ, попало въ руки этой женщины. Нѣтъ! Скорѣе онъ согласился бы, чтобъ разверзлась земля и поглотила его домъ и деньги, заводы и магазины, и его самого, и Володю, котораго онъ изъ своихъ рукъ не выпуститъ.

— Позвать его!—кричитъ онъ.—Позвать Владиміра ко мнѣ!

Прошло десять минутъ,—сынъ не являлся къ нему. Каково бы ни было настроеніе старика, но, судя по его благодушному хладнокровію въ десять минутъ онъ успѣлъ приготовиться къ принятію сына. Только не тотъ онъ, представительный старецъ, милый дѣдушка дома, какимъ является передъ посторонними. Въ халатѣ и туфляхъ безъ задниковъ онъ не кажется олимпійцемъ. Признаки силы и мужества, широта груди и плечъ сгладились подъ халатомъ, который, окутывая какъ бы азіатской лѣнью осѣвшую въ глубокое кресло фигуру его, дѣлаетъ ее по-бабьи распущенной, слабой и утомленной на видъ. Лицо его съ широкими скулами снабжено красивымъ носомъ съ горбинкой, какъ будто взятымъ съ другого лица болѣе тонкаго очертанія. Оно послѣ пережитыхъ имъ тревогъ кажется такимъ поблекшимъ, какъ будто осыпано изсѣра бѣлой пылью. И глаза его подозрительно высматриваютъ исподлобья.

Прежде чѣмъ войти къ отцу, Володя пріодѣлся и выпилъ стаканъ холоднаго молока, волнуемый впечатлѣніями, заронившими тяжелое сомнѣніе въ его душу. Отца онъ привыкъ уважать и любить такимъ, какъ посторонніе, благодарные ему люди считаютъ его. Кое-какія личныя свои дѣла онъ отъ отца скрываетъ, онъ

запираетъ отъ него свой кабинетъ, когда не успѣетъ подальше запрятать документы и письма, говорящіе о скрытыхъ долгахъ, но въ общемъ онъ относится къ нему съ довѣріемъ, признавъ разъ навсегда его руководящую силу, и охотно ей покоряется.

На этотъ разъ онъ въ смутномъ опасеніи встрѣтиться съ нимъ не такъ, какъ всегда, быть можетъ не такъ, какъ съ отцомъ, вошелъ и сдержанно, какъ постороннему, поклонился ему.

Но, какъ всегда, отецъ протянулъ ему руку для обычныхъ привѣтствій съ непріятно кольнувшей его мыслью о томъ, что вотъ сынъ приложился губами къ его щекѣ, быть можетъ, не изъ расположенія, а изъ-за наслѣдства, и, можетъ быть, съ нетерпѣніемъ ждетъ наслѣдства,—тогда какъ искренность и безкорыстіе его объятій съ Лидіей внѣ всякаго сомнѣнія. Мелькнуло въ немъ воспоминаніе о томъ, какъ, подростая въ его домѣ, шепталась и обнималась паразитка съ его женой, а всякую взаимную пріязнь между окружающими принимаетъ онъ какъ нарушеніе своего только права на пріязнь въ своемъ домѣ. Это не входитъ въ его сознаніе, но ощущается всѣми фибрами его существа, во враждебномъ отношеніи къ сиротѣ, которую онъ мысленно не называетъ иначе, какъ паразиткой, присосавшейся къ его жизни и берущей лучшіе соки изъ нея.

И онъ заговорилъ о ней, повидимому, спокойно, хотя виски его сильно бились.

— Здравствуй, Володя... А, пожалуй, вѣдь она недурно играетъ. Жаль, что сопитъ и хрипитъ, а то ничего, и жесты, и мимика. Я разумѣю Лидію. На сценѣ я ее не смотрѣлъ, но сейчасъ видѣлъ, какъ она передъ тобой являла все свое искусство...

Старикъ пристально посмотрѣлъ на Володю.

Тотъ отступилъ задомъ на два шага и сталъ, какъ изгнанный Адамъ изъ рая, сконфуженный и виноватый, глядя въ полъ. Вся его безусая физіономія, не исключая красиваго, какъ у отца, носа, который пришелся кстати къ правильно очерченному овалу его лица, была залита румянцемъ юношескаго смущенія.

— Ахъ, Володя, Володя,—вздыхаетъ отецъ, дѣлая видъ, что занятъ разборкой бумагъ на своемъ письменномъ столѣ, и сбоку бѣглымъ взглядомъ скользя по лицу сына.

— Вѣдь жениться на ней нельзя,—проговорилъ онъ, почти не разжимая губъ.

Юноша опустилъ еще ниже свою повинную голову и водворилось молчаніе. Старикъ съ отвращеніемъ потрясъ щеками и отворотился. Вся его вынужденная добродѣтель и строгость нрав-

ственныхъ правилъ, прилагаемая къ другимъ, сказалась въ этомъ движеніи. Онъ досталъ за спиной платокъ и плюнулъ въ него.

Володя не находилъ словъ для своего оправданія. Вдругъ ему въ голову пришло, чтобъ успокоить отца и выйти изъ неловкаго положенія, отказаться отъ присутствія Лидіи въ домѣ, и онъ сказалъ, оправясь отъ смущенія:

— У насъ на фермѣ есть лишнее помѣщеніе. Пусть Лидія займетъ его и присмотритъ за молочнымъ хозяйствомъ.

— Ничего она не смыслитъ въ молочномъ хозяйствѣ,—вздыхаетъ отецъ.

Въ его планъ не входило удаленіе Лидіи изъ дому для бо̀льшаго удобства сношеній съ Володей, къ тому же она, какъ орудіе въ его умѣлыхъ рукахъ, на короткое время пригодится ему. Для добыванія большихъ денегъ онъ привлекаетъ къ себѣ людей съ большими дарованіями, а такого финансиста, какъ Курнаковъ, нѣтъ другого въ Россіи, и конечно Аполлонъ Кондратьевичъ соотвѣтственно цѣнитъ въ немъ своего секретаря, товарища и друга. Нѣтъ никакого опасенія, чтобъ онъ когда-нибудь разстался съ нимъ, такъ какъ, подобно большинству даровитыхъ людей, Курнаковъ не обладаетъ его дипломатической выдержкой, и насказавъ горчайшихъ истинъ, ради краснаго словца, по адресу всѣхъ конкуррентовъ своего патрона, онъ волей-неволей прикрѣпилъ себя навсегда къ его фирмѣ. Но передъ праздникомъ произошла между друзьями небольшая размолвка, послѣ чего, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, Курнаковъ пожелалъ отдохнуть у деревенскихъ родныхъ отъ столичнаго шума.

Приходится безъ него откладывать крупныя денежныя операціи, но Крифину извѣстны слабости друга. Стоитъ приблизить къ себѣ въ его отсутствіе человѣка, сколько-нибудь ему непріятнаго, какъ, извѣщенный объ этомъ пріятнымъ ему человѣкомъ, Курнаковъ немедленно явится, и будетъ очень сговорчивъ подъ условіемъ удаленія своего соперника.

Знаетъ Крифинъ, что Курнаковъ въ такой же степени, какъ онъ самъ, не выноситъ равняющихъ себя съ мужчиной женщинъ на почвѣ заработка и личнаго значенія, и намѣреніе его относительно Лидіи уже опредѣлилось.

Но онъ ждетъ, чтобъ его попросили о томъ, что̀ составляетъ его желаніе.

— Надо же ее пристроить куда-нибудь,—просительно произноситъ Володя.—У ней ничего нѣтъ.

— Я самъ это вижу, но вѣдь она рѣшительно ничего не умѣетъ. Ну, къ чему ты пристроишь ее, совершенно ненужную?

Не отказывать же для нея людямъ полезнымъ... вотъ ужъ и вредъ отъ нея. Ахъ, Володя, Володя! Ненужныхъ людей слѣдуетъ устранять какъ можно рѣшительнѣе,—намотай ты это себѣ на усъ, когда будутъ у тебя усы. Я говорю не о ней, а вообще. Ненужные люди вредны хотя бы въ смыслѣ напрасной траты времени съ ними, вредны уже тѣмъ, что существуютъ...

— Почеркъ у ней разборчивый, нельзя ли ей какое-нибудь конторское занятіе?

Только этого вопроса и дожидался отецъ, но онъ не обнаружитъ себя, онъ отрицательно качаетъ головой.

— Не научилась, не привыкла она работать, ну, гдѣ же ей, искусившейся женщинѣ...

— Пусть она вскрываетъ корреспонденцію на твое имя.

Отецъ уже подумалъ объ этомъ, но, съ видомъ нетерпѣливаго соболѣзнованія махнувъ рукой, онъ разбирается въ бумагахъ. Молчитъ.

— Папаша?

— Не справиться ей, да и жалко ее закабалить,—это дѣло отвѣтственное. Къ тому же вѣдь ты знаешь, какъ смотритъ Курнаковъ на женщинъ, которыя не довольствуются кухней, спальней и дѣтской. Не ссориться же изъ-за нея съ Курнаковымъ. Въ кухню она не годится, а дѣтской нѣтъ у насъ, стало быть?..

Изъ-подъ напухшихъ вѣкъ зрачки его скосились въ сторону сына, и плечи поднялись.

— Папаша!.. Умоляю тебя, сдѣлай что-нибудь для нея,— вспыхнувъ, заговорилъ Володя:—ей выдти не въ чемъ,—шуба заложена... вѣдь стыдно... нельзя...

— Распорядись, — кротко прервалъ его старикъ и взялъ перо.—Надо, конечно, одѣть ее прежде всего.—Онъ протянулъ сыну, кончивъ писать, листокъ съ своею подписью, съ неизреченной добротой глядя ему въ глаза.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—пошли въ контору, пусть ее впишутъ въ число служащихъ и выдадутъ ей въ счетъ ея гонорара двѣсти рублей.

Володя взялъ листокъ, но, хмуря брови, продолжалъ стоять передъ отцомъ съ видомъ мучительной нерѣшительности, постепенно блѣднѣя. Съ выраженіемъ загадочной укоризны въ широко открывшихся глазахъ онъ чуть слышно произноситъ:

— Папаша, отчего мамаша...

Отецъ, вытянувъ впередъ руку, жестомъ глубокой скорби

заставилъ его умолкнуть и съ сокрушеніемъ припалъ головой къ столу.

— Уйди!—раздался его трагическій шопотъ:—не напоминай мнѣ никогда. Уйди!

III.

Лидія Ивановна очень боялась, что не съумѣетъ работать, однако, вотъ ужъ четвертый день она справляется съ порученной ей дѣловой перепиской изъ Лондона, Парижа и Берлина. Съ получаемыхъ на имя Крифина писемъ она снимаетъ копіи по-русски въ книгу, правда, частенько прибѣгая къ словарю, но и Курнаковъ безъ него не обходится, и самъ папаша не лучше ея знаетъ иностранные языки. И съ какимъ онъ снисходительнымъ, даже шутливымъ добродушіемъ пожурилъ ее разъ за ошибку, какъ онъ при этомъ мило засматривалъ въ глаза: настоящій отецъ! Въ халатѣ и туфляхъ онъ шмыгающей бабьей походкой спѣшитъ ей на встрѣчу, когда она входитъ къ нему, и запахивается, и извиняется передъ ней за небрежность костюма: хорошій человѣкъ!

Хочется, ахъ, какъ хочется вѣрить, что онъ дѣйствительно такой, какимъ умѣетъ казаться; добренькимъ, милымъ, человѣколюбивымъ, да инымъ онъ и быть не можетъ. Много жертвуетъ онъ на общественныя нужды, еще больше даетъ окружающимъ его; ей, напримѣръ, за сравнительно легкій трудъ назначилъ по сту рублей жалованья въ мѣсяцъ. Онъ такимъ образомъ на всемъ готовомъ далъ ей возможность откладывать деньги на окончательное излеченіе горла, далъ ей возможность вернуть свой голосъ и талантъ. За такое благодѣяніе годами жизни надо платить ему. Она перестала видѣть въ немъ своего мучителя, а смотритъ на него съ довѣріемъ и надеждой, стыдясь, что не съумѣла раньше понять его. Какъ же не быть ему добрымъ ко всѣмъ, если доброта наполняетъ и радостью сердце?—это она испытываетъ на себѣ.

Она разстанавливаетъ передъ зеркаломъ свои покупки: граненые флакончики съ одеколономъ и духами, ящикъ съ перчатками, плато для шпилекъ, раскладываетъ на столѣ вязаные дѣтскіе башмачки, шапочку, фуфайку, козу изъ папье-маше, маленькую скрипку. Ее занимаютъ всякія бездѣлушки какъ сами по себѣ, такъ и ради восторга, вызываемаго ими въ дѣтяхъ. Она жалѣетъ пріютившихся въ сторожкѣ заводскихъ сиротъ, Матрешу съ Костенькой, и осыплетъ ихъ подарками. Они будутъ хвататься

грязными ручонками за ея колѣна, чтобъ она не уходила отъ нихъ, и будутъ подстерегать ее на дворѣ, чтобъ съ веселымъ визгомъ броситься ей на встрѣчу—цѣлый міръ душевныхъ удовольствій.

Надо бы отвести душу съ Володей, но нѣтъ случая увидѣться съ нимъ наединѣ.

Юноша началъ замкнуто жить, началъ держать себя недоступно и съ какой-то убѣдительной строгостью въ отношеніи къ окружающимъ. Во все онъ серьезно вникаетъ, ни въ чемъ не принимая участія, и уже съ прежней поверхностной легкостью не принимаетъ на вѣру все, что̀ ни скажутъ ему. И онъ впадаетъ въ молчаливую задумчивость, проводя долгіе часы въ конторѣ.

Итоги вычисленій за каждый удачно протекшій торговый день доказываютъ ему, что съ каждой минутой такого дня увеличивается на нѣсколько рублей его богатство. Деньги приливаютъ со всѣхъ сторонъ, а брать ихъ изъ кассы не позволяетъ отецъ, и близость къ деньгамъ раздражаетъ его. Къ чему богатство, если пользоваться имъ когда еще придется, а можетъ быть, и не придется совсѣмъ. Онъ можетъ заболѣть и умереть въ одинъ день. Мало ли какая неожиданная случайность можетъ лишить его, напримѣръ, зрѣнія или разсудка, всякой охоты къ жизни. Вѣдь покончила съ собой во цвѣтѣ лѣтъ его несчастная мать. Въ чемъ заключалось ея несчастіе? Раздумьемъ надъ этимъ вопросомъ уже отравлено его существованіе. Нарушенное сомнѣніями внутреннее спокойствіе искало внѣшнихъ причинъ, и сторонился онъ на улицѣ, оглядываясь, не упалъ бы золотой калачъ надъ булочной ему на голову; онъ вздрагивалъ, когда шибко ѣдущій экипажъ нагонялъ его сзади, или мчался на встрѣчу ему.

Ватрушкинъ сказалъ, что было два случая заболѣванія холерой на заводѣ, и конечно солгалъ, чтобъ избавиться отъ его контроля, а онъ все-таки пойдетъ на заводъ, и будетъ ходить въ контору, и будетъ за всѣми смотрѣть, какъ отецъ, недовѣрчиво, исподлобья.

Шелестъ кредитныхъ бумагъ и звукъ металлическихъ денегъ у кассы вызывали въ немъ минутами томительную, нервную дрожь, и онъ охватывался нетерпѣливой жаждой власти и могущества, билась кровь въ его жилахъ, яркій румянецъ игралъ на щекахъ, и смутно, и страстно хотѣлось ему сейчасъ испытать свою силу надъ подчиненными.

Разогналъ бы онъ ихъ за то, что они совсѣмъ не замѣчаютъ его присутствія. Главный конторщикъ такъ погрузился въ книги,

что не видалъ, какъ онъ вошелъ, тогда какъ съ трепетнымъ почтеніемъ онъ долженъ ждать его по настоящему, какъ ждетъ прихода отца. Онъ призвалъ главнаго конторщика и смотритъ на него въ упоръ, не зная, что̀ ему приказать.

— Отчетъ за вчерашній день,—отрывисто произноситъ онъ.

— Отчетъ посланъ Аполлону Кондратьевичу, — отвѣчаетъ конторщикъ не безъ нѣкоторой наставительности въ тонѣ, и давая выраженіемъ лица понять, что знаютъ здѣсь и безъ него, что̀ надо дѣлать.

А самъ онъ ничего не знаетъ, и никогда не научится самостоятельно дѣйствовать въ этомъ непостижимо сложномъ механизмѣ денежнаго притока. Отецъ все создалъ изъ ничего, поставивъ сына въ неизбѣжную зависимость отъ конторщика и Курнакова до послѣдняго ученика на заводѣ. Со всѣми надо ладить, какъ умѣетъ отецъ, а сынъ не умѣетъ и неспособенъ себя насиловать, и никогда не достигнетъ неподражаемаго искусства отца пользоваться нужными людьми, безобидно устраняя съ своего пути людей ненужныхъ. Безъ отца остановится пущенный имъ въ ходъ механизмъ, и тысячи людей, которыхъ онъ сплотилъ, обезпечивъ ихъ трудомъ, разбѣгутся отъ сына наслѣдника, никому ненужнаго, лишняго и, стало быть, вреднаго человѣка... Нѣтъ! Пусть они существуютъ, пусть трудятся бѣдные люди, онъ не желаетъ имъ вредить. Лучше онъ отстранится отъ нихъ.

Взволнованный до болѣзненнаго напряженія, онъ уходилъ съ такими мыслями разсѣяться къ товарищамъ. Но нигдѣ такъ назойливо не овладѣвала имъ тревога, какъ въ шумномъ обществѣ сверстниковъ. Онъ зажималъ уши протестуя:

— Господа! Изъ-за чего спорите вы, не понимаю! Ну, не все ли равно? Самое главное душевный покой, а вы волнуетесь, кричите, надрываете себѣ грудь.

Еще болѣе подавленный чужимъ волненіемъ, онъ ускользалъ среди оживленныхъ бесѣдъ искать успокоенія на улицѣ, и тутъ пугливо озирался.

Разъ послѣ особенно крупной ссоры изъ-за убѣжденій между товарищами, совсѣмъ разстроенный, онъ бѣжалъ отъ нихъ въ театръ искать успокоенія. Онъ былъ увѣренъ, что пропустилъ первый актъ, войдя въ партеръ около десяти часовъ, но оказалось, что опера еще не началась, такъ какъ костюмъ не готовъ для Мазини, и публика гудѣла сверху до низу отъ нетерпѣнія. Два-три визгливыхъ женскихъ голоса изъ ложъ относились къ капельмейстеру:

— Играйте! Играйте! Что же вы не начинаете!

Вдругъ разомъ всѣ мужчины поднялись въ партерѣ, хлынули къ дверямъ, и впереди другихъ кто съ поднятымъ кулакомъ, кто вращая налитыми кровью глазами, кричатъ и шумятъ:

— Деньги назадъ! Протоколъ! Въ кассу! Полицію! Это чортъ знаетъ что!

Сколько обиженныхъ лицъ, сколько жестовъ и страсти изъ-за того, что костюмъ для Мазини не былъ во-время приготовленъ! И среди этого смятенія загрохотали выстрѣлы на сценѣ, и занавѣсъ взвился.

Недоставало только войны, чтобъ окончательно ошеломить юношу съ разстроенными нервами, и война разъигрывается передъ нимъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ съ ружьями, съ пушками, съ пороховымъ дымомъ. Проносятъ убитыхъ на носилкахъ. Въ безмятежномъ покоѣ ихъ раскинутыхъ тѣлъ чуется такое полное и безконечное отдохновеніе отъ мелкихъ золъ житейскихъ, смерть кажется подъ музыку и пѣніе до такой степени прекрасной, что всѣ тревоги, всѣ желанія умолкаютъ передъ мыслью о смерти. И спѣшитъ Володя домой, проникнутый мыслью о смерти.

Между тѣмъ проходитъ день за днемъ, вернулся Курнаковъ, но все еще дуется на Крифина, а Лидія продолжаетъ работать, и часто слышится ея веселый смѣхъ въ кабинетѣ хозяина, который съ ласковой журьбой хватаетъ ее за локти и плечи.

— Неряха ты, Лидія! Это что... У тебя распоролось подъ мышкой.

— Ой, папаша, щекотно!

— Почему ты не сдѣлаешь себѣ новое платье? Тебѣ сколько денегъ ни дай, ты всѣ истратишь зря, а необходимаго нѣтъ у тебя.

— Я, папаша, коплю на леченье. Докторъ говоритъ, что у меня нервная сипота и можетъ пройти. Ужъ и теперь я стала чище говорить. Замѣчаете? Я возьму отпускъ на мѣсяцъ и поѣду въ Италію. Вы согласны на это? Ги-ги-и! Какой вы! У васъ руки холодныя!

— Сердце горячее, — отвѣчаетъ хозяинъ и пригибается къ ея лицу смѣющійся, привѣтливый, милый старикъ, и тономъ шутливой строгости повелѣваетъ ей:

— Чтобъ было новое платье, слышишь! Ступай сейчасъ въ контору и возьми въ счетъ гонорара еще сто рублей.

Послѣ того какъ она сама побывала въ конторѣ и взяла еще денегъ, всѣ отъ перваго до послѣдняго служащаго тамъ

почувствовали себя обиженными, и Курнаковъ явился къ Крифину.

Въ тотъ день Володя, начитавшись афоризмовъ Шопенгауера, былъ погруженъ въ свои размышленія передъ портретомъ матери. Онъ вспоминалъ ея грустное лицо съ затаеннымъ упрекомъ во взорахъ, старался уяснить себѣ причину ея страданій.

Вдругъ вошла къ нему, вѣрнѣе, впорхнула, вмѣстѣ съ крѣпкимъ запахомъ дешевыхъ духовъ, возбужденная, раскраснѣвшаяся Лидія.

— Наконецъ я улучила минутку повидаться съ тобой,—говоритъ она. — Папаша такъ и слѣдитъ за мной: не устала ли я, не затрудняюсь ли въ чемъ, не нужны ли его объясненія: настоящій отецъ. О, какъ я непростительно въ немъ ошибалась!.. Совѣстно вспомнить... У него сидитъ Курнаковъ. Замѣчаешь, какъ я чисто говорю теперь? Поѣду въ Палермо или въ Ниццу, тамъ климатъ... И голосъ вернется, и опять я на сцену... Ахъ, какъ я буду играть!.. Благодаря твоему отцу. Онъ обаятеленъ. Когда онъ шутитъ, смѣется со мной, теплой лаской пробѣгаетъ по мнѣ его взглядъ...

— Что ты говоришь?—прервалъ ее Володя, содрогнувшись: —что ты болтаешь, Лидія!

— Я болтаю вздоръ, потому что весело мнѣ.

На ней надѣта шолковая розовая блузка, измятая и несовсѣмъ чистая, но съ пышными рукавами; сѣрая юбка не закрываетъ ея ногъ въ ботинкахъ, обшитыхъ блестками, съ замысловатой шнуровкой; на собранныхъ въ крендель волосахъ ея, неровно подстриженныхъ и растрепанныхъ спереди, красуется бумажный цвѣточекъ желтаго цвѣта, и во всемъ этомъ, въ каждой неправильной чертѣ ея смуглаго, по-дѣтски миловиднаго, лица читается ребяческая недозрѣлость, невоспитанность, полное непониманіе условій обыденной дѣйствительности. Но въ глазахъ ея, сіяющихъ радостнымъ блескомъ, прекрасное выраженіе искренности и простоты.

— Все бы я для тебя сдѣлала, Володенька ты мой! Какъ я рада, какъ я рада, что я вижу тебя, наконецъ!

Чувство радости слишкомъ рѣдко она испытывала, чтобъ сдерживаться въ его проявленіи, и она раздуваетъ радость въ раскрывшемся сердцѣ своемъ, и по своему обыкновенію всецѣло отдаваясь настроенію минуты, готовая на всякую жертву, хоть чѣмъ-нибудь хочетъ радовать другихъ. Она вынимаетъ изъ кармана горсть орѣховъ и высыпаетъ на столъ, вынимаетъ фарфо-

ровую каррикатурку Бисмарка и ставитъ передъ нимъ, потомъ обнимаетъ его.

— Это для тебя, ты нѣмцевъ не любишь. Смотри, смѣшной?.. Что ты, Володенька?

Его глаза смотрѣли прямо, напряженно, его брови были сжаты, и между ними въ складкахъ на лбу скользнула мгновенная судорога; съ брезгливымъ страхомъ онъ отстранилъ ее рукой, и вѣки его тяжело опустились.

— Такъ съ отцомъ ты, кажется... слишкомъ поладила. Вѣдь ты съ мамашей дружна была.

Длилось молчаніе. Она перевела недоумѣвающій и робкій взглядъ съ его лица на портретъ его матери; она съ нѣжнымъ участіемъ прильнула къ нему.

— Не грусти, Володенька, мамѣ тамъ лучше.

— Пожалуй, ты права,—промолвилъ онъ тихимъ, измѣнившимся голосомъ, и вѣки его поднялись, загадочно глянули его глаза въ пространство, потомъ остановились на ея лицѣ.

— Ты бы хотѣла съ ней соединиться? — спрашиваетъ онъ Лидію.

Но вошла ключница и наставительно произноситъ:

— Обѣдать пожалуйте. Ужъ папашенька въ столовой ждутъ-съ.

Аполлонъ Кондратьевичъ Крифинъ пріятно возбужденъ только-что состоявшимся примиреніемъ съ другомъ, пріятная озабоченность на его лицѣ; морщины на немъ расправились, оно посвѣжѣло и помолодѣло за послѣднее время, чему способствуетъ и вновь принятая имъ прическа подстриженныхъ волосъ, и выбритый подбородокъ съ остаткомъ бороды, въ видѣ густыхъ и длинныхъ бакъ.

Отъ возбужденной наблюдательности сына ничто не ускользаетъ, и сравниваетъ онъ невольно цвѣтущую наружность своего отца съ наружностью его сверстниковъ, воротилъ его дѣла, при помощи которыхъ составлено его благополучіе. У тѣхъ, въ особенности у Ватрушкина, согнута спина, отвисли щеки, потускнѣли глаза.

Но вѣдь отецъ не менѣе ихъ трудится и, постоянно занятый, а подчасъ и разсѣянный преобладающей мыслью о дѣлахъ, онъ не замѣчаетъ ни въ комъ, ни въ своемъ сынѣ, никакой перемѣны.

Втроемъ, съ сыномъ и Лидіей, сѣлъ онъ за трапезу, молча супу поѣлъ, и разговорился о чумѣ, какъ о неизбѣжномъ благѣ для человѣчества.

— Еслибъ никогда не было ни войнъ, ни голода, ни по-

вальныхъ болѣзней, населеніе земного шара увеличилось бы въ такой прогрессіи,—разсуждаетъ Аполлонъ Кондратьевичъ,—что въ наше время на каждую квадратную сажень обитаемаго пространства пришлось бы по восьмидесяти милліоновъ жителей.

Лидія поражена.

— Ахъ, папаша! — воскликнула она въ недоумѣніи.

— Да, это выводъ науки. Тѣсненько намъ пришлось бы безъ этихъ, такъ называемыхъ, бичей человѣчества. Чума, дифтеритъ и холера даютъ намъ просторъ на землѣ и совершенствуютъ человѣческій родъ, потому что люди, болѣе приспособленные къ жизни, всегда уцѣлѣютъ отъ истребленія и продолжатъ болѣе здоровое потомство.

Володя, тревожно вникая въ каждое его слово, пересталъ ѣсть курицу подъ соусомъ и смотритъ на него въ упоръ. Отецъ продолжаетъ съ благодушной улыбкой:

— Надо, чтобъ очищали мѣсто для сильныхъ неприспособленные къ жизни слабые, иначе говоря, неудачные, лишніе люди, ненужные, рожденные себѣ на несчастье и въ тягость другимъ. Я сказалъ бы: давить должны сильные слабыхъ, а не вѣшать себѣ на шею, но по правиламъ современной гуманности такъ не слѣдуетъ говорить, хотя преданіе о Тарпейской скалѣ учитъ насъ наоборотъ...

— Папаша,—прервала его Лидія, замѣтно волнуясь,—какъ я рада... Какъ я благодарна вамъ, что меня вы приспособили къ жизни! Я буду вашей самой вѣрной, самой преданной слугой... Требуйте отъ меня...

— Отъ тебя? — произнесъ онъ, отогнувъ нижнюю толстую губу, и повернулъ къ ней все свое лицо съ широкимъ обнаженнымъ лбомъ, скуластое и грубое, на которомъ, какъ брошенная на лапоть изящная вещица, странно выдается его носъ классической формы; оно казалось недоумѣвающимъ. Привычка къ скрытности и торговой лжи, къ власти и нещадному выбиванію своего интереса на счетъ чужого, оставила на немъ отпечатокъ жестокости и лукавства. Во взглядѣ его, при всей кажущейся привѣтливости, всегда таилась хитрость, осторожная и упорная; и всегда сказывалась плутоватость въ уклончивыхъ его манерахъ, во всей фигурѣ, увертливой и шмыгающей въ своей подвижности.

Но Лидія находитъ восхитительной его наружность. Ему она будетъ обязана возвратомъ таланта и счастья, отъ него она видѣла много расположенія и ждетъ еще большаго, онъ наполнилъ сердце ея надеждами, радостью, лучшими чувствами къ людямъ, и она боготворитъ его. Въ умѣ ея стерлось всякое сознаніе

о протекшемъ времени съ того дня, какъ она оставила сцену, до первой его ласки и участія къ ней. Порывы отчаянія исчезли безслѣдно въ ея душѣ, въ ней родилась потребность преданности, и она повторяетъ задушевно:

— Требуйте, требуйте отъ меня, папаша; невозможнаго требуйте.

— Отъ тебя нечего и требовать,—сказалъ онъ съ особенной мягкостью и очень тихо.—Курнаковъ говоритъ, что никуда не годится твоя работа.

Она смутилась, уронила вилку подъ столъ, пробормотала:—Я просмотрю... поправлю...—Вмѣсто всякаго подобія голоса издавъ невнятные прерывистые звуки, она умолкла, тяжело вздохнувъ.

Онъ устремилъ на нее взглядъ хищнической ласковости, его тонкія ноздри ширились какъ у кота, подстерегшаго мышь, подъ усами скрылась бѣглая улыбка, онъ прищурился. Какъ будто воздухъ кругомъ сгустился и надавилъ тяжестью голову, плечи и грудь, ни мыслить, ни дышать нельзя свободно среди нестерпимо долгаго молчанія. Володя завозился на стулѣ. Аполлонъ Кондратьевичъ положилъ себѣ еще рису, поѣлъ и отодвинулъ тарелку.

— Ты даже чиселъ не помѣтила на нѣкоторыхъ письмахъ,—произнесъ онъ съ разстановкой, вытирая губы салфеткой:—а безъ числа и года никакой документъ недѣйствителенъ, это всякій ребенокъ знаетъ. Ты слышишь, Лидія?

Лидія не могла говорить, только грудь ея, наконецъ, всколыхнулась отъ глубокаго вздоха.

Съ блуждающей улыбкой на лицѣ, старикъ, прищурясь, смотритъ на нее; ощущеніе удовлетворенной жестокости живитъ ему кровь, проступившую румянцемъ на толстой кожѣ его щекъ. Кромѣ инстинктивнаго стремленія подогрѣть вмѣстѣ съ кровью угасающій источникъ бытія, въ немъ также дѣйствуетъ инстинктъ, стремящійся жить во вкусахъ, наклонностяхъ и понятіяхъ сына, жить послѣ смерти въ сынѣ, и онъ уничтожаетъ передъ нимъ женщину съ ея вліяніемъ на него.

— Нѣтъ, ужъ гдѣ тебѣ браться за трудъ,—говоритъ онъ,—вѣдь это не комедію играть, да и на то нуженъ талантъ. Живи себѣ такъ, — разрѣшаетъ онъ съ унизительной снисходительностью:—благо есть возможность жить сложа руки; оно, конечно, скучно безъ дѣла, но... Только талантъ заставляетъ забывать пошлость и однообразіе жизни, двигаетъ сердцами и устремляетъ ихъ въ область счастья. Чтобъ и любить, какъ слѣдуетъ, и заставить себя полюбить,—нуженъ талантъ.

На поблѣднѣвшемъ лицѣ Володи, кромѣ застывшаго выраженія ужаса, явились признаки подавленныхъ слезъ, слезъ умиленія и сочувствія. Но отецъ не видитъ этого. Увлеченный игрой на струнахъ человѣческаго сердца, онъ смотритъ только на Лидію, глазъ отъ нея не отводитъ, и наслаждается дѣйствіемъ своихъ словъ на нее.

Она сидѣла потупившись. Чуялась трогательная простота и въ то же время сомнѣніе въ ея пристыженной, неизъяснимо жалкой, убитой фигуркѣ; казалось, она готова скользнуть со стула и спрятаться подъ столомъ.

Ея душевное состояніе находитъ отголосокъ въ душѣ Володи, слова отца относитъ онъ и къ себѣ, къ своей безталанности и непригодности къ жизни, и онъ съ усиліемъ переводитъ дыханіе.

Но Лидіи все-таки не хочется сразу признать передъ собой свою погибель, и невнятно она просипѣла сдавленнымъ горломъ:

— А можетъ быть...

— А? Что?—подхватываетъ старикъ злорадно:—говори яснѣе. Вѣдь ты хвастала, что у тебя прочистился голосъ. Ну, что̀ можетъ быть безъ таланта?.. Да не шевели ты губами, скажи погромче, Лидія, я ничего не разберу,—пристаетъ къ ней старикъ, упиваясь издѣвательствомъ силы надъ слабостью, и не замѣчаетъ онъ негодующаго жеста, ни искаженнаго мгновенной судорогой лица своего сына. Онъ видитъ только страданіе своей жертвы, и ничего больше не хочетъ видѣть. Онъ слышитъ ея неровное дыханіе и легкій шепчущій вздохъ, со свистомъ вылетѣвшія изъ груди ея слова:

— Я увѣрена...

— Въ чемъ? Въ себѣ ты увѣрена, бѣдная? Ахъ, несчастная! Въ томъ-то вотъ и бѣда, что большинство изъ неудачниковъ всегда въ чемъ-то увѣрены и всего болѣе въ себѣ. Самые жалкіе, самые больные, самые вредные для общества люди. По своей суетности они живутъ наиболѣе фиктивной частью своего я, цѣпляясь за жизнь, за призрачную ея сторону, тогда какъ смерть для нихъ единственный исходъ...

— Я послѣдую вашему указанію,—довольно внятно проговорила Лидія, съ выраженіемъ жгучей боли взглянувъ на Володю, и быстрымъ, отчаяннымъ движеніемъ закинула руки за голову.

Прошла секунда страшнаго, смертельнаго томленія. Старикъ молчалъ. Она медленно поднялась изъ-за стола и медленно вышла.

— Сдѣлай милость,—проговорилъ старикъ скептически, слѣдя косымъ взглядомъ за ея неровными шагами, — меня этимъ не испугаешь...

— И не удивишь,—глухо промолвилъ Володя, вставая, и онъ, не глядя на отца, послѣдовалъ за Лидіей.

Старикъ обхватилъ голову обѣими руками и сидитъ съ локтями на столѣ, нагнувшись надъ тарелкой, испуганный и сбитый съ толку.

— Неужели разгадалъ?—спрашиваетъ онъ себя.—Неужели безусый мальчикъ и недалекая, пустая женщина разгадали меня? Нѣтъ, этого быть не можетъ.

Взглядомъ трусливаго подозрѣнія онъ покосился исподлобья на лакея, поднялъ голову и пристально оглядѣлъ рабски непроницаемую физіономію слуги. Нѣтъ, никто никогда не разгадаетъ его. Онъ успокоился.

IV.

Старикъ пошелъ отдохнуть послѣ обѣда безъ огня въ своей просторной спальнѣ, чтобъ окончательно оправиться отъ испуга и собраться съ мыслями. Онъ обдумалъ свою роль. Лицемѣріе его дойдетъ до послѣднихъ предѣловъ дерзости. Онъ будетъ уговаривать, упрашивать сына не оставлять жалкую неудачницу, щадить ея нищету духовную и всячески ей угождать. Онъ рѣшилъ надоѣдать ему своимъ безпрестаннымъ участіемъ къ несчастной, обиженной Богомъ сиротѣ, онъ будетъ постоянно упрекать его, здороваго юношу, въ недостаточномъ вниманіи къ больной, и она опротивитъ ему.

Такъ разсчитавъ, онъ вышелъ спокойный и величавый изъ спальни въ синемъ бархатномъ халатѣ, отороченномъ соболемъ, и, слегка позѣвывая въ руку, велѣлъ позвать къ себѣ сына.

Но оказалось, что ни Володи, ни Лидіи не было въ домѣ, и никто не могъ сказать, куда они около часа тому назадъ отправились вдвоемъ. Сначала Аполлонъ Кондратьевичъ не совсѣмъ осмыслилъ положеніе вещей, потомъ вздохнулъ: — Ахъ, Володя, Володя! Погубитъ она его!—Онъ покачнулся всѣмъ тѣломъ и отдался въ дюжія руки лакея.

Его уложили, и по мѣрѣ того какъ мысли его становились яснѣе, онъ холодѣлъ, корчи ужаса охватывали его дряблѣющее тѣло. Да, онъ несомнѣнно разгаданъ... Въ первый разъ натянутыя имъ струны человѣческихъ сердецъ, на которыхъ онъ умѣлъ разыгрывать мучительныя пьесы, порвались и предали его на судъ родного сына.

Вскочивъ, онъ оттолкнулъ ключницу съ аптечнымъ пузырькомъ и сталъ выкрикивать, задыхаясь:

— Заявить! Телефонировать во всѣ участки! Искать ихъ, искать ихъ скорѣй! Проклятіе! Оставлю наслѣдство Курнакову съ Ватрушкинымъ, а сыновьямъ ничего... Искать ихъ во всѣхъ гостинницахъ!

— Да что вы, батюшка Аполлонъ Кондратьевичъ,—заговорила старая заслуженная ключница,—да Господь съ вами! Володенька вѣдь не дочка вамъ. Захотѣлъ съ Лиденькой прогуляться, и преотлично!

— Поймать ее и убить! — крикнулъ старикъ, затопавъ ногами.—Что вы медлите, черти, мерзавцы, всѣхъ разгоню!

Оторопѣвшіе слуги не двигались съ мѣста. Тогда въ строптивой суетливости онъ побѣжалъ по комнатамъ, шмыгая туфлями, онъ вздымалъ руки, произнося ругательства, визжалъ.

И за нимъ бѣгали ключница и лакей со стаканомъ воды.

— Сатаненокъ-женщина!—крикнулъ онъ въ безсильномъ бѣшенствѣ и плюнулъ. Ключница увѣщаваетъ его: — Да Богъ съ вами, батюшка нашъ, успокойтесь.

Онъ обернулся къ ней и заскрипѣлъ зубами въ непримиримой, лютой ненависти къ женщинѣ, вообще къ женщинѣ.

— Всѣ вы отродье сатаны! — сказалъ онъ, и кровь поднялась ему въ голову. Замелькали, закружились передъ его глазами красные рожки сатаненка, красные языки, красныя юбки, красныя женщины... Онъ круто повернулся на мѣстѣ, поднялъ руки и распростерся на коврѣ.

Володя ушелъ отъ обѣда въ комнату Лидіи, и молча посмотрѣлъ, что она дѣлаетъ. Она что-то обертывала ватой, склонясь надъ столомъ передъ зеркаломъ въ серебряной рамкѣ. Большой комокъ ваты навертѣла она, завязала его въ шерстяной платокъ, и начала одѣваться, собираться куда-то. И Володя пошелъ одѣться.

Оставшись одинъ у себя, онъ приложилъ руки къ груди въ молитвенномъ настроеніи, глядя на портретъ матери, и вдругъ со всѣхъ ногъ бросился къ незатворенной двери, онъ захлопнулъ ее и заперъ. Казалось ему, что онъ осквернитъ память матеир, если допуститъ, чтобъ отецъ вошелъ къ нему въ эту минуту. Онъ былъ способенъ прибить отца.

Въ домѣ все было тихо. Онъ слышалъ, какъ Лидія скрипнула дверью, слышалъ ея шаги по корридору и, накинувъ пальто, пустился ее догонять на черную лѣстницу.

Она несетъ узелъ подъ мышкой, онъ провожаетъ ее по улицѣ, и оба молчатъ. Такъ, ни слова не сказавъ другъ другу, осыпанные мокрыми хлопьями снѣга, свернули они въ переулокъ, гдѣ

фонари горѣли тускло, и не было извозчиковъ, только изрѣдка тѣнь прохожаго мелькала сквозь непрерывно падавшій снѣгъ. Темныя окна домовъ начали освѣщаться, явился красный огонекъ надъ подъѣздомъ каменнаго зданія, и они остановились подъ навѣсомъ этого подъѣзда, машинально стряхиваютъ съ себя снѣгъ. Это задній фасадъ гостинницы на одной изъ главныхъ улицъ города.

Они не могли бы сказать, какъ они заняли нумеръ въ этой гостинницѣ, но имъ не кажется страннымъ, что сидятъ они передъ кипящимъ самоваромъ на узкомъ и жосткомъ диванѣ, и ничего не говорятъ. Наконецъ Володя спросилъ: — Что у тебя въ вату завернуто?

— Такъ... ничего...

Лидія вздохнула и залилась неудержимыми слезами. Неудержимая потребность излиться въ жалобахъ и вопляхъ заговорила въ ней.

— Чудовище,—зарыдала она,—извергъ старикъ! Теперь ты мнѣ вѣришь, Володя! Такъ и маму твою онъ измучилъ. Какъ затравленная полумертвая мышка въ лапахъ кота, склонитъ она, бывало, головку... Ты ничего не понималъ... Бывало, выбѣжитъ отъ него, мечется, не зная, куда бы скрыться. Не было душевной пытки, которую бы онъ на ней не испробовалъ. Инквизиторъ! И представь, вѣдь она любила его!

Лидія перестала плакать и съ удивленіемъ поглядѣла на Володю.

Выраженіе его серьезнаго и вдумчиваго взгляда сообщило его лицу характеръ мужественный, съ оттѣнкомъ строгой укоризны. Повидимому, онъ не особенно внималъ ея словамъ, но каждое ея слово тяжелымъ свинцомъ падало ему на сердце.

— Володя! Помнишь, какъ она часто плакала?

— Помню, — сказалъ Володя, и по губамъ его скользнула нѣжная улыбка.—Я постоянно помню ее, я ее чувствую. Она наполняетъ меня, влечетъ къ себѣ. Вѣдь и ты любила ее?

Произнеся этотъ вопросъ значительно и очень тихо, онъ остановилъ испытующій взглядъ на ея заплаканномъ, смятомъ лицѣ, онъ напряженно ждалъ ея отвѣта.

— Я жалѣла ее, ахъ, какъ жалѣла! — сказала она. — Она добрая была... покупала для меня, бывало, тягучекъ... Володя, вели подать тягучекъ, я выпью чашечку чайку.

Онъ всталъ, и, позвонивъ прислугу, подошелъ къ другому столу, гдѣ лежалъ узелъ съ ватой. Онъ приподнялъ его.

— Ахъ, не трогай, не развертывай! Войдетъ человѣкъ и увидитъ... Послѣ покажу.

Когда явилась коробка сливочныхъ конфектъ, Лидія выполоскала посуду и стала чай наливать, съ оживленіемъ излагая все, что̀ ей было извѣстно отъ мужа о Крифинѣ. Старикъ, чтобъ отъ нея избавиться, дипломатически ловко сбылъ ее съ рукъ совсѣмъ неподходящему человѣку, котораго онъ одурачилъ ложными надеждами на свою щедрость и покровительство будущему мужу своей воспитанницы. Ничего прямо не обѣщая и ничего не предлагая, онъ какъ бы къ слову высказался при немъ на этотъ счетъ, и поймалъ для нея жениха. А потомъ самъ жалѣлъ ее, не одобрялъ ея выбора.

— Ну, довольно о немъ,—прервалъ ее Володя.—Тебѣ хочется его наказать?

— Еще бы!

Она подняла сжатые кулаки, и курносое лицо ея стало похоже на разсвирѣпѣвшую мордочку кролика.

Онъ вынулъ изъ кармана револьверъ и, показавъ ей, положилъ подъ подушку дивана.

— Убивать я не хочу,—прошептала она, блѣднѣя.

— И не слѣдуетъ. Пусть онъ долго живетъ. Пусть онъ доживетъ до самой жалкой, низкой и трусливой старости, искажающей въ человѣкѣ и чувства, и умъ, все божеское. Пусть онъ превратится въ сплошную болѣзнь, въ полу-трупъ, и все-таки живетъ, тяготясь собой и тяготя другихъ; пусть онъ заживо разлагается...

Проговоривъ это очень быстро, Володя перевелъ дыханіе и спросилъ:

— Ты совсѣмъ здорова?

— Кажется, здорова, а что?

— Больному и старому человѣку чрезвычайно трудно разстаться съ жизнью, — отвѣтилъ онъ, думая. — Я это понялъ въ послѣдніе дни. Молодому ничего не стоитъ его крѣпкое тѣло, гибкіе члены, свѣжесть и бодрость душевная; онъ не замѣчаетъ и не цѣнитъ ничего этого. Но въ болѣзни и въ старости люди только и заняты мыслью объ этихъ благахъ. А физическая боль даже нужна какъ отвлекающее отъ нравственныхъ мукъ. Утихая и заживая, она радуетъ, сосредоточивая на себѣ всю силу вниманія. Я сдѣлалъ это наблюденіе надъ товарищемъ, который неудачно выстрѣлилъ себѣ въ грудь, послѣ чего раздумалъ умирать. Онъ дорожилъ каждымъ вздохомъ, вылетавшимъ изъ его легкихъ безъ усилій, каждымъ глоткомъ питья, не причинявшимъ

боли, онъ наслаждался всѣми отправленіями организма, когда сталъ выздоравливать, и ѣдой, и ходьбой... Такъ и старость наслаждается тѣмъ, чего не сознаетъ и не чувствуетъ молодость. Старость и болѣзнь приравниваютъ человѣка къ животному, главное преимущество надъ которымъ и заключается въ разумной волѣ, въ способности съ сознательной рѣшимостью и вовремя распорядиться собой, исчезнуть когда нужно.

Онъ говорилъ съ холоднымъ спокойствіемъ человѣка, принявшаго окончательное рѣшеніе; онъ даже весело говорилъ и смутно улыбался глазами.

Улавливая главную суть его рѣчи, она съ полуоткрытымъ ртомъ, готовая вставить свое слово, взволнованно и нетерпѣливо привскакивала, не успѣвая ничего сказать.

— Такъ вотъ, Лидія, пока мы здоровы и сильны духомъ—въ нашей власти наше существованіе. Послушаемъ могучаго порыва нашей воли...

Она вскочила.

— Володя! Я затѣмъ и пришла сюда, посмотри...—И дрожащими руками она развязываетъ узелъ, она вынула изъ ваты склянку, заткнутую обвязанной пузыремъ стеклянной пробкой, и подала ему.

— Еще когда я оставила сцену, на всякій случай я запаслась... Въ провинціи въ аптекахъ простота, и я добыла хлороформъ. Самый легкій и пріятный способъ. Намочить вату, лечь и положить себѣ на грудь. И никогда не проснешься, но... Знаешь, Володя, я увѣрена... Иногда у меня голосъ...

— Нѣтъ, Лидія.

— Докторъ сказалъ...

— Никогда не вернется твой голосъ,—съ безпощадной рѣшимостью произноситъ Володя:—я его спрашивалъ, твоего доктора. Онъ только утѣшалъ тебя.

Съ тоской и страхомъ обведя кругомъ глазами, она сѣла и поникла головой. Она прошептала:—А можетъ быть...

— Ничего хорошаго не можетъ быть въ жизни,—круто оборвалъ онъ ее,—не цѣпляйся ты за ея призрачную сторону.

Прислуга убрала самоваръ, оставивъ на подносѣ недопитый чай. Тишина была въ корридорѣ, изъ дальняго нумера неслись веселые мужскіе голоса. Проходили минуты, Лидія неподвижно сидѣла съ опущенной на грудь головой.

Володя сталъ прохаживаться по комнатѣ, внимательно оглядывая дверь и стѣны. Онъ убѣдился, сунувъ руку въ отверстіе печной трубы, что вьюшки на мѣстѣ, потомъ осмотрѣлъ фортку

окна и, поплотнѣе закрывъ ее, постоялъ, посмотрѣлъ на растекающіяся по темному стеклу снѣжинки, спустилъ штору.

— Ничего не можетъ быть хорошаго, — повторилъ онъ со вздохомъ, и сталъ писать что-то карандашемъ на вырванномъ изъ записной книжки листочкѣ.

Лидія все сидѣла, не шевелясь, только руки ея, упавшія на колѣни, неремѣнили положеніе...

Онъ заперъ дверь и заткнулъ ватой скважину замка, а вынутый ключъ забросилъ подъ диванъ...

На слѣдующій день, когда дверь была взломана въ присутствіи полиціи, оказались въ нумерѣ два уже застывшіе трупа. На листкѣ изъ записной книжки, на столѣ, твердымъ и четкимъ почеркомъ было написано:

„Я, Владиміръ Крифинъ, обвиняю въ нашей смерти моего отца, обладающаго тончайшимъ искусствомъ доводить до самоубійства не враговъ своихъ, а просто ненужныхъ ему людей. Онъ—убійца моей матери".

Потрясенный на этотъ разъ истиннымъ горемъ, старикъ началъ часто прихварывать, сразу осѣлъ и согнулся, ростомъ сталъ ниже, и ходитъ онъ съ палочкой, но тѣмъ отраднѣе для него сознаніе, что онъ еще ходитъ и не утратилъ аппетита. Глубокія борозды легли по бокамъ его носа, а темные плутовато-подозрительные глазки его почти совсѣмъ ушли подъ складки напухшихъ вѣкъ, но онъ видитъ ими хорошо и тѣмъ гордится. Онъ все слышитъ и все помнитъ, способность быстраго соображенія не измѣнила ему, что̀ безпредѣльно радуетъ его. И наслаждается онъ ощущеніемъ уцѣлѣвшихъ въ немъ жизненныхъ силъ, самымъ процессомъ своего существованія, и ѣдой, и ходьбой... Никогда онъ такъ не дорожилъ здоровьемъ и жизнью.

Онъ, какъ будто, хочетъ жить и послѣ смерти въ понятіяхъ и дѣяніяхъ своего внука, котораго онъ, взявъ къ себѣ, старательно оберегаетъ отъ постороннихъ вліяній, но окружаетъ его маленькими сверстниками, чтобъ съ раннихъ лѣтъ пріучался выбирать изъ нихъ только нужныхъ и полезныхъ товарищей.

И малютки осаждаютъ, цѣлуютъ ласковаго старика, лепечутъ:

— Мой дѣдя!

— Милый, милый, милый нашъ дѣдушка!

А. Виницкая.

СТРАНСТВІЯ МАЛЬДУНА

Ирландская легенда Альфреда Теннисона.

1.

Я былъ предводителемъ рода—онъ убилъ моего отца—
Я созвалъ товарищей вѣрныхъ—и поклялся мстить до конца.
И каждый царемъ былъ по виду, и былъ благороденъ и смѣлъ,
И древностью рода гордился и пѣсни геройскія пѣлъ,
И въ битвѣ безтрепетно бился, на бѣды взирая свѣтло,
И каждый скорѣе бы умеръ, чѣмъ сдѣлалъ кому-нибудь зло.
Онъ жилъ на островѣ дальнемъ, и въ морѣ мы чуяли слѣдъ,
Убилъ онъ отца моего, передъ тѣмъ какъ увидѣлъ я свѣтъ.

2.

И мы увидали тотъ островъ, и врагъ у прибоя стоялъ.
Но съ вихремъ въ безбрежное море насъ валъ разъяренный умчалъ.

3.

Мы приплыли на Островъ Молчанья, гдѣ былъ берегъ и тихъ и высокъ,
Гдѣ прибой океана безмолвно упадалъ на безмолвный песокъ,
Гдѣ беззвучно ключи золотились, и съ угрюмыхъ скалистыхъ громадъ,
Какъ застывшій въ порывѣ широкомъ, изливался нѣмой водопадъ,
И, нетронуты бурей, виднѣлись кипарисовъ недвижныхъ черты,
И сосна отъ скалы устремлялась, уходя за предѣлъ высоты,

И высоко на небѣ, высоко, межъ лазурныхъ бездонныхъ зыбей,
Замечтавшійся жаворонокъ рѣялъ, позабывши о пѣснѣ своей,
И собака не смѣла залаять, и медлительный быкъ не мычалъ,
И пѣтухъ повторительнымъ крикомъ зарожденье зари не встрѣчалъ;
И мы все обошли, и ни вздоха отъ земли не умчалося въ твердь,
И все было, какъ жизнь лучезарно, и все было спокойно какъ смерть,
И мы прокляли островъ прекрасный, и мы прокляли свѣтлую тишь:
Мы кричали, но намъ показалось,—то кричала летучая мышь,
Такъ былъ тонокъ нашъ голосъ безсильный, такъ былъ слабъ нашъ обманчивый зовъ,
И бойцы, что властительнымъ крикомъ поднимали дружины бойцовъ,
Заставляя на тысячи копій устремиться, о смерти забывъ,
И они—и они онѣмѣли, позабыли, что̀ значитъ призывъ,
И, проникшись взаимной враждою, другъ на друга не смѣли взглянуть,
Мы покинули Островъ Молчанья, и направили дальше свой путь.

4.

Мы приблизились къ Острову Криковъ, мы вступили на землю, и въ мигъ,
Человѣческимъ голосомъ птицы надъ утесами подняли крикъ,
Каждый часъ лишь по разу кричали, и какъ только раскатъ замолкалъ,
Умирали колосья на нивахъ, какъ подстрѣленный—быкъ упадалъ,
Бездыханными падали люди, на стадахъ выступала чума,
И въ очагъ опускалася крыша, и въ огнѣ исчезали дома;
И въ сердцахъ у бойцовъ эти крики отозвàлись, зажглись, какъ огни,
И протяжно они закричали, и пустилися въ схватку они,
Но я рознялъ бойцовъ ослѣпленныхъ, устремлявшихся грудью на грудь.
И мы птицамъ оставили трупы, и направили дальше свой путь.

5.

Мы приплыли на Островъ Цвѣтовъ, ихъ дыханьемъ дышала волна,
Тамъ всегда благовонное Лѣто, и всегда молодая Весна,
Ломоносъ голубѣлъ на утесахъ, страстоцвѣтъ заплетался въ вѣнокъ,
Миріадами вѣнчиковъ нѣжныхъ и мерцалъ и звѣздился вьюнокъ,

Вмѣсто снѣга покровы изъ лилій закрывали покатости горъ,
Вмѣсто глетчеровъ глыбы изъ лилій уходили въ багряный просторъ,
Между огненныхъ маковъ, тюльпановъ, милліоновъ пурпурныхъ цвѣтовъ,
Между терна и розъ, возникавшихъ изъ кустовъ безъ шиповъ и листовъ,
И уклонъ искрометныхъ утесовъ, какъ потокъ драгоцѣнныхъ камней,
Протянувшись отъ моря до неба, весь игралъ переливомъ огней;
Мы блуждали по мысамъ шафрана, и глядѣли, какъ островъ блеститъ,
Возлежали на ложахъ изъ лилій и гласили, что Финнъ побѣдитъ,
И засыпаны были мы пылью, золотистою пылью цвѣтовъ,
И томились мы жгучею жаждой, и напрасно искали плодовъ,—
Все цвѣты и цвѣты за цвѣтами, все блистаютъ цвѣты пеленой,—
И мы прокляли Островъ Цвѣтущій, какъ мы прокляли островъ нѣмой;
И мы рвали цвѣты, и топтали, и не въ силахъ мы были вздохнуть,
И оставили голыя скалы, и направили дальше свой путь.

6.

Мы приплыли на Островъ Плодовъ, и плоды золотились, горя,
Безконечные сочные гроздья отливались огнемъ янтаря,
Точно солнце, желтѣлася дыня на разсыпчатомъ красномъ пескѣ,
И съ отлогаго берега смоква поднималась, блестя вдалекѣ,
И гора, какъ престолъ, возносилась, и роняла оттѣнки въ заливъ,
Отъ мерцанія грушъ золотистыхъ, отъ сверканія рдѣющихъ сливъ,
И лоза вкругъ лозы извивалась, вызрѣвающихъ ягодъ полна,
Но въ плодахъ ароматныхъ скрывалась ядовитая радость вина,
И вершина утеса изъ яблокъ, величайшихъ изъ всѣхъ на землѣ,
Разросталась безъ листьевъ зеленыхъ, и тонула въ сверкающей мглѣ,
И краснѣлась нѣжнѣй, чѣмъ здоровье, и румянилась ярче стыда,
И Заря багрянецъ лучезарный не могла превзойти никогда;
Мы три дня упивались плодами, и безумье нахлынуло сномъ,
И друзья за мечи ухватились, и рубились въ безумьи слѣпомъ;
Но плоды я вкушалъ осторожно; и, чтобъ разумъ ослѣпшимъ вернуть,
Я сказалъ имъ о мести забытой,—мы направили дальше свой путь.

7.

Мы приплыли на Островъ Огня,—онъ манилъ насъ, блистая въ водѣ,
Онъ вздымался на цѣлую милю, устремляясь къ Полярной звѣздѣ,
И едва на ногахъ мы стояли, созерцая огонь голубой,
Потому что весь островъ качался, какъ объятый предсмертной борьбой,
И безумны мы были отъ яда золотыхъ ядовитыхъ плодовъ,
И, боясь, что мы бросимся въ пламя, натянули мы сѣть парусовъ,
И уплыли скорѣе подальше, и сокрылась отъ взоровъ земля.
Мы увидѣли Островъ Подводный, подъ водою свѣтлѣй хрусталя,
И глядѣли мы внизъ, и дивились, что̀ за рай тамъ блаженный блисталъ:
Тамъ стояли старинныя башни, тамъ вздымался безмолвный порталъ
Безмятежныхъ дворцовъ,—какъ видѣнья, какъ Эдемъ невозбранного сна,
И для сердца была такъ призывна голубая, какъ твердь, глубина,
Что изъ лучшихъ воителей трое поспѣшили, какъ ключъ, утонуть...
Глубь задернулась быстрою зыбью,—мы направили дальше свой путь.

8.

Мы приплыли на Островъ Щедротъ,—небеса были низки надъ нимъ,
И съ разсвѣтомъ лучистыя длани облака раздвигали, какъ дымъ,
И для каждаго падала пища, чтобъ онъ могъ не работать весь день,
До того, какъ на западѣ встанетъ золотая вечерняя тѣнь;
Еще не былъ нашъ духъ безпокойный такъ плѣнительно-ласковъ и тихъ,
И мы пѣли о Финнѣ могучемъ и о древности предковъ своихъ;
Мы сидѣли, покоясь и нѣжась, у истока пѣвучихъ ключей,
И мы пѣли звучнѣе, чѣмъ барды, о судьбѣ легендарныхъ царей;
Но потомъ утомились мы нѣгой, и вздыхали, и стали роптать,
И мы прокляли Островъ Блаженный, гдѣ могли безъ помѣхи мечтать,
И мы прокляли Островъ Зеленый, потому что онъ нашъ былъ вездѣ,

Потому что врага не могли мы—не могли отыскать мы нигдѣ,
И мы въ шутку швыряли каменья, мы какъ будто играли въ шары,
Мы играть захотѣли въ сраженье, захотѣли опасной игры,
Потому что кипучія страсти намъ томили мятежную грудь,
И, насытившись дикой рѣзнею, мы направили дальше свой путь.

9.

Мы приплыли на Островъ Колдуній, и пѣвучій услышали зовъ:—
„О, придите, придите, придите!“—прозвучало надъ зыбью валовъ,
И огнистыя тѣни дрожали, отъ небесъ упадая къ землѣ,
И нагая, какъ небо, колдунья возставала на каждой скалѣ,
И толпы ихъ бѣлѣли на взморьѣ, словно чайки надъ пѣной валовъ,
И толпы ихъ рѣзвились, плясали на обломкахъ погибшихъ судовъ,
И толпы ихъ бросалися въ волны, освѣжить бѣлоснѣжную грудь,
Но я зналъ, въ чемъ опасность, и быстро мы направили дальше свой путь.

10.

И въ недоброе время достигли мы до Острова Башенъ-Двойныхъ;
Изъ камней полированныхъ башня, и предъ ней—изъ цвѣтовъ вырѣзныхъ,
Возносилися обѣ высоко; но дрожали пещеры внизу,
Ударялися башни, звенѣли и гремѣли, какъ небо въ грозу,
И гудѣли призывнымъ набатомъ, точно яростный возгласъ громовъ,
И раскаты проникли до сердца разгорѣвшихся гнѣвомъ бойцовъ,
И за башню камней разноцвѣтныхъ и за башню цвѣтовъ вырѣзныхъ
Межъ бойцами рѣзня разразилась, — и на Островѣ Башенъ-Двойныхъ
Вплоть до вечера буря Господня лишь смолкала затѣмъ, чтобъ сверкнуть,
И, оставивши много убитыхъ, мы направили дальше свой путь.

11.

Мы приплыли на Островъ Святого, что̀ когда-то съ Бренданомъ
уплылъ.
Онъ на островѣ жилъ неотлучно и ужъ старцемъ-святителемъ
былъ;
Еле слышенъ былъ голосъ святого, словно голосъ далекихъ
міровъ,
И къ ногамъ борода упадала бѣлизною нагорныхъ снѣговъ.
Онъ сказалъ мнѣ: „Ты злое задумалъ. О, Мальдунъ, ты живешь
какъ во снѣ!
„Ты забылъ, что̀ сказалъ намъ Всевышній,—онъ сказалъ намъ:
„Отмщеніе—мнѣ!“
„Умерщвленъ былъ твой прадѣдъ, отмщенъ былъ, и за кровь
пролита была кровь,
„И убійство смѣнялось убійствомъ, и убійство свершалося вновь,—
„О, доколѣ все это продлится? Нѣтъ конца помышленіямъ злымъ!
„Возвращайся же къ Острову Финна! Пусть Былое пребудетъ
Былымъ“!
И края бороды бѣлоснѣжной мы лобзали, вздохнувъ отъ борьбы;
Мы молились, услыша, какъ старецъ возсылалъ предъ Всевыш-
нимъ мольбы,—
И смирилъ насъ преклонный Святитель, и главу опустилъ онъ
на грудь.
Мы печально корабль снарядили и направили дальше свой путь.

12.

И мы вновь увидали тотъ островъ, и убійца на взморьѣ стоялъ.
Но мы мимо проплыли безмолвно, хоть на островъ насъ валъ
увлекалъ.
О, усталъ я, усталъ отъ скитаній, отъ волненій, борьбы и грѣховъ,—
И приблизился къ Острову Финна только съ горстью угрюмыхъ
бойцовъ.

К. Бальмонтъ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ВЪ

НАРОДНОМЪ ПРЕДАНІИ

Петръ какъ антихристъ, у раскольниковъ.—Поэтическая молитва о немъ.—Пѣсни и сказки.

Въ числѣ новѣйшихъ пріобрѣтеній Императорскаго Историческаго Музея въ Москвѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе рукопись, писанная, по всей вѣроятности, во второй четверти XVIII-го вѣка и любопытная въ особенности по своимъ иллюстраціямъ. Это рукопись „лицевая", заключающая въ себѣ Толковый Апокалипсисъ, т.-е. Апокалипсисъ съ толкованіями; текстъ обыкновенный, но чрезвычайно характерны рисунки, объясняющіе содержаніе книги, и гдѣ нѣсколько разъ въ видѣ антихриста несомнѣнно изображенъ Петръ Великій. Заимствуемъ подробности объ этой рукописи изъ краткаго, но обстоятельнаго описанія ея, сдѣланнаго В. Н. Щепкинымъ [1]).

Сборникъ написанъ мелкимъ искусственнымъ полууставомъ, видимо подражающимъ шрифту нѣкоторыхъ старопечатныхъ изданій. „Написанная, вѣроятно, уже послѣ смерти Петра,—говоритъ г. Щепкинъ,—эта рукопись дышетъ воспоминаніемъ эпохи великаго преобразователя. Въ рисункахъ рукописи отразилось очень опредѣленно отрицательное отношеніе къ Петровской ре-

[1]) Два лицевыхъ сборника Историческаго Музея. Москва, 1897 (отдѣльный оттискъ изъ „Археологическихъ Извѣстій и Замѣтокъ", 1897).

формѣ. Сборникъ долженъ быть отнесенъ къ произведеніямъ раскольничьей письменности, и его рисунки возникли, повидимому, въ одномъ изъ крайнихъ раскольничьихъ толковъ (какъ предполагаютъ, въ сектѣ бѣгуновъ). Рукопись, заключающая Толковый Апокалипсисъ и два особенно популярныхъ сказанія о концѣ міра, относится къ столь распространенному типу сборниковъ эсхатологическаго содержанія. Иллюстраціи рукописи, въ которыхъ выражено враждебное отношеніе къ Петровской реформѣ, отнюдь не могутъ быть названы политическими каррикатурами: это вполнѣ серьезныя произведенія гонимаго религіознаго фанатизма, отождествившаго традиціонныя описанія конца міра съ русской дѣйствительностью начала XVIII-го вѣка. Глубокимъ суевѣрнымъ чувствомъ дышатъ эти рисунки, и условія исторической эпохи отражаются въ нихъ весьма реально".

Всѣ отдѣлы и главы рукописи украшены заставками, большею частію того травнаго орнамента, который принято называть поморскимъ; тѣмъ же стилемъ отличаются многочисленныя заглавныя буквы, писанныя киноварью. Толкованія Апокалипсиса сводныя; между прочимъ особо выдѣляются толкованія Андрея Кесарійскаго, изъ которыхъ заимствовано и предисловіе. Вслѣдъ за текстомъ Апокалипсиса слѣдуетъ вторая часть рукописи (листъ 324), подъ заглавіемъ: „Въ недѣлю мясопустную блаженнаго Ипполита папы Римскаго и мученика слово о скончаніи міра и о антихристѣ и о второмъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа и о страшномъ его судѣ". Послѣдняя часть книги (съ листа 416) носитъ заглавіе: „Въ недѣлю мясопустную преподобнаго отца нашего Палладія мниха слово о второмъ пришествіи Христовѣ и о страшномъ судѣ его и о будущей муцѣ и о умиленіи души" [1]).

Таковъ составъ рукописи. Рисунки Апокалипсиса, по словамъ г. Щепкина, не отличаются рѣзко отъ обычныхъ позднихъ иллюстрацій этого памятника, но можно замѣтить присутствіе бытового элемента, и напримѣръ церкви въ нѣкоторыхъ рисункахъ имѣютъ вполнѣ реальный характеръ. На л. 89 слуги антихриста въ первый разъ изображены въ военныхъ кафтанахъ съ отворотами, и затѣмъ, далѣе, надъ фигурами въ красныхъ и синихъ кафтанахъ находятся надписи: „отступники", „чародѣи чловѣцы" (изъ послѣдней главы Апокалипсиса). Въ такомъ же костюмѣ изображенъ и самъ антихристъ. Въ этой первой части

[1]) Здѣсь прибавлено, что оба слова, Ипполита и Палладія, выписаны изъ печатнаго Соборника.

рукописи, его изображеніе еще не имѣетъ историческаго характера. „Художникъ надѣляетъ антихриста отталкивающими, дикими чертами лица. Особенно поражаетъ выдавшійся носъ, широкій и угловатый, напоминающій неуклюжіе носы старинныхъ нѣмецкихъ гравюръ. Такой типъ антихриста, въ отличіе отъ типовъ, встрѣчающихся далѣе, можетъ быть названъ фантастическимъ. Равнымъ образомъ, изображеніе „жены, облеченной въ порфиру, съ златою чашей въ рукѣ“ (л. 226 об., гл. 17 Апокалипсиса), не имѣетъ въ виду реальнаго лица, хотя вся фигура могла заимствовать отдѣльныя черты изъ какого-нибудь изображенія русской царицы XVIII-го вѣка. Для настроенія художника интересно отмѣтить, что изображенія хищныхъ птицъ, находимыя на картинѣ л. 256 об., повторены имъ въ большемъ видѣ и на слѣдующей заставкѣ: на заставкѣ это, повидимому, два черныхъ ворона, помѣщенные симметрично, другъ къ другу клювами. Извѣстно, что изображенія зловѣщихъ, фантастическихъ птицъ были господствующими въ русскомъ орнаментѣ въ мрачную эпоху XIII—XIV вѣка“.

Самый обильный матеріалъ для изображенія дѣйствительности доставляетъ второй памятникъ рукописи, „Слово Ипполита папы римскаго о скончаніи міра и объ антихристѣ“. Здѣсь появляются петровскіе солдаты въ кафтанахъ съ отворотами и съ надписью: „страну вашу чуждіи поядятъ“ (изъ Исаіи); затѣмъ этотъ костюмъ появляется почти на каждомъ рисункѣ. Такъ, съ надписью: „егда услышите брани и нестроенія“ изображено петровское войско, сражающееся, повидимому, съ казаками; или подъ надписью: „оружіемъ отъ діавола падутъ“ петровскіе солдаты разстрѣливаютъ связанныхъ старцевъ, облеченныхъ во власяницы. На одной картинкѣ представлено, какъ „всѣ грады чрезъ посланія“, привлекаются въ подданство антихристу: у воротъ города человѣкъ въ красномъ кафтанѣ держитъ въ рукѣ развернутый свитокъ; вправо, рядомъ съ нимъ, барабанщикъ бьетъ въ барабанъ.

Въ иллюстраціяхъ къ Слову Ипполита встрѣчаются три типа антихриста: во-первыхъ, тотъ фантастическій типъ, о которомъ упомянуто выше; во-вторыхъ, антихристъ съ типомъ лица иконографическимъ, и наконецъ самымъ распространеннымъ является третій типъ, въ которомъ, по замѣчанію г. Щепкина, „нельзя не узнать черты самого великаго преобразователя“. Видѣвши рукопись Музея, мы можемъ только подтвердить это замѣчаніе, и въ справедливости его легко убѣдиться и по тѣмъ двумъ рисункамъ, какіе помѣщены въ брошюрѣ г. Щепкина. „Въ такомъ видѣ, — говоритъ авторъ,—антихристъ нѣсколько разъ изо-

браженъ на престолѣ, причемъ одно изъ самыхъ похожихъ изображеній имѣемъ на л. 363 об., гдѣ антихристъ провозглашается царемъ. Столь же хорошъ рисунокъ на л. 354 об., гдѣ антихристъ возстановляетъ Іерусалимскій храмъ: на первомъ планѣ фигура антихриста; властнымъ жестомъ, сильнымъ сложеніемъ и чертами лица онъ напоминаетъ Петра. Стѣны и куполы огромнаго зданія уже воздвигнуты; два каменщика стоятъ на стѣнахъ вверху и работаютъ, а два діавола носятъ имъ камни. Этотъ „историческій“ типъ антихриста переносится иногда и на его окруженіе. Такъ, напримѣръ, на изображеніи рожденія антихриста представлена семейная сцена въ обстановкѣ начала XVIII-го вѣка. Сидящій влѣво отецъ антихриста обнаруживаетъ черты того же типа. Рисунокъ издается здѣсь какъ одно изъ самыхъ крупныхъ по размѣру изображеній этого типа. Особенно мрачнымъ настроеніемъ отмѣчена картина на листѣ 382 об. Она носитъ надпись: „Тогда послетъ въ горы и въ вертепы и въ пропасти земныя бѣсовскія полки, во еже взыскати и изобрѣсти скрывшаяся отъ очію его и тѣхъ привести на поклоненіе его“. Внизу, налѣво, подъ краснымъ балдахиномъ, сидитъ на престолѣ антихристъ и указываетъ рукою впередъ; передъ нимъ вправо выступающій военный отрядъ, руководимый синимъ діаволомъ, направляется къ скиту, стоящему среди дремучаго лѣса. Кверху изображены высокія горы съ тремя пещерами; въ нихъ спасаются міряне и иноки; одинъ изъ нихъ, влѣво, молится предъ иконой. Два отряда петровскихъ солдатъ, руководимые діаволами, подымаются вверхъ по лѣсистымъ склонамъ. Далѣе слѣдуютъ картины, въ которыхъ укрывшихся ведутъ къ антихристу; отпавшіе знаменуются его печатью, вѣрные предаются на муку; изображаются также страданія принявшихъ печать. На л. 389 об. подъ надписью: „Слышащіе бо божественныя писанія... въ горахъ и вертепахъ скрываются“ снова видимъ скиты, затерявшіеся въ лѣсу, въ гористой мѣстности, и праведныхъ молящихся и читающихъ книги. На л. 401 об. изображена казнь антихриста, на л. 411 Христосъ вводитъ праведныхъ въ рай: изображена часть райской стѣны съ башней и высокія райскія врата, въ которыхъ стоятъ два ангела, поддерживая большой восьмиконечный крестъ. На стѣнѣ двѣ райскія птицы, за ними деревья“.

Наконецъ о Словѣ Палладія мниха авторъ замѣчаетъ: „Рисунки этой части, по характеру вообще сходные съ предыдущими, по своему содержанію представляютъ мало повода для бытовыхъ изображеній; они состоятъ главнымъ образомъ въ изображеніяхъ мукъ адскихъ и радостей рая. На л. 417 об. слѣ-

дуетъ отмѣтить фигуру съ длинными рукавами, замѣняющими перчатки. Эта подробность заставляетъ предположить для рисунковъ третьей части рукописи оригиналъ XVII-го вѣка".

Какъ мы упоминали, написаніе рукописи относятъ ко второй четверти XVIII-го вѣка; основаніемъ этого предположенія служитъ то, что одежда антихриста и его воиновъ вообще напоминаетъ военную форму Петровскаго времени (кафтанъ, шляпа, волосы, галстукъ, обшлага рукавовъ и т. п.); но одна подробность относится къ формѣ, установленной въ 1732 году. А именно, въ петровскомъ военномъ кафтанѣ фалды впереди заходятъ одна на другую, и только верхняя, лѣвая, имѣетъ отворотъ; между тѣмъ здѣсь фалды большею частью только соприкасаются, и при этомъ каждая внизу имѣетъ по отвороту.

Затѣмъ, какъ мы видѣли, дѣлается предположеніе, что составленіе рукописи съ ея рисунками принадлежитъ одному изъ крайнихъ раскольничьихъ толковъ, именно сектѣ бѣгуновъ. Это послѣднее предположеніе, какъ намъ кажется, не имѣетъ достаточнаго основанія—потому, что представленіе о Петрѣ, какъ объ антихристѣ, было вообще до такой степени распространено въ расколѣ, что приписать его преимущественно сектѣ бѣгуновъ не оказывается возможнымъ. И если это представленіе принадлежало и всякимъ инымъ толкамъ, то среди ихъ возможно и составленіе подходящихъ рисунковъ. Примѣровъ тому, какъ широко распространено было, уже съ первыхъ лѣтъ царствованія Петра, представленіе о немъ, какъ объ антихристѣ, можно найти много въ существующей литературѣ о расколѣ. Приводимъ нѣсколько эпизодовъ изъ множества дѣлъ, какія велись въ Петровскія времена въ Преображенскомъ приказѣ, въ Москвѣ.

Въ этомъ приказѣ разбирались такъ называвшіяся тогда государевы дѣла, по нынѣшнему политическія преступленія. Тогдашній уголовный процессъ, установившійся со второй половины XVII-го вѣка, былъ не многосложенъ. Непремѣнной его принадлежностью была пытка: если обвиняемый не сознавался, его пытали, чтобы вынудить сознаніе; пытка заставляла сознаваться, но иногда нестерпимыя мученія заставляли обвиняемаго взводить на себя и то, чего не было и чего требовали судьи,—лишь бы кончилось истязаніе; нерѣдки были случаи, что процессъ прекращался самъ собой, потому что подсудимый не выносилъ юридическихъ пріемовъ и послѣ пытки умиралъ. Очень часто случалось, что подсудимый, совсѣмъ уличенный и неминуемо подлежавшій казни, заявлялъ вдругъ новое „государево слово", т.-е. новый извѣтъ, по какому-либо другому дѣлу, съ одной цѣлью—

отдалить казнь, потому что долженъ былъ начаться новый процессъ, по необходимости очень продолжительный: надо было разыскивать оговоренныхъ, привозить ихъ нерѣдко изъ очень дальнихъ мѣстностей, снова начинать допросы, очныя ставки, пытки, и въ этомъ проходило очень много времени, на что̀ и разсчитывалъ доносчикъ. Нечего говорить о томъ, какъ ужасна была эта юстиція. Доносчикъ, какъ затравленный звѣрь, не останавливался передъ средствами, чтобы если не избавиться отъ погибели, то по крайней мѣрѣ отдалить ее. Онъ выкапывалъ изъ своей памяти чье-нибудь неосторожное слово, сказанное много лѣтъ назадъ и не имѣвшее никакихъ послѣдствій, но которому, какъ онъ зналъ, будетъ придана величайшая важность; онъ не останавливался надъ тѣмъ, чтобы выдать людей, нѣкогда ему близкихъ, дѣлавшихъ ему добро, оказывавшихъ гостепріимство; когда этихъ людей, наконецъ, разыскивали и приводили въ приказъ, онъ на очныхъ ставкахъ уличалъ ихъ въ этихъ преступленіяхъ, припоминая мельчайшія подробности, которыя самымъ аккуратнымъ образомъ заносились въ дѣло, обыкновенно тѣми самыми словами. Въ судебные протоколы вносились такимъ образомъ длинные разсказы доносчика, и если новый подсудимый отвергалъ ихъ, то пункты доноса опять повторялись сполна, чтобы ни одна подробность не осталась неоговоренной.

Въ такихъ процессахъ множество разъ появлялись люди старой вѣры, „раскольщики“, какъ ихъ тогда называли, и въ ихъ показаніяхъ и въ формахъ суда проходитъ передъ нами съ одной стороны страшная картина тогдашней юстиціи, съ другой,—та „подноготная“ раскольничьяго быта и понятій, для изученія которой эти процессы доставляютъ иногда единственный источникъ.

Подобный процессъ начался въ 1723 году въ Тобольскѣ и окончился въ Преображенскомъ приказѣ. Судился казачій сынъ Дороѳей Веселковъ, фальшивый монетчикъ; чтобы оттянуть казнь, онъ сказалъ слово и дѣло на „раскольщиковъ“, проживавшихъ въ разныхъ дебряхъ пермскаго края. Хотя по указамъ всѣмъ нижнимъ инстанціямъ слѣдовало отправлять „въ скоромъ времени“ въ Преображенскій приказъ тѣхъ „колодниковъ“, которые взяты были по государеву дѣлу, но въ данномъ случаѣ Дороѳей заявилъ свои извѣты въ половинѣ февраля, а колодниковъ привезли въ Москву только въ серединѣ сентября. Оговорены были крестьянинъ Солнышковъ и старицы Варсонофія и Досиѳея. Процессъ кончился тѣмъ, что въ ноябрѣ и въ декабрѣ того же года

Солнышковъ и Варсонофія умерли въ тюрьмѣ, измученные пытками; Досиѳея, которую пытали еще нѣсколько разъ потомъ, дожила до половины слѣдующаго года. Одинъ изъ колодниковъ успѣлъ бѣжать съ дороги при помощи своихъ единовѣрцевъ; еще одна старица, которую взяли больною, умерла на пути. По окончаніи дѣла Веселкова освободили и дали денежное вознагражденіе за правый доносъ.

Въ производствѣ мы находимъ слѣдующія подробности показаній.

Извѣтчикъ Дороѳейка показывалъ: „Онъ, Дороѳей, въ 722 году по лѣту на тѣ заводы пришелъ въ деревню, прозвище Межевую Утку, къ присланному съ нимъ крестьянину Якову Солнышкову, и жена того Солнышкова, да сноха, а имянъ ихъ не знаетъ, говорили тому Якову при немъ Дороѳеѣ, да при работникѣ Степанѣ Ильинѣ, да при отцѣ своемъ Яковѣ Федоровѣ, да при братьяхъ Тимоѳеѣ, да Григорьѣ: мимоходомъ-де въ домѣ ихъ были гулящіе люди, которые шли изъ Казани, и тѣ люди сказывали имъ: государь-де въ Казани часовни ломаетъ и иконы изъ часовенъ выноситъ и кресты съ часовенъ сымаетъ, вездѣ указы разсылаетъ, что часовнямъ не быть, и къ тѣмъ словамъ Яковъ Солнышковъ его императорское величество бранилъ: взялъ бы-де его растерзалъ; и отецъ того Якова, Яковъ же, его Солнышкова за то бранилъ и говорилъ, для чего онъ тѣ слова говоритъ, и тотъ Яковъ говорить пересталъ, и молчалъ“.

Затѣмъ въ тѣхъ же показаніяхъ Дороѳей говорилъ, что „въ лѣсу усмотрѣлъ онъ келью, въ которой жили раскольщикъ старецъ Варѳоломей, да старица Платонида [1]), да отъ той кельи разстояніе съ десятину усмотрѣлъ онъ другую келью, въ которой жили особо, присланныя съ нимъ, старицы Варсонофія и Досиѳея. И въ тѣхъ ихъ кельяхъ онъ былъ, и старецъ Варѳоломей и старицы сказали, что правовѣрцы сбѣжали съ Керженца, и онъ сказалъ про себя, что и онъ старовѣрецъ, и чтобъ его ни въ чемъ не опасались. И тотъ старецъ читалъ ему книгу о старой вѣрѣ, а что въ ней написано и какая званіемъ книга не знаетъ, потому-что онъ, Дороѳей, грамотѣ не умѣетъ; и называлъ тотъ Варѳоломей поповъ еретиками, и говорилъ про крещеніе: еретическое-де крещенье не есть крещенье, паче оскверненіе, а почему не выговорилъ. И послѣ того, къ тому жъ Варѳоломею въ келью прихаживали вышеписанныя старицы Варсонофія и Досиѳея; и въ Филипово заговѣнье пришелъ онъ къ тому жъ старцу

[1]) Та старица, которая умерла на дорогѣ.

Варѳоломею, и въ кельѣ его изошелъ стариць Платониду, Варсонофію, Досиѳею... и онъ, Дороѳей, имъ старицамъ говорилъ, чтобъ онѣ его не скрывались, что у него, Дороѳея, отецъ и мать были старовѣрцы, и за ту истинную старую вѣру пострадали, и тѣ старицы Варсонофія и Досиѳея говорили: мы-де странствуемъ въ лѣсахъ и скитаемся, гонимы отъ еретической вѣры, и хотимъ-де мы сохранить истинную вѣру, мы-де пострадали и предъ царемъ были въ старовѣрствѣ, а гдѣ были и сколь давно, не сказали, и государь Петръ Алексѣевичъ велѣлъ имъ креститься щепотью, а мы-де ему государю на тотъ крестъ на руку плевали и учили-де его, государя, креститься истиннымъ крестомъ двумя меньшими персты съ первымъ большимъ. И къ тѣмъ же словамъ старицы жъ Варсонофія съ сестрою Досиѳеею обще говорили: видишь ли-де, роды ихъ царскіе пошли неистовые, и мы-де за такого государя Богу за здравіе не молимъ, а молимся о возвращеніи, чтобъ онъ возвратился въ истинную вѣру, а еретическую вѣру покинулъ; еще говорили: отъ царевича Алексѣя Петровича родился отъ шведки съ зубами *не простъ человѣкъ*, а почему, о томъ онѣ вѣдаютъ, того не выговорили, и говорить о томъ перестали".

О старцѣ Варѳоломеѣ [1]) Дороѳей показывалъ, что когда Дороѳей спросилъ его, для чего они за государево здоровье Богу не молятъ, „тотъ Варѳоломей ему говорилъ: за неправеднаго-де государя что Бога молить, онъ-де ненавистникъ истинной вѣры, противникъ Богу".

О старицѣ Платонидѣ Дороѳей показывалъ: „А старица Платонида про его императорское величество говорила: онъ-де шведъ обмѣнной, потому догадывайся-де, дѣлаетъ Богу противно, противъ солнца крестятъ и свадьбы вѣнчаютъ, и образы пишутъ съ шведскихъ персонъ, и посту не можетъ воздержать, и платье возлюбилъ шведское, и со шведами пьетъ и ѣстъ, и изъ ихъ королевства не выходитъ, и шведъ-де у него въ набольшихъ, а паче-де того догадывайся, что онъ извелъ русскую царицу, и отъ себя сослалъ въ ссылку въ монастырь, чтобъ съ нею царевичевъ не было, и царевича-де Алексѣя Петровича извелъ, своими руками убилъ для того, чтобъ ему, царевичу, не царствовать, и взялъ-де за себя шведку царицу Екатерину Алексѣевну, и та-де царица дѣтей не родитъ, и онъ-де, государь, сдѣлалъ указъ, чтобъ съ предбудущаго государя крестъ цѣловать и то-де крестъ цѣлуетъ за шведа, одноконечно-де станетъ царствовать шведъ,

[1]) Тотъ, который бѣжалъ съ дороги.

либо-де его, государя, называя шведомъ, родственникъ или царицы Екатерины Алексѣевны братъ, и великій-де князь Петръ Алексѣевичъ родился отъ шведки съ зубами, онъ-де *антихристъ*".

Старица Варсонофія, семидесятилѣтняя старуха, въ своихъ показаніяхъ опровергала извѣтчика, но все-таки наговорила вещей, которыя не могли быть ей полезны въ Преображенскомъ приказѣ. Между прочимъ, она разсказывала: „Извѣтчикъ-де сказывался имъ старовѣрцомъ, что онъ съ женою бѣгаетъ дому своего, и отецъ и мать были старовѣрцы жъ, и за ту вѣру пострадали, чтобъ онѣ его не скрывались, а тому Дороѳею говорили, что онѣ живутъ въ лѣсахъ многіе годы и изъ Керженца взяты къ Москвѣ, и были предъ его императорскимъ величествомъ и въ тѣхъ же разговорахъ говорили, что младенецъ-дѣвочка Варвара дву-годовъ была предъ его императорскимъ величествомъ для того, что мать ея бѣлица Катерина, которая взята была съ ними съ Керженца въ старовѣрствѣ, научила ея креститься меньшими двумя персты съ первымъ большимъ, и ту дѣвочку его величество своими руками, взявъ руку ея, складывалъ и велѣлъ креститься тремя персты, и та дѣвочка руку свою у его величества вырывала, и плюнувъ складывала персты меньшіе два съ первымъ большимъ...

„Да она жъ Варсонофія говорила: что-де государь съ царицею Екатериною Алексѣевною сжился прежде вѣнца, а слыхала-де она о томъ на Керженцѣ отъ старухи бродящей нищей, а какъ ее зовутъ, и въ которое время слышала, того не упомнитъ, и нынѣ тое нищую гдѣ сыскать, не знаетъ, да она жъ-де Варсонофія говорила, что они за государя Бога не молятъ, а молятъ о возвращеніи его въ истинную вѣру.

„И отъ царевича-де Алексѣя Петровича родился царевичъ мѣрою въ аршинъ съ четвертью и съ зубами не простъ человѣкъ, а слышала-де она о томъ въ Вознесенскомъ монастырѣ, что въ Москвѣ, отъ старицъ, а отъ кого, того не помнитъ, въ то время какъ онъ родился, понеже-де была она въ Москвѣ... А такихъ словъ, что онѣ гонимы отъ еретической вѣры и прочихъ непристойныхъ словъ, какъ показаны въ извѣтѣ, и что будто онѣ его императорскому величеству, какъ ихъ училъ креститься, плевали на руку, не говаривали, извѣтчикъ-де клеплетъ ихъ, избывая воровства своего, что живучи у нихъ дѣлалъ съ братомъ своимъ Михаиломъ, да съ свояченицею Анною воровскія мелкія деньги".

Но должно было добиться подтвержденія извѣта, и несчаст-

ную старицу пытали такъ усердно, что она, какъ мы упоминали, отъ пытокъ уже вскорѣ умерла.

Въ другомъ процессѣ подобнымъ образомъ явился извѣтчикомъ противъ раскольниковъ нѣкто Никита Кириловъ. Раньше онъ судился за дѣланіе воровскихъ, т.-е. фальшивыхъ, денегъ, былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ вѣчную работу на каторгѣ, но успѣлъ бѣжать, снова занялся дѣланіемъ фальшивой монеты и разбоемъ; пойманный опять, онъ былъ вторично осужденъ въ Преображенскомъ приказѣ и уже отправленъ былъ въ Сибирь, но недалеко отъ Москвы Никиту вернулъ нарочный изъ приказа, потому что за нимъ открылось новое дѣло. На него показалъ атаманъ той шайки, къ которой онъ принадлежалъ. Начались новые допросы, оказались разнорѣчія; средствомъ помирить ихъ была пытка, и когда Никиту готовились пытать, онъ, чтобы избавиться отъ пытки, объявилъ за собой „государево дѣло“. Это было въ концѣ 1712 или въ началѣ 1713.

Извѣтъ состоялъ въ совершенно новыхъ вещахъ, не имѣвшихъ къ его собственному дѣлу никакого отношенія. Онъ оговорилъ нѣсколькихъ человѣкъ, своихъ прежнихъ знакомыхъ, въ расколѣ и въ томъ, что они царя называютъ антихристомъ. Эти люди, „живучи на Москвѣ, раскольничаютъ, въ церковь Божію не ходятъ и отцевъ духовныхъ не имѣютъ, и священниковъ въ домы свои ни съ какою потребою не призываютъ, а когда они, священники, въ недѣлю св. Пасхи и въ господскіе праздники къ нимъ, раскольникамъ, въ домы приходятъ со святынею, и они, раскольники, тѣхъ священниковъ въ домы свои не пускаютъ и восточной соборной апостольской церквѣ не повинуются и говорятъ, что во святыхъ церквахъ и въ христіанской вѣрѣ стало быть премѣненіе, въ церквахъ престолы и на церквахъ кресты поставлены не по правилу, довлѣетъ-де быть крестамъ три-составнымъ, а нынѣ ставятъ осмоконечные, и христіане отступили отъ вѣры, крестятся тремя большими перстами, и какъ вѣнчаютъ, ходятъ противъ солнца, и тотъ-де крестъ отъ діавола и стала быть ересь; а подобаетъ-де православному христіанину изображеніе крестное имѣти на себѣ, слагая большой перстъ съ двумя меньшими, тотъ-де истинный крестъ, и во время вѣнчанія новобрачнымъ ходить по солнцу, а не противъ солнца“. У себя въ домахъ они отправляютъ богослуженіе, попы служатъ обѣдни, причемъ имени великаго государя не поминаютъ; вѣнчаютъ свадьбы, совершаютъ похороны и т. д. Дѣйствуютъ у нихъ пріѣзжіе раскольничьи попы изъ Керженскихъ лѣсовъ.

Главное, однако, было слѣдующее:

„Да они жь раскольщики Степанъ Леонтьевъ, Иванъ Андреевъ, Осипъ Артемьевъ держатъ у себя въ домѣхъ многія книги старой печати и уставныя и скорописныя, и читая сказываютъ: нынѣ-де время послѣднее, и великаго государя *называютъ антихристомъ*: онъ-де не царь, антихристъ; потому во прежнихъ лѣтѣхъ былъ волхвъ Симонъ Петровъ, а отъ него-де были ереси и отпалъ отъ вѣры, а этотъ-де царь Петръ бороды и лбы велитъ брить и печатаетъ солдатъ въ руки, и та-де печать на лбахъ и рукахъ—его, антихристова [1]).

„Да онъ же, государь, непріятельскіе городы беретъ боемъ, а иные лестью, и то-де по писанію сбывается; и Царь-де градъ онъ, государь, возметъ.

„Да и Римъ-де онъ, государь, возметъ-де лестью и соберетъ жидовъ всѣхъ и съ ними, жидами, пойдетъ въ Іерусалимъ и тамъ станетъ царствовать, и ихъ, жидовъ, возлюбитъ, а они-де, жиды, въ скорыхъ числѣхъ его не познаваютъ, и будетъ-де у нихъ, жидовъ, гладъ и всякая имъ нужда, и въ то-де время они, жиды, его, государя, познаютъ, что онъ антихристъ, и на немъ-де сей вѣкъ кончается...

„Да и жены-де ихъ, раскольщиковъ, съ ними раскольничаютъ же; про его, великаго государя, слова слыхали-ль, того онъ Никита не знаетъ“.

Оговоренные отвергали извѣтъ Никитки, но иные съ пытки и сознавались. Никитка былъ, конечно, негодяй; оказалось потомъ, что онъ и самъ принималъ участіе въ разныхъ раскольничьихъ неправильныхъ дѣлахъ, — но матеріалъ для извѣтовъ взятъ былъ, очевидно, изъ дѣйствительности, потому что тѣ же мотивы повторяются безъ конца и въ другихъ процессахъ, и самими „раскольщиками“ признавались.

Вся эта картина раскольничьяго быта не представляетъ какихъ-либо подробностей, принадлежащихъ спеціально бѣгунамъ. Это—обыкновенная „поповщина“, сохраняющая всѣ церковные обряды, которые совершаются въ домахъ „бѣглыми попами“ изъ Керженскихъ лѣсовъ (по рѣкѣ Керженцу, въ Костромской губерніи),—эти лѣса представляли тогда великую глушь и были при-

[1]) Д. А. Ровинскій замѣчаетъ, что антихристовой печатью называлось, кромѣ медали на право ношенія бороды (у раскольниковъ) и клеймо, которымъ Петръ весьма практично придумалъ (въ 1718) клеймить въ руку накаленнымъ до-красна желѣзомъ рекрутовъ-новобранцевъ, для предупрежденія побѣговъ (Р. Архивъ, 1873, 2296). Такое же клейменіе существовало одно время въ арміи Наполеона, а въ новѣйшее время предлагалось въ англійскомъ парламентѣ для вербуемыхъ въ войска англійскихъ патріотовъ (Р. Нар. Карт. V, стр. 159).

бѣжищемъ для раскольничьихъ скитовъ и поселеній. Изъ всѣхъ показаній, выше приведенныхъ и какія мы встрѣтимъ еще далѣе, видно, что рукопись Историческаго Музея съ толкованіями Апокалипсиса, пророчествами объ антихристѣ и изображеніями Петра въ видѣ антихриста, легко могла возникнуть и обращаться въ подобной средѣ, съ такимъ настроеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣтимъ и черты, которыя могутъ, пожалуй, напомнить секту бѣгуновъ,—но это были только условія обыкновеннаго вынужденнаго укрывательства, опасенія погубить близкихъ людей.

Преображенскому приказу не удалось захватить всѣхъ, оговоренныхъ Никиткой: одни находились неизвѣстно гдѣ; другіе, повидимому, сбѣжали, почуявъ бѣду; вмѣсто нихъ забрали и допрашивали ихъ женъ.

Одинъ изъ оговоренныхъ, котораго Никитка называлъ „помѣщикомъ“ и иконописцемъ, показывалъ о своей біографіи и о томъ, какъ онъ былъ захваченъ, слѣдующимъ образомъ. Онъ—бобыльскій сынъ; живя съ отцомъ своимъ — изучился иконному письму; по смерти отца, „тому лѣтъ съ двадцать“, скитался по разнымъ городамъ и селамъ, и въ пустынѣ въ Керженцѣ „Бога ради“; и пришелъ къ Москвѣ „Бога ради“, а „сколь давно, не упомнитъ“, жилъ по разнымъ мѣстамъ, „а гдѣ не знаетъ“; а въ нынѣшнемъ январѣ, „противъ 22-го числа“, ночевалъ на постояломъ дворѣ въ Нижнихъ Садовникахъ, „а на чьемъ дворѣ не знаетъ“; съ этого двора онъ пошелъ „погулять“, и тамъ же встрѣтился съ нимъ „не знамо каково чину человѣкъ“ и позвалъ его въ Кожевники для заказа иконъ; онъ пошелъ „для ряды“ — и „вошелъ въ избу и въ той избѣ людей никого не было, и тотъ человѣкъ, который привелъ, пошелъ изъ избы и сказалъ ему, что онъ приведетъ человѣка, и какъ-де тотъ человѣкъ изъ избы вышелъ, и въ тотъ же часъ въ ту избу пришли офицеръ съ солдаты и, взявъ его, привели въ Преображенскій приказъ“.

На допросѣ этотъ иконописецъ, Иванъ Андреевъ, показывалъ, что извѣтчика Никитку онъ не знаетъ, что въ домы оговоренныхъ людей не ходилъ, и у него въ домѣ и въ домахъ его знакомыхъ службъ не пѣвали, свадебъ не вѣнчали и младенцевъ не крестили, и изъ его свойственниковъ никто въ Москвѣ „не умирывалъ“ и онъ никуда ихъ для погребенія не отваживалъ. Только когда онъ жилъ на Керженцѣ, то однажды случилось, что одинъ черный священникъ, жившій также въ пустынѣ, исповѣдовалъ и пріобщалъ, а потомъ погребъ одного пришлеца, потому что по близости церквей не было; и самому

Ивану Андрееву случалось въ пустынѣ причащаться отъ пріѣзжихъ монаховъ (т.-е. раскольниковъ), потому что тамъ святыхъ церквей нѣтъ; а будучи на Москвѣ онъ ходитъ въ церковь Успенія и въ приходскія церкви, и честнымъ иконамъ поклоняется и „св. соборной апостольской восточной церкви онъ, Иванъ, повинуется и ничѣмъ не противенъ и противности церковной ни отъ кого не пріемлетъ“. Крестится онъ, Иванъ Андреевъ, „сложеніемъ двумя перстами указательнымъ и среднимъ, совокупя большой перстъ съ двумя меньшими, а не два указательный и средній съ большимъ, для того: въ древнихъ учебныхъ псалтырехъ писано, велѣно совокупить два перста меньшихъ съ большимъ и какъ благословлять, такъ и молиться; а отъ приходскихъ и отъ другихъ церквей священниковъ со святынею и съ потребою онъ, Иванъ, къ себѣ не призываетъ, потому что дома и жены и дѣтей не имѣетъ, и собою имъ, священникамъ, приходить къ нему некуды... А слова-де, что во св. церквахъ стало быть премѣненіе, говорилъ онъ не такія, какъ у извѣтчика написано въ извѣтѣ; говорилъ такъ: что прежъ сего на просвирахъ печатали крестомъ трисоставнымъ, а нынѣ печатаютъ крестомъ, которымъ противъ прежняго въ видѣ стало быть измѣненіе, потому-что у нынѣшняго креста подножія и титла нѣтъ, и то-де премѣненіе стало не отъ великаго государя, а прежде его, государя, а что-де будто на св. церквахъ кресты и въ церквахъ престолы не по правилу и свадьбы доведется вѣнчать по сонцу, такихъ словъ не говаривалъ, а есть ли бы въ церквахъ какая измѣна и обрѣлася, и то-де не отъ него, великаго государя“.

Иванъ Андреевъ рѣшительно отвергалъ и главный извѣтъ Никитки, причемъ всѣ обстоятельства извѣта для полной точности повторены сполна. „Такъ же и великаго-де государя антихристомъ не называлъ и что онъ-де царь антихристъ, будто въ книгахъ писано, въ прежнихъ лѣтѣхъ былъ волхвъ Симонъ Петровъ, а отъ него-де были ереси и отпалъ отъ вѣры, а этотъ-де царь Петръ бороды и лбы велитъ брить и печатаетъ солдатъ въ руки и та-де печать на лбахъ и на рукахъ его, антихристова, да онъ же де государь непріятельскіе города беретъ боемъ, а иные лестью, и то-де по писанію сбывается и Царь-де-градъ да Римъ-де онъ, государь, возметъ же лестью и соберетъ жидовъ всѣхъ и съ ними, жидами, пойдетъ во Іерусалимъ и тамъ станетъ царствовать и ихъ, жидовъ, возлюбитъ, а они-де, жиды, его въ скорыхъ числѣхъ не познаютъ и будетъ-де у нихъ, жидовъ, гладъ и всякая имъ нужда и въ то время они, жиды, его

государя познаютъ, что онъ антихристъ, и на немъ вѣкъ кончается—такихъ словъ онъ, Иванъ, ни съ кѣмъ не говаривалъ".

Оговоренныя женщины также отвергали извѣты Никитки и о своихъ мужьяхъ отозвались такъ: одна, что мужъ ея Степанъ Леонтьевъ „нынѣшнимъ прошедшимъ лѣтомъ сталъ во иступленіи ума и пьянствуетъ, и тому недѣли съ четыре пропалъ безвѣстно и нынѣ, гдѣ живетъ и сыскать, не знаетъ"; другая—что „до присылки къ нимъ изъ Преображенскаго приказу мужъ ея за день съ двора сошелъ, а куда, не знаетъ, и нынѣ гдѣ живетъ, не знаетъ же, а которыя книги въ домѣ у нихъ взяты и тѣ книги мужа ея, и тѣми книгами мужъ ея торгуетъ".

Крестьянинъ Осипъ Артемьевъ также отрекался отъ наговоровъ Никитки. Въ прежнее время „незнатіемъ" онъ крестился двумя перстами, а нынѣ крестится тремя „ученіемъ отца своего духовнаго", расколу не имѣетъ, на церковныя службы ходитъ, священниковъ въ домъ призываетъ и т. д. „А словъ онъ, Осипъ, въ домѣ у себя и у Степана Леонтьева и у Ивана Андреева и нигдѣ, читая книги, нынѣ-де время послѣднее и великаго государя антихристомъ не называлъ и бороды-де и лбы велитъ брить и печатать солдатъ въ руки и та-де печать его антихристова, да онъ же-де, государь, непріятельскіе городы беретъ боемъ, а иныя лестью и то-де по писанію сбывается, и Царь-де-градъ онъ, государь, возметъ, да и Римъ-де онъ, государь, возметъ же лестью и соберетъ жидовъ всѣхъ и съ ними, жидами, пойдетъ въ Іерусалимъ и тамъ станетъ царствовать и ихъ, жидовъ, возлюбитъ и они-де, жиды, его въ скорыхъ числахъ не познаютъ и будетъ у нихъ, жидовъ, гладъ и всякая нужда и въ то-де время они, жиды, его, государя, познаютъ, что онъ антихристъ, и на немъ-де сей свѣтъ кончается,—онъ, Осипъ, не говаривалъ и о нихъ не слыхалъ".

Къ дому Ивана Андреева послѣ его ареста былъ приставленъ часовой. Января 25-го вошелъ въ избу человѣкъ и спросилъ неосторожно у солдата: „а гдѣ хозяинъ Иванъ Андреевичъ?" Солдатъ, очень опытный въ дѣлахъ того времени, не говоря ни слова, взялъ любопытнаго подъ руки и привелъ въ Преображенскій приказъ, и здѣсь, въ приказѣ, любопытнаго человѣка повели по тюрьмамъ показывать ворамъ и разбойникамъ и спрашивали, не знаютъ ли они этого приводнаго человѣка и на воровствахъ съ нимъ не бывали ли? Воры и разбойники его не признали, но Никитка призналъ и сказалъ, что этого человѣка зовутъ Семіонъ и что въ прежніе годы онъ живалъ у иконописца Ивана Андреева въ келейникахъ. Семіона стали допрашивать. Оказалось, что Семіонъ—крестьянинъ, бѣгалъ отъ сол-

датства; однажды, ходя по міру въ Москвѣ, „впросился ночевать“ къ иконописцу Ивану Андрееву и потомъ по знакомству къ нему прихаживалъ въ домъ, „и въ то время къ тому Ивану при немъ Семіонѣ прихаживали *не знамо какіе люди* и въ избѣ пѣвали вечерни и утрени и часы и молются по старинѣ, слагая большой перстъ съ двумя меньшими, а въ церковь тотъ Иванъ Андреевъ ходитъ-ли и отца духовнаго имѣетъ-ли, того онъ, Семіонъ, не знаетъ“.

Взятъ былъ еще одинъ человѣкъ, Иванъ Алексѣевъ или, какъ его называли просто, Ивашка, и онъ далъ весьма обильныя показанія, въ которыхъ между прочимъ обнаружились и раскольничьи дѣянія самого Никитки. Жилъ Ивашка подъ Москвой, и дядя привезъ его за Волгу въ тверской уѣздъ, во дворъ помѣщика Степана Голодецкаго, гдѣ былъ и извѣтчикъ Никита, „и тамъ его дядя Иванъ Семеновъ съ тѣмъ дворяниномъ Степаномъ Голодецкимъ и съ Никиткою Кириловымъ, по вся дни, говорили утрени и часы и ефимоны, и крестное изображеніе на лицѣ своемъ полагали совокупя большой перстъ съ двумя меньшими, и тотъ его дядя говорилъ ему, Ивашкѣ, чтобъ онъ, Ивашка, сталъ съ ними молиться по старинѣ, и говорилъ: въ нынѣшнее-де время стало быть въ мірѣ брадобритіе и носятъ нѣмецкое платье и накладные волосы и бреютъ лбы и въ томъ платьѣ ходятъ въ церковь и молитву творятъ, и крестное изображеніе имѣютъ не по старому, и такъ православнымъ христіанамъ творить не подобаетъ; и приходитъ-де нынѣ время послѣднее, а подобаетъ въ церковь Божію ходить въ русскомъ платьѣ, а мы-де тебя перекрестимъ съ изнова для того, что-де ты носишь нѣмецкое платье и, какъ перекрестимъ, и отъ тебя-де діяволъ отстанетъ, а будетъ-де надъ тобою Божія милость. И въ неразуміи онъ, Ивашка, имъ говорилъ, чтобъ они о крещеніи его дѣйствовали вновь, и дядя его Иванъ Семеновъ и иконописецъ Иванъ Андреевъ съ келейникомъ Семіономъ, который нынѣ за карауломъ въ Преображенскомъ приказѣ, привезли въ тотъ домъ незнамо откуды чернаго священника Григорья, а чей сынъ, не упомнитъ. И тотъ черной священникъ въ томъ домѣ о крещеніи его, Ивашковѣ, да вышеписаннаго извѣтчика Никитки Кирилова, да Степана Голодецкаго работницъ четырехъ дѣвокъ по имяномъ Дарью, Катерину, Аксинью, Марью, да новорожденнаго младенца крестьянскаго, а чьего, не знаетъ, и дѣйствовалъ тотъ попъ въ хоромахъ, поставя на полу корчагу съ водою и около той корчаги ихъ большихъ водили, а младенца носила воспріемница, а кто, не знаетъ; кругомъ положа

на плеча къ нимъ холстину и поставя ихъ всѣхъ въ кругъ, а концы связали вмѣстѣ и помазывали на лбахъ и по лицу и по рукамъ и по плечамъ и по колѣнамъ, а какимъ, не знаетъ; а младенца погружали въ той корчагѣ, а много ли, не упомнитъ, и велѣли имъ креститься, слагая большой перстъ съ двумя меньшими, и въ церковь ходить имъ не велѣли, а велѣли молиться въ домехъ, а при томъ крещеніи былъ у нихъ воспріемникомъ вышеписанной его дядя Иванъ Семеновъ, а воспріемница вышеписаннаго дворянина Голодецкаго племянница дѣвка, а какъ зовутъ и чья дочь, не упомнитъ".

Ивашка сознался, что жилъ въ домѣ Голодецкаго недѣль шесть, и тамъ въ погребу дѣлали воровскія мѣдныя деньги тайно съ этимъ самымъ Никиткой, а тотъ Голодецкій дѣла ихъ не вѣдалъ. Потомъ онъ Ивашка и извѣтчикъ Никита жили въ Москвѣ въ Коломенской слободѣ у ямщика Степана Леонтьева. Всѣ эти люди были раскольники. Въ домѣ Степана разные люди и въ томъ числѣ Никитка: „да у того жъ Степана Леонтьева въ домѣ умеръ не знамо какова чину человѣкъ собою старъ и то мертвое тѣло Степанъ Леонтьевъ у церкви не погребъ, а отвезъ съ извѣтчикомъ Никиткомъ Кириловымъ въ лѣсъ за Даниловъ мостъ".

Объ иконописцѣ Иванѣ Андреевѣ этотъ Ивашка показалъ, что отъ него непристойныхъ словъ про великаго государя не слыхалъ; но по праздникамъ у него въ домѣ на огородахъ пѣвали утрени, вечерни и часы, и по отпускѣ службы въ многолѣтіи его, великаго государя, имя не поминаютъ, и на вопросъ Ивашки, почему поминаніе не дѣлается, его дядя ему объяснилъ: „для того-де не молятъ, что въ мірѣ перемѣнили вѣру и стала печать антихристова такая: первая—что перемѣнили вѣру, другая крестъ, третье платье, четвертое брадобритіе, пятое на челахъ подбриваютъ, шестая станутъ солдатъ печатать въ руки, а окромѣ того онъ, Ивашка, отъ вышеписанныхъ раскольниковъ иныхъ никакихъ словъ не слыхалъ".

Разнорѣчіе показаній, какъ мы упоминали, разрѣшалось пыткой. Перваго пытали доносчика Никитку. „А съ пытки онъ, Никитка, говорилъ тѣ же рѣчи, что сказалъ въ извѣтѣ своемъ: иконописецъ-де Иванъ Андреевъ, да ямщикъ Степанъ Леонтьевъ, да крестьянинъ Осипъ Артемьевъ въ домехъ своихъ читали старыя книги, про великаго государя непристойныя слова, которыя у него, извѣтчика, написаны въ извѣтѣ, говорили подлинно не по одно время... да Иванъ же, де, Андреевъ въ домѣ у ямщика Степана Леонтьева говорилъ: государь-де нашъ принялъ звѣриной образъ и носитъ собачьи кудри, да онъ же Иванъ Андреевъ

въ домѣ того-жъ Степана и у себя вышепомянутыя непристойныя слова, которыя въ извѣтѣ его сказаны, про великаго государя говорилъ же подлинно".

Пытали потомъ иконописца Ивана Андреева, а Никита у дыбы уличалъ его, но Андреевъ стоялъ на своихъ показаніяхъ и утверждалъ, что Никита клеплетъ его напрасно. Потомъ пытали крестьянина Осипа Артемьева: у дыбы уличали его Никита и Ивашка, но Осипъ стоялъ на своемъ. Объ немъ говорили, что онъ читалъ книгу о страшномъ второмъ Христовѣ пришествіи и потомъ говорилъ непристойныя слова про великаго государя. Осипъ, отвергая извѣтъ, съ пытки утверждалъ—по обычаю повторяя слова обвиненія, что —„я тетрадь, писанную уставомъ Паладія Мниха о страшномъ второмъ Христовѣ пришествіи читалъ, а въ разговорахъ при нихъ, Степанѣ Голодецкомъ и братѣ его Ларіонѣ и Иванѣ Семеновѣ и при Ивашкѣ Бахметевѣ словъ: какое-де въ мірѣ стало христіанство? государь-де оставилъ царицу христіанку и сослалъ въ монастырь, а самъ женился на иноземкѣ,—я не говаривалъ".

Надобно было разыскать тѣхъ людей, которые были названы въ этихъ новыхъ показаніяхъ; это были между прочимъ ямщики Коломенской слободы. Послали за ними дежурнаго капитана съ доносчикомъ Никитой; ямщиковъ не застали и потому запечатали дворъ и приставили караулъ; но на улицѣ попалась новая жертва. Никита указалъ капитану на одного прохожаго и закричалъ, что за нимъ есть государево дѣло; его взяли въ Преображенскій приказъ и при обыскѣ нашли на немъ „изломанныя восковыя свѣчи, маленькую оловянную ложечку, пузырекъ стеклянный и выписку изъ Апостольскихъ бесѣдъ". Это оказался вологжанинъ, посадскій человѣкъ Дмитрій Швецовъ. Никитка утверждалъ, что Дмитрій—раскольщикъ и что онъ вмѣстѣ съ упомянутымъ прежде иконописцемъ Иваномъ Андреевымъ и другими „въ разговорехъ межъ себя говорили о крестѣ, которые нашиваются на ризахъ и на пеленахъ съ подножіемъ, который крестъ правѣе? и послѣ тѣхъ словъ, въ томъ же домѣ, Иванъ Андреевъ говорилъ: нынѣ-де пришло послѣднее время и скоро придетъ страшный судъ, должно *скрыться подъ персть и главы свои прикрыть въ горы* или *въ вертепъ*, и сами-де вы, братіе, видите, что пришло время послѣднее и царствуетъ у насъ подлинно *антихристъ*, и на немъ-де сей вѣкъ кончается, и тѣ слова тотъ Дмитрій и онъ, Никитка, отъ того Ивана Андреева слышали, и тотъ Дмитрій—раскольщикъ и исповѣдывается и при-

чащается у пріѣзжихъ поповъ, которые пріѣзжаютъ изъ Керженскихъ лѣсовъ".

Швецовъ отрекался: извѣтчика Никитку онъ не знаетъ, не раскольничаетъ, соборной апостольской церкви повинуется и ни чѣмъ не противенъ, и Никитка клеплетъ его напрасно,—„а что у него, Дмитрія, вынято свѣчи вощаныя ломаныя, да ложечка оловянная небольшая, да пузырекъ стекляной небольшой, и тѣ свѣчи онъ, Дмитрій, вымѣнилъ въ городѣ для поставленія передъ образы и въ поимку его тѣ свѣчи изломали солдаты, а ложечка оловянная, что куплена, купилъ ихъ пятокъ въ колокольномъ ряду въ подарки малымъ дѣтямъ, для того, что тѣ ложки яишныя, и четыре послалъ онъ на Вологду къ сроднику своему въ домъ отъ города Вологды гостиной сотни къ Алексѣевской женѣ Балавенскаго вдовѣ, а нынѣ Егорьевой дочери, а пятая осталась у него, а пузырекъ у него былъ свой и хотѣлъ въ тотъ пузырекъ купить крѣпкой водки племяннику своему, вологжанину посадскому человѣку Исаку Иванову, для того, что онъ, Исакъ, дѣлаетъ серебрянное и о томъ ему заказывалъ, чтобъ тое водку купя принесть ему".

Швецова, однако, посадили въ тюрьму, и въ допросахъ другихъ людей оказалось, что кое-что онъ зналъ и слыхалъ.

Въ показаніяхъ Никиты противъ Дмитрія Швецова любопытна подробность, что по разговорамъ раскольниковъ пришло послѣднее время, скоро будетъ страшный судъ и что должно поэтому „скрыться подъ персть", „главы свои прикрыть въ горы или вертепъ". Повидимому, это было то самое соображеніе, какое проповѣдовала въ Тирасполѣ сестра Виталія тѣмъ несчастнымъ, которые въ народной переписи усмотрѣли признакъ пришествія антихриста и „скрылись подъ персть"—пожелали быть замуравленными въ погребѣ.

Дѣло тянулось очень долго. Въ августѣ 1714 года, доносчика Никитку, все для провѣрки извѣтовъ и показаній, пытали въ седьмой разъ. Неизвѣстно, что̀ случилось за это время, испугался ли онъ безконечныхъ истязаній, но на послѣдней пыткѣ онъ говорилъ другое: что онъ виноватъ передъ великимъ государемъ, что въ своихъ извѣтахъ онъ названныхъ людей поклепалъ напрасно (эти извѣты онъ перечислялъ подробно), „хотя отбыть смертной казни, какъ его съ другими колодники послали на каторгу и съ дороги воротили для розысковъ въ смертномъ убивствѣ, которое учинили они на разбоѣ въ дорогѣ въ урочищѣ на Татаркѣ, чаялъ себѣ тѣмъ извѣтомъ отъ смертной казни свободы, для того тѣ вышепомянутыя слова говорилъ и удумалъ,

и свидѣтеля денежнаго воровскаго дѣла мастера Ивашку Бахметева въ тѣхъ словахъ лжесвидѣтельствовать научилъ онъ же, Никитка... И нынѣ онъ, Никитка, говоритъ подлинную правду и стовариваетъ не по засылкѣ и не по скупу".

Это показаніе Никита сдѣлалъ 9 августа. Оно такъ противорѣчило всему прежнему, что необходимо было его провѣрить, и Никиту пытали снова 20 августа: „на пыткѣ было ему 25 ударовъ и зженъ огнемъ, со огня говорилъ тоже". Черезъ два дня князь Ромодановскій постановилъ рѣшеніе—извѣтчика Никитку и лжесвидѣтеля Ивашку казнить смертью: „Никиткѣ колесовать руки и ноги и повѣсить за ребро, а лжесвидѣтеля повѣсить и вины ихъ написать на дщицѣ". 25 августа они были казнены, а всѣ остальные отпущены на свободу.

Извѣтчикъ Никита отказался отъ своихъ обвиненій, и еслибы этотъ отказъ былъ дѣйствительно правдивъ и онъ напрасно поклепалъ оговоренныхъ имъ людей, то едва ли сомнительно, что онъ не выдумалъ самыхъ понятій и словъ: если этихъ словъ не говорили, быть можетъ, именно тѣ люди, то говорили ихъ другіе. Оговоры Никиты во всякомъ случаѣ передавали обычную тему тогдашняго раскола. Ненависть къ нововведеніямъ была такова, что мысль о близкомъ пришествіи антихриста являлась единственнымъ объясненіемъ для непостижимыхъ нарушеній освященной вѣками старины. Литература объ антихристѣ доставляла обильный матеріалъ для заключеній о томъ, что приходятъ послѣднія времена. Мысль была и не нова. Еще раньше, за нѣсколько десятковъ лѣтъ, расколъ видѣлъ уже антихриста въ патріархѣ Никонѣ: онъ испортилъ вѣру; теперь къ этому присоединились нарушенія всякихъ старыхъ обычаевъ.

Положеніе народной массы, именно той, которая дорожила вопросомъ вѣры и обычая, было совершенно безпомощное. Эта масса лишена была всякой возможности взглянуть на нововведенія такъ, какъ смотрѣлъ самъ Петръ и его приверженцы: какое-либо просвѣщеніе не существовало; издавна оно было пренебрегаемо и даже проклинаемо, если только выходило за предѣлы привычнаго чтенія старыхъ книгъ. До-Никоновская старина воспитывала въ концѣ концовъ такихъ начетчиковъ, какими были основатели раскола; эти начетчики не могли подняться выше приверженности къ буквѣ и обряду и ихъ ревность могла стать только изувѣрствомъ. Немудрено, что вмѣстѣ съ перемѣнами въ обрядахъ, въ текстахъ молитвъ, въ крестномъ знаменіи, первостепенную важность получилъ и вопросъ о бородѣ. О неприкосновенности бороды говорилъ еще Стоглавъ; а въ послѣднее

время о томъ же настойчиво говорилъ послѣдній патріархъ Адріанъ.

Въ словѣ, приписываемомъ патріарху Адріану, собраны были убѣдительныя свидѣтельства изъ писанія, церковной исторіи и русской благочестивой старины о великой грѣховности брадобритія. Обращаясь къ своей паствѣ, онъ писалъ:

„Отрините отъ себя злый обычай еже брады брити и подстризати, сіе бо еретической есть обычай: православнымъ же христіаномъ не подобаетъ сего творити и Божію заповѣданію противитися.

„И по общемъ всенародномъ возстаніи возстанутъ такови, якови создашася отъ Бога, совершенніи мужи съ цѣлыми и не подстризаными ниже выбритыми брадами; кое благообразіе въ безобразіи семъ мнится быти вамъ (аще есть кто таковый здѣ пребеззаконникъ) еже выбрившимъ брады оставляти токмо усы, сице бо сотвори Богъ не человѣки, но кошки и псы, оставя имъ безъ брадъ сущимъ едины усы приличнo...

„Взирайте часто на икону страшнаго Христова пришествія втораго и видите праведныя въ десной странѣ Христа стоящія вся имуще брады, на шуйцѣ же стоящыя бесермены, и еретики, лутеры и поляки, и иные подобные имъ брадобритники... внемлите вы, кому подобны себе творите и въ коей части написуетеся: сицева ваша мнимая вамъ лѣпота и честь, истинно безлѣпотна и безчестіе и грѣхъ смертный, проклято бо сіе блудозрѣлищное неистовство отъ прежде насъ бывшихъ архіереевъ, святѣйшихъ патріарховъ, имъ же и мы согласуемъ и таяжде уставляемъ и подтверждаемъ“...

Патріархъ Адріанъ вѣрно хранилъ старое преданіе, и съ его наставленіями должны были согласиться даже люди старой вѣры. Можно судить, какое впечатлѣніе должны были произвести нововведенія Петра, когда онѣ коснулись тѣхъ самыхъ бородъ, которыя отличали праведниковъ, стоящихъ на десной странѣ Христа. Вслѣдъ затѣмъ потребовано было, чтобы всѣ люди высшихъ классовъ, кромѣ духовенства, надѣли нѣмецкое и венгерское платье. Уже съ первыхъ лѣтъ царствованія и тотчасъ послѣ этихъ мѣръ въ Преображенскомъ приказѣ началась расправа съ противниками этихъ мѣръ. Въ январѣ 1700 года одинъ монахъ въ Москвѣ, бранясь съ монастырскимъ конюхомъ, который шелъ въ даточные солдаты, приплелъ къ своей брани и Петра: „Вамъ нынѣ даны кафтаны венгерскіе—прадѣды ваши и дѣды, и отцы такихъ кафтановъ не нашивали—уже вы пропадете также, что и стрѣльцы всѣхъ васъ что червей порубятъ...

по городу зубцовъ много, всѣхъ васъ перевѣшаютъ... государю этому не быть... *мы выберемъ инаго царя*... онъ государь—*нѣмецъ*, полюбилъ и вѣруетъ въ нихъ, и кафтаны солдатамъ и вамъ надѣлалъ нѣмецкіе"... Монаха пытали, били кнутомъ, и отрѣзавъ языкъ, сослали въ Азовъ на каторгу.

Народъ не могъ выносить этого нѣмецкаго платья. Въ томъ же году, въ Москвѣ пытали вологодскую крестьянку за то, что она повторяла народную молву: „что государь въ нѣмецкомъ платьѣ, въ черномъ, бархатномъ кафтанѣ, въ накладныхъ волосахъ, на Воронежѣ съ двумя нѣмцами корабли строитъ" и пр. Вообще толковали: „государя нынѣ на Москвѣ нѣтъ, а которой нынѣ на Москвѣ государь и есть, и онъ какой государь? Лефортовъ сынъ, а не государь. Видишь, онъ въ свою бусурманскую вѣру и христіанъ православныхъ приводитъ и велитъ носить нѣмецкое платье, а кто на себя то платье одѣнетъ, тотъ и бусурманъ".

Въ 1703 году, въ Дмитровѣ посадскій человѣкъ Большаковъ нанялъ портного мастера шить дорогую саксонскую шубу, но, примѣряя ее, пожалѣлъ о старомъ русскомъ платьѣ.—„Кто это платье завелъ? —говорилъ Большаковъ вслухъ: — того бы я повѣсилъ! Разговоръ пошелъ о Петрѣ, жена Большакова разсказала, что изъ Дмитрова взяли подъ арестъ трехъ казаковъ и прибавила: „вѣрно все еще стрѣльцовъ боится". Но Большаковъ поссорился съ портнымъ и послѣдній донесъ въ Преображенскій приказъ о непристойныхъ словахъ. Большаковъ объяснялъ свои слова такъ: „что-де слово *повѣсить* онъ молвилъ не къ государеву лицу, а спроста къ нѣмцамъ, потому, что то-де платье завелось отъ нѣмцевъ—къ тому-то онъ слово *повѣсить* и молвилъ, и въ той-де его винѣ воля великаго государя". Но этого оправданія было мало. Ромодановскій приказалъ пытать Большакова; онъ сказалъ тоже самое. Второй пытки не было, потому-что отъ первой Большаковъ умеръ. Жена Большакова, которую пытали три раза, показывала, что она говорила про государя такъ: „Прежніе-де государи по монастырямъ ѣздили Богу молиться, а нынѣшній государь только на скаку [1]) ѣздитъ, а въ монастыри не ѣздитъ и Богу не молится — и другія слова, тѣ какъ донскихъ казаковъ изъ Дмитрова взяли—говорила спроста и въ той ея винѣ воля великаго государя. А первыя непристойныя слова она говорила, слыша отъ села Павловскаго отъ крестьянъ, которые ѣхали мимо Дмитрова съ государевымъ сѣномъ, а отъ кого именно, не знаетъ". Рѣшено было бить ее кнутомъ и сослать въ монастырь на Бѣлоозеро.

---

1) Т.-е. мимоѣздомъ, наскоро.

Въ 1704 году караульный привелъ нижегородскаго посадскаго человѣка, который сказалъ за собой государево дѣло. На допросѣ онъ изложилъ свою біографію,—это была простая біографія рабочаго человѣка,—и затѣмъ перешелъ къ государеву дѣлу:

„Государево дѣло за мною такое: пришелъ я извѣщать государю, что онъ разрушаетъ вѣру христіанскую, велитъ бороды брить, платье носить нѣмецкое и табакъ велитъ тянуть.

„О брадобритіи, говорилъ Ивановъ, писано въ уложеніи соборномъ“ (онъ разумѣлъ Стоглавъ).

„А про платье написано: кто станетъ иноземное платье носить, тотъ будетъ проклятъ, а гдѣ про то написано, того не знаю, потому что грамотѣ не умѣю.

„А кто табакъ пьетъ, и тѣмъ людямъ въ старые годы носы рѣзывали.

„А на Москвѣ у него, Андрея, знакомцевъ никого нѣтъ и съ сказанными словами къ государю его никто не подсылывалъ —пришелъ онъ о томъ извѣщать собою, потому что и у нихъ въ Нижнемъ посадскіе люди многіе бороды брѣютъ и нѣмецкое платье носятъ и табакъ тянутъ — и потому для обличенія онъ Андрей и пришелъ, чтобъ государь велѣлъ то все перемѣнить.

„Кромѣ того, за нимъ Андреемъ иного государева дѣла нѣтъ“.

Историкъ, собравшій эти процессы, дѣлаетъ замѣчаніе, что вѣроятно этотъ изобличитель брадобритія, иноземнаго платья и пр., читалъ угрозы патріарха Адріана: „Аще бо послѣ таковаго запрещенія и возбраненія отъ онаго собора дерзнулъ кто брады брити или тафіи носити, анаѳемѣ тогдашніи святіи отцы предаша...

„Неподобаетъ вамъ православнымъ христіаномъ сущимъ отнюдь пріимати еретическаго сего и злодѣйскаго знаменія, но паче гнушатися имъ лѣпо и удалятися отъ него яко отъ нѣкія мерзости, зане брадобридцамъ не кающимся и отъ того не преставшимъ не подобаетъ по уставленію соборному... благословеніе священническое подаяти, но подобаетъ входъ церковный таковымъ возбраняти и святыхъ тайнъ причащенія лишати и сообщенія православныхъ христіанъ отлучати“.

Ромодановскій предположилъ, что имѣетъ дѣло съ раскольникомъ и что онъ наущенъ раскольниками; но обличитель сказалъ, что съ раскольщиками не знается, что въ лѣсахъ и пустыняхъ (то и другое было извѣстнымъ пріютомъ раскольниковъ, бѣжавшихъ отъ міра) и въ домахъ нигдѣ у раскольниковъ не бывалъ. На пыткѣ онъ повторилъ тоже самое. „Пришелъ я его, государя, обличать самъ собою; что онъ, государь, не дѣло дѣлаетъ, разрушаетъ вѣру христіанскую, велитъ бороду

брить, платье носить нѣмецкое, и табакъ велитъ курить". На пыткѣ обличителя жгли огнемъ и черезъ нѣсколько дней онъ умеръ. Въ дѣлѣ осталась помѣта: „а умре онъ, Андрей, по христіански".

И по смерти Петра еще продолжались дѣла этого рода. Въ 1727 году, въ одной пріятельской бесѣдѣ, солдатскій сынъ, бривший бороду, носившій нѣмецкой платье и нюхавшій табакъ, услышалъ осужденіе всему этому, и когда въ защиту свою сослался на указы Петра Великаго, ему сказали: „Это не государь былъ, а антихристъ, отвѣчалъ Артемьевъ. Родился онъ отъ нечистыя дѣвы и возмутилъ святую русскую землю. Книги по церквамъ старыя всѣ отставилъ, нѣкія перемѣнилъ, разослалъ во всю святорусскую землю книги своей антихристовой печати, и по неволѣ велѣлъ христіанъ приводить къ исповѣди и причащенію, а которая нынѣ владѣетъ царствомъ жена его, она иноземка, не русская, и жила съ нимъ безъ вѣнца. Прежніе цари коли такъ дѣлывали? а нынѣ по городамъ вездѣ заставы и нашего православнаго христіанина въ городъ въ русскомъ платьѣ не пропускаютъ и бьютъ и мучатъ и штрафы берутъ; а я старовѣрцевъ много знаю... у насъ въ книгахъ писано"...

При допросѣ оказалось, что Артемьевъ служилъ въ конюшенномъ чинѣ еще при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ и сообщалъ кромѣ того, что слышалъ, какъ читали книгу „Ефремъ", и ему разсказывали еще, что то же написано въ книгахъ Маргаритъ и Кириллово Евангелье. „А самъ собою размышлялъ, что при прежнихъ царяхъ нѣмецкаго платья солдаты и никто не нашивали, и бородъ не бривали, да и *Богъ* нѣмецкаго платья и бородъ брить *не повелѣлъ*, да и въ нѣмецкомъ платьѣ безбородый человѣкъ не пригожъ".

Старикъ не выдержалъ пытокъ и умеръ въ тюрьмѣ.

Приводимъ еще примѣръ того, какіе толки шли въ народѣ. Одинъ изъ попавшихъ въ Преображенскій приказъ, Стенька москвитянинъ, одинъ изъ заводчиковъ астраханскаго бунта, сообщалъ слышанный имъ разговоръ на загородномъ дворѣ Ѳедора Лопухина. Говорила жена столяра о стрѣльцахъ: „всѣхъ разорили, разорили въ Москвѣ, а въ мірѣ-де стали тягости, пришли-де службы, велятъ-де носить нѣмецкое платье, а при прежнихъ царяхъ того ничего не бывало; для того-де стрѣльцовъ разорили и платье перемѣнили и тягости въ мірѣ стали, на Москвѣ-де перемѣнной государь, какъ-де царица Наталья Кириловна родила царевну и въ тоже-де время боярыня или боя-

рышня, а подлинно не упомнитъ, родила сына, и того-де сына взяли къ царицѣ и вмѣсто царевны подмѣнили.

„А кто боярыня или боярышня, и гдѣ родила, и кто сына ея вмѣсто царевны подмѣнилъ, и царевну куды дѣли и почему о томъ та столярова жена знаетъ, именно не выговорила, да и мать его и онъ, Стенька, о томъ ее не спрашивали, только въ тѣхъ разговорахъ той столяровой и мать его говорила жъ и збудется-де такъ".

Потомъ этотъ Стенька съѣхалъ въ Астрахань, и когда велѣно было въ Астрахани „носить нѣмецкое платье и усы и бороды брить, и збирати новые сборы, и въ народѣ почали отъ того стонать, что прежъ сего того ничего не бывало, а иные, а кто не упомнитъ, говаривали, что на Москвѣ государя въ живѣ нѣтъ,—и къ тѣмъ словамъ и онъ, Стенка, про вышеписанныя столяровой жены слова говаривалъ же, а съ кѣмъ, не упомнитъ: что на Москвѣ не прямой государь, подмѣнной, и мыслилъ самъ собою о бунтѣ".

„А царицынцовъ и донскихъ казаковъ призывалъ для того (къ бунту), что они въ Астрахани стали за вѣру, за бороды и за платье, а буде не пристанутъ и имъ бы Царицынъ взяти боемъ и идтить въ верховые города и до Москвы, и всѣхъ призывать было къ себѣ же, а кто бъ не присталъ, и тѣхъ было всѣхъ побивать, а пришедъ къ Москвѣ, *нѣмцевъ всѣхъ*, ктобъ гдѣ попался мужеска и женску полу, *побить было до смерти*, и сыскать было государя и бить челомъ, чтобъ старой вѣрѣ быть по прежнему, а нѣмецкаго бы платья не носить, и бородъ и усовъ не брить.

„А буде бы онъ, государь, платье нѣмецкое носить и бородъ и усовъ брить перестать не велѣлъ, и его бъ, государя, за то убить до смерти, чая, по словамъ помянутой столяровой жены (!), что онъ, государь, подлинно подмѣнной" и т. д.

Остановимся еще на одномъ дѣлѣ, которое дошло въ 1721 году до церковнаго приказа и оттуда передано было въ приказъ Преображенскій. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ Москвѣ во время богослуженія сдѣлался припадокъ съ одной кликушей. Ее хотѣли-было выбросить за монастырскія ворота, но въ ней приняла участіе одна благочестивая и сердобольная монахиня, старушка Досиѳея. Она успокоила кликушу, пріютила ее въ своей кельѣ, и когда потомъ эта нищая, по имени Марья Босая, обнаружила большую ревность къ монастырской жизни, игуменья, по просьбѣ Досиѳеи, дала ей особую келейку. Марья разсказывала между прочимъ,

что она прежде крестилась двуперстнымъ сложеніемъ, но отстала отъ этого потому, что въ сонномъ видѣніи явился ей самъ святой Филиппъ, митрополитъ московскій, и научилъ ее правильному перстосложенію. Основавшись въ монастырѣ (что̀ и было ея цѣлью), Марья Босая повела свою прежнюю бродяжескую жизнь. У нея въ кельѣ образовалось цѣлое общество кликушъ, бѣснующихся, а также и раскольниковъ. Одна изъ ея пріятельницъ, Евпраксія, также кликуша, видавшая много пустынниковъ и скитниковъ, была принята въ раскольничьихъ кругахъ Москвы, въ богатыхъ и знатныхъ домахъ. Эти кликуши странствовали по благочестивымъ людямъ не только въ одиночку, но и цѣлымъ обществомъ, и не только въ Москвѣ, но отправлялись въ Троицкую Лавру, Коломну, Зарайскъ и другіе города. Между прочимъ эта компанія отправилась въ Воскресенскій монастырь, невдалекѣ отъ котораго жилъ въ своемъ селѣ Козьмодемьянскомъ богатый помѣщикъ, благочестивый человѣкъ и полу-раскольникъ, князь Мещерскій. Говорили, что у него была старинная чудотворная икона Смоленской Божіей Матери. Князь принималъ всѣхъ странниковъ, больныхъ, бѣснующихся, въ своей домашней часовнѣ читалъ надъ ними молитвы, изгонялъ бѣсовъ; князь подавалъ много милостыни и „вѣрующимъ“ давалъ тайно частицы хлѣба для причастія. Черезъ одного раскольника, привлеченнаго къ суду церковными властями, стало извѣстно о князѣ Мещерскомъ и о всемъ этомъ обществѣ. Всѣ они были привлечены къ отвѣту; ихъ пытали, въ томъ числѣ пытали и князя Мещерскаго...

Изъ этихъ подсудимыхъ любопытное психологическое явленіе представляла нѣкая Алена Ефимова. Это не была ни кликуша, ни бѣснующаяся, но, по словамъ историка, отличалась „странною маніей“, а именно: „ей хотѣлось умолить Бога, чтобъ онъ вразумилъ царя Петра Алексѣевича на путь истины, даровалъ бы ему намѣреніе прекратить гоненіе на раскольниковъ, а раскольники вразумились бы и соединились бы съ православною церковью. Сама она была не то раскольница, не то православная— крестилась двухперстнымъ сложеніемъ по внушенію какого-то пустынника, который приходилъ къ ней въ домъ и говаривалъ: „трехперстнымъ сложеніемъ не умолишь у Бога“, но ходила въ православную церковь, имѣла православныхъ духовниковъ и молилась за царя Петра Алексѣевича, гонителя старовѣровъ“. Алена ходила по монастырямъ, давала деньги старицамъ, чтобы въ теченіе шести недѣль читали за царя акаѳистъ; она клала въ день по двѣ и по три тысячи поклоновъ за Петра, но всего этого казалось мало, и она придумала, наконецъ, рѣшительное

по ея мнѣнію средство. Она призвала своего племянника, четырнадцатилѣтняго мальчика, и продиктовала ему молитву о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, приготовила пелену подъ образъ и зашила молитву между верхомъ и подкладкой; она отдала пелену въ Успенскій соборъ попу, не говоря ему о скрытомъ письмѣ, и просила его читать въ теченіе шести недѣль акаѳистъ за здравіе его величества; за это она заплатила ефимокъ и шесть алтынъ. Впослѣдствіи она показывала въ Преображенскомъ приказѣ: „Молитву писала для того, что многіе раскольники въ пустыняхъ живутъ, и учинила ту молитву собою, дабы различіе вѣры соединено было, и хотѣла объявить отцу духовному, но не показала, затѣмъ, что написано плохо".

Молитва чрезвычайно любопытна. Это оригинальная, наивная и не лишенная трогательной поэзіи смѣсь молитвы и причитанія:

„Услышь, святая соборная церковь со всѣмъ херувимскимъ престоломъ и съ евангеліемъ и сколько въ томъ евангеліи святыхъ словъ, — всѣ вспомяните о нашемъ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Услышь, святая соборная апостольская церковь, со всѣми мѣстными иконами и съ честными мелкими образами, со всѣми съ апостольскими книгами и съ паникадилами, и съ мѣстными свѣщами, и со святыми пеленами, и съ честными ризами, съ каменными стѣнами и съ желѣзными плитами, со всякими плодоносными древами... О, молю и прекрасное солнце, взмолись царю небесному объ царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ! О, младъ свѣтелъ мѣсяцъ со звѣздами! О, небо съ облаками! О, грозныя тучи съ буйными вѣтрами и вихрями! О, птицы небесныя и поднебесныя! О, синее море, съ рѣками и съ мелкими источниками и съ малыми озерами! Возмолитеся царю небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ, и рыбы морскія, и скоты польскіе [1]), и звѣри дубровные, и поля, и вся земнородныя, возмолитеся къ царю небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ!"

Составленіе молитвы тѣмъ болѣе любопытно, что хотя Алена не была совсѣмъ раскольницей, но находилась въ раскольничьемъ кругу и мужъ ея былъ „иконоборецъ", не поклонялся иконамъ. Но Алена все-таки была отдана на пытку, а ея племянникъ, по малолѣтству, былъ битъ батогами и отданъ въ матросы.

Оставляя эти страшныя дѣла, напомнимъ еще только, что было еще множество другихъ подобныхъ съ первыхъ лѣтъ царствованія Петра и до конца его и еще долго послѣ. Такъ еще въ 1700 году Григорій Талицкій собиралъ доказательства того, что Петръ былъ антихристъ; онъ написалъ объ этомъ воззваніе,

[1]) Т.-е. полевые.

которое было даже одобрено однимъ архіереемъ, и намѣренъ былъ напечатать это воззваніе и пустить въ народъ. Въ 1718, когда рѣшалось дѣло царевича Алексѣя Петровича, одинъ подъячій стараго вѣка (Докукинъ) рѣшился подать въ церкви самому Петру при всемъ народѣ свой протестъ противъ отрѣшенія царевича отъ престола. Въ двадцатыхъ годахъ фанатикъ Левинъ дѣлалъ даже прямо безумныя воззванія къ бунту противъ антихриста. Левинъ былъ, конечно, мономанъ, но предметъ его мономаніи былъ опять тотъ же, который волновалъ тогда множество людей и притомъ не однихъ раскольниковъ. Всѣ, о комъ доходило свѣдѣніе въ Преображенскій приказъ какъ о прикосновенныхъ къ государеву дѣлу, подвергались пыткамъ, казнямъ, ссылкамъ; доносчики открывали даже то, что говорилось въ трущобахъ Керженскихъ лѣсовъ. Въ Преображенскій приказъ попадали не только мелкіе темные люди, но военные, помѣщики, князья, даже архіереи; послѣднихъ въ синодѣ предварительно лишали сана и возвращенные такимъ образомъ въ первобытное состояніе, съ именемъ какого-нибудь „Ивашки“, они подвергались пыткѣ, отправляемы были въ ссылку или предаваемы казни. Указы о ношеніи нѣмецкаго платья, о бритьѣ бородъ, въ соединеніи съ новыми стѣснительными налогами и принудительными работами, волновали народную массу, и среди нея легко распространялись и воспринимались толки о послѣднихъ временахъ, о томъ, что Петръ есть антихристъ или что по крайней мѣрѣ это царь не настоящій, а подмѣнный, и т. д. Раскольники усиленно бѣгали то на сѣверъ въ олонецкія дебри, въ Керженскіе лѣса, или на югъ въ тогдашнія польскія владѣнія, на Вѣтку, куда сбѣжало ихъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Давно возбужденный религіозный фанатизмъ находилъ все болѣе богатую пищу, и фантастика, питаемая сказаніями о второмъ пришествіи (мы уже встрѣчали не разъ Палладія мниха), доходила до послѣднихъ предѣловъ. Очевидно, что именно изъ этого широко распространеннаго настроенія вышло и то изображеніе Петра въ видѣ антихриста, какое мы видимъ въ рукописи Историческаго Музея. Нѣтъ надобности предполагать принадлежность этой темы какой-нибудь особой сектѣ, напримѣръ бѣгунамъ, тѣмъ болѣе, что секта бѣгуновъ сформировалась въ нѣсколько опредѣленное ученіе уже только во второй половинѣ XVIII столѣтія [1]).

---

[1]) Обильный запасъ разсказовъ о расколѣ во времена Петра Великаго, по дѣламъ Преображенскаго приказа, находится въ извѣстной книгѣ г. Есипова: „Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія. Извлеченныя изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и тай-

Вражда къ Петру, дошедшая до того, что въ немъ стали видѣть антихриста, вызвала наконецъ и народную сатиру. Извѣстнѣйшимъ, хотя только недавно объясненнымъ, примѣромъ ея служитъ картина, изображающая погребеніе кота мышами. Это объясненіе дано Д. А. Ровинскимъ. „Наша картинка, — говоритъ онъ,—чисто русское произведеніе, ни откуда не заимствованное и не имѣющее никакого сходства ни съ восточными оригиналами, ни съ нюренбергскими похоронами охотника,—на которые указываетъ Снегиревъ,—ни съ другими западными измышленіями; всѣ надписи на ней, всѣ подробности взяты прямо изъ русскаго быта, — это вполнѣ оригинальное произведеніе русскаго народнаго буффа".

Относительно того, на кого могла направлена быть эта сатира, Ровинскій по внимательному изученію текста пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Нашъ котъ Брысъ или Алабрысъ есть не простой смертный, а знатная особа, и его титулы: котъ казанскій, умъ астраханскій, разумъ сибирскій—указываютъ на его царское происхожденіе. По многимъ примѣтамъ можно думать, что покойникъ былъ „знатный подпивало и веселый объѣдало": ему на тризну везутъ и несутъ вино и пиво изъ „вольныхъ домовъ" (трактировъ, вошедшихъ въ употребленіе при

ной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи". Спб. 1861. Вторая книга, Спб. 1863. Одинъ подобный эпизодъ разсказанъ былъ С. М. Соловьевымъ: „Монахъ Самуилъ, страница изъ исторіи раскола", въ „Православномъ Обозрѣніи", 1860, іюль, стр. 332—338.

Въ „Чтеніяхъ" московскаго Общества исторіи и древностей, 1863, кн. I, стр. 52 и 71, напечатанъ цѣлый раскольничій трактатъ о Петрѣ, какъ объ антихристѣ: „Выписана Исторія печатная о Петрѣ Великомъ. Собраніе отъ святаго писанія о антихристѣ". Редакція „Чтеній" замѣтила, что никакой подобной печатной исторіи нѣтъ и что это выдумано, чтобы скрыть свое. „Исторія печатная" собрала всѣ аргументы, доказывавшіе, что въ видѣ Петра пришелъ антихристъ; свидѣтельства объ этомъ доставили и пророки Даніилъ и Іеремія, и Меѳодій Патарскій, Ипполитъ папа римскій, Ефремъ Сиринъ (упомянутый выше „Ефремъ"), Кириллова книга, даже Бароній; историческіе факты заимствуются изъ книжки „Кабинетъ Петра".

Мнимая печатная книга написана была повидимому около двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія и простодушный обличитель при всей ненависти къ Петру называетъ его *Великимъ*, очевидно повторяя принятое наименованіе. Проклятіе начинается уже съ Алексѣя Михайловича,—„ибо Петръ Великій, всея воли и злобы Сатанины исполнитель, родися по отступленію св. вѣры, въ 1672 г., отъ царя Алексѣя Михайловича, не имѣющаго уже на себѣ царскаго достоинія", а именно: „Прежде прінде отступленіе царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1666 году, и потомъ по отступленію его отъ вѣры Христовы, скончася супруга его, Марья Ильинишна, и поя себѣ въ жену Наталью Кирилловну, и сочетася бракомъ законопреступнымъ, и роди сего сына погибельнаго, сирѣчь противника Христова, и всего благовѣрія нарушителя, и всей злобѣ погибельной исполнителя, яко же толкуетъ Іоаннъ Златоустый, святый вселенскій учитель: Кто убо сей есть? Убо ли сатана?"

Петрѣ) и питейныхъ погребовъ. Покойникъ былъ русскій, но былъ въ близкомъ родствѣ съ чухнами: „чухонка вдова Маланья“ была повидимому его собственная вдова. Покойникъ былъ нрава крутого: „когда въ живности пребывалъ, по цѣлому мышонку глоталъ“, и много изобидѣлъ народа, который собрался теперь посмотрѣть на своего врага. Въ процессіи участвуютъ представительницы вновь пріобрѣтенныхъ въ началѣ XVIII вѣка областей около Петербурга: олонки, корелки, охтенка, Шушера изъ Шлюшина, а также представительницы русскихъ областей: мышь украинская, новгородская, мыши изъ Рязани; собрались мыши съ разныхъ московскихъ улицъ и урочищъ,—всѣ онѣ въ большой радости поютъ, пляшутъ и играютъ на разныхъ инструментахъ. Даже мышь съ Рязани, Сива въ сарафанѣ, которая, судя по обстановкѣ, изображаетъ духовный элементъ (по мнѣнію Ровинскаго, это Стефанъ Яворскій, — хотя онъ умеръ раньше Петра Великаго), и та „горько плачетъ, а сама въ присядку пляшетъ“. Въ текстѣ нѣсколько разъ упоминается о лаптяхъ, производствомъ которыхъ покойникъ, повидимому, особенно интересовался; онъ самъ „плелъ лапти“, но „носилъ сапоги“, — и извѣстно, что Петръ въ самомъ дѣлѣ заботился о распространеніи лапотнаго производства у чухонцевъ. Изъ картинки видно, что похороны происходили зимой и съ музыкой, и погребальныя дровни везутъ *восемь* мышей; наконецъ въ древнѣйшемъ экземплярѣ погребенія кота сказано, что казанскій уроженецъ умеръ въ сѣрый (т.-е. зимній) четвергъ, въ шестопятое число. Петръ Великій дѣйствительно умеръ въ четвергъ зимняго мѣсяца января съ пятаго часа на шестой; на похоронахъ его была музыка (которая въ первый разъ была употреблена при похоронахъ Лефорта въ 1698 году), и наконецъ погребальныя сани были запряжены въ восемь лошадей.

„Эти существенные признаки, — говоритъ Ровинскій, — кажется намъ, достаточно указываютъ, что державный покойникъ нашъ никто иной, какъ славный протодіаконъ всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора Пахомъ Михайловъ, — и что самая процессія его погребенія представляетъ пародію на шутовскія церемоніи, которыя устраивались Петромъ на разные случаи съ цѣлью сладко поѣсть, попить и повеселиться. Не онъ ли приходился лютымъ звѣремъ и крокодиломъ, какъ его называютъ раскольники, и — Охтенкѣ, насильно переведенной изъ родного края на Питерское болото, и бѣдному Гренкѣ съ Дона, и Шушерѣ изъ Шлюшина, которыхъ онъ переводилъ, переселялъ, обкладывалъ разными тяжелыми работами и повинностями? Худо

пришлось отъ него татарамъ; но за то и дома у него развелось много „лазарецкихъ мышей“—калѣкъ на костыляхъ, вернувшихся домой съ разныхъ баталій: даже и на похоронахъ одна мышь „бьетъ дробь въ бубенъ,—походъ-де будетъ“. Искалѣченныхъ лазарецкихъ мышей ямскія мыши на себѣ везутъ *и прогоновъ не берутъ*, конечно потому, что прогоновъ имъ не платятъ“.

Ровинскій находитъ потомъ и другія подробности, удостовѣряющія тождественность Алабрыса со всешутѣйшимъ протодіакономъ. Напримѣръ, въ процессіи одна мышь куритъ изъ коротенькой голландской трубочки: въ прежнее время, при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, куреніе табаку было запрещено подъ страхомъ смертной казни, при Алексѣѣ Михайловичѣ курильщиковъ наказывали кнутомъ, рвали имъ ноздри и рѣзали носы,—и при Петрѣ въ первый разъ разрѣшено было ввозить табакъ и нѣмецкія трубки, а подъ конецъ разрѣшена была вольная продажа и разведеніе табаку. Далѣе, составитель картинки не забылъ прибавить, что у Алабрыса былъ такой точно „котскій“ усъ, стоячій торчкомъ кверху, какъ носилъ и отецъ протодіаконъ; одинъ мышонокъ ѣдетъ въ любимой Петромъ одноколкѣ, которая прежде запрещена была указомъ царя Ѳедора Алексѣевича. Далѣе, Ровинскій замѣчаетъ, что самая высокая изъ крысъ и мышей, участвовавшая въ процессіи, рязанская мышь Сива въ сарафанѣ синемъ безспорно представляетъ рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго; мышь Савка напоминаетъ Савву Рагузинскаго; по всей вѣроятности и другія мыши съ разными прозвищами обозначали какія-нибудь извѣстныя лица. Наконецъ, Ровинскій замѣчаетъ: „Цензура съ давняго времени подозрѣвала настоящее значеніе Алабрысова погребенія и въ этомъ отношеніи, чутьемъ своимъ, опередила нашихъ изслѣдователей: сперва было исключено ею означеніе дня, въ который скончался Алабрысъ, находящееся въ древнѣйшемъ переводѣ его погребенія; затѣмъ въ позднѣйшихъ изданіяхъ картинки, чтобы уничтожить всякое по этому поводу сомнѣніе, вмѣсто зимняго погребенія на дровняхъ, устроено лѣтнее—на телѣгѣ и выпущены всѣ мѣста — о вдовѣ чухонкѣ, о маймистскомъ заходѣ, а потомъ и о лаптяхъ“.

По мнѣнію Ровинскаго, составитель погребенія кота былъ навѣрное раскольникъ, врагъ Петровскихъ нововведеній. Въ процессіи онъ помѣстилъ и богопротивную одноколку, и куреніе табаку; придѣлалъ коту богомерзкіе подбритые усы. „Раскольники имѣли полное право радоваться котову погребенію, потому что этотъ котъ особенно преслѣдовалъ ихъ и ихъ бороды; они звали его антихристомъ и лютымъ звѣремъ крокодиломъ, а на кар-

тинкѣ „отъ Христа паденіе антихриста“ даже нарисовали этого послѣдняго въ образѣ Петра“. Къ раскольничьимъ изобрѣтеніямъ Ровинскій причисляетъ еще нѣсколько картинокъ, которыя считаетъ направленными противъ Петра. Такова, напримѣръ, картинка, изображающая драку бабы Яги съ крокодиломъ: драка, повидимому, произошла изъ-за стклянницы вина; баба Яга—въ чухонскомъ костюмѣ, съ чухонскими вышивками и головнымъ уборомъ, а подъ крокодиломъ помѣщено любимое дѣтище Петра, корабликъ. На одномъ изъ изображеній баба-Яга, по мнѣнію Ровинскаго, напоминаетъ даже портретъ Екатерины. Еще на одной картинкѣ та же баба-Яга пляшетъ съ плѣшивымъ старикомъ; и еще одна представляетъ извѣстный эпизодъ македонской красавицы, которая осѣдлала мудреца и заставила его скакать на четверенькахъ: только въ нашей картинкѣ верхомъ на старикѣ сидитъ не македонская красавица, а опять-таки чухонка въ своемъ народномъ костюмѣ, хотя и съ чалмой на головѣ, да и подпись гласитъ, что это „нѣмка ѣдетъ на старикѣ“. Этими картинками, по мнѣнію Ровинскаго, раскольники отвѣчали на всѣ шутовскія надъ ними потѣхи, на безцѣльное преслѣдованіе бороды и на картинку, представляющую цирюльника, который собирается остричь раскольнику бороду, — эта картинка, какъ думаетъ Ровинскій, была сочинена и пущена въ народъ несомнѣнно по приказанію самого Петра. Но Петровская картинка въ ходъ не пошла, и повторенія не имѣла, — „а время показало, насколько Петръ былъ неправъ въ этомъ дѣлѣ, даже смотря на него съ современной ему точки зрѣнія“. И Ровинскій дѣлаетъ такое общее заключеніе о томъ, какое должно быть отношеніе государства и общества къ расколу. „Мы можемъ смѣло говорить объ этомъ несчастномъ прошедшемъ для нашихъ братьевъ старообрядцевъ: новые порядки перестали насиловать ихъ совѣсть и, можетъ быть, недалеко то время, когда и своимъ, русскимъ отщепенцамъ будетъ дозволено, наравнѣ съ иностранными сектаторами и евреями, молиться какъ кому Богъ положитъ на сердце—по старому или по новому; — всѣ вѣдь одной родины дѣти, всѣ одного царя подданные.

„За то, какъ и ненавидѣлъ народъ старой вѣры своего преслѣдователя, называя его антихристомъ и крокодиломъ; съ какою радостію проводилъ онъ его на вѣчный покой, и, несмотря на страхъ кнута и пытки, сочинилъ ему шутовскую литію съ мышами, которая держалась въ народѣ полтораста лѣтъ, и, какъ мы уже замѣтили выше, пользовалась особеннымъ почетомъ и

любовью его, и выдержала безчисленное множество изданій“ [1]). Можно только прибавить, что сатира была такъ закрыта, что, быть можетъ, и въ прежнее время была вполнѣ понятна только для посвященныхъ, а впослѣдствіи сохраняла только интересъ простого шутовства.

Историкъ народныхъ картинокъ относится вообще съ строгимъ осужденіемъ къ тѣмъ преобразовательнымъ дѣйствіямъ Петра, которыя были нарушеніемъ народнаго обычая; и это отрицательное отношеніе раздѣляли многіе другіе писатели. Одни, какъ писатели славянофильскіе, видѣли въ Петрѣ зловѣщую силу, которая совершенно извратила правильное истинно-національное теченіе русской жизни; другихъ, которые держались нѣсколько иной точки зрѣнія, какъ, напримѣръ, Костомаровъ, приводило въ негодованіе это злоупотребленіе государственной власти, приводившее къ страшной жестокости и насилію въ исполненіи личнаго неразумнаго каприза. Съ другой стороны, въ общепринятыхъ или по крайней мѣрѣ наиболѣе распространенныхъ понятіяхъ Петръ есть великій преобразователь, именно начавшій новую грандіозную эпоху русскаго національнаго развитія, впервые открывшій просторъ для проявленія политическаго могущества Россіи, впервые положившій основаніе тому просвѣщенію, изъ котораго произошла новая русская литература съ ея великими именами, и русская наука, ранѣе совсѣмъ не существовавшая и приводящая насъ къ участію въ интересахъ и работѣ общечеловѣческой мысли и сознанія. Безпристрастная исторія до сихъ поръ не свела этихъ счетовъ. И должно сказать, что для этого еще не собраны всѣ необходимыя данныя, не оцѣнены вполнѣ тѣ частныя явленія, изъ которыхъ слагается цѣлый процессъ преобразованія. Между прочимъ, не оцѣнено достаточно то наслѣдіе, какое получилъ Петръ отъ XVII вѣка и въ свойствахъ личнаго характера, и въ пріемахъ пониманія своей власти въ государственныхъ, религіозныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Очевидно, что въ самые первые годы царствованія, когда еще не было собственнаго знанія и опыта, когда не сложился вполнѣ самый характеръ, Петръ долженъ былъ во многихъ случаяхъ дѣйствовать по инерціи, по старому складу жизни, который и самъ онъ видѣлъ, и въ которомъ утверждало его все окружающее... Въ своемъ отношеніи къ расколу Петръ колебался. Онъ не былъ религіознымъ фанатикомъ, и бывало время, когда онъ относился къ расколу съ терпимостію, очень рѣдкою въ

[1]) Р. народныя картинки, т. IV, стр. 256—269; т. V, стр. 155—163.

его вѣкѣ. Такова сохранившаяся собственноручная записка Петра отъ 1715 года: „съ противниками церкви, — говорилъ онъ, — съ кротостію и разумомъ поступать, по Апостолу... и не такъ какъ нынѣ, жестокими словами и отчужденіемъ“ [1]), и безъ сомнѣнія не безъ его вліянія писались книги, гдѣ раскольничьимъ ученіямъ противополагалось церковное объясненіе. Но это настроеніе смѣнялось другими при новыхъ обстоятельствахъ, волновавшихъ его обычную нервную раздражительность. И должно сказать, что страшная нетерпимость къ расколу была уже давно готова у церковныхъ властей: соборное проклятіе наложено было на расколъ, когда Петра еще не было на свѣтѣ; и еще задолго до того, во второй половинѣ XV вѣка, церковные ревнители, какъ Геннадій и Іосифъ Волоцкій, настаивали на казняхъ и сожиганіи еретиковъ.

Имя Петра перешло и въ народную поэзію. Въ первый разъ пѣсня о Петрѣ Великомъ записана была въ XVIII вѣкѣ въ сборникѣ Кирши Данилова; затѣмъ въ наше время пѣсни о немъ собраны, если, быть можетъ, не сполна, то въ весьма значительномъ количествѣ, въ „Пѣсняхъ П. В. Кирѣевскаго“ (выпускъ 8, 1870). Въ отчетѣ за 1869 г. московскаго Общества Любителей Словесности, которое было издателемъ этого сборника, говорилось: „Въ нашей литературѣ, въ дѣйствующихъ доселѣ руководствахъ русской словесности и историческихъ хрестоматіяхъ утвердилось господствующее мнѣніе, подкрѣплявшее себя разными соображеніями,—что Петръ Великій не оставилъ по себѣ никакого почти слѣда и отклика въ пѣснотворчествѣ народномъ; точно, самый сборникъ П. В. Кирѣевскаго представлялъ тому лишь нѣсколько образцовъ: но, благодаря вкладамъ другихъ собирателей, редакціи изданія удалось достигнуть до цифры почти двухъ-сотъ нумеровъ, и всѣ они даютъ болѣе или менѣе живую картину—высокаго лица и обстоятельствъ его времени, притомъ, что особенно замѣчательно, въ выраженіяхъ искренняго сочувствія къ истинному смыслу великихъ событій той эпохи. Дѣло потребовало усиленнаго труда и напряженныхъ разысканій: за то, надѣемся, оно восполнитъ значительный пробѣлъ въ нашей наукѣ и литературѣ съ точки зрѣнія совершенно уже безпристрастной и неподдѣльной, однимъ словомъ народной“.

Въ сборникѣ Кирѣевскаго, дополненномъ г. Бѣсовымъ, пѣсни о Петрѣ распадаются на слѣдующіе отдѣлы: рожденіе

---

[1]) Есиповъ, „Раскольничьи дѣла“, II, стр. 218, и др.

(прекрасная пѣсня въ сборникѣ Кирши Данилова) и первые годы;—возстаніе и казни стрѣльцовъ;—правежъ;—борьба царя съ драгуномъ;—пѣсня о князѣ В. В. Голицынѣ;—азовскіе походы;—донскія и азовскія дѣла; — гроза на донцовъ; — царица Евдокія Ѳедоровна Лопухина. Далѣе въ нѣсколькихъ отдѣлахъ размѣщаются пѣсни о сѣверной войнѣ: приготовленіе къ войнѣ;—выѣздъ Шереметева;—Шереметевъ, Шлиппенбахъ, Левенгауптъ;—Левенгауптъ и атаманъ Краснощоковъ;—Орѣшекъ, Шлюссельбургъ; — царь на пути къ Шлюссельбургу; — поѣздка царя въ Стокгольмъ и обратно;—осада Выборга; — сборы подъ Полтаву и полтавскій бой;—походъ Шереметева подъ Ригу;—Ревель;—походы въ земли шведскія и турецкія; — смерть Петра;—Репнинъ, Меньшиковъ, Гагаринъ [1]).

Что же представляютъ эти пѣсни, и какъ народъ понимаетъ въ нихъ личность царя и Петровскую эпоху? Г. Безсоновъ и на этотъ разъ посвятилъ Петровскимъ пѣснямъ широковѣщательный трактатъ, гдѣ среди излишествъ есть вѣрныя замѣчанія о характерѣ пѣсенъ и ихъ складѣ. Послѣ того, что̀ извѣстно о тяжкихъ испытаніяхъ, вынесенныхъ народомъ въ періодъ преобразованій, о ломкѣ любимой старины, — не говоря уже о спеціальномъ преслѣдованіи раскола,—естественно было бы ожидать, что въ пѣснѣ отразится это перенесенное народомъ какими-либо отрицательными чертами—жалобой, укоромъ, или даже прямою бранью и насмѣшкой, какъ въ раскольничьихъ писаніяхъ. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Пѣсня помнитъ эти тяжелые факты; но то впечатлѣніе, какое они должны были производить, покрыто какимъ-то новымъ настроеніемъ, въ которомъ нѣтъ укора, а есть примиреніе и какъ бы историческое пониманіе.

„Пѣснотворчество народное,—говоритъ г. Безсоновъ,—слѣдуетъ *шагъ въ шагъ* почти за всѣми важнѣйшими дѣйствіями и событіями жизни великаго государя, отъ минуты рожденія его до послѣдняго дыханія: величавый образъ носится всюду, даже въ тѣхъ былевыхъ пѣсняхъ, которыя единственно лишь современны своимъ происхожденіемъ и касаются случаевъ какъ будто постороннихъ; и здѣсь, если не дѣйствуетъ онъ, то онъ присутствуетъ, какъ зерцало, передъ коимъ совершается дѣйствіе, какъ духъ и характеръ, вызовъ къ творчеству и средоточіе фантазіи. Есть много образцовъ, гдѣ, по народному представленію, дѣла рѣшались даже менѣе личностью Петра, чѣмъ было въ дѣйствитель-

[1]) Г. Безсоновъ присоединилъ сюда также малорусскія пѣсни, пѣсни сербскія и, наконецъ, книжные канты.

ности, гораздо болѣе героями другого имени и образа: но и эти герои—люди, *окружавшіе* царя, *его близкіе*. Это графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, атаманъ Флоръ Миняевичъ, Долгорукій, Голицынъ, Семенъ Палій, и меньшіе—Рычковъ, Ефремовъ, даже безъимянные—Драгунъ, Донской Козакъ, темничный Добрый Молодецъ, Крестьянинъ: имена, въ народѣ любимыя, образы, творчествомъ взлелѣянные.—Враги, недоброжелатели Петру,—*враги народу* по смыслу его пѣсней: старшій Голицынъ, Некрасовъ, Маныцкой, Шведскій король, Шведская королевна-дѣвица, Маіоръ земли шведской, Шлиппенбахъ, Мазепа, Азовскій паша, Турецкій султанъ.—Приближенные, испытавшіе справедливое безучастіе или прямое отвращеніе народа, но столь же явно обличенные самимъ государемъ, Меншиковъ и Гагаринъ, нарочито выдѣляются изъ общаго состава и связи былинъ: творчество намѣренно выгораживаетъ изъ вины ихъ непричастнаго Петра.—Тамъ, гдѣ въ спорномъ дѣлѣ колеблется сочувствіе народа, какъ бы не зная, на чью сторону склониться,—Стрѣлецкій Атаманушка и Большой Бояринъ, сами, выразительными словами, рѣшаютъ участь свою, сами послушно подчиняютъ себя роковому приговору, въ виду несостоятельности прежнихъ условій, въ виду новыхъ требованій жизни; Евдокія Ѳедоровна не пеняетъ, не жалуется, не ищетъ перерѣшенія судьбы своей, отвергаетъ возвратъ изъ кельи, молится за далекаго супруга и—„спасается“... „Казни стрѣльцовъ сопровождаются великодушнымъ прощеніемъ пытаннаго мо̀лодца, во всемъ виновнаго, во всемъ сознавшагося, во всемъ помилованнаго... Гроза на Донцовъ, стоны и жалобы Дона, отчаяніе бѣглецовъ, бросающихъ родину,—разрѣшаются любовнымъ образомъ властителя, терпѣливо слушающаго нареканія заключенныхъ, свобождающаго ихъ, протянувшаго имъ, тому или другому, руку помощи и пощады. „Выкатается ли онъ въ золотой каретѣ“, жадно ли „желаетъ себѣ бою да драки“,—онъ же ходитъ-гуляетъ по-просту между простымъ народомъ, „въ одной сорочкѣ безъ пояса, въ однихъ чулочкахъ безъ чоботовъ... Одно изъ самыхъ тяжелыхъ дѣлъ и воспоминаній для народа чернаго, „рытьё каналовъ“, приходится однако же въ срединѣ между отрадными событіями и очертаніями... Въ полномъ согласіи съ условіями творчества, но кромѣ нихъ и даже глубже ихъ и первоначальнѣе,—здѣсь прямое отношеніе къ жизни дѣйствительной, здѣсь историческое самосознаніе народа... Не одно настоящее, схваченное образомъ творчества въ данную минуту,—прозрѣніе будущаго, зрѣющихъ плодовъ исторіи; не одна быль народнаго

творчества, — сама исторія въ народномъ сознаніи, представленіи, образѣ.

„Что же однако, забылъ ли дѣйствительно народъ о своихъ тяготахъ и нуждахъ при Петрѣ? Ни мало не забылъ, напротивъ, творчески это выразилъ. Не говоримъ здѣсь о „разоренияхъ", вымышленныхъ Сахаровымъ и разорившихъ подлинность его печатныхъ образцовъ; народъ влагаетъ Голицыну упрекъ противу Петра: „Ты за чѣмъ, государь-царь, черня-тъ разоряешь, Ты за чѣмъ большихъ господъ сподобляешь?" Но тутъ же рядомъ, въ пѣснѣ того же типа и происхожденія, народъ, проникнутый тактомъ историческаго самосознанія, такъ безпощадно характеризуетъ своего непрошеннаго заступника: „Вотъ Москвою ѣхать князю, — ему было стыдно. Отъ чего же князю стыдно? Что первый измѣнщикъ". Послѣ „рытья каналовъ" самая дѣйствительная и реальная тягость народу при Петрѣ состояла въ обязательной и частной казенной „службѣ", которой ото всѣхъ такъ настоятельно требовалъ Петръ, и о которой, при господствѣ земщины и выборныхъ началъ, не грезили еще при Грозномъ: и точно, почти на каждомъ шагу въ Петровскихъ пѣсняхъ выставлены — эта „эрозна служба государева, что частыдальны походушки", „Голова ль моя послуживая", „Бѣдныя головушки солдатскія", „Еще ли намъ, ребятушки, не́ тошно" и т. п. Но посмотрите опять, какимъ образомъ относится къ сему народъ: жалуется онъ на самую службу какъ на зло, видитъ въ ней обиду и неправду? Нисколько. Это прежде всего представляется какъ личное и частное горе, основанное на прежнихъ привычкахъ быта народнаго, быта семейнаго, религіознаго, общественнаго, пожалуй даже на привычкахъ былого порядка службы, — не больше: а личное и частное, разумѣется, всегда легче принести въ жертву требованіямъ высшимъ... Сравните при этомъ послѣдующія наши пѣсни „Рекрутскія", при наборахъ: тамъ, совсѣмъ наоборотъ, нѣтъ уже на первомъ планѣ этихъ сожалѣній, тамъ служба сама въ себѣ представляется роковой бѣдою и даже зломъ, при охлажденіи къ интересамъ государства или такъ называемаго, непонятнаго народу, „національнаго единства". И тѣмъ еще болѣе убѣдимся мы, какъ государственные и народные интересы, высоко поднятые и поставленные Петромъ Великимъ, отозвались сознательнымъ высокимъ возбужденіемъ въ самихъ пѣсняхъ его поры, побуждая народъ при крупныхъ образахъ творчества опускать изъ виду всѣ личности, частности и мелочи, или же допускать ихъ только въ качествѣ частностей и мелочей".

Это отношеніе народно-поэтическаго творчества къ Петру и Петровской эпохѣ далеко не совпадаетъ съ тѣмъ представленіемъ о личности и дѣятельности Петра, какое господствовало и еще господствуетъ въ славянофильской школѣ. Г. Безсоновъ самъ къ этой школѣ прикосновенъ и слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ отношеніе къ этому вопросу. Онъ справедливо указываетъ, что историческій фактъ и народно-поэтическое созданіе могутъ не совпадать. „Исторія Петра остается сама собою, при всемъ народномъ творчествѣ о немъ: наши историческія воззрѣнія могутъ пребывать неприкосновенными, наши взгляды и сложившіяся убѣжденія не склоняются и не преломляются сложенною пѣсней; приговоръ нашъ, даже неблагопріятный, сохраняетъ право на всю свою силу; наше сочувствіе, несочувствіе и безучастіе не условливаются заявленіемъ былины; мы въ состояніи признать заблужденіе самаго творческаго воззрѣнія. Но никому нѣтъ права—не признавать сего воззрѣнія, нѣтъ справедливости — отзываться о немъ невѣдѣніемъ, съ той минуты, какъ стало оно извѣстно, слышано и записано изъ устъ народа“...

Дальше авторъ еще болѣе настойчиво говоритъ объ этой обязательной важности народно-поэтическаго преданія для историческихъ заключеній. „Всякій порядочный историкъ отнынѣ воспользуется симъ для исторіи Петра и Петровской эпохи: въ наукѣ восполнился громадный, значительно прежде ослаблявшій ее, пробѣлъ. А когда, наконецъ, въ этомъ новомъ, прямо изъ устъ народа, столь свѣжемъ еще памятникѣ видимъ мы явную любовь народа къ Петру и искреннее къ нему сочувствіе, когда встрѣчаемъ воплощенное представленіе всего величія тогдашнихъ событій и сознаніе далеко проникающее впередъ, въ ожиданіи знаменательныхъ плодовъ отъ будущаго и съ терпѣніемъ передъ тугимъ ростомъ началъ новыхъ, крѣпкою рукою втиснутыхъ въ тогдашнюю почву руской жизни: мы отнынѣ, что бы ни говорила о Петрѣ и какая бы ни говорила намъ исторія, сошлемся всегда на творчество народное... Историческую истину можно поздравить съ немаловажнымъ торжествомъ правды“.

Дальше авторъ подробнѣе объясняетъ, какимъ образомъ и насколько историческая дѣйствительность отразилась въ народномъ сознаніи, чтобы стать предметомъ поэтическаго творчества. Историческая пѣсня, какъ пѣсня о Петрѣ, представляетъ исторію такъ и въ той мѣрѣ, какъ эта исторія прошла въ жизни народной, отзываясь въ ней изъ сферъ политическихъ, общественныхъ, религіозныхъ и всѣхъ тѣхъ, которыя не совпадаютъ съ собственнымъ существомъ народа. „Не все здѣсь дошло до на-

рода, народъ не пережилъ всего того, что имѣло мѣсто внѣ его, въ дѣлахъ политическихъ, общественныхъ и религіозныхъ изъ той эпохи... Если здѣсь есть что-либо политическаго, общественнаго, религіознаго, то лишь настолько, насколько въ эту пору самъ народъ жилъ политически, въ представителяхъ своихъ среди общества или въ области религіозной; и все это, обратно, нашло себѣ здѣсь мѣсто лишь постольку, поскольку было народно... Сюда не вошло вполнѣ даже всего того, что прожито было тогда самимъ народомъ во внѣшней его жизни и дѣйствительности: многое утекло съ потокомъ внѣшнихъ событій... но не доходя до сознанія, не двигая мыслью и чувствомъ... Масса элементовъ, слагающихъ народную жизнь, не вошла цѣликомъ въ народное сознаніе: вспомнимъ, что сюда не вошла разнообразная жизнь личная и даже семейная... Сколько самыхъ высокихъ, самыхъ вліятельныхъ лицъ миновало, чтобы оставить въ народномъ сознаніи окрѣпшій образъ Шереметева, Палія, Флора, еще пять-шесть, еще съ десятокъ такихъ, — и только; сколько народнаго должны были имѣть въ себѣ, больше другихъ, эти именно лица, чтобы занять мѣсто въ сознанной народомъ исторіи; сколько семействъ пробыло—прожило жизнью, мыслью, чувствомъ и словомъ, чтобы опредѣлился предъ взглядомъ народа семейный вопросъ въ дѣлѣ Лопухиной... Но и этого мало... Не все, что было сознано симъ способомъ и на семъ пути, сдѣлалось удѣломъ творчества, поступило въ творческій образъ и воплощено въ немъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту эпоху сознаніе народное со всею силою, со всѣмъ увлеченіемъ, вниманіемъ и соучастіемъ жило, питалось и развивалось, напримѣръ, на такихъ событіяхъ, какъ расколъ старообрядства или рѣзкое устраненіе земства изъ участія въ общихъ дѣлахъ, когда отправленія земскія замѣнены были коллегіями и разнороднымъ наборомъ чиновнической службы: и однако ничего подобнаго не нашло себѣ доли въ былевомъ творчествѣ народа. Измѣненія въ крестьянскихъ отношеніяхъ, потрясенія въ экономическомъ бытѣ, наплывъ иностранцевъ и тому подобныя явленія также точно не отозвались ни однимъ творческимъ словомъ, хотя весьма ясно сознавались и оставили по себѣ память, даже въ произведеніяхъ словесности, — только не устной творческой, а письменной... Наконецъ, даже изъ сложенныхъ въ ту пору пѣсней, обличающихъ явные признаки того времени въ своемъ происхожденіи, не все возвысилось до пѣсни „исторической“, а изъ ея сокровищъ дошло къ намъ, то-есть уцѣлѣло въ народѣ... количество еще меньшее: прочее улетѣло съ минутой или годами, не имѣло въ себѣ долговѣчности, не

оказало непрерывности, не заключало въ себѣ этихъ свойствъ истинно-творческаго произведенія".

Авторъ не сомнѣвается, что въ Петровскій періодъ слагались многія народныя произведенія болѣе совершенныя, чѣмъ тѣ, какія имѣемъ, но не дошедшія до насъ потому только, что „сфера ихъ, устная область, слишкомъ непрочна и расплывчива". Но это послѣднее авторъ вслѣдъ затѣмъ ставитъ въ вину „намъ", обществу, не умѣвшему цѣнить народнаго творчества, а именно, по словамъ его, эти старыя и болѣе совершенныя произведенія не дошли до насъ потому, что, „благодаря извѣстнымъ случаямъ и нашему невниманію, пѣсня не записана во-время и изъ устъ лучшаго пѣвца, не попала на нашу бумагу, а это еще потому, что лучшіе, образованнѣйшіе слои народа переставали уже пѣть, пѣсня сходила въ низшія массы, но и здѣсь глохла въ безвѣстности, ибо не интересовала высшихъ. Это подлинное несчастіе, которому уже не причиненъ самъ народъ, но несчастіе однако тѣмъ въ особенности поучительное, что, стало быть, съ той поры искусство письменное и художество книжное, *забравши всю силу* и весь передній планъ, *игнорировало*, закрыло бытіемъ своимъ бытіе творчества народнаго, однимъ словомъ, забыло, а между тѣмъ рѣзко отдѣлилось отъ народнаго, и признакъ „народности" остался лишь за стихіями самыми *простыми*, на которыя обратно разлагается цѣлый сложившійся народъ при концѣ народнаго бытія своего".

Въ этихъ словахъ заключается, однако, большая неточность или прямо ошибка. „Забыть", значитъ добровольно прервать преданіе; „игнорировать", значитъ, не желать знать,—и этими словами опять повторяется обыкновенное обвиненіе противъ Петровской эпохи, противъ цѣлаго XVIII вѣка, наконецъ противъ всей новѣйшей литературы, приблизительно до Пушкина, въ забвеніи народности, въ отдаленіи отъ народа. Но передъ тѣмъ самъ толкователь, отмѣчая періоды развитія эпической поэзіи, говорилъ, что эта смѣна поэзіи народной и искусственной была совершенно законнымъ историческимъ явленіемъ. А именно, указывая передъ тѣмъ „неотвратимое, постепенное умираніе" народнаго творчества (т.-е. въ его прежнихъ формахъ), г. Безсоновъ спрашиваетъ: „конецъ ли здѣсь народному творчеству?" И отвѣчаетъ: „сохрани Богъ: начало и просторъ искусству личному, поэзіи письменной, художественному слову въ печати, чтобы, прошедши искусъ воспитанія и опытъ образцовъ народныхъ, подняться также до самостоятельнаго творчества". И здѣсь, въ этомъ мнимомъ „игнорированіи" XVIII вѣка, естественно про-

исходилъ этотъ самый процессъ смѣны народнаго творчества личнымъ и искусственнымъ, процессъ, который начался, собственно говоря, задолго до XVIII вѣка въ тѣхъ, на первый разъ очень грубыхъ, попыткахъ силлабическаго стихотворства, которыя восходятъ далеко въ XVII-й, даже въ XVI вѣкъ. Русская литература въ этомъ случаѣ слѣдовала общему закону смѣны народнаго творчества личнымъ и искусственнымъ. Въ богатыхъ западныхъ литературахъ эта смѣна совершилась гораздо раньше, еще до перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новѣйшему времени: у насъ, вслѣдствіе вообще слабаго развитія литературы, этотъ процессъ совершался позднѣе и элементарнѣе.

Замѣтимъ далѣе, что сама древняя Россія относилась къ народному творчеству не лучше. Она „игнорировала“ его гораздо хуже, потому что издавна преслѣдовала его церковной анаѳемой и воеводскими распоряженіями по приказу изъ Москвы, и вся старая поэзія не нашла мѣста въ книгѣ. Восемнадцатый вѣкъ почти впервые (послѣ немногихъ примѣровъ предъидущаго вѣка) сталъ помышлять о правильномъ занесеніи народно-поэтическаго достоянія въ книгу. Первая обширная запись народно-поэтической старины, и въ томъ числѣ пѣсенъ о Петрѣ, сдѣлана была Киршою Даниловымъ, а затѣмъ преемниками его въ печати стали Чулковъ и Новиковъ, далѣе Прачъ (Львовъ) и т. д. Съ XVIII вѣка возникаетъ и воздѣйствіе народной пѣсни на поэзію искусственную.

Полная естественность этого перехода въ новый періодъ развитія на рубежѣ XVII и XVIII вѣка объясняется тѣми свойствами народно-поэтическаго пониманія, какія указывалъ самъ истолкователь. Народъ воспроизводилъ, изъ исторической дѣйствительности, составлявшей тему его поэзіи, только то, что было доступно его пониманію: не все до него дошло; „народъ не пережилъ всего того, что имѣло мѣсто *внѣ его*, въ дѣлахъ политическихъ, общественныхъ, религіозныхъ“; въ его поэзію „не вошло вполнѣ даже всего того, что прожито было тогда самимъ народомъ во внѣшней его жизни“ и т. д. Другими словами, уже тогда „признакъ народности остался лишь за стихіями самыми *простыми*“, т.-е. и тогда уже народное становилось какъ бы только простонароднымъ и деревенскимъ. Но очевидно, что эта тѣсная точка зрѣнія не могла вполнѣ удовлетворить пониманія, воспитаннаго бо́льшею образованностію или бо́льшимъ опытомъ самой жизни. Если поэзія искусственная и цѣлая книжная литература того времени не расходилась съ приведеннымъ выше народнымъ пониманіемъ Петра и его времени, то не могла до-

вольствоваться въ другихъ случаяхъ наивнымъ горизонтомъ народной пѣсни, должна была встрѣчаться съ новыми вопросами и явленіями исторіи и дѣйствительности, искать новыхъ теоретическихъ объясненій и поэтическихъ идеаловъ и т. д. Грубые канты Петровскаго времени, собранные г. Безсоновымъ, представляютъ первую ступень этого новаго стремленія; второю ступенью были стихотворные и прозаическіе панегирики Ломоносова; а послѣднею ступенью были художественныя созданія Пушкина. Придавая высокое значеніе народному пониманію Петровской эпохи въ пѣсняхъ, требуя вниманія къ этому историковъ, г. Безсоновъ, какъ мы видѣли, предоставляетъ и историкамъ свободу ихъ точки зрѣнія (т.-е., напримѣръ, и славянофиламъ свободу ихъ отрицанія Петровской эпохи); авторъ тѣмъ самымъ признаетъ съ своей стороны, что народное сужденіе можетъ не заключать въ себѣ всей исторической истины. Въ пѣснѣ, какъ мы видѣли, онъ видитъ „не одно настоящее, схваченное образомъ творчества въ данную минуту,—прозрѣніе будущаго, зрѣющихъ плодовъ исторіи“,—но и наука, литература, сталкиваясь въ борьбѣ взглядовъ и общественныхъ направленій, стремятся къ тому же уразумѣнію настоящаго и къ прозрѣнію будущаго, когда въ своихъ теоретическихъ и идеальныхъ построеніяхъ имѣютъ въ виду не только нужды современныхъ поколѣній, но и будущія потребности національнаго и общественнаго развитія. Но самая жизнь такъ сложна, и ея развитіе получаетъ столько новыхъ направленій, совершенно незнакомыхъ народному пониманію, что является вопросъ: возможно ли для народнаго творчества и полная оцѣнка настоящей дѣйствительности, и прозрѣнія будущаго?

Въ приведенныхъ взглядахъ г. Безсонова есть доля вѣрныхъ наблюденій и доля мистическаго преувеличенія.

Настоящій, извѣстный теперь запасъ пѣсенъ о Петровскихъ временахъ представляется истолкователю цѣлымъ мистическимъ откровеніемъ народа. „Тысячи безъименныхъ слагателей,—говоритъ онъ, — кипѣвшихъ творческими силами, умерли, исчезли и забыты прежде, чѣмъ плодомъ ихъ дѣятельности и творчества явились десятки пѣсней, принятыхъ народомъ въ народное достояніе, признанныхъ присными и общими, запечатлѣнныхъ народною печатью, какъ собственность народа; личныя силы вошли элементами въ народное творчество только съ той стороны, съ которой онѣ были народны, и, теряя свой отпечатокъ личный, выражали собою уровень и характеръ общаго сознанія на-

роднаго". Здѣсь народная исторія, построенная сознаніемъ цѣлаго народа.

Пѣвцовъ несомнѣнно было много, и пѣвцовъ современныхъ. Г. Безсоновъ подобралъ эти примѣры, гдѣ пѣвецъ говоритъ о настоящемъ, и гдѣ даже позднѣйшій пѣвецъ, повторяя старую пѣсню, становится на ея точку зрѣнія. Въ древней былинѣ пѣвецъ говоритъ о татарскихъ временахъ: „а отъ духу татарскаго не можно крещеным*ъ нам*ъ живымъ быть"; или въ былинѣ новгородской: „а и нѣтъ *у насъ* такова пѣвца во славномъ Новѣгородѣ сопротивъ Василія Буслаева", и т. д. Такъ постоянно и въ Петровскихъ пѣсняхъ: „Бывало, де, православный царь Любилъ стрѣльцовъ, много жаловалъ, Нынче государь *на насъ* прогнѣвался"; „Бѣжитъ-то изъ Москвы скорый посолъ, Держитъ во рукахъ грозный указъ, чтобы были *мы солдатушки* пріубраные"; „Ахъ, служили *мы* на границѣ три годочка, Намъ ни вѣсточки, ни грамотки съ Дону нѣту, — На четвертомъ годочкѣ перепала вѣсточка"; „Какъ никто-то про то не знаетъ, не вѣдаетъ, что куда нашъ государь-царь снаряжается: Снаряжается государь-царь въ землю Шведскую, Онъ *меня ли*, добра молодца, съ собой беретъ, Ужъ какъ *мнѣ ли*, добру молодцу, не хотѣлося". Пѣсня доходитъ даже до такой точности въ описаніи похода Шереметева: „Какъ во тысяча во семьсотъ во первомъ году, Да и шестаго мѣсяца іюня, Какъ шестаго на̀ десять во числахъ,— Тамъ шелъ — прошелъ царскій большой бояринъ, кавалеръ Борисъ Петровичъ Шереметевъ". Или: „Въ тысяча семьсотъ первомъ годѣ, Во мѣсяцѣ было во іюлѣ, Стояли солдаты на границѣ, А ни вѣстки, ни грамотки съ Руси нѣту, Въ три годочка перепала скоро вѣстка (объ утратахъ), — Еще ли *намъ*, ребятушки, не тошно?" и т. д. Такимъ образомъ,—говоритъ авторъ, —въ этихъ современныхъ словахъ не было мѣста „ни забвенію ни прощенію"; современникъ относился къ Петру съ сознательнымъ сочувствіемъ, какъ прежде относился къ Ивану Грозному, „лелѣя ихъ творческіе образы",—„и если теперь поетъ народъ также, то, значитъ, и теперь не забылъ своего сочувствія, и теперь живетъ тою же мыслію и тѣмъ же сознаніемъ".

Эта черта дѣйствительно любопытна, но не должно преувеличивать. Эта фактическая, даже календарная, точность принадлежитъ исключительно пѣснямъ военнымъ или „солдатскимъ", тѣмъ, предметомъ которыхъ служитъ совершенно опредѣленный и спеціальный фактъ, — но вообще въ пѣснѣ преобладаетъ то свойство „непрочности и расплывчивости", которое отмѣчаетъ самъ истолкователь. Вообще, если этотъ истолкователь говоритъ

о Петровскихъ пѣсняхъ, что онѣ „шагъ въ шагъ“ слѣдятъ почти за всѣми событіями жизни великаго государя, этого нельзя принять даже и съ оговорками. Напротивъ, за исключеніемъ упомянутыхъ солдатскихъ пѣсенъ, представляющихъ во всякомъ случаѣ свою особую область, мы находимъ большую случайность и неполноту въ составѣ историческихъ моментовъ, на которыхъ останавливается пѣсня. По внѣшнему объему собственно военныя пѣсни, съ ихъ спеціальнымъ интересомъ, занимаютъ почти двѣ трети цѣлаго собранія; очень невелико количество тѣхъ пѣсенъ, предметъ которыхъ составляетъ именно личность самого Петра и его дѣйствія. И здѣсь не только нѣтъ точной хронологіи, но находимъ даже чисто фантастическія представленія, которыя могутъ быть объяснены только по далекимъ мотивамъ народной поэзіи, привлеченнымъ сюда по какой-то неясной связи поэтическихъ образовъ.

Первая пѣсня о рожденіи Петра извлечена изъ стараго сборника Кирши Данилова; какъ почти всѣ его пѣсни—съ яснымъ, отчетливымъ текстомъ.

Когда свѣтелъ-радошенъ во Москвѣ
Благовѣрный царь Алексѣй царь Михайловичъ:
Народилъ Богъ ему сына царевича,
[Царевича] Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ,

Всѣ-то Русскіе какъ плотники-мастеры
Во всю ноченьку не спали,—
Колыбель-люльку дѣлали
Они младому царевичу.
А и нянюшки-мамушки
Сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали,—
Шириночку вышивали
По бѣлому рытому бархату
Они краснымъ золотомъ.
[А и] тюрьмы съ покаянными—
Они всѣ распущалися.
А и погребы царскіе—
Они всѣ растворялися,
У царя благовѣрнаго
Еще пиръ и столъ на радости, и т. д.

Прекрасная картинка въ старомъ московскомъ стилѣ, но въ началѣ и въ концѣ упоминающая „перваго императора“: при рожденіи Петра никто, конечно, не могъ угадать въ немъ не только императора, но даже вообще правителя. Пѣсня опредѣ-

лилась на пространствѣ отъ его рожденія до принятія императорскаго титула.

Но со второй пѣсни начинается уже упомянутое фантастическое смѣшеніе. Редакторъ сборника озаглавилъ эту вторую серію: „Рожденіе, первые годы и отъѣздъ на чужую сторону“, и помѣщаетъ здѣсь двѣ пѣсни, записанныя Языковымъ и близкіе по сюжету варіанты изъ Кирши Данилова и Рыбникова. Пѣсня начинается опять красивымъ варіантомъ первой пѣсни.

Что у насъ въ каменной Москвѣ пріуныли [1])
Во большой колоколъ звонили:
Породила (государыня) царевича,
Свѣтъ Петра Алексѣевича.
Няньюшки-мамушки
Всеё ночь не спали—
Одѣяльце простегали
На чистыемъ сéребрѣ,
На красныемъ золотѣ.
Плотнички-мастеры
Всеё ночку простукали,—
Колыбелку продѣлали.

Но вслѣдъ за тѣмъ идетъ нѣчто очень странное: то, что названо въ заглавіи г. Безсонова „отъѣздомъ на чужую сторону“, разсказывается такъ:

Отломилася вѣточка
Отъ сахарнаго дéревца;
Откатилося яблочко
Отъ сахарнаго деревца:
Отъѣзжалъ Добрый Мóлодецъ
Отъ отца своего—матери;
Лишился же Добрый Мóлодецъ
Своей родной страны;
Пріѣхалъ же Молодецъ
Къ быстрóй рѣчкѣ Смородинкѣ;
Переѣхалъ же Добрый Молодецъ
Черезъ быструю рѣчку Смородинку.

Но переѣхавши, молодецъ сталъ похваляться: была она рѣка славная, а она хуже озера стоячаго. Но на той сторонѣ мóлодецъ забылъ два булатныхъ ножа и, вернувшись за ними, потонулъ въ рѣкѣ Смородинѣ. Матушка его оплакивала погибель сына, а рѣка отвѣчала ей „человѣческимъ голосомъ, душой красной дѣвицей“, что не она потопила молодца, потопила его по-

[1]) Это „унылое“ начало, по объясненію г. Безсонова, взято, по смѣшенію, изъ пѣсенъ о смерти царей.

хвала молодецкая. Въ другомъ варіантѣ Языкова (объ его пѣсни—симбирскія) эта тема развита подробнѣе, но молодецъ прямо называется Добрыней Никитичемъ. У Кирши Данилова разсказъ о погибели молодца въ рѣкѣ Смородинѣ поставленъ совершенно отдѣльной пѣсней и „добрый молодецъ“ не имѣетъ никакого отношенія къ Петру Великому. Такъ это, безъ сомнѣнія, и было, потому что Петръ въ дѣйствительности не утонулъ въ рѣкѣ Смородинѣ, и мнимая пѣсня объ отъѣздѣ на чужую сторону есть чисто механическое присоединеніе совсѣмъ отдѣльной пѣсни къ началу пѣсни о рожденіи Петра. Подобныя смѣшенія въ народной поэзіи безчисленны.

Нѣсколько пѣсенъ отнесено къ царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ Лопухиной; только въ одной изъ нихъ прямо названо имя Петра. Такова пѣсня, записанная княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ.

Возлѣ рѣченьки хожу млада,—
Меня рѣченька стопить хочетъ;
Возлѣ бгничка стою млада,—
Меня бгничекъ спалить хочетъ;
Возлѣ милаго сижу млада,—
Меня милый другъ журитъ-бранитъ,
Онъ-то журитъ-бранитъ,
Въ монастырь итти велитъ:
„Постригись, моя немилая,
Посхимися, постылая!
На постриженье выдамъ сто рублей,
На посхименье тебѣ тысячу,
Я поставлю нову келейку,
Въ зеленомъ саду подъ яблоней.
Прорублю я три окошечка,—
Первое ко Божьей церкви,
Другое-то во зеленый садъ,
Третье-то во чисто поле:
Въ Божьей церкви ты намолишься,
Въ зеленомъ саду нагуляешься,
Во чисто поле насмотришься.
Случилось ѣхать князьямъ-боярамъ.
Они спрашиваютъ: „Что за келейка,
Что за келейка, что за новенька,
Что въ ней за монашенка за молоденька?
Еще кѣмъ она пострижена?“
Отвѣчала имъ монахиня:
— Я пострижена самимъ царемъ,
— Я посхимлена Петромъ Первымъ,
— Черезъ его змѣю лютую“.

Въ дальнѣйшихъ варіантахъ имя царицы и Петра не названо и собиратели отмѣчали иногда, что рѣчь идетъ именно о ца-

рицѣ Евдокіи; а наконецъ пѣсня становится просто бытовою пѣснею о женѣ, насильственно постриженной мужемъ, такъ что можетъ показаться, что имя Евдокіи прибавлено только къ готовой пѣсенной формулѣ. Въ дальнѣйшихъ развитіяхъ темы разсказывается, что ѣхали мимо келейки купцы богатые и спрашивали въ недоумѣніи, кто въ ней спасается; и когда оказалось, что спасается здѣсь мужняя жена (насильно постриженная), то мужъ, который былъ между купцами, устыдился:

Какъ и взмолится тутъ немилый мужъ:
„Разстригися ты, жена моя милая!
За разстриженье дамъ тебѣ тысячу,
За разсхимленье—все имѣньице:
Я построю тебѣ новъ-высокъ теремъ,
А со красными со оконцами,
Со хрустальными со стекольцами:
Будешь жить въ немъ—прохлаждатися,
Во цвѣтно платье наряжатися.
Какъ возговоритъ молода старочка:
— Что не надо мнѣ твоей тысячи,
— Ни всего твого имѣньица,
— Мнѣ не надобенъ новъ-высокъ теремъ:
— Я остануся въ этой келейкѣ,
— Ужъ я стану жить-спасатися,
— За тебя Богу молитися.

Здѣсь нѣтъ уже никакого отношенія къ Петру Великому, который вовсе не желалъ, чтобы царица Евдокія разстриглась и разсхимилась [1]).

Истолкователь замѣчаетъ между прочимъ, что въ пѣсняхъ Петръ Великій сближается по тону и формѣ разсказа съ Иваномъ Грознымъ, такъ что народъ одинаково относился къ обоимъ царямъ. Автору представляется опять глубокое народное прозрѣніе; а съ другой стороны это сближеніе можетъ имѣть болѣе тѣсную причину въ томъ, что къ Петру была примѣнена, конечно съ натяжкой, готовая формула сказанія о сильномъ гнѣвномъ царѣ. Именно съ такой натяжкой составлены пѣсни о казняхъ стрѣльцовъ. Вводные стихи говорятъ прямо о царскомъ гнѣвѣ:

Бывало, де, православный царь
Любилъ стрѣльцовъ, много жаловалъ:
Нынче государь на насъ прогнѣвался
И хочетъ стрѣльцовъ казнить—вѣшати,
Съ самаго съ атамана голову рубить.

[1]) Ср. разборъ пѣсенъ о постриженіи у В. Н. Перетца, „Современная русская народная пѣсня“. Спб. 1893, стр. 9 и д.

Стрѣльцы посылаютъ атамана къ царю просить милости и простить ихъ и предлагаютъ за то:

Возьмемъ мы ему городъ, который надобно,
Безъ свинцу возьмемъ, безъ пороху,
Безъ его снаряду государева,
Возьмемъ городъ грудью бѣлою.

Но царь гнѣвенъ, велѣлъ атаману гнать стрѣльцовъ на Красную площать и на поле Куликово, —

Кого хочетъ казнить, кого вѣшати,
А съ меня, съ атамана, голову рубить.

или въ другомъ варіантѣ:

Охъ вы гой еси, стрѣлецкія головушки!
Еще хочетъ насъ православный царь всѣхъ жаловать,
Жаловать хоромами, хоромами высокими,
Двумя столбами дубовыми
И петлями шелковыми!

Петровская пѣсня сливается съ воспоминаніями о пѣсняхъ временъ Грознаго и пѣснями казацкими.

Далѣе, находимъ пѣсни о поѣздкѣ царя въ Стокгольмъ, гдѣ, опять въ связи съ давними пѣсенными мотивами, излагается въ нѣсколько сказочномъ тонѣ отношеніе Петра къ Швеціи. Въ старомъ текстѣ пѣсенника Чулкова разсказывается только выѣздъ въ море; въ другихъ варіантахъ, а именно въ старой записи 1791 года, это начало развито въ цѣльный сюжетъ: царь въ видѣ купчины прибылъ къ шведскому королевству и гуляетъ въ Стокгольмѣ. Его узнали и донесли шведской королевнѣ; она выходила на красное крылечко:

Она семи земель царей портреты выносила,
По портрету царя Бѣлаго узнавала;
Закричала королевна громкимъ голосомъ:
— Ой вы гой еси, мои шведскіе генералы!
— Запирайте вы воротички покрѣпче,
— Вы ловите царя Бѣлаго скорѣе!

Но нашъ царь не пугался, догадался о шведскихъ замыслахъ и бросился на дворъ къ крестьянину и велѣлъ вести себя на край синя моря. За нимъ бросились погони, одна и другая; вторая погоня настигаетъ царя и проситъ его взять ее съ собою, потому что, если не возьметъ, то имъ, горькимъ, не быть живымъ на свѣтѣ (имъ конечно было сказано, чтобы безъ плѣнника не возвращались). И тутъ же вся погоня побросалась въ синее море, а царь возвратился во святую Русь.

Петровскія пѣсни отличаются вообще оригинальнымъ смѣшеніемъ старыхъ мотивовъ и новыхъ бытовыхъ подробностей. Петръ Алексѣевичъ—неизмѣнно „православный царь“, несмотря на то, что въ старину раскольники считали его антихристомъ, а въ новѣйшее время славянофилы—немногимъ лучше. Отношеніе къ нему — любовное и бережное; его обстановка отчасти старая, царская, московская, отчасти новая, питерская. Въ любопытныхъ пѣсняхъ о кончинѣ царя постоянно сливаются тѣ и другія черты. По однимъ пѣснямъ Петръ умиралъ въ Сан-Питерѣ, а по другимъ въ каменной Москвѣ.

Во славномъ городѣ во Сан-питерѣ
Стояли палаты бѣлокаменныя,
Во тѣхъ во палатахъ бѣлокаменныхъ
Состроена тутъ кроватушка тесовая,
На кроватушкѣ изголовьицо точеное,
Точеное, позолоченое,
На изголовьицѣ подушечки шелковыя,
Шелковыя и парчевыя,
На подушкахъ одѣяло соболивое
Того соболя сибирскаго,
Подъ одѣялечкомъ лежитъ удалый-добрый молодецъ,
Удалъ-добрый молодецъ, нашъ православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ.
Передъ нимъ стоятъ всѣ князья-бояре,
Всѣ старшіе фельдмаршалы.

Въ другой пѣснѣ опять очень оригинальны старые пѣсенные мотивы въ примѣненіи къ фельдмаршаламъ.

...Что возговоритъ надежда православный царь,
Всей ли же Россіи Петръ Алексѣевичъ:
— Ой вы гой еси, князья со боярами,
— Всѣ старшіе, любезные фельдмаршалы!
— Вы пьете—вы ѣдите готовое,
— Цвѣтное платье вы носите припасёное, —
— Ничего вы не знаете—не вѣдаете:
— Мнѣ же, царю, худо можется,
— Худо можется мнѣ, царю, конецъ идетъ.

Изъ пѣсенъ видно, что Петръ, повидимому, уже давно сталъ предметомъ не только пѣсенной поэзіи, такъ или иначе связанной съ дѣйствительностію, но и поэзіи чисто сказочной. Чрезвычайно любопытенъ въ этомъ отношеніи документъ, напечатанный С. М. Соловьевымъ [1]): изъ этого документа видно, что Петръ

[1]) Чтенія московскаго Общества исторіи и древностей, 1862, IV; смѣсь, стр. 2: Сказка о Петрѣ Великомъ.

еще въ живѣ, и даже въ самые первые годы царствованія, представлялся народному воображенію героемъ чисто сказочныхъ приключеній. Къ сожалѣнію, Соловьевъ не указывалъ (вѣроятно въ свое время не считалъ особенно удобнымъ указывать), откуда былъ взятъ имъ этотъ документъ; но по самому тексту надо думать, что онъ исходилъ изъ того же Преображенскаго приказа, который былъ тогда единственнымъ средствомъ узнавать народныя мысли. Въ тѣхъ раскольничьихъ показаніяхъ, какія приведены выше, мы видѣли уже примѣры настоящаго баснословія о Петрѣ; въ документѣ Соловьева мы находимъ также показаніе на допросѣ, и источникъ показанія — жена дворцоваго повара, слѣдовательно особа, падкая на интересные разсказы, но все-таки не изъ захолустья, а изъ ближайшихъ служителей. Замѣчательно, между прочимъ, что въ разсказѣ упоминается опять шведская королевна, которую мы встрѣтили уже въ пѣснѣ. Разсказъ былъ слѣдующій:

„704 года гулящій человѣкъ Никита Мининъ въ Преображенскомъ объявилъ: дворцоваго повара Якова Чуркина жена при немъ говорила: „Какъ государь и его ближніе люди были за моремъ, и ходилъ онъ по Нѣмецкимъ землямъ, и былъ въ Стекольномъ (Стокгольмъ), а въ Нѣмецкой землѣ Стекольное царство держитъ дѣвица, и та дѣвица надъ государемъ ругалась, ставила его на горячую сковороду и, снявъ съ сковороды, велѣла его бросить въ темницу. И какъ та дѣвица была имянинница, и въ то время князи ея и бояре стали ей говорить: „Пожалуй, государыня, ради такого своего дни выпусти его, государя“, и она имъ сказала: „Подите, посмотрите: буде онъ валяется (т.-е. еще живъ), и для вашего прошенія выпущу“. И князи и бояре, посмотря его, государя, ей сказали: „Томенъ, государыня!“ и она имъ сказала: „Коли томенъ, и вы его выньте“; и они его вынявъ, отпустили. И онъ пришелъ къ нашимъ боярамъ, и бояре перекрестились, сдѣлали бочку и въ ней набили гвоздья, и въ тое бочку хотѣли его положить, и про то увѣдалъ стрѣлецъ и прибѣжалъ къ государю къ постелѣ и говорилъ: „Царь, государь! изволь встать и вытти: ничего ты не вѣдаешь, что надъ тобою чинитца“, и онъ, государь, всталъ и вышелъ, и тотъ стрѣлецъ на постелю легъ на его мѣсто, и бояре пришли, и того стрѣльца съ постели схватя и положа въ тое бочку, бросили въ море“.

Приводя эту сказку, г. Безсоновъ замѣчаетъ, что „наши бояре“ были, конечно, не наши, а бояре изъ Стекольнаго царства и явились уже какъ порча сказанія, „какъ вставка, отражающая

извѣстное злорадство противной русской партіи"; отсюда же, вѣроятно, явился „стрѣлецъ" вмѣсто крестьянина.

Въ одной изъ Петровскихъ пѣсенъ спасителемъ Петра отъ бѣды является крестьянинъ; г. Безсоновъ предполагаетъ, что этотъ спасающій крестьянинъ выведенъ въ другой сказкѣ, которая была записана Рыбниковымъ.

„Наѣхалъ царь Петръ въ лѣсу на мужика: мужикъ дрова сѣкетъ. И говоритъ ему царь: „Божья ти помочь крестьянствовати!"—Мнѣ-ка надо Бога нà помочь!—„А велико ли у тебя, старичокъ, семейство?"—А семейство у меня двѣ дочери да два сына.—„Не велико жь твое семейство. Куда же ты деньги кладешь?"—Кладу я деньги на три статьи: во-первыхъ долгъ плачу, а въ другихъ въ долгъ даю, а въ-третьихъ въ воду мечу.—Царь призадумался, что̀ бъ это значило, что старикъ и въ долгъ даетъ, и долгъ платитъ, и въ воду мечетъ? И говоритъ ему старикъ:—Въ долгъ даю,—двухъ сыновей кормлю; долгъ плачу,—стараго отца и мать кормлю; а въ воду мечу,—двухъ дочерей кручу (наряжаю, чтобъ выдать замужъ). — Ну, — говоритъ ему царь,—умная ты голова, старичокъ. Будутъ со святой Руси бѣлые гуси, умѣй-ка щипать. А теперь сведи меня въ степи, я дороги не знаю". — Почто я тебя поведу? Найдешь самъ дорогу: иди прямо, сверни вправо, тутъ повороти влѣво, а тамъ опять вправо.—„Этой я грамоты,—говоритъ царь,—не знаю. Ты меня сведи".—А мнѣ, сударь, въ крестьянствѣ день дорого стоитъ.—„Дорого день стоитъ, да я тебѣ заплачу".—А заплатишь, такъ поѣдемъ!

„Сѣли они на одноколку и поѣхали. Дорогой сталъ царь мужичка выспрашивать: „Далече ль, мужичокъ, бывалъ?" — Коекуда бывалъ, сударь.—А видалъ ли царя?—Царя не видалъ, а надо-бъ посмотрѣть: согласился бы и помереть.—„Такъ смотри: въ степяхъ царь будетъ!"—А какъ я царя узнаю?—„Всѣ будутъ безъ шапокъ бѣгать: одинъ царь въ шапкѣ". Какъ пріѣхали въ степь, увидѣли люди царя, всѣ шапки подъ пазухи, бѣгомъ бѣгаютъ. А мужикъ ширитъ глаза; двое стоятъ въ шапкахъ; и спрашиваетъ: — Кто же царь?—Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: „Видно, кто-нибудь изъ насъ царь!"

Если эта сказка съ одной стороны напоминаетъ пѣсенный мотивъ о спасеніи царя крестьяниномъ, то съ другой примыкаетъ къ тѣмъ анекдотическимъ разсказамъ, которые хотѣли сохранять память о Петрѣ, какъ подлинную исторію. Къ сожалѣнію, эти разсказы еще не собраны въ одно цѣлое.

Такимъ образомъ, несмотря на всю великую тяжесть, какою отозвалась эпоха преобразованій для народной массы, народная поэзія, насколько она до сихъ поръ извѣстна, почитаетъ въ Петрѣ великаго православнаго царя. Должно думать, однако, что нынѣшній запасъ пѣсенъ и преданій о Петрѣ Великомъ далеко не полонъ и, быть можетъ, дальнѣйшіе поиски опредѣлятъ точнѣе и самый матеріалъ народнаго преданія, и его внутренніе мотивы.

А. Пыпинъ.

РАЗБИТАЯ ЛЮБОВЬ

Изъ Верлена.

Вѣтеръ порывистый, ночью минувшей,
Сбросилъ амура... и пустъ пьедесталъ.
Бѣдный ребенокъ, такъ шутку любившій,
Грудой обломковъ въ аллеѣ лежалъ.

Бѣдный ребенокъ! Для всѣхъ невидимкой
Въ забытой аллеѣ, сокрытъ межъ вѣтвей,
Съ своею плѣнительной, тонкой улыбкой
Свой лукъ исправлялъ для веселыхъ затѣй.

Ребенокъ смѣялся, но видъ его милый
Такъ много думъ важныхъ собой въ насъ будилъ...
Теперь его нѣтъ,—только вѣтеръ унылый
Тамъ мраморной пылью въ аллеѣ крутилъ.

И грустно мнѣ стало Амура паденье;
Ваятеля мысль заключалъ онъ въ себѣ,
Котораго имя, средь вѣтокъ сплетенья,
Съ трудомъ я нашелъ, разобравъ не вполнѣ.

Да, стерлось и имя. Кругомъ разрушенье...
Грядущее! Что ты сулишь для меня?
И съ грустію понялъ судьбы я рѣшенье:
Одинъ, нелюбимый, забытъ буду я.

Тебѣ также грустно, хоть взоръ твой безпечный
За бабочкой пестрой небрежно слѣдитъ,
Что блещетъ нарядомъ и къ бабочкѣ встрѣчной
Надъ грудой обломковъ въ аллеѣ летитъ.

Н. Г.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЯ АССОЦІАЦІИ

ВЪ

СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ

Современная консолидація капитала, въ формѣ акціонерныхъ компаній, синдикатовъ и трёстовъ, которой мы уже не разъ касались въ предъидущихъ статьяхъ [1]), постепенно и быстро распространяющаяся и обхватывающая самыя разнообразныя отрасли человѣческой дѣятельности, вызвала въ общественной жизни въ Америкѣ, какъ противовѣсъ, многія новыя явленія. Ея противники и жертвы борются противъ нея, главнымъ образомъ, ея же оружіемъ—тою же консолидаціей. Трудъ, прежде всего и сильнѣе всего остального почувствовавшій на себѣ результаты консолидаціи капитала, организовался въ видахъ самозащиты въ ремесленные союзы [2]), съ теченіемъ времени сплотившіеся въ могучія федераціи, все болѣе и болѣе вліяющія на политику и общественную жизнь страны и все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ успѣхомъ защищающія его интересы; слѣдомъ за нимъ пошелъ въ послѣднее время и производитель-земледѣлецъ, и путемъ организаціи и консолидаціи онъ стремится также къ своему освобожденію отъ ярма консолидированнаго капитала,—ярма, при существующихъ условіяхъ нерѣдко совершенно невыносимаго. Американскій фермеръ вообще гораздо независимѣе, самостоятельнѣе, и, главное, подвижнѣе европейскаго земледѣльца, не такъ безна-

[1]) См. статьи: „О трёстахъ“, „Вѣстникъ Европы“, ноябрь 1895, и „Еще о трёстахъ“, „Вѣстникъ Европы“, февраль 1896.

[2]) См. статью: „Рабочій вопросъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ“, „Вѣстникъ Европы“, октябрь и ноябрь 1894.

дежно консервативенъ, и, благодаря постоянно приливающимъ въ его составъ городскимъ, профессіональнымъ и ремесленнымъ силамъ, взамѣнъ постоянно отливающаго въ города молодого поколѣнія, страдаетъ гораздо меньше отъ свойственныхъ коренному во многихъ поколѣніяхъ земледѣльцу специфическихъ особенностей. Загнанность и забитость, и, какъ ихъ непосредственный результатъ, безнадежная апатія, болѣе или менѣе ярко характеризующія земледѣльческое населеніе вообще, можно сказать, почти совершенно неизвѣстны среди фермерскаго населенія Америки,— наоборотъ, во всѣхъ существенныхъ фазахъ ея политической и общественной исторіи именно оно и играло всегда такъ или иначе рѣшающую роль. И въ современномъ движеніи массъ противъ консолидированнаго капитала американскій фермеръ не остался позади, и въ настоящее время почти всѣ отрасли земледѣлія охвачены этимъ движеніемъ такъ или иначе, смотря по мѣстностямъ и условіямъ дѣла. Такъ, весь великій Сѣверо-Западъ, весь современный пшеничный районъ ополчился противъ желѣзно-дорожныхъ монополій, пытавшихся-было закабалить пшеничнаго фермера посредствомъ элеваторовъ, перевозочныхъ хлѣбныхъ тарифовъ и манипуляцій хлѣбными цѣнами въ главныхъ хлѣбныхъ центрахъ страны. Во многихъ мѣстностяхъ штатовъ Миннесоты, Эйоуэ, обѣихъ Дакотъ, Небраски, борьба эта уже привела къ организаціи по постройкѣ общественныхъ элеваторовъ и къ учрежденію штатныхъ желѣзно-дорожныхъ коммиссій, регулирующихъ и контролирующихъ перевозочные хлѣбные тарифы; въ то же время законодательныя палаты всѣхъ этихъ штатовъ, да и многихъ другихъ, серьезно и въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно успѣшно ограничили предѣлы биржевой хлѣбной спекуляціи и искусственнаго пониженія и повышенія хлѣбныхъ цѣнъ. Само собою разумѣется, что никакими законодательными актами не передѣлать спекулятивной вообще, крайне экспансивной и подвижной натуры настоящаго американца, и было бы нелѣпо ожидать какихъ-либо радикальныхъ измѣненій изъ этого источника; тѣмъ не менѣе нельзя не признать того факта, что спекулятивная горячка въ значительной степени задерживается такими мѣрами, напр., какъ повсемѣстное почти закрытіе въ послѣднее время такъ называемыхъ „bucket shops“, частныхъ конторъ въ провинціальныхъ городахъ, иногда самыхъ маленькихъ, соединенныхъ частными телеграфными проволоками съ главными хлѣбными центрами, и дающихъ, за извѣстную коммиссію, возможность и мѣстнымъ жителямъ ежечасно и съ большою легкостью и удобствомъ спекулировать на хлѣбной биржѣ страны.

За время своего развитія и существованія, эти bucket shops разорили массу народа, особенно въ рабочей и мелкой капиталистической средѣ, и главное, снабжали хлѣбную спекуляцію пищей и жертвами и тогда, когда центры и крупный капиталъ почему-либо воздерживались отъ нея.

На Югѣ, въ царствѣ хлопка и табака, движеніе земледѣльческихъ массъ противъ консолидаціи капитала высказалось нѣсколько иначе. До сихъ поръ, какъ крупные хлопковые бароны, такъ и мелкіе его бѣлые и черные производители, были всецѣло въ рукахъ крупныхъ коммиссіонерскихъ хлопковыхъ фирмъ, снабжавшихъ ихъ въ теченіе всего года товаромъ и деньгами подъ залогъ будущаго урожая. Система эта, одна изъ самыхъ ядовитыхъ и вредныхъ на всемъ земномъ шарѣ, на бывшемъ американскомъ рабовладѣльческомъ Югѣ въ сущности ничѣмъ не различествовала отъ самаго откровеннаго русскаго кабацкаго и ростовщическаго кулачества,—и каролинскіе и алабамскіе Колупаевы и Разуваевы отличались отъ своихъ русскихъ прототиповъ только внѣшностью и пріемами, а отнюдь не сущностью. Что такое явленіе со всѣми его отвратительными аттрибутами было возможно, хотя бы и временно, въ свободной и богатой Америкѣ,—объясняется исключительно тѣмъ ненормальнымъ, разъреннымъ въ концъ положеніемъ, въ которомъ находился рабовладѣльческій Югъ по окончаніи междоусобной войны 1861 — 1865 годовъ. Въ распоряженіи населенія оставалась только земля, и, отчасти, постройки, тамъ, гдѣ онѣ случайно не были сожжены или уничтожены войной, притомъ земля заложенная и перезаложенная до послѣдней крайности; не было ни денегъ, ни какой-либо движимости или инвентаря, начиная съ рабочаго скота. Большинство плантацій было даже или совершенно, или отчасти, но окончательно запущено,—запущено настолько, что для того, чтобы посѣять первый урожай, нужны были, сравнительно, значительныя средства на расчистку. Кромѣ того, весь соціальный, общественный и политико-экономическій строй былъ разрушенъ до самыхъ основаній, и пришлось создавать все съизнова. Прошло нѣсколько десятилѣтій, прежде чѣмъ страна успѣла придти хотя къ сколько-нибудь нормальнымъ условіямъ, — въ особенно несчастливыхъ мѣстностяхъ это переустройство все еще далеко не достигнуто. Настоящій бурбонъ-южанинъ и не умѣлъ, и не хотѣлъ работать—мало того, онъ былъ долгое время глубоко убѣжденъ, что безъ раба-негра земледѣліе на Югѣ вообще совершенно невозможно. Онъ погрузился въ безнадежную апатію, и доживалъ свой вѣкъ кое-какъ, только чтобъ не умереть съ голоду. Благодаря всему этому, почва

для самаго широкаго ростовщичества была долгое время самая благопріятная; и оно не преминуло съ теченіемъ времени опутать такъ или иначе все населеніе. Только когда выступило на общественную арену совершенно новое поколѣніе, успѣвшее болѣе или менѣе освободиться отъ традицій и предразсудковъ „добраго стараго времени“, стали появляться тамъ и сямъ попытки стряхнуть съ себя иго кулачества, съ теченіемъ времени приведшія къ организаціи современнаго фермерскаго союза—„Farmer's Alliance“. Этотъ союзъ прежде всего занялся организаціей общественныхъ лавокъ на кооперативныхъ началахъ, снабжающихъ фермеровъ всѣми необходимостями жизни; лавки эти, подъ именемъ „Alliance stores“, союзныхъ магазиновъ, распространились чрезвычайно быстро по всему югу и больше всего способствовали эмансипаціи южнаго фермера отъ ига кулаковъ. Управляются эти лавки выборными управляющими; закупки производятся центральными выборными же организаціями, оптомъ для цѣлыхъ районовъ изъ первыхъ рукъ, что, конечно, прежде всего значительно удешевило фермерскую жизнь вообще, и, въ то же время, сдѣлало фермеровъ дѣйствительными, а не фиктивными хозяевами своихъ продуктовъ, продаваемыхъ ими теперь по своему собственному усмотрѣнію. Это возвращеніе къ самостоятельному распоряженію своей судьбой удивительно подняло ихъ духъ и энергію, и, главное, возбудило въ самой значительной степени общественную и частную самодѣятельность и стремленіе къ высшимъ уровнямъ, и, въ то же время, повліяло крайне благотворно на всю ихъ обстановку и нравственную жизнь. Извѣстно, что ничто такъ быстро и существенно не облагораживаетъ человѣческую натуру, какъ сознаніе матеріальной самостоятельности и нравственной независимости, и, въ данномъ случаѣ, союзные магазины, достигнувъ безусловно своей прямой, непосредственной цѣли—освобожденія своихъ сочленовъ отъ крѣпостной зависимости отъ капитала,—несомнѣнно дали и болѣе широкіе, болѣе благодѣтельные въ общемъ смыслѣ результаты. Развитіе фермерскаго союза на Югѣ,—особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ, съ основаніемъ „популистской“ партіи, оставилъ политику въ сторонѣ и занялся борьбой съ консолидированнымъ капиталомъ на его же почвѣ и его же методами,—обѣщаетъ южному фермеру не только болѣе или менѣе обезпеченное благосостояніе, но и крайне существенное общее духовное возрожденіе послѣ многолѣтней вынужденной спячки, и всѣ истинные друзья „новаго юга“ слѣдятъ съ большимъ интересомъ за его успѣхами.

Со всѣмъ вышеизложеннымъ я знакомъ частію по наслышкѣ,

частію по газетамъ, и только весьма поверхностно по немногимъ личнымъ наблюденіямъ, такъ какъ жилъ я всегда въ городахъ и только случайно имѣлъ возможность такъ или иначе соприкасаться съ фермерскими элементами, въ теченіе же моей жизни въ южныхъ штатахъ никогда самъ не былъ членомъ фермерскаго союза. Только съ тѣхъ поръ, какъ я переселился въ деревню [1]) и самъ сдѣлался членомъ нашей мѣстной апельсинно-лимонной ассоціаціи, я серьезно занялся изученіемъ этихъ новыхъ американскихъ организацій производителей, а когда, прошлой осенью, меня выбрали президентомъ вновь организованной ассоціаціи нашего поселенія, получилъ возможность близко, на практикѣ, познакомиться и съ ихъ методами и пріемами до мельчайшихъ деталей, и нахожу ихъ настолько поучительными, а, главное, въ общихъ чертахъ примѣнимыми въ извѣстныхъ предѣлахъ и къ русскимъ, напримѣръ, порядкамъ, что настоящая статья, имъ посвященная, быть можетъ, окажется небезъинтересною и для русскаго читателя.

Апельсинно-лимонное производство южной Калифорніи—дѣло совершенно новое и только въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ принявшее коммерческіе размѣры; только въ 1891 году были отправлены отсюда на Востокъ первые 200 вагоновъ этихъ фруктовъ, а въ прошломъ 1895—96 году (сезонъ продолжается съ декабря по май)—уже 6.500 вагоновъ. На вагонъ полагается не менѣе 336 ящиковъ, емкостію въ два кубическіе фута и вѣсящихъ около 70 англійскихъ фунтовъ каждый; а такъ какъ, исключительно благодаря ассоціаціямъ, цѣна на апельсины лучшихъ сортовъ въ прошломъ году не опускалась ниже двухъ долларовъ за ящикъ на мѣстѣ, то и очевидно, что наши апельсинные производители получили за прошлый сезонъ не меньше четырехъ милліоновъ долларовъ—сумма крайне значительная, если принять въ соображеніе, что все населеніе южной Калифорніи не превышаетъ трехъ-сотъ-тысячъ душъ, и что едва одна десятая часть нашихъ апельсинныхъ садовъ достигла зрѣлости. Количество отправляемыхъ ежегодно изъ южной Калифорніи апельсиновъ возрастало и будетъ возрастать съ каждымъ годомъ въ очень быстрой пропорціи — рынокъ же остается все тотъ же, такъ какъ мы слишкомъ удалены не только отъ Европы, но и отъ самыхъ большихъ нашихъ при-атлантическихъ городовъ и густо населенныхъ мануфактурныхъ мѣстностей нашего собственнаго союза, и, при дорогой трансконтинентальной желѣзно-до-

[1]) См. статью: „Американская деревня“, „Вѣстникъ Европы“, январь, 1896.

рожной перевозкѣ, совсѣмъ не можемъ конкуррировать въ цѣнѣ съ итальянскими, вестъ-индскими и мексиканскими апельсинами, доставляемыми въ Нью-Іоркъ моремъ ни въ какомъ случаѣ не выше какъ за одну треть того, что̀ стоитъ эта перевозка намъ, а зачастую и почти совершенно даромъ. Въ періоды усиленнаго вывоза нашего хлѣба и другого сырья въ Европу и въ Центральную Америку, суда нерѣдко идутъ въ наши атлантическіе порты съ балластомъ, и, имѣя случай употребить вмѣсто него какой-либо грузъ, везутъ его иногда прямо даромъ. Въ 1887 году, при постройкѣ мною нѣсколькихъ линій желѣзныхъ дорогъ, я нашелъ всего выгоднѣе покупать стальныя болванки для выдѣлки рельсовъ въ Англіи и прокатывать ихъ на арендованномъ мною съ этою цѣлью рельсопрокатномъ заводѣ въ одномъ изъ приморскихъ городовъ штата Пенсильваніи—и я даже получилъ незначительную премію отъ цѣлаго десятка судовъ за право привести эти болванки какъ балластъ. Ихъ нагрузка и выгрузка стоила имъ дешевле, чѣмъ обыкновенный балластъ; они шли за хлѣбнымъ грузомъ именно въ этотъ портъ, и мой англійскій агентъ и самъ сдѣлалъ деньги, и доставилъ и мнѣ серьезное сбереженіе. Такіе факты очень нерѣдки, да и при самыхъ высокихъ трансатлантическихъ фрахтахъ, цѣна за кубическій футъ никогда еще не превышала 15 центовъ, т.-е. 30 центовъ за ящикъ апельсиновъ, тогда какъ отъ насъ до Нью-Іорка или любого при-атлантическаго городка перевозка ящика стоитъ не меньше 90 центовъ, и доходитъ до $ 1,15. Весь нашъ апельсинный урожай перевозится зимой, когда на высокихъ горныхъ плато̀ великой пустыни свирѣпствуютъ сильные морозы, и его приходится везти со скоростью пассажирскихъ поѣздовъ въ спеціально для этой цѣли построенныхъ, сравнительно очень дорогихъ, постоянно нагрѣваемыхъ вагонахъ, что̀, конечно, значительно поднимаетъ стоимость перевозки. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ и любимыхъ аргументовъ нашихъ протекціонистовъ служитъ именно производство апельсиновъ и лимоновъ въ южной Калифорніи; рабочій день у насъ стоитъ minimum полтора доллара золотомъ, тогда какъ въ Мексикѣ и на вестъ-индскихъ островахъ, особенно на Ямайкѣ, онъ стоитъ всего двадцать-пять центовъ серебромъ, т.-е. въ двѣнадцать разъ меньше, а въ Сициліи, по слухамъ и отчетамъ американскаго вице-консула въ Мессинѣ, и того меньше. Тарифъ Макъ-Кинлэя налагалъ на апельсины и лимоны пошлину въ $37\frac{1}{2}$ центовъ за кубическій футъ, т.-е. 75 центовъ на ящикъ; замѣнившій его въ 1893 г. тарифъ Вильсона-Гормана опустилъ ее до $7\frac{1}{2}$ центовъ за футъ,

т.-е. до 15 центовъ на ящикъ, такъ что, совсѣмъ оставляя въ сторонѣ разницу въ цѣнахъ на трудъ и принимая въ соображеніе только разницу въ цѣнѣ на перевозку, первый только уравнивалъ наши шансы съ заграничной конкурренціей, между тѣмъ какъ второй, настоящій, очевидно, даетъ ей значительное преимущество. Розничная цѣна на эти фрукты осталась все та же, несмотря на перемѣну тарифа, такъ что потребитель не выигрывалъ рѣшительно ничего, и въ барышахъ остаются одни импортёры, держащіе въ своихъ рукахъ заграничную фруктовую торговлю, получившіе полную возможность контролировать оптовыя цѣны по своему усмотрѣнію и вліять на нихъ по мѣрѣ надобности самымъ разорительнымъ образомъ для калифорнскаго производителя. До сезона 1895 года штатъ Флорида производилъ до 5 милліоновъ ящиковъ и принималъ горячее участіе въ нашей войнѣ противъ заграничнаго ввоза—но осенью этого года страшный морозъ окончательно уничтожилъ въ немъ всѣ апельсинные и лимонные сады, и мы съ тѣхъ поръ, и вѣроятно на долгое время, остались единственными производителями этихъ фруктовъ въ коммерческихъ количествахъ въ предѣлахъ всего Союза.

Цѣны на лимоны и въ особенности на апельсины подвержены самымъ серьезнымъ колебаніямъ, благодаря скоропортящимся ихъ свойствамъ; ихъ нельзя свалить въ сарай и пережидать переполненія рынка, а необходимо продавать немедленно, и потому правильное и систематическое снабженіе рынковъ имѣетъ особенное значеніе для поддержанія цѣнъ на извѣстномъ уровнѣ; не справляющійся съ этимъ факторомъ свободный заграничный ввозъ, не подлежащій контролю американскаго производителя и руководствующійся нерѣдко дешевыми морскими фрахтами, уже по одному этому естественно дѣлается самымъ главнымъ его врагомъ. Въ то же время единичный производитель абсолютно безсиленъ противъ всѣхъ этихъ общихъ, такъ сказать, государственныхъ факторовъ,—какая-либо борьба съ ними для него одного немыслима, и объединеніе продукта дѣлается самой настоятельной необходимостью. До образованія нашихъ настоящихъ апельсинно-лимонныхъ ассоціацій производителей къ такому же объединенію стремились восточные капиталисты, фруктовые импортёры; контролируя такъ или иначе заграничный ввозъ, они, благодаря этому, пытались монополизировать юное и постоянно возраставшее калифорнское производство; но ихъ методы были такъ себялюбивы и разорительны для насъ, такъ очевидно разсчитывали на наше подчиненіе силѣ золота, не при-

нимая въ соображеніе ничего другого,—а, главное, самодѣятельности американскаго фермера,—что съ теченіемъ времени вызвали сильное броженіе, и, наконецъ и успѣшную консолидацію производителя.

Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ главными мотивами къ консолидаціи послужили почти свободный заграничный ввозъ и манипуляціи капитала. Главными цѣлями первыхъ ассоціацій было стремленіе къ общей работѣ въ пользу поднятія пошлинъ и къ эмансипаціи отъ когтей восточныхъ воротилъ, — затѣмъ, правильное снабженіе рынковъ съ цѣлью поддержанія цѣнъ, и наконецъ, обезпеченіе каждому отдѣльному производителю среднихъ цѣнъ на его продуктъ. Практическая работа ассоціацій съ теченіемъ времени вызвала собою цѣлую массу самыхъ разнообразныхъ второстепенныхъ деталей, усовершенствованіе методовъ упаковки и отправки, правила классификаціи фруктовъ по качеству и размѣру, и т. д., и, кромѣ того, самымъ существеннымъ образомъ повліяла и на объединеніе и другихъ интересовъ фермеровъ—словомъ, соединила ихъ быстрѣе и сильнѣе, чѣмъ это могло бы сдѣлать что-либо другое.

Первая успѣшная ассоціація была организована въ теченіе сезона 1892—93 годовъ. За урожай предшествовавшаго сезона калифорнскіе производители не получили почти ничего. Восточные оптовые фруктовые торговцы сначала почти совершенно игнорировали новый источникъ предложенія, отказывались покупать продуктъ на мѣстѣ и требовали отправки его за счетъ и страхъ владѣльца на Востокъ и продажи его тамъ ими изъ извѣстной коммиссіи. Производитель упаковывалъ фруктъ на свой счетъ, платилъ желѣзно-дорожный фрахтъ, а восточный купецъ продавалъ его тамъ по своему усмотрѣнію, безъ всякаго для себя риска, и удерживалъ изъ полученной суммы свою коммиссію. Будучи въ то же время всегда и импортеромъ заграничнаго продукта, въ которомъ онъ былъ непосредственно заинтересованъ, онъ, само собой разумѣется, распоряжался и рынкомъ, и полученнымъ на коммиссію товаромъ, ни въ какомъ случаѣ не въ убытокъ своему собственному — и въ результатѣ калифорнскіе отправители очень часто не только не получали ни гроша за свои апельсины, но и еще оказывались въ долгу за расходы по упаковкѣ и отправкѣ. Были прослѣжены и доказаны факты очевидной недобросовѣстности со стороны коммиссіонеровъ—но судьбища за тридевять земель были плохимъ утѣшеніемъ за прямые убытки. Кромѣ того, оказались случаи или неправильной классификаціи, или неумѣлой упаковки, испортившей фруктъ — а

также задержекъ въ доставкѣ со стороны желѣзныхъ дорогъ, имѣвшихъ тотъ же результатъ. Были примѣры, что хорошій урожай разорялъ владѣльца, благодаря всѣмъ этимъ неожиданностямъ, и до того момента, когда хозяинъ получалъ отчетъ о продажѣ послѣдняго транспорта, онъ не зналъ, получитъ ли онъ что-нибудь за свой продуктъ, и не придется ли закладывать плантацію, чтобы отдѣлаться отъ отправленнаго на Востокъ урожая. Кромѣ того, мелкіе производители, не имѣвшіе достаточно продукта разныхъ сортовъ для цѣлыхъ вагоновъ, были всецѣло въ рукахъ появившихся съ теченіемъ времени мелкихъ мѣстныхъ скупщиковъ, распоряжавшихся съ ними съ самой очевидной безцеремонностью; а въ началѣ мелкихъ производителей, понятно, было огромное большинство. Сезонъ 1891—92 годовъ оказался особенно убыточнымъ; выплыли наружу цѣлые десятки самыхъ неутѣшительныхъ и для будущаго фактовъ, и эти-то неудачи и положили начало организаціи первыхъ ассоціацій. Первымъ шагомъ къ ихъ осуществленію оказалась необходимость легализаціи самаго ихъ существованія: законодательство Калифорніи допускало только корпораціи или для барышей — stock company for profit—или съ общественно-благотворительными цѣлями—въ родѣ церковныхъ, образовательныхъ, научныхъ и тому подобныхъ организацій. Въ данномъ случаѣ, начало было совершенно другое, кооперативное—требовалось создать такую юридическую личность, которая могла бы покупать, продавать, искать, отвѣчать, но безъ какого-либо установленнаго капитала, и дѣятельность и окончательные разсчеты которой могли бы ограничиваться однимъ сезономъ. Такъ какъ дѣло было совершенно новое, экспериментальное, то никто не желалъ связывать себя больше, чѣмъ на одинъ сезонъ. Законодательство штата провело такой актъ, который съ тѣхъ поръ былъ значительно расширенъ и усовершенствованъ, сообразно выяснившимся на практикѣ требованіямъ. Главныя его основанія состоятъ въ слѣдующемъ: ни установленнаго капитала, ни акцій не полагается; членомъ можетъ быть, по собственному желанію, каждый производитель, безъ выбора, по взносѣ установленнаго ассоціаціей членскаго взноса—на практикѣ взносъ этотъ чисто номинальный, не свыше двадцати-пяти центовъ—и согласіе на подчиненіе выработаннымъ ассоціаціей для своего внутренняго управленія правиламъ, by-laws; принадлежность къ ассоціаціи ограничивается однимъ сезономъ, но какъ поступить, такъ и выйти изъ нея можно только въ теченіе двухнедѣльнаго, какъ разъ предшествующаго сезону, періода; установленіе внутреннихъ правилъ предоставлено вполнѣ самимъ

ассоціаціямъ, на основаніи общихъ законовъ о корпораціяхъ; мѣстныя ассоціаціи могутъ образовать изъ себя одну общую для всего производительнаго района, имѣющую руководствоваться особыми внутренними правилами, какъ и мѣстныя.

Со времени проведенія этого акта, число мѣстныхъ ассоціацій все возрастаетъ, и для дѣятельности настоящаго сезона больше двухъ-третей всѣхъ апельсинныхъ и лимонныхъ производителей южной Калифорніи принадлежатъ къ нимъ, и ихъ насчитывается уже нѣсколько десятковъ. Всѣ они состоятъ въ то же время членами одной общей, центральной организаціи, называемой Southern California Fruit Exchange, въ которой каждая мѣстная ассоціація имѣетъ своего выборнаго представителя, и изъ нихъ составляется общій совѣтъ, завѣдующій продажей всего продукта. Не организованы только мѣстности, въ которыхъ садовъ или слишкомъ мало, или они еще молоды, такъ что фруктовъ слишкомъ мало, чтобы заниматься самостоятельно упаковкой и отправкой, да держатся особнякомъ такія лица, которыя почему-либо предпочитаютъ завѣдывать сами продажей своего продукта. Какъ въ дѣлѣ консолидаціи труда, такъ и въ дѣлѣ консолидаціи производителей, всегда, къ несчастію, будутъ лица, ставящія свои личные интересы выше общественныхъ и своимъ отщепенствомъ задерживающія общій прогрессъ. Благодаря частію изолированнымъ мѣстностямъ и садамъ, частію этимъ эгоистическимъ личностямъ, нѣсколько меньше одной трети южно-калифорнскаго продукта апельсиновъ и лимоновъ все еще находится въ частныхъ рукахъ, и иногда значительно мѣшаетъ общему успѣху; но съ каждымъ годомъ ихъ дѣлается все меньше и меньше, и не подлежитъ сомнѣнію, что съ теченіемъ времени они и совсѣмъ исчезнутъ, и наши ассоціаціи окажутся полными хозяевами положенія.

Такъ какъ организація и внутреннія правила мѣстныхъ ассоціацій различествуютъ между собою только въ самыхъ незначительныхъ деталяхъ, то я и перейду къ описанію ассоціаціи Кукамонги, извѣстной подъ именецъ Cucamonga Citrus Fruit Assossiation, президентомъ которой я состою въ настоящее время и дѣятельность которой мнѣ знакома до самыхъ мелочей.

До настоящаго сезона апельсинные и лимонные производители нашего населенія принадлежали къ ассоціаціи сосѣдняго поселенія Онтаріо, старшаго по времени основанія и болѣе населеннаго, и намъ приходилось возить наши фрукты за 5—8 миль, для упаковки и отправки изъ тамошняго складочнаго дома. Въ нынѣшнемъ году и въ нашемъ поселеніи многіе сады до-

стигли зрѣлости, и количество фруктовъ увеличилось настолько, что общимъ митингомъ производителей, созваннымъ съ этой цѣлью, было рѣшено организовать свою собственную мѣстную ассоціацію и выстроить особый складочный домъ для упаковки и отправки. Съ этой послѣдней цѣлью была немедленно организована особая акціонерная компанія, обязавшаяся выстроить нужныя постройки, снабдить ихъ необходимыми принадлежностями и затѣмъ арендовать ихъ ассоціаціи изъ 15% ежегодной ренты на ихъ дѣйствительную стоимость. Затѣмъ, подписями почти всѣхъ безъ исключенія апельсинныхъ и лимонныхъ производителей поселенія была организована самая ассоціація и былъ выбранъ совѣтъ директоровъ—Board of directors,—по закону составляющій законодательную власть корпораціи,—изъ семи членовъ, для службы въ теченіе этого сезона. Этотъ совѣтъ выбралъ изъ своего состава президента, секретаря и казначея—власть исполнительную, завѣдующую всѣмъ дѣлопроизводствомъ ассоціаціи, и назначилъ управляющаго дѣлами. Всѣ чины, кромѣ этого послѣдняго, служатъ безъ всякаго вознагражденія, а управляющій нанимается на время сезона помѣсячно, слѣдитъ за вызрѣваніемъ фруктовъ въ разныхъ садахъ, за ихъ сборомъ, упаковкой и отправкой. Весь этотъ составъ выбирается ежегодно на каждый сезонъ, такъ какъ предполагается, что составъ членовъ ассоціаціи можетъ измѣняться съ каждымъ сезономъ. Каждый членъ располагаетъ однимъ голосомъ, сколько бы фруктовъ у него ни было; доставляющій 50 ящиковъ имѣетъ такой же голосъ въ дѣлахъ ассоціаціи, какъ и доставляющій цѣлые десятки тысячъ; но на практикѣ какъ въ члены совѣта директоровъ, такъ и въ составъ исполнительной власти выбираются неизмѣнно самые крупные производители, такъ какъ предполагается, что ихъ интересы затронуты наиболѣе, и что благодаря этому они будутъ принимать болѣе активное участіе въ дѣлѣ и такимъ образомъ и мелкій производитель окажется болѣе или менѣе обезпеченнымъ въ успѣхѣ. Президентъ предсѣдательствуетъ какъ на всѣхъ общихъ митингахъ ассоціаціи, такъ и въ засѣданіяхъ совѣта директоровъ, который онъ собираетъ по мѣрѣ надобности и помимо срочныхъ засѣданій; ему принадлежитъ право надзора за всѣми дѣлами, за книгами и за нанятыми служащими ассоціаціи; секретарь ведетъ протоколы засѣданій и книги, и скрѣпляетъ своей подписью всѣ документы и чеки; казначей завѣдуетъ фондами, но всѣ платежи должны быть подписаны президентомъ и секретаремъ. Совѣтъ директоровъ составляетъ внутреннія правила для руководства дѣлами ассоціаціи, но они должны быть утверждены

общимъ собраніемъ членовъ, и затѣмъ зарегистрованы въ окружномъ судѣ для всеобщаго свѣдѣнія. Для ихъ послѣдующаго измѣненія и дополненія требуется большинство двухъ третей голосовъ всѣхъ членовъ ассоціаціи, и каждое такое дополненіе или измѣненіе должно быть немедленно зарегистровано. Эти внутреннія правила, доставляющія полную автономію всякой отдѣльной ассоціаціи (имъ, разъ они не противорѣчатъ прямымъ законамъ штата, въ сущности нѣтъ предѣла), и составляютъ тотъ кодексъ, которымъ руководствуются эти ассоціаціи въ своей дѣятельности; законъ только требуетъ ихъ зарегистрованія, чѣмъ они дѣлаются публичнымъ достояніемъ, и всякое частное лицо, имѣющее какія-либо дѣла съ этими ассоціаціями, такимъ образомъ получаетъ возможность узнать, какими именно правилами онѣ руководствуются въ своей дѣятельности.

До открытія сезона, управляющій ассоціаціи обязанъ составить по возможности точную смѣту ожидаемаго урожая, опредѣляющую какъ сроки созрѣванія, такъ и предполагаемые количества и сорта. Вызрѣваніе апельсиновъ зависитъ частію отъ погоды, частію отъ мѣстности; въ подножіяхъ горъ они вызрѣваютъ гораздо раньше, чѣмъ въ глубинѣ долинъ, и ранніе фрукты, поспѣвающіе для доставки въ восточные города къ рождественскимъ праздникамъ, цѣнятся особенно высоко. Смѣты управляющихъ мѣстныхъ ассоціацій доставляются немедленно въ центральную организацію, которая и распоряжается соотвѣтственно имъ приказами на сборъ и продажей продукта. Съ теченіемъ сезона смѣты эти постоянно исправляются и дополняются, въ разгаръ сезона почти ежедневно; центральной организаціи для успѣшнаго распредѣленія необходимы самыя точныя свѣдѣнія, такъ какъ ошибки въ этомъ направленіи иногда обходятся очень дорого—или контракты не могутъ быть своевременно выполнены, или оказывается слишкомъ много необезпеченнаго спросомъ продукта. Вообще, дѣятельность центральной организаціи крайне щекотлива и требуетъ большой прозорливости и опытности; всего больше нареканій со стороны членовъ-производителей сыплется именно на нее, и удачный личный составъ этого учрежденія оказывается самымъ существеннымъ факторомъ въ общемъ успѣхѣ дѣла.

Центральная организація является единственнымъ агентомъ мѣстныхъ по продажѣ продукта. Она слѣдитъ за рынкомъ и за спросомъ, и имѣетъ своихъ агентовъ во всѣхъ большихъ центрахъ Союза. За послѣдніе года ея главной цѣлью было стремленіе установить продажу на мѣстѣ за наличныя деньги вмѣсто еще такъ недавно бывшаго исключительнымъ метода отправки

на коммиссію. Эта цѣль еще далеко не вполнѣ достигнута: когда товаръ на рынкахъ Востока подберется, начинается покупка на мѣстѣ; но какъ только заграничный ввозъ ихъ запруживаетъ, тамошніе торговцы отказываются отъ прямой покупки, и по неволѣ опять приходится прибѣгать къ коммиссіоннымъ отправкамъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что спросъ на апельсины увеличивается съ каждымъ годомъ—въ Америкѣ они уже сравнительно давно перестали быть предметомъ роскоши, какъ въ большей части Россіи, и сдѣлались уже всеобщей потребностью; даже хлопчатобумажные фабричные рабочіе, трудъ которыхъ оплачивается здѣсь обыкновенно ниже всѣхъ другихъ, не считаютъ полуденнаго лѣнча за лѣнчъ безъ пары апельсиновъ на закуску, и имѣлась бы полная возможность поддерживать круглый годъ извѣстную опредѣленную, резонную оптовую цѣну, еслибъ не спазмодически усиливающееся по временамъ предложеніе, когда цѣлые корабельные грузы предлагаются чуть не даромъ, не возвращая иностраннымъ отправителямъ даже расходовъ на упаковку и только доставляя наживу коммиссіонерамъ-импортерамъ. Это ненормальное колебаніе цѣнъ—результатъ не перепроизводства продукта, а неумѣлости и безразсчетности заграничныхъ производителей и жадности американскихъ коммиссіонеровъ—въ настоящее время является главнымъ врагомъ нашей центральной организаціи, и нужно будетъ не одно возвышеніе ввозныхъ пошлинъ для того, чтобы успѣшно съ нимъ справиться.

Центральная организація, руководствуясь вышеупомянутыми смѣтами продукта, доставляемыми ей управляющими мѣстныхъ ассоціацій, распредѣляетъ сборъ и отправку сообразно спросу, при чемъ соблюдается самая строгая равномѣрность, смотря по количеству общаго требованія и готоваго къ отправкѣ продукта въ извѣстной ассоціаціи; приказы посылаются по телеграфу, и какъ день и часъ отправки, такъ и качество и сорта нужныхъ для пополненія извѣстнаго заказа фруктовъ опредѣляются этими приказами и строго выполняются мѣстными управленіями. Разсматривая дѣлопроизводство нашей центральной организаціи, я былъ искренно удивленъ его систематичностью и точностью; въ разгаръ сезона, когда спросъ усиленный, и отправка достигаетъ нѣсколькихъ сотъ вагоновъ въ день, когда смѣты приходится передѣлывать и конденсировать каждый день, необходимы самая мелочная тщательность и безупречная аккуратность, чтобы не надѣлать крупныхъ промаховъ, не перемѣшать заказовъ и не обидѣть какъ-нибудь ту или другую мѣстную ассоціацію, а все

дѣло ведется тремя нанятыми клерками и президентомъ, т.-е. всего четырьмя лицами!

По полученіи приказа центральной организаціи на отправку стольких-то вагоновъ такого-то сорта, управляющій мѣстной ассоціаціи въ свою очередь разсылаетъ членамъ приказы на доставку, обозначая нужное количество и срокъ. Фрукты принимаются отъ производителей складочнымъ домомъ ассоціаціи по вѣсу, каждый возъ подъ особую занумерованную росписку, и всѣ разсчеты производятся ассоціаціями съ фунта. Принятый возъ немедленно сортируется особыми экспертами по качеству; установлено всего четыре сорта и производитель кредитуется вѣсомъ каждаго отдѣльнаго сорта для каждаго доставленнаго имъ воза. Сборъ производится въ особые мѣшки, чтобы фрукты не портились отъ движеній сборщика, складывается затѣмъ для доставки въ особые ящики и долженъ доставляться непремѣнно въ рессорномъ экипажѣ, хотя дороги у насъ безусловно изрѣзанныя; тряска при перевозкѣ неизбѣжно царапаетъ нѣжную корку, портитъ наружный видъ и соотвѣтственно уменьшаетъ стоимость. Сортировка по качеству производится крайне осмотрительно и добросовѣстно, и какъ центральной организаціей, такъ и мѣстными управленіями на это обращается наибольшее вниманіе. Каждый апельсинъ первыхъ трехъ сортовъ завернутъ въ особую бумажку, на которой отпечатано имя ассоціаціи, затѣмъ упакованъ въ глухой ящикъ съ ея же клеймомъ; снаружи фрукта не видать совсѣмъ, и продается онъ съ ручательствомъ за правильность сортировки; покупатель имѣетъ право отказаться отъ вагона, если сортировка не только неправильна, но и хоть сколько-нибудь небрежна. Въ этомъ отношеніи торговая добросовѣстность въ Америкѣ не только безупречна, но и прямо щепетильна, и мѣстныя ассоціаціи отлично сознаютъ всю важность поддержки репутаціи своего продукта на главныхъ рынкахъ страны,—только этимъ именно путемъ онѣ и могутъ разсчитывать на сколько-нибудь успѣшную конкурренцію съ дешевымъ заграничнымъ товаромъ, обыкновенно вовсе не сортированнымъ и доставляемымъ сюда въ самыхъ разнообразныхъ, часто очень неудобныхъ тарахъ, бочкахъ, корзинахъ и т. д., безъ надлежащаго разбора и браковки. Мексиканскіе и въ особенности вестъ-индскіе апельсины почти всегда перепаковываются въ Нью-Іоркѣ, съ потерей часто до 50% цѣлаго, тогда какъ носящіе клеймо нашихъ ассоціацій продаются всегда цѣликомъ, и мнѣ, по крайней мѣрѣ, никогда не приходилось слышать или читать о жалобахъ на нашу сортировку.

Вслѣдъ за ручной сортировкой по качеству, апельсины поступаютъ на довольно сложную машину, сортирующую ихъ по величинѣ на цѣлыхъ 12 сортовъ — отъ 74 штукъ до 250 на ящикъ. Первые два сорта по величинѣ—74 и 96 на ящикъ,—считаются браковкой; какъ бы хороши они ни были, они невыгодны въ розничной продажѣ, и оптовая ихъ цѣна всегда на 25% дешевле другихъ. Затѣмъ, установленный практикой, такъ-называемый standard car, т.-е. нормальный вагонъ, долженъ состоять изъ 336 ящиковъ; остальныхъ 10 сортовъ по величинѣ, не больше 15% каждаго въ отдѣльности, но съ тѣмъ, что если въ вагонѣ 15% самаго крупнаго сорта, то должно быть и 15% самаго мелкаго, такъ что общее число апельсиновъ по счету въ каждомъ вагонѣ остается приблизительно одно и то же. Какъ я уже упоминалъ, каждый ящикъ имѣетъ снаружи клеймо упаковавшей его ассоціаціи и обозначеніе сорта по качеству и по числу апельсиновъ на ящикъ, такъ что получившій на Востокѣ вагонъ торговецъ сразу можетъ видѣть, что̀ именно заключается въ каждомъ ящикѣ. Сорта̀ по величинѣ разсчитаны такимъ образомъ, что извѣстное число наполняетъ ящикъ цѣликомъ, особая машина плотно заколачиваетъ крышку, такъ что фруктъ плотно прилегаетъ одинъ къ другому, не можетъ тереться и портиться отъ сотрясенія,—все разсчитано такъ, что хорошо упакованный ящикъ составляетъ какъ бы одно цѣлое, и ничто въ немъ не шелохнется. Въ вагонѣ ящики укладываются не сплошь, а такъ, что каждый изъ нихъ доступенъ воздуху со всѣхъ сторонъ, кромѣ дна—иначе фруктъ можетъ сдѣлаться затхлымъ дорогой и утратить свою настоящую стоимость. Словомъ, самая незначительная мелочь принята въ соображеніе и неизмѣнно тщательно исполняется, и только благодаря этой всесторонней осмотрительности калифорнскій апельсинъ всегда доходитъ до рынка въ первоклассномъ состояніи, приноситъ наивысшую цѣну и требуется разборчивымъ покупателемъ предпочтительно передъ всякимъ другимъ.

Мнѣ хорошо извѣстно, что апельсины не ростутъ въ Россіи въ коммерческихъ количествахъ, за исключеніемъ, можетъ быть, незначительнаго батумскаго округа, и я пустился во всѣ эти подробности только потому, что, думаю, — методы эти приложимы и ко всякому другому земледѣльческому продукту, почти безъ исключенія. Мѣстныя условія и требованія, а также свойства продукта, могутъ сдѣлать необходимыми соотвѣтственныя измѣненія въ способахъ и деталяхъ, но методы дѣла, мнѣ кажется, могутъ пригодиться гдѣ бы то ни было и для чего бы то ни было.

Центральная организація, получивъ деньги, препровождаетъ ихъ по разсчету управленіямъ мѣстныхъ ассоціацій, которыя и распредѣляютъ ихъ между своими сочленами. Разсчетъ, какъ я уже упомянулъ выше, производится на фунты, по каждому сорту отдѣльно, при чемъ за весь сезонъ каждый членъ получаетъ одинаковую плату за каждый сортъ—среднюю за весь сезонъ. Колебаніе цѣнъ въ теченіе сезона такимъ образомъ не отзывается на единичномъ производителѣ,—онъ получаетъ среднюю цѣну за весь сезонъ, когда бы и по какимъ бы цѣнамъ ни былъ проданъ именно его продуктъ. Ассоціаціи завелись еще такъ недавно, заграничный ввозъ такъ великъ—въ теченіе прошлаго года слишкомъ на одиннадцать милліоновъ долларовъ—и, главное, распредѣляется по времени привоза такъ неравномѣрно, иногда совершенно запруживая рынокъ,—что всѣ преимущества покупки у калифорнской Fruit Exchange, какъ они ни велики, все еще нерѣдко уступаютъ иностранному наплыву и производимому имъ пониженію цѣнъ. Колебанія оптовыхъ цѣнъ все еще бываютъ крайне существенны и, главное, внезапны; нѣсколько прибывшихъ одновременно корабельныхъ грузовъ, особенно если фруктъ въ нихъ началъ портиться, сразу опускаютъ цѣну нерѣдко на цѣлыхъ 50%, и коммиссіонныя отправки центральной организаціи жестоко страдаютъ по временамъ отъ этихъ колебаній и спускаютъ среднюю цѣну за сезонъ. Но эти убытки уже не несутся теперь единичными производителями, а распредѣляются равно на весь районъ, и въ концѣ концовъ все-таки получается довольно солидная и, главное, обезпеченная средняя цѣна, чрезвычайно благодѣтельно стимулирующая все производство.

Выплата денегъ членамъ производится помѣсячно, а иногда и чаще, по мѣрѣ накопленія денегъ, въ теченіе сезона по приблизительной, консервативной смѣтѣ, реализируемой за каждый сортъ цѣны; затѣмъ, по окончаніи сезона, производится окончательная раскладка всѣхъ скопившихся остатковъ, и обыкновенно въ іюнѣ мѣсяцѣ всѣ счеты заключаются, и дѣятельность ассоціацій замираетъ до слѣдующаго ноября.

До сихъ поръ расходы ассоціацій на управленіе были крайне незначительны. Въ сущности, вся администрація, кромѣ управляющихъ, нанимаемыхъ временно на сезонъ, служитъ даромъ, и дѣйствительный расходъ сводится на наемъ помѣщеній и упаковку, т.-е. на такія статьи, безъ которыхъ, какъ бы то ни было, нельзя было бы двинуть продукта на рынокъ. И въ этомъ отношеніи соблюдается самая строгая экономія, и расходъ этотъ чувствительно понижается съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того

какъ совершенствуются методы и, главное, увеличивается количество продукта. Пять лѣтъ тому назадъ, ящикъ и его упаковка стоили полдоллара, а нынѣшній сезонъ всѣ расходы, какъ на упаковку, такъ и на содержаніе центральной и мѣстныхъ организацій, не превышаютъ сорока центовъ на ящикъ, а самая упаковка стоитъ всего 28—30 центовъ за ящикъ, включая рѣшительно все.

Несмотря на свою сравнительную юность, наши ассоціаціи успѣли уже оказать самое благодѣтельное вліяніе и на многія другія, побочныя, стороны дѣла. Такъ, тогда какъ единичные производители были совершенно безсильны въ своихъ сношеніяхъ съ желѣзно-дорожными управленіями, ассоціаціи уже добились и постоянно добиваются отъ нихъ самыхъ существенныхъ уступокъ. Онѣ настояли на организаціи особыхъ фруктовыхъ поѣздовъ, идущихъ со скоростью пассажирскихъ по строго опредѣленному росписанію; неизмѣнно добиваются убытковъ въ случаяхъ задержекъ въ перевозкѣ и малѣйшей небрежности въ отопленіи вагоновъ; наконецъ, вынудили ихъ къ постройкѣ достаточнаго числа спеціальнаго подвижного состава, приспособленнаго исключительно къ перевозкѣ фруктовъ. Несмотря на всѣ эти серьезныя уступки, цѣна за перевозку вагона не только не повысилась за послѣднія пять лѣтъ, но и, въ среднемъ, даже понизилась, а главное, она сдѣлалась одинаковой для всего продукта, тогда какъ прежде почему-либо вліятельный производитель пользовался преимуществами за счетъ своего болѣе слабаго собрата.

Другимъ, и въ высшей степени существеннымъ, преимуществомъ консолидаціи производителей оказалась возможность вліять на законодательство, какъ штатное, такъ и, въ особенности, федеральное. Когда тарифъ Макъ-Кинлэя былъ замѣненъ тарифомъ Вильсона-Гормана,—о чемъ я уже подробно говорилъ выше,—въ защиту калифорнскаго производителя не было возвышено ни одного голоса. Единичные интересы не были настолько значительны, чтобы частный производитель могъ ѣхать въ Вашингтонъ на свой счетъ и хлопотать передъ конгрессіональной тарифной коммиссіей. Вышеупомянутое сильное пониженіе тарифа состоялось только потому, что демократическая партія стремилась хоть на чемъ-нибудь доказать свое фритредерство, а Калифорнія была далеко, не имѣла въ конгрессѣ вліятельныхъ друзей и не заявила ни малѣйшаго организованнаго протеста. Теперь, съ феноменальной побѣдой на прошлыхъ ноябрьскихъ выборахъ протек-

ціонныхъ принциповъ республиканской партіи, и главное, съ прочной, могучей организаціей апельсинно-лимонныхъ производителей, мы оказались въ совершенно другомъ положеніи — передъ тарифной коммиссіей явится сильный комитетъ отъ нашихъ ассоціацій, и борьба за существенное и немедленное повышеніе тарифа, которое сравнило бы насъ съ иностранными конкуррентами, по всѣмъ вѣроятностямъ окажется вполнѣ успѣшной, а такая побѣда дастъ намъ возможность и расширить, и улучшить во всѣхъ отношеніяхъ наше главное производство, основу благосостоянія всей южной Калифорніи съ ея быстро увеличивающимся населеніемъ.

Примѣру апельсинно-лимонныхъ ассоціацій послѣдовали почти всѣ другія южно-калифорнскія земледѣльческія производства. Организовались ассоціаціи изюмныя, винныя, картофельныя, и т. д. Всѣ онѣ работаютъ на тѣхъ же общихъ основаніяхъ, примѣняясь, конечно, къ потребностямъ и условіямъ своего собственнаго дѣла. Особеннымъ успѣхомъ ознаменовалась дѣятельность винныхъ ассоціацій, хотя онѣ и моложе всѣхъ другихъ. Винодѣліе у насъ очень распространено,—воздѣлываются рѣшительно всѣ сорта винограда, въ каждомъ поселеніи есть значительные погреба, и выдѣлываются всѣ сорта винъ, начиная съ шампанскаго, высокихъ хересовъ и портвейновъ, и кончая дешевыми столовыми красными и бѣлыми винами. Нѣкоторыя изъ нихъ безукоризненно хороши, и едва ли уступаютъ французскимъ и испанскимъ, но и на нихъ свободный заграничный ввозъ оказалъ самое подавляющее вліяніе. Цѣны стояли очень низкія, хорошее трехлѣтнее столовое вино не приносило болѣе 17 центовъ за галлонъ, и винодѣлы несли хроническіе значительные убытки. Особенно подозрительно было то, что восточный рынокъ совсѣмъ отказывался покупать калифорнскія вина, и чуть ли не весь продуктъ нѣсколько лѣтъ отправлялся моремъ во Францію. Только съ организаціей винной ассоціаціи тихо-океанскаго побережья удалось, наконецъ, раскрыть секретъ такого страннаго положенія дѣлъ. Ассоціація уже успѣла безусловно доказать, что калифорнское вино скупалось по самой дешевой, разорительной для производителя цѣнѣ, перевозилось во Францію, разливалось и подкрашивалось тамъ и затѣмъ везлось обратно въ при-атлантическіе американскіе центры уже подъ именемъ французскихъ винъ и съ французскими ярлыками, и доѣзжало въ такомъ видѣ даже до тихо-океанскаго побережья, совершивъ такимъ образомъ цѣлое кругосвѣтное путешествіе, прежде чѣмъ появиться на столѣ

потребителя, и утроясь и учетверясь въ цѣнѣ. Душой этого гигантскаго мошенничества—фальсификаціи десятковъ милліоновъ галлоновъ калифорнскихъ винъ — оказались въ концѣ концовъ восточные американскіе аферисты-импортёры, бывшіе въ организованномъ заговорѣ со многими выдающимися французскими винодѣлами. Раскрытіе подробностей этого заговора произвело у насъ огромный скандалъ и раскрыло глаза многимъ. Теперь цѣна на вино значительно поднялась, самое дешевое стоитъ уже не менѣе 30 центовъ за галлонъ, и винодѣлы наши стали дышать нѣсколько свободнѣе. Безъ винной ассоціаціи и ея энергической работы поддѣлка эта продолжалась бы, по всей вѣроятности, и до сихъ поръ, и ненасытный дѣлецъ-коммиссіонеръ продолжалъ бы и доселѣ грабить и производителя, и потребителя.

Теперь уже не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что побѣда Макъ-Кинлэя и протекціонистской политики была въ самой значительной степени результатомъ цѣлой массы манипуляцій капитала въ этомъ же родѣ, манипуляцій, явившихся прямымъ послѣдствіемъ тарифа Вильсона-Гормана и вызванныхъ имъ аномалій. Страдали одинаково и производитель, и потребитель,—наживались одни купцы, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ классамъ населенія. Несоразмѣрное съ розничными паденіе оптовыхъ цѣнъ было результатомъ не перепроизводства, а искусныхъ, широко задуманныхъ и, благодаря благопріятному законодательству, удачно выполненныхъ манипуляцій капитала. Какъ бы богата и производительна ни была страна, она не въ состояніи выдержать долго огромнаго международнаго баланса въ нѣсколько сотъ милліоновъ долларовъ противъ нея, и ежегодныхъ хроническихъ дефицитовъ въ ея государственномъ бюджетѣ. Такая политика не только подорветъ ея благосостояніе, но и разоритъ ее въ концѣ концовъ. Теперь уже безусловно признано всѣми партіями, что величайшей ошибкой государственной дѣятельности президента Кливелэнда была его нерѣшимость наложить свое veto на тарифъ Вильсона-Гормана—онъ, какъ извѣстно, ограничился отказомъ подписать его, побоялся въ свое время употребить предоставленное ему конституціей право, и страна поплатилась за это жесточайшимъ четырехлѣтнимъ промышленнымъ кризисомъ.

Въ заключеніе я не могу не обратить вниманія читателя какъ на ярко обрисовавшуюся тенденцію конца XIX столѣтія къ консолидаціи однородныхъ интересовъ всякаго рода, сорта и наименованія, такъ и, главное, на изумительную одинаковость не

только въ ихъ стремленіяхъ, но и въ методахъ и способахъ къ достиженію этой цѣли. Консолидаціи капитала, труда, производителя—всѣ онѣ стремятся къ тому же, имѣютъ идентичныхъ союзниковъ и враговъ, прибѣгаютъ къ тѣмъ же организаціямъ и путямъ. Единичность и индивидуальность все больше и больше стушевываются, и общіе интересы, какъ и средняя личность, такъ и среднее вознагражденіе за капиталъ и трудъ, все больше и больше дѣлаются дѣйствительными, активными величинами.

П. А. Тверской.

„ГЛАСЪ НАРОДА“...

„Vox populi“... — Roman, von Konrad Telmann. 1897.

XI *).

Семейство Вельсберговъ принадлежало къ тѣмъ дворянскимъ поколѣніямъ, которыя, не имѣя земельныхъ владѣній, обыкновенно жили въ городахъ и служили въ войскѣ въ качествѣ офицеровъ, или занимали высшія государственныя должности.

Отецъ Алисы, или, какъ привыкли ее называть въ обществѣ, Аликсы, былъ полковникомъ, когда его постигло несчастіе, оставившее у него на душѣ неизгладимый слѣдъ: его единственный и любимый сынъ, Бото Вельсбергъ, служившій въ кавалерійскомъ полку, застрѣлился, года два тому назадъ, вслѣдствіе долговъ чести, которыхъ онъ не въ состояніи былъ заплатить. Говорили въ полку, что онъ подавалъ самыя блестящія надежды и что сумма этихъ долговъ была, дѣйствительно, весьма значительна. Заслуженнаго полковника, котораго скоро должны были произвести въ генералы, какъ громомъ, сразила роковая вѣсть, и съ тѣхъ поръ, по наружности суровый и молодцоватый въ обществѣ и при постороннихъ, Вельсберъ только наединѣ съ дочерью давалъ волю своему удрученному состоянію духа. Впрочемъ, за послѣднее время, и посторонніе начали замѣчать, что онъ сталъ какъ бы тучнѣе и тяжелѣе на подъемъ; движенія его стали уже не такъ тверды и быстры, какъ бывало.

— Пустяки! Сидячая жизнь! — возражалъ онъ на это небрежно, пожимая плечами.

---

*) См. выше: іюль, стр. 194.

Понятно, что въ домѣ полковника Вельсберга, съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ въ отставку, всегда дышалось тяжело: Алиса боялась коснуться нечаянно того или другого больного мѣста въ его наболѣвшей душѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она же вносила въ домашнюю обстановку много тепла и свѣта своимъ оживленіемъ, своими ласками и заботами. Красавицей ее нельзя было назвать; но она была привлекательнѣе и изящнѣе самой красивой женщины на свѣтѣ. Стройная, пропорціонально-сложенная, худенькая блондинка, Алиса, несмотря на свою живость, была скорѣе сосредоточеннаго и спокойнаго характера. У брата и у кузеновъ ея было много товарищей,—молодыхъ людей съ виднымъ положеніемъ въ свѣтѣ и родовитыхъ; но никто изъ ея поклонниковъ, рѣшавшихся сдѣлать ей предложеніе, не получалъ надежды на согласіе хотя бы въ дальнѣйшемъ будущемъ. Впрочемъ, вскорѣ для всѣхъ стало яснымъ, что наибольшее предпочтеніе со стороны Алисы выпало на долю Юргенса фонъ-Фаленъ и особенно —Зигмара Оттерштедта.

За послѣдніе дни въ домѣ полковника Вельсберга было какъ-то особенно сумрачно, тоскливо, словно передъ грозой, отъ которой нѣтъ надежды укрыться. Ежедневно заходили къ нимъ знакомые, только и говорившіе, что о самоубійствѣ Ульриха и о причастности къ нему — Оттерштедта. Каждый считалъ своимъ долгомъ горячиться и высказывать свое мнѣніе, одинъ только полковникъ Вельсбергъ молчалъ, и это молчаніе тревожило, пугало Алису; довольно было и того, что онъ расхаживалъ себѣ по комнатамъ—мрачнѣе тучи; его мнѣніе о такихъ вопросахъ было дочери хорошо извѣстно.

Сегодня, въ день похоронъ Ульриха, пробѣжавъ свою газету, Вельсбергъ сложилъ ее и, пыхнувъ раза два своей трубкой, вслухъ проговорилъ:

— Надѣюсь, ассессоръ Оттерштедтъ будетъ настолько тактиченъ, чтобы не заходить къ намъ больше. Да оно лучше—и для насъ, и для него.

— Это же почему, папа?

— Да потому, моя милая, что мнѣ было бы невозможно принимать его у себя!—какъ-то необычайно мягко зазвучалъ его обыкновенно рѣзкій и повелительный голосъ; но темныя густыя брови сдвинулись въ грозную складку, и на лбу углубились морщины.

— Но это было бы несправедливо!—въ свою очередь смѣло возразила дочь, не знавшая страха, какъ истый отпрыскъ благороднаго рода Вельсберговъ.

Сквозь тучи мрачнаго чела старика-полковника сверкнула молнія, но въ тотъ же мигъ исчезла, и, уже сравнительно спокойно выбивая трубку, онъ проговорилъ съ полуусмѣшкою:

— Ты такъ думаешь?

— Да, потому что ты сначала долженъ его выслушать, папà!

Онъ вскинулъ на нее глазами и опять постучалъ трубкой.

— Вотъ потому-то я и говорю, что лучше бы для насъ обоихъ избѣжать подобныхъ объясненій, которыя мнѣ не могутъ быть пріятны. Кажется, пора бы ему меня знать.

— Вотъ потому-то, что онъ тебя знаетъ, онъ и увѣренъ, что ты не станешь придавать значенія пустымъ слухамъ, не провѣривъ ихъ!

За густыми облаками дыма лицо полковника скрылось совершенно. Прерывая свою рѣчь сильными затяжками, онъ отрывисто возразилъ:

— Пустые слухи?! Пустые слухи!! Да когда сама генеральша... когда весь міръ думаетъ... думаетъ одно и то же!..

Алиса встала, чтобы зажечь лампу, но въ эту минуту дверь неожиданно распахнулась, и прислуга доложила:

— Г. Оттерштедтъ!

Матовый бѣлый колпакъ зазвенѣлъ, стукнувшись о стекло лампы; но голосъ Алисы не выдалъ ни малѣйшаго волненія.

— Скажите: приказали просить!.. Да, папà?

— Хорошо, хорошо,—пробормоталъ онъ сквозь зубы.

Когда Зигмаръ вошелъ, на столѣ уже ярко горѣла лампа, а посреди комнаты поджидалъ гостя самъ суровый хозяинъ дома, какъ вылитая изъ бронзы статуя; онъ застылъ въ своей неподвижной позѣ, съ трубкой въ рукахъ.

Алиса была права. Зигмаръ очевидно зналъ, что̀ его ожидало: ни полковнику, ни ей, онъ не подалъ руки, не желая подвергать любимую дѣвушку излишней непріятности, такъ какъ отецъ могъ запретить ей отвѣтить на его привѣтъ.

Вельсбергъ первый прервалъ тяжелое молчаніе, какъ того, повидимому, ожидалъ Оттерштедтъ.

— Вы, конечно, поймете, что ваше посѣщеніе должно было насъ удивить,—началъ онъ своимъ твердымъ, нѣсколько крикливымъ голосомъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись съ вами здѣсь въ послѣдній разъ, произошли настолько прискорбные инциденты, что о нихъ нельзя не пожалѣть, но въ то же время нельзя и не задать себѣ вопроса: долженъ ли еще быть для васъ, по-прежнему, открытъ нашъ домъ?

Полковникъ говорилъ, дѣлая видимо усиліе надъ собою. Онъ

зналъ, что дочь его была неравнодушна къ Оттерштедту, и ему было тяжело ея присутствіе при этой „нравственной казни“, какъ онъ мысленно назвалъ свои нотаціи Зигмару. Ему, при его полнотѣ, было трудно такъ долго стоять на ногахъ, но онъ выдерживалъ эту пытку ради того, чтобы своимъ обхожденіемъ вынудить и гостя не садиться въ домѣ, гдѣ для него больше не могло быть мѣста.

Зигмаръ измѣнился въ лицѣ, но сохранилъ свою осанку, полную достоинства.

— Я никогда бы не повѣрилъ, полковникъ, чтобы и въ *этомъ* домѣ могъ приниматься на-слово „vox populi“...

— „Но гласъ народа—гласъ Божій!“ говоритъ пословица,— возразилъ торжественно Вельсбергъ.

— И, какъ многія изъ пословицъ, говоритъ вопреки истинѣ! — горячо заключилъ Зигмаръ. — Во всякомъ случаѣ, на этотъ разъ „гласъ народа“ говоритъ неправду... если только вы найдете возможнымъ назвать „vox populi“ простую газетную сплетню. Я неповиненъ въ смерти бѣднаго Ульриха!

Глубокій вздохъ облегченья вылетѣлъ изъ стѣсненной груди Алисы. На мигъ у Зигмара хватило настолько храбрости, чтобы вскинуть на нее глазами, и онъ успѣлъ замѣтить, какимъ огнемъ радости вспыхнулъ ея взглядъ и какъ быстрымъ, непроизвольнымъ движеніемъ прижала она руку къ сердцу, чтобы остановить его порывы.

— Вы неповинны?—вдругъ спросилъ его Вельсбергъ.—У васъ есть доказательства... но очевидныя, кромѣ вашего собственнаго слова?

— Господинъ полковникъ!

— Простите; но я обстоятельствами вынужденъ именно такъ, а не иначе съ вами говорить. Не станете же вы опровергать слова вдовы покойнаго фонъ-Фаленъ... Да что тамъ! Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Скажите напрямикъ: вы отказались драться съ нимъ?

— Да, отказался.

— И послѣ этого вы еще смѣете... вы смѣете!.. — голосъ хрипѣлъ, скрипѣлъ и прерывался; но, овладѣвъ собою, полковникъ выпрямился по-военному и мѣрнымъ голосомъ, полнымъ достоинства, продолжалъ:—Я, кажется, немного забылся, но, долженъ вамъ сказать, все это касается меня гораздо ближе, чѣмъ вы полагаете. Я по неволѣ долженъ считать за дерзкую насмѣшку съ вашей стороны вашъ утвердительный отвѣтъ послѣ горячаго протеста противъ обвиненія. Итакъ,—какъ это мнѣ ни

тяжело, г. асессоръ, я долженъ вамъ прямо сказать, что въ этомъ домѣ нѣтъ мѣста господину, который находитъ возможнымъ отказывать въ удовлетвореніи порядочному человѣку, въ какихъ бы цѣляхъ ни былъ сдѣланъ отказъ отъ дуэли, и каковы бы ни были послѣдствія этого отказа. По традиціямъ нашего древняго и всѣми уважаемаго рода...

Старикъ не успѣлъ докончить. Алиса подошла къ нему и тихо, но твердо положила свою руку на руку отца, который поднялъ-было ее въ знакъ угрозы или просто вслѣдствіе непроизвольнаго волненья.

— Отецъ! Ты не захочешь вѣдь у себя въ домѣ нанести обиду своему же гостю?—спокойно и рѣшительно произнесла она побѣлѣвшими губами.

Нѣсколько разъ глубоко и прерывисто перевелъ духъ полковникъ, но затѣмъ, съ благодарностью во взглядѣ, кивнулъ своей любимицѣ-дочкѣ:

— Да, ты права: не захочу, конечно, пока... пока онъ — нашъ гость!

Проведя задумчиво рукой по лбу, Вельсбергъ, однако, продолжалъ, обращаясь уже непосредственно къ Зигмару:

— Одно только хранится у насъ свято и ненарушимо, г. ассессоръ: это—наша честь, и никому не дозволяется ее затронуть! Видите ли, она неоднократно требовала отъ насъ жертвъ и даже очень тяжкихъ; но потому только мы и можемъ считать ее своимъ достояніемъ, что мы ради нея все терпѣли и приносили всѣ жертвы въ полномъ сознаніи своей правоты. Я самъ на себѣ испыталъ всю тяготу нравственнаго долга; говорю вамъ, что я по собственному убѣжденію вышелъ въ отставку, считая недостойнымъ нести коронную, государственную службу — недостойнымъ такого человѣка, у котораго сынъ самъ себя казнилъ за неплатежъ долговъ чести... Да! Говорю вамъ все это, г. ассессоръ, для того, чтобы вы могли убѣдиться, что передъ вами не какой-нибудь старый, дряхлый старикъ, а настоящій мужчина, понимающій, что необходимо быть сильнымъ волею и духомъ, когда дѣло касается вопроса чести!

Голосъ его слегка дрожалъ, а по лицу замѣтно было, что ему трудно удержаться отъ волненія, которое подступаетъ ему къ горлу, душитъ его. Алиса, все еще не отходившая отъ отца, тихонько, ласково гладила его по рукѣ, чтобы сдержать и успокоить, сама вся блѣдная, боясь проронить хоть слово, но взглядомъ выражая сочувствіе.

— Оставь! Оставь! Я больше не волнуюсь... Молчать было бы тяжелѣе. Напротивъ: высказаться надо!..

Зигмаръ слушалъ все молча, неподвижно и, къ удивленію своему, не чувствовалъ никакого озлобленія противъ этого стараго служаки, котораго ему становилось жалко до глубины души.

— Видно, вамъ никогда не случалось имѣть честь носить военный мундиръ, — продолжалъ полковникъ, — если вамъ не извѣстно, какъ подобаетъ поступить порядочному человѣку, когда онъ оскорбитъ другого и тотъ потребуетъ у него удовлетворенія.

— Прошу прощенья, полковникъ! — началъ въ свою очередь Оттерштедтъ. — Я, конечно, никогда не имѣлъ чести состоять на военной службѣ; но такъ какъ я съ своей стороны и по своей профессіи призванъ особенно ревниво блюсти наши гражданскіе законы, то я и беру на себя смѣлость васъ увѣрить, что самъ горячо стою за вопросы чести. Но вы считаете постыднымъ для офицера не смыть дуэлью обиду или оскорбленія, нанесенныя ему, а слѣдовательно, и его мундиру; нашими же законами дуэль воспрещена и строго карается, какъ преступленіе, т.-е., какъ нарушеніе закона. И этимъ-то законамъ я обязанъ повиноваться, и эти законы должны мнѣ служить защитой. Я не призванъ выяснять противорѣчіе, которое рѣжетъ глаза своей непослѣдовательностью и рѣзкостью, какъ неизгладимая рознь, искони существующая между убѣжденіями нашего гуманнаго времени и жестокостями среднихъ вѣковъ. Я стою на почвѣ законности: вотъ и все, чѣмъ исчерпываются доводы въ мое оправданіе. Но я согрѣшилъ бы противъ истины, если бы умолчалъ о моемъ личномъ воззрѣніи на дуэль вообще, помимо ея терпимости или нетерпимости со стороны закона. Я смотрю на дуэль—какъ на остатокъ невѣжественной старины, когда царило безправіе, когда люди не считали грѣхомъ убивать другъ друга. Если бы даже нашъ законъ и разрѣшалъ дуэль, и то я счелъ бы своимъ долгомъ отвергать его. Съ моей точки зрѣнія, смѣшно и легкомысленно видѣть своего рода судъ чести, судъ Божій—въ поединкѣ, гдѣ все зависитъ отъ степени умѣнья владѣть оружіемъ, отъ хладнокровія или ловкости противника. Если же вообще принято считать позорной трусостью отказъ отъ дуэли, то всякій здравомыслящій человѣкъ долженъ бы признать, что наоборотъ, это признакъ мужества — рѣшиться поступить въ разрѣзъ со всеобщими убѣжденіями и отстаивать свои!.. Сверхъ того, позвольте въ заключеніе сказать вамъ, полковникъ, что въ данномъ случаѣ обида была обоюдная: мы оба погорячились, и Ульрихъ даже самъ...

Полковникъ хотя и безмолвствовалъ, но все время нетерпѣливо барабанилъ пальцами по столу, хмуря брови и зловѣще наморщивая лобъ. Предвидя бурю, Алиса бросила молодому человѣку такой умоляющій взглядъ, что онъ оборвалъ свою рѣчь на полу-словѣ.

— Мнѣ очень жаль,—началъ тотчасъ же полковникъ,—что я немного устарѣлъ для такихъ наставленій! Поэтому, намъ лучше прекратить этотъ разговоръ. Тому, кто не раздѣляетъ моихъ... *нашихъ* убѣжденій (онъ посмотрѣлъ въ сторону Алисы), лучше было бы вовсе не переступать нашего порога. Я тоже долженъ вамъ признаться: я ни за что не захотѣлъ бы жить въ такое время, когда будутъ попраны наши убѣжденія, а ваши — восторжествуютъ. Но, слава Богу, до этого еще далеко!... Ну, а затѣмъ... (языкъ, какъ будто, не совсѣмъ повиновался старику) затѣмъ, я долженъ вамъ сказать, что, зная ваше горячее стремленіе заслужить благосклонность... моей дочери... я, несмотря на то, что не вполнѣ сочувствовалъ бы ея выбору... не сталъ бы препятствовать... Но теперь... теперь я не могу же отдать ея руку человѣку, который... отказывается драться, который имѣетъ совершенно превратныя понятія о томъ, что такое честь мужчины...

— Итакъ, мнѣ больше ничего не остается, какъ просить фрейлейнъ Алису высказать мнѣ свое личное мнѣніе,—холодно, дѣловымъ тономъ заключилъ Оттерштедтъ...

— Я самъ прошу тебя! — обратился къ дочери старикъ, считая безчестнымъ—хотя бы движеніемъ или краснорѣчивымъ взглядомъ повліять на ея рѣшеніе. Впрочемъ, Зигмару почудилось, что въ его голосѣ слышалась тревога.

По лицу Алисы никто не могъ бы угадать, что въ дѣйствительности творилось у нея на душѣ; только въ глазахъ ея можно было прочесть, какихъ мукъ стоило ей преодолѣть свое личное чувство.

— Я, кажется, до сихъ поръ еще никому не давала права предположить, что мое мѣсто можетъ быть гдѣ бы то ни было, кромѣ какъ у тебя, папа!

Дрожащая рука старика сдавила ея руку. Но онъ не сказалъ ни слова, даже не взглянулъ на дочь, зная, что изъявленія благодарности могли бы только быть для нея обидой: какъ будто бы онъ могъ хоть на минуту усомниться, что въ ней течетъ кровь гордыхъ Вельсберговъ и ихъ доблестныхъ предковъ.

Зигмаръ Оттерштедтъ слегка наклонилъ голову.

— Я этого долженъ былъ ожидать,—проговорилъ онъ тихо.—

И не въ свою защиту давалъ я вамъ объясненія, а единственно для того, чтобы возстановить истину; — чтобы вы, какъ и всѣ другіе, не принимали на вѣру за непреложный фактъ такъ называемый „гласъ народа“, не считали бы, что онъ и въ самомъ дѣлѣ „гласъ Божій“. Какъ я уже сказалъ, въ этой давно прошедшей размолвкѣ съ Ульрихомъ мы оба одинаково были виноваты и одинаково обидѣли другъ друга; но затѣмъ, послѣ бурной вспышки и моего отказа, мы разстались друзьями, крѣпко пожавъ другъ другу руки на прощанье... Къ сожалѣнію, единственный свидѣтель нашихъ обоюдныхъ споровъ, горячности и обоюдныхъ извиненій, — самъ Ульрихъ, — не можетъ замолвить ни слова въ пользу моей правоты. Я никогда и никому этого не говорилъ; но вамъ—счелъ даже своимъ долгомъ сказать. А засимъ — прошу прощенья, что утруждалъ васъ такъ долго своимъ присутствіемъ.

Равнодушнымъ, спокойнымъ голосомъ договорилъ онъ послѣднія слова и такъ же спокойно вышелъ вонъ.

XII.

Прошло еще нѣсколько дней.

Все шло по старому, на старый ладъ, то-есть изъ-рукъ вонъ какъ плохо.

Первые дни послѣ своего объясненія съ отцомъ Алисы, Зигмаръ почему-то все надѣялся, что она непремѣнно напишетъ ему — или хоть чѣмъ-нибудь ободритъ, утѣшитъ его, подавая надежду хоть въ будущемъ... Но дни шли за днями, а любимая дѣвушка ничѣмъ не показывала ему своего сожалѣнія, участія или хотя бы *не*полнаго сочувствія отцовской суровости. Особенно чутко настроенный за это время, Зигмаръ началъ бояться выйти на улицу: въ каждомъ прохожемъ ему непремѣнно чудился человѣкъ, осуждающій его за его мнимое „преступленіе“; въ каждомъ взглядѣ онъ видѣлъ нѣмой укоръ или злорадное любопытство. Онъ ни на минуту не сомнѣвался, что его всякій знаетъ въ лицо и по имени, и потому нарочно обѣгаетъ его... Къ довершенію всего, пришло письмо отъ Бирнбаума, гдѣ тотъ любезно высказывалъ сожалѣніе, что ему пришлось разстаться съ такимъ усерднымъ и талантливымъ помощникомъ, какъ молодой и многообѣщающій г. ассессоръ, но заключилъ его еще болѣе любезнымъ пророчествомъ:—„До свиданія—въ рейхстагѣ“!

Въ судѣ товарищи тоже сильно косились на него; самъ

предсѣдатель ландгерихта замѣтилъ ему однажды, съ глазу на глазъ, что, по всей вѣроятности, если бы ему вздумалось подать въ отставку, она была бы принята.—Зигмаръ, однако, и ему возразилъ, что онъ дѣйствовалъ на почвѣ законности...

— Законность! Законность!—съ досадой повторилъ предсѣдатель.—Законность хороша, когда она умѣстна; а умѣстна она вездѣ и всегда, гдѣ только она не противорѣчитъ общественнымъ правиламъ и убѣжденіямъ, и гдѣ она, въ лицѣ военнаго мундира, не служитъ камнемъ преткновенія...

Съ этими словами онъ простился съ Оттерштедтомъ, и въ тотъ же день Оттерштедтъ подалъ въ отставку.

Но что же дѣлать? Какъ быть? Надо же, волей-неволей, кланяться и просить хоть какого-нибудь жалкаго, ничтожнаго мѣстечка, лишь бы поддерживать свою больную сестру и себя; но для него всѣ двери оказались закрыты.

— Вездѣ все переполнено. Предложеніе далеко превышаетъ спросъ...

И какихъ только общихъ мѣстъ не наслушался несчастный! Наконецъ, ему начало казаться, что ужъ не ради этихъ общихъ мѣстъ, а ради него самого встрѣчаютъ его повсемѣстнымъ отказомъ. Мало-по-малу, теченіе общественной жизни унесло возбужденіе, порожденное толками о самоубійствѣ Ульриха фонъ-Фалена; общество давно уже начало забывать о существованіи Оттерштедта, а ему чудилось, что ожесточеніе противъ него идетъ все разгораясь, что оно поднимается грозной, бушующей волной, которая его задавитъ. Ему было невыразимо жутко, его душило среди людскихъ пошлостей и мелочныхъ страстей, и онъ невольно самъ грѣшилъ, уподобляясь фарисею:

„Благодарю Тебя, о, Господи, что Ты не сотворилъ меня такимъ, какъ эти люди! — думалъ Зигмаръ, и въ заключеніе спрашивалъ себя:—Стоитъ ли жить въ такомъ ужасномъ мірѣ? Не лучше ли совсѣмъ уйти отъ этихъ жалкихъ людишекъ, — бросить ихъ, какъ бросили они меня самого? Ничего общаго нѣтъ больше между нами“.

Лишь изрѣдка случалось ему вспомнить про двоюроднаго брата, и то единственно по поводу сестры. Всѣ доктора единодушно повторяли, что спасти ее, все равно, невозможно; но можно, съ помощью науки, облегчить ей страданія настолько, что она вовсе не почувствуетъ ихъ. А Лео Вольнеръ, безъ сомнѣнія, былъ искусный докторъ и могъ бы ей помочь. По крайней мѣрѣ, чуть не каждый день его имя упоминалось въ газетахъ и все съ самой лестной стороны. На-дняхъ говорилось,

между прочимъ, о томъ, что нѣкоторые изъ иностранныхъ ученыхъ обществъ и университетовъ присудили ему различнаго рода награды за его брошюры объ ожирѣніи печени; ставилось ему въ особую заслугу, что онъ изобрѣлъ новый способъ лечить больныхъ, страдающихъ отъ этого ужаснаго недуга. Вчера, напримѣръ, газеты передавали за достовѣрное, что министръ народнаго просвѣщенія Бомсдорфъ, страдающій печенью, имѣетъ намѣреніе поручить свое здоровье просвѣщеннымъ заботамъ этого молодого и многообѣщающаго врача. Не могли же всѣ эти извѣстія быть пустыми утками, не имѣющими основательной подкладки. Если хоть и не такъ блестящи были его успѣхи, какъ о нихъ кричали газеты, все же Лео долженъ быть серьезнымъ знатокомъ своего дѣла.

Но вотъ бѣда: Эсѳирь и слышать не хотѣла, чтобъ ее освидѣтельствовалъ и выслушалъ докторъ; консультаціи она тѣмъ болѣе боялась, что тогда не одному, а нѣсколькимъ врачамъ за разъ придется ей показаться, а этого ей было страшно по весьма естественному чувству стыдливости, которое раздѣлялъ съ нею отчасти и Зигмаръ. Ему жутко было подумать, что Лео холодно и грубо можетъ обойтись съ его „ребенкомъ“, — какъ онъ мысленно называлъ сестру, которая въ глазахъ врача будетъ не болѣе, какъ однимъ изъ *субъектовъ*, тысячами наводняющихъ пріемныя въ частныхъ и казенныхъ больницахъ.

Въ одинъ прекрасный день, когда Зигмаръ безцѣльно старался заняться у себя въ кабинетѣ хоть какой-нибудь чисто-механической работой, къ нему вошла Эсѳирь такой тихой, усталой походкой, какъ будто ноги совсѣмъ отказывались ей служить. И вообще она показалась брату слабѣе и блѣднѣе, чѣмъ обыкновенно. Въ рукахъ у нея былъ небольшой свертокъ, а на лицѣ отражалась робость и тревога.

— Видишь ли, Зигъ, если ты собираешься идти куда-нибудь... я думала... Мнѣ бы хотѣлось... вотъ у меня тутъ есть...

— Да что это такое?—спросилъ братъ, рѣшительно ничего не понимая.

— Видишь, я тутъ... я тутъ сижу одна, и мало ли что взбредетъ на умъ...—начала молодая дѣвушка, смущенно потупляясь. — Мнѣ Лео говорилъ, что люди такъ ужъ пресытились реальной, грубой литературой, что всякая мечта, фантазія... дѣтская сказка... можетъ имѣть успѣхъ. Теперь читатели и беллетристы равно преслѣдуютъ одинаковую цѣль—освѣжиться въ новомъ теченіи литературы и искусства, склонномъ, въ противо-

положность предъидущему, къ чистѣйшей идеализаціи нравственныхъ представленій и даже къ символизму... Вотъ я и думала, что, можетъ быть, кстати придутся мои „Пестрыя сказочки“... А если за нихъ хоть немного заплатятъ, — что жъ такое? Могутъ вѣдь намъ и эти крохи пригодиться... Такъ, что-ли, Зигъ, мой милый? Ты понимаешь, надо же хоть чѣмъ-нибудь утѣшиться старой дѣвѣ, которая забила себѣ въ голову, что ее даромъ кормитъ братъ, когда и по Божьей волѣ, и по закону она могла бы въ свою очередь...

Скоро-скоро, чтобы скрыть волненіе, говорила Эсѳирь не переставая, и на щекахъ ея разгорались розовыя пятна, а глаза лихорадочно блестѣли. Наконецъ, не въ силахъ дольше выносить его молчаніе, она взглянула на брата, потому что ей становилось слишкомъ тяжело и тревожно, и увидала, что онъ и въ самомъ дѣлѣ не въ состояніи былъ вымолвить ни слова отъ умиленія или... или отъ чего другого, только губы его были плотно сжаты, а на лбу легла глубокая складка.

— Ты сердишься? — спросила Эсѳирь и съ тихой лаской протянула ему руку; но Зигмаръ какъ будто не видалъ ее.

Онъ отошелъ въ сторону и быстрымъ движеніемъ провелъ рукою по глазамъ; но затѣмъ вдругъ вернулся къ сестрѣ, взялъ въ обѣ руки ея головку и горячо поцѣловалъ:

— Прости меня, прости! Я за послѣдніе дни совершенно разстроилъ свои нервы. Конечно, съ твоей стороны, это мысль прекрасная—дать и другимъ возможность прочитать тебя, и я могъ бы давно ужъ догадаться, что ты пишешь себѣ что-нибудь втихомолку: это занятіе какъ будто бы нарочно для тебя придумано. Положимъ, я не раздѣляю мнѣнія Лео, что теперь мода на все фантастичное, и что твои сказочки могутъ имѣть успѣхъ; но зато я увѣренъ, что ты можешь прослыть среди дѣтей прекрасной „тетей-сказочницей“... А этого развѣ мало?

Ей стало ясно, что Зигмаръ старается шутливымъ тономъ побороть свое смущеніе, и красныя пятна у нея на щекахъ стали еще ярче.

— А все-таки,—начала она робко:—отчего жъ не попробовать счастья? У насъ вѣдь такъ много журналовъ для юношества, и наконецъ... мнѣ кажется... я думаю, что мои вещицы написаны скорѣе для взрослыхъ... Это нѣчто серьезное, право!

Губы Зигмара дрогнули чуть замѣтно:

— Ну да! Попробовать, конечно, можно,—тихо согласился онъ.

Водворилось краткое молчаніе.

— Ты въ самомъ дѣлѣ нисколько не разсердился, Зигъ?— спросила сестра:—Ты могъ, пожалуй, подумать, что я слишкомъ высокаго мнѣнія о себѣ, и Богъ вѣсть какъ много о себѣ воображаю?

Братъ промолчалъ и только молча поцѣловалъ ей обѣ руки.

Эсэнрь ушла; а Зигмаръ, оставшись одинъ, не скрывалъ уже больше своего отчаянія. Онъ бросился въ кресло и зарыдалъ неудержимо...

Вдругъ онъ очнулся; ему стало стыдно своего малодушія.

Сорвавъ веревочку, которою былъ стянутъ свертокъ, онъ одинъ за другимъ перелисталъ странички, исписанныя бисернымъ почеркомъ.

„Онѣ—свидѣтельницы ея грустнаго, вынужденнаго досуга“! —думалъ онъ, и съ особой нѣжностью остановилъ свой взглядъ на той, гдѣ красовалось заглавіе: „Болѣзнь“ (сказка). Невольно пробѣгая глазами эти строки, вотъ что онъ прочелъ:

„Тогда его ужъ переставъ по-прежнему пугать ужасный призракъ сѣрой женщины, которая сама себя окрестила названіемъ „Болѣзнь“. Теперь тотъ призракъ касался его своимъ дуновеньемъ, но оно придавало ему странное ощущеніе бодрости и силы; оно вливало въ его истощенную душу сознаніе дивнаго, желаннаго успокоенія, къ которому онъ тщетно и давно стремился. Въ ея рукахъ онъ чувствовалъ себя нравственно крѣпче и смѣлѣе, и терніи, разсѣянные на его пути, уже не рѣзали ему ногъ не кололи рукъ: тѣло его не чувствовало ихъ уколовъ. Прежняя чувствительность изнѣженной кожи пропала безъ слѣда. Глазамъ его больше не представлялись бутоны и цвѣты, которыхъ онъ видѣлъ тогда такъ много межъ иглами шиповъ; зато онъ съ наслажденіемъ, полной грудью вдыхалъ въ себя ароматъ, котораго онъ прежде никогда не замѣчалъ. Всѣ его чувства обострились, стали утонченнѣе. Его вниманіе привлекала теперь каждая мелочь, въ которой онъ могъ почерпнуть хоть малую долю тепла, и свѣта, и душевной отрады. Теперь онъ получилъ даръ видѣть и слышать все такое, къ чему былъ прежде глухъ и слѣпъ; все, что его, бывало, раздражало, что казалось ему обидою или уколомъ, — все это вдругъ растаяло, исчезло подъ волшебнымъ прикосновеніемъ его дивной спутницы, которая едва-едва коснулась до его глазъ — и взглядъ его сталъ внезапно яснѣе, словно онъ до сихъ поръ смотрѣлъ сквозь завѣсу тумана, скрывающаго за собой живительные лучи яснаго свѣтила... Онъ почувствовалъ себя могучимъ и великимъ; и все вокругъ него, казалось, также выросло и возмужало...

„Веди меня впередъ, веди! — просилъ онъ сѣрый призракъ: —Теперь я вижу ясно предъ собой и помню цѣль нашего труднаго пути!..“

Сколько думъ, сколько одинокой борьбы со своимъ горемъ должны были стоить больной дѣвушкѣ подобныя мысли! Какими тонкими ощущеніями наболѣвшей души неизлечимой страдалицы вѣяло отъ этихъ краткихъ, но образныхъ строкъ!

— Мысли и чувства моей милой Эсѳири... — и вдругъ въ нихъ будетъ рыться первый встрѣчный!.. Положимъ, болѣзнь можетъ сдѣлать человѣка и дальнозоркимъ, и сильнымъ духомъ; но борьба съ житейской пустотой, житейской подлостью — вотъ что дѣлаетъ его слабымъ и дѣйствительно хилымъ!

Зигмаръ поспѣшно вышелъ изъ комнаты и на порогѣ своего подъѣзда столкнулся съ Гансомъ Вельсбергомъ.

XIII.

Молодой архитекторъ бросился на шею другу—весь запыленный, какъ былъ, прямо съ дороги. Онъ спѣшилъ повидать Зигмара, ободрить его, утѣшить. Его голубые глаза смотрѣли ясно и увѣренно; за время своего отсутствія онъ успѣлъ отростить себѣ внушительнаго вида русую бородку... Довольство и спокойная самоувѣренность отражались въ его движеніяхъ, сіяли на его полномъ лицѣ. Бо́льшаго контраста, какъ эти два друга, въ настоящую минуту трудно было бы себѣ представить.

— Ну, другъ мой, ка́къ дѣла? Видѣлъ и слышалъ все, что́ тутъ у васъ безъ меня натворилось. Надѣюсь только, что ты на всѣхъ и на все плюешь,—ка́къ, впрочемъ и подобаетъ такому философу и умницѣ, какимъ я тебя знаю... Да вотъ еще что́: на что́ вы изволите быть похожи? Обратились въ спичку, совсѣмъ похудѣли... Чортъ ихъ всѣхъ побери! Значитъ, эта дурацкая выдумка все-таки пустила корни? Просто, представить себѣ невозможно!.. А я-то вѣдь совсѣмъ иного отъ тебя ожидалъ: я думалъ, что ты отнесешься къ дѣлу философски, хладнокровно; а ты... Вѣдь, ты совсѣмъ другой, чѣмъ эти люди, эта „пошлая толпа“. Полно, не обращай вниманія! Говорю тебѣ прямо: будетъ не то, такъ другое; а что-нибудь да будетъ, непремѣнно!

Зигмаръ пожалъ обѣ руки, радушно протянутыя ему, пробормоталъ что-то такое, что́ должно было означать согласіе, и

просилъ, наконецъ, чтобы Гансъ извинилъ его, если онъ не останется его занимать, какъ дорогого гостя.

— Благодарю тебя за каждое твое доброжелательное слово! Благодарю отъ всего сердца и прошу прощенія, что вынужденъ съ тобой разстаться!—прибавилъ онъ.

— Пожалуйста, не стѣсняйся! Я, все равно, хотѣлъ зайти къ фрейлейнъ Эсэири... Можно?—Но не успѣлъ еще Зигмаръ отъ него отойти, какъ онъ уже опять заглянулъ ему прямо въ лицо и прибавилъ:—Аа—а! понимаю. Кузина Аликса пристала къ фарисеямъ и отреклась отъ тебя? Что жъ, оно и понятно. Съ такимъ старикомъ-отцомъ, для котораго она все на свѣтѣ, иначе и нельзя, какъ вполнѣ согласоваться съ его личной волей и забывать совершенно о своей собственной,—лишь бы избѣжать для него смертельной обиды... Все равно, мало-по-малу, все перемѣнится, и что-нибудь да будетъ, — знаешь мою поговорку? Только не унывать, другъ мой, не унывать и ожидать лучшаго!.. Ну, до свиданія... до скораго, надѣюсь!

И Гансъ побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ.

— Ожидать лучшаго?! — повторилъ мысленно Зигмаръ:— Легко сказать! А до тѣхъ поръ—извольте голодать и холодать...

Съ горькой рѣшимостью чего-нибудь добиться, онъ началъ свой круговой обходъ, не пропуская ни одной конторы, ни одного бюро для пріисканія занятій, рѣшившись не брезгать даже перепиской или веденіемъ конторскихъ книгъ. Зайдя въ какую-то ничтожную пивную, онъ просмотрѣлъ всѣ объявленія въ газетахъ; но нигдѣ ничего для него не оказалось подходящаго.

Горечь и озлобленіе пересилили въ немъ даже горе и отчаяніе. Съ ѣдкой насмѣшкой надъ самимъ собой онъ думалъ:

„Жаль, что въ эту минуту меня не видитъ Алиса, какъ я все усерднѣе и усерднѣе стучусь въ каждую дверь—и все напрасно! Быть можетъ, ей тогда бы жалко стало, что она отказала такому выгодному жениху“...

И въ самомъ дѣлѣ, что жъ ему больше оставалось, какъ не смѣяться надъ собою? Усталый, безъ силъ и надежды, онъ больше изъ чувства долга, чѣмъ по убѣжденію, волочилъ свои отяжелѣвшія ноги по безконечнымъ троттуарамъ, отъ одной двери къ другой. Какъ во снѣ, какъ нѣчто совершенно чуждое его личнымъ ощущеніямъ, долеталъ до него шумъ и грохотъ уличной суеты.

„И чего они суетятся? Чего ищутъ, къ чему стремятся?— думалъ онъ невольно. — Есть ли у нихъ своя, опредѣленная цѣль въ жизни? У меня ея нѣтъ. И по чьей же винѣ? По винѣ этихъ самыхъ, чуждыхъ мнѣ, равнодушныхъ и злыхъ людей“!

Въ то время, какъ онъ шелъ, пошатываясь, все дальше, надъ городомъ смеркался день—сѣрый зимній день, безъ снѣга и безъ солнца. Зигмаръ не замѣчалъ ни времени, ни солнца; онъ жилъ мыслью въ прошедшемъ, которое было ему и дорого, и больно...

Онъ видѣлъ себя вновь ребенкомъ, въ своемъ родномъ отцовскомъ домѣ, въ маленькомъ полу-польскомъ, полу-нѣмецкомъ городишкѣ, гдѣ отецъ его занималъ какое-то незначительное чиновничье мѣсто. Какъ живая встаетъ передъ нимъ мать—красивое, миніатюрное созданіе, которое боготворили до послѣдней ея минуты и онъ, и Эсѳирь. Она жила и умерла какъ святая... На разстояніи нѣсколькихъ домовъ отъ нихъ жилъ и Лео Вольнеръ, единственный сынъ купца-еврея, который знать не хотѣлъ своей сестры, вышедшей за христіанина. Обанкрутившись по милости своего компаньона, отецъ Лео остался одинокъ и сиръ; компаньонъ переманилъ къ себѣ его жену, а Лео, изъ состраданія, взяли къ себѣ родители Зигмара, который, вмѣстѣ съ Эсѳирью, окружилъ его самой нѣжной, преданной любовью...

Но вотъ Лео—уже студентъ въ Бреславлѣ. Съ трудомъ, голодая и отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ, онъ усердно изучаетъ медицинскія науки... Эсѳирь все больше привязывается къ нему. Эсѳирь его любитъ. Эсѳирь—его невѣста! Только бы выждать время, когда онъ будетъ хоть сколько-нибудь обезпеченъ, а тамъ—и свадьба. Вотъ Лео—уже ассистентъ знаменитости, приватъ-доцентъ въ бреславльскомъ университетѣ... Но тутъ, когда надежды ужъ готовы сбыться, когда часъ отдохнуть отъ бѣдствій наступилъ, стряслась бѣда, ужасная, необъяснимая бѣда!.. Лео отданъ подъ судъ, и нѣтъ ему спасенія. Оправдываться невозможно: обстоятельства сложились противъ него. Онъ исключенъ изъ университета; онъ въ тюрьмѣ, отсиживаетъ срокъ приговора... И за все это время Эсѳирь вѣрна ему; она страдаетъ и душой, и тѣломъ, но все ему простила, все для него готова сдѣлать, лишь бы ему помочь, выручить его изъ ложнаго положенія, въ которое онъ попалъ, вернувшись въ общество изъ заключенія. Вернулся онъ, но не подавленный, разбитый, пристыженный,—на это у него слишкомъ желѣзная воля и холодный разсудокъ. Всѣ отъ него отшатнулись, и ему пришлось бы первое время хоть съ голода помирать, если бъ его не приняли къ себѣ и не пригрѣли Зигмаръ и Эсѳирь въ надеждѣ, что онъ измѣнится, начнетъ новую жизнь.

Что жъ, вотъ онъ ее и начинаетъ!..

„Боже мой! Да гдѣ же это я?—думаетъ Зигмаръ, оглядываясь вокругъ и понимая только одно, что надъ ближайшимъ

подъѣздомъ красуется вывѣска: „Вѣстникъ Народа“.—А! Значитъ, редакція. Не найдется ли тамъ хоть какихъ-нибудь занятій? Хоть что бы нибудь для начала, для приданія бодрости!..

Зигмаръ собирается съ силами и входитъ: но въ ту же минуту глаза его застилаетъ непроглядный туманъ, ноги подкашиваются, кровь приливаетъ въ голову; туловищемъ онъ гнется впередъ и чувствуетъ, что упадетъ, если не ухватится за что ни попало. И обѣими руками онъ хватается за столъ...

Служащіе въ редакціи убѣждены, что имѣютъ дѣло съ пьянымъ человѣкомъ, и грубо его окликаютъ, чтобъ узнать, что ему тутъ надо?

Машинально, какъ автоматъ, повторяетъ онъ свою просьбу... Вокругъ него раздается громкій смѣхъ. И какъ же не смѣяться? Какого-то пьянчужку, прямо съ улицы, взять къ себѣ въ сослуживцы?! Вотъ было бы чудесно!

— Рекомендаціи у васъ есть? Или хоть свидѣтельства? Нѣтъ никакихъ? Бывшему ассессору, гм!.. представителю ученаго пролетаріата ни въ какомъ случаѣ у насъ мѣста не найдется!.. Жаль, очень жаль! Но теперь намъ такъ некогда: пора готовить утренній „Листокъ“...

Зигмаръ опять на улицѣ—одинъ, одинъ среди толпы людей...

Выходя изъ подъѣзда, онъ мимоходомъ невольно замѣтилъ какого-то господина, лицо котораго показалось ему знакомо. Ахъ, да, онъ, кажется, въ редакціи оглядывался на него, когда всѣ смѣялись; и теперь, принимая его за сумасшедшаго, нарочно вышелъ вслѣдъ за нимъ, чтобъ прослѣдить, что онъ будетъ дѣлать дальше. Его лицо, особенно глаза, большіе и задумчивые темные глаза, напомнили ему глаза Алисы.

„Алиса!.. Да, она забудетъ меня тоже, и отдастъ предпочтеніе... кому? Отмару Вельсбергу или Юргену фонъ-Фаленъ... Да! Юргенъ...“

Зигмаръ опять смѣется, словно сумасшедшій. Если ему сдержать свой смѣхъ, онъ можетъ задохнуться!.. Усердно передвигая ноги, онъ спѣшитъ впередъ. Но вдругъ опять его одолѣваетъ слабость, онъ шатается, готовъ упасть... Боязнь умереть на улицѣ, дурнота, овладѣваютъ имъ.

— Воды! Воды!..

Но вокругъ ни души... Впрочемъ, нѣтъ,—тутъ же, по близости, мелькнуло чье-то знакомое лицо... Зигмаръ чувствуетъ приливъ озлобленья:

— Ну, чего ходитъ онъ за мною по пятамъ? Что ему надо отъ меня?

— Простите, что я васъ обезпокою,—началъ незнакомецъ:—но вы, кажется, только-что вышли изъ редакціи „Вѣстника Народа“. Вы, можетъ быть, ищете занятій?

Зигмаръ вздохнулъ глубокимъ, облегченнымъ вздохомъ. Ему вдругъ стало легче на душѣ, яснѣе. Какъ онъ могъ угадать, этотъ незнакомецъ?..

— Дѣйствительно, я ищу мѣста,—отвѣчалъ онъ, и его голосъ звучалъ въ ушахъ какъ въ отдаленіи или чужой, не его голосъ. —Мѣста или занятій...

— И, по всей вѣроятности, въ редакціи какой-нибудь газеты? Только ужъ, вѣроятно, не въ такой соціаль-демократической, какъ „Вѣстникъ Народа“? Я—я тоже сотрудничаю въ одной газетѣ и, можетъ быть, могу вамъ чѣмъ-нибудь служить. Кажется, у насъ скоро освободится одно мѣсто...

— Это... это было бы такъ прекрасно!—какъ дѣтскій, робкій лепетъ слышится въ отвѣтъ голосъ Оттерштедта. Ему хотѣлось бы протянуть руку и горячо поблагодарить своего нежданнаго заступника; но онъ чувствуетъ, что упадетъ, если отниметъ руку отъ рѣшетки, за которую держится. Тогда къ нему подходитъ его новый знакомый, беретъ его подъ-руку и, тихо идя съ нимъ шагъ за шагомъ, говоритъ своимъ задушевнымъ голосомъ:

— Намъ будетъ, пожалуй, удобнѣе обсуждать этотъ вопросъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ, за кружкою пива. Я, кстати, уже полдня на ногахъ, проголодался и усталъ. Да опирайтесь же на меня хорошенько! Вотъ такъ, да не спѣшите. Вы, должно быть, сегодня тоже слишкомъ понадѣялись на свои силы. Да! чего въ жизни не бываетъ!..

Четверть часа спустя, они оба уже сидѣли за маленькимъ столикомъ въ пивной, и Зигмаръ смотрѣлъ на своего молчаливаго спутника, какъ будто былъ съ нимъ вѣкъ знакомъ... Нѣтъ, рѣшительно у него и лицо, и выраженіе лица Алисы!

— А какъ это такъ вышло, что вы стали слѣдить за мной?—проговорилъ онъ вслухъ:—вѣдь вы шли за мной по пятамъ.

Незнакомецъ не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта и только отвѣчалъ:

— У васъ было такое странное лицо, когда вы вышли изъ редакціи; такія лица мнѣ хорошо знакомы. Такое выраженіе бываетъ у людей, которые хотятъ покончить съ собою, или которымъ вынесли обвинительный приговоръ, хотя они невинны. Я знаю это хорошо,—у меня самого было такое же лицо, когда меня несправедливо осудили,—онъ оборвалъ себя на полусловѣ и,

открывъ портсигаръ, предложилъ Зигмару; затѣмъ, чиркнулъ спичкой и самъ закурилъ. — Лучше будемъ говорить только о васъ лично и о вашемъ дѣлѣ; вы твердо рѣшились взять мѣсто въ редакціи?

— Какъ будто у меня есть выборъ!—возразилъ Оттерштедтъ: —но ваши слова почти даютъ мнѣ поводъ предположить, что вы меня знали и раньше. Впрочемъ, кто же теперь меня не знаетъ? Меня,—безсовѣстнаго убійцу, котораго нѣтъ прямого повода отдать подъ судъ, но который, по мнѣнію газетъ, заработавшихъ на этомъ чуть не капиталы, виновенъ безусловно въ самоубійствѣ бѣднаго фонъ-Фалена. Я—Зигмаръ Оттерштедтъ.

Незнакомецъ продолжалъ невозмутимо курить свою сигару и спокойно проговорилъ:

— Да, я знаю, кто вы. А я—Цезарь Вельсбергъ.

На секунду водворилось молчанье.

Клубы дыма разсѣялись, и изъ-за нихъ на Зигмара взглянули печальные, выразительные глаза его собесѣдника. Зигмаръ весь вспыхнулъ отъ волненья и отъ невольнаго движенія, съ цѣлью вскочить и броситься къ незнакомцу; но ограничился только тѣмъ, что пожалъ ему руку, и это рукопожатіе выразило вмѣстѣ и жалость, и сочувствіе, и желаніе у него испросить прощеніе за то, что, не зная его, онъ когда-то самъ повторялъ общее мнѣніе объ этомъ самомъ неудачномъ братѣ полковника Вельсберга. Зигмару въ душѣ становилось стыдно, что онъ такъ ропщетъ на свою судьбу, когда его чернитъ только народная (и ложная) молва; а Цезарю Вельсбергу пришлось претерпѣть въ десять разъ худшее и болѣе позорное...

И Вельсбергъ понялъ его мысли; это выдала улыбка, приподнявшая углы его выразительнаго рта.

— Лучше я разскажу вамъ вкратцѣ свою исторію,—началъ онъ опять:—должны же вы знать, съ кѣмъ имѣете дѣло, тѣмъ болѣе, что я хочу вамъ предложить поступить къ намъ въ редакцію, если ужъ вы непремѣнно думаете посвятить себя журналистикѣ. Если вы не прочь меня выслушать, я начну. Исторія моя будетъ недолга.

XIV.

— Съ моими отношеніями къ семьѣ Вельсберговъ вы, вѣроятно, ужъ достаточно знакомы; братья и прочіе родные знать меня не хотятъ и вполнѣ игнорируютъ мое существованіе. Я, сколько вамъ извѣстно, родился въ семьѣ людей преданныхъ

принципамъ милитаризма, и потому не стану распространяться о томъ, въ какомъ духѣ меня воспитали. Восемнадцати лѣтъ я вышелъ въ офицеры, еще незнакомый съ житейскими страстями и суетностью. Своей родины, своего народа я не зналъ, да и гдѣ жъ было мнѣ съ ними ознакомиться, когда все дѣтство и все юношество я провелъ на школьной скамьѣ кадетскаго корпуса, въ безпрекословномъ служеніи строжайшей дисциплинѣ? Мои первые шаги въ жизни ничѣмъ не отличали меня отъ другихъ такихъ же юношей, какъ я. И я заплатилъ долгъ своимъ первымъ увлеченіямъ: я игралъ—и проигрался.

Платить мнѣ было нечѣмъ; я выдалъ векселя, а когда пришло время ихъ протестовать — я не нашелъ лучшаго исхода, какъ пустить себѣ пулю въ лобъ. Это рѣшеніе созрѣло во мнѣ само собою, какъ вполнѣ естественное и единственное, удовлетворявшее усвоеннымъ мною понятіямъ о чести. Само собою разумѣется, что предварительно я испробовалъ всевозможныя средства, чтобы достать необходимыя деньги; но всѣ мои старанія не привели ни къ чему; мнѣ оставалось только покончить разсчеты съ жизнью... Какъ вдругъ, неожиданно, въ то самое утро, когда истекалъ срокъ платежа, ко мнѣ явился товарищъ, выигравшій въ ту ночь такую сумму, которая позволяла ему выручить меня изъ бѣды. Какъ глубоко я чувствовалъ себя тогда ему обязаннымъ, вы можете легко себѣ представить; потребуй онъ у меня тогда жизнь мою, и то я не задумался бы ни на мигъ исполнить его желаніе.

Съ той поры я сталъ разсудительнѣе и серьезнѣе. Ночь, которую мнѣ пришлось пережить наканунѣ того дня, когда мнѣ оставалось только лишить себя жизни, не прошла мнѣ даромъ: я остепенился.

Я встрѣтилъ дѣвушку, которая вскорѣ стала моей женою и товарищемъ, моимъ вѣрнымъ другомъ,—противъ воли моей знатной родни, слишкомъ высоко ставившей свое благородное происхожденіе. Я преодолѣлъ всѣ препятствія; я, не задумавшись, вышелъ въ отставку и поступилъ въ редакцію, гдѣ мой тесть занималъ мѣсто редактора газеты, которая смѣло отстаивала свои независимыя воззрѣнія на личную, общественную свободу и на милитаризмъ, которому тогда поклонялись еще больше, чѣмъ теперь. Мы съ женой жили не богато, даже порой нуждались, какъ это бываетъ зачастую при нашихъ условіяхъ; жена моя, послѣ второго ребенка, начала хворать, а все-таки у нашего семейнаго очага было свѣтло и уютно.

Однажды, нежданно-негаданно, зашелъ ко мнѣ тотъ самый

товарищъ, благодаря которому я остался живъ и уплатилъ свой долгъ. Говоря коротко, съ нимъ повторилось то, что̀ едва не сгубило меня: онъ проигрался и не могъ разсчитывать ни на чью больше помощь, кромѣ моей.

— Ты не поможешь — тогда мнѣ прямо пулю въ лобъ!— говорилъ онъ.—Мнѣ надо только выждать восемь дней... Пойми ты: черезъ восемь дней я отдамъ тебѣ свой долгъ съ глубочайшей благодарностью!

Капли холоднаго пота стояли у него на лбу; онъ былъ страшно блѣденъ и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

У меня не было за душою ни гроша, но я чувствовалъ себя нравственно обязаннымъ ему помочь, и меня мучила моя безпомощность. Какъ мы ни судили, ни рядили, ничего не придумали, и онъ еще разъ началъ клясться своимъ честнымъ словомъ, что черезъ недѣлю у него будутъ деньги.

— Мнѣ самого себя не жаль; а жаль отца и мать, которые лишатся сына, на старости лѣтъ... Но вѣдь ты можешь, можешь меня спасти! Да, — ты! Именно ты... У тебя на рукахъ полковая касса... До перваго числа и не подумаютъ ревизовать, а до перваго осталось еще десять дней. Еслибы ты дѣйствительно хотѣлъ меня спасти... что̀ бы тебѣ сто̀ило...

Я поднялъ руки, замахалъ ими, какъ безумный, который отталкиваетъ, гонитъ отъ себя страшный призракъ...

Онъ говорилъ, онъ говорилъ безъ умолку, не давая мнѣ передохнуть... И постепенно во мнѣ зарождалось убѣжденіе, что онъ пришелъ ко мнѣ, зная прекрасно, что у меня *дома* не найдется такихъ денегъ, и что я (по его мнѣнію) *могу* занять необходимую сумму въ полковой кассѣ.

Ка̀къ это сдѣлалось, ка̀къ я рѣшился — я не помню и стараюсь не вспоминать; помню только, что онъ ушелъ отъ меня съ лицомъ, которое сіяло безграничной радостью и счастьемъ. Зато весь этотъ день я не могъ смотрѣть въ глаза женѣ и дѣтямъ, я чувствовалъ себя передъ самимъ собой униженнымъ, безчестнымъ; мнѣ казалось, что мое прикосновеніе должно ихъ запятнать...

Ужасное, безповоротное свершилось... Какъ и когда — ужъ вы позвольте мнѣ объ этомъ умолчать. Вы уже угадали, что восемь—нѣтъ, десять дней спустя, произвели ревизію, и... я очутился подъ судомъ. Мало того: я самъ, получивъ о ревизіи увѣдомленіе, написалъ признаніе въ растратѣ и просилъ себя арестовать. О смерти я не думалъ, хотя револьверъ былъ у меня подъ рукою. Товарищъ мой, уѣхавшій вскорѣ послѣ нашего свиданія

въ деревню (чтобы тамъ получить слѣдуемыя ему деньги, какъ я предполагалъ, узнавъ объ его отъѣздѣ), когда насталъ срокъ платежа, телеграфировалъ мнѣ такъ:

„Не могу сдержать слова. Поступлю, какъ слѣдуетъ. Прости мнѣ, если можешь".

Послѣдняя надежда пропала. Но я нашелъ еще въ себѣ настолько мужества, чтобы отвѣтить ему телеграммой:

„Останься жить. Убѣдительно прошу".

Мой отвѣтъ опоздалъ на четверть часа. Товарищъ мой застрѣлился въ своемъ родовомъ помѣстьѣ.

Тогда-то и случилось...

— Пожалуйста, довольно! — остановилъ разсказчика Зигмаръ.—Я и безъ словъ могу себѣ представить, что произошло...

— Нѣтъ, нѣтъ: я доскажу! Еще минута,—и конецъ!—настаивалъ Вельсбергъ.

Женѣ я разсказалъ все откровенно, и она повѣрила мнѣ; она поддержала меня въ тяжелыя минуты; мысль о ней и о дѣтяхъ дала мнѣ мужество пережить весь позоръ суда и заключенія. Когда товарищи явились арестовать меня, они видимо были непріятно удивлены, что застали меня еще въ живыхъ; затѣмъ, ожидая, пока я прощусь съ домашними и выйду къ нимъ, они прислушивались, не услышатъ ли хоть теперь звукъ выстрѣла; но нѣтъ! имъ суждено было счесть меня трусомъ... Я перенесъ все; но чего мнѣ стоило такое мужество, одному Богу извѣстно.

Когда я вышелъ на свободу, меня опять встрѣтила моя вѣрная подруга, жившая все это время вмѣстѣ съ дѣтьми у своего отца, и пожелала вновь дѣлить со мной нужду и заботы въ Новомъ-Свѣтѣ: въ Старомъ—мнѣ не было мѣста.

Какъ мы жили въ Америкѣ, каково намъ было перебиваться, пока мы въ состояніи были считать себя хоть сколько-нибудь обезпеченными людьми, — объ этомъ было бы слишкомъ долго говорить. Скажу только, что тамъ, гдѣ мы опять стали людьми, гдѣ насъ не позорили, не унижали, — мы все-таки думали только о томъ, какъ бы вернуться на родину, гдѣ такъ страдали, и гдѣ никто насъ не хотѣлъ знать. Жена скрывала отъ меня свои слезы, свою тоску по родинѣ, я—отъ нея... Наконецъ, мы вернулись! — Онъ замолкъ на минуту, выпилъ еще стаканъ медленными глотками, и продолжалъ:

Въ сущности, наказанье, которое человѣкъ терпитъ за свою вину, должно бы служить ему очищеніемъ въ глазахъ ему подобныхъ, а не то—какой же въ немъ смыслъ? Между тѣмъ,

когда человѣкъ уже искупилъ свою вину, когда онъ вновь долженъ начать жизнь,—кто ему протянетъ руку помощи, кто признаетъ его себѣ равнымъ? Да никто! Его преступленіе такъ на немъ и остается, какъ еслибы онъ за него еще не потерпѣлъ, не настрадался больше, чѣмъ мыслимо себѣ представить... По счастію, мой тесть—редакторъ газеты „Гласъ народа“, которую мы вмѣстѣ съ его друзьями и единомышленниками здѣсь основали, значительно облегчилъ мнѣ мои первые шаги на трудномъ поприщѣ новой жизни и новаго для меня труда, который я теперь вамъ и предлагаю раздѣлить со мной. Обдумайте мое предложеніе хорошенько, и дайте мнѣ отвѣтъ.

— Обдумывать тутъ нечего, — возразилъ Зигмаръ: — ваше предложеніе является для меня особымъ и великимъ благодѣяніемъ. Не знаю только, не ошибаетесь ли вы во мнѣ? Я человѣкъ вѣдь въ сущности еще весьма неопытный...

Цезарь Вельсбергъ увѣренно улыбнулся:

— Не думаю!.. А что вы, конечно, не совсѣмъ опытны, такъ въ этомъ я и не сомнѣваюсь. Иначе вамъ и въ голову бы не пришло отказаться отъ дуэли, и, наконецъ, вы всѣмъ и каждому кричали бы, что вы неповинны въ смерти Ульриха фонъ-Фалена. Вы непрактичны и горды; вы настойчивы и упрямы. Вы, не задумываясь, плывете противъ теченія...

— Какъ вы знаете, что я неповиненъ въ смерти бѣднаго Ульриха?—съ удивленіемъ спросилъ Зигмаръ.—Отчего вы увѣрены, что всеобщее мнѣніе невѣрно?

Вельсбергъ слегка покраснѣлъ и какъ-то вскользь замѣтилъ:

— Таково мое убѣжденіе... Впрочемъ, вы правы: все равно, вамъ никто бы не повѣрилъ. Но вотъ что мнѣ еще больше въ васъ нравится—это ваша смѣлость держаться своихъ собственныхъ убѣжденій, ваша готовность встрѣтить всяческія послѣдствія вашего образа дѣйствій. Наша газета—органъ неподкупный и независимый; мы не придерживаемся никакихъ партійныхъ стремленій; мы одни имѣли смѣлость не примкнуть къ общему мнѣнію печати, которая вся была противъ васъ... Какъ видите, вы,—сами того не подозрѣвая,—были уже нашимъ. Вы стремитесь къ тому же, проповѣдуете то же, что и мы,—что проповѣдуетъ и всякій здравомыслящій, доброжелательный человѣкъ: развитіе всѣхъ тѣхъ сторонъ нашей жизни, которыя могутъ способствовать ея преуспѣянію, особенно же въ смыслѣ умственнаго совершенства: водвореніе свободы мысли въ политикѣ и въ печати; уравненіе общественныхъ и имущественныхъ правъ; облегченіе участи рабочихъ классовъ; развитіе этической образо-

ванности, предъ которой всѣ равны, несмотря на различіе религіозныхъ, расовыхъ или сословныхъ убѣжденій. Вотъ вкратцѣ и вся наша программа. Словомъ, мы хотимъ, чтобъ для человѣка жизнь стала лучше, привлекательнѣе; чтобы онъ полюбилъ ее и зналъ ей цѣну; чтобы она вообще стала гуманнѣе, мягче, человѣчнѣе. Наша цѣль, наша мечта—помогать людямъ воспитать себя. Я знаю, что въ этомъ вы намъ можете смѣло обѣщать вашу помощь. Ну, что же: согласны?..

Позднею ночью вернулся Зигмаръ домой, еще ошеломленный только-что происшедшимъ въ его жизни неожиданнымъ переворотомъ.

Эсѳирь уже ушла къ себѣ, но все было для него приготовлено, какъ всегда, ея заботливыми, нѣжными руками. Лампа горѣла на столѣ въ кабинетѣ; машинка для чаю—тутъ же, наготовѣ. Онъ зналъ, что сестра хоть и легла, но все еще не спитъ, прислушиваясь, не вернулся ли онъ домой? Потребность подѣлиться своимъ радостнымъ впечатлѣніемъ заставила его постучаться къ ней. За дверью послышался ея кашель и усталый голосъ:

— Что тебѣ, Зигъ? Войди!

Тихонько ступая, переступилъ онъ за порогъ бѣленькой, какъ снѣжинка, уютной дѣвичьей комнатки, въ которой была пріятная полутьма. Темноты,—даже ночью,—Эсѳирь не любила; а бѣлый цвѣтъ она предпочитала всѣмъ остальнымъ. Братъ опустился на колѣни передъ ея изголовьемъ и нѣжнымъ, долгимъ поцѣлуемъ прильнулъ къ ея худенькимъ ручкамъ.

— Ты, кажется, хотѣлъ что-то мнѣ сказать?—спросила она, видя, что онъ продолжаетъ молчать. Зигмаръ покачалъ головой:

— Нѣтъ, ничего... Только вотъ что: съ этихъ поръ у насъ все пойдетъ хорошо. Я глупъ и трусъ... а Провидѣніе, все-таки, гораздо усерднѣе печется о насъ, чѣмъ мы воображаемъ. И это, въ сущности, должно бы пристыдить меня, а я, наоборотъ, чувствую только, что я счастливъ и глубоко благодаренъ Провидѣнію... и, кажется, еще никогда не любилъ тебя такъ горячо!.. Нѣтъ, больше ничего не скажу тебѣ... завтра, завтра! Спи спокойно, моя дорогая. Покойной ночи!

XV.

Вѣра Альсфельдъ была рѣшительно не въ духѣ. Когда же она бывала не въ духѣ, отъ нея доставалось всѣмъ—и людямъ, и животнымъ: она всѣхъ мучила безъ жалости и безъ разбора.

Прежде всѣхъ испыталъ это на себѣ ея любимецъ Жако, который кончилъ тѣмъ, что, враждебно озираясь, ощетинился, нахохлился и скорчился на своей жердочкѣ. Потомъ пришла очередь бѣленькаго пушистаго шпица, по прозванію Бланшъ; и тотъ, жалобно визжа, побѣжалъ укрыться за печкой отъ преслѣдованій своей грозной госпожи. Затѣмъ, пришелъ чередъ тети Сары. Но она отнеслась совершенно иначе къ племянницѣ: она не испугалась, не обидѣлась, не разсердилась; она разсмѣялась. Что бы ни говорила, что бы ни дѣлала ея взбалмошная племянница,— она только смѣялась.

„И откуда у этого ребенка берется столько находчивости въ измышленіи разнаго рода забавнаго тиранства“!—думала она и рѣшала, что было бы несравненно менѣе политично съ ея стороны обижаться или вообще давать Вѣрѣ поводъ подумать, что ея расположеніе духа имѣетъ какой-нибудь вѣсъ въ теткиныхъ глазахъ. Серьезное отношеніе къ ея дѣтски-взбалмошнымъ выходкамъ могло только подлить масла въ огонь, и тогда изъ шутки могла бы выйти непріятность и ссора. Что такое случилось съ „графинюшкой“—тетка не могла бы сказать; но уже не сегодня замѣчала она, что Вѣрочкѣ какъ будто все наскучило. Ей надоѣли книги; ее больше не забавлялъ ея любимый скакунъ; она больше не находила ничего смѣшного въ своихъ горячихъ поклонникахъ. Тетя Сара была тутъ ни при чемъ, и не могла же она быть за это въ отвѣтѣ!..

Въ той комнатѣ, гдѣ сидѣла, по требованію Вѣры, тетя Сяра со своей капризной племянницей, было все вверхъ дномъ. Судя по рухляди, которую любила собирать у себя Вѣра, — по рухляди старинной, типичной и дорогой, можно было подумать, что это лавочка торговца рѣдкостями. Мебель частью была во вкусѣ рококо, частью же до того обветшала, что дорогая штофная обивка висѣла въ лохмотьяхъ. По стѣнамъ были прибиты разбитыя старинныя блюда и тарелки; на полкахъ и подставкахъ, на столикахъ и столахъ стояли пестрыя изящныя или массивныя вазы, кувшины и шкатулки...

Посреди всего этого хаоса рѣдкостей, на полу, на бѣлой медвѣжьей шкурѣ любила лежать Вѣра, запустивъ обѣ руки въ свои длинные распущенные волосы, въ то время, какъ читала своихъ любимцевъ—Буржé или Мопассана. Если же ей встрѣчалось какое-нибудь такое мѣсто, которое могло привести въ ужасъ или заставить покраснѣть тетю Сару, — Вѣра непремѣнно прочитывала его вслухъ и прибавляла:

— Право же, тетя Сара, это нисколько не преувеличено.

Ну, что жъ такое, если оно такъ и есть? Не будь пожалуйста смѣшна со своей щепетильностью! Ты не какая-нибудь дочка деревенскаго пастора!

Если же ей хотѣлось чѣмъ-нибудь особенно позлить свою тетю Сару, то она иной разъ замѣчала ей, съ невозмутимымъ апломбомъ:

— Пожалуйста, не разыгрывай изъ себя такое эѳирное созданіе! Могла же ты, еще молодой дѣвушкой, пойти въ домъ ко вдовцу!..

Вѣра знала, что это у тетки самое больное мѣсто, и сегодня она уже раза два коснулась его мимоходомъ.

— Да полно же тебѣ копаться въ такой старинѣ!—просила ее тетя Сара, и, завидя брата, который къ нимъ зашелъ, прибавила полу-шутливо:—Она сегодня насъ такъ отдѣлываетъ, что жарко становится!

Графъ самъ и безъ того ужъ былъ въ какомъ-то необычномъ настроеніи; не то онъ куда-то спѣшилъ, не то просто былъ озабоченъ и разсѣянъ. Вѣра просила его къ ней зайти:

— Ну, говори скорѣй, что тебѣ надо! Мнѣ некогда; я тороплюсь...—тотчасъ же заявилъ отецъ.

— Мнѣ только хотѣлось сказать тебѣ, папа, что я пойду къ Зигмару Оттерштедту.

— Ты, кажется, съума сошла?

— Старая пѣсня, папа!

Графъ Эбергардъ нетерпѣливо пощипывалъ свою бородку, и кончилъ тѣмъ, что разсмѣялся.

— Впрочемъ, ты, какъ всегда, оригинальна и всегда у тебя найдется что-нибудь новое. Ты пойдешь къ Оттерштедту... ты? Да какъ же такъ? Да почему же? Что тебѣ надо отъ него?

— Мнѣ надо ему объяснить, что я отнюдь не причастна къ общему мнѣнію, которое его осуждаетъ. Я хочу ему самому сказать, что на его мѣстѣ я поступила бы такъ же точно, какъ онъ самъ теперь поступилъ и поступаетъ. Я хочу просто вмѣстѣ съ нимъ немножко посмѣяться надъ обществомъ, которое судитъ человѣка голословно... Ну, вотъ и все!

Графъ Эбергардъ передернулъ плечами. На этотъ разъ выдумка дочери уже не показалась ему смѣхотворной, а скорѣе слишкомъ смѣлой... дерзкой.

— Что же, по мнѣ дѣлай, что хочешь. Такое развлеченіе вѣдь ничего не стоитъ. Но къ чему тебѣ вдругъ понадобилось идти къ нему на домъ,—этого я совсѣмъ не понимаю!

— Къ намъ вѣдь онъ больше не приходитъ; да и вообще нигдѣ его не видно.

— Вотъ видишь! Значитъ, онъ самъ какъ бы подтверждаетъ тотъ фактъ, что онъ больше не принадлежитъ къ нашему обществу.

— Какъ будто это для него такая ужъ потеря! Или ты, можетъ быть, самъ къ этому обществу принадлежишь? Смѣшно сказать! Ну, что жъ такого, что онъ отказался драться и пренебрегъ мнѣніемъ общества? Да развѣ ты самъ не пренебрегаешь имъ, такъ сказать, ежечасно? И ты будешь его судить за это,— ты, котораго я люблю за то, что ты не справляешься съ мнѣніемъ „свѣта“! Я думала, что у тебя-то, по крайней мѣрѣ, вовсе нѣтъ предубѣжденій. И вдругъ, такой вздоръ—честь! Сословная, общественная честь! Кто же ее преслѣдуетъ, какъ не ты самъ, который прослылъ какимъ-то свободомыслящимъ, кочевникомъ-цыганомъ? Ты всегда дѣлалъ только то, что тебѣ хотѣлось; ты ничьего мнѣнія знать не хотѣлъ. Я такъ тобой гордилась! Ты меня просто разочаровалъ; я больше ужъ не нахожу тебя забавнымъ; съ тобою просто скучно!..—И Вѣра даже зѣвнула на придачу.

— Слыханное ли дѣло: ей съ отцомъ скучно!..—ужаснулась тетя Сара. Но графъ повелъ въ сторону рукою, протестуя противъ словъ дочери, и, какъ бы въ извиненіе ей, прибавилъ:

— Видишь ли, Вѣра: это большая разница! Что можетъ пройти безнаказанно графу Альсфельдъ, то вовсе непригодно для какого-нибудь Оттерштедта. И наконецъ, какое же сравненіе! Мое независимое поведеніе, или—отказъ отъ дуэли? Да это просто трусость, это позоръ! *Я* никогда бы ничего подобнаго не позволилъ! Но у него нѣтъ на это никакого права!

Вѣра разсмѣялась:

— Ну, папа! Это для меня новость! Ты всегда такъ стоялъ за равенство сословій, и вдругъ—самъ же ставишь сословную рознь на первый планъ! Другого возраженія ты не находишь. Ты этимъ доказательствомъ сразу разбиваешь все, чего строго держался до сихъ поръ...

Графъ вертѣлъ своими дорогими брилліантовыми кольцами въ знакъ сильнаго раздраженія.

— Можешь сохранить про себя свои наставленія: мнѣ гораздо удобнѣе прочесть ихъ по Бебелю или по какому-нибудь изъ твоихъ любимыхъ писателей и проповѣдниковъ. Съ которыхъ это поръ тебѣ понадобилось въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ опираться на нравственныя начала? Что же касается до твоего господина Оттерштедта, который теперь пристроился къ какой-то подпольной газетѣ...

— Ну, такъ я ужъ навѣрное сегодня же пойду къ нему!— перебила его Вѣра.

— Слыханное ли это дѣло?!—ужасалась тетя Сара.

Графъ, наконецъ, не выдержалъ. Онъ вскочилъ на ноги и принялся въ свою очередь возражать дочери, заложивъ руки въ карманы и раскачиваясь по сторонамъ.

— Дѣлай какъ знаешь! Только ужъ извини: ничего въ этомъ я не понимаю! Ты, просто-на-просто, изъ принципа не хочешь пристать къ общему мнѣнію? Такъ можешь, сколько душѣ твоей угодно, каждому кричать, что ты съ нимъ несогласна; и довольно съ тебя! Нечего сказать, хорошо посмотрятъ фонъ-Фалены на твой безтактный вызовъ! Во всемъ же остальномъ...

Графъ раздраженно отвернулся отъ дочери и прошелся по комнатѣ. Первый разъ въ жизни она не казалась ему забавной и оригинальной; сегодня ни смѣяться ни шутить, глядя на нее, не хотѣлось.

Тѣмъ смѣшнѣе, однако, казался онъ Вѣрѣ, и въ ея смѣхѣ было что-то такое колкое, что̀ его непріятно поразило и задѣло его самолюбіе.

— Послушай, папа̀!—проговорила Вѣра почти сочувственно.—Ты можешь быть спокоенъ,—приличія будутъ соблюдены вполнѣ: у него есть сестра. Наша графская честь спасена!—и она разсмѣялась.

Графъ Эбергардъ, взбѣшенный, вышелъ вонъ, съ размаху хлопнувъ дверью.

— Бѣги за нимъ скорѣе, тетя!—крикнула ей Вѣра.—Скорѣй примирися съ нимъ! Да поцѣлуй его покрѣпче!

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣра въ тотъ же день въ первый разъ побывала у Оттерштедтовъ, она тамъ сдѣлалась частой гостьей. Чуть не ежедневно заглядывала она къ нимъ хоть на минуту, забѣгая къ Эсѳири въ то время, какъ ея верховая лошадка ждала ее внизу, у подъѣзда. Никогда она не являлась съ пустыми руками,—то цвѣты, то книгу приносила она своему новому другу.

Ея первое знакомство съ домашнимъ очагомъ Зигмара Оттерштедта было для нея цѣлымъ событіемъ.

Очутившись въ тѣсной и уютной и благоухающей цвѣтами квартиркѣ, гдѣ ее приняла прелестная дѣвушка, какую Вѣра видѣла только на картинкахъ,—юная графиня сразу поддалась обаянію Эсѳири и той обстановки, которою она себя окружила.

Большею частію она заставала ее одну; Зигмаръ цѣлые дни и вечера работалъ то въ редакціи, то въ библіотекѣ, то бѣгалъ по городу, чтобы ближе ознакомиться съ тѣми бѣдствіями и нуждами людскими, за облегченіе которыхъ ратовала его газета. Тогда Вѣра любила усѣсться на скамеечку у ногъ Эсѳири и что-нибудь болтать въ перемежку съ поцѣлуями, которыми она не могла не осыпать крошечныя, нѣжныя ручки больной. Эта больная, которой въ будущемъ не предстояло ничего, кромѣ страданія и смерти, казалось, обладала особымъ даромъ подчинять всѣхъ окружающихъ обаянію своего безропотнаго терпѣнія и ангельской кротости. Въ ея присутствіи Вѣра перерождалась, чувствуя себѣ совсѣмъ иною, нежели была дома или на большихъ балахъ и вечерахъ.

Какъ пусты, какъ безсодержательно глупы казались ей эти вечера, на которые люди стремятся только для того, чтобы разсѣять скуку или похвастаться своимъ нарядомъ! Братъ и сестра Оттерштедты со скукой незнакомы; мишурный блескъ и пустота общественныхъ сборищъ и увеселеній ихъ никогда не привлекали.

Зигмаръ чувствовалъ, что онъ оживаетъ съ каждымъ днемъ; новая жизнь, ея живые и близкіе ему интересы поглощали всѣ его нравственныя и физическія силы; но эти силы не только не истощались въ непрерывной работѣ, а наоборотъ, крѣпли и росли по мѣрѣ того, какъ росла и самая работа. Иногда, видя его лишь урывками, Вѣра думала, что въ сущности она только теперь, ознакомившись съ его домашней обстановкой, увидала, что̀ онъ за человѣкъ, хотя и прежде онъ казался ей совсѣмъ инымъ, чѣмъ другіе, увивавшіеся за нею молодые люди. Эсѳирь никогда не хвастала совершенствами своего брата; но вся ея жизнь, всѣ ея думы были такъ полны его собственными интересами и заботой о немъ, что изъ ея словъ можно было вынести полное представленіе о мельчайшихъ подробностяхъ въ жизни и характерѣ ея брата. Если же ему случалось ненадолго побыть дома, онъ обыкновенно разсказывалъ о своихъ трудахъ и впечатлѣніяхъ въ былые годы или читалъ вслухъ что-нибудь интересное, что̀ и служило тэмой для такого серьезнаго разговора, что Вѣра часто говорила своему другу Эсѳири:

— Замѣчательные вы люди, право! Такимъ бы людямъ вовсе не мѣсто на землѣ: слишкомъ ужъ остальные, въ сравненіи съ вами, и грубы, и пошлы!..

Тетю Сару поражало, что Вѣрѣ до сихъ поръ еще не надоѣло такъ часто посѣщать своихъ новыхъ знакомыхъ: она не

понимала, какъ это графиня могла туда стремиться и что она могла тамъ находить такого интереснаго.

Графъ Альсфельдъ, между тѣмъ, рѣшительно пересталъ быть забавнымъ и весельчакомъ, какимъ слылъ съ давнихъ поръ.

Юстиціи совѣтникъ Штольтингъ безъ церемоніи высказалъ однажды въ „Кармашкѣ“ свое мнѣніе по поводу происшедшей въ графѣ замѣтной перемѣны:

„Нашъ графъ становится человѣкомъ основательнымъ, консервативнымъ. Смотрите, того и гляди, женится вторично, и эта женитьба будетъ ужъ нѣчто прочное“!

Съ тѣхъ поръ, какъ недолговременный блескъ „Эденъ-театра“ началъ угасать, съ нимъ вмѣстѣ угасала и веселость графа Эбергарда. Ходили слухи, что его пыталась развеселить и утѣшить одна изъ театральныхъ артистокъ. Тѣмъ временемъ добрыя товарищескія отношенія между отцомъ и дочерью стали портиться, между ними стало развиваться какое-то отчужденіе, которое шло все увеличиваясь. Бывало, отецъ съ дочерью шутили другъ надъ другомъ; теперь они только пожимали плечами.

XVI.

Да, какъ ни удивительно казалось это тетѣ Сарѣ, а Вѣра не только не скучала въ обществѣ Оттерштедтовъ,—напротивъ, каждый разъ она въ немъ находила нѣчто новое. Иногда она тамъ встрѣчала Ганса Вельсберга, и онъ тоже казался ей теперь совсѣмъ другимъ человѣкомъ, хоть и въ другомъ родѣ, нежели Зигмаръ Оттерштедтъ. Одно время она опасалась, что Гансъ, какъ всѣ другіе, влюбится въ нее; но вдругъ сдѣлала неожиданное открытіе: Гансъ былъ горячо влюбленъ въ Эсѳирь.

Сначала графиня вѣрить не хотѣла; она говорила себѣ, что съ его стороны это просто жалость, состраданіе; но, присмотрѣвшись ближе, она убѣдилась, что этотъ здоровякъ и силачъ, этотъ жизнерадостный юноша любилъ Эсѳирь не только какъ слабое, больное дитя, а даже какъ женщину! Она видѣла теперь ясно, что Гансъ дорого бы далъ за счастіе на рукахъ своихъ внести ее въ свой домъ, окружить ее нѣжнѣйшими заботами за все то время, которое ей еще суждено прожить. Впрочемъ, объ этомъ онъ даже и не думалъ: ему хотѣлось только одного, чтобъ она дала ему право боготворить ее, какъ существо высшее, совершенно недосягаемое, нѣжность котораго къ нему была бы для него высшимъ блаженствомъ.

Въ одинъ прекрасный день, когда Вѣры не было у Оттерштедтовъ, Гансъ Вельсбергъ, уже начинавшій къ ней ревновать къ Эсѳирь, рѣшился высказать свои пламенныя мечты, свои надежды.

Долго слушала его молча бѣдная дѣвушка. Ей всегда нравилась его манера говорить: все у него звучало такъ увѣренно, открыто и чистосердечно! Но въ этотъ разъ онъ ее удивилъ; онъ своими словами возбудилъ въ ней какое-то благоговѣйное умиленіе. Когда онъ кончилъ, она съ тихою лаской положила на его руку свою, и печально проговорила:

— Вамъ вовсе бы не слѣдовало поднимать этого вопроса! Съ нашей стороны это довольно смѣло; вы рисковали очень, очень разстроить меня такими рѣчами... Полноте! Успокойтесь! Я не разстроена... ну, право же! Говорю вамъ вѣрно. Только вотъ что̀ я вамъ скажу: я не изъ такихъ, которыхъ можно жалѣть; я черезчуръ для этого горда, самолюбива. Хоть намъ самимъ себя уже не жаль, насъ все-таки не оставляетъ никогда увѣренность, что въ другихъ мы возбуждаемъ состраданіе, и это больно отзывается на сердцѣ.

— Вотъ и вся причина, по которой вы хотите огорчить меня отказомъ?—спросилъ онъ такимъ упавшимъ голосомъ и съ такимъ огорченіемъ взглянулъ на нее, что она невольно погладила его тихонько по рукѣ.—Я... не я васъ жалѣю, а вы должны пожалѣть меня. Я васъ люблю и вы необходимы для меня, какъ жизнь, какъ воздухъ. Вы не хотите огорчить Зигмара?

— О, нѣтъ! — съ кроткой усмѣшкой возразила Эсѳирь:— Зигмару я теперь уже не такъ настоятельно нужна.

— Ну, такъ вы все еще любите того... другого... который васъ не стоитъ... который васъ уже не разъ душевно мучилъ!.. Но мыслимо ли это, послѣ всего, что̀ онъ заставилъ васъ перестрадать? И вы никакъ не можете съ этимъ чувствомъ разстаться? Удѣлите же мнѣ хоть малую частицу своихъ думъ, своего душевнаго участія!

Эсѳирь только покачала головою.

— Вы ошибаетесь, Гансъ! Я отрѣшилась ужъ давно не только отъ него, но и вообще отъ всего земного. Я даже только къ тому и стремлюсь, чтобы найти для Лео самую подходящую жену. Въ томъ-то и дѣло, другъ мой, что я ужъ отдѣлилась отъ всего, и только самыя ничтожныя мои частицы здѣсь живутъ; все остальное давно принадлежитъ землѣ. Останемся, какъ были мы и до сихъ поръ,—друзьями. Развѣ этого мало?

— Знаю, знаю! Вы ради меня же хотите меня огорчить. Вы думаете, что я свяжу себя съ больнымъ, слабымъ созданьемъ;

вы не хотите портить окружающую меня здоровую атмосферу больничной обстановкой, которая будто бы неразлучна съ неизлечимо больными... Да? Вѣдь такъ? Вы хотите принести себя въ жертву; ваши великодушные порывы кажутся вамъ похвальнымъ, самоотверженнымъ поступкомъ; вы думаете, что я сумасшедшій, если я стремлюсь васъ переубѣдить? Но то, что вы думаете, вѣдь думаютъ и всѣ другіе; только отъ нихъ я ничего другого и не могу ожидать, и отъ нихъ мнѣ не больно это слышать... Но отъ васъ... отъ васъ!..

Въ порывѣ страсти, онъ, не помня себя, опустился передъ нею на колѣни.

— Эсѳирь! Вы любите меня... ну, хоть немного? Вы могли бы дать мнѣ столько счастья... столько счастья!..

И въ этомъ возгласѣ, порывистомъ и страстномъ, вылилась вся та бездна чувства, которой не давалъ въ немъ развиться недостатокъ женскаго участія, женскихъ заботъ и ласки.

Какъ ребенка, гладила Эсѳирь его по головѣ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ казался ей теперь ребенкомъ, — только большимъ, и своевольнымъ, и упрямымъ, но безконечно нѣжнымъ и добрымъ.

— Послушайте, Гансъ, милый Гансъ!—начала она, склонясь надъ нимъ и ласково глядя на его поникшее лицо:—надо же быть, наконецъ, благоразумнымъ. Въ этомъ отношеніи, ужъ дѣлать нечего, примиритесь со мною, обойдитесь безъ меня. Моя любовь—совсѣмъ другого рода. Я люблю запахъ липоваго, пушистаго цвѣта, когда мнѣ мягкій, теплый вѣтерокъ доноситъ его сквозь открытое окно. Люблю весенній первый лучъ вновь сіяющаго солнца, которое опять насъ пригрѣваетъ послѣ суровой, долговременной разлуки. Люблю слѣдить за его лучистымъ блескомъ на сосѣднихъ крышахъ, которыхъ онъ едва коснется и ярко освѣтитъ на пути ко мнѣ; люблю, когда въ веселый лѣтній день отблескъ его дрожитъ на трепещущихъ верхушкахъ вѣковыхъ деревьевъ какого-то стараго сада, который замкнутъ межъ каменными грудами домовъ... Я смотрю, я дышу этимъ тепломъ и ароматомъ—и съ меня довольно. Я счастлива; я чувствую, что все мое существо сливается съ этимъ неуловимымъ, неосязаемымъ движеніемъ и тепломъ; я становлюсь сама какъ бы частицей, незримымъ атомомъ всего живущаго на свѣтѣ. Я люблю все и всѣхъ за-разъ—одной, великою любовью—и одного любить я не могу и не умѣю! Мнѣ кажется, порой, что я сама не больше, какъ одна изъ многочисленныхъ пылинокъ, которыя несутся легкимъ вихремъ въ столбахъ солнечнаго свѣта. И если вамъ когда-нибудь случится заглядѣться на ихъ свѣтящуюся вереницу, вспомните про меня,

но не жалѣйте обо мнѣ, мой другъ: подумайте, что я, быть можетъ, тутъ же, въ видѣ искристой пушинки, навѣкъ слилась съ движеніемъ живительнаго бытія, что я—одинъ изъ атомовъ вѣчно живого мірозданья... Гансъ, милый Гансъ! Ну, что вы? Кажется, на глазахъ у васъ слезы? Не хорошо, мой другъ, не хорошо! Этого съ вами, вѣрно, съ самаго дѣтства не случалось?..

— Конечно, нѣтъ!—согласился Гансъ, поднимаясь.—Лучше мнѣ уйти, а то придется вамъ еще сильнѣе пристыдить меня... —и онъ рукой смахнулъ навернувшіяся на глаза слезы.

— Гансъ, вы на меня не сердитесь? Навѣрное? Совсѣмъ не сердитесь, совсѣмъ? И мы останемся друзьями... какъ мы были прежде? На такой легкій и ничтожный атомъ вѣдь не станетъ сердиться такой основательный человѣкъ, какъ мой милый Гансъ?

И худенькая ручка Эсѳири потянулась къ рукѣ Ганса; но онъ сначала побоялся ее взять. Заглянувъ ей въ глаза, онъ вдругъ почувствовалъ приливъ стыда, и жалости, и умиленья... Поспѣшно наклонился онъ къ бѣдной больной и, нѣжно прильнувъ къ ея рукамъ губами, кивнулъ ей, уходя, съ обычною привѣтливой улыбкой, какъ бы затѣмъ, чтобы безъ словъ ей показать, что онъ исполнитъ ея просьбу—быть ей, по старому, товарищемъ и другомъ...

Дорогой, въ корридорѣ, онъ столкнулся съ Вѣрой и пробѣжалъ, не поклонившись, мимо; но по лицу его и по его манерѣ она почти догадалась о происшедшемъ. Впрочемъ, Эсѳирь встрѣтила ее, какъ обыкновенно; только нѣсколько блѣднѣе и утомленнѣе обыкновеннаго показалась она встревоженной графинѣ.

Вѣра подала ей букетъ изъ розъ, который принесла съ собою, и не могла удержаться, чтобы не сказать отъ души:

— А знаете, Эсѳирь? Такимъ людямъ, какъ вы, не надо бы вовсе родиться на свѣтъ Божій: слишкомъ ужъ это имъ тяжело!

XVII.

Опять въ „Кармашкѣ“, на вечерѣ у графа Альсфельда, гости расшумѣлись. Изъ музыкальной залы доносились тягучіе звуки скрипки новоиспеченной венгерской знаменитости, и графъ уже не разъ показывался на порогѣ, какъ бы желая своимъ безмолвнымъ появленіемъ показать собесѣдникамъ, что пора бы имъ вести себя потише.

— Эти проклятыя адажіо! Какое-то вытье грудныхъ младенцевъ!—заворчалъ майоръ фонъ-Рибе. — Слушать ихъ, такъ съ тоски умрешь. И ради нихъ извольте еще стѣсняться! Гдѣ они откопали этого бродячаго цыгана? Вотъ отвращенье-то!.. Постойте-ка, я спрошу еще бургонскаго!

— Положимъ, у васъ есть достаточное основаніе желать, чтобъ разговоръ нашъ перешелъ на другую тэму,—замѣтилъ банкиръ Фриденталь, когда Рибе вернулся съ бутылкою бургонскаго въ рукахъ.

— У меня? А я и не подозрѣвалъ!—возразилъ фонъ-Рибе, наливая вино въ стаканы.—Я, какъ всегда, строго придерживаюсь своихъ словъ и не отступлюсь отъ нихъ. Что вѣрно, то вѣрно: у этого господина прошлое далеко не безупречно. Но такъ какъ онъ дѣйствительно замѣчательный человѣкъ по своимъ трудамъ, по своимъ знаніямъ, то надо же на это прошлое смотрѣть сквозь пальцы! И у кого же изъ насъ, наконецъ, не найдется въ прошломъ чего-нибудь такого, что было бы пріятнѣе предать забвенію? Кто самъ никогда въ жизни не грѣшилъ,—пусть первый броситъ въ него камень!

— Позвольте вамъ замѣтить, майоръ,—перебилъ его фонъ-Дэнъ:—ваше разсужденіе еще далеко не ясно. Давно ли, въ этой самой комнатѣ, на этомъ самомъ мѣстѣ, вы кляли этого самаго Вольнера и величали его „преступникомъ“, „каторжникомъ“ и „подозрительною личностью“? Это было въ тотъ самый вечеръ, когда онъ въ первый разъ сюда явился... У меня есть свидѣтели-очевидцы! Это былъ тотъ самый вечеръ, когда пришло извѣстіе, что Ульрихъ фонъ-Фаленъ застрѣлился. Тогда вы громогласно утверждали, что Вольнеръ отслуживалъ срокъ за какое-то неприглядное дѣло; что съ нимъ не пристало водиться порядочнымъ людямъ и т. п. Теперь все это какъ-то удивительно перемѣнилось: теперь его прошлое только *не* безупречно, и даже на него надобно „смотрѣть сквозь пальцы“, и т. д., и т. д. Я могу васъ побить вашими собственными словами, майоръ.

— Все это только дурная молва,—вмѣшался одинъ изъ присутствующихъ.—У каждаго свои воззрѣнія и никто никому не указъ. Нельзя никого укорять за то, что зло не забывается такъ долго...

— А Цезарь Вельсбергъ?—возразилъ банкиръ.—Пожалуй, чего добраго, намъ и его приподнесутъ въ этихъ самыхъ стѣнахъ! Это вѣдь говорилъ намъ самъ майоръ фонъ-Рибе!

— А вы еще тогда сказали, что это не велика бѣда!—кричалъ разсвирѣпѣвшій майоръ.

— Да. Совершенно вѣрно! И повторяю еще разъ. Желалъ бы я знать, какая разница можетъ быть между этимъ самымъ докторомъ Вольнеромъ и Вельсбергомъ—въ смыслѣ общественнаго положенія, конечно!

— Не припирайте же къ стѣнѣ нашего бѣднаго майора!—проговорилъ со смѣхомъ Штольтингъ.—Онъ совершенно растерялся, не знаетъ больше, отъ кого и какъ онъ долженъ отбиваться.

— Вельсбергъ виновнѣе, онъ не искупилъ своей вины...—возразилъ кто-то въ шутку.

— А его независимый „Листокъ“? Развѣ это не подвигъ добродѣтели, особенно же въ наше время? Это такое общеполезное дѣло, которому я глубоко сочувствую,—замѣтилъ Фриденталь.

— Да вы и безъ того вѣдь красный!—воскликнулъ майоръ.—Съ тѣхъ поръ, какъ правительство выказываетъ во всемъ свое антисемитическое направленіе, вы и вамъ подобные мстите ему, кокетничая своимъ соціаль-демократизмомъ. Вашимъ „независимымъ“ друзьямъ будетъ особенно пріятно, когда дѣло дойдетъ до рѣшительной дѣлежки.

— А! Значитъ, независимый и соціаль-демократъ, по вашему, одно и то же?—засмѣялся Фриденталь.—Какой глубокій взглядъ!

— Ну, полноте, майоръ! По вашему, это вѣдь настоящее искупленіе своихъ грѣховъ—спасти жизнь представителю и полезнѣйшему дѣятелю государства?

— Ну да, понятно. Я это готовъ подтвердить вторично; тѣмъ болѣе, что слѣдуетъ высоко ставить заслуги человѣка, который своими познаніями дѣлаетъ честь своей родинѣ и берется за излеченіе, у этого дѣйствительно полезнаго дѣятеля государства, такого опаснаго недуга, отъ котораго всѣ врачи отказались.

— Однако, позвольте!—горячился фонъ-Дэнъ.—Почему вы знаете, что этотъ министръ—такой уже полезный или *полезнѣйшій* (такъ, кажется, вы изволили сказать?) дѣятель государства? А противъ этого я рѣшительно протестую, и это вы еще говорите... не только мнѣ, но и всѣмъ здравомыслящимъ, интеллигентнымъ людямъ!

— То-есть, всѣмъ вашимъ такъ-называемымъ „свободомыслящимъ“, и „независимымъ“, и „соціаль-демократамъ“, да?—ехидно возразилъ майоръ.

— Что жъ, и они вѣдь тоже люди. Это во-первыхъ, а во-вторыхъ—я долженъ еще подвергнуть сомнѣнію тотъ немаловажный фактъ, что всѣ доктора, будто бы, отказались помочь

Бомсдорфу прежде, чѣмъ появился на нашемъ горизонтѣ д-ръ Лео Вольнеръ.

Майоръ нервно разсмѣялся.

— Вы можете хоть что̀ угодно подвергать сомнѣнію, если таково ваше желаніе. Но потрудитесь справиться у его племянника, у Брегена. Развѣ изъ-за пустого нездоровья министръ рѣшился бы пропустить восемь дней подъ рядъ въ рейхстагѣ? Развѣ самъ императоръ присылалъ бы ежедневно справляться о его здоровьѣ?.. Положимъ, сомнѣваться не трудно во всемъ, въ чемъ угодно: это еще не велика премудрость!

— Не велика и та премудрость, съ помощью которой вашъ хваленый докторъ съумѣлъ помочь Бомсдорфу! Послушай онъ внимательно совѣтовъ всякаго другого, и всякій другой помогъ бы ему такъ же точно.

— Да въ томъ-то и вся штука, что другіе не умѣли внушить ему къ себѣ довѣріе!

— Что жъ, пожалуй, это и есть „внушеніе“... но только не леченіе!—перебилъ еще кто-то—и не безъ ехидства.

— Что жъ, нравственное вліяніе на волю паціента можетъ принести ему только пользу. И, наконецъ, добиться довѣрія такого человѣка, какъ министръ Бомсдорфъ, чего-нибудь да стоитъ!

— Прекрасно! Если вамъ угодно сомнѣваться въ его достоинствахъ, какъ врача,—потрудитесь только заглянуть къ нему въ пріемную, гдѣ ежедневно происходитъ ужасная давка,—до того силенъ наплывъ паціентовъ!—торжествующимъ тономъ возразилъ майоръ.—И не только у него толпа, а даже великосвѣтскія дамы.

— Ну, вотъ! Ну, вотъ, вы сами видите, кто всего больше кричитъ объ его успѣхахъ!—ликовалъ кто-то изъ его оппонентовъ.—Все это великосвѣтскія притворщицы, „нервно-больныя“, которыхъ онъ успѣлъ увѣрить, что онъ лечилъ и вылечилъ ихъ отъ страданій печени. Недаромъ онъ слыветъ у нихъ красавцемъ и дамскимъ угодникомъ.

— Однакоже, позвольте вамъ сказать, — чуть не ревѣлъ майоръ,—что если бъ этотъ самый „красавецъ и дамскій угодникъ“ вылечилъ васъ отъ такой болѣзни, которая васъ мучила десятки лѣтъ и разъ двадцать вамъ грозила смертью...

— А!..—въ одинъ голосъ протянули присутствующіе, догадавшись, что майоръ по собственному опыту судилъ о докторскихъ способностяхъ новой знаменитости. Само собою разумѣется, что никогда не выдалъ бы онъ своей тайны, еслибъ его не раздразнили до крайнихъ предѣловъ.

Цѣлый перекрестный огонь вопросовъ, и намековъ, и остротъ, посыпался на злополучнаго майора.

— Господа, тише!—осадилъ кто-то шумѣвшихъ.—Скрипки совсѣмъ не слышно.—И въ самомъ дѣлѣ, не только скрипки, но и пѣнія знаменитой примадонны, которая смѣнила скрипку, не было слышно за общимъ сдержаннымъ, но все же слишкомъ громкимъ гуломъ голосовъ, увлекавшихся разностороннимъ обсужденіемъ „вольнеровскаго вопроса“. Вѣсть о томъ, какъ его отличилъ министръ,—самъ вызвавъ его къ себѣ, разнеслась съ быстротою молніи повсюду и сдѣлалась злобой дня, а самъ Лео выросъ въ глазахъ толпы до степени героя и вмѣстилища всѣхъ совершенствъ. Всѣ съ напряженіемъ ждали его появленія, и неизвѣстно, кто первый пустилъ въ ходъ этотъ слухъ, но говорили, что его задержалъ министръ, который за нимъ присылалъ нарочно.

Общее мнѣніе было до того въ пользу Вольнера, что даже самъ поручикъ Унгеръ, который на такомъ же „субботникѣ“ сообщалъ самыя достовѣрныя и неприглядныя свѣдѣнія о прошломъ молодого доктора, теперь уже не рѣшался повторить и десятой ихъ доли. Онъ просто отмалчивался или говорилъ, что ничего не знаетъ,—если его, какъ лично знакомаго, допрашивали, чтобъ имѣть о докторѣ болѣе подробныя свѣдѣнія.

— Помилуйте, да о немъ говорить,—чего добраго, обожжешься!—признавался Унгеръ товарищу.—Я не могу ни за что поручиться; меня не удивитъ нимало, напримѣръ, если въ одинъ прекрасный день онъ займетъ мѣсто имперскаго канцлера. Вотъ, можно сказать, человѣкъ дѣлаетъ карьеру! Я очень неосторожно поступилъ тогда, что говорилъ о немъ нехорошо; онъ можетъ теперь повредить мнѣ, если заподозритъ... Но кто бы могъ тогда предположить!..

Тогда, конечно, только и было разговору, что о самоубійствѣ Ульриха фонъ-Фалена, о которомъ теперь давно и думать позабыли, какъ позабыли объ его мнимомъ убійцѣ, ассессорѣ Оттерштедтѣ, вступившемъ на путь журналистики и вольнодумства. Нигдѣ больше не было его видно. На мгновеніе, онъ, было, занялъ собой всѣ умы, но затѣмъ, исчерпавъ чашу своихъ злоключеній, онъ снова погрузился въ мракъ безвѣстности, въ которой пребывалъ прежде, чѣмъ стоустая молва извлекла его изъ этого мрака и предала поруганію... Даже про самого Ульриха вспоминали только мимоходомъ по поводу слуховъ о вторичномъ бракѣ его красавицы-вдовы. Прекрасная Мелитта, тотчасъ же послѣ погребенія мужа, уѣхала на Ривьеру и ничего болѣе опре-

дѣленнаго про нее не было извѣстно. Поговаривали, впрочемъ, что этотъ будущій супругъ прелестной вдовушки—не кто иной, какъ Борисъ фонъ-Гольстъ; но какъ-то не особенно довѣрчиво къ этому относились.

Наконецъ, явился герой дня, долго-жданный Лео Вольнеръ; и явился въ тотъ самый моментъ, когда въ залѣ звучали дивные звуки скрипичнаго соло Вьётана, а самъ скрипачъ такъ усердно закатывалъ глаза, что только одни ихъ бѣлки сверкали.

Лео вошелъ непринужденно, со своей обычной спокойной самоувѣренностью; и только тотъ, кто зналъ его поближе, могъ бы угадать, что не даромъ въ глубинѣ его сосредоточенно-холоднаго взгляда таятся искорки, готовыя вспыхнуть. Рука, которая отвѣтила на привѣтъ подошедшаго къ нему Брегена, была влажная, горячая и слегка дрожала. Впрочемъ, по наружности его волненіе не было замѣтно.

— Ну, что? — спросилъ его журналистъ.

— Наша взяла!—отвѣтилъ Лео, и его зубы сверкнули на одно мгновеніе межъ пухлыхъ, но красиво очерченныхъ губъ его умнаго рта.

— И намъ обѣщано?..

— Крѣпко-на-крѣпко!

— Ну, въ такомъ случаѣ—позвольте поздравить!

— Благодарю. И... знаете, я полагаю, что было бы недурно сейчасъ же пустить эту новость въ оборотъ. Ничто такъ не имѣетъ силы, какъ общественное мнѣніе, особенно въ томъ случаѣ, еслибы намъ нѣсколько повредила сильная оппозиція...

— Все будетъ сдѣлано, конечно. И безъ того я позаботился бы хорошенько... Можете быть спокойны. Къ оппозиціи онъ не примкнетъ, навѣрное: и чѣмъ она будетъ сильнѣе, тѣмъ больше будетъ онъ стоять на своемъ, изъ чувства самолюбія, чтобы не поддаться. Такова ужъ у него замашка!

— Tant mieux!.. Ну, до свиданья!

Они обмѣнялись дружескимъ рукопожатіемъ и затѣмъ разстались.

Лео пошелъ поздороваться съ графомъ и по дорогѣ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, съ какимъ вниманіемъ и любопытствомъ слѣдятъ за нимъ глазами гости, наводнявшіе гостиныя Альсфельдовъ, съ какимъ жаромъ они что-то шепчутъ другъ другу, глядя ему во слѣдъ.

Ни отъ кого не ускользнуло весьма немаловажное обстоятельство: графъ особенно горячо и почтительно привѣтствовалъ д-ра Вольнера, и въ воздухѣ уже чуялось, что вскорѣ даже

въ болѣе высокихъ сферахъ окажется въ почетѣ этотъ господинъ, котораго еще недавно никто не *зналъ*, да и знать не хотѣлъ.

XVIII.

И въ самомъ дѣлѣ, Лео Вольнера въ близкомъ будущемъ ожидалъ профессорскій постъ. Объ этомъ почему-то вдругъ всѣ разомъ заговорили, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Самъ его высокопревосходительство г. министръ Бомсдорфъ милостиво спросилъ своего врача и цѣлителя,—чего бы ему особенно хотѣлось?—„Профессуры,—если вашему высокопревосходительству благоугодно будетъ сдѣлать меня лекторомъ при университетѣ. Мнѣ, кажется, я былъ бы тогда болѣе всего на своемъ мѣстѣ“.—И министръ отвѣтилъ ему съ милостивой улыбкой:—Только-то всего?

Итакъ, профессура Вольнера была рѣшена. Нужды нѣтъ, что въ университетѣ не было ни одной свободной профессорской каѳедры; г. министръ создастъ новую для своего спасителя. Въ этомъ не могло быть сомнѣнія: этотъ слухъ исходилъ отъ Альфреда фонъ-Брегена. И, наконецъ, извѣстно было, все черезъ того же Альфреда, что его дядюшка настойчиваго нрава, и что, вдобавокъ, онъ у его величества въ большой силѣ. Что̀ недоступно для министра, то̀, собственно, пустяки для воли императора. Какъ только Вольнеръ займетъ обѣщанную каѳедру, такъ его прошлое въ глазахъ толпы станетъ безупречнымъ; его высокопревосходительство всегда знаетъ, что̀ дѣлаетъ!..

Между тѣмъ, самого профессора in spe не очень-то занимали всѣ занимавшіеся имъ. Его, наоборотъ, влекло къ той, которая не только имъ не занималась, но даже его избѣгала.

Онъ по всѣмъ гостинымъ разыскивалъ Вѣру Альсфельдъ, которая сознательно не желала сталкиваться съ нимъ. Слишкомъ много такого, что̀ ей было не по вкусу, узнала она, или, вѣрнѣе, угадала изъ разговоровъ съ Эсѳирью, хотя та кромѣ хорошаго ничего о немъ не говорила. Еще досаднѣе было для Вѣры сознаніе, что ее иногда безотчетно влечетъ къ этому молчаливому, отталкивающе-холодному человѣку; и тѣмъ усерднѣе она лавировала въ толпѣ гостей, чтобы ей не столкнуться съ бывшимъ женихомъ подруги.

Въ ту самую минуту, когда она всего меньше этого ожидала, передъ нею, какъ изъ-подъ земли, вдругъ выросъ Гольстъ.

Съ нимъ сопряжена была всегда какая-то таинственность, особенно въ его поѣздкахъ, которыя всегда случались какъ-то

невзначай. Такъ и теперь,—когда онъ долженъ былъ уже быть въ Петербургѣ, онъ неожиданно сегодня утромъ встрѣтился съ нею на улицѣ и прокричалъ, на скаку, мимоѣздомъ.

— До свиданья, до вечера!

Теперь онъ появился передъ нею, какъ всегда, изящный и безукоризненно любезный, съ полузакрытыми, загадочными глазами и полузадумчивой, полулегкомысленной усмѣшкой.

— Сегодня прошелъ слухъ, что вы собираетесь жениться,— замѣтила ему Вѣра Альсфельдъ, послѣ первыхъ привѣтствій.

— И вы хотите принести мнѣ поздравленіе?

— Не знаю; это отъ многаго зависитъ... Еслибы вы вообще могли надѣяться быть счастливымъ...

— Это звучитъ такъ, какъ будто васъ беретъ сомнѣніе...

— Собственно говоря,—конечно!

— И единственно я тому причиной? Или вообще вы считаете всѣ браки непрочными?

— Большею частію, конечно! А бракъ съ вами—особенно!

— И осмѣлюсь спросить: по какой причинѣ? Считаете вы меня вѣтренымъ, неосновательнымъ, гордымъ, требовательнымъ, пресытившимся жизнью? Или, по крайней мѣрѣ, всѣмъ этимъ вообще, хоть понемногу?

— Ну, да!—смѣясь подхватила Вѣра:—я за вами считаю всѣ эти... достоинства, но всѣ они, вмѣстѣ взятыя, не могли бы еще помѣшать вашему супружескому счастью, думается мнѣ. Все зависитъ отъ жены, конечно!

— Ну, вотъ и я такъ думаю! Именно такъ, а не иначе. Но какъ вамъ кажется, найдется ли именно такая, подходящая для меня, жена? Или, быть можетъ, вы уже знаете такую?

Вѣра смутилась и почувствовала, что вся краснѣетъ подъ его проницательнымъ и пытливымъ взглядомъ, проникавшимъ ей въ самую душу. Веселость и непринужденная безпечность оставили ее, и она чувствовала, что стѣсняется говорить.

— Я? Я—никого... И почему бы именно *мнѣ* надо знать? Должно сознаться, что до сихъ поръ мнѣ еще не случалось думать надъ этимъ важнымъ вопросомъ. А впрочемъ, съ моей точки зрѣнія, наши современныя дѣвушки меньше всего годятся въ супруги!

Гольстъ наклонился къ ней такъ близко, что его дыханіе почти касалось ея лица, и сказалъ тихо-тихо, но совершенно ясно:

— Но *себя*, конечно, вы къ нимъ не причисляете?

— Себя-то? Ну, конечно... Впрочемъ... (и Вѣра почувствовала

вдругъ капризное желаніе сказать ему на зло)... Впрочемъ, я думаю это зависѣло бы отъ мужа! Вотъ вамъ бы, напримѣръ, я въ жены не годилась.

Она невольно подняла глаза и съ удивленіемъ замѣтила что-то похожее на грусть или на страстную мольбу въ его глазахъ.

— Какъ знать? Въ качествѣ супруги, можетъ быть, и нѣтъ. Но вы вѣдь такъ умны; ваши порывы и стремленія такъ независимы и такъ свободны, что здѣсь, среди мелочныхъ людей и интересовъ, вы бы, конечно, не нашли себѣ простора... Но я... я собираюсь въ Индію, графиня... Нѣтъ, нѣтъ! Не думайте такъ, я еще не сошелъ съ ума! Вамъ я могу признаться: я только и мечталъ попасть въ страну, гдѣ люди не испорчены тлетворнымъ дуновеніемъ культуры; гдѣ все такъ сказочно-таинственно, такъ тихо, и величественно, и прекрасно... Гдѣ люди не болтаютъ, а глубокомысленно молчатъ, а надъ ихъ головой сіяетъ созвѣздіе Южнаго Креста и шепчутся раскидистыя пальмы... Вы знаете, я всегда любилъ сказки. Въ мечтахъ своихъ я уношусь въ эту дивную, сказочно-прекрасную страну, гдѣ я надѣюсь занять мѣсто консула въ Калькуттѣ или Бомбеѣ. У меня—бѣлый и красивый домикъ, который тонетъ въ роскошной растительности тропическаго юга; надо мной вьются пестрыя бабочки, порхающія отъ одного цвѣтка къ другому. Вотъ, еслибы тамъ побродить на волѣ, кочуя съ мѣста на мѣсто, живя безъ стѣсненій, вдали отъ предразсудковъ свѣта, отъ людскихъ предубѣжденій, вдали отъ всего, что здѣсь насъ угнетаетъ и томитъ... Еслибы вы согласились ѣхать туда со мною!

Вѣра плохо слышала, что онъ, сидя рядомъ съ нею, говорилъ. Какое-то безотчетное обаяніе сковывало ей разсудокъ. Мысли летѣли, и въ быстрой вереницѣ мелькали передъ ней картины привольной, кочевой жизни; у нея была склонность отъ природы любить такой родъ жизни.

„А что если и въ самомъ дѣлѣ бросить все, бѣжать отсюда, гдѣ все мнѣ чуждо, все мнѣ надоѣло? Людей не жалко;— жалко только его, единственнаго... но тотъ никогда не придетъ избавить меня отъ этой страшной пустоты! Что заставляетъ меня здѣсь сидѣть, какъ прикованную? Что мнѣ мѣшаетъ жить и чувствовать себя, какъ птица,—вольно и свободно? Мнѣ тѣсно здѣсь, мнѣ холодно и безотрадно, несмотря на все баловство и роскошь, которыми меня съ дѣтства окружали. Это былъ бы чудный, свободный порывъ,—вдругъ порвать со всѣмъ тѣмъ, что до сихъ поръ меня окружало“!.. — и она съ улыбкой, съ готовой легкомысленной шуткой на губахъ, обернулась къ нему

лицомъ. Но въ тотъ же мигъ ей бросилась въ глаза его жесткая, холодная усмѣшка, которую она такъ часто у него замѣчала, и эта усмѣшка произвела на нее такое впечатлѣніе, будто онъ уже радуется добычѣ, такъ легко давшейся ему въ руки. Ей стало жутко, и припомнилось, что она всегда и прежде боялась этого человѣка; но тутъ же вспомнила, что̀ говорили ей ея новые друзья, Зигмаръ и Эсэирь...

— Съ вашей стороны это весьма любезно, что вы мнѣ предлагаете вамъ сопутствовать,—проговорила она сдержанно и не безъ лукавства:—но, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ ни времени, ни возможности воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ. Европа мнѣ еще совсѣмъ не надоѣла. Конечно, и вы еще успѣете найти себѣ болѣе подходящую компанію...

Борисъ фонъ-Гольстъ поклонился съ утонченной вѣжливостью, и самый проницательный наблюдатель не подмѣтилъ бы въ немъ ни тѣни волненія или недовольства; ни одинъ мускулъ на лицѣ его не дрогнулъ; на губахъ уже опять появилась обычная скептическая улыбка:

— Мнѣ остается только пожелать вамъ счастливо оставаться здѣсь!

— Вы, значитъ, скоро уѣзжаете?

— Да; завтра же!

— Вы говорите серьезно?

— Насчетъ Индіи? Конечно! Но по дорогѣ заѣду въ Петербургъ. Впрочемъ, объ этомъ ничего пока не говорите; успѣютъ еще своевременно узнать... да, въ сущности, никого это и не интересуетъ.

Вѣра удивилась.

— И слухъ, что вы собираетесь жениться, значитъ, тоже выдумка?—спросила она.

— Нѣтъ... то-есть, несовсѣмъ. Мнѣ вдругъ пришло это въ голову въ послѣднюю минуту, и я вырвался бы на свободу, такъ или иначе... Это была мечта... не больше... Прощайте, графиня! Если когда придется мнѣ играть для васъ Шопена, то вы тогда сами пріѣдете на берега Ганга... Позвольте пожелать вамъ доброй ночи!..—и, прикоснувшись легкимъ поцѣлуемъ къ кончикамъ ея пальцевъ, онъ ушелъ.

Въ то время, какъ графиня смотрѣла ему вслѣдъ, все еще недоумѣвая, что̀ бы это могло значить, — къ ней подошелъ д-ръ Вольнеръ, который давно выжидалъ для этого удобной минуты, чтобы съ нею заговорить.

Его встрѣтили холоднымъ, вызывающимъ взглядомъ.

— Я еще не имѣлъ чести, графиня... — началъ онъ, низко кланяясь.

Она отвѣтила высокомѣрнымъ поклономъ.

— Я и не знала, что вы здѣсь.

Лео прикусилъ губы, но затѣмъ съ изысканной вѣжливостью возразилъ:

— Это меня ничуть не удивляетъ: вы такъ окружены великосвѣтскою толпой! Такіе, какъ я, проходятъ въ ней незамѣтно. У насъ нѣтъ ни времени, ни имени, ни положенія въ обществѣ, которое выдвинуло бы насъ впередъ.

— Ну, все это со временемъ придетъ, — съ насмѣшкой въ голосѣ молвила графиня.

— Что̀ именно хотите вы этимъ сказать?

— Сколько я слышала, вы будете возведены въ санъ лейбъ-медика „его святѣйшества“, непогрѣшимѣйшаго изъ министровъ, высшаго сановника, г. Бомсдорфа, и почтены званіемъ профессора и любимца великосвѣтскихъ дамъ.

— Повидимому, всему этому вы придаете, графиня, самую ничтожную цѣну?

— Да, смотря по тому, какими средствами достигаются такія повышенія.

Лео поблѣднѣлъ, какъ полотно, продолжая, однако, улыбаться.

— Какія же средства употребляю я?

Графиня Вѣра какъ-то особенно смѣрила его глазами съ головы до ногъ.

— Вы вѣдь двоюродный братъ Зигмара Оттерштедта?— спросила она.

— Конечно...

— Позвольте! Какъ вамъ кажется, употребилъ ли бы онъ такія же средства къ достиженію успѣха? Вотъ видите: вы пожимаете плечами! Значитъ, вы этого не предполагаете. И этого съ меня вполнѣ довольно.

— Съ которыхъ это поръ, графиня, вы состоите подъ опекой у Зигмара Оттерштедта?—замѣтилъ онъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ это мнѣ угодно,—возразила Вѣра, и онъ остался стоять одинъ посреди зала.

XIX.

Зигмаръ часто бывалъ въ семьѣ Цезаря Вельсберга.

Тамъ, въ тѣсномъ общеніи съ нимъ и съ его женою, онъ часто вспоминалъ, какъ этотъ человѣкъ пришелъ къ нему на помощь въ самую тяжелую минуту его жизни, когда онъ не могъ больше устоять передъ постыдной трусливостью и горькимъ отчаяніемъ. Теперь, когда этотъ добрый геній далъ ему возможность трудиться, Зигмаръ чувствовалъ день ото дня сильнѣе, что онъ находится на настоящей дорогѣ, что дѣло, къ которому онъ приставленъ, отвѣчаетъ его личнымъ убѣжденіямъ; и это сознаніе придавало ему бодрости духа, увеличивало его нравственныя и физическія силы.

Нерѣдко, вернувшись домой, онъ заставалъ тамъ Вѣру Альсфельдъ, но не могъ удержаться, чтобъ не разсказать ей и Эсѳири о своихъ впечатлѣніяхъ за минувшій рабочій день. И въ такомъ случаѣ Вѣра, вопреки своему обыкновенію, бывала особенно молчалива; но зато жадно слѣдила глазами за лицомъ разсказчика, какъ будто въ ея глазахъ онъ былъ просвѣтленнымъ проповѣдникомъ новаго христіанскаго ученія, хотя она и не раздѣляла близкихъ его сердцу истинъ. Ей думалось, что и она, подобно Гольсту, пресытилась прозой жизни и чувствуетъ влеченіе къ міру фантазіи и неосуществимыхъ грезъ.

Зигмаръ, конечно, ничего объ этомъ не подозрѣвалъ; но ему было отрадно ея безмолвное вниманіе. И только изрѣдка мелькала въ головѣ у него мысль, какъ былъ бы онъ неизмѣримо счастливъ, еслибъ на мѣстѣ Вѣры передъ нимъ сидѣла Алиса. Встрѣчаясь съ нею на улицѣ, онъ не могъ разсчитывать ни на что иное, какъ на холодный поклонъ мимоходомъ.

Однажды на площадкѣ лѣстницы, поднимаясь въ квартиру Вельсберговъ, Зигмаръ натолкнулся на свою бывшую невѣсту, и оба на мигъ замерли въ испугѣ, какъ вкопанные. Зигмаръ первый преодолѣлъ свое ужасное волненіе и приподнялъ шляпу въ знакъ привѣта. Алиса тотчасъ же очнулась отъ своего продолжительнаго оцѣпенѣнія и быстро спустилась внизъ по лѣстницѣ. Зигмаръ долго не могъ придти въ себя.

„Что ей тутъ нужно? Или она нечаянно сюда попала?—думалъ онъ.—Можетъ ли быть, чтобы она была у Вельсберговъ, существованіе которыхъ вся родня игнорируетъ совершенно? Такъ это непохоже на полковника Вельсберга, чтобы онъ могъ смягчиться! Или Алиса беретъ на себя отвѣтственность самостоятельно во-

дить знакомство съ дядиной семьей?.. Надо спросить объ этомъ ея тетку“, — рѣшилъ онъ; но почему-то не рѣшился, выжидая, однако, что фрау Вельсбергъ заговоритъ сама о нежданной гостьѣ, если ея появленіе было дѣйствительно неожиданностью. Но и она ничего объ этомъ не говорила.

Уходя, онъ случайно припомнилъ, что сегодня пришелъ къ своимъ друзьямъ сравнительно раньше обыкновеннаго, и съ тѣхъ поръ невольно сталъ ходить къ нимъ приблизительно въ это же самое время, въ смутной надеждѣ застать тамъ Алису...

Наконецъ, когда онъ уже совсѣмъ готовъ былъ отказаться отъ осуществленія этой надежды, онъ увидалъ ее, только на этотъ разъ уже въ гостиной Вельсберговъ. Она уже собиралась уходить, но, завидя его, остановилась растерянно и такъ безпомощно, что ему стало ее жаль.

Тетка ея, никогда не терявшая самообладанія, хотѣла ихъ познакомить; и это окончательно привело Зигмара въ себя.

— О, не безпокойтесь!—проговорилъ онъ спокойно:—я уже имѣю честь быть знакомымъ...

Алиса принудила себя отвѣтить ему поклономъ.

— А я теперь пойду,—обратилась она къ фрау Маріи.

— Ну, какъ хотите, милое дитя! — отвѣчала послѣдняя и ласково погладила ее по щекѣ.

— Я крайне сожалѣю, что мое появленіе вынуждаетъ фрейлейнъ Вельсбергъ бѣжать отсюда; но, въ такомъ случаѣ, ея обязанность удалиться лежитъ единственно на мнѣ. Къ тому же у меня нѣтъ никакой настоятельной причины быть здѣсь именно сегодня; я могу зайти и въ другой день.

Фрау Вельсбергъ улыбнулась, глядя на то, какъ они оба собираются уходить и все-таки не уходятъ, видимо продолжая бороться со своимъ смущеніемъ.

— Знаете, что я вамъ скажу?—начала она.—Останьтесь вы тутъ еще немножко оба, а затѣмъ вы сами ужъ рѣшите, когда вамъ будетъ пора уходить.

Ласковый и ровный голосъ тетки успокоилъ Алису, и ея спокойствіе сообщилось и Зигмару. Всѣ сѣли, и понемногу г-жа Вельсбергъ втянула ихъ обоихъ въ разговоръ о совершенно постороннихъ предметахъ. Когда же самообладаніе окончательно вернулось къ Алисѣ, она встала и простилась; тетка пошла провожать ее, и Зигмару изъ-за полуприкрытой двери послышался звукъ поцѣлуя.

— А я вѣдь не подозрѣвалъ, что фрейлейнъ Вельсбергъ у васъ бываетъ,—замѣтилъ онъ, когда она вернулась.

— О, я просто не знала, что это васъ интересуетъ; она приходитъ собственно къ моему мужу по поводу не своихъ личныхъ дѣлъ, а хлопочетъ за другихъ. Во всякомъ случаѣ, ни о какомъ примиреніи здѣсь не можетъ быть и рѣчи; отецъ Алисы и не подозрѣваетъ о томъ, что она посѣщаетъ дядю... И вообще, я бы просила васъ не разглашать объ этихъ посѣщеніяхъ!...

Она больше не возобновляла разговора на эту тэму, а Зигмаръ, какъ ни былъ разочарованъ такимъ краткимъ объясненіемъ, не посмѣлъ разспрашивать подробнѣе. Долго не рѣшался онъ потомъ идти къ Вельсбергамъ, изъ боязни, чтобы не повторилась тяжелая для нихъ обоихъ сцена; а наконецъ, рѣшившись, нарочно выбралъ время, когда она, по его разсчету, не могла тамъ быть.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ не видалъ ее съ тѣхъ поръ ни разу; но каждый разъ ожидалъ, что откроется дверь, и она войдетъ,— а вмѣстѣ съ нею ворвется въ комнату нѣжное благоуханіе ея любимыхъ духовъ, которыми вѣяло отъ ея платья... Нѣтъ! Она рѣшила больше не бывать у дяди!..

Съ особымъ усердіемъ принялся онъ теперь за работу, и его сочиненіе быстро стало подвигаться къ концу. Оно и давно было бы ужъ совсѣмъ готово, еслибы не вмѣшательство въ его жизнь Цезаря Вельсберга, которое дало толчокъ его житейскимъ воззрѣніямъ и помогло ему видоизмѣнить, притомъ же къ лучшему,—его внѣшнія формы. Самъ Вельсбергъ принялъ въ этомъ дѣятельное участіе, а благодаря личному знакомству съ нуждами народа, съ которыми Зигмаръ близко ознакомился въ бытность свою журналистомъ, и книга его не могла уже больше производить впечатлѣніе труда юнаго идеалиста, мечтающаго водворить райское блаженство на землѣ;—въ измѣненномъ видѣ, дополненное вполнѣ опредѣленными и весьма рельефными данными по рабочему и вообще народному вопросу, оно представлялось трудомъ человѣка зрѣлаго, основательнаго, который говоритъ не голословно, а по собственному опыту.

Но усиленная работа подорвала его силы, несмотря на то, что онъ только въ ней и находилъ отраду и забвеніе своихъ сердечныхъ тревогъ, которыя воскресли съ новой силою съ тѣхъ поръ, какъ онъ неожиданно увидался съ любимой дѣвушкой. Сестра уговаривала его, умоляла не слишкомъ утомляться, не доводить свои силы до полнаго истощенія; но—все напрасно. Когда появилась первая корректура его ученаго труда и въ газетахъ уже приводились выдержки изъ его будущей книги, Зигмаръ самъ началъ чувствовать, что силы его уходятъ. Слабость

его возрастала иногда до крайнихъ предѣловъ, и онъ не могъ этого не замѣчать; но единственнымъ средствомъ не думать, не томиться душевно и мысленно, онъ признавалъ только работу, работу! И работы было много; даже самой непрерывной. Онъ увлекался ею безъ памяти, безъ удержу.

Какъ-то разъ пришла къ нимъ Вѣра Альсфельдъ въ то время, какъ Зигмаръ доработался до полнаго изнеможенія, и не удержалась, чтобы не замѣтить:

— Вѣдь сколько разъ ужъ я вамъ говорила, что такихъ людей надо бы отдавать подъ надзоръ полиціи! Не угодно ли посмотрѣть на этого господина: самъ не даетъ себѣ покоя, не бережетъ своего здоровья, ради того только, что воображаетъ, будто можетъ своими усердными трудами спасти отъ голода все страждущее человѣчество! Знаете, что̀ бы сдѣлала я, еслибы была на вашемъ мѣстѣ? Взяла бы себѣ билетъ на вокзалъ и укатила бы на Ривьеру! Какъ разъ теперь тамъ чудо что̀ за прелесть! Сядешь себѣ на солнышкѣ, на берегу моря, и смотришь въ глубокую синѣющую даль; любуешься на крупные, бѣгущіе валы, на берегъ, сверкающій вдали своею бѣлизной... и чувствуешь, что на душѣ становится привольно̀ и легко. Какъ непроглядная стѣна тумана, который постепенно исчезаетъ,—такъ исчезаютъ, отходя въ прошедшее, всѣ другіе интересы: политика и улучшеніе быта рабочаго и „чернаго“ народа, и всякій тому подобный безцѣльный и неосуществимый вздоръ... Тамъ, среди роскоши южной природы, дышешь какъ-то особенно легко, воспринимаешь наслажденія всѣми своими чувствами,—слухомъ и зрѣніемъ и, наконецъ, сознаніемъ, что живешь и движешься, и существуешь. Но зато не хочется ни думать, ни тревожиться, ни даже хотѣть чего-нибудь, стремиться... И это было бы самое для васъ лучшее! Вы бы поправились, поотдохнули хорошенько. Почему жъ бы вамъ и не попробовать такъ сдѣлать?

Графиня Вѣра стояла передъ нимъ въ своей теплой шубкѣ и шапочкѣ, съ муфтою въ рукахъ, и топала своей изящнѣйшей лакированной ботинкой.

— Да, непремѣнно! Это для васъ необходимо. Чего же вы, Эсѳирь, его не убѣдите? Или, по вашему, пусть онъ никуда не выѣзжаетъ? Забирайте его съ собою, да и уѣзжайте поскорѣй, но подальше отсюда!

Эсѳирь молча улыбалась на ея горячность; но Зигмаръ отвѣтилъ за сестру:

— Меня удерживаютъ служба и... Эсѳирь, для которой утомительно всякое передвиженіе...

Вѣра поспѣшно его перебила:

— Ну, такъ *я* съ вами ѣду!—и замѣтивъ, что на это онъ смотритъ какъ на шутку, прибавила уже значительно степеннѣе:— Ну, само собой разумѣется, я ѣду... Что? Вы думаете—неловко? Отъ васъ-то ужъ такой узкости нравственныхъ воззрѣній я не ожидала! Вы человѣкъ слишкомъ порядочный и слишкомъ искренній. Эсѳирь, вы можете на меня положиться: я вамъ его „выхожу“ прекрасно; я не пущу его домой, пока онъ совершенно не возстановитъ свои силы. Ну, что же? Можете вы мнѣ его довѣрить?

Даже Эсѳирь невольно разсмѣялась.

Но Вѣра горячилась, сердилась на глупѣйшіе предразсудки, на людей узкихъ въ своемъ кругозорѣ, обзывала ихъ „prude“ и всякими тому подобными, обидными для современнаго человѣка, названіями... Какъ ни старался ее успокоить виновникъ ея раздраженія, ничто не помогало; она твердила все свое.

— Стыдно такъ покоряться гнусному общественному игу!.. Не все ли намъ равно?—и заключила энергичнымъ возгласомъ:— Ну, когда ѣдемъ?

Зигмаръ ужъ не могъ разобрать: серьезно ли она говоритъ, или шутитъ? Считая своимъ долгомъ, тѣмъ не менѣе, ей возражать, онъ опять принялся доказывать, что ему невозможно отлучиться хоть на время отъ своего поста въ журналистикѣ.

— Нѣтъ, другъ мой, погодите!—сострадательно качая головою, перебила его Вѣра.—Вы человѣкъ, воспитанный на философскихъ началахъ: вы такъ же хорошо, какъ и я, понимаете, что пока міръ стоитъ и будетъ стоять, на немъ, во вѣки вѣковъ, добро будетъ смѣшано со зломъ. Несомнѣнно, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ будетъ развиваться недостатокъ кислорода и воды, живые организмы и человѣкъ на вѣки исчезнутъ съ лица земли; силы природы и стихіи перестанутъ бороться, и борьба за существованіе среди живыхъ существъ падетъ сама собою. Тогда наступитъ періодъ охлажденія земной коры, обмѣнъ свѣта и тепла прервется, и наша земля, лишенная ихъ, придетъ въ состояніе, подобное состоянію луны и, какъ она, будетъ вращаться вокругъ солнца. А человѣческій родъ, со всѣми его совершенствами, его просвѣщенностью, его муками, стремленіями и борьбой, со всѣми своими великими твореніями и лучезарнѣйшими идеалами—распадется въ прахъ и, какъ прахъ, развѣется безслѣдно... Ну, признавайтесь же: къ чему вамъ себя мучить понапрасну, если все вокругъ такъ тлѣнно? Ужъ со мною-то вамъ нечего стѣсняться; соглашайтесь скорѣе; ничего вамъ болѣе не остается!

И въ такомъ-то мірѣ хотите вы повернуть все по своему? Но, Боже милосердый!.. — И Вѣра снова всплеснула руками.

Пройдясь разокъ туда и сюда по комнатѣ, задумчиво опустивъ голову, Зигмаръ остановился.

— Такихъ матеріалистическихъ воззрѣній я не раздѣляю,— началъ онъ.—Я думаю, они уже давно признаны несостоятельными. Допустимъ, что вашъ скептицизмъ имѣетъ достаточно основаній, — что-жъ такое? Развѣ изъ-за этого необходимо сидѣть сложа руки и оставлять несчастныхъ гибнуть безвозвратно? Ваша философія, графиня, вещь весьма удобная; но еслибъ я и зналъ, что работаю „въ пустую“; еслибъ я, все равно, не находилъ нигдѣ отвѣта на вопросъ: къ чему я такъ тружусь, и для кого?.. я и то бы продолжалъ работать, хотя бы изъ чувства личнаго своего самоудовлетворенія, изъ-за того только, чтобъ имѣть возможность нести бремя жизни. Зато у меня будетъ свѣтлое, хоть и неосновательное, можетъ быть, по вашему мнѣнію, заблужденіе—льстить себя надеждой, что я хоть на нѣкоторое время что-нибудь прибавлю къ развитію человѣчества, насколько это возможно при нашей образованности и ея успѣхахъ. Не все ли мнѣ равно, надолго ли ея хватитъ?.. Какъ видите, меня вы не обратили въ свою вѣру, но только огорчили тѣмъ, что она въ васъ крѣпка... Боюсь я, что мы съ вами были бы плохими дорожными товарищами, графиня Вѣра!—заключилъ онъ съ улыбкой.—Не обижайтесь: вы вѣдь желали мнѣ добра... А затѣмъ, до свиданья: я пойду еще немножко поработать!

И онъ сѣлъ за работу, а Вѣра и въ самомъ дѣлѣ почувствовала себя не то обиженной, не то разстроенной.

XX.

Давно ожидаемое, давно обсуждаемое состоялось: министръ оффиціально пожаловалъ д-ра Лео Вольнера титуломъ „лейбъ-медика“ и профессора, несмотря на то, что свободной каѳедры дѣйствительно не было въ его распоряженіи. Онъ зналъ, что его власть при дворѣ сильна; что безъ него не могутъ обойтись, и потому просилъ считать назначеніе молодого врача въ личное себѣ одолженіе.

Какъ только стало извѣстно, что назначеніе Вольнера состоялось, мнѣніе большинства оказалось на его сторонѣ. Даже старики, заслуженные профессора, отнеслись къ своему юному

собрату мягче и снисходительнѣе, нежели можно было бы предположить.

Лео счелъ своимъ долгомъ сдѣлать всѣмъ своимъ будущимъ сослуживцамъ оффиціальные визиты, и вездѣ былъ принятъ, если и холодно, то въ большинствѣ случаевъ все-таки вполнѣ прилично и вѣжливо. Только двое изъ университетскихъ старожиловъ, люди уже давно извѣстные и вполнѣ независимые, а слѣдовательно и безбоязненные, не только не пожелали его принять, но даже отослали ему его карточку обратно съ надписью, что не были, да и впредь никогда не будутъ дома... для него.

Говорили, что Лео Вольнеръ, будто бы, почувствовалъ себя оскорбленнымъ и потребовалъ отъ обоихъ стариковъ удовлетворенія, на что эти старики оба отвѣтили ему отказомъ, при чемъ одинъ мотивировалъ свой отвѣтъ нежеланіемъ измѣнить своимъ принципамъ, а второй—прямо своимъ преклоннымъ возрастомъ. Но этимъ только и ограничивались слухи, на которые, казалось, самъ ихъ виновникъ оставался глухъ и нѣмъ. Его самоувѣренная, холодная осанка ничуть не измѣнилась, а къ шумѣвшимъ вокругъ него сплетнямъ онъ относился безучастно, какъ будто онѣ не его касались.

Въ числѣ газетъ, которыя были противъ подобнаго назначенія Вольнера,—этого выскочки-пришельца,—былъ, конечно, листокъ „свободомыслящихъ“, „Гласъ народа“, который даже дольше и серьезнѣе разсуждалъ по этому вопросу, нежели всѣ остальные органы печати, и даже чѣмъ самые либеральные изъ нихъ. Но всѣ они, обсуждая назначеніе новаго любимца, касались и его личныхъ сторонъ, тогда какъ газета Вельсберга смотрѣла на него исключительно съ точки зрѣнія законности, и возводила въ степень нарушенія конституціонныхъ началъ этотъ самовольный поступокъ министра, граничившій съ возмутительнѣйшимъ деспотизмомъ. Статьи этого смѣлаго органа печати во всѣхъ слояхъ общества обратили на себя вниманіе: о нихъ заговорили и ставили въ примѣръ искренности и гражданскаго мужества. Стремленіе газеты „Гласъ народа“ быть выразителемъ общественнаго мнѣнія, безъ примѣси какой бы то ни было партійности, доставило ему вскорѣ видное мѣсто въ рядахъ органовъ печати, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полное уваженіе въ кругу читающей публики. Прежде чѣмъ выступить такъ рѣшительно противъ образа дѣйствій министра народнаго просвѣщенія, Цезарь Вельсбергъ разносторонне обсудилъ этотъ вопросъ съ Оттерштедтомъ, такъ какъ ему были хорошо извѣстны его близкія родственныя отношенія къ Оттерштедту. Но Зигмаръ ни въ какомъ случаѣ не желалъ

отступать отъ своей присяги дѣлу свободы, дѣлу народнаго благополучія, и вполнѣ раздѣлялъ воззрѣнія своего друга и принципала...

Опять была весна; опять вдоль по берлинскимъ зеленѣющимъ бульварамъ шелъ Зигмаръ, крѣпко задумавшись; но ужъ ни тѣни не было въ немъ прежняго отчаянія и пришибленности судьбою. Теперь его думы были бодрѣе, увѣреннѣе, какъ и его поступь. Онъ думалъ о только-что миновавшихъ выборныхъ перипетіяхъ; о съѣздѣ сословныхъ представителей; о собраніяхъ рейхстага; словомъ, обо всемъ, что̀ ему приходилось говорить въ печати, или чему онъ самъ былъ свидѣтелемъ такъ еще недавно.

„Какая нескончаемая нить мелочей и дѣльныхъ замѣчаній!—думалъ онъ съ полу-улыбкой на губахъ:—Какая пропасть разочарованій и обманутыхъ, нелѣпѣйшихъ надеждъ! Какая жажда честолюбія и безграничнаго хищенія! Что̀ за потоки краснорѣчія въ цвѣтистыхъ и зачастую лживыхъ, пустыхъ рѣчахъ! Что̀ за безчисленное множество этихъ рѣчей: патріотическихъ, условныхъ, соціально или просто политически-настроенныхъ! Сколько безполезныхъ словопреній на тэмы трезвости и шовинизма! Сколько въ нихъ напускного чувства и гуманности или всего за-разъ и... помногу! Но, Боже! сколько за всѣмъ этимъ высокопарнымъ разглагольствованіемъ кроется самаго пошленькаго самомнѣнія, полнаго непониманія самыхъ простыхъ вещей, самаго грубаго равнодушія къ тѣмъ, которые терпятъ настоящую горькую нужду!.. Еслибъ судьба послала намъ такого смѣльчака, который бы не побоялся прямо имъ въ лицо сказать: — Вотъ намъ что̀ нужно! Вотъ чего мы хотимъ! Мы умственно и политически достаточно созрѣли и нашъ народъ способенъ теперь дружными рядами сомкнуться — и заговорить въ свою защиту, бороться за себя, за свое независимое положеніе. Но гдѣ этотъ поборникъ правды? Кто онъ? Одинъ онъ могъ бы сплотить воедино массы людей, разсѣянныхъ повсюду и въ одиночку—смѣлыхъ и рѣшительныхъ, и такихъ искреннихъ, горячихъ, какихъ только можно пожелать для блага родного народа. Безъ фейерверочной трескотни, безъ блеска мишурной, показной стороны своихъ доброжелательствъ, онъ силою прямого, искренняго слова сдѣлаетъ для насъ больше, нежели всѣ эти говорильныя машины“!

Зигмаръ остановился. Передъ нимъ, въ своей суровой красотѣ, высился массивный обликъ Фридриха Второго.

„Да! Вотъ кто понималъ нужды своего народа и могъ бы за него постоять. Но въ наше время въ немъ чествуютъ лишь воинскую доблесть. Онъ жилъ сто лѣтъ тому назадъ, и если бы

сегодня онъ всталъ и вновь заговорилъ, какъ говорилъ тогда, онъ собралъ бы вокругъ себя тѣсную толпу; но ближайшій изъ полицейской стражи выросъ бы передъ нами, какъ изъ-подъ земли, и заявилъ бы:—Господа! Прошу васъ разойтись! Я объявляю собраніе закрытымъ!—и подъ шумокъ возникло бы обвиненіе въ святотатствѣ и въ противодѣйствіи властямъ... Мы за сто лѣтъ вѣдь все-таки ушли впередъ.

Мрачная тѣнь легла на лицо Оттерштедта, и онъ, не спѣша, двинулся дальше.

— Вы это что же: бесѣдуете съ нимъ? — спросилъ позади чей-то голосъ, и кто-то тихо разсмѣялся.

— Что жъ, пожалуй, — согласился Зигмаръ, пожимая руку Бирнбауму, который нагонялъ его.

— Въ такомъ случаѣ, я, значитъ, подоспѣлъ къ вамъ вовремя: мнѣ съ вами надо бы поговорить, и я было-собрался къ вамъ зайти. Дѣло мое до васъ какъ разъ такое, что оказалось бы именно въ духѣ этого гранитнаго героя. Намъ нуженъ человѣкъ,—человѣкъ въ настоящемъ смыслѣ слова. Вы сами безъ того не обойдетесь, чтобы къ намъ не примкнуть. Короче говоря,—мы васъ зовемъ въ рейхстагъ! Вотъ вамъ гдѣ мѣсто!

— Пожалуй, — проговорилъ Зигмаръ, и глубоко, задумчиво вздохнувъ, прибавилъ:—Такого вамъ и надо!

— Такъ! — Совершенно вѣрно!—подхватилъ Бирнбаумъ со своей обычной дѣловитой горячностью:—такого намъ и нужно!.. И васъ, именно васъ, а не кого другого! Вы—человѣкъ грядущаго; вы—новая сила; вы—тотъ свѣжій элементъ, котораго намъ не хватаетъ, и который призоветъ насъ къ полному возрожденію. Наши новыя политическія начинанія, наши государственныя затѣи... Да ну ихъ! Они насъ скоро въ порошокъ сотрутъ! Они подавятъ насъ!

И Бирнбаумъ нервнымъ движеніемъ руки указалъ въ воздухѣ на воздвигаемое зданіе новаго рейхстага.

— Мы еще не устали, мы можемъ вѣдь бороться и отстоять себя; но придетъ время, когда-нибудь подъ старость, я не ручаюсь, можетъ быть я самъ примкну къ этому общему застою, и ради своего спокойствія не буду осуждать подобныя затѣи. Но вы, мой милый! Изъ васъ вышло нѣчто большее и нѣчто лучшее, чѣмъ... чѣмъ даже вамъ самимъ замѣтно. Надо, чтобъ вы поднялись еще выше; и вы на это способны, — вѣрно вамъ говорю! Напишете вы тамъ себѣ страничку — другую и тысячи людей ее прочтутъ; прекрасно, что и говорить! А все не то, что устное, живое слово! И если всѣ ваши стремленья, все ваше

безкорыстіе не пустыя фразы,—вашъ долгъ быть на виду; ваша обязанность—служить правому дѣлу словомъ и примѣромъ!

Зигмаръ замедлилъ шаги и глубоко задумался.

— Откинувъ въ сторону ваше доброе мнѣніе обо мнѣ, которое для меня только лестно, я все-таки хотѣлъ бы знать, какъ это вашъ выборъ упалъ именно на меня, а не на кого другого?—спросилъ онъ.—Нѣтъ, нѣтъ! Не заблуждайтесь на мой счетъ: положимъ, я тоже вольнодумецъ, но нѣсколько иной, нежели вы можете себѣ представить. Вообще, принято считать вольнодумцемъ того, кто говоритъ свободно; по моему, этого еще мало. Поставить себѣ цѣлью свободомыслiе, — конечно, прекрасно; но гдѣ же дѣло? Его-то намъ и надо; и въ этомъ главная суть соціальнаго вопроса. Мы на него набросились теперь съ ожесточеніемъ; но какъ набросились? Каждый по своему, кто во что̀ гораздъ. Вмѣсто того, чтобы улучшить общественное положеніе своихъ слабыхъ и сирыхъ и обездоленныхъ судьбою, наши пасторы воздвигаютъ храмы, а свободомыслящіе, передовые люди кричатъ противъ земскихъ выборовъ, противъ земскихъ властей и возстаютъ противъ возмутительнаго произвола полицейскихъ. И всѣ эти старанія ни къ чему не приведутъ: рычагъ надо умѣть поднять, надо умѣть найти точку опоры! А между тѣмъ, ужъ ростетъ, назрѣваетъ сила соціаль-демократовъ; партія недовольныхъ все ростетъ, и теперь недовольны ужъ не одни рабочіе классы населенія. Всѣмъ тяжело, всѣ возмущаются подъ бременемъ налоговъ, которыми погашаются бѣшеныя траты на военныя зданія, на флотъ и броненосцы. Съ насъ тянутъ деньги, деньги... деньги безъ конца, — деньги на все, что̀ намъ излишне, до чего намъ и дѣла нѣтъ, вмѣсто того, чтобъ ихъ употребить на пользу своего народа. Соціаль-демократія ужъ больше не теоретическое представленіе: это—понятіе вполнѣ опредѣленное; это—сила и гораздо бо̀льшая, нежели мыслимо предположить! Прежнія партіи отжили свой вѣкъ, а съ теченіемъ времени выплыла на поверхность явная потребность новаго строя, новыхъ и прочныхъ государственныхъ устоевъ. Еслибы въ свое время либерализмъ понялъ свою задачу, онъ, вѣроятно, и теперь еще главенствовалъ бы надо всѣмъ остальнымъ. Но теперь все сводится къ взаимнымъ счетамъ между обезпеченными и нуждающимися,—таково мое личное убѣжденіе, и потому ни къ какой особой партіи я не могу примкнуть!

Голосъ его, мало-по-малу, пересталъ звучать сдавленно и глухо; его твердому, ясному тону соотвѣтствовалъ и взглядъ — рѣшительный и ясный. Бирнбаумъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на

своего молодого собесѣдника — еще такъ недавно робкаго, застѣнчиваго, молчаливаго.

„Давно ли онъ цѣлыми днями просиживалъ у меня въ конторѣ, согнувшись и строча бумаги"?—думалъ удивленный старикъ.—„Давно ли его всѣ отовсюду гнали? Да и я самъ—я тоже подалъ ему карету... положимъ, съ цѣлью ему быть полезнымъ—скорѣе дать ему самостоятельно опериться"!—тотчасъ же добавилъ онъ себѣ въ оправданіе.

— „Гм! Просто на диво, какъ онъ быстро самъ научился летать! — продолжалъ про себя старикъ.— Эти молодые скоро насъ перегонятъ".

Такая мысль не особенно ему была пріятна; даже какъ будто легкая дрожь пробѣжала у него по спинѣ.

— Можетъ быть, милый другъ, вы и въ самомъ дѣлѣ правы, —проговорилъ онъ вслухъ довольно энергично.—И даже, пожалуй, во многомъ. Конечно, переходъ отъ стараго къ молодому поколѣнію не особенно гладокъ; но все-таки вы...

— Все-таки вы можете во мнѣ ошибаться,—возразилъ Зигмаръ:—я не краснорѣчивъ, я не ораторъ! Я просто новичокъ въ этомъ дѣлѣ. Меня пробирали газеты; меня позорили, мое имя трепали безпощадно; меня—безъ вины виноватаго!—преслѣдовали, унижали. Я не разъ печатно возмущался противъ администраціи... Нѣтъ, нѣтъ! Я только могъ бы вамъ напортить...

Въ глубинѣ умныхъ черныхъ глазъ адвоката сверкнулъ лукавый огонекъ.

„Онъ почти поддается, — подумалъ онъ. — Остальное придетъ само собой"...—Ну, хорошо!—обратился онъ къ Зигмару уже вслухъ: — не буду пока вамъ надоѣдать, а только попрошу подумать хорошенько и обсудить на досугѣ всѣ мои слова. Когда надумаете согласиться, дайте мнѣ знать по телефону, не теряя ни минуты. Прощайте, милый другъ... и... до свиданья!

Не прошло и секунды, какъ Бирнбаумъ уже затерялся въ толпѣ и окончательно пропалъ изъ вида.

А. Б—г—

КАРЛЪ МАРКСЪ

ВЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

I.

Экономическая теорія Маркса пріобрѣла у насъ авторитетъ и популярность по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что по богатству научно-литературнаго балласта и по кажущейся логической силѣ и категоричности своихъ положеній она могла быть серьезно принята за послѣднее слово западно-европейской экономической науки; и во-вторыхъ, потому, что она представляетъ собою, повидимому, наиболѣе полную и рѣшительную теоретическую защиту интересовъ трудящихся народныхъ массъ.

Въ дѣйствительности, какъ намъ уже случалось не разъ говорить, научный аппаратъ, которымъ обставлена эта доктрина, имѣетъ мало связи съ ея выводами и служитъ больше для ея освѣщенія и украшенія, чѣмъ для ея доказательства; факты и цитаты заимствованы почти исключительно изъ англійской жизни и литературы, а теоретическія основы взяты цѣликомъ у типическаго представителя англійскаго промышленнаго строя, Давида Рикардо, писавшаго въ началѣ столѣтія; изслѣдованія же нѣмецкихъ ученыхъ и въ томъ числѣ такихъ выдающихся продолжателей Рикардо, какъ фонъ-Тюненъ, совершенно игнорируются. Свои собственныя поправки и дополненія къ теоріи Рикардо Марксъ выводитъ путемъ отвлеченной діалектики, которая при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается лишь грубою, крайне запутанною и противорѣчивою

софистикою. Софизмы замаскированы особою терминологіею, заранѣе предполагающею истинность извѣстныхъ положеній, непомѣрнымъ обиліемъ обманчивыхъ выкладокъ и постояннымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же тезисовъ, выдаваемыхъ за аксіомы, какъ будто съ цѣлью загипнотизировать читателя и отнять у него способность къ критикѣ. Самые существенные вопросы, возбуждаемые теоріею, или замалчиваются, или получаютъ мнимое рѣшеніе при помощи простой игры словами и понятіями. Научною заслугою Маркса остается лишь настойчивое указаніе на сложный общественный характеръ частныхъ хозяйственныхъ отношеній и выясненіе условій и особенностей новѣйшаго роста крупной промышленности.

Въ практическомъ отношеніи, доктрина приводитъ къ неправдоподобной и неосуществимой утопіи, направляющей рабочій классъ на ложную дорогу. Относя всѣ результаты современной промышленной производительности къ простому наемному труду, эксплуатируемому капиталистами, и отрицая всякое право другихъ факторовъ производства на участіе въ доходахъ промышленныхъ предпріятій, она исключаетъ возможность соглашенія между трудомъ и капиталомъ и безцѣльно обостряетъ борьбу классовъ. Людямъ, не имѣющимъ ничего или почти ничего, она обѣщаетъ *все*; она предполагаетъ присвоеніе всѣхъ промышленныхъ богатствъ рабочему пролетаріату, господство мускульнаго труда надъ умственнымъ, исполнительной работы надъ устроительною, механической рутины рабочихъ массъ—надъ предпріимчивостью, изобрѣтательностью и организаторскимъ искусствомъ отдѣльныхъ лицъ. Изъ теоріи вытекаетъ требованіе, чтобы часть дохода, называемая нынѣ прибылью, принадлежала всецѣло рабочимъ, непосредственно участвующимъ въ производствѣ; слѣдовательно, посторонніе или вообще незанятые рабочіе не могутъ претендовать на какую-либо долю въ продуктѣ, произведенномъ безъ ихъ участія, такъ что точное примѣненіе теоретическихъ началъ Маркса нисколько не разрѣшило бы рабочаго вопроса—и обезпечило бы лишь нѣкоторую часть трудящихся. Предоставленіе всѣмъ вообще рабочимъ или всему пролетаріату матеріальныхъ выгодъ, доставляемыхъ производительнымъ трудомъ, что̀ требуется практическою программою Маркса,—есть уже нѣчто произвольное и искусственное, вовсе не связанное съ сущностью его доктрины; эта мысль, напоминающая старую идею о правѣ на трудъ, переходитъ затѣмъ въ принципъ всеобщей рабочей повинности, который также придуманъ независимо отъ какого бы то ни было анализа экономическихъ явленій. Имѣя въ виду преимущественно фабрично-

заводскую промышленность и занятыхъ въ ней рабочихъ, теорія очень невнимательно относится къ вопросамъ землевладѣнія и земледѣлія; она не дѣлаетъ различія между поземельными правами крестьянъ, обработывающихъ свою землю собственнымъ трудомъ, и владѣльческими правами лордовъ, а отвергаетъ огуломъ всякія вообще поземельныя права, чѣмъ становится въ разрѣзъ съ жизненными интересами крестьянства. Оттого послѣдователи Маркса не могутъ разсчитывать на успѣхъ своей пропаганды въ сельскомъ населеніи, и когда въ Германіи сдѣлана была попытка примирить соціально-демократическую программу съ интересами крестьянскаго землевладѣнія, то вѣрные марксисты, въ родѣ Каутскаго, сочли это великою ересью и постарались разстроить компромиссъ. Что же собственно достигнуто или могло быть достигнуто въ пользу рабочаго класса изслѣдованіями и разъясненіями автора „Капитала"? Холодная, безсердечная эксплуатація рабочихъ силъ капиталистами, при отсутствіи государственнаго вмѣшательства и контроля, была хорошо извѣстна и краснорѣчиво описывалась много разъ задолго до Маркса; фабричное законодательство, стремящееся оградить рабочій классъ отъ злоупотребленій капитала въ крупной промышленности, существовало въ Англіи задолго до признанія Марксомъ необходимости и благотворности подобныхъ охранительныхъ мѣръ; рабочіе союзы, возстановляющіе отчасти равновѣсіе въ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ, широко развивались въ Англіи и въ другихъ странахъ, не дожидаясь разсужденій Маркса о безсиліи отдѣльныхъ свободныхъ работниковъ передъ капиталистами. Наибольшихъ реальныхъ успѣховъ за послѣднія десятилѣтія достигли рабочія организаціи въ Англіи, гдѣ идеи Маркса не пользуются популярностью; а нѣмецкая соціаль-демократія, подчинившаяся господству этихъ идей, не выходитъ изъ круга отвлеченностей и остается какъ бы парализованною для непосредственныхъ практическихъ заботъ объ улучшеніи и обезпеченіи быта рабочаго класса подъ вліяніемъ фантастическихъ мечтаній о будущемъ золотомъ вѣкѣ, возвѣщенномъ Марксомъ.

Такъ какъ промышленный рабочій классъ не играетъ замѣтной роли въ общемъ ходѣ нашей экономической жизни и по своему жалкому положенію не даетъ матеріала для мечтаній о владычествѣ пролетаріата, а большинство рабочаго населенія принадлежитъ къ землевладѣльческому крестьянству, то намъ абсолютно нечего дѣлать съ доктриною Маркса, и она не должна была бы имѣть у насъ никакой почвы. Мы могли съ самаго начала отнестись къ ней критически, съ полнымъ безпристра-

стіемъ, какъ къ весьма обстоятельной и односторонней попыткѣ объяснить типическія явленія и существенныя черты западноевропейскаго промышленнаго развитія. Но у насъ всегда существовала слабость къ отвлеченнымъ теоріямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ потребностями и условіями окружающей дѣйствительности. Какъ въ былое время у насъ увлекались діалектикою Гегеля и фаланстерами Фурье (при крѣпостномъ правѣ!), такъ позднѣе увлеклись ученіемъ о капиталистическомъ производствѣ и „экономическомъ матеріализмѣ". Самый тотъ фактъ, что Марксъ пользуется діалектическими пріемами и противопоставляетъ свои абстракціи міру явленій, обезпечивалъ у насъ успѣхъ его теоріи. Особенное впечатлѣніе производили его общіе взгляды на постепенную историческую смѣну различныхъ формъ и типовъ народнаго хозяйства, его рѣзкія и яркія характеристики „капиталистическаго производства", его ссылки на незыблемые историческіе и экономическіе законы, наконецъ, отдѣльныя мѣткія замѣчанія и обобщающія формулы (хотя и совершенно произвольныя), удобныя для цитатъ. Безусловное довѣріе къ его научному авторитету, поддерживаемое его собственными категорическими заявленіями, установилось какъ-то сразу и оказало весьма странное дѣйствіе на умы многихъ представителей нашей такъ-называемой интеллигенціи.

Первымъ истолкователемъ ученія Маркса въ русской литературѣ явился Н. И. Зиберъ, напечатавшій въ 1871 году диссертацію о „теоріи цѣнности и капитала Рикардо въ связи съ позднѣйшими разъясненіями и дополненіями". Авторъ добросовѣстно излагалъ новую въ то время теорію, въ связи съ ученіями англійскихъ экономистовъ-классиковъ; цѣлыя главы „Капитала" дословно приведены въ его книгѣ, съ присоединеніемъ громкихъ похвалъ и обстоятельныхъ комментаріевъ. По словамъ Н. И. Зибера, опредѣленіе цѣнности, предложенное Марксомъ, не оставляетъ ничего желать по ясности, точности и опредѣленности. Въ товарахъ, какъ мѣновыхъ цѣнностяхъ, Марксъ нашелъ „призрачную предметность или простое желе (sic) безразличнаго человѣческаго труда, т.-е. обнаруженіе человѣческой рабочей силы, безъ вниманія къ формѣ ея обнаруженія"; „какъ цѣнности, всѣ товары представляютъ лишь опредѣленную массу крѣпко сгущеннаго рабочаго времени". „Человѣческая рабочая сила въ жидкомъ состояніи или человѣческая работа образуетъ цѣнность, но сама не есть цѣнность. Она становится цѣнностью въ сгущенномъ состояніи, въ предметной или вещной формѣ. Чтобы выразить цѣнность холста въ студенеобразной или без-

форменной массѣ человѣческаго труда, она должна быть выражена какъ „вещность“, которая отъ самаго холста вещно отлична, и на ряду съ нимъ обща съ другимъ товаромъ“. Что̀ можетъ быть яснѣе и точнѣе этихъ опредѣленій? Переводъ Зибера не всегда отличается легкостью и удобопонятностью [1]); онъ часто еще усиливаетъ тяжеловѣсную туманность подлинника, и въ этомъ смыслѣ вѣренъ его духу. Знаменитый діалогъ холста съ сюртукомъ переданъ съ трогательною полнотою: „Читатель видитъ, — говоритъ затѣмъ Зиберъ (т.-е. Марксъ въ изложеніи Зибера), — что все, сказанное намъ заранѣе анализомъ товара, говоритъ самъ холстъ, какъ только онъ вступилъ въ сношеніе съ другимъ товаромъ, сюртукомъ. Чтобы сказать, что трудъ въ абстрактномъ свойствѣ человѣческаго труда образуетъ его собственнную цѣнность, холстъ говоритъ, что сюртукъ, насколько онъ считается съ нимъ равнымъ, есть также цѣнность, состоитъ изъ той же работы, какъ и холстъ. Чтобы сказать, что его величественная вещность цѣнности отлична отъ его клеенчатаго тѣла, онъ говоритъ, что цѣнность выглядитъ какъ сюртукъ, и потому онъ самъ, какъ цѣнная вещь, сходенъ съ сюртукомъ, какъ яйцо съ яйцомъ. Мимоходомъ сказать, товарный языкъ, кромѣ еврейскаго, имѣетъ еще многіе другіе, болѣе или менѣе правильные діалекты. Нѣмецкое „сущность цѣнности“ (Werthsein) [2]) выражаетъ, напр., менѣе сильно, чѣмъ современное романское слово valere, valoir,—что уравненіе товара А съ товаромъ Б составляетъ собственное выраженіе цѣнности товара А“, и т. д. Изложивъ въ такомъ родѣ главу „Капитала“ о цѣнности, Зиберъ находитъ, что несправедливо обвинять Маркса въ метафизичности пріемовъ изслѣдованія, „такъ какъ Марксъ въ ученіи о формахъ цѣнности и денегъ говоритъ не отъ собствен-

---

[1]) Для примѣра приведемъ еще слѣдующее мѣсто: „Матеріальная вещность товаровъ тѣмъ отличается отъ Виттиба Гуртига, что неизвѣстно, гдѣ можно ее получить. Въ прямое противорѣчіе къ чувственно-грубой вещности тѣхъ товаровъ, природной матеріи не входитъ въ ихъ вещность цѣнности ни одного атома. Потому можно отдѣльный товаръ вертѣть и двигать, какъ угодно; — онъ остается непонятнымъ, какъ цѣнная вещь“ и т. д. Не только товаръ, но и самое это разсужденіе остается непонятнымъ. Что̀ разумѣетъ Зиберъ подъ Виттибомъ Гуртигомъ — мы не знаемъ; но въ нѣмецкомъ текстѣ это имя—женское (von der Wittib Hurtig,—Marx, т. I, стр. 22) и означаетъ „быстроногую волшебницу“ народныхъ сказокъ. Мы цитируемъ Зибера по второму, значительно дополненному изданію его книги: „Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ“. Спб., 1882, стр. 153—202.

[2]) „Сущность цѣнности“ поставлена здѣсь некстати, вмѣсто глагола „стоить“—werth sein.

наго имени, а отъ имени всего буржуазнаго общества, которое смотритъ на этотъ предметъ не только съ метафизической, но даже съ фетишистской точки зрѣнія, т.-е. приписывая матеріи и силамъ внѣшняго міра человѣческія качества" (стр. 203). Слѣдовательно, метафизикою занимается не Марксъ, а все буржуазное общество; разговоры о холстѣ и сюртукѣ, приписывающіе имъ человѣческія качества, разсужденія о „желе" человѣческаго труда, о рабочей силѣ въ жидкомъ и сгущенномъ состояніи, о вещности цѣнности и т. п., принадлежатъ вовсе не Марксу, а буржуазному обществу, отъ имени котораго онъ разсуждаетъ. Что касается метода, то онъ одобряется и оправдывается самимъ Марксомъ, и этого болѣе чѣмъ достаточно для читателя. „Относительно своего метода Марксъ *самъ* высказывается достаточно опредѣленно въ томъ смыслѣ, что этотъ методъ есть діалектическій, который не только отличается отъ метода Гегеля, но даже вполнѣ противоположенъ съ нимъ". Зиберъ повторяетъ далѣе оригинальныя замѣчанія Маркса о методѣ, который у Гегеля „стоитъ на головѣ", и который надо только „перевернуть и поставить на ноги". Это опредѣленіе метода Маркса, дѣлаемое имъ самимъ, кажется Зиберу, очевидно, столь же яснымъ и исчерпывающимъ предметъ, какъ и приведенныя выше опредѣленія цѣнности. Если цѣнность есть превращенная въ „желе" жидкость рабочей силы, то почему и методу не стоять на головѣ и не быть поставленнымъ на ноги? Выразивъ мнѣніе, что метафизика и фетишизмъ въ товарномъ анализѣ Маркса принадлежатъ всему буржуазному обществу, Зиберъ заявляетъ далѣе—со словъ Маркса,—что только крупные промышленные кризисы могутъ „вбарабанить діалектику даже самымъ грибамъ счастья новой священной прусско-германской имперіи"; изъ этого слѣдуетъ, что въ обыкновенное время буржуазія вовсе не занимается товарной метафизикою, которую—будто бы отъ ея имени — разводитъ Марксъ. „Возвращаясь къ способу изложенія Маркса,—заключаетъ свою оцѣнку Зиберъ,—мы должны замѣтить, что способъ этотъ значительно упрощенъ въ этой главѣ, во второмъ изданіи, и не представляетъ больше никакихъ затрудненій". Даже въ этомъ случаѣ Зиберъ довольствуется только повтореніемъ того, что̀ говоритъ о своемъ трудѣ авторъ „Капитала".

Всѣ указанія Маркса на исключительную важность его изслѣдованій и добытыхъ имъ истинъ аккуратно воспроизводятся Зиберомъ или дополняются его собственными хвалебными отзывами. Напримѣръ, вопросъ о постепенномъ развитіи денежнаго обмѣна

изъ непосредственной мѣны—вопросъ, по которому существуетъ огромная литература,—„никѣмъ еще, кромѣ автора „Капитала", не поднимался, не только не былъ приведенъ къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію". Изъ объясненій происхожденія денегъ у большей части экономическихъ писателей „можно понять дѣло такимъ образомъ, что деньги упали въ одинъ прекрасный день съ неба и, по взаимному соглашенію людей, были приняты къ свѣдѣнію и руководству" (стр. 239); но кто эти ученые экономисты, думающіе такимъ образомъ и составляющіе будто бы большинство въ литературѣ,—не указано ни у Маркса, ни у Зибера. Послѣдній называетъ Рошера и Милля, но по другому поводу. Такъ же точно превозносится взглядъ Маркса на значеніе кредита; этотъ взглядъ „проливаетъ на сущность дѣла безконечно болѣе свѣта, нежели цѣлые десятки томовъ сочиненій о банкахъ, и содержитъ, хотя въ зародышѣ, вполнѣ раціональное объясненіе всѣхъ существенныхъ сторонъ этого экономическаго явленія" (стр. 254). По вопросу о коопераціи, Марксъ „даетъ гораздо болѣе, чѣмъ всѣ другіе экономисты настоящаго столѣтія, взятые вмѣстѣ" (стр. 408). „Ученіе Маркса о машинахъ и о крупной индустріи представляетъ такой неисчерпаемый источникъ новыхъ мыслей и оригинальныхъ изслѣдованій, что еслибы кто вздумалъ взвѣсить относительныя достоинства этого ученія вполнѣ, ему пришлось бы написать по этому предмету чуть не цѣлую книгу" (стр. 473). Его теорія народонаселенія „представляетъ положительно наиболѣе замѣчательную и вмѣстѣ самую блестящую часть сочиненія, кромѣ развѣ одной только главы о происхожденіи добавочной цѣнности" (стр. 559). Словомъ, Зиберъ, по мѣрѣ возможности, доказываетъ превосходство Маркса надъ всѣми другими экономистами, принимаетъ на вѣру каждое его слово и не допускаетъ съ своей стороны никакого подобія критики.

Сознательная уклончивость, которую обнаруживаетъ Марксъ въ извѣстныхъ пунктахъ своей доктрины, совершенно не замѣчается Зиберомъ или вводитъ его въ явныя недоразумѣнія. Говоря о разныхъ видахъ труда, Зиберъ сначала, вслѣдъ за Марксомъ, опредѣляетъ единство ихъ посторонними для экономиста физіологическими признаками — затратой мозга, мускуловъ, нервовъ и т. д. (стр. 264), а потомъ смѣшиваетъ различія формъ труда съ различіями цѣлыхъ отраслей производства, предполагая, что умственная работа участвуетъ преимущественно въ выработкѣ продуктовъ нематеріальныхъ, а физическій трудъ—въ созданіи вещественныхъ цѣнностей. Такимъ образомъ, вопросъ о производительной роли высшихъ формъ труда — техническаго,

организаторскаго и т. п. — во всякомъ вообще фабричномъ или иномъ матеріальномъ производствѣ подмѣнивается совсѣмъ другимъ вопросомъ, не имѣющимъ съ нимъ ничего общаго,—о различіяхъ въ производствѣ предметовъ необходимыхъ и предметовъ роскоши, вещественныхъ и нематеріальныхъ цѣнностей. Въ принципѣ Зиберъ, какъ и Марксъ, признаетъ полную равноправность умственнаго труда съ физическимъ въ области производительной дѣятельности. „Умственный трудъ,—говоритъ онъ,—направленный на удовлетвореніе человѣческихъ потребностей, не только представляетъ аналогическія черты съ трудомъ физическимъ,—онъ совершенно тождественъ съ послѣднимъ. Тождество это сохраняетъ свою силу, какъ по отношенію къ производствамъ чисто умственному и физическому, такъ и по отношенію къ переходнымъ производствамъ, напр. къ искусству. Никакая мускульная работа не обходится безъ работы нервной, точно такъ же какъ никакая нервная работа не обходится безъ мускульной, и въ этомъ отношеніи можно только допустить между отдѣльными родами труда рядъ постепенныхъ переходовъ отъ такихъ отраслей, въ которыхъ преобладающее значеніе принадлежитъ работѣ перваго рода, до такихъ, въ которыхъ господствуетъ работа второго рода. Наравнѣ съ физическимъ трудомъ, трудъ умственный можетъ расходоваться на предварительную, косвенную, и на окончательную, непосредственную работу; мускульному труду, потраченному на производство плуга, лопаты, станка, соотвѣтствуетъ въ чисто умственной сферѣ пріобрѣтеніе знаній, собираніе матеріаловъ и проч. Тотъ же характеръ сохраняетъ умственный трудъ и въ тѣхъ сферахъ, гдѣ ему принадлежитъ второстепенное значеніе. Такимъ образомъ, не оказывается ровно никакихъ препятствій для того, чтобы, подобно физическому труду, признать и умственный трудъ способнымъ служить производству, отправлять въ соотвѣтствующей формѣ роль орудій производства“ (стр. 303). Казалось бы поэтому, что не можетъ быть никакого спора объ участіи умственнаго труда въ созданіи прибыли или прибавочной цѣнности, наравнѣ съ трудомъ простыхъ рабочихъ; однако допустить это—значило бы разрушить всю теорію образованія прибыли путемъ эксплуатаціи простой рабочей силы и отказаться отъ вывода объ исключительномъ правѣ рабочаго класса на всѣ плоды промышленной работы.

Наткнувшись на этотъ подводный камень, рискующій разбить существенныя положенія Маркса, Зиберъ тотчасъ же поворачиваетъ въ другую сторону. „Но слѣдуетъ ли,—продолжаетъ онъ,—соглашаться съ тѣмъ, что умственный трудъ, пріобрѣвшій такую

форму (т.-е. форму производительнаго труда), въ состояніи приносить доходъ? Чтобы дать на этотъ вопросъ правильный отвѣтъ, необходимо войти въ нѣкоторыя разъясненія. Прежде всего слѣдуетъ помнить, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не вообще о доходѣ, т.-е. не о той новой формѣ, въ которой является продуктъ въ результатѣ новаго производства, а только о доходѣ чистомъ, т.-е. о прибавочномъ продуктѣ къ тому, который расходуется на удовлетвореніе среднихъ потребностей производителей. Обстоятельство это до такой степени измѣняетъ сущность вопроса, что на первый планъ выступаетъ не столько сравненіе свойствъ труда физическаго и умственнаго, сколько сравненіе между собою такихъ отраслей труда, которыя приносятъ въ результатѣ продукты, удовлетворяющіе основнымъ потребностямъ, и такихъ, которыя даютъ продукты для дополнительныхъ потребностей... Приступая къ производству, общество добываетъ прежде всего такія полезности, потребленіе которыхъ поддерживаетъ человѣческую жизнь, затѣмъ такія, которыя сохраняютъ общее здоровье, и только рядомъ постепенныхъ переходовъ приближается къ производству продуктовъ такъ называемыхъ потребностей роскоши. Умственный трудъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова одинаково входитъ составною частью въ производство предметовъ всѣхъ такихъ категорій, все равно, получается ли въ результатѣ матеріальный продуктъ — станокъ, пряжа, скрипка, или же нематеріальный — теорія, музыкальная пьеса, возстановленіе безопасности или здоровья. Не только не существуетъ разницы въ отношеніи къ производству тѣхъ или другихъ предметовъ между умственнымъ и матеріальнымъ трудомъ, но ея не существовало бы и между трудомъ того и другого рода, идущимъ на производство предметовъ необходимости и предметовъ роскоши, еслибы не было различія между потребленіемъ средняго человѣка и потребленіемъ отдѣльныхъ группъ населенія“ и т. д. (стр. 304).

Разсужденіе переносится здѣсь почему-то на совершенно другую почву, и обстоятельство, которое, по признанію автора, значительно измѣняетъ сущность вопроса, остается безъ надлежащаго разсмотрѣнія. Очевидно, дѣло вовсе не въ различіи между предметами необходимости и предметами роскоши, а въ степени участія умственнаго труда въ производствѣ какихъ бы то ни было товаровъ, хотя бы самыхъ матеріальныхъ, необходимыхъ и общеупотребительныхъ. Производятся, напримѣръ, земледѣльческія орудія, пряжа, разныя фабричныя издѣлія;— участвуетъ ли трудъ техниковъ, инженеровъ, организаторовъ, управляющихъ и т. д. въ образованіи прибыли, доставляемой

этими производствами, а если участвуетъ, то въ какой мѣрѣ? Зиберъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ, а вмѣсто того пускается въ посторонніе разговоры о матеріальныхъ и нематеріальныхъ продуктахъ, о предметахъ роскоши и необходимости. Это позволяетъ ему — несмотря на неоднократное принципіальное признаніе равенства труда умственнаго и физическаго—повторять какъ ни въ чемъ не бывало, что прибыль создается рабочей силой, покупаемою (т.-е. нанимаемою) капиталомъ на рынкѣ ниже цѣнности „плодовъ ея обнаруженія". „Внѣ договора купли-продажи (найма?) рабочей силы по меньшей цѣнности ея самой, чѣмъ ея продукта, не существовало бы ни капитала, ни капитализма. Поэтому,—говоритъ авторъ далѣе,—капиталъ не есть та или другая вещь въ частности, а то вещное отношеніе между капитализмомъ (?) и рабочимъ, которое даетъ первому возможность развиваться и богатѣть на счетъ второго, въ силу той чисто юридической особенности — главнымъ образомъ заимствованной изъ римскаго права — что кому принадлежитъ имущество, тому принадлежатъ и плоды отъ него" (стр. 310). Указанный способъ образованія прибыли (путемъ „покупки" и потребленія рабочей силы) представляетъ для Зибера „новую и важную экономическую истину" (стр. 326). Если въ рубрику рабочей силы зачислить и представителей умственнаго труда, участвующихъ въ производствѣ, то означенная истина несомнѣнно утратила бы нѣкоторую долю своей новизны и важности: могло бы оказаться, что на долю умственнаго труда приходится гораздо большая часть прибавочнаго продукта, чѣмъ на долю мускульной работы, и полное вознагражденіе послѣдней, по дѣйствительной цѣнности „плодовъ ея обнаруженія", все-таки оставило бы въ рукахъ предпринимателя обычную прибыль (какъ это и оправдывается на опытѣ въ предпріятіяхъ, вполнѣ обезпечивающихъ рабочаго). Только весьма близорукіе капиталисты основываютъ увеличеніе своихъ доходовъ на усиленной эксплуатаціи рабочихъ силъ, и мы видимъ сплошь и рядомъ, что они ошибаются въ своихъ разсчетахъ; между тѣмъ Марксъ установилъ свои „законы" образованія прибыли именно для этого разряда недальновидныхъ промышленниковъ, стремящихся извлекать изъ рабочихъ какъ можно больше труда и давать имъ взамѣнъ какъ можно меньше средствъ къ жизни. Предположивъ же, что простые рабочіе вознаграждаются сполна и что прибыль доставляется лишь рабочими силами техниковъ, инженеровъ и разныхъ спеціалистовъ,—а противъ такого предположенія ничего не могутъ сказать послѣдователи Маркса, — мы въ корнѣ подрываемъ значеніе „новыхъ и

важныхъ экономическихъ истинъ", опредѣляющихъ зависимость прибыли отъ прибавочныхъ или неоплаченныхъ часовъ труда, т.-е. отъ степени эксплуатаціи наемныхъ рабочихъ, отъ числа послѣднихъ, отъ степени интенсивности ихъ работы и т. п. Зиберъ подробно излагаетъ эти своеобразные „законы", не смущаясь ихъ противорѣчіемъ „опыту, основанному на очевидности"; онъ довѣрчиво ожидалъ обѣщаннаго Марксомъ разъясненія этихъ противорѣчій въ послѣдующихъ томахъ „Капитала" (стр. 378).

Въ качествѣ излагателя и комментатора Маркса, Зиберъ не останавливается предъ самыми рискованными утвержденіями, вытекающими изъ доктрины. „Будучи мѣновою цѣнностью,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—рабочая сила сама представляетъ лишь извѣстное количество овеществленнаго въ ней общественнаго средняго труда" (стр. 336), т.-е. рабочая сила человѣка или самъ человѣкъ есть также продуктъ промышленнаго производства, товаръ, воплощеніе или „желе" средняго общественно-необходимаго абстрактнаго человѣческаго труда. Это приравненіе человѣка къ товару, произведенному фабричнымъ способомъ, должно будто бы облегчить пониманіе мѣновой цѣнности человѣческой рабочей силы (т.-е. цѣны труда наемныхъ рабочихъ). Товарная діалектика доходитъ здѣсь до своего апогея: дальше некуда идти въ области тонкаго коммерческаго анализа и обобщенія. Надо отдать справедливость промышленной буржуазіи: она всегда отлично понимала коренное различіе между наемными рабочими и товарами, никогда не оцѣнивала рабочихъ по стоимости ихъ „производства", а напротивъ, сообразовалась исключительно съ качествами ихъ труда; она эксплуатировала рабочихъ именно какъ живыхъ людей и ставила имъ условія, какія считала для себя наиболѣе выгодными и возможными при данныхъ обстоятельствахъ. Только ученымъ экономистамъ суждено было додуматься до того, чтобы прилагать къ рабочимъ товарную мѣрку и усматривать въ нихъ извѣстное количество кристаллизованнаго человѣческаго труда; съ этой точки зрѣнія цѣнность человѣческой рабочей силы опредѣляется стоимостью ея производства, которая, впрочемъ, у Маркса, по свойственной ему софистической логикѣ, отождествляется съ стоимостью непосредственнаго содержанія рабочихъ съ ихъ семействами. Издержки производства рабочей силы обнимаютъ всѣ общественно-необходимыя затраты на ея поддержаніе съ момента рожденія человѣка, и если эти среднія издержки вовсе не принимаются въ разсчетъ на рабочемъ рынкѣ, то въ этомъ уже не виноваты экономисты съ ихъ товарной діалектикою. Люди живутъ и сохраняютъ свои рабочія силы не для одного рабочаго рынка; они

обзаводятся потомствомъ не для того, чтобы окупать свои затраты и труды продажею новыхъ рабочихъ силъ, съ присоединеніемъ извѣстной прибыли. Культурное человѣчество, очевидно, не доросло еще до глубокомысленныхъ промышленныхъ обобщеній, ставящихъ самого человѣка на степень товара; всѣ существующія понятія запутались бы, если бы человѣкъ, производящій товары для своихъ надобностей, долженъ былъ самого себя тоже считать товаромъ. Любопытнѣе всего, что разсужденія, достойныя сатиры Свифта, кажутся многимъ наивнымъ умамъ необыкновенно научными и глубокими,—а подобными разсужденіями полна такъ называемая наука политической экономіи.

Въ изложеніи Зибера, доктрина Маркса была мало соблазнительна для читателя; но она производила впечатлѣніе чего-то чрезвычайно сложнаго и труднаго для пониманія, а потому безусловно авторитетнаго, достойнаго изученія и усвоенія. Чѣмъ запутаннѣе и тяжеловѣснѣе аргументація, обставляющая извѣстную теорію, тѣмъ больше уваженія и довѣрія вызываетъ она къ своей научности, и тѣмъ легче пріобрѣтаетъ авторитетъ самая теорія. Зиберъ удѣлилъ особенно много мѣста выясненію различій между точками зрѣнія частнаго хозяйства и общественнаго; съ тѣхъ поръ вошло въ моду въ нашей экономической литературѣ указывать на эти различія всякій разъ, когда обнаруживалось противорѣчіе между теоріею и общеизвѣстными фактами или здравымъ смысломъ: возраженія обыкновенно отклонялись подъ предлогомъ связи ихъ съ частно-хозяйственнымъ пониманіемъ экономическихъ явленій. Зиберъ пропагандировалъ у насъ не только Маркса, но и Рикардо, сочиненія котораго переведены имъ на русскій языкъ. Рикардо, возбуждавшій когда-то сильную вражду передовыхъ экономистовъ разныхъ странъ и съ наибольшею рѣшительностью отвергаемый теоретиками въ Сѣверной Америкѣ, сдѣлался окончательнымъ источникомъ экономической мудрости для нашихъ любителей промышленной науки; на его авторитетѣ держится научное значеніе самого Маркса. Стоитъ только сослаться на Рикардо или на „поправку“ къ нему автора „Капитала“, чтобы положить конецъ всякому теоретическому спору въ области политической экономіи. Кто относится критически къ какому-либо утвержденію этихъ авторитетовъ, тотъ подозрѣвается въ солидарности съ давно осмѣянною школою Бастіа, которая, впрочемъ, никогда у насъ не была популярна. Первый томъ книги Маркса, изданный въ русскомъ переводѣ почти одновременно съ появленіемъ диссертаціи Зибера, превратился, вмѣстѣ съ сочиненіями Рикардо, въ экономическое евангеліе, подлежащее усвоенію, но не критикѣ.

Нѣкоторыя стороны ученія Маркса послужили предметомъ интересной полемики въ нашихъ журналахъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Статья г. Ю. Жуковскаго впервые подвергла сомнѣнію теорію образованія прибыли, предложенную въ „Капиталѣ", и обратила вниманіе на роль умственнаго труда въ производствѣ; но авторъ сдѣлалъ при этомъ двѣ существенныя ошибки: во-первыхъ, онъ упустилъ изъ виду, что Марксъ прямо говоритъ о трудѣ высшаго качества и подводитъ его подъ общее понятіе человѣческой работы, хотя и оставляетъ въ сторонѣ высшія формы труда при анализѣ способовъ образованія цѣнности и прибыли; во-вторыхъ, онъ не отдѣлилъ вопроса о роли капитала отъ вопроса о „психическихъ" функціяхъ, оплачиваемыхъ капиталомъ. Вслѣдствіе этого критика г. Ю. Жуковскаго не коснулась важнаго внутренняго противорѣчія въ теоріи Маркса по вопросу о высшихъ формахъ труда и явилась какъ бы односторонней защитой капиталистовъ, смѣшиваемыхъ съ представителями умственнаго элемента въ промышленной дѣятельности. Авторъ указываетъ на психическій трудъ и организацію предпріятія, какъ на два главныя условія образованія прибыли; эти два фактора производства, по его мнѣнію, говорятъ въ пользу правъ организующихъ классовъ на прибыль, а никакъ не въ пользу рабочихъ, которые никакой роли въ увеличеніи производительности не играютъ. „Работникъ,—замѣчаетъ онъ,—въ дѣлѣ сокращенія работы (машинами)—чистый гвоздь, къ которому знаніе и организація труда пристегиваютъ лишній итогъ силы, но въ созданіи котораго работникъ совершенно не участвовалъ. Работникъ Маркса настолько же ровно создаетъ прибыль или прибавочную цѣнность, насколько полоса желѣза, представляющая рычагъ, поднимаетъ тяжесть или собираетъ силу; онъ не болѣе какъ орудіе въ рукахъ знанія и организаціи труда, и сила, создающая прибыль, находится точно такъ же внѣ его, столь же чужда ему и постороння, какъ и сила, дѣйствующая на рукоятку рычага". Марксъ „спуталъ вещи, и вся его защита рабочаго вопроса лишена прочнаго основанія. Работникъ остался въ книгѣ Маркса пока такимъ же голымъ и беззащитнымъ, какимъ и вошелъ въ нее. Марксъ разсказалъ намъ пока только его исторію, но ничего болѣе" [1]).

Но дѣло въ томъ, что нельзя говорить о правѣ организующихъ классовъ на прибыль, пока эта прибыль является искусственно увеличенною на счетъ той части дохода, которая должна

[1]) „Карлъ Марксъ и его книга о капиталѣ". „Вѣстникъ Европы", 1877, сентябрь, стр. 97—8.

составлять вознагражденіе труда наемныхъ рабочихъ; притомъ организующіе классы, т.-е. представители знанія, предпріимчивости, изобрѣтательности и вообще умственнаго труда въ разныхъ его формахъ, могутъ не совпадать съ классомъ капиталистовъ, а только состоять на службѣ капитала, которому въ такомъ случаѣ достается прибыль независимо отъ какихъ бы то ни было психическихъ функцій. Работникъ, можетъ быть, есть только чистый гвоздь или рычагъ въ рукахъ устроителей и администраторовъ предпріятія; но такъ какъ этотъ гвоздь или рычагъ необходимъ для производительной работы и безъ него нельзя обойтись, то стоимость его должна быть оплачена, и слѣдовательно требованіе полнаго вознагражденія труда простыхъ рабочихъ сохраняетъ свою силу. Споръ можетъ относиться только къ опредѣленію доли дохода, принадлежащей работнику, а не къ самому праву послѣдняго на участіе въ матеріальныхъ выгодахъ, доставляемыхъ производствомъ. Марксъ доказываетъ, что *вся* прибыль есть продуктъ труда наемныхъ рабочихъ и должна потому принадлежать имъ безраздѣльно: это мнѣніе несостоятельно съ точки зрѣнія самого Маркса, ибо оно основано на игнорированіи другихъ факторовъ производства, кромѣ простой рабочей силы,—факторовъ, значеніе которыхъ онъ самъ же неоднократно подтверждаетъ и разъясняетъ въ принципѣ. Доля участія рабочихъ въ доходахъ промышленныхъ предпріятій должна быть значительно повышена, и условія наемной работы не могутъ быть предоставлены усмотрѣнію промышленныхъ хозяевъ, владычествующихъ на рабочемъ рынкѣ;—это признается теперь даже въ классической странѣ капитала, Англіи. Весь вопросъ только — въ размѣрахъ и способахъ повышенія этой доли трудящихся массъ въ общемъ продуктѣ, равно какъ и въ мѣрахъ обезпеченія ихъ отъ произвола и злоупотребленій обладателей капитала; а этотъ сложный и трудный вопросъ не облегчается, а напротивъ, запутывается и затемняется одинаково обоими противоположными взглядами — какъ теоріею отдачи всей прибыли рабочему классу, такъ и отрицаніемъ участія рабочихъ въ созданіи прибыли.

Разбирая статью г. Жуковскаго, одинъ изъ противниковъ его мнѣній, г. Н. Михайловскій, весьма ядовито осмѣялъ идею о „психическомъ трудѣ“ организаторовъ, какъ создателей прибыли; онъ выбралъ примѣръ изъ области литературной профессіи, и хотя анализировалъ его не совсѣмъ удачно, но косвенно затронулъ тоже больное мѣсто ученія Маркса—о роли умственныхъ работниковъ въ образованіи „прибавочной цѣнности“. Г. Михайловскій предположилъ, что сотрудники какого-нибудь

изданія, съ точки зрѣнія г. Ю. Жуковскаго, являются лишь гвоздями или рычагами, къ которымъ издатель — быть можетъ, лишенный всякаго образованія капиталистъ — „пристегиваетъ лишній итогъ силы". Капиталистъ, въ качествѣ основателя и организатора изданія, служитъ несомнѣннымъ представителемъ того особаго „психическаго труда", который даетъ исключительное право на прибыль, доставляемую предпріятіемъ; сотрудники же ни малѣйшаго участія въ созданіи прибыли не принимаютъ [1]). Недостатокъ этого примѣра заключается въ томъ, что здѣсь сопоставлены представители различныхъ формъ высшаго и сложнаго труда, безъ участія простой наемной работы, которая, по Марксу, есть прежде всего источникъ прибыли. Такъ какъ г. Жуковскій говорилъ о производительности психическаго труда вообще, то для него сотрудники и издатель безспорно участвуютъ въ образованіи чистаго дохода; только типографскіе рабочіе, наборщики и др., остаются тѣми „гвоздями" и рычагами, которые не вырабатываютъ прибавочной цѣнности изданія.

Если разобрать такого рода примѣръ съ точки зрѣнія доктрины Маркса, то получится нѣчто крайне странное и неправдоподобное. Книга „Капиталъ" есть товаръ, съ успѣхомъ продаваемый на книжномъ рынкѣ; умственный матеріалъ для этого товара, доставленный Марксомъ, столь же мало участвуетъ въ образованіи прибавочной цѣнности, какъ трудъ устроителя и организатора фабрики, или техника, умѣющаго придумывать оригинальные и эффектные узоры для ситцевъ и т. п. Самая книга, какъ товаръ, есть всецѣло плодъ труда наборщиковъ и типографщиковъ, которые слѣдовательно создали всю прибыль, доставляемую продажею напечатанныхъ экземпляровъ сочиненія Маркса о капиталѣ. Счастливые наборщики извлекали бы крупныя матеріальныя выгоды изъ книги Маркса, въ силу излагаемой въ ней теоріи, и еслибы авторъ или издатель вздумалъ возражать противъ такого распредѣленія чистаго дохода, то они съ полнымъ правомъ могли бы отвѣтить ему: patere legem quam ipse tulisti. Вѣрные послѣдователи Маркса должны непремѣнно согласиться съ этимъ выводомъ относительно прибыли, доставляемой „Капиталомъ", и намъ было бы крайне любопытно видѣть, какъ они объяснили бы приведенный нами частный примѣръ безъ ущерба для научнаго авторитета доктрины Маркса.

Л. Слонимскій.

[1]) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. II, Спб., 1888, стр. 368—9.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1897.

Народная школа въ деревнѣ.

Учрежденіе церковно-приходскихъ школъ и ихъ дѣятельность возбудили не мало толковъ какъ въ печати, такъ и въ обществѣ. Читая и слушая эти толки, мы всегда удивлялись неполнотѣ знанія дѣйствительнаго положенія народнаго образованія въ провинціи,—въ деревнѣ. Двѣнадцать лѣтъ намъ довелось предсѣдательствовать въ одномъ изъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ пензенской губерніи, а именно, въ мокшанскомъ. Мокшанскій уѣздъ не представляетъ собою ничего исключительнаго въ дѣлѣ народнаго образованія; насколько намъ извѣстно, положеніе этого образованія въ немъ и въ остальной пензенской губерніи болѣе или менѣе сходно съ тѣмъ, что существуетъ и въ другихъ губерніяхъ. Начнемъ съ земской школы, которая называется такъ болѣе потому, что она содержится на земскія средства, но ею завѣдуютъ, главнымъ образомъ, уѣздные и губернскіе училищные совѣты, гдѣ засѣдаютъ и представители отъ земства, но большинство членовъ состоитъ изъ представителей отъ другихъ правительственныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и отъ православнаго духовенства; предсѣдательствуетъ въ этихъ совѣтахъ, по закону, предводитель дворянства; кругъ же дѣятельности совѣтовъ такъ обширенъ и ихъ права такъ широки, что не можетъ быть и рѣчи о томъ, что, будто бы, земскія школы находятся въ безграничномъ и безконтрольномъ завѣдываніи земства.

I.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ (1885), новая тогда для насъ дѣятельность, въ качествѣ предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта, особенно заинтересовала насъ, и мы поспѣшили лично ознакомиться съ

училищами, подвѣдомственными этому совѣту. Сохранившіяся наши тогдашнія замѣтки содержатъ въ себѣ слѣдующіе результаты перваго нашего знакомства съ народнымъ образованіемъ въ уѣздѣ: три начальныя городскія училища выдѣлялись какъ количествомъ дѣтей, представленныхъ къ выпуску, такъ и качествомъ общаго знанія; чтеніе, письмо, диктовка, ариѳметика были почти одинаково удовлетворительны; не такъ было, къ сожалѣнію, съ закономъ Божіимъ: въ волостномъ училищѣ—очень слабо; въ приходскомъ—лучше и согласно съ программой; а въ женскомъ—даже выше программы. Въ сельскихъ училищахъ насъ поразило сравнительно ничтожное количество экзаменовавшихся, но зато очень хорошая подготовка по общему образованію. Въ нѣсколькихъ училищахъ попадались грамматически безошибочныя диктовки; а при рѣшеніи ариѳметическихъ задачъ, почти всюду обнаруживалось знаніе выше программы. Знаніе закона Божія, за малыми исключеніями, было крайне слабо, и, что̀ всего удивительнѣе, знакомство съ Ветхимъ Завѣтомъ у экзаменовавшихся было гораздо полнѣе и тверже, чѣмъ съ Новымъ. Въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ общій характеръ училищъ сохранился. Начальныя городскія училища продолжаютъ быть лучшими, и это понятно. Въ каждомъ изъ нихъ по два учителя или учительницы, и въ городѣ учащіеся посѣщаютъ долѣе и аккуратнѣе училище, чѣмъ въ деревняхъ. Впрочемъ въ послѣднее время одно сельское училище (Новокутлинское) превзошло всѣ городскія и количествомъ, и качествомъ представленныхъ на экзаменъ. Въ 1895 году выдержало въ немъ экзаменъ 19 учениковъ; а въ 1896 г. 23, изъ коихъ 6 дѣвочекъ. Правда, учительница въ этомъ училищѣ—замѣчательная дѣвушка, всею душою преданная своему дѣлу. Только весной 1896 года общество прибавило ей 3 рубля въ мѣсяцъ, а то она получала всего *двѣнадцать* рублей въ мѣсяцъ жалованья. Земство мокшанскаго уѣзда съ самаго начала своей дѣятельности опредѣлило и выдаетъ только сто тридцать рублей въ годъ на каждое училище, находящееся въ вѣдѣніи училищнаго совѣта, кѣмъ бы оно ни было открыто и содержимо: волостью, обществомъ или частнымъ лицомъ [1]).

На основаніи Высочайше утвержденнаго въ г. Эмсѣ 25 мая (6 іюня) 1874 года мнѣнія государственнаго совѣта („Положеніе о начальныхъ училищахъ, 25 мая 1874 года"), коимъ опредѣляется дѣятельность уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, преподаваніе закона Божія въ под-

[1]) На основаніи 10 ст. „Положенія о начальныхъ училищахъ, 25 мая 1874 года", земства, наравнѣ съ частными лицами, могутъ открывать училища не иначе, какъ по предварительному разрѣшенію инспектора училищъ, отъ министерства народнаго просвѣщенія, и съ согласія предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта, т.-е. предводителя дворянства, о чемъ и доводится до свѣдѣнія совѣта.

вѣдомственныхъ имъ начальныхъ училищахъ (ст. 16 и 17) поставлено въ полную независимость отъ этихъ совѣтовъ, такъ что религіозное обученіе въ земскихъ школахъ, равно какъ и въ церковно-приходскихъ, находится одинаково въ рукахъ духовнаго вѣдомства, а потому и на его отвѣтственности. Назначеніе законоучителей зависитъ исключительно отъ епархіальнаго начальства, которое можетъ даже и не увѣдомлять совѣтъ о своихъ распоряженіяхъ въ этомъ отношеніи. Училищному совѣту остается одно право ходатайства передъ духовнымъ начальствомъ обо всемъ, что относится до преподаванія такого главнаго и крайне важнаго предмета, какъ законъ Божій. При этомъ необходимо принять въ соображеніе, что религіозныя познанія въ деревнѣ крайне скудны и нерѣдко доходятъ до невѣдѣнія даже главныхъ молитвъ и заповѣдей, а потому хорошее преподаваніе закона Божія имѣетъ особенно важное значеніе. Принятіе же во вниманіе епархіальнымъ начальствомъ ходатайствъ училищнаго совѣта зависитъ всецѣло отъ личныхъ его отношеній къ мѣстному духовному начальству; притомъ преподаваніе закона Божія въ деревнѣ считается принадлежащимъ по праву священнику мѣстнаго прихода. Является вслѣдствіе того несмѣняемость лица, ограничивающая дѣятельность самого епархіальнаго начальства, даже и въ томъ случаѣ, еслибы его преподавательская неспособность сдѣлалась очевидною. Вполнѣ возможно быть прекраснымъ пастыремъ для взрослыхъ и плохимъ педагогомъ, или, по обязанностямъ именно пастыря, не имѣть времени, достаточнаго для добросовѣстнаго и усерднаго преподаванія.

Относительно преподаванія остальныхъ предметовъ начальной школы, вліяніе училищныхъ совѣтовъ гораздо значительнѣе, и то скорѣе по обычаю, утвердившемуся въ силу необходимости, чѣмъ по закону. Въ сущности преподаваніе въ такъ называемыхъ земскихъ училищахъ губерніи, а также наблюденіе за ними, находится всецѣло въ рукахъ (ст. 20) директора народныхъ училищъ и инспекторовъ училищъ, какъ непосредственно ему подчиненныхъ, его помощниковъ. Инспекторъ (ст. 24), равно какъ и предсѣдатель уѣзднаго училищнаго совѣта, предводитель дворянства, имѣютъ право устранять неблагонадежныхъ преподавателей отъ исполненія ихъ обязанностей; впрочемъ, окончательное увольненіе такихъ учителей зависитъ отъ училищныхъ совѣтовъ. По ст. 18 того же „Положенія 1874 года“, общимъ предметомъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ могутъ обучать лица, допущенныя къ тому инспекторомъ училищъ. О допущенныхъ имъ лицахъ инспекторъ только сообщаетъ уѣздному училищному совѣту, коимъ эти лица, если окажутся достойными, и утверждаются въ должностяхъ по прошествіи учебнаго года. Еще въ 70-хъ годахъ министерство народнаго просвѣщенія разъяснило, впрочемъ,

циркуляромъ, что законъ предоставляетъ инспектору право только допускать къ преподаванію, но этимъ не устраняются содержатели училищъ, а слѣдовательно и земства, отъ представленія своихъ кандидатовъ къ допущенію обучать въ содержимыхъ ими училищахъ. Такъ какъ, по 43 ст., „губернатору принадлежитъ общее наблюденіе за ходомъ и направленіемъ первоначальнаго обученія въ губерніи", то многіе начальники губерній требуютъ, чтобы и ихъ извѣщали о новыхъ назначеніяхъ преподавателей общихъ предметовъ, такъ какъ и они имѣютъ право устранять тѣхъ изъ нихъ, которыхъ признаютъ неблагонадежными. Только въ одномъ хозяйственномъ отношеніи земства дѣйствуютъ самостоятельно: размѣръ содержанія и норядокъ отчетности въ денежныхъ суммахъ по начальнымъ народнымъ училищамъ установляются тѣми земствами, на счетъ которыхъ училища учреждены и содержатся; въ распоряженія по всѣмъ этимъ предметамъ члены губернскаго и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ не входятъ.

Все вышесказанное достаточно выясняетъ ту весьма скромную роль, какая предоставлена земству въ веденіи училищнаго дѣла, и настоящее, дѣйствительное положеніе уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, дѣятельность которыхъ весьма стѣснена и подвержена многообразному контролю, и въ то же время на нихъ возложены весьма важныя обязанности. По 1 п. 29 ст. „Положенія 1874 года" имъ предоставлено: „изысканіе и обсужденіе способовъ для открытія новыхъ, начальныхъ, народныхъ училищъ, согласно съ дѣйствительно обнаружившейся въ нихъ потребностью и для улучшенія состоянія уже существующихъ училищъ". Затѣмъ, по 2 п. той же статьи, они обязаны снабжать училища учебными пособіями и руководствами. Исполненіе этихъ обязанностей въ высшей степени желательно и необходимо именно теперь, когда, при всеобщемъ обѣднѣніи сельскаго населенія и денежныхъ затрудненіяхъ земства, училища, ввѣренныя попеченію уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, часто и долго бѣдствуютъ во всѣхъ отношеніяхъ, но совѣты не имѣютъ никакихъ средствъ для исполненія своихъ прямыхъ обязанностей.

Таковы общія начала, положенныя закономъ 1874 года въ основаніе народной школы, учреждаемой земствами на ихъ счетъ, но состоящей въ вѣдѣніи чиновъ министерства народнаго просвѣщенія и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ.

II.

Еще „Положеніемъ о начальныхъ училищахъ 1874 года“ были предусмотрѣны также и церковно-приходскія училища. Въ 1 п. 2 ст. сказано: „Къ начальнымъ, народнымъ училищамъ относятся: 1) вѣдомства духовнаго: церковно-приходскія училища, открываемыя православнымъ духовенствомъ въ городахъ, посадахъ и селахъ, съ пособіемъ и безъ пособія отъ казны, мѣстныхъ обществъ и частныхъ лицъ“. Затѣмъ слѣдуетъ перечисленіе всѣхъ прочихъ видовъ начальныхъ училищъ до (п. 4) воскресныхъ школъ включительно для лицъ, „не имѣющихъ возможности пользоваться ученіемъ ежедневно“. Законъ не дѣлаетъ никакого различія между всѣми этими школами, но не всѣ онѣ одинаково подчинены вѣдѣнію уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ: отсюда изъяты именно церковно-приходскія школы; во всякомъ случаѣ, однако, „Положеніе о начальныхъ училищахъ 1874 года“ предоставило одинаково и земствамъ, и духовному вѣдомству, основывать начальныя училища; одни земства воспользовались этимъ закономъ, и уже въ первое десятилѣтіе земскія губерніи покрылись цѣлою сѣтью начальныхъ школъ. Духовное вѣдомство долго не пользовалось вышеприведеннымъ указаніемъ въ п. 1 ст. 2 „Положенія о начальныхъ училищахъ 1874 г.“, предоставлявшимъ и ему право, наравнѣ съ земствами, открывать начальныя училища, такъ что до изданія закона 13 іюня 1884 года и опредѣленія святѣйшаго синода, 12 іюля того же года, народныхъ училищъ, открытыхъ православнымъ духовенствомъ, почти не встрѣчается; послѣ же изданія тѣхъ законоположеній, церковно-приходскія школы стали впервые распространяться. Такъ въ пензенской, напримѣръ, губерніи ихъ было:

	Церк.-прих. школъ.	Школъ грамоты.	Всего.
Въ 1889-90 учебномъ году . .	124	18	142
„ 1890/91	133	32	165
„ 1891/92	150	48	198
„ 1892/93	172	59	231
„ 1893/94	189	90	279
„ 1894/95	196	108	304
„ 1895/96	205	130	335

Въ продолженіе 1896 года открылось въ губерніи 6 церковно-приходскихъ школъ и 14 школъ грамоты,—слѣдовательно, въ сравнительно короткое время, въ одной только губерніи устроилось и дѣйствуетъ 355 первоначальныхъ училищъ. Надобно думать, что то же явленіе повторяется и въ другихъ губерніяхъ. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о качествѣ училищъ духовнаго вѣдомства, нельзя не

признать пользы развитія хотя бы простой грамотности въ деревнѣ, особенно нынѣ, когда земство бываетъ иногда вынуждено, по недостатку денежныхъ средствъ, ограничивать свою плодотворную дѣятельность въ дѣлѣ первоначальнаго народнаго образованія. Духовное вѣдомство получило и средства, отпускаемыя ему государственнымъ казначействомъ для первоначальныхъ его училищъ, — чѣмъ никогда до сихъ поръ не пользовалось земство. Но измѣнятъ ли эти новыя средства положеніе сельскаго духовенства относительно начальнаго образованія въ деревнѣ,—образованія, которымъ это духовенство, до изданія закона 1884 года, не занималось? Но прежде всего необходимо опредѣлить, хотя бы приблизительно, размѣръ этого образованія.

Собственно грамотность есть только орудіе знанія, и ею одною не можетъ и не должна ограничиваться народная школа. Эта школа обязана, по высказанному законодателемъ въ 1874 году указанію, „утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія". Точно также и въ § 1 Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 года правилъ о церковно-приходскихъ школахъ говорится: „Школы сіи имѣютъ цѣлью утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской". Законодательство наше не измѣнило своего взгляда на цѣль распространенія грамотности въ народѣ, и въ 1884 году, какъ и въ 1874 г., оно выше всего ставило и ставитъ религіозно-нравственное образованіе народа; и только затѣмъ, въ 1874, говоритъ о распространеніи первоначальныхъ полезныхъ знаній, а въ 1884 г.—о сообщеніи таковыхъ. Дѣйствительно, знаніе главныхъ основаній религіи особенно необходимо въ нашей деревнѣ. Всякій живущій постоянно въ деревнѣ не можетъ не быть пораженъ тою исключительно внѣшнею обрядностью, въ которую такъ крѣпко сложилась и застыла религіозная жизнь народа. Возникновеніе обряда, его значеніе, ему вовсе не ясны, или даже совсѣмъ не извѣстны, и къ нему присоединяются чисто практическіе взгляды, по меньшей мѣрѣ не вполнѣ христіанскіе. Ни одинъ крестьянинъ нисколько не затруднится работать не только въ воскресенье, но и въ двунадесятый праздникъ, за исключеніемъ, конечно, Пасхи и почти всей пасхальной недѣли. Ни одинъ, однако, не возьмется за полевую работу въ Ильинъ день: „Избави Богъ! Илья накажетъ: градомъ поле выбьетъ"! Также рѣдкій въ крестьянствѣ запряжетъ лошадь въ день св. Флора и Лавра (18 августа), покровителей лошадей: „Хворь на скотину напустятъ"! Всеобщее убѣжденіе, что нашъ крестьянинъ глубоко религіозенъ, — совершенно вѣрно, если принять въ основаніе этого убѣжденія настоящія понятія крестьянства о религіи. Въ деревнѣ всего болѣе и всего легче распространяются книги духовнаго и богослужебнаго содержанія; это также довольно вѣрно, но при этомъ упускается

изъ виду причина такого явленія. Причина, однако, весьма ясная и наглядная. Жажда религіознаго знанія въ деревнѣ, при установившихся условіяхъ ея жизни, не находитъ, да и не можетъ находить, другого удовлетворенія, какъ въ случайно попавшейся книжкѣ. Въ деревнѣ рѣдко и весьма рѣдко богослуженіе понятно присутствующимъ, особенно чтеніе. Очень часто намъ доводилось въ деревнѣ слышать псаломщиковъ, достигшихъ въ церковномъ чтеніи такой виртуозности, что даже „Молитву Господню“ можно было узнать только по первымъ двумъ словамъ начала и по послѣднему слову—конца. О другихъ молитвахъ, читаемыхъ на часахъ, или о псалмахъ, и говорить нечего—ничего никто не разберетъ. Даже во время литургіи, ектенія обыкновенно возглашается безъ перерыва такъ, что отвѣтное пѣніе клира покрываетъ возгласы, и даже, при знаніи ихъ, трудно за ними слѣдить. Богослуженіе, столь любимое и чтимое крестьянствомъ, не можетъ такимъ образомъ вносить религіознаго знанія въ его среду. Расколъ довольно распространенъ въ пензенской губерніи, и нельзя не удивляться, что въ общемъ онъ не распространенъ гораздо болѣе. Въ сколько-нибудь пытливомъ умѣ поученіе случайно встрѣченнаго начетчика любого раскольничьяго толка не можетъ встрѣтить противодѣйствія. Превратное знаніе легко одерживаетъ побѣду надъ круглымъ невѣжествомъ. Въ инородческихъ мордовскихъ селахъ, которыхъ не мало въ пензенской губерніи и сосѣднихъ, знанія религіи еще менѣе. Иначе это и быть не можетъ. Въ этихъ селахъ не всѣ мужчины свободно говорятъ по-русски; а женщины и дѣти ни слова не понимаютъ изъ того языка, на которомъ происходитъ богослуженіе по той вѣрѣ, къ которой они принадлежатъ уже болѣе столѣтія. Замѣчательно, что мордовки и вообще мордва любятъ церковное богослуженіе, и мордовскія села, какъ приходы, очень цѣнятся сельскимъ духовенствомъ. Это вполнѣ понятно,—мордва народъ тихій, послушный, исполнительный, и живетъ онъ преимущественно въ крупныхъ, многолюдныхъ селеніяхъ. Не малая заслуга опять земства, а не кого-либо другого, что оно первое внесло путемъ школы между этими инородцами знаніе языка той религіи, къ которой они такъ давно принадлежатъ.

Религіозное невѣжество мордвы еще понятно, но и чисто-русское населеніе отличается почти одинаковымъ, такимъ же незнаніемъ. Какъ русскіе, такъ и инородцы, въ крестьянствѣ, тѣмъ не менѣе, въ точности исполняютъ религіозныя обязанности, такъ какъ убѣждены, что за неисполненіе ихъ неминуемо послѣдуетъ наказаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ они относятся къ этому исполненію весьма практично и стараются пріобрѣсти желанную, необходимую, духовную помощь какъ можно дешевле, а за требу заплатить какъ можно меньше. Съ другой стороны, и сельское духовенство, вынужденное существовать требами,

въ силу той же наслѣдственной практичности, знаетъ, съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло, и установляются вслѣдствіе сего, при данныхъ условіяхъ, между пастыремъ и паствой такія отношенія, которыя производятъ крайне грустное, крайне тяжелое впечатлѣніе. Во время бездождія, засухи, крестьяне обыкновенно служатъ молебны на родникахъ, находящихся на окружающей селеніе землѣ. Очевидно, чѣмъ болѣе родниковъ, тѣмъ утомительнѣе это для сельскаго духовенства. Молебны эти оплачиваются всѣмъ обществомъ, и размѣръ платы опредѣляется сходомъ, избирающимъ уполномоченныхъ, которымъ поручается войти по сему предмету въ соглашеніе съ духовенствомъ. Бездождіе, соединенное со зноемъ, болѣе или менѣе продолжительное, случается у насъ чуть не каждое лѣто. Лѣтъ 5—6 тому назадъ, одно сосѣднее съ нами общество постановило отслужить молебны на родникахъ и поручило избраннымъ уполномоченнымъ условиться съ священникомъ не дороже, однако, опредѣленной платы, пропорціонально количеству родниковъ. Въ тотъ же день вечеромъ уполномоченные толковали объ этомъ предметѣ; но не могли заключить условія, такъ какъ не сошлись въ цѣнѣ; пришлось снова обратиться къ сходу. Въ ночь набѣжала туча, и пролилъ обильный дождь. Надо было видѣть радость крестьянъ, что полученная благодать не потребовала никакихъ расходовъ съ ихъ стороны. Можно бы было привести много примѣровъ подобнаго отношенія крестьянства къ религіознымъ обязанностямъ [1]),

[1]) Чтобы все сказанное не показалось кому-либо преувеличеніемъ, сошлемся на помѣщенное недавно въ „Гражданинѣ“ (26 іюня 1897 г., № 49) „Открытое письмо священника“ о томъ же предметѣ, а именно, о степени „благополучія“ нашего сельскаго духовенства:

„Вспомните, читатель,—говоритъ авторъ письма, священ. В. В.,—какъ священнику достается это благополучіе. Собирая средства для своего обезпеченія, священникъ силою обстоятельствъ вынуждается стоять съ крестомъ и въ то же время съ протянутой рукой за подаяніемъ; стоитъ онъ такъ и въ храмѣ Божіемъ, и въ домахъ своихъ прихожанъ. Едва оканчиваетъ онъ служенія, молитвословія, какъ уже замѣчаетъ, что дѣти его духовныя приготовляются воздать ему подаянія, вытаскиваются тощіе кошельки, развязываютъ грязные платки, чтобы достать монету и отблагодарить пастыря своего, и одна рука благословляетъ, а другая тѣмъ временемъ убираетъ въ карманъ подачку. А какъ часто слухъ священника немилосердно терзается вопросомъ: „сколько вамъ, батюшка, за труды?“ Съ этимъ вопросомъ идетъ къ нему богатый кулакъ, надѣясь по обычаю выторговать что-нибудь у священника изъ установившейся платы за труды; съ нимъ же обращается къ пастырю своему и несчастная вдова, едва сдерживая всхлипыванія, окруженная кучею сиротинокъ, когда пастырь, отслуживши послѣднюю литію, собирается уходить изъ убогой, осиротѣлой хаты... Паства кормитъ своего священника, хотя бы сама наполовину и болѣе состояла изъ полунищихъ, *но каково ему-то брать пятаки съ этихъ обездоленныхъ людей?* Вѣдь и у него въ груди бьется не каменное сердце... Вотъ онъ пришелъ въ домъ бѣдняка совершить требу, помолиться, облегчить горе, сказать доброе слово, а ему суютъ въ руку гривенникъ, и онъ долженъ взять этотъ гривенникъ,

но и сказаннаго достаточно для убѣжденія, насколько желательно и необходимо религіозное образованіе въ деревенской народной школѣ. Получается ли оно въ школахъ, всецѣло зависящихъ отъ духовнаго вѣдомства?—постараемся и это выяснить вкратцѣ.

Контроль надъ церковно-приходскими школами, по общему убѣжденію,—какъ говорятъ, *домашній*,—исключительно въ рукахъ того же духовнаго вѣдомства, которое ихъ вѣдаетъ и ими занимается. Оффиціально, по точному смыслу правилъ 1884 года, это не вполнѣ вѣрно; на основаніи §§ 18 этихъ правилъ, „почетные попечители, представители учрежденій, отъ коихъ церковно-приходскія школы пользуются пособіями, и частные благотворители, жертвующіе на ихъ содержаніе, а также предводители дворянства и члены учебной инспекціи могутъ посѣщать сіи (церковно-приходскія) школы, не дѣлая однако отъ себя распоряженій или внушеній во время ихъ осмотра. О своихъ наблю-

---

вѣдь и все его благополучіе ткется изъ подобныхъ гривенниковъ, и онъ беретъ этотъ гривенникъ, хотя, быть можетъ, послѣдній въ домѣ, хотя онъ нуженъ на фунтъ булокъ для больного ребенка... А развѣ этотъ рѣзкій переходъ отъ таинства, или религіознаго обряда, къ подачкѣ, къ расплатѣ—не разрушаетъ въ священникѣ и прихожанинѣ, возбужденное священнодѣйствіемъ, доброе настроеніе?

„Прибавьте къ сказанному еще картину скитаній духовенства по деревнямъ за ругой, и вы еще яснѣе поймете, какими внутренними ощущеніями исполненъ священникъ во время собиранія своего благополучія.

„Грязная, холодная осень. Сѣрыя тучи низко повисли надъ унылой деревенькой; пронзительный вѣтеръ со свистомъ гонитъ вдоль улицы сорванныя съ крышъ клочья соломы; мороситъ мелкій дождь. По деревнѣ, часто останавливаясь, двигается подвода, рядомъ съ нею въ старой, до колѣна забрызганной рясѣ, шествуетъ батюшка, причетники же, облеченные въ рубище, торопливо обѣгаютъ дома, постукивая въ окошко, и пока хозяинъ или хозяйка ходятъ въ амбаръ, причтъ церковный поставаетъ, поглядываетъ, зябнетъ и мокнетъ...

„Но вотъ, вошь и стукъ клириковъ услышанъ, движется дородный мужичокъ изъ богатыхъ, съ полной мѣрой зерна, самодовольно улыбается онъ, его движенія, осанка, взгляды, все какъ бы говоритъ: „на-те молъ, смотрите, какъ мы васъ благодѣтельствуемъ, почитайте-ка насъ побольше, не то̀ увидите“... Клирики, по привычкѣ, раболѣпно увиваются около дающаго, подставляя ему мѣшокъ, а батюшка, съ горечью на сердцѣ, спѣшитъ откланяться и далѣе, гдѣ уже ждетъ его другой, прижимистый мужичокъ, чтобы незамѣтно всыпать въ братскій мѣшокъ ковша два зеренъ, смѣшанныхъ на половину съ землей; эти ковши онъ нарочно „*для попова*“ намелъ на гумнѣ послѣ молотьбы и отложилъ въ пустой уголъ закрома. А вотъ, въ отвѣтъ на усердный, продолжительный стукъ причетника открывается окно, на половину вмѣсто стеколъ заткнутое тряпками, высовывается изъ него полураздѣтая женщина и жалобно умоляющимъ голосомъ говоритъ: „не взыщите, батюшка-кормилецъ, отъ сѣмянъ одинъ мѣшочекъ остался, и тотъ давно пріѣли, ребятишекъ полна изба“. Короткій день между тѣмъ темнѣетъ, дождь усиливается, вѣтеръ сильнѣе распѣваетъ свои унылые напѣвы, а причтъ грязный, измокшій трясется по колеямъ къ своимъ домамъ съ добровольными подаяніями, и здѣсь, задыхаясь въ пыли, производитъ надъ ними послѣднюю операцію—братскій раздѣлъ“.

деніяхъ они сообщаютъ руководящему школою лицу, а въ случаѣ надобности представляютъ епархіальному архіерею". Далѣе, на основаніи §§ 22 тѣхъ же правилъ: „для обсужденія вопросовъ по церковно-приходскимъ школамъ, въ каждой епархіи учреждается епархіальный совѣтъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, преданныхъ дѣлу народнаго образованія и близко знакомыхъ съ бытомъ и духовными потребностями населенія. Къ засѣданіямъ сего совѣта приглашается на правахъ члена мѣстный директоръ народныхъ училищъ". Мы видѣли, что учрежденіе училищъ, находящихся въ вѣдѣніи уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, обставлено нѣкоторыми формальностями и требуетъ іерархическаго разрѣшенія; церковно приходскія же школы (§ 2) открываются приходскими священниками или, съ ихъ согласія, другими лицами. Священники обязаны (§ 3) объ открытіи таковыхъ доносить только, черезъ благочинныхъ, епархіальному архіерею, испрашивая его благословенія и утвержденія. Изъ всего вышесказаннаго выясняется, что духовное вѣдомство въ лицѣ сельскаго духовенства ничѣмъ не стѣснено, такъ сказать, въ насажденіи порученнаго ему первоначальнаго народнаго образованія. Оно легко можетъ открывать свои школы, даже такого упрощеннаго типа, какъ школы грамотности; но затѣмъ къ контролю надъ дѣятельностью этихъ школъ привлекаются и свѣтскіе люди. Какъ по точному смыслу правилъ 1884 года, такъ и на практикѣ ихъ примѣненія, выказалось, что участіе мірянъ въ дѣятельности духовнаго вѣдомства по народному образованію ограничивается почти исключительно оказаніемъ содѣйствія этой дѣятельности, но не контролемъ надъ ней. Какъ по народному образованію, такъ и по общей дѣятельности, дѣйствительный контроль надъ духовенствомъ —въ рукахъ того же духовенства. Духовенство же у насъ вполнѣ замкнутое сословіе, выдѣляющее изъ себя постоянно и въ значительномъ количествѣ дѣятелей на всякихъ, крайне разнообразныхъ поприщахъ, но почти совсѣмъ не принимающее въ свою среду лицъ, не принадлежащихъ къ этому сословію. Бѣлое сельское духовенство, заключающее браки почти исключительно въ своей средѣ, въ своемъ сословіи, въ общемъ представляетъ собой очень часто разныхъ степеней родственную связь, при которой контроль духовенства надъ духовенствомъ—серьезнымъ быть не можетъ. Помимо родственныхъ отношеній, между членами такого замкнутаго сословія, какъ духовное, существуетъ и должна существовать сословная связь, которая неминуемо ведетъ каждаго, принадлежащаго къ духовному вѣдомству, къ желанію охранять это сословіе отъ всякаго нареканія, что̀ также не обезпечиваетъ дѣйствительность контроля духовенства надъ духовенствомъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно, что контроль надъ земскими училищами гораздо болѣе обезпеченъ, чѣмъ надъ церковно-приходскими.

III.

Много говорилось и писалось о необходимости улучшить бытъ сельскаго духовенства, о необходимости освободить его отъ матеріальной зависимости отъ прихода. Существеннаго, однако, пока въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлано, да врядъ ли и можетъ быть сдѣлано. Сдѣлать жизнь сельскаго духовенства вполнѣ независимой отъ платы за требы потребовало бы не только затраты громадныхъ средствъ со стороны государственнаго казначейства, но и коренного измѣненія вѣковыхъ привычекъ какъ духовенства, такъ и самой деревни, на что необходимо не мало времени. Между тѣмъ именно теперь матеріальная зависимость сельскаго духовенства отъ прихода стала тяжелѣе прежняго. Общее обѣднѣніе деревни не могло не отразиться на доходности приходовъ, и прямо, и косвенно. Не надо забывать при этомъ, что сельское духовенство—землевладѣлецъ, получающій отъ земли изрядную часть своихъ доходовъ и несущій потому свою долю тяжелаго гнета общихъ экономическихъ условій. Малодоходные приходы стали еще болѣе малодоходными, и для нихъ трудно найти священниковъ. Въ мокшанскомъ уѣздѣ существуетъ одинъ приходъ, село Рождествено, въ которомъ долго не уживался никогда ни одинъ священникъ, ни изъ молодыхъ, новоставленныхъ, ни переведенный туда въ видѣ наказанія. Нечего говорить, при такихъ условіяхъ, объ удовлетвореніи религіозныхъ потребностей прихожанъ бѣдныхъ приходовъ. До февраля 1897 года с. Рождествено оставалось безъ священника съ 3 іюня 1895 года, а можетъ быть и теперь еще остается. Въ оффиціальномъ отдѣлѣ пензенскихъ епархіальныхъ вѣдомостей къ 1 января 1897 г. такихъ праздныхъ священническихъ мѣстъ во всей пензенской губерніи считалось *семнадцать*. То же явленіе, насколько извѣстно, встрѣчается и въ другихъ губерніяхъ, находящихся въ одинаковыхъ съ пензенской экономическихъ условіяхъ. Вотъ причина, почему священниками рукополагаются очень часто молодые люди, только-что окончившіе курсъ въ семинаріи, и при этомъ вносится карьеризмъ въ служеніе сельскаго духовенства, что̀ конечно, нежелательно. Молодому пастырю, иногда едва достигшему совершеннолѣтія, поступающему въ малодоходный приходъ, или обѣщанъ лучшій, или онъ надѣется получить такой въ болѣе или менѣе скоромъ времени. Наконецъ, лучшій приходъ не исключаетъ возможности получить еще болѣе доходный, и такимъ порядкомъ вещей вносится въ исполненіе столь важныхъ обязанностей, какъ пастырскія, неустойчивость. Въ служебномъ, или, вѣрнѣе сказать, въ чиновничьемъ отношеніи, такая неустойчивость имѣетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, и выгодную сторону; она

вынуждаетъ сельское духовенство быть всегда покорнымъ и безпрекословнымъ исполнителемъ приказаній своего непосредственнаго начальства, но врядъ ли такое положеніе можетъ выработать столь необходимый во всякомъ приходѣ, а особенно въ деревнѣ, характеръ пастыря. Рукоположенный въ священники остается такимъ всю свою жизнь; лишиться этого сана онъ можетъ только по духовному суду. Несмѣняемость всюду и вездѣ порождаетъ въ облеченномъ ею лицѣ, самостоятельность, въ высшей степени желательную для человѣка, которому, какъ теперь сельскому священнику, ввѣряется руководительство всей духовной жизнью довольно многочисленной группы людей отъ ихъ колыбели до могилы. Но тѣмъ не менѣе, самостоятельности не существуетъ въ сельскомъ духовенствѣ. Нужда заставляетъ его безпрекословно подчиняться, а съ другой стороны отдаленность отъ контроля, трудность, да, пожалуй, и невозможность наблюдать за всей дѣятельностью пастыря создаютъ для него фактичести полную независимость и во ввѣренномъ ему нынѣ первоначальномъ образованіи. Можетъ ли духовенство при этомъ быть руководителемъ религіозно-нравственнаго образованія народа? Чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, необходимо прослѣдить жизнь сельскаго духовенства съ самаго начала. Постараемся сдѣлать это, какъ можно короче.

Въ семействѣ, принадлежащемъ къ духовному званію, въ какомъ-нибудь селѣ родится мальчикъ; какъ только онъ подростетъ, его начинаютъ учить—рѣдко сами родители, которые слишкомъ заняты для того: отецъ службой, мать домашнимъ хозяйствомъ. Семьи въ сельскомъ духовенствѣ большею частью многочисленны; жизнь же самого духовенства—трудовая. Въ сельскомъ ли училищѣ, или у кого-нибудь, мальчикъ готовится и, достигнувъ десяти лѣтъ, поступаетъ въ духовное училище. Тутъ четыре класса, по году въ каждомъ; затѣмъ семинарія—шесть классовъ, также по году въ каждомъ. Если въ продолженіе десятилѣтняго ученія онъ оказывалъ удовлетворительные успѣхи въ наукѣ и былъ хорошаго поведенія, то двадцати лѣтъ онъ можетъ быть рукоположенъ въ священники, что часто и бываетъ при нуждѣ въ замѣщеніи „праздныхъ“ мѣстъ.

Изъ семинаріи выходятъ не одни только сельскіе священники. Не окончившіе въ нихъ курса, смотря по классу, въ которомъ были при выходѣ изъ семинаріи, дѣлаются на всю жизнь или діаконами, или псаломщиками; большинство же поступаетъ на гражданскую службу. Все мѣстное провинціальное чиновничество почти исключительно состоитъ изъ неокончившихъ курсъ семинаристовъ.

Такимъ образомъ, въ сельскіе священники попадаютъ, такъ сказать, средніе люди; но передъ тѣмъ какъ сдѣлаться пастыремъ сельскаго прихода, необходимо жениться. Женитьба, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна,

по обычаю, доставить средства, необходимыя будущему священнику для обзаведенія и для жизни въ началѣ его дѣятельности. Переговоры о сватовствѣ, т.-е. о приданомъ, ведутся родителями; въ одномъ знакомомъ намъ случаѣ такихъ переговоровъ сначала требованія отца жениха были довольно велики, но постепенно они уменьшались, и дѣло закончено было на семистахъ рубляхъ, съ придачей коровы и лошади. Въ послѣднее время семинаристы слѣдятъ за епархіальнымъ женскимъ училищемъ и еще на школьной скамейкѣ намѣчаютъ ту изъ воспитанницъ, на которой желали бы жениться. Но и это нисколько не исключаетъ необходимости выработанныхъ жизнью основаній окончательнаго соглашенія. Приданое нужно потому, что безъ него нельзя быть священникомъ и оплатить всѣ связанные со священствомъ расходы; получить же для того необходимыя средства отъ своего отца невозможно, такъ какъ у него свои дочери, для которыхъ потребуется также приданое.

Наконецъ, молодой священникъ водворился въ полученномъ имъ приходѣ, и съ первыхъ же дней его пастырства начинается для него и для его молодой жены трудовая жизнь. Въ сельскомъ духовенствѣ наслѣдственно развита замѣчательная способность пріумножать состояніе. Сбереженія необходимы: молодые, при первой возможности, обязаны исполнить то, что̀ дѣлали ихъ отцы и дѣды. Они должны воспитать своихъ дѣтей и накопить приданое для дочерей; наконецъ, и о себѣ подумать; приберечь деньгу про черный день, на болѣзнь и старость. Разсчетливость начинается съ самаго начала самостоятельной жизни и ростетъ по мѣрѣ увеличенія потребностей этой жизни. Возможность сбереженій, возможность обезпеченія семьи зависитъ всецѣло отъ труда отца семейства. И вотъ жена занята всецѣло домашнимъ хозяйствомъ, а у мужа служба, требы, веденіе метрическихъ книгъ, причтъ, полевыя работы, хлѣба̀ — продажа ихъ и продуктовъ сельскаго хозяйства, поѣздки на базаръ для продажъ и покупокъ, въ городъ для помѣщенія накопленныхъ денегъ, а тамъ дѣти, ихъ воспитаніе и помѣщеніе въ учебныя заведенія. Постепенно жизненное колесо, захватывая все болѣе и болѣе мысли и волю, устраняетъ все ненужное, все препятствующее движенію, и катится все легче и легче по проторенной издавна дорожкѣ. Можетъ ли сельскій священникъ, при такихъ тяжелыхъ условіяхъ его жизни, заниматься съ пользой для дѣла еще преподаваніемъ въ первоначальной школѣ?—Необходимо припомнить, что̀ такое въ деревнѣ доходный и малодоходный приходъ: въ первомъ доходность вытекаетъ отъ многочисленности оплачиваемыхъ требъ, что̀ вполнѣ понятно, и отнимаетъ много времени у священника; во второмъ же, какъ мы уже говорили, священникъ думаетъ только объ одномъ,—какъ бы скорѣе выбраться изъ полученнаго

мѣста и получить лучшее. За недостаткомъ ли времени, или за недостаткомъ желанія приложить свою дѣятельность при временномъ, краткомъ пребываніи, но въ обоихъ случаяхъ вполнѣ цѣлесообразное преподаваніе главнаго предмета народной школы врядъ ли можетъ быть признано обезпеченнымъ, особенно въ церковно-приходскихъ школахъ, гдѣ священникъ не только законоучитель, но еще хозяинъ и отвѣтственный руководитель училища. Такое руководительство даетъ дѣйствительно возможность священнику болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, опираться на зависящаго отъ него учителя или учительницу. Въ земскихъ школахъ, великимъ постомъ, когда ученіе идетъ усиленно въ виду близости экзамена и закрытія училища, а также вслѣдствіе усиленнаго занятія законоучителя церковной службой, бываетъ нерѣдко, что, по негласному соглашенію, учитель или учительница замѣняетъ вполнѣ законоучителя. Въ земской школѣ каждый преподаватель отвѣчаетъ только за свое дѣло, и разъ на экзаменѣ представленные ученики оказываются плохо подготовленными только по одному закону Божію, — отвѣтственность, очевидно, должна падать на того, кто этимъ предметомъ занимался; но въ церковно-приходской школѣ такого явленія быть не можетъ, такъ какъ къ экзамену допускаетъ хозяинъ училища, онъ же вмѣстѣ и законоучитель.

Количество первоначальныхъ училищъ духовнаго вѣдомства въ каждомъ приходѣ, вполнѣ понятно, зависитъ отъ состоятельности членовъ этого прихода. Духовное вѣдомство очень рѣдко беретъ на себя весь расходъ, необходимый для содержанія училища, а всегда пользуется болѣе или менѣе крупнымъ пособіемъ общества, дающаго извѣстную сумму на этотъ предметъ. Каково бы ни было содѣйствіе земскихъ начальниковъ распространенію церковно-приходскихъ школъ, но все-таки это содѣйствіе достигаетъ своей цѣли всего легче и дѣйствительнѣе въ богатыхъ приходахъ. Казалось бы, что священники такихъ приходовъ, и безъ того занятые многочисленными требами, должны были бы уклоняться отъ открытія у себя школъ, отъ нихъ всецѣло зависящихъ; но этого не бываетъ, такъ какъ преподаваніе закона Божія всегда оплачивается, особенно теперь, когда въ деревнѣ хорошо извѣстно изъ сообщеній духовенства, что главнѣйше ему ввѣрено первоначальное образованіе народа и что только это образованіе получаетъ правительственную поддержку. Какова бы ни была плата за это преподаваніе, но она представляетъ собой вѣрную, круглую сумму, отъ которой нѣтъ причины отказываться даже и въ богатомъ приходѣ. Общій доходъ въ такомъ, какъ и во всякомъ приходѣ, а именно мелочный сборъ, подлежитъ періодическому раздѣлу съ причтомъ, тогда какъ вознагражденіе за преподаваніе идетъ всецѣло въ опредѣленные сроки въ руки священника, что̀ весьма цѣ-

нится духовенствомъ. Напримѣръ, въ сосѣднемъ, недалеко отъ насъ, богатомъ приходѣ священникъ, рѣдкій по своему безкорыстію, бывъ благочиннымъ, не призналъ для себя возможнымъ преподавать должнымъ образомъ законъ Божій въ земскомъ училищѣ, за недостаткомъ времени, и по его указанію и ходатайству передъ епархіальнымъ начальствомъ былъ назначенъ туда діаконъ. Отецъ, діаконъ, хотя не принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ педагоговъ, но все же велъ преподаваніе удовлетворительно. Притомъ онъ былъ порядочнымъ регентомъ и устроилъ въ училищѣ хоръ, участвовавшій въ церковномъ богослуженіи. Къ крайнему сожалѣнію прихода, отецъ-благочинный былъ перемѣщенъ въ губернскій городъ и на мѣсто его назначенъ былъ другой. Вскорѣ послѣ этой перемѣны новопоступившій священникъ исходатайствовалъ у епархіальнаго начальства о назначеніи его законоучителемъ въ земское училище, а діаконъ былъ уволенъ указомъ консисторіи. Такое увольненіе безъ всякой вины со стороны уволеннаго намъ показалось несправедливымъ, и мы, въ качествѣ предводителя дворянства, дѣятельно, насколько могли, хлопотали о возвращеніи діакону мѣста, которое онъ занималъ съ успѣхомъ; но наши ходатайства не имѣли послѣдствій. Оказалось, что священникъ пользуется преимущественнымъ правомъ быть законоучителемъ и получать за то опредѣленное вознагражденіе. Если въ весьма богатомъ приходѣ законоучительство представляетъ собою цѣнное увеличеніе дохода, то тѣмъ болѣе является оно такимъ въ малодоходныхъ приходахъ. Вполнѣ понятно, что нынѣ, при дѣйствительной трудности жизни сельскаго духовенства, начальныя училища духовнаго вѣдомства являются для него прежде всего важной денежной помощью и тѣмъ болѣе важной и цѣнной, что ему совершенно подчинены и всецѣло отъ него зависятъ какъ расходы по училищу, такъ и свѣтскій, учащій въ нихъ персоналъ. О послѣднемъ скажемъ теперь нѣсколько словъ.

IV.

Мы видѣли, что преподаваніе закона Божія, какъ въ земскихъ училищахъ, такъ и въ церковно-приходскихъ школахъ, всецѣло находится въ рукахъ одного и того же духовнаго вѣдомства. Единственное различіе между ними состоитъ въ томъ, что въ первыхъ это преподаваніе, какъ и весь ходъ дѣла, подлежитъ контролю училищнаго совѣта, который однако, какъ мы также видѣли въ только-что приведенномъ примѣрѣ относительно законоучителей, самъ подчиненъ безапелляціоннымъ распоряженіямъ епархіальной власти. Съ точки зрѣнія религіозно-нравственнаго воспитанія, законъ Божій, дѣйстви-

тельно, существенный предметъ нашей сельской народной школы; для возможности же его усвоенія требуется отъ самого преподавателя весьма не легкая подготовка. Одновременно съ этимъ усвоеніемъ, восьмилѣтній крестьянскій мальчикъ долженъ въ три зимы сдѣлаться вполнѣ грамотнымъ, т.-е. осмысленно читать по-русски и по-славянски и умѣть разсказать прочитанное; писать четко и подъ диктовку правильно и, наконецъ, умѣть рѣшать задачи по первымъ четыремъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ также осмысленно съ объясненіемъ, почему въ данномъ случаѣ онъ такъ поступаетъ. Вся эта „грамотность“ находится въ рукахъ свѣтскаго учительскаго персонала, насколько онъ подготовленъ къ обученію такой „грамотности“.

Во всѣхъ деревенскихъ начальныхъ училищахъ самые старательные священники-законоучители занимаются въ нихъ около часа ежедневно; но это встрѣчается чрезвычайно рѣдко; учители же общаго образованія, собственно грамотности, посвящаютъ своимъ занятіямъ все утро: отъ 8 ч. утра до 2 и 3 пополудни. Къ концу второй половины учебнаго года старшее отдѣленіе, готовящееся къ экзамену, такъ или иначе выдѣляется для особыхъ, сверхъ-нормальныхъ занятій. Въ церковно-приходской школѣ въ началѣ предполагалось, что учитъ вообще будетъ причтъ; но это всюду оказалось неудачнымъ. Участвуя неоднократно на экзаменахъ въ церковно-приходскихъ школахъ, мы не встрѣчали сколько-нибудь удовлетворительно подготовленныхъ учениковъ тамъ, гдѣ преподавалъ причтъ. Предполагаемое или уже совершившееся введеніе педагогіи въ семинаріяхъ врядъ ли достигнетъ своей цѣли. Церковный причтъ оказывается непригоднымъ для преподаванія не оттого только, что онъ не былъ знакомъ съ педагогическими пріемами, а гораздо болѣе потому, что у него нѣтъ для того свободнаго времени. Преподавать законъ Божій, т.-е. въ будни удѣлить для того около часа раза три, четыре въ недѣлю, онъ еще можетъ, но ежедневно посвящать школѣ пять, шесть и болѣе часовъ—это рѣшительно ему невозможно и непосильно. Причтъ точно также, какъ и священникъ, занятъ церковной службой, требами, своей семьей, своимъ хозяйствомъ, своимъ земельнымъ надѣломъ. Во время храмовыхъ праздниковъ, при обходѣ всего прихода съ молебнами, ученіе совершенно прекращается и тѣмъ долѣе, чѣмъ обширнѣе и разбросаннѣе приходъ. Что бы ни было въ будущемъ, но пока дѣйствительность вынудила къ тому, что свѣтскій учащій персоналъ церковно-приходскихъ школъ, также какъ и законодатели, сдѣлались совершенно одинаковы съ тѣмъ, который преподаетъ въ земскихъ училищахъ. Мы разумѣемъ только тѣ церковно-приходскія школы, въ которыхъ общее преподаваніе производится спеціально для того приглашенными и вмѣстѣ свѣдущими лицами. Такихъ лицъ прежде ду-

ховное вѣдомство нанимало за баснословно дешевую цѣну. Мы знали одну церковно-приходскую школу, въ коей учительница получала жалованья *пять рублей* въ мѣсяцъ. Правда, въ этомъ отношеніи нѣтъ особенно большой разницы между школами духовнаго вѣдомства и земскими въ пензенской губерніи. Жалованье свѣтскаго учительскаго персонала въ обѣихъ иногда почти одинаково; тѣмъ не менѣе, и при равномъ вознагражденіи за трудъ, учители и учительницы охотно переходятъ изъ церковно-приходскихъ школъ въ земскія. Главная причина такого перехода—участіе преподавателей земскихъ училищъ въ пенсіонной кассѣ, устроенной пензенскимъ земствомъ. Несомнѣнно, обезпеченіе существованія трудящагося человѣка въ старости въ высшей степени для него важно. Кромѣ того, подчиненіе свѣтскаго учителя законоучителю принимаетъ въ церковно-приходской школѣ иногда такія формы, при которыхъ первому продолжать свои занятія становится совершенно невозможнымъ.

Объемъ знанія, который учитель долженъ передать своимъ ученикамъ въ сельскомъ училищѣ, такъ невеликъ, что, по общему убѣжденію, не трудно быть учащимъ, и желающихъ занять учительскія мѣста—множество. Дѣйствительно, до сихъ поръ церковно-приходскія школы не встрѣчали никакого препятствія отъ затрудненій въ замѣщеніи учительскихъ должностей, но зато и выборъ лицъ былъ крайне снисходителенъ. Между тѣмъ, именно въ сельскихъ училищахъ цѣлесообразное исполненіе учительскихъ обязанностей требуетъ большой подготовки. Въ двухъ, напримѣръ, училищахъ, имѣющихъ одинаковое содержаніе,—въ одномъ ежегодно на экзаменъ является не менѣе десяти, двѣнадцати прекрасно усвоившихъ знаніе учениковъ, въ другомъ — три, четыре едва-едва подготовленныхъ согласно программѣ, и такая разница въ результатахъ зависитъ, конечно, не отъ качества учащихся, а учащихъ. Но для дѣйствительной успѣшности преподаванія въ сельскомъ училищѣ даже и добросовѣстное исполненіе учителемъ его прямыхъ обязанностей еще недостаточно; отъ него требуется, чтобы онъ не только сконцентрировалъ такъ свои занятія, чтобы успѣть въ короткое время исполнить программу, но чтобы онъ съумѣлъ привлечь къ себѣ своихъ учениковъ настолько, чтобы они рвались въ школу. Въ сельскомъ училищѣ почти всегда одинъ преподаватель; помѣщеніе же очень часто недостаточное, убогое, и при такихъ общихъ неблагопріятныхъ условіяхъ единственному преподавателю приходится въ продолженіе всего учебнаго года заниматься одновременно со всѣми тремя отдѣленіями школы, т.-е. младшимъ, среднимъ и старшимъ отдѣленіями, измѣняющимися притомъ чуть не ежедневно въ своемъ составѣ. Такія училища, очевидно, требуютъ для успѣшнаго развитія своей дѣятельности лучшій учительскій пер-

соналъ; между тѣмъ мы видимъ, что пензенская учительская семинарія, дающая хорошо подготовленныхъ преподавателей для начальныхъ училищъ, теперь, какъ и прежде, жалуется, что выпускаемые ею воспитанники очень часто не находятъ мѣстъ по своей спеціальности и вынуждены поступать на такія, въ которыхъ эта спеціальность совершенно излишня. Но тутъ является на сцену конкурренція женскаго труда; учители пензенской учительской семинаріи слишкомъ дорогіе. Какъ видно, суровый экономическій законъ, требующій отъ всякаго производства прежде всего дешевизны, распространяется и на начальное образованіе. Дешевизна женскаго труда, конечно, нисколько не исключаетъ высокой его цѣнности. Пензенское женское епархіальное училище выпускаетъ учительницъ, гораздо лучше подготовленныхъ для успѣшной дѣятельности по начальному образованію, нежели неокончившіе курса семинаристы. Въ училищахъ, подвѣдомственныхъ мокшанскому училищному совѣту, многія изъ такъ называемыхъ „епархіалокъ“ ведутъ дѣло преподаванія лѣтъ десять и болѣе удовлетворительнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ въ дѣлѣ начальнаго образованія, особенно въ деревнѣ, нельзя не отдать предпочтенія учительницамъ передъ учителями. Послѣдніе, если холосты, съ трудомъ избѣгаютъ послѣдствій скуки одинокой жизни въ деревнѣ. Заводится знакомство съ такъ называемой сельской „интеллигенціей“, т.-е. писарями, конторщиками, причетниками, лавочниками и проч. т. п., а водка—неизбѣжная спутница всякихъ, даже немноголюдныхъ, деревенскихъ собраній. Если учитель женатъ, то, помимо мѣстныхъ знакомствъ уже домами, для него требуется и большее помѣщеніе, и большее вознагражденіе его труда. Съ теченіемъ времени онъ вынужденъ болѣе заниматься своими дѣтьми, чѣмъ чужими. Учительница, взявшаяся за преподаваніе по необходимости, является безприданницею, получающею къ тому скудное жалованье, а потому она не представляетъ собою приманки для женіховъ. Не имѣя обязанностей ни жены, ни матери, въ той средѣ, гдѣ женщина уже не рабочая необходимая сила, какъ въ крестьянствѣ, она тѣмъ съ большею любовью отдается преподаванію. Года проходятъ; надежды собственной семейной жизни исчезаютъ, и не найдя себѣ естественнаго удовлетворенія, материнское ея чувство сосредоточивается на школѣ. Преподаваніе становится вполнѣ воспитаніемъ, что̀ имѣетъ громадное благотворное значеніе не только на школу, но и за стѣнами ея. Крестьянство поняло преимущество женскаго труда въ преподаваніи, и намъ извѣстны многіе приговоры, гдѣ при открытіи школы сходъ просилъ о назначеніи учительницы, а не учителя.

Духовное вѣдомство, согласно правиламъ о церковно-приходскихъ школахъ, должно имѣть своихъ, спеціальныхъ учителей для своихъ

же школъ. Чѣмъ вызывается эта обособленность—неизвѣстно. До сихъ поръ въ замѣщеніи учительскихъ должностей изъ посторонннихъ лицъ и даже по весьма дешевой цѣнѣ, духовное вѣдомство не встрѣчало ни малѣйшаго себѣ затрудненія; тѣмъ не менѣе, во исполненіе § 5 правилъ, въ коемъ сказано: „Церковно-приходскія школы могутъ быть одноклассныя съ двухлѣтнимъ и двухклассныя съ четырехлѣтнимъ курсомъ“,—устраиваются высшія училища, въ которыхъ, какъ полагаютъ, будутъ интернаты съ ремесленными классами, плодовыми садами. огородами и т. п. Въ предполагаемыя училища будутъ поступать лучшіе ученики изъ окончившихъ курсъ въ церковно-приходскихъ школахъ, и такихъ училищъ будетъ по два на каждый уѣздъ. Въ мокшанскомъ уѣздѣ оба уже разрѣшены, и для одного изъ нихъ куплена очень хорошая дворянская усадьба съ садомъ и землей. Для устройства этихъ училищъ средствъ, повидимому, не жалѣютъ; въ общемъ это составитъ и единовременную, и постоянную, весьма значительную затрату. Будетъ ли эта трата, однако, производительна?

Какъ въ церковно-приходскихъ школахъ, такъ и въ земскихъ училищахъ на выпускной экзаменъ допускаются дѣти, достигшія одиннадцатилѣтняго возраста. Слѣдовательно, лучшій ученикъ въ церковно-приходской школѣ, если поступитъ въ высшее училище,—можетъ. послѣ четырехлѣтняго курса, а слѣдовательно, пятнадцати лѣтъ отъ роду, быть уже учителемъ. Но въ такомъ и даже нѣсколько старшемъ возрастѣ возможно ли быть учителемъ, полезнымъ школѣ, особенно церковно-приходской, гдѣ хотя руководителемъ является священникъ, но чѣмъ болѣе будетъ школъ у главнаго руководителя, тѣмъ менѣе можетъ онъ дѣйствительно заняться ими и руководить 15-ти, 16-ти-лѣтняго учителя. На дѣлѣ такой учитель будетъ вполнѣ независимъ относительно преподаванія; да и вообще учителя въ церковно-приходскихъ школахъ уже таковы всюду, гдѣ эти школы не въ самомъ приходѣ, не на глазахъ священника.

Въ пензенской губерніи десять уѣздовъ, и въ каждомъ изъ нихъ будутъ дѣйствовать два высшихъ училища, а слѣдовательно, двадцать во всей губерніи. Предполагая, что каждое изъ этихъ училищъ будетъ выпускать ежегодно только по пяти будущихъ народныхъ учителей для церковно-приходскихъ школъ, это составитъ сто лицъ,—и ихъ надо будетъ каждый годъ непремѣнно помѣстить куда-нибудь. Четырехлѣтнее воспитаніе крестьянскаго мальчика въ закрытомъ заведеніи—это своего рода обязательство обезпечить его дальнѣйшее существованіе. Оторванный отъ сохи, онъ къ ней съ трудомъ возвращается. особенно теперь, когда земледѣльческій трудъ становится иногда мало производительнымъ. Полагать же, что постоянно, ежегодно сто учителей могутъ быть размѣщены въ одной губерніи, врядъ ли воз-

можно. Какъ бы ни былъ крупенъ ростъ начальныхъ училищъ духовнаго вѣдомства, но и онъ долженъ имѣть свой предѣлъ, тѣмъ болѣе близкій, чѣмъ значительнѣе достигнутый въ этомъ отношеніи результатъ. Замѣщать же новыми учителями старыхъ, добросовѣстно исполнявшихъ свои обязанности, — весьма нежелательно. Говорятъ,—въ этихъ высшихъ училищахъ будутъ преподаваться ремесла, которыя могутъ доставить выгодный и вѣрный заработокъ учившимся въ этихъ училищахъ; но и тутъ при настоящемъ положеніи деревни существуетъ болѣе чѣмъ скородостижимый предѣлъ. Землевладѣльцы, напримѣръ, жалуются, что въ деревнѣ нѣтъ порядочныхъ кузнецовъ, умѣющихъ хорошо ковать лошадей; но еслибы въ данномъ селѣ появился такой искусный спеціалистъ, то отъ однѣхъ землевладѣльческихъ лошадей врядъ ли онъ можетъ быть сытъ. При ничтожномъ употребленіи нашей деревней желѣза, гдѣ есть потребность въ кузнецѣ, тамъ онъ уже существуетъ, и новый конкурренъ врядъ ли найдетъ возможность производительно употребить свое знаніе. Для успѣха всякой общей мѣры, предпринимаемой для удовлетворенія ожидаемой потребности, прежде всего и болѣе всего необходима подходящая для нея удобная почва, особенно если осуществленіе этой мѣры требуетъ значительныхъ единовременныхъ затратъ. Нужда въ учительскомъ персоналѣ для начальныхъ училищъ несомнѣнно можетъ явиться, но во всякомъ случаѣ не въ такихъ размѣрахъ, чтобы для того заводить столько спеціальныхъ училищъ. Такая нужда можетъ быть вполнѣ удовлетворена гораздо цѣлесообразнѣе и дешевле учрежденіемъ необходимаго количества стипендій въ существующихъ земскихъ учительскихъ семинаріяхъ и женскихъ епархіальныхъ училищахъ. Полученная вслѣдствіе того экономія съ бо́льшей пользой для начальнаго народнаго образованія могла бы быть употреблена на улучшеніе положенія сельскаго духовенства и на доведеніе его содержанія до требуемаго мѣстными нуждами размѣра. Священникъ прежде всего—пастырь своей паствы, а онъ, какъ мы видѣли выше, не можетъ выполнить и этой обязанности съ полнымъ соблюденіемъ своего достоинства. То время начинаетъ проходить, когда сельскія паствы состояли изъ людей, громадное большинство которыхъ не знало даже какъ слѣдуетъ главныхъ молитвъ, и одна обрядовая внѣшняя сторона богослуженія была достаточна; но нынѣ, когда сельская школа вноситъ и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вноситъ религіозное знаніе въ народъ,—одной богослужебной внѣшности уже мало. Дѣйствительность предъявляетъ и все болѣе будетъ предъявлять къ сельскому духовенству требованія на болѣе широкое примѣненіе его пастырской дѣятельности; а для успѣха ея необходимо, между прочимъ, независимое экономическое положеніе самого сельскаго духо-

венства, а также и личная самостоятельность, огражденіе его правъ отъ всякаго произвола. Желательно также, чтобы разница между доходными и малодоходными приходами какъ можно болѣе уменьшилась; какъ богатые, такъ и бѣдные прихожане должны имѣть одинаковую возможность пользоваться не только хорошимъ обученіемъ дѣтей своихъ, но и собственнымъ личнымъ удовлетвореніемъ, вносимымъ въ жизнь сельскаго населенія—богослуженіемъ, которое совершалось бы пастыремъ, стоящимъ на высотѣ своего призванія.

На основаніи § 6 Правилъ 1884 года, „вѣдѣнію и наблюденію духовнаго начальства подлежатъ и открываемыя по деревнямъ и поселкамъ, входящимъ въ составъ прихода, домашнія крестьянскія школы грамотности". Въ сущности иная школа грамотности можетъ оказаться и лучше, и полезнѣе иной церковно-приходской школы, оффиціально выше ее стоящей. Все зависитъ отъ учителя; но все же такое пониженіе уровня начальнаго образованія, и безъ того не особенно высокаго, трудно согласовать съ цѣлью, указанною законодателемъ для начальнаго образованія. Всего менѣе школы грамотности могутъ быть допускаемы въ духовномъ вѣдомствѣ, получающемъ богатыя средства изъ государственнаго казначейства для распространенія начальнаго образованія. Очевидно, эти средства должны были бы расходоваться непосредственно тамъ, гдѣ мѣстное населеніе, по бѣдности, не въ состояніи содержать надлежащаго училища, и правительство могло бы найти себѣ для того посредника въ томъ же министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которое чрезъ земство и свои собственные органы лучше всего знаетъ матеріальное положеніе населенія. Въ нашей печати, по всѣмъ такимъ вопросамъ, является такая ихъ постановка, какъ будто и у насъ возможно клерикальное и антиклерикальное ихъ рѣшеніе; но для того въ нашей исторіи, если не подниматься ко временамъ Никона, нѣтъ никакой почвы. Въ западной Европѣ, дѣйствительно, борьба между свѣтскою и духовною властью шла цѣлыми вѣками, и вопросы народнаго образованія особенно раздѣляли да и до сихъ поръ раздѣляютъ общественное мнѣніе на два противоборствующіе лагеря. Ничего подобнаго не можетъ быть у насъ; доказательствомъ тому служитъ и само наше послѣднее „Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874 года", не имѣвшее и тѣни антиклерикальнаго характера; самыя Правила 1884 года о церковно-приходскихъ школахъ всецѣло сохранили безъ измѣненія программу первоначальнаго образованія, выработанную Положеніемъ 1874 года. Каково бы ни было въ будущемъ участіе сельскаго духовенства въ народномъ образованіи, его школы несомнѣнно будутъ количественно расти, но только до тѣхъ поръ, пока государственное казначейство будетъ отпускать

необходимыя для такого роста средства, а епархіальное начальство будетъ считать открытіе новыхъ школъ косвеннымъ средствомъ къ дополненію матеріальныхъ, дѣйствительно крайне скудныхъ средствъ сельскаго духовенства. Но не было ли бы лучше обратиться прямо къ улучшенію быта сельскаго духовенства, сообщивъ ему и необходимыя матеріальныя средства, и ту степень нравственной независимости, которая необходима пастырю церкви для поддержанія своего авторитета въ глазахъ паствы? Тогда, быть можетъ, само собою, безъ субсидіи, начнутъ возникать при церквахъ и народныя школы, но онѣ будутъ обращать на себя вниманіе не однимъ числомъ, а и качествомъ. Народъ уже теперь умѣетъ различать одну школу отъ другой, а со временемъ, несомнѣнно, онъ еще болѣе будетъ цѣнить то, что̀ собственно составляетъ сущность и цѣль начальнаго образованія.

Кн. Дм. Друцкой-Сокольнинскій

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1897.

Мирные переговоры въ Константинополѣ.—Восточная политика державъ и турецкія дѣла.—Политическій кризисъ въ Австріи и роль графа Бадени.—Парламентскія рѣшенія въ Пруссіи и дипломатія фонъ-Микеля.— Пріѣздъ президента Фора въ Россію и современное положеніе Франціи.

Больше двухъ мѣсяцевъ тянулись мирные переговоры между уполномоченными султана и представителями великихъ державъ въ Константинополѣ; даже опытные европейскіе дипломаты, издавна привыкшіе имѣть дѣло съ Высокой Портой, удивлялись ея неистощимой изобрѣтательности по части предлоговъ къ проволочкамъ и обнаруживали признаки явнаго нетерпѣнія,—но въ сущности на этотъ разъ турецкое правительство стояло на почвѣ общепринятыхъ началъ международнаго права, противъ которыхъ въ принципѣ ничего не могли сказать соединенные кабинеты Европы. Турки побѣдили Грецію въ правильной войнѣ, вызванной не ими, и завладѣли Ѳессаліею по праву побѣды; они имѣли за себя совершившіеся факты и могли съ полнымъ основаніемъ опираться на нихъ, по примѣру передовыхъ культурныхъ націй. Допустивъ войну, Европа этимъ самымъ лишила себя нравственнаго права протестовать противъ ея неизбѣжныхъ послѣдствій; она предоставила противникамъ разрѣшить споръ оружіемъ и должна была заранѣе примириться съ правомъ побѣдителей предписать побѣжденнымъ условія мира. Было бы несравненно разумнѣе и цѣлесообразнѣе предотвратить кровопролитіе категорическимъ veto, чѣмъ бороться противъ естественныхъ результатовъ принятаго рѣшенія. Но послѣдовательность не принадлежитъ къ числу обычныхъ свойствъ политики, и великія державы должны были по неволѣ взять на себя трудную задачу—загладить сдѣланную ошибку устраненіемъ или смягченіемъ ея горькихъ плодовъ. Турецкое правительство сознавало преимущество своего положенія и пользовалось имъ по мѣрѣ возможности; и если оно въ концѣ концовъ уступило давленію европейской дипломатіи, то по крайней мѣрѣ дало почувствовать ей всю важность и заслугу своей уступчивости. Всѣ разнообразные рессурсы турецкаго дипломатическаго искусства употреблены были на то, чтобы извлечь надлежащія выгоды изъ принципа beati possidentes и возвысить значеніе жертвы, приносимой султаномъ на алтарь общаго мира. Порта ссылалась, между прочимъ, на возбужденное обществен-

ное мнѣніе Турціи, на раздраженіе патріотовъ и, наконецъ, на протесты вліятельной военной партіи; но къ несчастію для султана, онъ не могъ настаивать на этихъ аргументахъ, ибо было бы странно съ его стороны говорить о несогласіи кого бы то ни было съ его личною волею въ предѣлахъ его имперіи. Всемогущество падишаха было его слабостью; на немъ одномъ лежала отвѣтственность предъ Европою за политику Турціи и за сохраненіе добрыхъ отношеній съ великими державами; на немъ одномъ сосредоточивалась тяжесть дипломатическаго воздѣйствія, и его сопротивленіе не могло продолжаться долго, если онъ не желалъ впутаться въ новые конфликты и кризисы, крайне опасные для его государства. Событія легко приняли бы другой оборотъ, еслибы дѣйствительно въ Турціи существовало общественное мнѣніе и еслибы оно могло высказаться съ извѣстною независимостью: справиться съ патріотическими чувствами цѣлой націи было бы неизмѣримо труднѣе, чѣмъ сломить упорство султана Абдулъ-Гамида, окруженнаго лишь послушными царедворцами. Что̀ сдѣлали бы державы, очутившись лицомъ къ лицу съ рѣшительнымъ отказомъ турокъ возвратить завоеванную ими греческую провинцію? Затѣвать изъ-за этого войну, поднимать восточный вопросъ въ его цѣломъ и ставить на карту важнѣйшіе интересы общаго мира было бы слишкомъ рискованно, и на этой почвѣ едва ли удержалось бы нынѣшнее формальное единодушіе кабинетовъ. Имѣя дѣло только съ Портою, Европа достигла цѣли при помощи простыхъ угрозъ, осуществленіе которыхъ было весьма проблематично.

Въ началѣ іюня представители державъ въ Константинополѣ предупредили турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ, Тевфика-пашу, что они вынуждены будутъ потребовать отъ своихъ правительствъ принятія „энергическихъ мѣръ“ въ случаѣ дальнѣйшихъ проволочекъ въ обсужденіи предложенной кабинетами пограничной линіи въ Ѳессаліи. Вслѣдъ затѣмъ, 8-го числа (нов. ст.), они обратились къ Тевфику-пашѣ съ письменною коллективною нотою довольно рѣзкаго содержанія; они заявляли въ ней, что „въ виду уклончивости (собственно „виляній“, tergiversations) Высокой Порты въ дѣлѣ исправленія ѳессалійской границы они уполномочены своими правительствами сдѣлать слѣдующую единодушную и категорическую декларацію: великія державы одобрили проектъ стратегическаго измѣненія пограничной линіи въ томъ видѣ, какъ онъ былъ выработанъ военными агентами и предложенъ Высокой Портѣ; согласно съ этимъ онѣ постановили совмѣстно увѣрить оттоманское правительство, что онѣ твердо рѣшились положить конецъ задержкамъ, которыя мѣшаютъ заключенію мира, составляющему по преимуществу европейскую необходимость“. Получивъ эту ноту, Абдулъ-Гамидъ телеграфировалъ главнымъ европейскимъ государямъ и пре-

зиденту Фору, что присоединеніе болѣе значительной пограничной полосы въ Ѳессаліи вызывается насущными интересами Турціи. Всѣ правители отвѣтили отрицательно, убѣждая султана принять условія, предложенныя послами въ Константинополѣ. Императоръ Францъ-Іосифъ прибавилъ, что эти условія представляютъ максимумъ уступокъ, признаваемыхъ справедливыми Европою. Вильгельмъ II съ своей стороны подтвердилъ, что раздѣляетъ взгляды другихъ державъ. Россія высказалась въ томъ же духѣ, выставляя на видъ тѣ опасности, которымъ подвергнетъ себя Турція дальнѣйшимъ противодѣйствіемъ единодушнымъ желаніямъ державъ. Султанъ вторично обращался съ телеграммою въ Петербургъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Порта сообщила о своемъ намѣреніи послать новые военные отряды на островъ Критъ,—съ явною цѣлью отвлечь вниманіе кабинетовъ отъ ѳессалійскаго вопроса и напомнить имъ о возможности подорвать ихъ проекты умиротворенія Крита. На 17 іюня назначено было окончательное обсужденіе вопроса о границѣ; но Тевфикъ-паша, сверхъ обыкновенія, заставилъ пословъ прождать напрасно около двухъ часовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что его задержали во дворцѣ. Явившись на совѣщаніе, онъ сообщилъ о назначеніи султаномъ двухъ военныхъ уполномоченныхъ для участія въ мирныхъ переговорахъ—маршала Зенки-паши и Саадединъ-паши. Посламъ предстояло бы такимъ образомъ начать переговоры съ новыми лицами; они рѣшительно отвергли это предложеніе и заявили, что не примутъ другихъ делегатовъ, кромѣ Тевфика-паши. Тогда турецкій министръ представилъ проектъ мирнаго договора, которымъ не только отрѣзывалась отъ греческой территоріи область съ городами Турнаво и Рапсани и съ долиной Темпе, но и денежная контрибуція увеличивалась до $4^1/_2$ милліоновъ фунтовъ, т.-е. на полмилліона больше назначенной державами суммы. Въ то же время министръ вновь потребовалъ отмѣны капитуляцій для греческихъ подданныхъ и признанія послѣднихъ подсудными общимъ судамъ въ предѣлахъ оттоманской имперіи. Послы прервали переговоры и дали знать своимъ правительствамъ, что безполезно ожидать какого-либо положительнаго результата, пока не установлены мѣры принужденія относительно Турціи; въ этомъ смыслѣ они просили полномочій для обсужденія необходимыхъ способовъ дѣйствія. Но вопросъ былъ уже рѣшенъ султаномъ: турецкая дипломатія истощила всѣ свои обычныя средства и должна была наконецъ остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ—или окончательно отвергнуть требованія державъ, или принять ихъ по необходимости. Султанъ повелѣлъ своему совѣту министровъ приготовить докладъ, рекомендующій согласиться на установленіе границы согласно желаніямъ европейскихъ кабинетовъ; а нѣсколько дней спустя, онъ одобрилъ внушенный имъ же докладъ, какъ

бы подчинившись настойчивымъ патріотическимъ совѣтамъ своихъ министровъ, и въ этомъ смыслѣ былъ обнародованъ 22 (10) числа султанскій „ираде“ о принятіи предложенной границы, съ оговорками насчетъ нѣсколькихъ куцо-влахскихъ деревень. Опираясь на „масбату“ (докладъ) своихъ совѣтниковъ, Абдулъ-Гамидъ имѣлъ, конечно, въ виду предупредить ложныя толкованія о томъ, что онъ, падишахъ, подчинился требованіямъ иностранныхъ державъ: онъ только согласился съ доводами своихъ министровъ, которые по высшимъ государственнымъ соображеніямъ пришли къ заключенію о пользѣ великодушнаго примирительнаго шага относительно Греціи и Европы. Правда, всѣ хорошо знаютъ, что „масбата“ изготовлена по приказанію самого султана; но формы соблюдены, и никто не посмѣетъ въ Турціи усомниться въ безусловной истинности того, что̀ изложено въ оффиціальныхъ актахъ.

Этой маленькой комедіею закончилась утомительная дипломатическая кампанія, вызванная греко-турецкою войною. Но закончилась ли она вполнѣ и на дѣлѣ? Не послужитъ ли она предисловіемъ къ фактическимъ осложненіямъ и замѣшательствамъ, къ которымъ насъ такъ пріучилъ злополучный восточный вопросъ? Ѳессалія еще не очищена отъ турецкихъ войскъ; оккупація можетъ по разнымъ причинамъ продлиться неопредѣленное время, и всегда могутъ найтись поводы затруднить ея прекращеніе, въ надеждѣ на какую-либо перемѣну обстоятельствъ. Уплата военной контрибуціи со стороны Греціи предполагаетъ или установленіе европейскаго контроля надъ греческими финансами, или допущеніе извѣстныхъ гарантій въ пользу Турціи, а къ числу этихъ возможныхъ гарантій принадлежитъ удержаніе части Ѳессаліи турками, въ видѣ вещественнаго залога. Все это даетъ обильный матеріалъ для серьезныхъ политическихъ заботъ и далеко не обѣщаетъ дѣйствительнаго обезпеченія мира на востокѣ. Тѣмъ временемъ критскій вопросъ остается по прежнему открытымъ, несмотря на формальное разрѣшеніе его великими державами; на островѣ повторяются кровавыя схватки между туземными греками и мусульманами, и европейскія эскадры ничего не могутъ сдѣлать противъ этихъ безконечныхъ неурядицъ. Дипломатамъ приходится смотрѣть на мѣстныя турецкія войска, какъ на элементъ порядка; но этотъ турецкій порядокъ невыносимъ для кандіотовъ, и возстаніе готово вспыхнуть съ новой силою. Потерявши вѣру въ обѣщанную автономію, кандіоты собираются опять возобновить военныя дѣйствія; серьезнымъ симптомомъ въ этомъ отношеніи служитъ революціонное народное собраніе въ Армени. Еще болѣе безотрадно положеніе дѣлъ въ армянскихъ мѣстностяхъ Турціи; не вырѣзанные до сихъ поръ армяне лишены возможности защищаться съ оружіемъ въ рукахъ, подобно кандіотамъ;

они не могутъ никуда укрыться отъ турецкихъ властей и башибузуковъ, и къ нимъ не имѣютъ доступа европейскіе броненосцы. Выработанные дипломатіею проекты реформъ какъ будто забыты, и о примѣненіи ихъ перестали уже думать. Побѣда надъ Греціей подняла духъ мусульманства и возвысила авторитетъ Порты; она несомнѣнно ухудшила общее положеніе восточнаго вопроса, съ точки зрѣнія культурной Европы. Это ухудшеніе будетъ еще долго чувствоваться великими державами, и оно не можетъ не отразиться крайне печально на судьбѣ христіанскихъ подданныхъ Турціи.

Австро-Венгрія давно уже находится на пути къ глубокому внутреннему преобразованію, но не можетъ до сихъ поръ найти политическихъ дѣятелей, способныхъ разрѣшить поставленную исторіею задачу. Имперія Габсбурговъ обладаетъ всѣми необходимыми условіями для того, чтобы образовать могущественную федерацію равноправныхъ и автономныхъ народностей, а между тѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ она безполезно выдерживаетъ хроническую внутреннюю борьбу, чтобы остаться вѣрною искусственной системѣ дуализма. Венгерская половина монархіи имѣетъ по крайней мѣрѣ сильное мадьярское ядро, фактически и формально господствующее надъ словаками, хорватами, румынами и другими элементами страны; но австрійская половина представляетъ пока нѣчто безформенное и никакъ не можетъ организоваться соотвѣтственно своему дѣйствительному племенному составу, въ духѣ разумнаго соглашенія между нѣмцами, чехами и галиційскими поляками. Австрійскіе нѣмцы, уступающіе чехамъ и полякамъ какъ по численности, такъ и по національной сплоченности и энергіи, не хотятъ отказаться отъ традицій нѣмецкаго владычества и упорно мечтаютъ о возстановленіи своего прошлаго величія и могущества; они не могутъ примириться съ мыслью, что наравнѣ съ ними пользуются полноправностью и участвуютъ въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ не только поляки, но и чехи. Устройство необходимаго мирнаго союза между этими тремя народностями Австріи требовало бы большого политическаго искусства, пониманія и такта со стороны австрійскихъ государственныхъ людей; но въ числѣ руководящихъ министровъ въ Вѣнѣ не появлялось за послѣднія десятилѣтія ни одного выдающагося ума или таланта, который могъ бы твердо указать дорогу къ надлежащему разрѣшенію кризиса. Графъ Таафе, управлявшій около четырнадцати лѣтъ австрійскою половиною имперіи, отличался умѣніемъ лавировать между парламентскими партіями и группами, ловко противопоставлялъ одну народность другой, входилъ въ соглашеніе съ чехами, чтобы сдерживать нѣмцевъ, и наоборотъ: онъ обна-

руживалъ несомнѣнное искусство и тактъ въ этой политической эквилибристикѣ, но у него не было широкаго пониманія національнаго вопроса, не было сознательной программы, и вся его ловкость не оставила въ жизни никакихъ слѣдовъ, послѣ удаленія его съ политической сцены. Нынѣшній австрійскій премьеръ, графъ Бадени, мало напоминаетъ собою графа Таафе; онъ не обладаетъ ни его внѣшнимъ парламентскимъ искусствомъ, ни его осторожностью и тактомъ, а пониманіе государственныхъ задачъ не выходитъ у него изъ круга узкихъ административно-полицейскихъ представленій. Когда дѣятель такого типа стоитъ во главѣ правительства, то важные внутренніе вопросы все болѣе усложняются и запутываются, въ странѣ вызывается общее недовольство, и въ политикѣ водворяется хаосъ. Графъ Бадени поставилъ себѣ цѣлью выказать твердость власти и поддержать авторитетъ своего министерства; онъ упустилъ только изъ виду, что твердость въ примѣненіи неудачныхъ мѣръ не составляетъ заслуги, а авторитетъ не создается по произволу.

Внутренній политическій кризисъ въ Австріи въ высшей степени обострился при графѣ Бадени; вліятельная часть нѣмецкаго населенія ожесточается до того, что посторонній наблюдатель могъ бы предположить возможность какой-нибудь революціонной вспышки; австронѣмецкая печать неустанно заявляетъ, что австрійскіе нѣмцы вынуждены вести отчаянную борьбу за свое національное существованіе. Дошло до того, что въ Германіи возникло серьезное общественное движеніе для оказанія нравственной поддержки австрійскимъ соплеменникамъ, и германскіе университеты, въ лицѣ своихъ знаменитѣйшихъ представителей, публично выразили свое сочувствіе противникамъ и жертвамъ графа Бадени. Больше восьмисотъ германскихъ профессоровъ подписались подъ декларацією, адресованною къ ихъ нѣмецкимъ коллегамъ въ Прагѣ, и это небывалое вмѣшательство германцевъ въ австрійскія внутреннія дѣла даже смутило нѣмецкихъ подданныхъ императора Франца-Іосифа. Австрійскіе нѣмцы не желали бы давать поводъ къ подозрѣнію, что ихъ преданность династіи ослабѣла и что они чувствуютъ себя солидарными съ нѣмцами германской имперіи; тяготѣніе къ Германіи есть для нихъ тяжелый упрекъ, равносильный обвиненію въ государственной измѣнѣ, и въ этомъ смыслѣ не могла быть желательна для нихъ манифестація германскихъ ученыхъ. Въ чемъ же заключается и чѣмъ вызвана отчаянная національная борьба австрійскихъ нѣмцевъ, возбудившая такое волненіе и сочувствіе въ лучшихъ представителяхъ германскаго народа?

Въ апрѣлѣ текущаго года графъ Бадени придумалъ способъ удовлетворить нѣкоторыя требованія чеховъ помимо соглашенія съ нѣм-

цами и безъ участія парламента, своею собственною административною властью. Онъ издалъ два распоряженія, изъ которыхъ первое регулируетъ употребленіе того или другого языка въ оффиціальныхъ актахъ и въ перепискѣ съ частными лицами, а второе — постановляетъ, что, начиная съ 1 іюля 1901 года, всякій вновь назначенный правительственный чиновникъ въ Богеміи обязанъ будетъ въ теченіе трехъ лѣтъ доказать надлежащее знаніе обоихъ языковъ страны. Сущность перваго распоряженія сводится къ тому, что всѣмъ вѣдомствамъ и должностнымъ лицамъ предписано на вносимыя бумаги отвѣчать на томъ самомъ языкѣ, на какомъ онѣ составлены; такъ, на чешское прошеніе надо отвѣчать по-чешски, на нѣмецкое—по-нѣмецки. Употребленіе же обоихъ языковъ при производствѣ судебныхъ и административныхъ дѣлъ, при записяхъ въ публичныя книги и т. п., опредѣляется въ зависимости отъ обстоятельствъ. Эти именно мѣры выставляются какъ убійственныя посягательства на національное существованіе австрійскихъ нѣмцевъ. Такъ какъ нѣмцы будутъ не иначе обращаться къ чиновникамъ и вѣдомствамъ, какъ по-нѣмецки, то и отвѣты они всегда будутъ получать на нѣмецкомъ языкѣ, и слѣдовательно ихъ національныя права ни въ чемъ не будутъ нарушены; ни одинъ нѣмецъ не рискуетъ встрѣтить неуваженіе къ своему языку и не будетъ имѣть повода бороться за свою національность. Разумѣется само собою, что бумаги, написанныя по-чешски, будутъ подаваться только чехами, и языкъ отвѣтовъ на эти чешскія заявленія не можетъ ни въ какомъ случаѣ затрогивать національные интересы нѣмцевъ или причинить этимъ интересамъ какой-либо ущербъ. Точно такъ же не предвидится ни малѣйшей обиды для нѣмецкаго національнаго чувства, если въ странѣ, населенной больше чехами, чѣмъ нѣмцами, чиновники будутъ обязательно понимать оба мѣстные языка. Съ точки зрѣнія простого здраваго смысла и элементарной справедливости трудно было бы сказать что-нибудь по существу противъ распоряженій австрійскаго министерства. Во имя чего же негодуютъ австрійскіе нѣмцы и въ чемъ сочувствуютъ имъ представители германской университетской науки? Отчаянные протесты австрійскихъ нѣмцевъ относятся лишь къ оффиціальному признанію того факта, что нѣмецкій элементъ потерялъ свое прежнее господство въ Австріи, что онъ становится на одинъ уровень съ чешскимъ въ предѣлахъ всей Богеміи, включая и нѣмецкіе ея округа. Нѣмецкій языкъ лишается своего обязательнаго государственнаго значенія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ чехи; онъ не навязывается чехамъ силою правительственнаго авторитета и остается лишь достояніемъ нѣмцевъ и тѣхъ обывателей, которые пожелаютъ говорить и писать по-нѣмецки. Эта равноправность чешскаго языка съ нѣмецкимъ кажется великою

угрозою національному существованію австрійскихъ нѣмцевъ, источникомъ ихъ невыносимыхъ патріотическихъ страданій и могущественнымъ мотивомъ для ожесточенной національной борьбы. Восемьсотъ германскихъ профессоровъ проявили весьма странное пониманіе національныхъ правъ, выступивъ въ защиту поразительныхъ претензій австрійскихъ нѣмцевъ.

Но чѣмъ болѣе бросается въ глаза неправота австро-нѣмецкой оппозиціи, тѣмъ болѣе надо удивляться неспособности министерства графа Бадени сообразоваться съ общественнымъ настроеніемъ и съ группировкою парламентскихъ партій даже въ такихъ ясныхъ и простыхъ вопросахъ, какъ вопросъ объ употребленіи того или другого языка въ сношеніяхъ оффиціальныхъ вѣдомствъ съ частными лицами въ Чехіи. Графъ Бадени какъ бы намѣренно придалъ своимъ распоряженіямъ характеръ враждебнаго вызова по адресу нѣмцевъ; онъ обнародовалъ эти мѣры безъ предварительныхъ переговоровъ съ предводителями нѣмецкой партіи въ парламентѣ, какъ будто желая поразить противниковъ внезапнымъ актомъ министерской воли; онъ не предложилъ своихъ мѣръ на разсмотрѣніе палатъ, а рѣшилъ спорный вопросъ административнымъ способомъ, хотя не могъ не знать, что въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ нельзя безнаказанно уклоняться отъ парламентскаго контроля. Можно было доказывать и утверждать, что онъ не превысилъ административныхъ полномочій, давъ извѣстныя предписанія подчиненнымъ органамъ и должностнымъ лицамъ; но такъ какъ дѣло касалось не только поляковъ и чеховъ, но и нѣмцевъ, то было крайне странно скрывать отъ послѣднихъ задуманныя распоряженія и не попытаться даже подготовить оппозицію къ предпринятому шагу. Очевидно, самый способъ принятія этихъ мѣръ долженъ былъ наиболѣе оскорбить и взволновать австрійскихъ нѣмцевъ. Вмѣсто того, чтобы постараться успокоить волненіе и доказать его неосновательность, графъ Бадени прибѣгаетъ затѣмъ къ полицейскимъ мѣропріятіямъ, поручаетъ жандармамъ разгонять публичныя собранія, законно устроенныя при участіи нѣмецкихъ оппозиціонныхъ депутатовъ (какъ, напримѣръ, въ Эгерѣ), и вообще дѣйствуетъ не какъ государственный человѣкъ, а какъ администраторъ, привыкшій разсчитывать исключительно на авторитетъ принужденія и насилія. Этою своеобразною политикою онъ возстановилъ противъ себя не однихъ только нѣмцевъ, но и всѣ миролюбивые элементы населенія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подорвалъ и оффиціальное свое положеніе и ослабилъ довѣріе къ себѣ даже среди своихъ единомышленниковъ. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, можно думать, что министерство его не продержится до осени.

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ парламентскій кризисъ въ Венгріи,

но и тамъ замѣшательства создаются отчасти личными качествами министра-президента, барона Банфи. Кабинетъ имѣетъ за собою крупное большинство въ венгерскомъ парламентѣ и на этомъ основаніи относится пренебрежительно къ оппозиціи, въ рядахъ которой занимаетъ видное мѣсто сынъ знаменитаго Кошута; меньшинство отстаиваетъ свое право на дѣятельное участіе въ парламентскихъ дѣлахъ и ведетъ упорную борьбу съ министерствомъ при помощи систематическаго обструкціонизма. Баронъ Банфи считаетъ ниже своего достоинства уступить въ чемъ-либо небольшой оппозиціонной группѣ; а эта группа мститъ ему безконечными рѣчами, запросами и шумными сценами, которыми задерживается весь ходъ парламентской машины. Венгерскій министръ-президентъ, подобно своему австрійскому коллегѣ, придумываетъ внѣшнія мѣры для обузданія противниковъ, въ интересахъ своего личнаго авторитета; но и онъ вынужденъ будетъ вѣроятно сойти со сцены, такъ какъ занятое имъ положеніе относительно извѣстной части парламента несовмѣстимо съ общими конституціонными началами и съ практическими интересами страны.

Большинство нѣмецкихъ газетъ высказываетъ свое удовольствіе по поводу окончательной неудачи прусскаго законопроекта, направленнаго къ ограниченію свободы публичныхъ собраній и союзовъ. Такъ какъ германскій имперскій сеймъ отнесся отрицательно къ подобной ограничительной политикѣ, то правительство обратилось съ своимъ проектомъ къ парламенту Пруссіи въ надеждѣ на поддержку не только консервативныхъ, но и нѣкоторыхъ умѣренно-либеральныхъ группъ. Въ основѣ проекта лежала мысль о необходимости ограничить пропаганду соціально-демократическихъ ученій въ народной массѣ. Значительная часть нѣмецкаго общества, насколько можно судить по отзывамъ печати, усматривала въ этой мѣрѣ замаскированное посягательство на свободу всякихъ вообще собраній и союзовъ, не одобряемыхъ почему-либо административною властью, ибо истолкованіе того, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ соціально-демократическими тенденціями, зависѣло бы отъ усмотрѣнія второстепенныхъ полицейскихъ агентовъ. Притомъ у всѣхъ еще сохранился въ памяти опытъ исключительныхъ законовъ противъ соціалистовъ, доказавшій какъ нельзя яснѣе, что внѣшніе способы воздѣйствія не только не задерживаютъ распространенія извѣстныхъ нравственныхъ идей и стремленій, но, напротивъ, увеличиваютъ ихъ притягательную силу и популярность; нѣмецкая соціальная демократія никогда не достигала такого быстраго роста, какъ именно при господствѣ системы преслѣдованій и ограниченій, въ эпоху князя Бисмарка. Въ послѣдніе годы

нѣмецкіе соціалисты, пользуясь свободою слова и печати, утратили свой прежній ореолъ и превратились въ обыкновенную политическую партію; они занялись отчасти внутренними раздорами, взаимными пререканіями и обличеніями, вслѣдствіе чего не могутъ уже разсчитывать на такое восторженное, слѣпое довѣріе и увлеченіе, какъ въ періодъ запретовъ и гоненій. Однако прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-деръ-Реке, считалъ новый законъ необходимымъ и приводилъ въ его пользу старые аргументы, которые много разъ обсуждались въ нѣмецкой печати и въ нѣмецкихъ законодательныхъ собраніяхъ. Верхняя палата прусскаго сейма одобрила проектъ громаднымъ большинствомъ, но палата депутатовъ, въ засѣданіи 24 (12) іюля, отвергла его, несмотря на защитительную рѣчь новаго вице-президента прусскаго министерства, нѣкогда радикальнаго дѣятеля, фонъ-Микеля. Депутатъ Гобрехтъ, отъ имени національ-либераловъ, и Либеръ, отъ имени католическаго центра, торжественно заявили, что ихъ партіи подадутъ голоса противъ предложеннаго закона, и съ этого момента судьба проекта была рѣшена. Правительство имѣло за себя сплоченную массу консерваторовъ разныхъ оттѣнковъ и аграріевъ; для большинства недоставало лишь нѣсколькихъ голосовъ, но эти голоса негдѣ было найти внѣ тѣхъ двухъ партій, которыя единодушно присоединились къ оппозиціи. Необычайная важность вопроса для политической жизни страны и зависимость рѣшенія отъ ничтожнаго численнаго перевѣса той или другой стороны придавали засѣданію особенный видъ: почти всѣ депутатскія мѣста были заняты; многіе пріѣхали изъ провинціи, изъ различныхъ курортовъ, нѣкоторые —съ явными признаками болѣзни; одинъ былъ съ перевязанной рукою, которую сломалъ незадолго передъ тѣмъ. Чувство серьезнаго общественнаго долга привлекло всѣхъ членовъ палаты, въ томъ числѣ и больныхъ и престарѣлыхъ, въ эту душную переполненную залу, для участія въ предстоящемъ голосованіи. Въ палатѣ числится всего 432 члена; изъ нихъ 416 находились тамъ на лицо въ этотъ жаркій іюльскій день. За принятіе закона подано было 205 голосовъ, противъ—209: всего четырьмя голосами избавлена была страна отъ реакціонной мѣры, которая внесла бы новый элементъ недовольства въ общее, и безъ того весьма неясное внутреннее политическое положеніе Пруссіи.

Многіе удивлялись рѣшимости Микеля говорить въ защиту закона, столь рѣзко противорѣчащаго всему его прошлому и не имѣющаго къ тому же никакихъ шансовъ успѣха; но Микель можетъ быть причисленъ къ разряду дѣятелей, способныхъ красиво говорить на какую угодно тему и въ какомъ угодно духѣ. Онъ пользуется большимъ довѣріемъ въ высшихъ сферахъ и долженъ по неволѣ дѣлать то, чего

отъ него ожидаютъ; недаромъ на него смотрятъ какъ на будущаго преемника князя Гогенлоэ. Но приспособлять свои взгляды къ чужимъ идеямъ и руководствоваться больше соображеніями угодничества, чѣмъ самостоятельными личными убѣжденіями,—значитъ вовсе не имѣть въ себѣ матеріала для роли государственнаго человѣка; изъ такихъ людей выходятъ развѣ только Полоніи. Микель находитъ нужнымъ поддерживать хорошія отношенія съ землевладѣльческою аристократіею, и ради этого онъ откровенно беретъ подъ свое покровительство аграріевъ, хотя въ качествѣ практическаго министра финансовъ онъ долженъ отлично понимать нелѣпость существенныхъ ихъ требованій; недавно еще они серьезно обратились къ правительству съ предложеніемъ запретить ввозъ хлѣбныхъ продуктовъ изъ-за границы, особенно изъ Россіи, для поддержанія хлѣбныхъ цѣнъ на нѣмецкихъ рынкахъ, и Микель весьма мягко напомнилъ лишь о существованіи международныхъ торговыхъ договоровъ, которые не могутъ быть произвольно нарушены раньше срока. Очень можетъ быть, что Микель займетъ со временемъ постъ канцлера; но онъ столь же мало прославится на этомъ почетномъ мѣстѣ, какъ и князь Гогенлоэ. Не такими способами и качествами выдвигался Бисмаркъ, которому иногда подражаютъ нынѣшніе кандидаты въ великіе люди; онъ былъ дѣйствительнымъ и убѣжденнымъ совѣтникомъ, а не льстивымъ угадчикомъ мнѣній и желаній своего повелителя; оттого онъ могъ оказать Вильгельму I и Германіи великія историческія заслуги, тогда какъ отъ Микеля нечего ждать Вильгельму II, и тѣмъ менѣе Германіи.

Пріѣздъ президента французской республики въ Россію является не только отвѣтнымъ визитомъ на знаменитую „русскую недѣлю“ во Франціи, но и крупнымъ политическимъ событіемъ. Непосредственныя личныя отношенія между выборнымъ главою демократіи и могущественнѣйшимъ изъ европейскихъ государей показываютъ наглядно, что различіе формъ правленія не играетъ уже никакой роли въ равноправныхъ сношеніяхъ правителей великихъ культурныхъ державъ. Установить этотъ важный прецедентъ относительно Франціи выпало впервые на долю Россіи. Недавно еще считалось безспорнымъ, что оффиціальный обмѣнъ дружественныхъ визитовъ возможенъ только между независимыми и равноправными монархами, и что республиканскимъ правителямъ нѣтъ мѣста въ этомъ традиціонномъ взаимномъ общеніи государей; это обстоятельство давало сильное оружіе въ руки противниковъ нынѣшняго государственнаго строя Франціи, поддерживая въ умахъ старую идею о недоступности внѣшнихъ союзовъ для республики. И дѣйствительно, до настоящаго времени ни

одинъ изъ французскихъ президентовъ не выѣзжалъ изъ страны для посѣщенія иностранныхъ правителей, которые раньше бывали во Франціи,—ибо не было еще случая, чтобы иноземный монархъ прибылъ въ Парижъ въ качествѣ оффиціальнаго гостя французской націи и французскаго правительства. Визитъ Государя Императора былъ первымъ примѣромъ такого спеціальнаго посѣщенія, и послѣдствія этого многознаменательнаго факта выясняются теперь все съ большею опредѣленностью. Вмѣстѣ съ установленіемъ тѣсной политической дружбы и союза съ французской республикою, Россія подала примѣръ крупнаго нововведенія, имѣющаго какъ будто только формальный характеръ, но въ сущности далеко не безразличнаго для великихъ демократическихъ націй, каковы французская и сѣверо-американская.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ возникали серьезныя международныя замѣшательства изъ-за вопросовъ этикета, изъ-за сомнѣній въ титулѣ того или другого правителя; русское правительство долго колебалось признать Луи-Филиппа королемъ французскимъ, а Леопольда I—королемъ бельгійскимъ, при чемъ дѣло едва не дошло до европейской войны. То же самое повторялось и позднѣе; однимъ изъ мотивовъ вражды Наполеона III къ Россіи было наименованіе его не „братомъ", а кузеномъ, въ оффиціальномъ письмѣ къ нему императора Николая I. Какъ многое измѣнилось съ тѣхъ поръ въ политическихъ понятіяхъ и нравахъ Европы, къ великому благу народовъ! Наша близкая оффиціальная связь съ Франціею и особенно пріѣздъ французскаго президента республики въ Россію, въ качествѣ гостя Государя Императора, ярко освѣщаютъ все значеніе совершившихся перемѣнъ со второй половины настоящаго столѣтія.

Постепенный политическій ростъ французской націи со времени разгрома 1870—71 годовъ составляетъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и поучительныхъ фактовъ новѣйшей западно-европейской исторіи. Германскіе побѣдители съ полнымъ убѣжденіемъ смотрѣли на Францію какъ на погибшую страну, окончательно вычеркнутую изъ списка великихъ державъ. Извѣстный прусскій экономистъ и патріотъ Родбертусъ заявлялъ въ своихъ письмахъ, что свѣжія и бодрыя германскія племена, осаждавшія Парижъ, повторятъ исторію древнихъ германцевъ, завладѣвшихъ Римомъ. Съ французскими министрами и посланниками обращались въ снисходительномъ или ироническомъ тонѣ, какъ съ достойными сожалѣнія представителями безвозвратно исчезнувшаго величія. Двадцать шесть лѣтъ тому назадъ объѣзжалъ европейскіе дворы престарѣлый Тьеръ, позднѣе президентъ республики; его принимали скорѣе какъ несчастнаго старца, нуждающагося въ утѣшеніяхъ, чѣмъ какъ серьезнаго государственнаго человѣка, пользую-

щагося вліяніемъ и авторитетомъ въ своей странѣ. Теперь Франція занимаетъ такое же мѣсто въ совѣтахъ Европы, какъ и побѣдоносная Германія; рѣчи и заявленія французскаго министра Ганотò обсуждаются въ европейской печати съ неменьшею серьезностью, чѣмъ рѣчи руководящихъ дѣятелей Берлина и Лондона; свиданія и переговоры французскихъ дипломатовъ съ представителями другихъ державъ служатъ предметомъ всеобщихъ толковъ и догадокъ. Наконецъ Франція находится въ союзѣ съ Россіею и образуетъ съ нею достаточный противовѣсъ Германіи и союзнымъ съ нею государствамъ. Князь Бисмаркъ, отдыхающій отъ своихъ великихъ прошлыхъ трудовъ въ тихомъ Фридрихсруэ, не можетъ не видѣть теперь, какъ глубоко ошибался онъ въ своей оцѣнкѣ политическихъ силъ и средствъ французской націи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1897.

— Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. Его жизнь и сочиненія. Валерія Лясковскаго. М. 1897.

Въ предисловіи къ своему труду г. Лясковскій говоритъ, что оцѣнка историческаго дѣятеля бываетъ тѣмъ легче, чѣмъ опредѣленнѣе и доступнѣе для пониманія кругъ его дѣятельности: законодатель и полководецъ будутъ скорѣе поняты, чѣмъ мыслитель и художникъ; нужно отойти отъ нихъ на нѣкоторую даль, чтобы значеніе духовной дѣятельности стало понятнѣе. Такимъ образомъ и біографія Хомякова становится только теперь возможною; кромѣ того, долго неясно было значеніе того столкновенія направленій, гдѣ такъ называемому славянофильству придавалось только тѣсное и неправильное толкованіе. Авторъ думаетъ, что только „немногіе, читавшіе сочиненія Хомякова и другихъ, знаютъ, что проповѣдь народнаго самосознанія была у славянофиловъ, и въ особенности у Хомякова, выводомъ изъ цѣлой совокупности религіозныхъ убѣжденій и историческихъ воззрѣній". Думаемъ, напротивъ, что болѣе серьезные противники славянофильства давно понимали (и много разъ это высказывали), что славянофильская проповѣдь была результатомъ цѣлой особой системы религіозныхъ и историческихъ понятій, но только не полагали, чтобы вопросъ народнаго самосознанія былъ исключительной идеей *однихъ* славянофиловъ и рѣшался только по ихъ теоріи. Именно на исторической почвѣ противники славянофильства оспаривали его съ самаго начала, съ сороковыхъ годовъ; споры простирались и на чисто философскія положенія; и если всего меньше или совсѣмъ не говорилось о религіозныхъ и церковныхъ основаніяхъ славянофильства, то автору, безъ сомнѣнія, извѣстно, что эти вопросы были просто *внѣшнимъ образомъ* недоступны для той критической литературы, въ области которой велись и ведутся споры. Съ одной стороны, высказывался теоретическій

взглядъ въ общихъ положеніяхъ безъ дальнѣйшаго развитія; съ другой, этотъ взглядъ, хотя бы вовсе не раздѣляемый въ данной формѣ, долженъ былъ быть обходимъ молчаніемъ. Историкъ долженъ принять въ соображеніе тотъ фактъ, что въ свое время, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, Хомяковъ могъ изложить существо своихъ церковныхъ идей только на французскомъ языкѣ, въ брошюрахъ, изданныхъ за границей; что на русскомъ языкѣ эти церковныя сочиненія могли явиться лишь много лѣтъ спустя по смерти самого писателя, опять только за границей, въ извѣстномъ „второмъ томѣ“ сочиненій Хомякова, который былъ изданъ Самаринымъ и въ первое время оставался запрещеннымъ, пока наконецъ былъ условно допущенъ для русскихъ читателей!.. Нельзя сказать однако, чтобы и до сихъ поръ критика основныхъ положеній Хомякова была доступна для русской литературы.

Это обстоятельство въ сущности гораздо важнѣе того, что біографъ говоритъ дальше о мнимомъ непониманіи славянофильства въ нашемъ обществѣ. Дальнѣйшія замѣчанія г. Лясковскаго повторяютъ давнюю тему, будто бы славянофильство выносило особливую несправедливость и гоненіе.

Нѣкогда,—говоритъ онъ,—старымъ славянофиламъ противополагались западники; теперь въ нашемъ литературномъ и общественномъ мірѣ „опять“ господствуютъ два направленія, называемыя обыкновенно либеральнымъ и консервативнымъ, и представители перваго считаются преемниками старыхъ западниковъ, и второго—преемниками славянофиловъ. Затѣмъ г. Лясковскій пишетъ: „Не будемъ останавливаться на вопросѣ о преемствѣ западно-либеральнаго направленія; въ этомъ вопросѣ обѣ стороны *довольно согласны*. Совершенно иначе представляется теперешній взглядъ на славянофильство. Въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ многіе вожди такъ называемаго консервативнаго направленія находили удобнымъ для себя пріурочивать проводимые ими взгляды ко взглядамъ славянофильскимъ, вѣрнѣе—пользоваться славянофильскою терминологіею. Такое стремленіе было настолько сильно, что противники ихъ, теперешніе либералы, и на славянофильство стали смотрѣть тѣми глазами, какими смотрятъ они на современный публицистическій консерватизмъ. Съ другой стороны, сами консерваторы никогда не переставали нѣсколько сторониться славянофиловъ, коихъ оружіемъ они зачастую пользовались, втайнѣ считая ихъ тоже либералами, только другого сорта, чуть ли не еще болѣе опаснаго. Такимъ образомъ истинное славянофильство было и осталось равно въ недовѣріи и подозрѣніи у обѣихъ, такъ сказать, оффиціально признаваемыхъ литературно-общественныхъ партій. Такое положеніе кажется на первый взглядъ страннымъ, а между тѣмъ объ-

ясненіе его очень просто. Дѣло въ томъ, что обѣ эти такъ называемыя наши партіи, либералы и консерваторы, въ сущности *въ одинаковой мѣрѣ западники*, то-есть люди переносящіе на русскую почву западно-европейскія понятія о консерватизмѣ и либерализмѣ. Поэтому они и не могутъ иначе относиться къ славянофильству, которое, конечно, не подходитъ ни подъ одну изъ двухъ ходячихъ мѣрокъ; ибо сущность его заключается не въ той или иной политической доктринѣ, а въ признаніи за русскимъ народомъ, какъ выразителемъ цѣлаго православно-славянскаго міра, своихъ исконныхъ началъ, отличныхъ отъ началъ западныхъ и часто даже имъ противоположныхъ. Поэтому консерваторы и либералы, хотя и враждуютъ, но понимаютъ другъ друга (?); славянофиловъ же ни тѣ, ни другіе никогда не понимали вполнѣ, такъ какъ судили о нихъ по признакамъ чисто-внѣшнимъ, а не по основнымъ началамъ ихъ воззрѣній, которыхъ не могли или не хотѣли разглядѣть. Провѣрить это легко хотя бы уже на томъ, что по однимъ общественнымъ вопросамъ славянофиловъ причисляли къ лагерю консервативному, по другимъ — къ либеральному. Пусть такое причисленіе было чисто-внѣшнее, случайное, несогласное со смысломъ дѣятельности отдѣльныхъ славянофиловъ въ томъ или другомъ дѣлѣ (?): оно все же бывало, а толпа и не судитъ ни о чемъ иначе, какъ по внѣшности. И такое недоразумѣніе продолжалось не годъ, не два, а цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ".

Въ этомъ опредѣленіи общественныхъ и литературныхъ направленій и въ указаніи роли самого славянофильства есть, однако, неясности и ошибки. Давно замѣчено, что примѣрять къ нашимъ общественнымъ направленіямъ старыя рубрики западничества и славянофильства, которыя и въ свое время бывали не точны, становится очень неудобно. Славянофилы, которые обыкновенно негодуютъ на неправильное опредѣленіе ихъ ученія, точно также не очень заботятся о точномъ опредѣленіи мнѣній своихъ противниковъ.

Кто и какъ согласенъ въ вопросѣ о „преемствѣ западно-либеральнаго направленія", не знаемъ. Въ общемъ смыслѣ было несомнѣнное преемство въ убѣжденіи извѣстной доли общества и извѣстной доли литературы въ необходимости нашего общенія съ западно-европейскимъ просвѣщеніемъ, которое, съ какой бы то ни было точки зрѣнія, представляетъ собою единственное существующее нынѣ въ человѣчествѣ содержаніе и развитіе научнаго знанія. Въ сороковыхъ годахъ полагалось, что это общеніе необходимо для развитія нашей собственной мысли, котораго не можетъ не искать общество, желающее просвѣщенія; и полагалось также, что развитіе просвѣщенія не можетъ не воздѣйствовать на формы нашей общественности, которыя издавна нуждались и нуждаются въ преобразованіи—напримѣръ, не только въ

томъ бытовомъ преобразованіи, какое было принесено потомъ эпохою реформъ, но и въ томъ основномъ преобразованіи, котораго до сихъ поръ не знаетъ русская жизнь и которое заключалось бы въ свободѣ мысли и религіознаго убѣжденія. Въ сущности только въ этомъ и состояло бы „преемство“ такъ называемаго нынѣ „либерализма“ съ *западниками* сороковыхъ годовъ. Во множествѣ частныхъ вопросовъ философской мысли, исторіи, искусства, народнаго хозяйства и т. п., никакого тѣснаго преемства не существуетъ—уже просто потому, что сама жизнь выдвигаетъ новыя задачи и создаетъ большое разнообразіе новыхъ впечатлѣній и точекъ зрѣнія. Такимъ образомъ мудрено было бы сказать, чтобы, напримѣръ, Писаревъ, несомнѣнный „западникъ“, находился въ своихъ сужденіяхъ о Пушкинѣ въ преемствѣ отъ Бѣлинскаго; или чтобы въ такомъ преемствѣ были другіе несомнѣнные „западники“, новѣйшіе проповѣдники экономическаго матеріализма, для которыхъ не существуютъ въ человѣчествѣ никакіе самостоятельные идеалы и стремленія мысли, а надъ всѣмъ этимъ господствуютъ чисто экономическія силы и соображенія. Но если, какъ мы сказали, преемство состоитъ у западниковъ въ убѣжденіи о необходимости свободнаго и широкаго просвѣщенія и его желательнаго воздѣйствія на формы русской жизни, и если г. Лясковскому угодно думать, что „обѣ эти такъ называемыя наши партіи, либералы и консерваторы, въ сущности въ одинаковой мѣрѣ западники“ (такъ говаривали и старые славянофилы), то происходитъ какая-то невообразимая путаница, напримѣръ, Бѣлинскій и Герценъ окажутся однородными съ Булгаринымъ, Гречемъ и генераломъ Дубельтомъ или, напримѣръ, Салтыковъ съ Катковымъ. Автору не приходитъ мысль, что въ этомъ огульномъ опредѣленіи, столь высокомѣрно смѣшивающемъ Герцена съ Булгаринымъ, недостаетъ еще какого-то весьма крупнаго соображенія,—безъ котораго оказывается безсмыслица.

Если, далѣе, г. Лясковскій замѣчаетъ, что многіе вожди такъ называемаго консервативнаго направленія „въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій“ находили для себя удобнымъ пріурочивать свои взгляды къ славянофильскимъ, или пользоваться славянофильской терминологіей,—вслѣдствіе чего и противники славянофильства, „теперешніе либералы“, привыкли смотрѣть на него какъ на современный публицистическій консерватизмъ; если при этомъ г. Лясковскій прибавляетъ, что сами консерваторы, пользуясь оружіемъ славянофиловъ, все-таки отъ нихъ сторонились, въ тайнѣ считая ихъ либералами и т. д.,—мы опять въ недоумѣніи: кто же виноватъ; кто мѣшалъ славянофиламъ обличить это злоупотребленіе ихъ оружія и заявить свои настоящія требованія? А съ другой стороны, если иногда случалось, что Ив. Аксаковъ говорилъ въ одинъ голосъ съ Катковымъ, то не могли ли противники

славянофильства причислять его въ публицистическій консерватизмъ? Авторъ съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ говоритъ, что славянофильство не подходитъ ни подъ одну изъ двухъ ходячихъ мѣрокъ, что оно заключается не въ какомъ-нибудь политическомъ ученіи, а только въ признаніи за русскимъ народомъ его исконныхъ началъ и т. д.; что славянофиловъ ни либералы, ни консерваторы никогда не понимали вполнѣ и судили о нихъ только по внѣшнимъ признакамъ, а не по основнымъ воззрѣніямъ, которыхъ „не могли или не хотѣли разглядѣть", и что поэтому ихъ причисляли то къ либеральному, то къ консервативному лагерю. Предполагается, что славянофильство превыше всѣхъ такихъ лагерей... Въ этихъ утвержденіяхъ есть опять рядъ недоразумѣній. Славянофильству не оказывали никакой несправедливости, когда причисляли его къ тому или другому лагерю. Какія бы высокія идеи ни лежали въ его основѣ, эти идеи имѣли весьма реальное отношеніе къ русской дѣйствительности, исторической и современной, и славянофильство съ самаго начала высказывалось относительно этой дѣйствительности: оно всегда стремилось имѣть свой публицистическій органъ; со временъ „Московскихъ Сборниковъ" въ сороковыхъ годахъ и до „Руси" Ив. Аксакова оно высказывалось по поводу множества разнообразныхъ вопросовъ нашей общественной и литературной жизни, —и высказывалось такъ, что взгляды славянофильскихъ писателей много разъ вызывали искреннее сочувствіе и со стороны людей, не раздѣлявшихъ ихъ теоріи, когда ихъ слова заключали въ себѣ какую-нибудь общественную правду; но съ другой стороны ихъ взгляды не встрѣчали никакого сочувствія, когда совпадали съ давней консервативной рутиной. Эта рутина гораздо раньше славянофиловъ возставала противъ нашего подчиненія Западу, напримѣръ, въ старомъ „Маякѣ", въ писаніяхъ Шевырева и т. п. Не было поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что славянофиловъ, по тѣмъ или другимъ заявленіямъ ихъ, могли причислять къ лагерю то либеральному, то консервативному. Что касается того, что и консерваторы и либералы „не могли или не хотѣли разглядѣть" основныхъ воззрѣній славянофильства, — здѣсь опять есть напраслина. Насколько было возможно въ условіяхъ нашей литературы, славянофильство постоянно встрѣчало отзывы на свои мнѣнія, теоретическіе и практическіе, и не вина его критиковъ, что они не всегда могли высказаться по поводу нѣкоторыхъ основныхъ положеній ученія: французскія брошюры Хомякова, напечатанный за границей второй томъ его сочиненій съ комментаріемъ Самарина, печатанныя за границей сочиненія самого Самарина и частію даже Ив. Аксакова — въ самой формѣ своего появленія въ свѣтъ указывали, что критика ихъ была бы для домашней русской литературы неудобна. Біографъ правильнѣе указалъ бы поло-

женіе славянофильства въ нашей общественности, еслибы не забылъ этихъ фактовъ.

Авторъ раздѣлилъ свою работу на три части. Въ первой онъ излагаетъ біографію Хомякова; во второй даетъ изложеніе основныхъ идей Хомякова, почти исключительно его собственными словами, и въ послѣдней части авторъ сообщаетъ свой собственный взглядъ на личность и ученіе Хомякова. Авторъ представляетъ себя прямо ученикомъ Хомякова; понятно, что онъ ставитъ его такъ высоко, какъ нѣкогда ставилъ Самаринъ; онъ видитъ въ Хомяковѣ учителя церкви, и тѣмъ паче учителя общества. Та исключительность въ опредѣленіи славянофильства, какую мы указывали, повторяется и въ самой біографіи и становится крайней односторонностью. Недостатокъ вниманія къ условіямъ литературы, къ мнѣніямъ противниковъ существенно вредитъ и самой исторической оцѣнкѣ, какую авторъ хотѣлъ дать въ своемъ заключеніи. Между прочимъ и по этой причинѣ въ этой оцѣнкѣ остается очень много спорнаго. Наконецъ, ограничиваясь по преимуществу общими вопросами ученія, авторъ остается слишкомъ отвлеченнымъ, и для читателя остается мало доказаннымъ то откровеніе, какимъ авторъ изображаетъ ученіе Хомякова. Приводимъ еще одинъ эпизодъ изъ его „заключенія“.

Авторъ слѣдующимъ образомъ говоритъ о томъ, „что̀ живетъ послѣ старыхъ славянофиловъ, какъ прямое преданіе“.

„Со времени дѣятельности Хомякова прошло полвѣка; тридцать шесть лѣтъ минуло уже съ его смерти. Съ тѣхъ поръ многіе пошли за нимъ; многіе думаютъ, что идутъ за нимъ, или говорятъ это, не думая; многіе продолжаютъ идти тѣми двумя путями, отъ которыхъ предостерегалъ русскихъ людей Хомяковъ. Мы не будемъ здѣсь говорить о современномъ положеніи болѣе или менѣе враждебныхъ славянофильству партій, а ограничимся краткимъ указаніемъ на то, какъ понимаютъ свое теперешнее положеніе люди, считающіе себя послѣдователями славянофиловъ. Не составляя сплоченной партіи не только политической (чего, по существу славянофильскихъ убѣжденій, и быть не можетъ), но даже литературной и общественной, люди эти тѣмъ не менѣе существуютъ, и существованія ихъ, при всемъ достающемся повидимому на ихъ долю со стороны обѣихъ оффиціозно-признанныхъ партій снисходительномъ презрѣніи, ни та, ни другая не отрицаетъ. Ихъ убѣжденія не измѣнились; слѣдовательно, не измѣнились и ихъ задачи и цѣли.

„Исповѣданіе откровеннаго христіанства, соборнаго православія, воздающаго Кесарево Кесареви и Божіе Богови въ области вѣроученія; развитіе самобытнаго народнаго ученія въ наукѣ и искусствѣ; охраненіе и утвержденіе исконныхъ началъ русской исторіи (мірского

устройства, основаннаго на добровольномъ подчиненіи личности общему мнѣнію и дѣлу) въ сферѣ общественной; единодушнаго съ народомъ и никакими сдѣлками не оговореннаго самодержавія въ сферѣ государственной: таковы эти убѣжденія. Имъ равно чужды какъ религіозное безразличіе, рабская подражательность, эгоизмъ личности и государственная условность, проповѣдуемыя либералами, такъ и государственная церковность, громкій пафосъ, бюрократическій гнетъ и полицейскій бездушный абсолютизмъ консерваторовъ. Борьба противуположныхъ началъ та же, какая была она полвѣка тому назадъ, когда жилъ и дѣйствовалъ Хомяковъ, таже, какая была во времена Вавилонскаго столпотворенія" (?).

Въ серьезномъ изслѣдованіи многія подробности приведенныхъ разсужденій совершенно неумѣстны. Стремясь къ возвеличенію славянофильства, авторъ долженъ былъ бы позаботиться о большей точности. Онъ не признаетъ славянофильства какою-либо сплоченной политической партіей, но у насъ и не существуетъ такихъ „партій", потому что „партія" предполагаетъ свободно организованный и имѣющій возможность дѣйствія кругъ людей однихъ мнѣній, а этого у насъ нѣтъ. Далѣе, когда авторъ утверждаетъ, будто бы развитіе самобытности въ наукѣ и искусствѣ составляло спеціальную принадлежность славянофильства, онъ присвоиваетъ ему слишкомъ много, потому что это стремленіе составляетъ черту всей новѣйшей исторіи нашей литературы и науки, и многое изъ этой самобытности достигнуто было даже внѣ и независимо отъ славянофильства. Когда авторъ утверждаетъ, что либералы проповѣдуютъ „рабскую подражательность" или „эгоизмъ личности" или даже „религіозное безразличіе" и т. п., онъ повторяетъ старое и неприличное самохвальство школы. Не знаемъ, какихъ „либераловъ" авторъ имѣетъ въ виду; но мы напомнимъ, что въ числѣ противниковъ славянофильства былъ, напр. (чтобы избѣжать именъ современныхъ, для устраненія полемики), С. М. Соловьевъ: его невозможно было бы обвинить ни въ проповѣди рабской подражательности, ни въ религіозномъ безразличіи; Кавелина нельзя было бы обвинить въ проповѣди эгоизма личности; имъ обоимъ были столько же чужды „государственная церковность, громкій пафосъ, бюрократическій гнетъ и полицейскій бездушный абсолютизмъ консерваторовъ",—и однако они не только не были славянофилами, но были положительными противниками славянофильства. Забыть этихъ людей, т.-е. цѣлую область нашей научной литературы и общественнаго мнѣнія, которыхъ они могутъ быть представителями или образчиками, значитъ допустить въ своемъ историческомъ счетѣ большой недосмотръ...

Но сколько бы мы ни расходились съ авторомъ и въ общей постановкѣ вопроса и во многихъ частностяхъ, намъ очень сочувственно

въ книгѣ г. Лясковскаго это желаніе напомнить обществу о крупныхъ дѣятеляхъ уже законченной теперь исторической эпохи, которые ставили самые жизненные вопросы нашей исторіи и нашего національнаго бытія—вопросы, которые остаются еще не разрѣшенными, но которые пробуждали нѣкогда лучшія стремленія общественнаго самосознанія. Трудъ г. Лясковскаго, хотя съ нашей точки зрѣнія односторонній, но заслуживающій уваженія по своей искренности, еще разъ напоминаетъ, что для исторіи славянофильства недостаетъ еще многаго. До сихъ поръ нѣтъ достаточной біографіи двухъ замѣчательныхъ дѣятелей стараго славянофильства—Ивана и Петра Кирѣевскихъ.

— „Призывъ". Литературный сборникъ. Въ пользу престарѣлыхъ и лишенныхъ способности къ труду артистовъ и ихъ семействъ. (Заглавный листъ профессора В. Е. Маковскаго). Издатель Д. Гаринъ-Виндингъ. М. 1897.

Издатель сборника, г. Гаринъ-Виндингъ, самъ принадлежащій къ театральному міру, возъимѣлъ благую мысль сдѣлать нѣчто въ пользу артистовъ, впадающихъ въ нужду, когда старость или болѣзнь заставляютъ ихъ покинуть свою дѣятельность. Г. Гаринъ задумалъ издать съ этою цѣлью сборникъ, и на его „призывъ" повидимому съ большою охотой отозвались наши писатели и ученые, потому что мы находимъ въ числѣ участниковъ длинный рядъ писателей, между прочимъ стоящихъ въ первыхъ рядахъ нашей литературы. На первыхъ страницахъ сборникъ украшенъ цѣлою поэмой г. К. Р. „Севастіанъ-Мученикъ"; далѣе, мы находимъ имена Я. П. Полонскаго, А. Чехова, Д. Мамина-Сибиряка, П. Д. Боборыкина, И. Потапенко, М. Альбова, И. Салова, С. Дрожжина, М. Кропивницкаго, И. Щеглова, К. Баранцевича, Юрія Веселовскаго (Памяти Надсона) и еще многихъ другихъ поэтовъ и беллетристовъ. Въ сборникѣ приняли участіе также ученые писатели и критики: Н. И. Стороженко помѣстилъ здѣсь „Воспоминаніе объ Екатеринѣ II", читанное имъ въ московскомъ Обществѣ любителей словесности; г. Алексѣй Веселовскій—небольшой трактатъ о сценическомъ безсмертіи; А. И. Кирпичниковъ далъ изложеніе „Адама", древнѣйшей западно-европейской драмы; г-жа Догановичъ доставила воспоминаніе о Достоевскомъ. Далѣе находимъ переводы изъ европейскихъ поэтовъ: г-жа Чюмина помѣстила переводы изъ Теннисона и Ф. Коппе (поэма „Донъ-Жуанъ"); переводъ одного разсказа изъ Коппе принадлежитъ г-жѣ А. Веселовской; г. Бѣжецкій далъ переводъ баллады „Эльфы" изъ Леконта-де-Лиля; наконецъ Ѳ. Е. Коршъ далъ переводы изъ словинскаго поэта Франциска Преширна и новогреческаго поэта Аристотеля Валаорити. Изящнымъ воспоми-

наніемъ изъ литературы сороковыхъ годовъ является извѣстный разсказъ Герцена: „Сорока-Воровка", построенный на воспоминаніяхъ Михаила Семеновича Щепкина.

Таковъ составъ сборника, который доставитъ читателю занимательное и разнообразное чтеніе. Должно пожелать изданію г. Гарина всякаго успѣха, котораго оно заслуживаетъ и по своей прекрасной цѣли, и по самому содержанію.

— А. Н. Аѳанасьевъ Народныя русскія сказки. Изданіе третье, дополненное біографическимъ очеркомъ и указателями, подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. (Изданіе товарищества И. Д. Сытина). М. 1897. Два тома.

Прошло почти уже двадцать пять лѣтъ со времени второго изданія сказокъ (1873), которое начато было самимъ Аѳанасьевымъ и докончено было послѣ его смертн. Съ тѣхъ поръ повторено было нѣсколько разъ только изданіе дѣтскихъ сказокъ, между тѣмъ давно уже чувствовалась потребность въ новомъ изданіи большого собранія Аѳанасьева, которое съ половины пятидесятыхъ годовъ (время перваго изданія) и донынѣ остается единственнымъ цѣльнымъ собраніемъ русскихъ сказокъ и должно было бы служить и для популярнаго чтенія, и для научнаго пользованія. Въ теченіе сорока лѣтъ собраніе Аѳанасьева не было замѣнено другимъ, и тѣмъ болѣе кстати является его новая перепечатка. Въ предисловіи, принадлежащемъ вѣроятно издателю, читаемъ: „Мы удержали въ полной неприкосновенности и текстъ, и размѣщеніе сказокъ, приведенныхъ въ извѣстную систему самимъ авторомъ, и ихъ общую нумерацію; единственное измѣненіе, внесенное нами, состоитъ въ помѣщеніи тотчасъ послѣ каждой сказки примѣчаній, которыя во 2-мъ изданіи были выдѣлены особо и составили весь 4-й томъ собранія. Къ настоящему изданію приложены: 1) Біографическій очеркъ, 2) Указатель географическаго распредѣленія сказокъ и списокъ сказокъ, переданныхъ съ особенностями малорусскаго, бѣлорусскаго и мѣстныхъ великорусскихъ говоровъ, 3) Указатель собственныхъ именъ и предметный. Нѣсколько лубочныхъ изображеній, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ текста послѣдняго изданія, собраны теперь вмѣстѣ; къ сожалѣнію, намъ не удалось замѣнить эти, нѣсколько случайныя, картинки болѣе полнымъ подборомъ народныхъ сказочныхъ иллюстрацій изъ богатой коллекціи Ровинскаго". Прежніе восемь выпусковъ перваго изданія составили во второмъ четыре тома, а въ настоящемъ изданіи они сжаты въ два компактные тома, по новѣйшей модѣ большого формата въ два столбца, довольно мелкой, впрочемъ четкой печати. Этотъ способъ изданія далъ возможность очень умѣренной цѣны (3 рубля за два тома).

Біографическій очеркъ, составленный г. Грузинскимъ, есть наиболѣе обстоятельная біографія нашего собирателя сказокъ, любопытная тѣмъ болѣе, что авторъ воспользовался для своего труда неизданными записками Аѳанасьева, которыхъ только часть явилась въ печати. Аѳанасьевъ былъ питомецъ сороковыхъ годовъ и въ тѣ же годы началась его научная дѣятельность; но онъ стоялъ нѣсколько въ сторонѣ отъ того круга такъ называемыхъ западниковъ, которому принадлежала наиболѣе видная роль въ тогдашней литературѣ. Такъ, давно уже обратили вниманіе на то, что въ своихъ запискахъ Аѳанасьевъ относился не вполнѣ сочувственно къ одному изъ корифеевъ этого круга, Грановскому: біографъ объясняетъ, что причина этому былъ именно недостатокъ личной близости и также другой складъ научныхъ интересовъ, но что въ концѣ концовъ въ запискахъ Аѳанасьева, не предназначавшихся къ печати, нельзя видѣть окончательнаго заключенія Аѳанасьева о Грановскомъ, а кромѣ того и въ томъ, что̀ имъ сказано, отдается справедливость лучшимъ сторонамъ въ характерѣ Грановскаго.

Въ объясненіе того, въ какихъ условіяхъ совершалась научная дѣятельность въ концѣ сороковыхъ и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, авторъ приводитъ не мало подробностей изъ тогдашней переписки и неизданныхъ записокъ Аѳанасьева, подробностей, рисующихъ картину настоящаго мракобѣсія подъ страхомъ знаменитаго Бутурлинскаго комитета 2 апрѣля. Приводимъ для образчика двѣ-три подробности. Цензура запрещала статьи, относившіяся даже къ глубокой старинѣ. Такъ была запрещена статья объ Исторіи церкви, Филарета; были крупныя урѣзки въ статьѣ о Домостроѣ (!); были исключены всѣ біографическія свѣдѣнія о Новиковѣ въ статьяхъ о русскихъ журналахъ временъ Екатерины II (это было уже въ 1855!). Но самая печальная участь, — говоритъ біографъ, — постигла рядъ статей, которыя представляли, или должны были представить, исторію призрѣнія бѣдныхъ на Руси. У Аѳанасьева было приготовлено четыре статьи: первая (до половины XV вѣка) была напечатана въ октябрьской книгѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1850, но вторая была запрещена совершенно; Краевскій желалъ-было обойтись какъ-нибудь безъ нея, но Аѳанасьевъ просто бросилъ статьи, и неизвѣстно, сохранились ли онѣ въ бумагахъ. Исторія запрещенія второй статьи, описанная Краевскимъ въ письмѣ къ Аѳанасьеву отъ января 1851 года, происходила слѣдующимъ образомъ: „Цензоръ журнала, не считая себя компетентнымъ судьей въ дѣлѣ русской исторіи и замѣтивъ въ статьѣ факты изъ исторіи русской церкви, велѣлъ отправить статью въ духовную цензуру. Оттуда она вернулась съ очень незначительными помарками. Тогда цензоръ представилъ ее въ комитетъ „съ мнѣніемъ“, что онъ

„по незнанію русской исторіи не можетъ имѣть тутъ никакого мнѣнія". Цензурный комитетъ отправилъ статью къ проф. Устрялову, который, разсмотрѣвъ, нашелъ въ статьѣ нѣкоторыя погрѣшности (безъ указанія ихъ) и увѣдомилъ, что онъ, не зная новыхъ цензурныхъ правилъ, не можетъ судить, до какой степени позволительно печатать въ журналахъ историческіе факты, и потому отказался дать о статьѣ какое бы то ни было мнѣніе. Комитетъ для окончательнаго свода всѣхъ этихъ „мнѣній" отдалъ статью цензору Крылову, который и вывелъ слѣдующій результатъ: статью запретить безусловно и дать о томъ знать во всѣ цензурные комитеты". Въ неизданныхъ запискахъ Аѳанасьева разсказана еще слѣдующая исторія о цензорѣ Фрейгангѣ, который считался въ своемъ вѣдомствѣ особенно надежнымъ по своей „строгости", но доходилъ до безнадежнаго тупоумія. „Фрейгангъ, цензируя записки С.-Петербургскаго Археологическаго Общества, ни за что не хотѣлъ пропустить надписей, найденныхъ на старинныхъ пушкахъ, въ томъ видѣ, какъ онѣ сохранились на самыхъ орудіяхъ. И добро бы въ этихъ надписяхъ было что-нибудь противоцензурное. Нѣтъ! Въ нихъ означалось, что такая-то пушка, именемъ *Свинья*, вылита при *царѣ* Петрѣ I такого-то года, и только. Фрейгангъ догадался, вмѣсто названій „Свинья" и другихъ, казавшихся ему, неизвѣстно почему, неприличными, поставить названія: „Левъ", „Орелъ" и т. п., а вмѣсто выраженія: „при царѣ"—выраженіе: „при императорѣ". Его увѣряли, что Петръ Великій въ то время еще не назывался императоромъ, что этотъ титулъ принятъ имъ послѣ, что если измѣнять до такой степени показанія памятниковъ, то лучше вовсе не дотрогиваться до нихъ; ничего однако не помогало. Тогда общество представило корректурные листы съ отмѣтками Фрейганга предсѣдателю своему, принцу Ольденбургскому, и тотъ уже заставилъ цензора „не дѣлать глупостей". Въ другомъ мѣстѣ Аѳанасьевъ разсказываетъ, что цензура дѣлала не только урѣзки, но замѣны и поправки даже въ письмахъ Петра Великаго, печатавшихся московскимъ Главнымъ Архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ (2-й т. „Писемъ Русскихъ Государей")! Аѳанасьевъ замѣчаетъ, что цензура стала относиться подозрительно даже къ статьямъ о миѳологіи, которою онъ тогда занимался.

Въ своихъ запискахъ онъ такъ изображаетъ тогдашнія условія литературной дѣятельности, наступившія съ 1848 года:

„Современный литераторъ, принимаясь за перо, уже напередъ чувствуетъ надъ собою роковое дѣйствіе цензуры; желая высказать свою мысль такъ, чтобы она прошла въ цензурныя ворота безъ препятствій, онъ уже напередъ творитъ надъ нею насиліе; придумываетъ ей сколько возможно болѣе увертливую форму, облекаетъ ее въ несовсѣмъ ясныя фразы, и оттого-то вчастую яркая, живая мысль обращается въ зага-

дочный намекъ; краски сами собой стираются... Жалуются на бѣдность и безцвѣтность нашей литературы; но можно ли рисовать полныя жизни и яркости картины, находясь въ положеніи соловья, пѣніе котораго хотѣла послушать кошка въ баснѣ Крылова".

Въ концѣ біографіи г. Грузинскій дѣлаетъ предположенія о томъ, съ которыхъ поръ начинается интересъ Аѳанасьева къ произведеніямъ народнаго творчества,—и затѣмъ даетъ подробный обзоръ его работъ по собиранію и изданію сказокъ.

Въ приложеніяхъ къ біографіи помѣщенъ списокъ сочиненій, упоминаемыхъ въ примѣчаніяхъ Аѳанасьева къ сказкамъ, и въ дополненіе къ этому списокъ главнѣйшихъ собраній сказокъ и отдѣльныхъ сказокъ, разсѣянныхъ по журналамъ и газетамъ съ конца пятидесятыхъ годовъ. Этотъ послѣдній списокъ самъ составитель считаетъ неполнымъ, и онъ дѣйствительно весьма неполонъ. Въ концѣ книги г. Грузинскій помѣстилъ нѣсколько указателей, за которые будутъ ему очень благодарны тѣ, кто занимается изученіемъ сказочной поэзіи. Это, во-первыхъ, указатель распредѣленія сказокъ по мѣстностямъ, причемъ указаны губерніи и уѣзды; отмѣчены сказки, напечатанныя безъ обозначенія мѣстности, далѣе, сказки изъ печатныхъ и лубочныхъ изданій и рукописей, наконецъ сказки, записанныя съ содержаніемъ мѣстнаго говора. Во-вторыхъ, указатель собственныхъ именъ сказочныхъ героевъ и мѣстностей, упоминаемыхъ въ сказкахъ. Въ-третьихъ, указатель предметовъ, именно не только простое обозначеніе предметовъ, но и указаніе ихъ роли въ сказочномъ разсказѣ, такъ что этотъ указатель становится указателемъ самыхъ сказочныхъ сюжетовъ. Эти указатели, на которые должно было быть потрачено много труда, составляютъ особенную заслугу г. Грузинскаго и можно только пожалѣть, что составитель былъ, повидимому, стѣсненъ въ своей работѣ. Въ предисловіи мы читаемъ; „считаемъ нашъ указатель и слишкомъ краткимъ, и неполнымъ; мы должны были, напр., отказаться пока отъ первоначальной мысли включить въ указатель возможно полный подборъ всѣхъ сказочныхъ формулъ или мотивовъ и ввели лишь нѣкоторые". Обыкновенно исполненіе подобныхъ плановъ встрѣчаетъ затрудненія въ условіяхъ издательства: было бы жаль, еслибы это случилось и здѣсь. Собраніе сказокъ Аѳанасьева,—какъ мы сказали, до сихъ поръ единственное,—представляетъ такое капитальное явленіе въ нашей этнографической литературѣ, что изданіе его не должно бы быть исполнено скупо. Прибавимъ, что распространеніе книги, безъ сомнѣнія, вознаградило бы сдѣланныя на нее затраты.

— Н. Я. Никифоровскій, Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи и описаніе предметовъ обиходности. (Этнографическія данныя). Съ географическимъ видомъ Витебской губерніи и четырьмя чертежами въ текстѣ. Витебскъ. 1895.

— Его же, Простонародныя приметы и повѣрья, суевѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Витебскъ, 1897.

Въ этнографической литературѣ имя г. Никифоровскаго извѣстно довольно давно по тѣмъ сообщеніямъ, какія онъ доставлялъ для сборниковъ г. Шейна. По этимъ сообщеніямъ можно было видѣть опытнаго старожила и знатока народнаго быта. Въ названныхъ книгахъ г. Никифоровскій является самостоятельнымъ собирателемъ.

Въ первой изъ нихъ онъ собралъ свѣдѣнія о внѣшнихъ чертахъ и принадлежностяхъ народнаго быта, а именно свѣдѣнія о пищѣ и питьѣ и столовой посудѣ; о мужской и женской одеждѣ и обуви, деревенскомъ тканьѣ и шитьѣ; о жильѣ и хозяйственныхъ постройкахъ; о сельскихъ работахъ въ саду, на пашнѣ, на покосѣ, на рыбной ловлѣ, на охотѣ и пр., все это съ большой обстоятельностью, съ передачей мѣстной бытовой терминологіи и самого говора. Собранный матеріалъ, по объясненію составителя, относится не столько къ современному быту, сколько къ недавнему прошлому, а именно къ десятилѣтіямъ передъ крестьянской реформой и послѣ нея, когда въ мѣстномъ быту еще крѣпко держалось старое преданіе. Съ тѣхъ поръ, послѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, по словамъ автора, многое измѣнилось. Прежде всего народъ сталъ достаточнѣе и съ этимъ начинаютъ исчезать многія черты прежняго быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старыя этнографическія особенности. Понятно, что въ этнографическомъ отношеніи эти свѣдѣнія становятся тѣмъ болѣе цѣнны.

Во второй книгѣ собраны черты внутренняго быта, домашней жизни, бытовыхъ понятій и преданій. Въ первой главѣ авторъ говоритъ о жизни ребенка. Вторая глава посвящена молодымъ людямъ: наставленія женихамъ и невѣстамъ, гаданья молодежи, сватовство и свадьба. Далѣе—будничная жизнь: стряпня, домашнія, огородныя, полевыя работы; преданія и повѣрья о домашнихъ животныхъ, дикихъ звѣряхъ, рыбахъ, камняхъ, временахъ года, явленіяхъ природы и т. д. Особый отдѣлъ посвященъ народнымъ праздникамъ отъ Рождества до осени и соединеннымъ съ ними обычаямъ и повѣрьямъ. Затѣмъ—народныя представленія о болѣзняхъ, колдовствѣ, смерти и „дядахъ“, т.-е. поминаніи умершихъ. Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ помѣщены смѣшанныя сказанія, напр., о ростѣ прежнихъ и будущихъ людей, о необыкновенныхъ силачахъ, о происхожденіи болотъ, о заростающихъ

озерахъ, объ ушедшей въ землю церкви и т. д. Въ концѣ прибавлены многочисленныя примѣчанія съ объясненіемъ мѣстныхъ словъ и бытовыхъ подробностей.

Всѣ эти повѣрья записаны отдѣльными параграфами, счетомъ 2307, и при нихъ указывается обыкновенно время, а иногда и мѣсто записи. Изложеніе обыкновенно весьма точное.

Бѣлорусская этнографія привлекла въ послѣднее время не мало замѣчательныхъ изслѣдованій (труды Шейна, В. Романова, Довнара-Запольскаго и др.), и между ними сборники г. Никифоровскаго займутъ также свое достойное мѣсто по множеству этнографическихъ записей изъ разныхъ областей народнаго быта. Пожелаемъ почтенному собирателю успѣха въ дальнѣйшихъ трудахъ по изученію его мѣстной родины.—А. П.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры.

Бытовтъ, Юрій.—Жизнь, счастье и гр. Толстой, Мысли. М. 1897. Изданіе съ благотворительной цѣлью. Стр. 41. Ц. 40 коп.

Буанъ, Эмиль.—Исторія воды. Съ 38 рисунками въ текстѣ. Переводъ съ французскаго Л. П. И—вой. Изданіе Г. Х. Фриза. Спб. 1897. 16°. Стр. 204. Ц. 50 коп.

Быховскій, В. В.—Обвиненіе и защита при законѣ 18-го марта 1896 года. М. 1897. 16°. Стр. 128. Ц. 60 коп.

Венгеровъ, С. А.—Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Изданіе Г. В. Юдина. Выпускъ XV. Бендерскій—Берманъ. Спб. 1897. Ц. 40 коп. за выпускъ и 4 руб. за томъ, съ перес. 45 к. и 4 р. 50 коп.

Войнаровскій, П. Д.—Теоретическій и практическій курсъ электротехники. Часть I: Основныя свѣдѣнія изъ высшей математики, необходимыя электротехнику. Съ 31 рисункомъ. Спб. Изданіе К. Л. Риккера. 1897. Стр. XV и 192.

Гейгеръ, Л.—Значеніе языка въ исторіи развитія человѣчества. Переводъ съ нѣмецкаго Л. С. Зака. (Библіотека общественныхъ знаній, подъ редакціей Л. С. Зака. Серія II, выпускъ 6-й). Одесса, 1897. Стр. 27. Ц. 15 коп.

Гейнсъ, Александръ Константиновичъ.—Собраніе литературныхъ трудовъ. Томъ I-й. Съ портретомъ и планомъ. Спб. 1897. Стр. VI и 589. Ц.

Дмитревскій, Иванъ.—Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе божественной литургіи. Основано на св. писаніи, правилахъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, и на писаніи св. отцевъ церкви. Второе, вновь пересмотрѣнное и исправленное, (изданіе), съ рисунками Ѳ. Г. Солнцева. Съ приложеніемъ „Книги о храмѣ“ Симеона, митрополита Солунскаго. Спб. Изданіе книгопродавца Тузова. 1897. Стр. 427. Ц. 2 р. 50 к.

Дубровинъ, Н.—Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Выпускъ девятый. Спб. 1897. Стр. XIII и 475.

Инсаровъ, Д.—Сърбскитѣ претенции на Македония. Съ едно предисловие върху значението на съарбската пропаганда въ Македония. София, 1897. Стр. XV и 46. Цѣна 20 стот.

Карпаковъ, В.—Азбука графической грамотности. 410-ть чертежей въ текстѣ. Спб. 1897. Стр. 152. Ц. 85 коп.

Летурно, Ш.—Соціологія, основанная на этнографіи. Переводъ съ послѣдняго французскаго изданія. Выпускъ II. Съ 61 рисункомъ. Спб. 1897. Изданіе О. Н. Поповой. Стр. 226. Ц. 1 р.

Лоранъ, д-ръ Эмиль.—Уголовная антропологія и новыя теоріи преступности. Переводъ В. В. Баршевскаго подъ редакціей проф. унив. св. Владиміра. И. А. Сикорскаго. (Со второго изданія). Кіевъ, 1897. 12°. Стр. 175. Ц. 1 р.

Макаревскій, Михаилъ.—Церковная школа на всероссійской выставкѣ 1896 года въ Нижнемъ-Новгородѣ. Спб. 1897. Стр. III и 30. Ц. 20 коп.

Малькольмъ Макъ-Колль, препод., каноникъ въ Рипонѣ. Султанъ и державы. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1897. Стр. XVI и 351. Ц. 1 р. 50 коп.

Масальскій, кн. В.—Овраги черноземной полосы Россіи, ихъ распространеніе, развитіе и дѣятельность. (Съ десятью фототипіями въ текстѣ). Спб. 1897. Стр. 251 и 68.

Пере.—Умственное воспитаніе ребенка съ колыбели. (Bernard Pérez: L'éducation intellectuelle dès le berceau). М. 1897. Стр. 189. Научно-популярная библіотека „Русской Мысли". Ц. 60 коп.

Поповъ, А.—Вопросъ о четырехъ нравственныхъ основаніяхъ предъ судомъ чести Союза русскихъ писателей. Въ пользу сельской школы на рѣчкѣ Лютой. Цѣна 30 коп. Спб. 1897. Стр. 76.

Рибо, Т.—Психологія чувствъ. Въ двухъ частяхъ. Переводъ съ французскаго. Кіевъ. Харьковъ, 1897. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Іогансона. (Часть II: Стр. 171—378).

Святловскій, В. В.—Родные курорты, (Очерки и картинки). Кавказскія минеральныя воды. Военно-грузинская дорога. Тифлисъ. Книгоиздательство Г. Г. Москвича. Одесса, 1897. Стр. 273. Ц. 1 р.

Спенсеръ, Гербертъ.—Основныя начала. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1897. Изд. А. Ѳ. Пантелѣева. Стр. 467.

Старицкій, М. П.—Богданъ Хмельницькый. Историчня драма, въ V-ты діяхъ и 6-ты одминахъ, въ апофеозомъ. (Удостоена первой преміи по конкурсу, объявленному драмат. трупной М. Л. Кропивницкаго). Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ, 1897. Стр. 138. Ц. 75 коп.

Шимкевичъ, П. П.—Матеріалы для изученія шаманства у гольдовъ. Съ рисунками. (Записки приамурскаго отдѣла Импер. Р. Географическаго Общества, т. I, вып. V). Хабаровскъ, 1897. Стр. 133 и много рисунковъ.

Энгельманъ, С. А.—Въ штормъ. Книгоиздательство Г. Г. Москвича. Одесса, 1897. Стр. 216. Ц. 1 р.

Эшли, У. Дж., проф. въ Гарвардскомъ унив.—Экономическая исторія Англіи въ связи съ экономическою теоріей. Перев. Н. Муравьева, подъ редакціей *Д. М. Петрушевскаго*, прив.-доц. моск. унив. Изданіе М. И. Водовозовой. Москва, 1897. Стр. XVI+814. Ц. 2 р. 75 к.

Leroy-Beaulieu, Anatole. — Etudes russes et européennes. Paris, 1897. Стр. IX+331. Ц. 3 фр. 50 сант.

Вѣдомость о начальныхъ училищахъ города Москвы. Къ 1-му января 1897 года. М. 1897. Стр. XXII и 339.

Протоколы засѣданій Общества психіатровъ въ С.-Петербургѣ за 1895 и 1896 годы. Спб. 1897. Стр. 120.

Сборникъ въ память Александра Серафимовича Гацискаго. Съ приложеніемъ портрета и списка сочиненій. Изданіе Нижегородской Архивной Коммиссіи. Нижній-Новгородъ, 1897. Нѣсколько пагинацій.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Charles-Marc Des Granges. Geoffroy et la critique dramatique sous le Consulat et l'Empire. Paris, 1897. Стр. 514.

Литературная критика во Франціи—созданіе XIX вѣка, и о результатахъ ея вѣкового развитія можно теперь судить. Въ предшествующіе вѣка во Франціи были, конечно, литературные судьи. Блестящій XVII вѣкъ имѣлъ „парнасскаго законодателя" въ лицѣ Буало, XVIII в. имѣлъ своихъ теоретиковъ въ Вольтерѣ и его сторонникахъ. Но критики въ нашемъ значеніи слова, т.-е. самостоятельной литературной области со своими художественными и философскими цѣлями, не было. Она начинаетъ складываться въ концѣ прошлаго вѣка вмѣстѣ съ оппозиціей противъ догматизма и риторичности прежнихъ временъ. Приговоры надъ литературными произведеніями замѣняются изученіемъ и анализомъ ихъ, и критика становится открытой движенію идей.

Съ тѣхъ поръ и до нашего времени критическая мысль совершила во Франціи очень быстрый и очень блестящій путь. Въ настоящее время болѣе всего поражаетъ дифференціація родовъ литературной критики. Всѣ выдающіеся французскіе писатели въ этой области представляютъ, каждый, высшее развитіе одного обособленнаго метода; эволюціонизмъ, импрессіонизмъ, психологическій методъ, научная, философская критика имѣютъ своихъ представителей. И такъ велико совершенство формы во всѣхъ этихъ отдѣльныхъ видахъ критики, что внутреннее содержаніе кажется какъ бы уже остановившимся, законченнымъ. Вся современная французская критика является итогомъ идей цѣлаго вѣка, — въ этомъ ея историко-литературное значеніе и въ то же время ея слабость. Французскіе критики нашихъ дней не создаютъ уже почти ничего новаго, не вносятъ новыхъ идей въ духовную жизнь человѣчества,—но они хоронятъ прошлое какъ наслѣдники высокой культурности, съ большимъ талантомъ и совершенствомъ литературной формы.

Отсутствіе оригинальности мысли за блестящими и неожиданными формами мысли становится особенно замѣтнымъ, когда дѣло идетъ объ отношеніяхъ новѣйшихъ французскихъ критиковъ къ ихъ болѣе близкимъ предшественникамъ и учителямъ. Слишкомъ ясны нити,

соединяющія, напр. Жюля Леметра и Анатоля Франса съ Ренаномъ и т. д. Но многія изъ руководящихъ идей современныхъ критиковъ коренятся въ болѣе отдаленномъ прошломъ,—и знакомство съ положеніемъ французской критики при ея возникновеніи крайне полезно для правильной оцѣнки современной намъ критики. Присутствуя при конечныхъ результатахъ цѣлой культурной полосы, любопытно оглянуться на ея зачатки. Во Франціи за послѣдніе годы ростетъ интересъ къ историческимъ трудамъ, которые освѣщаютъ забытые эпизоды какъ внѣшней, такъ и умственной жизни Франціи и даютъ возможность провести параллель съ настоящимъ, и правильнѣе судить о пріобрѣтеніяхъ нашего вѣка для культуры. Къ числу такихъ историческихъ трудовъ принадлежитъ и докторская диссертація Дегранжа, обширное и основательное изслѣдованіе о драматической критикѣ во Франціи въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго вѣка. Дегранжъ группируетъ литературную жизнь занимающей его эпохи вокругъ имени одного изъ популярныхъ въ свое время, но съ тѣхъ поръ забытаго критика, Жоффруа, основателя драматическаго фельетона въ „Journal des Débats“. Но начиная отъ Жоффруа и до новѣйшихъ его преемниковъ, Леметра, Сарсэ, Фагѣ и др., изученіе драматическаго творчества привлекало къ себѣ всѣхъ критиковъ, и неудивительно поэтому, что исторія драматическаго фельетона превращается у Дегранжа въ исторію критическихъ идей во Франціи. Кромѣ того, драматическій фельетонъ не имѣлъ во времена своего возникновенія строго опредѣленнаго содержанія, нерѣдко служилъ орудіемъ журнальной полемики и допускалъ отступленія по поводу различныхъ вопросовъ дня. Изслѣдователь фельетона и біографъ его основателя имѣетъ такимъ образомъ возможность попутно дать характеристику литературныхъ нравовъ начала вѣка и обрисовать положеніе газетнаго дѣла при Наполеонѣ-консулѣ и императорѣ.

Самая интересная часть изслѣдованія Дегранжа заключается въ изложеніи критическихъ взглядовъ Жоффруа и нѣкоторыхъ его современниковъ. Взгляды эти выясняютъ условія, при которыхъ возникла критика, соотвѣтствующая понятіямъ нашего вѣка. Литературная критика возникла въ борьбѣ съ философіей XVIII вѣка. Борьба съ Вольтеромъ и энциклопедистами побудила Жоффруа и другихъ представителей зарождающейся прессы формулировать свои взгляды и противопоставить міросозерцанію XVIII вѣка новыя требованія къ искусству такъ же, какъ и новое отношеніе къ религіознымъ и философскимъ вопросамъ. Критика началась съ полемики и очень ожесточенной, но благодаря тому, что носителемъ оппозиціонныхъ идей былъ Жоффруа, съ его строгимъ систематическимъ умомъ и склонностью къ отвлеченнымъ выводамъ, полемика эта состояла не столько въ нападкахъ на

представителей „старыхъ идей", т.-е. Вольтера и его школу, какъ въ формулировкѣ новаго пониманія каждаго отдѣльнаго принципа въ области литературы. Въ журнальныхъ статьяхъ и замѣткахъ Жоффруа изложена цѣлая эстетическая теорія, и извлекая ее изъ многочисленныхъ фельетоновъ „Journal des Dèbats" и „Année Littéraire", Дегранжъ показываетъ, сколько находокъ и нововведеній современной критики предугадано этимъ забытымъ предшественникомъ.

Журнальная критика, какъ самостоятельный литературный родъ, возникла на рубежѣ XVIII и XIX вѣка, и Жоффруа объясняетъ съ большой проницательностью причины ея возникновенія. „Нужно признать,—говоритъ онъ,—что во времена расцвѣта національнаго генія критика наименѣе нужна и полезна. Великія произведенія искусства, появляясь одно за другимъ, воспитываютъ вкусъ публики и доставляютъ матеріалъ для сравненія. Но когда истинные геніи исчезли и не замѣнены другими, когда ихъ красоты, слишкомъ хорошо извѣстныя, уже не останавливаютъ взора, тогда новые писатели теряютъ надежду сравниться со старыми, идя по ихъ слѣдамъ, и замѣняютъ недоступное имъ великое искусство мелкими пріемами, привлекательными своей новизной и доступными толпѣ своимъ отсутствіемъ глубины. Въ такія минуты *кризисовъ* критикъ становится самымъ необходимымъ и важнымъ членомъ литературной республики".

Конецъ XVIII вѣка былъ временемъ литературнаго упадка и соотвѣтствовалъ характеристикѣ Жоффруа; переживанія классической литературы XVII в. свелись къ слѣпому повторенію привычныхъ формулъ, оживленныхъ фальшивой красивостью въ угоду новому вкусу; господство же риторики или того, что въ театрѣ Вольтера и его современниковъ называлось философіей, отняло у художественныхъ произведеній всякое подобіе жизни. Литература переживала печальный кризисъ и грозила превратиться въ декламацію на нравственныя темы. Появленіе рѣзкой критики Жоффруа оказалось спасительнымъ. Нужно было противодѣйствовать испорченному вкусу публики, напоминать о томъ, чѣмъ было и должно снова стать искусство, нужно было начать съ борьбы, чтобы очистить путь художественному творчеству иного рода. Если могъ свершиться въ теченіе короткаго времени переходъ отъ сухого вольтеріанства во французской литературѣ къ пафосу Шатобріана и романтизму съ его преобладаніемъ чувства надъ разсудочностью, то заслуга этой метаморфозы въ значительной степени принадлежитъ критикѣ, занимавшей въ то время боевое положеніе. Переломъ двухъ литературныхъ эпохъ, переходъ отъ безплоднаго умствованія къ живому творчеству совершился прежде всего въ журнальной критикѣ, открывшей походъ противъ всесильнаго еще въ то время вольтеріанства. Литературная критика XIX в. зародилась при довольно

необычайныхъ условіяхъ. Она не была спутницей художественнаго творчества, какъ это бываетъ въ періоды литературнаго процвѣтанія, когда критикъ формулируетъ то, что̀ на его глазахъ создаютъ геніи: напротивъ того, она уничтожала современную ей литературу только во имя своихъ отвлеченныхъ идеаловъ и создавала эстетическія формулы тоже отвлеченнымъ путемъ, нѣ имѣя образцовъ въ творчествѣ своихъ современниковъ. Другая особенность критики того времени—ея борьба противъ философіи. Въ наше время критика пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе философскій характеръ, стремится раскрыть философскую первооснову въ мѣняющихся формахъ прекраснаго; странно поэтому, что началомъ этой критики былъ протестъ противъ философіи. Но это объясняется, конечно, характеромъ философіи XVIII вѣка. Жоффруа боролся не противъ того, чтобы художественныя произведенія имѣли идейный замыселъ, а противъ разсудочнаго элемента, застилающаго собой всякую поэзію въ драмахъ Вольтера и его школы. Для драматурговъ того времени весь смыслъ произведенія сводился къ тирадамъ на разныя темы, къ обличеніямъ духовенства, знати, къ проповѣди нравственныхъ истинъ, давно уже сдѣлавшихся общими мѣстами. Борьба противъ этого паразитнаго элемента въ искусствѣ сдѣлала Жоффруа въ глазахъ его современниковъ врагомъ философіи и защитникомъ іезуитовъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ оставался только въ области чисто литературныхъ интересовъ и стремился оградить искусство отъ чуждыхъ ему полемическихъ цѣлей.

Въ періодъ господства надъ умами идей Вольтера критика должна была возникнуть какъ средство противъ переживаемаго Франціей кризиса въ искусствѣ. Общественныя условія той эпохи также благопріятствовали возникновенію критики. XVIII вѣкъ былъ во Франціи вѣкомъ утонченной культуры. Свѣтское общество было въ высшей степени образовано и обнаруживало какъ интересъ, такъ и пониманіе въ области литературы и искусства. Всякій имѣлъ свое мнѣніе о появляющейся новинкѣ на сценѣ или въ литературѣ, и если отзывъ профессіональнаго критика и читался въ обществѣ съ интересомъ, то онъ служилъ скорѣе провѣркой уже сложившагося среди салонныхъ разговоровъ общественнаго мнѣнія. Художественные интересы были отличительной чертой XVIII вѣка, несмотря на отсутствіе правильныхъ критеріевъ въ сужденіяхъ объ искусствѣ, и не нужно было авторитетнаго голоса критики для того, чтобы направлять вкусы общества.

Революція измѣнила составъ общества и эмиграція разсѣяла по всѣмъ угламъ Европы славящуюся своими знаніями и остроуміемъ аристократію XVIII вѣка. При директоріи свѣтское общество состояло изъ политическихъ или денежныхъ выскочекъ, занятыхъ дѣлами или

политикой. Они считали долгомъ своего положенія имѣть мнѣнія въ области художественной, и въ то время какъ до революціи свѣтскіе люди все знали, ничему не учась, во Франціи первыхъ лѣтъ нашего вѣка обнаруживается страстное желаніе учиться и набираться мнѣній. Общество стало внимательной аудиторіей и для критики открылось широкое поле дѣятельности.

Отвѣчая новымъ потребностямъ измѣнившагося въ своемъ составѣ общества, критика сдѣлалась полемической, насколько ей приходилось бороться съ прошлымъ, и догматической, насколько ей приходилось поучать невѣжественную публику. Полемъ дѣятельности критики становится журналъ и газета, пресса начинаетъ занимать выдающееся мѣсто въ выработкѣ общественнаго мнѣнія и одна изъ первыхъ газетъ начинающагося вѣка, „Journal des Débats“, создаетъ новую форму критическихъ отзывовъ — главнымъ образомъ о театрѣ, — театральный фельетонъ. Первымъ фельетонистомъ „Journal des Débats“ былъ Жюльенъ Жоффруа, котораго при жизни называли „Le père Feuilleton“. Жоффруа былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для начатаго имъ новаго литературнаго жанра. По воспитанію и эрудиціи онъ принадлежалъ XVIII вѣку такъ же, какъ и по самой жизни. Родившись въ 1743 г., онъ умеръ въ 1814 г. Бретонецъ родомъ, упрямый, вдумчивый и нѣсколько мечтательный, какъ вся эта раса моряковъ, Жоффруа получилъ клерикальное образованіе въ знаменитой Реннской коллегіи іезуитовъ, но не вступилъ въ духовное званіе; его часто называли—въ особенности враги его—аббатомъ Жоффруа, хотя онъ только носилъ нѣсколько лѣтъ то, что̀ называлось „petit collet“, полусвященническую одежду, не обязывающую къ произнесенію обѣтовъ. Онъ былъ долгое время профессоромъ риторики, прежде чѣмъ занялся литературой. Въ 1776 г., когда умеръ Фреронъ, издатель „Année Littéraire“, Жоффруа заступилъ его мѣсто и въ самый разгаръ господства Вольтера началъ противодѣйствовать его вліянію въ области театра и литературы вообще. Отъ 1776 до 1790 г. Жоффруа велъ критическій отдѣлъ „Année Littéraire“ и далъ за это время цѣлый рядъ статей, составляющихъ цѣльную эстетическую теорію; въ оппозиціи съ общимъ духомъ современной ему литературы Жоффруа нашелъ удобное средство формулировать свое собственное пониманіе задачъ литературы и искусства. Онъ отстаиваетъ прежде всего права и высокую задачу критики. „Пусть,—говоритъ онъ,—чужія нація и будущія поколѣнія по крайней мѣрѣ знаютъ, что жалкія произведенія, составляющія позоръ нашей литературы, не пользовались одобреніемъ своихъ современниковъ“. Онъ понялъ необходимость исторической критики и требуетъ, чтобы о древнихъ классикахъ судили, принимая во вниманіе характеръ ихъ времени, условія греческой

жизни. Во Франціи, издавна замкнутой въ изученіи исключительно своей собственной культуры, Жоффруа проповѣдуетъ необходимость знанія иностранныхъ литературъ—онъ требуетъ отъ критика широкихъ историческихъ знаній и пониманія чуждыхъ цивилизацій, потому что только путемъ сопоставленій можно понять сущность литературныхъ явленій. Относительность литературныхъ явленій является для Жоффруа ихъ главной чертой, и для правильной оцѣнки литературнаго произведенія онъ считаетъ необходимымъ возстановить историческія условія, въ которыхъ оно возникло. Историческій методъ Тэна въ значительной степени подготовленъ этими сужденіями, похороненными въ забытомъ журналѣ XVIII вѣка.

Но значеніе историческихъ условій не кажется Жоффруа абсолютнымъ. Онъ отличаетъ то, что̀ даетъ исключительно натура писателя, отъ того, что̀ создается только культурнымъ вліяніемъ. Говоря о Данте и сопоставляя его съ Вольтеромъ, Жоффруа проводитъ интересную параллель между геніальностью и вкусомъ, замѣняющимъ природный талантъ и силу. „Геній,—говоритъ онъ,—дитя природы, независимое отъ условій времени и мѣста. Онъ зарождается собственной силой и его можно узнать по оригинальности его путей и смѣлости его порывовъ. Напротивъ того, вкусъ—удѣлъ утонченныхъ вѣковъ, результатъ долгихъ вѣковъ культуры. Счастливъ, конечно, писатель, рождающійся въ такую эпоху. Но если у него нѣтъ ничего, кромѣ вкуса, какая пропасть отдѣляетъ его все-таки отъ генія! Нужно помнить, что мы должны вѣчно преклоняться передъ геніемъ, каковы бы ни были тѣни, затемняющія его сіяніе. Нельзя обвинять Шекспира въ томъ, что онъ не былъ современникомъ Попа и Драйдена, или Корнеля въ томъ, что онъ не писалъ съ изысканной граціей Расина".

Какъ изумительно встрѣтить у писателя, живущаго среди пышнаго разцвѣта вкуса, такое пониманіе второстепенности вкуса и культурныхъ формъ, когда дѣло касается внутренняго содержанія искусства! Это умѣнье судить свой вѣкъ во имя новой эстетики, еще не воплощенной въ произведеніяхъ искусства, сказывается у Жоффруа главнымъ образомъ въ его сужденіяхъ о Вольтерѣ. Жоффруа въ сущности не врагъ философіи, какимъ его считали. Онъ ополчается только противъ декламаціонной философіи, которая свирѣпствовала въ современномъ ему театрѣ. Онъ противопоставляетъ ей болѣе глубокое пониманіе философскихъ задачъ въ искусствѣ и высказываетъ истины, подъ которыми охотно подписались бы нѣкоторые критики нашихъ дней. Такъ, въ „Discours sur l'influence de la philosophie sur les lettres" Жоффруа утверждаетъ, что философія всегда освѣщала геній своимъ свѣтомъ и внушала ему идеи, которыя онъ украшалъ и возвеличивалъ. Но философія, т.-е., какъ еѐ понималъ Жоффруа,

отвлеченныя истины и пониманіе человѣческой души и долга нравственности, совершенно отлична отъ „философскаго хитроумія“ (esprit philosophique), которое по существу своему прямо противоположно генію, образующему поэтовъ и ораторовъ. Esprit philosophique Жоффруа называлъ скептицизмъ и оригинальничанье, введенное въ моду Фонтенеллемъ и Ламоттомъ и состоявшее въ аффектированномъ остроуміи, въ смѣси риторическихъ пріемовъ и общихъ мѣстъ, въ разсудочности, убивающей поэзію, въ краснорѣчіи, убивающемъ мысль. Вольтеръ—самый блестящій примѣръ этого философскаго духа, чуждаго истинной философіи, и Жоффруа, разбирая каждую драму Вольтера, каждое его произведеніе, ведетъ борьбу противъ принциповъ цѣлой литературной эпохи. Одинъ досужій критикъ времени Жоффруа, сотрудникъ „Journal de Paris“, высчиталъ, что до 1813 года Жоффруа посвятилъ Вольтеру 7237 статей и замѣтокъ. „Митуфлэделле-Пакодьеръ (такъ звали сотрудника Journal de Paris) совершилъ напрасно свой утомительный разсчетъ,—говоритъ Дегранжъ:—гораздо проще и столь же вѣрно сказать, что въ каждомъ фельетонѣ Жоффруа идетъ рѣчь о Вольтерѣ“. Въ самомъ дѣлѣ, война противъ Вольтера, т.-е. противъ идей XVIII вѣка, противъ безплоднаго для искусства скептицизма и остроумія, составляетъ главный смыслъ критики Жоффруа. Еще въ полномъ разгарѣ XVIII вѣка, работая въ „Année Littéraire“, онъ очищалъ путь будущему романтизму, стремился внести новое настроеніе, показать внутреннюю пустоту блестящихъ фейерверковъ остроумія и возбудить интересъ къ иному искусству, не забавляющему досуги праздныхъ дилеттантовъ, а отражающему правду человѣческой души.

До революціи характеръ статей Жоффруа—скорѣе полемическій. Начало XIX вѣка создаетъ иныя обстоятельства: критикъ начинаетъ чувствовать за собой новое молодое искусство, соотвѣтствующее его идеямъ, и тонъ его становится болѣе догматичнымъ—онъ даетъ формулы, опираясь на примѣры въ текущей литературѣ. Самое время революціи было тяжелымъ для Жоффруа: онъ былъ уличенъ въ сотрудничествѣ въ монархической газетѣ „Ami du Roi“, скрывался въ провинціи, былъ учителемъ въ провинціальномъ лицеѣ, и только въ 1800 г. Бертенъ, начавшій издавать „Journal des Débats“, разыскалъ его въ его изгнаніи и привезъ съ собой въ Парижъ. Съ этого времени и до самой смерти въ 1814 г. Жоффруа ежедневно писалъ въ „Journal des Débats“. Его фельетоны доставили ему широкую популярность, при чемъ строгость его сужденій создала ему множество враговъ. Нападки на Жоффруа со стороны его литературныхъ противниковъ свидѣтельствуютъ о грубости нравовъ того времени; насмѣшки и каррикатуры носятъ личный характеръ, критика упре-

каютъ въ подкупности, въ пьянствѣ, смѣются надъ растянутостью нѣкоторыхъ фельетоновъ, надъ разнорѣчивыми сужденіями объ одномъ и томъ же вопросѣ и т. п. Личныя нападки и литературныя возраженія переплетаются, показывая, главнымъ образомъ, силу и вліяніе критика, возбуждавшаго столь же сильную вражду, какъ и симпатіи.

Критическая сторона фельетоновъ Жоффруа въ „Journal des Débats" очень интересна, какъ дальнѣйшее развитіе его теорій, уже высказанныхъ въ „Année Littéraire". Онъ является во многихъ отношеніяхъ предшественникомъ лучшихъ критиковъ нашего вѣка и высказываетъ взгляды, которые повторяются потомъ смѣнившими его въ „Journal des Débats" критиками. Такъ, онъ отстаиваетъ естественность и правду въ искусствѣ, борется противъ театральныхъ эффектовъ, противъ „интересности" фабулы, достающейся цѣной правдоподобія, изгоняетъ аллегорію и элементъ чудеснаго,—требуетъ прежде всего изученія характеровъ, вѣрности въ изображеніи жизни и искренняго пафоса, созданнаго вѣрой. Другими словами, реализмъ изображенія, психологическій анализъ, а также идеализмъ замысла и настроенія являются у основателя критическаго фельетона такими же коренными требованіями отъ литературныхъ произведеній, какъ и у критиковъ нашего времени.

Но Жоффруа—не только родоначальникъ критическихъ идей Франціи въ XIX вѣкѣ. Онъ же создалъ литературную форму, сдѣлавшуюся крайне популярной. Литературный фельетонъ, сочетающій серьезность содержанія съ легкостью формы, пришелся особенно по вкусу французской публикѣ, которая схватываетъ идеи на лету и противится сосредоточенной работѣ мысли. Но едва ли можно быть благодарнымъ основателю этой полу-литературной формы, вносящей въ серьезную область эстетики суетливый характеръ ежедневной печати. Уже при Жоффруа слышались нападки на безсодержательность, водянистость фельетоновъ, которые обязательно должны были наполнять нѣсколько столбцовъ газеты отчетомъ о пьесахъ, часто не стоющихъ обсужденія. Послѣ Жоффруа эти недостатки фельетонной формы стали еще болѣе явственными и занимательность изложенія постепенно замѣняетъ литературный интересъ содержанія.

Наслѣдниками Жоффруа въ „Journal des Débats" были Жюль Жаненъ, Жюль Вейсъ, Жюль Леметръ и въ настоящее время Эмиль Фаге. Авторъ разбираемой книги о Жоффруа устанавливаетъ преемственную связь между этими смѣнявшими другъ друга критиками и справедливо видитъ у Жоффруа зачатки критическихъ идей и пріемовъ его преемниковъ.

II.

Dr. Maurice de Fleury. Introduction à la médecine de l'esprit. Paris, 1897. Стр. 477.

Уже много лѣтъ вопросы медицины трактуются въ литературѣ; цѣлая литературная школа возникла на почвѣ научно-медицинскихъ ученій; Зола и другіе натуралисты считаютъ своими учителями Клода Бернара на ряду съ Бальзакомъ. Медицина, какъ бы въ отвѣтъ на это, стала въ свою очередь съ особеннымъ интересомъ относиться къ литературѣ и черпать изъ нея матеріалъ для научныхъ и практическихъ выводовъ. Особенно съ того времени, какъ изученіе нервныхъ болѣзней получило столь широкое развитіе, литература и въ особенности сами писатели сдѣлались излюбленнымъ объектомъ медицинскихъ изслѣдованій. Итальянская школа Ломброзо съ его ученіемъ о геніальности и помѣшательствѣ, парадоксальная книга Макса Нордау, превратившаго всю современную литературу въ обширный госпиталь, книга д-ра Тулуза и Зола, все это результатъ стремленія связать столь далекія по цѣлямъ и средствамъ области, какъ медицина и литература. Книга д-ра Флёри относится къ тому же разряду.

Опытъ натуралистической школы показалъ, что излишекъ научности пагубно отзывается на искусствѣ, превращая художественныя произведенія въ клиническіе эксперименты. Когда же практическая наука силится распространить свои средства и пріемы на неподвластную ей область искусства, она становится бездоказательной. Въ особенности это примѣнимо къ медицинѣ. Цѣли ея настолько различны отъ цѣлей искусства, что критеріи ея очевидно непримѣнимы къ оцѣнкѣ литературныхъ явленій. Если мы даже согласимся съ Ломброзо, что геній и помѣшательство однородны, то съ точки зрѣнія искусства это ничего не измѣнитъ, потому что важна лишь художественная сторона созданнаго произведенія, между тѣмъ какъ медикъ стремится къ равновѣсію физическихъ силъ и всякое отклоненіе отъ нормы въ ту или другую сторону ему кажется одинаково вреднымъ. Литературу эти медицинскіе выводы не интересуютъ,—еслибы даже они были вѣрны. Ея цѣль—совершенство художественныхъ произведеній, ихъ нравственное значеніе, а не состояніе здоровья писателей.

Новая книга д-ра Флёри въ своей теоретической части обнаруживаетъ такое же превышеніе компетенціи. При всей своей осмотрительности, при повторяемомъ желаніи только давать совѣты людямъ, занятымъ интеллектуальнымъ трудомъ, при всей своей рѣшимости избѣгать выводовъ, Флёри подходитъ къ разрѣшенію отвлеченныхъ вопросовъ медицинскимъ путемъ. Долгій клиническій опытъ, а также пока-

занія разныхъ знаменитыхъ писателей вѣка дали ему возможность убѣдиться, что физическое состояніе имѣетъ воздѣйствіе на нравственное и что извѣстнаго рода гигіена души поднимаетъ работу мысли. Но онъ не останавливается на этихъ частичныхъ выводахъ, а дѣлаетъ обобщенія, показывающія неумѣнье классифицировать явленія, отдѣлить отвлеченныя понятія отъ ихъ непосредственнаго отраженія на самочувствіи людей. Пессимистическая философія часто разстраиваетъ нервы, омрачаетъ состояніе духа, и изъ этого Флёри, какъ многіе другіе медики, дѣлаетъ выводъ, что пессимизмъ есть слѣдствіе извѣстнаго состоянія организма. Отъ феноменовъ неврастеніи, столь распространенной въ современномъ обществѣ, Флёри прямо переходитъ къ нео-католицизму и буддизму, какъ слѣдствіямъ болѣзненнаго состоянія. Онъ не отдѣляетъ философскихъ и религіозныхъ ученій отъ ихъ воздѣйствія на физическое состояніе и не принимаетъ во вниманіе самостоятельнаго существованія истинъ, независимо отъ того, дѣйствуютъ ли они благотворно или пагубно на изслѣдователей. Флёри говоритъ вполнѣ серьезно о „медицинской критикѣ“ какъ дополненіи къ существующимъ уже критическимъ методамъ. Такъ какъ у современныхъ французскихъ критиковъ замѣтна сильная склонность къ дилеттантизму, такъ какъ они болѣе всего избѣгаютъ опредѣленныхъ сужденій и боятся „наклонить вѣсы въ ту или другую сторону“, то тамъ, гдѣ присяжная критика не знаетъ какъ разобраться, почему не ввести медицину? Она сейчасъ же рѣшитъ вопросъ, „нормаленъ“ или „ненормаленъ“ авторъ, и изъ этого выведетъ заключеніе о произведеніи.

Флёри отказывается отъ союза съ Ломброзо и Нордау,—и тотъ и другой кажутся ему парадоксальными, опирающимися на недостаточно широкія наблюденія. Наука, которую хочетъ основать Флёри въ своемъ обширномъ „Введеніи“, строго держится экспериментальнаго метода. Но, говоря о своихъ цѣляхъ, онъ тотчасъ смѣшиваетъ явленія противоположнаго характера и ставитъ ихъ въ зависимость одно отъ другого. Онъ считаетъ своимъ предшественникомъ молодого д-ра Тулуза, который прославился книгой о Зола. Хотя Тулузъ и удерживается въ своемъ изслѣдованіи отъ эстетическихъ выводовъ, Флёри приписываетъ ему желаніе основать новый критическій методъ, „положить начало научной критикѣ, производимой докторомъ-психологомъ, который не ограничится изученіемъ мозга писателя, а неминуемо придетъ къ анализу самыхъ произведеній“. Флёри приводитъ длинное письмо Тулуза, въ которомъ послѣдній очень опредѣленно говоритъ о своихъ медицинско-литературныхъ цѣляхъ. Эстетика, по его мнѣнію, только вѣтвь психологіи, и къ ней примѣнимы тѣ же методы. Поэтому критика должна быть главнымъ образомъ „техно-генической“, т.-е. изучать зарожденіе произведенія искусства; а для этого психологъ или даже,

вѣрнѣе, физіологъ имѣетъ наиболѣе средствъ въ своемъ распоряженіи. Зола далъ знаменитую формулу: „искусство—это природа, отраженная въ индивидуальномъ темпераментѣ художника", и на это опредѣленіе Тулузъ преимущественно и ссылается. Изученіе темпераментовъ—дѣло точной науки, и къ нему онъ сводитъ всѣ задачи эстетики. Флёри не далеко уходитъ отъ такого близорукаго пониманія критики. Онъ видитъ, что въ современномъ искусствѣ есть много патологическихъ явленій, и что извѣстное нервное состояніе ведетъ за собой склонность къ тѣмъ или другимъ философскимъ ученіямъ и литературнымъ формамъ. Какъ медикъ, онъ чувствуетъ себя способнымъ судить о болѣзненности послѣдователей разныхъ ученій, и это право можно за нимъ оставить. Но онъ не замѣчаетъ, до чего его приговоры о болѣзненности и нормальности чужды литературѣ,—они только показываютъ, что есть явленія, которыя нужно изъять изъ литературы и отнести къ медицинѣ. Когда Мопассанъ, и послѣ него Ницше стали объектами медицинскихъ наблюденій, они умерли для литературы, и произведенія ихъ лишь настолько подвластны медицинѣ, насколько она можетъ открыть въ нихъ слѣды болѣзни, т.-е. чего-то вполнѣ анти-литературнаго. Изъ того, что нѣкоторые французскіе неврастеники находятъ отраду для себя въ буддизмѣ, нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ для буддизма, а только эти выводы интересуютъ философію. Невропаты же, сдѣлавшіеся послѣдователями буддизма, остаются въ вѣдомствѣ врачей по нервнымъ болѣзнямъ, и литература не старается присвоить ихъ себѣ.

Всѣ новѣйшія попытки медицины вторгнуться въ литературу основаны на недоразумѣніи. Литература по своимъ идеаламъ и настроеніямъ до того далека отъ матеріальныхъ интересовъ медицины, что всякій чуждый элементъ, попадающій въ нее, сразу бросается въ глаза. Чисто патологическія явленія, конечно, слѣдуетъ удалять изъ литературы, но, судя о нихъ, медицина не должна считать себя судьей въ вопросахъ литературныхъ.

Флёри приводитъ примѣръ, указывающій, по его мнѣнію, значеніе медицины для литературы. Онъ говоритъ объ интересной параллели между безсознательнымъ и сознательнымъ элементами творчества, между интуитивнымъ творчествомъ и разсудочнымъ, т.-е., другими словами, между художественнымъ творчествомъ и критикой.

Въ сущности вопросъ о томъ, кто выше, художникъ или критикъ, довольно праздный. Литература не табель о рангахъ, и нѣтъ разницы въ томъ, совершается ли вкладъ въ нее путемъ образнаго творчества или анализа идей и явленій. Но даже въ этомъ несущественномъ вопросѣ медицина не способствуетъ рѣшенію. Флёри дѣлаетъ ана-

томическій рисунокъ, и показываетъ, что въ мозгу человѣка, не обладающаго обширными знаніями, слуховыя и зрительныя ощущенія сохраняются во всей своей цѣлости и таковыми же отражаются въ его творчествѣ, между тѣмъ какъ научный багажъ критика и ученаго образуетъ извилины, и, проходя черезъ нихъ, впечатлѣнія внѣшняго міра видоизмѣняются, вызываютъ сопоставленія съ аналогичными явленіями, воспринятыми раньше, такъ что вмѣсто непосредственнаго образа получается обобщеніе, сужденіе.

Что доказываетъ это графическое объясненіе и безъ того совершенно понятнаго процесса? Очевидно, что художникъ болѣе непосредственно воспринимаетъ явленія внѣшняго міра, чѣмъ критикъ и ученый, оперирующій надъ болѣе сложнымъ матеріаломъ отвлеченныхъ идей. Но почему бы одинъ изъ этихъ путей умственной жизни былъ выше другого? Флёри также не можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ не отвѣтилъ бы на него критикъ или историкъ литературы. Онъ говоритъ въ заключеніи, что слѣдуетъ наиболѣе полно развивать всѣ стороны мозговой дѣятельности и ссылается на примѣръ писателей, бывшихъ одновременно и художниками и критиками. Этотъ совѣтъ не приводитъ къ какимъ-либо литературнымъ заключеніямъ.

Теоретическая сторона книги Флёри полна произвольныхъ заключеній, и, формулируя ученіе о медицинской критикѣ, онъ только болѣе показываетъ, какъ еще далека медицина отъ пониманія литературы. Но въ изслѣдованіи Флёри есть другая, чисто практическая сторона, и въ ней заключается главный интересъ книги. Флёри—не врагъ и судья литературы, подобно Максу Нордау, а напротивъ того, другъ писателей. Онъ основательно изучилъ нѣкоторыя внѣшнія условія творческой дѣятельности и составилъ крайне любопытную гигіену ума и души. Всякій работникъ пера съ интересомъ и пользой прочтетъ ее и сможетъ извлечь практическія правила для собственнаго употребленія. Въ особенности интересны главы, посвященныя лѣни, грусти, злобѣ—и леченію ихъ.

Говоря о лѣни, Флёри разрушаетъ столь распространенный предразсудокъ о томъ, что нельзя регулировать творческую работу мысли, что писать можно только когда приходитъ вдохновеніе и т. д. Флёри не берется лечить людей лѣнивыхъ по природѣ. Они не больны, потому что ихъ ничто не мучитъ и они не ищутъ исхода изъ своего состоянія. Но есть масса людей съ больной волей, терзаемыхъ неумѣньемъ работать, работающихъ порывами, и вѣчно переходящихъ отъ одной крайности къ другой, отъ праздности къ переутомленію. Флёри показываетъ разрушительное вліяніе такой работы для организма и множествомъ примѣровъ доказываетъ, что наиболѣе плодовитые писатели строго держались извѣстной умственной гигіены,

которую онъ рекомендуетъ всѣмъ. Правильная работа, не превышающая нѣсколькихъ часовъ въ сутки, даетъ болѣе удовлетворительные результаты даже въ количественномъ отношеніи, чѣмъ безпорядочная работа въ часы вдохновенія, прерываемая долгими промежутками ничего недѣланія.

Флёри рекомендуетъ работать по утрамъ. Предрасположеніе къ лѣни побѣждается лучше всего въ самой основѣ. Если съ самаго утра, прежде чѣмъ начать что-либо другое, сѣсть на два часа за работу, то не останется времени для лѣни. И собравъ показанія множества писателей, Флёри утверждаетъ, что утренняя работа — самая плодотворная. Умственное напряженіе такъ же, какъ и мускульное, требуетъ упражненія. Нужно, чтобы образовалась привычка работать въ извѣстные часы. Пока воля должна вызывать эту привычку и вліять на возбужденіе мозговой дѣятельности, утомленіе несомнѣнно будетъ сильнѣе, но все дѣло въ томъ, чтобы внести нѣкоторую автоматичность въ движенія мысли, заставить ее сосредоточиваться въ опредѣленное время; тогда исчезнетъ всякое напряженіе и умственныя силы будутъ проявляться въ своемъ максимумѣ и во всей ясности, на которую онѣ способны. Многіе изъ самыхъ плодовитыхъ французскихъ писателей—Бальзакъ, Зола и др., говорили, что они лѣнивы по природѣ и что только борьба съ лѣнью заставляла ихъ работать въ извѣстные часы и тѣмъ самымъ убѣдиться въ преимуществѣ регулярнаго труда. Зола, выпускающій ежегодно объемистый романъ листовъ въ 30, работаетъ не болѣе трехъ часовъ по утрамъ, тотчасъ же вставъ съ постели. Днемъ и вечеромъ онъ уже только подготовляетъ матеріалы или занятъ прогулкой и посторонними дѣлами. Ж. Зандъ была такъ регулярна въ работѣ, что, какъ разсказываютъ про нее, кончая одинъ романъ, она тотчасъ же начинала другой, если оставалось время въ посвященные работѣ часы. Само собой разумѣется, что правильные часы работы не регулируютъ вдохновенія. Первоначальный процессъ творчества совершается незамѣтно, во всѣ часы существованія. Дѣло идетъ только о самомъ исполненіи, о процессѣ писанія. Правильность рабочихъ часовъ — необходимое условіе плодотворной работы; и все, что Флёри говоритъ о распредѣленіи рабочихъ часовъ В. Гюго, Бальзака, Зола, а въ прошломъ — Гёте, подтверждаетъ это. Всѣ эти неутомимые работники посвящали труду лишь нѣсколько утреннихъ часовъ въ день, но правильность работы приводитъ къ поражающимъ результатамъ. Флёри пользуется этими примѣрами, чтобы ободрить людей съ слабой волей и заставить ихъ начинать день побѣдой надъ лѣнью. Онъ идетъ еще дальше въ развитіи своей гигіенической программы, регулируетъ часы ѣды и движенія, составъ пищи и т. д. Но это уже имѣетъ цѣлью борьбу противъ болѣзней, связан-

ныхъ съ напряженіемъ нервной системы, и возстановленіе общей гармоніи силъ, необходимой для умственной работы.

Отъ гигіены ума, въ высшей степени понятной и примѣнимой въ жизни всякаго, кто занятъ интеллектуальнымъ трудомъ, Флёри переходитъ къ болѣе сложному вопросу—о гигіенѣ души. Настроенія и чувства онъ также ставитъ въ зависимость отъ физическихъ условій. Главный факторъ настроеній — давленіе сердца на стѣнки сосудовъ. Чѣмъ давленіе выше, тѣмъ состояніе духа бодрѣе и тѣмъ сильнѣе жизнеспособность человѣка; при пониженіи давленія являются грустныя настроенія, доходящія постепенно до ощущеній страха, ужаса и, наконецъ, полнаго упадка душевныхъ силъ. Нравственныя причины сами по себѣ не могутъ понизить давленія. Напротивъ того, всякія ощущенія, пріятныя, равно какъ и печальныя, только увеличиваютъ давленіе—и только въ томъ случаѣ, если получающійся избытокъ силъ не прикладывается къ какому-нибудь дѣйствію, онъ превращается въ чисто нервныя явленія и вызываетъ или слезы, крики, или молчаливый упадокъ жизненности. Печальное событіе—такой же кризисъ въ дѣятельности, какъ и радостное, и требуетъ немедленнаго отраженія въ дѣйствіи, для того, чтобы не стать источникомъ страданій. Отсюда прямой выводъ для леченія грусти — поднятіе активности, удаленіе праздности. Если же упадокъ давленія сердца вызванъ не нравственными, а физическими причинами, то Флёри рекомендуетъ терапевтическія средства—главнымъ образомъ подкожныя впрыскиванія соли.

Методъ Флёри прежде всего, конечно, поражаетъ своей оригинальностью. Насколько онъ вѣренъ и примѣнимъ, могутъ судить медики, примѣнявшіе его къ леченію неврастеніи. Во всякомъ случаѣ, онъ интересенъ практически. „Лечить пессимизмъ“ соляными впрыскиваніями было бы нелѣпо уже потому, что пессимизмъ—не болѣзнь, а отвлеченное міросозерцаніе. Но если люди отъ различныхъ причинъ—между прочимъ и подъ вліяніемъ идейныхъ сомнѣній и разочарованій—расшатали нервы, то лечить физическое состояніе указанными средствами вполнѣ разумно. Отъ этого не измѣнится вѣрность установившагося міросозерцанія, но поднимется давленіе сердца, и умственная работа станетъ болѣе ясной и менѣе утомительной. Гигіена нервовъ окажется весьма полезной; но она не простираетъ свою компетенцію на разрѣшеніе отвлеченныхъ вопросовъ и не опредѣляетъ критерія въ искусствѣ.

Точно также интересны взгляды Флёри на усталость, которую онъ лечитъ не столько отдыхомъ, сколько разумно организованнымъ трудомъ. Онъ устанавливаетъ какъ принципъ, что движеніе и работа утомляютъ лишь насколько въ нихъ входитъ элементъ воли. Самое же мускульное движеніе, сдѣлавшись автоматичнымъ, совер-

шенно не напрягаетъ, и, напротивъ, увеличиваетъ силы, упражняя ихъ. Поэтому нужно побѣждать усталость трудомъ, обращеннымъ въ привычку; то усиліе, которое необходимо каждый разъ, чтобы приняться за работу, войти въ нее, наиболѣе утомляетъ. Удалите его, сдѣлайте работу привычной для извѣстнаго промежутка времени, и усталость исчезнетъ сама собой.

Говоря объ усталости, лѣни и нервныхъ настроеніяхъ, Флери остается въ области медицины, и совѣты его несомнѣнно прочтутся съ большимъ интересомъ. Но когда онъ переходитъ въ область чувствъ и „лечитъ отъ любви", какъ отъ нервнаго припадка, то недостатки его системы бросаются въ глаза: событія міра душевнаго сводятся къ физическимъ ихъ проявленіямъ и тайна чувствъ и страданій оказывается разрѣшимой путемъ строгаго режима, душа, постепеннаго удаленія „объекта чувствъ" и т. д. Насколько медицинскіе совѣты Флёри кажутся соотвѣтствующими цѣли, настолько его вторженія въ чуждую область философіи и эстетики являются неосновательными и произвольными.

III.

Jules Bois, L'Eve Nouvelle. Paris. 1897. Стр. 380.

Франція отстала отъ другихъ странъ въ вопросѣ о женской свободѣ, и несмотря на то, что университеты открыты женщинамъ, что онѣ могутъ быть врачами, изучать юриспруденцію, получать широкое гуманитарное образованіе и т. д., француженка до сихъ поръ—существо крайне несамостоятельное, окованное массой общественныхъ предразсудковъ—и, что̀ самое главное, подчиняющееся имъ безъ протеста. Въ этомъ, конечно, все дѣло. Свобода личности не можетъ быть достигнута внѣшними средствами. Принципы гражданской свободы дѣлали невозможнымъ дальнѣйшее устраненіе женщинъ отъ источниковъ образованія и занятій либеральными профессіями. Женская эмансипація передъ закономъ непремѣнно вытекаетъ изъ общихъ принциповъ французской конституціи. Она еще далеко не свершилась вполнѣ, сдѣланы лишь первые шаги на пути уравненія женскихъ правъ съ мужскими, но несомнѣнно, что должны будутъ послѣдовать всѣ остальные, вплоть до предоставленія женщинамъ права подачи голоса. Нельзя себѣ представить, чтобы въ государствѣ, основанномъ на принципахъ равенства и свободы, половина взрослаго населенія очутилась въ положеніи подчиненныхъ, зависимыхъ отъ чужого произвола существъ.

Эта культурная необходимость реформы въ положеніи женщинъ пони-

мается пока лишь незначительнымъ меньшинствомъ во Франціи;то, что должно было бы стать общимъ дѣломъ, является пока дѣломъ партіи, дѣломъ такъ называемыхъ „феминистовъ“ и „феминистокъ“. Нѣсколько смѣлыхъ и энергичныхъ женщинъ стоятъ во главѣ движенія, распространяютъ его во всѣхъ слояхъ общества, организуютъ союзы взаимопомощи, ведутъ пропаганду, борются съ враждебными элементами въ прессѣ и въ обществѣ и т. д.

Недавно умершая Марія Дерэмъ (Desreismes), ученая Клемансъ Ройе, m-me de Пейрбрюнъ, m-me Шмаль, наша соотечественница г-жа Ольга Безобразова, ведущая пропаганду „феминизма“ во Франціи, а также множество чисто-политическихъ дѣятельницъ, стоящихъ во главѣ разныхъ комитетовъ, газетъ и спеціальныхъ изданій, составляютъ активную армію феминизма, т.-е. борьбы за права женщинъ во Франціи. Нѣсколько писателей и общественныхъ дѣятелей, очень немного, примыкаютъ къ нимъ, и Жюль Буа, авторъ „Eve Nouvelle“, принадлежитъ къ ихъ числу. Какъ ни малочисленна эта группа феминистовъ, они работаютъ съ большой энергіей въ сознаніи, что на ихъ сторонѣ законъ прогресса, что дѣло освобожденія женщинъ должно свершиться даже не во имя страдающей отъ своей подчиненности женщины, а во имя человѣческаго достоинства самихъ мужчинъ. Быть можетъ, конечная равноправность женщины настанетъ еще не очень скоро,—но, стремясь осуществить его, феминисты слѣдуютъ только исторической необходимости и могутъ быть увѣрены въ успѣхѣ.

Но все это касается главнымъ образомъ внѣшнихъ проявленій свободы, того, что должно быть сдѣлано законами для женщинъ. Есть еще и другая сторона вопроса, быть можетъ наиболѣе существенная. Это—внутреннее освобожденіе, котораго женщина должна достигнуть сама для себя. Рабовъ можно освобождать тогда, когда на нихъ остались лишь внѣшнія оковы, когда они обрѣли уже нравственную свободу, пришли внутренно къ сознанію своей свободной личности. Относительно французской женщины эта свобода еще далеко не наступила, и книга Жюля Буа, адвоката женскихъ правъ, это очень ясно доказываетъ. Пока нужно будетъ для защиты женщины говорить о ней возвышеннымъ тономъ панегирика, какъ это дѣлаетъ авторъ „Eve Nouvelle“; ея нравственная слабость будетъ неизмѣнной. Ж. Буа доказываетъ; что женщина выше мужчины, что она божественна въ своей незамѣтной, блѣдной роли матери, жены и вѣчной жертвы мужского произвола, что свѣтъ культуры исходитъ изъ нея, потому что она зажгла первый очагъ, что она умѣла быть мученицей вѣры, и мученицей науки; что она достойна преклоненія, потому что она учится въ госпиталяхъ и мечтаетъ объ „излеченіи человѣчества отъ болѣзней“; онъ чувствуетъ восторгъ передъ женщиной, занимающейся

филантропіей, передъ женщиной ученой, передъ женщиной—жертвой мужского эгоизма, мученицей его грубыхъ инстинктовъ.

Читая его горячую защиту, написанную въ утомительно-приподнятомъ тонѣ, съ риторическими пріемами дурного вкуса, иностранный читатель увидитъ въ ней лишнее доказательство того, что въ свободной Франціи нѣтъ пониманія нравственной свободы. Пока дѣло идетъ о достиженіи гражданскихъ правъ, французы и француженки совершенно твердо и увѣренно идутъ къ цѣли, и, конечно, достигаютъ и достигнутъ ея. Но внутренняя свобода, та, которая проявлялась въ русской женщинѣ даже въ эпоху теремовъ или въ крѣпостномъ быту, непонятна и недоступна француженкѣ, также какъ чужда ей спокойная самостоятельность англосаксонской женщины. Француженка предпочитаетъ привилегіи избалованнаго ребенка правамъ свободнаго человѣка. За немногими исключеніями, француженка ничего не имѣетъ противъ роли дорогой игрушки, и только экономическія невзгоды заставляютъ ее искать опоры въ себѣ. Француженки скованы главнымъ образомъ своими же предразсудками; женская молодежь угнетается строгостью матери, а не отца. Женщина настаиваетъ на воспитаніи дочерей вдали отъ мужского общества и воспитываетъ въ молодыхъ дѣвушкахъ стремленіе къ выгодному замужеству, какъ главной цѣли ея существованія. Буржуазный духъ гораздо сильнѣе во французской женщинѣ, и ей непонятно чувство достоинства и довѣрія, которое позволяетъ англичанкѣ предоставлять полную свободу своей дочери и которое ограждаетъ русскую женщину во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Французская женщина довольна своей чисто женской властью надъ сердцами и занята только расширеніемъ этого рода силы. Средняя француженка чужда отвлеченныхъ интересовъ и не умѣетъ быть свободной въ отношеніяхъ къ людямъ; обстоятельства опредѣляютъ ея образъ жизни, а образъ жизни въ свою очередь исчерпываетъ душевный міръ. Поэтому во Франціи есть работницы, добродѣтельныя матери, легкомысленныя кокетки и прожигательницы жизни, но за всѣми этими, создаваемыми жизнью, типами не чувствуется индивидуальности, не чувствуется стихійнаго чувства свободы, безъ котораго всякая эмансипація останется внѣшней. Пока француженка будетъ нуждаться въ диѳирамбахъ, и не выкажетъ просто и спокойно своего человѣческаго достоинства, отрѣшившись отъ предразсудковъ и принимая участіе въ жизни не какъ героиня, а какъ равный членъ человѣческой семьи, изъ внутренняго побужденія, а не изъ внѣшняго тщеславія, до тѣхъ поръ свобода ея будетъ призрачной.

IV.

Brockhaus, Conversations Lexikon. 14-te vollständig neubearbeitete Auflage. Leipzig, 1897.

Вышедшимъ нынѣ XVII (дополнительнымъ) томомъ заканчивается новое, четырнадцатое, изданіе пользующагося всемірной извѣстностью энциклопедическаго словаря Брокгауза. Нельзя не позавидовать удивительной быстротѣ, съ которою настоящее изданіе замѣнило предъидущее, закончившееся всего только въ 1887 году; уже въ 1894 году было предпринято новое изданіе и вотъ оно закончено въ три года. Если вспомнить, что одновременно выходитъ шестымъ изданіемъ столь же капитальный энциклопедическій словарь Мейера, что недавно закончилось составленное по весьма оригинальной системѣ седьмое изданіе энциклопедическаго словаря Пирера, и что всѣ эти словари, несмотря на свою очень большую стоимость, расходятся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, то нельзя не придти въ изумленіе предъ удивительной силою нѣмецкаго образованія, способнаго окупить такую гигантскую издательскую производительность.

Четырнадцатое изданіе Conversations-Lexicon'a выпущено фирмой Брокгауза въ ознаменованіе столѣтняго существованія ея. Благодаря этому, оно отличается особенною роскошью внѣшняго выполненія и поражаетъ массою великолѣпныхъ картъ, плановъ, рисунковъ и въ особенности хромолитографій. Такою роскошью иллюстрацій никогда еще не былъ обставленъ ни одинъ словарь. Что касается текста, то главнымъ достоинствомъ его является полнота и свѣжесть свѣдѣній. Статистическія данныя—самыя послѣднія; всѣ новѣйшія изобрѣтенія, событія дня въ буквальномъ смыслѣ слова, все это уже зарегистровано въ словарѣ. Образчикомъ можетъ служить то, что въ статьѣ „Петербургъ“ приведены статистическія цифры 1895 г., и отмѣчено, что „Гражданинъ“ съ 1896 года превратился изъ ежедневной газеты въ еженедѣльную. Обращаютъ также на себя вниманіе въ „Дополненіи“ статья о Рѣнтгеновскихъ лучахъ, подробнѣйшее изложеніе результатовъ леченія противодифтеритной сывороткою, подробное изложеніе событій японско-китайской войны, отчетъ о закрывшейся всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ противочумной конференціи въ Венеціи и др. Очень много вниманія посвящено вопросамъ соціальнымъ. Самыя большія статьи тома отданы словамъ: „Agrarfrage“, „Arbeiterfrage“ и „Handwerkerfrage“. Въ предъидущихъ изданіяхъ словаря Брокгауза этимъ вопросамъ отведено всего нѣсколько столбцовъ,—теперь же цѣлые листы, и нельзя не видѣть въ этомъ очень характернаго знаменія времени.

Изъ статей о Россіи лучше всего обработаны географическія. Обстоятельны также статьи по новой русской исторіи и свѣдѣнія о государственныхъ людяхъ. Всего больше оставляетъ желать отдѣлъ новѣйшей русской литературы, страдающій случайностью выбора. (О старыхъ писателяхъ нашихъ имѣются хотя краткія, но очень точныя и содержательныя статьи). Въ дополнительномъ томѣ мы нашли шесть біографій русскихъ дѣятелей: трехъ министровъ, князя Хилкова, князя Лобанова-Ростовскаго, мин. вн. д. Горемыкина; затѣмъ изслѣдователя сѣвера покойнаго Сидорова и только двухъ писателей: В. Г. Короленко и князя Э. Э. Ухтомскаго. А между тѣмъ біографіи русскихъ писателей и ученыхъ требовали бы значительныхъ дополненій. Нѣтъ свѣдѣній о Глѣбѣ Успенскомъ, Вл. С. Соловьевѣ, Надсонѣ, Ѳ. И. Буслаевѣ, А. Н. Веселовскомъ и многихъ другихъ, не менѣе значительныхъ дѣятеляхъ, чѣмъ кн. Ухтомскій и Н. Н. Каразинъ, къ рисункамъ котораго примѣнены эпитеты: „Kühnheit und Schärfe der Zeichnung“.—S. W.

ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Письмо въ редакцію.

....Я только-что вернулся изъ московской губерніи, гдѣ былъ въ трехъ различныхъ мѣстностяхъ. Вернулся я съ тревожнымъ чувствомъ, которое охотно бы призналъ преувеличеннымъ...

Лѣтъ семь тому назадъ такія авторитетныя лица, какъ А. С. Ермоловъ (нынѣ министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ) и профессоръ геологіи, Докучаевъ, сообщили въ особыхъ книгахъ рядъ фактовъ и соображеній, доказывающихъ, что въ европейской Россіи, преимущественно въ ея срединной и юго-восточной частяхъ, уже долгое время совершается естественный (но искусственно облегчаемый) процессъ медленнаго и неравномѣрнаго, но постояннаго измѣненія почвенныхъ (а въ связи съ ними и атмосферическихъ) условій въ смыслѣ приближенія этихъ странъ къ типу средне-азіатскихъ пустынь. Одновременно съ этими авторитетными указаніями появлялось въ періодической печати множество сообщеній изъ губерній астраханской, саратовской, воронежской, харьковской, области донской и т. д., подтверждавшихъ яркими частными примѣрами существованіе этого зловѣщаго процесса. Сообщалось между прочимъ, что вслѣдствіе истребленія лѣсовъ за среднею и нижнею Волгой открылся просторъ для юго-восточныхъ вѣтровъ, несущихъ мелкій песокъ, который постепенно засыпаетъ рѣчки и отнимаетъ ежегодно у культуры тысячи десятинъ земли. Грозное значеніе такихъ явленій было подчеркнуто бѣдствіемъ 1891 г., вызвавшимъ тревогу въ обществѣ и чрезвычайныя мѣры правительства.

Вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько дождливыхъ лѣтъ быстро заставили почти всѣхъ забыть грозный вопросъ, выдвинутый въ книгахъ А. С. Ермолова и проф. Докучаева. Ихъ заключенія, казалось, были опровергнуты наглядным образомъ. Подмосковные дачники ходили съ зонтиками и промачивали обувь въ лужахъ,—какое же тутъ высыханіе почвы. Но успокоиться можно было только по недоразумѣнію. Вѣдь дѣло шло не о такомъ простомъ переворотѣ, который можетъ закончиться въ нѣсколько лѣтъ, а о сложномъ процессѣ, продолжающемся многія десятилѣтія, причемъ частныя остановки и возвращенія назадъ не измѣняютъ его общаго направленія и рокового исхода.

Нынѣшнее лѣто опять напомнило печальную дѣйствительность.

Хотя такого бѣдствія, какъ въ 1891 г., пока не предвидится, но характеръ лѣта въ средней Россіи—чисто туркестанскій. А главное, становится очевиднымъ, что процессъ измѣненія почвы подвинулся впередъ. Одна изъ мѣстностей, гдѣ я былъ (звенигородскаго уѣзда), всегда отличалась своею сыростью и обиліемъ болотъ,—теперь отъ нихъ не осталось и слѣда; а между тѣмъ никакой мѣстной и случайной причины для такой перемѣны не было,—никакихъ значительныхъ порубокъ лѣса по сосѣдству и никакого искусственнаго осушенія болотъ не производилось,—а характеръ почвы измѣнился. То же самое пришлось наблюдать и въ бронницкомъ и въ московскомъ уѣздахъ, а по сообщеніямъ въ печати видно, что московская губернія не составляетъ тутъ никакого исключенія.

Припомнилось мнѣ и прочитанное этою весною въ „Новомъ Времени“ указаніе, что обнаруженная по всенародной переписи прибыль населенія падаетъ главнымъ образомъ на окраины и на города, а въ средней Россіи прибыль сравнительно незначительна, въ нѣкоторыхъ же губерніяхъ оказалась даже убыль сельскаго населенія. Звенигородскій обыватель, съ которымъ я бесѣдовалъ, угрюмо замѣтилъ: „понятное дѣло! Жрать нечего, и уходятъ“.

Погулявши по прежнимъ болотамъ, какъ по суху, мы проходили мимо небольшого зданія спеціальной наружности—хлѣбный магазинъ. И тутъ я узналъ кое-что новое и поучительное. За послѣдніе годы обычаемъ установился слѣдующій способъ пользованія этимъ учрежденіемъ. Всѣ хозяева обязаны каждый годъ (не голодный, разумѣется) всыпать въ магазинъ по одной мѣрѣ зерна—мѣрѣ *доброй*, т.-е. „горо̀й“ сверхъ краевъ. По истеченіи года каждый получаетъ свою мѣру, но только обыкновенной величины, безъ этихъ прибавокъ, остающихся въ магазинѣ и составляющихъ въ совокупности для даннаго сельскаго общества около двадцати мѣръ. Это раздается на обсѣмененіе тѣмъ бѣднымъ хозяевамъ, которые почему-либо не могли ничего собрать со своего участка. — Что же, способъ хорошій, замѣтилъ я.— „Да, но нужно знать, подъ какимъ условіемъ дается помощь: черезъ годъ общественный должникъ обязанъ вернуть *втрое* большее количество зерна, т.-е. онъ получаетъ ссуду за *двѣсти* процентовъ годовыхъ. Мужики здѣсь — мерзавцы“!—заключилъ мой собесѣдникъ и кстати помянулъ нелегкимъ словомъ пресловутую нашу національную „общественность“ и „хоровое начало“.

А мнѣ вспомнились другіе мужики. Изъ той же средней Россіи пришли они на югъ, разжились честнымъ трудомъ, усердно занимались сверхъ того и божественными предметами, и вдругъ, услыхавши о предстоящей всенародной переписи, порѣшили, во избѣжаніе антихристовыхъ соблазновъ и для спасенія души, закопаться живымъ въ

землю,—что и исполнили въ количествѣ 25 душъ. Только одинъ, послѣдній, закапывавшій другихъ и долженствовавшій самъ утопиться, былъ накрытъ властями и подлежитъ уголовному суду.

Что „мерзавцы“ во всякомъ сословіи дѣлаютъ мерзости—это можетъ казаться естественнымъ; но почему же люди исключительной, героической силы духа дѣлаютъ у насъ мерзости несравненно худшія? Неужели между скотоподобіемъ и адскимъ изувѣрствомъ нѣтъ третьяго, истинно-человѣческаго пути для русскаго мужика? Неужели Россія обречена на нравственную засуху, какъ и на физическую?..

Владиміръ Соловьевъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 августа 1897.

Еще о новомъ законѣ 2-го іюня относительно продолжительности и распредѣленія рабочаго времени, и о дальнѣйшемъ развитіи этого закона.—Рѣчь г. товарища оберъ-прокурора св. синода, 26-го іюня.—Лѣтніе курсы для учащихъ въ ц.-приходскихъ школахъ. — Двухклассныя училища духовнаго вѣдомства и приготовленіе въ нихъ учителей для школъ того же вѣдомства. — Школьные огороды, поля и т. под. при этихъ школахъ, и ихъ дѣйствительное значеніе.—Вопросъ о распредѣленіи школьныхъ вакацій у насъ и за границей.

Въ предъидущей книгѣ журнала, за позднимъ временемъ, у насъ могло быть только упомянуто о новомъ законѣ 2-го іюня с. г., опредѣляющемъ „продолжительность и распредѣленіе рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности“, и при этомъ было указано лишь существенное содержаніе закона, нормирующаго отнынѣ рабочее время и для взрослыхъ, какъ днемъ ($11^1/_2$ час., а по субботамъ и въ канунъ большихъ праздниковъ — 10 час.), такъ и ночью (10 час.); въ законѣ перечисляются также и тѣ праздники (14 въ году), кромѣ воскресныхъ дней, когда работа вовсе не производится, и опредѣлены тѣ условія, при которыхъ могутъ быть допускаемы сверхсрочныя работы, и работы даже въ воскресные дни, взамѣнъ дней будничныхъ. Къ этому слѣдуетъ еще присовокупить и то, что для рабочихъ инославныхъ (христіанскихъ) вѣроисповѣданій разрѣшается не вносить въ росписаніе праздниковъ тѣ изъ указанныхъ (для однихъ православныхъ) праздниковъ, которые не чтутся ихъ церковью; для рабочихъ же не-христіанъ допускается внесеніе въ росписаніе праздниковъ другихъ дней недѣли, взамѣнъ воскресныхъ, сообразно закону ихъ вѣры; внесеніе же въ списокъ остальныхъ (православныхъ) праздниковъ для нихъ не обязательно. Новый законъ, такимъ образомъ, вообще завершаетъ то, что̀ уже было сдѣлано въ прежнее время—для дѣтей и женщинъ.

Этимъ же самымъ закономъ предоставлено подлежащимъ министрамъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, издавать „въ развитіе настоящаго узаконенія“ (2-го іюня 1897 г.), подробныя правила и инструкціи какъ о распредѣленіи рабочаго времени вообще, такъ и для отдѣльныхъ отраслей промышленности въ частности, а также о производствѣ, распредѣленіи и учетѣ сверхсрочныхъ работъ, съ правомъ допускать, когда то̀ будетъ признано необходимымъ, и отступленія отъ требованія настоящаго закона, или въ смыслѣ усиленія этихъ требованій. или—уменьшенія; наконецъ, имъ предоставлено еще

право—издавать правила о продолжительности работъ и распредѣленіи ихъ времени при производствахъ особенно вредныхъ для здоровья, съ правомъ уменьшенія установленнаго настоящимъ закономъ рабочаго времени. Все это будетъ дѣлаться по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; но правила для фабрично-заводскихъ заведеній, принадлежащихъ кабинету Е. И. В., Главному Управленію Удѣловъ, казнѣ или правительственнымъ установленіямъ, издаются подлежащими министрами, безъ соглашенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ; точно также техническія заведенія, состоящія въ вѣдѣніи военнаго и морского министерствъ, не подчинены закону 2-го іюня, и для нихъ имѣются особыя, дѣйствующія по этимъ вѣдомствамъ, положенія и правила.

Весьма понятно, что новый законъ долженъ былъ ограничиться, на первыхъ порахъ, однимъ самымъ общимъ опредѣленіемъ существенныхъ основаній регулируемаго имъ дѣла, притомъ столь же важнаго, сколько и сложнаго, а потому дальнѣйшее его развитіе предоставлено вести административнымъ путемъ; по собраніи разнообразныхъ указаній опыта въ этой области и по истеченіи извѣстнаго періода, можетъ оказаться возможнымъ пересмотрѣть вновь и самый законъ уже на основаніи опыта, съ тѣмъ, чтобы и дальнѣйшее его развитіе было установлено впослѣдствіи тѣмъ же законодательнымъ порядкомъ.

Весьма кстати, въ нынѣшней же книжкѣ нашего журнала (см. выше) Внутреннее Обозрѣніе всецѣло посвящено одному важному вопросу, общаго характера, о современномъ положеніи начальной народной школы, именно, въ *деревнѣ*, гдѣ начальная школа является альфой и омегой народнаго образованія. Статья написана лицомъ, стоявшимъ долгое время во главѣ училищнаго дѣла одного изъ уѣздовъ пензенской губерніи, а потому написана на основаніи его личнаго многолѣтняго опыта. Авторъ не могъ, при этомъ, не коснуться и отношенія церковно-приходскихъ школъ къ народному образованію; высказанныя имъ по этому предмету соображенія пріобрѣтаютъ теперь особенный интересъ, въ виду появившагося недавно въ печати („Москов. Вѣд.“, № 176, 29-го іюня) весьма замѣчательнаго и краснорѣчиваго слова, съ которымъ обратился 26-го іюня г. товарищъ оберъ-прокурора св. синода, В. К. Саблеръ, къ учителямъ и учительницамъ церковно-приходскихъ школъ; они были собраны на время отъ одного до двухъ мѣсяцевъ, въ С.-Петербургѣ, для выслушанія курсовъ, съ цѣлью „пріобрѣсти новыя полезныя для нихъ свѣдѣнія, расширить кругъ необходимыхъ для нихъ теоретическихъ и практическихъ знаній, ознакомиться съ лучшими способами преподаванія, и въ общемъ трудѣ

почерпнуть новыя силы для своей преподавательской дѣятельности". Изъ той же рѣчи видно, что св. синодъ постановилъ открыть такіе же курсы еще въ Москвѣ, Курскѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Казани и Перми; это — только для учителей „двухклассныхъ" школъ духовнаго вѣдомства, и сверхъ того, 30 курсовъ для учителей школъ „одноклассныхъ" того же вѣдомства — „событіе, какъ справедливо выражается г. товарищъ оберъ-прокурора св. синода, — небывалое въ исторіи русской начальной школы", — конечно, при этомъ слѣдуетъ разумѣть только школы духовнаго вѣдомства, такъ какъ собранія учащихъ для той же цѣли, о какой упоминается выше, давно уже практикуются учащими въ начальныхъ училищахъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, а къ числу такихъ училищъ принадлежатъ, главнымъ образомъ, земскія школы [1]). Но это, конечно, нисколько не ослабляетъ важности устройства св. синодомъ такихъ же собраній учащихъ въ церковно-приходскихъ школахъ. Напротивъ, мы видимъ въ этомъ новое подтвержденіе тому, что у насъ высказывалось не разъ, а именно, что антагонизмъ, проявляющійся въ періодической печати между народными школами духовнаго вѣдомства и свѣтскаго, т.-е. министерства народнаго просвѣщенія и училищныхъ совѣтовъ, не имѣетъ для себя никакого основанія въ дѣйствительности, а внѣ періодической печати, — въ одной, напримѣръ, „боевой" брошюрѣ свящ. І. Фуделя [2]),—по нашему мнѣніе, совершенно вѣрно выражено то впечатлѣніе, какое производитъ вся эта борьба на посторонняго наблюдателя: „для каждаго наблюдателя ясно одно — *происходитъ борьба изъ-за обладанія чѣмъ-то* (курсивъ автора). И въ этой борьбѣ вся сущность современнаго школьнаго вопроса. Что лучше:

[1]) Такъ и въ нынѣшнемъ году, въ вакаціонное время, во многихъ губерніяхъ собирались земскіе учащіе, съ такою же цѣлью. Намъ встрѣтилось въ газетахъ упоминаніе объ учительскихъ курсахъ въ Курскѣ, куда явилось болѣе 100 лицъ; такіе же курсы были открыты директоромъ народн. училищъ, г. Ильченко, на одинъ мѣсяцъ, въ Тамбовѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго педагога Н. Ф. Бунакова, автора „Школьнаго дѣла". О послѣднихъ курсахъ въ газетахъ сообщается одно странное извѣстіе, будто бы доступъ на эти курсы не-педагогамъ былъ до такой степени затрудненъ, что туда не былъ допущенъ наблюдателемъ курсовъ (г-мъ Ильченко?) даже самъ иниціаторъ этихъ курсовъ, б. тамбовскій городской голова, Д. И. Тимоѳеевъ (канд. университета), и даже не хотѣли сначала допустить и члена уѣздной земской управы, г. Никитина!

[2]) „Народное образованіе и школа". Свящ. І. Фуделя. Москва 97, стр. 80. Въ жару полемики, почтенный авторъ дошелъ до того, что, соглашаясь съ тѣмъ, что и въ земской школѣ обученіе можетъ идти „такъ же хорошо, какъ въ любой образцовой церковно-приходской школѣ",—онъ „даже можетъ себѣ представить, что число *подобныхъ* земскихъ школъ можетъ быть очень значительно,—и все-таки эти факты ровно ничего не доказываютъ". Но то, что и факты ничего кому-нибудь не доказываютъ—доказываетъ однако, что въ борьбѣ можно доходить и до ослѣпленія.

школа земская или церковная? какая школа желательнѣй? кто долженъ быть *хозяиномъ* въ школѣ? Вотъ, повидимому, смыслъ всей школьной борьбы". Авторъ не отказываетъ въ нѣкоторой справедливости такого взгляда на борьбу между двумя хозяевами школъ, а мы, съ своей стороны, можемъ прибавить только одно, что со стороны земства никогда не обнаруживалось ни малѣйшаго покушенія на хозяйничанье въ другихъ школахъ.

Изъ вышеуказаннаго примѣра и изъ многихъ другихъ обстоятельствъ дѣла, о которыхъ упомянемъ ниже, мы видимъ теперь, что духовное вѣдомство, само не считая себя удовлетвореннымъ современнымъ положеніемъ обученія въ собственныхъ народныхъ школахъ, стремится къ тому, чтобы поставить ихъ на ту же высоту, какой, во многихъ отношеніяхъ, школы вѣдомства училищныхъ совѣтовъ, слѣдовательно и земскія, давно уже достигли, или усиленно стараются достигнуть. Въ земскихъ школахъ давно признано аксіомою, что школу дѣлаетъ истинной школой—учитель, а потому земства давно были озабочены не однимъ открытіемъ школъ, но и подготовкою для нихъ главнаго дѣйствующаго лица—учащаго. Свѣтскіе училищные совѣты, а равно и земства, никогда не находились только въ такомъ выгодномъ положеніи, для удовлетворенія ими нуждъ начальнаго образованія народа, въ какое поставлены нынѣ церковные училищные совѣты духовнаго вѣдомства, на что, впрочемъ, указывается и въ рѣчи г. товарища оберъ-прокурора св. синода: обильныя средства для того были получены духовнымъ вѣдомствомъ изъ государственнаго казначейства, безъ обремененія его собственной кассы. Имѣя нынѣ такія богатыя средства, духовное вѣдомство такъ же, какъ и земства, вступило на путь подготовленія хорошаго состава учащихъ для своихъ школъ.

Такая забота сдѣлалась тѣмъ необходимѣе, что духовное вѣдомство,—какъ то прекрасно выражено г. товарищемъ об.-прокурора св. синода въ его рѣчи,—и въ отношеніи главной задачи церковно-приходской школы, можно думать, стало на ту же самую точку зрѣнія, на которой всегда стояло земство, и такъ же выдвинуло впередъ „воспитательное" значеніе школы вообще и народной—въ особенности.

„Начало,—говоритъ онъ,—положенное въ основу программъ церковныхъ школъ, заключается въ томъ, что школы эти призваны не только учить дѣтей, сообщая имъ начальныя познанія, но и *воспитывать* ихъ въ духѣ Святой Церкви; что дѣти, слѣдовательно, должны изучать въ церковной школѣ предметы начальнаго образованія и утверждаться въ добромъ христіанскомъ настроеніи. А потому забота учителя должна быть направлена какъ на образованіе ума, такъ и на развитіе сердца и на укрѣпленіе воли ребенка; не расчленять ребенка и вліять исключительно на одну изъ сторонъ его бытія, а воз-

дѣйствовать на него во всей полнотѣ его умственныхъ, духовныхъ и физическихъ силъ—таково должно быть отношеніе къ нему школы. Подготовляя будущихъ учителей, вы, конечно,—сказалъ онъ, обращаясь къ учащимъ въ ц.-приход. школахъ,—ознакомите ихъ съ лучшими способами обученія грамотѣ, научите счисленію, пройдете всѣ предметы, указанные грамотой, дадите ихъ уму ту сумму познаній, которая потребна для учителя грамоты. Но цѣли вашей вы не достигнете, если ваши ученики будутъ только умѣть разрѣшать ариѳметическія задачи и писать безъ грамматическихъ ошибокъ"...

Читая такое вполнѣ правильное опредѣленіе настоящей задачи народной школы, мы предполагаемъ, что и въ этомъ отношеніи духовное вѣдомство ставитъ въ будущемъ свои школы, предназначаемыя для народнаго образованія, на тотъ самый путь, какимъ съ самаго начала пошли народныя училища, подвѣдомственныя уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, а въ томъ числѣ и земскія. Въ основу программъ послѣднихъ также положено начало, которымъ признается, что народныя училища свѣтскаго вѣдомства, какъ и училища вѣдомства духовнаго, „призваны не только учить дѣтей, сообщая имъ начальныя познанія, но и воспитывать ихъ въ духѣ Святой Церкви"; особенно въ послѣднемъ отношеніи не можетъ быть никакого различія между народными школами свѣтскаго и духовнаго вѣдомства, такъ какъ и въ тѣхъ и въ другихъ, и въ земскихъ школахъ, и въ церковно-приходскихъ, преподаваніе Закона Божія одинаково и всецѣло находится въ рукахъ одного и того же духовнаго вѣдомства, внѣ всякаго вліянія, предусмотрѣннаго закономъ, со стороны свѣтскаго вѣдомства. Какъ въ школахъ духовнаго вѣдомства, такъ и свѣтскаго, цѣль школы одинаково не считается достигнутою, если „ученики будутъ только умѣть разрѣшать ариѳметическія задачи и писать безъ грамматическихъ ошибокъ": послѣднее, конечно, не излишне, но нигдѣ оно не должно считаться и не считается главною цѣлью,—особенно у насъ, гдѣ школѣ приходится не только воспитывать дѣтей, но иногда и перевоспитывать; семья въ этихъ слояхъ, откуда являются учащіеся, еще не подготовляетъ ихъ къ школѣ, какъ то встрѣчается въ иныхъ странахъ, гдѣ народныя школы существуютъ столѣтіями,—напротивъ, школѣ нерѣдко приходится прежде всего бороться съ грубыми привычками и навыками дѣтей, пріобрѣтенными ими въ той грубой и некультурной средѣ, изъ которой они вышли,—и терпѣливо, съ любовью къ дѣтямъ, искоренять въ нихъ дурныя привычки.

Такое единство началъ, положенныхъ отнынѣ въ основаніе школъ духовнаго вѣдомства, и всегда лежавшихъ въ основаніи школъ свѣтскаго вѣдомства, а съ другой стороны, одинаковость пониманія истинныхъ задачъ и цѣлей народной школы,—все это представляетъ еще

одно доказательство, что антагонизма между ними не должно и не можетъ быть. Если въ другомъ мѣстѣ почтенный ораторъ говоритъ, что „церковь, эта лучшая хранительница евангельскихъ и отеческихъ преданій, является и надежнѣйшимъ оплотомъ, сдерживающимъ разрушительное теченіе, направленное противъ историческихъ устоевъ русской земли“,—то мы никакъ не думаемъ, чтобы это могло подать поводъ къ заключенію, что, будто бы, по мнѣнію автора, только однѣ церковныя школы, какъ основываемыя церковью, по тому самому и могутъ быть терпимы; какъ мы выше уже указали, религіозное воспитаніе въ народныхъ школахъ, какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго вѣдомства, находится одинаково и всецѣло въ рукахъ той же самой церкви.

Исторія нашего народнаго начальнаго образованія—*начальнаго* въ высшемъ смыслѣ этого слова, какъ состоящаго не въ одномъ механическомъ искусствѣ читать, писать и считать, а въ насажденіи умственныхъ и нравственныхъ *началъ* въ подростающихъ поколѣніяхъ — можетъ быть высказана коротко: немного болѣе ста лѣтъ тому назадъ, свѣтское вѣдомство само начало устроивать народныя училища, и призвало съ 1785 г. къ этому же дѣлу общественныя силы и частную иниціативу, а до того времени, въ теченіе восьми вѣковъ, духовенство одно, какъ единственно образованное по тому времени, могло вести и вело дѣло народнаго образованія: впрочемъ, и участіе свѣтскаго вѣдомства въ этомъ дѣлѣ, въ послѣднее столѣтіе, ничѣмъ не ограничило его правъ на распространеніе народнаго образованія. И несмотря на то, г. товарищъ об.-прокурора св. синода въ своей рѣчи свидѣтельствуетъ, что послѣ восьми вѣковъ—„много *тысячъ* деревень и поселковъ необъятной нашей родины доселѣ не имѣютъ школъ. Откуда взять столько тысячъ учителей школъ грамоты, подготовленныхъ къ учительству и склонныхъ за *ничтожное* вознагражденіе посвятить себя *просвѣтительной* дѣятельности въ этихъ глухихъ, мало кому вѣдомыхъ деревняхъ? Составъ нынѣшнихъ учителей школъ грамоты (состоящихъ въ вѣдѣніи духовнаго вѣдомства) крайне неудовлетворителенъ. Случайно набранные, плохо или совершенно къ преподаванію не подготовленные, учителя эти, въ большинствѣ случаевъ, не могутъ вести съ успѣхомъ обученіе. Неудовлетворительность такого положенія дѣлъ всегда хорошо сознавалась училищнымъ совѣтомъ (духовнаго вѣдомства); но у него не было средствъ для устраненія этого недостатка въ учителяхъ“.

Нельзя болѣе вѣрно и авторитетно представить то печальное положеніе, въ какомъ находились, а отчасти и находятся, народныя школы духовнаго вѣдомства; въ печати также давно уже говорилось о томъ, но были и такіе органы, которые усматривали въ этомъ одинъ

антагонизмъ и умышленное искаженіе истины, а теперь оказывается, что въ печати было много и правды.

Самый вопросъ о необходимости достигнуть, и притомъ какъ можно скорѣе, всеобщей распространенности начальнаго народнаго образованія поставленъ г. товарищемъ об.-прокурора св. синода чрезвычайно ясно и вполнѣ правильно: въ эту минуту „много тысячъ деревень и поселковъ“ не имѣютъ школъ; чтобы удовлетворить ихъ настоятельной потребности въ народномъ образованіи, необходимо имѣть прежде столько же тысячъ учителей; для приготовленія ихъ въ такомъ громадномъ размѣрѣ необходимы соотвѣтственныя тому средства. Но вотъ и средства, наконецъ, явились: какъ мы видѣли, духовное вѣдомство получило на то широкое пособіе отъ государственнаго казначейства.

Предполагается теперь, и уже осуществляется отчасти, слѣдующій планъ для достиженія дѣйствительно превосходной цѣли — а именно, получить „много тысячъ“ учителей, и въ самомъ непродолжительномъ времени, для всеобщаго распространенія грамотности и начальнаго образованія. Устраиваются и, надобно думать, будутъ еще устраиваться „двухклассныя школы“ для приготовленія будущихъ учителей въ церковно-приходскихъ школахъ и въ школахъ грамоты духовнаго вѣдомства (впрочемъ, другихъ школъ грамоты, кажется, и не можетъ быть, даже въ вѣдомствѣ самого министерства народнаго просвѣщенія). Въ этихъ „двухклассныхъ“ школахъ приготовляются будущіе дѣятели въ области распространенія народнаго образованія нынѣшними учащими въ ц.-приходскихъ школахъ, которые для своего усовершенствованія, въ теченіе одного или двухъ мѣсяцевъ, и были нынѣ собраны на курсы въ восьми городахъ. Чѣмъ долженъ быть такой дѣятель въ области народнаго образованія—учитель въ народной школѣ? Мы уже видѣли, какой превосходный отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ г. товарищъ об.-прокурора св. синода, при своемъ обращеніи къ собравшимся въ іюнѣ мѣсяцѣ въ С.-Петербургѣ учителямъ и учительницамъ: „забота учителя должна быть направлена какъ на образованіе ума, такъ и на развитіе сердца, и на укрѣпленіе воли ребенка“; этого еще мало, — если „ученики будутъ только умѣть разрѣшать ариѳметическія задачи и писать безъ грамматическихъ ошибокъ“, и т. д. Когда всѣ эти прекрасныя мысли найдутъ себѣ осуществленіе, то нельзя будетъ не согласиться съ почтеннымъ ораторомъ, — какъ онъ говоритъ далѣе въ своей рѣчи,—а именно, что „благотворное *воспитательное* вліяніе школы на населеніе должно чрезъ двухклассныя школы широко распространяться по всѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ будутъ учить воспитанники этихъ школъ“.

Насъ останавливаетъ въ этомъ заключеніи только одно слово,

подчеркнутое нами: *воспитательное* вліяніе двухклассной школы на населеніе — со стороны ея питомцевъ, будущихъ наставниковъ. Мы позволимъ себѣ усомниться именно въ воспитательности такого вліянія, и въ этомъ отношеніи мы видимъ себя вынужденными раздѣлить опасенія автора вышеупомянутой нами статьи во Внутреннемъ Обозрѣніи. Изъ словъ г. товарища об.-прокурора видно,—что „въ эти школы должны поступать по окончаніи курса лучшіе ученики церковныхъ школъ сосѣдней мѣстности, а при имѣніи свободныхъ мѣстъ— и окончившіе курсъ въ начальныхъ училищахъ другихъ вѣдомствъ. Эти юноши, проходя, въ теченіе трехъ лѣтъ, курсъ двухклассной школы, не будучи оторваны отъ родной почвы, на лѣто будутъ возвращаться въ дома родителей, въ тѣ дома, въ которыхъ, быть можетъ, большинство ихъ будетъ проживать и впослѣдствіи, — зимою обучая дѣтей, а лѣтомъ вмѣстѣ съ семьею работая въ полѣ. Для школьныхъ нуждъ необъятной земледѣльческой Россіи такой типъ учителя-земледѣльца представляетъ много выгодъ. Есть надежда получить учителей достаточно подготовленныхъ къ учительству, могущихъ по условіямъ своего быта довольствоваться скромнымъ вознагражденіемъ, не бездомныхъ, а потому и болѣе обезпеченныхъ".

Въ двухклассныя школы духовнаго вѣдомства — своего рода, значитъ, учительскіе институты—поступаютъ окончившіе курсъ церковныхъ и иныхъ, напримѣръ земскихъ, школъ; но въ тѣхъ и въ другихъ оканчиваютъ курсъ въ огромномъ большинствѣ дѣти 11 или 12 лѣтъ, а иногда и 10—очень часто именно послѣднія бываютъ вмѣстѣ и самыя способныя; — курсъ продолжается три года; итакъ, ребенку будетъ какихъ-нибудь 14, много 15 или 16 лѣтъ, когда онъ будетъ уже признанъ способнымъ стать во главѣ школы грамотности и учить другихъ. Возможно ли это, особенно если припомнить вполнѣ вѣрное опредѣленіе значенія и цѣли, какую должна преслѣдовать народная школа, по словамъ г. товарища об.-прокурора; возможно ли отъ школы, съ учителемъ 14 или 15 лѣтъ, требовать чего-нибудь болѣе, кромѣ „умѣнья разрѣшать ариѳметическія задачи и писать безъ грамматическихъ ошибокъ"—и то, конечно, съ грѣхомъ пополамъ? Возможно ли наконецъ, при такомъ учителѣ, еще ребенкѣ, требовать отъ школы „воспитательнаго" вліянія не только на учащихся, но и еще на взрослое населеніе. Все это вполнѣ возможно,—скажутъ намъ,—и въ доказательство того приведутъ совершенно подобный опытъ, произведенный г-жею Штевенъ еще ранѣе, если не ошибаемся, еще въ концѣ 80-хъ годовъ. Дѣйствительно, въ нашемъ же журналѣ [1]), она сама дала описаніе устроенныхъ ею такихъ же учительскихъ курсовъ при Яблонской школѣ.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1895 г., августъ, стр. 441.

„Каждую весну и осень,—писала она,—въ Яблонской школѣ собиралось нѣсколько желающихъ учиться, бывшихъ или будущихъ учителей школъ грамотности и другихъ ребятъ-подростковъ, уже кончившихъ курсъ начальной школы... Предпринимая устройство лѣтнихъ занятій, я,—говоритъ г-жа Штевенъ, — во-первыхъ, желала познакомить учащихся съ нѣкоторыми примѣрами преподаванія, которые помогли бы имъ при учительствѣ въ школахъ, а во-вторыхъ, надѣялась двинуть умственное ихъ развитіе и дать имъ познанія и навыки, необходимые всякому человѣку... А кромѣ сообщенія извѣстныхъ навыковъ и извѣстныхъ познаній, всякое обученіе, и въ томъ числѣ начальное, должно стремиться еще и къ тому, чтобы вырабатывать въ ученикахъ извѣстное отношеніе къ общему и частному, къ міру и людямъ, къ Богу и ближнему. И этому-то должны способствовать уроки Закона Божія и чтеніе Евангелія". При этомъ г-жа Штевенъ руководилась мыслью, что „если мы будемъ ждать момента, когда будутъ устроены повсюду однѣ только правильно организованныя школы,—цѣлыя поколѣнія выростутъ, возмужаютъ и умрутъ, не знавши, что̀ такое ученіе". Въ какихъ-нибудь три года ей удалось открыть до 30 школъ, и она думала довести это число до ста. Но всѣ эти школы, гдѣ обучали грамотѣ подготовленные ею бывшіе ученики начальной школы, находились подъ ея бдительнымъ надзоромъ и постояннымъ руководствомъ, а потому мы хорошо понимаемъ, что, съ размноженіемъ этихъ школъ, она уже немногими изъ нихъ оставалась довольна, такъ какъ, посвящая все свое время, безъ остатка, заботамъ о школахъ, и она, при большомъ числѣ школъ, не имѣла уже возможности лично слѣдить за ними.

Въ школахъ духовнаго вѣдомства руководство ими должно принадлежать, естественно, приходскому священнику. Еще возможно предположить, что, какъ бы требы ни отнимали много у него времени, но все-же школа, находящаяся въ самомъ приходѣ, можетъ пользоваться, въ той или другой степени, его личнымъ вліяніемъ и надзоромъ; но какъ возможно предположить то же самое относительно многочисленныхъ школъ, разсѣянныхъ по всему приходу, и гдѣ, притомъ, обученіе ввѣрено учителямъ, которые и сами еще не совсѣмъ вышли изъ дѣтства? На это-то обстоятельство и обращаетъ особенное вниманіе авторъ упомянутой нами статьи, помѣщенной выше, во Внутреннемъ Обозрѣніи. Во всякомъ случаѣ, въ виду того правильнаго опредѣленія, какое далъ въ своей рѣчи г. товарищъ об.-прокурора св. синода значенію народной школы и главной ея цѣли — воспитательной, а также принимая въ соображеніе и то обстоятельство, что народная школа въ деревнѣ есть и начало, и конецъ образованія,—новые учителя, сами почти дѣти, безъ непрерывнаго руководства и

контроля, который физически невозможенъ для приходскаго священника, при его другихъ, не менѣе важныхъ обязанностяхъ пастыря церкви,—едва ли могутъ имѣть „благотворное воспитательное вліяніе“ не только на населеніе, но и на самихъ учащихся,—какъ то ожидается по словамъ рѣчи.

Но если педагогическое значеніе двухклассныхъ училищъ духовнаго вѣдомства можетъ вызывать нѣкоторое сомнѣніе, то, съ другой стороны, эти училища могутъ оказать несомнѣнную услугу въ другомъ отношеніи, не обратившемъ на себя вниманія. Программа начальныхъ народныхъ училищъ вообще такъ ограничена, а для деревни народная школа, какъ мы сказали, есть и начало, и конецъ народнаго образованія,—что устройство, сверхъ начальныхъ одноклассныхъ съ трехлѣтнимъ курсомъ училищъ, еще двухклассныхъ, и также съ трехлѣтнимъ курсомъ, можно разсматривать, какъ средство для лучшихъ и способнѣйшихъ учениковъ изъ народа усовершенствоваться и получить болѣе полное народное образованіе. Въ такомъ случаѣ примѣръ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ заслуживалъ бы подражанія и со стороны уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, но они стѣснены, во-первыхъ, тѣмъ, что въ „Положеніи о начальныхъ училищахъ 1874 г.“, на основаніи котораго они дѣйствуютъ, такія двухклассныя училища съ новымъ трехлѣтнимъ курсомъ не упомянуты, а во-вторыхъ, уѣздные училищные совѣты встрѣтили бы себѣ также и то препятствіе, которое до сихъ поръ служило препятствіемъ и для епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ: они не получаютъ тѣхъ средствъ отъ государственнаго казначейства, какія нынѣ получили епархіальные училищные совѣты, а потому и осуждены на бездѣйствіе, хотя законъ и возлагаетъ на нихъ обязанность заботиться о распространеніи народнаго образованія.

Въ двухклассныхъ школахъ духовнаго вѣдомства предполагается, сообразно съ различными мѣстными условіями, устраивать огороды, плодовые сады, школьныя поля и т. п. При этомъ высказывается въ рѣчи мысль о томъ, что „примѣненіе улучшенныхъ системъ воздѣлыванія земли можетъ увеличить средства содержанія школы и *послужить образцомъ для сосѣднихъ крестьянъ*“. Прежде всего, намъ представляется все это несогласнымъ и съ существомъ дѣла, и съ тѣмъ, что высказывается въ этой же самой рѣчи объ особыхъ преимуществахъ такихъ школъ: „эти юноши (ученики двухклассныхъ школъ), проходя въ теченіе трехъ лѣтъ курсъ двухклассной школы, не будутъ оторваны отъ родной почвы, *на лѣто будутъ возвращаться въ дома родителей*, въ тѣ дома, въ которыхъ, быть можетъ, большин-

ство ихъ будетъ проживать и впослѣдствіи, зимою обучая дѣтей, а *лѣтомъ, вмѣстѣ съ семьею, работая въ полѣ*". Естественно, поэтому, спросить: какимъ же образомъ ученики двухклассныхъ школъ будутъ заниматься лѣтомъ на школьномъ огородѣ и на школьныхъ поляхъ, когда предполагается на лѣто распускать ихъ по деревнямъ для полевыхъ работъ съ семьею? А между тѣмъ, огородныя, полевыя и т. под. работы и возможны только лѣтомъ. Можетъ быть, предполагаются не практическія занятія сельскимъ хозяйствомъ, а теоретическое распространеніе познаній изъ сферы сельскаго хозяйства; но едва ли такая форма обученія доступна учащимся въ начальныхъ училищахъ, при ихъ малолѣтнемъ возрастѣ, а съ другой стороны, хорошее общее обученіе требуетъ столько времени для развитія ума и сердца дѣтей, а время такъ мало (учебный годъ едва ли равняется гражданскому полугоду), что поставить начальной школѣ двѣ цѣли значило бы привести ее только къ тому, что, можетъ быть, ни одна изъ этихъ цѣлей не будетъ достигнута, какъ то слѣдовало бы. Одна польза никогда не должна служить оправданіемъ для отвлеченія начальной народной школы отъ ея прямой и великой задачи — образовать въ человѣкѣ „человѣка"; спрашивается,—почему не ввести въ число предметовъ преподаванія народнаго училища также и медицинскія свѣдѣнія, на томъ основаніи, что такія свѣдѣнія весьма полезны, особенно въ нашей деревнѣ, страдающей, какъ извѣстно, отсутствіемъ медицинской помощи и правильныхъ понятій о гигіенѣ? Мы не знаемъ, гдѣ можно было бы остановиться, расширяя подобнымъ образомъ программы народныхъ школъ, во имя пользы тѣхъ или другихъ свѣдѣній; но зато мы увѣрены, что *такое* расширеніе программы народной школы подавитъ собою ея образовательное и воспитательное значеніе. Земледѣліе едва ли много выиграетъ отъ 12-ти и даже 14-ти-лѣтнихъ агрономовъ, а народная школа, отвлеченная отъ своей прямой задачи, потеряетъ весьма много.

Намъ случилось въ одной изъ петербургскихъ газетъ прочесть извѣстіе, пока никѣмъ не опровергнутое, а именно, что „въ министерствѣ народнаго просвѣщенія возбужденъ въ настоящее время, какъ намъ передаютъ, вопросъ объ *обязательномъ прекращеніи учебныхъ занятій и экзаменовъ* во всѣхъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства къ 1 мая и о началѣ занятій не ранѣе 1-го сентября".

Мы не считаемъ даже сколько-нибудь правдоподобнымъ, чтобы рѣшеніе подобнаго вопроса могло состояться въ утвердительномъ смыслѣ, такъ какъ ежегодныя четырехмѣсячныя вакаціи, сверхъ зим-

нихъ и пасхальныхъ, были бы уже не вакаціями, а такимъ перерывомъ въ школьной жизни,—особенно въ низшихъ школахъ,—который не могъ бы не повліять невыгодно на самое дѣло обученія и воспитанія учащихся. Тѣмъ не менѣе, однако, пересмотръ вопроса о распредѣленіи нашего вакаціоннаго времени въ теченіе учебнаго года, согласно, съ требованіями какъ педагогіи, такъ и гигіены, вовсе нельзя назвать празднымъ, ибо и настоящее рѣшеніе этого вопроса на практикѣ едва ли можетъ быть названо у насъ раціональнымъ, особенно если сравнить его съ распредѣленіемъ вакацій, напримѣръ, въ сосѣдней съ нами Германіи. Главный принципъ школьныхъ вакацій вездѣ долженъ состоять не въ томъ, чтобы вакаціи были продолжительны, такъ какъ при продолжительности вакацій должно предполагать и продолжительность школьныхъ работъ: вакаціи, въ смыслѣ отдыха, должны быть *часты*, при чемъ естественно сокращаются и періоды сплошного ученія. Это и весьма естественно: пѣшеходъ всегда предпочтетъ нѣсколько разъ понемногу отдохнуть въ теченіе дня, нежели идти весь день безъ отдыха, чтобы потомъ дольше отдыхать. Не углубляясь въ сущность этого вопроса, представимъ теперь пока программу вакацій въ германскихъ школахъ, какъ она практикуется въ настоящее время. Напримѣръ, въ гимназіяхъ г. Берлина лѣтнія вакаціи продолжаются всего 5 недѣль (отъ 3 іюля до 10 августа); но кромѣ этихъ, такъ называемыхъ, Grosse или Hundstagsferien, осенью (съ 25 сентября по 6 октября) дѣлаются малыя вакаціи — Michaelis-Ferien; наконецъ, на Пасхѣ и Рождествѣ, по 12 дней, свободныхъ отъ занятій, и 5 дней—на праздникъ Троицы. При этомъ, въ теченіе года, кромѣ, конечно, воскресныхъ дней, оставлены свободными отъ занятій еще: Вознесеніе, праздникъ реформаціи, день рожденія императора и прусскій Busstag. Само собою разумѣется, что въ южныхъ католическихъ государствахъ Германіи число праздниковъ больше (около 15), и время лѣтнихъ вакацій не одного размѣра съ сѣверомъ: такъ, наприм., въ Гейдельбергѣ лѣтнія вакаціи продолжаются долѣе, чѣмъ въ Берлинѣ, а именно, съ конца іюля до половины сентября, но зато тамъ нѣтъ Michaelis-Ferien. Едва ли и у насъ также возможны одинаковые сроки лѣтнихъ вакацій на всемъ пространствѣ Россіи, безъ различія между сѣверною, среднею и южною полосою.

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Спб. Общества „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ".

Общество „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ" при основаніи своемъ поставило себѣ задачею устраивать народныя чтенія и доставлять нуждающимся возможность читать, безъ всякой съ ихъ стороны затраты, книги, журналы и газеты.

Общество полагало, что удовлетвореніе потребности въ чтеніи есть одна изъ самыхъ главныхъ и серьезныхъ обязанностей, лежащихъ на интеллигенціи. Рецидивъ безграмотности, встрѣчающійся и по настоящее время, ясно показываетъ, какъ мало еще сдѣлано въ этомъ отношеніи.

Вслѣдствіе этого, Правленіе Общества обратило особое вниманіе на организацію и развитіе безплатныхъ библіотекъ въ мѣстностяхъ, всего болѣе нуждающихся въ чтеніи.

Частые запросы со стороны частныхъ лицъ и учрежденій побудили Правленіе пойти на встрѣчу отдѣльнымъ попыткамъ и, выдѣливъ изъ своей среды особый органъ—„библіотечную коммиссію, возложить на него обязанность, помимо организаціи библіотекъ Общества, оказывать, по мѣрѣ возможности, содѣйствіе и частнымъ начинаніямъ.

Настоящимъ заявленіемъ Правленіе Общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что библіотечная коммиссія принимаетъ на себя устройство народныхъ библіотекъ, закупку и разсылку книгъ въ провинцію по выработанному ею каталогу, приходитъ на помощь совѣтомъ по устройству библіотекъ и вообще содѣйствуетъ всѣмъ начинаніямъ этого рода.

Библіотечная коммиссія въ теченіе минувшаго года устроила двѣ безплатныя библіотеки и подготовила къ открытію еще двѣ. Недостатокъ матеріальныхъ средствъ не далъ возможности расширить кругъ дѣятельности коммиссіи, но Правленіе Общества „Помощь въ чтеніи" полагаетъ, что интеллигентное общество придетъ на помощь народному образованію и поддержитъ безплатныя библіотеки своимъ содѣйствіемъ.

Пожертвованія на существующія библіотеки и вновь открываемыя, а также средства (отъ 250 руб.) для устройства библіотекъ частныхъ

лицъ и учрежденій принимаются въ Правленіи (С.-Петербургъ, Фонтанка, № 18, кв. 18), съ обозначеніемъ „въ библіотечную коммиссію“; справки же и совѣты по дѣламъ библіотекъ даются предсѣдателемъ коммиссіи (М. Д. Орѣховъ, Екатерингофскій пр., № 31, кв. 21) письменно или—по вторникамъ и субботамъ, отъ 6 до 8 ч. вечера—лично, и секретаремъ коммиссіи (д-ръ Мандельбергъ, В. Е., Садовая, № 88, кв. 15), по понедѣльникамъ и четвергамъ, отъ 4 до 6 час. вечера.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

ІЮЛЬ — АВГУСТЪ 1897.

Книга седьмая. — Іюль.

стр.

Ярлъ Гаконъ.—Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Адама Эленшлегера. — Перев. съ датскаго АННЫ ГАНЗЕНЪ 5

Московскій университетъ. Страница изъ исторіи русскихъ университетовъ за послѣднія 50 лѣтъ.—Окончаніе.—А. Л—КАГО. 58

Изъ переписки гр. А. К. Толстого.—1851-1875 гг.—Окончаніе 93

Баловень счастья.—Повѣсть.—К. ГОЛОВИНА 128

Наши сосѣди за Памирами—Л. Б—ЧА. 161

Гласъ народа. — „Vox populi". Roman von Konrad Telman. — Съ нѣмецкаго. А. Б—г 194

Финляндскій сеймъ и его труды.—П. Д. 240

Изъ Ады Негри.—I-IV.—А. КОЛТОНОВСКАГО 263

Начало пятидесятыхъ годовъ.—Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова. Книга одиннадцатая.—Т. 267

Изъ Жюля Экара.—I-IV.—О. МИХАЙЛОВОЙ 314

Экономическія замѣтки.—Сельско-хозяйственный кризисъ и дворянское землевладѣніе.—Л. З. СЛОНИМСКАГО 318

Бабиды.—Персидская секта.—Очеркъ.—ГЕОРГІЯ БАТЮШКОВА 334

Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Рожденіе Е. И. В. Великой Княжны Татьяны Николаевны.—Новыя льготы заемщикамъ Дворянскаго Банка.—Одна изъ „дворянскихъ программъ".—Еще о „Дворянскомъ Отдѣлѣ".—Дворянство и земство.—Б. Н. Чичеринъ и „охранительная" печать.—Вопросъ о виленскомъ генералъ-губернаторствѣ.—Законопроектъ о надзорѣ за промышленными заведеніями.—Законъ о рабочемъ времени. 357

Иностранное Обозрѣніе.—Юбилей королевы Викторіи и его политическое значеніе.—Постепенный ростъ демократіи и усиленіе монархическихъ чувствъ въ Англіи въ истекшее шестидесятилѣтіе.—Главные итоги царствованія.—Министерскія перемѣны въ Германіи.—Сѣверо-американская политика. 379

Литературное Обозрѣніе.—Минскій, При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. Изданіе второе.—Л. С.—Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. — Главныя теченія русской исторической мысли, П. Милюкова.—Очерки русской исторіи и русской литературы, кн. Сергѣя Волконскаго. Второе изданіе.—В. Ѳ. Миллеръ, Очерки русской народной словесности. — А. И. — Новыя книги и брошюры 390

Новости Иностранной Литературы.—I. Charbonnel, Congrès universel des religions en 1900. — II. Les Mystiques dans la littérature présente. — III. Rostand, La Samaritaine. — З. В. 411

Изъ Общественной Хроники. — Двадцатилѣтіе городскихъ училищъ въ Петербургѣ.—Общество взаимопомощи учащихъ и учившихъ.—Памятникъ Мицкевичу въ Варшавѣ.—Пушкинъ и Катковъ.—Письма К. Н. Леонтьева и И. С. Аксакова.—„Московскія Вѣдомости" о пріостановкѣ „Руси".—Еще нѣсколько словъ о передачѣ періодическихъ изданій.—Адвокатура въ не-судебныхъ учрежденіяхъ.—Письмо въ Редакцію (по поводу воспоминаній Н. А. Бѣлоголоваго о А. В. Поджіо). 426

Библіографическій Листокъ.—А. Ѳ. Кони. Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Біографическій очеркъ. Съ портретомъ. Спб., 1897.—Н. Водовозовъ. Экономическіе этюды. Съ портретомъ автора. Изданіе М. И. Водовозовой. Москва, 1897.—К. Ѳ. Одарченко. Нравственныя и правовыя основы русскаго народнаго хозяйства. Москва, 1897.—Суевѣріе и уголовное право. А. Левенстима. (Юридическая библіотека, № 15). Изд. Я. Канторовича. Спб. 1897. — Правители и мыслители. Біографическіе очерки Ѳ. Литвиновой. Съ 16 портретами. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1897.

Объявленія. — I-XVI стр.

Книга восьмая. — Августъ. стр.

Ярлъ Гаконъ.—Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, Адама Эленшлегера.—Окончаніе. Перев. съ датскаго.—АННЫ ГАНЗЕНЪ 445
Англійская деревня.—Впечатлѣнія и замѣтки.—С. Р—р—а. 509
Баловень счастья.—Повѣсть.—Окончаніе.—К. ГОЛОВИНА. 537
Женскіе медицинскіе колледжи въ Англіи и С. Америкѣ.—Изъ поѣздки зимою 1895—1896 г.—О. Л. 574
Милый дѣдушка.—Разсказъ.—А. А. ВИНИЦКОЙ 599
Странствія Мальдуна.—Ирландская легенда Альфреда Теннисона.—К. БАЛЬМОНТА 634
Петръ Великій въ народномъ преданіи.—Петръ какъ антихристъ у раскольниковъ.—Поэтическая молитва о немъ.—Пѣсни и сказки.—А. Н. ПЫПИНА. 640
Развитая любовь.—Изъ Верлена.—Н. Г. 691
Производительныя ассоціаціи въ Сѣверной Америкѣ.—П. А. ТВЕРСКОГО . . 692
Гласъ народа. — „Vox populi". Roman von Konrad Telman. — XI — XX. — А. Б—г—. 712
Карлъ Марксъ въ русской литературѣ.—I.—Л. З. СЛОНИМСКАГО 765
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе.—Народная школа въ деревнѣ. — Кн. Д. ДРУЦКОГО-СОКОЛЬНИНСКАГО 780
Иностранное Обозрѣніе.—Мирные переговоры въ Константинополѣ.—Восточная политика державъ и турецкія дѣла. — Политическій кризисъ въ Австріи и роль графа Бадени.—Парламентскія рѣшенія въ Пруссіи и дипломатія фонъ-Микеля. — Пріѣздъ президента Фора въ Россію и современное положеніе Франціи 802
Литературное Обозрѣніе.—А. С. Хомяковъ, его жизнь и сочиненія, Валерія Лясковскаго.—„Признвъ", сборникъ, изд. Гарина-Виндинга.—Русскія народныя сказки А. Н. Аѳанасьева, съ біографическимъ очеркомъ и пр., А. Грузинскаго. — Н. Никифоровскій, Очерки простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи; Простонародныя примѣты и повѣрья и пр. въ Витебской Бѣлоруссіи.—А. П. Новыя книги и брошюры . . . 815
Новости Иностранной Литературы.—I. Des Granges, Geoffroy et la critique dramatique sous le Consulat et l'Empire. — II. Fleury, Introduction à la médecine de l'esprit.—III. Jules Bois, L'Eve Nouvelle.—З. В.—IV. Brockhaus, Conversations-Lexicon. 14-te Auflage. — S. W. 831
Изъ московской губерніи.—Письмо въ редакцію.—ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА. 850
Изъ Общественной Хроники. — Еще о новомъ законѣ 2-го іюня относительно продолжительности и распредѣленія рабочаго времени и о дальнѣйшемъ развитіи этого закона. — Рѣчь г. товарища оберъ-прокурора св. синода 26-го іюня.—Лѣтніе курсы для учащихъ въ ц.-приходскихъ школахъ. — Двухклассныя училища духовнаго вѣдомства и приготовленіе въ нихъ учителей для школъ того же вѣдомства.—Школьные огороды, поля и т. под. при этихъ школахъ и ихъ дѣйствительное значеніе. — Вопросъ о распредѣленіи школьныхъ вакацій у насъ и за границей 853
Извѣщеніе.—Отъ Спб. Общества „Помощь въ чтеніи больнымъ и бѣднымъ". . 865
Библіографическій Листокъ. — Ник. Карышевъ. Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ (Образовательная библіотека, изданіе О. Н. Поповой, № 4 и 5).—В. Короленко. Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. Изданіе третье.—Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ учрежденій. 1814—1896. Написалъ Ш. Сеньобосъ, лекторъ парижскаго университета. Ч. I. Переводъ съ французскаго.
Объявленія.—I-XVI стр.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Ник. Карышевъ. Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ. (Образовательная библіотека, изд. О. Н. Поповой, № 4 и 5). Спб., 1897. Стр. VIII+600.

Сочиненіе г. Карышева представляетъ собою часть курса политической экономіи, читаннаго авторомъ съ 1882 года, и содержитъ въ себѣ множество свѣдѣній, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, относительно общихъ условій промышленной жизни и дѣятельности. Въ своей интересной работѣ авторъ исходитъ изъ той совершенно справедливой точки зрѣнія, что „изучать теоретическую экономію полезно рядомъ съ изученіемъ хозяйственной жизни разныхъ странъ и преимущественно Россіи: такъ легче провѣрять дедуктивныя положенія теоріи, изслѣдовать практическія ихъ примѣненія и вмѣстѣ изучать ту обстановку, среди которой протекаетъ хозяйственная дѣятельность людей". Книга состоитъ изъ шести главъ: первыя четыре посвящены разсмотрѣнію особенностей и условій производительнаго труда въ народномъ хозяйствѣ; въ пятой главѣ излагается вкратцѣ исторія отмѣны крѣпостного права въ западной Европѣ и въ Россіи, а въ шестой говорится о формахъ владѣнія и пользованія землей, въ томъ числѣ о крестьянской общинѣ.

Владиміръ Короленко. Въ голодный годъ. Наблюденія, размышленія и замѣтки. Изданіе третье. Спб., 1897. Стр. 362. Ц. 1 р.

Талантливые очерки В. Г. Короленко обратили на себя вниманіе въ свое время, какъ живая хроника народныхъ бѣдствій въ одномъ изъ уѣздовъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ голода 1892 года. Послѣдствія неурожая крайне усложнялись и запутывались обычными проявленіями умственной тьмы, въ которую погружено большинство нашего крестьянства; съ другой стороны, къ простому дѣлу человѣчности примѣшивались своеобразные мотивы сословной розни, искусственно насаждаемой и поддерживаемой нѣкоторыми органами нашей печати. Эти печальныя особенности „голоднаго года" получили яркое выраженіе во многихъ фактахъ и сценахъ, записанныхъ авторомъ съ натуры. Оттого книжка пріобрѣтаетъ общій и широкій интересъ, давая пищу для размышленій и выводовъ, которыми полезно было бы руководствоваться въ обыкновенные урожайные и полу-урожайные годы. Появленіе очерковъ В. Г. Короленко въ третьемъ изданіи свидѣтельствуетъ о заслуженномъ успѣхѣ ихъ въ нашей читающей публикѣ.

Политическая исторія современной Европы. Эволюція партій и политическихъ учрежденій. 1814 — 1896. Написалъ Ш. Сеньобосъ, лекторъ парижскаго университета. Ч. I. Переводъ съ французскаго. Спб., 1897. Стр. VII+362. Ц. 2 р.

Книга Сеньобоса заключаетъ въ себѣ краткій обзоръ главнѣйшихъ историческихъ событій въ Европѣ съ 1814 года до послѣдняго времени; въ первой части, вышедшей нынѣ въ русскомъ переводѣ, изложена исторія внутренней политики отдѣльныхъ европейскихъ государствъ, распредѣленныхъ приблизительно „по порядку ихъ старшинства въ общественной жизни". Авторъ поставилъ себѣ цѣлью „сдѣлать понятнымъ(и) существенныя явленія политической жизни Европы въ XIX вѣкѣ, разъясняя внутренній строй народовъ, правительствъ и партій, тѣ политическіе вопросы, какіе возникали въ теченіе вѣка, и наконецъ (указать), какъ эти вопросы были разрѣшены". Однако книга не достигаетъ этой цѣли по двумъ причинамъ: во-первыхъ, вслѣдствіе чрезмѣрной краткости изложенія даже наиболѣе важныхъ событій, и во-вторыхъ, вслѣдствіе неясности въ обозначеніи дѣйствующихъ лицъ и въ характеристикѣ ихъ политической роли. Напр. все рабочее законодательство въ Англіи съ тридцатыхъ годовъ изложено на одной страничкѣ, причемъ упоминается о „филантропѣ Эшли", который „добился фабричнаго закона" (стр. 57); но кто былъ этотъ Эшли, принадлежавшій „даже къ консервативной партіи", и какъ онъ могъ добиться столь существенной реформы, имѣлъ ли онъ власть, былъ ли членомъ парламента и т. п.,— объ этомъ не сказано ни слова. Читатель долженъ будетъ обратиться за справками къ другимъ источникамъ, но нигдѣ не найдетъ свѣдѣній объ „Эшли", а если встрѣтитъ гдѣ-нибудь имя лорда Ashley, то не сразу догадается, что это и есть тотъ самый, о которомъ говорится мимоходомъ въ книгѣ Сеньобоса; далѣе, читатель не будетъ знать, что лордъ Ашлей и знаменитый филантропъ графъ Шефтсбёри—одно и то же лицо. Книга Сеньобоса даетъ много матеріала для такихъ недоумѣній; она постоянно ставитъ читателя въ необходимость обращаться къ справочнымъ книгамъ и потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ сама служить справочной книгой, какъ предполагалъ авторъ. Напр., упоминается о томъ, что по смерти Георга IV въ 1830 новый король Вильгельмъ IV сдѣлалъ то-то и то-то (стр. 34); но чѣмъ приходится Вильгельмъ своему предшественнику, былъ ли онъ его сыномъ, братомъ или племянникомъ,—остается для читателя неизвѣстнымъ. Англійскіе политическіе дѣятели называются въ книгѣ просто по фамиліямъ, безъ указанія именъ и титуловъ,—Пиль, Дерби, Россель и т. д.; переводчикъ пишетъ эти имена такъ, какъ они пишутся по-русски, не сообщая въ скобкахъ ихъ подлиннаго начертанія,—и пишетъ ихъ иногда невѣрно, напр. Розберри (вмѣсто Розбери—Rosebery). Эта странная манера не сообщать подлинныхъ именъ распространяется переводчикомъ и на самого автора переведенной книги: французская фамилія „Ш. Сеньобоса" скрыта почему-то отъ русскихъ читателей. Оффиціальное и научное положеніе автора опредѣляется словами: „лекторъ парижскаго университета"; но что значитъ этотъ титулъ и существуетъ ли онъ дѣйствительно во Франціи? Переводчику ничего не стоило бы сообщить, что имя автора—Ch. Seignobos, и что онъ самъ называетъ себя не „лекторомъ парижскаго университета", а „maître de conférences à la Faculté des lettres à Paris", что не одно и то же. Отъ подобныхъ книгъ и переводовъ нельзя ожидать особенной пользы для читателей.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ **1897** Г.

(Тридцать-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою. . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Принимается подписка на годъ, первое полугодіе и третью четверть 1897 г.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій просп., 20, у Полицейскаго моста (бывшій Мелье и К°), и Н. Фену и К°, Невскій просп., 42;—въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха; и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — *Иногородные* и *иностранные* — обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала. — Тамъ же принимаются

ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и жѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.